

IV Социологические
чтения
памяти

Валерия
Борисовича
ГОЛОФАСТА

СОЦИОЛОГИЯ

вчера
сегодня
завтра

ЭС

Издательство
ЭЙДОС

Санкт-Петербург
2011

УДК 316
ББК 60.5

Все материалы даны в авторской редакции.

Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Эйдос, 2011. — 857 с. Илл.

ISBN 978-5-904745-18-9

Настоящий сборник представляет материалы четвертых чтений «Социология вчера, сегодня, завтра», посвященных памяти **Валерия Борисовича Голофаства** (1941–2004). Кажется, чтения обрели «не общее выражение лица», свою устойчивую структуру и атмосферу. С одной стороны, сложилось определенное ядро участников, а, с другой стороны, чтения привлекают новых людей.

Специфическими чертами четвертых чтений стали: во-первых, участие в их работе студентов и аспирантов, причем, не только петербургских вузов; во-вторых, в структуре чтений появилась новая секция — «Ретроспектива» или «Что стоит взять в будущее из прошлого»; и, наконец, в-третьих, — наполнение каждой из секций позволило тематически структурировать их содержание.

Смеем надеяться, что содержание материалов этого сборника, с одной стороны, в значительной мере репрезентирует состояние современной социологической науки, а с другой дает возможность понять, где есть реальные «прорывы», и где социологическое знание обнаруживает определенные лакуны, т. е. еще не освоенные области.

Материалы сборника адресованы не только социологам, но и историкам, политологам, социальным психологам, а также студентам и аспирантам гуманитарных и общественных дисциплин.

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Эйдос», 2011

Санкт-Петербург
ЭЙДОС
ЭС
2011

Российская академия наук
Социологический институт
Леонтьевский центр
Европейский университет в СПб
Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС)

IV Социологические чтения
Памяти **Валерия Борисовича Голофа**

Социология вчера, сегодня, завтра

СПб, 23–25 марта 2010 г.

2011
Санкт-Петербург

Валерий ГОЛОФАСТ

Содержание

От редактора-составителя 11

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Цивилизационные вызовы

А. Г. Щелкин

На пути к «Цивилизации Современности» через модернизацию чего —
техники? экономики? политики? культуры? 13

Г. Л. Тульчинский

Социальные силы. От статико-классификационного — к динамическому
(векторному) пониманию общественной жизни 21

В. М. Сергеев

Актеры как объекты социального пространства.
Реконструкция социального пространства 36

Иванов Д. В.

Актуальная социология: без социологизма и без актора 60

Л. А. Козлова

Концептуальная рефлексивность как условие воспроизводства
автономии социальной науки 79

Осмысление социальных процессов

В. И. Ильин

Советский консюмеризм как фактор социальной структуризации общества
дефицита 95

А. Лолло

Потребление как механизм самовоспроизведения социальных групп 108

Винер Б. Е.

Когнитивная структура американской социологии
как научной дисциплины по данным 10 американских социологических
журналов за 2002–2006 гг. 121

Б. И. Максимов

Человеческий фактор.
Социально-трудовая составляющая инновационной деятельности 127

А. С. Мищенко

Барьеры развития инновационной деятельности в институтах РАН 144

Трансформации семейных отношений

<i>И. И. Елисеева</i> Моделирование межпоколенных связей.....	152
<i>А. В. Загребина</i> Исследования добровольных межпоколенческих трансфертов и современная социологическая теория	158
<i>О. Н. Бурмыкина</i> Разнообразие семей: анализ теоретических концептуализаций	165

СЕКЦИЯ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Методология качественных исследований

<i>А. Н. Алексеев</i> Тезисы о драматической социологии.....	177
<i>С. Рапопорт</i> Заметки об инерции культуры	182
<i>Г. Л. Тульчинский</i> Истории по жизни как опыт персонологической систематизации	196
<i>Ю. М. Беспалова</i> Дневники: «протоколы жизни» или источники социальных чувств	207
<i>Н. Н. Цветаева</i> О некоторых ориентирах социологической интерпретации автобиографических текстов	216
<i>К. С. Дивисенко</i> Жизненный мир молодежи: возможности биографического исследования.....	225
<i>Г. М. Агеева</i> Феномен библиотечной мемуаристики в контексте теории дискурса	238
<i>А. Гегер</i> Жизненные ценности в сознании учащейся молодежи	259
<i>И. Штейнберг</i> Новый язык мобилизации и демобилизации самоорганизации населения.....	276
<i>В. Р. Цылев</i> Качественные методы исследования. Анализ соответствия теоретических положений и практического применения.....	295

<i>С. А. Гегер</i>	
Экологический кодекс РФ. Предпосылка и актуальность, созданная в контексте современной экологической ситуации.....	311

Качественные походы к изучению неравенства

<i>А. Арзамасцева</i>	
Методические возможности изучения повседневных практик: комбинированный подход (На примере исследования «Повседневные практики и жизненные стратегии молодых российских мигрантов в Санкт- Петербурге»):	322
<i>А. В. Родионова, Т. Хуан</i>	
Российские и иностранные студенты на рынке труда.....	337
<i>А. В. Корниенко</i>	
Лики справедливости.....	347
<i>Г. В. Еремичева</i>	
Историческая память малоимущих групп населения России и Беларуси. Отношение к прошлому и настоящему	368
<i>Н. Р. Корнев</i>	
Социально-групповое измерение уровня жизни в посткоммунистических странах Европы.....	390
<i>Е. Порецкина</i>	
«Референтные страны» в восприятии социального неравенства (На материалах российских и белорусских фокус групп)	412

Сферы применения качественных методов

<i>И. В. Соснина</i>	
Трудовая миграция в жизненных историях и биографиях.....	423
<i>Ч. Э. Сымонович</i>	
Об историко-социологическом изучении поколения ровесников ВОВ	436
<i>М. В. Туровец</i>	
Проблемы метода и методологии в анализе фильмов. Записки на полях магистерской диссертации	459
<i>Е. Евдокимова</i>	
Профессиональная биография в период трансформации.....	476
<i>С. Н. Игнатова, О. Б. Божков</i>	
Использование интернет-ресурсов для анализа ситуации в сельских поселениях Тверской области	490

СЕКЦИЯ 3

ЧТО СТОИТ ВЗЯТЬ В БУДУЩЕЕ ИЗ ПРОШЛОГО?

<i>О. Б. Божков</i> О преемственности в отечественной социологии.....	512
<i>Б. З. Докторов</i> Россия в европейском социокультурном пространстве. Десять лет спустя.....	523
<i>Г. В. Каныгин</i> Исследование телевизионных сюжетов времен перестройки и его современное осмысление	534
<i>Б. И. Максимов</i> Социология начала эпохи перемен (на примере Рязанской школы социологов)	557
<i>Н. Д. Исайчева</i> Что нам дала Рязанская школа социологии.....	562
<i>И. И. Травин</i> Завершен ли процесс урбанизации?	565
<i>Б. Г. Тукумцев</i> Парадоксы управления персоналом и возможности инновационных технологий	574
<i>М. Б. Глотов</i> Ленинградская школа социологии искусства.....	593
<i>В. Звоновский</i> Московское время и российские пространства	606

СЕКЦИЯ 4

ПРАКТИКИ, ТРЕБУЮЩИЕ ВНИМАНИЯ СОЦИОЛОГОВ

<i>Г. Л. Тульчинский</i> Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития	614
<i>О. В. Коленникова</i> Руководители промышленных предприятий России в условиях кризиса	643

<i>О. В. Озерова</i>	Особенности стратегий поведения в сфере здравоохранения различных образовательных групп петербуржцев	652
<i>В. Б. Гольбрайх</i>	«Катастрофа на Енисее». Авария на Саяно-Шушенской ГЭС в российской блогосфере.....	661
<i>С. Н. Игнатова</i>	Православное село — прерванная традиция.....	678
<i>Л. В. Земнухова</i>	Особенности религиозной идентичности иногородних студентов вузов Санкт-Петербурга	692
<i>И. Кудряков</i>	Государство и религия. Взаимозависимости и взаимовлияния.....	709
<i>М. А. Ерофеева</i>	Роль рекламной коммуникации в современном обществе: альтернативные подходы.....	724
<i>К. Исакова</i>	Реклама как форма социального контроля	733
<i>П. Горюнов</i>	Автомобиль как индикатор социальной дифференциации в современной России.....	750
<i>П. Р. Коростышевская</i>	Формирование толерантности в Санкт-Петербурге. Программа и реализация конкретных мер в системе образования	762

Гендерные проблемы современности

<i>А. Темкина</i>	Что делает секс «опасным»? Репродуктивные практики современной российской молодежи.....	778
<i>В. Галиндабаева</i>	Организация услуг по уходу за детьми в условиях дефицита институциональной заботы в России (на примере Бурятии)	802
<i>О. Парфенова</i>	Интернет и гей-клубы как пространства для поиска интимных партнеров»	811
<i>Е. Бороздина</i>	Особенности организации заботы о беременных в российских женских консультациях	821

<i>Л. Шпаковская</i>	
Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения: «Что такое гражданский брак?»	835

<i>А. Милая</i>	
«Профилактические» стратегии учреждений муниципального уровня в решении проблемы подростковой проституции и «защитные» тактики подростков (на примере одного из районов Ленинградской области)	855

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

<i>В. Б. Голофаст</i>	
К вопросу об эволюции социальной коммуникации.....	866

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	874
----------------------------------	-----

От редактора-составителя

Любая конференция (семинар, чтения) – дело живое. В основе его – живое профессиональное и просто человеческое общение. Но кроме этого, на любой конференции планы никогда не совпадают с фактом: кто-то завылся, но не смог приехать; кто-то выступил, но по разным обстоятельствам не смог представить вовремя текст доклада. Реальное течение конференции также отличается от заранее составленной программы. Кто-то не смог выступить в своей секции и выступил в другой. И, наконец, кроме докладов, есть еще вопросы и ответы, дискуссия, которая подчас разворачивается вокруг тех или иных докладов и сообщений. Но сборник – это не стенограмма. По этим причинам сборники материалов конференций отражают их реальное содержание лишь приблизительно.

Формируя настоящий сборник, мы старались максимально сохранить, с одной стороны, идею, которая руководила нами при составлении программы чтений, а, с другой, – передать атмосферу социологических поисков, которая отразилась в ходе чтений.

Содержание этого сборника говорит само за себя. На наш взгляд, чтения и, соответственно, сборник, получились весьма насыщенными и действительно отражают общие тенденции современной отечественной социологии, как в теоретическом, так и в методологическом и методическом, так и в предметном планах. Впрочем, мы не хотим никому навязывать свое мнение, каждый волен дать свою оценку материалам сборника.

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

А. Г. Щелкин

На пути к «Цивилизации Современности» через модернизацию чего — техники? экономики? политики? культуры?

Тема цивилизации набирает темпы и масштабы. Похоже, не от хорошей жизни. Приглядываясь к атрибутам современной цивилизации, как то нередко натыкаешься на признаки того, что, скорее всего, подпадает под классификацию «децивилизации», или, более привычно выражаясь, «варварства»¹ — «варварства в эпоху цивилизации», как постоянно уточняет эту оборотную сторону Современности проф. Н. Мотрошилова².

В самом деле, надо сказать, что сюжет о современной «децивилизации» стал подозрительно часто находить пристанище на страницах социологических работ. А если учесть, что эта же тема поднимается в таких же почти в синонимичных терминах, как «инволюция»³ «демомодернизация»⁴, «цивилизован-

---

¹ Липман У. Публичная философия. — М.: Идея-Пресс, 2004. С. 17

² Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. — М: «Канон», 2010

³ Буровой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // Рубеж: альманах социальных исследований. Сыктывкар. 2000. №15; Неклесса А. *Nomines aeris*, или Кто строит мир? // Космополис, 2004, №3; Елисева И. Предисловие. — Условия и возможности консолидации российского общества. Сб. научных трудов СИ РАН. — Спб.: Нестор-История, 2010

⁴ Явлинский Г. Демодернизация. — <http://www.yavlinsky.ru/said/articles/index>

ное бескультурье»¹, «одичание»² и т. д., то указанный феномен к случайным явлениям, похоже, не отнесешь. Хуже того, трудно отделаться в этом случае от ощущения «дежа вю». Старик Маркс говорил о варварстве как «проказе цивилизации»³, Ортега-и-Гассет — почти о том же в терминах «расхищения цивилизации»⁴, а М. Мамардашвили с 1970-х годов стал говорить об «антропологической катастрофе»⁵, в которую сползает наша цивилизация.

Самоутверждение цивилизации versus децивилизации — достаточно драматичный и яркий сценарий Современности, чтобы не вызвать законного познавательного энтузиазма со стороны социологического сообщества. Тут есть, однако, одна опасность, род интеллектуальной ловушки, которая подкарауливает «возмущённый разум». Дело в том, что «децивилизация», как мы её фиксируем с помощью наших привычных критериев и ценностей, хоть и представляет собой травмирующий феномен современности, но, похоже, что «истинные» процессы идут «этажом ниже». Децивилизация — эпифеномен, а лучше сказать, диагноз современной цивилизации, у которой есть неплохие шансы стать «цивилизацией» (!) Современности. Собственно на эту тему и речь. Но сначала о нашей «эпистемологической неготовности» к данной теме. Эта неготовность имеет свою историю и причину.

Мы живем сегодня в эпоху «Множественного Числа». Теория «множественности цивилизаций» возникла даже не в наш «постмодернистский век», а гораздо раньше. Когда сентиментальный пыл романтиков начала XIX столетия открыл им разнообразие культурных миров у разных народов и у разных эпох и, в то же время, лишил их способности понимать ту главную сущность всякого культурного и цивилизованного опыта, о которой мощно поведали корифеи Просвещения, и которая была центральной темой классической философии в Европе. «Идея «цивилизации в единственном числе», в том виде, в каком она развивалась со времени своего возникновения в теоретической мысли «проекта Просвещения», является существенной составной частью европейской идентичности, что находит

¹ Диденко Г. «Цивилизационное бескультурье» как угроза человечеству. — Человек

² Кругляков Э., Акад. РАН: «Россия дичает». — «Комсомольская правда», 14. 03. 11

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 598

⁴ Ортега-и-Гассет. Человек и люди. — http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_chel/index.php

⁵ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. — <http://www.philosophy.ru/library/mmk/civiliz.html>

отражение в комплексе гуманитарных наук, занятых изучением современной цивилизации. Философско-социологический подход к цивилизации, в отличие от культурологического или этнографического подходов, основан на установлении границы между цивилизацией и тем, что цивилизацией не является, а не между разными цивилизациями»¹.

Это мнение, высказываемое редакторами философского сборника «Цивилизация: вызовы современности» (СПб, 2009). Не менее интересно свидетельство профессиональных историков: «В российской науке, изучающей теорию цивилизаций, уже начинают обращать внимание на растущую неадекватность, которой грозит обернуться неумеренное пользование принципом «различия цивилизаций» для понимания мировой реальности и ориентации в ней. Хотя идея «мульти цивилизованного мира» действительно сегодня популярна — в том числе под давлением позиций постмодернистских течений... Однако всё говорит об условности выделения локальных цивилизаций по самым разным и не всегда главным критериям — как например, географическим и культурным особенностям. Принципиально то, что здесь отсутствует основание, обеспечивающее возможность определения их именно как цивилизаций»².

Сказать, что эта простая, трезвая и очень нужная мысль отрефлексирована и востребована сегодняшним молодым поколением отечественных социологов, взявшихся за тему по имени «цивилизация» — сказать так было бы прекраснодушным преувеличением. Сошлюсь только на личный опыт моего спора с проф. В. Козловским³.

Конечно, как сама концепция «множественности/суверенности цивилизаций» так и ее становление имеют свою логику, «достаточное основание» и галерею своих авторов. Борясь и побеждая «грех европоцентризма», «линейного прогресса» и т. д., авторы школы «плюрализма цивилизаций» (от Данилевского до Шпенглера и Тойнби) стали довольно быстро законодателями этой теоретической моды на «цивилизации во множественном числе» пока их успех не закрепили историки французской школы «Анналов» (достаточно упомянуть Броделя с его ставкой на «историю повседневности» в разных культурах и обществах) и структуралисты-этнографы (Леви-Стросс с его релятивистским лозунгом «Люди всегда мыслили одинаково хорошо»).

---

¹ Цивилизация: вызовы современности. Сб. статей. — СПб.: Изд-во Спб, 2009

² Сайко Э. Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003. С. 16, 19.

³ Щелкин А. Берегите цивилизацию от ... социологов. Или история о том, как я спорил с проф. В. Козловским. // Телескоп. — 2010, №3

Полный триумф концепта о «равноценности цивилизаций» свершился под эгидой постмодернизма в философии, который заметно доминировал на интеллектуальном ландшафте Европы в 1970-е и 1980-ые годы.

Как говорится, всё было бы ничего и даже славно, если бы с определенного момента не стало ясно, что модель «множественности цивилизаций» сыграла с её авторами злую шутку. Всё стало считаться цивилизацией! И даже то, что к цивилизации едва ли имело отношение. Но на дворе стояла эпоха «мульти цивилизованности» и «борьбы с европоцентризмом». Знаковой фигурой стал С. Хантингтон, который в работе «The Clash of Civilisation» (1993) защищал тезис о том, что «Запад не универсален, а скорее уникален» и что «все цивилизации по-своему цивилизованны». Критерий цивилизованности просто перестал работать, и отличать цивилизацию от нецивилизации (варварства) означало бы, с точки зрения авторов «множественности цивилизованных миров» рецидив «евроцентризма». Не случайно, все сторонники *националистических* и *недемократических* режимов сделали концепцию С. Хантингтона своим идейным аргументом.

Конечно, энтузиасты постмодернистского тезиса «Всё есть цивилизация» не несут ответственности за «*демократическую рецессию*»¹, замедление демократической динамики в мире, но факт остается фактом: защита многих явно нецивилованных принципов своего жизнеустройства идет сегодня у этих государственных режимов под знаком апологии, т. н. «суверенной цивилизации». — Самый свежий пример М. Каддафи, обосновывающий свое право на «пожизненное лидерство» и такое же самоуправство ссылками на особый «цивилизационный» выбор и путь Ливии.

Вместе с тем, было бы совершенно абсурдным утверждать, что человеческая история и сегодняшний мир представлен каким-то одним типом цивилизации. Цивилизаций действительно много. Сегодня даже школьники знают хрестоматийное число цивилизаций, хоть по Шпенглеру, хоть по Тойнби, хоть по Хантингтону. Но собака зарыта не здесь. Постмодернисты ввели важный принцип *различения, неповторяемости* и т. д. в отличие от принципа *единства и повторяемости*, с помощью которого классическая мысль выделяет в вещах их сущностное начало и предназначение. Поэтому постмодернистский подход, вроде бы расширяя наш цивилизационный кругозор, на самом деле лишает нас сущностного критерия и погружает в релятивистскую дезориентацию «всё есть цивилизация».

---

¹ The Economist Intelligence Unit. The Democracy Index 2010: Democracy in retreat. — http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=demo2010

Первая и нормальная реакция на «мультицивилизационизм» могла бы быть выражена незамысловатым и исчерпывающим суждением: «Цивилизаций много, но не все они ... цивилизации!» Например, ходячее представление о цивилизациях как «конфликтующих цивилизациях» аргіогі далеко от истины — *настоящие, подлинные цивилизации* (в отличии от квази-образований под тем же титулом), как и *зрелые демократии*, не воюют между собой.

Следующая и более глубокая постановка вопроса связана не столько с поисками адекватного представления о феномене цивилизации *на полюсе познающего субъекта*, сколько с поисками *на полюсе самого объекта, то есть цивилизации как реальности*. Иначе говоря, заявляет ли сама реальность себя в форме *полноценной, универсальной и самоочевидной цивилизации* в отличии тех экземпляров, которые могут быть названы «сингулярными», «несамоочевидными» или, как сталинский СССР, «самоназванными» цивилизациями. Или совсем без обиняков: возможна ли глобальная, универсальная, всеохватывающая, конвергенционная цивилизация как историческое и эмпирическое воплощение сущности цивилизации в планетарном масштабе. Положительный ответ на этот вопрос был бы и ответом на потворствующий худшим тенденциям *оппортунизм* постмодернизма — «Всё есть цивилизация!»

О том, что всемирная история, двигаясь методом «проб и ошибок», совершает «вечное возвращение» к своим лучшим достижениям, когда слишком от них удаляется на опасное расстояние, — об этом догадывались многие. Прорыв к цивилизации исторически совершается не синхронно, а асинхронно, не системно, а парциально. Закрепиться на «плато цивилизации» удаётся не всем участникам Великого похода к Цивилизации. История — это, если перефразировать В. Парето, конечно, кладбище цивилизаций. Но она же — естественная среда выживания оных. И выживают чаще всего «не худшие». Но если говорить о гарантированных условиях цивилизационного существования человечества, то оно состоит, конечно, в *масштабности*, в нашем случае, в *глобальной, планетарной размерности* цивилизации. Когда говорят, что «решение проблемы в масштабах», то тем самым повторяют на техническом языке более важную философскую мысль об онтологическом преимуществе универсального состояния перед «частичным». Коммунистическая доктрина умерла в тот же день, когда ее советские душеприказчики объявили о возможности построения социализма в одной стране.

О каких признаках «Цивилизации Современности» можно было бы говорить, если в этом видеть не просто арифметическую агломерацию «мно-

жеств цивилизаций» и «фрагментов цивилизаций», а, напротив, поискать атрибуты разделяемой всеми цивилизованности или хотя бы симптомы движения к такой *универсальной* цивилизации?

Прежде всего, надо предупредить, такая постановка вопроса не имеет никакого отношения к пониманию перспективы человечества, как она была представлена в «*optimus mundi*» в вольтеровский век или прогрессистских моделях позитивистски мыслящих социологов XIX столетия. XX век дал нам более реалистическое видение этой универсальной цивилизации. С разных сторон, но об одном и том же говорили Т. де Шарден, В. Вернадский, П. Сорокин, Н. Тимашев, А. Кожев, Ф. Фукуяма, А. Зиновьев. Терминологически это состояние цивилизации, достигающей своеобразного творческого синтеза, а значит, универсализма и полноты, у указанных авторов обозначается известными обозначениями: «точка Омеги»¹, «ноосфера»², «конвергенция»³, «конец истории»⁴, «суперцивилизация»⁵.

Сделаем несколько усилий в порядке теоретической реконструкции этой цивилизационной перспективы, которая, повторим еще раз, раскрывает, воплощает, материализует сущность цивилизации — ту самую суть, которую отказываются видеть постмодернисты, в каждом конкретном варианте цивилизации, признавая «цивилизацией» фактически всякое более или менее организованное состояние социума.

Заслуга марксизма перед социологией состоит вроде бы в банальном открытии — общество самодифференцируется на четыре сферы — техника, экономика, политика и культура. Для объяснения взаимоотношений между этими областями Маркс предпочел модель жесткой детерминации, идущий от фактора техники и далее «по списку». В значительной степени так оно и есть. Но считать тезис о том, что прежде, чем пуститься в «духовное производство», люди должны обеспечить себе «производство материальное», — считать этот тезис ключом к пониманию природы и миссии культуры было бы большой самонадеянностью.

---

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М.: «Прогресс», 1965.

² Вернадский В. Избранные труды. — М.: Современник, 1993

³ Sorokin P. The basic trends of our times. New Haven, Conn., 1964; Timashev N. War and revolution. A sociological analysis. N.Y. Sheed and Ward, 1965

⁴ Кожев А. Введение. София — философия и феноменология. Историко-филологический ежегодник. 2007. М., 2008; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: «Издательство АСТ», 2004

⁵ Зиновьев А. Западноевропейская цивилизация находится в серьезной опасности «Литературная газета» — 10.03.2006.

Важная мысль, которая сопровождала в XX столетии рождение серьёзного понимания социума, пожалуй, лучше всего выразил выдающийся социолог Д. Белл. В работе «Культурные противоречия капитализма»¹ он показал, что современные экономика, политика и культура управляются не единой, а разными детерминирующими осями. Экономика регулируется принципом «эффективности», политика — принципом «справедливости», а культура — принципом самореализации (самоудовлетворения) личности. Современное общество, таким образом, не интегрально, а скорее дизъюнктивно. Эта метафора «дизъюнктивного общества» очень ценна в эвристическом и методологическом плане для понимания ситуации с «Цивилизацией Современности».

В самом обобщенном виде эту аналогию можно выразить следующим образом. Тяжелую проблему «дизъюнкции» позднего капитализма Д. Белл видит в неадекватном состоянии культуры, которая в форме модернизма/постмодернизма, действует самым разрушительным образом на возможность и перспективу интеграции западного общества. Для такой «авангардной» контр-культуры, считает Д. Белл, необходимо поискать «консервативные» и «сберегающие» этос общества рецепты — не исключая, возвращение к религии и традиционным ценностям. Такова ситуация на Западе (WEST), которому противостоит весь остальной мир (THE REST). И вот в этой совсем не свободной от напряжения ситуации и начинается для всех участников «игра в современность» — в достраивание своих структур до состояния работающих и процветающих «целостностей» и «интегральностей».

В чем нуждается WEST? По точному диагнозу Д. Белла — в «интегрирующей культуре», а не разрушающей социум «культуре нарциссизма». В чем испытывает потребность THE REST? — В модернизации техно-экономической и политической сфер. Фигурально выражаясь, «Вест» и «Рест» нуждаются каждый в том, что является сильной стороной у каждого из участников этого противостояния. В мире идет довольно драматичный процесс «перекомбинации», «взаимной рецепции», принятия того, «чего не достаёт» у одной части мира, но что присутствует и не потеряно — у другой. Запад в отношении духовных ценностей старается держаться линии на «культурный консерватизм» — линия, которая начала обозначаться с эпохи «консервативной революции» президента Р. Рейгана в США. Страны, совершающие «догоняющую модернизацию», стоят перед нелег-

---

¹ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1976

кой задачей модернизации не только технологической сферы, но и таких важных условий «Современности», как модернизация экономических и политических институтов в сторону западных моделей, то есть чаще всего — перехода от государственно-олигархической экономики к рыночной и от недемократического правления к демократическому. В каком-то смысле этот магистральный процесс похож на процесс конвергенции, который в общих чертах описывал П. Сорокин в своих работах 1950-х годов, в частности в статье «Отношения Запада и Востока — в настоящем и будущем»¹.

Отвечая кратко на поставленный в заголовке вопрос, из перечня объектов модернизации мы должны исключить только одну сферу — культуру. Она вне модернизации, потому что в глубоких, морально-религиозных основах своих она вечно современна. Культурно мы все, в хорошем смысле слова, заложники «осевого времени», о котором говорит К. Ясперс как о периоде, датируемым кануном «новой эры», когда в мире практически одновременно сформировались основные идеи, легшие в основание всемирных религий² [24].

Вот почему духовные глубины всякой культуры, религии, цивилизации не разделяют, а объединяют людей. В отличие от С. Хантингтона, увидевшего в современном состоянии некоторых религий главный и опасный источник межцивилизированного конфликта, Г. Померанц гораздо ближе к пониманию сущности происходящего (как бы это происходящее не создавало видимость обратного), когда говорит: «Всюду идёт развитие через кризисы, надо просто жить одновременно и в истории, и хоть на полголовы поднимать голову над историей к вечным ценностям, которые могут быть понятны каждому человеку, к какой бы цивилизации он ни относился. Я не думаю, как Шпенглер, что араб никогда не поймет китайца... Глубина каждой религии ближе к глубине другой религии, чем к своей собственной поверхности... Чувство вечности помогает нравственным отношениям в жизни. ... Идет процесс складывания мировой цивилизации, и путь России, и путь всех стран быть национальным выразителем каких-то высот мировой цивилизации»³.

---

¹ Сорокин П. Отношения Запада и Востока — в настоящем и будущем . — В кн.: На темы русские и общие. Нью-Йорк, 1965

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: ИПЛ. 1991

³ Померанц Г. Миркина З. Великие религии мира. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006.

Социальные силы от статико-классификационного — к динамическому (векторному) пониманию общественной жизни

1. Трудные ответы на простые вопросы

Из чего состоит общество? Кто движет процессами в нем? Равнодействующие миллионов человеческих волей? Или эти индивидуальные воли объединяются, структурируются интересами, усиливаясь, тем самым, за счет объединения людей в общности? Справедливость последнего предположения представляется очевидной. Но тогда — что это за общности, из которых складывается общество и которые определяют развитие общественной жизни?

На все эти простые вопросы имеются традиционно простые ответы. Общество это народ, люди разных наций. Оно имеет классовую (стратифицированную) структуру. Общество рассматривается структурно-инвентаризационно. Классовая борьба, национальное развитие на фоне развития экономики движут социальными, политическими, культурными процессами. Так не только учила «всесильная потому как верная единственно научная» марксистско-ленинская философия, но и до сих пор учат практически все традиционные социологические аналитики.

Но, чем ближе к концу XX столетия, тем очевиднее, привычный мир обществоведения начал расползаться. Привычная парадигма анализа, объяснения, а значит — и понимания, начала давать сбои. Это отчетливо видно на попытках объяснения российского общества.

С особой ясностью это проявилось в трудностях выработки объяснения процессов, связанных с так называемой «перестройкой» нашего общества, факторов, ее вызвавших, определивших характер, содержание и динамику последовавших событий. Вряд ли в этих трудностях виновато само общество. Или особая судьба России. Скорее, выявилась глубинная несостоятельность традиционных схем рационального объяснения. Привычное различие рабочих, крестьян и служащих для экономического и политического анализа ничего не дает, поскольку реальные социальные силы, такие как

бюрократия, молодежь, творческая интеллигенция, масс-медиа, маргинальные группы и другие, — в традиционном различении не улавливаются.

2. Бесклассовые классы

Выяснилось, например, что привычное различение рабочих, крестьян и служащих имеет, в лучшем случае, этнографическое значение — не более. Для экономического, политического, идеологического анализа это различение оказывается недостаточным, давая искаженную, смазанную, непрорисованную картину общественной жизни. Неужели кто-то всерьез может утверждать, что у рабочего совхоза было больше общего с рабочим машиностроительного концерна (и тот и другой были рабочими), чем с крестьянином соседнего колхоза? Или кто может поверить в то, что партийные и профсоюзные боссы свято блюли классовые интересы только потому, что они «из рабочих» или «из служащих»?

Каноническая «трехчленка» не может дать реального осмысления реальных интересов реальных социальных групп. Общественные потребности остаются неосознанными, неотрефлексированными. Вместе с тем, реальные социальные силы, такие как бюрократия, молодежь, творческая интеллигенция, масс-медиа, маргинальные группы и другие (называю лишь те социальные силы, которые отчетливо проявились как в период «перестройки», так и в последующее время) — не ловятся в этом традиционном различении, как бы не существуют, утрачиваются для социально-политического и мировоззренческого анализа, осмысления и прогнозтики. Речь идет, таким образом, о далеко идущей теоретической, идеологической и политической проблеме, связанной с содержанием такого традиционно центрального понятия обществоведения как класс.

Социальные классы обычно определяются через отношение собственности. В условиях дихотомии (существовавшей ли на самом деле?) «социалистической» (точнее — государственной) и колхозно-кооперативной собственности анализ общества «реального социализма» дальше рабочих и колхозников с интеллигентской прослойкой действительно идти не может. Хотя уже тогда темнела тучка на горизонте советского обществоведения — собственность общественных организаций (партий, профсоюзов и др.). В условиях же многоукладной экономики каноническая тринитарность просто рушится.

Главное, однако, не столько в многообразии форм собственности, сколько в другом. Отношения собственности могут реализовываться на трех основных уровнях: владения, распоряжения и пользования. Поэтому, если

хотя бы на уровне владения можно было говорить о единой «социалистической» (государственной) собственности почти бесклассового общества (владеют все, то есть никто конкретно), то на уровне распоряжения и на уровне пользования проявляются очень разнообразные и живые интересы конкретных социальных групп. Именно на уровне распоряжения средствами и ресурсами, к которым получен доступ, и возникает теневая экономика, а на уровне пользования — неизбывные в советское время феномены «несунов», «левых доходов» и т. п. Причем «распорядители» весьма активно покупались и на права «владельцев» — когда у колхозов, кооперативов, индивидуальных безвозмездно изымались и отчуждались их собственность и доходы.

С позиций традиционного абстрактного подхода общество представляло чугунно монолитным. Если же снять эту плиту «социалистической» собственности и «однородности» (по этому параметру) общества, то при более глубоком анализе на уровне распоряжения бюрократы, материально-ответственные лица, торговые работники, службы сервиса и др. предстают как «классы», причем — с явно выраженными интересами, а значит и со своей, пусть не всегда явно выраженной и осознанной идеологией и мировоззрением. Без учета этой игры интересов остаются непроясненными механизмы и результаты «прихватазации» 1987–1995 гг. Общество предстает очень живым, пестрым, конкретным, интересным — если только снять с представлений о нем коросту провозглашаемой единой собственности и социальной однородности.

Но классы ли эти группы «распорядителей» и «пользователей»? Или надо распространять на них всю определенность классов и говорить, например, о классе шоферов грузового транспорта или классе администраторов гостиниц, уполномоченных банкиров, или понятие класса утрачивает свою определенность. Но в любом случае любопытный парадокс состоял в том, что марксистско-ленинская теория (пользующаяся традиционной парадигмой) не могла и не может справиться с объяснением общества, возникшего по ее же плану.

В итоге существенно затрудняются и диагностика и терапия социальных процессов, хотя теория, как будто, и открывает немалые возможности творческого поиска.

3. Итог поисков «друзей» и «врагов» обновления

Примером несбывшихся надежд такого поиска на традиционных путях служат попытки осмысления путей «перестройки», механизмов ее

«ускорения» и «торможения», прояснения того, кому и какие необходимы реформы в нашем обществе. Показательно, что ситуация в точности повторяется в наши дни на фоне громких разговорах об «инновационном развитии» России.

Вопрос о социальной базе реформ представляет особый интерес. Иван IV опирался на им же созданную опричнину. Петр I проводил реформы, опираясь на фактически вновь созданный класс — служилое дворянство. Мао в борьбе за власть призвал на улицы недоучившуюся молодежь — хунвэйбинов и неквалифицированных молодых рабочих — цзаофаней. Сталин, создавая свой режим опирался на им созданный, выпестованный и систематически перебираемый аппарат «внутренней партии», который сам он уподоблял Ордену Меченосцев. Любой преобразовательный процесс в обществе опирается на конкретные социальные силы, нейтрализует или подавляет другие. Поэтому, если российские реформы конца 1980-х-начала 1990-х — «революционное преобразование общества», то кто носитель идей этого преобразования и в чьих интересах оно осуществлялось? Кем востребованы инновации в современной России?

Горбачевские заверения, будто аппарат «выносит на себе всю тяжесть перестройки» звучали или трагикомически (особенно если учесть многозначность русского слова «выносит»), или просто противоречащими фактам, поскольку именно аппарат и тормозил осуществление провозглашаемых целей, или дающими основание признать саму горбачевскую «перестройку» не более чем аппаратной игрой, или как очень важную оговорку, свидетельствующую о неявной, но серьезной смене вех в политической и экономической элитах. Как показали ход и некоторые результаты «революционных преобразований» их неявной, а то и старательно скрываемой пружиной были интересы именно «распорядителей» аппарата власти и хозяйственного руководства (директорского корпуса — прежде всего).

Именно в их пользу оказался и промежуточный итог приватизации.

Именно они и их доверенные лица определяют лицо «new russians». Романтики рынка были очень быстро отжаты ими на периферию. Именно они оказались наиболее отобилизованы к лоббистской борьбе за бюджетный пирог. Интересы директоров и чиновников топливно-энергетического комплекса, военно-промышленного комплекса и сельско-хозяйственного комплекса очень быстро сгруппировались в политической борьбе вокруг НДР, КПРФ и АПР, а потом — «Единой России».

Такие итоги для большинства аналитиков, пользующихся традиционными категориями, оказались неожиданными. Обновление, безусловно,

отвечало чаяниям практически всех слоев и групп нашего общества, однако, каждый из них по-своему понимал цели и задачи этого обновления — в силу специфичности своих интересов и возможностей. А отсутствие представлений о реальных социальных силах привело к тому, что одной из главных проблем и даже бед «перестройки» стали попытки «перестроиться» всех звеньев и структур общества, даже тех, которым перестраиваться бы не следовало вовсе, поскольку сама необходимость их существования весьма проблематична.

Речь идет не о противопоставлении друг другу этих групп и слоев, а именно о необходимости и возможности объективного анализа их реального места и интересов в развитии общества.

Рядом квалифицированнейших социологов в середине-конце 1980-х годов были предприняты исследования расстановки сил в советском и постсоветском российском обществе. Типичны в этом плане были исследования, представленные в известном сборнике «Иного не дано!» и последовавшей за ним серии.¹ Исследования эти были нацелены на возможные прогнозы, рекомендации, выработку программы действий. Итоги этих исследований были удручающи. Так, Т.И.Заславской, Л.А.Гордоном были выстроены классификации различных социальных групп и слоев населения в зависимости от их отношения к политическим и экономическим аспектам обновления. И оказалось, что выработать некий «фоторобот» врагов и друзей перестройки невозможно. Некоторые категории, например, лица принимающие решения, оказались представленными практически во всех ячейках классификаций. Определяющим, по мнению Л.А.Гордона, фактором оказывается не принадлежность к той или иной категории, а личностный выбор и самоопределение индивида, его свободная воля. Вывод, подкашивающий поиски социологических закономерностей!

Хотели перемен все, но кто-то хотел сильнее, яснее других знал, чего он хочет, и как этого добиться. Демократические ценности, либерализм, экономические концепции, права человека, человеческие жизни — все то, что было написано на знаменах обновления, оказалось не имеющим никакого отношения к реальным интересам реально действующих социальных сил. Именно реальных интересов, а не книжно-туристически постигаемых и словесно декларируемых, и именно реально действующих, а не призыва-

---

¹ См. серию «Перестройка: гласность, демократия, социализм»: Иного не дано. М., 1988; В человеческом измерении. М., 1989; Через тернии. М., 1990; Погружение в трясину. М., 1991 и др.

юще-просветительских. И причины этого итога не в пресловутой российской ментальности, а в конкретном раскладе реальных социальных сил и их интересов, который обществоведы не смогли распознать.

Более того, построенные классификации абсолютно ничего не смогли дать для прогнозов и возможных решений. Они сами — ничто без манипулирующей ими властной воли. Чтобы придать конструкции практическую значимость пришлось, как это сделала, например, Г.Я.Ракитская, ограничиться интуитивными представлениями на уровне здравого смысла и политической публицистики. Социология же оказалась безоружной, несостоятельной в том плане, что ее понятия не в состоянии уловить реальность, не могут зацепиться за нее, превращая исследования и анализ в классификационную игру ума.

Ситуация дважды воспроизводилась в социологических прогнозах выборов в Государственную Думу 1993 и 1995 годов. Особенно наглядно это проявилось тогда в оценках перспектив ЛДПР.

Ситуация повторяется в наши дни. Несмотря на все призывы к инновационному развитию, факты упрямо показывают, что объективного запроса на инновации в России нет. Ни монополизированный бизнес, ни чиновничество не хотят рисковать статусом кво. Инновации выдвигают новых лидеров, создают конкуренцию, а в условиях сложившейся рентной экономики и политики это не только не востребовано, но и активно отвергается.

Используя политическую терминологию, можно сказать, что «перестройка» и постперестроечная действительность выявили застой в социологии и обществоведении в целом. На повестку дня стала смена методологической парадигмы, концептуального аппарата осмысления. Вызрела необходимость отхода от ориентации на традиционные линейные рационализации и классификации. Но, прежде чем говорить о возможных методологических альтернативах, — еще один аргумент.

4. Пустота и опасность национальных инвентаризаций

Обновление общества, экономические реформы трагически совпали с распадом империи. И главная беда в том, что распад этот пошел по пути создания национальных государственных структур. И в этой — о нации и национальности... Беру на себя смелость утверждать: понятие нации одновременно и пусто и опасно. Пусто и бессодержательно оно потому, что с его помощью можно лишь проводить инвентаризацию, раскладывая

людей по национальным полкам. Задача эта, возможно и оправданная в целях какого-то (довольно грубого) анализа. Но такое раскладывание становится опасным, если оно применяется на практике, становится основой практических решений и действий. Человек помимо своей воли, а возможно — и вопреки ей, изначально оказывается со складской биркой — национальностью. И тут уже не столь важно — идет ли речь о пресловутом пятом пункте советской анкеты, расовой инвентаризации времен гитлеровского режима, или о нынешних «негражданах» на постсоветских просторах. Речь идет не столько о политических последствиях, сколько о их теоретических предпосылках — извне навязываемой человеку принадлежности как элемента некоему множеству — не целому, именно множеству.

Такое разделение людей столь же антигуманно и безнравственно, как и деление их по расовому и по классовому признакам. Это трагедия довольно многих современников. Отец — узбек, мать — украинка, сам живет в Бишкеке, ни киргизского, ни украинского, ни киргизского языков толком не знает, учился на русском, преподает на русском, говорит по-русски и относит себя к русской культуре. Но по паспорту он — узбек и ему говорят: «Ты узбек». А на его возражения следует: «Ну тогда, украинец или киргиз». Или другой пример. Отец и мать татары, сам живет в Киеве, ни татарского, ни украинского опять же не знает, но ему говорят: «Ты татарин». Это не выдуманные примеры, а живые люди, мои хорошие знакомые, которым вопреки их самоидентификации навязывается национальная принадлежность.

На это накладывается еще и свойственная отечественной социологии и обществознанию в целом путаница понятий нации и этничности. Нация как гражданство — некий конструкт. Этничность — проявление культурной идентичности личности, ее самоопределения. Когда же в Конституции РФ записывается, что Россия — многонациональное государство, в основном закон, фактически, заводится бомба, которая рано или поздно, но срабатывает.

Классификации и деления (в том числе и по национальному признаку) — операции с понятиями, имеющие вполне определенные критерии строгости. Но если эти операции начинают применяться к живым людям... Такие операции рано или поздно завершаются той или иной формой насилия. А если кто-то начинает не укладываться в заданные критериями рамки, то ...тем хуже для них. Отсюда один шаг до применения к упомянутым моим знакомым фашистского клейма «ублюдки» с соответствующими практическими последствиями.

Вопрос о выборе культуры (а что еще реального в этничности?) может и должен решаться только на основе свободного индивидуального самоопределения личности. Здесь права человека столь же приоритетны, как и в выборе гражданства — самоопределении и выборе личностью государства, гарантирующего защиту ее чести и достоинства. А зачем еще государство, если не для защиты его граждан?

Мне известны случаи, когда молодая еврейка, приняв православие, уехала в Палестину защищать православные христианские святыни, а русская девушка, глубоко заинтересовавшись иудаизмом, сменила имя, выучила иврит и старается общаться исключительно с правоверными иудеями. И все это довольно естественные культурные феномены самоопределения личности. Но им противостоит жупел-бирка «национальной принадлежности». Понятие нации, как и понятие класса, важно для некоторых теоретических рационализаций, но не для использования в реальной жизни. Исключением является понимание нации как гражданства.

И совсем плохо становится, когда этнически понимаемая нация начинает рассматриваться как субъект права, носитель мотивации, ответственности и т. д., начинает претендовать на государственность, а значит и на землю. «Земля — достояние народа...» — красивая метафора, но ведь она записывается в закон. С пафосом победы и без тени сомнения, что земля не может принадлежать народу. Она может принадлежать тому, кто ее обрабатывает, культивирует. Так же как нет и не может быть коллективной, в том числе и национальной ответственности. Хотя бы потому, что на скамью подсудимых надо посадить конкретных людей. Неужели только на основании их национальной принадлежности?

Культурные общности — этносы прекрасно могут жить на одной и той же земле, в рамках одного и того же государства. Примеров такого симбиоза множество. Русские селились в поймах сибирских рек, сосуществуя с оленеводческими и охотничьими народами Севера. На побережье Черного и Азовского морей прекрасно уживались разные народы. Греки ловили рыбу, русские занимались ремеслами, украинцы земледелием, молдаване — скотоводством, евреи торговали... Разные этносы прекрасно уживаются друг с другом. До тех пор, пока один из них не начнет претендовать на исключительное право на землю и государственность. Как только это происходит — возникает ситуация Палестины, Ливана, Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Боснии, Косова... Здесь могилы моих предков, но и моих, и моих, и моих... Здесь наши храмы, но и наши, и наши, и наши... Эта кочка башкирская, а эта татарская... Этнические чистки... И это несмо-

тря на то, что в человеческой истории практически нет национально чистых (моноэтнических) государств.

Демонтаж империи — очевидная необходимость, реальность и дело времени. Проблема в пути и в методах. Кровавая бойня или достойный путь к достойной жизни. Культурный синтез или цепная реакция националистического Чернобыля? Конструктивные реальные связи или аннигиляция в черной дыре абстракций? Бессодержательные понятия (а как известно из логики — чем выше уровень общности понятия, тем меньше в нем содержания) способны не только «омертвить живое», но и раскрыть бездну, в которую может рухнуть многое, если не все.

Культуры не конфликтуют, а только сотрудничают — потому что основаны на личностном самоопределении и ответственном выборе. Конфликтуют национально-политические амбиции — потому что основаны на абстрактном разделении и противопоставлении. Более того, растворяя личность в абстрактном целом, лишая его в этом множестве свободы, а значит и ответственности, — делают его невменяемым. В обоих русских смыслах этого слова. Во-первых, лишенным разумной мотивации — ее у него нет, все определяется принадлежностью общности, пресловутой ментальностью и т. п. Человека как личности нет, есть очумелая жизнь во имя абстракции, идеи. И во-вторых, как следствие, человек, лишенный свободы оказывается безответственным, вменить ему лично можно только «измену национальной идее», непатриотичность. Все остальное за него будут решать самозванцы, тоже ... невменяемые, поскольку они говорят и действуют «от имени» и «во имя» абстрактных общностей.

Национальная принадлежность, будучи разновидностью инвентаризации, лишает личность свободного самоопределения. Как и класс, соня — издержка невротического коллективистского сознания, когда человек, не чувствуя себя личностью, не зная себя и своих интересов, думает, что они выражаются в его принадлежности некоему множеству типа нации или класса. Униженному, ограбленному, обездоленному (буквально — лишенному доли и значит — реальных интересов, не являющемуся хозяином своей собственной жизни, поскольку границы его свободы = ответственности совпадают с границами его кожно-волосного покрова) человеку нечем гордиться, кроме собственного происхождения, паспортной национальности... Ничего, кроме разделения общества и его классификации. И как следствие — сталкивание лбами представителей различных категорий.

На время нация может стать реальной объединяющей силой, когда национальная идея (освобождения или завоевания) овладевает многими,

когда появляются амбициозные лидеры, обладающие личной харизмой (очень часто сами они — иной национальной принадлежности), когда появляются средства для приобретения оружия и т. п. На очень краткое время может даже возникнуть чувство однородности. Но плодами национального движения все равно воспользуются вполне конкретные «распорядители», силы, интересы которых на время наполнили абстрактную идею реальными возможностями.

5. Партии «нового типа»

Сказанное позволяет сформулировать ряд требований, которым должна бы соответствовать новая понятийная схема. Она должна быть ориентирована не на классификационные инвентаризации, а на выявление реально действующих социальных сил, на социальную динамику, а не на статику; описывать и объяснять не столько «рисуя картинку», сколько прослеживая процессы. Она должна учитывать личностное самоопределение и возможности самоорганизации социальных сил; должна учитывать роль слабых взаимодействий, нелинейность и катастрофичность (в терминологическом значении теории катастроф) социальных процессов. Короче говоря, она должна быть синергетичной в буквальном смысле, раскрывая детерминированность, но одновременно — слабую предсказуемость общественной жизни.

Причем, речь идет не о навязывании обществоведению понятийного аппарата синергетики — реалии общественной жизни сами приводят к подобному осмыслению. Как это ни парадоксально, но наибольший повод для таких обобщений дает наша политическая жизнь. Ассоциации, партии, объединения, движения не создает разве что ленивый. На выборах выдвигаются подчас довольно случайные люди — лишь бы они по какому-то поводу были известны более чем трем другим. Избираемые депутаты выражают непонятно чьи интересы и поэтому сначала удовлетворяют свои личные (обычно, имущественные) интересы «хождения во власть».

Политическая жизнь в изрядной степени напоминает некий заповедник самозванцев. Все это — симптомы политической жизни дисперсного общества, слабо структурированного осознанными интересами индивидов, а значит и политические партии которого неизбежно оказываются короткоживущими, переливчато-пластичными образованиями.

Парадокс, однако, в том, что эта картина очень близка состоянию политической жизни экономически развитых стран. Так, западноевропейские

партии в послевоенный период прошли быструю эволюцию к партиям американского типа. Это отнюдь не классовые партии — классические носители идеологии традиционных классов. Политические партии США, ФРГ, Франции, Великобритании, Испании, скандинавских стран и др. объединяются не столько классовой идеологией. Как партии парламентские они являются скорее аппаратом по мобилизации на выборы. Мобилизация осуществляется вокруг экономических, экологических, социально-культурных проблем, все чаще — вокруг политического лидера, выступающего в качестве некоего брэнда.¹ Политические партии, фактически, предстают командами, успех которых зависит от привлекательности программы и лидера, финансовых и организационных возможностей, доступа к средствам массовой информации. И такая ситуация вполне соответствует реалиям массового общества.

И российское общество, в силу его дисперсной, «размазанной» структуры, дробности интересов и т. д., парадоксальным образом оказывается близким именно такому положению дел. Российская политическая жизнь во многом организуется именно вокруг таких достаточно случайных (синергетичных) интересов: регулярности выплат заработной платы, экологических проблем, охраны памятников культуры, защиты потребительских прав, проявлений коррупции, вокруг личности лидера. Фигуры М. Горбачева, Б. Ельцина, Т. Гдьяна и Н. Иванова, В. Жириновского, А. Лебедя, В. Путина, титульных фигур «яблочников» — показательны в этом плане.

6. От статической к динамической социологии

Это совпадение (если отвлечься от обычного российского сюжета: отставали, отставали и вдруг оказались впереди паровоза), по крайней мере, дает ключ к пониманию перспектив адекватного осмысления социальной жизни. Последняя предстает не инвентарной книгой с записанным в ней интересом, а игрой социальных сил.

На повестку дня стала смена аппарата осмысления общественных процессов. Новая понятийная схема должна выявить реально действующие социальные силы, их личностное самоопределение и возможности само-

---

¹ Тульчинский Г. Л. Новая персонология и кризис политической культуры. // V Всероссийский конгресс психологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». М.: РАПН, 2009. С. 423-424.

организации с учетом нелинейности и катастрофичности (в терминологическом значении теории катастроф) социальных процессов.

Поэтому центральным понятием обществоведения, и прежде всего — социологии, представляется именно **СОЦИАЛЬНАЯ СИЛА** — общность людей, объединенных интересами и программой их реализации, а также обладающих ресурсами — материальными, финансовыми, организационными, информационными, человеческими — для осуществления этой программы.

Такой подход акцентирует интеграцию целей и средств. Он улавливает направленность развития общественной системы, определяющую ее функции, закрепляемые в определенных структурных образованиях.

Акцент на социальных силах в определенном смысле может рассматриваться как применение программно-целевого подхода к осмыслению социальных процессов. Классификационный подход сосредоточен на инвентарном «расскассировании» явлений, более зрелый — структурный — подход представляет эти явления в виде структурных образований, функциональный подход наделяет компоненты структуры функциями (собственно и определяющими характер связи элементов в структуре), системный подход представляет структуру и функции в виде органической целостности (системы), программно-целевой подход акцентирует внимание на интеграции целей, функций и средств их реализации. Иначе говоря, в последнем случае решающее значение приобретает направленность развития системы, что определяет, в свою очередь, необходимые для этого развития функции, закрепляемые в определенных структурных образованиях.

Программно-целевой подход возник как технология менеджмента, но очень быстро достиг уровня общенаучного метода от текстологии до анализа мотивации и человеческого поведения.¹ Особенно уместно его применение к явлениям общественной жизни. Люди объединяются и мобилизуются вокруг идей. А идея — ни что иное как синтез знания цели (идеала, образа желаемого будущего), реального положения дел и пути достижения цели на основе имеющихся возможностей и средств. С этой точки зрения и научная, и художественная, и политическая, и религиозная жизнь развивается по одной схеме. От возникновения нового осмысления, через объ-

---

¹ Ладенко И. С., Тульчинский Г.Л. Логика целевого управления. Новосибирск: Наука, 1988. См. также Тульчинский Г.Л. Теоретико-познавательный статус и логическое содержание программно-целевого метода // Программно-целевой метод: проблемы развития и освоения. Свердловск, 1983. С. 35-37.

единение единомышленников к неформальной ассоциации и от нее — к социальному институту. На каждом из этих этапов имеются необходимые и достаточные условия перехода к следующему уровню самоорганизации социальной силы: формулировка идеи, систематическое общение, выдвижение лидера, вербовка учеников и сторонников, доступ к СМИ, финансовым и материальным ресурсам.¹

Не место в данной работе углубляться в методологические и концептуальные детали. Тем более, что кое-что уже сказано мною в других работах.² Главное — обратить внимание на назревшую необходимость перехода от методологии осмысления общественной жизни к новому пониманию, объединяющему возможности синергетики, социальной психологии и программно-целевого подхода.

Классы и нации — понятия необходимые, но только на уровне предварительных классификаций и систематизаций. Не классы и нации ткут общественное бытие, а социальные силы. Поэтому ход и результаты «революционных преобразований» для большинства аналитиков, пользующихся традиционными категориями, оказались неожиданными. Более того, традиционные классификации абсолютно ничего не смогли дать для прогнозов и выработки решений в таких, например, ситуациях, как выборы в Государственную думу или распад СССР, в котором традиционные социальные группы не были заинтересованы, ход преобразований современной России. Целью осмысления не может быть теоретическое раскладывание по классификационным полочкам. Необходим синтез, выявляющий реально действующие силы. Силы, а не классификационные категории.

Предлагаемый подход перекликается с некоторыми идеями П. Бурдьё — прежде всего, идеей «капитала» — человеческого, символического, информационного, финансового и т. д.³ П. Бурдьё акцентирует внимание на необходимости учета ресурсов. Потенциала возможностей социальных групп. Однако полноценными социальными силами такие группы

---

¹ Тульчинский Г. Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. СПб: Центр истории идей, 2001. С. 28–58.

² Тульчинский Г. Л.: Классы, нации или социальные силы (Об инорационльности общественного развития) // Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура. СПб. СПбГУ. 1994. с. 92–96; Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press. 2001; Постчеловеческая персоналогия. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб: Алетей, 2002.

³ См. Бурдьё Ж. Социология. М., 1993.

могут стать только при артикуляции общих интересов, определении вектора реализации ресурсов («капитала»), имеющихся в их распоряжении. Но, в любом случае, это только подтверждает, что не мы придумываем идеи, а они, созревая, носятся в воздухе и нас находят (или не находят).

Социальные силы, а не классы и нации ткнут ткань общественного бытия. Они подобны челнокам, заряженным движением. Это векторы, а не скаляры. Такой подход действительно сродни переходу в физике от статики и кинематики — к динамике. Он создает предпосылки для развития количественных методов исследования. Ведь до сих пор социологические классификации — по сути дела чисто качественный анализ. Используемые математические методы — суть исчисления этих качеств. Предлагаемый же подход дает знание о степени силы, ее мере, например, в зависимости от уровня самоорганизации, сферы влияния в географическом, политическом, культурном пространствах и т. д. А самое главное — открываются новые перспективы анализа, осмысления и прогностики.

Именно отсутствие отобилизованных и динамичных социальных структур определяет современное российское общество. Супергосударство, распоряжающееся всеми ресурсами, и обездоленные (в буквальном смысле слова лишенные долевого участия в собственности) граждане. Бизнес, у которого в любой момент могут отобрать все ресурсы, служащие, студенты, даже рабочие — не социальные силы, в отличие от чиновников, спецслужб, криминала, СМИ, армии.

Это буквально бессильное общество. Оно не способно выразить и реализовать общественные интересы. Поэтому фактическими социальными силами становятся сложившиеся социальные институты — коллективы предприятий, их управленческий персонал, отраслевые структуры, спецслужбы, СМИ... Как бы ни были их функции несвойственными политической жизни, они реально объединяют ресурсы, а значит — людей-ключников при этих финансовых и материальных ресурсах. И люди в отсутствие общественных интересов оказываются заложниками этих структур. Лишенные собственных интересов, они оказываются Франкенштейнами абстрактных функций. Это непосредственно и ясно показывает дрейф нашей общественной жизни, его направленность.¹

Пути выхода из этой абсурдной и тупиковой ситуации достаточно очевидны — естественная самоорганизация здоровых социальных сил. И об этом уже достаточно сказано. В том числе — о ключевой для России

---

¹ См. также Тульчинский Г.Л. Обессиленное общество. // Знамя. 2010, №1.

проблеме собственности.¹ Ясно одно — обновление общества — не «перестройка» обветшалых структур, построенных на песке теоретических утопий. Необходимо новое строительство свободным трудом свободных людей на прочном фундаменте их интересов, естественная самоорганизация здоровых социальных сил. И очень хотелось бы, чтобы обществоведение способствовало этим процессам.

Обновление общества, это — помимо прочего и прежде всего — обновление его видения.

---

¹ См., например, материалы круглого стола «В поисках теории российской цивилизации», опубликованные в журнале «Философские науки», 2010, № 2. С. 5–79.

Актеры как объекты социального пространства

Реконструкция социального пространства

У социологов довольно специфическое отношение к субъекту социального действия — актору. К этому есть несколько причин. Наиболее существенной, на мой взгляд, является объективная двойственность субъекта. Она выражается в том, что он является человеком, личностью, таким образом, дальнейшее движение в этом направлении ведет к психологии, что для социологии, как самостоятельной дисциплины не есть хорошо. С другой стороны, социологу совершенно понятно, что общество — общество людей и социальное — способ существования людей. Таким образом, проблематика актора — проблематика маргинальности его положения по отношению к границам дисциплин социология-психология. Соответственно, существует и такая маргинальная дисциплина, как социальная психология. Социология и социологи остановились на том, что социальное и социальные теории могут быть разделены на группы по двум параметрам: 1. микро-макро. 2. субъективное-объективное.

Ритцер в своей книге «Современные социологические теории» пишет: «Существует целый ряд примеров попыток связать микро-макро уровни анализа и/или теорий. В своей работе (Ritzer, 1979, 1981a) я пытался разработать интегрированную социологическую парадигму, которая объединяет микро- и макроуровни как в объективных, так и в субъективных формах. С моей точки зрения, необходимо иметь дело сразу с четырьмя основными уровнями социального анализа: макросубъективность, макрообъективность, микросубъективность и микрообъективность. Джеффри Александер (Alexander, 1982–1983) создал «многомерную социологию», предмет которой — модель уровней анализа. В ее основе (Alexander, 1987) лежат проблема порядка и проблема действия. Порядок, согласно Александеру, имеет индивидуальный (микро) и коллективный (макро) уровни. Действие, как считается, обладает материалистическим (объективным) и идеалистическим (субъективным) уровнями. Из этих двух постоянных Александер выводит четыре основных уровня анализа: коллективно-идеалистический, коллективно-материалистический, индивидуально-идеалистический и индивидуально-материалистический. Несмотря на то что

полная модель, разработанная Александром, поразительно похожа на мою, Александр отдает приоритет коллективно-идеалистическому уровню, в то время как я настаиваю, что мы должны заниматься диалектическими отношениями между всеми уровнями. Схожие подходы разрабатывались Норбертом Уайли (Wiley, 1988), который также описывает четыре очень похожих основных уровня анализа — личность или индивид, взаимодействие, социальная структура и культура. Однако если Александр и я делаем акцент как на объективном, так и на субъективном уровнях, уровни Уайли чисто субъективные. Джеймс Коулмен (Coleman, 1986) сконцентрировался на проблеме «от микро- к макро», тогда как Аллен Лиска (Liska, 1990) расширил подход Коулмена, чтобы изучить также проблему «от макро к микро». Чуть позже Коулмен (Coleman, 1990) расширил свою «от микро- к макро» модель и разработал намного более сложную теорию микро-макроотношений, основанную на подходе рационального выбора, заимствованного из экономики.» (Цитировано по <http://www.piter.com/attachment.php?barcode=978531800687&at=exc&n=0>)

Тем не менее реальность одна и необходимо как-то интегрировать эти теории и, соответственно, предмет социологии в его наиболее общем теоретическом виде. В самом деле, если реальность одна, то множественность теорий указывает на то, что они или ложны или парциальны. Если они парциальны, то они должны сочетаться в некоторую, объемлющую целое, структуру, но этого не происходит. Более того характер социологического теоретизирования различных авторов таков, что если он делает или невозможным явное сопоставление теорий, или существенно его затрудняет.

Одним из затруднений представляется то, что сама реальность или ее фрагмент рассматриваемый в теории часто оказывается сам по себе спорным. То есть оппоненты часто не согласны, что предлагаемое теоретиком выделение объекта теоретизирования является удовлетворительным. Учитывая, что, как показывает Ритцер, разделение теоретиков происходит относительно фундаментальных представлений о социальном, как образованном людьми, необходимы некоторые общие представления — необходимо выделить некоторые универсальные феноменологические сущности социального, которые бы позволили интегрировать различные теоретические наработки с одной стороны и объединить усилия теоретиков в разработке действительно фундаментальных вопросов и проблем. То есть необходим некоторый интегрирующий элемент, как центр-аттрактор теоретизирования.

Таким интегрирующим элементом является, судя по всему, актер — действующий субъект. Однако социология рассматривает актора тоже несколько неоднозначным образом, она признает действующего субъекта, как человека, и этот уровень рассматривает как микросоциологию или даже микросубъективную социологию, но вводит еще и институционального действующего субъекта, что позволяет развивать институциональные теории. По принципу плюрализма действующий субъект раздвоился (размножился) и части его стали существовать независимо. Тем не менее, индивидуальный актер нашел себе прибежище в смежных обществоведческих науках — менеджмент или социология организации и управления, политология.

Возможности решения этих отдельных проблем через интеграцию представляются только в направлении переосмысления действующего субъекта, то есть он не должен быть психологизированным, но не должен быть и институализированным. Попробуем рассмотреть есть ли возможности использовать какие-то другие основания для переформулировки термина «актер». Такие возможности есть, и они наработаны в рамках социальных исследований.

Первое, что представляется важным, и не очень рассмотренным в теоретической социологии, несколько более отдаленное от психологии понимание человека. Обычно социологи, Гидденс, например, ограничиваются Фрейдом, но мало того, что фрейдовское понимание человека и личности уже достаточно устаревшее, но оно и переосмыслено его учениками. В рамках самой психологии человек все время переосмысливается и сейчас следует посмотреть на то, что по этому поводу думают психологи, точнее Б.Г.Ананьев.

Борис Герасимович Ананьев сформулировал представление об индивидуальности, как надличностном образовании. Традиционно, и для людей не очень знакомых с психологией, человек в онтогенезе развивается до личности, то есть становится взрослым и все. Далее следует расцвет, акме и инволюция, так думали и древние. Так вот, Ананьев утверждает и доказывает результатами исследований, что это так лишь отчасти, онтогенез продолжается и во взрослом состоянии, и индивидуальность уже оказывается надличностным образованием. В целом такое представление не получило дальнейшего развития. В области рассмотрения оказалось только сложное соединение в индивидуальности биологических, характерологических и личностных подструктур системы индивида как целого. «Единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как

единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида.» (Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Питер. — Санкт-Петербург: 2001. Цитировано по: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ananev_chelovek/06.aspx).

К этому можно добавить и представление о возрастных кризах, которые, может быть, лучше были представлены в эпигенетической психологии Эрика Эриксона (кризисы идентичности), которая более дифференцированно рассматривает фазы и проблемы взрослой личности. Наконец, пирамида потребностей Маслоу. Надо сказать, что большая часть наработок в теории личности в значительной степени связана с психопатологией и патопсихологией и, главным образом, невротической личностью. Однако и здесь образовались некоторые направления, которые основывались на более широком представлении о личности, как это обнаруживается, например, в экзистенциальной психологии или у неофрейдистов, которые выводят область исследований за пределы узких границ фрейдовской структуры личности.

Существенным оказывается еще, что психологи обнаружили то, что называется интериоризацией и экстериоризацией. Если в процессе взросления и воспитания, становясь личностью, человек интериоризирует социальное через систему взаимоотношений и практики социальных взаимодействий, то взрослая личность (став индивидуальностью и субъектом социального действия) экстериоризирует это переработанное и поглощенное социальное в практике уже своих взрослых взаимодействий, как актер. Это не совсем то, что социологи называют воспроизводством социальных институтов (через научение — чисто бихевиористский подход) хотя бы уже потому, что происходит их (институтов) изменение именно этими измененными актерами. Совершенно понятно, что межпоколенная трансмиссия социального происходит не пассивно, как переписывание компьютерной программы с одного носителя на другой, а активно — обучающийся перерабатывает то, что получает в процессе воспитания, обучения.

Существует различное отношение к развитой Гумилевым Л.Н. теории этногенеза. Историки, в своем большинстве, ее не принимают, социологи тоже. Однако Гумилев назвал ее именно этногенезом. То есть само понятие этноса оказывается и не историческим и не социологическим. Тем не менее ему удалось найти то, что связывало бы русский космизм и биосферный подход. Для нас здесь оказывается важным то, что субъект этногенети-

ческой динамики — пассионарная личность — вполне отчетливо определен Гумилевым без, что называется, лишних психолого-социологических изысков. Существенным препятствием развития теории Гумилева был широко распространенный подход к объяснению социальных процессов с позиций исторического материализма в терминах классовой борьбы. Тем не менее ни исторический материализм, ни какие-либо другие теории не получили удовлетворительного развития, при этом оказывались препятствием для развития более осмысленного понимания. Важно, что Гумилев связал динамику крупных социальных образований, как этнос, с первичным элементом этого образования — актор, пассионарная личность или, как бы сказали современные адепты синергетики, аттрактивный элемент определяющий точку и направления движения других элементов (людей) социума и этноса.

Наверное одной из существенных социологических работ в проблематике актора является в общем-то относительно старая книга Йоаса Ханса «Креативность действия» (оригинал 1996 года), которая вышла у нас только в 2005 году. В которой еще раз показывается, что для институциональных или организационных образований не является релевантным представление об оценивании, и, более того, о креативности — организации могут действовать как рациональные или креативные только в силу того насколько менеджеры и руководство этих организаций являются таковыми. То есть организация не может являться переживающим субъектом, оценивающим, принимающим решение, творческим или креативным — все это характеристики, модусы, атрибуты персонального действующего субъекта — актора, так или иначе надличностные (надакторные) образования являются виртуальными и не могут представлять из себя каких-то реально действующих субъектов. Если бы это было не так, то владельцы компаний не заботились бы о том чтобы привлечь в компании наиболее продуктивных, талантливых и активных менеджеров. Другими словами, поведение социальных субъектов — компаний, организаций, государств определяются небольшой группой менеджеров, качество которой и определяет результативность деятельности «безличностного» образования — организация, департамент, правительство и т. д.

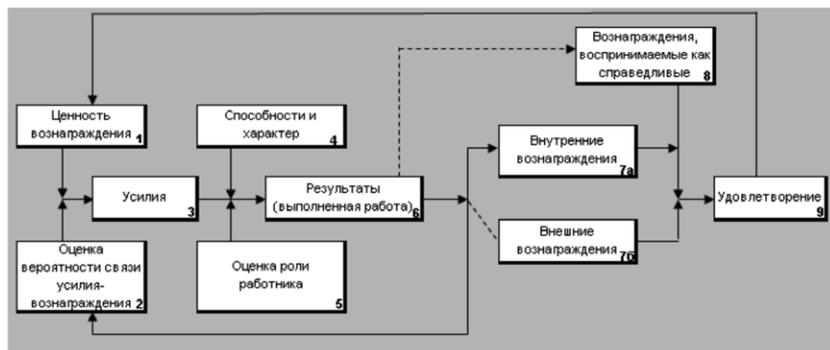
ПРОБЛЕМА АКТОР-МОТИВАЦИИ. В целом, относительно мотивации, обнаруживается фундаментальная проблема. Дело в том, что мотив (как внутреннее побуждение, неосознаваемый во фрейдовском употреблении), как и стимул (в том числе и внешнее побуждение) неявно предполагает некоторую силу, которая заставляет актора действовать определенным

образом в то время как, например, юридическое понимание мотивации выражается в рациональном объяснении подсудимым своего поведения при ответе на вопрос «почему он это сделал». В юридической практике выяснение мотивации необходимо для квалификации совершенного преступления, которая определяет, в частности, меру наказания. С другой стороны, подсудимый совершая определенные действия и руководствуясь, например, корыстными мотивами, достигает вполне определенной цели, то есть кроме того, что его поведение и действия могут быть рассмотрены, как возбужденные определенными мотивами, совершенно четко видно, что у него есть и определенные цели к достижению которых он стремился. Таким образом, можно двойственно говорить об источниках социального действия, как вызываемых (подталкиваемых) определенными внешними и внутренними силами (мотивы, стимулы), так и о целях — том, что притягивает, создавая направленность движения. Так что определяет социальное действие — внутреннее/внешнее побуждение или внешнее привлечение притяжение? Писатели XIX-XX веков разнообразно исследовали эту проблему и обнаружили, что общество само провоцирует и стимулирует преступное поведение.

Курт Левин решил эту проблему следующим образом — нет ни внутреннего, ни внешнего, а есть структура поля, которая определяет действие субъекта. Уже достаточно давно следователи и юристы обнаружили, так называемое, провоцирующее поведение жертвы преступления, которое обнаруживается практически в большинстве насильственных преступлений. Большинство преступлений происходят, что называется, в узком кругу — семья, коллеги по работе, партнеры по бизнесу. Таким образом преступник и жертва оказываются связанными системой межличностных, деловых, родственных отношений, которые и определяют структуру поля. В результате преступление является некоторым «естественным» преобразованием этого поля, что и позволяет детективу определить, «вычислить» преступника. Но, как говорил Шерлок Холмс, иногда преступник вызывает большее сочувствие чем жертва.

Наиболее уместной в этом рассмотрении представляется модель мотивации труда Портера-Лоулера, которую можно рассматривать в виде обобщенной модели актер-мотивации. Лайман Портер и Эдвард Лоулер разработали комплексную процессуальную теорию мотивации, удачно сочетающую элементы теории ожиданий (Виктора Врума) и теории справедливости. В этой модели любой работник — сознательный человек оценивающий и сопоставляющий свои затраты, вероятности успеха, до-

статочность вознаграждения относительно собственных затрат и относительно наблюдаемых им коллег по работе или аналогичных работников других предприятий.

Рис. 1. Модель мотивации Портера-Лоулера. Источник: Lyman W. Porter and Edward E. Lawler, *Managerial Attitudes and Performance* (Homewood, Ill.: Irwin, 1968), p. 165. (Приведено по книге Майкла Мескона, Майкла Альберта, Франклина Хедоури. *Основы менеджмента*: — М.: Дело, 1999.)

Важное следствие для нас этой модели состоит в том, что результативный труд ведет к удовлетворению. Это диаметрально противоположно тому, что думает по этому поводу большинство управленцев, находящихся под влиянием ранних теорий человеческих отношений. Портер и Лоулер, утверждают, что удовлетворение или неудовлетворение работой возникает как результат сопоставления затрат труда и получаемых вознаграждений не ограниченных исключительно оплатой. Таким образом есть некоторые выходы в то, что названо актор-мотивация, которая отлична и независима от «внутренних» мотивов и не детерминируется однозначно социальной структурой (внешними стимулами), как это определяется в институциональных теориях. Актор-действие окрашивается индивидуальными особенностями действующего субъекта и происходит на фоне (в среде) определенных социальных структур, но они не определяют само актор-действие, как результат действия внутренних и внешних факторов. Питирим Сорокин определил имманентные источники социальной и культурной динамики как фундаментальные, то есть социальное имеет свою собственную природу изменений и движения. Подход Сорокина ближе к

концепции поля Курта Левина. Однако, если у Левина поле представляется как некоторая внешняя структура в которую погружено действие, то у Со-рокина поле и структура личности или актора оказывается определяемой некоторой системой истины и представляется релевантным типом актора для актуального поля, определяемого как тип культуры.

Институциональные теории оказываются совершенно беспомощными по отношению к реальному поведению актора — он может присутствовать в организации и институциональной структуре, но его цели и намерения оказываются за пределами структуры в которой он находится. Это не значит, что актер может преследовать какие-то свои собственные цели (что естественно и понятно) за пределами организации, а в том, что актер формально оказываясь принадлежащим определенной организации может преследовать цели другой организации. То есть, институциональная теория не любит, что актер может быть двойственным, тройственным и т. д., работая на разные организационные образования и институциональные структуры. Однако это не противоречит принципу рационального поведения, то есть, актер рационально определяется по отношению к некоторому множеству организаций и сам определяет выбор относительно того в чьих интересах он действует и какие организации представляют для него большую ценность. Не говоря уже о том, что для каждого актора организация представляется прежде всего как среда для реализации своей карьеры (как бы мы ее не понимали) — он готов действовать на благо организации до тех пор пока это способствует его карьере, то есть занятию более высокого положения в обществе.

Другая сторона не личностного, а актерского подхода может быть выражено в том, что психологи назвали идентичностью. Идентичность как ассоциация себя с различными социальными образованиями, на определенном этапе уже явно выходит за пределы психологии межличностных отношений. Хотя бы даже простой феномен профессиональной идентичности оказывается продуктом вторичной социализации и обнаруживается где-то в пределах 30 летней возрастной границы, разумеется есть различия в зависимости от профессии. Древний человек мог развить только свою племенную идентичность, современный же человек может развить свою до человечества.

Борис Докторов, например, активно занимается сейчас проблематикой поколений в социологии. Это безусловно плодотворное направление, и с точки зрения рассматриваемого вопроса идентичности, понятно, что только в определенном зрелом возрасте личность может осмыслить себя

как часть поколения живущего в определенной эпохе, как принадлежащего к тем, кто что-то унаследовал, и кто должен это унаследованное, развитое до сегодняшнего состояния, передать следующему поколению. Можно много говорить о национализме и он принес немало страданий и проблем, но человек должен пройти в своем развитии фазу национальной идентичности. Мы же можем указать исторические личности, которые совершили подвиги для своих народов, как, например, Ганди. Совершенно также ясно, что многие люди не в состоянии достигнуть таких высот духовного развития — для многих индивидуальное развитие прекращается по достижении половозрелого возраста. Более того, условия жизни большинства людей таковы, что они не только не способствуют такому развитию, но и существенным образом препятствуют.

Так или иначе, но теоретические проблемы социальной теории естественным образом уходят в проблему детерминация социального действия. И здесь мы оказываемся в плену старинной дихотомии биологическое-социальное или для социологии психологическое-социальное. Что определяет социальное действие актора? То ли это его внутренние, в том числе и биологические детерминанты и соответствующие психические, как мотивация, то ли социальное действие определяется внешними социальными институциональными факторами-стимулами? Как видно это ложная дилемма, тем не менее она так или иначе присутствует в социальном теоретизировании. Переосмысление действующего субъекта — актора, как некоторого нового образования социальной реальности активного до такой степени, что он не только является результатом интериоризации социального через научение, но и субъектом изменения этой социальности через экстериоризацию. Существенно, что актер — рационально действующий субъект в том смысле, что социальное взаимодействие построено на том или ином взаимопонимании, что невозможно без рациональности. Однако здесь мы попадаем уже во власть теории рационального действия. Не углубляясь можно сказать, что современное состояние этой теории определяется достаточно упрощенным пониманием рациональности, как выгоды и прибыльности, опирающуюся на рациональность поведения в области бизнеса и финансов. То есть, вся рациональность сводится к уменьшению затрат и максимизации прибыли. Однако уже в пределах экономической теории такое понимание рациональности оказывается явно недостаточным и слишком грубым. Ограниченность такого подхода выражается в предпочтении тактических решений над стратегическими, то есть стратегия попросту отсутствует — превалирует тактика. Другими

словами, такая рациональность выражается в ближнем горизонте планирования и пренебрежением по отношению к результатам, которые могут иметь отрицательные долговременные последствия. Нет смысла об этом говорить более подробно, так как проблематика современного мирового кризиса многими экспертами определяется, как экономическая деятельность направленная на удовлетворение исключительно ситуативных потребностей, что влечет массу наблюдаемых отрицательных социально-экономических результатов в виде проблем экологии, образования, воспитания, семьи, межнациональных отношений и т. д. Таким образом, ситуативная экономическая рациональность оказывается стратегической общечеловеческой иррациональностью, так как влечет последствия подвещающие риску жизнь следующих поколений, то есть представляющих угрозу воспроизводству человечества.

Таким образом, у нас есть весомые основания использовать термин актер, для обозначения именно индивидуального (персонального) субъекта социального действия. При этом нам не надо уходить в психологию, а наоборот, сама психология говорит нам, что ее представление о человеке, как личности, является недостаточным и устраивает разве что психотерапевтов, которые придерживаются существенно различных представлений и теорий. С другой стороны, собственно психологические проявления личности в действующем субъекте оказываются лишь формой социальных взаимодействий определяемых как стиль лидерства, руководства (функциональная специализация в групповом взаимодействии), но не их содержанием. То есть актер необходим как преодоление психологической ограниченности понимания человека и как полноправный и полноценный субъект социального действия. Но вопрос даже и не в этом. На самом деле у нас появляется возможность рассуждать и рассматривать социальное как материальное образование состоящее из атомов-актеров. В этом случае используемые и модные сейчас термины синергетики могут оказаться не только удобными метафорами, но и наполниться совершенно определенным социологическим содержанием. Нам понадобится только определить фундаментальные свойства этой социальной ткани и ее атомов. Если продолжить движение в направлении формализации и физикализации социологической предметной области, то необходимо ввести понятие массы для нашей социальной материальной реальности и ее атомов. То есть фундаментальным свойством социального, как материального, является масса (и энергия, но знаменитое $e=mc^2$ открыто вовсе не Эйнштейном, он только поместил это уравнение в свою теорию, а лет за двадцать до него,

физиком и математиком Оливером Хевисайдом). В нашей повседневной жизни мы практически все время используем те или иные аналоги массы для оценки и понимания социального — это все, что относится к авторитету, популярности, ценности, достижениям, даже такие феномены, как рейтинг или объем продаж (фильма, книги, вещи). Наша способность влиять на других людей и их авторитет для нас может быть выражена в том, что физики назвали массой.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОЛЕ. Социальное пространство, как понятие происходит, наверное, от Георга Зиммеля, но свою социологическую плоть оно обрело усилиями Эмори Богардуса в виде шкалы социального расстояния или, как принято говорить, социальной дистанции. Однако внутри социологии дело дальше не пошло и это направление так и не породило развитие техник социальных измерений, позволяющих получать пространственные отображения социального.

Приблизительно в это же время (начало 30-х годов XX в.) Джакоб Морено придумал свою социометрию для исследования малых групп. Вообще тридцатые годы были очень плодотворными в развитии социальных измерений — Терстоун разработал методы построения шкал, Питирим Сорокин проводил свои исследования социальной и культурной динамики включающие оригинальные методы измерений, Курт Левин трудился над теорией психологического поля. Позднее, в середине 50-х годов появились, почти одновременно, результаты и методики по субъективному шкалированию или реконструкции субъективного пространства — это метод и тест семантического дифференциала (не очень удачное, или даже совсем неправильное, название метода) Чарльза Осгуда, и тест репертуарных решеток Джорджа Келли.

В отличие от Морено и Осгуда, теоретизировавших о личности, теория личностных конструкторов Келли непосредственным образом связана с методом или техникой (тестом) репертуарных решеток (TRP). Эта техника позволяет реконструировать субъективное пространство. Однако в те времена, когда она появилась, вычислительные машины были не так доступны (а метод предполагает обработку матриц с элементами из коэффициентов корреляции), как сейчас, и применение ее было ориентировано на психологов и психотерапевтов, то значительного развития это направление не получило.

Следует заметить, что исходное базовое образование Келли — физика, в психологию он пришел несколько позднее, то есть его характер мышления и культура скорее естественнонаучные, а не гуманитарные, что обусло-

вило особое положение (за пределами майнстрима) как его теории, так и техники исследования личности. В 1977 году вышла книжка «A Manual For Repertory Grid Technique», а в 1987 вышел перевод этой книги на русский язык с несколько вводящим в заблуждение названием «Новый метод исследования личности», хотя в то время ни теория личностных конструктов ни сам тест репертуарных решеток не рассматривались в обзорах теорий личности, то есть название оправдано тем, что для отечественных исследователей этот метод, как и Келли со своей теорией оказывался просто terra incognita. Эта книга дает не только представление но и полноценное объяснение ТРР, поэтому и английское название в оригинале звучит как «Руководство по технике репертуарных решеток». В предисловии к этой книжке наши психологи пишут: «Это «родовой метод», вобравший в себя и преимущества свободной беседы и структурированного интервью, и положительные черты стандартизированных оценочных и самооценочных техник» [Новый метод исследования личности. Ф. Франселла, Д. Баннистер. Москва, «Прогресс». 1987. Стр. 9]. Не самый плохой обзор теории Келли можно найти в интернете (<http://psylib.org.ua/books/hjelz01/txt23.htm>) это целая глава 9 из книги Ларри Хьелл, Дэниел Зиглер «Теории личности. Основные положения, исследования и применение». Тем не менее она совершенно бесполезна для понимания технических вопросов реконструкции субъективного пространства и применения для этого ТРР.

Причем здесь субъективное шкалирование? Проблема в том, что базовые социальные измерения, так или иначе, возможны только как измерения того, что люди сами считают важным, как их отношение к различным вещам, явлениям и т. д. То есть, социальное пространство и поле — это пространство смыслов, отношений, напряжений, значений. Другими словами чтобы представить или изобразить социальное пространство нужно выяснить как люди относятся друг к другу и как они относятся к массе других вещей. Проблематика реконструкции социального пространства может быть сформулирована, в наиболее общем виде, следующим образом — как из субъективных отношений людей друг к другу, да и ко всему миру можно построить этот мир как картинку независимую от субъективных, частных его пониманий и отношений к нему.

Социальное, как наблюдаемое, не имеет той же природы, как и звездное небо над нами, оно конструктивно (конструируется наблюдателем и участником социальных процессов) и субъективно. Фактически наше представление о социальном, как объективно наблюдаемом может быть реконструировано только как полученное из субъективных представле-

ний о действительности. Грубо говоря, если бы мы имели возможность не только наблюдать звездное небо, но и иметь представление о суждениях наблюдателей живущих на разных планетах солнечной системы, то представление о том, что есть солнечная система, должно бы было возникнуть из сопоставления различных представлений наблюдателей находящихся в разных ее точках. Чудо астрономии заключается в том, что она смогла преодолеть очевидную данность неба, как поверхности и движения небесных объектов вокруг Земли, к представлению об устройстве солнечной системы. При этом человек оставался в сущности на плоской Земле.

Возможность совместного наблюдения выражается в том, что наблюдаемое одинаково доступно различным наблюдателям, что позволяет каждому из них указывать на элементы области наблюдения непосредственно. Именно в этом специфика естественнонаучного наблюдения — область наблюдения одинаково доступна различным наблюдателям и их представления могут сопоставляться и обобщаться путем непосредственного указания на то, что происходит в наблюдаемой области. Социальное не является таким одинаково доступным для наблюдения различными наблюдателями, поэтому оно должно быть реконструировано, когда самим наблюдателям будет видно не только ими наблюдаемое, но и свое собственное положение по отношению к нему.

В притче о слепцах и слоне присутствует представление о фрагментарности наблюдения, как недоступности для наблюдения всего объекта (слона), но существует и еще проблема заключающаяся в разных точках наблюдения, то есть доступности объекта целиком, но только из определенной точки пространства, то есть представление об объекте оказываются некоторой проекции на плоскость или в некоторое другое пространство. Скорее это похоже на задачу описания действительности через независимые наблюдения в разных точках (но известных, определенных) пространства, при этом область наблюдений одинаково доступна для наблюдателей с разной локализацией. Таким образом, существует несколько «плоских» проекций действительности, вопрос в том можно ли по ним восстановить эту самую действительность. Её невозможно восстановить до тех пор пока мы не знаем положение наблюдателей относительно этой действительности.

Со школьной скамьи мы привыкли к графикам функций изображаемым в декартовой системе координат, когда, например, по оси абсцисс откладывается время, а по оси ординат значение некоторой переменной величины, что позволяло нам получать наглядно представление о зави-

симостях. Мы настолько привыкли к этим графикам, что совершенно не обращаем внимание на то, что при таком представлении время у нас по сути оказывается пространственным измерением. Это очень важное обстоятельство — для нас время является не чем иным как передвижением и изменением в пространстве, поэтому его удобно, и легче всего, представить в виде пути, что и показывают графики функций от времени. Когда мы смотрим на часы, то определяем свое положение во времени, на которое нам указывает пространственное положение стрелок на циферблате (при этом предполагается, что нам известно время суток, как день или ночь, нам также может быть известен день недели, месяц, год, что не всегда представлено на циферблате).

Таким образом мы можем говорить о двух типах пространственных отображений — собственно пространственные и квази пространственные, как изображения процессов во времени. В первом случае можно говорить о топологии, а во втором квази топологии.

Когда мы говорим о социальном пространстве, то говорим о нашем собственном или чем-то другом положении по отношению к положению кого-то другого или других. Когда нас просят описать что-то, то мы никак не можем это сделать иначе, как в терминах сравнения — «похожий на...», «близкий к...», то есть, так или иначе, в пространственных терминах.

Сети как первые отображения социального пространства

Рассмотрим основные методы получения отображения социального (объективного и субъективного) пространства и поля к которым следует отнести социометрическую технику Джакоба Морено, метод семантического дифференциала Чарльза Осгуда и репертуарные решетки Джорджа Келли. Наверное первая реконструкция социального пространства была получена Морено в своей социометрической технике.

Это социограмма типа «мишень». Не очень удачное название, более правильно, в физическом смысле, следует говорить о распределении масс или социальном гравитационном поле в виде графа. Социометрическая техника позволяет получить количественную оценку того, что принято называть «лидер» — в социометрии лидером является тот, кто получает высокий социометрический статус выражающийся в относительно большем количестве выборов по определенному исследователем критерию. Этот критерий независимо от содержания так или иначе определяет условие по которому члены группы оценивают друг друга как более или менее

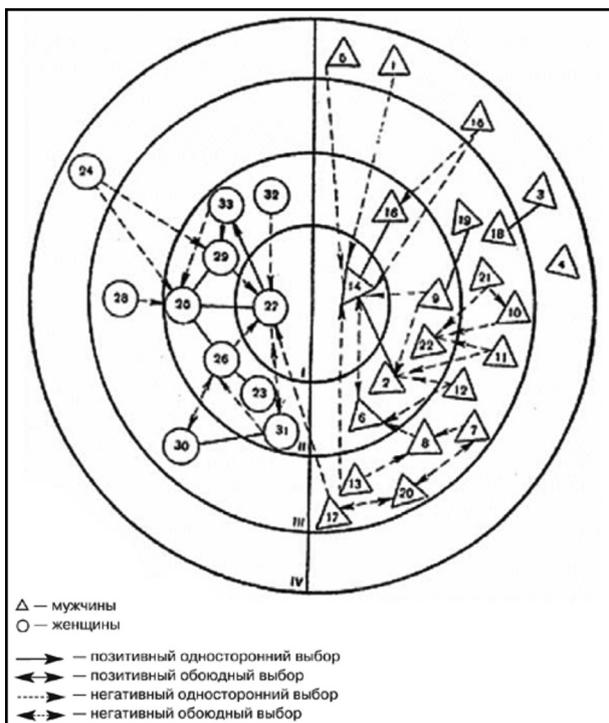

Рис. 2. Пример социограммы группы. Социограмма взята из: <http://www.hrliga.com/index.php?module=profession&op=view&id=1026>

привлекательных (притягательных), ценных, уважаемых и т. д. В самом общем виде любой критерий позволяет определить характер взаимодействия в группе как движение по направлению к центрам масс, образованным «звездами»-лидерами. В любом случае социограмма позволяет определить «ядро» группы, его структуру и положение членов группы в некотором социальном гравитационном поле. Отображение социального пространства-поля в диаграмме типа «мишень» логически вытекает из представления о распределении массы и, соответственно, социального гравитационного поля — в центре располагаются «звезды», члены группы с наибольшим социометрическим статусом и, на кратном уменьшении статуса удалении, другие члены группы. В результате концентрические окружности проведенные с определенным шагом статуса показывают убывание силы поля

к периферии группы. То есть социограмма приближает нас к пространственному отображению социального поля, как гравитационного. Однако в социометрической технике нет измерения расстояния, а есть только «массы» в виде социометрического статуса и направления-градиента поля в виде направлений выбора. Для получения более выразительной картинки социального поля очевидно необходимо ввести некоторое измерение расстояния.

На первый взгляд социометрия относится к социальным образованиям в виде контактных групп реальных трудовых, учебных или игровых объединений людей. Однако очень скоро оказалось, что она с успехом может описывать научные неконтактные социальные образования в виде научных школ и исследовательских направлений. В результате возникло целое направление — наукометрия. В наукометрии, в частности, применяется аналогичная техника для построения графа связей между учеными какого-либо научного направления посредством обработки цитирований учеными друг друга в своих публикациях. В результате обработки цитирований можно получить картинку в виде такого же графа связей между учеными (их работами), определить структур научного направления по влиянию обнаруживаемых лидеров, деривацию, как происхождение новых представлений от идей ученых в относительно отдаленном прошлом.

Если в группе (например, сотрудников) мы сталкиваемся с непосредственными отношениями (контактными) между ее участниками, то взаимодействия ученых основываются на печатных работах — статьях и других публикациях. Тем не менее, в обоих случаях участники оказываются доступными для наблюдения, формирования отношения и оценивания. В любом случае специфичность метода заключается в том, что каждый участник взаимодействия выражают свое отношение ко всем остальным. Специфический результат такой процедуры — матрица смежности, которая позволяет построить граф, получить «веса» участников в виде социометрического статуса, наконец построить, в некотором приближении, объективное социальное пространство как структуру взаимодействия участников. Что важно при этом — такую картинку не имеет в своем представлении ни один из участников, хотя общее представление о лидерах-звездах конечно есть у каждого. Однако каждый участник каким-то специфическим образом представляет контактную группу или научное направление, то есть субъективно социальная структура каким-то образом присутствует в сознании каждого участника, другими словами существу-

ют субъективные пространства, которые и определяют индивидуальное поведение в групповом взаимодействии участников.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ (SD) ЧАРЛЬЗА ОСГУДА. Эта техника восстановления субъективного пространства и его отображения представляет несомненный интерес. Человек может высказать непосредственно свое отношение, например, к двум объектам, пусть это будут два фильма или два музыканта. Осгуд с коллегами провел многочисленный исследования используя множество биполярных шкал определений (хороший-плохой, высокий-низкий, быстрый-медленный и т. д.) и 7 балльную шкалу (-3 -0- +3) для оценивания различных понятий (поэтому метод и получил название семантический дифференциал), исследование происходило в направлении выявления личностных смыслов, а не семантики в лингвистическом смысле. В результате факторного анализа Осгуд получил три ортогональных фактора, которые позволяют выразить этот смысл в виде оценки по трем агрегированным шкалам, другими словами интересующий исследователя объект будет располагаться в виде точки трехмерного пространства с ортогональными осями, как их назвал Осгуд — «оценка», «сила», «активность», полученными в факторном анализе. В этом случае разница между оценками различных объектов будут выражаться в расстоянии между их положениями в этом пространстве. С другой стороны, если мы поместим в этом пространстве две точки, которые соответствуют координатам одного и того же объекта, но данного различными людьми, то мы можем получить расстояние между двумя этими испытуемыми, как меру различия их точек зрения, то есть расстояние между оцениваемыми объектами оказывается расстоянием между оценивающими субъектами.

Существенная особенность метода SD заключается в том, что структура пространства получается статистическим способом — оси, определенные Осгудом, являются статистическим обобщением субъективных способов структурирования реальности. Дальнейшие исследования показали, что для локальных предметных областей существуют некоторые локальные пространственные оси. Другими словами, возникает вопрос, насколько обобщенные статистически оси позволяют субъекту презентировать свое субъективное отношение к наблюдаемым элементам действительности? На деле оказывается, что полученные оси могут быть не релевантны не только субъективно, но и по отношению к группам субъектов или предметным областям, что и было получено в результате множественных исследований.

Джордж Келли пошел несколько дальше и в другом направлении (хотя и разработки подходов относятся к одному времени — середина 50-х годов XX века), он исходило из того что способы структурирования пространства могут быть совершенно субъективными, более того они таким и являются. Келли определил, что есть некоторые элементы (объекты) существенные для субъекта в его окружении и есть некоторые конструкты — шкалы, как пространственные измерения, по которым субъект структурирует эти элементы, то есть элементы располагаются в некотором пространстве субъективных шкал, которые Келли назвал конструктами.

РЕПЕРТУАРНЫЕ РЕШЁТКИ КЕЛЛИ. Мы уже столкнулись с тем, что и социометрия Морено и семантический дифференциал Осгуда оказываются техническими приемами для получения некоторого отображения того, что можно назвать, в том числе, социальным пространством. При этом не важно объективное оно или субъективное в том смысле, что и то и другое имеет некоторую общую природу, то есть в основе методов получения пространственных отображений социального должны лежать некоторые универсальные подходы, которые инвариантны по отношению к любым методам пространственных построений и реконструкций. С другой стороны, по теореме Томаса реальность всегда оказывается субъективной — актер поступает так как считает нужным исходя из собственных интерпретаций и понимания действительности.

В методике Келли определены элементы и определены конструкты. При этом испытуемый сам выбирает конструкты (существуют даже специальные процедуры позволяющие «вызвать», «извлечь», «выявить» конструкты). Относительно элементов существуют различные подходы, но для нужд психотерапии Келли предложил набор из 24 элементов начиная от учителя которого испытуемый любил (и которого не любил), и заканчивая самым удачливым и интересным человеком из всех кого испытуемые знает лично. То есть речь идет о тех людях (элементах) с которыми испытуемый так или иначе встречался и взаимодействовал. Обычно это список называется списком ролевых персонажей, но его можно также назвать списком ситуаций и типом поведения в этих ситуациях. Что касается конструктов, то способов их выявления у испытуемого может быть достаточно много — они подробно описаны (метод диад, триад, лестницы, построения пирамид и др.). Так или иначе но, например, испытуемый может описать учителя, которого он любил по сравнению с учителем которого он не любил в конструктах типа «аккуратный-неряха» или «конкретный-абстрактный» и т. д. То есть, любимый учитель представляет некоторую

противоположность в определенном смысле нелюбимому учителю, это различие должен показать и выявить конструкт — шкала которая делает эти элементы находящимися в различных точках субъективного пространства, находящихся на «концах» конструкта.

В частности, подход Келли может быть и применим к оцениванию и не субъективных пространств и элементов, в работе Ф.Франселла и Д. Баннистер приводится пример оценивания теорий личности (Фрейд, Эриксон, Морей, Скиннер, Олпорт, Келли, Маслоу, Роджерс) по 8 конструктам: свобода-детерминизм, рациональность-иррациональность, холизм-элементаризм, наследственность-окружающая среда, субъективность-объективность, активность-реактивность, гомеостаз-гетеростаз, познаваемость-непознаваемость. Таким образом, если речь не идет о психотерапевтическом обследовании личности, то техника может быть применена относительно самых разнообразных социальных реальностей при соответствующем определении того, что Келли назвал элементами и конструктами. Так или иначе, но методику Келли можно принять как основную например для таких процедур, как экспертные оценивания. Особенно в тех случаях, когда область экспертного оценивания не является узкой и сильно специализированной, то есть ситуация некоторой «мягкой» экспертизы. Дело в том, что обычные процедуры экспертизы предполагают сильную однородность экспертов, то есть ситуацию когда различия в оценках экспертов соответствуют различию оцениваемых объектов. Методика Келли предполагает, что эксперты могут быть сильно неоднородны и располагать разными критериями оценки. При этом результат такого оценивания позволяет сделать выбор и заключение относительно объектов с сильно разнородной структурой значимых оцениваемых параметров.

В методике Келли испытуемый (пациент) один. Эти результаты позволяют провести корреляционный и факторный анализ конструктов на предмет выявления конструктов более высокого порядка, а также провести анализ элементов на предмет выявления кластеров — относительно однородных групп элементов. Таким образом в анализе Келли испытуемый порождает матрицу в ячейках которой оказываются оценки по конструктам для соответствующих элементов. В свою очередь эта матрица может быть подвергнута процедурам корреляционного факторного, многомерного шкалирования, кластерного анализа по столбцам и строкам, то есть между элементами или между конструктами.

БОЛЕЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОЛЯ. Так или иначе, но мы видим, что за попытками найти ото-

бражения социального, как пространственного, скрывается ряд фундаментальных проблем. Во-первых, это специфичность интрасубъективного пространства смыслов и значений, которое не поддается какой-либо универсализации. Во-вторых, сами социальные отношения связи и зависимости происходят в той области, которая является достаточно однозначно воспринимаемой актерами независимо от их специфичности восприятия действительности. Грубо говоря, не известно что думал каждый из игроков в шахматы относительно намерений и поведения партнера, но результат очевиден для всех участников и внешних наблюдателей. Реальность актора субъективна, но действительность формируется не из представлений акторов, а из их действий. Реальность актора непрерывно становящийся процесс — он всегда ее корректирует по результатам. Поэтому часто можно услышать — «я ошибался относительно игрока А» или «я недооценил (переоценил) возможности партнера В» и т. д. Так или иначе, но уверенность в том, что наши представления о действительности правильны подтверждаются опытом. В противном случае мы вынуждены признать, что ошибались и переходим в состояние из «казалось» в «оказалось», то есть, вынуждены пересматривать свои представления о действительности и формировать новую реальность.

Сейчас представляется важным, что проблематика пространственных отображений социального определяется некоторыми существенными обстоятельствами. Самым главным представляется то, что любые пространственные представления основываются на том, что наблюдатель сам является элементом или объектом этого пространства. В самом деле, когда мы описываем положение наблюдаемого, то мы сами непосредственно являемся элементами этого пространства, в противном случае наблюдение невозможно. Хотя это и кажется очевидным и не нуждающимся в объяснении, тем не менее для нас оказывается важным то, что наблюдатель и объект имеют ту же самую природу относительно пространства наблюдения — они являются элементами этого пространства. Это можно еще понимать и так — наблюдатель находится на некотором объекте принадлежащем пространству, как он находится на Земле, как объекте — космическом теле, поэтому может наблюдать другие космические объекты. Отсюда следует, что отношение наблюдателя к объекту одновременно указывает и на положение субъекта наблюдения. Опять же известное выражение «скажи мне кто твой друг, я скажу тебе кто ты», это можно перефразировать «скажи мне что ты любишь и что не любишь, и я скажу тебе кто ты», а в пространственных координатах «скажи мне как по отношению

к тебе расположены объекты наблюдения и я скажу где ты». То есть существует двойственное значение оценочного суждения — оно характеризует как объект оценивание, так и субъекта оценивания. В результате различия между людьми определяются в их различном отношении к одним и тем же объектам, так как объекты единственны и самотождественны — А. С. Пушкин единственен, но наше отношение к нему (разных субъектов) может быть различно, то есть это различие отношений определяет нас, но не Пушкина, так как не может быть двух, трех и т. д. Пушкиных.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ПРОСТРАНСТВО. Допустим, есть некоторое множество субъектов (например, эксперты), которые оценивают некоторое множество объектов, пусть они оценивают объекты в терминах расстояния, то есть как «близкие и далекие». Пусть этих объектов будет четыре, а расстояние определяется экспертами по шкале 1–4 балла (табл. 1.). В этом случае «пространство» определяется как такое вместилище, где существует субъекты и объекты, при этом субъекты наблюдают объекты из определенных точек этого пространства. Это можно назвать космическим представлением пространства, когда наблюдатели принадлежат некоторым объектам пространства или позиции наблюдателей находятся на некоторых неизвестных объектах, что и определяет специфичность восприятия конфигурации пространственного положения оцениваемых объектов. Субъект-объектное пространство необходимо восстановить из этих первоначальных данных, при этом «точка зрения» это то место в этом, пока неизвестном пространстве, из которой субъект наблюдает объекты. В результате субъект-объектное пространство это такое пространство, где существуют объекты и некоторые другие объекты, на которых находятся наблюдатели. То есть «точка зрения» — положение наблюдателя в субъект-объектном пространстве.

Т а б л и ц а 1.

Объекты	Оценки субъектов	
	А	В
i	1	4
j	2	3
k	3	2
m	4	1

Таблица 1. представляет такие результаты оценки экспертами, которые находятся в обратной зависимости или корреляция между оценками эк-

спертов равна -1 . Ответ на вопрос о расстоянии между «точками зрения» наших экспертов или позициями наблюдения заключается в том, что «точки зрения» противоположны, в этом случае расстояние между «точками зрения» составляет $4+2=6$. В результате мы получаем субъект-объектное пространство в виде одномерного континуума или, проще говоря, линии.

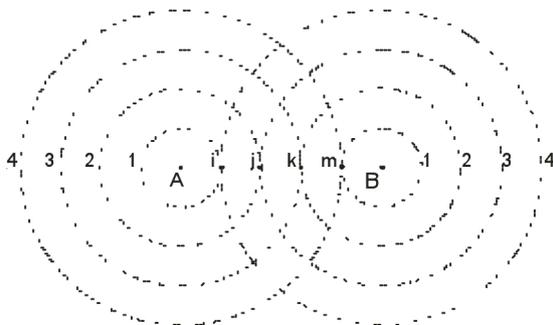

Рис. 3.

По сравнению с традиционным пониманием экспертных оценок, когда мы можем говорить о пространстве расположения объектов в оценках экспертов, когда совокупность экспертов интерпретируется как пучок ортогональных векторов проходящих через точку «0», то есть эксперты рассматриваются как оси некоторого многомерного пространства, где каждый эксперт представляет ось на которую проектируется объект. В прочем, такого рода данные обычно могут рассматриваться или по столбцам или по строкам. В последнем случае осями считаются объекты. Таким образом, феномен пространства определяется как проекция субъектов на объекты или наоборот.

Каждый элемент субъектно-объектного пространства может наблюдаться из своей области на определенных расстояниях элементы, в тоже время каждый объект может наблюдаться из какой-то определенной области удаленной от себя. Или другим словами, любой объект может рассматриваться как потенциальная точка с которой может производиться наблюдение.

Мы рассмотрели простой случай, когда точки зрения субъектов противоположны и феномен субъект-объектного пространства обнаруживается непосредственным образом как одномерный континуум.

Следующий случай, не смотря на всю свою простоту, позволяет получить представление о субъект-объектном пространстве (табл. 2.) .

Т а б л и ц а . 2 .

Объекты	Оценки субъектов	
	А	В
i	1	1
j	3	2

В таблице 2, объект (i) оказывается одинаково удаленным от наблюдателей (А,В) из чего следует, что субъекты (А,В) находятся на окружности $r=1$. Возьмем произвольную точку на единичной окружности и будем считать ее точкой положения наблюдателя А. Теперь из точки А проведем окружность $r=3$ — область нахождения объекта (j). Так как расстояние между В и j равно 2, то единственная точка удовлетворяющая этому условию находится на пересечении окружности $r=3$ из точки А и окружности $r=3$ из точки i. Соответственно точка В определяется как пересечение окружности $r=2$ из точки j и $r=1$ из точки i. Таким образом мы полностью восстановили субъект-объектное пространство (Рис. 4, b).

Рис. 4.

Расстояние между А и В определяется геометрически. Так как это двумерное пространство, то создадим оси и отобразим точки пространства с теми свойствами, которые получились в результате построения.

Заключение

Есть смысл рассмотреть аналогии двух фундаментальных физических законов — Закон всемирного тяготения и Закон Кулона для социальных взаимодействий. Речь идет о том, что если мы хотим описать социальное

поле, то нам необходимо воспользоваться одним из этих законов. Возникает существенная трудность, которая обнаруживается уже на самых первых порах исследования социальных взаимодействий. А именно, дело в том, что видно на нашей социограмме (рис.1.) члены группы могут относиться друг к другу, что называется, по Закону Кулона, то есть испытывать как притяжение, как разноименные заряды, так и отталкивание, как одноименные. Таким образом в социальных взаимодействиях мы так или иначе обнаруживаем одновременное действие и Закона Кулона и Закона тяготения. Более того, если продолжать эти аналогии то получается, что между «отталкивающимися» элементами социально-материального образования могут существовать некоторые социальные «нейтроны», то есть те, кто не «участвует» в «зарядовом» взаимодействии. Наконец, в физике ядра существуют внутриядерные силы, которые определяют взаимодействие связность и целостность ядра. Протоны, которые в противном случае должны бы были отталкиваться друг от друга, как одноименные заряды оказываются связанными в ядре.

Современная социологическая теория нуждается не в философско-дикурсивных понятиях и теориях, а в развитии своей собственной теории на базе тех наработок, которые известны в области социальных исследований. Прежде всего это опыт получения социальных измерений как измерений в социальном пространстве. То есть социальное мыслится как материальное, как специфическое материальное, которое нуждается в своих методах и техниках измерений. Существенным здесь оказывается то, что актер имеет свое собственное представление (модель, картину мира) действительности, которая является для него реальностью. Социальное, как объект исследования, оказывается тем, что определяет характер и особенности межакторных взаимодействий, происходящих в некоторой рациональной (понятной для участников) среде. В результате социальное может быть представлена для изучения и понимания как реконструированная из субъективных представлений акторов или восстановленная из характера межакторных взаимодействий доступных как состояние отношений между акторами. Результат такой реконструкции может быть представлен как некоторое поле в многомерном пространстве претерпевающим определенные трансформации в силу сочетания действий акторов обладающих определенной социальной массой и направленностью (вектором), то есть силой (F).

Актуальная социология: без социологизма и без актора

Огромная и аморфная масса исследований, являющихся современной социологией хронологически, концептуально и институционально, не представляет собой своевременной и действенной науки. Большая часть этих исследований является анахронизмом и ритуальными практиками. Их формальная современность не гарантирует их актуальности. Концептуальная и институциональная принадлежность к социологии обеспечивает место внутри академического сообщества, но не гарантирует востребованность и эффективность вне его рамок.

Актуальная социология создается и существует внутри массива современной социологии как несколько разрозненных и иногда пересекающихся тенденций, выводящих исследования общественной жизни за рамки эпохальности («модерн», «постмодерн», «второй модерн» и т. д.) и вневременной банальности («повседневность», «действие», «знание» и т. п.) к интенсивному настоящему, в режим реального времени. Выделение тенденций актуализации социологии из массы современной социологии и отделение от нее может стать проектом и движением на основе своевременных и действенных исследований интенсивного настоящего в противовес тем затянувшимся дебатам о преодолении кризиса социологии и тем попыткам ее стабилизации, которые характерны для *ритуальной социологии*.

Ритуальная социология представляет собой движение тех, кто вот уже сто лет стремится «наконец-то» разобраться с предметом и методами социологии так, чтобы сделать социологию навсегда правильной. Движение это маятниковое: от структур к акторам и обратно. Фокусировка на проблемах, обостряемых до степени онтологических и экзистенциальных и формулируемых в виде жестких дилемм «структура или действие», «макросоциология или микросоциология», «количественные методы или качественные методы» и т. п., приводит к бесконечно повторяемому ритуальному раскачиванию в заданных координатах. Несмотря на явную бесперспективность попыток окончательно решить эти проблемы, маятниковое движение деятельно поддерживается нынешним истеблишментом международного социологического сообщества. В преддверии XVII

мирового социологического конгресса¹ президент Международной социологической ассоциации (ISA) Мишель Вивьорка, вице-президент Ханс Йоас и председатель местного оргкомитета Улла Бьонберг подписались под коротким, но емким манифестом «Социология в движении» (Sociology on the Move), где тема конгресса заявлена, исходя из того, что «детерминизм мертв» и перспективы социологии определяются обращением к «человеческому действию и воображению».² Таким образом, движение социологии предлагается снова свести к ритуальному раскачиванию, в котором нынешний истеблишмент как раз проходит фазу «смерти» структур и «креативности» акторов.

Такого рода «методологический гуманизм» морально привлекателен, но именно он останавливает поступательное движение социологии и возвращает ее в состояние схоластики, оперирующей универсалиями и сущностями в поисках первопричин. Собственно социология начиналась полтора века назад и всякий раз становится собой в момент ухода от рассуждений об общих свойствах *человеческой природы* к исследованию совместной жизни *разных людей*. То, что для интеллектуалов, принадлежащих к среднему слою и погруженных в мир потребления и коммуникаций, выглядит результатом «человеческого действия и воображения», для некалфицированных работников, безработных или мигрантов, погруженных в рутину выживания и зависимости от бюрократии и социальных служб, скорее будет представляться очевидным и непреодолимым «детерминизмом структур». К тому же социологический истеблишмент, декларируя сейчас поворот к субъектности, явно запаздывает лет на двадцать-тридцать. Наиболее продвинутые члены сообщества, пережили эту фазу движения в сторону методологического индивидуализма и конструктивизма в 1980-90-х годах и сейчас уже перешли в фазу поисков новой объектности и новых режимов объективности, как например, Пиотр Штомпка, Лоран Тевено или Бруно Латур.³

Социальные науки ныне сталкиваются с нарастающим безразличием к их проблематике, идеям, исследовательским результатам. И любые по-

---

¹ Конгресс состоялся в июле 2010 года в Гетеборге (Швеция).

² www.isa-sociology.org/congress2010/

³ Штомпка П. Визуальная социология. М., 2007; Thevenot L. L'action au pluriel. Sociologie des regimes d'engagement. Paris, 2006; Latour B. On Interobjectivity // Mind, Culture, and Activity. 1996, Vol. 3, N 4; Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge (MA), 1999; Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, 2005.

вороты к субъектности и методологическому индивидуализму или к объектности и социологизму не спасают социологию, поскольку в начале XXI века логика общественной жизни совсем иная, нежели субъектно-объектная логика, характерная для науки позапрошлого столетия. Сегодня требуется изучение других феноменов, и главный из этих феноменов — гламур.

Гламур (от англ. *glamour* — очарование) — это не только причудливый стиль жизни тянущихся ко всему «страшно красивому» и потому вошедших в городской фольклор блондинок и метросексуалов. Гламурными могут называть очень разные вещи от макияжа и вечеринок до художественных выставок и литературы. В такого рода характеристиках гламур предстает как эстетическая форма, и эту эстетическую форму можно легко обнаружить в целом ряде культурных феноменов, среди которых голливудская «фабрика грез» 1930-50-х¹, глэм-рок 1970-х, «кокаиновый шик» — клубная культура 1990-х и т. п. Но сегодня гламур уже не сводится только к эстетике. Например, для продвинутых специалистов по брендингу гламур в 2000-х скорее представляется «стратегической культурной идеей»,² то есть в нем обнаруживается своего рода идеология.

Феноменальность гламура в том, что он представляет собой безыдейную идеологию. Подобно идеологиям ушедших эпох, гламур обладает огромной внушающей и мобилизующей силой, влияет на сознание и поведение множества людей. Но при этом гламур не несет никаких «больших» идей вроде «свободы, равенства, братства», «порядка и прогресса» и прочих формул, веря в которые люди поколение за поколением участвовали в построении современного общества. Теперь оказывается, что формула «дольче и габбана» может объединить в одно движение тысячи и даже миллионы людей, но у этого движения нет никаких целей исторического масштаба. Эта сила гламура вызывает шок у интеллектуалов, привыкших верить в силу идей и сетующих на «безыдейность», «бездуховность» гламура. Однако гламур в этом смысле — лишь продолжение отмеченной еще Вебленом и Маркузе тенденции перехода функций идеологии к потребле-

---

¹ Именно от стиля подачи образа в Голливуде, где фотографы и репортеры создавали культ кинозвезд, идет традиция современного употребления слова «гламур», закрепленного в сознании публики основанным в 1939 году журналом “*Glamour of Hollywood*” (ныне издается по всему миру под названием “*Glamour*”).

² Grant J. *The Brand Innovation Manifesto*. Chichester, 2006, P.226-227.

нию, то есть перехода от политической логики в структурировании общества к культурной логике.¹

Для определения того, чем сегодня является гламур, теории демонстративного потребления «праздного класса» и потребления как новой формы социального контроля недостаточны, так как гламур не сводится к консьюмеризму и может быть характеристикой поведения не только на потребительском рынке. Например, финансовые аналитики с середины 1990-х годов используют термин 'glamour' для обозначения характерной стратегии трейдеров на фондовых рынках.² Здесь особенно отчетливо гламур обнаруживает и свою универсальность и свое «избирательное сродство» с сегодняшним капитализмом. Так что гламур правильнее считать не просто стилем, эстетикой или идеологией, но универсальной логикой — рациональностью ультрасовременного капитализма. Рациональность как форма восприятия и придания смысла любым явлениям задает логику и культурную, и экономическую, и технологическую, и политическую, и научную.³

Общество начала XXI века — это *глэм-капитализм*, для которого характерно превращение гламура в ресурс и конкурентное преимущество на перенасыщенных продуктами и брендами рынках, где прибыли интенсивно извлекаются из трендов и где товар должен быть агрессивно красивым, чтобы быть актуальным. Весьма интенсивные тенденции глэм-капитализма очень просты в своей основе. Гламур — это жизненный мир, который формируется «большой пятеркой» (роскошь, экзотика, эротика, розовое, блондинистое) и «горячей десяткой» (топ-листы, номинации, рейтинги, хит-парады и т. п.). Гламур обнаруживает себя и распознается одинаково и в вещах, и в людях, и в их лицах и одеждах, душах и мыслях. Гламур повсюду, от макияжа до научной теории, распознается как:

- 1) яркая легкость — броскость-бросовость,
- 2) бескомпромиссный оптимизм — всепобеждающая позитивность,

---

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1995.

² Conrad J., Cooper M., Kaul G. Value versus Glamour // The Journal of Finance, Vol. 58, No. 5 (Oct., 2003); Chan L., Jegadeesh N., Lakonishok J. Evaluating the performance of value versus glamour stocks: The impact of selection bias // Journal of Financial Economics 38, 1995.

³ За данное здесь определение рациональности Макс Вебер, Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе не несут никакой ответственности. Автор берет на себя всю полноту ответственности за интерпретацию и развитие этой идеи.

3) утонченная стервозность — не классовая, а эстетическая ненависть к старой социальности.

Логике гламура противостоит бунт аутентичности, выразителями которого становятся подрывающие режим глэм-капитализма хакеры, «пираты», антиглобалисты, фундаменталисты и т. п. Они являются альтер-социальными движениями, поскольку в отличие от социальных движений не создают и не отстаивают социальность как интегрированность и солидарность. Они образуют формы общественной жизни, альтернативные и гламуру и традиционной социальности.¹

Феномены глэм-капитализма и альтер-социальных движений требуют изучения и становятся вызовом для социологов. Но актуальность исследования гламура и альтер-социальности не просто меняет концептуальный горизонт социологии, она отменяет актуальность и выявляет ритуальный характер той социологии, основу которой составляют не аналитические, а нормативные дискурсы:

«информационное общество»,
«социальные институты»,
«акторы»,
«средний класс»,
«гражданское общество» и т. д.

Эти дискурсы, несмотря на терминологический модернизм, по сути своей остаются гуманистическими грезами ренессансных буржуа с их мифологической установкой мышления. *Миф* — это возведение быта в ранг бытия. В любом мифе вся сложность мира складывается из подручных вещей, составляющих быт человека, и вся сложность жизни сводится к обыденным мыслям, чувствам, действиям.²

Столь важный для социальных наук и социальной политики дискурс «информационного общества» (включая вариации вроде «общества знания» или «сетевое общества») — это современный ремейк платоновского мифа об идеальном полисе, в котором правят ученые и жизнь определяется создаваемым ими знанием. Наступление глэм-капитализма дезавуирует идеи о том, что научное знание — главный фактор экономического преуспевания и высокого социального положения и что телекоммуникацион-

---

¹ Подробнее о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях см. Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб., 2007.

² Например, в античной мифологии природные стихии, войны, возвышение и гибель царств — результаты по-человечески понятного семейного быта, то любви, то ссор Зевса и его многочисленной родни.

ные системы — основа общества, в котором «знание — сила». На рынках и публичных аренах, зависимых от внимания, главный фактор — привлекательный имидж, и поэтому «интеллектуальной собственностью» чаще бывает не собственность интеллектуалов, а собственность звезд шоу-бизнеса и обладателей прав на использование брендов. Новые массмедиа наполнены креативными коммуникациями, которые не соответствуют идеалу передачи достоверных данных и приращения научного знания, но оказываются более важными для достижения успеха в конкуренции и поддержания отношений в организации, для определения статусов и формирования групп. Например, больше половины всех сообщений по электронной почте составляет не востребованная пользователями реклама, то есть спам. Другой пример: статистика Интернет-сайтов и поисковых машин показывает, что большинство пользователей входят в сеть не за «знанием — силой», а ради поиска порно и сплетен о знаменитостях, скачивания музыки и видео, обмена незамысловатыми репликами в чатах и блогах. Так что те функции, которые в новой экономике и новом обществе, как ожидалось, должна была выполнять информация, в сверхновой экономике и сверхновом обществе выполняет «информационный шум».

Несмотря на ее очевидные дефекты, идея «информационного общества» остается популярной потому, что она — современная утопия, заменившая собой традиционные прожекты лучшего общества. На фоне лелеющих утопию интеллектуалов и их политических клиентов подлинными реалистами оказываются пресловутые блондинки, метросексуалы и обладатели авторских прав на все «страшно красивое». Нашим будущим может оставаться какое угодно общество, но интенсивное настоящее — это глэм-капитализм, так что к правильной оценке идеи «информационного общества» ближе оказываются те, кто тем или иным способом капитализируют гламур.

Другой существенный для социальных наук и социальной политики дискурс — «институты» воспроизводит восходящий к стоикам миф о естественных законах. Существование и важность таких институтов как рынок, государство, школа, церковь, семья и т. д. принято объяснять тем, что они суть объективные и органичные в силу своей функциональности системы норм, следуя которым индивиды оказываются способными поддерживать предсказуемое, бесконфликтное, продуктивное взаимодействие. Этот идеал естественной нормализации жизнедеятельности людей дезавуируется институтоподобными структурами глэм-капитализма, которые искусственно создаются, легко поддаются реконфигурации и быстро превращают привычные функции и нормы в виртуальную реальность. Вменяемое социальным

институтам приведение жизни к норме предполагает, что есть нормы как общезначимые правила (всем очевидные в обыденном опыте, хотя нигде и никем не сформулированные однозначно) и есть норма как среднестатистическое состояние (всем известное по быту большинства, хотя нигде и никогда не являющееся единственно желательным). Возникновение глэм-индустрий показывает, что институциональные нормы на практике оказываются не жесткими правилами и даже не мягкими нормативными ожиданиями, а весьма широкими и иногда пересекающимися диапазонами дозволенного, в которых ожидания хоть какой-то нормативности одних сталкиваются с активными стратегиями игры в «свою» институциональность других. Социальные институты, придающие взаимодействиям нормальность и рутинность, выглядят теперь скорее адресуемой большинству утопией в условиях, когда разного рода меньшинствами интенсивно создаются подвижные структуры, основанные на экстравагантности и креативности.

Интерпретируя упадок нормативности и подъем креативности в привычных терминах, лидеры ритуальной социологии развивают дискурс «возвращения актора». Однако «актор» как индивид, рационально справляющийся с ситуациями и целенаправленно выстраивающий взаимодействия с другими индивидами, это не столько модель сегодняшней креативности, основанная на классических идеях М. Вебера или А. Турена,¹ сколько фигура героического эпоса в духе «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.² Этот миф о героях, ежедневно создающих социальность, совершенно девальвируется креативными производителями и потребителями, живущими гламуром. Их интенции и решения не диктуются социальными структурами, но зато могут детерминироваться трендами и актуальными вещами. Детерминизм не «мертв», он просто «живет» теперь не в привычных институтах и группах, а в гламуре. Креативность производителей и потребителей не создает социальность между индивидами, она обеспечивает уход от традиционной социальности и участие в сетях актуальности, в которых вещи (прямо по Латуру) могут быть узлами и актантами, а люди с их действиями могут оказываться лишь связками или каналами коммуникации.³

---

¹ Вебер М. О категориях понимающей социологии // избранные произведения. М., 1990; Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.

² М. Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике просвещения» уже показали на материале «Одиссеи» диалектическое тождество мифологической концепции героя и рационалистической доктрины индивида как субъекта действия.

³ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, 2005

Дискурс о «созидателях социальности» весьма значим в академических кругах, но вот близкий к нему по духу дискурс о «носителях социальности» — «среднем классе» к тому же еще и политически весьма значим. Все академические и политические дискурсы — исследования, рассуждения, решения, посвященные «среднему классу» как носителю эталонных социальных норм и гаранту социального порядка, — это современные вариации аристотелевского мифа о золотой середине, в котором добродетелью и залогом общего блага является умеренность, избегание крайностей. Теперь, когда «лимонообразная» стратификация с доминирующим средним слоем выглядит одноразовым эффектом, возникшим в XX веке благодаря политическим движениям и правительствам, стремившимся создать общество всеобщего благоденствия, миф о «носителях социальности» деэволюционирует тем, как обеспечивают свой статус и как задают образцы стиля жизни глэм-капиталисты и глэм-профессионалы, образующие ядро сверхнового среднего слоя. Возникновение сверхнового среднего слоя и притягательность гламура для большого числа людей лишает былого значения и общественного звучания старую модальность социальности — статистическую и этическую нормальность традиционного среднего слоя, состоявшегося в основном из классических буржуа.

Глэм-капиталисты и глэм-профессионалы совершенно не похожи на тот идеальный тип буржуа, что был представлен в начале прошлого века М. Вебером в концепции капитализма, движимого рациональностью. Вебер изобразил рациональность как «железную клетку» расчетливости, методичности, бережливости и дисциплинированности, которые превращают жизнь в постоянную работу, построенную на принципах умеренности и размеренности (как затрачиваемых усилий, так и получаемых результатов).¹ Рациональность глэм-капитализма проявляет себя не в подобном рода трудовой этике, а в потребительской эстетике. *Потогонное потребление* — это то, чем постоянно заняты глэм-капиталисты и глэм-профессионалы. Они потребительски относятся ко всему и поэтому все превращают в проекты, в которые вкладываются, рассчитывая на максимально быструю отдачу, и из которых выходят ради других проектов, как только отдача начинает снижаться. Этой проектной логике подчинены все аспекты жизни. Работа и ведение дел — это время от времени переживаемые фазы гиперпродуктивности, когда реализация бизнес-идеи становится

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.

ся увлекательной гонкой за близким результатом. Отдых и развлечения — фазы гиперконсюмеризма, когда шопинг-тур или клубная вечеринка обеспечивают энергичное расслабление. Образование — фазы гиперинформированности, когда интенсивные курсы и тренинги дают быстро усваиваемую порцию актуального знания и пополнение выставки дипломов на стене кабинета. Брак и семья — фазы гиперсексуальности и гиперзаботы, когда завязыванию и поддержанию отношений с партнером или воспитанию детей отдается максимум физических и душевных сил. И эти фазы могут завершаться переходом к новому «проекту» в том распространенном теперь режиме семейной жизни, который исследователи назвали «серийной моногамией».

«Размывание» среднего слоя и экспансия проектной логики жизни лишают смысла не только дискурс «среднего класса», но и тесно связанный с ним дискурс «гражданского общества». Исследования, дебаты, решения, представляющие «гражданское общество» как контрагента государственной бюрократии и систему структур, переводящих социальность «самоорганизующихся граждан» в их политическую активность, воспроизводят цитероновский миф о достоянии общественности (*res publica*). Сейчас это предание о скромных демиургах общества — ремесленниках, торговцах, адвокатах и т. п., выглядит полным анахронизмом на фоне всепроникающих корпоративного бизнеса, массмедиа и государственной бюрократии. Олицетворявшие раньше идею «гражданской» автономности и активности массовые партии и некоммерческие организации теперь могут служить образцами зависимости и клиентизма. Они существуют только потому, что поддерживаются дотациями из бюджета, грантами, получаемыми на конкурсной основе от государственных и частных фондов, пожертвованиями от крупного бизнеса.

Там же, где автономия и активность еще сохраняются, регулярно возникает необходимость в усилиях «полицейского государства», чтобы защитить людей от остатков «гражданского общества». Типичными примерами могут служить Ку-Клукс-Клан — гражданская инициатива ксенофобов, от которых надо защищать этнические меньшинства; католическая церковь — социальный клуб педофилов, от которых надо защищать детей и подростков; Аль-Каида — общественное движение фанатиков, от которых надо защищать обывателей.

В условиях, когда традиционный средний слой массово пассивен, а в лице маргинальных его представителей агрессивен, общественность приходит в упадок и ее сменяет публичность (*publicity*), которая суть типич-

ное достояние гламура. Ночные клубы, фестивали, презентации, реалити-шоу, ресурсы Web 2.0 — это арены, где живущими в гламуре формируется капитал публичности: коммуникаций, известности, внимания. И когда государственная или корпоративная бюрократия отступает в конфликте с какими-нибудь активистами-экологами или правозащитниками, это не свидетельствует о существовании мифического «гражданского общества», а демонстрирует весомость *капитала публичности*, заработанного в сетях актуальности — на форумах и в блогах в полном соответствии с логикой глэм-капитализма.¹

Среди всех ритуальных дискурсов современной социологии один занимает особое место. Социология больше всего апеллирует к «повседневности», представляемой как подлинная и несомненная реальность, как фундамент социальности. Концепция, созданная А. Шюцем и его последователями и охотно используемая даже теми исследователями, которые не принимают феноменологическую социологию в качестве парадигмы, является академическим ремейком библейского мифа о святой простоте. Идея о том, что истина открывается в привычных делах и наивных речах «обычного человека», лежит в основе подавляющего большинства социологических исследований. Это пассивное воспроизведение обыденности было подано Шюцем как проект феноменологического понимания той реальности, которая возникает на основе естественной установки сознания.² Однако основоположник феноменологии Гуссерль разрабатывал *проект энергичного исследования*, в котором начинающаяся с отказа от естественной установки редукция вскрывает интенциональность сознания и обнаруживает горизонт жизненного мира. В современной социологии возобладавший обещавший простоту исследовательского труда подход Шюца, и сложный, подвижный и требующий усилий *жизненный мир* оказался по сути подменен незамысловатым, рутинным и доступным *жизненным миром*.

---

¹ Понятие «капитал публичности» следует отличать от понятия «социальный капитал», которое используется, чтобы реанимировать доктрину «гражданского общества» (см., например, Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, 2000). Капитал структур и коммуникаций действительно сейчас доминирует в жизни людей, но наиболее интенсивно наращивается он как раз глэм-капиталистами и глэм-профессионалами, чуждыми привычной социальности. Так что дебаты о «социальном капитале» не спасают идею «гражданского общества», зато способствуют дальнейшей экспансии логики глэм-капитализма.

² Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003.

Теперь дискурс «повседневности» дезавуируется жизненным миром гламура с его яркостью, эфемерностью, экзотичностью. И этот пластичный и волатильный мир по отношению к миру повседневности является гиперреальностью. Здесь хорошо виден описанный Бодрийром эффект замещения реальности симуляциями, когда симулякры становятся для людей настолько насыщенной средой существования, что она оказывается более весомой и более значимой, чем обыденная реальность.¹ Социологи, привыкшие отождествлять обыденность и реальность, сталкиваются с тем, что жизненный мир может быть виртуальной реальностью, для которой характерны действенность образов, условность и изменяемость параметров, возможность моментального входа/выхода. В результате, упустившая из виду виртуализацию социология сама становится виртуальной реальностью. Ритуальные дискурсы поддерживают образ продуктивной научной деятельности, но продуктом являются симулякры — знаки, отсылающие не к актуальным вещам и тенденциям, а к таким же знакам героического прошлого или никак не наступающего будущего социологии. Поэтому потребность в актуальном знании об интенсивном настоящем удовлетворяется не академическим сообществом, а исследователями нетрадиционной интеллектуальной ориентации, которые создают глэм-науку.

Глэм-наука в самом чистом виде, без примесей представлена в гляцевых журналах. В них (по)читатели гламура находят не просто развлекательное чтение, а аналитические материалы, ценимые по тем же критериям, по которым всегда ценились научные исследования: актуальность, истинность, практическая значимость. Модность, безапелляционность, полезность рецептов, предлагаемых на все случаи жизни гляцевыми журналами, обеспечиваются безошибочным выбором объекта и метода исследования этой самой жизни. В качестве объекта берется «большая пятерка» и в качестве метода применяется «горячая десятка». И это гламурное знание не пародия на науку, это яркое, броское выражение самой сути ее нынешнего состояния. Исследовательские техники гламура, сфокусированность на «большой пятерке» и использование «горячей десятки» легко обнаруживаются и во вполне респектабельных книгах по менеджменту и маркетингу, формирующих знание об ультрасовременном обществе и весьма востребованных той публикой, которая претендует на интеллектуальное лидерство и, как правило, с иронией относится к картине мира

---

¹ Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris, 1981.

блондинок и метросексуалов. Логика гламура проникает на перенасыщенный рынок интеллектуальной продукции, когда подгоняемому конкуренцией исследователю нужно не просто заинтересовывать и убеждать, а очаровывать, пленять аудиторию простой, но при этом яркой теорией, экстравагантной методикой, эффектными результатами. Таким образом, перевод исследований в режим глэм-науки — рациональное решение и еще одно следствие интенсивной виртуализации общества.

Глэм-наука сейчас процветает и постепенно монополизирует знание о капитализме, вытесняя традиционные социальные науки на периферию общественного интереса. Однако, вопреки тому, что принято думать, в результате экспансии гламура вовсе не обязательно страдает научная истина, объективность знания. Социальные науки возникли в XVIII — XIX веках, как интеллектуальный проект власти «третьего сословия». Социальность в условиях индустриализации выростала из производства и политики, где она представала как массовость, проблемность, конфликтность. Социальность заботила «третье сословие» с его ценностями гражданских прав и трудовой этикой, а умствующие буржуа отвечали на озабоченность исследованиями, сфокусированными на социальных проблемах, на том, как социальность понимать и как ее совершенствовать. В интенсивном настоящем прежняя социальность становится маргинальной, а новая модальность общественной жизни — гламур возникает не в производстве и политике, а в потреблении и рекламе. Новая модальность общественной жизни адекватно раскрывается не в истинах-нравоучениях и проблемах старых социальных наук, а в истинах-развлечениях и решениях, предлагаемых гламурно-интеллектуальным комплексом «менеджмент-маркетинг». Современные потребители интеллектуального продукта — это не старое «третье сословие», заинтересованное в социальности, это сверхновый средний слой, который отличает утонченная стервозность — эстетически мотивированная антисоциальность.

Кризис социальных наук — это кризис внимания. Возникшую к концу XX века проблематичность научного статуса социологии и близких к ней дисциплин можно объяснить на основе данного Гуссерлем определения научной объективности: истина одна, независимо от того, созерцают ли ее люди, боги, ангелы или чудовища.¹ Истина одна, восприятие ее разное, поскольку разнородна аудитория. Когда господство теологии в качестве универсального знания было разрушено философами-просветителями,

---

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. СПб., 1909. С. 101.

боги оказались в положении маргиналов, о чем восприятию можно не заботиться. Фридрих Ницше выразил это в емкой формуле: «Бог умер». Бог умер не вообще, он «умер» как та инстанция, к которой можно апеллировать в отстаивании истины. Бог умер для умствующих буржуа — творцов и (по)читателей социальных наук. Когда философы-постмодернисты обрушились на идею познающего объективную истину субъекта, в положении маргиналов оказались уже люди. И один из лидеров постмодернизма Мишель Фуко в 1966 году перефразировал ницшеанскую формулу, провозгласив «исчезновение человека».¹ Характерное для социальных наук обращение в поисках истины к людям стало бессмысленным, а глэм-наука заняла господствующее положение, поскольку настала пора озаботиться восприятием истины ангелами и чудовищами.

Ангелы и чудовища — это те вдохновляющие и шокирующие образы, в которые вживаются ультрасовременные буржуа и которые создаются в виртуальных пространствах, возникающих по обе стороны монитора компьютера, наушников плеера и особенно интенсивно создаваемых по обе стороны дисплея каждого нового мобильного устройства. Гламурно-интеллектуальный комплекс «менеджмент-маркетинг», становясь в условиях глэм-капитализма универсальной наукой о том, как ультрасовременным ангелам и чудовищам управляться с делами, и о том, как управлять ангелами и чудовищами, переводит поиск истины в единственный приемлемый для ангелов и чудовищ режим — режим глэм-науки.

Кризис внимания социологи ощущают, но свои ощущения осознают на языке дисциплины. В результате, профессиональное сообщество живет в ситуации кризиса внимания, обусловленного неактуальностью социальных наук, а переживает «парадигмальный кризис», связываемый с множественностью теоретико-методологических позиций и подходов, воспринимаемой как угроза научному статусу дисциплины. Но многочисленные попытки разрешить этот «кризис» и тем улучшить положение дисциплины лишь усугубляют ситуацию, и социология превращается в *генератор вечных проблем*: «структуры или действия», «макросоциология или микросоциология», «количественные методы или качественные методы», «фундаментальное знание или прикладное знание». На этом фоне глэм-наука выступает как *поставщик актуальных решений*. На рынок интеллектуальной продукции идет нарастающий поток конкурирующих теорий, и при этом среди сегодняшних гуру менеджмента и маркетинга не возника-

¹ Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С. 404.

ет дебатов, хоть сколько-нибудь сопоставимых с «битвами парадигм» в социальных науках. Не возникает потому, что в глэм-науке место мучительной дилеммы «позитивизм или конструктивизм» занимает бодрый слоган «позитив(ность) + креатив(ность)». Вселяющие уверенность простые и эффектные модели не отображают реальность, не создают реальность, они «прогибают» реальность под пользователей. Очевидный контраст между положением испытывающего дефицит внимания «генератора проблем» и положением находящегося в центре внимания «поставщика решений» подталкивает к логичному выводу: социологам нужно уходить от ритуальной социологии с ее «вечными» проблемами, но без бегства в никогда не наступающее будущее эпохальной социологии.

Проекты выхода за рамки дилемм ритуальной социологии развиваются в последние годы рядом видных представителей социологического сообщества, которые стремятся отыскать некий «третий путь». Эта стратегия заявлена, например, Пиотром Штомпкой в его концепции «третьей социологии», которая призвана прийти на смену «первой», нацеленной на изучение «социальных целостностей» и их организации, и «второй», ориентированной на изучение «социальных атомов» и их взаимодействий.¹ Предлагаемый Штомпкой ряд определений предмета «третьей социологии»: «социальные события», «социальное существование», «социальное становление», — явно указывает на стремление сфокусировать внимание на процессах социальной жизни, чтобы избежать дилеммы «структуры или действия». В том же направлении от раздвоенной социологии либо структур, либо действий к новой социологии процессов движутся и Джон Урри с концепцией «мобильностей», Аржун Аппадурай с концепцией «поток», Бруно Латур с теорией «действующих сетей» и многие другие.²

Дилемму «макросоциология или микросоциология» и связанную с ней проблему мультипарадигмальности «продвинутые» члены социологического сообщества предлагают решать также на пути к «третьей социологии». Идея Джорджа Ритцера легитимировать мультипарадигмальность и развивать социальную теорию как дискурсивную формацию,³ которая

---

¹ Sztompka P. Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008, Vol. 16, No1.

² Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York: Routledge, 2000; Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996; Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, 2005.

³ Ritzer G., Smart B. (eds.) Handbook of Social Theory. 2001.

является не консистентной теоретической системой, а живым процессом концептуализации, открывает «третий путь» после «первой социологии», зацикленной на поиске наилучшей парадигмы, и после «второй», нацеленной на построение интегративной парадигмы.

Наиболее «продвинутые» члены социологического сообщества выходят и за рамки дилеммы «количественные методы или качественные методы» и движутся к пониманию, что информант — это не индивид, а ситуация, что информация — это не только ответы на вопросы, а комплексный поток данных. Уход от изнурительной борьбы между сторонниками «первой», то есть числовой, и «второй», то есть текстовой, социологий начинается с отказа от утвердившейся модели информанта как *Homo Sociologicus* — человека рефлексизирующего, человека болтливого. Именно такое представление об информанте редуцирует сбор данных к опросу и анализу текстов и навязывает безмолвствующему большинству «предания о социальном» разговорчивого меньшинства (включающего и самих социологов). Возможность «третьего пути» в методологии социологических исследований демонстрируют концепция методологического ситуационизма и метод «расширенного кейс-стади» Майкла Буравого, методика «конфигурационного сравнительного исследования» Чарльза Рагина, проект визуальной социологии в исполнении Пиотра Штомпки.¹

Дилеммы «фундаментальное знание или прикладное знание», когда социологи вынуждены выбирать между исследовательской работой, представляющей чисто академический интерес, и информационным сопровождением практически полезных, но далеких от науки проектов, «продвинутые» члены социологического сообщества пытаются избежать на пути, предложенном Майклом Буравым.² Его концепция публичной социологии (*public sociology*) стала логичным ответом на кризис внимания к социальным и гуманитарным дисциплинам в условиях роста глэм-капитализма и появления глэм-науки. Публичная социология, в которой явно проглядывает желание донести свои концепции и амбиции до аудиторий, более широких, чем профессиональное сообщество, и сделать свои исследования медийными событиями, сопоставимыми с политическими новостями и светской хроникой, предстает «третьей социологией» по отношению к

---

¹ Burawoy M. The Extended Case Method // *Sociological Theory*. 1998, Vol. 16, No1; Ragin C., Becker H. *What Is a Case? Exploring the Foundations of Social Inquiry*. Cambridge, 1992; Штомпка П. *Визуальная социология*. М., 2007.

² Burawoy M. The Critical Turn to Public Sociology // *Critical Sociology*, Summer 2005.

«первой» — академической социологии и ко «второй» — прикладной социологии.

В сумме исследования и концепции, выходящие за рамки ритуальной социологии, образуют движение к той более актуальной версии дисциплины, которую можно назвать «Социология 3.0». Направленность этого движения, которую сами «продвинутые» социологи любят именовать «поворотом» (turn), выглядит радикальной сменой ориентиров лишь во внутреннем контексте дисциплины. В контексте же господства глэм-науки и привязанности Социологии 3.0 к старой социальности в виде «повседневной жизни», на которой предлагает сфокусировать «третью социологию» П. Штомпка, или «гражданского общества», от имени и во имя которого должна выступать «публичная социология» М. Буравого, перспективы дисциплины выглядят иначе. Когда социология застряла в старой социальности, которая становится все более разреженной (местами и временами до состояния вакуума) предметной областью между гламуром и альтер-социальностью, явно нужен не «поворот», а уход «в отрыв». В условиях господства глэм-науки есть три перспективы для социологии:

- 1) консервация и закрепление на периферии общественной жизни в качестве интеллектуальных практик аутсайдеров;
- 2) перевод в режим гламура и растворение в менеджменте и маркетинге в качестве вспомогательных интеллектуальных практик;
- 3) переход в режим, альтернативный и традиционной науке о социальном, и глэм-науке.

Социология 3.0 создается теми исследователями, которые интуитивно стремятся сочетать две первые стратегии, чтобы и не отстать от лидеров рынка интеллектуальной продукции, и сохранить традиционную профессиональную идентичность. Третья стратегия предполагает неочевидные и более радикальные решения, чем «повороты» Социологии 3.0, но и выглядит более перспективной. Во-первых, «оторваться по полной» можно исследуя альтер-социальность, которая еще не интегрирована в господствующий глэм-капитализм и, следовательно, является предметной областью, полностью свободной от глэм-науки. Во-вторых, «отрыв» возможен и в исследовании гламура, если не чураться его, как это делают представители традиционных социальных наук, и если подходить к нему не так, как это делают гуру менеджмента и маркетинга.

Гуру менеджмента и маркетинга весьма серьезно относятся к созданию интеллектуального продукта, и их глянцевого продукт воспринимается всерьез и принимается за чистую монету (как в прямом, так и в

переносном смысле) ультрасовременными буржуа. При всей легкости и яркости глэм-наука — довольно унылое занятие. Она бодрит — стимулирует и развлекает, но делает это без тени иронии и того духа отрицания, «созидательного разрушения», без которого капитализм вырождается в веберовскую «железную клетку». Родившись из духа капитализма, глэм-наука сейчас этот революционный, предпринимательский дух утрачивает и сводится к тиражированию разнообразно упакованных штампов.

Альтернативой и традиционному академизму и глэм-науке является веселая наука, более века назад заявленная Фридрихом Ницше, но так и не разработанная ни им, ни его последователями. Ницше отрицал отождествление научности с серьезностью и угрюмостью умствующих буржуа, чей «интеллект представляет собой неповоротливую, подозрительную и скрипучую машину, которую не так-то просто привести в движение», поскольку они стремятся «серьезно относиться к делу» и полагают, что «где смех и веселье, там нет места мысли».¹ При этом веселая наука отнюдь не является добродушным высмеиванием предмета изучения. Ницше полагал, что она открывает не столько забавные, сколько злые истины.² Такого рода истины, как показано выше, открываются одна за другой, если заниматься анализом того, что происходит, а не сохранением того, что дорого как память. Злой истиной для социальных наук является глэм-капитализм. Злой истиной для глэм-капитализма является альтер-социальность сверхновых движений, а злой истиной для альтер-социальных движений является вырастающий из их столкновений и конвергенции с глэм-капитализмом альтер-капитализм.

В перспективе веселой науки о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях предметные и методологические сдвиги к Социологии 3.0, обусловленные стремлением перейти от «вечных» проблем к актуальным решениям, предстают знаками, верно указывающими на необходимость движения к актуальной социологии. Но для верного определения направления и, особенно, интенсивности этого движения не достаточно проектов, остающихся в рамках Социологии 3.0.

Решение со времен Дюркгейма и Вебера парализующей воображение и волю социологов проблемы «структура или действие» лежит в актуальных предметных изменениях. Предмет веселой науки, идущей дальше и глэм-

---

¹ Ницше Ф. Веселая наука. СПб., 2006. С. 242–243.

² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Минск, 2005. С. 756, 760.

науки и Социологии 3.0, определяется по формуле: «большая пятерка» гламура + потоковые структуры альтер-капитализма.

Наиболее «продвинутые» члены социологического сообщества, например Джон Урри, Скот Лэш, Аржун Аппадурай, Мануэль Кастельс, уже начали концептуализацию потоков.¹ Потоки рассматриваются как пересечение границ массами людей, денег, образов, товаров, отходов,² или как устойчивые серии обменов между физически разделенными акторами.³ Для превращения потоков в ключевой предмет исследований таких дефиниций явно недостаточно. Нужно развить в социологии общее представление о потоковом характере, то есть об устремленности и темпоральности структур.

Традиционные социальные структуры представляют собой разграничения. Институты и группы четко фиксируют и ограничивают зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет, привлекающее внимание социологов движение — перенос вещей, людей, идей и т. д. Потоки ортогональны традиционным социальным структурам и потому образуют пересекающие границы *трансструктуры*. По отношению к ритму жизни, задаваемому социальными структурами, потоки диахронны (не в смысле историчности, а в буквальном смысле движения сквозь время) и потому нарушают привычный ход и дозировку событий, создавая *транссобытийность*.

Потоковые структуры замещают неактуальные конфигурации агентностей и структур. Вместо ценностных ориентаций и идентичностей жизнь людей структурируют проекты. Вместо взаимодействий — коммуникации. Вместо институтов — тренды. Вместо групп — движения. Вместо классов и собственности — сети и доступ. Вместо неравенства с разделением на имущих и неимущих — неодинаковая динамика с разделением на сейчас-имущих и потом-имущих. Потоковые структуры предстают как «умные», потому что они интенциональны, и как «деятельные», потому что они проникающие. Но они не мифические «акторы», а устремленные и темпоральные структуры.

---

¹ Lash S., Urry G. *Economies of Signs and Spaces*. London: Sage, 1994; Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London and New York, 2000; Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996; Castells M. *The Rise of the Network Society*. Second Edition. Oxford, 2006.

² Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London and New York, 2000, p. 35.

³ Castells M. *The Rise of the Network Society*. Second Edition. Oxford, 2006, p. 442.

Не менее застаревшие, чем проблема «структура или действие», проблема мультипарадигмальности и проблема «количественные / качественные» решаются в том же направлении, задаваемом актуальными методологическими изменениями. Методы веселой науки характеризуются формулой: «горячая десятка» + потоковые решения.

Принцип «горячей десятки» позволяет, выстроив конкурирующие теории в топ-лист адекватных моделей изучаемого явления, одновременно и выбрать одну наиболее отвечающую задачам исследования и учесть в виде иерархии теоретических предпочтений все многообразие возможных подходов. В следующем исследовательском проекте топ-лист теоретических решений принимает тот вид, который диктуется новыми исследовательскими задачами. Так что попытки «окончательного» решения вопроса о наилучшей парадигме и попытки уклониться от решения под девизом «мультипарадигмальность» уступают место потоку решений, принимающих форму “Top Ten”, “Top Five” и т. п.

Наметившееся движение от истощившей своих участников борьбы числовой и текстовой социологий в направлении набирающей популярность визуальной социологии должно быть продолжено путем разработки методик сбора, анализа и презентации данных для *мультимедийной* веселой науки о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях. Если «продвинутые» социологи, например, П. Штомпка, предлагают фотографию как метод, нужно двигаться дальше и применять в качестве методов видео- и аудиозаписи, монтируемые в видеоролики, музыкальные клипы и прочие формы, актуальные для сегодняшних аудиторий.

Обращение с актуальным интеллектуальным продуктом к аудитории, существующим сегодня, а не к мифическому «гражданскому обществу», позволит преодолеть кризис внимания и решить застарелую проблему «фундаментальное знание или прикладное знание». Перспективу дают исследования ситуативные и инструментальные, предлагающие альтернативные решения и сверхновым движениям и глэмерам, стремящимся стать альтер-капиталистами. Эта ситуативная, альтернативная, инструментальная и потому актуальная наука о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях и есть актуальная, а не ритуальная социология.

Концептуальная рефлексивность как условие воспроизводства автономии социальной науки¹

Предлагаемая статья состоит из двух частей. В первой содержится несколько тезисов о соотношении автономности и гетерономности социальной науки и о необходимости сознательного контроля социальных ученых над этим соотношением. Во второй части представлена попытка количественно оценить некоторые показатели автономности, содержащиеся в дискурсе журнала «Социологические исследования» за 2007 год.

Прежде всего, остановимся на некоторых методологических допущениях. Социальные науки обладают характерными особенностями: они более чем любые другие погружены в общественные отношения, в этих науках не противостоят друг другу субъект и объект исследования. Социальные науки более других ограничены в возможностях автономизироваться, утратить содержательную связь с социальными отношениями, освободиться от влияния различных институтов общества. Можно сказать, что социальные науки постоянно находятся в континууме, на полюсах которого — их гетерономное и автономное состояния.

Автономность социальной науки в данном случае означает сохранение специфических механизмов производства социального знания, основанных на саморефлексивности, строгих показателях научности и научном этосе в профессиональном сообществе: научных методах, аксиоматике, понятийном аппарате, принципах отбора предметных областей, внутренней экспертизе знания и т. п. *Гетерономность* выражается в противоположных тенденциях: выходе науки за собственные границы, большей ее зависимости от других институтов и структур общества, заимствовании извне критериев оценки знания.

И тот и другой полюса в реальности недостижимы. Поскольку достигнув полюса гетерономии, наука превратилась бы в политику, художест-

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ по проекту «Социология российской социологии: исследование теоретических ориентаций и профессионального уровня научного сообщества», грант № 09-03-00129а.

венную литературу, здравый смысл. Достигнув второго полюса, она превратилась бы в замкнутое учение, секту, воспроизводящуюся ради себя самой. В обоих случаях социальная наука погибла бы, превратившись в нечто иное. Этого не происходит, так как социальные науки существуют, так или иначе, с тем или иным успехом сохраняя свойства научной доказательности, аксиоматичности, с одной стороны, и свойство связанности с политикой и другими институтами и структурами, помогающими ей сохранять свою легитимность и признание в обществе, — с другой. Иными словами, социальные науки в реальности балансируют где-то между полюсами автономии и гетерономии. Соотношение расстояний между социальной наукой и каждым из полюсов может быть разным, оно изменчиво. Наряду с другими важными условиями этим определяется потенциал науки к достижению достоверного знания и сама возможность ее существования и развития.

Таким образом, соблюдение равновесия между свойствами автономности и гетерономности — это одно из условий воспроизводимости социологии как науки. Говоря иначе, для воспроизводства социальной науки важен вопрос о соблюдении в ее дискурсе баланса между интеллектуальными, доказательными, научными смыслами и смыслами, связанными с общими мнениями, политическим дискурсом и т. п. Конкретнее, в каждый момент времени в социальной науке мера гетерономности научного дискурса не должна превышать меру его автономности.

Как же эту меру определить? Не исключено, что для этого возможно изобрести не существующие пока математические формулы. Однако уже сейчас можно утверждать, что примерные суждения о балансе гетерономности и автономности могут основываться на анализе (в том числе количественном) содержания научного дискурса. Это содержание включает индикаторы рассматриваемого равновесия (неравновесия, дисбаланса), связанные с перечисленными выше характеристиками автономности и гетерономности. Конечно, это далеко не единственные индикаторы: таковые заключены в научном этосе, концепцию которого разрабатывал Р. Мертон и его последователи, и поле науки, в которое П. Бурдье включал целый комплекс специальных навыков, разного рода ресурсы (экономические, политические, культурные), научный габитус; они, к примеру, заключены и в особенностях институциональных взаимосвязей науки с другими институтами общества. Далее мы ограничимся рассмотрением социологического дискурса, предполагая, что в нем наглядно «овеществляется», «объективируется» система научных представлений и что в нем

содержатся некоторые признаки, указывающие на степень автономности социологии.

Для нас здесь важно еще раз подчеркнуть роль автономии науки как условия ее качества и воспроизводимости. Этот вопрос довольно подробно проработан в книге П. Бурдьё «Наука о науке и рефлексивность» (2001): «Относительно автономное поле есть практический механизм перевода импровизированных и случайных представлений в постоянные и вневременные истины. Отсюда следует, что угроза автономии научного поля — это угроза возможности производства истины, поскольку разрушается сложный и тонкий социальный механизм перевода субъективного и случайного в объективное и необходимое»¹.

Откуда возникает эта угроза? Один источник известен давно: это внешние по отношению к науке институты. Но есть и внутренний источник. Это добровольный отход ученых от принципов автономии. Причины могут быть разными — чтобы повысить свой статус в обществе и во власти, получить высокие доходы, из-за недостаточного профессионализма и др. Некоторая потенциальная опасность может исходить и от утрированного или ложного понимания идей, высказываемых сторонниками движения за публичную социологию, которое развивается в последние годы (М. Буравой, М. Вевёрка, П. Штомпка, В. Ядов и др.). Излишняя публичность, нарушение необходимой её меры означает усиление гетерономности социологии, которая в пределе представляет собой ассимиляцию последней, превращение её в другие формы дискурса. Социолог при этом перестает быть агентом, отвечающим за полученное знание, так как «ответственность» за это знание переносится из сферы науки в публичную сферу, которая берет на себя функции формировать исследовательские интересы науки и привносить собственные критерии оценки научных результатов.

Следует подчеркнуть, что чрезмерная автономизация науки уводит ее в «башню из слоновой кости», лишает связи с изучаемой реальностью, нарушает социальные механизмы производства знания. Особенными негативными последствиями это чревато именно для социальных наук.

Одним из способов сохранять баланс автономии является поддержание *концептуальной рефлексивности* социологического дискурса. Концептуальной рефлексивностью мы будем называть рефлексивность научного

---

¹ Маркова Ю. В. Реферат книги Пьера Бурдьё «Наука о науке и рефлексивность» // Социологическое обозрение Том 3. №1. 2003. С. 46.

дискурса в отношении содержания научного знания, точнее, — идеальных объектов — понятий, абстрактных моделей, теорий¹. Это, используя выражение П. Бурдьё, есть одна из форм «объективации субъекта объективации». Или, это объективация позиции агента в универсуме теории и методологии. Еще раз обратимся к его рассуждениям о роли рефлексивности науки для поддержания собственной автономии. По его мнению, если автономность науки ослаблена, рефлексивность, «понимаемая как работа, посредством которой социальная наука, берущая себя в качестве объекта, пользуется своим собственным оружием, чтобы понять и контролировать себя, — особенно эффективное средство, способное увеличить ее шансы достигнуть истины, усиливая взаимную цензуру и давая основания для технической критики»². Говоря иными словами, с помощью рефлексивности, в частности концептуальной рефлексивности над собственными теоретическими и методологическими правилами и конвенциями, социология может сохранять внутренние ресурсы и сопротивляться внешним негативным воздействиям³.

Концептуальная рефлексивность предполагает включение в дискурс элементов, связанных с самопознанием, самоконтролем и самоопределением в теоретическом плане. Маркером осознанной, самокритичной, то есть концептуально-рефлексивной научной работы, является наличие указаний на понимание статуса используемых понятий и теоретических схем, их происхождения, соотношения, связи с определенными эмпирическими объектами и т. п. Эти указания могут проявляться в стандартизированных формах, связанных с коммуникативной рефлексивностью, например в форме ссылок. Это могут быть и неформализованные рассуждения о теоретической обоснованности или логической последовательности своих или чужих работ.

Если проводить параллель с рассуждениями П. Бурдьё, то концептуальная рефлексивность, которую мы выделяем в своем исследовании,

¹ Подробнее об этом см.: Козлова Л. А., Петрова А. А. Концептуальная рефлексивность и ее измерение: анализ журнала «Социологические исследования» за 2007 год // Социологический журнал. 2009. № 1.

² Bourdieu P. Science de la science et réflexivité. Paris: Éditions Raisons d'agir, 2001. P. 174; цит. по: Маркова Ю.В. Реферат книги Пьера Бурдьё «Наука о науке и рефлексивность» // Социологическое обозрение Том 3. №1. 2003. С. 47.

³ О других формах рефлексивности, в частности инструментальной и коммуникативной, — см.: Козлова Л. А., Петрова А. А. Концептуальная рефлексивность и ее измерение: анализ журнала «Социологические исследования» за 2007 год.

фактически тождественна объективированию отношения субъекта к объекту, то есть к предмету и методам исследования. В концептуальной рефлексивности одним из определяющих моментов является сам исследователь, но не только он. Столь же важны и обсуждения, взаимная критика между участниками научного дискурса, которая находит в нем свое выражение.

***

Далее попытаемся количественно оценить такой показатель автономности, как концептуальная рефлексивность социологического дискурса — на примере статей, которые были опубликованы в «Социологических исследованиях» в 2007 году. Отобраны статьи, представленные в электронном виде на официальном сайте журнала¹. На сайте выложено 282 из 300 публикаций, имеющих в печатных версиях.

- А) Фиксировались следующие переменные, характеризующие статьи: *объем статьи в страницах; автор; название; раздел и номер журнала; цитирование классиков социологии (наличие ссылок и авторы); цитирование современных западных теоретиков социологии; цитирование отечественных социологических работ, идентифицируемых как теоретические; цитирование философов; ссылки на работы из других дисциплин; наличие и количество «теоретических фрагментов»*².
- Б) Выбраны пять лексических маркеров для отбора фрагментов, признаваемых «условно теоретическими» (табл. 1). Это корни «теор», «концеп», «понят(и)», «термин» и «категория(и)». Легко предположить, что в текстах могут быть отдельные высказывания о теории, теоретическом, понятиях, концептуальном, категориях и при отсутствии таких маркеров. Однако большую часть высказываний, связанных с теми или иными проявлениями концептуальной рефлексивности, можно идентифицировать именно таким образом.

Получена база с данными о 282 статьях и 2235 фрагментах, идентифицированных как «условно теоретические». Далее мы выделили группы статей и фрагментов на основании переменных, связанных с концептуальной рефлексивностью.

---

¹ См.: Социологические исследования [online]. Дата обращения 10.09.2008. URL: <<http://www.isras.ru/socis.html>>.

² Подсчеты сделаны А. А. Петровой.

Т а б л и ц а 1. Лексические маркеры и слова, включающие их в свою структуру

маркер	слова
«теор»	теория, теоретический, теоретизирование, теоретик, теоретико (методологический), теоретичность
«концеп»	концепция, концептуальный, концептуальность, концептуализировать
	концепт
«поняти»	понятие, понятийный
«термин»	термин, терминологический, терминализированный, терминализация
исключаются: (1) детерминированный, детерминанта, детерминирование, (2) терминальный (в противовес инструментальному — например, о ценностях)	
«категории»	категория, категоризация, категориальный, категоризировать
исключается: категоричный	

При кластерном анализе массива статей в SPSS по переменным «*количество ссылок на теоретические работы*» и «*количество фрагментов о теории*» четко выделяются две группы статей: 1) вообще без ссылок и почти без фрагментов и 2) со ссылками и фрагментами — в количестве равном или более единицы. Промежуточные варианты со статистической достоверностью не выделяются. Большая часть предлагаемых «зависимостей» довольно условна и получена посредством самых простых операций — вычисления средних, группировки и т. п. без подсчета показателей надежности.

Общая статистика по цитированию. Более половины, то есть 151, анализировавшихся статей, не имеют ссылок на работы, которые можно считать теоретическими. Если анализировать распределение типов выделенных ссылок по разделам журнала (табл. 2), то более-менее значимым оно оказывается только для раздела «*Теория. Методология*». Тут более всего цитируются и классики социологии, и современные авторы, связанные с социологической теорией (зарубежные и отечественные), и современные философы, и представители смежных дисциплин.

Значительно реже ссылаются на классику авторы, опубликованные в разделах «*История социологии*» и «*Книжное обозрение*». В последнем можно найти сколько-нибудь значимое число ссылок на современную социологическую теорию, а также другие дисциплины. Для остальных разделов журнала ссылки на теоретические работы — редкость.

Имена современных отечественных авторов, занимающихся проблемами теории, появляются относительно часто в разделе «Научная жизнь» при упоминаниях об участии в научных мероприятиях.

Авторы ряда разделов фактически не делают «теоретических» ссылок: это «Социология села», «Социология семьи», «Социальная политика и реформы глазами россиян», а также «Социология образования. Будущее университетов».

Т а б л и ц а 2. Распределение статей с различными типами «теоретических ссылок» по тематическим разделам журнала

Названия разделов	Типы теоретических ссылок							Всего статей в разделе
	Классика социологии	Современная западная теория.	Современная отеч. теория	Философия 1-й пол. XX века	Философия 2-й пол. XX века	Логика и философия науки	Другие дисциплины	
Академическая трибуна	0	1	0	1	0	0	1	4
Военная социология	0	0	0	0	0	0	1	4
Демография. Миграции	0	1	1	0	0	0	2	9
Дискуссии. Полемика	2	3	2	1	2	0	2	4
Интервью	1	0	0	0	0	0	0	2
История социологии	5	2	1	2	1	0	0	7
К итогам XVI Всемирного социол. конгресса	0	2	2	1	0	0	0	3
Кафедра. Консультации	0	0	0	0	0	0	1	6
Книжное обозрение	6	5	5	1	1	2	5	20
Методы социологических исследований	2	0	0	1	0	0	1	4
Мониторинг. Социология молодежи	0	1	1	0	1	0	1	5
Научная жизнь	2	1	5	0	0	0	1	21
Первые шаги	2	1	1	1	3	0	1	8
Политическая социология	1	3	1	4	2	0	2	11

Размышления над новой книгой	1	1	1	1	0	0	0	6
Социальная политика	0	1	1	0	0	0	2	5
<i>Соц. политика и реформы глазами россиян</i>	0	0	0	0	0	0	0	2
Социальная политика. Соц. структура	2	2	0	0	2	0	1	7
Социологическая публицистика	1	1	1	0	0	0	1	1
Социология здоровья и медицины	0	0	0	0	0	0	0	8
Социология культуры	3	3	2	1	3	0	0	6
Социология массовых коммуникаций	2	4	1	0	2	0	1	6
Социология молодежи	1	2	0	0	1	0	2	8
Социология науки	0	0	1	1	0	1	0	2
Социология образования	0	0	0	1	1	0	1	4
<i>Социол. образования. Будущее университетов</i>	0	0	0	0	0	0	0	2
Социология права. Девиации	2	0	1	0	0	0	1	6
Социология религии	4	0	1	1	2	0	1	10
<i>Социология села</i>	0	1	0	0	0	0	0	9
<i>Социология семьи</i>	0	0	0	0	0	0	0	4
Социология семьи. Гендерные исследования	0	0	1	0	0	0	1	3
Социология туризма	0	1	0	0	0	1	0	2
Социология управления	3	3	2	1	1	0	2	15
Социология физкультуры и спорта	1	1	0	0	0	0	0	2
Теория. Методология	15	17	13	1	5	3	6	20
Учредит. съезд Союза социологов России	1	0	1	0	0	0	1	1
Факты. Комментарии. Заметки	3	2	4	0	1	0	0	16
Экономическая социология	2	3	2	1	5	0	3	13
Экосоциология	1	0	0	0	0	0	1	4
Этносоциология	1	2	1	1	0	0	1	12
Всего	64	64	52	20	33	7	42	282

Ссылки на классику социологии можно найти в 21,33% статей, или в 64 из них (см. табл. 3). Здесь первое важное различие — простое упоминание и оформленная по всем правилам ссылка. В 98 случаях это просто упоминание, довольно часто «список классиков», в 90 — ссылка на конкретную работу. Например, упоминания имени М. Вебера и его работ соотносятся

как 30:21, причем 3 ссылки — на немецкую и английскую версии непереведенного на русский «Хозяйства и общества».

К. Маркс упоминается в 22 случаях (см. табл. 4), но в 14 случаях он упоминается в числе «классиков социологии», то есть «списком», что не доказывает его серьезного идейного влияния на авторов статей.

Т а б л и ц а 3. Распределение типов теоретических ссылок по статьям

Типы теоретических ссылок	Количество статей с данным типом ссылок
Классика социологии	64
Современная западная теория	64
Современная отечественная теория	52
Философия 1-й половины XX века	20
Философия 2-й половины XX века	33
Логика и философия науки (М. А. Розов, Г. Риккерт, Э. Гуссерль, В. С. Степин, К. Поппер, Т. Кuhn, В. Виндельбанд)	7
Другие дисциплины	42
ВСЕГО:	282

Ссылки на современных западных теоретиков распределяются следующим образом (табл. 4). Из 26 статей, где есть ссылки на Э. Гидденса, в 12 случаях это просто упоминания без оформления ссылки (часто вместе с другими западными социологами), 5 — ссылки на учебник, 22 — ссылки на его переведенные оригинальные работы, и 20 — ссылки на монографии Гидденса на английском языке. В отношении Н. Смелзера ссылки почти все — на учебник, впрочем, их мало. Практически все авторы, оказавшиеся в «рейтинге», в свое время стали у себя на родине ядром школы, то есть имеют немало последователей, на которых можно было бы ожидать ссылок, но они обычно отсутствуют.

Среди современных философов чаще цитируются французские постструктуралисты — Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, М. Фуко (табл. 5). Интересно, что ссылки неплохо группируются по оси «левые» — «правые, консерваторы», причем с довольно выраженными крайними флангами.

Большая часть ссылок на отечественных социологов, имеющих работы по теории — это не просто упоминания, тем более «списочные», они оформлены по всем правилам, это именно цитирование. Соотношение упоминаний и цитирования здесь 110 к 79. Большая часть упоминаний

Т а б л и ц а 4. Ссылки на классиков социологии и современных западных теоретиков

Рейтинг	Классики социологии	N*	Рейтинг	Современные западные теоретики	N*
1	Вебер М. (Weber M.)**	25	1	Гидденс Э. (Giddens A.)	26
2	Маркс К.	22	2	Штомпка П. (Sztompka P.)	13
3	Дюркгейм Э. (Durkheim E.)	17	2	Бурдьё П. (Bourdieu P.)	13
4	Сорокин П. (Sorokin P.)	16	3	Бауман З. (Bauman Z.)	11
5	Парсонс Т.	13	4	Хабермас Ю. (Habermas J.)/ Луман Н. (Luhmann N.)	9
6	Бергер П.	9			
7	Конт О./ Энгельс Ф.	7	5	Валлерстайн И. (Wallerstein E.) / Александер Дж. (Alexander J.)	7
8	Спенсер Г./ Лукман Т.	5			
9	Теннис Ф. / Шютц А. / Маркузе Г. / Гоулднер А. / Зиммель Г. / Мертон Р. (Merton R.K.)	4	6	Кастельс М. (Castells M) / Ритцер Дж. (Ritzer G.)	6
			7	Бек У. (Beck U.) / Буравой М. (Burawoy M.) / Смелзер Н.	4
10	Мид Дж. Г./ Зомбарт В. / Гофман И. (Goffman E.) / Дарендорф Р. (Darendorf R.)	3	8	Дуглас М. / Урри Дж. (Urry J.) / Абельс Х. / Вевёрка М.	3
			9	Маклюэн М. / Монсон П. / Тернер Дж. / Скотт Дж. / Элброу М. (Albrow M.)	2
11	Томас У. и Знанецкий Ф./ Козер Л./Кули Ч.	2			

* N — количество статей со ссылками на автора

** В скобках приводится фамилия на языке оригинала, если встречались ссылки на непереуведенные работы.

(29) относится к разделу «Научная жизнь», это ссылки на прозвучавшие на конференциях доклады.

Так что ссылки на отечественные работы по социологической теории — это в каком-то смысле более «сильные связи». Иными словами, связи с корпусом отечественных социологических текстов во многих статьях оказываются более содержательными. Это, вероятнее всего, говорит о реальной содержательной изолированности, представленной в «Социологических исследованиях», отечественной социологии в плане рецепции западных идей.

Таблица 5. Ссылки на философов

Авторы философских работ 1-й половины XX века	Кол-во статей со ссылками на автора	Авторы философских работ 2-й половины XX века	Кол-во статей со ссылками на автора
Ленин В. И.	4	Бодрийяр Ж.	5
Бердяев Н. А.	3	Хантингтон. С.	4
Дьюи Дж. / Кроче Б. / Шпенглер О. / Шельски Х. / Макиавелли Н. / Декарт Р. / Ясперс К. / Гегель Г.-В. / Бергсон А. / Гелен А.	1	Тойнби А.	3
		Делез Ж., Бенхабиб С.	2
		Дебор Г./Барт Р. / Бжезински З. (Brzezinski Z.) / Майнхоф У. / Лиотар Ф. / Рикер П. / Фуко М. / Деррида Ж. (Derrida J.) / Эко У. / Элиаде М. / Лефевр А. (Lefebvre H.)	1

ОБЩАЯ СТАТИСТИКА ПО ТЕКСТОВЫМ ФРАГМЕНТАМ. Фрагменты, имеющие отношение к концептуальной рефлексии, идентифицировались по наличию в них пяти лексических маркеров — «теор», «концеп», «поняти», «категории», «терми» (см. табл. 6). По этому основанию фрагменты — всего их выделено 2235 — разделились на пять частично пересекающихся групп. В результате статистического анализа этих групп сделаны следующие выводы:

- 1) В выделенных на основании лексических маркеров фрагментах авторы чаще рассуждают о теории в общем плане, а не о ее «кирпичиках» вроде понятий, терминов и категорий. Иначе говоря, работа с понятиями в статьях эксплицируется слабо.
- 2) Группа текстовых фрагментов о «теории / теоретическом / теоретиках» является самой самостоятельной из пяти выделенных, то есть если автор пишет о теории, то более чем в 83% случаев это понятие прямо во фрагменте не соотносится явно ни с другими понятиями, ни с терминами, ни с категориями — как элементами теории.
- 3) Гораздо менее «независимой» оказывается группа фрагментов с маркером «концепции / концептов»; примерно в 20% случаев понятия «концепция/концептуальное» сочетаются с понятиями «теория/теоретическое» и используются как синонимы. [Вот пример такого словопотребления: «Во многом на основе данных классических направлений во второй половине XX века возникли “постклассические” концепции “социального обмена” (П. Блау), “социальной сети” (Р. Эмерсон), “ра-

ционального выбора” (Дж. Коулмен), “психометрическая парадигма” (П. Словик, Б. Фишхофф, С. Лихтенштейн), “культурологическая теория риска” (М. Дуглас, А. Вилдавски), различные варианты масштабных теоретических доктрин (Э. Гидденс, Н. Луман, У. Бек и др.)» [фрагмент 0549].

- 4) Довольно часто во фрагментах, относящихся к первым двум маркерам, речь идет не о своих, а о чужих публикациях и исследованиях. Рассуждения о собственной теоретической позиции — большая редкость.
- 5) Еще менее «независимым» оказывается маркер «термин», однако тут совершенно иная ситуация. Наиболее частотное его совпадение с маркером «теории/теоретического», то есть здесь уже нет синонимичного словоупотребления. Можно предположить, что в таких фрагментах происходит соотнесение конкретных терминов и какого-то теоретического контекста. [Например, во фрагменте 1202: «Однако и в этих теориях Церковь остается в прежнем положении — выполняя функцию легитимации, интеграции, структурирования опыта, а ее описание производится в терминах “религиозного спроса”, “религиозного капитала”, “религиозного предложения”». Чаще всего, как и в данном фрагменте, речь идет о чужих теориях и терминах. Есть фрагменты и с абстрактными рассуждениями о терминах, но их немного. Вот пример: «Умножаются» даже центральные социологические термины, которые в разных теоретических контекстах трактуются неоднозначно (например, понятие социальной структуры)» [фрагмент 1706].
- 6) Маркер «категорий» почти столь же изолирован, как и «теоретический»; впрочем, более чем в половине фрагментов (57,33%) говорится о «категории» как группе населения. К теории эти фрагменты можно отнести лишь условно.
- 7) Проанализировано, как соотносится «дискурс о теории и ее элементах» со структурой дисциплины, которая в журнале представлена его разделами (их всего 40).

Разделы условно поделены на «околотеоретические» и «отраслевые». В первую группу попадают «Теория. Методология», «История социологии», публикации «К итогам XVI Всемирного социологического конгресса» (где обсуждалось состояние теории в современной социологии). Раздел «Методы социологических исследований» по нашим данным оказался ближе к отраслевым статьям.

Частота появления «теоретических фрагментов» (см. табл. 7):

«отраслевые» разделы — один раз на 4–7 страниц текста;

Т а б л и ц а 6. Статистика по пяти группам фрагментов

Лексический маркер	Число фрагментов, где есть маркер(ы)
«теор»	1033
из них только «теор»	863 (83,54%)
«теор» + «концеп»	86
«теор» + «поняти»	29
«теор» + «термин»	24
«теор» + «категори»	16
«теор» + «концеп» + «термин»	5
«теор» + «поняти» + «категори»	5
«теор» + «поняти» + «термин»	3
«теор» + «концеп» + «категори»	2
«концеп»	419
из них только «концеп»	288 (68,74%)
«концеп» + «поняти»	19
«концеп» + «термин»	10
«концеп» + «категори»	4
«концеп» + «поняти» + «термин»	4
«концеп» + «поняти» + «категори»	1
«поняти»	411
из них только «поняти»	316 (76,89%)
«поняти» + «термин»	18
«поняти» + «категори»	15
«поняти» + «термин» + «категори»	1
«термин»	230
из них только «термин»	155 (67,39%)
«термин» + «категори»	10
«категори»	300
из них только «категори»	246 (82%)
Всего фрагментов	2235

«околотеоретические» разделы — в среднем меньше чем два на странице текста

Выводы

— Более чем в половине проанализированных статей (151) нет ссылок на теоретические работы. Причем в большинстве отраслевых разделов наличие теоретических ссылок в статьях — редкое исключение. Ста-

Т а б л и ц а 7. Количество фрагментов «дискурса о теории» на статью и на страницу статьи по разделам журнала

Раздел	Среднее число фрагментов на статью	Среднее число фрагментов на страницу статьи
Экосоциология	0,75	0,04
Социология образования. Будущее университетов	1,00	0,07
Социология села	1,67	0,09
Социология образования	1,25	0,10
Социология права. Девиации	3,50	0,17
Социология здоровья и медицины	2,75	0,19
Социология семьи. Гендерные исследования	3,33	0,19
Соц. политика и реформы глазами россиян	5,00	0,21
Социология семьи	3,00	0,21
Демография. Миграции	3,33	0,22
Социология молодежи	3,75	0,23
Экономическая социология	5,67	0,25
Академическая трибуна	3,75	0,26
Социология науки	4,50	0,26
Кафедра. Консультации	2,67	0,27
Политическая социология	6,18	0,27
Социология массовых коммуникаций	5,67	0,27
Военная социология	5,25	0,28
Этносоциология	4,83	0,32
Учредительный съезд Союза социологов России	6,00	0,33
Методы социологических исследований	9,00	0,38
Социология туризма	5,50	0,38
Социальная политика. Социальная структура	6,57	0,39
Первые шаги	5,00	0,40
Мониторинг. Социология молодежи	5,20	0,42
Социология управления	8,87	0,44
Социология культуры	7,83	0,47
Факты. Комментарии. Заметки	6,13	0,52
Научная жизнь	2,76	0,54
Социальная политика	11,60	0,57
Социология физкультуры и спорта	11,50	0,57

Размышления над новой книгой	9,17	0,58
Социология религии	8,10	0,65
Интервью	10,00	0,92
Дискуссии. Полемика	23,25	1,07
Книжное обозрение	7,15	1,23
К итогам XVI Всемирного социол. конгресса	14,67	1,33
История социологии	22,28	1,52
Теория. Методология	29,30	1,92
Социологическая публицистика	26,00	2,89

ть, в которых такие ссылки имеются, преобладают в разделах «Теория. Методология», «История социологии», «Академическая трибуна», «Методы социологических исследований» и еще в 2–3 отраслевых.

- Формальные показатели количества фрагментов «дискурса о теории» на статью и на страницу статьи по разделам журнала оказались невысокими как для отраслевых, так и для теоретических разделов.
- Особенности организации научного (социологического) дискурса позволяют фиксировать некоторые содержательные моменты, проявляющиеся независимо от воли автора. Примером такого непреднамеренного эффекта можно считать «списочное» упоминание классиков и западных теоретиков без внимания к содержанию их работ. Или же преобладание рассуждений о теории (теоретическом, теоретиках, концепциях, концептуальном) при незначительной доле отступлений, где эксплицируется работа автора с понятиями и терминами. Такие непреднамеренные эффекты можно выявить уже при относительно массовом количественном исследовании текстов.
- В большинстве текстов налицо отсутствие какого-либо теоретико-методологического рассмотрения и обоснования исследования (а значит, о рефлексивности более высокого порядка — о рассмотрении и обосновании ограничений, нюансов, связанных с выбранным подходом, не идет и речи).
- Так как рефлексивность связана с поддержанием самоидентичности и автономии научного (социологического) дискурса, отказ от использования (хотя бы формального) маркеров встроенности отдельных статей в корпус научных текстов на уровне теории означает *размывание границ научности*, по крайней мере, в плане работы с идеальными объектами — теорией, концепциями, понятиями и т. п. — и снижение уровня автономии социальной науки.

- Попытки «измерить» концептуальную рефлексивность сталкиваются с рядом серьезных проблем. Концептуальная рефлексивность, как мы ее понимаем, пока не имеет в научном дискурсе институционализированных форм, в отличие от инструментальной и коммуникативной. В основе этих типов рефлексивности — устоявшиеся стандарты, которые проявляются в виде системы цитирования, реферирования, поиска по заголовкам и резюме (abstract), разделов о методе исследования в публикациях, основанных на эмпирических данных, и всей системы контроля качества и стандартизации научной информации. Так что если какие-то требования к теоретической рефлексивности научных текстов и существуют, то неявно. Чем, собственно говоря, и можно объяснить разноречивость в «теоретической экипировке» статей, в том числе в исследованном массиве.
- Наконец, очевиден вывод, что *институциональные формы концептуальной рефлексивности социологического дискурса*, то есть требования к созданию публикаций в их теоретико-методологической составляющей, пока не сформировались (причем не только в отечественной, но и в западной социологии) и что в этом есть необходимость.

ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

В. И. Ильин

Советский консюмеризм как фактор социальной структуризации общества дефицита

Хозяйство государственно-монополистического социализма создавало дефицит потребительских товаров как свое системное качество. Данный способ производства порождал и адекватную ему систему социальных отношений — общество дефицита со специфической социальной структурой. Эти вопросы в той или иной мере уже рассматривались в предшествующих работах автора (Ильин 1996, 2000, 2006). В данной статье предмет анализа сдвинут с общественного разделения труда на способ потребления как механизм социальной структуризации общества советского типа. Продуктом общества дефицита был советский консюмеризм (потребительство) — один из культурных катализаторов социальных процессов, приведших к самоликвидации государственно-монополистического социализма.

Общество дефицита

Из Октябрьской революции 1917 г. выросло государство, которое, с одной стороны, было институтом нового типа (партийным государством), а с другой стороны — продолжало традиции российской государственности, вписывавшиеся в логику этакратического типа цивилизации. Ключевая

характеристика такой цивилизации — государство, являющееся собственником почти всех средств производства (государственный способ производства) и на этой основе формирующее по своему усмотрению структуры разделения труда, порождающие адекватные ему общественные отношения (см. подробнее Шкаратан и Ильин 2006, часть 1). Разумеется, государственное регулирование процессов социальной структуризации ни в коей мере не означало, что общество лепилось в более или менее строгом соответствии с планами партийного государства. Власть давала мощные импульсы, воздействовавшие на производство и распределение материальных благ и статусов, однако реальные социальные процессы выходили из-под ее контроля. В силу этого в реальном обществе советского типа лишь при наличии болезненного воображения можно было узнать планы партии и государства, т. е. коммунистический идеологический проект.

Я. Корнай (Kornai 1980) определял фундамент такого общества как «экономику дефицита». Однако, как мне представляется, категория «экономика» не подходит для данного анализа. Как отмечала Я. Штанискис, экономика — это категория, неразрывно связанная с рынком, а социализм обладает природой, принципиально отличной от капитализма. В силу этого категориальный аппарат, разработанной для одной системы, не может механически переноситься на другую (Staniszki 1989). Иначе говоря, экономика может быть только рыночной в отличие от хозяйства, которое может опираться и на тотальное огосударствление, и на исключительно административное регулирование, и принимать натуральные формы. Экономика западного типа и хозяйство советского типа — это две совершенно разные реальности, которые объединяются в одну категорию только иллюзией, порождаемой нестрогим словоупотреблением. Таким образом, базис общества советского типа — хозяйство дефицита.

Из этого базиса вырастает и адекватная ему социальная система. В большинстве случаев марксизм как теория, вырвавшаяся из попыток понять капитализм, является неадекватным инструментом объяснения государственного социализма, который по своей природе гораздо ближе «азиатскому способу производства» — концепции разивавшейся на очень дальней периферии марксистской мысли. Однако в данном случае мы имеем дело с логикой исторического материализма в чистом виде.

Если оставаться в рамках проблематики потребления, то из базиса хозяйственной системы дефицита выростала адекватная ему социальная структура как неравное распределение жизненно важных потребительских благ в соответствии с определенным сводом правил государственного

регулирования и его непреднамеренных последствий. Иначе говоря, граждане такого общества выстраивались в иерархию, каждый этаж которой отличался набором и объемом доступных потребительских благ. Их распределение осуществлялось в соответствии с логикой бюрократической системы: чем выше пост, тем больше трудовой вклад, тем выше должно быть вознаграждение «по труду». Это адаптация классического марксистского принципа «от каждого по способностям, каждому по труду» к логике государственно-монополистического социализма: трудовой вклад измеряется размером кресла.

Дефицит всех продуктов — как средств производства, так и предметов потребления — это не издержки роста, следствие «временных трудностей» или внешних факторов, как утверждали лидеры и теоретики государств советского типа, а системное качество государственного способа производства (см. подробнее (Kornai 1980)). Иначе говоря, государственный социализм не мог быть иным.

Дефицит, с одной стороны, был порождением господства бюрократии, а с другой выполнял функцию укрепления ее власти. На его основе выростала ключевая иерархия: объем доступных потребительских благ был пропорционален статусной позиции в сконструированной партийным государством социальной системе, основанной на критерии функциональной важности группы для существования данного социального порядка.

Однако способ распределения — это слишком гигантская система, чтобы кто-то был в состоянии строить его на сугубо рациональных основаниях. Бюрократическая рациональность на каждом шагу давала сбои, порождая стихийный процессы перераспределения дефицитных потребительских благ.

Из этих процессов в способе распределения выростала адекватная ему **социальная структура** как неравное распределение жизненно важных благ на основе механизма бюрократической рациональности, корректируемой разнообразными стихийными процессами. В качестве главного двигателя способа распределения выступало государство, прибегавшее, правда, к имитации рынка, официально называвшейся «социалистическим рынком».

Феномен консюмеризма (потребительства)

Консюмеризм — это, с одной стороны, феномен культуры, порождаемый социально-экономической системой, а с другой — это культурный ме-

ханизм воспроизводства этой системы. Иначе говоря, следствие превращается в предпосылку. Исторически способ производства и потребления предшествовал консюмеризму и породил его. Однако, сформировавшись, эта форма культуры превращается в предпосылку воспроизводства социально-экономической системы. Интериоризированная культурная программа консюмеризма формирует логику поведения индивидов в социально-экономической системе. А это поведение, приобретая устойчивые формы практик, превращается в процессы воспроизводства социальной структуры.

Консюмеризм (потребительство) — это многомерный культурный феномен. В американской традиции он обозначает в основном систему защиты прав потребителей, ядром которой является движение в защиту этих прав. В европейской традиции эта категория приобретает существенно иные акценты: консюмеризм — это система ценностей и норм, опирающаяся на приоритет потребления. При этом в анализе на основе этой категории фокус смещается в сторону поведения индивидов, для которых потребление выступает как путь к счастью и социальному самоутверждению. Поскольку счастья много не бывает, то естественным логическим следствием такой системы координат являются практики перепотребления.

В капиталистической экономике общества потребления консюмеризм является необходимым культурным катализатором экономических процессов. Без него экономика, производящая гораздо больше, чем реально может потребляться, если и не остановилась бы, то точно столкнулась бы с большими кризисными проблемами. В силу этого товар производится в сопутствующей ему оболочке соблазна. Иначе говоря, параллельно производятся и продукт, и желание его потреблять. Попутно действуют механизмы стимулирующие быстрое моральное устаревание вещей. В результате они превращаются в ненужный хлам задолго до своего физического износа. Таким образом, консюмеризм проявляется как совокупность массовых практик перепотребления: люди, у которых все есть, покупают под давлением самых разнообразных мотивов аналогичные вещи. Более того, они чувствуют себя обездоленными, если не могут перепотреблять так, как это делают люди в их среде. Иррациональное потребительское поведение, превращающее индивида в белку, мчащуюся в колесе к призрачной цели, оказывается на макроуровне вполне рациональным, обеспечивая экономическую динамику и воспроизводство сиюминутной удовлетворенности людей своей жизнью.

Парадокс советского потребительства

В какой мере этот феномен был присущ обществу советского типа? Очевидно, что общество потребления и общество дефицита — это совершенно разные цивилизационные реальности. В силу этого об общности этой категории не может быть и речи. Однако консюмеристская форма была характерна и для повседневной жизни СССР и других стран государственного социализма. Консюмеризм как форма системы ценностных ориентаций индивидов в обществах разных типов имел немало общего, однако за внешним сходством в сознании людей стояли совершенно разные механизмы, порождающие такие ценностные ориентации, и разная логика повседневного поведения, разные потребительские практики и стратегии. Поэтому уместнее говорить не о консюмеризме общества советского типа, а о советском консюмеризме, который имеет не больше общего с сходным по названию феноменом из реалий западной цивилизации, чем «социалистический рынок» и рынок, т. е. ничего, кроме иллюзорной формы: обладание вещами выступает как форма самореализации и самоутверждения.

Эта иллюзорная форма проявлялась во вполне реальных формах повседневных практик. И в обществе потребления, и в обществе дефицита разные механизмы вели к одному и тому же явлению: стремлению потреблять, не оглядываясь на естественные потребности.

Если следовать логике западной литературы, посвященной потреблению, то сочетание в одной логически упорядоченной фразе слов «дефицит» и «консюмеризм» представляется абсурдом, т. к. в системе западного общества перепотребление является закономерным следствием перепроизводства, т. е. именно той предпосылки, которая отсутствовала в СССР и т. п. обществах.

Однако это абсурд на уровне видимости. Повседневная ситуация потребительского дефицита создавала объективную основу проблематизации повседневной жизни прежде всего в терминах потребления. Чтобы нормально жить, надо было «доставать», «крутиться». Заботы относительно того, что и где купить, нередко разрывали и ритм трудовых будней, вынуждая покидать рабочее место ради поиска дефицитных товаров. Тот, кто хотел «хорошо» жить, вынужден был думать постоянно об этих проблемах, его сознание фокусировалось на потреблении. Разумеется, далеко не все

оказались одержимыми потребительством, но оно сформировалось как массовая тенденция.

Дефицитный способ потребления порождал и адекватную ему культурную программу. Поскольку многие товары в свободной продаже нельзя было приобрести, когда они были нужны, то здравый смысл формировал логику, прямо противоположную той, которая была заложена в основу т. н. «научного управления обществом»: качественный товар надо брать, если есть возможность. Личные потребности данного момента — совершенно второстепенный фактор. Когда потребность появится, товара уже не будет, поэтому надо брать в запас, «на черный день», «авось пригодится». Если удастся достать ценную вещь не своего размера — «ничего страшного», т. к. ее когда-нибудь удастся поменять на что-то подходящее. Поскольку такой бартер в условиях узкого круга повседневного взаимодействия был крайне неэффективным, то неизбежно создавались залежи ненужных товаров, ожидающих удачного обмена. Залежам в одном месте закономерно соответствовала нехватка этих же товаров (размеров) в другом.

В потребительство втягивались люди с разными покупательскими возможностями и различной структурой потребностей. Просто одни копили спички, соль, сахар, мыло, другие — хрусталь, ювелирные украшения, третьи — книги, четвертые — импортную одежду, обувь и т. д. Копили то, что было доступно. И ассортимент предметов накопительства неравномерно распределялся между социальными группами и слоями советского общества, формируя потребительскую ресурсную основу его социальной структуры. Накопительство превращалось в социо-культурный механизм распределения ресурсов в социальном пространстве. Социальная его составляющая была представлена статусными возможностями, а культурная — потребительскими ценностными ориентациями и правилами здравого смысла.

Идеологический фактор формирования советского потребительства

Программа КПСС, принятая в 1961 г. была манифестом коммунистического потребительства. Партия торжественно обещала, что в скором времени уровень жизни в СССР будет выше, чем в Америке. С трибуны съезда на просторы улиц в виде транспаранта вышел лозунг: «У партии нет иной цели, кроме блага народа». Народу в качестве реальной цели предложили коммунизм, где будет действовать принцип: «От каждого по способно-

стям, каждому по потребностям». В этом обществе будет обеспечено полное и всесторонне удовлетворение всех потребностей людей и при этом абсолютно бесплатно! И сроки начала рая были определены совершенно конкретные: 1980 г. С трибуны XXII съезда было заявлено: «Партия торжественно обещает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Это обещание украшало многие фасады домов, актовые залы и красные уголки. С этого времени потребление стало в массовом сознании главным и самым понятным критерием сравнения социализма и капитализма. И хотя коммунизм как потребительский рай исчез из речей советских лидеров с уходом в отставку Н. С. Хрущева (1964 г.), эту программу изучали в обязательном порядке во всех учебных заведениях вплоть до второй половины 1980-х гг. Кремль спровоцировал революцию потребительских притязаний в контексте экономики дефицита. Это была самоубийственная ошибка.

В качестве мерила преимуществ социализма был выдвинут критерий соревнования с самой экономически развитой страной мира: США. Было обещано, что уже к 1980 г. уровень жизни в СССР превысит стандарты американского общества потребления. Иначе говоря, система координат «простого советского человека» была включена в глобальный контекст.

И это была бомба, заложенная Кремлем под советскую систему, поскольку экономика дефицита даже при самом успешном развитии не могла конкурировать с рыночной экономикой в удовлетворении потребностей населения, часто приобретающих форму нелепых причуд. Включение СССР в потребительскую гонку с Америкой было началом его конца.

Одновременно начался процесс нарастания западного проникновения в СССР через «железный занавес», который становился все более дырявым. Мощные радиопередатчики забрасывали через него картинки идеализированного западного общества потребления, заботливо сравниваемые с советскими реалиями. Через границы разными путями проникали иностранные товары, выступавшие в качестве наиболее убедительных агитаторов против государственного социализма.

Таким образом, логика закона возвышения потребностей переплелась с идеологическим просчетом Кремля. Возникший в результате этих процессов феномен советского потребительства) в конце концов погубил советскую систему. Большинство осознало, что лучше жить, как в «цивилизованном мире» (распространенное в годы перестройки обозначение Запада), чем бесконечно ждать земного потребительского рая под названием «коммунизм».

Аппарат как носитель потребительской культуры

Механизм распределения в обществе советского типа лишь отчасти напоминал рыночный. Был т. н. «социалистический рынок», люди получали заработную плату и ходили в магазины покупать на заработанные деньги потребительские товары. Однако «социалистический рынок» был жестко привязан к логике административной иерархии. Это означало, что важен не столько размер заработной платы, сколько магазин, в который тебя допускают в соответствии со статусом, приписанным к твоему месту в административной иерархии. Покупательная способность рубля колебалась от слоя к слою. Иначе говоря, рубль в кармане сельскохозяйственного рабочего отличался от рубля в кармане секретаря обкома партии как доллар от советской валюты. Покупательная способность рубля была привязана к ассортименту товаров, доступных в магазине, где он отоваривался. Были магазины, в которых имелось все, что о чем мог мечтать тогдашний потребитель, и магазины, в которых имелся лишь минимум необходимый для физического выживания.

В обществе дефицита высокий статус в административной или теневой структурах включал права и возможности на повышенную долю потребительских благ. Логика повседневного дефицита неизбежно порождала и здесь набор адекватных ей правил, толкавших к максимально возможному потреблению («завтра может не быть», «не известно, что будет завтра» и т. д.). В силу этого локомотивами антисистемного потребительства выступали в первую очередь те, кто занимал высокостатусные позиции (см. Pin 2009). Они не только оттягивали на себя существенную часть ресурсов, производимых в соответствии с ориентацией на «разумные потребности» и систематическую корректировку планов, но и задавали образцы жизненного успеха и нормы повседневного поведения для широких слоев населения, втягивая его и в культуру советского консюмеризма, и в практики стихийного перераспределения в пределах возможностей своей позиции (у директора мясокомбината были одни масштабы, у грузчика — другие).

Теневая социальная структура

Параллельно с административной структурой распределения общество советского типа включало официально не описываемую теневую экономику, опирающуюся на не институционализированный рынок, по-

рождавший адекватную ему теневую социальную структуру, т. е. применительно к данной ограниченной теме — неравное распределение дефицитных потребительских ресурсов на основе механизмов стихийного теневого рынка. Здесь шло формирование теневой буржуазии, концентрировавшей у себя дефицитные потребительские товары. Поскольку эта социальная группа одновременно находилась и в рамках логики общества дефицита, то характерное для любой буржуазии тенденция к перепотреблению смещивалась с логикой совесткого потребительства, порождая анахроническую гремучую смесь (например, огромные клады, состоящие из драгоценных украшений, залежи потребительских товаров, которые физически невозможно потребить и которые опасно было использовать, т. к. это могло привлечь ненужное внимание правоохранительных органов и т. д.).

Этажом ниже в теневой социальной структуре располагалась теневая мелкая буржуазия — совокупность работников сферы услуг, явочным порядком приватизировавших свои рабочие места и действовавших в соответствии с простым принципом: кто, что производит или распределяет, тот то и имеет. Поскольку часто этот механизм обеспечивал существенно больше ресурсов, чем необходимо для личного потребления, то наиболее успешные обладатели избыточных товаров (продавцы, работники службы быта, рабочие пищевой промышленности и т. д.) частично включались в теневую рынок, предлагая на продажу одежду, мясо, запчасти и т. д. Эта группа также выполняла функцию культурного образца, задававшего для части населения критерии жизненного успеха. Таким образом, теневая социальная структура порождала теневую культуру советского потребительства в мещанском варианте.

И внизу рыночной социальной иерархии находились потребители, которые не имели доступа к теневому перераспределению или в силу разных причин в нем не хотели участвовать. Они выступали объектами довольно интенсивной рыночной эксплуатации, т. к. покупали многие товары с большими наценками на дефицитность.

Административная иерархия причудливым образом переплеталась с теневой, позиции в них коррелировались. С одной стороны, высокие позиции в административной иерархии создавали шансы для высокой позиции и в теневой классовой структуре, а с другой — теневой капитал давал возможности для оплаты карьеры в административной структуре (в ряде регионов была практика продажи постов в партийно-государственном аппарате и силовых ведомствах).

Консюмеризм как фактор формирования сетевых отношений

В условиях дефицита потребительских товаров и услуг, распределявшихся по официальным каналам, особую роль приобрела система сетевых отношений (блата), через которую происходило распределение существенной части производимой и особенно импортируемой продукции. Очаги таких сетей четко указывали два центра концентрации дефицитных ресурсов: во-первых, партийно-государственный аппарат, во-вторых, организации, занимавшиеся распределением товаров (прежде всего, розничная торговля) и оказанием услуг.

Такие сети порождали механизмы специфические механизмы солидарности, в основе которых лежали возможности бартерного обмена дефицитными товарами и услугами. В их основе лежало простое правило здравого смысла: «Ты мне, я тебе».

Логика социальных интересов формировала векторы устремлений в поисках друзей и «нужных люлей», в формировании компаний и отборе состава участников праздничных мероприятий. Такие явления как дружба и любовь в некоторых слоях общества оказывались под влияние социального поля общества дефицита через механизмы формирования представлений о «подходящей паре», о «приличной семье» и т. д.

Разумеется, эта тенденция не была всеохватывающей. Общество дефицита имело очень ограниченное количество очагов экономической власти, поэтому влияние социального поля общества дефицита распространялось на процессы формирования личных сетей далеко не в массовом масштабе. Кроме того, заметная часть населения разделяла антимеркантильные ценности, относясь с презрением к «жуликам» и «торгашам».

Деструктивная роль советского потребительства

Западный консюмеризм как культурный атрибут экономической системы функционален, он является предпосылкой ее нормального развития, ее катализатором, формирующим массу ненасытных потребителей, стремящихся постоянно обновлять предметы потребления, поглощать их во все больших количествах, создавая этим спрос, толкающий вперед экономику. Кроме того, неспособность удовлетворить потребности и реализовать потребительские причуды выступает мощным фактором стимули-

рования трудовой активности: сколько бы индивид не зарабатывал, ему всегда мало.

Советский консюмеризм имел характер контркультуры. Капиталистическая система тоже постоянно порождает контркультуру. Однако она порождает ее как маргинальную рыночную нишу, которая по своей сути в худшем случае не мешает системе, а в лучшем вписывается в нее как дополнительный сегмент рынка. Нередко контркультурные феномены получают широкое распространение, ставятся на поток и превращаются в составные части господствующей культуры (mainstream).

Советская потребительская контркультура играла исключительно анти-системную функцию. С одной стороны, она всегда в той или иной форме была замешана на потребительстве, которое объективно подрывало рационально-аскетические основы системы. С другой стороны, советский идеологический аппарат всегда отличался крайней негибкостью и склонностью к примитивизации мира. В данном контексте эти характеристики проявлялись в официальном навешивании на многие модные феномены, пришедшим с Запада, ярлыка «буржуазные». В результате ношение джинсов и слушание рока принимало форму инакомыслия. Таким образом, власть стигматизировала в политико-идеологических терминах совершенно естественное порождение собственной системы, опиравшееся к тому же на вполне естественные потребности людей. Это было совершенно иррациональное и искусственное формирование сверху консюмеристской оппозиции.

Советский консюмеризм можно сравнить с песком в механизме хозяйства дефицита, которое нуждалось в качестве культурного катализатора в совершенно противоположной программе аскетизма. Такое общество может нормально функционировать, если есть адекватный ему человеческий материал: советский человек, который прежде «думает о родине, а потом — о себе». Такая предпосылка реальна в короткие периоды борьбы за выживание как культурная программа героической, пассионарной части населения. Однако ориентация на перманентный героизм как предпосылку нормального функционирования системы — утопия. Героические порывы кратковременны. Их волна спадает, превращаясь в рябь бытовых тревог и устремлений.

Советский консюмеризм был культурной программой, которая разлагала логику общества дефицита. Здесь плановое производство опиралось на расчет потребления на основе принципа реализации «разумных потребностей». Иначе говоря, исходили из модели разумного советского

человека, который потребляет, чтобы работать, который самореализуется через успехи в труде (особенно социалистическое соревнование), его потребности естественны (одежда защищает от холода и сырости, пища дает калории и витамины), ему чужды модные причуды, хвастовство, стремление выделиться через одежду, предметы быта и т. д. Как показала история, культурная программа, исходившая из модели разумного советского человека, была чистой утопией. А все утопии в силу диалектической логики порождают результат, противоположный тому, который был заложен в них. В данном случае ориентация на аскетизм в массовом масштабе порождала потребительство.

Даже если представить нереальную ситуацию точного расчета этих потребностей всего населения, сверстывания под них производственных планов и полного их выполнения, то консюмеризм как практики перепотребления вносил в них сбой, поскольку те, кто мог, перепотребляли, обрекая стоявших в конце очереди на недопотребление. Поскольку же реальное общество советского типа опиралось на очень приблизительные представления о «разумных потребностях» двух с лишним сотен миллионов людей, на иллюзорно-научное планирование и на фальсификацию выполнения планов (их многократные корректировки были нормой), то не трудно представить катастрофическую роль потребительства в этой системе: он неизбежно вносил дисбаланс в систему, ориентировавшуюся на культ сбалансированности спроса и предложения.

Это вело подрыву системы стимулирования труда. У передовика производства нередко возникал вполне резонный вопрос: зачем так много работать, если на полученные деньги можно приобрести лишь самые простые товары? Консюмеризм превращал уровень и качество потребления в критерий общественного прогресса, что не могло не подрывать веру в преимущества социализма и не превращать враждебный для правящей верхушки Запад в образец общественного устройства, в разновидность земного рая, существующего не в обещаниях партии, а в реальности.

Резюме

Таким образом, советский консюмеризм (потребительство) — это один из ключевых механизмов, осуществлявших разложение системы государственного социализма. Хозяйство дефицита формировала общество дефицита, в котором воспроизводилась система социальных интересов, прямо противоположных логике породившей их системы. Диалектическое

развитие государственного социализма неминуемо вело к его краху. Его никто не уничтожил, он просто самоликвидировался. И консюмеризм стал одним из катализаторов этого процесса.

Литература

- Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 1996.
- Ильин В. И. Социальное неравенство. М.: Центр социологического образования Института социологии РАН, 2000.
- Ильин В. И. Зарождение отечественного консюмеризма // Социальная синергетика и актуальная наука. Национальные проекты как фактор ее безопасности в глобальном мире: научная экспертиза на актуальность и адекватность. Йошкар-Ола, 2009. (по материалам шестого всероссийского синергетического семинара). С. 151 — 156.
- Шкаратан О. И., Ильин В. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2006.
- Kornai J. (1980), *Economy of Shortage*. Vol. A, B. Amsterdam et al.: North Holland Publishing Company.
- Staniszkis J. *Ontologia socjalizmu*. Warszawa: Wydawnictwo In Plus, 1989.
- Ilin V. *The Soviet Ruling Stratum as an Agent of Social Transformation* // H. Best, R. Gebauer, A. Salheiser (Eds). *Elites and Social Change. The Socialist and Post-Socialist Experience*. Hamburg: Kr mer, 2009.

Потребление как механизм самовоспроизведения социальных групп

Центральная проблема, которую мы хотели бы здесь осветить — это проблема социологического изучения социальных групп через их потребительские практики. В рамках предлагаемого доклада мы подробно рассмотрим, с каких теоретико-методологических оснований можно подходить к этой проблеме.

Является ли это проблемой? Безусловно, да. Во-первых, как рассматривать социальные группы: как совокупность индивидов или как позиции в социальной реальности. Во-вторых, каким образом и «где» брать сами потребительские стандарты и практики для анализа.

Дело осложняется тем, что в ходе анализа потребления исследователь обычно сталкивается с проблемой неэкономических, а культурных оснований социальной дифференциации. А анализом культуры заниматься тоже достаточно трудно. Сам предмет предстает т.с. «несоциологичным». Исследователь оказывается в незавидном положении: с одной стороны, изучение культуры направляет его к культурологии и философии культуры, но там оно ведется совершенно на других основаниях: либо в контексте генезиса культур, либо получает нравственное и оценочное наполнение, что сводит изучение культуры к изучению ее высоких образцов, с точки зрения сохранения и трансляции будущим поколениям; с другой стороны, изучение культуры можно вести с позиции одной из отраслей социологии — социологии культуры, однако здесь исследователь столкнется с тем, что в этом направлении внимание сфокусировано на культуре как на специфической отрасли художественного и интеллектуального творчества. Таким образом, получается, что культуру в социологии принято рассматривать как некую внешнюю по отношению к социуму сферу, и исследователей таких эфемерных областей просят придерживаться более строгих социологических понятий и исследовать непосредственных носителей культурных образцов — индивидов и группы.

Далее нам бы все же хотелось описать перспективы изучения потребления именно в рамках социологии, и доказать, что это возможно делать

именно внутри социологической науки, а в частности, одного из основных ее направлений — изучения социальной структуры.

Межгрупповая дифференциация

Существует четыре подхода к социальной стратификации. Здесь мы осуществим лишь поверхностный обзор. Во-первых, это теория социальных классов и классовой борьбы К.Маркса, которую в упрощенном виде можно представить как определение позиции социальных агентов в социальной иерархии по критерию их отношения к собственности (иными словами отношения по поводу средств производства).

Концепция М.Вебера уже предполагала более разносторонний подход. Вебер выделил три относительно автономные иерархические структуры: экономическую, политическую, социокультурную и соответственно три вида социальных групп: класс, партия и статус. При этом в основу этих стратификаций им было положено распределение, соответственно, власти, авторитета и престижа, которые: а) прямо не определяются отношениями собственности, б) измеряются не по альтернативным признакам. Что касается именно экономической составляющей, Вебер делал акцент не на границах класса как группы, его сознании и т. д., а на свойственных тому или иному классу «жизненных шансах».

П. А. Сорокин развивая свою теорию социальной стратификации, ввел понятие «социального пространства», таким образом, дав позициям индивидов не только вертикальное, но и горизонтальное измерение. Основу же теоретической схемы стратификации по Сорокину составляет различие в распределении привилегий и прав.

Подобный обзор теорий мы приводим здесь с целью показать развитие научной рефлексии по поводу термина социальная стратификация. При том не столько в аспекте все большего усложнения факторов дифференциации, сколько в аспекте более глубокого осмысления самого понятия структуры.

Наиболее полное описание социальной структуры в рамках теории социального пространства мы находим у П. Бурдьё. Он развил стратификационную модель, получившую впоследствии название ресурсной. Бурдьё выделил три основные формы капитала, лежащие в основании социальной стратификации — экономический, культурный и социальный капиталы. В различной связи Бурдьё добавляет к ним символический капитал, властный капитал и личностный капитал (габитус и психологические осо-

бенности). Обладание разными объёмами этих капиталов определяет место социального агента в соответствующих полях, а совокупность позиций во всех полях — место в многомерном социальном пространстве, поэтому определять место индивида в стратифицированной структуре исключительно на основании экономических факторов невозможно.

Для Бурдьё, по сути, любая социальная группа — это не конкретные люди с особыми демографическими признаками, это позиция в социальном пространстве. Поэтому он широко употребляет термин «агенты». Агенты не являют собой группу, они осуществляют стратегии группы — своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно. Бурдьё рассматривает эти практики не сточки зрения рациональности их осуществления для самих акторов, а с точки зрения логики самой этой практики, которую можно исследовать через габитус, стратегии поведения и т. д.¹ Габитус у Бурдьё имеет философские основания, это сложное понятие, которое призвано заполнить разрыв между макро- и микросоциологическими уровнями. Габитус представляет собой систему прочных приобретенных предрасположенностей, он выступает как продукт интериоризации индивидом социальных структур. Именно с помощью габитуса возможно понять соединение структуралистских и конструктивистских посылок: габитус порождает то, что принято, считается нормальным, соответствует «здоровому смыслу» в рамках определенной социальной позиции.

Концепции социальной дифференциации на Западе и в России

Дискуссия о соотношении экономических и культурных факторах социальной стратификации, о распаде традиционных социальных форм и шире о структуре общества постмодерна очень популярна на Западе. Основной вопрос этой дискуссии иногда сводится к следующему: «Как возможно фиксировать социальный статус в мобильном обществе?» На философских основаниях теорий франкфуртской школы, Ж.Бодрийяра, М.Фуко

---

¹ Подробнее см. Шматко Н. А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии. — Спб.: Алетейя, 2001; Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии, том 1, №2, 1998.

стратификацию общества рассматривают с точки зрения потребления. Представляя себе общество в виде иерархической пирамиды горизонтальных пластов, исследователи¹ (наиболее известны в нашей стране работы П.Соундерса и П.Данливи²) и выделяют внутри этих пластов вертикальные всплески, секторы с одной моделью потребления, но затрагивающие страны с разным объемом экономических ресурсов. Ярким примером здесь служит теория «расхождения социальных секторов по потреблению», когда расхождения в потреблении больше не рассматриваются как внутри-классовые, но как способы преодоления классовых позиций и выход за пределы своего класса.

Подобные теории имеют глубоко социологические корни. Так Т. Веблен высказал предположение, что некоторые виды потребления осуществляются не столько из-за полезности товаров или услуг, сколько напоказ, ради демонстрации социального статуса.

Свое продолжение теория демонстративного потребления получила в трудах немецких ученых Г. Зиммеля и В. Зомбарта. Зиммель по умолчанию принимал идею о том, что высший слой (в частности аристократия) должен быть предметом подражания. В ходе своих исследований моды он разъяснял, как происходит соревнование различных страт на уровне внешнего облика: мода в одежде «спускается» от высшего слоя к нижним, низший слой начинает смыкаться с высшим, и у высшего возникает потребность в новом изменении моды, чтобы вновь отделить себя.

На современном этапе развития теорий стратификации этот взгляд был скорректирован в западной социологии, в частности в исследованиях потребительских стандартов «стран третьего мира».³ Здесь исследователи

¹ Подробный обзор теорий «расхождений в потреблении» см. Куценко О. Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: попытки западной социологии. — X., 2000.

² Saunders P. Beyond Lousing Classes: the sociological significance of private property rights in means of consumption // International Journal of Urban and Regional Research. — 1984, Vol. 8, № 2; Dunleavy P. The growth of sectoral cleavages and the stabilization of state expenditures // Society and Space. 1986, Vol. 4. — P. 129–144.

³ См в частности: Ferrer-i-Carbonell Income and well-being: An empirical analysis of the comparison income effect. Journal of Public Economics, 89, 997–1019 — 2005; Graham, C., & Felton, A. Inequality and happiness: Insights from Latin America. Journal of Economic Inequality, 4, 107–122. — 2006; Guillen-Royo, M. Consumption and subjective wellbeing: Exploring basic needs, social comparison, social integration and hedonism in Peru. Social Indicators Research, 89, 535–555. — 2008.

приходят к двум основным выводам. Во-первых, огромное значение в самооощущении благополучия имеет сравнение собственного уровня дохода с референтной группой, которая в свою очередь — в отличие от устоявшегося понимания в классической социологии — может быть не просто соседним слоем в социальной иерархии, но занимать позицию на три-четыре ступени выше. Во-вторых, при увеличении дохода индивиды стремятся покрыть с его помощью не базовые потребности, связанные с вложением в собственный человеческий капитал (начиная с продуктов питания и заканчивая жилищными условиями), а так называемое престижное потребление. То есть сравнение собственных потребительских практик с практиками референтных групп, как правило, негативно отражается на качестве жизни индивидов с меньшим доходам, т. к. в ущерб собственному медицинскому обслуживанию, образованию, улучшению жилищных условий себя и своих детей, они развивают демонстративную часть своих потребительских практик.

Невозможно чисто механически осуществлять перенос подобных выводов на социальную реальность России. Однако, в нашей стране уже были проведены исследования схожей тематики. Так, Институтом социологии РАН в марте 2006 года было предпринято специальное исследование «Социальная политика и неравенство» (руководители исследования: М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова)¹. Исследование носило общероссийский характер и осуществлялось в 11 крупных территориально-экономических районах Российской Федерации плюс города Москва и Санкт-Петербург. Помимо прочего в исследовании было выявлено, что представители среднего класса (чей доход на человека колеблется от 9000 до 11500 руб.) тратят значительные суммы на т. н. инновационные товары (телефон, ПК, цифровые камеры и т. д.). Средний класс гораздо активнее, чем остальное население, использует платные социальные услуги (платные образовательные, оздоровительные, медицинские услуги) Однако динамика развития этих инвестиций в себя и своих детей отражает любопытную тенденцию: с 2003 по 2006 год пользование образовательных и медицинских услуг стало снижаться. Однако одновременно с этим выросло количество людей пользующихся туристическими поездка за рубеж. При этом по мере общего снижения уровня потребления платных услуг происходит постепенный

---

¹ Подробнее о результатах исследования см. Мареева С. В. Имущественные характеристики и стандарты потребления// Средний класс в современной России /Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. — М.: 2008. — С. 76–89.

рост имущества, имеющегося у населения. Такая динамика означает рост престижного потребления в ущерб своему человеческому капиталу.

Результаты этого же исследования позволяют судить об объеме социального капитала, используемого жителями РФ¹. В основу анализа была заложена идея социальных сетей. При этом главной задачей являлось понимание того, как именно социальный капитал, приобретаемый и наращиваемый через сети, воздействует на положение индивидов в системе стратификации общества. Процент людей, пользующихся помощью со стороны своих социальных контактов, особенно велик в Москве и Петербурге (около 90% опрошенных). При этом помощь, предоставляемая самым бедным семьям в России, заключается в простой хозяйственной или материальной поддержке. В то время как на уровне более обеспеченных слоев активный обмен идет как раз в области связей, услуг и возможностей.

Мы приводим здесь результаты российских исследований для того, чтобы показать, насколько распространенными являются практики демонстративного потребления в России, и как потребление может служить заменой экономического капитала: эмитация более высоких стандартов потребления помогает индивидам преодолеть свою экономическую позицию и войти в социальные сети более богатых групп.

Далее непосредственный интерес представляют работы исследователь, которые решают проблему изучения социальной структуры в трансформирующейся России с точки зрения социокультурных различий. И здесь мы наблюдаем явное сближение с западными теоретиками², когда российские ученые отмечают, что наряду с формированием новых и размыванием границ старых иерархий экономических слоев, одновременно наблюдается углубление социокультурной дифференциации. Речь идет не о том, что экономические показатели перестают играть роль в построении социальных иерархий, но о том, что не менее значимыми факторами становятся стили жизни, стандарты потребления, социокоммуникативные практики, которые в современных условиях трансформирующейся России

---

¹ Подробнее см. Давыдова Н. В. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М. К. Горшков. — Вып.6. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 169–182.

² Подробнее см Низамова Л. Р. Социальная дифференциация в современной России: от неклассового состояния к постклассовому? Социальное знание: формации и интерпретации / Материалы международной научной конференции: Ч. 2. — Казань: Изд-во «Форт-Диалог», 1996. — С. 129–141.

как раз могут служить средствами адаптации к нестабильной социальной среде.

Л. Г. Ионин отмечает среди социокультурных факторов дифференциации, например, повсеместное распространение образования, которое не выстраивает людей, впоследствии получающих новую квалификацию, в форме иерархичной пирамиды и не служит больше основанием социальной мобильности, но скорее служит горизонтальной дифференциации по различным стилям жизни; кроме того, совмещение индивидом нескольких видов профессиональной деятельности для увеличения своего совокупного дохода позволяет ему также обогащать свой стилиевой репертуар. Таким образом, «неравенство перестает быть ценностно негативным понятием; неравенство начинает пониматься как инакость, непохожесть, в конце концов как плюрализация и индивидуализация жизненных и культурных стилей»¹ Иными словами, изучение процесса трансформации социальной структуры России можно вести не только с позиции классовой вертикальной стратификации, но и с позиции перехода современных индустриальных обществ в новую структурную организацию, основанную на горизонтальной дифференциации.

Пространство субъектов и пространство позиций

Возьмем определение социальной группы. «**СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА** — любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями.»² С. А. Кравченко дает более широкое определение: «Группа — 1) совокупность индивидов, объединенных каким-либо общим признаком; 2) совокупность индивидов, между которыми существуют социальные отношения. Социальная группа — одна из основных форм социального взаимодействия людей, их объединения, направленная на осуществление совместных действий.»³

Здесь социальная группа отождествляется именно с совокупностью людей. А это детерминирует социолога в ее изучении: необходимо выя-

---

¹ Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. — № 3. С. 31

² Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.

³ Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С.А.Кравченко. — М.:АСТ, 2004. 511 с.

вить границы группы, ее состав, характеристики индивидов в нее входящих и т. д.

Существует и иная позиция полностью противоположная натурализации социальных групп. Ее основателем можно считать П. Бурдьё. Он определял социальное пространство как пространство различий, а фокус в изучении социальных групп перемещал с конкретных индивидов в них входящих на исследование социальных отношений. Вопросом реальности социальных групп в России подробнейшим образом занимаются Ю.Л. Качанов и Н.А. Шматко¹. Качанов в частности поясняет: «Существуют ли практические группы? Да, несомненно. Совпадают ли их границы с границами наиболее известных сконструированных научным сообществом «групп на бумаге», таких как «интеллигенция», «рабочий класс», «средний класс», «низший класс»? Однозначно нет. Практические группы, выступающие от имени «новых русских» или «рабочих» состоят, как правило, не из тех, кого они представляют, но из профессионалов политического и символического представительства»

Социальная группа — это не просто совокупность людей, объединенных по формальным или неформальным признакам, а групповая социальная позиция, люди лишь объективируют её. Поэтому в изучении социальных групп важно описать саму позицию, выявить ее в пространстве социальных отношений, процессы символического представительства для нее характерные, репертуары интерпретации социальной реальности, ансамбли стратегий ее практик.

Дискурс и конструирование реальности

С точки зрения конструктивизма любые социальные явления выступают как продукт коммуникации и совместной деятельности людей. Поэтому его становление было бы невозможно без детального изучения феномена «повседневности», а следовательно, социальной феноменологии А. Шюца, семиотики Ч. Пирса и прагматизма У. Джемса, символического интеракционизма Дж. Мида, драматургической социологии И. Гофмана.

Наиболее полно конструктивистский подход к анализу общества был выражен П. Бергером и Т. Лукманом. Они провозгласили критический

---

¹ Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии)//Социологические исследования, 1996. — №12. С. 91–94

подход к само собой разумеющемуся знанию. Знание — это лишь уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками. Однако для различных социальных агентов реальны различные феномены, поэтому авторов особенно интересовало, как какая-то система знания становится социально признанной в качестве реальности.

Дискурс и язык рассматриваются как основные источники конструирования реальности. В этой связи наиболее показательна полностью конструктивистская теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Группы всегда создаются в ходе дискурсивных процессов. Лакло и Муфф, как и Бурдые, утверждают в качестве одного из основных элементов процесса формирования групп представительство. Это означает, что для того, чтобы появилась группа, она должна быть конституирована в дискурсе. Поэтому и идентичности социальных агентов — и коллективных, и индивидуальных — всегда дискурсивны.

Встает вопрос о методической и эвристической достаточности столь абстрактного понимания общества. При том что если его анализ и возможен через дискурсивные практики, как может сам исследователь из этих практик выйти и заняться их деконструкцией. Кроме того, данный подход разумеется можно упрекнуть в сосредоточенности на повседневных практиках индивидов.

Существует и иное видение общества и науки его изучающей. Упрощая, мы бы сформулировали его так: все теоретические конструкты социологии не являются просто методически удобными для исследователей познавательными схемами, но отражением действительно существующих социальных феноменов.

Этот подход собственно и обосновывает смысл изучения социальной реальности. В нем как раз и утверждается: а) что социальная реальность существует объективно; б) что она доступна изучению, а не конструированию.

С глубоко философских позиций эта на самом деле важная дихотомия проанализирована в работах Ю. Л. Качанова¹, и сведена к разрешающему конфликту тезису: любой дискурсивный продукт имеет свои основания в реальности, но, чтобы сделать объект доступным для изучения, мы с не-

---

¹ Качанов Ю. Л. Дихотомия «социологический конструктивизм — научный реализм» и ее преодоление // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. — С. 63–75.

обходимостью конструируем его. Имея в виду, что никогда мы не откроем «чистую социальную реальность», нужно включать в изучение объекта и анализ дискурса о нем.

На наш взгляд, в современном российском обществе существуют определенные потребительские социокоммуникативные стандарты, доступные для выделения и описания. При этом мы материалом для анализа должен служить дискурс, носителями которого являются:

- потребители
- академическое сообщество, анализирующее феномен «общества потребления»
- гляцевые журналы, которые являются своего рода «вестниками потребления», потребительских трендов и т. д.

Эти три потока дискурса наполняют социокультурное пространство потребления: потребители — как агенты потребительских практик, гляцевые журналы — как наиболее институционализованная форма дискурса потребления, и академическое сообщество, осуществляющее критический анализ «общества потребления» в целом.

Не будем недооценивать гляцевый журнал в плане освоения им социокультурного пространства. Подобная «пресса» давно перестала ограничиваться своими материальными носителями. Гляцевый журнал имеет свои информационные сети: это телевизионные и радио шоу, Интернет сообщества (блоги, livejournal); гляцевые журналы активно сотрудничают с магазинами, крупными торговыми сетями, устраивая совместные акции, занимаясь маркированием предметов потребления («Выбор Cosmo»); гляцевые журналы развивают свою индустрию туризма и отдыха; они не только пропагандируют определенные виды досуга, но и обеспечивают финансовой и информационной поддержкой творческие мероприятия, выставки и прочее, выступая в роли культурного эстеблшмента. То есть вокруг ГЖ активно образуются институциональные формы хранения, воспроизводства и передачи информации.

Стандарты потребления и их анализ

Как мы увидели из результатов исследований потребительских стандартов, можно выделить две группы товаров и услуг: одни с большей простотой используют для конструирования собственного социального образа (это в частности одежда с логотипами известных фирм, реплики и копии часов и сумок люксовых брендов), другие же куда труднее «подде-

лять» (например, обучение ребенка в частной школе или жизнь в определенном районе города).

На самом деле возможности человека представить себя неограниченному кругу лиц весьма малы. Фактически именно товары, которые мы потребляем, несут основную нагрузку в деле нашей самопрезентации. Люди действуют исходя их ожиданий других и их предполагаемых выводов, товары становятся типизированными сообщениями, которые человек рассылает всем вокруг, это помогает социальным акторам считывать информацию друг о друге, а соответственно прогнозировать поступки других людей, делить их на группы, выстраивать свои социальные ожидания еще до вступления в непосредственное межличностное общение. Разумеется, в таком контексте потребление как социальная практика служит интеграции общества, облегчению социальных взаимодействий и т. д..

Язык потребительской культуры формируется вокруг брендов. Потребитель находится под воздействием брендов в той же мере, в какой он ожидает, что под их воздействием находится его окружение. Чем более успешен какой-то бренд, тем меньше его символическое содержание зависит от маркетологов, занимающихся его продвижением. Маркетологи придумывают бренд, который попадает в оборот потребительской культуры и наполняется значением, которое присваивают ему социальные агенты в ходе своей коммуникации. Бренды остались бы пустыми знаками вне потребительских практик.

Например, суперуспешный бренд Луи Вьютон. В своём наиболее знаменитом рекламном ролике фирма использовала образ президента СССР Михаила Горбачёва, восседающего в берлинском такси с видом египетского сфинкса в обнимку с сумкой от LOUIS VUITTON, казалось бы послыл был адресован уважаемым мужчинам среднего возраста. Вряд ли маркетологи бренда могли предполагать, что сотни подростков в российском метро будут ездить с недорогими подделками сумок LV — и это будут подростки и к тому же женщины, или что в кругах людей, чей доход превышает 4000\$ на человека — т. е. тех, кто по сути является целевой аудиторией подобной продукции, — марка LV станет пренебрежительным символом гомосексуализма.

Наконец, в общих чертах опишем суть предстоящего исследования. Мы считаем, что через изучение капиталов (понятых в рамках подхода Бурдьё) и их соотношений, а также через анализ группового габитуса, можно описать позиции социальных групп в социальном пространстве. Особенно нас будет интересовать капитал символический, культурный и социальный.

Мы попытаемся выявить их объем и соотношение, а также практики по их использованию в ходе изучения потребительских стандартов.

Потребление в данном контексте понимается как деятельность по созданию, обмену, перераспределению капиталов. Кроме того, как деятельность, в ходе которой идет интериоризация социальных структур и в то же время их ежедневное воспроизводство.

Здесь мы воспользуемся понятийным аппаратом теории систем, развитой Н. Луманом. Его подход наследовал многие предыдущие концепции общества как системы, как целого, не тождественного сумме своих частей. Однако в отличие от предшественников Луман рассматривал самовоспроизводство общества не с точки зрения воспроизведения отдельных его частей и их функциональности. У Лумана на первый план выходит мысль, что самовоспроизводство — это воспроизводство отношений и коммуникаций. Иными словами воспроизводство тех условий, в которых возможно данное общество. И. О. Шкаратан рассматривая факторы воспроизводства социальных групп¹ отдельно выделяет институты накопления, воспроизводства и передачи информации, обеспечивающие деятельность членов общества (actors) информацией, которая позволяет осуществлять самовоспроизводство новых поколений. Как мы понимаем, каналы распространения информации могут быть различны, от средств массовой информации до межличностного общения. Вне зависимости от носителя по этим каналам индивиды транслируют стратегии практик, позволяющих им через индивидуальное воспроизводить социальное.

Подытоживая, отметим три основных аспекта, в рамках которых возможно исследование социальных групп:

– групповая идентичность

Мы будем понимать групповую идентичность достаточно широко, понимая, что индивид обладает не одной идентичностью, и что идентичности конструируются и предстают в виде образов. А образ группы — это основа и для отчуждения, и для идентификации. Важный элемент процесса формирования группы — это представительство.² Речь идет о том, что всегда существует информационные потоки, в которых говорят о группе

---

¹ Шкаратан О. И. «Социальное воспроизводство» // Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 200–221.

² Подробнее например у Бурдьё Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. — Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. В 2-х т., Лакло и Муфф Laclau E., Mouffe С. Hegemony and socialist, — Verso, 1985. Или реконструкция взглядов Лакло и

или говорят от имени группы. При этом представительство необязательно связано с делегированием. Будем различать представительство, имеющее место в политической пратии, когда действительно часть населения формально делегировало представление своих интересам определенному кругу лиц, и представительство, возникающее, например, в контексте массовых коммуникаций, когда в эфире радиостанции звучит следующий текст: «Мы, молодые и талантливые...»

– система знаний и значений

Образ групповой идентичности строится вокруг определенного кластера знаков и значений, в котором, как правило, можно выделить смысловое ядро, например: «Домохозяйка», «Яппи» и пр.

– социальные отношения

Социальные отношения и определяют практики и сами определяются практиками, в том смысле, что воспроизводятся в ходе последних. Изучение их возможно с позиции Бурдьё, которая предполагает изучение капиталов доступных на каждой позиции, а главное — их соотношения. Групповая позиция должна быть противопоставлена другим, т. е. для нее характерно устойчивое воспроизведение определенных практик, в ходе которых эти различия производятся/воспроизводятся.

Муфф, проведенная в монографии Филлип С. и Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. — 2-е изд, испр. — Х., 2008. 352 с.

Когнитивная структура американской социологии как научной дисциплины по данным 10 американских социологических журналов за 2002–2006 гг.

В данном докладе представлены первые результаты работы по проекту, в котором сравнивается когнитивная структура современной американской и российской социологии. Понятие «когнитивной структуры научных специальностей» взято из статьи Р. Уитли. К сожалению, британский социолог не дает точного определения вводимого понятия. Но из текста видно, что к когнитивным структурам можно отнести «парадигмы» Т. Куна, «теории» К. Поппера, «исследовательские программы» И. Лакатоса, а также структуры более низкого порядка. Когнитивные структуры в науке охватывают объекты разного уровня иерархии (Уитли, 1980: 219–220). В моем докладе в качестве таких объектов выступают кластеры, полученные в ходе библиометрического анализа журнальных публикаций. Я предполагаю, что кластер может объединять публикации, принадлежащие к одной «парадигме» (в куновском смысле), теории (в том числе теории среднего уровня), отрасли или подотрасли социологии, к одной проблемной ситуации внутри отрасли науки и т. д.

Поводом для начала текущего проекта стала статья этнолога С. В. Соколовского, в которой он попытался распределить по тематическим рубрикам 4 тыс. статей и материалов в журнале «Этнографическое обозрение» за 1975–2000 гг. (Соколовский,). Однако предложенная им классификация показалась мне в значительной степени произвольной, поскольку автор никак не обозначил критериев проведения рубрикации своей дисциплины и отнесения статей к тем или иным рубрикам¹.

---

¹ Безусловно, такие субъективные классификации имеют право на существование и весьма полезны для понимания организации и механизмов функционирования научных дисциплин. Однако их обязательно следует дополнять классификациями, полученными за счет использования более формальных методов.

В 2007 г. я провел опрос Санкт-Петербургских этнологов, одной из целей которого было выяснить их представления о предметных областях этнологии и теоретических ориентациях ученых. Это исследование дало разочаровывающие результаты. Всего было получено 31 полуформализованное интервью у этнологов и представителей смежных наук, занятых изучением этнической проблематики, которые работают в восьми учреждениях в Санкт-Петербурге. Выяснилось, что лишь шесть человек хоть как-то рефлексируют по поводу той проблематики, которую принято называть теоретической в социологии, а именно о месте своих представлений об изучаемых объектах в какой-то общей системе взглядов на природу общества, о связи теории и методов исследования. В отчетливой форме такая рефлексия проявлялась только у трех информантов. Большинство исследователей не могли достаточно отчетливо обозначить свои теоретико-методологические ориентации и соотнести их с позициями других ученых в поле производства научной продукции.

В ходе анализа результатов этого опроса был сделан вывод о том, что для описания когнитивной структуры научных дисциплин было бы полезно использовать инструменты, который в англоязычной науке известны как *unobtrusive methods*. Данный термин можно перевести как осторожные, осмотрительные, умеренные, ненавязчивые, не вызывающие ответной реакции методы, когда исследователь в отличие, скажем, от процедур, имеющих место в условиях массового опроса или качественного интервью, никак ни прямо, ни косвенно (например, через составленный им опросный лист, который использует интервьюер) не может повлиять на те данные, с которыми ему приходится работать.

Американский социолог Н. Маллинз используя такой не вызывающий ответной реакции метод, как анализ соавторства, дополненный включенным наблюдением и различными интервью смог выделить в американской социологии пять существовавших на тот момент теоретических групп (футурологию, этнометодологию, новую причинную теорию, структурализм и радикально-критическую теорию), а также три перспективы, предшествовавшие им (стандартную американскую социологию¹, символический интеракционизм и теорию малых групп). (Mullins, 1973: 13). К сожалению, в наших условиях метод изучения соавторства неприменим².

---

¹ Так Маллинз обозначил структурный функционализм.

² У нас зачастую в число авторов вписывают тех, кто может не иметь вообще никакого отношения к проведению исследования и работе над текстом. Часто в коллективных текстах авторы перечисляются в алфавитном порядке, а

Вместе с тем в российских условиях вполне применим метод анализа коцитирований. Это «метод, используемый для установления предметного сходства [a subject similarity] между двумя документами. Если статьи А и В совместно цитируются статьей С, можно сказать, что между ними существует связь, даже если они прямо не цитируют друг друга. Если статьи А и В совместно цитируются во многих других статьях, между ними существуют сильные отношения. Чем большим количеством статей они [совместно] цитируются, тем сильнее отношения между ними» (Palmquist).

Использование анализа коцитирований в российских журналах по социальным наукам в значительной степени помогло бы прояснить когнитивную структуру этих наук в России. Однако сами по себе результаты этого анализа было бы трудно осмыслить, поскольку до сих пор российские исследователи, прежде всего социологи, не уделяли должного внимания изучению структуры и механизмов функционирования социальных наук. В то же время американские социологи изучают структуру американской социологии, по крайней мере, с 1970-х гг. (Mullins, 1973; Small, 1979; Abbott, 2001). Однако специально анализ коцитирований для выявления структуры американской социологии до сих пор не проводился.

Этот пробел восполняет мое исследование. Перед началом работы с данными была сформулирована гипотеза, что структура коцитирований в значительной степени пересекается с организационной структурой Американской социологической ассоциации, т. е. более или менее соответствует ее секциям, или социологическим специальностям.

Данные. В 2009 г. мною был проведен анализ коцитирований в десяти американских социологических журналах. Первые пять журналов были отобраны с помощью разного рода рейтингов («American Journal of Sociology», «American Sociological Review», «Social Forces», «Annual Review of Sociology», «Sociological Problems»). Вторую пятерку составляют журналы региональных ассоциаций ACA («The Sociological Quarterly», «Social Science Quarterly», «Sociological Forum», «Sociological Focus», «Sociological

---

не по их вкладу в создание текста. Помимо этого, для успешного применения метода изучения соавторства необходимо наличие различных справочников, содержащих сведения о месте работы ученого, месте получения образования и т. д. Пока публикация таких справочных сведений (хотя бы в Интернете) не стала в России нормой для всех научных учреждений. Да и сами исследователи весьма неохотно делают свои CV доступными для свободного доступа.

Perspectives»). В выборку включены только журналы общего профиля. Специализированные журналы сюда не вошли, так как предполагалось, что они, благодаря разному числу авторов в социологических специальностях, сильно повлияют на результаты анализа. Объем выборки определялся исходя из опыта М. Гмюра, который проанализировал 2100 статей из пяти журналов по organization sciences за пятнадцать лет (Gmür, 2003). Однако, в отличие от Гмюра, было решено ограничиться пятью годами, поскольку пятнадцать лет достаточно большой срок для возникновения и исчезновения теоретических групп. С сайта базы Scopus, принадлежащей издательству Elsevier было получено 112921 цитирований к 1782 статьям за 2002–2006 гг.

При разработке **МЕТОДА** исследования учитывался опыт и рекомендации Х. Смолла и Б. Гриффит, Х. Смолла и Д. Крейн, Ф. Араби и др., М. Гмюра (Small, 1974; Small, 1979; Arabie 2005; Gmür, 2003), а также доступность программного обеспечения. С учетом этих обстоятельств было принято решение провести иерархический дивизивный кластерный анализ при помощи SAS. Статистическую обработку данных провел кандидат биологических наук В. Б. Нечаев. С целью избавиться от случайных цитирований был для анализа введен минимальный порог в семь цитирований. При этом учитывался опыт Смолла и Крейн, у которых порог составлял 10–15 цитирований (Small, 1979: 447). После введения порога в анализ были включены 1644 источника (статьи, книги и иные издания), в общей сложности процитированные 21331 раз. Пакет SAS предлагал 2 процедуры дивизивного анализа: метод главных компонент и центроидный. На выборке в 510 статей было определено, что интерпретируемые результаты дает последний метод. Он и был избран для последующей работы.

Российский автор использования метода коцитирований Маршакова-Шайкевич¹ описывает способ идентификации в естественных науках по ключевым словам (Маршакова-Шайкевич, 1995: 213). Однако в данном случае этот способ неприменим. Дело в том, что терминология в общественных науках более расплывчата, чем в естественных. К тому же, по моим впечатлениям, названия научных публикаций в общественных науках менее строги. Поэтому какой-то один термин в полученных кластерах может

---

¹ Метод анализа коцитирований был независимо друг от друга предложен в 1973 г. американцем Х. Смоллом и московской исследовательницей И. В. Маршаковой.

встречаться лишь в небольшой доле источников. В результате процедура идентификации кластеров получилась менее механистичной и более трудоемкой, более творческой.

РЕЗУЛЬТАТЫ. К настоящему времени проведена грубая идентификация примерно 90 полученных кластеров и проделан значительный объем работы по более точной идентификации многих из них. Полученные результаты анализа подтвердили выдвинутую гипотезу. В настоящий момент в АСА насчитывается 42 секции (<http://www.asanet.org/sections/list.cfm>). Большинству из них можно найти соответствие среди полученных мной кластеров. В качестве примера на рис. 1. Приводится иерархическое соотношение кластеров в той области, которая в российской науке известна как этносоциология, а в американской — как социология расовых и этнических отношений.

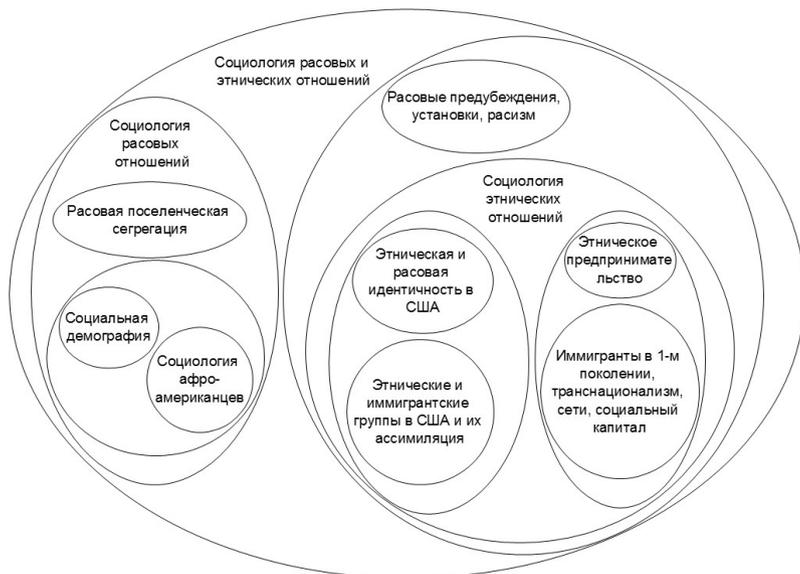

Рис. 1.

Планируется окончить идентификацию полученных кластеров в ближайшие несколько недель и подготовить журнальные публикации по результатам исследования. На 2010 г. запланировано провести анализ рос-

сийских социологических и этнологических журналов с целью выявления когнитивной структуры российской социологии и этнологии.

Литература

- Соколовский С. В. Российская этнография в конце XX в. (библиометрическое исследование) // Этнографическое исследование, 2003, № 1. С. 3–55.
- Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 218–256.
- Palmquist R. A. Bibliometrics // <http://www.ischool.utexas.edu/~palmquis/courses/biblio.html> Обращение к ресурсу 29.09.10.
- Abbott A. Chaos of Disciplines. Chicago & London: Chicago University Press, 2001.
- Arabie F., Hubert L. J., Carroll J. D. Clustering. In K. Kempf-Leonard (ed.), Encyclopedia of Social Measurement. Amsterdam et al.: Elsevier, 2001, Vol. 1, 317–320.
- Gmür M. Co-citation analysis and the search for invisible colleges: A methodological evaluation // Scientometrics. 2003. V. 57. № 1. P. 27–57.
- Mullins N. C. Theory and theory groups in contemporary American sociology. New York: Harper and Low, 1973.
- Small H. G., Griffith B. C. The structure of scientific literatures I: Identifying and graphing specialties // Science Studies, 1974, 4(1), 17–40.
- Small H. G., Crane D. Specialties and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation index // Scientometrics, 1979, 1(5–6), 445–461.

Человеческий фактор социально-трудовая составляющая инновационной деятельности

Инновации, инновационное развитие, несомненно, стали знаком времени. Об этом, в частности, свидетельствует возросший поток публикаций по данной тематике. При обращении к этой литературе (в т. ч. профильным периодическим изданиям, журналам «Инновации», «Инновационная экономика России») можно видеть широту подходов к проблеме, от внедрения отдельных изобретений до инновационного развития России в целом, распространение инновационного развития в стране и мире; группа западных ученых ставит даже вопрос о создании «инновационной Европы» (проект предусматривает проведение исследований, практических разработок, интеграцию усилий и инновационных систем разных стран, превращение всего континента в единую инновационную систему [1]. Сообщается о разработке национальной инновационной системы также в Российской Федерации [2], программы инновационного развития Санкт-Петербурга как «инновационного центра мирового уровня» [3]; ведется разработка концепции межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2015 г. [4]. Выходят солидные монографии, например, книга Б. Н. Кузюка, рассматривающего фундаментальные основы стратегии инновационного развития, которые станут основой трансформации российской цивилизации в XXI веке, волной радикальных инноваций — ответом на вызовы и угрозы этого века [5]. Можно, очевидно, говорить об инновационном движении, инновационном переходе. Все это прекрасно.

В то же время бросается в глаза почти безраздельное доминирование публикаций и авторов-специалистов технического, экономического профиля, управленцев, финансистов, чиновников и т. п. Соответственно, они и рассматривают вопросы внедрения новых технологий, создания технопарков, инновационных инкубаторов, информационного обеспечения (информационных сетей), форм финансирования инновационной деятельности, систем управления инновациями, создания инновационных программ, коммерциализации результатов НИОКР и т. п. Много внимания уделяется вопросам инновационного развития территорий, регионов,

целых республик, например, инновационной инфраструктуры Дальнего Востока. Особенно широко представлен инновационный менеджмент; число сборников, монографий по нему исчисляется десятками. Упомянется даже применение нанотехнологий в исследовании волос Наполеона (на предмет присутствия яда) [6]. В частности, журнал «Инновации» дает публикации, посвященные построению инновационной системы в РАН, ее взаимодействию с отдельными государственными научными центрами, сопоставлению мировых и российских тенденций развития науки, интеграции АН в национальную инновационную систему; сообщается о разработке силами АН смазки для лыжного спорта, биочипов, технологии унификации автошин и др. [7, 8].

Само понятие инновации у данных специалистов носит технико-технологический характер; это, в первую очередь, так называемые «продуктные» инновации, означающие изменение свойств и характеристик именно продукта или технологии, результат комплексного процесса создания, распространения и использования нового практического средства, потребительского товара («в соответствии с международными стандартами») [9].

Публикации о социальной стороне инновационной деятельности — редкие вкрапления в упомянутых журналах. Затрагивается чаще всего кадровая составляющая, но и то, как правило, лишь в виде подготовки, обучения персонала. По поводу отношения к ней можно привести высказывание: «Кадровые решения воспринимаются руководством предприятий как вторичный, производный элемент основного нововведения, попадающий в сферу внимания лишь с нарастанием массы инновационных последствий и тектонического эффекта от инноваций». Предприятия в процессе инновации могут испытывать затруднения по причине отсутствия специалистов необходимой квалификации, но они не являются решающими в вопросе отказа от проведения нововведений [10].

На 2-м Международном инновационном форуме в Санкт-Петербурге, важнейшем проявлении инновационного движения, весьма статусном, представительном (открывали зам. председателя Правительства РФ, губернатор Петербурга и другие высокопоставленные лица), состоявшемся во время, когда, казалось бы, подходы к инновациям уже развились и пришло понимание многосторонности инновационных процессов, из более тридцати конференций, семинаров, круглых столов, дискуссий, мастер-классов, шедших 3 дня, в то же время не было ни одного мероприятия, посвященного социальным факторам инноваций. Хотя рассматривались,

безусловно, важные сами по себе вопросы — роль государства, регионов в инновационном развитии России, венчурное финансирование, информационное обеспечение инновационной деятельности, нанотехнологии и модернизация российской экономики, российско-европейский инновационный коридор, инновации в здравоохранении и др. [11].

Б.Г. Тукумцев, проведший обзор публикаций по инновациям, проанализировавший существующие подходы, опыт исследований, отмечает недооценку социокультурных факторов. Он дает обоснованную критику инновационной политики в целом, страдающей технократизмом и экономизмом, характерной ее черты — технической монополизации проблематики инноваций, почти полное игнорирование социальных, социокультурных факторов, инноваций социального характера. [12].

Ввиду всего этого актуальными остаются усилия по преодолению технократизма, показу социальной стороны инновационной деятельности, направленные на раскрытие ее содержания, демонстрацию значения человеческого фактора, утверждение взглядов, что существуют не только продуктивные, но и социальные, политические, правовые, экологические и т. п. инновации, а среди факторов не только технопарки, информационные системы, инвестирование (финансирование), но и характеристики, качества работников, их интересы, мотивы, ценности, системы отношений, взаимодействий и т. п. Для социологов важно показать их угол зрения, аспект (поле) при исследовании инноваций, проведении инновационных разработок, значение этого аспекта. Для автора данной статьи задачей является раскрытие социально-трудовой сферы в качестве составляющей инновационной деятельности (показ социальных инноваций в социально-трудовой сфере (в социально-трудовых отношениях) их роль и сферы в целом в инновационном развитии производства.

Социологам, таким образом, приходится преодолевать не только сложности изучения инновационных процессов, но и — традиционное — пренебрежительное отношение к социальным аспектам со стороны технократизированных специалистов, управленцев, утверждать свой подход.

Здесь рассматриваются некоторые из вопросов этого подхода.

Вслед за Тукумцевым, можно отметить, что социологи начали разрабатывать проблематику инноваций давно, задолго до сегодняшнего инновационного движения, еще в советское время, ощущая необходимость инновационного развития, как бы предвещая его приход. Еще в 1980-х годах в России были выполнены социологические исследования инновационных процессов в организациях, в т. ч. промышленности, сельского хозяйства.

Материалы проекта под руководством Н. И. Лапина, А. И. Пригожина, Б. В. Сазонова опубликованы в семи томах [13]. В восьмидесятые же годы Л. Я. Косалсом выполнено известное исследование, предметом которого были социальные механизмы инновационных процессов [14]. Затрагивали инновационную тематику Т. И. Заславская, И. В. Рывкина, эстонские социологи. Уже в реформенный период группой исследователей Института социально-трудовых отношений (ИСИТО) осуществлялся масштабный международный проект по исследованию инновационных процессов на современных предприятиях, находящихся уже в рыночных условиях, в постсоветской промышленности, руководителем которого были с российской стороны В. И. Кабалина, с английской — С. Кларк [15]. Авторы, очевидно, полагали, что реформенные преобразования должны носить в основном инновационный характер, или реформенные и инновационные процессы должны идти параллельно, и стремилась способствовать этому, также предощая будущее инновационное движение. Существуют и другие исследования, разработки, публикации по инновационной тематике.

Не заметить эти работы, казалось бы, невозможно, они опубликованы, при этом на уровне солидных изданий, служили предметом ссылок. Однако организаторам упомянутого инновационного форума они, как будто, неведомы или неинтересны.

Исследования, публикации раскрывают в значительной мере социологический ракурс, предметы социологического исследования (анализа), хотя, надо сказать, авторы, как правило, не озабочиваются выделением своего предмета (определением специфики своего видения), нередко рассматривают общие с другими специалистами вопросы, например, финансирования инновационной деятельности, порядка закупки импортного оборудования, технологий, проектирования и реализации продуктивных инноваций и т. п.

Можно назвать ряд разработок, раскрывающих социологический ракурс инновационных процессов. Это исследование формирования корпоративной культуры как социальной инновации и фактора управления («ценности которой, впрочем, остаются декларациями») [16], изучение процесса появления инновационных элементов в поведении предприятий, таких как создание инновационной атмосферы (проведение мозговых штурмов, создание условий для «деятельности коллективного разума»), ориентация на осуществление мелких «внутренних инноваций» по реализации идеи комплексного решения проблемы качества [17]. Далее, это выделение групп поддержки-неподдержки перемен среди работников (поддержива-

ющими оказываются руководители, специалисты, 3% рабочих, неподдерживаемыми на 80% рабочие, лица старшего возраста, мужского пола с высоким стажем работы и стабильным положением) [18]; анализ процесса формирования модели стимулирования инновационной деятельности (подчеркивается, что нужна специальная система стимулирования, которой должно быть охвачено 75% работников) [19]. К социальному аспекту, вероятно, можно отнести исследование инновационных процессов в сфере образования. Разработки, исследования здесь многочисленны (например, внедрение «дистанционного обучения в гражданском обществе и силовых структурах», тот же ЕГЭ и др.; выходит свой отраслевой журнал по инновациям, существуют аналогичные региональные издания, выпускается даже журнал инновационных технологий обучения культурно-досуговой деятельности [20].

Можно, пожалуй, сказать, что наиболее социологический подход к инновациям дал в своей «заветной» речи бывший Президент РФ В. В. Путин, поставив задачу «формирования мотивации к инновационному поведению» (в другом месте — «формирование инновационного климата в стране») [21], хотя мог бы говорить об инновационных системах, программах, наукоградах, миллиардном финансировании НИОКР и т. п. Таким же образом поставил задачу относительно инноваций и его преемник Д. А. Медведев, сказав в своей программной речи на Красноярском экономическом форуме, что нужна экономика стимулов к инновациям, опора на частную инициативу, на мотивацию к созданию и повседневному внедрению технологических новшеств; важна, в частности, мотивация к НИОКРам [22].

Важным фактом является признание существования не только социокультурных факторов, но и самих инноваций социального характера. Одним из первых назвал и социальные новшества А. И. Пригожин в своей типологии нововведений (у него это целенаправленные изменения отношений внутри организаций (демократизация управления, создание новых общественных органов, изменение трудовых отношений) [23]. Социальные инновации называют и другие авторы, правда, иногда трактуя их расширительно (как организационные, экономические, культурные) [24]. В рамках применяемого нами подхода под социальными инновациями нужно, вероятно, понимать качественные (кардинальные) изменения социальных отношений (в т. ч. трудовых), диспозиций, процессов, структур, институтов и др., создание новых социальных технологий, систем — всего того, что является предметом рассмотрения социологии, при этом — изменения по типу «преобразований», т. е. целенаправленные, не стихийные.

Пригожин рассматривает инновации в рамках социологии организаций, используя целостное видение всего инновационного цикла (инновационных процессов в целом), включая технико-технологические, экономические, организационные, социальные и др. компоненты

В. Г. Садков, О. Б. Кузнецова в контексте социальных инноваций в управлении рассматривают процессы согласования интересов власти, бизнеса и общества, вопросы мотивации в системе социального партнерства, говорят о применимости здесь «социальной технологии» [25].

Отдельно надо отметить подход Б. Г. Тукумцева, изложенный им в упомянутом произведении. Проанализировав, обобщив накопленный исследовательский опыт, он вводит весьма плодотворное понятие «инновационной культуры», которое можно считать концептуальным. Оно означает именно социологический по своему характеру угол зрения, создает возможности для широкого подхода к инновациям с учетом целостной совокупности составляющих (факторов), что актуально при разрозненности усилий различных специалистов. Инновационная культура оказывается одной из главных социальных составляющих инновационных процессов, регулирующей (инновационное) поведение субъектов (акторов, участников) инновационной деятельности, от позиций, действий, взаимодействия которых, понятно, зависит в первую очередь и ход, и результаты нововведений [26].

Затрагивает социальные аспекты инноваций масштабный международный проект, посвященный исследованию связи нововведений с конкурентоспособностью предприятий, под руководством И. Б. Гуркова. Здесь выделяют «субъективный фактор инновационного развития», в который включают качества руководителей (возраст, стаж, стиль управления, умение работать в команде, мотивы, субъективные позиции), методы отбора персонала, схемы оплаты труда, премирования [27, 28, 29].

Значение социальной стороны инновационной деятельности отмечают некоторые специалисты и технико-экономического профиля. Так, В.А.Куприянов заявляет, что человеческий фактор является стратегическим ресурсом инноваций и в таком контексте говорит о необходимости исследования роли индивидуальных, групповых, типологических различий между людьми, анализа смены социокультурных доминант, смены социально и культурно значимых идей; при этом отмечает, что законы социокультурных трансформаций определены, в т. ч. особенности их проявления в разных государствах; «настало время применения в практике... дуального социокультурного управления» [30]. В.Г. Зинов полагает, что основной

проблемой развития инновационной деятельности является построение баланса разноречивых интересов, ожиданий участников инновационного процесса, среди которых автор выделяет 6 групп (авторы разработок, руководители, менеджеры, чиновники, партнеры, инвесторы) [31]. Т. Чадова, говоря о «влиянии человеческого фактора на процесс инициирования и принятия решений об инновациях», замечает: «Не следует забывать, что все инновационные идеи рождаются в умах конкретных людей»; человеческому фактору неоправданно придается второстепенное значение, между тем он, как показал анализ материалов исследования, в настоящее время играет все большую роль на всех этапах инновационного процесса, начиная от стадии появления идеи до ее внедрения. Важными составляющими процесса инициирования и внедрения инноваций являются личностные качества руководителей, стиль управления, умение работать с людьми, степень их личной заинтересованности в новшествах, социально-психологический климат на предприятии, благоприятствующий практическому осуществлению нововведений или тормозящий их [32].

Можно отметить придание большего значения социальной стороне инновационной деятельности в последнее время. Авторы солидного труда «Россия в глобализирующемся мире...» называют человеческий потенциал как основной ресурс инновационного развития, включая в состав потенциала, наряду с установками на инновационную деятельность, состояние здоровья людей, культурно-ценностные ориентации, «психологическую компетентность» и др.; важно, чтобы в инновационное развитие были вовлечены не только немногие отдельные индивиды, но и в массовых масштабах рядовые россияне, готовые к участию и интеллектуально, и морально-психологически, и по своим ценностным установкам [33]. Кадровой составляющей инноваций (т. е. подготовке субъектов инновационной деятельности) во многих случаях придается первостепенное значение. Так, в упомянутой программе инновационного развития Санкт-Петербурга подготовка и переподготовка кадров идет первым пунктом в комплексе мероприятий (инновационной политики). Приведенные высказывания В. В. Путина, Д. А. Медведева подчеркивают не только социальный характер подхода, но и его значение, включение в самые основные задачи.

В контексте социологического аспекта нас особо интересуют роль социально-трудовой сферы (как отмечалось), применение в анализе категории (конструкции) социального механизма, специфика инновационных процессов на уровне и внутри производственных предприятий.

В соответствии с пониманием социально-трудовой сферы, предметом анализа являются совокупность (область) связей, отношений, складывающихся между субъектами производственной деятельности и другими акторами по поводу труда, использования, воспроизводства, развития потенциала работающих и их жизни в целом, влияние названных отношений, связей, процессов на инновационную деятельность (их роль в качестве факторов) и, с другой стороны, обратное воздействие на социально-трудовую сферу и нововведения в ней самой со стороны изменений широкого масштаба, другого характера. Главными субъектами (актерами) отношений здесь являются работодатели, наемные работники, определенные государственные органы в рамках известного трипартизма. Отсюда, влияние взаимодействия этих акторов — основной предмет исследования.

Пример анализа социально-трудовых отношений с точки зрения инновационного развития дает Л. В. Санкова. Она рассматривает проблему формирования модели социально-трудовых отношений, адекватных условиям перехода России к инновационному этапу развития, показывает значение «социализации», «виртуализации», «интернационализации», «демократизации», «индивидуализации», «повышения гибкости» отношений, привлекает внимание к двум моделям трудовых отношений с разной степенью «инновационности» и изменений в трудовых ценностях россиян; при этом на периферии оказались инновационно ценные «инициативная самореализация», «трудолюбие», «социальная ответственность», «социальное признание» [34].

В анализе социально-трудовой составляющей полагаем уместным применение деятельностно-активистского подхода, который В. А. Ядов считает адекватным для истолкования посткоммунистических реалий [35]. В соответствии с этим подходом главное внимание обращается именно на акторов, их взаимодействие (а не технические, экономические, финансовые условия, технологии, технопарки и т. п. как при технократическом угле зрения), т. е. внимание сосредоточивается на людях, а не вещных элементах. Исследованию подлежат соотношение интересов, диспозиций акторов относительно инноваций, процесс реального их взаимодействия, факторы взаимодействия, его результаты, ход и результат инноваций предстает как процесс и результат сложения (или борьбы) различных социальных сил.

По сути дела речь идет об анализе социального механизма инновационной деятельности, социально-трудовых отношений как устойчивой системы взаимодействия социальных акторов разных типов и уровней,

функционирование которых регулируется, с одной стороны, соответствующими общественными институтами, с другой — социальным статусом, культурными особенностями акторов. В качестве основной особенности социального механизма Т. И. Заславская отмечает его способность регулировать общественные процессы [36], в т. ч. — инновационные. В социальном механизме в качестве важнейших компонентов выступают социальные институты, системы ценностей, норм, правил, которые в контексте инновационной культуры определяют инновационное поведение акторов по Б. Г. Тукумцеву.

Ход анализа социально-трудовых отношений, их социальных механизмов на уровне и в рамках предприятий содержательно показывают авторы упомянутого международного исследований (под эгидой ИСИТО). В предмет социологического исследования они включают: 1) Анализ интересов различных участников (групп, организаций) в реализации нововведений, 2) Изучение совокупности формальных правил и неформальных норм, регулирующих взаимодействие участников инновационного процесса (т. е. социальный механизм реализации новшеств), 3) Исследование социальной эффективности инноваций; на деле авторы касаются еще и других вопросов [37]. В исследовании осуществляется выделение и изучение участников нововведений, внутренних и внешних, складывающихся между ними отношений, лидерства, роли (в т. ч. в качестве инициаторов) специалистов, иностранных инвесторов, государства, научных организаций, кадровые проблемы. Отмечается, в частности, зависимость ролей участников от этапов инновационного процесса. На первом (инициирования инноваций) лидируют первые руководители, группа топ-менеджеров, на проектной стадии лидером становится главный инженер; на стадии внедрения — «организатор на месте», «ответственный за все»). На подготовительной стадии имеют шансы подключиться многие. На производственном этапе нужна категория «человека с руками, головой, с понятием», «золотого человека». На всех этапах нужны работающие команды [38]. Руководитель проекта В. И. Кабалина, обобщая результаты исследования, делает выводы о необходимости глубинных изменений в социальном механизме инновационной деятельности, в т. ч. принятия решений, о сложности инновационных процессов на уровне предприятий ввиду их погруженности в широкий контекст системных (реформенных) преобразований, не идентичных с инновационными, о важности вопроса об инновационной модели развития, при которой инновационность является свойством системы а не индивидуального актора (предпринимателя), об

этапности изменений в механизме инноваций предприятия, об общих чертах механизма — авторитарности, технократичности, неформальности, деинституционализации инновационных отношений между предприятиями и с НИИ и др. При технократическом подходе недостаточным оказывается не только социальное, но и экономическое сопровождение инноваций (расчет эффективности будущей инновации, исследование спроса на новую продукцию и прогнозирование возможных финансовых проблем). При диверсификации связей производства с наукой договорная форма отношений является вершиной «айсберга» — сети неформальных отношений специалистов предприятий с сотрудниками академических и отраслевых институтов, с которыми происходит обмен информацией. Новым явлением оказывается нетрадиционно высокая роль заказчиков как участников инноваций. Потенциальные потребители берут на себя роль инициатора инноваций, полного или частичного финансирования проекта, активно участвуют и на других стадиях инновационного процесса — разработке технической документации, контроле за реализацией нововведения. Особый образец отношений демонстрируют связи между крупным предприятием и мелкими фирмами, которые формируют вокруг него корпоративные сети. Для мелких фирм-саттелитов крупное предприятие становится постоянным заказчиком и источником непрерывных продуктивных и технологических инноваций [39].

К этому можно добавить еще ряд возможных аспектов анализа социальных механизмов инновационной деятельности, в т. ч. на уровне предприятия и на примере такой социальной инновации как введение нового Трудового кодекса.

Важный методологический момент состоит в том, что акторов, по крайней мере, потенциально, много и они весьма разнородны, их взаимодействие представляет собой сложнейшую систему, требует системного подхода. Так, при рассмотрении в широком плане, обозрении субъектов, втянутых в деятельность по инновированию всей России (социетальные инновации), это органы, представители органов государства, местной, региональной власти (губернаторы городов), специализированные инновационные, консультационные центры, организации типа технопарков, бизнес-инкубаторов, учебные заведения, научные учреждения, промышленники, их объединения, предприятия, венчурные и иные фонды, банки, центры испытаний, экспертизы, сертификации, группы работников вплоть до рабочих, маркетинговые, торговые организации, потребители (если речь идет о продуктивных инновациях). В локальных инновациях круг

участников, разумеется, уже, но в любом случае сегодня не сводится к фигуре изобретателя-одиночки, пробивающего свою идею, или даже отдельного института, пытающегося реализовать (коммерциализировать) свои разработки, отдельного, даже «инновационного» предприятия (а внутри субъектов есть еще подсубъекты, и всех надо иметь в виду) (правда, один автор призывает уделять внимание и «отдельным физическим лицам», являющимся базовым слоем для формирования других категорий инноваторов — создать фонд их поддержки) [40].

Отсюда, существенное значение имеет рассмотрение наличия, расстановки, включения в инновационный процесс всех актуальных акторов (которых касается нововведение и которые нужны для него), включения в соответствии с их ролью в инновационном процессе, статусом, ресурсами; как система взаимодействия позволяет каждому актору сыграть свою роль, внести вклад, реализовать потенциал; прописаны ли в сценарии нововведения роли акторов. Отмечается, что в круге акторов наблюдается дефицит фигур инвестора, стратегического партнера, особенно инновационного предпринимателя, и еще более особенно — потребителя. Своеобразными субъектами инновационной деятельности выступают регионы, города; таковыми оказываются, например, Петербург, Москва, Новосибирск и др. В них задействуются научный, образовательный потенциалы, конкурентоспособные отрасли, создаются инновационные программы, инфраструктуры, налаживаются финансирование, внешние связи. К анализу таких субъектов требуется особый подход.

Существенный и проблемный аспект анализа — связи, взаимоотношения (в т. ч. взаимобязательства) участников инновационной деятельности, координация их действий, от связей научных институтов с предприятиями до формирования инновационных групп, межорганизационных структур, сетей. При этом, поскольку субъекты разнородны, сочетание их интересов, позиций является сложным. Проблемность связей, технологических цепочек по ходу инновационного цикла отмечается многими экспертами. Иностранцы специалисты, выступавшие на инновационном форуме, показывают эффективность инновационного общения в самых различных формах, от клубов директоров банков, вузов, предприятий до встреч в ресторанах.

Важнейший и проблемный аспект — анализ заинтересованности субъектов в инновациях, мотивация, стимулирование инновационной активности. К этому примыкает изучение подготовки, обучения, формирования именно «инновационных работников». Практический опыт показывает,

что нужна специальная подготовка, отбор людей и применение специализированного же стимулирования инновационной активности. Сейчас главное внимание уделяется обучению, сообщается об учебных программах; в то же время отмечается, что профессиональной подготовки недостаточно, нужно заинтересованное отношение на уровне организаций и отдельных работников. А это оказывается как раз в дефиците. Один из ведущих первого инновационного форума, вице-губернатор СПб., отмечал, что российская экономика (и Россия в целом) невосприимчивы к инновациям, и уповал на стимулирующую роль экономического кризиса (как при дефолте) (невосприимчив рынок, нет потребителей, нет людей, могущих объяснить, зачем нужны инновации; Механобр имеет системы переработки отходов, но никто не понимает, зачем и почему их надо применять).

Л. Я. Косалс подчеркивает значение анализа такого, как будто бы эфемерного, момента (фактора), элемента социального механизма и его показателя, как общая инновационная атмосфера (в обществе, в организациях) [41].

Применение/неприменение названных принципов (ввиду их незнания или пренебрежения ими) можно увидеть на примере введения нового Трудового кодекса, представлявшего собой существенную инновацию в социально-трудовых отношениях. Введение Кодекса касалось (кроме работодателей и наемных работников), различных органов власти (законодательных, исполнительных, контрольных, правоохранительных, посреднических), представительных органов работодателей, защитных организаций наемных работников разного уровня, профессионального профиля, общественных, политических организаций (например, Партии Труда, созданной в свое время альтернативными профсоюзами). Даже из основных субъектов трудовых отношений не все были включены в число участников подготовки нового трудового законодательства. Роль монопольного субъекта взяло на себя государство в лице законодательной и исполнительной власти; исполнительная власть подготовила свой вариант закона и упорно проталкивала его, игнорируя сопротивление других субъектов. При этом государство, как известно, занимало одностороннюю позицию, не выступало арбитром, проявляло фактически классовый подход. Наемным работникам оставалась возможность осуществлять свое участие в протестной форме, в виде пикетов, митингов, заявлений и т. п. акций протеста. Никто не пригласил делегацию наемных работников на Охотный ряд и не выслушал их мнения по документу, регламентирующему всю трудовую жизнь. Даже объединения работодателей не были явно

вовлечены в подготовку Кодекса; впрочем, в этом, видимо, не было нужды, т. к. государство в лице Министерства труда и тогдашнего известного министра А. Починка проводило интересы класса новых собственников, возможно, обеспечивая их доминирование даже в большей степени, чем сделали бы это работодатели, состоящие в значительной части еще из «красных директоров». В результате был принят кодекс, реализующий, по общему мнению, приоритет интересов работодателей и ущемление позиции наемных работников, их объединений, что не способствует развитию социального партнерства.

Наиболее полно и системно социальный подход к инновациям можно, как будто бы, охарактеризовать, если обратиться к традиционному рассмотрению социальных сторон производства, экономики, труда как предмета социологии труда, экономической социологии, спроецированного на инновационные процессы, инновационную деятельность (анализ трудовых отношений, субъектов этих отношений, позиций работников, их профессиональных, социально-демографических характеристик, положения, ориентаций, мотивации труда, участия в управлении, соотношения формальных норм и неформальных практик и т. д.). Однако инновационная деятельность выглядит специфической и, отсюда, требует особого подхода к ней. По мнению ряда авторов, эта деятельность не стоит в ряду других видов трудовой, производственной деятельности, она, в отличие от рутинной – «из ряда вон выходящая», связана с поиском новаторских решений, с риском, неопределенностью, предстает как многозвенный, многоэтапный процесс, «инновационный поток», с включением взаимодействия многих акторов по цепочке прохождения инновационного цикла, требует людей инициативных, смелых, предрасположенных к риску, готовых к банкротству [42]. Действительно, в инновационной деятельности, как отмечалось, должны взаимодействовать весьма разные по характеру субъекты (научные работники и научные организации, конструкторские бюро, производственники, чиновники, маркетологи), обычно работающие обособленно; нужны особые стимулы (например, вознаграждение всего лишь за идеи, за разработки и с отрицательными результатами) работники не только квалифицированные, но и с новаторским складом характера. Соответственно, исключительное внимание должно быть сосредоточено на отмеченном ранее анализе взаимодействия акторов с учетом их интересов, позиций, выявлении природных новаторов, на вопросах комплектования команд работников различного профиля и т. д. Специфический характер инновационной деятельности и подходов к ней требуют специального изучения.

Можно отметить специфические черты рассмотрения (анализа) инновационной деятельности ввиду фактора глобализации. Особенность процессов глобализации в России состоит в том, что ее потоки (в т. ч. инновационные) приходят в значительной степени из-за рубежа, с Запада, при незначительности встречных потоков, из России (за исключением экспорта вооружения, природных ресурсов, «утечки умов»; последние, по крайней мере, трудно отнести к инновациям; даже переработку сырья больше артикулируют, чем осуществляют). Внешние (входящие) потоки идут в виде готовых продуктов, (в т. ч. инновационных), ввозимых технологий, оборудования, производств, предприятий (например, автомобилестроения), экономических, политических, социокультурных, этических и др. образцов. В этих условиях речь идет в первую очередь об анализе технологий заимствования, адаптации зарубежных новшеств (или залежалостей), во вторую — сохранения (убережения) отечественных продуктов и инноваций от неравноправной конкуренции и лишь в третью очередь — о рассмотрении выхода российских продуктов и нововведений в мировое экономическое и социально-культурное пространство.

Что касается социально-трудовой сферы, то здесь поток образцов, нововведений приходит в первую очередь с совместными, входящими в ТНК (транснациональные компании) предприятиями в виде моделей построения отношений между работодателями и наемными работниками (например, внедрение идеологии и практик патернализма, форм оплаты труда, его охраны, социальной деятельности производственных организаций, производственной демократии и др.). На примере этих предприятий можно успешно изучать (и перенимать) опыт вытеснения мировыми образцами отечественной организации, соединение, сочетание (нередко, успешное) ввозимых моделей с российскими условиями, восприятие российским персоналом «капиталистических порядков», адаптацию к ним (селективный, тщательный подбор кадров, приоритетное внимание к человеческому потенциалу, приоритетность же вложений в человеческий капитал, системы подготовки, повышения квалификации, продвижения персонала, дифференцированные по категориям персонала формы оплаты труда, упомянутая политика патернализма, практикование отдельных западных форм социальной деятельности, выдвижение на первый план кадровых служб). Упомянутый новый Трудовой кодекс являет собой пример сочетания западных и российских подходов при доминировании первых.

Что касается собственно инновационной деятельности, то приходящие в Россию предприятия, как правило, не привозят, оставляют в штаб-квар-

тирах свои инновационные подразделения, центры; при этом ориентируют российский персонал на внесение рационализаторских предложений, но лишь в пределах некардинальных усовершенствований процессов, организации труда, производства. По этой причине построение инновационной деятельности надо изучать в зарубежной части ТНК (например, посредством стажировок). Можно только отметить, что разработки, маркетинг нововведений ведут специализированные подразделения; далее образцы спускаются в директивном порядке по технологической цепочке. При таком построении отпадает проблематика согласования интересов акторов, специального стимулирования персонала, в т. ч. по поводу выхода продуктов на рынок.

Литература

1. Создание инновационной Европы. Доклад независимой экспертной группы по НИОКР и инновациям // *Инновации*, 2006, № 2. С. 105–118.
2. Суворинов А. В. Основные результаты и проблемные вопросы развития в Российской Федерации национальнoй инновационной системы // *Инновации*, 2007, № 9 (107). С. 7–12.
3. Фивейский С. А. Санкт-Петербург должен стать инновационным центром мирового уровня // *Инновации*, 2007, № 9 (107). С. 3.
4. Бойко А. Н. О концепции межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2015 г. // *Инновации*, 2006, № 2. С. 59–64.
5. Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Ин-т экономических стратегий, 2008. С. 346–354.
6. Зотов А. Нанотехнологии в исследовании волос Наполеона // *Инновации*, 2007, 9. С. 126–128.
7. Бузгинский В. М. Особенности инновационной деятельности в академических институтах: взгляд изнутри // *Инновации*, 2006, № 1 ((88)). С. 25–28.
8. Коблов Е. Н. Инновационная деятельность в государственных научных центрах и опыт взаимодействия с академическими институтами // *Инновации*, 2006, № 10.
9. Бездудный Ф.Ф., Смирнова Г.А. Об уточнении терминологии в области инновационной деятельности // *Инновации*, 2004, № 2. С. 31–33.
10. *Инновации в постсоветской промышленности*. Под ред. В. И. Кабиной. Часть 2. М.: ИСИТО, 2001. С. 304.

11. Программы мероприятий в рамках конгрессной части II Петербургского Международного инновационного форума. СПб., 2009.
12. Тукумцев Б. Г. Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки // Глобализация в российском обществе. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 51-56.
13. Инновации в организациях. Труды конференций и семинаров ВНИСИ. Отв. ред. Н. И. Лапин. М.: ВНИСИ, 1980-1987.
14. Косалс Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, «Сибирское отделение», 1989.
15. Инновации в постсоветской промышленности. Под ред. В. И. Кабалиной. Часть 1. Сыктывкар, 2000; Часть 2. М.: ИСИТО, 2001.
16. Кремнева Н. Ю. Формирование корпоративной культуры: инновации и стереотипы // СОЦИС, 2007, № 7. С. 52–59.
17. Бурнышев К. В., Данова И.В. Управление инновациями на предприятии: новые контексты и старые проблемы // СОЦИС, 2007, № 5. С. 34–35.
18. Разинский Г. В. Маргинальные процессы и социально-трудовые отношения на промышленных предприятиях // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни. Самара, изд-во «Универс-Групп, 2007. С. 187–193.
19. Мотивационная модель управления персоналом инновационных организаций // Человек и труд, 2008, № 8. С. 61.
20. Журн. «Инновации в образовании» (изд-во «Современный гуманитарный университет»); журн. «Инновационные технологии обучения культурно-досуговой деятельности».
21. Выступление Владимира Путина на заседании Госсовета // Известия, 10.02.2008 г., № 23. С. 5.
22. Выступление Дмитрия Медведева на Красноярском экономическом форуме // Российская газета, 16.02. 2008 г. С. 3–4.
23. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М.: Интерпраксис, 1995. С. 199-200.
24. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели. Механизмы. Рук. авт. колл-ва Д. С. Львов, А. Г. Поршневу. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2002. С. 601.
25. Садков В. Г., Кузнецова О. Б. Социальные инновации в управлении процессами согласования интересов власти, бизнеса и общества // Инновации, 2007, № 8 (106). С. 45–47.
26. Тукумцев Б. Г. Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки. С. 90–97.

27. Гурков И. Б. Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2003.
28. Гурков И. Б. Инновации в российской промышленности: создание, диффузия и реализация новых технологий и социальных практик // Мир России, 2004, № 3.
29. Там же (Мир России, № 10). С. 66–73, 99, 121, 143–149.
30. Куприянов В. А. Человеческий фактор как стратегический ресурс инноваций // Инновации, 2007, № 8 (106). С. 94–96.
31. Зинов В.Г. Основная проблема развития инновационной деятельности // Инновации, 2004, № 2. С. 25–27.
32. Чадова Т. Влияние человеческого фактора на процесс инициирования и принятия решений об инновациях // Инновации в постсоветской промышленности. Часть 2. С. 260–269.
33. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и культурные аспекты. М.: Наука, 2007. С. 427–430.
34. Санкова А.В. Социально-трудовые отношения в России в условиях перехода к инновационному этапу развития: проблемы и перспективы // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества. СПб., 2008. С. 319–325.
35. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.
36. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социетальный механизм трансформаций. М.: Дело, 2004. С. 199.
37. Инновации в постсоветской промышленности. Часть 1. С. 11–12.
38. Бизюков П., Бизюкова В. Особенности деятельности работников на различных этапах инновационного процесса. Там же, часть 2. С. 287–298.
39. Кабалина В. И. Модернизация постсоветской промышленности и проблемы управления инновационным процессом на предприятиях. Там же. С. 7–54.
40. Аксельрод Б. М. Новые подходы к мотивации и стимулированию инновационной активности // Проблемы и пути развития инновационной деятельности в современных условиях. Материалы третьей международной научно-практической конференции. СПб., 2007. С. 61–62.
41. Косалс Л. Я. С. 162.
42. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. С. 605.

Барьеры развития инновационной деятельности в институтах РАН

В последнее время усилились нападки на Российскую Академию Наук, в том числе и за то, что она не развивает инновационную деятельность. Самым ярким примером этого является выступление Председателя Государственной Думы Б.В.Грызлова 12.03.10 на заседании совета по науке, наукоёмким технологиям и инновационной деятельности при председателе Госдумы: «Академическое сообщество, безусловно, должно найти решение, которое призвано обеспечить модернизацию в этой (инновационной) сфере и, во всяком случае, устранить препятствие на пути развития инноваций и продвижения новых технологий»¹. Тем самым он обвинил Академию Наук и её сотрудников в том, что они являются одним из «тормозов» на пути развития инновационной экономики в России.

Целью данной публикации является полемика с подобными утверждениями. Для этого нами используются данные трёх исследований, проведённых сектором «Социологии науки и инноваций» Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Первое исследование было проведёно в ноябре — декабре 2004 года в 12 институтах разного научного профиля. В качестве экспертов привлекались руководители лабораторий, групп и секторов научно-исследовательских институтов СПб НЦ РАН, а также заместители директоров институтов, в обязанности которых входило курирование инновационной деятельности в данных институтах (там, где такие функции выполнялись). Всего было опрошено 24 эксперта.

Условно все институты, в которых проводился опрос, были разбиты на три категории — естественнонаучно-технического профиля, биолого-медицинского профиля и социально-гуманитарного профиля.

Опрос проводился методом глубинного интервью. Вопросник носил полуформализованный характер. Он включал вопросы, касающи-

---

¹ <http://www.rian.ru/science/20100312/213796061.html>

еся оценки респондентами перспектив развития инновационной деятельности в их институтах и в РАН в целом. Задавались и вопросы об имеющихся в институтах инновационных проектах и успешности их реализации. Респонденты также должны были оценить развитие инновационной инфраструктуры в своём институте и позицию руководства института по отношению к развитию инновационной деятельности.

Второе исследование было проведено в декабре 2005 года. В качестве объекта исследования были отобраны 2 института РАН естественно-научно-технического профиля, в которых, по данным первого исследования, наиболее успешно развивалась инновационная деятельность. В этих институтах были проведены глубинные интервью с директорами и их заместителями по инновационной деятельности, а также с руководителями инновационных проектов и сотрудниками, которые регулярно участвуют в таких проектах. Всего в этих двух институтах было опрошено 14 человек.

В ходе этих интервью рассматривались различные аспекты инновационной деятельности в этих институтах и проблемы, с которыми эти институты сталкиваются в ходе развития этого направления деятельности.

Третье исследование по изучению развития инновационной деятельности в институтах РАН проходило в 2007-2008 гг. В ходе него было опрошено в общей сложности 44 сотрудника 4-х институтов физического профиля, от директоров и их заместителей до непосредственных исполнителей тем. Опрос проводился в виде глубинного интервью, включавшего в себя несколько тестовых методик. Одной из целей этого исследования было более глубокое изучение различных аспектов, связанных с взаимодействием фундаментальных, прикладных исследований и инновационных разработок, а также изучение процессов формирования инновационной культуры в институтах РАН.

В ходе этих трёх исследований было проведено в общей сложности 82 интервью с сотрудниками научно-исследовательских институтов РАН, на основе которых и делаются наши выводы.

Прежде всего, чтобы рассуждать о наличии в системе РАН тех или иных барьеров, сдерживающих инновационную деятельность, нужно попытаться дать определение того, что подразумевается под такими барьерами.

В общенаучном смысле, «барьер», — это препятствие для чего-то, в том числе, — для определённого вида деятельности. В психологии часто употребляется понятие «психологического барьера» как специфическо-

го психологического состояния личности, которое не позволяют ей занять активную позицию и реализовать тот или иной вид деятельности¹.

В социологии под «социальным барьером» понимаются «различные факторы социальной организации в условиях социальной неоднородности, затрудняющие людям «извне» проникновение в определенные общества, классы, слои или группы, ограничивающие мобильность и разного рода отношения обществ, близости между членами соц. классов, слоев и групп»².

В нашем случае нас интересует «барьер» как препятствие социальным отношениям, процессам, к которым может быть отнесена инновационная деятельность.

Таким образом, нами даётся определение барьеров инновационной деятельности как социальных факторов, препятствующих инновационной деятельности индивида, группы, организации, социальных общностей, институтов.

При рассмотрении существующих в системе РАН барьеров, препятствующих инновационной деятельности нами выделялось несколько уровней социальных отношений, которым соответствовали свои специфические барьеры для инновационной деятельности.

В нашем случае можно выделить три уровня таких барьеров.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ — на уровне общественной системы в целом.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ — на уровне Академии наук в целом и на уровне отдельных её организаций (исследовательских институтов и других).

ВНУТРИНАУЧНЫЕ — на уровне учёных как сообщества, имеющего систему норм, ценностей и правил (культуры научной деятельности)

Рассмотрим специфику барьеров инновационной деятельности на этих уровнях.

Внутринаучные барьеры инновационной деятельности в РАН

Среди внутринаучных барьеров инновационной деятельности в свою очередь можно выделить свою классификацию. Это:

барьеры, связанные с этосом науки;

психологические и социально-психологические барьеры;

мотивационные барьеры для занятий инновационной деятельностью

---

¹ Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. СПб., 2001. С. 566.

² <http://www.sotsiologia.ru/tesaurus/>

Барьеры, связанные с этосом науки

Этос науки — это система норм, ценностей и правил, определяющих научную деятельность. В настоящее время происходит изменение этоса науки. Классический этос науки (мертоновский) сменяется постклассическим. Возникает проблема перехода от этоса «классической» науки — научных норм, сформулированных Р.Мертоном, к этосу «постакадемической» науки (Дж. Зиман)¹. Основное отличие этих этосов — отношение к практической реализации научных открытий. В классической науке научный результат является самодостаточной ценностью, а в постклассической науке ценностью является, скорее не научный результат, а прикладное следствие этого научного результата.

По данным наших исследований, изменение этоса российской науки происходит, в основном, в результате общения с зарубежными коллегами, в наибольшей степени, — у наших учёных, работавших достаточно длительное время за рубежом. Это наиболее характерно для молодых учёных, работавших за рубежом. Они начинают воспринимать свою деятельность по-другому, чем их коллеги старшего поколения. В частности, они позитивно относятся к поиску прикладных выходов из своих исследований, считая это одним из элементов своей научной деятельности. Старшие их коллеги чаще занимают совсем другую позицию по поводу практического применения результатов своих исследований — «я открываю новое, а как это использовать, пусть думают другие».

2. Психологические и социально-психологические барьеры.

Существуют разные психологические типы учёных по их отношению к инновационной деятельности. Классический пример — Генрих Герц и Александр Попов.

Герц, открыв явление распространения радиоволн, считал, что его открытия были не практичнее максвелловских: «Это абсолютно бесполезно. Это только эксперимент, который доказывает, что маэстро Максвелл был прав. Мы всего-навсего имеем таинственные электромагнитные волны, которые не можем видеть глазом, но они есть». «И что же дальше?» — спросил его один из студентов. Герц пожал плечами, он был скромный человек, без претензий и амбиций: «Я предполагаю — ничего»². А буквально через несколько лет А. Попов и Маркони изобрели радио на основе этих опытов Герца.

---

¹ Зиман Дж. Реальная наука // Социология науки. Статьи и рефераты / под ред. С.А. Кугеля. СПб, 2000.

² Григорьян А. Т., Вяльцев А. В. *Генрих Герц, 1857—1894*. М.: Наука, 1968.

Есть проблемы психологического характера и при переходе учёного от фундаментальной науки к её прикладным следствиям. В СССР прикладная наука считалась наукой «второго сорта». Академические ученые, поэтому до сих пор испытывают определённые психологические трудности, переходя от фундаментальной науки в прикладную.

Третий тип барьеров этого уровня — это конфликт различных групп учёных в одном институте: между теми, кто занимается фундаментальными исследованиями и теми, кто решает прикладные задачи. Прикладные исследователи оказываются более высокооплачиваемыми, так как их разработки приносят институту деньги. Этот конфликт в институтах, где руководство оказывалось достаточно дальновидным, снимался тем, что происходило некоторое перераспределение средств, заработанных в прикладной сфере в пользу исследователей, занимавшихся фундаментальными исследователями.

3. Мотивационные барьеры.

Прежде всего, это материальные проблемы, возникающие с адекватным вознаграждением инновационной деятельности. С этим связана и проблема справедливого распределения инновационной прибыли — добавленной стоимости, появляющейся в результате реализации инновационного продукта. В стране эта проблема до сих пор не решена. Большую прибыль часть получают совсем не те, кто разработал инновационный продукт.

Вторая проблема — общественное признание. За рубежом такая деятельность носит весьма престижный характер. У нас же общественное сознание пока не способно воспринимать изобретательство как престижный вид деятельности. Примером этого является тот факт, что по результатам опросов студентов, проводившихся автором, не многие из них знают, кто изобрёл персональный компьютер. Чаще всего считают, что это сделал Билл Гейтс. А за рубежом все знают своих «научных героев».

И, наконец, третий мотив, — это стремление претворить своё научное открытие в полезное для общества изобретение. Это альтруистический мотив. Раньше этот мотив часто встречал непонимание в обществе. Изобретателей нового часто не понимали, а их изобретения отторгали. За рубежом такое отношение к инновационной деятельности давно преодолено. В нашей же стране это пока происходит повсеместно. В этом проявляется проблема неприятия обществом принципиально новых изобретений, противоречащих в том числе и устоявшимся научным теориям.

Организационные барьеры инновационной деятельности в РАН.

1. Прежде всего, это — система оценки деятельности академических институтов. В критериях оценки деятельности институтов фигурируют научные показатели — прежде всего количество публикаций. И полностью отсутствует количество патентов, изобретений, ноу хау. В результате развитие инновационной деятельности остаётся на усмотрении руководства институтов. В одних случаях руководство институтов поддерживает такую деятельность. В других, — не мешает такой деятельности. Но встречались в наших исследованиях институты, в которых руководство было против такой деятельности, считая, что она препятствует основной научной деятельности сотрудников.

2. Плохая организация собственно научной деятельности. Стало уже общим местом говорить о плохом материальном обеспечении научных исследований, отсутствии научно-вспомогательного персонала, усложнённой отчётности об использовании материальных и финансовых средств.

3. Собственно организационная структура институтов РАН. Она жёстко иерархическая и во многом не способствует инновационной деятельности, потому что инновационная деятельность — это деятельность часто спонтанная, требующая определённой гибкости, в том числе и гибкости по привлечению кадров. Коллективы для инновационных исследований и разработок должны создаваться в зависимости от проблем, которые нужно решить, от сложившейся в исследовании ситуации. Структура же подразделений в институтах РАН в общем случае предназначена для выполнения исследований по заранее утверждённой и согласованной тематике.

Институциональные барьеры на уровне государства.

1. Прежде всего, это отсутствие до сих пор полноценной инновационной системы страны. Хотя заявления и постановления по её созданию производятся, начиная с 2002 года. Отдельные элементы инновационной системы создаются, появляются технопарки, бизнес-инкубаторы, консультационные центры. Но, с другой стороны они не связаны в систему. Примером является тот факт, что, хотя многие институты РАН в Санкт-Петербурге и занимаются инновационной деятельностью, они никаким образом не взаимодействуют с региональной инновационной системой.

2. Ещё одним институциональным барьером для развития инновационной деятельности в РАН является отсутствие в стране полноценного венчурного финансирования. Большинство инновационных разработок создаётся на средства самих институтов, а подчас даже на средства самих исследователей. Инновационный продукт часто предлагается инвесторам уже в виде готовых образцов, а иногда и за наличные деньги.

3. Следующий институциональный барьер — отсутствие российских потребителей инновационных разработок. Российский бизнес не имеет стимулов финансировать разработку и внедрять инновационную продукцию. По высказываниям российских бизнесменов, пытавшихся работать с инновационными продуктами, такая деятельность для российского бизнеса носит предельно рискованный характер. Поэтому все предприниматели стремятся к краткосрочным вложениям и быстрой отдаче от вложенных средств.

4. Ещё один барьер на уровне государства — недостаточная защита интеллектуальной собственности. Во-первых, это несовершенство патентного законодательства и авторского права. Хотя в новый гражданский кодекс введён целый раздел, регулирующий эти вещи. Но при ближайшем рассмотрении, по оценкам экспертов, российские патентные формулы плохо защищают авторское право. Поэтому российские патенты не пользуются уважением у российских изобретателей. А зарубежное патентование стоит очень дорого. Стоит дорого и запатентовать и поддерживать патент.

Ещё один барьер, связанный с использованием интеллектуальной собственности — судебная коррупция, когда патент можно украсть и, подкупив суд, выиграть процесс за авторские права у реального изобретателя. В стране, на сегодняшний день, сложилась целая система интеллектуального рейдерства.

Созданный при Президиуме РАН Координационный совет по инновационной деятельности и интеллектуальной собственности под руководством академика С.М.Алдошина неоднократно обращался в Государственную Думу и Правительство РФ с предложениями о принятии инновационного законодательства, но эти предложения так и не были на сегодня реализованы «...хорошей законодательной базы под инновационную деятельность нет. Инициативная группа, созданная в Государственной Думе совместно с Академией наук, подготовила такой законопроект в поддержку инновационной деятельности.... Сейчас новый законопроект находится на экспертизе в министерствах и ведомствах и в ближайшее время может быть вынесен на первое чтение»¹.

Таким образом, говорить о том, что Академия Наук является «тормозом» развития инновационной деятельности в стране, по крайней мере, не корректно.

Несмотря на указанные барьеры распространения инновационной деятельности, в системе Академии наук сложилась система инновационной

---

¹ *Бизнес приставят к науке. Интервью с академиком С.М.Алдошиным. Российская газета. 22.апреля 2010*

деятельности в институтах РАН. Эта деятельность носит постоянный и системный характер. Безусловно, часть приведённых выше барьеров инновационной деятельности является следствием сложившейся в РАН организационной системы и культуры научной деятельности. Но большинство таких барьеров на сегодняшний день носят системный, институциональный характер и оказывают на торможение развития инновационной деятельности, как в Академии Наук, так и в стране в целом, гораздо более негативное воздействие.

Возникает мысль о том, что российская наука, при снятии основных барьеров к развитию инновационной деятельности, даже в отсутствие отечественных заказчиков на такие разработки, могла бы стать источником для торговли патентами, лицензиями и ноу-хау, средства от продажи которых шли бы в бюджет страны.

ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И. И. Елисева

Моделирование межпоколенных связей

Межпоколенные связи

Рост продолжительности жизни, как глобальная тенденция, повышает актуальность исследования межпоколенных родственных связей в различных контекстах: уход и воспитание новых поколений, уход за престарелыми, взаимопомощь и формы ее проявления, оказание финансовой и эмоциональной поддержки и т. д. В настоящее время объектом исследования нередко выступают четыре- пять сосуществующих поколений, связанных прямым родом. Сосуществование, «перехлест» поколений вызывает особые социальные отношения, к изучению которых отечественные исследователи только приступают¹. Проблемы межпоколенных связей усугубляются неравномерностью замещения поколений: уходят многочисленные когорты рожденные в период бэби-бума в послевоенные годы, на смену им приходят малочисленные группы тех кто родился вначале 1990-х годов. Складывающаяся ситуация свидетельствует о том что только родственные связи не могут обеспечить уход за престарелыми и их поддержку. Все от-

---

¹ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе//под ред Т. М. Малеевой и О. В. Синявской. — М.: НИСИ, 2007. С. 517-544

четливее обозначается необходимость активного взаимодействия семьи, государства и бизнеса на рынке оказания услуг по уходу за престарелыми.

Проведенные нами исследования подтверждают сохранение значимости родственных межпоколенных связей несмотря на нуклеаризацию семей¹. Отделение взрослых детей от родителей не приводит к изоляции молодой и родительской семей. Отдельное проживание молодой семьи не означает нежелание стариков участвовать в воспитании внуков, и не означает нежелание старшего поколения воспринимать проявление внимания и заботы со стороны детей и внуков.

Нами установлена устойчивая асимметрия связей между старшим и младшим поколениями (приоритет потребностей младшего поколения). Малодетность и существенные различия в средней продолжительности жизни мужчин и женщин в России (12 лет — в настоящее время, 10 лет — в соответствии с прогнозом до 2030 года²) приводят к упрощению структуры семейных групп прямых родственников. Подвержено сохранение значимости наличия в семейной группе прямых родственников ребенка (детей) дошкольного и младшего школьного возраста на частоту и мотивацию межпоколенных контактов.

Выявлено устойчивое влияние пространственного фактора (времени, затрачиваемого на дорогу) частоту и формы межпоколенных контактов между родственниками. Установлено наличие критических значений этого фактора: до получаса — обеспечивает сохранение интенсивных повседневных контактов, до часа — обеспечивает наличие устойчивого межличностного общения путем взаимных посещений с медианной частотой один раз в неделю, свыше часа — приводит к преобладанию виртуальных контактов. Эти критические точки отражают специфику условий Санкт-Петербурга. Аналогичные исследования проведенные американскими коллегами выявили ослабления непосредственных контактов между прямыми родственниками разных поколений при затратах времени на дорогу свыше трех часов. Выявлен рост межпоколенных коммуникаций с помощью технических средств (по телефону, через Интернет), что свидетельствует о возрастающей

---

¹ Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С Структура и функции семейных групп. — М.: Финансы и статистика, 1983. Eliseeva I. The Family after Divorce in Russia: from the Objectives from the Database // Rapport INTAS — 06-0033.1999 (co-ordinator: Patrick Festy)

² Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 года. Статистический бюллетень. — СПб: Петростат, 2010. С. 46–47

ценности эмоциональной поддержки родственников. Сохраняется потребность активного участия младших поколений в адаптации старших к изменению инфраструктуры повседневной жизни, появлению технических новшеств. Вместе с тем межпоколенные контакты остаются значимыми в передаче социального опыта, в социализации новых поколений.

Результаты проведенных нами исследований подтвердили сохранение межпоколенческих трансфертов в российских семьях, что является еще одним свидетельством межпоколенческой солидарности.

Нагрузка родственного взаимодействия неравномерно распределяется между поколениями. При наличии сосуществования четырех поколений, где G0-старшие родственники (прародители), G1- дети (родители), G2 — внуки, G3 — правнуки, очевидна концентрация эмоциональной и финансовой нагрузки на поколение детей (G1).

Проблема межпоколенных связей может приобрести новые грани, обусловленные распространением «суррогатных матерей» и «отцов-доноров»

Переменные

Чаще всего изучение межпоколенных связей ограничивается тремя поколениями: прародители — родители — дети, как наиболее существенными звеньями. Опыт собственных эмпирических исследований позволяет нам выделить довольно ограниченный набор переменных, имеющих непосредственное отношение к интенсивности межпоколенных связей при условии проживания всех поколений в одном городе. Это — возраст женщины в молодой семье (семья родителей), состав семьи родителей, возраст женщины и состав семьи прародителей, возраст младшего ребенка, частота посещений, мотивы контактов, время на дорогу к родственникам, с чьей стороны прямые родственники старшего поколения (прародители) — со стороны отца или матери. занятость родителей, занятость прародителей. Такие переменные, как характер занятия женщин или мужчин в молодой семье, условия жизни, доход, играют роль второго плана в формировании межсемейных контактов. Таким образом, определяющая роль принадлежит демографическим характеристикам.

Подходы к моделированию

Ограничив объект исследования тремя поколениями, перейдем к обсуждению подходов к моделированию межпоколенных связей. В приве-

денном выше перечне переменных выделяется одна — частота посещений (непосредственных контактов), которая может рассматриваться как результирующая переменная (y) по отношению ко всем другим ($x_1, x_2, \dots, x_n$), выполняющим роль факторов, то есть объясняющих переменных. Тогда можно представить частоту взаимных посещений как некую функцию. $y=f(x_1, x_2, \dots, x_n)$.

При этом многие из названных переменных являются неколичественными или могут быть представлены таковыми. При введении в модель им присваиваются метки, то есть качественные переменные преобразуются в количественные. Такого рода сконструированные переменные принято называть фиктивными.¹

Одним из способов их введения в модель может быть таким: если исходная переменная (номинальная) является дихотомической, то формируется одна фиктивная переменная, принимающая два значения: $z=1$ — наличие какого-либо признака и $z=0$ — его отсутствие. В случае трех градаций (например, для трех уровней образования: высшее, среднее специальное и общее среднее), в модель вводятся две фиктивные переменные z_1 и z_2 . При этом $z_1=1$ для высшего образования и $z_1=0$ для иного уровня образования; $z_2=1$ для среднего специального образования и $z_2=0$ для иного уровня образования. Если номинальная переменная имеет k градаций, то в модель вводятся $k-1$ фиктивных переменных. Уменьшение на единицу числа вводимых в модель фиктивных переменных по сравнению с числом градаций номинальной переменной связано со стремлением не попасть в «ловушку» при оценивании параметров регрессии, которая возникает при введении в модель фиктивных переменных. Если число таких переменных будет соответствовать числу градаций номинальной переменной, то матрица исходных данных станет вырожденной и оценка параметров модели регрессии окажется невозможной

Введение в модель фиктивных переменных может преследовать разные цели:

- оценка различий, возникающих в моделируемом показателе за счет особенностей отдельных единиц совокупности при неизменном влиянии других переменных — факторов;
- оценка влияния структурных различий единиц совокупности на характер зависимости объясняемой переменной от интервальных объясня-

¹ Елисеева И. И., Курышева С. В. Фиктивные переменные в анализе данных// Социология 4М, 2010, №3 0

ющих переменных (факторов), измерен на интервальной или порядковой шкале;

- оценка влияния номинальной переменной на моделируемый показатель.

Соответственно этим целями фиктивные переменные используются в регрессионном анализе, анализе таблиц сопряженности и динамических рядов.

В случае простого (с одной независимой переменной) линейного регрессионного анализа фиктивные переменные вводятся следующим образом:

$$y = a + bx + cz + e \quad (1)$$

$$y = a + bx + cz + d(xz) + e \quad (2)$$

где y — зависимая переменная измеренная на интервальной шкале;

x — независимая переменная (объясняющий фактор);

z — фиктивная переменная, соответствующая двум градациям качественного признака.

При большом количестве объясняющих переменных модель (1) принимает вид:

$$y = a + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_kx_k + c_1z_1 + c_2z_2 + \dots + c_mz_m + e \quad (3)$$

В модель (3) включено k объясняющих переменных (x) и m фиктивных переменных (z).

Поскольку каждая из указанных выше переменных имеет больше двух градаций и является номинальной, то число оцениваемых параметров регрессионной модели составит 14–16, что предполагает объем выборки не менее ста семейных групп, то есть семьи, связанных прямыми родственными узами. Очевидно, что велика вероятность эффектов мультиколлениарности, которые приводят к тому, что многие параметры модели оказываются статистически незначимыми. Чаще всего используются логит-модели.

Возможен иной подход к моделированию, учитывающий структуру связей между самими объясняющими переменными, то есть построение структурной модели. Для этого должна быть сформирована матрица отражающая гипотезы о механизмах детерминации соответствующих переменных. Проиллюстрируем решение данной задачи на примере изучения связей между тремя поколениями.

где x_1 — расстояние на дорогу, x_2 — возраст женщины в семье прауродителей, x_3 — возраст женщины в семье родителей, x_4 — возраст младшего ребенка, x_5 — занятость прауродителей, x_6 — наличие брачной пары в семье родителей, x_7 — занятость родителей, x_8 — частота межпоколенных контактов.

Т а б л и ц а 1. Исходная структура

	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8
f1	1	0	0	0	0	0	0	0
f2	0	1	0	0	0	0	0	0
f3	0	1	1	0	0	0	0	0
f4	0	0	1	1	0	0	0	0
f5	0	1	1	0	1	1	0	0
f6	0	0	1	0	0	1	0	0
f7	0	1	0	0	0	1	1	0
f8	1	1	1	1	1	1	1	1

Последовательность переменных в матрице определяется их отнесением либо к экзогенным, либо к эндогенным переменным. В таблице модельная спецификация структуры представлена в виде матрицы нулей и единиц. Столбцы матрицы ассоциируются с переменными, а строки — с функциями. Наличие единицы на пересечении j -го столбца и i -й строки означает, что j -ая переменная присутствует в i -й функции; нуль в этой же позиции символизирует отсутствие переменной в данной функции. В соответствии с исходной матрицей строится система уравнений и производится оценка его параметров. Заметим что структурная модель должна быть предварительно проверена на внутреннюю логическую непротиворечивость.

Постановка задачи моделирования межпоколенных связей несомненно будет способствовать более глубокому пониманию сущности проблемы.

Исследования добровольных межпоколенческих трансфертов и современная социологическая теория¹

За последние десятилетия российскими и зарубежными исследователями накоплен значительный массив данных о добровольных межпоколенческих трансфертах, под которыми подразумевается добровольная передача материальных благ (денег, продуктов питания и т. д.) от одного поколения совершеннолетних родственников другому поколению. Примерами добровольных межпоколенческих трансфертов являются: материальная помощь со стороны родителей совершеннолетним и работающим детям, намеренно оставляемое детям наследство или помощь престарелым родителям со стороны детей.

Межпоколенческие трансферты обычно исследуются в связи с проблемами бедности отдельных категорий граждан и для изучения эффективности социально-экономической политики государства. Добровольные межпоколенческие трансферты, как проявление экономической активности населения, интересны, прежде всего, экономистам. Кроме того, по мнению многих исследователей, они обусловлены межпоколенческим альтруизмом, под которым понимается мотив поведения, состоящего в том, что «родители (дети) заботятся не только о своем благополучии, но и о благополучии своих детей (родителей)» [1. С. 152-153]. Поэтому добровольные межпоколенческие трансферты являются важным инструментом измерения уровня межпоколенческого альтруизма. В этом качестве они интересны для экономики, как науки о поведении людей и для социологии. Для социологии межпоколенческий альтруизм представляет интерес как один из институтов, меняющихся в ходе модернизации общества.

Целями данной работы являются:

Выяснение того, как меняется уровень межпоколенческого альтруизма в ходе модернизации общества.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Долгосрочные последствия пенсионной реформы: неравенство и экономический рост», проект № 08-02-00411а.

Анализ социальной обусловленности этих изменений.

Для достижения этих целей в работе решаются следующие задачи: сопоставляется уровень межпоколенческого альтруизма в обществах различной степени модернизованности, анализируется связь между изменениями уровня межпоколенческого альтруизма и изменениями других социальных институтов, явлений, процессов.

Для сравнения интенсивности добровольных межпоколенческих трансфертов в обществах различной степени модернизованности можно проанализировать динамику изменений интенсивности трансфертов в одном и том же обществе на разных стадиях развития или сопоставить результаты исследований трансфертов в различных обществах, которые находятся на разных стадиях развития. Примером более модернизированных обществ для данного исследования послужили общества США и Западной Европы (Франции, Германии), менее модернизированных — российское общество.

Вариантом первого подхода является исследование известного американского экономиста Л. Котликоффа, который сообщает о значительном снижении интенсивности добровольных межпоколенческих трансфертов в США на протяжении второй половины XX века [1].

Для сравнения интенсивности добровольных межпоколенческих трансфертов в разных обществах были проанализированы результаты российских и западных исследований внутрисемейных трансфертов. Данные российских исследований (обзор см. [2]), несмотря на большой разброс в результатах, говорящий о необходимости проявлять осторожность при интерпретации полученных данных, свидетельствуют о том, что добровольные межпоколенческие трансферты охватывают значительную часть российских семей и являются распространенной формой экономического поведения россиян. Эти выводы подтверждаются также результатами небольшого исследования, проведенного автором осенью 2008 года в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы. Выборка исследования составили 116 человек, предметом исследования были межпоколенческие трансферты в семьях студентов. В семьях только 10% респондентов обнаружилось отсутствие межпоколенческих трансфертов, предусмотренных вопросами анкеты.

Хотя в США и Европе, как и в России, наблюдается недостаток репрезентативных исследований, а результаты работ сильно разнятся, можно сделать заключение, что интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов в США и Европе значительно меньше, чем в России.

Таким образом, мы пришли к заключению, что в более модернизированных западных странах интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов ниже. А, исходя из предположения, что добровольные межпоколенческие трансферты являются инструментом измерения уровня межпоколенческого альтруизма в обществе, то и уровень межпоколенческого альтруизма оказывается ниже. Кроме того, он снижается в ходе модернизации общества, о чем свидетельствует, например, уменьшение интенсивности добровольных межпоколенческих трансфертов в США на протяжении второй половины XX века.

В качестве иллюстрации выдвинутых выше теоретических положений можно привести пример Германии. М. Коли [3] сообщает о том, что в Восточной Германии интенсивность трансфертов выше, чем в Западной Германии, общество которой можно признать более модернизированным. Коли объясняет это тем, что в более бедной Восточной Германии пенсионеры принадлежат к наиболее обеспеченным слоям населения, что позволяет им помогать своим детям. Однако мы полагаем, что существуют и другие объяснения этого различия, о чем речь пойдет ниже.

Мы попытались выяснить, каковы причины возникновения различий в уровне межпоколенческого альтруизма и интенсивности внутрисемейных межпоколенческих трансфертов в разных обществах. Для этого был проведен анализ социальной обусловленности этих различий (см. также [4]), то есть, проанализирована связь между изменениями уровня межпоколенческого альтруизма и изменениями других социальных институтов, явлений, процессов. Были выявлены следующие факторы, связанные с изменениями уровня межпоколенческого альтруизма в обществе:

При модернизации общества происходит ослабление первичных (родственных) связей. Существует мнение, что ослабление эмоциональных связей обусловлено увеличением общего количества социальных связей у отдельного индивида [5. С. 350]. Например, говоря о социальных связях, обеспечивающих современному индивиду поддержку и признание, исследователи наряду с родственной связью (между родителями и детьми), выделяют также связь избирательную (между супругами, друзьями), органическую (между членами профессионального сообщества), гражданскую (между членами политического сообщества) [6. С. 64]. Ослабление родственных связей сопровождается тем, что индивиды все больше отдаляются от своих первичных групп, что приводит к снижению уровня межпоколенческого альтруизма, так как именно для первичных групп характерны отношения солидарности и альтруизма [7].

Изменение уровня межпоколенческого альтруизма связано с изменением типа семьи. В расширенных семьях, в среднем, интенсивность межпоколенческих трансфертов больше. Например, в расширенной семье, состоящей из трех или более поколений родственников, имеющих общий бюджет, может реализовываться крайняя форма межпоколенческого альтруизма — «абсолютный альтруизм». В этом случае потребление членов семьи не зависит от их доходов, так как происходит выравнивание их потребления. При распаде расширенной семьи на более простые, экономические связи между родственниками могут сохраняться, но межпоколенческие трансферты становятся менее интенсивными, а уровень межпоколенческого альтруизма снижается. В. Голофаст, исследуя ленинградские семьи в 80-е годы XX в., приходит к выводу, что хотя разделение поколений на родственные семьи не влечет их разобщения, контакты и взаимопомощь не сохраняются в прежних размерах [8. С. 71]. Он приходит к заключению, что взаимопомощь между поколениями выше в семьях, где старшее и среднее поколение проживают вместе.

Результаты современных исследований позволяют заключить, что тенденцией настоящего времени является снижение доли расширенных семей и увеличение доли нуклеарных семей, то есть семей, состоящих из 2-х поколений:

значительное снижение количества расширенных семей в США за последние 50 лет отмечается Котликоффом и Бернсом [1. С. 152-153]

Голофаст отмечает [8. С. 39], что два последние десятилетия (по всей видимости, имеются ввиду 70-80-е годы XX в.) явились периодом качественных изменений структуры ленинградских семей. Тенденцией, общей для многих регионов страны стала дальнейшая нуклеаризация семьи.

Таким образом, снижению уровня межпоколенческого альтруизма в обществе способствует увеличение доли нуклеарных семей и снижение доли расширенных семей.

Изменение уровня межпоколенческого альтруизма в обществе может быть связано также с изменением отношений между поколениями внутри семьи. Например, И.С. Голод отмечает [9], что к концу XX в. обязательства супругов по отношению друг к другу приобрели для них большую важность, чем их обязательства по отношению к детям, которые имели первостепенное значение ранее. Теперь муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей [9]. Подобная ситуация свидетельствует об ослаблении связей, в том числе и экономических, между поколениями в семье.

Уменьшению зависимости индивида от семьи способствует система социальной защиты [10. С. 67]. Принадлежность к семье теперь не является необходимым условием для выживания [10]. В развитых обществах государство позволяет индивиду все меньше зависеть от традиционных групп [11]. Благополучие индивидов является предметом социально-экономической политики государства в большей степени, чем предметом забот родственников.

Модернизация общества сопровождается ростом горизонтальной мобильности. Многие молодые трудоспособные люди уезжают из сельской местности в города, из маленьких городов в большие и т. д. с целью обучения в ВУЗах или иных учебных заведениях, поиска работы. Это приводит к тому, что зачастую родители работающих детей живут в других населенных пунктах, что, по-видимому, затрудняет добровольные внутрисемейные межпоколенческие трансферты, а также приводит к ослаблению семейных связей. Например, рост территориальной мобильности сельской молодежи России на протяжении всего XX века привел к распаду традиционных многопоколенных крестьянских хозяйств, а также к изменению или утрате межпоколенных связей [12]. В Голофаст сообщает, что в Ленинграде массовое строительство, улучшение жилищных условий способствовало делению расширенных семей на более простые [8. С. 39-40].

Сильверстайн и Бенгтсон [13] сообщают, что в США тенденцией настоящего времени является раздельное проживание родителей и их взрослых детей. В американском обществе горизонтальная мобильность более интенсивна, чем в России [14,15], то есть взрослые дети чаще переезжают из дома родителей в собственный дом. В России это затруднено в связи с жилищной проблемой (см., например, [15]). Это обстоятельство способствует увеличению количества расширенных семей, члены которых проживают совместно поневоле. В таких семьях межпоколенческие трансферты могут оказаться более интенсивными, чем в случае раздельного проживания, так как «территориальная близость интенсифицирует взаимопомощь поколений» [8. С. 74].

Распространенность неформальной взаимопомощи в российском обществе можно объяснить также бедностью, недостаточно развитой рыночной экономикой, плохо развитой социальной сферой, неэффективностью социальной политики государства. Все это является признаками отсталости российского общества по сравнению с более модернизированными обществами западных стран.

В заключение приведем основные результаты исследования. В работе на основании предположения о том, что интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов дает информацию об уровне межпоколенческого альтруизма в данном обществе, показано, что уровень межпоколенческого альтруизма снижается в ходе модернизации общества. Мы показали как изменение уровня межпоколенческого альтруизма связано с изменениями других социальных институтов, явлений, процессов, таких как социальные связи, семья, социальная мобильность, доказав тем самым социальную обусловленность уровня межпоколенческого альтруизма.

Анализ социальной обусловленности уровня межпоколенческого альтруизма позволяет рассматривать интенсивность добровольных межпоколенческих трансфертов в качестве одного из индикаторов модернизационных процессов, происходящих в данном обществе.

Литература

1. *Котликофф Л., Бернс С.* Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
2. *Сурков А. В.* Пенсионная реформа и межпоколенческий альтруизм в моделях экономической динамики. // *Финансы и бизнес*, 2009, 3, Р. 26–47.
3. *Kohli M.* Private and public transfers between generations: Linking the family and the state. // *European Societies*, 1999, 1, Р. 102–122.
4. *Загребина А. В.* Межпоколенческий альтруизм и общие закономерности процесса модернизации общества. // *Ученые записки СПбГИПСП*, 2008, 10 (Вып. 2), С. 148–153.
5. *Тард Г.* Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
6. *Raugat S.* Le lien social. Paris: Presses Universitaires de France, 2008.
7. *Boudon R.* La logique du social. Hachette, 1979.
8. *Голофаст В. Б.* Социология семьи. Статьи разных лет // Под ред. О. Б. Божкова. СПб: Алетейя, 2006.
9. *Голод С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. // *Социологические исследования*, 2008, № 1.
10. *Raugat S., Zoyet J.-P.* Le soutien financier de la famille : une forme essentielle de la solidarité. // *Économie et statistique* 1997 — 8/9/10, № 308-309-310, Р. 187–210.
11. *Элиас Н.* Общество индивидов. М., 2001.
12. *Иванова Е. И.* Межпоколенные трансферты и их роль в решении социальных проблем пожилых людей в сельской местности. // *The Fifth International Conference on «Public Sector Transition»*. СПб, 2002.

13. *Silverstein M., Bengtson V.L.* Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families. // *American Journal of Sociology*, 1997, 103(2), P. 429–460.
14. *Золотухина М. В.* Мир американской семьи. М., 1999.
15. *Синельников А. Б., Децнер, Д. Ф.* Отношения между поколениями в российских и американских семьях. // глава в кн. *Семья на пороге третьего тысячелетия*. М., Центр общечеловеческих ценностей, 1995. — 237 с., 1995, С. 108–128.

Разнообразие семей: анализ теоретических концептуализаций

Происходящие с современной семьей перемены, характеризующиеся как сохранением традиционных, так и растущим разнообразием и социальной приемлемостью нетрадиционных форм семейной жизни требуют разработки адекватных методов изучения и критериев описания изменяющихся семей. В настоящее время существуют различные и часто противоречивые подходы к концептуальному объяснению и интерпретации используемого социологами понятийного аппарата. Определенную сложность представляют проблемы сопоставимости понятий в западной и российской социологии, их адекватность в использовании. В настоящей статье делается попытка описания и обобщения подходов к теоретическим концептуализациям семьи.

РАЗНООБРАЗИЕ СЕМЕЙ (family diversity) является одной из ярких черт трансформации института семьи. Сегодня наряду с классической моногамной семьей существуют новые типы семьи — внебрачные семьи, альтернативные семейные стили и альтернативные браки. Внебрачные семьи разбиваются на неполные (вследствие развода, овдовения) и материнские (вследствие «внебрачной» рождаемости). К альтернативным стилям поведения относят фактические браки или сожительства, последовательную полигамию (повторные браки) и семьи с неродными родителями. Альтернативные браки представлены регулярно-раздельными и открытыми браками (Голод, 1998. с. 198. С. 212). Вариативность форм современной семьи, многообразие ее типов неоспоримы и активно обсуждаются отечественными и зарубежными исследователями. Хотя нет общепризнанных классификаций моделей семьи и нет единого мнения относительно потенциальных последствий (позитивных или негативных) разнообразия семей, многие, если не большинство исследователей выступают **«ЗАЩИТНИКАМИ» РАЗНООБРАЗИЯ**. Они, как минимум, не согласны с идеей, что только один вид семьи может считаться самым естественным, эффективным.

Первостепенный вопрос при исследовании разнообразия семей — **«ЧТО ТАКОЕ СЕМЬЯ?»** Концептуализация самого понятия «семья» важна как для исследователей, так и общества в целом. Первым необходимо глубокое

понимание того, что есть семья. Они должны осознавать: то, что они пытаются измерить, может расходиться с представлениями людей. Взгляды на семью обычных людей могут соответствовать, а могут и нет точке зрения ученых. Обыденные концепции семьи важны потому, что именно на них опираются люди в своей повседневной жизни, ведут себя и взаимодействуют с другими людьми в соответствии со своими представлениями о семье. Концептуализация семьи имеет политические и социальные последствия, поскольку в опоре на нее общество строит и проводит политику, затрагивающую широкий круг вопросов, связанных с семьей. Например, в соответствии с государственной семейной политикой современной России основная поддержка направлена на определенный тип семьи — «здоровую, законопослушную и традиционную» семью, основу которой составляет супружеская пара с детьми или без (Климантова, 2002. С. 121).

Определение того, что представляет собой семья — сложный вопрос. **ПРАВОВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМЬИ** предполагают, что семья основана, главным образом на кровных узах или санкционированных государством отношениях. Политики в целом классифицируют лиц в качестве членов семьи, если они связаны друг с другом в силу крови, брака или усыновления. Отношения, которые не основываются на одном или нескольких из этих критериев, как правило, не получают признания государства. Как следствие, **КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ ТРАДИЦИОННО СВЯЗАНЫ С ДВУМЯ СОСТОЯЩИМИ В БРАКЕ РОДИТЕЛЯМИ И ИХ БИОЛОГИЧЕСКИМИ ДЕТЬМИ**. Тем не менее, представления о том, что значит быть семьей, значительно расширились в последние годы. Социально-демографические изменения, повышение уровня разводов, повторных браков, сожителств содействовали более широкому определению семьи. Для многих людей членами семьи стали считаться не только состоящие в браке родители и их биологические дети, но и сожительствующие партнеры, приемные родители и дети, друзья и даже домашние животные. В основе семьи могут лежать не только биологические и брачные отношения. Семья также может быть основана на общем опыте и эмоциональной привязанности. Таким образом, **КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ СТАЛИ ОСНОВЫВАТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО НА ТРАДИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ** (биологических и/или правовых), **НО И СОЦИАЛЬНО ЭКСПАНСИВНЫХ** (небиологических и неправовых) (Holtzman, 2008).

Эволюция теоретических и обыденных концептуализаций семьи оказалась в фокусе внимания в большей степени **ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**. К концу прошлого столетия **СЕМЕЙНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СТАЛО**

СЧИТАТЬСЯ НОРМАТИВНЫМ, и идея, что существует единственно правильное определение семьи, почти исчезла из научной литературы, главным образом зарубежной (Allen, Fine, & Demo, 2000; Peterson & Steinmetz, 1999; Walker, 2000). В западной литературе **ТЕРМИН «СЕМЬЯ»** стал использоваться **ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ** — «СЕМЬИ», подчеркивая множественность способов организации частной жизни людей. **ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЬИ** перестало быть монолитным понятием, оно преобразовывалось **В НАПРАВЛЕНИИ ПРИЗНАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ВАЖНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ**. Приведем примеры. Hanson M., Lynch E. писали, что «семьей следует считать любое объединение людей, которое определяет себя в качестве семьи и включает в себя индивидов, связанных кровно-родственными связями или браком, а также тех, которые приняли решение разделить свои жизни друг с другом. Это определение включает в себя как «традиционную» нуклеарную семью, так и другие стили жизни, варьирующие от расширенной семьи и системы родственных связей до семей с одним родителем и живущих вместе партнеров одного пола. Ключевые элементы определения семьи состоят в том, что члены этого объединения рассматривают себя как семью, испытывают взаимное тяготение (аффилиацию) и посвящают себя заботе друг о друге» (Hanson, Lynch 1992, p.285). Другие известные американские специалисты — Д. Олсон и Дж. ДеФрейн- определяют семью как: «Двое или более людей, которые принимают на себя обязательства по отношению друг к другу и которые разделяют интимность, ресурсы, принятие решений и ценности»(Olson, DeFrain, 1997, P. 9.).

Очевидно, что такие определения предполагают самые разные типы отношений и основаны в большей мере **НА СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**, а не **НА ОБЪЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ**. То есть «семья» с субъективной точки зрения подразумевает тех людей, которых **САМ ЧЕЛОВЕК** в нее включает, имея в виду, что это «моя семья». Она не обязательно основана на браке, не обязательно подразумевает детей или родственников, проживающих в одном домохозяйстве.

Исследуя множество формальных определений, Koerner and Fitzpatrick (2002, 2004) сгруппировали их в три общих направления или перспективы.

Первое НАПРАВЛЕНИЕ включает **структурные ОПРЕДЕЛЕНИЯ**, которые основываются на наличии или отсутствии определенных членов семьи, таких как родители, дети, члены расширенной семьи, обычно живущих вместе. Определения в рамках этого направления включают **ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ, СВЯЗАННЫХ КРОВНЫМИ УЗАМИ ИЛИ БРАКОМ**. В этом на-

правлении Murdock (1949) впервые ввел термин «**НУКЛЕАРНАЯ СЕМЬЯ**» и определил ее как «социальную группу, для которой характерно общее проживание, экономическая кооперация и воспроизводство. Она включает взрослых людей обоого пола, по меньшей мере, двое из которых поддерживают социально допустимые сексуальные отношения, одного или более детей, собственных или приемных, сожительствующих взрослых людей». Касаясь вопроса совместного проживания, Rothausen (1998) указал, что государственные программы переписей населения традиционно определяли семью как домохозяйство.

Второе НАПРАВЛЕНИЕ включает определения, подчеркивающие выполнение психосоциальных функций и задач. Определения в рамках этой **функциональной ПЕРСПЕКТИВЫ** фокусируются на **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СЕМЬИ В ВЫПОЛНЕНИИ НЕОБХОДИМЫХ СОЦИЕТАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ**. Эти функции включают: поддержание домохозяйства; социализацию детей; обеспечение эмоциональной и материальной поддержки; выполнение ролей. Например, Parsons (1955) представил функциональное определение, которое содержало **две** основные идеи: семья как стабилизатор личности взрослого человека и как социализатор детей. Winch (1963) описывал семью как базисную социальную структуру, первичной социальной функцией которой является воспроизводство.

Третье НАПРАВЛЕНИЕ включает определения, подчеркивающие **трансакционные (процессные) ПЕРСПЕКТИВЫ**, в которых группы близких людей через их поведение генерируют **чувство семейной идентичности** с эмоциональными связями и опытом истории и будущего. Семьи существуют в соответствии с социоэмоциональными связями и устойчивыми обязанностями, особенно в зависимости от других, одного или более членов. Vogensneider (2002) рассматривал семью как институт, основанный, в первую очередь, на любви и заботе, связях и обязательствах. Allen, Fine and Demo (2000) подчеркивали социоэмоциональные связи, постоянную ответственность, которые сопровождают семью. По их мнению, семью составляют две или больше личности, связанные рождением, браком, принятием или выбором. Семьи существуют в соответствии с социоэмоциональными связями и устойчивыми обязанностями, особенно в зависимости от других, одного или более членов.

Границы выделенных перспектив определения семьи не являются жесткими, поскольку ряд определений состоит из элементов более, чем одного направления. Идентификация направлений лишь подчеркивала их **ДОМИНАНТЫ**.

Другая группа зарубежных исследователей отвергает попытки построения формальных концептуализаций семьи, поскольку подобные определения «закрывают» значительную долю тех ценностей, ради которых создаются и поддерживаются семейные отношения. Они настаивают на необходимости изучения **ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ** о семье. Например, Bernardes (1999) считает, что вместо того, чтобы формально определять семью, необходимо понять, **КАК ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ КОНСТРУИРУЮТ СВОИ КОНЦЕПЦИИ СЕМЬИ**, язык, который они используют, какую роль играют эти концепции в их повседневной жизни. Holstein and Gubriun (1999) рассматривают семью как подвижное (fluid) понятие, социально сконструированное и изменяющееся от человека к человеку. Лесли Белла (Bella L. (1992) и ее коллеги придерживаются мнения о том, что каждый человек сам активно создает то социальное окружение, в котором живет, и предпочитают говорить не о том, что такое семья, а о том, что значит “быть семьей”. Лесли Белла употребляет термин **FAMILY MAKING** — процесс, в котором мы создаем с другим человеком (людьми) длительные и устойчивые к невзгодам близкие отношения взаимной заботы. Таким образом, в этом процессе можно условно выделить три аспекта: **УСТОЙЧИВОСТЬ** (во времени и по отношению к невзгодам), **ЗАБОТУ И БЛИЗОСТЬ**. (Bella, 1992).

Разговор о теоретических концептуализациях семьи в отечественной социологии следует начинать с приведения наиболее популярного, можно сказать классического (для советской социологии) **ОПРЕДЕЛЕНИЯ «СЕМЬИ» А.Г. ХАРЧЕВА**. «Семью можно определить как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» (Харчев, 1979. С. 75.) Безусловно, такое определение было, в какой-то мере, идеологической конструкцией, о чем говорят акценты на «моральной ответственности», «социальной необходимости», «потребностях общества». Его отличают «откровенная перегруженность, расплывчатость, пожалуй, необязательность целых фрагментов» (Голод, 1998. С. 91). Оно сочетало в себе структурные и функциональные направления, задавало модель идеальной (нормативной) семьи.

Анализ работ современных отечественных исследователей на предмет выявления теоретических концептов семьи и их изменений показал следующее. В настоящее время единое, нормативное представление о семье

вообще все более размывается, что является признанием вариативности форм современной семьи и многообразия ее типов. Обращение к трактовке понятия «семья» в научных публикациях встречается редко (Бурова, Демидова, 2008). Возможно потому, что универсальный характер понятия семьи держится на том, что **«ВСЕ ЗНАЮТ ИЛИ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ЗНАЮТ, ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ СЕМЬЯ; ЭТА ПОСЛЕДНЯЯ ТАК ПРОЧНО ВПИСАНА В НАШУ ПОВСЕДНЕВНУЮ ПРАКТИКУ, ЧТО НЕЯВНЫМ ОБРАЗОМ ПРЕДСТАЕТ ДЛЯ КАЖДОГО ПРИРОДНЫМ ИЛИ, ГОВОРЯ ШИРЕ, УНИВЕРСАЛЬНЫМ ФАКТОМ»** (Heritier, 1979; Levi-Strauss, 1983). В тех работах, в которых приводятся определения семьи, дается либо достаточно широкое толкование семьи («семья — ячейка общества», «семья — группа лиц, проживающих вместе», «семья — общечеловеческая ценность»), либо указываются лишь некоторые ее характеристики.

Поскольку в современной отечественной научной литературе, касающейся трансформации института семьи, сложились два основных подхода: кризисный и эволюционный, можно полагать, основные концепты семьи будут фокусироваться на структурных и функциональных аспектах. Приведем определения семьи А. И. Антонова и С. И. Голода, чьи имена ассоциируются с кризисным и эволюционным подходом.

По мнению А. И. Антонова, «семья — это основанная на единой семейной деятельности общность людей, связанных узами супружества — родительства — родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» (Антонов, Медков, 1996. С. 66). Подчеркивается, что лишь наличие триединого отношения супружества — родительства — родства позволяет говорить о конституировании семьи в ее строгой форме. Факт одного или двух из названных отношений характеризует фрагментарность семейных групп («осколочные» формы семьи). А. И. Антонов считает, что «в этой дефиниции раскрывается, прежде всего, социальная сущность семьи как посредника между устремлениями личности и общества, двойственная ее суть как института и малой группы, противоречивость семьи как социокультурного феномена и амортизатора межличностных напряжений, поскольку удовлетворение личных потребностей членов семьи не ведет автоматически к институциональному выполнению семьей ее основополагающих функций» (Антонов, Сорокин, 2000. С. 82–83).

Данное определение делает акцент и на структурных, и на функциональных аспектах, обнаруживает однозначную, жесткую нормативность

(лишь наличие триединого отношения супружества — родительства — родства позволяет говорить о семье; семья без детей не является семьей и т. д.), излишнюю идеологизированность.

С.И.Голод «склонен рассматривать семью как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» (Голод, 1998. С. 91). Доминирование одного из названных отношений и его характер могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. Это определение подчеркивает только структурную направленность, обнаруживает скорее гибкость, ненавязчивость нормативной системы, что подчеркивается словами («семья — совокупность, индивидов, состоящих, **по меньшей мере, в одном из трех видов** отношений»), лишено идеологической окраски.

Отметим, что транзакционные аспекты (самоидентификация с семьей, эмоциональные связи и устойчивые обязанности, взаимная привязанность, забота друг о друге), хотя и признаются представителями обоих подходов (кризисного и эволюционного), но в определениях не акцентируются.

Выводы

Эволюция теоретических и обыденных концептуализаций семьи оказалась в фокусе внимания в большей степени **зарубежных исследователей**. К концу прошлого столетия **семейное разнообразие стало считаться нормативным. Определение семьи** перестало быть монолитным понятием, оно преобразовывалось **в направлении признания вариативности и подчеркивания важности эмоциональных связей**. Концептуализации семьи эволюционировали от структурных определений семьи, в которых индивидуумы связаны в первую очередь биологическими и правовыми связями, к транзакционным определениям, в которых семья рассматривается как группа близких людей, генерирующих чувство семейной идентичности с эмоциональными связями и опытом истории и будущего.

Несмотря на большое количество работ в области социологии семьи в нашей стране, концептуализации семьи на всех уровнях знания и их изменения во времени не стали предметом содержательного анализа. В работах отечественных ученых лишь указываются их собственные определения семьи (Голод, 1996; Медков, 2004; Антонов, 2005) и приводятся определения других авторов (Антонов, Сорокин, 2000). При признании

растущего разнообразия семей, разговоров о «плюрализме их моделей» (Голод, 1996), переосмысления самого понимания и определений семьи не происходило. Настоятельность подобного анализа и переосмысления начинает осознаться и отечественными специалистами (Клецин, 2008, Носкова, 2008). «Сегодня, очевидно, более уместно говорить не о «семье», в определение которой уже трудно даже в рамках конкретной культуры вложить всевозможные вариации, а о **СЕМЬЯХ**. Ответ на вопрос, что такое семья, может состоять **ЛИБО В СУЖЕНИИ ОБЪЕМА ПОНЯТИЯ**, ... либо необходимо выделять **РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ СЕМЕЙ** как особого рода малые группы» (Гурко, 1995).

За рамками традиционных структурно-функциональных определений семьи остаются транзакционные аспекты. **СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ** не рассматривается в качестве признака, конституирующего семью. Между тем, практики семейной жизнедеятельности демонстрируют значительную модификацию семейных ролей и жизненных стилей, рост числа разводов и повторных браков, а также возрастание значимости разнообразия квази-родственных связей, то есть взаимоотношений людей, не связанных брачными или кровными узами, но **СЧИТАЮЩИХ СЕБЯ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ**. Восприятие индивидуумами **САМИХ СЕБЯ КАК ЧЛЕНОВ СЕМЬИ** подразумевает констатацию не только кровно-родственных связей и официального брачного статуса, но включает и параметры взаимной поддержки, практикующейся людьми, **СЧИТАЮЩИМИ СЕБЯ СЕМЬЕЙ**. Для очерчивания границ собственной семьи все менее значимыми становятся такие формальные критерии выделения семьи, как совместное проживание, общее домохозяйство и общий бюджет, генеративные связи, экономическая или психологическая зависимость. Таким образом, в обыденных представлениях людей о семье **СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ** выступает одним из главных признаков, определяющих семью. И не принимать во внимание этот факт нельзя. Теоретические построения (концептуализации семьи), по-видимому, должны учитывать реальный, меняющийся контекст жизни людей, считающих себя семьей.

Попытки зарубежных ученых сохранить некое единообразие понятия семьи оказались безуспешны, также как малопродуктивной оказалась и попытка отечественных исследователей сформулировать критерии для выделения структурных типов семей (Гурко, 2003. С. 20). Представляется, что необходимость изучения в едином ключе наблюдаемого разнообразия современных семей требует, с одной стороны, минимально нагруженно-го частностями и предельно общего определения, которое, тем не менее,

основано не только на объективных, но и субъективных показателях. Поскольку современная нормативность в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная, постольку и дефиниции, которые в определенной мере задают норму, должны опираться и на субъективные индикаторы. С другой стороны, определение семьи, по-видимому, в какой-то степени должно отражать те глобальные изменения, которые затронули современную семью. В частности то, что семья сегодня в западных странах (и все более и более в других странах во всем мире) больше не является экономической, прежде всего, единицей. Скорее это — отношения, базирующиеся в основном на коммуникации и, особенно — на эмоциональной коммуникации. (Giddens).

Поэтому, если быть краткой, то я бы продолжила определение С.И.Голода, который рассматривает **«СЕМЬЮ КАК СОВОКУПНОСТЬ ИНДИВИДОВ, СОСТОЯЩИХ, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ, В ОДНОМ ИЗ ТРЕХ ВИДОВ ОТНОШЕНИЙ: КРОВНОГО РОДСТВА, ПОРОЖДЕНИЯ, СВОЙСТВ»** и/или *определяющих себя в качестве семьи, испытывающих взаимную привязанность и заботящихся друг о друге.*

Я разделяю точку зрения ряда отечественных демографов, согласно которой «поиск новых форм организации личной жизни человека выходит за рамки нуклеарной семьи и пока далеко не завершен, **ТАК ЧТО ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ НЕ ОСТАЕТСЯ НИЧЕГО ИНОГО, КАК НАБЛЮДАТЬ ЗА ПРОИСХОДЯЩИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ, СТРЕМЯСЬ ПОНЯТЬ ИХ НЕ ВСЕГДА ЯСНЫЙ ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ.**» (Демографическая модернизация, 2006. С. 85).

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М., изд-во МГУ, изд-во «Международного бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996, с.66.
2. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI Века, М., 2000, с.82-83.
3. Антонов А.И. Социология семьи: учебник. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975 - 2006 гг.) / Социологические исследования, 2008, №12, с.97-103
5. Голод С.И Современная семья: плюрализм моделей. / Социологический журнал, 1996, №3-4
6. Голод С. И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998, С.198, 212.

7. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи / Социологические исследования, 1995, №10, с.95-99.
8. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М., Центр общечеловеческих ценностей, 2003
9. Демографическая модернизация России 1900 – 2000 // под ред. А.Г.Вишневого. М., 2006.
10. Клецин А.А. Изменяющаяся российская семья в глобализирующемся мире. // Глобализация в российском обществе. СПб.: Нестор – История, 2008. С.350-398;
11. Климантова Г. И. Государственная семейная политика – важнейшая политическая стратегия современной России // Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. 2002. № 11 (167). С.121.
12. Медков В.М. Демография. М. 2004
13. Носкова А.В. Год семьи: некоторые итоги. // Социологические исследования. 2008. №12. С.80-81.
14. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль. 1979.
15. Allen, K. A., Fine, M. A., & Demo, D. H. (2000). An overview of family diversity: Controversies, questions, and values. In D. H. Demo, K. R. Allen, & M. A. Fine (Eds.), *Handbook of family diversity* (pp. 1-14). New York: Oxford University Press.
16. Bella L., (1992), *The Christmas Imperative*, Halifax: Fernwood URL: http://www.ucs.mun.ca/~lbella2/family_making.html
17. Bernardes J. (1999) We must not define “the Family”. *Marriage and Family Review*, 28, pp.21-44.
18. Bogenschneider K. (2002) *Family policy matters: How policymaking affects families and what professional can do*. Mahwah, NJ Lawrence Erlbaum.
19. Giddens A. *Global Futures at a Time of Transition: 2001-02 Director’s Lecturers*: URL: <http://sosig.ac.uk/redirect?url=http%3A%2F%2Fwww.lse.ac.uk%2Fcollections%2Fmeetthedirector%2Flectures.htm&rec=1020781735-15394>.
20. Holstein J.A. and Gubrium J. (1999) What is Family? Further thoughts on social constructionist approach / *Marriage and Family Review*, 28, pp.3-20.
21. Holtzman M. (2008) Defining Family: Young Adults’ Perceptions of the Parent-Child Bond *Journal of Family Communication*, 8: 167–185
22. Hanson M., Lynch E. (1992) Family diversity: implications for policy and practice / *Topics in early childhood special education v.12 (3)*, p.285.
23. Heritier F. *Famiglia* // *Enciclopedia Einaudi*. Turin: Giulio Einaudi, 1979, p.3-16.

24. Koerner, A. F., & Fitzpatrick, M. A. (2002). Toward a theory of family communication. *Communication Theory*, 12, 70–91.
25. Koerner J.N. and Fitzpatrick F.D. (2004) Communication in intact families. In A.L.Vangelisti (ed.) *Handbook of family communication* (pp.177-1950. Mahwah, NJ Lawrence Erlbaum.
26. Levi-Strauss C. *Le regard eloigne*. Paris: Plon,1983,p.65-92.
27. Murdock G.P. (1949) *Social Structure* New York: Macmillan, p.1.

28. Olson, D.H., DeFrain, J. (1997). *Marriage and the family: Diversity and strengths*. Mountain View, CA: Mayfield, p. 9.
29. Parsons T. (1955) *The American family: Its relations to personality and the social structure*. In T. Parsons and R.F. Bales (eds.) *Family, socializations and interaction process*, pp.3-33.
30. Peterson, G. W., & Steinmetz, S. K. (1999). Introduction: Perspectives on families as we approach the twenty-first century—challenges for future handbook authors. In M. B. Sussman, S. K. Steinmetz, & G. W Peterson (Eds.), *Handbook of marriage and the family* (2nd ed., pp. 1-10). New York: Plenum.
31. Rothausen T.J.(1998) “Family” in organizational research: A review and comparison of definition and measures. /*Journal of Organizational Behavior*, N20, pp. 817-836.
32. Walker, A. J. (2000). Refracted knowledge: Viewing families through the prism of social science. *Journal of Marriage and the Family*, 62, 595-608
33. Winch R.F. (1963) *The modern family*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

СЕКЦИЯ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

МЕТОДОЛОГИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Н. Алексеев

Тезисы о драматической социологии

1. Доминирующая ныне стратегия социологического исследования исходит из предпосылки разделения объекта и субъекта в исследовательском процессе. Мы же полагаем возможным и перспективным своего рода их отождествление. При этом само социальное поведение субъекта становится своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. «Погруженный» в определенную социальную среду, социолог наблюдает и анализирует последствия собственных действий в этой среде. Краткой формулой такого исследования является: *познание через действие*.
2. В рамках указанной стратегии разработан и опробован социологический метод, названный нами, в отличие от включенного наблюдения, *наблюдающим участием*. Отличается этот метод и от традиционного социального эксперимента, поскольку он предполагает введение новых факторов не извне и сверху, а изнутри и снизу. Причем исследовательское вмешательство в «естественный» ход вещей является ситуационным, порой импровизационным, и не претендует на строгую процедуру.

3. Характерной чертой этого метода является построение так называемых *моделирующих ситуаций*, когда путем организуемого исследователем «сгущения» факторов обыденная ситуация приобретает достоинство социальной модели.
4. Следует отметить, что предметом изучения здесь выступает не только социальное окружение, но и собственное поведение социолога-испытателя. Особый интерес представляет выяснение границ свободы индивидуального поведения в различных ситуациях: изучается не столько адаптация субъекта к среде («Что обстоятельства могут сделать с человеком?»), сколько адаптация субъектом среды к себе («Что человек может сделать с обстоятельствами?»).
5. В изложенной исследовательской стратегии синтезируются практическая деятельность, рефлексия и игровой момент («игра» с социальным объектом). Вышеописанный способ исследования мы называем *драматической социологией*.
6. Указанный метод (наблюдающее участие) прошел испытания в опыте многолетнего исследования производственной жизни, «глазами рабочего», предпринятого в 80-х гг. на одном из заводов Ленинграда. Так называемый «эксперимент социолога-рабочего» освещен и осмыслен в серии наших работ, главной среди которых является: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1–4. СПб.: Норма, 2003–2005..
7. Впоследствии этот метод применялся автором и для исследования жизни научного (профессионального) сообщества. Материалы этого исследования представлены в недавно вышедшей книге: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 . 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1–4. СПб.: Норма, 2010.
8. Следует заметить, что названный метод может иметь и «любительское» применение — в процессе повседневной жизни человека, который включает в свое социальное поведение когнитивную мотивацию в соединении с ценностной и прагматической. Такой «способ жизни» позволяет человеку совладать с трудными ситуациями, быть «в ладу с собой» и в контакте с другими, понимать, «как устроен этот мир» и осмыслять свое место в нем...

Приложения:

2000–2010

Из статьи А. Алексеева «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология?»)¹

...Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в «научном трактате»! — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза «драматической социологии»: «*познание через действие*». (Можно сказать и еще лаконичнее: «познание действием» — формулировка А. Ющенко). Причем именно за счет «социологического действия» (понимаемого предельно расширительно...), достраивалось до триады известное различие социологической теории и социологической эмпирии.

Еще один термин, уместный в этом контексте: *социолог-испытатель*. В «драматической социологии» обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный, социально-личностный эксперимент (иногда говорят: «эксперимент на себе», но это звучит слишком красиво). <...>

Термин *драматическая социология* относится мною к тому «жанру» социологического изыскания, где происходит соединение <...> практической деятельности, рефлексии и игры (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»; не путать с «социодрамой»...). И еще одно, пусть не столь специфичное (поскольку, относимо, полагаю, и не только к обсуждаемому исследовательскому подходу) определение: «драматическая социология» — принципиально *диалогична* и *интерактивна* (это может быть диалог, взаимодействие исследователя и с непосредственным социальным окружением, и с социальными институтами...). То есть это — *коммуникативная* социология. <...>

2006

Из письма А. Алексеева к Л. Ткаченко по поводу статьи В. Ильина «Жизнь как участвующее наблюдение»

...Участвующее наблюдение и включенное наблюдение — термины-синонимы. Здесь речь идет о виде наблюдения, предполагающем непосред-

---

¹ Цит. по: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2006, № 5, с 12.

ственную вовлеченность субъекта в наблюдаемый процесс или ситуацию. Но при этом наблюдатель не совершает поступков, выпадающих с общего ряда, он не «возмущает» ситуацию. А вот наблюдающее участие — это особый вид участия, «натуральный эксперимент», сплошь и рядом неординарные действия, предполагающие наблюдение также и их последствий, для лучшего понимания ситуации или процесса.

В том и другом случае преследуется когнитивная (познавательная) цель. Но способы ее достижения различны.

Ильин говорит именно об участвующем (включенном) наблюдении. Его кредо — трактовка собственной жизни, как средства социологического познания, а этого последнего — как образа (способа) жизни. При этом меру активности субъекта Ильин специально не обсуждает.

К такому концептуальному итогу пришел и я. Но еще лет 30 назад осознал, что активное вмешательство в исследуемый процесс может оказаться познавательно ценным. В этом особенность моей методологии. <...>

А если идти дальше, то оказывается, что только включенного наблюдения и / или наблюдающего участия мало для полноценного познания. Нужно еще и осмысление результатов этого участия и / или наблюдения, нужна *рефлексия*. <...> 24.02.2011.

Из письма А. Алексеева В. Ильину¹

...Спецификой моего собственного «жизнетворчества» в свое время стало (и уж навсегда осталось) то, что я привык называть «наблюдающим участием». Последнее предполагает использование собственных иногда заурядных, а иногда и неординарных действий как средства познания («познание действием»). <...>

Надо сказать, что это более трудоемкий (и в этом смысле, может быть не столь эффективный) способ постижения реальности, чем, скажем, «познание общением» (от обмена репликами со случайным попутчиком к импровизированному глубинному интервью, как у Вас). С другой стороны, это «предельный» случай совмещения само- и миропознания. В том и другом случае социология оказывается *образом жизни* (лучше говорить «способ жизни», чтобы не смешивать с гносеологической категорией). <...> 23.05.2010.

---

¹ Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010, с. 205.

Из письма А. Алексеева Р. Ленчовскому¹

...Драматическая социология — это участие, наблюдение и рефлексия по поводу смены ситуаций, которые драматичны каждая сама по себе, а вместе составляют драму жизни. <...> 3.09.2009.

---

¹ Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия — социолог... Т. 1. СПб.: Норма, 2010, с 509

Заметки об инерции культуры

И, тем не менее, инерция культуры
была долгое время тем процессом,
который менее всего захватывал
воображение теоретика.

В. Б. Голофаст. Размышления о культуре

Вначале — слово. То, что не названо, не существует. Это известное явление отражает антропоцентристские претензии культуры на то, чтобы мир был упорядочен, прогнозируем, осмыслен. При этом само слово «культура» относится к числу особенно затасканных. Впрочем, от таких предупреждений (не менее затасканных) отнюдь не делается яснее, какую реальность это слово отмечает при каждом употреблении.

В научном словоприменении значения слова «культура» (со всеми сопутствующими эпитетами) более устойчивы, потому что научный текст обычно не отражает динамики реального социального фона, в то время как в тексты, находящиеся на границе науки и публицистики, эта динамика прорывается как бы произвольно. Поэтому в этих текстах уловить значение слова «культура» — слишком сложная операция, требующая экспликации всего контекста политической и любой иной ангажированности автора. Тем не менее в одном случае мы — вместе с авторами таких текстов — можем не сомневаться: тексты, в которых было использовано слово «культура», могут быть причислены к явлениям культуры.

Культура и не-культура. К актуальной культуре мы будем относить все социальные ситуации, в которых (или о которых) участники испытывают потребность использовать слово «культура» (в том числе — и в случаях демагогических). Именно в этих случаях культура имеет дело с не-культурой («сырьё», «варварство», «черновики», «враги», «незрелые», «второсортные» и т. п.). Существование не-культуры — это особая реальность, поскольку признанная культура может ее определить только негативно. Все позитивные наименования — это гипостазы, т. е. категории признанного — или упорядоченного мира. И в этом смысле существовать — это мыслить о мире в категориях культуры и тем самым чувствовать принадлежность к

ее традициям, истории; это означает признавать иерархию явлений культуры и по мере сил связывать с ней свою жизненную активность.

Если культура жизнеспособна и достаточно открыта, она нуждается во всё новых пространствах не-культуры — для того, чтобы освоить их, окультурировать. Эти процессы всегда конфликтны. Один из источников динамики — постоянно возникающие конфликты внутри культуры, в первую очередь — между провозглашаемыми идеалами и реальным поведением ее носителей. С одной стороны, это уже воздействие не-культуры, иными словами — всех тех жизненных стихий, которые не подчиняются культуре; с другой же стороны, это противоречивость самих моделей культуры.

Ситуация 1. Творцы. Во множестве текстов, пользующихся понятием «культура», оно означает поверх-историческую инстанцию, суммирующую достижения людей и выносящую окончательный качественный приговор всему, что делается здесь и сейчас во имя культуры. Однако хорошо известно, что люди производят и немало хлама, отсюда необходимость отбора и проблема его критериев. Вместе с тем поскольку культура признается безличной оценивающей системой, современным произведениям ничего не остается, как ждать ее благожелательной оценки.

Творцы однако не очень склонны соглашаться с такой пассивной ролью. Авторы прилагают немало усилий, чтобы преодолеть фатальность вечной культуры и ускорить, повлиять на ее выбор. Некоторые творцы и ценители без тени сомнения говорят от ее имени. В этом им помогает так называемая «культурная компетенция», удостоверяемая различными социальными регалиями. В таких текстах само слово «культура» становится своеобразным заклинанием, а его использование — ритуалом.

Разумеется, всегда были и творцы, сомневавшиеся в своем праве на вхождение в «именной список героев культуры», у них нехватало ни магии величия, ни цинизма, ни жестов культурного шаманизма, чтобы испытать ощущение аутентичного признания.

Ситуация 2. «Потребители». Считается, что рядовые граждане тоже творчески участвуют в культурном процессе. Однако такая абстрактная демократическая щедрость не соответствует действительности.

Культура, понимаемая как творчество — это прежде всего занятие интеллигентов, да и то не всех. Одним из основных структурных принципов механизма культуры является социокультурная дистанция между интеллигентами как ее создателями- и остальными жителями, составляющими анонимную аудиторию потребителей культуры .

Неслучайно мы сталкиваемся тут с проблемой нравственности. Речь идет уже не только о творчестве как культурном поведении, но и о жизненном поведении вообще и его мотивации. А дело в том, что для европейской культуры присущ определенный идеал человеческой жизни, «пропагандируемый» в произведениях классиков и их последователей. Нет нужды перечислять здесь его черты. Гораздо чаще внимание наблюдателей обращается к отрицательным характеристикам поведения, распространенного в обществе (таким, как алкоголизм, наркомания, разочарование, самоубийства, агрессивность и т. д. и т. п.). Позитивные противоположности этих свойств и образуют нравственный идеал европейской культуры или, иными словами, свод социально поощряемых норм человеческого поведения. Их по традиции формулирует интеллигенция, а также записывает как историю национальной культуры. Ясно при этом, что интеллигенты претендуют на то, чтобы эти нормы были признаны общечеловеческими и служили всеобщим критерием качества жизни и поведения. Часто интеллигент — в его собственных глазах — выступает как универсальный человек. Конечно, экстраполировать на всё население такие ценностные претензии не удастся. Рядом с интеллигентами живёт немало людей, поведение которых нельзя объяснить моделью идеальной культуры; придется воспользоваться другой моделью мира, в которой нравственное нормирование поведения «редуцировано», ослаблено, его можно определить отрицательными — с точки зрения идеала — характеристиками: мотивация поведения считается нормальной, естественной, здравосмысловой, когда она основывается на своекорыстности, выгоде, эгоизме и т. п. — разумеется, действие таких правил ограничено определенными рамками.

Тем самым интеллигенция должна решать сложную проблему отношений с другими сословиями, при этом восприятие интеллигентом человека другого сословия не достигает такого уровня индивидуализации, какой свойственен внутриинтеллигентским отношениям.

Таким образом, в описываемом контексте задача носителей культуры — так говорить с гражданином, чтобы идеальная модель мира стала глубинным основанием всего его поведения. Интеллигенция общается с людьми посредством всех традиционных и современных способов — литературными, музыкальными, живописными произведениями, устными проповедями, наконец, с помощью образцов поведения. Тем не менее состояние нравственности в обществе свидетельствует о том, что довольно часто этот диалог рвется и культурный призыв не находит отклика. Между

культуртрегерами и анонимной массовой аудиторией всегда была и остается исторически конкретная пропасть некомуникабельности.

Ситуация 3. Отношения внутри интеллигентского сословия.

Многие наблюдатели отмечают нравственную непоследовательность внутри самого интеллигентского сословия, в частности, фиксируют такие черты у нынешних политиков (интеллигентов, избранных во власть), как своекорыстность (корыстолюбие), тягу к привилегиям, претензии на безошибочность, нехватку толерантности и т. п. В данном случае претензии нравственной культуры особенно обоснованы, поскольку речь идет об интеллигентах, которые просто обязаны быть социальными образцами. Однако, повидимому, и в этом случае действуют определенные жизненные стихии, принуждающие интеллигентов вести себя вопреки провозглашаемой модели мира.

С одной стороны, ясно, что упомянутые персонажи власти воспринимают себя вполне позитивно, о чем и сообщают в любой аудитории. Вообще, в нашей нравственной культуре применение благородных принципов к конкретному поступку, как правило, расплывчато. Это позволяет публичным интеллигентам без особых трудностей сохранять позитивный моральный имидж.

С другой стороны, как свидетельствует история культуры, сохраняется возможность с помощью определенной рефлексии открыть в себе подлинные наименования своего поступка, скорее всего — во внутреннем монологе, так сказать, «в свете совести», нежели публично. При этом вопрос об искренности и достоверности таких самооценок остается открытым. Во всяком случае, для таких откровений требуется большая автономия личности.

Тем временем властвующий интеллигент, попав в напряженные политические обстоятельства, «сливается» с групповыми безличными «телами» — партиями, группировками. Тем самым он теряет часть своей нравственной ответственности, а группа дает ему ритуализированную санкцию на удовлетворение своекорыстных интересов — во имя политической стратегии или тактики. Тем более, что коллективный «моральный облик» почти всегда бывает положительным, не податливым на какие-либо внешние морализации. Представитель коллективного «тела» — это упрощенная личность, обслуживаемая другими правилами культуры.

Резюмируя типичные отношения во 2 и 3 ситуациях, нетрудно заметить, что культурность часто носит показной характер: ценности, провозглашаемые в текстах, не соответствуют тем, которые реально

определяют поведение человека, а одновременно действует негласная договоренность — не замечать это несоответствие. Такое двойственное поведение демонстрируется как в массовой анонимной аудитории, так и в закрытой интеллигентской среде.

Герои культуры и мораль. Проблематика «оборотной стороны культуры» имеет давние европейские традиции. Тут как бы конфронтируют две тенденции. Первая — это стремление свести весь человеческий мир к одному принципу, т. е. всё разнообразие ситуаций и функций (творцы, герои творений, потребители — читатели, воспринимающие, их представления о себе) показать как положительные и отрицательные реализации идеальной модели мира. Такой взгляд на вещи ведет, например, к популярной процедуре — герой произведения отождествляется с автором. Все нравственные претензии к герою текста адресуются живому автору, и наоборот. Эта тенденция проявляется в различных ситуациях. Общеизвестна, например, такая обязующая норма: гений и злодейство несовместимы. Одни авторы стремятся соответствовать идеалу, не позволять этике своего творчества отличаться от личностной; в случае такого несоответствия они переживают, а иногда, если они оказываются не в состоянии его преодолеть, приговаривают себя к молчанию (неписанию и т. п.).

Совсем другая ситуация — когда упомянутое несоответствие считается естественным. Такой взгляд отвечает второй тенденции, допускающей, что миром управляет не идеальная норма, а статистически повторяющаяся. Те творцы, которые являются сторонниками многозначности мира, не только ведут себя в жизни не так, как герои их произведений, но тщательно скрывают от культурной аудитории свое частное неидеальное поведение. Кроме того, действует как бы молчаливый сговор таких авторов (и обслуживающего их сословия) — не распространять информацию об упоминавшихся отклонениях. Мало того, сама доступность для данного гражданина такой «засекреченной» информации означает, что он принадлежит к кругу избранных.

Отдельный вопрос: как складываются обстоятельства на другом полюсе — в анонимной аудитории культуры? Основания культурности закладываются в раннем детстве, а дальнейшие столкновения человека с текстами культуры или образцами поведения действуют как актуализация этих оснований. Этой цели служит целая система идентификаций. Например, читатель, зритель или слушатель (а также свидетель или участник культурных событий) отождествляются с положительными героями произведений, переносят на себя их черты. Кроме того, публика отождеств-

ляет персонажей произведений с их авторами или исполнителями (иногда даже обращается к ним с просьбами, адресованными персонажам). А целью всех этих традиционных идентификаций можно считать отождествление со всем человеческим миром, включающим весь антропоморфный, антропоцентрический космос, иначе говоря, с самой сущностью идеальной культурной модели. Во времена традиционной культуры наличие таких отождествлений свидетельствовало о степени культурности. Теперь каждое звено этой системы пребывает в стадии некоторого разложения.

С одной стороны, в современной аудитории культуры распространена стихия слухов и легенд о неморальной и даже оргиастической закулисной жизни творцов. При этом часть публики приветствует моральное падение живых героев культуры, поскольку это помогает самим снизить напряжение культурного нормирования. Однако всегда немало и таких, которые не доверяют слухам, стремятся избежать разочарования в интегральности и моральности человеческого мира. Тем не менее наиболее часто повторяется ситуация, когда публика включается в общую игру: в своем ежедневном поведении люди нормально нарушают моральные нормы, одновременно осуждая нравственное падение героев культуры (так же точно, как и последние осуждают первых). Современные отношения «восприниматель — произведение» не в состоянии воссоздать интегральность культурного космоса, по той, наверняка, причине, что основы культурности, заложенные в атмосфере детства, оказались неглубокими.

Отношения «культуртрегер» — «аудитория» банализируются. Чаще всего творцы воспринимаются как простые люди, освоившие свою профессиональную работу, и не более того. Крайне редко встречаются авторы, которые поднимаются до уровня «пророков»; их престиж тоже крайне неустойчив и колеблется в зависимости от обстоятельств публичной жизни. Так сословие творцов теряет завесу загадочности и «сакральности»; умеренное ожесточение взаимных моральных обвинений не поднимается выше обычного рутинного уровня. Всё остается на своих местах, жизнь продолжается.

Единственная ситуация, которую придется признать невозможной — если бы творец попытался преодолеть нравственный конфликт, добываясь того, чтобы неморальность его собственного поведения соответствовала бы неморальности персонажей его произведений, а в тексте эта последняя неморальность не осуждается. Такой трюк в контексте европейской культуры неосуществим именно потому, что в ней отношения творцов и воспринимаемых регулируются своеобразной «презумпцией положитель-

ности»: всё, что попадает в круговорот канонизированных текстов культуры, становится социокультурным образцом. А для того, чтобы текст стал канонизированным, достаточно, чтобы он застрял в памяти хотя бы двух поколений воспринимателей. В истории европейской культуры известны примеры, когда авторы (такие, например, как маркиз де Сад или некоторые сюрреалисты) пытались конфронтировать с канонами культуры, т. е. с упомянутой презумпцией, провозглашая неморальность как выражение художественного или этического модернизма. Им это удавалось только на время, пока тогдашние блюстители культурной чистоты ухитрялись изгонять таких авторов из культуры. Но вот прошли годы, и наши герои стали канонизированными — если не персонажи их текстов, то они сами — в качестве вклада в сокровищницу человеческих способностей. Основу европейской культуры в немалой степени составляет антропоцентристская мифология, составной частью которой является складирование авторских талантов.

Настоящая безнравственность должна избегать публичности. Премонстрированная в определенном культурном контексте, она тут же меняет знаки. Это правило соблюдается в культуре очень строго.

Идеал введения в культуру. Обсуждаемые нами модели культуры организуют и объясняют (осмысляют) только часть жизни общества. Остальными частями они не только не управляют, но и не могут непротиворечиво объяснить, почему происходят отклонения. В таких случаях произвольный ход событий, организация которых неизвестна, именуется «стихийей», а иногда и «не-культурой» (с негативной коннотацией). Соображения социальных наук на эту тему аксиологически ангажированы в ту же культуру. Только результаты естественных наук (тоже часть культуры) можно считать исключением, так как они в состоянии преодолеть антропоцентристские предпосылки.

Помимо этого, модели нашей культуры отчасти дают основания для нравственных отклонений. Для подтверждения этого постулата достаточно — в качестве исходной точки — предложить модель оптимального результата усвоения культуры, который отвечал бы ее идеалу.

Можно предположить, что глубинная интериоризация норм культуры должна сзызмальства формировать личность, морально независимую от обстоятельств: в любой жизненной ситуации — в частной или публичной, при наличии внешнего социального контроля или без него, человек должен быть психологически автономен, так чтобы его поведение имело только нормируемую культурой мотивацию. Тогда в крайних, стрессовых

ситуациях, под давлением группы или обыденной рутины, он сможет противостоять соблазнам корыстности, маразма, агрессивности.

Однако такой результат социализации — крайне редкое явление в реальности. Гораздо чаще раннее усвоение культурных норм формирует носителей культуры, далеких от описанного идеала.

Жажда сцены. Прежде всего массовый потребитель открывает в нормах культуры стимул для достаточно напряженной престижной борьбы. Культура предстает перед ним как иерархизированная система с неравноценными точками. Присущий ей культ талантов делит культурное пространство на 1) авансцену, освещенную прожекторами, на которой происходит именная персонализация участников, и 2) неосвященный зал, предназначенный для анонимной публики, часто воспринимаемой как деперсонализованная масса. Одновременно духовное содержание (красота и смысл творений и поступков) превращается в культ авторских свойств (способностей, талантов — до гениальности). Перед растущим человеком открывается манящая и вполне очевидная панорама жизни: всё, что в ней красиво, совершенно и привилегированно, скапливается на освещенной стороне. Немудрено, что немалая часть жителей, решившая предложить себя в число избранных, начинает обнаруживать в себе разнообразные таланты. (А.Адлер в своей психологии индивидуальности изучал воздействие этих стимулов как ориентацию молодежи на выделение себя из окружающих). Между прочим, теми же стимулами вдохновляются и очень пространственные в нашем ареале карьерные состязания.

Открытие в себе таланта, предложение его социокультурной инстанции, производящей селекцию, борьба с другими претендентами на престижные места — всё это составляет напряженный обряд вхождения нового человека в культуру и в итоге предопределяет его биографию. Вместе с тем, учась стихийным правилам деморализации социальных отношений, молодой человек начинает понимать, что для того, чтобы занять искомое место, вовсе не всегда требуется талант, иногда достаточно блага и наличия других закулисных способностей. В итоге формируются достаточно противоречивые результаты вхождения в культуру.

Кажется, что на освещенной сцене культуры, где поведение героев контролируется миллионами зрителей, нравственность творцов должна быть действительно образцовой. Так и случается, но нередко только на сцене — особой территории культуры, в то время как закулисное поведение может сильно отличаться от парадного; это раздвоение кстати тоже относится к привилегиям обсуждаемого сословия.

У входа в храм культуры. В анонимной аудитории культуры обнаруживаются и другие проблемы «окультуривания». Первая типичная ситуация заключается в том, что гражданин воспринимает и усваивает норму культуры буквально — как нечто необсуждаемое, а только исполняемое. Если такой адепт не в состоянии выполнить норму, он переживает «угрызения совести». Можно предположить, что это и есть воплощение оптимального варианта окультуривания. Но тут речь идет о нерелексивном исполнении нормы, лишенном сознательного выбора, достигающим уровня поклонения.

В то же время еще одна привилегия сословия творцов состоит в способности свободно обращаться с нормами, канонами и критериями творчества. Такое обращение с канонами воспринимается поклонниками как атрибут «демиургов» культуры.

Нагляднее всего описываемое поклонение анонимов проявляется, например, по отношению к сложным, малопонятным художественным произведениям. Тут действует своеобразный «эффект непонятности», которым иногда намеренно пользуются авангардные авторы (речь идет о случаях, когда содержание и форму текста трудно объяснить с точки зрения здравого смысла). Такие почитатели считают своим долгом участвовать в культурных мероприятиях, но драматично переживают свою отсталость, сталкиваясь с этой непонятностью некоторых произведений театра, живописи или поэзии. Для них эта непонятность только усиливает культ загадочных, необычных творцов. Пробившись так или иначе к пониманию текста (по крайней мере, так ему кажется), такой потребитель ощущает себя допущенным в храм культуры.

Большинство аудитории культуры добровольно соглашается с ролью анонимного участника-потребителя. В этом воплощена вторая сторона нашей многосторонней культуры: поощряется не только выделение себя из окружающих, но и в не меньшей степени — ценность скромности, посредственности. Каким окажется новый человек, на какую из приманок он откликнется — является результатом всего воспитательного процесса (родителей, так наз. детских учреждений, общественной атмосферы).

Институты социальной селекции контролируют вход в узкие двери призовой культуры, поддерживая баланс между немногими именными местами и многочисленной аудиторией. Дарования — как вступительный ценз — институционализируются, подозрения неофита по поводу наличия у него талантов получают социокультурную санкцию. При этом иногда действует внутренний психологический контроль («стыд»); ведь известно, что

рядовой человек даже в ближнем круге (уж не говоря о чужих) нередко стесняется запеть, прочитать что-то своё или классическое, станцевать соло, короче, исполнить нечто такое, что должно иметь признаки таланта и подтверждение социокультурной санкцией. В таких случаях микрогруппа часто принимает на себя ответственность за несанкционированную дерзость своего члена, признав его талантливым, но она же может и высмеять его претензии. Перед нами культурная модель подавления человеческих потребностей; снятию этого давления, как известно, служит алкоголь (физиология и культура танцуют в паре).

Остается добавить, что современные двери социокультурной селекции открыты шире, достаточно сравнить вступительный ценз в камерный оркестр — и в рок-группу. В результате всех процедур включения в культуру нередко формируются личности с «комплексом» культурной неполноценности — или с комплексом агрессивного невежества.

Культурность и социальный контроль. Очень часто встречающаяся ситуация — когда нравственность или культурность поведения зависит от наличия социального контроля; гражданин по-разному ведет себя среди своих и среди чужих.

В публичных местах рядовой носитель культуры исполняет формальные, этикетные нормы. При этом многое зависит от того, является ли человек членом конкретной группы — или толпы. Так, толпа может нормализовать, санкционировать на определенное время любое отклонение от морали.

В приватной среде человек может поступать культурно не формально, а подлинно. Однако соблюдение норм культуры зависит от социально-психологической дистанции между близкими людьми. В микросреде определенная дистанция поддерживает автономность личности, уровень независимости, обеспечивающий достоинство. Это возможно скорее между друзьями, чем среди родственников, в семье. В ситуации, когда отношения слишком сближаются, или когда гипертрофируется взаимозависимость (как материальная, так и психологическая), с гражданина сползает поверхностная культурность (за исключением тех случаев, когда культурность выгодна).

Таким образом, если результатом процесса вступления в культуру оказывается неавтономная личность, для поддержания ее моральности необходим определенный уровень **СОЦИАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ**. Оказавшись в изоляции или в слишком близкой среде, гражданин теряет чувство подконтрольности и из его «шкуры» может вылезть зверь (в негативном смысле).

Иногда человек может утратить чувство подконтрольности и в других, более редких случаях — например, когда он попадает в среду неевропейской культуры, или он оказывается среди незрелых представителей человечества.

Сублимация отклонений. Следующая достаточно распространенная ситуация связана с реабилитирующей функцией культуры. С одной стороны, модели культуры внушают человеку нормы правильного, поощряемого поведения. Усвоив их, он обнаруживает в себе немало мелких и крупных отклонений, которые тщательно скрываются, переживаются, формируют т. н. комплексы.

С другой стороны, в признанных текстах культуры, особенно в классике, человек находит много своих отклонений, которые в контексте культуры почти произвольно «сублимируются». В этом и состоит ее кодифицирующая, или реабилитирующая, функция. Тем самым «простой» человек освобождается от социального страха «быть не как все».

Вместе с тем наша культура предлагает своему адепту не только позитивную модель биографии; она «облагораживает» определенный образ, стиль жизни. Деталь быта (даже самая ужасная или скучнейшая), попав в культурный контекст, теряет анонимность, будничность и как бы «театрализуется». Этот эффект для некоторых воспринимателей обесценивает их ежедневный быт, конкретные частные отношения, не прошедшие театрализации. Особенно чувствительна к этому эффекту молодежь. В текстах массовой культуры создается такой блистающий мир, что юному реципиенту становится трудно возвращаться из него в свою серую будничность. Из подобных культурных текстов люди черпают позы, манеры, моды, однако такое поверхностное подражание современной культурности не создает глубокой культурной мотивации, благодаря которой они смогли бы противостоять давлению обыденности.

Ориентация на успех. Описанный выше идеал культурного человека сталкивается еще с одним противоречием: автономии личности противостоит гипертрофированная идеология (или — мифология) **нужности**.

Воспитанник противоречивых моделей культуры и исторических обстоятельств их реализации отличается своеобразной рефлексией — поиском смысла (или оправдания) своей жизни. Самым популярным социокультурным ответом на эти поиски является **УСПЕХ**, т. е. такая биографическая ориентация, когда, во-первых, жизнедеятельность оценивается не как процесс или духовное состояние, а как результат усилий — написанное произведение, достигнутое место в социальной иерархии и т. п.,

во-вторых, хотя интеллигент, как правило, сам предварительно «рассчитывает» на определенное качество результатов своих усилий, но решающую роль в определении того, повезло ему или нет, играют другие люди, т. е. признание других людей. Человек настолько втягивается в эти состязания, что и не подозревает о существовании других мировоззренческих альтернатив. Он стремится к признанию и близких, и экспертов (специалистов), и анонимной публики, и наконец — абстрактных, символических инстанций (народа, нации, вечности, бога).

Почти все атрибуты человеческой биографии и быта (тексты, внешность, поведение) в обсуждаемом состязании должны получить окончательное признание, тем самым будет фиксироваться «спрос» в одной или нескольких сферах оценки.

Таким образом, упрощенная формула рефлексии такова: «икс может считать, что его жизнь имеет смысл, если у него есть подтверждения того, что он **нужен** игракам». Ясно, что в этой мифологии Нужности (тут речь идет не о естественной нужности, как, например, мать нужна ребенку) очень много неопределенности, отклонений и потому болезненных переживаний. Наряду с серьезными, заслуженными достижениями, немало побед, достигнутых благодаря вполне циничному владению правилами конкурентной борьбы. Отсюда вечная проблема моральной цены успеха.

С описываемой ориентацией связано множество культурных ценностей (самовыражения, вклада в культуру, уровня таланта и т. д.), но в данном случае мы подчеркиваем лишь один аспект: зачастую повышенная ангажированность человека в идеологию нужности (даже — преувеличенная гражданственность) нарушает его самостояние (автономию). Опять-таки он получает «индულгенцию» на моральные отклонения во имя целей коллектива.

Даже восприятие социального времени в этой культуре подчинено состязательности: психика участника ориентирована на будущее. Настоящее время тут лишено самостоятельной ценности, оно важно только с точки зрения вклада в будущий результат. Активные участники культурного процесса все время спешат, им хронически нехватает времени. Целые промежутки времени — между одним результатом и другим — пробегают незамеченными. Поэтому нередко поживший человек, выпав из гонки, ощущает вдруг конечный приговор — «жизнь не удалась». Ожидание событий обесценивает содержательность будней.

Завязнув в подобной ориентации, человек становится более податливым для групповых манипуляций. Аудитория культуры частично распада-

ется на своеобразные структурные единицы: деятель и среда его признания, хотя преданность ее неустойчива и часто мнимая.

Под воздействием описываемых моделей, интеллигент теряет мотивацию частной жизни. Он стремится к тому, чтобы его биография получила публичное, поверх-личностное измерение. Иначе говоря, формируется призывной тип личности и преувеличенно публичный образ жизни (с двумя вариантами итогов — успешным и неудавшимся).

Адресаты Нужности. Ориентации на признание свойственны и своеобразные черты коллективности. Когда заходит речь об источниках признания, уместно различать **АБСТРАКТНЫЕ** (символические, гипостатические) инстанции, такие как «народ», «нация» и т. п. и **КОНКРЕТНЫЕ**, т. е. нынешнюю популяцию, именуемую «жителями», «горожанами», «крестьянами», «рабочими» и т. п. В апелляциях интеллигентов встречаются оба адресата. Разница между ними состоит в том, что абстрактные реципиенты существуют в интеллигентских текстах и по этой причине они ведут себя так, как это нужно коммуникатору (потому и можно смело говорить от их имени). Конкретная же публика реагирует стихийно и часто неожиданно.

Почти вся коллективная нужность аргументируется тем, что дарования интеллигентов и результаты их усилий нужны Им, т. е. обоим адресатам: абстрактной аудитории (которая, разумеется, не возражает) и конкретной неинтеллигентской массе. Согласие этой последней признать нужность культурных достижений выражается достаточно неопределенно: с одной стороны, в ходе митингов, референдумов, выборов, опросов; с другой, массовым поведением (таким, как очереди в культурных центрах, посещение мероприятий и др.). Так или иначе, поскольку в этом деле обратная связь часто нарушена, интеллигентам самим приходится интерпретировать это массовое поведение в нужном направлении, а это крайне сложные и противоречивые процедуры.

Так или иначе, конкретная не-интеллигентская масса занимает достойное место в обсуждаемом мировосприятии. Именно она именуется **СОЦИУМОМ**, именно ее авторы стремятся познать, окультурить, убедить, завлечь.

Внимание культуры. Согласно моделям традиционной европейской культуры каждый гражданин располагал возможностью интегрироваться в неотчужденный мир — с помощью абстрактной идентификации. Человеку предоставлялась возможность ощутить, что он «не беспризорный», что он окружен вниманием культуры, которого вполне достаточно, чтобы в любой точке пространства и времени он вел бы себя (переживал, мылил и т. п.) культурно.

Теперь этот тотальный механизм не действует, за исключением религии, являющейся образцом абстрактного отождествления. Современный человек может ощутить, что культура (тексты, творцы, власти и т. д.) не предусматривает его существования — во всей его конкретности. Если, скажем, система массового обслуживания (питание, жилье, поликлиника и т. п.) автоматически учитывает наличие в мире каждого жителя — как физической персоны, то культура, специализирующаяся в духовной сфере, является для современного жителя системой слишком абстрактной, не индивидуализирующей своих адресатов. Например, в системе религии имеется такая индивидуализирующая программа, как исповедь. В итоге, оказавшись без непосредственного «духовного присмотра», имея помимо этого негативный опыт насилия, человек с трудом может найти в себе свободную культурную мотивацию для повседневного поведения.

Понятно, что и теперь призыв культуры открыт и доступен каждому, и не только в смысле призового участия, но и — духовной автономии. И судя по всему, не так уж трудно откликнуться на упомянутое воззвание. Однако, кажется, не так уж много частных лиц предпринимают эти усилия.

Истории по жизни как опыт персонологической систематизации

Социум строится как осмысленное бытие, как порождение, хранение, воспроизводство и трансляция определенных способов жизнеустройства, каковыми является культура. Однако любая культура как способ бытия порождается, сохраняется, воспроизводится только и исключительно в носителях этой культуры. Личность — источник, средство и результат не только смыслообразования. Прав Г.Померанец — бытие, как таковое, коренится в сердце души человеческой.

Определить бытие может только его участник, который непосредственно переживает бытие, осваивая его как собственную судьбу и как собственное время. Согласно М.Хайдеггеру, существование человека — Dasein и есть его личностное время, определения которого представлены в переживаниях человеком своей судьбы.¹ Эти переживания достаточно типологичны и давно известны в философии как экзистенциалии: забота, решимость, страх, скука и т. д.

Как этот сам себя определяющий человек соотносится с многообразными обстоятельствами мира, своей социальной жизни? Будучи «заброшен в мир» (Ж.-П.Сартр), человек изначально дан вместе с ним: «человек есть человек и его обстоятельства (Х. Ортега-и-Гассет). Dasein принципиально, изначально — открыто миру. Поэтому, даже если признать экзистенциалистскую идею о том, что человек в своем существовании одинок, то это одиночество во множественности тех обстоятельств, в которых и с которыми этот человек живет.

Тогда — как зафиксировать и выразить этот комплекс переживаний и обстоятельств? Как выявить — явить себе и миру — это, как говорил А.Платонов — «вещество существования»?

Особую роль в этом процессе играет письмо. С открытием письменности фиксация бытия, аккумуляция осмысленного опыта получила

---

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 200–212.

исключительные возможности. Эти возможности получили удачное название «скриптизации бытия». При этом наибольший интерес представляют попытки первичной скриптизации, фиксация непосредственного персонологического опыта. Реализация такого опыта важна тем, что, помимо решения личностных задач самособирания и самоопределения автора, она расширяет возможное самовосприятие других. Найденные словесные выражения для еще возможно безымянных переживаний «... проводят новые борозды и производят членение потока и таким образом впервые показывают воспринимающим, что же именно те переживают».¹ Сказанное относится не только к миссии искусства. Задача и философского опыта тоже — «не воспроизводить данное... не изобретать нечто в субъективной игре воображения, а вторгаться во вселенную мира и души, делая тем самым возможным созерцание и переживание объективного и сущего».² Собственно, именно так индивидуальная рефлексия и способна породить объективированное надиндивидуальное знание, что и является задачей любого философского, тем более — персонологического исследования.

И это задача — научная. Потому, что, во-первых, наука — интеллектуально трезвое отношение к радикальной внеинтеллектуальности иного. А во-вторых, только наука пока еще способна удерживать разведение личностного и внеличностного горизонта трансценденции и, одновременно, обеспечивать рационально организованную межиндивидуальную трансляцию опыта.

В принципе, наверное, возможны две основные стратегии такой первичной скриптизации. Условно их можно назвать «центростремительными» и «центробежными» — в зависимости от общего вектора осмысления. Оба пути — способы самопознания, самоопределения. Однако направленность такого осмысления, с очевидностью, может быть различной. Центростремительная стратегия направлена как бы внутрь, на внутреннее собирание личностью самой себя. Примерами реализации такой стратегии являются дневник, исповедь. Центробежная стратегия направляет осмысление вовне — на распространение личного опыта, выявление в нем инвариантных характеристик. Примером реализации такой стратегии являются мемуары.

Задаваясь вопросами о природе души (что есть душа? отдельная субстанция или энергия, субстрат или функция организма?), **СЕМЕН МАРКО-**

---

¹ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997. С. 408.

² Там же. С. 409.

вич Дубнов полагал, что «эти вопросы могли бы быть если не разрешены, то отчасти уяснены при помощи того психического процесса, который проявляется в воспоминании... Абстрактную теорию, которая рассматривает душу как совокупность состояний сознания, можно было бы заменить конкретной теорией о душе как совокупности следов от восприятий или переживаний в течение всей жизни индивида. Душа не создана, а непрерывно образуется из материала впечатлений, накапливающегося в человеке от первых проблесков сознания до конца жизни. Философы представляли себе душу новорожденного как *tabula rasa* или гладкую доску, на которой потом отпечатлеваются переживания личности. Это механическое представление следует исправить в том смысле, что «гладкая доска» является чем-то вроде фотографической пластинки, чувствительной ко всякому предмету и дающей точный снимок его. Из совокупности таких снимков на протяжении жизни образуется полная картина индивидуальной души. Как из тканей, нервов, мускулов, крови образуется тело, так из впечатлений и переживаний слагается душа, духовная часть человеческого организма. И чем сознательнее воспринимаются впечатления, тем яснее тот духовный комплекс, который мы называем душой.

Память или воспоминание играет в душевном складе роль цемента, связывающего все переживания в одну цепь сознания. Утрата памяти или способности воспоминания разрушает эту цепь, вносит хаос в душевный склад. Человек, лишившийся памяти и забывший свое прошлое, теряет свою индивидуальность и является дефектным типом. До известной степени дефектны и те, которые не способны предаваться воспоминаниям и совершать периодически процесс перехода от дифференциации к интеграции души: у них нет цельного душевного склада, нет «духовной физиономии».¹

Действительно, сознание личности (душа) подобно как ленте Мебиуса, в которой внутреннее есть освоенное внешнее, которым нас грузит внешний культурный опыт. Одно уточнение — *tabula rasa* души дает не точный снимок внешнего опыта и предметов. Все зависит от состояния самой «пластины», ее материала. Есть установки, отношения, предпочтения, надежды, избегания, страхи, наконец — просто физиологические особенности рецепторов к восприятиям. Но важно главное: воспоминание есть процесс «интеграции души», восстановление совокупности пережи-

---

¹ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. с.559.

ваний, следы которых составляют, в сущности, содержание души. Такие частичные интеграции, мысленные обзоры пережитого особенно важны в моменты, когда под напором текущих впечатлений душа рассеивается, теряет равновесие.

По мнению С.М.Дубнова, «духовная индивидуальность может окрепнуть только в сосредоточенной работе мысли над притекающими извне впечатлениями. Древний завет: «Познай самого себя!» можно формулировать более ясно: «В беге жизни остановись на время, человек, оглянись на пройденный путь, сведи воедино свои прежние и теперешние переживания, интегрируй свою дифференцированную душу — тогда ты познаешь себя».¹

И это «великий праздник для души — обрести вновь кусок прежней жизни, реставрировать часть самого себя. Ибо душа есть совокупность пережитого, передуманного и пережитого. Воссоединение частей этой совокупности есть акт интеграции души».²

Можно также говорить о двух основных жанрах письменности в таких скриптитизациях. В случае концентрации на типическом, открывается комичный характер бытия. В случае концентрации на индивидуально-неповторимом — его трагизм. Потому как нет ничего трагичней индивидуальной неповторимости человеческого персонального бытия. Хотя бы в силу его одиночества и принципиальной недоступности во всей его полноте. Поэтому так трагичны исповеди, и так богаты комизмом воспоминания.

Таким образом, самопознание и одновременно — явленность его результатов миру, другим могут осуществляться в различных формах. Например, воспоминании о событиях, участником, свидетелем, а то и организатором которых была личность. Это может быть и жанр типа «мои люди» — рассказ о людях, сыгравших существенную, если не решающую роль в жизни автора: родителей, близких, друзьях, любимых, коллегах и т. д. Достаточно своеобразен и такой жанр скриптитизации бытия, который условно может быть назван «историями по жизни».

«Истории по жизни» — реальные жизненные истории, которые рассказываются в разных ситуациях, когда люди делятся житейским опытом. Их рассказывают при знакомстве и в застолье, при ухаживании и в назидание детям. Они обладают повышенной доверительностью, занимательны и необычны, в них фиксируется и транслируется уникально-личностный опыт.

---

¹ Там же. С. 558.

² Там же. С. 305.

«По жизни» — разговорное, почти сленговое выражение. Его применяют, когда ходят аргументировать к приземленному обыденному житейскому опыту. «То, что ты говоришь — это по науке, а по жизни получается наоборот». «Я тебе по жизни говорю...». Истории по жизни — это не просто реальные жизненные истории. Эти истории рассказываются в разных ситуациях, но у которых есть что-то глубоко интимно общее. Их рассказывают, например, в больничной палате, когда люди ранее незнакомые самой судьбой поставлены в положение, когда надо знакомиться, когда молчать просто невозможно. Их рассказывают для поддержания разговора, развития его темы. Их рассказывают в купе поезда, в застолье, в ухаживании, детям. Etc, etc, etc... Короче говоря, в «ситуациях общения», когда люди делятся, наверное, самым интересным и важным — житейским опытом. Ведь это самое интересное и важное — быт и нравы. Вот рассказы в духе Б.Житкова «Что бывало» и «Что бывает» и идут в ход.

Но это не просто байки, историей по жизни является не всякий рассказ и не всякая житейская история. Это не может быть пересказ прочитанного — «Вот я тут в газете прочитал...» или «В одной интересной книжке написано...», или «Как вчера по телевизору показывали...». Такие вещи тоже рассказываются и обязательно, но это не истории по жизни, в которых речь идет о лично пережитом, о том, что было лично с рассказчиком. В крайнем случае — с его близкими или друзьями, то есть людьми ему лично знакомыми.

Иначе говоря, это истории повышенной достоверности. В этом их особая значимость и ценность. Как в плане достоверности, так и в плане значимости для рассказчика, а значит — его доверительности по отношению к слушателям. Для осмысления форм скриптизации бытия истории по жизни представляют особый интерес тем, что в них соединяются центростремительность с центробежностью: они содержат в себе как элементы воспоминания, так и исповеди.

Кроме того, это истории не обычные, выламывающиеся из обыденного опыта, остранныяющие его. Поэтому такие истории всегда поучительны — в том смысле, что дают новое осмысление привычного, содержат некоторый урок, мораль. И при этом они должны быть занимательны и даже смешны — в них должна быть радость понимания «Вот как оказывается в самом-то деле». Они чем-то напоминают анекдоты — тоже важный компонент общения. Но анекдоты — типовой опыт, смех по их поводу важен для ощущения и переживания «мы» (вместе смеемся над одним и тем же — значит мы вместе). А истории по жизни — уникальный опыт. И, тем не

менее, они достигают уровня осмысления и обобщения, близкого к притче. Наверное, это и есть своеобразные притчи, легенды как часть личной культуры. Ведь в каждой культуре есть легенды, притчи, герои. Поэтому истории по жизни можно, в конечном счете, понимать как личное предание, как личную мифологию, воспроизводство некоей персонологической мифологии. Я никогда в жизни не вел дневников, поэтому данный опыт оказался буквально этнографическим исследованием субкультуры, состоящей из одного носителя. Именно как «сборник материалов по антропологии, психологии, социологии, как социолингвистический или фольклористский источник, наконец, просто «человеческий документ»» — и был квалифицирован жанр этой публикации библиографами. Получается своеобразное этнографическое исследование субкультуры, состоящей из одного носителя.¹

Если суммировать сказанное, то получается, что истории по жизни это рассказы:

- «реальные» — в них описываются реальные жизненные истории, ситуации, события;
- повышенной достоверности — участником и свидетелем описываемого являлся сам рассказчик или человек его близкого круга;
- «не обычные», т. е. содержащие эффект остранения привычного;
- поучительные, содержащие некую мораль для слушателя или читателя;
- занимательные, слегка *fanny* — в них должны выражаться положительная эмоция радости узнавания нового и чувство юмора;
- уникально-личностные — в них фиксируется и транслируется уникально-личностный опыт;
- персонологичные, выражающие личностное предание как часть личной культуры — отсюда и их притчевый жанр.

Истории по жизни — жанр обычно устный. Мною была предпринята, насколько я знаю, первая попытка их систематического описания.² На собственном биографическом материале — представить систематизацию тематики историй по жизни.

---

¹ См. Форма сообщения. // Книжное обозрение. 2007, № 33-34 (2147-2148). С. 12.

² Тульчинский Г. Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб: Алетей, 2007. — 400 с. Книга вышла в серии «Тела мысли». См. также Тульчинский Г.Л. Опыт систематической персонологии: «истории по жизни» как исповедальный жанр. // Исповедальные тексты культуры, СПб: СПб ГУ, 2007. С. 71–75.

Как систематизировать такие истории? «Заданной культурной традицией внемысленной позиции мысли, с которой она могла бы тематизировать саму себя как участницу взаимодействий с миром, теперь не существует. Человек должен индивидуально, на свой страх и риск, сконструировать данную позицию, и уж тогда можно принимать решение о том, как выстроить отношение с надындивидуальной ментальностью».¹ Это предполагает, как минимум два шага. Во-первых, зафиксировать некие типичные жизненные ситуации — «фреймы» бытия», тематизировать бытие в типичные темы личностного существования. Во-вторых, наполнить эти фреймы конкретными сюжетами конкретного личностного предания.

Как эту задачу решить? Что до меня, то я решил идти чисто описательным путем. Поскольку это мои истории по жизни, они и выстраивались как сюжеты моей жизни. В этом случае, однако, возникала опасность скатиться в жанр простых воспоминаний, в факты личной авторской биографии, которые сами по себе вряд ли будут кому-то интересны, кроме самого автора и его близких.

Поэтому реальная систематизация делалась в те же два этапа, но в обратном порядке. Для начала надо было просто зафиксировать сами истории. Поэтому на первом этапе истории по жизни были записаны в соответствии с хронологией основных этапов жизненного развития автора. Для меня такими кругами жизни, фреймами жизненного опыта стали: семья и детство; учеба в школе, техникуме и вечернем отделении философского факультета питерского университета; места работы; походы и клубы; две созданные мною семьи; строительство дома в деревне и летняя жизнь там. Мне пришлось много разъезжать и часто болеть, видеть «быт и нравы», страдания других людей — это тоже мой жизненный опыт.

На втором этапе — все записанные истории по жизни были рассказаны по выявившимся «большим сюжетам» — общечеловеческим житейским фреймам: роль родителей; человеческие странности и слабости; отношения полов; превратности человеческих судеб (в духе «судьба играет человеком, а человек играет на трубе»); дети; работа и начальники; власть и власти; деньги; необычные истории с животными; болезни, исцеления, смерти и врачи; приключения (неожиданные ситуации и нестандартные решения); казусы при межкультурном общении; языковые курьезы. Но

---

¹ Румянцев О. Конец трагического бытия. // Катарсис: метаморфозы трагического сознания. СПб, 2007. С. 134.

большинство историй не укладывались в какую-то одну только рубрику, а затрагивали ряд жизненных фреймов. Тогда я решил оставить «хронологический» порядок первичного материала — собственно текстов историй, вынеся полученную фреймовую структуру в нечто вроде индекса — предметного указателя, как, собственно, главный результат систематизации.

Поскольку эти истории — не воспоминания, я сознательно уходил от политической истории. Тут-то, как раз вспомнить есть что. Но это был бы уже другой жанр. Здесь же речь идет, фактически, об универсалиях, о ситуациях и проблемах, с которыми сталкивается любая личность. Исторический и бытовой фон узнаваемы: это факты конкретной — моей биографии, от них никуда не деться. Но не они главное, и я, как мог, отводил их на задний план, выводя на первый личностные особенности, отношения, жизненные фреймы.

Такой опыт обращения к прошлому, памяти ведет к тому, как писал тот же С. М. Дубнов, что «...слетаются к вам тогда со всех концов вашей жизни бывшие радости и печали, ясные зори и грустные закаты, и не сливается ли все это в одно гармоническое целое, в какое-то психическое единство, в котором вы находите себя, весь свой внутренний мир, свой микрокосм? Не видите ли вы теперь в сочетании былого с настоящим нечто новое, цельное, закономерное и какое состояние души рождается от этого соединения всех нитей жизни в один узел вашего я?

Я называю это состояние интеграцией души, восстановлением ее цельности. Память есть хранилище следов от впечатлений личности на всем протяжении ее бытия, а воспоминание есть акт, извлекающий эти следы из их хранилища и объединяющий настоящее с прошлым в одно душевное целое, образующее данную индивидуальность. В обычном состоянии душа дифференцирована, занята мыслями и заботами данного дня; нижние пласты бывших впечатлений закрыты верхним пластом текущих восприятий. Когда же силою воспоминания приводятся в движение и нижние, глубокие пласты памяти и пережитое воссоединяется с переживаемым, тогда душа интегрируется, становится цельною и устойчивою. Это и есть «душевное равновесие»».¹

Но тогда истории по жизни — средство, способ активизации этой интеграции. Это именно интеграция души, субъективного мира, а не описание реального прошлого, потому что сплав пережитого и переживаемого искажает прошлое. Хотя по ряду отзывов и откликов «Истории по жизни»

---

¹ Дубнов С.М. Там же. С. 556–557.

оказались также и документом пережитой мной и завершенной на глазах эпохи жизни «советской интеллигенции».

Интересная деталь. По мере записи историй по жизни, обнаружилось примечательное обстоятельство — их количество убывает по мере прохождения сюжетов жизненного пути. Наверное, это подтверждает сказанное об историях по жизни как о фактах-событиях личного жизненного опыта. Разумеется, они в молодости ярче, потому как — «на новенького». С возрастом опыт насыщается. Его уже трудно удивить.

Своеобразии данного жанра скриптизации бытия порождает еще одно непростое, но важнейшее обстоятельство. Фактически исповедальный характер такой систематизации серьезно затрудняет публикацию такого материала. Одно дело истории по жизни в устном исполнении, и совсем другое дело — публикация, когда они превращаются в своеобразный документ, свидетельство. В историях упоминаются реальные люди, узнаваемые. Истории могут оказаться обидными. В чем-то несправедливыми. Поэтому, задумав публикацию, в какой-то момент я уже подумывал снимать некоторые истории, убирать имена, а то и вообще отказаться от публикации. Но потом все-таки решился.

«Другие» («Другой») — очевидный факт человеческого существования. Так же как сознание — суть интериоризированный, освоенный человеком социальный опыт, а культура — механизм порождения, сохранения и трансляции социального опыта, так и самосознание возникает именно как раскрытия себя во взаимосвязи с другими. В конце концов, это ведь всего лишь только личный опыт автора, его личные мнения и оценки. Эти истории, в конечном счете, не об их персонажах, а о самом авторе! Это не они такие, а такими их увидел автор, который может «соврать как очевидец». Однако Другой по отношению к Я — непосредственно иной по существованию. «Чужая душа — потемки» и «Своих мозгов в чужую голову не вставить» — гласят известные пословицы. Поэтому связь Я и Другого невозможна как непосредственная. Их отношение может быть только опосредованным и опосредованным — культурой, а еще точнее — все тем же языком.

И тогда получается, что если для автора таких текстов ситуации и их участники открываются преимущественно в их комическом плане, то все несколько иначе выглядит для персонажей таких историй. Действительно, собственно скриптизация историй, «запись того, что было» фиксирует комическое содержание бытия, некую «комедию нравов». Знакомясь с такими текстами, фигурирующие в них люди — действительно названные или

даже увидевшие себя в какой-то ситуации, воспринимают себя исключительно использованными средствами. И комедия нравов оборачивается личностной трагедией. Истории привязаны не к конкретным людям, а к ситуациям, в которых они, конечно же раскрылись не полностью, а «вот так». Да еще в чужом восприятии. Но они-то знают о себе правду. И тогда написанное — ложь, клевета, пасквиль. Надо тащить автора в суд, звать городского... Реакция разных людей на публикацию историй по жизни — тема, наверное, заслуживающая отдельного осмысления.

В результате доверительная обращенность к бытию, попытка выстроить отношения с другими с помощью этого средства «скриптизации бытия» встречает зачастую не только непонимание, но и агрессию. Тем не менее, важно главное — реализация проекта «Истории по жизни» показала, что это действенное средство персонологической обращенности к миру. Книга оказалась «работающим» проектом, который меняет отношения и людей, включая самого автора, для которого открылись некоторые особенности его личности, в том числе и которыми не стоит гордиться. Возникает какая-то новая реальность с более глубоким уровнем отношений и понимания.

И еще... На книжных салонах последнего времени много говорится о буме биографической литературы. Но уже разворачивается повышенный интерес к литературе автобиографической. Эта тенденция с очевидностью видна в глянцево-журналах, да и масслитовских изданиях последних лет. Массовый читатель проявляет все нарастающий интерес к реальным переживаниям и доверительно презентуемому личностному опыту.

И ситуация, сложившаяся с «Историями по жизни» служит ярким подтверждением этой тенденции. Книга, содержащая фиксацию сугубо личностного опыта, некое личностное предание, выпущенная в научной серии малым тиражом, вызвало острейший отклик и повышенный спрос, вынудивший издателя прибегать к допечаткам. Почему? Думается, что дело не только и не столько в скандале, инициированном некоторым «обиженным» персонажем «историй», сколько в самом жанре, стилистике текста, представляющем собой некое персонологическое фэнтези, рубрикованное по типичным ситуациям (фреймам) обыденного жизненного опыта. Причем сам нарратив выполнен в стилистике обыденного дискурса.

В этом плане можно говорить о действии двойной тенденции: жанрово-стилистической интеграции массовой литературы при одновременной дифференциации в рамках этого единого жанра, доходящей до персонологического доверительно-интимного опыта. Речь идет о проявлении более

общей тенденции формирования интегрального глобального культурно-информационного пространства в сочетании с его дифференциацией. И в условиях массового общества такая сегментация и дифференциация могут только нарастать и углубляться. Потому как только уникальное глобально. А что может быть уникальней и неповторимей человеческой личности?!

Нужен ли такой опыт? Хочется надеяться, что нужен. «Кто мы? Закрытые самодостаточные монады? Или все же есть надежда на открытость и искренность, без которой невозможны ни общение, ни общность».¹

---

¹ Люсьей А. Философ прямой речи. Истории повышенной персональной доверительности. // Ex libris

Дневники: «протоколы жизни»¹ или источники социальных чувств

Центр интересов социологии в последнее время резко меняется. Множество тем, которые казались «ненаучными» в прошлом столетии, теперь привлекают серьезных ученых. В социологии все чаще появляются труды о любви, интимной жизни человека, дружбе, одиночестве, здоровье. Центральной темой современной социологии стало изучение «жизненного мира». Данное направление на Западе развивают П.Бурдьё, П.Штомпка, А.Александр, а в России — А.Алексеев, В.Голофаст, Б.Докторов, Н. Козлова, и др.

Названные ученые все определеннее говорят о рождении новой или «третьей социологии», социологии социальной экзистенции (социального существования). Так, по мнению П.Штомпки, первой социологией была наука, изучающая социальные целостности (организмы, системы), второй социологией — наука, изучающая социальные «атомы» (действия, смыслы и тексты). Переход к новой, «третьей» социологии был более всего связан со сменой характеристик социальной жизни, которые уже нельзя описать с помощью прежних подходов. Требуется научное изучение мотиваций, суждений, которые стоят за социальными действиями социальных акторов, путей, которыми создаются и конструируются социальные структуры, а также незаметных, невидимых смыслов, правил, ценностей, норм, представлений и привычек, регулирующих поведение людей [1].

Одновременно произошел сдвиг и в методах социологии. Социология пользуется сегодня в большинстве мягкими, качественными методами, такими как наблюдение, кейс-стади (изучение случаев), глубинное интервью, интерпретация человеческих документов (писем, дневников, жизненных историй, фотографий) и др.

Важную роль в развитии новой социологии выполняет постмодернизм. Авторы, работающие в рамках данного направления, утверждают, что прежняя социология пренебрегала такими чертами нашего общества как

---

¹ «Протоколами жизни» назвал дневники исследователь А. Алексеев.

фрагментация, случайность, хаос, стечение обстоятельств, спонтанные проявления, эмоциональные и рефлексивные характеристики и др.

Новые научные парадигмы не обесценивают старые, а, наоборот, добавляются к ним, развивая и обогащая социологическое видение.

Также, как справедливо отмечал В. Голофаст, поскольку социология сегодня вынуждена активно развивать связи с другими науками и практическими видами социокультурной деятельности, ей нужно значительно расширять свою источниковедческую базу, а в частности, обращаться к личным текстам [См.: 2].

В рамках новых социологических подходов особое внимание исследователей привлекают дневники.

Дневник, безусловно, выступает одной из разновидностей личного текста (по В. Голофасту). Это совокупность фрагментарных записей, которые делаются для себя, ведутся регулярно и чаще всего сопровождаются указанием даты.

Формы дневника очень разнообразны. Можно различать деловые и личные дневники, дневники путевые и бытовые. Особую ценность имеют дневники выдающихся людей или близких к ним лиц, документы переломных периодов истории. Не менее важными, содержательными и интересными могут быть повседневные подробности жизни обычного человека. Новые перспективы в практике ведения дневников открывает сегодня Интернет. Интернет-дневники заняли особую нишу в жанре журналистики, литературы и масс-медиа.

От собственно дневников нужно отличать литературные произведения или другие публикации, использующие дневниковую форму или стилизующие её.

Ряд зарубежных и отечественных писателей разного времени клали в основу своих произведений дневники, например: М. Твен «Дневник Адама», Д. Свифт «Дневник для Стелы», Д. Дефо «Дневник чумного года», Ж.-П. Сартр «Дневники странной войны», Ф. Кафка «Дневники», Ю. Крашевский «Дневник Серафины», А. Франк «Дневник Анны Франк», В. Верстаков «Афганский дневник» Ф. Достоевский «Дневник писателя», Н. Рерих «Листы дневника», З. Гиппиус «Петербургские дневники», Д. Гранин «Чужой дневник», В. Огнев «Югославские дневники», М. Кольцов «Испанские дневники», Э. Лимонов «Дневники неудачника». С. Ермакова «Дневник счастливой женщины» и многие другие.

Существуют также и поддельные дневники, т. е. приписываемые известным историческим личностям, Таковы, например, мнимые «Дневники

Гитлера». Есть дневники, носящие явно вымышленный характер (например, П. Дж. Смит «Дневники вампира»).

С жанром дневника перекликаются и пересекаются и другие сходные жанры. Таковы различного рода записные книжки, мемуары, воспоминания, труды, носящие исповедальный и покаянный характер, фиксации услышанного (рассказов, побасенок, анекдотов, случаев из жизни), «домашнее письмо» (записки на память), записи или пересказ снов, наблюдения природы, предсмертные или «посмертные» записки, путевые заметки, разговоры с самим собой и др.

Особый род дневников — социологические дневники, используемые в полевых исследованиях и фиксирующие наблюдения ученых. О методах создания таких дневников писал, например, В. Глазычев при изучении глубинной России наших дней. Он учил заполнять левые страницы дневников отдельно от правых, на левых страницах писать то, что кажется фактом, а на правых, то, что исследователь по этому поводу думает. Так, при изучении российской глубинки слева были помещены тысячи фотографий и констатаций: украдены ли буквы с памятников на кладбищах, валяются ли шприцы на остановках транспорта, сколько стоит в городе вход на дискотеку, как именуются новорусские выселки... Справа же записывались впечатления и тысячи продолжительных интервью [См.: 3].

Дневники как особый жанр прошли большую эволюцию. Они появились и приобрели важное значение в эпоху романтизма, а затем сентиментализма, когда личным переживаниям придавалось особое значение. Определенное воздействие на практику ведения дневника оказал протестантизм, заставляя своих последователей в дневниках производить точный учет сделанного, продуманного и прочувствованного за день. Подавляющая часть известных дневников относится к XIX–XX вв. и приходится на Европу. В XIX в. дневники широко распространились в России. Как особый жанр, дневник существовал и на Востоке (например, в Японии).

Большой интерес к дневникам испытывает современная эпоха или эпоха постмодернизма, которая провозгласила «возврат к нарративности». Постмодернизм, заявивший о «смерти авторов», особое значение придает «голосам контекстов» — дневникам, словарям, примечаниям, комментариям. Постмодернизм породил ряд модификаций дневниковой формы, которые в соответствии с его законами, начали воплощать темы жизненной энергии, энтропии, вампиризма, экзистенциального лабиринта, хаоса, приверженности альтернативным стилям жизни и пр.

Однако во все исторические эпохи дневники как письменный жанр сопровождали и продолжают сопровождать становление индивидуальности в культуре, формирование человеческого «я».

Причины создания дневниковых записей могут быть самыми разными: одиночество, некая невысказанность внутри (исповедальный ресурс дневника) [См.: 4], желание документировать или «протоколировать» события своей жизни, скрытая вера в то, что дневниковые записи потребуются кому-то на позднем временном этапе и прожитая жизнь приобретет смысл. Дневник — это и форма самопознания и самосознания человека.

Во всех случаях дневники предполагают общение или диалог с *самим собой*. Ведущий дневниковые записи адресует их, прежде всего, самому себе, что предполагает особую эмоциональную окраску, непринужденность дневника, связанную с независимостью пишущего от чужого мнения и социальных норм, которые, тем не менее, все равно проникают в его тексты.

Структура дневника может быть очень разной. Дневник может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий или отражающим движение чувств пишущего, ход его мыслей. Он может быть насыщен фактами, а может в основном содержать переживания и размышления автора дневника.

В чем же состоит важность обращения к дневникам для современной науки?

Среди ученых, отстаивающих важность изучения дневников как источника знания (М.Михеев, К.Пигров, И.Савкина, М.Уваров и др.) есть и социологи (А.Алексеев, Б.Дубин, Н.Козлова).

Преимущество использования дневников в социологии состоит в том, что они содержат эмоционально окрашенную, из первых рук полученную информацию о тех событиях, в которых участвовал человек. Дневники отражают события прошлого, и те, в которых индивид непосредственно участвовал, и те, которые он мог наблюдать как «свидетель эпохи». В силу этого дневник может стать (независимо от намерений автора) **ИСТОРИЧЕСКИМ ПОСЛАНИЕМ ИЛИ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ**.

Изучение внутреннего мира человека, всех сохранившихся следов жизнедеятельности человека может рассматриваться как средство познания того исторического социума, в котором он жил и творил, радовался и страдал, мыслил и действовал. При этом индивид выступает и как член семейно-родственной группы, и как представитель социальных институтов.

Дневники содержат правдивую информацию о **СУБЪЕКТИВНОМ МИРЕ** личности. В них аккумулирован жизненный опыт человека, отражены его чувства и эмоции, реакции на события, произошедшие непосредственно с ним или услышанные от других лиц, впечатления от встреч и разговоров с другими людьми, надежды на будущее.

Н.Козлова подчеркивала, что, по сравнению с письмами и воспоминаниями, дневниковые записи представляют собой наиболее непосредственную форму **САМОВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ**. Поверяя бумаге свои наблюдения, чувства, мысли, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя. Он как бы смотрится в зеркало, которое может отражать разное, в зависимости от того, видит ли автор, прежде всего, «эпоху в себе» или «себя в эпохе», обращает ли внимание, в первую очередь, на внешние обстоятельства или на свою внутреннюю самость, на семейные и матримониальные события или на интеллектуальное развитие [См.: 5].

Любой дневник — это **ФОРМА ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**. Важной чертой дневника является описание жизненных событий и собственных чувств изо дня в день. Ценность изучения дневника состоит в том, что он дает наиболее полную информацию повседневности, описывает ощущения человека не постфактум, а в момент совершения события, с позиций настоящего времени.

«Социальный мир не что иное, как межличностное поле, межчеловеческое пространство, наполненное, встречами, контактами, взаимодействиями, связями, отношениями, социальными узами... или связями с другими, покрывающими весь спектр от любви и интимности до интересов и контрактов, от кооперации до конкуренции, от консенсуса до конфликта, от мира до войны... — пишет П.Штомпка, — все другие аспекты общества: макроструктуры, макропроцессы, культуры, цивилизации, технические системы, организации, институты — фактически существуют не где-то далеко, а внутри нашего социального существования и пронизывают изнутри простейшие повседневные события, в которых мы рутинно участвуем... Общество лежит не вне нас самих, а внутри нас [1. С. 8-9].

Создавая дневник, человек изо дня в день накапливает в нем факты из своей жизни, свои чувства и эмоции, реакцию на события, произошедшие непосредственно с ним или услышанные им от других лиц, впечатления от встреч и разговоров с другими людьми, надежды на будущее. Он частица жизни того, кто его создал. Однако это не только лично пережитое. Дневник включает разные компоненты. Его можно рассматривать и как рассказ о себе, направленный «вовнутрь», и как рассказ о третьих лицах,

значимых для автора встречах, то есть рассказ, направленный «вовне». В любых дневниковых записях, как правило, существуют две повседневности. В них отражена повседневная жизнь окружающего мира и повседневная жизнь автора. Исследователь, по мысли Н.Козловой, вынужден иметь дело с двойной селекцией — бессознательной и сознательной [См.: 5].

Дневник может рассматриваться как **ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА**. В дневниковых записях текущие события фиксируются выборочно, что определяется свойствами личности их создателя. Дневник выступает средством работы человека с воспоминаниями о происшествиях дня, пропущенными через внутреннюю цензуру, в результате которой события объединяются в цельное повествование. Частицы повседневности, которую доносит дневник, очерчиваются самим автором по его усмотрению. В этом проявляется творческая «собирательная» роль автора по отношению к фрагментам социальной жизни.

А. Алексеев рассматривает дневник как важную **ФОРМУ КОММУНИКАЦИИ** [См.: 6]. В работах данного автора отмечено, что «в универсуме человеческого общения можно выделить три типа коммуникации. Первый тип — межличностная коммуникация или коммуникация для другого лица. Другой тип: коммуникация, обращенная к множеству лиц (четко очерченной или неопределенной аудитории). Это — коммуникация для других. И, наконец, существует третий тип — коммуникация, адресованная самому себе или аутокоммуникация. Данные виды коммуникации могут быть представлены тремя классическими типами текстов: письмом (коммуникация другому лицу), статьей (коммуникация для других) и дневником (коммуникация самому себе, или аутокоммуникация).

Дневник, по Алексееву, являясь способом отображения личностью, в первую очередь для себя самой, внешних и внутренних событий своей жизни, выступает универсальной формой аутокоммуникации.

В своих работах А. Алексеев разделяет дневники на три типа: «дневник души» или «общение с самим собой», где на первый план выходят личные переживания и самоанализ; б) «дневник духа», когда личное отходит на второй план, а дневник оказывается копилкой образов, мыслей, символов, «лабораторией» творчества, «сырьем» для будущих произведений); «дневник факта», где упор делается на «внешних» событиях жизни, а не на личных переживаниях.

В реальной дневниковой практике, отмечает автор, описания событий обычно перемежаются с впечатлениями и размышлениями. Однако все же всякий дневник «тяготеет» более к тому или иному типу.

Особое значение, по мнению Алексеева, для исследователя-социолога имеет «дневник факта». Такой дневник А.Алексеев называет «протоколом жизни».

Автор выделяет основные особенности таких дневников. Так, «протокол жизни» отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события и эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем. В таком случае этот «протокол» приобретает характер ценного жизненного свидетельства. Для науки особенно важно, что это свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

«Протокол жизни» — это не сугубо личный документ, а документ общественный. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этом виде дневника отражаются лишь такие «происшествия», которые, по мнению автора, представляют интерес и для других. Иногда в дневнике присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

«Протокол жизни» — это не «мемуары» и не отложенное во времени описание, а именно протокол, который ведется в ходе события или составляется по его «горячим следам». Это — первичный, а не вторичный документ личности и времени, или эпизодическая жизненная хроника (см.: там же).

Понимая всю важность для социологической науки дневника «факта», нам хотелось бы, тем не менее, обратить внимание на значимость для данной науки и дневников «души» и «духа».

Так, во-первых, с нашей точки зрения, в любой форме дневника отображена **ВИТАЛЬНОСТЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА КАК БИОСОЦИОКУЛЬТУРНОГО СУЩЕСТВА**. Никакое произведение не сможет сравниться с дневником по содержанию «дыхания жизни». Это ощущение «жизни» трудно передать словами, оно сродни портрету человека, написанного талантливым художником. Причем, дневник продолжает жить, сохраняя для науки ощущения личности, и после ухода своего создателя.

Во-вторых, дневники дают возможности для исследовательского поиска в области **НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ — СОЦИОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И МАССОВЫХ ЧУВСТВ**. О том, что социология должна исследовать формы индивидуального и массового сознания, в том числе предрассудки, эмоции, чувства, писал Г. Спенсор. Мир, по Спенсеру, управляется и изменяется через чувства, для которых идеи служат только руководителями.

Так, темой социологии, материал к которой дают дневники, может стать тема ресентимента (р. — чувство бессильной ненависти, связанное с переживаниями тщетности жизни, ощущением собственного бессилия), объясняющая, что происходит с людьми после переворота в иерархии общественных ценностей, какие чувства испытывают люди в этот период, что выступает ключом к жизненной позиции личности, к ее установке по отношению ко всему, что происходит в мире. Авторы теории ресентимента, Ф.Ницше и М.Шелер, считали его скрытой силой, которая ведет к разложению общества из-за переворота в позитивных общественных ценностях. Не ограничиваясь личностной сферой, ресентимент постепенно накапливается в обществе и становится коллективным чувством.

В-третьих, все виды дневников являются не только кладезем индивидуального опыта. Одновременно они выступают **источниками уникального**, которое мы пытаемся постичь. «Индивид — уникальный узел в «человеческой сети», носитель уникального сочетания социальных связей», — пишет П. Штомпка [1. С. 8]. И в настоящее время не существует другой техники, методики, инструмента передачи уникального, кроме дневников. Все люди в свое время уйдут из жизни. Однако каждый человек несет в себе то, что мы не сумели при жизни этого человека понять и взять, хотя бы частично. Дневники — это попытка вербализации внутренней держательной жизни, ее фиксация и передача.

В-четвертых, любой дневник — это особая форма передачи социальной и семейной памяти, в том числе памяти чувств.

В-пятых, любой дневник фиксирует **перемены в языке, которым люди описывают свой мир**, и в связи с этим является индикатором социальных перемен.

Чрезвычайно важными и значимыми являются способы дневникового письма, принятые в том или ином социальном слое, в ту или иную эпоху. Так, Н. Козлова, работая с дневниками, создала оригинальную методологию, которую называла «чтением человеческих документов». Данная методология предполагает тонкую работу с языком, используемым «маленькими людьми». В центре внимания оказывается не столько референт исследуемых текстов, сколько тип текста как продукта практики письма, взятый в качестве социокультурной симптоматики. Особый интерес представляют записи людей, стоящих «ниже» порога официальной культуры, которые обычно не оставляют письменных свидетельств о своей жизни. Обычно исследователи проходят мимо них, и не только потому, что пренебрегают повседневностью простых людей, но и потому, что читать такие

документы очень трудно. Они написаны «на нелитературном языке», без точек и запятых, с орфографическими и стилистическими «ошибками».

В целом язык дневника — это «живой» материал, дающий массу возможностей для реконструкции повседневности того или иного периода. По М.Бахтину, это и изучение речевых жанров, обыденной речи, которое всегда оставалось на периферии [См.: 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // СоцИС, 2009, №8. С. 3-13.

2. Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб: Алетейя, 2006. С. 279-280.

3. Глазычев В. Глубинная Россия наших дней // Полит. Ру. Публичные лекции, 2004, 16 сентября.

4. Пигров К.С. Скриптитизация бытия: явление нового субъекта // Философские науки, 2008, № 9. С. 81; Уваров М.С. Исповедальный ресурс скриптографии // Философские науки, 2008, №8. С. 59-57.

5. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 22–31; Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996; Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. М.: Европа, 2005.

6. Алексеев А. Дневник и письмо как формы социальной коммуникации // Философские науки, 2008, №8. С. 31-47.

7. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 250.

О некоторых ориентирах социологической интерпретации автобиографических текстов

В этой статье я попытаюсь изложить некоторые методологические и методические ориентиры работы с автобиографическими текстами и собственный опыт их использования. Моя работа с такими текстами построена на материалах Биографического фонда СИ РАН, инициатором создания которого был В.Б. Голофаст, которому посвящены эти ежегодные Чтения¹. Основной идеей создания Фонда и основным мотивом проблематизации собираемых в нем автобиографических свидетельств обычных людей было изучение социально-культурных изменений на уровне повседневности. Эта формулировка была подсказана как самой жизнью, происходившей в стране перестройкой и радикальными изменениями в нашем обществе, так и изменениями в методологии социального исследования.

Ведущие социальные исследователи в начале 80-гг. прошлого века стали определять культурную и познавательную ситуацию, в которой оказался мир, как распад ориентирующих ценностных систем и недоверие к так называемым «большим нарративам». И изменения в методологии социального исследования были связаны с необходимостью особого внимания к микроуровню социальной жизни, к вариативности, множественности культурных и языковых практик, традиций, идеологий, форм жизни, которые уже не охватывались традиционными схемами классической социологии. Интерпретативный подход качественного социологического исследования, в рамках которого изучаются автобиографические тексты, был призван описать эту сложность и неоднозначность быстро меняющегося мира и, тем самым, расширить горизонт понимания происходящих в мире и обществе изменений². С этих позиций создание Биографического

---

¹ Фонд был создан в 1989 г. Фонд составляют автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает более 700 единиц хранения.

² О переменах в методологии социального познания см.: Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о

фонда рассматривалось нами как новый эмпирический материал, который позволял выйти за рамки традиционных социологических опросов и работать в новой перспективе социального познания. А основным мотивом, который проблематизировал работу с этими материалами, было (как я уже говорила) изучение социально-культурных изменений на уровне повседневности.

Биографические материалы (автобиографии, воспоминания, дневники, семейные хроники и другие свидетельства обычных людей о прожитой ими жизни) поступали и поступают в Фонд разными способами. Первоначально (когда Фонд только создавался) это были разного рода автобиографические материалы, которые были присланы в Фонд после обращения Фонда к населению через ленинградские (тогда) радио и газеты. Затем Фонд провел несколько биографических тематических конкурсов. Кроме того, в Фонде есть и биографические интервью, которые проводились организаторами Фонда с целью понять специфику каждого метода сбора таких материалов, а также уточнить и расширить предмет исследований. Конечно, в силу того, что люди рассказывают или описывают истории своей жизни, когда большая часть жизни уже прожита и есть время подводить какие-то итоги, большую часть Фонда составляют автобиографические свидетельства представителей старших советских поколений. В этой связи одной из проблем развития Фонда является проблема расширения и имеющихся в нем материалов и привлечения к написанию автобиографических текстов молодых людей. Однако надо признать, что письменная культура такого рода уходит, если уже не ушла. И даже проведение Фондом биографических конкурсов, как показывает практика, становится все более проблематичным, так как количество присылаемых на такие конкурсы материалов все время уменьшается¹.

значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. №9. С.22-32; Голофаст В.Б. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4; Майкл Рустин. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. М.: INTER. 2002. № 1. С. 7-24.

¹ При проведении биографических конкурсов респондентам предлагается описать их жизненный путь с точки зрения, например, их профессиональной карьеры или участия в каком-то социально-значимом событии. Наиболее яркий и успешный вариант проведения биографических конкурсов под тем или иным общественно-значимым девизом на протяжении десятилетий демонстрировала польская социология, сформировавшая богатую традицию биографических исследований.

В отличие от начала 1990-х гг., когда создавался Фонд и когда в нашей социологии возник интерес к автобиографическим свидетельствам обычных людей, сегодня уже есть отечественные работы по методологии качественного социологического исследования, где методам анализа этих «документов жизни» посвящены целые разделы¹. И сегодня такие свидетельства уже признанный в отечественной социологии источник социального знания и служат материалом многообразных проблематизаций в рамках широкого круга исследовательских интересов. Автобиографические тексты дают возможность проблематизировать разные стороны социального опыта как на индивидуальном и групповом уровне, так и на уровне общества в целом. И если представлять возможные перспективы изучения такого эмпирического материала, то кажется совершенно очевидным, что он может быть использован в самых разных тематических направлениях. И здесь скорее возникает проблема интереса к такому материалу и формулировки исследовательских задач, а значит, и разработки методов и методик его анализа.

Сегодня, также в отличие от начала 1990-х гг., уже известны разнообразные методы анализа текстов². Но использование того или иного метода всегда тесно связано со структурой и особенностями имеющегося материала и с направленностью исследовательского интереса, с проблематизацией этого материала. И если посмотреть на публикации по результатам практической работы с автобиографическими текстами, становится очевидным, что в основе этой работы лежит разная исследовательская логика, разные методы и стратегии. Конечно, во многом эту ситуацию определяет утвердившаяся установка на полипарадигмальность социальной науки, свободу и своеобразие исследовательских методик. Можно также предположить, что универсальных методик такой работы и быть не может, так как интерпретация текстов (а также составление методик их анализа) в большой степени зависят от структуры и особенностей самих текстов, которое выясняется только в процессе непосредственной работы с ними. В результате проблемы и гипотезы, которые исследователь надеется рас-

---

¹ См., например: Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.; Готтлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп. 2004. 448 с.

² О разнообразии существующих методов анализа текстов см., например: Стефан Тичер, Майкл Мейер, Рут Водак, Ева Веттер. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. — Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

крыть с помощью этих текстов, в процессе работы постоянно корректируются, уточняются. Чтение материала и развитие интерпретации «идут рука об руку»¹. Иными словами, работа с такими текстами это итерационный процесс, который включает возвратно-поступательное движение по герменевтическому кругу и предполагает целый ряд мер, направленных на корректировку программы и методик исследования, на их уточнение, на аналитическое «перечитывание» и множественное кодирование материала. Отчасти поэтому всегда трудно представлять результаты такого исследования, результаты итерационного процесса и «восхождения к теории».

Варианты и возможности проблематизации (тематизации) автобиографических текстов во многом зависят от «теоретической чувствительности» исследователя, т. е. от его знаний и опыта². Как и в любом качественном исследовании проблематизация является открытым процессом, и этот процесс не связан напрямую с количеством имеющегося у исследователя эмпирического материала. Так как речь идет не о распространенности и статистической репрезентативности какого-то уже известного признака или явления, а о поисках каких-то новых признаков исследуемого предметного поля, то методы отбора материала тесно связаны с целями исследования³. Таким образом, между изучаемой исследователем проблемой и формируемой им «выборкой» автобиографических текстов устанавливаются довольно гибкие отношения. В принципе даже единственная полная история жизни может позволить сформулировать проблему (тему) исследования, а тем более, когда у исследователя имеется какой-то объем материала для сравнения. Но дать ключ к формулировке темы может и фрагментарность представленной в автобиографическом тексте информации о жизненном опыте респондента⁴. В этом случае исследовательской проблемой оказываются вопросы, почему человек умалчивает о каких-то

---

¹ Томпсон Пол. Голос Прошлого. Устная история. / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

² Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС. 2001. С.21.

³ Наиболее известными методами отбора эмпирического материала считаются метод «снежного кома», квотная выборка и «теоретическое насыщение». Об этих методах см., например: В. Фукс-Хайнриц. Биографический метод. // Биографический метод: история, методология и практика / Институт социологии РАН, М. 1994. С.23-24.

⁴ В данном случае речь идет о письменных автобиографиях, в которых человек свободно рассказывает историю своей жизни и не связан вопросами и присутствием интервьюера.

этапах жизненного пути, что стоит за этими умолчаниями, какие слои биографического повествования открыты, а какие скрыты и, в целом, какова динамика биографического сознания¹.

Иногда тематизация автобиографических текстов задается уже методом их сбора. Так происходит, например, при проведении биографических конкурсов. В этом случае участникам конкурса предлагается описать их жизненный путь с особым вниманием к девизу конкурса и выделенным исследователями темам. Однако надо отметить, что таким образом организованная тематизация текстов определенным образом сужает исследовательское поле. В тематизированных текстах неизбежно проявляется давление социально-культурных форм, наработанных историей общества и господствующим в данный момент времени идеологическим дискурсом². И хотя в нетематизированных, спонтанно написанных, текстах давление социально-культурных форм тоже достаточно очевидно, но все же такие тексты в большей степени открыты для проблематизации. В них ярче, чем в тематизированных текстах, представлены установки практического сознания, типизации обыденного языка, конечные смыслы значений, которые позволяют обнаружить, как в повседневности работают нормы, фиксируемые на верхних уровнях культуры, и как работают типизации обыденного сознания. Кроме того, нетематизированные тексты предоставляют еще один значимый вариант проблематизации. Такие, спонтанно написанные, тексты обращают внимание на причины, вызывающие желание рассказать о своей жизни. В этой связи можно, например, согласиться, что биографический импульс (желание рассказать о своей жизни) возникает как потребность решить какую-то экзистенциальную проблему и что в автобиографическом тексте человек стремится согласовать индивидуальный и социальный полюсы своей жизни³. В любом случае обнаружение мотивов создания спонтанных автобиографических текстов открывает возможности анализировать природу биографического сознания.

---

¹ Валерий Голофаст. Три слоя биографического повествования. // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург 14 -17.11 1996. СПб. 1997. С.23-26.

² Проблему «биографической иллюзии», когда автобиографический рассказ является производным от господствующего дискурса, заимствованием взгляда на жизнь у социально-культурных форм, в свое время сформулировал П. Бурдьё. См.: Пьер Бурдьё. Биографическая иллюзия // Интеракция, интэрвью, интерпретация. М.: INTER. 2002. № 1. С. 75-81.

³ Бургос Мартина: История жизни. Рассказывание и поиск себя//Вопросы соц. Т.1. № 2. 1992. С.125.

Однако при аналитическом чтении автобиографических текстов (при первичном кодировании семантического поля, которое они образуют) можно натолкнуться и на те проблемы, которые исследователь не увидел, планируя их сбор (планируя, например, организацию тематического биографического конкурса). И такие «неожиданно» возникшие проблемы могут быть очень плодотворными и рождать новые гипотезы, а иногда и задавать новое направление уже запланированному исследованию. В тоже время, затраты времени и сил на аналитическое прочтение и кодирование автобиографических текстов могут и не дать достаточно хороших результатов, позволяющих раскрыть изначально сформулированную проблему. Другими словами, аналитическая работа с такими текстами трудно поддается планированию.

Важным ориентиром исследовательской работы с автобиографическими текстами являются сформулированные в методологии качественного исследования два типа интерпретации — реалистический анализ и нарративный анализ. Считается, что в рамках реалистического анализа исследователь использует тексты как свидетельство, ориентируясь на соответствие между историей жизни и рассказом о ней и пытаясь воссоздать детали той или иной социально-исторической реальности. Так, например, с помощью автобиографических текстов можно выяснить, как меняются условия труда или тип социальной мобильности¹. Иными словами, в рамках реалистического анализа исследователь ориентируется на получение знания о каких-то сегментах социальной реальности, которая стоит «за текстом», а язык текста рассматривается как посредник между исследователем и реальностью. Возможно, что эта ориентация на воссоздание каких-то сегментов социальной реальности дает основание Полу Томпсону называть этот тип интерпретации — реконструктивным анализом².

Другой тип интерпретации — нарративный анализ — считается междисциплинарным методом анализа текстов и имеет довольно большую историю, хотя разные исследователи по-разному определяют и понимают теорию и практику такого анализа³. В нарративном анализе (в от-

¹ В качестве примера можно привести исследование Д. Берто, посвященное анализу социальной мобильности. См.: Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений. // Вопросы социологии. 1992. Том 1. №2. С.106-122.

² См.: Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. С.281-293.

³ В целом нарративный анализ представляет собой совокупность конкретных приемов работы с текстами, которые различаются по степени формализации

личие от реалистического анализа) тексты (нарративы¹) рассматриваются уже не только как свидетельство, а как социальная конструкция, как организующий принцип человеческой жизни. При написании текста человек пользуется сложившимися в обществе классификациями и ценностными иерархиями, которые можно рассматривать как социальные конструкции, наработанные обществом в процессе его истории². И нарративный анализ направлен на интерпретацию этих конструкций, риторических формул («формул логики»), с помощью которых авторы текстов упорядочивают свои повествования, придавая им связность и сюжетную организованность³.

Важно еще раз сказать о том, что в рамках нарративного анализа проблема объективности и достоверности свидетельств, представленных в автобиографических текстах, не является главной. Довольно очевидно, что всегда можно написать или рассказать об одних и тех же событиях совершенно по-разному, в зависимости от ценностных установок автора текста и от времени написания этого текста. Исследовательская стратегия нарративного подхода делает акцент как раз на субъективности свидетельств, представленных в таких текстах, на тех субъективных повествовательных конструкциях, «формулах логики», которые порождены жизненным опытом авторов этих текстов. Другими словами, в нарративном анализе интерес представляет не истина вообще, а истина опыта автора повествования. И понимаются эти истины опыта только в процесс интерпретации,

---

и фокусу исследовательского интереса. Наиболее подробно теория и практика нарративного анализа в социологии представлена в работе Троцук И.В. См.: Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006. 246 с.

¹ Термин «нарратив» в переводе с английского — «повествование», «рассказ». Этот термин используется для обозначения любых текстовых данных биографического плана (дневников, писем, разговоров и т. д.), чтобы подчеркнуть качественный характер изучаемого материала. — Подробнее о проблемах использования этого термина см.: Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. №3. С.38-61; Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17. С.56-80.

² Козлова Н.Н Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии. С.30-31.

³ Надо заметить, что сюжетная организованность текстов как важнейшая их характеристика отражается и в традиционном названии нарративного анализа — сюжетный анализ. См.: Ушакин С.А. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита. // Социологический журнал. 1999. №3/4. С.190.

когда исследователь определяет тот социально-исторический контекст, в котором эти истины сформировались, а также те нормативные дискурсы, мировоззренческие системы, которые на них повлияли¹. Таким образом, нарративный анализ автобиографических текстов дает возможность исследовать, какие схемы интерпретации и конструирования социальной реальности сложились на том или ином историческом этапе жизни общества и по смене этих социальных конструктов получить представление об «определяющей работе» общества и о происходящих и происходивших в обществе социально-культурных изменениях.

В рамках нарративного анализа сложилась и моя собственная работа с автобиографическими текстами Фонда. Основной идеей создания Фонда и основным мотивом проблематизации собираемых в нем материалов было (как уже говорилось) изучение социально-культурных изменений на уровне повседневности. Создание Фонда было временем перехода от советской идеологической схемы (ее формул, норм, ценностей) к новым ценностным представлениям о жизни общества. И на первом этапе работы я формулировала проблему интерпретации автобиографических текстов Фонда как проблему взаимосвязи идеологии и ментальности². Другими словами, я анализировала, как в автобиографических текстах (в описаниях людьми их собственной жизни) проявляется длительное господство нормативных формул советской идеологии и как эта идеология повлияла на их ценностные представления о собственной жизни и жизни общества.

Со временем и по мере того, как в Фонд поступали новые материалы, появилась возможность расширить эту задачу. Я стала анализировать, как вообще происходит изменение ценностных представлений людей, когда в обществе происходят какие-то радикальные трансформации, и насколько эти представления могут быть независимыми от господствующих или утверждаемых в обществе идеологических схем и дискурсов. Таким образом, цель моей исследовательской работы с материалами Фонда (которая сложилась исторически) — реконструкция динамики и особенностей ценностных представлений на уровне повседневности, установление связи

---

¹ Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии. С.44.

² Эта формулировка в какой-то мере была созвучна работам социальных историков школы «Анналов», в которых утверждалась необходимость изучения ментальностей, обыденных представлений, привычек сознания людей, которые надо отличать от идеологических формул, постулируемых нормативными документами эпохи, и прояснять, как эти дискурсы — дискурсы «верха» и «низа» — соотносятся между собой, их пересечения и взаимовлияния.

этих представлений с разными пластами культурного поля (с социально-структурными и поколенческими характеристиками авторов биографических текстов) и с разными нормативными дискурсами, наработанными обществом в тот или иной период его истории¹.

Автобиографические тексты Фонда позволили поэтапно реконструировать особенности ценностных представлений нескольких поколенческих групп/когорт в их отношении к значимым социальным событиям трех исторических периодов жизни российского общества. На первом этапе анализировались автобиографические тексты людей крестьянского происхождения, которые описывали, как после Октябрьской революции 1917 г. они «пережили» коллективизацию их крестьянских хозяйств и адаптировались к новой, советской, жизни. На втором этапе — автобиографические тексты участников биографического конкурса «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» (1994 г.), которые описывали, как в их жизни отразились такая значимая веха истории страны, как «оттепель». На третьем этапе — автобиографические тексты участников конкурса «Жить в эпоху перемен» (2000 г.), которые на рубеже веков подводили итоги переменам, произошедшим за последние 10-15 лет XX века. Результаты интерпретативного анализа этих текстов представлены в ряде публикаций предыдущих Чтений².

И в заключении я хотела бы подчеркнуть, что интерпретация автобиографических текстов, открывая вариативность и множественность культурных и языковых практик, традиций, идеологий и форм жизни, позволяет расширить представление о сложности и неоднозначности быстро меняющегося сегодня мира и, тем самым, расширить горизонт понимания происходящих в мире и обществе социально-культурных изменений.

---

¹ На мой взгляд, нарративный анализ автобиографических текстов в какой-то мере соответствует задачам культуральной социологии, которую развивает Джефри Александер. Он рассматривает культуральную социологию как изучение коллективных (интерсубъективных) социальных смыслов, которые базируются на «чувствах сердца» (т. е. на общих моральных основаниях, эмоциях и ценностях) и которые оказывают влияние на формирование оценок индивидов и групп. Цит. по: Танчер В., Скокова Л. Культуральная социология: «сильная программа» исследований смыслов социальной жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. №4. С.30.

² См: Цветаева Н.Н. Социально-культурные изменения сквозь призму биографических нарративов // Социология вчера, сегодня, завтра. Чтения памяти В.Б. Голофаства. СПб 23-25 марта 2007 г. СПб. 2008 г. С. 102-115; Цветаева Н.Н. На границах истории и биографии: старые и новые ценности в процессе социальных изменений // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые чтения памяти В.Б.Голофаства. 3-5 апреля 2008 г. СПб 2008. С.101-108.

Жизненный мир молодежи: возможности биографического исследования

Настоящая статья является продолжением¹ публикации основных результатов исследования жизненного мира петербургской молодежи, принадлежащей к разным возрастным когортам, на основе биографических материалов.

В начале кратко изложены основные теоретико-методологические положения изучения жизненного мира (1); также приведена методика анализа качественных данных (2); основную часть статьи составили результаты эмпирического исследования жизненного мира (3).

(1) Жизненный мир — одна из основных категорий феноменологического направления социологии. Сам концепт «жизненный мир» был предложен Э. Гуссерлем², данное понятие он определял как мир изначальных очевидностей, всего того, что воспринимается как само собой разумеющееся. Открытие и первое исследование жизненного мира феноменологами обнаружило дотолее неизвестную для социологической науки область — мир повседневного опыта.

В XX веке исследование жизненного мира проводилось социологами и социальными философами, принадлежащими к различным направлениям и школам гуманитарных наук. Научный интерес А. Шюца касался структуры жизненного мира³, П. Бергер и Т. Лукман исследовали экстернализацию, интернализацию и реификацию жизненного мира в терминах ста-

---

¹ Основные теоретико-методологические идеи биографического исследования жизненного мира были опубликованы в статье: Дивисенко К. Биографическое исследование жизненного мира // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 41-45

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. — СПб.: Владимир Даль, 2004.

³ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004; Schutz A., Luckmann T. (1973) The Structures of the Life-World. Evanston: Northwestern University Press. Vol. 1

новления общего запаса знания¹. Ю. Хабермас рассматривал жизненный мир, в связи с разрабатываемой им концепцией коммуникативного действия, как основу всякого социального действия².

Жизненный мир — сфера теоретически неконцептуализированного, субъективного опыта, мир изначальных очевидностей, воспринимаемого в качестве само собой разумеющегося. Жизненный мир структурирует обиденный опыт, он является точкой опоры, незабываемой и непроблематичной реальностью, которая дает человеку возможность сохранять уверенность в собственном бытии, жизненных реалиях.

Жизненный мир не только сфера сугубо индивидуальная (субъектом жизненного мира может выступать любой коллективный субъект), но и интерсубъективная, социокультурно детерменированная и детерминирующая, так как этот феномен конституируется в процессе социальной жизни как мир общих значений и смыслов. Именно это свойство жизненного мира позволяет осуществлять индивиду любое социальное взаимодействие. Для социологии представляет большой интерес не субъективный жизненный мир человека, а интерсубъективный — свойственный не одному человеку, а группе людей.

Жизненный мир — своего рода миф, позволяющий жить, действовать, объяснять, понимать и принимать те социокультурные условия, в которых живет человек.

Можно выделить следующие компоненты жизненного мира: это — ценности, цели, стратегии, социальные установки и т. д.

В жизненном мире может быть выделено в качестве одного из основных измерений — измерение «свой/чужой». При определенных условиях (социокультурные изменения, встреча одного жизненного мира с другим) жизненный мир и его составляющие компоненты переводятся в область рефлексивности, тем самым нарушается его интуитивная данность.

Биографический текст содержит в качестве своего неотъемлемого компонента описание жизненного мира — области очевидной ясности, само собой разумеющегося, воспринимаемого как данное. Биографический нарратив, как и сам жизненный мир, целостен, он исключает неопределенности и создается в соответствии с настоящим (конкретной биографической ситуацией автора и для конкретного адресата). В био-

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995.

² Habermas J. (1985) *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press. Vol. 2.

рафическом исследовании жизненного мира для исследователя становится важным не фактуальное описание прошлого, а способ репрезентации прошлого. Жизненный мир в определенной мере конституирует знание о прошлом.

Жизненный мир существует, сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. Таким он остается в сознании людей и в тексте автобиографии до определенного момента. Острые фазы социокультурных изменений проблематизируют жизненный мир, это изменение отражается в биографических текстах: происходит столкновение с другим жизненным миром.

В биографию попадает не сам мир, а его осознание, восприятие. Автобиография — не отражение, а конструирование реальности. Рассказ о жизни — это более чем рассказ, это — интерпретация жизни под определенным углом. Причем рассказ о жизни как отражающий жизнь, так и воздействующий на нее. Рассказывая о своих героических, пусть даже в кавычках, поступках, рассказчик может быть сам того не ведая, становится героем, и начинает относиться к себе как к герою.

В биографиях, таким образом, интерес представляет не фактическая сторона и ее достоверность (если только биографический метод используется не в историческом исследовании или устной истории), а нарратив, способ репрезентации. Поэтому достоверным здесь является не максимальное сходство описанного и описываемого, а соответствие описываемого воспринимаемому в момент данного восприятия (так как восприятие и память о восприятии не тождественные понятия, чем больше временной интервал, тем возможны большие аберрации памяти).

(2) Теперь следует рассмотреть некоторые особенности метода, методических приемов и техник анализа жизненного мира на эмпирическом этапе исследования. При всем многообразии стратегий качественного исследования основная задача в анализе данных: категоризация и установление связи между категориями.

Основная задача феноменологической стратегии в анализе качественных данных, если ее сформулировать в самых общих чертах, заключается в том, чтобы привести исследуемый феномен к интуитивной (очевидной) ясности. Феноменология противостоит «теоретизму» научных исследований в том смысле, что обращается к данным первичного опыта, а не конституирует новое знание на основе имеющихся теорий и традиций. Таким образом, принципами феноменологического исследования являются беспредпосылочность и очевидность.

Феноменологическая стратегия качественного исследования относится к описательным исследованиям, то есть основной целью исследования является всестороннее и доскональное описание изучаемого предмета. Феноменологическое описание основывается, в отличие от других стратегий качественного исследования, на описании внутренних переживаний субъекта, а не на внешних действиях, поведении. Внутренний мир человека признается самоценной реальностью. Описание этих переживаний, восприятий, основанных на них представлений, становится достаточным материалом для анализа, здесь нет необходимости обращаться к фактическим событиям прошлой жизни, подвергать сомнению достоверность жизнеописания и т. д. Биография в этом плане рассматривается как нарратив, а не как свидетельство о прошлом. Целью феноменологического описания является получение максимально варьируемых описаний, а не выход на статические обобщения и репрезентативные группы — репрезентация феномена, а не социальной группы. Нельзя сказать, что объективное не достигается в феноменологическом исследовании. Здесь в качестве основной задачи выступает поиск значения действия для самого действующего. Это открывает объективное (то, что не зависит от интерпретатора и не является поверхностным, недостоверным, неполным) в субъективном (во внутреннем мотиве, смысле действия). В исследовании жизненного мира на биографическом материале феноменологический метод используется как теоретико-методологическая база и как стратегия качественного исследования.

Помимо феноменологической стратегии анализа данных жизненный мир на эмпирическом этапе исследования может быть изучен с помощью других стратегий качественного анализа: анализа дискурса¹, обоснованной теории², контент-анализа³.

(3) Ниже приведены некоторые результаты исследования жизненного мира, опирающегося на автобиографии, хранящиеся в Биографическом фонде Социологического института РАН. Весь корпус текстов, который был использован, можно разделить на две группы:

---

¹ Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.

² Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. — М., 2007.

³ Тичер С., Мейер М., Водак Р., Ветгер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. — Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.

1) автобиографии школьников старших классов ряда петербургских школ, собранные в начале 1990-х гг. и в 2002 г.¹ и биографии-продолжения молодых людей, написанные в 2002 г. (бывших школьников начала 90-х годов).

2) биографии молодежи, хранящиеся в Биографическом фонде, полученные в результате биографических конкурсов и переданные в Фонд на хранение, написанные авторами разных возрастных когорт. Общее количество текстов, использованных при анализе

Благодаря наличию биографических текстов, принадлежащих представителям разных возрастных когорт, стало возможным проследить отличие жизненного мира одного поколения молодых людей от другого.

Свидетельство того, что жизненный мир становится очевидным в момент **АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА** можно обнаружить в самих автобиографиях, как правило, такие упоминания встречаются до или после основного содержания жизнеописаний:

«Раньше я как-то не задумывалась о том, как я живу, что хорошо у меня, а что плохо. Вы первые заставили меня подумать о себе. Когда я мысленно прокрутила все, чем я жила и чем живу теперь, я оказалась в растерянности — смогу ли об этом рассказать чужим людям? Но мне вдруг страшно захотелось высказаться»².

Из приведенной цитаты становится очевидно, что биография, по замыслу автора, адресуется анонимному адресату, т. е. весьма широкой аудитории, следовательно, текст написан так, чтобы его могли адекватно понять все те, кто его прочитает. Но можно встретить феномен, который условно назовем «объяснение очевидного (ясного)».

«Наконец настал тот незабываемый день 1 сентября 1980 года, когда, надев школьную форму, в то время она была обязательна, взяв в руку непомерной высоты гладиолусы, которые были в два раза выше меня, я отправился в школу»³.

Фраза «В то время она была обязательна» — является не столько комментарием для читателей, так как большинство людей в 1993 году прекрасно помнили об обязательной школьной форме, а некоторые школьники еще ее донашивали, а сколько своего рода социальным конструированием

---

¹ Автор и инициатор проекта сбора биографий школьников — О. Б. Божков.

² СУБД БМ № 207. Здесь и далее в ссылках приведены номера биографий, зарегистрированных в базе данных «Биографии молодых». В приводимых цитатах орфография и пунктуация — авторские.

³ СУБД БМ № 211.

реальности, где производится обоюдное уверение себя и других в несомненности, неизбежности, объективности новой социальной реальности, противостоящей старой.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, господствующие в старом обществе, которые являлись неотъемлемым компонентом старого жизненного мира, стали подвергаться переосмыслению, с одной стороны, по мере взросления, социализации авторов; с другой стороны, благодаря социально-политическим изменениям, начавшимся с перестройкой. У поколения молодежи, чье детство прошло при социализме, а юность пришлось на годы реформ, жизненный мир детства ушел, как и советское прошлое. Отношение к советскому прошлому, сродни отношению к детским переживаниям: переосмысливается то, что раньше казалось неизбежной твердыней. С точки зрения настоящего многое в прошлом кажется смешным:

«Я очень переживал, когда меня не принимали в комсомол. Как же так — я отличник, первый по всем показателям и вдруг мою кандидатуру на классном собрании не утвердили из-за того, что я не занимаюсь ни в одном кружке. Это была первая трагедия в моей жизни. Я не упал духом, я собрался с силой, с мыслями и доказал всему классу, что могу быть достойным комсомольцем, не участвуя ни в каком кружке. Сейчас, вспоминая этот случай, мне смешно, зачем эта комедия была всем нужна»¹.

Переосмысливается как общество в целом, так и отдельные институты в частности. Так, один автор пишет:

«Моей мечтой с седьмого класса была работа в милиции, а именно следователем. Почему? Трудно сказать, но этих людей в форме я боготворила. Они были для меня олицетворением отваги, смелости, ума, умения решить любые проблемы. <...> Да, идеалы рухнули». И через несколько страниц: «Такое страстное желание работать в милиции меня, как нормального человека, покинуло»².

В новом социокультурном контексте стала понятной мифология старого жизненного мира, которая воспринимается, с одной стороны, как недостатки социальной системы, так и как собственная детская наивность.

«Мальчуганом, ехал я как-то в поезде из Москвы. В вагоне полно иностранцев. Загорелые, улыбочные лица. Один протянул мне жевательную резинку. Но меня не проведешь! В мыслях всплыли американские шпионы, отравляющие и разлагающие Советский народ и я отшатнулся как ужа-

---

¹ СУБД БМ № 211

² СУБД БМ № 207.

ленный! / Такими мы были... Нелепо это выглядит сейчас, через многие годы»¹.

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ не воспринимаются как безусловно положительные или отрицательные, к ним, скорее, относятся настороженно. В биографиях можно обнаружить социальные представления о материальном базисе прошлого и о новых формирующихся рыночных отношениях. Первые остаются само собой разумеющимся, поэтому авторы их не комментируют и не поясняют; вторые — всегда ассоциируются только со сферой экономического обмена.

*«Честно работая больших денег иметь не будешь: не торгуя и не перепродавая или не воруя»*².

Но в новых рыночных отношениях ценятся не «хваткость», «способность купить и продать», а возможность организовать собственное дело, то есть сфера производства, а не обмена. Организация собственного дела, связанного с производством, а не с торговлей оказывается положительным завоеванием новых условий.

*«... через пять лет стал директором своего предприятия, и не какой-нибудь фирмы «купи-продай», а смог организовать свое дело. Он нашел себя в строительстве»*³.

Свобода в новых условиях отразилась не только в экономической сфере, но также стали претерпевать изменения **НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ**: то, что вчера казалось шокирующим, социально неодобряемым, стало попадать в границу новых норм (напр., беременность без мужа, спекуляция и т. д.).

Происходит не столько **ПЕРЕОЦЕНКА СОБСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**, сколько появляется представление и понятие о других возможных, альтернативных системах ценностей. Альтернативные системы ценностей заставляют задуматься о собственной системе ценностей, разоблачая ее самоданность и самоочевидность.

«Был я счастлив и потому вдесятеро больше мне за тех ребят, что стоят в наше смутное время на переходах в Метро с пачками газет. Не видели они всего этого, не испытали той легкости и безмятежности бытия, что испытать должен каждый. Потому, не зная иной жизни, не понимают даже, что обманули их, отняли у них детство. Пусть сколько

---

¹ СУБД БМ № 213.

² СУБД БМ № 209.

³ СУБД БМ № 207.

угодно мне твердят, что так лучше, что будут ребята эти тверже стоять на ногах, что яснее узнают они жизнь... не могу я с этим согласиться. Не должно быть так. Плохой это путь. Жизнь дана нам лишь однажды и всему в ней свой срок. Эти ребяташки, вынужденные с малых лет зарабатывать себе на кусок хлеба, упустили многое. Не ко времени повзрослели их глаза, не ко времени узнали они хруст денег»¹.

И еще:

«И вот я студент первого курса. Мечта сбылась. Я люблю учиться, узнавать новое, я учусь не для кого-то, а для себя. Мне знакомые говорят, что сейчас учиться не обязательно, <нрзб.> в ларек и делай деньги, покупай подешевле, продавай подороже. Бизнес по-русски. Не производить, а спекулировать, но каждому свое. Я наверное не так воспитан, не все мерится деньгами, есть, мне кажется и другая жизнь, другие ценности. / Что будет с Россией, если все сядут в этот пресловутый ларек? Далеко же мы продвинемся в научном прогрессе. Ученые не нужны, нужны только бизнесмены. А я хочу учиться, не знаю как этот будет, но хочу заниматься программированием, вычислительной техникой, иностранным языком, хочу работать по специальности»².

Последний фрагмент очень показателен. Автор представляет собственную систему ценностей, которую может противопоставить формирующейся системе ценностей нового российского общества. Судя по биографиям молодых людей, принадлежащих этому поколению (1968-1973 г.р.), происходит констатация недостатков и достоинств жизненного мира уходящего советского прошлого. Очевидной становится его несостоятельность, ущербность, обманчивость, но не происходит принятия, нового формирующего жизненного уклада, который воспринимается более молодым поколением людей без критики, как данный. Разделяют новые ценности либо абстрактные субъекты — молодежь, новое поколение, люди новой формации, «торгаши», либо конкретные другие, имеющие иные идеалы, ценности, установки, нормы, составляющие другой жизненный мир.

Изменение, наряду с другими ценностями, претерпело и отношение к службе в Советской/Российской армии.

«Многое изменилось с тех пор. Сейчас выполнение воинского долга считается малопrestижным. Молодые люди откреpиваются от призыва на службу как только могут. Исчезла единая Армия. Да и Крым теперь —

---

¹ СУБД БМ № 213.

² СУБД БМ № 211.

территория иного государства. Трудно сказать, как повел бы я себя, будь на несколько лет моложе. Но, поскольку взрощено было мое поколение в духе патриотическом, ни у меня, ни у моих друзей не возникло даже тени мысли облегчить свою судьбу»¹.

Обязательный компонент описания службы — упоминание о дедовщине (в независимости от того, была она или нет). Дедовщина — одна из узловых точек, вокруг которой выстраивается дискурс об армии. Аномия дедовщины оправдывается «дурной верой» — отказом от собственной свободы, для избегания проблем, вызванных свободными действиями, пренебрежением норм социальной системы и т. п.

«Живешь в системе — соблюдай законы систем»².

У молодых людей служба в армии определяет изменение привычного жизненного мира. Армия становится жесткой социальной системой со своими законами, в которой приобретаются новые социальные стратегии, начинается другая жизнь. Предшествующий службе жизненный мир перестает казаться таким, каким он был до этого.

«Под конец службы я сделал для себя открытие, что все это лишь глупая, никому не нужная формальность, что комсомол — это большая фикция, которую ни возродить, ни реанимировать нельзя. И если вдруг всех комсомольцев распустить, ничего в этом мире не изменится. Да и вообще, вера в страну, в режим, в социализм покачнулась у меня именно в армии, до этого я не только не был равнодушен к этому, но глубоко верил в то, чему учили нас в школе и так далее»³.

Отнюдь не во всех жизнеописаниях можно встретить социальное измерение жизненного мира. В некоторых текстах жизненный мир автора имеет только **ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ**: внешние факторы хоть и имеют влияние на человека как социального агента, но наиболее значимым остается внутренний мир. Эти люди живут на границе социального мира, интроверты по характеру, в их биографиях не так сильно воспроизводится социальная действительность, экономическая ситуация острых 90-х годов, которые, безусловно, оказывают свое влияние, но занимают не основное место в жизнеописании.

«Более всего в это время меня мучило отсутствие друзей, я стал очень замкнутым, некомпанейским что ли. В 16 лет я впервые почувствовал,

---

¹ СУБД БМ № 213.

² СУБД БМ № 209.

³ СУБД БМ № 210.

что одинок. Чувство одиночества это страшное чувство. Оно постоянно внутри тебя, оно мешает нормально воспринимать жизнь. Оно становится какой-то неизлечимой болезнью, постоянно подчеркивая твою неполноценность, ненужность миру. Что я мог противопоставить этому чувству? Наверное, свой внутренний духовный мир, полный неясных юношеских грез и томлений»¹.

В жизненный мир молодежи в 90-е годы после духовного вакуума вторглось **МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ** — астрология, магия, оккультные представления. Одно из свойств мифологического сознания — отождествления себя со знаком зодиака, стихией и т. п.

*«Когда, несколько лет назад я заинтересовался астрологией, я узнал, что моя душа родилась на острове Кипр (в океане). И я верю в это»*².

*«Вообще я по гороскопу — Водолей, человек, который любит свободу и одиночество»*³.

*«По гороскопу я Водолей. Знак воздуха. Под покровительством Сатурна и Урана. Характер эмоциональный, натура впечатлительная»*⁴.

Социальные стратегии, с одной стороны, подчиняются оккультным верованиям и строятся в соответствии с ними, с другой — оккультные представления становятся «крайними аргументами» в оправдании, объяснении, интерпретации собственной жизни в момент биографического письма.

*«Но во время этого танца, узнав его знак зодиака, я заметила, что у стрельцов и близнецов [любовь бывает] с первого взгляда»*⁵.

У многих авторов оккультные представления перемешиваются с религиозными, это относится не только к жизнеописаниям молодых, но характерно для биографий, написанных в начале 90-х гг. прошлого века. На первом этапе компенсации духовного голода нет четкой дифференциации между астрологией и религией — двумя системами, противоположными и противоречащими друг другу.

Даже у молодых, можно встретить своего рода ворчание, которое чаще свойственно людям старшего поколения: дело здесь не в принадлежности определенной возрастной когорте, а в причастности, **ВКЛЮЧЕННОСТИ В НОВОЕ**.

---

¹ СУБД БМ № 210.

² СУБД БМ № 212.

³ СУБД БМ № 208.

⁴ СУБД БМ № 211.

⁵ СУБД БМ № 207.

«Однако ностальгия берет, когда вспоминаешь, что и как тогда было. Не то что сейчас. И чем дальше, тем хуже»¹.

Смена эпох — **СМЕНА ДИСКУРСОВ**: одни и те же социальные агенты называются по-разному, в зависимости от господствующего дискурса.

«Однако блатных или как сейчас принято говорить: крутых — хватало»².

Из этой цитаты видно, что оговорка «как сейчас принято говорить» — свидетельствует о переломном моменте в смене дискурсов: «блатные» стали уходить в прошлое, а «крутые» еще не завоевали самоочевидной позиции.

Жизненный мир школьников локален, он еще находится в дорефлексивной стадии. Горизонт жизненного мира довольно ограничен, еще нет представления о чужих, альтернативных жизненных мирах, либо оно есть, но не репрезентируется в биографическом тексте. Нет или очень мало представлений о жизни взрослых, об ином социальном мире. В биографиях школьников практически отсутствует социально-политическая сфера — неравенство, судьба страны, общества, т.п.

Значимые другие — в первую очередь родители, братья и сестры, другие родственники, достаточно бесцветны, из-за их близости автору, их принятия как само собой разумеющегося. В подавляющем большинстве текстов присутствует описание семьи, но для школьников оказывается невозможным отстраниться и посмотреть на собственную семью со стороны. Описание семьи имеет два модуса: старая семья — семья родителей и новая — планируемые семейные отношения. Стратегии поведения в воображаемой семье соответствуют стратегиям в реальной семье родителей.

По этой же причине — в силу своей очевидности — школа как социальный институт, как учебное заведение, не попадает в описание — из-за своей близости. Школьная жизнь описывается не с точки зрения настоящего, а как воспоминание — первое сентября в первом классе, первая учительница и т. д.

Путешествия (поездки летом в деревню, поездки за границу) воспринимаются как яркие события в жизни, которые гипотетически могли бы разрушить самоданность собственного жизненного мира, но их влияние остается на дорефлексивном уровне, поэтому не происходит нарратизации приобретенного жизненного опыта.

---

¹ СУБД БМ № 209.

² СУБД БМ № 209.

Особое место в жизненном мире школьников занимает художественная практика. В ней можно выделить два аспекта: с одной стороны, упоминание авторами их обучение в музыкальных и художественных школах и т. д., с другой, — посещение музеев, театров, выставок, концертов, чтение художественной литературы.

Биографические сочинения «Я через N лет», как жанр биографического письма, также могут помочь авторам увидеть собственный жизненный мир. Воображаемая жизнь, квазиреальность, строится, с одной стороны в русле социальных представлений о нормальной социальной жизни взрослых, с другой, особое значение в ней занимает собственная биографическая ситуация, жизненный контекст семьи. Воспроизводится жизнь родителей, значимых других. Поэтому пространство воображаемой жизни становится не другим жизненным миром, а тем же самым жизненным миром, в котором живет автор. В биографических сочинениях школьниками примеряется на себя взрослая жизнь, о которой у большинства довольно смутные представления.

Преддверие другого жизненного мира — окончание школы, поступление в институт — оказывается для школьников переломным моментом в собственной жизни. Обучение в вузе, работа, построение собственной семьи рассматриваются как неминуемые жизненные этапы, следующие за школьными годами. Работа, трудовые отношения присутствует только в биографических сочинениях. Данные компоненты воображаемой будущей жизни описаны с различной степенью прорисованности: от обозначения сферы занятий до четкого описания должностных обязанностей. Сразу или на определенном этапе будущей работы оказывается значимой карьера.

Детские и молодежные организации советского прошлого — октябрятская, пионерская, комсомольская — воспринимаются не как идеологические системы, а как средства социального регулирования — приобретение и подтверждение нового статуса.

Жизненный мир школьников 2002 года стал более индивидуализированным, социальная система перестала оказывать принудительное влияние. Также возможным для школьников стало и описание девиантного поведения, скрытой стороны жизни. Жизненный мир будущего стал более прагматичен, конкретен, определен сегодняшними интересами.

В жизненном мире школьников, принадлежащим двум возрастным когортам (1976-78 и 1984-86 г. р.) основными ценностями являются: семья, дружба, будущая работа, занятие спортом, художественная практика, хобби, путешествия.

Следует заметить, что биография школьников не строится в исповедальном жанре, не несет эту функцию, возможно, здесь обнаруживается боязнь остаться непонятым, рассказать о скрытых сторонах жизни, что может быть следствием недоверия к исследователю, школе как социальной системе, в которой проводилось это исследование.

Проведенное исследование показало, что биографии обладают большим исследовательским потенциалом для реконструкции жизненного мира. Автобиографии школьников и биографические сочинения «я через N лет» в равной мере описывают жизненный мир.

Анализируя биографические сочинения, исследователь имеет дело с зафиксированными на момент написания определенными социальными представлениями, определяющими жизненный мир. Эта сфера жизненного опыта сформирована как уникальной биографической ситуацией каждого автора, так и общим для всех социокультурным контекстом современного российского общества. В жизненном мире школьников зафиксированы социальные стратегии, установки, ценности, согласно которым планируется устройство собственной будущей жизни.

* * *

В жизнеописания молодежи, созданных в момент острых социальных преобразований (начало 90-х гг.), представлены три жизненных мира: мир ушедшего прошлого со своими атрибутами, институтами и иллюзорностью; жизненный мир, формирующийся в настоящее время, который не воспринимается как собственный; и собственный жизненный мир, который сформировался в первом и взаимодействует со вторым.

Жизненный мир школьников характеризуется локальностью, в подавляющем большинстве случаев отсутствуют представления о чужих, альтернативных жизненных мирах. В биографических текстах школьников зафиксированы такие компоненты жизненного мира, как социальные стратегии, установки, ценности, согласно которым планируется устройство собственной будущей жизни.

Сфера жизненного опыта сформирована как уникальной биографической ситуацией каждого автора, так и общим для всех социокультурным контекстом современного российского общества.

Феномен библиотечной мемуаристики в контексте теории дискурса

Понятие дискурса сегодня активно используется социально-гуманитарными науками практически на уровне междисциплинарной методологии. Со второй половины XX в. доминантной тенденцией анализа дискурса становится интеграционная. Многофакторность и многозначность (например, представление о дискурсе, выдвинутое французским культурологом М.Фуко, как совокупности всего высказанного и произнесенного), расплывчатость и сложность для определения обусловили широкое распространение этого понятия. Им оперируют историки, социологи, психологи, литературоведы и философы. Значимый статус оно обретает в проблемном поле исследований культурологического характера (осмысление множественности символических систем, культурного многообразия). В последнее время термин стал чрезвычайно популярен и в публицистике. В лингвистике и семиотике говорят не только о появлении новой дисциплины — дискурсивного анализа, но и о возникновении интегративной кросс-дисциплины, специализирующейся на изучении разнообразных форм и видов дискурса, — дискурсологии. В научный оборот вошли такие понятия, как «дискурсивные практики», «модусы и репрезентации дискурса» и др. Распространено представление о дискурсе как мотивированной и прагматически ориентированной форме человеческого поведения. Теория дискурса конституируется в качестве одного из важнейших направлений постмодернизма: согласно постмодернистскому видению, проявлением «власти дискурса» выступает «власть письма» над сознанием читателя, реализуемая как «интенция текста» (Э. Сейд, Р. Флорес). И вообще, «само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык»¹.

Проблематизация, творческая природа, дискуссивность — оттенки смысла, придающие разноуровневой социальной коммуникации дискурсивный характер. Текст в теории дискурса не безлично-объективистское повествование, а живая речь, определенная форма выражения, представ-

---

¹ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004. — С. 227.

ленная разными коммуникативными контекстами (автора, реципиента и др.). Как известно, Ж. Деррида в «Грамматологии» называл дискурсом живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих. То есть включенность текста в акт коммуникации (с ее методами, стратегией), обеспечивающей его живое продолжение и возможность контекстуальной интерпретации, позволяет говорить о дискурсивной практике. А тесная связь дискурса с коммуникацией позволяет осмысливать его как социальную категорию.

Среди множественных значений и характеристик дискурса основными (встречающимися в работах разных исследователей) являются следующие:

- языковая единица определённого объёма (формальный признак);
- социальный, идеологический контекст речевого взаимодействия (содержательный признак);
- интерактивность и диалогичность высказывания;
- теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста.

Поскольку дискурс невозможен вне коммуникации, велика роль канала (письменный/устный), в соответствии с которым происходит разделение по языковым стилям (разговорная речь, административно-канцелярский стиль, «книжный» язык и т. д.).

Дискурс предполагает систему: имеет внутреннюю организацию, целостность, форму. К нему применимы понятия вида, жанра и стиля. В каждом конкретном случае можно назвать причины возникновения дискурса, охарактеризовать механизм протекания, участников. Как комплексное коммуникативное событие он развивается в определённых пространственно-временных рамках, может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Но всегда это — «зеркало» интеллектуальной и эмоциональной сферы личности и общества, результат социокультурного взаимодействия, т. к. протекает он в умах и сознании людей, имеющих и продвигающих в жизнь свои идеи, концепции, мировоззренческие ориентации. Движущей силой дискурса является заинтересованность его участников в позициях друг друга или, напротив, выраженное неприятие этих позиций, разнородность пристрастий и предпочтений, транслируемая проблемность. Т. е. творческий компонент дискурса также очевиден.

В. Е. Чернявская, обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, выделяет два основных типа:

- конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве;
- совокупность тематически соотнесённых текстов¹.

Т. е. отчетливо вычлняется понятие «тип дискурса» — обобщённое представление текстов, структурированных в тематические блоки, созданных в рамках соответствующей культуры.

В этой связи представляется интересным проанализировать тексты мемуарного и автобиографического характера с позиций теории дискурса: цель, мотив, результат, типология, функции, авторское видение, незавершённость и т. д.

Дискурсивный характер научной деятельности признается безоговорочно (работы по социологии науки тому подтверждение), жанровая стратификация (для передачи сообщений используются разные средства языковой и невербальной выразительности) включает и новостной, и политический дискурсы. В последнее десятилетие объектом пристального внимания ученых является компьютерный дискурс. Одно из масштабных направлений — повседневный (бытовой) дискурс. Выделяют деловой и игровой регистры дискурса. Институциональная организация общества обусловила следующую видовую диверсификацию: административный, военный, религиозный, мистический, медицинский, спортивный, массово-информационный и другие виды дискурса. «...с учетом того, кто и в каких обстоятельствах принимает участие в общении, можно выделить столько типов дискурса, сколько выделяется типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств, например, дискурс театральной репетиции, молодёжной дискотеки, психотерапевтической консультации и т. д.», — отмечает повсеместно цитируемый выдающийся российский дискурсолог В. И. Карасик². Во второй половине XX в. дискурсивные практики поднялись на более высокий уровень организации и благодаря развитию средств связи, электронных информационных технологий. Исследуются детали организации дискурса в целом и отдельных фрагментов, целостность, методические аспекты, динамика и т. д. Выделение типов дискурса позволяет установить определенные характеристики личностей — его участников и выявить организующие тот или иной дискурс концепты,

---

¹ Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. — СПб., 2001. С. 14-16.

² Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004. — С.250.

а также охарактеризовать социальную практику, сложившуюся в разных сферах деятельности. «Изучение речевого дискурса в разных областях деятельности... позволяет более полно охарактеризовать эти типы познания с точки зрения их динамичности, креативности, живого функционирования в культуре», — отмечает другой видный исследователь дискурса И. С. Касавин¹. И вместе с тем он же предостерегает от последствий типизации: «...живая деятельность вообще сопротивляется и бежит от всякой таксономии. И как только мы начинаем типологизировать дискурс, ... разговор переключается с дискурса на текст или контекст»². Как общественная формация данный термин (например, буржуазный дискурс) также имеет устойчивый смысл, а вот процесс создания мемуаров подобному анализу пока не подвергался (хотя термин «мемуарный дискурс» распространение получил). Внимание ученых привлекал и биографический дискурс (Е. В. Добренькова, Н. Н. Цветаева и др.), осмысленный через призму реалий эпохи, повлиявшей на авторскую интерпретацию собственной жизни.

Между тем, литература в целом как культурное явление на основании субъективности любого авторского мира признаётся совокупностью разных дискурсов и одним «большим дискурсом», несмотря на такие «объективирующие» обобщающие характеристики, как «тип», «характер», «образ» и др. И мемуарный жанр в этом смысле вызывает живой интерес. Кроме того, исследователей сегодня интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности — дискурсивные практики, имеющие место в разных коммуникативных контекстах, задаваемые широким набором параметров: спецификой тематики и стилистики, стоящей за ними идеологией. Именно они во многом и создают предметную сферу дискурса, формируют соответствующие ей социальные образцы. Т. е. необходим комплексный анализ мемуарного дискурса как объекта культурологического изучения с раскрытием его базовых концептов, принципов моделирования семиотического пространства, интенциональных, ценностных и семантических аспектов. Немалый вклад в его комплексное осмысление и, следовательно, в успешное развитие способны внести литературоведение, психология и ряд других наук.

Выделение данного типа дискурса стало возможным, прежде всего, потому, что мемуары и автобиографии (особенно в последние годы) ока-

¹ Касавин И. Т. Дискурс: специальные теории и философские проблемы // Человек. — 2006. — №6. — С. 20

² Там же. — С. 15.

зались вовлеченными в коммуникацию самым активным образом: созданные тексты вызывают у читательской аудитории огромный интерес и живое продолжение, обеспечивая разноуровневую контекстуальную интерпретацию и позволяя уверенно говорить о дискурсивной практике. А «действительной целью дискурса является... включение в дискурс тех, кто еще в нем не участвует»¹

Кроме того, черты, свойственные дискурсу, фигурирующие в множественных его определениях: семиотическая природа, организованность, необходимая любой знаковой системе, привязанность к действию или практике, имеют место и в данном типе. Один из основателей дискурс-анализа Мишель Пешё выделял три составляющие дискурсивной формации: «материальный базис», или институты, «внутренний порядок», или интрадискурс, и интердискурс — отношения с другими типами высказываний и дискурсивными формациями². Т. е. главным в нашем анализе будет рассмотрение мемуарных текстов не самих по себе, а в совокупности с другими экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, культурными, психологическими и др.

Сознанию и коммуникативному поведению личности, социальной и профессиональной группы, этноса свойственны некие определённые характеристики (переменные и константы), возможность выявления и моделирования которых открывается в процессе анализа дискурса данного типа: «Различия в видении мира сводятся не только к наличию или отсутствию тех или иных признаков, сколько к степени актуальности выделяемых признаков в их специфической комбинаторике»³. Одна из этих характеристик-индексов, безусловно, — ценности (общечеловеческие, этнические, профессиональные, индивидуальные и др., хотя между ними нет четкой границы), артикулируемые, воплощенные в мемуарах. Соотношение доминантных ценностей, степень их дифференциации — важнейший признак, позволяющий охарактеризовать коммуникативную личность. Ценности лежат в основе предпочтений, характеристик предметов, качеств, событий. Еще один важный план в этом смысле — познавательный (когнитивный): в мемуарах наглядно представлена индивидуальная и групповая картина мира, выделяются предметно-содержательные и категориально-

¹ Там же. — С. 10.

² Петрова А. А. Дисциплинарный дискурс социологии интернета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sj.obliq.ru/article/574>

³ Нуркова В. В. Сверхценное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — С.5.

формальные способы интерпретации действительности. Говоря о когнитивных характеристиках человека, исследователи часто реконструируют коллективную концептосферу (Д. С. Лихачев) и осуществляют фреймовый анализ представлений, получивших выражение. Третий признак коммуникативной личности — поведенческий: отношение к событиям, поступки, о которых авторы не только вспомнили, но и посчитали нужным рассказать, обозначив тем самым свою позицию, также многое объясняет.

Вообще то, что человек о себе помнит, вбирает из обрывков ежедневных впечатлений, каким представляет себя в разные периоды жизни, каким хочет видеть (мемуарный жанр — обязательно образность и художественность, а случайное и намеренное искажение автобиографий повсеместно и обусловлено влиянием эмоционально-мотивационного состояния личности на механизм интерпретации жизненных событий), и определяет его уникальность, вызывает интерес. Эта мысль — одна из ключевых в современных исследованиях автобиографической памяти личности: «Человек выражает себя таким, каким помнит, а не таким, каков на самом деле. Но насколько правдив и полон этот образ?», — ставит вопрос российский психолог В. В. Нуркова¹. Ведь лишь малая часть жизни становится достоянием автобиографической памяти. А человек может не только вспомнить или забыть, но и о чём-то умолчать, и это будет «субъективной правдой». Она же делает акцент на том, что каждый человек имеет, безусловно, «право выбора прошлого». В этом же контексте может быть рассмотрена смена имени, фамилии, взятие псевдонима: человек хочет, чтобы его узнали и запомнили другим? Т. е. автобиографическая память не репродуктивна, а реконструктивна. Кроме того, в любую эпоху, в любом обществе, социальной группе существовали правила, регламентирующие, что человек должен рассказывать, а о чём вспоминать нельзя. Не случайно мемуаристика получила столь мощное развитие именно в постсоветскую эпоху, предавшую гласности тоталитарное наследие. Хотя императивы носят не только политический характер. Это и религия, и культура и искусство, и индивидуальные человеческие качества, выступающие побудительным или, напротив, сдерживающим механизмом.

Т. е. в контексте мемуарного дискурса, наверное, можно говорить и о самопрезентации — значимой составляющей коммуникации, влияющей на общение. Исследователи отмечают, что ее роль в организации дискурса очень велика. Усилия по созданию о себе того или иного впечатления

---

¹ Там же. — С. 9.

могут быть не только целенаправленными и намеренными, но и неосознанными, поскольку личность стремится к самовыражению. Психолингвистическое изучение самопрезентации получило осмысление в работах российских психологов: Н. В. Амяга, Ю. С. Крижанской, Н. Д. Павлова, Т. И. Стеклова, В. П. Третьякова и др., а также зарубежных: Р. Баумейстера, И. Гоффмана, Д. Майерса, М. Снайдера. Выделяют три стиля самопрезентации: «профессиональное я» (представление себя как представителя профессии), «правомочное я» (представление себя как человека морального), «связанное я» (представление собственного образа в связи с другими авторами, точками зрения или неидентифицированными группами)¹. В психолингвистике используется и понятие «самомониторинг», позволяющее говорить о способности человека успешно осуществлять самопрезентацию и достигать поставленных целей. Но к мемуарам этот термин вряд ли применим, поскольку предполагает некую регулярность проявления, а создание воспоминаний, как правило, — «разовое» жизненное событие.

Эти тексты динамичны, креативны, ориентированы на диалог с Другим, с обществом, культурой в целом. Они способствуют координации взаимоотношений людей, консолидации их усилий, активизации и оптимизации коммуникации, поскольку создают «общий мир» автора и читателя. Здесь преобладает эмоциентрированная аргументация, доминирующая в публичной коммуникации на современном этапе. В определенной степени в мемуарах реализуется перлокутивная функция (перлокуция — воздействие на мысли, чувства, эмоциональное состояние аудитории и посредством этого — на дела и поступки людей): через восприятие текста осуществляется влияние на дальнейшую деятельность реципиента — ее содержание, характер, структуру, мотивацию. Важный момент — параллельное существование личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурсов: раскрывающие свой внутренний мир мемуаристы — одновременно личности и представители социальной группы. А еще мемуарное творчество — результат действия защитных механизмов сознания: сохранить свой образ, чтобы не изменился, не «сломался», донести до потомков собственное целостное впечатление о своей личности. Несмотря на то, что воспоминания, на первый взгляд, — монологичная конструкция, они, по сути, представляют собой последовательность парал-

¹ Кубрак Т. А. Самопрезентация субъекта. Состояние проблемы и дискурсивный подход к изучению // Проблемы психологии дискурса. — М., 2005. — С. 184.

лельных мини-коммуникаций с теми, кого вспоминают, цитируют, на кого ссылаются.

Значение мемуаров, конечно, состоит и в том, что повторное «проживание» в ходе их создания позволяет по-новому осмыслить прошлое, скорректировать настоящее, наметить будущее. Это своеобразная поддержка, активизирующая личностный потенциал: вспоминая и узнавая других людей (особенно кумиров), приобщаясь к их жизни, именно к жизни, а не только к наследию, через анализ «физической повседневности» пытаешься нащупать пути собственного роста. И в сложных ситуациях, оглядываясь назад, извлекая из памяти события и ощущения, находим выход, принимаем решение согласно выбранной жизненной стратегии. Хотя необходимо отметить, что даже в пределах короткого временного отрезка ощущения и оценки будут отличаться, потому что мы меняемся, и структура человеческого интеллекта исключительно динамична.

Особенно интересно проанализировать мемуары, созданные представителями одного профессионального сообщества, например, библиотечно-библиографического.

С одной стороны, это ограниченный тип высказывания (профессионально и идеологически), включающий в себя проблемно-тематические (логико-понятийные) блоки, концептуализирующие определённые направления библиотечно-информационной сферы, и характеризующийся своеобразием репрезентации прагматических, семантических, когнитивных, интенциональных и функциональных аспектов, доступный узкой аудитории, обладающей специальными знаниями. Здесь и терминологическая «непроницаемость», и социальная «маркировка». С другой, — эти тексты направлены вовне, адресованы представителям других сообществ, институтов и групп, поскольку транслируют интеллигентскую ментальность, понятную и близкую нескольким поколениям книжность и фокусируют проблемы, свойственные всей современной культуре: регресс духовности, кризис идентичности, изменение типа интеллекта и т. д., побуждая к рефлексии, интерпретации, диалогу. Мемуары открывают для широкого использования профессиональный тезаурус, перемещая из научно-профессионального дискурса в художественно-публицистический важнейшие содержательные структуры, обеспечивая к ним доступ самым разным потребителям, в том числе и одновременно являющимся (становящимся) генераторами (творцами) дискурса.

Необходимо обозначить морфологию данного типа дискурса, структуру, динамику. Очень важный момент — фон, на котором дискурс возникает

ет. Мемуарный жанр в библиотечном сообществе России стал востребован и популярен исключительно в последнее десятилетие. Закономерен вопрос: почему так? Среди множества версий (лично-ориентированная парадигма развития науки и культуры, демократизация общества, гарантирующая свободу самовыражения и т. д.) есть и особенно «тревожные»: смена поколений библиотекарей, старение кадров, уход из жизни людей, бесконечно преданных читателю, книге, библиотеке, связанная с этим ностальгия и боязнь вообще потерять книжную культуру. Мемуары — всегда подведение итога, потребность в их написании неслучайно возникает на определённом этапе жизненного пути, когда многое сделано, человек состоялся как личность и профессионал, накоплен богатый опыт, дающий право оценивать и судить (хотя интеллигентские мемуары библиотекарей в массе своей резких выводов не содержат). Неужели возникающее желание запечатлеть эпоху характеризует её как уходящую? И эти тексты — свидетельства исчезающего книгоцентричного мира (по крайней мере, в его традиционном понимании). Эта проблема сегодня волнует не только библиотечное сообщество, но и многих представителей сферы образования, науки, культуры, руководителей государства.

Однако трудно поверить, что все воспоминания возникли вот так вдруг и сразу. Наверняка писались они долгое время (особенно учитывая значительный объем некоторых), для себя, «в стол». Т. е. их появлению предшествовал некоторый период «первоначального накопления сил». Но можно ли говорить о том, что данный тип дискурса все равно имел место, но протекал латентно? Или принципиальна именно публичная сторона его ведения? Хотя практически любой дискурс имеет внутренний план, например, «книжную» стадию: черпая информацию и знания, потенциальный участник дискурса как бы беседует с автором книги, а также с самим собой.

Конечно, появление мемуаров и прочих биографических текстов (вопрос о границах жанра сейчас не поднимаем, главный критерий — авторское восприятие описываемых событий, личностная оценка произошедшего) — залог сохранения памяти о библиотечных «делах и людях», доказательство верности идеалам этой профессии. Ничто так полно и убедительно не представит ту или иную тему как личностная причастность, эмоциональная окрашенность. Проникшись переживаниями участников событий, начинаешь чётче понимать логику данной деятельности. Лучше ощущается пульс времени. Культ книги и библиотеки без лишнего пафоса, спокойно и уверенно «звучащий» в воспоминаниях, апофеоз этих институтов убедительны, не производят впечатления над-

уманности, оживляют историю, насыщают её интересными подробностями. Из множества частных событий, описаний деятельности ряда библиотечных учреждений страны в разные годы складывается совокупная история российской Библиотеки с успехами и проблемами, формируется образ, оформляется миссия. И, конечно, только комплексное изучение научной, учебной и мемуарной литературы позволяет получить развернутое представление об истоках и особенностях профессионального менталитета, хорошо узнать людей, творивших библиотечно-библиографическую теорию и практику.

Не менее важно, что человек осознаёт свою идентичность в том числе и в рамках своей принадлежности профессиональной группе. Возникающие в процессе её деятельности тексты характеризуют авторов не только как индивидуумов (степень таланта, яркость судьбы и т. д.), но и как участников коллектива. Предоставляется возможность анализа профессионального сознания, стереотипов, феноменологии профессии в целом.

Т. е. отчетливо структурируются два уровня-среза сознания и деятельности: профессиональный и личностный (персональный). Последний, по мнению В. И. Карасика, всегда представлен двумя основными разновидностями: бытовым (обиходным) и бытийным, предназначенным «для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идёт не об очевидных вещах, а о постижении мира»¹. Мемуары, безусловно, относятся ко второму типу, если не опускаются до уровня реконструкции последовательности повседневных событий, а представляют собой попытку раскрыть собственный внутренний мир во всем богатстве и разнообразии. Поскольку авторы — непрофессиональные литераторы, можно предположить, что ими словесно выражена лишь малая часть этого мира, только некоторое его содержание. И, тем не менее, возникает эмпатия, внутренний мир Другого воспринимается целостно, в многообразии эмоциональных и смысловых оттенков. И мы сопереживаем его душевной жизни. Сегодня значимость бытийного художественного дискурса в обществе ощутимо возросла еще по одной причине, объяснимой с точки зрения его способности сохранения этнокультурной идентичности в условиях глобализации, небывалого разрастания форм и способов массово-информационного дискурса (в том числе и в интерактивном формате), интернационализации научной, профессиональной и бытовой коммуникации.

¹ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004. — С. 232.

С учетом вышесказанного можно говорить о выделении «модельной личности» (термин широко употребим в социолингвистике, психологии и др.) — типичного представителя группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и определяемой ценностной ориентации. Конечно, «границы» созданного образа весьма вариативны, и многие представители профессии от него далеки. Но существует стереотип поведения, служащий своеобразным символом данной группы для всех, кто к ней не принадлежит. Модельные личности в значительной мере определяют и образ народа в глазах представителей других стран. Он также может не совпадать с мнением народа о себе, но абстракцией этот образ не является. «Русский библиотекарь» — модельная личность, наряду с другими («русский писатель», «русский учитель» и т. д.) объективно характеризующая менталитет нации.

Мемуарный дискурс — не узаконенная система передачи знаний, он не имеет организационной структуры, управленческого аппарата. Т. е. в значительной мере носит живой неформальный характер. Но авторы воспоминаний представляют конкретные библиотечные учреждения, занимают определенные позиции внутренней иерархии, имеют сложившиеся взгляды, обладают собственным (подчас полярным) видением значимых («судьбоносных») ситуаций, персонализируя деятельность этих учреждений (помимо имен руководителей главных библиотек страны о представителях данной профессиональной сферы за ее пределами мало что известно).

Ещё уместно задействовать понятие, широко используемое в лингвокультурологии, — концепт — многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны¹, единица, соотносящая опыт индивида с глобальными общественными ценностями данного социума², имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

На уровне мемуаров библиотечных профессионалов интересно выделить и проследить особенности представления ряда концептов. Главным из них, безусловно, является концепт «книжность». Приемами изучения культурных концептов традиционно являются: анализ сентенций, прецедентных текстов, сюжетов наиболее известных художественных произведений и др. Ю. С. Степанов отмечает, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология);

¹ Там же. — С. 109.

² Там же. — С. 40.

сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки и т. д.»¹ Видный лингвист А. А. Потебня не случайно говорил о ближайшем и дальнейшем значениях слова, подразумевая, что одно — значение слова для всех, содержательный минимум, благодаря которому и становится возможной коммуникация, а второе — личное значение². Для человека, принадлежащего к данной профессиональной среде, содержательно эти тексты значат гораздо больше, чем для всех прочих, он остро чувствует множество нюансов, ощущает личную сопричастность к реконструируемым событиям и обстоятельствам, переживает. А концепт — это не только значимая информация, хранящаяся в индивидуальной и коллективной памяти, но и переживаемая³. Конечно, концептосферы разных профессиональных групп в некоторой степени пересекаются, но есть и области непоставимых концептов. «Существуют ментальные образования, актуальные для этнокультуры в целом, для той или иной группы и, наконец, для индивидуума», — отмечает В. И. Карасик⁴. Т. е. содержащийся смысл для разных людей — неодинаков. Таким образом, вычленение культурных концептов направлено на выявление сходства и различий в сознании и поведении социальных групп.

Вместе с тем теорией концептов постулируется неоднородность: большинство концептов идентифицирует малые группы (субкультуры, объединения по интересам и т. д.), однако выделяются и такие, которые объединяют многочисленные группы людей. Значимы протекающие внутри концептосферы процессы: превращение индивидуальных поведенческих и ценностных доминант в концепты социокультурные и закрепление их на уровне дискурса и, напротив, угасание значимости ряда концептов в коллективном сознании. Кроме того, концепты могут экспортироваться и импортироваться разными культурами в результате контактов. Аккумуляция импортированных концептов ведет к изменению системы ценностей в каждой отдельно взятой лингвокультуре.

В этой связи интересно проследить эволюцию концепта «книжность» в дискурсе и сознании представителей отдельных профессиональных коллективов, а также интеллигентской ментальности в целом. Как известно,

¹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — С. 141.

² Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004. — С. 37.

³ Там же. — С. 128.

⁴ Там же. — С. 122.

многие российские феномены и концепты не имеют соответствий в других странах и языках. Они традиционно связаны с образом русского в культуре других народов. И российская книжность в значительной мере отличается от книжности западноевропейской. Данный концепт фиксирует наиболее существенные для литературоцентричной русской культуры смыслы и ценностные доминанты, формирует обобщенный тип её носителя, реконструирует обыденные и литературные представления о книжности («образ книжности»). Он открыт и многомерен и в этой связи привлекателен для изучения (тем более, что, как единица концептосферы отечественной культуры, целостно он не рассматривался), хотя и труден для моделирования и описания. Лингво-ментальная природа концепта, эксплицирующая его сложное строение, предполагает разные уровни репрезентации. Лингвистическая составляющая может быть представлена на языковом уровне посредством размышлений самого мемуариста о книжности; приведенных им высказываний (афоризмов) «великих», образов героев ряда литературных произведений, другого материала, включающего в себя семантику «книжность». Интересно сопоставить особенности эксплуатации концепта в разных странах и лингвокультурах, хотя необходимо учитывать, что есть понятия, которые «неперевыражаемы» в другие языковые коды. Ментальная составляющая репрезентируется в мемуарах и биографических текстах на следующих уровнях: профессионально-этические установки мемуариста; его поступки в тех или иных жизненных ситуациях; взаимосвязь собственной жизни и «жизни» осмысленных образов и персонажей и т. п. Важным моментом, позволяющим объединить лингвальную и ментальную части, является анализ того, как реально происходит «врастание» концепта в тексты, каковы сопутствующие контексты. Т. е. необходимо учитывать, что культурные концепты этносов вербализируются не только в языке, но и в памяти, мышлении и поведении. Для данного случая это особенно характерно: концепт «книжность» на терминологическом уровне в воспоминаниях не представлен, зато на уровне авторского сознания, ассоциаций, импликаций, мифов, символов и др. информации для размышления достаточно. Только учитывая все вышеназванные факторы, можно понять истинный смысл высказываний и подлинное значение концепта. Иначе полученная информация будет ограниченной, а её ценность — минимальной. И хотя материал фрагментарен, тем не менее, он есть. Особенно актуально подобное исследование сегодня — в эпоху повсеместного перехода на новые мультимедийные носители информации и снижении значимости в обществе ценностей книжной культуры.

Также очень важно: можно ли причислить мемуары к так называемым прецедентным текстам (Ю. Н. Караулов) данного профессионального сообщества, т. е. текстам (художественным, публицистическим, мифологическим и др.), хорошо известным всем его представителям, значимым для них, функционально открытым для передачи ценностных установок и неоднократно упоминаемым в общении? Могут ли они стать прецедентными за пределами своей группы? Библиотечная мемуаристика — тема интересная, дискуссионная. Текстовое поле здесь стремительно расширяется. Пришло время назвать авторов мемуаров, положенных в основу данного анализа. Это российские библиотекари, выдающиеся и малоизвестные, сотрудники крупнейших столичных (Б. Н. Бачалдин, С. В. Житомирская, Т. Ф. Каратыгина, В. П. Леонов, М. И. Рудомино, Т. С. Ступникова, Н. И. Тюлина) и небольших провинциальных (Р. Н. Борискина, Н. А. Бушуева, М. Ф. Жиганова, А. И. Калинина, Л. Е. Куликова, Л. И. Маркина, Л. Г. Меркушкина, Л. М. Орехова, О. В. Пашутина, Е. Л. Токарева, И. А. Шабалова и многие другие) библиотечных учреждений. Перечислим их всех в одном ряду, поскольку каждый внес свою лепту в общее дело и становление мемуарного дискурса.

Мемуарный дискурс — это не только первоисточники (в т. ч. и неопубликованные), но и аналитические материалы, им посвящённые, и позиции исследователей этого явления, методологические подходы, полемика, выражающая отношение различных категорий читателей мемуаров к данному факту общественной и культурной жизни.

Конечно, данный тип дискурса стал возможен благодаря институциональной организации библиотечного дела. Поэтому, с одной стороны, это мемуарный дискурс (разновидность художественного) с присущими ему сущностными чертами и своеобразием индивидуального стиля, а с другой, — дискурс библиотечно-информационный (профессиональный и институциональный). Развитая система библиотечно-библиографических учреждений сформировала статусно-ролевые характеристики творцов дискурса — работников библиотек и пользователей (читателей), определила цель: оптимизация информационного взаимодействия. Множественные массовые мероприятия, проходящие в библиотечных учреждениях, конференции и другие научные события — ни что иное, как формы профессионального дискурса, характеризующие его жизнеспособность и обеспечивающие состоятельность. Важно, что «институциональный дискурс исторически изменчив — исчезает общественный институт как особая культурная система — и, соответственно, растворяется в близких, смеж-

ных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения»¹.

Институциональный дискурс — всегда заданные отношения между людьми, общающимися между собой в соответствии с нормами данного института и социума, статусной градацией, ограничения и контроль на разных уровнях. Нормы институционального дискурса отражают этические ценности социума в целом и ценности составляющей институт группы. Конечно, это общение разнопланово и многомерно, и личностное начало неизменно присутствует, но отчетливо ощущается соблюдаемая участниками коммуникации дистанция — граница, выход за которую в рамках данного института невозможен. Эти правила выражены в условностях этикета, профессиональном законодательстве, производственных отношениях. Институциональный дискурс использует систему профессионально-ориентированных знаков (эмблемы, символы, знаковые личности), обычаи, ритуалы, собственную лексику (в т. ч. и жаргонизмы), юмор, получает реализацию в разных контекстах, вплоть до пародирования.

В. И. Карасиком предложена модель рассмотрения институционального дискурса: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы². Применительно к мемуарному дискурсу позиции этой схемы будут несколько иными, чем при анализе дискурса библиотечно-информационного. Однако можно предположить, что участники и ценности едины, поскольку картина мира профессионала и личности представляет собой континуум и может быть расчленима лишь условно. В обоих случаях однозначно доминируют гносеологические моменты: ценность знания, почтение к его источникам (книгам), людям, которые помогают найти к ним путь (библиотекарям), и, конечно, месту общения с книгой — библиотеке (многие мемуаристы пишут это слово с большой буквы, вкладывая в него глубокий смысл). Одним из путей выявления ценностей является, собственно, и моделирование культурных концептов, в которых ценностная картина мира находит выражение, а также нормативных постулатов и поведенческих стереотипов. Хронотоп мемуарного дискурса — человеческая жизнь, на определенном этапе которой и возникает потребность в подведении итогов. Основная стратегия — рефлексивная (от лат. *reflexio* — обращение назад), реализующая человеческое желание понять,

¹ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004. — С.234.

² . Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004. 390с.

разобраться в случившемся и происходящем с собой, самопознание душевного мира, становление самостоятельного смыслового поля: «рефлексия — это не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие его знают и понимают, его личностные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные представления... процесс удвоенного, зеркального взаимоотображения субъектами друг друга, содержанием которого выступает воспроизведение, воссоздание особенностей друг друга»¹. Придание смысла собственному существованию — человеческая потребность, особенно сильно проявляющаяся в юности и в конце жизни. В данном случае работа — важнейший контекст смыслопорождения для всех его участников: осознание своего предназначения, реализация целей, интересов, идей занимает авторов и находит отражение в текстах. Способность отвечать за результаты, признавать недостатки — важное качество профессионала. И рефлексия в этом смысле — основание и значимое условие профессионального роста, проявление личностной зрелости. Хотя в данном типе дискурса имеют место и общие коммуникативные стратегии — объясняющая, оценивающая, но именно рефлексивная придает мемуарному дискурсу открытость и незавершенность, поскольку даже законченные тексты она превращает в диалогические формы, расширяя «границы всякого текста... до контуров культурного объекта»². И вообще, рефлексивная и интерпретационная деятельность, по сути, ни что иное, как дискурс «по поводу текста, контекста или смысла»³.

Дискурсивная формула может быть выведена путем суммирования основных «признаков» профессии:

- деятельность имеет характер особого служения («миссионерские» интенции);
- регламентация поведения, существование библиотечной этики как дисциплины и направления (этические «рамки»);
- технологичность основных процессов, нивелирование роли персонала (практически полное отсутствие всего личного);
- наличие системы ритуальных знаков: тишина библиотечных залов, скромного вида женщины-сотрудницы и т. д. (символизация);
- особая коммуникативная «тональность», минимум юмора.

---

¹ Лаппо М. А. Семантика неопределенности в текстах-рефлексиях // Проблемы психологии дискурса. — М., 2005. — С. 228

² Касавин И. Т. Дискурс: специальные теории и философские проблемы // Человек. — 2006. — №6. — С.20.

³ Там же. — С. 19.

Конечно, каждый отдельно взятый текст этой формуле в полной мере может и не соответствовать, однако складывающееся общее впечатление к ней очень близко.

Выделяют базовый и проективный типы дискурса. Основанием типизации выступает степень каноничности, соответствия заданным рамкам. Базовым мемуарным дискурсом в этой связи будет являться изложение автором сведений о своей жизни в прошлом (в т. ч. и о профессиональном прошлом). Но на практике имеет место ситуация, когда в рамках воспоминаний их создатель размышляет о будущем профессии, ситуации в сфере науки и культуры в стране, интерпретирует политические события и т. д. В этой связи можно говорить о проективном научно-публицистическом библиотечно-информационном дискурсе на базе мемуарного или о пересечении данного типа дискурса с научным, публицистическим, педагогическим и другими типами.

Эти тексты позволяют также ответить на ряд вопросов, актуальных для современного проблемного поля интерпретации дискурса: соотношения его с идеологией, так как ценности всегда идеологически окрашены (Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, О. Ф. Русакова, А. Е. Спасский, К. Фукс), о семантическом потенциале дискурсивных сред (П. Анри, К. Арош, Ж. Гийому, Д. Мальдидье) и др. Ведь именно в дискурсе главным образом и осуществляется идеологическая социализация и идентификация субъекта с определенной системой ценностных ориентаций. Конечно, идеология выражается и воспроизводится не только посредством текстов. Но в «отличие от большинства социальных практик и семиотических кодов (визуальные образы, знаки, фото, невербальные всякие вещи и т. д. делают это не напрямую, и смысл, заключённый в них, не до конца определён, неоднозначен) свойства текста и речи позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом»¹. Т. е. идеология вписана в структуру любого дискурса. Создание мемуаров — один из путей обретения жизненного смысла, как в целом, так и поэтапно, ведь предлагаемые человеку обществом, идеологией готовые смыслы более отвлечены, нежели извлекаемые «автобиографическим самопознанием из идеи уникальности себя, из раздумий о своей судьбе, способные, слившись с общезначимым смыслом, породить нечто новое — предназначение»²

¹ Ван Дейк Т. А. К определению дискурса [Электронный ресурс] : [отрывок из кн.] / пер. с англ. А. Дерябин. — Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

² Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — С. 15.

Назначение дискурса — обеспечить возможность приобретения, хранения, преобразования и применения человеком необходимой ему информации. Данная дискурсивная формация является воплощением знаний, результатом их преломления и осмысления. Имеет свою историю, пространственно-временные рамки, внутреннюю структуру, особенности и свойства. Коммуникативные и когнитивные составляющие дискурса имеют место и в данном (библиотечно-мемуарном) типе. Первая представляет собой позиции и роли участников (авторов мемуаров и их читателей), вторая — это содержание (профессионального и личного характера). Это одновременно авторский, профессиональный и художественный дискурс (насыщенность литературными цитатами, множественные упоминания произведений, сыгравших роль в жизни и ставших рубежом в сознании, художественная форма изложения).

В дискурсе всегда представлены значимые для общества коммуникативные ситуации, а его структура, как зеркало, отражает социокультурную среду во всей совокупности принадлежащих ей актуальных идей. Ведь по определению дискурс — выраженное в языковой форме социальное взаимодействие. В этой связи индивидуальный дискурс всегда регулируется социальным, что выражается на уровне самоцензуры (поведения и мышления внутри сообщества) и — в тоталитарном обществе — цензуры. Произведения, в которых авторы выражают своё мнение, вместе с тем являются выражением групповых идеологических клише, профессиональных стандартов, социальных и культурных установок — господствующего дискурса. Поэтому любой дискурс — характеристика общества того или иного периода. Исследователями также неоднократно отмечалось, что важнейшим свойством дискурса является динамика контекста. Т. е. менталитет и способы самовыражения участников коммуникации за «рамки» не выходят. На данном уровне репрезентации очень показательны, хотя мемуарный дискурс в глобальном смысле свободен и не подконтролен. Все мемуары включают в себя описания различных жизненных перемен (присутствует социальная структурированность, временная организация, концептуальность): начало или окончание «субъективно значимых социальных связей» (учёба, работа и т. д.). Но в ряде текстов социальное измерение доминирует: эти вехи люди запомнили и воспроизвели, не развив эмоциональный уровень.

Конечно, картина мира, сложившаяся у создателей мемуаров в процессе жизни, обусловлена многими влияниями. Помимо перечисленного, а также стратегии собственной судьбы, у библиотекарей важную (если

не определяющую) роль играют так называемые книжные истины: опыт Других, представленный в разножанровых произведениях, которым привыкли верить, как воплощению печатного слова и идей великой русской и мировой литературы. Немаловажно, что у представителей этой профессии есть возможность сравнения альтернативных мнений, чужих «жизней» и выработки на их основе собственной «траектории движения», во многом, тем не менее, специфичной для данной профессиональной группы.

Интерпретация прочитанного также является продуктом определённого дискурса и обуславливается множеством факторов (семантических, синтаксических и прагматических). Полученные сведения соотносятся с уже имеющимися, оценивается их вписанность в социокультурный и психологический континуум. Посредством интерпретации моделируется дальнейшее смыслопорождение и, в некоторой степени, доминантный дискурс своего времени.

Важны, конечно, и семантико-лингвистические факторы, влияющие на то, как воспримется предлагаемая информация, состоится ли диалог автор — читатель: общая логика и интонация повествования, сюжетные линии, язык, содержащий те или иные выразительные средства (метафоры, эвфемизмы, сравнения и др.), и даже заглавие текста.

Содержание любого дискурса концентрируется вокруг некоей главной темы. В данном случае такой темой является прошлое библиотечных работников, подразумевающее анализ профессионального мира, а также внутренней жизни и проблем его представителей. Хотя отдельный дискурс — не всегда когерентный (однородный) смысловой блок, часто это смесь разноплановых тематических «включений». Тема представлена в дискурсе особым образом (в данном типе это проявляется наиболее ярко) — посредством дистанцирования (от события, во времени и т. д.).

Различают понятия дискурса и текста. Упор делается на процессуальные и динамические характеристики первого (актуальность, адресацию, выражение потребностей участников диалога, принадлежность реальному общению, незавершенность) и статичный характер второго (конечный результат). «Сам процесс письма является дискурсом постольку, поскольку еще не завершен и связан с автором»¹. Важно, что при определенных условиях текст может превратиться в дискурс: однозначно дискурсивны мемуары для тех, кто имеет с их авторами что-то общее: профессию, род-

---

¹ Касавин И. Т. Дискурс: специальные теории и философские проблемы // Человек. — 2006. — №6. — С. 13.

ственные или дружеские отношения, национальную и религиозную принадлежность и т. д. Почерпнутые из воспоминаний факты и образы будут повторены и переосмыслены ими в других контекстах, других типах дискурса. Готовый текст часто выступает результатом дискурса. Очевидно также, что «консервация дискурса может превращать его в текст, который может выполнять функцию ресурса последующих дискурсов»¹, — отмечает И. Т. Касавин. Он же называет универсальным методом ведения дискурса комбинирование текстов, разнообразное их использование и создание. Производство текстов в свою очередь также осуществляется в условиях дискурса, выступающего в том числе и в качестве контекста (подтекста) подобной деятельности: «Дискурс — посредствующее звено между текстом и контекстом, позволяющее сделать один текст контекстом другого, вовлечь контекст в текст, внести элементы текста в неязыковые контексты, придать смысл тексту и окружающему миру»². Дискурс фокусирует внимание на тексте, но выводит осмысление последнего в междисциплинарные области.

Дискурс часто противопоставляют и диалогу. Эти понятия соотносятся следующим образом: дискурс можно осмысливать как диалог (полилог) в социальном контексте, вне пространственно-временных границ, как диспут на уровне общества, где участниками являются значительные (в том числе и по численности) силы.

Таким образом, мемуарный дискурс рассмотрен в статье с различных позиций. Их можно определить как культурологическая и социальная. В первом случае внимание акцентируется на организации и структуре мемуарных текстов. Текстовые категории: адресованность, тематическое и стилистическое единство, интерпретируемость, жанровая специфика и др. реконструированы применительно к текстам этого типа. Назван ключевой концепт (единица «вербализованного культурного смысла») анализируемого дискурса — «книжность», позволяющий выявить общность в сознании и поведении библиотечных профессионалов, очерчены возможные уровни репрезентации этого концепта (мемуарные и художественные тексты, биографические материалы и т. д.).

В социальном аспекте мемуарный дискурс интерпретируется как личностно-ориентированный (характеристика личности автора) и статусно-ориентированный (все мемуаристы — представители библиотечной

---

¹ Там же. — С.18.

² Там же. — С.19.

профессии, т. е. одной группы людей). Причем второе в данном случае определяет первое, а не наоборот. В этой связи мемуарные тексты осмысливаются в контексте институционального дискурса: участники, условия, мотивы, цели, стратегии, ценности и т. д. Выведена дискурсивная «формула». Мемуары позиционируются как прецедентные тексты, максимально открытые для передачи ценностных установок.

Жизненные ценности в сознании учащейся молодежи

В последние годы в новой постперестроечной России интерес исследователей к изучению ценностей молодежи постоянно возрастает. Интерес этот обусловлен колоссальными трансформациями в жизни общества и системах ценностей разных категорий людей. В последнее время обстановка в стране стабилизируется, молодежь из «поколения next» в 90-х незаметно превратилась в «поколение now and here» в 2000-х. Растет новое поколение со своими представлениями о мире и о себе в этом мире. Однако, как и всегда в обществе паника по поводу «конфликта отцов и детей» и «деградации молодежи».

В действительности же отношение взрослых к молодежи в современной России имеет противоречивый характер. С одной стороны, беспорядочное потребление и устойчивое стремление молодых к материальным благам порождает тревогу в стане взрослых. С другой стороны, именно молодежные потребительские аудитории часто составляют подавляющее покупательское большинство. Поэтому зачастую именно взрослые, преследуя свои цели, посредством СМИ инфицируют сознание молодых определенными стереотипами поведения.

Изучая ценности молодых, мы сталкиваемся с неустойчивой и динамичной системой представлений. Необходимо помнить, что часто молодые люди не имеют ресурсов для систематического осмысления значимых сторон своей жизни, а потому неосознанно включают в свою структуру ценностей готовые стереотипы.

В данной статье будут представлены результаты эмпирического исследования ценностей среди школьников и студентов¹. Также будет дана пре-

---

¹ Исследование было проведено в 2005-2006 гг. Всего было опрошено 218 человек. Выборка строилась по нескольким критериям: школьная — вузовская молодежь (111 и 117 чел.), взято две школы (179-я и 142-я школы, 111 чел.), взято три вуза (55 студентов гуманитарных специальностей — СПбГУКИ, 52 студента технических специальностей — СПб ГЭТУ, СПб ГУИТМО). Были взяты девушки и юноши (130 и 88 чел.). Метод опроса — групповое анкетирование, соответственно опрос проводился классами и группами.

зентация нового «мягкого» метода социологического изучения жизненных ценностей и комплексный подход к оценке их значимости.

I. Подходы к классификации ценностей

Обращаясь к изучению ценностной проблематики, необходимо учитывать, что мы имеем дело поистине с масштабным явлением. Фокусируя свое внимание на изучении отдельных сторон жизни общества, мы, так или иначе, попутно затрагиваем и данную проблематику. Существует великое множество типологий ценностей, и возможность провести исследование, направленное на основательное изучение одновременно всех типов ценностей, представляется маловероятной. Поэтому, как правило, исследователи вынужденно ограничивают свои амбиции, остановившись на одном/нескольких типах ценностных ориентаций.

Мы в свою очередь также попробуем здесь очертить и разграничить сферу наших интересов, уточнить предмет нашего исследования. Прежде всего, обратимся к некоторым типологиям ценностей.

Так М. Рокич выделял два типа ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Терминальные, в свою очередь, Рокич предлагает подразделять на два класса: персональные ценности (например, душевный покой, иначе можно сказать — «мир с самим собой») и социальные ценности (например, мир во всем мире), а инструментальные — на моральные ценности и личностные качества (competence values). При этом предполагается, что человек в принципе обладает неким набором как индивидуальных, так и социальных ценностей¹.

В.П. Тугаринов разделял ценности на ценности жизни — здоровье, жизнь, общение и др., и ценности культуры — материальные, духовные и социально-политические².

Р. Инглехарт, обобщая данные, собранные за последние 20 лет в 53 странах в рамках проекта World Values Survey (WVS), выделяет четыре типа ценностных ориентаций: материалистические, постматериалистические, традиционные и светски-рациональные³.

Ш. Шварц провел крупное кросскультурное исследование на изучение отношения к ценностям в 20 странах, в результате которого он пришел к выводу, что существует 10 базовых мотивационно-ценностных типов, ко-

---

¹ Rokeach, M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973. P 7-8.

² Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. С. 276-277.

³ Inglehart R. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008, Vol 31, 130-146. P. 139.

торые в принципе универсальны для любых культур. К базовым ориентациям Шварц отнес творчество, разнообразие, гедонизм, достижение, власть, защищенность, традиции, приятие, великодушие и универсализм¹.

В принципе список можно продолжать довольно долго, создавать новые типологии, как, выделяя новые локальные значимые элементы, например, такие как, ориентации в области религии, экологии, образования, гендерных отношений и др., так и, вдохновляясь опытом Инглехарта и Шварца, восходить к глобальным универсальным конструктам.

В рамках же нашего исследования мы обратимся к выявлению общей структуры ценностей изучаемой группы, мы не будем фокусироваться на отдельных «чистых» классах ценностей. Таким образом, мы будем иметь дело с неким «смешанным» типом ценностей. Назовем его условно жизненными ценностями. Под жизненными ценностями мы понимаем макро-ценности, выходящие за рамки ценностей какой-либо конкретной культуры (например — западные ценности и т. д.) и не ограничивающиеся какой-либо одной локальной сферой жизни индивида (к примеру — работой). Выявлять структуру таких ценностей можно с помощью общих вопросов типа «Что для вас представляется самым важным?» или «Что для вас самое главное в жизни?» и др. Предполагая, что человек обычно не имеет обыкновения классифицировать по различным основаниям свои ценности, и затем ориентироваться на такую классификацию в своем поведении, мы считаем важным не навязывать списки значимых сфер и социальных ценностей, а дать человеку самому выявить свои представления. С помощью такого способа мы получаем наиболее обобщенную картину основных значимых сфер жизни человека. Получаемый набор ценностей представляет собой некий «микс» из индивидуальных, социальных, терминальных, инструментальных и других видов ценностей. Хотя преимущественно мы имеем дело все же с индивидуальными жизненными ценностями, такими как семья, работа, здоровье и др. В целом, оперируя совокупностью индивидуальных ценностных представлений, мы также можем с определенным успехом делать выводы о структуре надывидеальных групповых и общественных ценностей.

II. РЕФЛЕКСИВНАЯ МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Предлагаемая методика, направленная на изучение ценностных ориентаций, опробована несколько раз в разных исследованиях. Поскольку

---

¹ Burgess, S. M., Schwartz, S. Do values share universal content and stucture? A South Africa test // South African Journal of Psychology.1994, Vol 24 (1).

ценностный блок представляется важнейшим при изучении и других личностно-значимых социальных сфер, он включался в опросные методики при изучении сферы образования, здоровья и др. Полная методика данного исследования состоит из основного блока, вопросов на самооценку и «паспортички».

Представим основной блок методики, направленный на выявление значимых для респондента ценностей и их количественную оценку:

Напишите, пожалуйста, 10 жизненных ценностей, наиболее важных для Вас.

Оцените каждую ценность по 100-балльной шкале исходя из ее значимости для Вас.

Попытайтесь охарактеризовать несколькими словами, фразами каждую названную Вами позицию (например, что для вас означают деньги, семья и т. д.).

Т а б л и ц а 1. *Формат вопроса на выявление и оценку ценностей*

Балл	1–10. Жизненная ценность	11–21. Характеристика ценности, пояснение ее смысла
(всего 10 пустых строк для ответов)		

Использование в методике двойного задания: самостоятельно назвать ценность и пояснить ее личностный смысл и значимость — такой формат мы называем «двойным открытым вопросом», он представляет новый тип открытого вопроса, имеющий самостоятельный исследовательский потенциал¹. В методике также используется двойное задание — сформулировать содержательный ответ на открытый вопрос и затем оценить баллами сформулированные позиции — это *предметно-оценочный тип открытого вопроса* (там же. С. 63).

Чтобы получить представление о характере материала, приведем пример.

Данный формат следовало бы дополнить графой об *удовлетворенности* респондента реальным состоянием каждой обозначенной им ценностной сферы, (это было понято, к сожалению, уже после проведения опроса),

¹ (15 типов открытых вопросов описаны в: Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 1. Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах — СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004. С. 53-72.

что дало бы массу новых уточнений (удовлетворенность ценностью часто оценивается существенно ниже ее значимости).

III. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БАЗЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ МЕТОДИКИ

Представим результаты нашего эмпирического исследования. Благодаря многомерности разработанной методики нам удалось получить множественный результат, и в качестве основных его составляющих можно назвать следующие три: определена структура ценностей, выявлены варианты их смыслового содержания, проведена оценка значимости индивидуальных и групповых ценностей несколькими способами.

3.1. Групповые ценности — диагностика на массиве респондентов

В этом разделе мы изучаем содержательно-методическую ситуацию не на индивидуальном уровне, а на совокупности опрошенных (чем обычно и занимается социология в исследованиях). В нашем случае самая широкая совокупность — это учащаяся молодежь в 218 человек. Соответственно, будем выявлять, вокруг каких социальных идей фокусируются множество ответов молодежи — сначала на базе анализа первичных ответов, а затем, путем последовательного объединения формулировок и «промежуточных» фокусных точек, составим оптимальный список «конечных» групповых ценностей. В принципе будем изучать специфику «ценностных пакетов» у разных групп учащихся, выделенных по полу, учебному заведению и другим факторам.

Проанализируем первую часть открытого вопроса — о разнообразии индивидуальных ценностей у всей совокупности респондентов.

Примеры ответов респондентов (<> — *ответ одного респондента*):

<Любовь, семья, школа, мой класс, деньги, веселуха, Россия, друзья, жизнь, мир во всем мире, а еще сама планета земля>; <Здоровье, счастье, деньги, парни, друзья, семья, образование>; <Материальный доход, лицей, полноценная семья>.

На эту первую часть задания от 218 респондентов было получено 1745 ответов с названиями ценностей. В принципе фигурировало свыше 300 разных единичных названий, среди которых «традиционные» ценностные ориентиры (такие как семья, дружба, любовь, учеба, деньги), и единичные, включая потребности физического самовыражения (азарт, экстрим), единичные упоминания отдельных нравственных качеств (честность, совесть, правдивость и др.), притягательность секса и представителей другого пола, вплоть до упоминания привлекательности вредных привычек — наркотики, «веселуха», курение, алкоголь. Последние вряд ли когда-либо в стандартизированных исследованиях попадут в опросные списки и будут выявлены как значимые для отдельных людей или части молодежи.

Т а б л и ц а 2. Пример ответа респондента (Аня, ученица 9-го класса)

№	Балл	Жизненная ценность	Характеристика ценности, пояснение ее смысла
1	60	Деньги	Сейчас все решают деньги, на деньги можно купить почти все
2	90	Семья	Родным можно сказать все, доверить все и они поймут
3	65	Карьера	Хочется достичь в жизни большего
4	70	Спорт	Если человек спортивный, то он и выглядит хорошо, и чувствует себя хорошо
5	80	Лучшие друзья	Можно довериться ему и повеселиться
6	100	Общение	Больше общения и не остается времени на плохие мысли
7	65	Образование	Много знаешь, большего добьешься
8	60	Стиль, имидж	Красиво выглядишь — хорошо себя чувствуешь
9	100	Здоровье	Если здоров, то все хорошо
10	100	Жизнь	Жизнь дана, чтобы жить и успеть все

В результате последующего сопоставления выделено 56 субгрупп, дальнейший анализ содержательной релевантности привел к 18 интегральным ценностным единицам. Вот эти классы ценностей в порядке частоты их упоминания во всей выборке:

Семья — 207, Деньги — 182, Друзья — 176, Любовь — 136, Образование — 120, Здоровье -110,

Досуг — 82, Работа — 79, Самопознание — 49, Свобода — 45, Жизнь — 41, Духовные ценности — 40, Уважение — 34, Гармония — 31, Родина — 30, Социальное положение — 25, Счастье — 19, Вера — 9.

Надо полагать, что данный перечень рождался в напряженном поиске определенной оптимальности и в условиях компромисса. Далее обратимся к презентации внутренней структуры обнаруженных макро-ценностей.

3.2. Смысл и содержание ценностей на индивидуальном уровне

Большое значение для интерпретации данных о ценностных предпочтениях людей имеет выявление содержательного наполнения ценностей у разных людей. Так наиболее популярная, часто вписываемая в ответы категория «семья» — для одних молодых людей представляет родительскую семью, для других — перспективу собственной семьи, для одних кры-

шу над головой, для других — взаимопонимание и поддержку. Для одних «учеба» — это каждодневная обязанность, для других — сфера общения, для третьих — система получения знания. Не изучая эту ситуацию, мы бы получили слабо дифференцированную картину и однородность групп, не соответствующую действительности.

Для конкретизации содержательного наполнения ценностной сферы нами использовались формулировки второй части задания, направленной на уточнение респондентом смысла и значимости названных им ценностей. Обнаружилось, что почти все наши респонденты считают семью значимой ценностью своей жизни, но отводят ей разные места и по-разному определяют ее смысл, роль, значимость (табл. 3).

Данная таблица выполняет две роли — с одной стороны, она показывает логику нахождения/формирования «конечных» (для данного массива) ценностей, а с другой стороны — убеждает, что ценности не носят «точечный», «элементарный» моно-характер, а сложены из некоторого количества разных компонент, имеют определенную внутреннюю структуру.

Т а б л и ц а 3. Результаты классификации ценностей у 218 респондентов.

№	Частоты	Классы и подклассы ценностей
1	252	Семья
	203	Семья, Семейные отношения, Понимание близких, Благополучие, Семейное счастье, Уют домашнего очага, Благополучие близких, Стабильность и уют, Любовь и гармония внутри семьи.
	22	Род Родители, Брат, Мои сестры, Бабушка и дедушка, Папа, Мама, Близкие и дальние родственники.
	13	Дом, Крыша над головой.
	14	Дети, Мои будущие дети, Продолжение рода, Создание своей семьи
2	142	Любовь
	115	Любовь, Чувства, Любимый человек, Вторая половина;
	27	Личная жизнь, Девушки, Парни, Общение с женским полом, Секс
3	217	Дружба, общение
	123	Друзья
	39	Дружба
	26	Общение, Человеческое общение, Общение с людьми
	29	Доверие, Взаимопонимание, Преданность, Братство, Взаимовыручка,
		(Приведена только часть результатов классификации ответов)

Мы видим, что первое место в выборке получила ценность «СЕМЬЯ» — она собрала 252 высказывания (или 14% от общей их суммы), в итоге тема семьи фигурировала у 207 из 218 респондентов, некоторыми отмечалось по несколько аспектов «семейной темы». Оценка ее значимости у 207 человек составила в среднем 90,3 балла.

В текстовых разъяснениях часть респондентов ограничилась подтверждением значимости семьи: *«семья — главная ценность в жизни», «самое главное в жизни любого человека — это семья»*. Другие подчеркивали функцию семьи выступать поддержкой и опорой: *«У человека всегда должны быть близкие, которые помогли бы в трудные минуты»*. Часть респондентов, вписывая ценность «семья», имела в виду свою будущую семью, своих детей.

Взаимоотношение с родными было представлено в разных вариантах. Для одних важно понимание среди своих родных: *«Прежде всего — это самые лучшие друзья, с любой проблемой я обращаюсь к ним»*. Кто-то отмечал полную дисгармонию в семье: *«Пугливая кошка, дед — маразматик, папа, которого нет дома, мама, которая много работает, и я»* (Катя, 9-й класс).

В принципе полученная структура акцентов может выступать своего рода справочником при выборе молодежной проблематики для исследований, показывающем также «выпавшие» темы, заслуживающие специального внимания. Например, тут определенно видно, что в сфере личностной значимости у молодежи отсутствует проблематика экологии, совершенно не представлены коллективистские ценности, идеи служения обществу, попадаются только отдельные упоминания религиозных и нравственных ценностей.

3.3. Комплексный подход к оценке значимости групповых ценностей

Прояснив для себя смысл ценностей на индивидуальном уровне и их смысловое пространство, перейдем к анализу групповых ценностей в сопоставлении с их оценками (табл. 4).

Для выявления значимости ценностей использовалось несколько способов.

(1) Обычный прием — определялась значимость ценности, исходя из частоты названия этой ценности респондентами (столбец 3). Здесь полученные данные о количестве (проценте) людей, назвавших ту или иную ценность, не содержат сведений об иерархии ценностей в привычном понимании этого слова — в этом случае предпочтительнее говорить о степени распространенности конкретных ценностей у изучаемой группы. В дальнейшем эту коллизию мы будем рассматривать в терминах *популярные/непопулярные* ценности.

(2) Прямые оценки значимости ценностей по 100 балльной шкале. В используемой методике респондентам предлагалось дать абсолютную оценку каждой названной ценности. Таким образом, представленная иерархия была получена, исходя из ранжирования массива автономных оценок ценностей респондентами (столбец 4). При рассмотрении в дальнейшем этой иерархии, будем говорить о более значимых/менее значимых ценностях.

Надо отметить еще одну существенную особенность нашей методики — она показывает, что *каждому респонденту* требуется разная шкала значимостей: одному 90 баллов — респондент расположил свои ценности на интервале от 10 до 100 баллов, другому 20 баллов (от 80 до 100), третьему 15 баллов (от 65 до 80).

Каждая ценность оценивалась тоже на разных интервалах: так «семья» имеет оценки от 56 до 100, «деньги» — от 20 до 100, «вера» от 80 до 100 баллов.

(3) Еще одна оценка значимости определялась из косвенных данных — исходя из порядка/строки ее написания в ответе (столбец 6). Этот анализ опирался на следующие посылки. Представляется, что респондент начинает чаще всего с сильно *актуализованных идей* и заканчивает слабо *актуализованными*. Однако это не исключает того, что на первых строчках респондент может написать как наиболее значимые лично для себя ценности, так и просто наиболее распространенные, популярные в его окружении, стереотипы, элементы публичного дискурса, массовых представлений, вбитых в сознание идей, клише и пр.

Все эти три подхода к оценке значимости ценностей в определенной степени автономны, но принципиально, что они органично дополняют друг друга, расширяя познавательные рамки о сути ценностных представлений и возможностях их выявления и измерения.

Данные в табл. 4 дают представление об определенных рассогласованиях в оценках значимости, полученной с помощью различных подходов. Более обобщенные показатели согласованности обеспечивают нам коэффициенты ранговой корреляции — для трех пар рангов по результатам трех способов оценки групповых ценностей.

Изучение взаимосвязи трех типов оценок дало следующие результаты. Как выяснилось, *популярные* ценности не оказались одновременно и весьма *значимыми ценностями*, скорее наоборот — коэффициент ранговой корреляции по 18 ценностям близок к нулю и составил $r = -0,11$, т. е. имеет даже отрицательное значение.

Значительная позитивная связь прослеживается между *популярностью* ценности и *строкой* ее написания, тем, насколько быстро ценность актуализи-

Т а б л и ц а 4. Структура ценностей в группе и их иерархии

1	2	3	4	5	6	7
Ранг по популярности (по п. 3)	Ценность	% от числа респондентов назвавших ценность	Средний балл	Ранг по баллам (по 4)	Среднее место написания в ответе	Ранг (по б)
1	Семья	95,0%	90,3	3	2,2	1
2	Деньги	83,5%	72,9	16	4,1	4
3	Друзья	80,7%	85,3	7	3,8	2
4	Любовь	62,4%	84	8	4,0	3
5	Образование	55,0%	77,6	14	4,8	6
6	Здоровье	50,5%	89,9	4	4,6	5
7	Досуг	37,6%	71,8	18	6,5	16
8	Работа	36,2%	78,4	13	5,2	7
9	Самопознание	22,5%	80,1	12	7,0	18
10	Свобода	20,6%	89,3	5	5,8	9
11	Жизнь	18,8%	88,7	6	6,2	13
12	Духовные ценности	18,3%	81,9	11	5,8	10
13	Уважение	15,6%	83,4	9	6,5	15
14	Гармония	14,2%	83	10	6,6	17
15	Родина	13,8%	71,9	17	6,2	14
16	Социальное положение	11,5%	75	15	5,7	8
17	Счастье	8,7%	92	2	6,1	12
18	Вера	4,1%	96,6	1	6,0	11
18 мест	Максимум	100%	100 балл	18 мест	10 мест	18 мест

зируется в голове респондента: $r = 0,65$ — показатель высокий, тем самым это означает, что на первые строки чаще попадают популярные ценности.

Значительно меньше связь между «очередностью» актуализации ценности (строкой, на которую записывается ценность) и ее значимостью —

рангом по балльным оценкам: $r = 0,23$. Респондентам проще в первую очередь предъявлять *популярные*, социально одобряемые ценности, но на индивидуальном уровне они могут и не быть высоко значимыми.

В целом выявленное рассогласование может быть вызвано двумя причинами. Во-первых, часть *популярных* ценностей представляет собой не что иное, как умозрительные конструкты, то есть мы можем столкнуться не только с индивидуальными ценностями в привычном их понимании, но и со стереотипами и шаблонами массового сознания. Во-вторых, низкая значимость при высокой распространенности ценностей может говорить о неудовлетворительном их состоянии у части респондентов.

Так, например, ценность «деньги» — по популярности занимает второе после «семьи» место, по порядку написания находится в среднем на четвертом месте, а по приписанным ей баллам — на 16-м месте. Рассогласование по двум типам ранжирования значимости «денег» может быть также связано с особенностями российского менталитета — в нашем обществе часто считается «неприличным» ценить деньги. Возможно, популярность в ответах денег — методический эффект формулировки задания.

Рассогласование оценок *популярности* и *значимости* у ценности «работа», как и в случае с «деньгами», можно объяснить слабой вовлеченностью респондентов в эту жизненную сферу. Напомним, что обследуемая группа наполовину состоит из школьников, для студентов ценность значима, но суммарная ее популярность для выборки получается низкая.

Рассогласование в оценках «образования» может быть обусловлено тем, что, как ни странно, самооценку образования слабо актуализирована в сознании учащихся — образование ими часто рассматривается как ресурс или обязанность, но не как самодостаточная ценность, привлекающая деятельность.

3.4 Сравнение ценностных структур в социально-демографических группах молодежи.

Теперь рассмотрим, какова структура ценностей у разных половозрастных и статусных групп молодых людей. Если говорить о различиях в ценностных представлениях у юношей и девушек, то нам удалось обнаружить несколько таких различий (см. Табл. 5). Как видно из таблицы, юноши оказались намного спортивнее девушек: 22% юношей включили спорт в набор своих ценностей против 5% девушек. Девушки в свою очередь оказались намного религиознее юношей (6% и 2% соответственно). Намного чаще юношей девушки в числе своих значимых ценностей называли детей: 9% против 2%. Зато для девушек, в отличие от юношей, было неха-

А. Гереп

Жизненные ценности в сознании учащейся молодежи

рактерно (8% девушек и 17% юношей) упоминать категорию «социальное положение» и такие входящие в нее компоненты, как «власть», «слава» и др. Меньшее число суждений юношей было включено в категорию «Гармония, природа, мир»: 6% юношей против 20% девушек.

Т а б л и ц а 5. Названные ценности (юноши и девушки).

	Девушки (Д)	Юноши (Ю)	Разница Д-Ю	Все
	%	%	%	%
Семья	97	93	4	95
Деньги	86	81	5	84
Друзья, общение	85	75	10	81
Любовь	70	52	18	63
Образование	58	51	7	55
Здоровье (свое, близких)	54	45	9	51
Развлечения, отдых, увлечения	37	39	-2	38
Работа, карьера	41	30	11	36
Самопознание, саморазвитие, личностные качества	26	18	8	23
Свобода	23	17	6	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	21	16	5	19
Духовные ценности	20	16	4	18
Уважение, признание окружающих	21	8	13	16
Гармония, природа, Мир	20	6	14	14
Родина	12	16	-4	14
Социальное положение	8	17	-9	12
Спорт	5	22	-17	12
Счастье	11	7	4	9
Дети	9	2	7	6
Вера, религия	6	2	4	5
Другое	19	9	10	15

В последние годы в российском обществе образ женщины претерпевает изменения. Расширяется спектр социальных ролей, которые исполняют женщины, изменяется содержание этих ролей. Например, все больше появляется «бизнесвумен», и женщин топ-менеджеров. Однако половая дискриминация во многих сферах жизни актуальна до сих пор. Женщины чаще мужчин становятся объектами насилия, чаще испытывают к себе неуважительное отношение. Возможно, по этой причине девушки, принимавшие участие в нашем опросе, гораздо чаще юношей упоминали значи-

мость «уважения со стороны окружающих». 21% девушек указывают в своих ответах эту ценность, в то время как об уважении вспоминают только 8% юношей.

Как мы можем увидеть из таблицы 6, существует ряд отличий и в содержании «ценностного пакета» учащихся школ и студентов.

Т а б л и ц а 6 . Названные ценности (школьники и студенты).

	Школьники(Ш)	Студенты(С)	Разница Ш-С	Все
	%	%	%	%
Семья	97	93	4	95
Деньги	89	78	11	84
Друзья, общение	86	76	10	81
Любовь	59	66	-7	63
Здоровье, спорт	55	58	-3	56
Образование	65	45	20	55
Развлечения, отдых, увлечения	41	34	7	38
Работа, карьера	24	49	-25	36
Самопознание, саморазвитие, личностные качества	16	29	-13	23
Социальное положение, удача	26	15	11	21
Свобода	23	19	4	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	20	18	2	19
Духовные ценности	18	19	-1	18
Уважение, признание окружающих	13	19	-6	16
Гармония, природа, Мир	23	6	17	14
Родина	17	10	7	14
Счастье	14	5	9	9
Вера, религия	2	8	-6	5
Другое	16	13	3	15

Так, например, высказываний о значимости работы и карьеры от школьников было получено в 2 раза меньше, чем от студентов. Такие результаты вполне логично вписываются во временную картину формирования трудовых ценностей молодых людей: действительно, для школьников наиболее актуальна проблема получения образования, а для студентов, тем более студентов старших курсов — идеи трудоустройства и успехов в карьере.

Согласно результатам нашего исследования студенты — гуманитарии больше студентов — технарей ориентированы на трудовые ценности: 56%

студентов гуманитарных ВУЗов против 41% студентов — естественников включили работу и карьеру в список своих ценностей (Табл. 7.)

Для студентов гуманитарных специальностей также более характерным было называть ценности, вошедшие в категорию «Духовные ценности». Это такие ценности, как «духовность», «мудрость», «доброта», «совершенство» и др.

Подобные высказывания были получены от 27% гуманитариев и от 10% технарей. Это вовсе не означает, что студенты–гуманитарии добрее и совестливее, нежели «технари». Причина состоит здесь, скорее, в том, что для будущих культурологов, социологов и режиссеров, в отличие от будущих инженеров, эта тема является более отрефлексированной, проработанной, как самостоятельно, так и в процессе обучения.

Та же ситуация наблюдается и с ценностью «самореализация и саморазвитие»: гуманитарии называли ее в два раза чаще студентов технических ВУЗов (40% и 18% соответственно).

Идеи самосовершенствования, самореализации, как и идея духовности, по всей видимости, являются предметом систематических размышлений для студентов-гуманитариев. Вообще от естественников были получены данные самого низкого качества. То есть будущие инженеры хуже всех справились с предложенным заданием: вместо 10 ценностей, в среднем они называли 6,6. А так как в техническом ВУЗе студентов не всегда учат хоть как-нибудь осмыслять значимые стороны своей жизни, то из названных 6-ти ценностей большинство оказались теми, «что у всех на слуху».

Как мы видим из таблицы 8, среди всех рассматриваемых групп учащихся, образовательные ценности наиболее сильно актуализированы у учеников специализированной школы с медицинским уклоном № 179 (68% против 57% учащихся школы № 142). Также ученики — лицеисты сильнее своих ровесников из «обычной» средней школы и даже студентов ориентированы на ценности жизненного успеха, достижения высокого социального положения (31% против 13% школьников школы №142, 16% студентов — естественников и 15% студентов гуманитариев).

Для лицеистов школа — это, прежде всего, место получения образования и хорошая стартовая площадка для поступления в медицинский ВУЗ, а не «место прикольной тусовки». А студенты, уже переступив порог высшего учебного заведения и выполнив, таким образом, свою образовательную «программу — минимум» больше озабочены предстоящим построением карьеры. При этом реже всего ценности образования в свой «ценностный

Т а б л и ц а 7. Названные ценности («студенты-технари» и студенты-гуманитарии).

	Студенты-технари(Т)	Студенты-гуманитарии(Г)	Разница Т-Г	Все
	%	%	%	%
Семья	92	95	-3	95
Деньги	76	80	-4	84
Друзья, общение	86	67	19	81
Любовь	53	78	-25	63
Здоровье, спорт	53	62	-9	56
Образование	39	51	-12	55
Развлечения, отдых, увлечения	35	33	2	38
Работа, карьера	41	56	-15	36
Самопознание, саморазвитие, личностные качества	18	40	-22	23
Соцположение, удача	16	15	1	21
Свобода	16	22	-6	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	20	16	4	19
Духовные ценности	10	27	-17	18
Уважение, признание окружающих	10	27	-17	16
Гармония, природа, Мир	2	9	-7	14
Родина	12	9	3	14
Счастье	4	5	-1	9
Вера, религия	2	13	-11	5
Другое	8	18	-10	15

пакет» включали студенты естественники (39% против 51% студентов — гуманитариев).

Школьники же 142-ой школы чаще других называли ценности досуга (50%) и реже всех — трудовые ценности (3%).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение ценностей отдельных социальных групп имеет высокую познавательную значимость, особенно важно отслеживать динамику ценностных ориентаций в период социальных трансформаций.

Т а б л и ц а 8. Названные ценности (учащиеся школы №142 и учащиеся школы — лицея № 179)

	Школьники 142 шк(Ш)	Лицейсты(Л)	Разница Ш-Л	Все
	%	%	%	%
Семья	90	100	-10	95
Деньги	87	90	-3	84
Друзья, общение	83	86	-3	81
Любовь	53	62	-9	63
Здоровье, спорт	37	62	-25	56
Образование	57	68	-11	55
Развлечения, отдых, увлечения	50	38	12	38
Работа, карьера	3	32	-29	36
Самопознание, саморазвитие, личностные качества	10	19	-9	23
Социальное положение, удача	13	31	-18	21
Свобода	20	23	-3	21
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	17	21	-4	19
Духовные ценности	13	20	-7	18
Уважение, признание окружа- ющих	0	17	-17	16
Гармония, природа, Мир	17	25	-8	14
Родина	7	21	-14	14
Счастье	3	17	-14	9
Вера, религия	0	2	-2	5
Другое	7	20	-13	15

Полученные нами результаты дают обобщенную картину значимых сфер жизни современной учащейся молодежи и могут служить ориентиром при выборе предмета для «молодежных» исследований. Так удалось выявить значительный «перевес» индивидуальных ценностей, слабо представлены экологические ориентации и демократические, западные ценности, практически отсутствуют религиозные ценности; несмотря на большую включенность исследуемой группы в сферу образования, эта ценность не вошла в число лидирующих.

Нами предложен и описан в данной статье принципиально новый метод, построенный на рефлексивном опросе и специальном формате получения первичной информации от респондентов. Открытые вопросы позволяют две принципиальные вещи — (а) выявлять более релевантные индивидуальные ценности и (б) получать статистику и более устойчивые «ценностные пакеты», релевантные социальным группам.

Нами использовалась комплексная методика на оценку значимости ценностей, в итоге были обнаружены определенные рассогласования в оценках, связанные с применением различных подходов. Эти данные говорят в пользу включения в арсенал исследовательских техник комплексных методик оценки значимости для получения более адекватных результатов.

Новый язык мобилизации и демобилизации самоорганизации населения

«Я не лох печальный, не быдло, я закон и свои
права знаю!

*(По материалам интервью с активистами
общественных самоорганизаций 2009 г.)*

Постановка задачи исследования

Тематику становления и развития гражданского общества в России для исследователя можно назвать полем парадоксов. Хотя различные формы самоорганизации населения по защите своих интересов являются центральным элементом понятия «гражданского общества» (ГО), мы не можем утверждать, что это понятие, несмотря на его многовековую историю и полное отождествление с демократией, стало общеупотребимым в языке участников общественных организаций, формальных и неформальных объединений и движений. Немногочисленные исследования тематики ГО, где использовался метод дискурс-анализа¹, показывают, что активисты различных самоорганизаций граждан, созданных для решения своих проблем в различных сферах социальной жизни, не отождествляют свою деятельность с понятиями «гражданское общество».

Даже на прямой вопрос лидерам и активистам общественных объединений об участии их организации в развитии гражданского общества, по данным мониторинга ГО² только 14, 5 % представителей благотворитель-

---

¹ Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм. /Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения . Под.ред. П.Романова и Е.Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009 . С. 96-119.

² Мерсиянова И.В. НКО: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ 2007. (Сер. Мониторинг гражданского общества. Выпуск 2).

ных фондов, НКО, потребительских кооперативов, общественных организаций считают, что они участвуют в его развитии.

Можно предположить, что, для участников опроса существуют определенные различия между тем, чем они занимаются в реальности и тем, что они понимают под ГО.

Образно говоря, если в России человек не соглашается назвать кашу из мяса и риса пловом, то у него есть на это аргументы (специи, способ приготовления и т. п.), с которыми мы, обычно, не спорим. Однако, когда наши самодельные общественные активности не хотят называть ГО, приводя различные доводы, то научное сообщество предпочитает их игнорировать, обвиняя оппонентов в непонимании того, чем они занимаются.

Действительно ли все дело в «переводе» слов с одного языка на другой или за этим стоят реальные различия в понятиях. Если то, чем занимаются наши общественники, не является ГО, то, что это означает? Есть ли у нас социальное пространство, где понятие ГО является рабочим инструментом и вполне адекватно ее западной модели? На каком языке в настоящее время происходит мобилизация и демобилизация социальной (гражданской активности) населения.

ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГО

Семантическое пространство лидеров и активистов формальных и неформальных добровольных ассоциаций граждан по защите своих прав, отстаивания интересов социальных слоев и групп по улучшению качества жизни состоит из старых и новых понятий, выражающих недовольство властью, обозначающих безвыходность ситуации, пассивность или активность граждан в решении своих проблем.

Новая реальность социальных практик жизни общества, новые идентичности активистов самоорганизации рождает современной язык коллективного действия, на котором говорят обманутые дольщики, члены ТСЖ, защитники природы, групп самопомощи людей, попавших в сложную жизненную ситуацию.

Этот язык несет в себе новые словесные нормы и правила, с помощью которых они призывают к объединению, аргументируют свою позицию, объясняют мотивы необходимости коллективного действия.

Наше исследование¹ позволило выделить две основные координаты или континуумы понятий, куда можно вписать практически все высказы-

---

¹ Эмпирической базой исследования был совместный с ФОМом проект «Социальные сети и качество жизни населения в условиях кризиса», проведенный

вания и действия респондентов из числа лидеров и активистов самоорганизаций, где в основе объединения лежат их личные проблемы в сфере жилья, экологии и здоровья.

Этими координатами является понятие справедливости и закона. Соответственно можно обозначить области общественных практик, где, по мнению респондентов, соблюдение норм справедливости и закона наибольшее или наименьшее. Наша модель ГО напоминает известную аналитическую модель «квадрат Гартнера» с обозначением четырех зон таких социальных практик, выделенных на основании анализа естественных типологий (собственных высказываниях респондентов):

- «Зону порядка» как наибольшей меры проявления справедливости в сочетании с законностью, что респонденты в интервью обозначали как ПОРЯДОК (законно и справедливо);
- «Зону беспредела» (незаконно и не справедливо»);
- «Зону обычного права» /Здравого смысла/ самосуда/зона Линча (вполне справедливо, но не вполне законно)
- «Зона абсурда (абсолютно не справедливо, но вполне законно) (См. Рис. 1.)

Современный язык лидеров и активистов самоорганизаций по вовлечению в поле ее деятельности новых членов, которых коснулась общая для всех них проблема, при всем его многообразии и адаптации к конкретным условиям, особенностям культуры и уровня образования социальных слоев и групп населения все же имеет общий словарь «нового общественника-активиста». Об этом свидетельствует тот факт, что наши респонденты, проживающие в Ростове, Самаре, Томске, Саратове или Красноярске имели схожую терминологию и определенную конвенцию относительно смы-

---

в 2009г. Была применена инновационная методика создания исследовательской группы нового типа — «**СОЦИОАРТЕЛЬ**», предназначенной для производства так называемых распределенных «резидентных» исследований в регионах. Основным способом получения информации в данном проекте — это глубинные интервью с активистами и лидерами самоорганизаций и экспертами (информантами, владеющими специфическими знаниями и необходимой информацией для оценки ситуации с данными самоорганизациями. Исследование проводилось в Самаре, Саратове, Ростове на Дону, Томске и Красноярске с экспертами из числа лидеров самоорганизаций по защите интересов в сфере жилья, здоровья, экологии. Другой особенностью данного исследования является требование к выбору объектов интервью. Респонденты должны иметь опыт решения своих проблем только через данную общественную самоорганизацию, а не через личные родственные или дружеские сети.

сла понятий, которыми они обозначали актуальность проблем и необходимость коллективных действий.

Эта конвенция проявлялась не только в отсутствии необходимости всякий раз разъяснять по ходу интервью, что имеется в виду под теми или иными словами для оценки несправедливости со стороны власти или бизнеса, но также состояла в том, что имела определенную форму выражения и последовательность сюжетов для мобилизации гражданского действия. С другой стороны существует такая же современная конвенция относительно словесных форм демобилизации любых проявлений социальной активности как со стороны власти, так и со стороны самих участников этих самоорганизаций.

Таким образом, мы имеем гипотезу, о том, что мы наблюдаем процесс трансформации языка советского общественного деятеля и уходящую в историю риторику «активного строителя коммунизма» и «члена социалистического трудового коллектива» в язык субъектов нового поля общественных движений и инициатив.

Поле этой социальной активности пространственно располагается между интересами государственных органов власти, аппетитами коммерческих структур российского бизнеса и сугубо личными интересами и потребностями самих участников этих самоорганизаций.

Мы полагаем, что на этом языке разговаривает реальное российское гражданское общество и данный язык отражает реальные процессы и повседневные практики, которые в нем происходят.

«Зона порядка»

На первый взгляд «зона порядка» — это область идеальных представлений об устройстве общества, где осуществляется смутная мечта о гармонии закона и справедливости. Это семантическое пространство населено типами идеальных общественников с нормативными характеристиками праведников и различными желаемыми представлениями о «порядке» в обществе в целом и в конкретных сферах социальной жизни.

Однако именно здесь на границе с «зоной обычного права» существуют активисты, которые в своем языке употребляют понятие ГО не как абстракцию, причем в дискурсе правового государства. Это отчасти связано с их особой позицией, статусом и ролью в социуме. В этом секторе стремление к справедливости и законности приобретают максимальные для нашего общества значения. Поэтому «зону порядка» мы можем в наибольшей степени отождествлять с западной моделью ГО, в основе которой лежат практики правового государства, отношения, основанные на част-

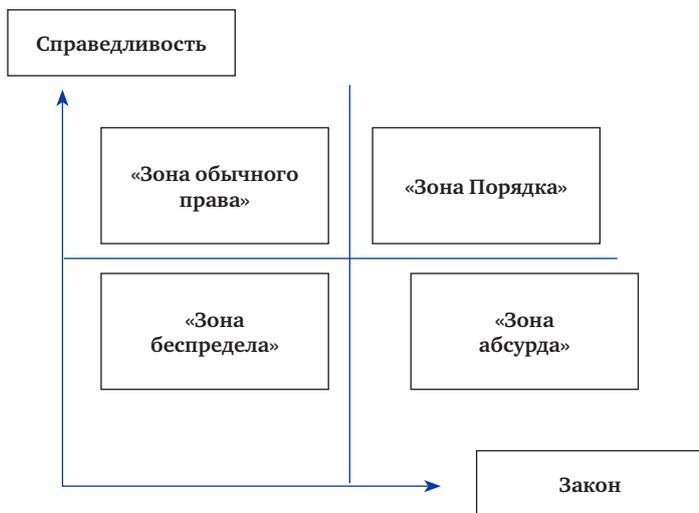

Рис. 1.

ной собственности, правовая грамотность населения и наличие «критической массы» среднего класса хотя бы по уровню образования и доходов его представителей.

Можно выделить несколько признаков особенности этой позиции:

1. Эта стремление респондента жить по закону и быть законопослушным гражданином. Например, можно привести фрагмент интервью с председателем президиума Ростовской Ассоциации ТСЖ, председателем одного из ТСЖ в г. Ростове-на-Дону (муж, около 60 лет) : «мы... пытаемся жить в законопослушном государстве. Плохой закон, хороший закон, но он закон. И обязаны выполнять. А уже в процессе выполнения и ставить вопросы, оспаривать какие-то позиции.» (Ростов Э1)

Начало интервью с ним было связано с выяснением компетентности исследователя в теме ТСЖ, причем именно в законодательном аспекте:

«.....желательно, что бы вы имели четкое представление о ситуации, проблеме — хотя бы раз прочитать Жилищный кодекс, раздел ТСЖ. Второе — внимательно прочитать 307-е постановление и 491-е постановление. Это как бы вводная часть».

Для сравнения, в зоне «обычного права» нашей модели ГО предпочитают руководствоваться не законами, а «инстинктами», здравым смыслом

и практическим опытом. Например, председатель ТСЖ из Томска, в целом не отрицая необходимость знания жилищного кодекса, заявляет, что он работает на «уровне инстинкта» (*Сейчас я работаю на уровне инстинкта. Т. е. по ходу, да. Т. е. берешь и делаешь, как считаешь, ну вроде как по ветру. (Томск P1).*

2. Другая особенность «зоны порядка» заключается в том, что общественная

активность фокусируется на проблемах, представляющих «не первую жизненную необходимость». Например, право на отдых в нашем обществе, по мнению, лидера самоорганизации из Самары («Велосамара»), для большинства населений в целом не актуально.

Р. люди готовы решать вопросы экологии, когда есть, что покупать». «Люди готовы заниматься, ну, не знаю, проблемой очистки бензина путем его удорожания только когда им есть на что покупать более дорогой бензин. Поэтому все просто. Экология... Как только дела идут вниз, ухудшаются — мне кажется, на экологию у нас... про экологию у нас забывают в первую очередь». (Самара P1)

Важно отметить, что в этом интервью участие в самоорганизации определяется **НЕ РЕСУРСОМ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ**, с чем обычно у нас связывают общественную активность, а с образом жизни материально обеспеченных людей, имеющих возможность позволить себе заботиться о природе, животных, соблюдением гражданских прав и т. п.

По словам респондента, — *«участие в экологических акциях — это не ресурс свободного времени», это «роскошь для хорошо зарабатывающих граждан».*

Соответственно из подобной логики вытекает вывод, что кризис, в ситуации дефицита средств для пропитания, проживания, лечения, образования и т. п., прежде всего ударит по экологическим движениям.

Р. Ну, во-первых, да. Экономические проблемы. Ну, какое там кому дело до «Дубков», если сына в школу не на что снарядить. А так, те, у кого свой бизнес, те, кто занимается зарабатыванием денег — «ДУБКИ» ИМ ДЕНЬГИ НЕ ПРИНЕСУТ... Фактически, пока кого-то, именно чьи-то интересы не будут затронуты — он же не пошевелится!

3. Еще одной особенностью для активистов «зоны порядка» является представление, что возможность защищать, отстаивать свои законные права — это ценность.

Р. Ну. Наши интересы как велосипедистов, велосамарцев — понятно, наши интересы тут затрагиваются, то есть для нас это место, где мы

можем отдохнуть. И, в общем то, это... это ценность. Для нас это ценность. А для остальных — не знаю.

ГДЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НЕ АБСТРАКЦИЯ

Точка, где абстрактное для респондента понятие ГО пересекается с реальной жизнью — это собственность. В данном случае — это жилье, которое «после жизни самая дорогая вещь, которая в вашей собственности» для большинства россиян.

Собственность в свою очередь это ответственность не только за свою квартиру или приватизированную дачу, но и за всю инфраструктуру, которая имеет к ней отношение. В этом контексте ТСЖ производит чувство собственности, которое выбивали 70 лет («70 лет... выбивали чувство собственности. В поле выйдешь: «Чье?» — Все мое. Председатель ТСЖ, Красноярск.)

Респондент (председатель ТСЖ из Ростова) рассматривает ТСЖ как платформу для создания ГО, где возможны практики управления своим домом на основе осознанной ответственности не только за квартиру, но и за дом.

« Поэтому товарищество, еще с другой стороны — это одна из форм, одна из форм, создания гражданского общества. Человек научится, собственник научится, управлять своим домом — он понимает свою ответственность, что моя квартира, не только это моя, но мне принадлежит кусочек лестницы, кусочек потолка, крыши, кусочек подвала, трубопровода и всего прочего. (Ростов Э1).

Понятие общедолевая собственность в этих ситуациях обретает конкретный смысл.

Однако, по мнению респондента, важна идея поэтапного развития управления собственностью. Сначала надо научиться управлять своим домом, потом переходить на участие в территориальном управлении совместно с администрацией района.

То есть, ТСЖ... является учителем — не учителем... Обстановка для собственника, чтобы он понимал, что это моя собственность, это общедолевая собственность и я за нее отвечаю. Это вот касается, касается ТСЖ. И дальше — научишься управлять своим домом, тогда ты сможешь территориальное самоуправление организовать и уже диктовать администрации района, что «ты мне не вот здесь вот дорогу асфальтируй, а вот здесь вот надо навести порядок». А получается сейчас наоборот, что район диктует «вот это надо сделать, вот это, вот это». А люди все сидят и молчат. Не получается. Вот, научившись домом управлять, научив-

шись районом управлять, тогда можно управлять спокойно страной, и не будет такого безобразия, будет воспитано, **создано гражданское общество**, то есть — это преимущество.

Таким образом, одним из путей создание ГО в России — это постепенный процесс обучение населения практикам управления собственностью на разных уровнях, через обременение ответственностью за то, что выходит за границы жилья, забора дачи, ворот гаража и т. п.

«НАСТОЯЩИЙ ОБЩЕСТВЕННИК — ЭТО КАРМА»

В наших транскриптах респонденты, социализация которых связана с социалистическими трудовыми коллективам, деятельность в ГО обычно называют общественной работой, а активистов- общественниками. Для «детей перестройки» и «детей рынка» общественная работа достаточно абстрактное понятие.

И. Все-таки, что такое общественная работа?

Р. Понятия не имею. Вот в моем представлении общественная работа — это то, что делал там в Индии Махатма Ганди, когда он людей водил в соляные походы, да. Пропагандировал там, значит, сопротивление без насилия. Вот это общественная работа. Человек совершенно четко понимал, в чем состоят интересы его общества. И готов был этих интересов добиваться, жертвуя при этом чем угодно, вплоть до угрозы собственной жизни. Не ожидая от общества ничего в ответ. Считая, что ну там видимо с точки зрения индусов, что это его карма. Вот это общественный деятель. (СамараР1, муж. 41 г., предприниматель))

Здесь идеал активиста ГО — это образ праведника, тот, с кем в обыденной жизни сталкиваться не приходилось. Планка для нормативного общественника чрезвычайно высока. Мало того, что он обладает уникальным набором понимания интересов общества, готовностью за эти интересы отдать свою жизнь, не требуя от общества ничего взамен, он еще и живет не у нас и по законам не нашего общества, т. е. носитель норм иной более «нравственной» культуры.

НЕРАВНОДУШНЫЕ ВОЛОНТЕРЫ

Другой тип общественника в зоне порядка — «это просто неравнодушные волонтеры, которые с удовольствием принимают участие как в акциях первых двух групп (государственных органов и формальных общественных организаций. Прим.авт.) Это люди, которые «неравнодушные к окружающей среде» Мобилизацией таких людей основана на том, что «просто надоело вот, жить в такой обстановке». Так же важно отметить, что в «зоне порядка» присутствует вера в человека: «я так думаю, что, все-

таки, люди есть люди. Они думают, они смотрят, они видят, и молодежь, во всяком случае, не такая плохая. Как мы привыкли об этом думать»

В этом секторе можно встретить удивительные примеры самоотверженности и мужества добровольцев. В нашем исследовании есть случай помощи родителей ВИЧ-инфицированной матери одноклассника их детей.

И. Умирала у нас пациентка на дому, а у не ребенок. И ребенок учился в школе. По моему 6 класс и родители одноклассников ее ребенка приходили и за ней ухаживали. Совершенно нормальные, такие бизнес-women у которых, все благополучно было, они одевали хозяйственные перчатки, в которых красят волосы, они брали тапки, они ходили за нее по всем поликлиникам. Привлекали внимание, пытались добиваться, поддержки для нее. Это просто одноклассники ее сына. Хотя в большинстве, 70-80% отторгает, а если не отторгают, то не замечают. Они были не довольны, когда ребенка забрали в патронажную семью. Они готовы были сами взять. Ребенок же был отрицательный. Прекрасно понимая, зная, от чего умирает мама. Мама инфицировалась от мужа, который их бросил. Здесь так индивидуально. Где не ждешь поддержки от людей, думаешь не будет, она, почему-то бывает. Где уверен, что поддержат, поймут, они почему-то отказывают. (Саратов Э1).

ГО КАК ЯЧЕЙКА ДЕМОКРАТИИ

В зоне порядка понятие ГО общество напрямую употребляется респондентами, социальные роли которых предусматривают публичность, контакты с СМИ и властью.

Это подтверждает гипотезу, что понятие ГО не является конструктом языка повседневности и рутинных практик, а институционализировано в сфере политики, СМИ, государства и специфических общественных объединений, для которых понятие ГО — рабочий инструмент (например, правозащитники).

Наши респонденты используют другие понятия, которые мы можем отнести к ГО как институту демократии. Например, «мы ячейка демократии», «народовластие», «собрались и вместе с людьми решили», «не вам меня снимать, меня жильца выбирали» и т. п.

Р: Да. Фактически мы ячейка демократии. Да? Вот мы же собираемся, мы с людьми решаем, что... Вот, люди приходят ко мне и говорят: «Алексей Васильевич, вот в этом году, вы — молодцы, вы сделали крышу. — Да? — Давайте, сделаем подъезды, давайте, будем ремонтировать подъезды». Пожалуйста. Раз у нас пошли затраты, да, мы собрались здесь, постановлением решили, протокол составили, подписали, утвердили: в этом году

сделаем пять подъездов. Вот я в этом году их сделал. Вот, зайдите, пять подъездов, у меня малярный ремонт великолепно выполнен.

Причем речь идет именно об институте прямой демократии, где решения принимаются лицом к лицу, прямым голосованием, с участием всех членов самоорганизации.

«ЗОНА ОБЫЧНОГО ПРАВА»

«Зону обычного права» можно еще назвать «зоной инстинктивного гражданского общества». Здесь при оценке ситуации и принятии решений активисты самоорганизаций ориентируется не на существующие законы, не на знание своих прав, а на «инстинктивное» представление «о том, как должно быть», что «это несправедливость», а это «по честному или по совести». Эти слова обязательно присутствуют в их языке мобилизации и языке демобилизации общественной активности населения их противников.

Здесь наибольшее число парадоксальных ситуаций, которые легко объясняются самими респондентами на основе «здорового смысла», но понимание объективных причин возникновения этих парадоксов выходит далеко за его границы.

Например, это феномен слепого доверия на фоне тотальной подозрительности, который разрушает тезис о дефиците доверия для развития ГО в нашей стране.

Как объяснить, что при общем фоне деклараций, что «никому нельзя верить», что «во власти и бизнесе все воры и мошенники», тем не менее, люди демонстрируют слепое доверие, отдают свои деньги, не поинтересовавшись гарантиями, своими правами и т. п.?

Почему постоянное высказывание недоверия председателю кооператива, товарищества и т. п., не сопровождается желанием участвовать в работе ревизионной комиссии, заглянуть в устав организации и законодательство, регулирующее его деятельность?

Почему беззаботно доверяют принятию решений на собраниях самоорганизации, не считают нужным появиться на отчетно-перевыборном мероприятии и проч.?

Как возможно управление общественными и некоммерческими организациями людьми, с уровнем ниже «правового ликбеза», которые считают законодательство об общественных объединениях и даже собственные уставы «просто бумагой, а реальная работа делается по другим законам»?

Тяжелое наследие принудительной общественной активности населения? Однако, сегодня в игру вступает поколение, которое не сидело на комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях «эпохи застоя».

Значит в обществе существуют механизмы социальных институтов, которые занимаются воспроизводством так называемого «равнодушия», «пофигизма», тактики невмешательства и культивацией традиционного для России искусства «терпеть и голодать».

Например, в интервью с экспертом-гос.служащим из Красноярска по вопросу о ситуации с обманутыми дольщиками мы видим язык демобилизации саомоганизаций, — *«Если говорить про государственную власть, то ходит толпа или один — это не важно. Одному человеку даже проще помочь. Не знаю, есть ли смысл объединяться, если в вопросах экологии, то есть, а в вопросах долевого... (Красноярск Э1)*

Взгляд «власти» на лидера самоорганизации основан на недоверии к его мотивам помощи другим: *«Лидеру, я думаю, все равно — будет ли иметь квартиру какая-то тетя Маша или нет, ему важно, чтобы у него была квартира».*

Власть не любит объясняться и переубеждать просителей в том, что она способна и хочет помочь. *«Почему знакомства много решают, потому что никому не приятно, когда к тебе приходят и говорят: «Вы вообще все во власти козлы и уроды, и вы, конечно же, нам не поможете и ничего, конечно же, вы не сделаете, но мы пришли! А что мы пришли? Все равно вы нам не поможете!» — примерно такая позиция.*

Это язык демобилизации, который отсекает возможности диалога между властью и обществом. С одной стороны здесь видна парадоксальную по сути установку «общества» на «власть» (мы в вас не верим, не любим, но все-таки пришли к вам за помощью), а с другой защитную реакцию и позицию («еще буду всякомуобъяснять»).

В зоне обычного права можно узнать, где и как «кончается терпение. И, наконец, зона обычного права занимает самое большое пространство в наших интервью, что дает основание для гипотезы, что сегодня здесь в основном и располагается то самое «общество», которое не является «гражданским» с т.з. устоявшихся парадигм, для которого адекватный ему язык еще созрывает.

«Я РАБОТАЮ НА УРОВНЕ ИНСТИНКТА»

Как мы уже отмечали, в зоне обычного права активисты руководствуются своим представлением о справедливости и законности. Незнание законов компенсируется практикой общего представления «как должно быть». В целом признавая необходимость знания закона, тем не менее, практика показывает, что есть активисты самоорганизаций, которые их не изучают.

За словами «правовая безграмотность» стоит не просто нежелание изучать законы или банальная лень. Речь идет о субъективных барьерах к информации. Например, неверие в возможность научиться. Это как человек, который считает, что он сможет овладеть иностранным языком только, когда он попадет в языковую среду или этот язык ему будет крайне необходим для работы и жизни в целом.

Здесь также для изучения законодательства «*нужно работать в администрации, знать, с юристами общаться*», а с другой стороны он может обходиться «чувствами и инстинктами»:

Р. « Я вот на самом деле чувствую просто. Это нужно читать, это нужно знать, это нужно изучать. Кодексы жилищные. Это нужно работать в администрации, знать, с юристами общаться. Это нужно много знать. Я это на уровне инстинкта. Сейчас я работаю на уровне инстинкта. Т. е. по ходу, да. Т. е. берешь и делаешь, как считаешь ну вроде как по ветру. Если это прочитать и до ума разобраться в этом, то будет проще. Мне. Т. е. буду конкретно брать и делать. Вот и все».

Возникает вопрос, почему председатели ТСЖ не проходят аттестацию на знание жилищного кодекса, например? Один из ответов респондентов указывает на то, что местная власть в принципе заинтересована в воспроизводстве «пассивности населения» и его «правовой неграмотности» для решения своих задач. Это видно по тому, на кого местная администрация, если судить по нашим кейсам, хотела бы заменить, по ее мнению, «неправильного председателя». Это не просто «свой человек», «карманный председатель». Это полный антипод активному, несговорчивому, грамотному и авторитетному действующему председателю.

С другой стороны, действующее в настоящий момент «правовое поле» дает возможность играть на нем активистам самоорганизаций, имея только общие представления о правилах игры, узнавая о них по мере возникновения «игровых моментов». Но даже знание правил не является залогом успеха, так как их выполнение избирательно в каждом конкретном случае.

Гипотеза состоит в том, что такое правовое поле пока устраивает всех.

В этом секторе нашей модели ГО действует аксиома О. Уайта: « Жизнь никогда не бывает справедлива. Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше».

Суд Линча как инструмент ГО?

В зоне обычного права язык мобилизации активистов содержит призывы к самосуду. Стремление действовать методами суда Линча возникает,

когда справедливому, на взгляд активиста, решению задачи, существуют непреодолимые законодательные барьеры.

Здесь языком мобилизации к самоорганизации является предложение «обратиться в суд»:

Р. Председателя хотели линчевать. Даже там женщины, собравшиеся (при этом было несколько собраний народных), фактически его бить пытались немножко. Не очень в серьез на самом деле, к счастью. Вот председатель объяснить не может. Версия была такая, что он эти деньги куда-то в общем-то положил.

Прокуратура в общем-то, в общем-то, пожалуй, нам была понятная реакция. Она сказала: «Идите в суд». Т.е. «мы с вами разбираться не будем, в суд обращайтесь, пусть суд разбирается». Томск Р2

В зоне обычного права нормативным считается «не вникать в дела, достаточно общего впечатления», т. к. все равно защиты от государства не будет.

И. В решении этой проблемы были явные препятствия?

Р. Но, скорее всего, законодательные. Потому что в законодательстве такая форма, на сколько я знаю, не изучал вопрос там в деталях, достаточно общего впечатления. Для как бы закона видимо ТСЖ не являются предметом защиты государственного. Ну, я имею в виду, закон уголовный там, административный, что-то еще. Пожалуй, только закон о потребителе мог бы в этом смысле использоваться. А ну это по суду. (Томск Р1)

С КАКОЙ СТАТИ?

Мобилизующим языком самоорганизации является негодование активиста, выраженное в вопросе: «С какой стати?» . Этот вопрос как правило обозначает понимание несправедливости ситуации и конкретное обвинение виновника в обмане или превышении должностных обязанностей и проч.

Р. А эти все отказались: «У нас не входит это в тарифы». А нас с какой стати это интересует?! Все у них входит! Это неправда. Я все это понимаю.

Словами «**ЗАМОРОЧКИ**» активист может обозначать обозначают ситуацию, где на него пытаются переложить чужие обязанности:

И. Ну, зачем нам еще вот эти вот ихние заморочки все. Вот эти вот расчеты, за воду, за тепло. Вам это нужно? Ну, и занимайтесь, ребята. Занимайтесь. Почему мы должны этим заниматься?

«ЗОНА АБСУРДА»

Другим полем ГО является «Зона абсурда», где закон не просто не справедлив, или не работает, а входит в противоречие со здравым смыслом и с повседневными практиками жизни. Классическим примером является

требование «закона» к инвалиду без ноги ежегодно являться на комиссию по определению группы инвалидности.

Язык мобилизации в «зоне абсурда» основан на выражении крайней степени непонимания и раздражения противоречиями в законе и абсурдной ситуацией, где с членов самоорганизации власть требует того, что невозможно выполнить без ущерба себе обществу.

Абсурдность ситуации усугубляется тремя факторами:

Власть отказывается пересмотреть неработающий и несправедливый закон, который активно защищает, не принимая аргументов и не вступая в конструктивный диалог.

Очевидность коррупционного мотива при использовании несовершенства законодательства.

Откровенный цинизм и издевательство со стороны представителей власти и коммерческих структур, которые выступают единым фронтом.

Например, председатель ТСЖ из Новочеркаска так описывает несправедливые, по его мнению, договоры с энергоснабжающими предприятия – городскими монополистами:

Р. ...Я вам скажу... Вот есть устав ТСЖ да? Вот, основное противоречие, бешенное противоречие... Вот он, устав, да? Он утвержден у меня, значит, ростовской... в общем... Федеральной налоговой службой. .... Вот, во всех договорах, где меня нагнули... Вот в Арбитражном суде Ростовской области нас нагнули... э-э-э... ну, поиздевались (акцентируя) просто над нами. Значит, и заставили за всех платить должников. Хотя. У нас в уставе четко написано, — вот это самое страшное противоречие я считаю,

мы же делаем это для людей, и, причем, с них-то ни копейки мы не просим. Вы, не забирайте у людей деньги, хотя бы. Те, которые мы платим, которые облагались десять раз налогами, которые люди получили зарплат... Они налоги уже там заплатили. А здесь еще облагают, понимаем? Ну, как это? Ну, как это?

Язык мобилизации в зоне абсурда в качестве стимулов имеет примеры привычной бытовой ситуации, доведенной до абсурда. Например, покупка хлеба в магазине, где вы должны сами назначить цену на хлеб, самому себе выбить чек и отдать его и свои деньги подавцу.

Р:Вы хотите купить что-либо. Любой товар, да? Тот же хлеб или что-то такое. Получается так: они с нас требуют, чтобы я пришел, рассчитал сколько стоит хлеб, выбил сам себе чек, заплатил за них... Ну, смешно же, да? Вот, что бы вы поняли...

В зоне абсурда особенно наглядно можно увидеть новый язык демобилизации гражданской активности, которыми пользуются представители власти и бизнеса.

1. Абсурдная подмена понятий:

«Мы решили создать в этом же доме ТСЖ. Мы создаем ТСЖ и с этого дня у нас вместо коммунальных услуг стали коммунальные ресурсы. Ну, понимаете, вот абсурд, который в общем уже дальше придумать нельзя».

2. Абсурдные обвинения активиста в том, что он получает деньги ни за что:

Р. Не, ну там же самая главная риторика у В. как идет? То, что вот люди платят там зарплату председателям, а они не исполняют свою работу и...

Р: А что там исполнять? У меня, у меня по уставу, если он поднимет уставы всех председателей, у нас нет коммунальных услуг.

Абсурдная угроза снять с должности: «В. сказал: «Мы их снимем». А я задала вопрос: «На каком основании? Вы меня не назначали». Меня избирали мои жители. И снять меня могут только мои жители. Но не вы».

Абсурдные приоритеты в законодательстве для чиновника:

У нас во главе стоят кодексы. Ну, а потом уже все: постановления Правительства, постановления Президента и прочее, и прочие указы. Ну, глупее ответа я, конечно, не слышала. Или он так хотел сказать. Он говорит: «Вы, понимаете, все дело в том, что какой закон последний». Я говорю: «Вы меня извините...». Если какой-то закон издан Президентом в 2009 году, он, что может отменять Конституцию.

6. Осознание, что жалоба на чиновника будет еще абсурдней, чем его действия:

Обращусь к Президенту, что он же гарант Конституции. Обращение тогда к нему, что Конституция не устраивает наш департамент... Что я еще могу сказать? Ничего другого у меня уже просто не осталось. И, понимаете, вот просто доходит, действительно до какого-то... Ну, я не знаю. И даже уже и слов не находишь, что им сказать. Абсурд. Абсурд, возведенный, — я не знаю, — в какую-то степень.

7. Абсурдное несоответствие фактов, за которым стоит материальный интерес:

Потери! На сорок тысяч потери в сетях! Ну, не абсурд, понимаете? Ну, написать все что угодно можно, конечно, но люди-то перестали быть безграмотными. Потом мы и это раскопали в конце концов. Потому что они думали, мы не найдем концов. Мы нашли. Потому что каждый месяц с федерального бюджета выделяются деньги.

Сделать абсурд правовым полем. Здесь требование власти «давайте решать вопрос в правовом поле» является сигналом для активиста самоорганизации, что к ним будут применяться различные уловки в законодательстве, чтобы на законных основаниях препятствовать решению вопроса. Например, необходимость собирать многочисленные подписи и печати, следовать инструкциям, которые предназначаются для другой ситуации, довести до абсурда субординацию института власти и т. п.

Поэтому респондент из Ростова отмечает, что *«мы уже идем по правовым полям. .... Я не знаю, как это донести, я же говорю, я не знаю... Понятно, что мы не пробьемся ни к Медведеву, ни к кому. Но как это донести, чтобы вот этот закон начал готовиться снизу вверх? Чтобы нам не спустили рекомендации, что мы должны делать»*.

ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК БАРЬЕР РАЗВИТИЯ ГО

В этом отрывке из интервью возникает интересный парадокс, суть которого в том, что базовая характеристика ГО — доверие граждан к государству и друг к другу может быть барьером развития ГО.

Р. . Ну, просто, понимаете, ну, наверное, наше воспитание такое, что мы привыкли доверять. Да нам сказали вот такая цена. Ну, вроде бы и платим. Ну, как бы это.. Понимаете, просто люди... Мы как не были — вот правильно сказала...

ФОРМАЛИЗАЦИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ — КАК ОТВЕТ НА АБСУРД ЧИНОВНИЧЕСТВА

В исследовании приведен случай, который может быть показателем для понимания особенностей «зоны абсурда», где целью создания самоорганизации является защита от бессмысленных, с т.з. активиста, бюрократической работы. С другой стороны это продиктовано необходимостью говорить с администрацией на понятном ей языке — языке формальной организации:

И. Так, а «Содружество»... вы ее с целью создали, чтобы более эффективно как бы интересы отстаивать?

Р: Ну, да. Чтобы, понимаете, это, во-первых, уже надоело эти печати все ставить. А все-таки ассоциация — это организация. Пускай думают, что с нами делать. Понимаете? И все-таки это, действительно... Хотя мы, я понимаю, что это чисто проформа, потому как мы собирались, так и собираемся и будем собираться, и будем вести все.

«ЗОНА «БЕСПРЕДЕЛА»

Новым языком мобилизации гражданской активности можно назвать слово «беспредел». В языке активистов самоорганизации он обозначает полное попрание существующих законов и вопиющую несправедливость.

Само понятие «беспредел» не вызывает необходимости разъяснять этот термин в разговоре с респондентом, что свидетельствует о вхождении данного термина в обиходный язык самоорганизации. Однако интересно, что респонденты, на прямой вопрос, можно ли эту ситуацию назвать беспределом, сначала «автоматом» соглашались, но потом замечают, что это пришло из уголовного лексикона, а здесь не криминальный мир.

И. Можно назвать эту ситуацию беспределом, например?

Р. Да. Да, нет. Это термин уголовный. На самом деле. Как раз его председатель охотно использовал. Нет, это ненормально. Но это абсолютная анархия. Т. е. это полное отсутствие какого-то управления. (Томск. Р1.)

Итак, «беспредел» — это трактуется как ненормальная ситуация, абсолютная анархия и отсутствие какого-то управления, прежде всего со стороны государства.

Р. А форма ТСЖ к этому располагает. ТСЖ не регулируется государством. Т. е. государство не имеет возможности вмешаться, ни один контролирующий орган. Даже прокуратура фактически, куда было сделано заявление, она не отреагировала. Ну, по сути никак.

Здесь следует отметить, что беспределом называют чаще всего действия муниципальной власти, чем подчеркивается ситуация полного беззакония, когда сами власти действуют не по правилам. В данной риторике появляются сравнения местных властей с преступным миром, причем не в их пользу, — «Я считаю, что лучше иметь дело с организованной преступностью, чем с разными жуликами все время».

КОГДА ВЛАСТЬ СТОИТ И УЛЫБАЕТСЯ

Наиболее болезненная точка для активиста самоорганизации в зоне беспредела — это не бюрократические отписки законной власти, не ее бездействие, а прямой сговор с нарушителями закона и насмешки над жертвами произвола. Например, когда обманутых дольщиков «власть» называет «лохами», которые сами во всем виноваты или милиция приезжает для наведения порядка, но вместо этого «стоит и улыбается», объясняя бездействие тем, что «это не наша территория».

В этом кейсе респондент говорит о ситуации, в которой в ее дворе построили огороженную стоянку автомобилей в нарушении всех существующих санитарных норм. На этой основе возникла неформальная самоорганизация жильцов, которые собирали подписи, ходили по инстанциям с жалобами, однако строительство стоянки законным путем не было остановлено. Жильцы перешли к активным физическим действиям, появилась милиция, которая приняла позицию стороннего наблюдателя.

Р. «... милиция тоже ничего не надо, у нас тут, когда скандал-то был, когда они столбы ставили, и милицию вызвали, и Октябрьский район милиция была, и Советский район милиция была. Они стояли в сторонке и смотрели, никаких мер вообще. Тут вообще чуть до драки не дошло, схватились за эти колья, давай выдирать, а милиция смотрят и улыбаются, всё, никому ничего не надо «это не наша территория, это не наша», а чья же это территория?. (Самара К Р1)

Это рождает чувство безысходности и социальной апатии, — *«Теперь вот они приехали сюда, написали какой-то акт им, они пошли, деньги заплатил хозяин стоянки, всё. А теперь у них прожектора тут, все значит, что...ну как тут, всё значит, хоть борись, хоть не борись, бессмысленно что-то делать»*

ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ — ТЕРПЕНИЕ, СПЛОЧЕННОСТЬ И «ВЫБОРЫ»

В «зоне беспредела» главным оружием в борьбе с ним активисты считают

Терпение, сплоченность, а также использование ситуации выборов. Вот председатель ТСЖ, которого власти хотели «снять», с одной стороны готовы «не сдавать» своего председателя, — *«Ну, пускай они придут и мы им объясним какие нам председатели нужны и кто нам нужен здесь».*

С другой стороны они были согласны терпеть неудобства, связанные с незаконными действиями Горгаза, — *«Я говорю: «Ребята, что?..» — «Потерпим. Мы на твоей стороне. Потерпим».*

В наших интервью ситуация обозначаемая как «беспредел» встречается в связке с выборами депутатов. Обычная риторика здесь связана с мобилизацией самоорганизации, что-то предпринять в момент выборов, т. к. «только, когда депутат идет на выборы, тогда можно подсуетиться и что-то изменить, а так никому не нужно».

В примере, приведенном выше активист также отмечает, что *«вот, говорю, единственное, что только депутат вот когда. Потому что в администрации это бесполезно, бесполезно. Куда только она не ходила (Татьяна) никому ничего не надо, посоветуют то, это, а что советовать то, вы приедьте и посмотрите. Надо конкретно на депутата перед выборами выходить, чтоб он занялся этим вопросом, этот же О. или кто там будет баллотироваться в следующий раз».*

Выводы

Предлагаемая модель для пространственного анализа ГО, заключенного в

координаты «справедливости и законности» может быть использована для мониторинга смещения общественных практик самоорганизации к «зоне порядка» (западный вариант ГО), зоне обычного права (термин не определен), к зонам «абсурда» и «беспредела» (деструкция общественных инициатив и движений).

В России есть среда для развития ГО западного типа, с ценностями, добровольцами, стратегиями поведения, соответствующая классическим моделям, но их сектор узок из-за недостатка известных факторов развития ГО (собственность, средний класс, правовое гос-во и т. п.) В исследовании, есть гипотезы кто это и в каких секторах они находятся (экологические движения, «несогласные» ТСЖ)

Выделяются три особенности «новых общественников» этого типа: для них возможность защищать, отстаивать свои законные права — это ценность; конкретное стремление жить по закону и быть законопослушным гражданином; гражданская самореализация «нового активиста» сосредоточена на проблемах не являющихся первой жизненной необходимостью (право на отдых).

Участие в самоорганизации «новых общественников» определяется **НЕ РЕСУРСОМ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ**, с чем обычно у нас связывают общественную активность, а с образом жизни материально обеспеченных людей, имеющих возможность позволить себе заботиться о природе, животных, соблюдением гражданских прав и т. п. Ресурс свободного времени важен для активистов самоорганизаций основанных на первичных потребностях (жилье, здоровье и т. п.)

Имеется эффективный механизм воспроизводства пассивности населения и его правовой безграмотности, возникший в 90-х г. в институтах исполнительной власти и коммерческих структурах, проявляющийся в языке демобилизации (см. зона абсурда).

Фактор доверия может выступать как тормоз развития ГО (феномен слепого доверия на фоне тотальной подозрительности).

Судя по риторике активистов и «власти», действующее в настоящий момент «правовое поле» дает возможность играть на нем активистам самоорганизаций, имея только общие представления о правилах игры, узнавая о них по мере возникновения «игровых моментов». Но даже знание правил не является залогом успеха, так как их выполнение избирательно в каждом конкретном случае. Гипотеза состоит в том, что такое правовое поле пока устраивает всех, являясь препятствием для развития гражданских инициатив.

Качественные методы исследования Анализ соответствия теоретических положений и практического применения¹

Качественные методы все более широко применяются в прикладных социологических и маркетинговых исследованиях. Обычной практикой социологов стало применение качественных методов не только в собственно качественных исследованиях, но и на различных этапах классических в комплексе с количественными. Несмотря на широкую практику таких исследований, далеко не все проблемы сочетания количественных и качественных методов являются решенными, о чем свидетельствуют эпизодически возникающие дискуссии, среди которых одной из последних, достаточно хорошо известных, является дискуссия, организованная на VI-х Харчевских чтениях в 2004 году [1]. Казалось бы, эти дискуссии носят чисто теоретический характер, а в прикладной социологии уже нет проблем в применении качественных методов как в собственно качественных исследованиях, так и при их сочетании с количественными. Но такие проблемы все же имеются, и они во многом обусловлены встречаемыми противоречиями между положениями теории качественной методологии и практикой применения качественных методов. В первую очередь среди теоретических положений, которые не всегда подтверждаются на практике, можно отметить утверждения о неразрывной связи качественного метода с соответствующей методологией и парадигмой и о возможности успешного сочетания количественной и качественной стратегий в одном исследовании, которые часто оказываются связанными между собой. Анализ этих проблем и представлен в статье.

Для авторов, описывающих теорию качественных методов исследования, характерно указание на неразрывную связь методических особенностей их проведения с соответствующей методологией и парадигмой. Например, В.В. Семенова отмечает, что «качественный метод как инструмент является неотъемлемой составной частью специфической методологии, которую

---

¹ Работа выполнена в соответствии с тематическим планом Федерального агентства по образованию (тема № 1.1.10).

можно назвать качественной или гуманистической социологией» [2. С. 44]. А.С. Готлиб дает определение качественному подходу в целом как совокупности методологических принципов и исследовательских практик, направленных на «изучение социальных явлений и процессов прежде всего с точки зрения действующего индивида как начала любой социальности» [3, с 81]. Показывая неразрывность связи качественного метода с методологией, она утверждает, что даже употребление термина «качественные методы» является «не очень удачным, так как делает акцент на процедурах, техниках, приемах, что вторично. Гораздо точнее использовать другие термины: *качественная методология, качественный подход, качественная парадигма*, которые «схватывают» качественное исследование как *особый тип социологического исследования, кардинально отличающийся от классического методологическими основаниями и, как следствие, методами сбора и анализа первичной информации*» [1. С. 6]. О.М. Маслова, давая определение качественным методам в Социологическом словаре, также указывает, что это «методы сбора и анализа социологической информации в качественной социологии (*qualitative research techniques*), соответствующие ее теоретическим основаниям и методологическим принципам» [4. С. 250].

Приведенные мнения авторов близки в том, что методы исследования (и прежде всего качественные, т. к. проблема поднимается при их изложении) оказываются имеющими право на существование только при их применении с опорой на соответствующую методологию и даже парадигму.

Наряду с утверждением неразрывной связи методов с их теоретическими основаниями, в социологической литературе допускается сочетание качественных и количественных методов в одном исследовании, что отражает существующее положение в прикладной социологии. Так, А.С. Готлиб выделяет *четыре позиции* исследователей в отношении к качественному и количественному подходам: от полного отрицания возможности их сочетания до полного признания. При этом по ее мнению, в настоящее время «наиболее популярна *прагматическая позиция*, нацеленная на *сочетание подходов, если это обусловлено задачами исследования*» [1. С. 6-7]. Рассмотренные два теоретических положения (о единстве качественного метода с соответствующими методологией и парадигмой и о возможности сочетания качественной и количественной стратегий в одном исследовании) не всегда согласуются с опытом практического применения качественных методов, что может восприниматься как их противоречие. Истоки этого противоречия во многом обусловлены недостаточной разработанностью и логической непоследовательностью существующего понятийного аппарата.

При описании теории и практики качественной (или интерпретативной) социологии понятия методология, стратегия, парадигма, подход и даже метод с предикатом «качественные» часто употребляются в близком значении, и их бывает сложно развести. Основным смыслообразующим термином здесь фактически становится предикат, который указывает на то, что при проведении исследования следует соблюдать принципы, описанные в теории качественной социологии, и использовать процедуры качественных методов [2. С. 44-50; 3. С. 124-138]. Практику подобного употребления этих понятий наверное можно объяснить стремлением авторов подчеркнуть неразрывную связь качественных методов сбора и анализа социологических данных с соответствующей социологической теорией, о чем уже говорилось ранее, но проблема определения основных понятий социологического исследования выходит за пределы качественной социологии.

В целом в социологической литературе можно встретить примеры различного определения понятий метода, методологии и парадигмы: от весьма широких до достаточно конкретных. Так, Г.Г. Татарова, проведя детальный анализ понятия «методы социологического исследования» в Социологическом словаре, показала сложившуюся в настоящее время многогранность его применения. Она отмечает, что это понятие используется для обозначения как «теоретических построений парадигмального характера» так и «инструментальных подходов к процедуре сбора и анализа эмпирических данных, и даже отдельных техник сбора данных [4. С. 255-256]. Тем самым оно фактически охватывает весь диапазон методического знания: от парадигмального уровня до инструментального.

А.С. Готлиб в своей монографии дает предельно широкое определение методологии, включая в нее три составляющих: *онтологическую, эпистемологическую и собственно социологическую*: «Методологические основания социологического исследования представляют собой, таким образом, целостный сплав концепций социальной реальности, «вылепливающих» предметный образ социологии, познавательных стандартов и норм, а также практических правил исследования, в которых ответы на «высокие», предельно общие (философские) вопросы во многом предопределяют и характер исследовательского процесса, его прикладную логику» [5, с. 10-12]. Здесь тоже наблюдается расширение значения понятия от парадигмального уровня до характерных «практических правил» исследования.

Увеличивается в последние 10–15 лет по своему объему и понятие парадигмы в социологии, по сравнению с его трактовкой Т.Куном, что отмечает в своей работе Г.Е. Зборовский: «К парадигмальным начали относить

теории, концепции, направления, ориентации, течения, движения научной мысли, которые отнюдь не носят революционного для нее характера, а составляют прибавку знания, подчас значительную, но не оказывающую радикального воздействия на развитие науки. Именно такое отношение к понятию парадигмы стало проявляться в теоретической социологии» [6. С. 5].

Наряду со столь широкими определениями рассмотренных понятий в учебной литературе встречаются и более узкие, обычно при описании методологических основ классического социологического исследования. Так, понятие «метод» В.А. Ядовым раскрывается как «основной способ сбора, обработки и анализа данных» [7. С. 63]. А методологии И.Ф. Девятко дает следующее определение: «Методология науки — это дисциплина, изучающая и технические, «процедурные» вопросы организации исследования, и более общие вопросы обоснованности используемых методов, достоверности наблюдений, критериев подтверждения или опровержения научных теорий» [8. С. 6]. Методология здесь фактически выступает как система принципов исследования, определяющая его процедуру, применяемые методы и обеспечивающая получение достоверного знания.

Далее в статье понятия метод и методология будут применяться как в широком, так и в узком значении. Понятия качественный (количественный) подход и качественная (количественная) стратегия будут применяться как синонимы понятия качественная (классическая) социология и означать использование при проведении исследования соответствующих методов и методологии с опорой на соответствующую теорию.

Нет однозначности и в определении парадигмы в социологии. Наряду с тенденцией более широкого понимания парадигмы (о чем было сказано ранее) достаточно часто можно встретить то ее понимание, которое было заложено Т. Куном. Он определял парадигму как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений», при этом конкретные научные исследования происходят в рамках определенной парадигмы [9. С. 11, 32-33]. Здесь парадигма предстает как некое основание, с позиции которого исследователь познает мир; это призма, через которую он воспринимает окружающую реальность; это нечто первичное, определяющее и направление, и содержание исследования, и интерпретацию полученных результатов. Исследователь оказывается привязанным к определенной парадигме, в рамках которой он находится. Подобное понимание парадигмы сохраняется в наше время во многих сферах научной

деятельности. Так, И.В. Черникова, проводя анализ особенностям современного научного познания, пишет: «Современное научное сообщество не просто объединяет ученых, специализирующихся в разных областях научного знания, в нем можно выделить сторонников по крайней мере трех научных программ, или парадигм, которые складывались исторически, — классической, неклассической и постнеклассической», и все эти три парадигмальные позиции в настоящее время продолжают свое существование, определяя особенности научного познания [10. С. 94-95].

Таким образом, в социологии в настоящее время существует широкий диапазон в определении таких ключевых понятий социологического исследования, как метод, методология и парадигма, что является одной из причин появления противоречий при сопоставлении методологических принципов качественного исследования и практики применения качественных методов.

Выявленные противоречия связаны прежде всего с утверждением связи методов с соответствующей методологией и парадигмой. При наличии такой связи в случае сочетании количественного и качественного методов в одном исследовании, мы можем говорить также и о сочетании методологий и, соответственно, парадигм. Но если сочетание методов не вызывает никаких возражений (при их понимании в узком значении, как способов сбора информации), то тезис о сочетании качественной и количественной парадигм в одном исследовании вызывает некоторое недоверие, во всяком случае, при определенном понимании основных выше перечисленных терминов.

Во-первых, само утверждение о возможности сочетания двух парадигм в одном исследовании звучит достаточно странно, если в понимании парадигмы находиться на позициях Т. Куна. Действительно, сочетание парадигм предполагает, что социолог в процессе исследования при их смене должен поменять свою парадигмальную позицию, что представляется очень маловероятным. Это недоверие обусловлено тем, что исследователь у Т. Куна считается приверженцем какой-то одной определенной парадигмы, он находится «внутри» ее и с ее позиции проводит исследование. В то же время в социологической литературе представлено много известных случаев успешного совмещения количественной и качественной стратегий (и парадигм), примером могут служить исследования А.С. Готлиб [5. С. 312-351].

Таким образом, мы получаем противоречие между парадигмальной привязанностью исследователя (вытекающего из определения парадигмы

по Т. Куну), с одной стороны, и утверждением о возможности сочетания методов (а значит и парадигм) в одном исследовании и представлением в литературе практики их успешного сочетания, с другой стороны.

Вторая сторона критики возможности сочетания парадигм в одном исследовании вытекает из того, что наряду с представлением практики успешного сочетания количественной и качественной стратегий встречается опыт прикладных исследований, в которых это успешное сочетание выглядит весьма проблематичным..

В настоящее время в прикладной социологии комплексное применение качественных и количественных методов распространено достаточно широко, и далеко не всегда в этом случае можно говорить о сочетании стратегий и парадигм. Так, особенно часто качественные методы используются на начальном этапе классического исследования для того, чтобы выявить структурные элементы, характерные черты малоизученного явления, а уже потом проводятся количественные методы для получения соответствующих распределений и оценок.. Такими качественными методами обычно выступают полуформализованные или фокус-групповые интервью. В связи с этим встает вопрос: меняется ли при применении этих методов на начальном этапе исследования парадигмальная позиция социолога?

Пусть, например, исследователь на начальном этапе классического исследования применяет качественные методы для того, чтобы выявить структурные элементы, характерные черты малоизученного явления, а затем выяснить их распределение с помощью количественных методов. При этом ему вовсе не обязательно менять в целом свой подход к пониманию социальной реальности, более того, это противоречит его основным целям. Ставя задачи для качественного этапа исследования, он изначально настроен в дальнейшем изучить распределение выявленных с его помощью характеристик для всей выборочной совокупности, т. е. в своем понимании социальной реальности он в процессе всего исследования находится на позициях классической социологии. Подобная ситуация наверное может наблюдаться и в тех случаях, когда исследователь применяет качественные методы после проведения массового опроса для выяснения каких-либо характерных особенностей (социальных, личностных) респондентов, объединенных в группы. Здесь он также в полном соответствии с классической парадигмой вполне может считать, что имеется объективная закономерность в структуре социальной реальности, и просто добавляет в ее описание яркие дополнительные черты из единичных примеров. Более того, после выяснения этих особенностей в принципе возможно

дальнейшее проведение количественного исследования для получения распределения выделенных черт.

Таким образом, социолог при сочетании количественного и качественного методов в одном исследовании вполне может не менять свое представление о социальной реальности, оставаясь в ее понимании в рамках одной парадигмы, и такая его позиция в каких-то конкретных ситуациях представляется даже более логичной. Можно также отметить, что понятие истинности и объективности при применении качественных методов в классическом исследовании (для решения дополнительных задач) должны соответствовать принципам последнего, иначе сложно представить возможность использования результатов качественного этапа исследования для решения дальнейших количественных задач. Полученный вывод о возможности сочетания количественных и качественных методов в одном исследовании без смены парадигмальной позиции социолога противоречит утверждению о неразрывной связи качественного метода с соответствующей методологией и парадигмой. Получается, что на практике качественный метод вполне успешно может применяться социологом, находящимся на позициях классической социологии.

Применение качественного метода в прикладном исследовании социологом, стоящим на парадигмальных позициях классической социологии, выходит за рамки случаев комплексного применения качественного и количественного методов, и, по мнению автора, распространено достаточно широко. Например, при прохождении производственной практики на предприятиях студентам-социологам Мурманского государственного педагогического университета приходилось проводить исследования по выявлению причин текучести кадров, по выяснению проблем адаптации молодых рабочих и др., в которых в качестве основного метода применялось полужформализованное интервью. У студентов возникал вопрос: в какой стратегии и парадигме они работают, на который ответить было совсем не просто. Сам метод казалось бы являлся качественным (применялись «мягкие» процедуры ведения интервью, информанту давалась свобода в высказываниях, предоставлялась определенная инициатива в проводимой беседе). В методологии же наблюдался явный отход от принципов качественной социологии, так как отдельный «уникальный» респондент в них никого не интересовал, он рассматривался только как «объект» — источник необходимой информации. Важно было выяснить набор мнений респондентов по обозначенным заказчиком направлениям, обладающий характеристиками объективности в ее классическом понимании. Соот-

ветствующим образом велась и обработка полученной информации — по вопросам путеводителя (а не каждого интервью отдельно в его целостности). При этом описывались достаточно полно и подробно и позиции респондентов, и их отдельные высказывания, но попутно по возможности делались обобщения в категории при совпадении мнений, и в каких-то случаях можно было давать даже количественную оценку распределения выявляемых мнений (когда на малых предприятиях опрашивалась практически вся генеральная совокупность). Даже транскрибирование интервью в этом случае осуществлялось упрощенно: записывались только те высказывания информанта, которые прямо соответствовали выполнению поставленных задач и отражали его позицию в отношении изучаемого явления, и пропускались его отступления от сути интервью и характерные для него особенности речи. Ну, а по пониманию социальной реальности и критериев объективности эти исследования явно находились на позициях классической парадигмы.

Такой облегченный вариант качественного исследования достаточно часто встречается при обучении студентов специальности «Социология», т. к. является весьма привлекательным для них. Это связано с тем, что с одной стороны, он не требует детально разработанной программы и большой выборки (в отличие от классических исследований), а с другой стороны, в нем не нужно проводить глубоких процедурно сложных интервью и детального углубленного анализа полученных данных (в отличие от требований качественной методологии). При проведении подобных исследований даже в курсовых работах студенты по своему пониманию социальной реальности часто фактически придерживаются классической парадигмы, о чем свидетельствует их спонтанное стремление при анализе полученных данных показывать распределения ответов респондентов по вопросам путеводителя (пусть даже без указания числа респондентов, а путем употребления понятий *большая* и *меньшая часть*), а не давать целостное описание их жизненных позиций.

В целом можно отметить, что качественные методы, при их применении исследователем, находящимся по пониманию социальной реальности на позициях классической социологии, как правило, приобретают особенности, отличающие их от собственно качественного подхода. К этим особенностям в первую очередь можно отнести специфику решаемых с их помощью задач (как правило, это дополнительные задачи классического исследования, которые характерны для его разведывательного этапа) и изменения методологических принципов сбора и анализа эмпирических

данных. Можно сказать, что наблюдается некое упрощение в применении качественных методов: в таком исследовании обычно не стоит задача реконструкции интерпретативной конструкции жизненного мира информанта в ее своеобразии и уникальности, нет погружения в мир личностных смыслов информанта, что является важной чертой качественной стратегии. Т. е. применяемый метод оказывается оторванным от соответствующей ему парадигмы, и часто даже соблюдаются далеко не все методологические принципы качественного исследования, сохраняются только его основные процедурные характеристики.

Отмеченные особенности применения качественных методов в классическом исследовании можно, наверное, отнести ко многим фокус-групповым интервью, когда исследователю важно получить в них весь спектр существующих мнений респондентов по изучаемым вопросам. Фокус-группа является одним из представителей собственно качественных методов, но в то же время своеобразии данного группового интервью делают его желанным дополнительным методом при проведении многих количественных исследований, что обусловлено рядом его особенностей.

О.Т. Мельникова, перечисляя характеристики качественных исследований, которые типичны и для фокус-группового интервью, выделяет такие их основные черты, которые скорее можно отнести к принципам применения и процедурным особенностям, чем к теоретическим основаниям, предполагающим определенное понимание социальной реальности. В их число входят: «предпочтение данным, полученным в естественных, а не в лабораторных условиях», «практически полное игнорирование статистических процедур», «индуктивный анализ, выработка гипотез, а не их применение», «использование нестандартизированных проективных методик и полустандартизированных: наблюдения, интервью, групповой дискуссии, ролевых игр и др.», «узкая частная проблематика и, соответственно, сравнительно небольшая выборка» и другие [11. С. 13]. Большое внимание она уделяет проблеме объективности результатов [Там же. С. 19], обеспечению репрезентативности исследования [Там же. С. 36-40] и основной целью фокус-группы называет «сбор информации (знаний, суждений, мнений, новых идей, предложений всех участников дискуссии) по обсуждаемой проблеме» [Там же. С. 55]. Выделенные особенности фокус-группового интервью вовсе не исключают возможности его применения для решения дополнительных задач количественного исследования, когда сам исследователь находится на позициях классической социологии. Конечно, это не означает, что все задачи, решаемые с помощью фокус-группового

интервью, можно приложить к классической парадигме. Так, например, А. Левинсон считает, что основное достоинство фокус-групп состоит в том, что они позволяют «показать не одни лишь следы и результаты работы массового сознания (как массовые опросы — уточнение В.Ц.), но сам процесс его функционирования, процесс возникновения, выработки его решений, которые далее будут проступать в качестве индивидуальных мнений, реакций, поступков и действий множества отдельных личностей» [12. С. 220], что в большей степени уже соответствует пониманию социальной реальности в качественной парадигме.

Рассмотрим в качестве примера еще одно исследование, проведенное автором во время работы психологом, но которое вполне можно отнести к психолого-социологическим. В этом исследовании выявлялись факторы, влияющие на образование у подростков акцентуаций характера, и в качестве основного метода использовалось клиническое интервью с подростками и их родителями. В результате анализа полученных данных методом *grounded theory* была выявлена связь акцентуаций с особенностями адаптации ребенка к новым условиям жизни на переходных этапах (дом — детский сад, дом — школа, детский сад — школа, начальное звено школы — среднее звено). Выявленный процесс становления акцентуаций достаточно хорошо согласовывался с положениями общей теории развития психики С.Л. Рубинштейна, и в результате исследования была построена мини-концепция, связывающая процесс становления акцентуаций характера подростка с особенностями условий его развития в переходные этапы жизни [13]. Проведенное исследование по применяемому методу и используемым методологическим принципам несомненно относится к качественному, но при этом, я как автор, могу утверждать, что находился при его выполнении на позициях классической парадигмы (по своему пониманию реальности, по оценке достоверности получаемого знания и по решаемым задачам). Исследование изначально было направлено на выявление универсальных закономерностей в процессе становления акцентуаций характера ребенка. Причем эту закономерность в принципе нельзя было выявить с помощью количественных методов, т. к. ее можно было «заметить» только при анализе отдельного интервью в целостности, выясняя зависимость между отдельными этапами развития ребенка, изучая не сами ситуации развития, а тот смысл, которые они несли для ребенка, то отношение, которое они в нем вызывали.

Таким образом, опыт прикладной социологии показывает, что социолог, находясь на парадигмальных позициях классической социологии,

вполне может применять качественные методы как для решения дополнительных задач количественного исследования, так и в качестве основного метода. При этом им могут применяться даже такие собственно качественные методы, как фокус-групповое интервью и *grounded theory*. Этот вывод, как уже было отмечено, противоречит теоретическому утверждению о необходимой связи качественного метода с соответствующей методологией и парадигмой.

Проведем анализ выделенных противоречий. Первое обозначенное противоречие между утверждением о возможности сочетания количественной и качественной парадигм в одном исследовании (и представлением в литературе практики их успешного сочетания) и положением о принадлежности исследователя к определенной парадигме (вытекающем из определения парадигмы Т. Куном), с позиции которой он проводит исследования, разрешается достаточно легко, исходя из нового понимания парадигмы в современной теоретической социологии. И само это противоречие возникает по причине существования различного понимания парадигмы.

В качестве примера определения парадигмы в современной социологии можно привести определение В.А. Ядова: «парадигма в социологии есть такое системное представление о взаимосвязях различных теорий, которое включает: (а) принятие некоторой общей для данных теорий философской («метафизической») идеи о социальном мире с ответом на критериальный вопрос: что есть «социальное»? (б) признание некоторых общих принципов, критериев обоснованности и достоверности знания относительно социальных процессов и явлений и, наконец, (в) принятие некоторого общего круга проблем, подлежащих или не подлежащих исследованию в рамках данной парадигмы» [14. С. 5].

Важной особенностью приведенного определения, как и большинства современных определений парадигмы в социологии, является то, что в них отсутствует зависящая от парадигмы позиция исследователя. Исследователю теперь не обязательно в целом относить себя к определенной парадигме и только с ее позиций проводить исследования (определенным образом понимать социальную реальность, стоять на позициях соответствующего понимания достоверности и истины и пр.). Важно в исследовании осуществлять системный подход и при решении задач в рамках определенной парадигмы придерживаться соответствующей методологии и теории. При современном понимании парадигмы в социологии перед исследователем не стоит вопрос о том, какой является социальная реальность по сво-

ей сути, какова ее онтология. Скорее стоит вопрос о том, исследованием какой реальности в данный момент занимается социолог, что он желает изучить: универсальные социальные законы или интерпретативную конструкцию информантов. Представление о социальной реальности имеет скорее гносеологический, а не онтологический характер: она рассматривается в русле познавательных задач исследования, и поэтому для изучения выбирается тот тип социальной реальности, который в настоящий момент больше интересует исследователя и в большей степени помогает решению стоящих перед ним задач. Конечно, имеются исследователи, которые признают существование только одного типа социальной реальности и соответственно придерживаются определенной парадигмальной позиции, т. е. находятся в традиции понимания парадигмы Т. Куном. Но большинство современных исследователей все же стоят на полипарадигмальных позициях и считают, что наряду с универсальными законами существуют и интерпретативные конструкции информантов, наполненные их личностными смыслами, и каждый вид социальной реальности нужно изучать соответствующими методами. В классификации А.С. Готлиб, это, по-видимому, те исследователи, которые придерживаются *прагматической* позиции по отношению к возможности сочетания качественных и количественных методов в одном социологическом исследовании [5. С. 305].

Представленное современное понимание парадигмы в социологии снимает вопрос о теоретической возможности сочетания количественных и качественных стратегий в одном исследовании: принципиально такая возможность существует и ее использование — это индивидуальный выбор социолога. Здесь важно отметить, что сочетание стратегий предполагает приверженность социолога в рамках каждой из них соответствующим парадигмальным позициям и соблюдение при применении методов соответствующих методологических принципов. Т. е. фактически это два разных исследования в рамках одного, и полученная в них информация описывает разную социальную реальность, поэтому она может дополнять друг друга, но вряд ли данные, полученные в рамках одной из стратегий могут быть использованы для решения дополнительных задач другой. На эту важную особенность сочетания стратегий указывает А.С. Готлиб: «идея взаимосвязи этих двух парадигм (*качественной и количественной* — прим. В.Ц.) в едином исследовательском цикле предполагает их *равнозначное «сосуществование»*, равный вес и значимость исследовательских задач, которые решаются в их рамках» [5. С. 308]. Еще раз хочется отметить, что рассмотренная проблема является в большей степени теоретической, а в

прикладной социологии она считается решенной, и в социологической литературе представлено много известных случаев успешного совмещения.

Разрешение второго противоречия между теоретическим утверждением о неразрывной связи между качественными методом, методологией и парадигмой и встречающимся опытом применения качественных методов социологом, стоящим на позициях классической социологии, является более сложным. По мнению автора, это противоречие берет свое начало в фактическом существовании различных представлений о качественных методах. В определениях, которые дают социологи — качественники, качественный метод тесно связывается с соответствующей методологией и теориями (эти определения приведены в начале статьи, и их можно назвать *теоретическими*).

Наряду с теоретическим в практике социологии сложилось иное представление о качественных методах на основе многочисленного опыта их практического применения, которое можно назвать *прикладным*. Случилось так, что в практике прикладного исследования качественными стали называть практически все неформализованные методы исследований, независимо от того, в какой парадигме работает социолог. Так, если на начальном этапе классического исследования применяются неформализованные методы, то обычно их тут же позиционируют как качественные. Качественный метод, получив свои процедурные особенности от качественной методологии и парадигмы, фактически приобрел автономное существование. Получается, что теперь его наряду с *теоретическим* определением в работах по качественной социологии (которое декларирует связь с методологией и теорией) определяют так же по процедурным особенностям в соответствии с ранее рассмотренным узким определением метода (как способа сбора, обработки и анализа информации).

В этом втором *прикладном* определении критерием отнесения метода к качественному является не соотнесение его с методологией и теорией, а процедурные особенности и в т. ч. преимущественно — степень его формализации. Такое понимание качественного метода стало широко распространенным, его начинают применять в статьях и в научных дискуссиях. Так, на VI-х Харчевских чтениях, Ю.Н. Толстова в своем выступлении подчеркнула следующие характеристики качественного и количественного методов: «Что такое качественный метод (подход)? Неформальный, мягкий способ опроса респондентов? Тогда это нужный и понятный термин...». И далее: «Что такое количественный метод (подход)? Жесткий способ опроса респондентов? Тогда это — тоже нужный и понятный тер-

мин» [1. С. 12-13]. В приведенных ранее примерах об опыте применения качественных методов в классических социологических исследованиях качественный метод также понимался в таком *прикладном* варианте.

Реальное существование рассмотренных двух определений качественного метода и приводит, по мнению автора, к обозначенному в статье второму противоречию. Фактически в определении качественного метода мы имеем дело с нарушением логического закона тождества. Каждое из существующих определений качественных методов при последовательном логическом разворачивании предполагает свой объем и содержание данного понятия. Чтобы избежать этого противоречия важно развести два рассмотренных подхода к определению качественных методов и показать особенности их понимания и применения в рамках каждого из подходов.

Согласно *теоретическому определению* качественного метода, которое приводят социологи — качественники в социологической литературе, качественным следует считать только тот метод, который проводится с опорой на методологические принципы и теории качественной социологии. Подобное применение качественного метода можно наблюдать только в собственно качественном исследовании, в котором социолог, по словам А.С. Готлиб, «должен непременно «погрузиться» в мир личностных смыслов изучаемых людей, понять мотивы и цели их поступков, их объяснения происходящего, чтобы потом конструировать понятия, призванные «вобрать» в себя этот субъективный опыт» [1. С. 81]. Термин *качественные* фактически теряет в этом случае свою привязку к определенным методам и становится индикатором применения метода в качественной стратегии исследования. Этот вывод, очевидно, следует распространить и на методы сбора и анализа информации, которые считаются *собственно качественными*. В предыдущем разделе были рассмотрены возможности использования фокус-группового интервью и *grounded theory* в классическом исследовании, и, по-видимому, такие примеры можно найти и для других *собственно качественных* методов. Метод, применяемый для решения задач классического исследования (когда социолог придерживается классического понимания социальной реальности), не зависимо от его вида и степени формализации в этом случае не следует называть качественным.

Сомнение в том, что все мягкие методы следует называть качественными, уже высказывала А.С. Готлиб: «Конечно, в рамках разведывательного этапа традиционного социологического исследования, действительно, чаще всего используются «мягкие» методы: свободное интервью, включенное наблюдение и т. д. Но вряд ли разведывательный этап, необходимый

для производства «хорошего» исследования, можно назвать качественным: мы уже говорили, что здесь не производится полноценного знания» [5. С. 308].

Согласно *прикладному определению* качественного метода, которое вошло в повседневную практику использования, качественными называются неформализованные методы сбора и анализа социологической информации. Такие качественные методы теряют связь с качественной методологией и парадигмой и приобретают автономное существование. Они могут применяться для решения задач как качественных, так и классических исследований, что обуславливает специфику используемых методологических принципов сбора и анализа эмпирических данных. Соответственно собственно качественные методы с соблюдением принципов качественной методологии можно наблюдать только в рамках качественного исследования, а в классическом исследовании они применяются в упрощенном варианте. Наблюдается фактическое выделение двух видов качественных методов при подобном их понимании, что важно учитывать как при проведении данных методов, так и при обработке полученных данных.

При отрыве качественного метода от теоретических оснований понятия «сочетание качественного и количественного методов» и «сочетание качественной и количественной стратегий» перестают быть синонимами. О сочетании стратегий можно говорить только в том случае, когда у социолога при смене методов меняется и парадигмальная позиция, а сочетание методов возможно также и при неизменной классической парадигмальной установке исследователя.

Таким образом, на основании выполненного анализа можно сделать вывод, что встречаемые противоречия между положениями теории качественной методологии и практикой применения качественных методов, во многом обусловлены многозначной трактовкой таких понятий, как парадигма, методология, метод, качественный метод. Знание вариативности объема и содержания понятий поможет более правильному их использованию и более адекватному пониманию как теоретических положений качественной методологии, так представляемого опыта качественных исследований.

Литература

- Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 3-14.

- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. — М.: Добросвет, 1998.
- Готтлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: Учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002.
- Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секретарь О.Е. Черношек. — М.: Норма, 2008.
- Готтлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 448 с.
- Зборовский Г.Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 3-15.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — 7-е изд. — М.: «Добросвет», 2003.
- Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. — 3-е изд. — М.: КДУ, 2003. — 296 с.
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общая ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1975.
- Черникова И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №6. 2004. С. 94-103.
- Мельникова О.Т. Фокус-группы: Методы, методология, модерирование: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / Под ред. И. Штейнберга. — СПб.: Алетейя, 2009.
- Цылев В.Р. Об условиях, влияющих на становление характера // Вопросы психологии. 2001. №5. С. 128-135.
- Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. №3. С. 5-19.

Экологический кодекс РФ

Предпосылка и актуальность, созданная в контексте современной экологической ситуации

Общая экологическая ситуация в Российской Федерации имеет негативную окраску. Отчасти это связано с политической и экономической ситуацией в стране, когда в свете глобальных финансовых проблем экологическое направление не кажется приоритетным. Дело в том, что, хотя броским словосочетанием «экологическая катастрофа» часто оперируют СМИ, среднестатистический житель Российской Федерации имеет о сути данного понятия весьма смутное представление в силу того, что ущерб, нанесённый природе антиэкологическими действиями, может быть отсроченным, неявным (к примеру, чрезмерное загрязнение водных массивов, ухудшение вследствие этого состояния биосферы рек, соответственно, употребление в пищу рыбы из таких водоёмов не сразу отразится на здоровье населения), проблематично высчитать истинную экономическую оценку нанесённого вреда.

Поддерживает экологическую безграмотность населения несовершенство правовых основ государственного регулирования охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Нормативная правовая база в природоохранной сфере РФ не только не гармонизирована с нормами международного права в этой области, но также имеет межотраслевые противоречия с гражданским, ресурсным, административным и иным законодательством Российской Федерации, к тому же, она не кодифицирована. Существующая законодательная основа по юридическим меркам недостаточно самостоятельна для защиты экологических интересов государства и общества, она хранит нормы, препятствующие развитию адекватных механизмов природопользования и защиты окружающей среды. Между тем, опыт сведения актов экологического законодательства и отдельных норм иных отраслей, относящихся к экологическому праву, имеет широкую мировую практику. Например, в Швеции Экологический кодекс действует с 1999г., во Франции с 2000г. В 2005г. государства, являющиеся членами СНГ, разработали примерный проект Экологического кодекса. На основании этой модели создавались действующие Экологиче-

ские кодексы Украины и Казахстана. В России подобные попытки предпринимаются на уровне субъектов РФ (в частности, проект Экологического кодекса Ленинградской области). В проекте Экологического кодекса Российской Федерации будут использованы основные положения Экологической доктрины Российской Федерации, принятой в 2002г. и декларирующей следование концепции устойчивого развития.

Резкий всплеск интереса общественности к экологическим проблемам пришелся на середину и конец 1980-х годов. Толчком к нему послужила авария на Чернобыльской АЭС, которую не удалось скрыть. Эпоха гласности вкупе с последствиями трагедии на атомной станции привела к повышенной озабоченности общества экологическими проблемами локального значения, которые они могли непосредственно ощутить на себе. На этом в свою очередь сыграла власть — на выборах 1989 и 1990гг. (Съезд народных депутатов, местные Советы и Совет народных депутатов России) практически у каждого кандидата в предвыборной программе имелся экологический раздел¹.

Последующее усиление кризисных процессов в России пошатнуло материальное благополучие и жизненную стабильность значительной части населения. В итоге экономические неурядицы, негативно отражающиеся на повседневности граждан, вытеснили представления об отдалённых не конкретизированных перспективах на будущее. Стоит ещё раз упомянуть немаловажную особенность, отвлекающую социум от экологических проблем — неосведомлённость, и, как следствие, неграмотность рядового гражданина в природоохранной области. Сильную обеспокоенность состоянием природной среды, как правило, проявляют люди с высшим образованием (биологической, медицинской, химической, инженерно-технической направленности), а также служащие, представители творческих профессий, не занимающие высоких постов и имеющие низкие доходы. Среди молодежи обычно наиболее заинтересованно относятся к проблемам экологии студенты, чья специализация пересекается с этой областью. Обеспокоенность состоянием природы также проявляют те категории граждан, которые наиболее зависимы от качества среды непосредственного обитания: пожилые люди, беременные женщины, матери с детьми, а также население районов, испытывающее влияние на здоровье от предприятий, расположенных в жилой зоне². Основная же часть населения не

В. Писарева «Экологическая проблематика в российской политике», Политический мониторинг», N 1, часть 1, 1994. С. 24-32

Докторов Б.З., Сафронов В.В., Фирсов Б.М. «Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения». Социологические исследе-

выразила заинтересованности проблемами экологии. Людей волнуют насущные вопросы, к примеру, перечисляются пища, дети, здоровье, причём респонденты не соотносят их с природоохранными проблемами. В особую категорию попадают люди, непосредственно занятые на вредных предприятиях и производствах. До 1990 года они нередко сочувствовали местным «зеленым движениям» и выступали за экологизацию производств. Но при возникновении угрозы лишения рабочего места оптимизм относительно экологической безопасности своих предприятий, сменила агрессивность по отношению к экологическим предостережениям. Постоянное рабочее место, дающее определенную стабильность положения, ценится ими гораздо больше не только собственного здоровья, но и здоровья детей. Кроме того, соблюдение работодателями экологических требований может означать для рабочих снижение зарплаток, выплату штрафов, в конечном итоге, угрозу переквалификации¹.

С прекращением существования СССР разрушилась и едва налажившаяся функционирование сеть экологических комиссий — ещё один удар по природоохранному делу. Развалились хозяйственные связи между бывшими республиками — и сбился отработанный механизм выпуска природоохранного оборудования, реагентов для очистки сточных вод и отходящих газов, другой продукции, необходимой для охраны окружающей среды. Разделение на самостоятельные государственные единицы, осложнило решение межреспубликанских экологических проблем, вызванных подъемом уровня Каспийского моря, необходимостью охраны вод в приграничных и трансграничных водоемах и переносом загрязнений через атмосферу и др. Усилился конфликтный характер отношений при использовании природных ресурсов (например, по продаже туркменского природного газа Украине, российских энергоресурсов и цветных металлов Прибалтике и т. п.).

В России проблемы охраны окружающей среды отражены в Экологической доктрине РФ, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 года № 1225-р. Сохранение и восстановление природных систем определяется Доктриной как одно из приоритетных направлений деятельности государства и общества. Статья 42 Конституции РФ закрепляет право россиян на благоприятную окружающую среду, достоверную

дования, № 12,1992. С. 51

Яблоков А. Экологическое состояние страны катастрофично// Независимая газета, 13.1.94. С. 6

1

информацию о её состоянии, на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями. Экологические права населения также отражены в федеральных законах «Об охране окружающей среды», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об экологической экспертизе», «Об информации, информатизации и защите информации», «О радиационной безопасности населения», «Об использовании атомной энергии», «Об уничтожении химического оружия», законах РФ «О недрах», «О государственной тайне», «О защите прав потребителей» в Градостроительном, Водном, Земельном, Лесном кодексах РФ, а также закреплены отдельными положениями в других нормативных правовых актах РФ и её субъектов. В главе 8 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрено усиление ответственности за административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования. Основополагающие права, обеспечивающие благополучие и жизнедеятельность человека, тесно связаны с экологическими правами. Прежде всего, речь идет о праве на жизнь и охрану здоровья. Центральное место в системе экологических прав занимает конституционное право на благоприятную окружающую среду, закрепляющее основы жизнедеятельности человека. Это означает, что качество среды способствует нормальному развитию человека, общества, нации, государства. В современной России это самое масштабно нарушаемое право. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года №7 — ФЗ закрепляет права граждан России в сфере экологии и является основным экологическим законом, утверждающим право граждан на охрану здоровья от неблагоприятного воздействия окружающей среды, вызванного хозяйственной или иной деятельностью, катастрофами и стихийными бедствиями. Ограничение конституционных прав граждан на участие в формировании государственной политики в сфере экологии и контроле над её осуществлением может, по сути, превратить означенные права в ничто.

Население, проявляющее заинтересованность в адекватной экополитике, формирует политически активное экологическое движение — во многих зарубежных странах «зелёные» партии оказывают значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. нынешние европейские выборы ознаменовались беспрецедентным прорывом «зелёных» партий. Они направят в Страсбург 51 депутата — это 7% всего Европарламента. (Свой показатель по сравнению с предыдущими выборами в 2004 году улучшили только «зелёные» и ультраправые).

Одним из сюрпризов стал успех французских «зелёных». Партия Даниэля Кон Бендита получила 16,2% голосов, став вровень с социалистами.

Для того, чтобы ответить, почему такое масштабное влияние оказывают эко-ориентированные партии на политику, стоит обратиться к истории зеленого движения в Европе. Зеленые партии в Европе начали играть серьезную роль в политике на рубеже 70-80-х годов. Традиционно выделяют три основные группы причин этого явления:

- идеологические:

- постепенное уменьшение влияния движения «хиппи», левых идеологий, при продолжающемся неприятии молодежью (именно молодежь в силу бунтарских настроений являлась и является одной из основных частей электората) общегосударственной политики;
- сохранение влияния идей пацифизма, ненасильственного бунтарства — после бунтующих 60-х и 70-х и всплеска террористической деятельности, в том числе субъектами которого были и молодежные организации, пацифистские идеи пережили второй пик популярности.

- экологические:

- загрязненность окружающей среды, вызванная более интенсивной, по сравнению с довоенной, индустриализацией европейских стран (особенно остро вопрос стоял в Германии, где в ФРГ жители многих индустриальных центров на себе почувствовали всю опасность загрязнения окружающей среды);
- введение в эксплуатацию на территории Европы атомных электростанций;

- политические:

- потенциальная исполнимость обещаний «зеленых» в отличие от лозунгов крайних «левых», которые были не только трудновыполнимыми, но и ассоциировались с СССР или странами социалистического лагеря ;
- намерение стран НАТО увеличить количество ядерного вооружения, в т. ч. в странах Европы, что не могло оставить население этих стран, в особенности пацифистски настроенную молодежь, равнодушным.

В настоящее время экологически ориентированные политические партии продолжают играть весомую роль на политической арене многих европейских стран. С 2004 года действует также единая Европейская партия зеленых, которая была создана на базе европейской федерации зеленых

партий. Безусловно, в Европейской партии зеленых так или иначе представлены все страны Евросоюза, но флагманами являются две страны — Германия и Австрия. Именно в этих странах экологическое движение пользуется наибольшей, по сравнению с другими странами, популярностью.

Зеленое движение Германии, которое «де факто» является пионером среди стран Европы и с возникновением которого связывают появление Зеленой политической доктрины в целом, возникло на волне протестных левых настроений в ФРГ. Основателем Зеленого движения ФРГ считается руководитель студентов Руди Дучке. Организация им созданная начала деятельность в 1968 году. Зеленые проводили многочисленные акции протеста против политики государства в отношении окружающей среды. Однако все их демонстрации были спокойными, мирного характера. Официально партия («Зеленые» Gruenen) зарегистрирована через год после смерти Р.Дучке в 1980 году. Среди её основателей — молодая политик Петра Келли (которая, кстати, помогала в организации подобных движений в других странах, в частности — именно она заставила 16 испанских активистов подписать Тенерифский манифест в 1980-х, что положило начало созданию Испанского зеленого движения) и радикальный художник Йозеф Бойс. В конце семидесятых в партию приходит бывший участник студенческих волнений, а много позже уважаемый политик, занимавший должность министра иностранных дел ФРГ, Йошка Фишер. Именно в Зеленом движении Германии были сформированы четыре составляющих политики партии, которые постепенно были приняты почти всеми европейскими партиями Зеленых, а ныне являются признаками почти всех зеленых движений в мире. Эти принципы:

1. Экология
2. Социальная справедливость
3. Низовая демократия (репрезентация интересов всех членов социума, вне зависимости от положения)
4. Ненасилие

В восьмидесятые годы зеленые на различных выборах получают места в немецком парламенте, парламентах федеральных земель, а также в Европарламенте. В 1987 году на национальных выборах зеленые набирают 8,3% голосов. Отчасти это результат Чернобыльской катастрофы, которая заставила весь мир обратить внимание на экологические проблемы.

В 1998 году Зеленые снова проходят в парламент, но не самостоятельно, а в составе «Красно-зеленого альянса» — коалиции с социал-демокра-

тами. Подобная политическая ориентация характерна для большинства зеленых партий Европы. К примеру, среди португальцев «зеленые» известны под прозвищем «арбузы» из-за коалиции с коммунистами. В Дании Зеленые тоже активно сотрудничают с левыми движениями и их альянс тоже носит название «Красно-зеленый».

Другой страной-флагманом европейского зеленого движения является Австрия. Зелёные Австрии традиционно пользуются популярностью в стране. Партия была основана в 1986 году и носила название Зелёная альтернатива, что связано с тем, что часть партии отошла от более консервативного Зелёного союза Австрии. Кроме того, существовал и Альтернативный список Австрии. В 1986 году на выборах в парламент партия набирает 4,82% голосов. Отчасти это объясняется тем, что партии удалось предотвратить постройку в Цвентендорфе АЭС. На выборах 1990, 1994, 1995, 1999, 2002, 2006 гг. партия соответственно набирала 4,8%, 7,3%, 4,8%, 7,4%, 9,5% и 11,0%. На момент образования партии главой была Фреда Майсснер-Блау.

Следует вспомнить о том, что на выборах в местные советы партия также занимает неплохие места. Так, в Вене и Тироле количество голосов, отданных за партию достигает 15%. Подобная популярность как в столице, так и в провинции свидетельствует о том, что для Австрии, которая одним из существенных источников дохода имеет туризм, экологическая проблематика является одной из наиболее актуальных. Кроме того, Австрия занимает лидирующие позиции в Европе по использованию альтернативных источников энергии.

Среди других стран Европы, где зеленые играли или играют значительную роль следует отметить Францию, Ирландию, Португалию и Бельгию.

Во Франции зеленое движение представлено несколькими партиями. Наиболее многочисленная и влиятельная из них — Зелёные (второе название Конфедерация экологов). Партия входит в Европейскую партию зеленых.

Участие экологов в политической жизни Франции началось в 1970-х годах. Активное начало участию экологического движения в политике положило выдвижение кандидатуры эколога Рене Дюмонта в президентских выборах 1974 года. После этого события зеленые под разными названиями стали участвовать во всех муниципальных, парламентских и президентских выборах.

Движение «Зеленые» зародилось в 1984 после слияния «Партии экологов» (ранее «Движение политической экологии») и «Конфедерации

экологистов». Лидер Зелёных с 1986 года Антуан Вэхтер сформировал политическую линию: «не правые, не левые», от которой партия отказалась в 1994 году на Генеральной ассамблее в Лилле. А.Вэхтер был кандидатом в президенты на выборах 1988 года, где получил 3,8% голосов. Поразительного результата его партия добилась не на французских, а на европейских выборах — 10,6% голосов. Другими экологическими партиями являются САР 21, Экологическое поколение и Движение независимых экологистов, но они не проходили в Национальное собрание и не играют солидной роли в политике.

В Португалии Зеленые тоже являются активными участниками политического процесса. Партия Зелёных Португалии была основана в 1982 году. Изначально она называлась Португальское движение экологистов.

Ирландию часто называют зеленым островом. Это неудивительно, тем более, что зеленые в Ирландии, в отличие от британских соседей — вполне состоявшиеся политики. Зелёная партия Ирландии была создана в 1981 году учителем из Дублина Кристофером Феттсом. Изначально носила название экологической партии. В 1983 была переименована в Зелёный альянс, с 1987 носит нынешнее название. Партия проходила в парламент разные годы по мажоритарным округам. В 1994 году партия получила 7,9% голосов. В 2002 — 4%, в 2007 партия прошла в парламент (4,69%) и вместе с Прогрессивными демократами и Республиканской партией (Фианна Фейл).

Очень интересная ситуация с Бельгией. Поскольку страна буквально разделена на франкоязычную и фламандскую части, то и Зеленых партии в стране две — Эколо и Зеленые. Экологической партией франкоязычной части Бельгии является партия Эколо, которая была основана в 1980 году. Партия выступает за «устойчивое развитие» в гармонии с природой и в солидарности с другими людьми и народами. Зеленые Бельгии уделяют особое внимание и социальным вопросам, в частности они выступают за установление более партнерских отношений на предприятиях, сокращение рабочего времени и улучшение условий труда. Значительных успехов партия добилась на выборах в 1999 году, когда набрала 7,4% голосов избирателей. Это было связано с «диоксиновым скандалом» (наличием диоксида в курином мясе, которое продавалось в Бельгии). После этого из-за неудачной политики блокирования партия в 2003 году набрала 3,1% голосов и не прошла в парламент. Исправить ситуацию удалось в 2007 году (5,1% — нижняя палата и 5,82% — верхняя), но партия так и не повторила успех на выборах 1999 года.

Партнером партии Эколо является фламандская партия Зеленых (Groen! Также носила название Agalev). Основана в 1982 году, но берет начало от общественного движения Агалев Люка Версейлена. Зеленые — партия фламандских экологов, более или менее аналогичная Эколо. Выступает за гармонию с окружающей средой, развитие жизненной активности в самых различных областях (не только в официальной экономике), сокращение рабочей недели до 30 часов, «иную глобализацию». В 1999 году партия набрала 7% голосов при выборах в парламент. В 2003 году партия набирает 2,6% голосов и не проходит в парламент (избирательный барьер в Бельгии на тот момент составлял — 5%). В 2007 году партия набрала 4% и прошла в верхнюю и нижнюю палаты парламента.

Поскольку Европа сейчас — единое политическое пространство, следует пару слов сказать и о Европейской партии зелёных. ЕПЗ была создана в 2004 году. Объединяет представителей зеленых партий стран ЕС. До 21 февраля 2004 г. существовали объединения партийной организации, такие как Европейская федерация зеленых партий и аналогичные объединения консервативных, социал-демократических и либеральных партий. В программе европейских зелёных особое значение занимают такие темы, как атомная энергетика, защита потребителей и обеспечение равноправия женщин.

Первоначальной целью вновь сформированной партии европейских зелёных была кампания по выборам в Европарламент в июне 2004 г., в ходе которой во всех странах Европы впервые использовались схожие темы и лозунги. Фракция Зеленых и Европейский свободный альянс получили 6,6 % голосов избирателей (42 из 732 мест Европейского парламента)¹.

В целом зелёные в своих политических ориентациях тяготеют к левым.. Кроме того, наблюдается следующая тенденция — чем развитей и высокотехнологичней страна, тем большая вероятность того, что зелёные будут идти на выборы вне коалиций и занимать места в парламенте. Речь не идет о странах с традиционно устоявшейся дупартийной системой. Кроме того, можно отметить и корреляцию между социальной стабильностью, отсутствием напряженности (в том числе и по этническим вопросам) в обществе и поддержкой зелёных партий. Еще одной общей тенденцией является стабильное прохождение зелёных при выборах в Европарламент.

В Российской Федерации зеленые партии пока не имеют такой широкой популярности и не столь влиятельны в политике. Тем не менее, зеленая активность набирает обороты

---

¹ Россия в экологическом цейтноте// «Зеленый мир», № 28,1993. С. 5.

Об этом говорит хотя бы тот факт, что . за несколько месяцев на фоне противодействия со стороны властей, неблагоприятных общеполитических условий (спада политической активности, разочарования людей в политических партиях и лидерах, падения доверия к основным политическим институтам) партия Зеленая Россия смогла призвать под свои знамена двадцать тысяч человек. Для сравнения, зеленые в Германии (в условиях работающей демократии) за все 1980-е годы смогли увеличить свою численность с восемнадцати до сорока тысяч. На все нужно время¹.

Формирующийся кодекс ставит своими задачами:

- создание системного подхода регулирования отношений в области охраны окружающей среды, в том числе соответствующего международным принципам экологической политики;
- комплексное правовое регулирование отношений в области охраны окружающей среды;
- ведение норм прямого действия, способствующих повышению эффективности правового регулирования охраны окружающей среды и природопользования;
- кодификацию законодательства в области охраны окружающей среды;
- введение правовых норм, регулирующих отношения в области охраны окружающей среды, отвечающих современному экономическому развитию Российской Федерации;
- установление единых принципов, позволяющих устранить противоречия в законодательных актах иной отраслевой принадлежности;
- повышение конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке .

Закрепляются главные принципы охраны окружающей среды:

- обеспечение всеми мерами государственного регулирования необходимого уровня экологической безопасности Российской Федерации,
- строгое нормирование ассимиляционных возможностей объектов окружающей среды при ведении хозяйственной и иной деятельности,
- разрешение допустимых воздействий на уровне наилучших существующих доступных технологий,
- стимулирование применения природосберегающих технологий и осуществления предпринимательской деятельности, направленной на охрану окружающей среды,

---

¹ А.В. Дука «Особенности отечественного политического пространства» // Березина, №8, 2006г

– ответственность товаропроизводителя за утилизацию отходов потребления.

Также в рамках Кодекса планируется введение экологических налогов на выпуск и оборот экологически нежелательной продукции, что должно привести к

Вытеснению с рынка экологически нежелательной продукции.

Развитие отечественной производственной базы по выпуску экологически приемлемых товаров и услуг.

Снижение техногенного воздействия на окружающую среду.

Благодаря планируемой системе введения залоговой стоимости на некоторые виды отходов потребления (упаковочные материалы и тара, аккумуляторные батареи, автомобильные шины и т. п.), законодатель предполагает достичь следующих результатов:

Снижение ресурсоемкости экономики.

Снижение издержек ЖКХ на утилизацию отходов.

Создание за счет внебюджетных средств системы сбора вторичных ресурсов.

Развитие индустрии по переработке отходов и создание новых рабочих мест.

Снижение бюджетных затрат на ликвидацию ущерба и социальных издержек от негативных последствий техногенного воздействия на окружающую среду.

Уменьшение заболеваемости населения и повышение уровня комфортности среды обитания.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА

А. Арзамасцева

Методические возможности изучения повседневных практик: комбинированный подход (На примере исследования «Повседневные практики и жизненные стратегии молодых российских мигрантов в Санкт-Петербурге»).

Проблема «научного метода» как способа получения достоверного и надежного результата всегда была в центре дискуссий исследователей. Так в социологии миграции Переведенцев В. И. выделяет теоретический недостаток специальных работ, посвященных методологии и методике. В силу различных причин те или иные методы сбора информации обладают ограниченными возможностями. Поэтому для восполнения этого пробела применяются комбинации методов. Более того в современном быстроразвивающемся обществе интернет-технологий меняются не только средства связи и коммуникации, но и все пространство взаимосвязей людей. Таким образом, с учетом специфики инструмента исследователя и тенденций современности необходимо выделять новые комбинации методов изучения.

Описание исследования: Цель — выявить и описать модели жизненных стратегий и организации повседневной жизни молодых российских мигрантов в Санкт-Петербурге.

Объект исследования — молодые российские мигранты с высшим образованием, приехавшие в Санкт-Петербург из региональных центров России в 2000-ых гг.

Предмет — повседневные практики и жизненные стратегии молодых мигрантов.

Всего в исследовании приняли участие более 25 мигрантов из разных городов РФ: Ижевск, Казань, Череповец, Тюмень, Саратов, Ярославль, Новокузнецк. Дата проведения: осень 2008 — весна 2010. Для достижения данной цели мы придерживались следующей исследовательской стратегии: участвующее наблюдение.

Согласно Алексееву А.Н «наблюдающее участие» напоминает натуральный эксперимент, в котором исследователь вводит экспериментальные факторы изнутри самой ситуации и нередко импровизирует в зависимости от развития событий¹. Мы же изучаем мигрантов в естественной для них среде, в повседневной жизни, не экспериментируя с факторами, влияющими на поведение мигрантов. Более того, исследователь в нашей работе принадлежит к группе изучаемого объекта, то есть сам является молодым российским мигрантом. Поэтому за основу нашей работы мы взяли определение, данное Ильиным В. И. «Это длительная разновидность кейс-стади, организуемого исследователем, находящимся в изучаемом объекте с опорой на все доступные ему методы сбора информации (Свободное интервью, наблюдение, изучение документов, групповое интервью и т. д.)». (Ильин: 2006, 82). Для уточнения определим, что такое кейс-стади. «Кейс-стади — исследование отдельного ограниченного по масштабам объекта (группы, организации, индивида) в более или менее широком внутреннем и внешнем контексте». (Ильин: 2006, 65)

Девятко И.Ф. подчеркивает, что за более широкой трактовкой включенного наблюдения как исследовательской стратегии стоит значительно большее количество явных и неявных теоретических предпосылок и предположений, чем за наблюдением как метод. (Девятко: 1998, 15). К теоретическим основам нашей стратегии относятся, во-первых, постулат субъективной интерпретации А.Щюца, и, во-вторых, концепт социокультурного поля. Согласно Щюцу «интерпретация действий и его рамок необходимо проводить в терминах самого действующего» (Щюц: 2004, 35). Для этого исследователь должен понимать и фиксировать свои собственные ощущения от того или иного феномена, то есть четко разграничивать

---

¹ <http://socionet.narod.ru>

свою субъективную позицию и позицию говорящего, иначе возникает опасность искажения получаемого смысла. Для раскрытия повседневных практик необходим концепт социокультурного поля, который позволяет снять традиционное деление социологии на макро- и микроуровни. Ключ к пониманию жизни социальных институтов лежит в углубленном анализе жизни индивидов (Ильин: 2006, 32). Таким образом, анализируя повседневную жизнь мигрантов, мы можем говорить об эффективности функционировании социальных институтов. В рамках нашего исследования были выделены следующие поля: профессиональная сфера, материальное положение, семья, досуг, быт.

В ходе данного исследования были проведены несколько комбинаций методов сбора информации: включенное наблюдение и глубинное интервью; визуальный метод и глубинное интервью. В связи с высокой степенью использования интернета среди мигрантов, был апробирован метод «экспресс-опроса» через социальную сеть «вконтакте». Этот метод так же может дополнять любой другой, увеличивая достоверность и обоснованность полученных данных.

ПЕРВАЯ КОМБИНАЦИЯ: ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ И ГЛУБИННОЕ ИНТЕРВЬЮ.

Для того чтобы понять, как применять и сочетать тот или иной метод, необходимо знать его сильные и слабые стороны. Так, к сильным сторонам включенного наблюдения активного участника¹ можно отнести следующие:

Позволяет понимать повседневные практики мигрантов, а так же факторы, влияющие на их формирование;

Облегчает доступ к объекту исследования;

Улучшает качество получаемых данных. *«Хотнее дают информацию, когда знают, что ты принадлежишь к одним из них, и что для тебя это тоже жизнь, а не просто исследовательский проект».* (из личного дневника исследователя, май 2009г.).

«Присутствие наблюдателя не вызывает искусственных изменений в исследуемой ситуации». (Семенова: 1998, 102)

С другой стороны, происходит переключивание субъективного опыта исследователя на работу: его чувств, переживаний, физического состоя-

---

¹ Включенное наблюдение имеет двоякую сущность. В узком смысле слова это метод сбора информации с помощью визуального отслеживания объекта исследователем, находящимся в самом объекте. В широком смысле слова это стратегия исследования. (Ильин: 2006, 82).

ния и т. д. Это влияет как на выбор информантов, так и на сами вопросы. «Чем выше включенность в ситуацию, тем труднее избавиться от фильтра, через который все вокруг видится как «само собой разумеющееся» («А как еще может быть?»), очевидное». (Ильин: 2006, 83). Таким образом, мы не можем абсолютно абстрагироваться от своей личности, поэтому необходимо не только принимать ее во внимание, но и сделать субъективность исследователя активным элементом в процесса исследования.

Многие современные социологи обращаются к проблеме субъективности исследователя в качественных методах (Семенова, Готлиб, Ильин, Штейнберг и т. д.) и рекомендуют обсуждать все факты, комментарии и идеи в группе исследователей. «Позиция исследователя в поле является важным моментом. Она определяется не только его статусом «представителя» социологического знания, опирающегося на достоверные факты социальной реальности, но в не меньшей мере его личностной ориентации». (Семенова: 1998,103). Штейнберг И.Е. использует метод «Длинного стола» для нивелирования влияния субъективности исследователя. Длинный стол — это метод групповой работы научного коллектива по созданию и применению методологии и методики социологического исследования и организации всех его полевых этапов. (Штейнберг:2009, 89). Другими словами, это ситуация, когда за одним столом собирается группа социологов, открытых и готовых к обсуждению проблемы коллеги. Это значит, что каждый готов на некоторое время погрузить в научную проблему другого и, опираясь на свою субъективную позицию ученого, высказать мнение в ходе дискуссии. Таким образом, коллективно выявляются возможные различные субъективные интерпретации в понимании или объяснении обсуждаемого вопроса, приводя в итоге к максимально приближенному объективному варианту. Как метод «длинный стол» очень продуктивен, однако, не всегда существует возможность собрать такую группу и выделить время. Поэтому в качестве альтернативы нами был использован метод «само-наблюдения» или дневник исследователя.

Важным методическим шагом к различению субъективной позиции исследователя и информанта становится саморефлексия или понимание своего отношения к какому-либо факту, событию и т. д. Что я как исследователь, мигрант думаю и чувствую в отношении того или иного вопроса? Какова моя позиция как исследователя и как мигранта в этой ситуации? Более того, в дневнике подробно фиксируются и описываются жизненные этапы адаптации и последующего закрепления в городе самого исследователя. Так как каждый период в жизни самого исследователя накладывает

отпечаток на саму научную работу. Таким образом, в условиях саморефлексии методическим решением задачи субъективности исследователя в научной работе является дневник.

В силу того, что исследователь-мигрант включен только в определенную группу изучаемых, доступных единиц для продолжительного включенного наблюдения, он изучает только часть объекта. Другими словами, появляется опасность экстраполяции, полученных данных, на весь объект исследования, т. е. молодых российских мигрантов, приехавших в Санкт-Петербург в начале XXI века. Чтобы преодолеть этот барьер мы использовали метод глубинного интервью, который включает не только повседневных знакомых исследователя, но и более отдаленные единицы анализа. Согласно нашей цели исследования нам необходимы повседневные практики, но зачастую в ходе интервью информанты начинают выдавать общее за частное: либо опираются на общественное мнение, либо сами обобщают. В случае обобщения теряются частные случаи, что ведет к неполноте материала. Выход: детализация, приведение примеров из жизни и аргументация: что, и почему?

Таким образом, комбинирование метода включенного наблюдения и глубинного интервью расширяет возможности изучения повседневных практик мигрантов, уточняя и детализируя их, с одной стороны, с другой, не отвергая субъективную позицию исследователя, учитывает ее и использует как *исследовательский инструмент*.

ПРИМЕНЕНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В СОЧЕТАНИИ С ГЛУБИНЫМИ ИНТЕРВЬЮ.

Плюсы и минусы использования визуальных методов. Ильин выделяет следующие плюсы визуальных методов: а). То, что невозможно описать, можно показать. Безусловно, язык имеет ограничения в своих возможностях, для преодоления этого барьера используется визуальный материал. б). Богатый образами материал, который воссоздает контекст изучаемого объекта. «Визуальные образы по своей природе ближе к социальной реальности, чем вербальные тексты, выполненные с помощью научных категорий». в). «Визуальный материал существенно расширяет информационную насыщенность отчета. Потребитель информации». г). «Визуальными образами нельзя так легко манипулировать как словами. Они сопротивляются насилию исследователя. Нельзя показать то, чего нет». «Фото и видео съемка — веские аргументы, которые позволяют подкрепить выводы исследователя. Если же выводы не очень убедительны, то визуальные материалы дают дополнительные аргументы для их критики». (Ильин: 2006,

136). Однако и картинка без текста выглядит не полностью аргументирована, при этом стремясь стать лишь художественным образом. Более того интерпретация любого смотрящего может уйти далеко за рамки исследуемого вопроса. Поэтому, чтобы сфокусировать внимание на изучаемых аспектах, необходимо глазами самих мигрантов дать некоторую интерпретацию действий, обстановке и т. д.

При изучении повседневных практик и жизненных стратегий мигрантов в Санкт-Петербурге был выделен блок вопросов, связанных с бытовой частью организации жизни мигрантов, а именно организации питания. В первую очередь, нас интересовала обстановка или условия в которых готовят мигранты, условия при которых это наиболее возможно как повседневная практика и т. д. Задача исследования обусловила выбор метода — фотография.

Первый шаг к пониманию повседневной организации питания мигрантов — это продукты питания, которые они покупают, затем, место приготовления и место принятия пищи.

ФЕНОМЕН ХОЛОДИЛЬНИКА. Что же лежит в холодильнике у мигрантов? И есть ли он вообще? Главное открытие, которое удалось здесь сделать — это то, холодильник мигрантов никогда не бывает пуст. (фото №4). Он может быть на половину пуст, на четверть или даже на одну пятую, однако, всегда существует стратегический или неприкосновенный запас (НЗ). Среди полок холодильного шкафа яркие пятна помидор и огурцов: маринад, всевозможные соленья и варенья. Возобновление этого ресурса происходит не только благодаря помощи родителей, но так же благодаря родителям друзей, проживающих в Ленинградской или Мурманской областях. Заготовки представляют собой важный НЗ для мигрантов, который не только существенно экономит деньги, но так же и обеспечивает качество питания. Тема НЗ начинается еще дома. *«В холодильнике всегда стояла кастрюля с супом. Ну, вот, всегда, чтобы было, что поесть».* (Ижевск, социолог-аспирант, Ж, 23). В новом пространстве она, как мы видим, закрепляется.

В поисках продуктов питания помогают не только родители, но и друзья, знакомые в Санкт-Петербурге. *«У меня М.. как раз пришла, у меня денег, ни черта не был тогда, вот она и купила продуктов, еще сигареты купила».* (Новокузнецк, журналист-фотограф, Ж, 21). Подарки друзей, это булочки, бублики, йогурты, консервы и фрукты. Распространена практика совместных ужинов, когда затраты на покупку продуктов делятся на всех. В таком случае, мигранты идут «в ближайший магазин», и покупают необ-

ходимы продукты на вечер. Но чтобы прокормиться в течение недели они выбирают супермаркеты. *«Стараюсь, закупаться один раз в неделю где-нибудь в «Ашане». Там и выбор побольше. Я не все ем».* (Ижевск, преподаватель английского языка, Ж, 27).

Продолжая рассматривать содержимое холодильника: помимо продуктов в холодильнике у мигрантов «полуфабрикаты». *«А кастрюля, это она уже больше месяца стоит, там, кажется, гречка, не знаю точно, это моя соседка бывшая еще готовила».* (Новокузнецк, журналист-фотограф, Ж, 21). Квашенная капуста, то, что полезно и легко употребить в пищу. *«Мы, вообще, стали придерживаться здорового образа жизни. Вроде как модно. Вот едим проросшую пшеницу».* (Ижевск, координатор в тренинговом агентстве, Ж, 23). *«Короче, в моём холодильнике можно найти: яйца, пельмени, майонез и т. д., сырки творожные, блины (полуфабрикат), рагу в пакетах, кукуруза, сыр, хлеб. Люблю покупать корейскую морковь или морскую капусту. А почему я это всё покупаю? ну, не знаю... просто готовить, недорого купить».* (Ярославль, биолог, Ж, 23). *«То, что в холодильнике: сыр, яйца, зелень, капуста, суп! (Саратов, менеджер, Ж, 22)».*

Холодильник как важный элемент организации питания мигрантов. Благодаря наличию холодильника актуализируется стратегия запасаения. *«Варю как правило кастрюлю и эта еда хватает на дня 3 — холодильник сохраняет».* (Ижевск, географ, Ж, 25). В условиях экономии пространства, холодильник начинает играть роль «стенного шкафа». Туда складываются все: *«А это я перед твоим приходом убрала, чтобы не валялся (про хлеб в холодильнике)».* (Новокузнецк, журналист-фотограф, Ж, 21).

Продукты есть, теперь можно приступить, непосредственно, к самому процессу приготовления еды. **Место приготовления пищи** должно быть комфортным, подчеркивают мигранты. *«Чтобы все стояло рядом. Не бегать там на кухню и следить за огнем, возвращаясь попутно в комнату к холодильнику. Все должно быть в одном месте, как дома... удобно. Ну, где кастрюли, там и сахар. А у нас все по разным частям квартиры».* (Ижевск, координатор в тренинговом агентстве, Ж, 23). В коммунальных квартирах на кухне находится часть «рабочей зоны для приготовления пищи» и в комнате мигранта. Поэтому, чтобы готовить, необходимо каждый день переносить либо часть продуктов, либо часть кухонной амуниции, туда, где готовится еда. (Например, холодильник и посуда находятся в комнате, а плита, соответственно, на общей кухне). Это неудобно и некомфортно. Через некоторое время такая практика приготовления пищи прекращается,

возобновляясь фрагментарно в особых случаях (например, приход гостей, выходной и т. д.).

Во-вторых, уют и чистота рабочего места. Порядок на кухне напрямую связан с организацией рабочего пространства. Так, на собственных кухнях мигранты могут самостоятельно раскладывать посуду, мыть или не мыть тарелки, в целом, вести самоуправление, чего нельзя позволить на общей кухне. (фото №1, №2) *«Собственное рабочее место: на своей кухне все лежит на своих местах. Чувствуется порядок: стаканы стоят в порядке. В одном месте и шкафчики для посуды, и раковина, и сушилка. Стена в коммунальной квартире осыпается, в собственной же, по периметру идет плитка. В своей кухне гарнитур более новый по сравнению с коммунальной. В коммунальной кухне стоят в не порядке тазики и ведра, тряпки валяются, как бы место не для готовки. Тем не менее, в собственной квартире плита хуже, чем в коммунальной».* Поэтому, коммунальные кухни как место приготовления пищи привлекают «интересным видом из окна»: трамвайчики, интересные здания и т. д.

Таким образом, место приготовления еды влияет на качество пищи. Так, в условиях общей кухни, у мигранта не возникает желания готовить. Все делается на скорую руку, используются полуфабрикаты или перекусы. В условиях собственного пространства, для мигранта процесс приготовления еды становится частью повседневных практик. Улучшается качество приготовления. *«Вот первый раз за три года я начала здесь готовить, потому, что, наконец-то, своя кухня, хоть в трусах можешь готовить. А в коммуналках я не готовила никогда».* (Новокузнецк, журналист-фотограф, Ж, 21).

Возможным условием приготовления пищи в условиях коммунальной квартиры — это хорошие отношения с соседями (это могут быть как друзья, группы людей, живущих вместе — идеальный вариант) или отсутствие таковых. Альтернативным вариантом общей кухни в коммунальной квартире становится «личное подсобное хозяйство». В коммунальных квартирах есть небольшая комнатка, соединяющая, к примеру, две жилых комнаты. Там располагается раковина, электрическая плитка, иногда СВ-печь, посуда (фото №3). Таким образом, решается главный вопрос комфортности рабочего места: все в одном месте, не нужно бегать из одной комнаты в другую.

Следующий шаг в организации питания мигрантов — это **МЕСТО ПРИНЯТИЯ ПИЩИ**. Мигранты питаются не там, где готовили, а там, где есть специально организованное пространство для этого. Например, кухня, от-

дельная комната, подоконник и, как отдельный, организующий пространство элемент, стол. *«На кухне мы никогда не питались, потому, что... ну, стола там не было. А вот у моей подруги, так они, да, ели. У них стоял стол».* (Ижевск, координатор в тренинговом агентстве, Ж, 23). Таким образом, стол играет важную роль в организации пространства кухни, комнаты и так далее. Столы в кафе, столовых, барах автоматически подразумевают принятие пищи. Мигранты дома находятся в аналогичной ситуации. В отличие от отдельной квартиры, коммунальное жилье разделяется на зоны: общая кухня и собственная комната. Таким же образом и делятся пространства для приготовления и принятия пищи.

Для принятия пищи существуют несколько организованных мест. Они отличаются в зависимости от вида жилья: в коммунальной квартире, это пространство комнаты, в отдельной квартире, это пространство кухни. Важным организационным элементом места принятия пищи является стол. Его наличие в комнате или на кухне говорит о возможности расположения именно в этом пространстве, чтобы поесть.

Таким образом, «мы видим» условия приготовления пищи, и параллельно, «слышим», каким образом мигранты ведут себя в этих условиях. Другими словами, путем комбинирования методов: фотографии и глубинного интервью, возможно объяснить повседневные практики мигрантов в контексте условий их проживания. Тем не менее «за кадром» остаются вопросы повседневного рациона мигрантов.

Экспресс-опрос. Для того чтобы расширить представление о повседневной организации питания мигрантов был применен метод экспресс-опроса через социальную сеть «Вконтакте». Мигрантам было разослано сообщение, в котором содержался вопрос об организации их питания. Чем вы питаетесь и почему? Дата проведения исследования: 10 апреля 2010 года. Количество участников: 15 человек. Возможности метода: легкий доступ к мигрантам. Быстрый, качественный сбор информации, так как сегодня большое количество мигрантов имеет свои странички «вконтакте» и активно пользуется ими. Однако при анализе необходимо учитывать, что полученный материал охватывает только интернет-аудиторию, поэтому такой метод идет как дополнительный. Интересно отметить, что вовремя написания мини-историй о питании, например, с помощью разных символов мигранты передают свое отношение к изучаемому вопросу и свое эмоциональное состояние.

На вопрос, что вы едите, мигранты разделились на две группы: на тех, кто готовит сам и на тех, кто питается в кафе. *«Все готовлю сама! Кроме*

пельменей:) стараюсь каждый день суп на обед, ужин, на второе обычно гарнир и мясное: гуляш, котлеты, отбивные под соусом, рыба:) на завтрак омлет, глазунья, йогурт, бутерброды с сыром и колбасой. :)» (Ижевск, домохозяйка, Ж, 25). «Я сама не знаю, что я ем! полуфабрикаты нет! я в кафешках обычно обедаю! а вечером овощи или фрукты и спать!» (Саратов, менеджер, Ж, 22). При организации питания некоторые проблемы с приготовлением еды и покупки продуктов помогает решить совместное питание. Друзья, знакомые, близкие люди и так далее — все те, с кем мигрант проживает. «Живем вместе, так что готовим на двоих. Удобно и экономично. А вообще, иногда получается так, что он продукты домой покупает, а я готовлю» (Ижевск, социолог, Ж, 23).

Среди мигрантов существуют так же и свои «легенды», например, о мясе. «Ем суп. Када езжу на родину стараюсь максимально привозить тушенку, потому как слышана историей о мясе (замечала вонь тухлятины на гостинке? — мясо в запасе, которое потом направляется на тушенки и консервы) из своих тушеноч варю супы, пловы». (Ижевск, географ, Ж, 25). К вопросу о здоровом питании: мигранты следят за своим питанием, считая, что не все полуфабрикаты есть полуфабрикаты. «Питаемся <...> из полуфабрикатов — это иногда шампиньоны замороженные, хотя их сложно назвать полуфабрикатами, ну и овощи замороженные. В общем, стараемся питаться полноценно, включая все витамины. Я вообще сторонница здоровой пищи и начитана в свое время подобной информацией. Как никак в семье врачей выросла.» (Ижевск, географ, Ж, 25).

Процесс питания в отдельных случаях достаточно интимное и даже болезненное дело, поэтому, мигранты предпочитают не рассказывать об этом. «Позволь мне, не отвечать на этот вопрос. Скажу только, что готовлю сам». (Ярославль, аспирант, М, 23года).

В ходе исследования было выявлено «обычное меню» мигрантов. **ЗАВТРАК** составляют не полуфабрикаты, подчеркивают мигранты, но, то, что легко заварить и быстро съесть. «Йогурт, бутер и чай, на работе кофе с бананом или печеньем. Полуфабрикаты не ем» (Тюмень, экономист, Ж, 25). «Утром обычно овсянка, самая обыкновенная, заваренная кипятком, когда был мед, его добавляла, или просто кефир 1% жирности, или йогурт, но редко». (Казань, библиотекарь, Ж, 25). **ПИТАНИЕ ВО ВРЕМЯ ОБЕДЕННОГО ПЕРЕРЫВА НА РАБОТЕ:** Мигранты питаются в столовой, если цены для них приемлемы. «Каждые два дня питаюсь в столовой на работе, беру суп и салат плюс два пирожка, но в последнее время стала из дома приносить варёное яйцо. Сейчас объясню). Во-первых яйца прода-

ют 10 шт, а они имеют свойство быстро портиться. Во-вторых пироги имеют большую калорийность, а яйцо 60 ккал, + в последнее время мне плохо от пирогов...да и по цене выходит дешевле!»). (Ярославль, биолог, Ж, 23). Важную роль при выборе варианта пообедать играет групповой фактор, так, если коллеги посещают одно и то же кафе, то эта практика со временем закрепляется и они начинают ходить вместе. «Иногда обедаю в кафе (гуси-лебеди, рядом с работой). Обычно беру (по-разному) сельдь под шубой или деревенский салатик, картофель отварной или картофельное пюре, пирожки с грибами и рисом, или рис с яйцом». (Казань, библиотекарь, Ж, 25). Если на работе есть кухня, где можно приготовить легкий обед или разогреть домашнюю еду, а потом покушать, мигранты питаются на рабочем месте. «Днем питаюсь на работе: мы варим гречку, рис, или творог или овсянку завариваем и с йогуртом». (Казань, библиотекарь, Ж, 25). «Приношу еду из дома (салат или 2-е блюдо и фрукт), у нас так многие делают и местные тоже. А что? это дешевле и часто качественнее» (Тюмень, экономист, Ж, 25). **ОБЕД ДОМА:** «Колбасу не покупаю, ибо боюсь ошибиться в выборе. И сосиски не люблю. К своему гарниру я покупаю курицу, фарш или тушёнку. Совсем не беру рыбу, хотя вчера её приготовила, 2-3 раза брала селедку. Часто делаю салат из крабовых палочек. Варю пельмени, когда всё заканчивается». (Ярославль, биолог, Ж, 23). **УЖИН:** «Ужин в основном доедаю обеденное, но представим, что всё закончилось, а время и желание было на готовку, тогда я приготовила что-нибудь по рецептам маggi на второе и приготовила макароны по-флотски». (Ярославль, биолог, Ж, 23). «Вечером по-разному: кефир, яблоко или груша». (Казань, библиотекарь, Ж, 25).

В отдельную категорию попадают выходные дни, в течение которых можно купить продуктов на неделю, сделать собственный полуфабрикат, который может простоять в холодильнике несколько дней: суп, макароны, рис, гречка. «В выходные, когда дома, то варю рис или капусту цветную отвариваю. иногда открываю банку фасоли в томатном соусе. хлеб ем редко. сыр покупаю оч редко, мб раз в месяц. раз месяц покупаю грам 100 красной рыбы среднего соления и съедаю за раз. мясо не беру, но когда хочется чего-ниб мясного, покупаю курицу-гриль, мне ее на два дня хватает, это тоже где-то раз в месяц. люблю ролы, ем их где-то 1-2 раза в месяц». (Казань, библиотекарь, Ж, 25). В отдельных случаях, это наоборот полный сбой режима питания и отдых от приготовления еды. «На выходных все питание сбивается, там стабильно есть только завтрак, и то часа в 2 дня)) а остальное — как поплет))» (Тюмень, экономист, Ж, 25).

Таким образом, организация питания мигрантов основывается на двух осевых стратегиях: покупка продуктов и приготовление дома, первая, перекусы на работе, у друзей в магазинах и на улице, вторая. (см. рис.).

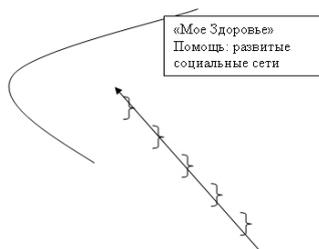
Ось, направленная в сторону качества питания, проходящая в особой плоскости, в плоскости домашних заготовок и больших супермаркетов. Деления «на максимум»: на максимум качества, на максимум времени. Ось в сторону экономии ресурсов, пересекая точки здоровья и времени, она образует плоскость минимальных затрат и сил. Источник формирования — низкая озабоченность состоянием своего здоровья. (ведь все таки существует возможность после работы приготовить дома и брать с собой или найти работу, позволяющую питаться более или менее адекватно и т. д.). Важный внешний фактор, обуславливающий выбор той или иной стратегии, это место проживания мигрантов. Так, если мигрант проживает в коммунальной квартире, то он стремится к стратегии №2. Экономия ресурсов. В противоположном случае, мигрант переходит на стратегию №1. Качество питания. Важно отметить, что существует связь между этими стратегиями и возможности смены одной стратегии на другую.

В исследовании повседневных практик и жизненных стратегий молодых российских мигрантов в Санкт-Петербурге, были использованы следующие комбинации методов сбора информации: включенное наблюдение и глубинное интервью, фотография и глубинное интервью. Метод включенное наблюдение ограничен тем, что не весь объект исследования попадает в повседневное пространство исследователя. Поэтому расширяет и дополняет его возможности метод глубинного интервью, куда попадают все остальные, более отдаленные информанты. Сочетание фотографии и глубинного интервью так же позволяет приблизиться к более объективным и наиболее полным эмпирическим данным, так как запечатленная картина реальности не безмолвствует, а дополняется интерпретацией мигрантов, и наоборот. В качестве отдельного метода был выделен «экспресс-опрос» через социальную сеть «вконтакте», эффективно работающий в сочетании с любыми другими комбинациями или отдельными методами.

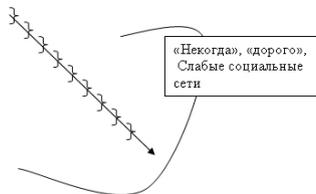
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара, 2002.
- Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. — Екатеринбург. Изд-во Урал. Ун-та, 1998. — 208 с.

- Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. — СПб.: Интерсоцис, 2006. — 256 с.
- Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.

Осевая стратегия №1. Качество питания.

Осевая стратегия №2. Экономия ресурсов.

- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М.: Добросвет, 1998. — 292 с.
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. — СПб.: Алатейя, 2009. — 352 с.
- Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. — 1056 с.
- Ball M. S., Smith G. W. H. Analyzing Visual Data. Sage Publications. Newbury Park. London. New Delhi, 1992.
- Rose G. Visual Methodologies. Sage Publications. Newbury Park. London. New Delhi, 2001.
- Handbook of Visual Analysis. (ed. by Van Leeuwen T. and Jewitt C.) Sage Publications. Newbury Park. London. New Delhi, 2001.
- Фотография № 1. Рабочее место: Кухня в съемной квартире.
- Фотография №2. Рабочее место: Кухня в коммунальной квартире.
- Фотография №3. Личное подсобное хозяйство, коммунальная квартира.
- Фотография №4. Содержимое холодильников.

Фото 1. Рабочее место: Кухня в съемной квартире.

Фото 2. Рабочее место: Кухня в коммунальной квартире.

Фото 3. Личное подсобное хозяйство: коммунальная квартира.

Фото 4. Содержимое холодильников.

Российские и иностранные студенты на рынке труда

Одной из актуальных практик нового времени — пореформенного (или постсоветского) периода в развитии общества — является формирование новых способов взаимодействия между социальными институтами. Отчасти этому способствует глобализация, при которой рыночные императивы значительно расширили границы своего влияния, включая и сферу образования. В России, как и в ряде других стран, взаимоотношения между экономикой и высшим образованием с каждым годом укрепляются.

Вопрос об одном только присутствии российских и иностранных студентов на рынке труда в условиях современной системы высшего образования является дискуссионным. Работа российских студентов очной формы обучения оказалась возможной вследствие юридического несогласования, заключающегося в противоречиях между законом «Об образовании»¹, Трудовым кодексом РФ² и типовым уставом вуза, рекомендованным Федеральным агентством по образованию³. Эти нормативные документы, регламентирующие образовательную деятельность, оставляют возможность по-разному трактовать права студентов-очников на совмещение учебы с работой (от разрешения и предоставления льготного режима до отчисления из вуза по причине нарушения обязанностей студента). Студенты-иностранцы до апреля 2009 г. могли работать «в свободное от учебы время» только по месту получения образования («в качестве учебно-вспомогательного персонала в тех образовательных учрежде-

¹ Закон об образовании РФ от 10.07.92 N 3266-1; информация с сайта Федерального государственного учреждения «Федеральный центр образовательного законодательства»: <http://www.lexed.ru/faq/index.phtml?cat=59>,

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ТК РФ). Трудовой кодекс. РФ. М. 2004.

³ Макет Устава Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования. С. 13; официальный сайт Федерального агентства по образованию, URL: <http://www.ed.gov.ru/edusupp/metodobesp/prustobuch/prust/>,

ниях, в которых они обучаются»)¹, то есть исключительно в «своем» вузе и в свободное от учебы время, например, библиотекарями или лаборантами. Новый закон был принят Государственной Думой относительно недавно², в 2009 г., и в настоящее время иностранные студенты имеют возможность работать без разрешения ФМС (Федеральной миграционной службы) и, следовательно, без учета квот, распространяемых на трудовых мигрантов. Данные эмпирических исследований, приведенные ниже, были получены в 2007-2008 гг., то есть в период, когда указанная коллизия в отношении иностранных студентов разрешена не была.

Исследовательский интерес для нас представляет присутствие феномена трудовой занятости студентов в российском образовательном пространстве, что определяется скорее глобальными, чем национальными особенностями организации процесса обучения.

Рынок труда определяем как специфический вид товарного рынка, содержанием которого является реализация (купля-продажа) товара особого рода — рабочей силы, или способности человека к труду. Соответственно, под рабочей силой понимаем физические и умственные способности к труду, которыми обладает человек и которые он использует при производстве материальных и духовных благ³. Студент на рынке труда представляет собой рабочую силу, имеющую по сравнению с обычным работником ряд отличий вследствие двойственного характера занятости: учебной и трудовой.

Проблемы российских студентов на рынке труда находятся в фокусе внимания социологов с середины 1990-х гг. Среди авторов наиболее известных исследований укажем В.И. Герчикова, Ю.Р. Вишневого, Е.Д. Вознесенскую, Д.Л. Константиновского, Г.А. Чередниченко, В.С. Собкина и др.

Несколько иначе представляется степень изученности данной проблемы у иностранных студентов.

Различные аспекты, определяющие особенности обучения иностранцев в России, рассматривались отечественными исследователями. Наиболее значительный вклад в анализ обучения иностранных студентов в

---

¹ федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» (Глава 1 статья 13), <http://nalog.consultant.ru/doc95681.html>

² Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. — Т. 29. М. С.295.

России был сделан Ю.П. Акимовым, Н.И. Зверевым, В.И. Кругловым и др. авторами в коллективной работе «Подготовка специалистов для зарубежных стран в России»¹. Проблемам и перспективам обучения иностранных студентов в России были посвящены труды В.А.Белова.² Результаты изучения государственной и ведомственной статистики, а также современное состояние отечественного рынка образовательных услуг представлены в монографии А.Л. Арефьева³. При несомненном достоинстве этих работ, охватывающих общее положение иностранных студентов в российских вузах, и в силу формальных юридических требований вопрос об участии иностранных студентов в региональных рынках труда не рассматривался.

В 2006/2007 уч.г. в российских вузах обучалось 90,5 тыс. чел.⁴ В настоящее время студенты из КНР стали первой по численности национальной группой в составе всего иностранного контингента учащихся российских вузов — в 2006 г. в России обучалось более 13,5 тыс. китайских студентов (около 3,2% от общего числа китайских граждан, обучавшихся в 2006 году за рубежом)⁵. Второе и третье места по количеству студентов, обучавшихся в российских вузах в 2006 г., также занимают страны Азии — Вьетнам и Индия. Численность студентов из стран Азии оказалась даже больше, чем численность студентов из стран СНГ. (33675 чел. и 31673 чел. соответственно)⁶. Китай осуществляет и прямое межвузовское сотрудничество с российскими вузами — около 50 российских университетов имеют соответствующие договоры с КНР, хотя наполняемость совместных научных программ чрезвычайно мала. С учетом проекта реформирования системы высшего образования, согласно которому (к 2016 г.) доля иностранных студентов должна составлять 10% среди всех обучающихся

---

¹ Подготовка специалистов для зарубежных стран в России: состояние и перспективы развития (Информационно-аналитические и методические материалы). М. 1999.

² Белов В.А. Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах. М. 2000; Обучение иностранных граждан в России: Исторический опыт, проблемы, перспективы. М. 2003.

³ Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М. 2007.

⁴ Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. М. 2007. С.31.

⁵ Арефьев А. Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М., 2007. С. 646.

⁶ Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. М. 2007. С.32-39.

в высшей школе, есть все основания полагать, что численность граждан КНР, получающих образование в России, будет возрастать.

МАТЕРИАЛОМ ДЛЯ АНАЛИЗА ЯВЛЯЮТСЯ ДАННЫЕ ДВУХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВЕДЕННЫХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 2007-2008 ГГ. НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН, — «СТУДЕНТ НА РЫНКЕ ТРУДА» И «ИНОСТРАННЫЙ СТУДЕНТ В РОССИИ». ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ «СТУДЕНТ НА РЫНКЕ ТРУДА» ВКЛЮЧАЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАСШТАБОВ И ХАРАКТЕРА ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ЭМПИРИЧЕСКУЮ БАЗУ СОСТАВЛЯЮТ ДАННЫЕ АНКЕТНОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ 2-5 КУРСОВ ОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ СЕМИ ВУЗОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (РГПУ им.А.И.Герцена; СПБГИЭУ; СПБГУЭФ, СПБГУКИ; ИТиД; ИВЭСЭП; АМО)² ПО ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ ВЫБОРКЕ. ВСЕГО БЫЛО ОПРОШЕНО 836 ЧЕЛОВЕК — СТУДЕНТОВ ГОУ И НОУ, ОБУЧАВШИХСЯ ПО ЧЕТЫРЕМ ГРУППАМ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: «ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИКА», «ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ», «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ», «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО». ВЫБОРКА СООТВЕТСТВУЕТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ СТУДЕНТОВ УКАЗАННОГО ПРОФИЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ПОДЧЕРКНЕМ, ЧТО НАБЛЮДАЕТСЯ УСТОЙЧИВОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ ДОЛИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ЭТИМ ГРУППАМ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД В ПЕТЕРБУРГЕ. ДОЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ГОУ В 2006-2007 УЧ.Г. ПО УКАЗАННЫМ ГРУППАМ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ СОСТАВИЛА БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ОТ КОЛИЧЕСТВА ВСЕХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ГРУППАМ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (В ГОУ- 53,8%, В НОУ- 59,1%). ДАННЫЕ ОБ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТАХ ПОЛУЧЕНЫ В ХОДЕ ИНИЦИАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ИНОСТРАННЫЙ СТУДЕНТ В РОССИИ» С ЦЕЛЬЮ ОПРЕДЕЛИТЬ УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА) И АДАПТАЦИЮ К ЭТИМ УСЛОВИЯМ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР). ВСЕГО БЫЛО ОПРОШЕНО 200 КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАВШИХСЯ В 2008

---

¹ «Студент на рынке труда: социологический анализ» (научн. руководитель — И.И.Елисеева), научно-исследовательская работа по конкурсу грантов в сфере научной и научно-технической деятельности Санкт-Петербурга, 2007 г. при поддержке Правительства Санкт-Петербурга.

² Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (СПБГИЭУ); Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (СПБГУЭФ); Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена (РГПУ); Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПБГУКИ); Санкт-Петербургская академия управления и экономики (АМО); Институт телевидения, бизнеса и дизайна (ИТиД); Институт внешнеэкономических связей, экономики и политики (ИВЭСЭП).

г. с 1 по 5 курс в шести крупнейших вузах Санкт-Петербурга (СПбГУ, СПбГПУ, СПбГУКИ, СПбГАСУ, РГПУ им. Герцена, СПбГПХА)1. Выборка построена по методу «снежного кома». Для каждого исследования разработана своя опросная методика. Для повышения валидности эмпирических данных методика «Иностранный студент в России» переведена на родной для респондентов язык. Для сравнения использованы только те случаи, когда задаваемые вопросы и шкалы ответов к ним полностью совпадают.

В ходе исследования российских студентов установлено, что в период обучения в вузе на дневном отделении постоянно работал или подрабатывал каждый четвертый из опрошенных студентов (26%) (табл. 1). Еще чуть менее половины (44%) работали или подрабатывали время от времени. В трудовую деятельность в период учебы в вузе с разной степенью интенсивности вовлечены более двух третей студентов дневного отделения (70%). Только 8% считали, что в работе или подработке нет необходимости, а 22% сообщили, что у них не было случая, чтобы работать или подрабатывать.

Т а б л и ц а 1. *Распределения ответов на вопрос «Приходилось ли вам лично работать или подрабатывать во время обучения?» (в процентах по строке)*

	Вариант ответа				Единиц в подвыборке
	«Да, постоянно»	«Да, иногда»	«Нет, не было случая»	«Нет, в этом нет необходимости»	
Российские студенты	27	45	21	7	836
Иностранные студенты	11	26	31	32	200

Вовлеченность в трудовую деятельность охватывала студентов всех курсов обучения. Наиболее явные различия в том, работали студенты или

¹ Санкт-Петербургском Государственном Университете Культуры и Искусств (СПбГУКиИ), Санкт-Петербургском Государственном Университете (СПбГУ), Российском Государственном Педагогическом Университете им. Герцена (РГПУ им. Герцена), Санкт-Петербургском Государственном Политехническом Университете (СПбПУ), Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ), Санкт-Петербургской Государственной Промышленной Художественной Академии (СПбПХА).

нет, были обнаружены в связи с условиями проживания респондентов, самооценкой их материального положения, и лишь некоторые различия определялись специальностями обучения и особенностями вуза.

Для определения доли студентов, вовлеченных в трудовую деятельность, информативными представляются данные о занятости респондентов непосредственно в момент опроса. Для этого студентам был задан вопрос «Насколько вероятно, что в этом семестре Вы будете работать или подрабатывать?» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Распределения ответов студентов на вопрос «Насколько вероятно, что в этом семестре Вы будете работать или подрабатывать?» (в процентах по строке)

	Вариант ответа						Единиц в подвыборке
	«Нет, не планирую»	«Нет, это маловероятно»	«Трудно сказать»	«Да, такая вероятность существует»	«Да, планирую что-то найти»	«У меня уже есть работа»	
Российские студенты	17	13	8	16	18	28	836
Иностранные студенты	21	17	13	23	10	16	200

Из присутствующих на занятиях во время проведения опроса уже имели работу свыше четверти студентов (27%), еще 18% планировали найти работу в текущем семестре, а 17% утверждали, что «такая вероятность существует». В случае реализации этих намерений почти две трети студентов будут совмещать работу и учебу в текущем семестре, как это уже имело место ранее. Учитывая проективный характер вопроса, можно предположить, что с большей долей вероятности реализуются намерения тех, кто уже был озадачен поиском работы, и тогда доля работающих составит почти половину от числа всех обучающихся на дневном отделении в вузах (45%).

Иначе выглядит положение иностранных студентов на рынке труда.

Для того чтобы определить долю студентов, имевших опыт работы до обучения в университете, в анкету был включен следующий вопрос: «Вы поступили в этот вуз сразу после окончания школы?» Большинство иностранных студентов, в данном случае — студентов из Китая, как и большинство российских студентов, поступили в вузы сразу после окончания школы, то есть они не имели трудового опыта до начала учебы (96%).

Студентам был задан вопрос «Приходилось ли Вам лично работать или подрабатывать во время обучения?» В результате нами установлено, что среди иностранных студентов во время учебы в России каждый десятый работал постоянно (11% или 21 чел.) и каждый четвертый — периодически, «время от времени» (26% или 52 чел.) (табл. 1). Это означает, что около трети студентов-иностранцев имели опыт совмещения учебы на дневном отделении с работой. Две трети опрошенных не работали (64% или 127 чел.). Каждый третий респондент указал, что в работе нет необходимости, почти столько же просто не имели случая поработать.

Мы уточнили: «Насколько вероятно, что в этом семестре Вы будете работать или подрабатывать?». На момент опроса каждый шестой иностранный студент уже имел работу (16%), еще 10% планировали найти работу в этом семестре, а 23% утверждали, что «такая вероятность существует» (табл. 2). Если эти студенты смогут выполнить свои намерения, то совмещать учебу с работой будет почти каждый второй. Но скорее всего работать будут те, кто планирует поиск работы. Это означает, что доля работающих среди иностранных студентов составит около четверти опрошенных (26%).

Чтобы определить, насколько целенаправленно студенты выбирали специальность и насколько они связывают свою специальность с дальнейшей трудовой деятельностью, был задан вопрос: «Предполагаете ли Вы в дальнейшем работать по той специальности, по которой обучаетесь?». Оказалось, что почти каждый второй респондент (55% или 110 человек) готов заниматься работой, связанной с получаемой профессией, каждый седьмой работать по специальности не планирует (13% или 27 человек), каждый третий с ответом затруднился (32% или 63 человека) (табл. 3). Данные ответы говорят о том, что только половина студентов из КНР целенаправленно выбирали специальность и намерены связать свою дальнейшую трудовую деятельность с полученным образованием.

Среди российских студентов по специальности хотели бы работать более двух третей респондентов (70%), каждый пятый с ответом затруднился (18%), а доля тех, кто по специальности работать не планирует, почти такая же, как и у иностранных студентов (12%) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. *Распределения ответов на вопрос «Предполагаете ли Вы в дальнейшем работать по той специальности, по которой обучаетесь?» (в процентах по строке)*

Отношение к работе в семестре	Варианты ответа			Единиц в подвыборке
	«Нет, не предполагаю» или «скорее всего, нет»	«пока не знаю»	«Да, скорее всего» или «Да, конечно»	
Российские студенты	12	18	70	836
Иностранные студенты	13	32	55	200

Ниже рассмотрим специальности, которые предпочли получить студенты из КНР. Согласно данным опроса, специальности, по которым обучаются опрашиваемые, можно разделить на четыре больших группы — РКИ («русский язык как иностранный»), другие гуманитарные, технические, естественно-научные. Среди них 49,5% (99 человек) выбрали РКИ, еще 39% (78 человек) предпочли другие гуманитарные специальности, 10% (20 человек) поступили на технические и 1,5% (только 3 человека) выбрали специальности естественно-научного профиля. Из представленных данных видно, что большинство студентов из КНР, получающих образование в Санкт-Петербурге, в основном выбрали гуманитарные специальности (88,5%).

Полагаем, что намерения студентов работать по специальности обучения зависят от того, «Насколько студенты удовлетворены тем, что учатся именно по этой специальности?». Из ответов на этот вопрос следует, что больше половины иностранных студентов (54%) и две трети российских студентов (63%) специальностью удовлетворены, треть и тех и других «в чем-то удовлетворена, в чем-то нет» (табл. 4). И хотя не удовлетворенных специальностью студентов немного, но среди иностранных студентов их в два раза больше, чем среди российских (14% и 6% соответственно).

Т а б л и ц а 4. Распределения ответов студентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены тем, что учитесь именно по этой специальности?» (в процентах по строке)

Группы студентов	Вариант ответа			Единиц в подвыборке
	удовлетв.	в чем-то удовл., в чем-то нет	не удовлетв.	
Российские студенты	63	31	6	836
Иностранные студенты	54	32	14	200

ТАК КАК НЕКОТОРАЯ ДОЛЯ СТУДЕНТОВ УЖЕ ВКЛЮЧЕНА В РЫНОК ТРУДА, МЫ СПРОСИЛИ: «Если Вам представится такая возможность сейчас, будете ли вы работать по специальности?». ОТВЕТЫ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ОКАЗАЛИСЬ СХОДНЫ (ТАБЛ. 5). БОЛЕЕ ДВУХ ТРЕТЕЙ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ОТВЕТИЛИ УТВЕРДИТЕЛЬНО (71% и 68%). КАЖДЫЙ ДЕСЯТЫЙ РОССИЙСКИЙ СТУДЕНТ УЖЕ РАБОТАЛ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ, СРЕДИ СТУДЕНТОВ КНР — ТОЛЬКО 6 ЧЕЛОВЕК. ПРИМЕРНО КАЖДЫЙ ДЕСЯТЫЙ ОТВЕТИЛ ОТРИЦАТЕЛЬНО (ПО 11%). И ТОЛЬКО ЗАТРУДНИВШИХСЯ С ОТВЕТОМ СРЕДИ ИНОСТРАНЦЕВ БЫЛО В ДВА РАЗА БОЛЬШЕ, ЧЕМ СРЕДИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ (18% И 8% СООТВЕТСТВЕННО). ВЕРОЯТНО, НА СТЕПЕНИ ОВЛАДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ СКАЗАЛОСЬ ЗНАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Т а б л и ц а 5. Распределения ответов на вопрос «Если Вам представится такая возможность сейчас, будете ли вы работать по специальности?» (в процентах по строке)

Отношение к работе в семестре	Варианты ответа				Единиц в подвыборке
	«Нет, не стал бы» или «скорее всего, нет»	«Трудно сказать»	«Скорее всего, да» или «да, конечно»	«Уже работаю»	
Российские студенты	11	8	71	10	836
Иностранные студенты	11	18	68	3	200

В заключение сделаем следующие выводы:

- 1) Как российские, так и иностранные студенты работают во время учебы.

- 2) Как российские, так и иностранные студенты на рынке труда хотели бы работать по специальности.
- 3) Нетрудно предположить, что, вероятнее всего, мотивы трудовой деятельности российских и иностранных студентов будут различаться. Возможно, для иностранных студентов работа выступает одним из факторов адаптации в российском обществе.
- 4) На основании того факта, что во время обучения иностранные студенты уже начинают заниматься поиском работы, связанной с будущей профессией, можно сделать предварительный вывод о том, что в недалеком будущем рынок труда пополнится, в частности, специалистами-гуманитариями из числа нынешних студентов из КНР, и после окончания ВУЗа они продолжат трудовую деятельность в России.

Трудовая деятельность студентов (и российских, и иностранных) актуализирует проблему качества получаемого образования. В оценке российского студенчества эта проблема представляется неоднозначной, так как совмещение ими учебы с работой имеет как позитивные, так и негативные последствия. Но в случае совмещения учебы с работой иностранными студентами пропуски занятий, деформация знаний, неполное погружение в учебный процесс приводят к отрицательным последствиям в их обучении, а неуверенное владение русским языком и отсутствие свободного времени не позволяют им заниматься самостоятельно с ожидаемым эффектом, что приводит к резкому снижению качества полученного ими образования. А это означает неизбежное падение престижа российского образования на международном рынке образовательных услуг.

Лики справедливости

Задача настоящей статьи — сравнительный анализ результатов серии лингвосоциологических экспериментов по изучению представлений петербургских студентов о справедливости, реализованных на базе закрытой и открытой методики. Упомянутые эксперименты проводятся нами ежегодно в течение 10 лет в двух петербургских вузах, обучающих специальностям социо-гуманитарного профиля. Участники экспериментов — студенты III–IV курсов, выполнявшие предложенные для самостоятельной аудиторной работы письменные задания. Изначально эксперименты задумывались прежде всего как способ демонстрации в учебных целях «эффекта методики» — той неоспоримой производности результатов социологических исследований от применяемого в них методического инструментария. Дополнительная цель формулировалась как сбор эмпирических данных для раскрытия семантики концепта *справедливость*, запечатленной в сознании студенческой молодежи. С годами появилась возможность сравнивать представления о справедливости во временной перспективе и говорить если не о тенденциях семантизации изучаемого концепта молодыми людьми — участниками экспериментов, то о приметных совпадениях/несовпадениях нынешних концептуализаций с их более ранними аналогами.

Ключевое для нас понятие *справедливость* Большим энциклопедическим словарем определяется следующим образом: «Категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость».¹ Столь обширное определение воспроизведено не случайно. В отличие от дефиниций, предлагаемых некоторыми другими справочниками, оно яв-

---

¹ Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 1998. С. 1139.

ляет собой комплексное описание исходного понятия, включающее отсылку к категориям и морального, и правового, и социально-политического сознания, а также констатацию ценностной сущности понятия *справедливость*, воплощающего одну из величайших экзистенциальных и социальных ценностей человека и человечества. Вместе с тем рассматриваемое определение четко фиксирует близость идеи справедливости к идее распределения, осуществляемого в двух направлениях: распределения благ по принципу соответствия деяния воздаянию и распределения наказаний по принципу соответствия проступка возмездию, — что подталкивает читателя к принятию распределительной (дистрибутивной) версии справедливости, признанной специалистами доминирующей в русской культуре.

В русле анализа воззрений на дистрибутивную справедливость как раз и лежали наши эксперименты, опиравшиеся на заимствованную нами закрытую методiku, созданную Б. Г. Капустиным и И. М. Клямкиным на исходе века. Тогда, в начале 90-х, в атмосфере всеобщих надежд на демократизацию общественной жизни и нарастающего увлечения либеральным дискурсом многие отечественные исследователи искали ростки либерального мышления в сознании россиян. Этому разумному намерению было подчинено и изыскание названных авторов, державшее в фокусе внимания смысловое содержание ряда актуализированных временем понятий, таких как *свобода*, *равенство*, *справедливость*, *частная собственность*, *терпимость* и др. Авторы предлагали своим респондентам несколько альтернативных толкований каждого понятия, из которых следовало выбрать одно. Для понятия *справедливость* использовались три толкования, сопряженные с тремя взаимоисключающими принципами распределения общественных благ, а именно: принципом «поровну», характеризующим уравнительную версию справедливости, соотносимую авторами с «традиционно советским» типом сознания, принципом «по вкладу», отличающим, как писали авторы, «экономически либеральную» версию справедливости, и тем же принципом «по вкладу», слитым с готовностью делиться получаемыми благами со слабыми и бедными, маркирующим «социально-либеральную» версию справедливости.¹ Результаты опроса показали: его участники, олицетворявшие самые разные социально-профессиональные

---

¹ Точные формулировки авторов выглядели так: Все люди должны получать равную долю материальных и культурных благ. Люди должны получать общественные блага в прямой зависимости от размеров их капиталов, способностей, инициативы, деловых качеств. Люди должны получать общественные блага в зависимости от своих капиталов и деловых качеств, но при этом де-

группы населения России, от директоров предприятий до безработных, отдали предпочтение именно третьей альтернативе (36%), тогда как первые две собрали по четверти голосов опрошенных. Интерпретируя полученные результаты, Б. Г. Капустин и И. М. Клямкин были предельно аккуратны, отдавая отчет в том, что предложенная ими «социал-либеральная» формулировка справедливости допускала двоякое восприятие в зависимости от того, кем мыслил себя респондент: донором (я делюсь с другими) или реципиентом (мне делиться нечем, пусть другие делятся со мной). Поскольку опрос не давал возможности развести две означенные позиции, далекие от эйфории авторы внятно предостерегали: приверженцы «социал-либеральной» версии справедливости на деле могут оказаться близки тем опрошенным, кто понимает эту ценность в духе уравнительности. Необходима дополнительная проверка.¹

Иной расклад обнаружили Б. С. Алишев и О. А. Аникеенок десятилетие спустя (2006 г.), анализируя представления учащихся высших и средних специальных учебных заведений г. Казани (212 студентов) о нормах распределительной справедливости применительно к разным типам ситуаций.² Последние предъявлялись в виде матрицы, построенной по принципу решеток Дж. Келли, где каждая из 16 описанных ситуаций распределения сопровождалась закрытым перечнем 16 возможных принципов распределения, из которых респондентам следовало сделать свой предпочтительный выбор. Наличествовавшие в перечне интересующие нас принципы распределения были вполне узнаваемы — «всем поровну», «преимущества должны иметь слабые» — и одновременно приобрели новое выражение, отвечающее стремлениям авторов уточнить принцип «по вкладу», прояснив возможный характер вклада: «по способностям», «согласно усилиям, независимо от результата», «согласно общим заслугам (стаж, опыт)», «по вкладу в конечный результат дела». Абсолютные частоты выбора того либо иного принципа распределения совокупно по всем ситуациям свидетельствовали: молодые люди гораздо сильнее ориентированы на уравнительный и пропорциональный принцип распределения, нежели на помощь слабым, которая ровно вдвое или почти вдвое уступает и принципу «всем поровну», и прочим контролируемым нами принципам:

литься со слабыми и бедными. (См. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 2. С. 70).

¹ Там же. С. 71.

² Б.С. Алишев, О.А. Аникеенок. Студенты о справедливости в сфере распределения // СОЦИС. 2007. № 11. С. 103-110.

«по способностям», «согласно общим заслугам», «по трудовому вкладу» (объединяющему труд-процесс и труд-результат).¹

Обратимся к собственным данным, собранным за 10 лет в студенческих аудиториях петербургских вузов с использованием методики Б.Г. Капустина и И.М. Клямкина. Они демонстрируют завидную устойчивость: в каждой студенческой группе приблизительно десятая часть опрошенных избирает уравнительное толкование концепта *справедливость*, соотношение же сторонников «экономически либеральной» и «социал-либеральной» трактовки сохраняется в границах примерно 2:1, нарушаясь лишь при изменении условий проведения эксперимента. Так, анонимный письменный опрос систематически подтверждает доминирование в указанных пределах пропорциональной версии распределительной справедливости в ответах респондентов, в то время как открытый устный опрос стабильно увеличивает долю избирающих «социал-либеральное» ее толкование, доводя порой искомое соотношение даже до пропорции 1:1.

Как видим, налицо та же, что и 16 лет назад, треть опрошенных, считающих необходимым распределять общественные блага пропорционально вкладу, не забывая делиться со слабыми и бедными, причем в нашем эксперименте подразумевалась действительно готовность респондента быть донором и самому оказывать помощь, ибо, во избежание двусмысленности, этот момент специально оговаривался нами в методике. Однако по-новому смотрятся выявленные соотношения в свете результатов второй, шедшей с небольшим временным интервалом вслед за первой, серии экспериментов, задействовавших одну из открытых, прожективных методик и метод неоконченных предложений. В данном случае никаких готовых толкований понятия *справедливость* студентам не предлагалось, а их просили закончить высказывание, начинающееся словами: «С моей точки зрения, справедливость — это...». Собранный таким способом эмпирический материал подвергался семантическому анализу, о котором речь впереди, сейчас же отметим два главных его результата. Как выяснилось, тема слабых и бедных если и не отсутствует напрочь в рассуждениях студентов о справедливости, то занимает в них крайне скромное место, что явно диссонирует с итогами закрытых экспериментов. Иными словами, нельзя сказать чтобы волнующая нас тема совсем не находила отклика в умах молодых людей, но она, похоже, вытеснена на периферию их сознания. Другой результат еще более впечатляет. За 10 лет нами не обнаружено ни одной студенче-

---

¹ Там же. С. 104.

ской работы, где бы ее автор, размышляя о своем собственном понимании справедливости, констатировал: «Люди должны получать общественные блага в зависимости от их вклада, делясь при этом со слабыми и бедными», — и выражал бы готовность самому поступать подобным образом. Кстати, в тех исключительно редких работах (а их только шесть в общей выборке объемом 514 высказываний о справедливости), где все же слышится тема помощи незащищенным слоям населения, субъекты, призванные ее осуществлять, чаще умалчиваются, нежели называются, как, например, в высказывании: *«Справедливость — это понятие, существующее для меня лишь в социальном значении, социальная справедливость. А это уже когда человек получает столько, сколько работает. Если же человек по каким-то объективным причинам не может работать, справедливо будет предоставить ему необходимые блага. Вот оно, мнение ребенка переходной (от социализма к капитализму) эпохи.»*¹ И только единожды в суждениях молодых людей отчетливо прослеживается идея помощи неимущим со стороны государства или *сильных мира сего*. Добавим: тема слабых и бедных в студенческом дискурсе о справедливости предстает и в несколько ином ракурсе, а именно в виде тезиса о том, что справедливость — утешение для слабых, сильные же, надеясь на себя, не ищут ее, а, в идеале, ее творят.² Хотя подобных рассуждений всего пять, они очевидно отпочковываются от речений тех шестерых лиц, кто считает, что помощь необходима.

Итак, в ситуации жесткого выбора из предложенного экспериментатором набора альтернативных трактовок распределительной справедливости примерно 10% респондентов в течение десяти лет стабильно избирают уравнильное ее толкование в духе равенства получаемых людьми материальных и культурных благ как наиболее близкое их личным представлениям о ней; приблизительно две трети опрошенных неизменно предпочитают прочим пропорциональную версию справедливости с ее принципом распределения по вкладу и около трети респондентов устойчиво склоня-

---

¹ Здесь и далее курсивом выделены оригинальные высказывания респондентов (или их фрагменты), сохраняющие все лексические, синтаксические, стилистические особенности первоисточников.

² Приведем в качестве примеров пару высказываний: Справедливость — это а) термин, которым оперируют максималисты; б) то, на что надеются униженные; в) абстрактное понятие, которым может пользоваться политик и вызывать положительные эмоции у избирателей. Справедливость — это субъективное мнение о решении каких-либо вопросов, не ущемляющее права кого-либо. Справедливость — привилегия сильного человека. Слабый ищет справедливости, а сильный ее создает.

ются к той же пропорциональной трактовке, но обогащенной идеей необходимости социальной помощи нуждающимся. В ситуации же свободно-го творчества участники экспериментов естественно обрисовывают куда более широкий спектр значений концепта *справедливость*. Из чего он складывается, проясняют результаты проведенного нами семантического анализа. Разворачивавшийся на индуктивной основе, означенный метод работы с эмпирическими данными заключался в их последовательной ступенчатой категоризации, и, следовательно, проделанная нами процедура, в известном смысле, была противоположна контент-анализу, опирающемуся на дедуктивную поисковую установку. Если в ходе последнего априорно сконструированная исследователем система категорий проецируется на изучаемый материал, то в нашем случае, наоборот, при обработке первичного массива высказываний опрошенных мы постепенно восходили от категорий нижнего уровня к категориям среднего и более высоких уровней, получив в результате свертку, вбирающую в себя весь спектр значений, которые наши респонденты вкладывали в концепт *справедливость*, как конечный итог анализа. Таблица 1 (на следующей странице) воспроизводит эту итоговую систему категорий, одновременно демонстрируя количественное наполнение каждой категории применительно к двум временным интервалам: 2000–2003 гг. — начальному этапу проведения экспериментов — и 2008–2009 учебному году как максимально удаленному от старта временном отрезку.¹

Выделенные в таблице жирным шрифтом пять макрокатегорий маркируют те пять различных подходов к определению значения концепта *справедливость*, которые наиболее часто избирались нашими респондентами. Кратко охарактеризуем каждый подход.

Первая макрокатегория «**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ**» отсылает к дистрибутивному толкованию справедливости, рассматривающему ее в контексте ситуаций распределения. Стандартная ситуация распределения задается фреймом, содержащим четыре параметра: кто-то (субъект) кому-то (объекту) что-то (ресурс) распределяет, следуя некоторому правилу (принципу распределения). Как показал анализ, находясь в пространстве предзаданного фрейма, наши респонденты сосредоточились, главным образом, на раскрытии содержания самого конфликтогенного параметра — правила (или принципа) распределения, именуемого в научной литературе также

---

¹ Материалы текущего 2009/2010 учебного года пока полностью нами не обработаны.

нормой распределения. Перечень отстаиваемых участниками экспериментов принципов распределения включен в таблицу наряду с другим, тесно сопряженным, но значительно реже упоминаемым, параметром — ресурсом распределения. Что касается субъекта распределения, он почти всегда умалчивается, но легко угадывается: донором мыслится общество; реципиентами же называются, как правило, *люди или каждый человек*. В силу сказанного весьма типичными выглядят такие высказывания опрошенных, как *справедливость — это когда человеку воздается по его заслугам; справедливость — это когда люди получают то, что они заслужили*.

Вторая макрокатегория «НАКАЗАНИЕ» соотносится с карательной версией справедливости, «замешанной» на представлении о необходимости не только поощрения за добро, но и наказания за содеянное зло. В сознании наших респондентов карательная справедливость запечатлена в трех разновидностях ее толкований. Одна из них берет начало в идее непререкаемости, совершенной безусловности, обязательности наказания за общественно осуждаемые деяния. Неотвратимость кары — это то, что выражает суть знаменитой жегловской формулы «вор должен сидеть в тюрьме», и то, к чему взывают сегодняшние молодые люди, говоря *добро должно вознаграждаться, а зло должно караться злом; надо за добро платить добром, а на зло отвечать карательными санкциями*. Иная разновидность толкования опирается на тезис о соответствии наказания преступлению, возмездия содеянному. Пронизывающая его мысль о соразмерности отплаты смыкает данную трактовку с той распределительной версией справедливости, которая имеет название пропорциональной справедливости и несет в себе принцип распределения «по вкладу». Меняется только ресурс распределения: не общественные блага, а общественные наказания. Поскольку соответствие возмездия содеянному устанавливается прежде всего законом и другими конвенционально утвержденными предписаниями, рассматриваемая трактовка карательной справедливости (примерами которой служат высказывания *справедливость — это наказание или поощрение людей в зависимости от их поведения; справедливость — это когда каждый получает по заслугам. Когда награда и наказание соразмерны поступкам человека*) вплотную подходит и к процедурной ее версии, о которой речь пойдет дальше. Наконец, третья разновидность толкования карательной справедливости, взывающая к необходимости одинаковых наказаний за одинаковые преступления, также близка и к распределительной, и к процедурной версии, ибо являет собой лишь трансформацию канонического взгляда на пропорциональную справедливость как на ра-

Т а б л и ц а 1¹

СПРАВЕДЛИВОСТЬ как:	2003 г. % от N11	2009 г. %от N2
МАКРОКАТЕГОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ	39	36
Принципы распределения:		
Пропорционально вкладу (ресурс распределения — материальные и/или духовные блага)		
по труду	21	18
по личным качествам (в т. ч. по способностям)	9	14
по заслугам (опыту, стажу)	7	10
Поровну (ресурс распределения — права и обязанности, возможности и условия, ответственность перед законом)	16	15
МАКРОКАТЕГОРИЯ НАКАЗАНИЕ	15	17
Неотвратимость наказания	8	12
Соответствие наказания содеянному	14	13
Равное наказание за один и тот же проступок	7	10
МАКРОКАТЕГОРИЯ ПРОЦЕДУРА	24	33
Соответствие закону	11	21
Соответствие моральным нормам	16	23
Соответствие прочим общественным установлениям, правилам	8	12
Соответствие собственным взглядам и убеждениям	7	11
МАКРОКАТЕГОРИЯ МОРАЛЬ	29	42
Беспристрастность (непредвзятость)	13	17
Честность	16	19
Совесть	6	10
Другие категории (порядочность, бескорыстие, альтруизм, благородство, милосердие и пр.)	11	14
МАКРОКАТЕГОРИЯ ПРАВДА — ИСТИНА	26	23
Соответствие объективной реальности	14	15
Соответствие объективному отражению, объективной оценке	17	12
Реальности		
МАКРОКАТЕГОРИЯ НЕРЕАЛЬНОЕ	9	12
Справедливость как идеальный конструкт (нереальное)	9	12

¹ В таблице представлены те категории, присутствие которых зафиксировано нами не менее чем в 10% высказываний, относящихся к периоду 2008-2009 гг.

венство пропорций вклад : благо на новой почве — в сфере распределения возмездий. Преобразованное в равенство пропорций преступление : наказание, исходное соотношение родственно идее равенства перед законом.

Следующая в таблице макрокатегория — «**ПРОЦЕДУРА**» — венчает разнообразные варианты уже означенной процедурной справедливости, под которой в социальных науках понимается соответствие закону, конвенционально установленной норме. Указанный подход к толкованию справедливости уходит корнями в представление о том, что критерий правильности результата зависим от процедуры, ведущей к нему. Если процедура правильна или честна, как отмечал выдающийся теоретик справедливости Джон Ролз в своем главном труде, то результат, каким бы он ни был, скорей всего правилен или честен, при условии, что процедуре следуют правильно.¹ Разделяющие сходные воззрения и избравшие именно такой подход к определению значения концепта *справедливость* респонденты писали: *справедливость — абстрактное понятие, обозначающее ситуацию соблюдения разумных законов и правил, принятие каких-либо решений в соответствии с этими законами и правилами; справедливость — разделение имущества, прав, обязанностей, благ и проч. таким образом, чтобы не нарушались правила, законы общества; справедливость — это законность, адекватная оценка, соответствие моральным требованиям.* В качестве социальных регуляторов опрошенными назывались принятые общественные правила, моральные нормы, исповедуемые социумом или референтной для субъекта группой ценности, а также взгляды, убеждения самого индивида.

Четвертая макрокатегория — «**МОРАЛЬ**» — вбирает в себя ряд моральных категорий среднего уровня, с которыми отождествляли справедливость участники экспериментов. В их числе *честность, совесть, беспристрастность (непредвзятость), порядочность, достоинство, бескорыстие, уважение, нравственная чистоплотность* и пр. По мнению респондентов, склонных усматривать в справедливости чисто моральный, т. е. безотносительный к закону и праву в целом, феномен, она неразрывно соединена с *предельной честностью по отношению друг к другу; с непредвзятостью оценок человека; с такой мерой нашей жизни, когда все уважительно, порядочно и по совести.* Подобное размещение справедливости исключительно на поле морали хорошо согласуется с двумя общепризнан-

---

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 86.

ными специалистами особенностями русской лингвокультуры: любовью к моральным оценкам¹ и известной противопоставленностью «справедливости» и «законности» в русском языковом сознании,² имеющей следствием убеждение в том, что законность никак не гарантирует справедливость. Воспринимаемая как социальный идеал, труднодостижимый в реальности, но неизменно притягивающий общественные устремления, справедливость в обличье некоего нравственного абсолюта достигает своего логического завершения в хотя и редких, но чрезвычайно важных высказываниях респондентов, отождествляющих ее с одним из высших принципов мироздания. Такое толкование находим в следующем пространном высказывании: *справедливость — это:*

когда добро торжествует над злом, все виновные наказаны, гении признаны, а все люди живут благополучно и счастливо и царит сплошная добродетель;

когда восходит солнце и наступает день, и когда оно садится, приходит ночь;

то, чего требуют восставшие народы во время бунта;

то, что бывает очень редко в наши дни;

если она есть здесь и сейчас, то вокруг не может быть злых помыслов, интриг, несчастий, бедствий, страданий.

Пятая макрокатегория — «**ПРАВДА — ИСТИНА**» — очерчивает контуры толкования концепта справедливость с позиции ее соответствия действительности, реальному положению дел или объективному отражению,

¹ Так, проведя сравнительное исследование двух лингвокультур, русской и американской, Анна Вежицкая продемонстрировала впечатляющие отличия использования в общественном дискурсе двух стран слов, выражающих резкое моральное осуждение. Она показала, что частоты появления негативных моральных оценок в русскоязычном дискурсе в разы и десятки раз превосходят частоты встречаемости их заокеанских аналогов в англо-американском дискурсе. (См. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Бульгиной. — М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 279; Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. С. 81).

По поводу упомянутой оппозиции, в частности, сказано: «Противопоставление *справедливости* и *законности*, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно» (См. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 364).

объективной оценке действительности. Обозначая последнюю макрокатегорию не одним, а двумя словами¹, образующими тесную пару и одновременно противопоставленными друг другу в русском общественном сознании², мы намеренно подчеркиваем соотнесенность справедливости с ключевой духовной ценностью русской культуры. Именно правду-истину актуализируют такие высказывания респондентов, как *справедливость — это оценка ситуации, объективная по отношению ко всем. Основа справедливости — правда; справедливость — это путь с правдой; справедливость — объективное отражение реальности, неукрытие своих недостатков при обсуждении минусов других.*

Завершающая таблицу макрокатегория «**НЕРЕАЛЬНОЕ**» выбивается из общего ряда, поскольку вбирает в себя не часто встречающиеся, но, тем не менее, приметные рассуждения опрошенных о справедливости, в которых сквозит идея ее неосуществимости, чуждости реальной жизни. Причем приписываемое респондентами

концепту *справедливость* значение когда формулируется ими, когда нет, но в обоих случаях упор делается на причастность справедливости к кругу идеальных конструкторов,

далеких от повседневной действительности. Как абсолютная абстракция, справедливость может признаваться общественным идеалом, что видно из высказываний: *справедливость — эфемерное понятие, которое не может существовать в реальности. Это представление (которое для каждого индивидуально) о том, как должно быть устроено все вокруг; справедливость — это идеальная модель, которой не существует. Для всех людей справедливость разная. Я думаю, справедливость — когда человеку воздается по его заслугам.* Однако не всегда анализируемый концепт спле-

¹ У других европейских народов им соответствует по одному слову — англ. truth, фр. verite, нем. Wahrheit — более или менее прямо передающему значение русского *истина*, и, следовательно, значительная доля русского парного понятия остается там неконцептуализованной. (См. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. С. 455).

² Изначально понятие «истина» связывалось, преимущественно с земным, переходящим, а правда — с небесным, вечным, что нашло отражение в словаре В.И. Даля. В современном российском сознании, как свидетельствует недавно вышедший Словарь констант — основополагающих понятий русской культуры -, различие правды и истины четко ощущается, но взаимное их расположение несколько изменилось. Теперь истина связывается, скорее, с вечным и неизменным, а правда — с земным, изменчивым, социальным. (См. Там же. С. 455-457).

тен воедино в сознании участников экспериментов с безоговорочно позитивной оценкой; в ряде речений последняя меняется на противоположную как в высказываниях: *справедливость это то, чего не существует, это бред, заблуждение, которое испытывают некоторые личности.*

Прокомментировав выявленные в работах наших респондентов подходы к трактовке концепта *справедливость*, сравним их с подходами, принятыми в словарных источниках. Для начала обратимся к толковым словарям русского языка, призванным предьявлять закрепленные в системе русского языка за каждой лексемой значения. Так, выдержавший свыше 20 изданий и по праву считающийся стереотипным Толковый словарь С. И. Ожегова приводит следующие три значения прилагательного *справедливый*, исходного для его лексического деривата — существительного *справедливость*: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. 2. Осуществляемый на законных и честных основаниях. 3. Истинный, правильный.¹ Сходные значения дает и более объемное издание — Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, где находим: Справедливый. 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. 2. Основанный на требованиях справедливости (т. е. соответствия человеческих отношений, законов, порядков и т. п. нормам, требованиям). 3. Соответствующий истине, действительности; правильный, верный.² Перечисленные в словарях лексические значения представляют собой результат последовательной семантической свертки (ступенчатой категоризации) тех смыслов, которые устойчиво обнаруживаются у слова *справедливый* в повседневном общественном дискурсе, т. е. бытуют в общественном сознании. Лексические значения — выразители стоящих за словами концептов — тех строительных блоков, из которых складывается обыденная картина мира.³ Отталкиваясь от процитированных значений, можно сказать, что в обыденной картине мира концепт *справедливость* имеет чрезвычайно широкую область референции, а его значение в сово-

---

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1987. С. 658.

² Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 1998. С. 1252.

³ В рамках избранного нами когнитивного подхода значения языковых единиц приравниваются выражаемому в них концептам. (См. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 92).

купности передается идеей соответствия либо истине, действительности, либо социальным нормам и правилам.

Иные определения присущи специализированным научным словарям, репрезентирующим значения термина *справедливость*, каковые имеют хождение в научном дискурсе и отражают взгляды специалистов на исходное понятие. Здесь, в силу специфики названных справочных изданий, словарные статьи значительно обширнее; они преимущественно содержат историческую справку, прослеживают логику исторической изменчивости рассматриваемого понятия, акцентируют его ценностную природу, констатируют его принадлежность категориальным системам различных наук: этики, юриспруденции, политологии, социологии. Одновременно большинство научных изданий прочно связывают термин *справедливость* с распределительным контекстом, указывая, как это делает, например, словарь по этике, что «справедливость характеризует соотношение нескольких явлений с точки зрения распределения блага и зла между людьми»¹. Далее уточняется: «В частности, понятие справедливость включает соотношение между ролью отдельных людей (классов) в жизни об-ва и их социальным положением, между деянием и воздаянием (преступлением и наказанием), достоинством людей и его вознаграждением, правами и обязанностями».² Очерченный спектр словарных значений: и языковых, отражающих общепринятую семантику слова *справедливость*, имеющую, скорее, процедурные основания, и терминологических, запечатлевающих доминирующий в науке взгляд на справедливость как на одно из фундаментальных ценностных понятий, сопряженных со сферой общественного распределения, — мы и находим в работах наших респондентов. И это естественно, как естественно и то, что варианты смыслов, приписываемых респондентами концепту *справедливость* много разнообразнее той «выжимки» из массива смыслоупотреблений, которая и олицетворяет его (концепта *справедливость*) значение. Последнее, отражая свойственный современной русской лингвокультуре взгляд на справедливость, обходит стороной как редко встречающиеся вышеупомянутые негативные коннотации и ссылки на абсолютную отвлеченность, удаленность категории *справедливость* от социальной реальности, так и раз от разу попадающиеся в высказываниях молодых людей совершенно уникальные

---

¹ Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. — 4-е изд. — М.: Политиздат, 1981. С. 324.

² Там же.

смыслы подобные следующим: *справедливость — это не хорошо и не плохо. Это просто ничто!*; *справедливость — когда за преступление человек получает не только наказание, но и прощение.*

Продолжая комментировать отраженные в таблице 1 результаты наших экспериментов, перейдем от макрокатегорий к категориям более низких уровней и вновь обратимся к распределительной версии справедливости с ее принципами и ресурсами распределения. Количественные показатели, характеризующие первые и вторые, свидетельствуют о их тесной связи. Так, рассуждая конкретно о распределении в обществе материальных и/или духовных благ¹ либо высказываясь абстрактно о распределительном общественном механизме, молодые люди, как видим, настойчиво повторяют: справедлив принцип распределения по вкладу. При этом сам вклад мыслится ими вариативно, вбирая в себя такие субкатегории как «вложенный труд», «заслуги», «способности», «личные качества». Но как только речь заходит о распределении в обществе прав и обязанностей, свобод, ответственности перед законом или возможностей и условий, тут же доминирующим становится иной дистрибутивный принцип — поровну.² Добавим: эгалитарными ориентациями пропитаны и воззрения на справедливость как на беспристрастность (непредвзятость) отношений и оценок, когда человек умеет абстрагироваться от субъективности и смотреть на вещи трезво, проявляя равное, одинаковое отношение к людям, их поступкам. Кроме того эгалитаризм сквозит и в одной из уже упомянутых выше разновидностей толкования карательной справедливости, сводящейся к непреложности одинаковых наказаний за одинаковые преступления (без оглядки на личность преступника) и тяготеющей к принципу равенства всех перед законом. Для полноты картины заметим, что в суждениях представителей молодого поколения о справедливости фигури-

---

¹ Под духовными благами понимаются, главным образом, почет, уважение и признание со стороны общества.

² Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами. *Справедливость — это такая норма распределения жизненных поощрений, при которой каждый индивид получает благо, которое он заслужил за какой-либо вид деятельности; справедливость — это... от каждого — по возможности, каждому — по способности; т. е. равноценное возмещение экономических, умственных, профессиональных, эмоциональных и т. п. затрат; справедливость — это равные стартовые возможности для каждого. Дальше все зависит от человека, его способностей, амбиций и вложенных усилий; справедливость — это получение равных прав независимо от положения, которое занимает тот или иной субъект.*

руют еще два принципа распределения, не включенные в таблицу 1 как не набравшие 10% голосов наших респондентов, а именно: по потребностям и по групповой принадлежности. Одновременно не достигает нижнего порога в 10% и доля участников экспериментов, выступающих в защиту равенства доходов.

Итак, идея равенства отнюдь не чужда взглядам молодых людей на справедливость, а органично вплетена в распределительные и прочие ее толкования. Два приоритетных, с точки зрения большинства респондентов, принципа распределения — по вкладу и поровну — не рассматриваются ими как жесткая альтернатива или/или, но мирно уживаются в их сознании, находясь преимущественно в дополнительной дистрибуции. А каноническая формула пропорциональной справедливости, устанавливающая соответствие между вкладом и получаемым благом, трудом и вознаграждением, успешно уживается в умах студенческой молодежи с формулой «горизонтального равенства», что имеет следствием цельное представление о распределительной справедливости как равенстве пропорций деяние : воздаяние.

Одно из существенных отличий количественных показателей табл.1, относящихся к двум сравниваемым временным периодам — началу и концу текущего десятилетия — касается процедурной версии справедливости. Два ряда характеризующих ее цифр свидетельствуют о заметном увеличении численности тех, кто отождествляет справедливость с законностью, при том, что доли респондентов, усматривающих в справедливости следование моральным нормам, а также социальным правилам или групповым, общечеловеческим ценностям, или собственным убеждениям, практически не изменились. Указанное обстоятельство заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, полученные нами цифры, отсылающие к началу десятилетия, близки результатам исследования обыденных представлений московских студентов о справедливости, проведенного Е. О. Голыничик и О. А. Гулевич в 2003 г.¹ Выполненное на базе двух методических приемов сбора эмпирических данных (методики, фиксирующей ассоциации на ключевое слово *справедливость*, и методики свободных описаний событий, квалифицируемых респондентами справедливыми и несправедливыми), названное исследование привело к выводу: представления о справедливости как о законе, которому необходимо

---

¹ В исследовании приняли участие 103 студента Российского государственного гуманитарного университета и Московского государственного педагогического университета.

следовать, уступают пальму первенства представлениям о справедливости как о моральной категории. Подтверждение тому — группы семантически связанных понятий, образованные исследователями из собранного массива ассоциаций, где количественно лидирует группа моральных понятий, а группа юридических терминов, охватывающая такие лексемы, как *правосудие, закон, конституция, право, суд, судья, присяжные*, вбирает в себя только 16,6 % всего ассоциативного ряда.¹ Сходные результаты имеем и мы на почти равновеликой выборке. Во-вторых, не может не радовать и обнаруженное нами в студенческой среде явное сокращение дистанции между двумя основополагающими социальными понятиями: справедливостью и законностью. До их полной слитости, отличающей западные культуры, еще далеко, тем не менее, похоже, они начинают достаточно устойчиво мыслиться молодыми людьми как элементы одного семантического поля, что обнадеживает, поскольку о противопоставленности концептов *справедливость* и *законность* в русской культуре написано немало, так же как немало сказано и о пагубных последствиях этого противопоставления.

Вместе с тем, столкнувшись с поразительным структурным сходством между различными правовыми системами мира, современные специалисты в сфере сравнительного права добавили к существовавшим ранее в науке трем объяснениям довольно многочисленных юридических совпадений: метафизическому, историческому и экологическому, — еще одно — психологическое объяснение. Его суть — в наличии у людей общего «правового чувства», возникающего не только по культурно-историческим причинам, но и в силу филогенетической обусловленности. Двойственная детерминация правового чувства (столь важного для бесперебойного функционирования механизма социального поведения человека) заставляет видеть в нем как продукт культуры, так и типичные врожденные поведенческие реакции индивида, или, говоря словами П.Г. Занда, усвоенные и возможные врожденные способы поведения в области права.² Тезис о врожденности правового чувства еще более усиливает К. Лоренц, утверждая, что оно «без сомнения, представляет собой систему генетически закрепленных реакций, побуждающих нас выступать против асоциального поведения собратьев по виду. Эти реакции образуют остающийся неизменным в течение историче-

---

¹ Голыничик Е. О., Гулевич О. А. Обыденные представления о справедливости // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 83.

² Цит. по Лоренц К. Так называемое зло / Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; Послесловие А.И. Федорова. — М.: Культурная революция, 2008. С. 42.

ских времен основной мотив, на который накладывались вариации независимо возникавших в отдельных культурах правовых и моральных систем».¹

Признавая непреложной тягу человечества к правовому регулированию социальных отношений, другой выдающийся теоретик, Джон Ролз, назвал истину и справедливость первыми добродетелями человеческой деятельности.² Отводя справедливости главенствующую роль в социальной кооперации, он предложил концепцию справедливости как честности, в которой прочно связал понятия справедливости и законности. Вслед за самым общим выбором, который люди могут сделать вместе, а именно, выбором принципов справедливости, считает Дж. Ролз, они должны выбрать конституцию и законодательную власть для проведения в жизнь законов, отвечающих принятым в начале принципам.³ Признаваемая исследователями нормативной спайка справедливости и законности была некогда лингвистически закреплена латинским словом *justitia*, обозначавшим одновременно и то, и другое,⁴ давшим свои производные в западноевропейских языках, сохраняющие оба значения по сей день.⁵ В русском языке подобного соединения справедливости и законности в лексическом значении единичного слова не произошло, а породившись с однокоренными словами *правда* и *праведность*, *справедливость* заняла почетное место среди слов, выражающих моральную оценку. С течением времени в русском языковом сознании, повторим, наметилось, а затем и упрочилось противопоставление законности и справедливости, причем в их соревновании верх явно одержала последняя. Для русского мировосприятия с присущей ему «моральной страстностью» (А. Вежбицкая) эмоционально окрашенная справедливость (ср. чувство справедливости, любовь к справедливости) оказалась важнее формальной законности, как констатируют исследователи.⁶ В свете изло-

¹ Там же. С. 45.

² Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 20.

³ Там же. С. 27.

⁴ Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989. С. 611.

⁵ Так, изданный Испанской Королевской Академией в 2001 г. словарь определяет понятие права (*justicia*) следующим образом: «Совокупность принципов и норм, которые, выражая идею справедливости и порядка, регулируют человеческие отношения во всяком обществе и соблюдение которых может обеспечиваться принудительным образом» (Цит. по Диего Валадес. Язык права и право языка. — М.: Идея-Пресс, 2008. С. 51.).

⁶ Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 363-364, 370).

женного особо ценными видятся высказывания наших респондентов о том, что *справедливость* — это понятие, обозначающее ситуацию соблюдения разумных законов и правил, принятие каких-либо решений в соответствии с этими законами и правилами или о том, что *справедливость* — это восторженное отношение к человеческим законам и общепринятым нормам.

Между тем, невзирая на наметившийся за прошедшие шесть-восемь лет относительный рост доли тех респондентов, кто в своих толкованиях концепта *справедливость* учитывает ее процедурный аспект, она в настоящее время все же чаще всего, по нашим данным, мыслится участниками экспериментов как моральная категория, близкая по значению категориям *честность* и *беспристрастность* (*непредвзятость*). Указанное обстоятельство говорит в пользу того, что немало молодых людей, в духе русской культурной традиции, рассматривают справедливость в качестве фундаментальной нравственной ценности. Примечателен и полный список моральных категорий, к которым прибегают респонденты, рассуждая о справедливости. Кроме вышеупомянутых *совести*, *порядочности*, *достоинства*, *бескорыстия*, *уважения* и *нравственной чистоплотности* он охватывает понятия *чести*, *отзывчивости*, *искренности*, *откровенности*, *милосердия*, *альтруизма*.

Обширность списка воодушевляет, ибо доказывает: в ходу у молодежи богатый арсенал слов, принадлежащих семантическому полю морали, в то время как ныне исследователи русского языка и русской ментальности свидетельствуют о выпадении из активного языкового употребления многих ранее общераспространенных слов (и даже целых лексических пластов), в т. ч., к сожалению, и слов из лексикона морали. Другая фиксируемая сегодня специалистами проблема — наблюдаемый в молодежной среде «синдром семантического опустошения», при котором используемые носителем языка те или иные лексемы утрачивают (либо не приобретают) для него личностный смысл, личную наполненность, личную рефлексию, превращаясь в худшем случае в абсолютно десемантизированные слова-пустышки, а в лучшем — в расхожие клише — внешние оболочки, несущие непонятно какое содержание. Так, например, изучив вербальные ассоциации школьников на слова, причастные к моральным и религиозным ценностям, Р. М. Фрумкина пришла к заключению: «Для учащихся обычной школы моральная и религиозная проблематика остается чем-то привычно-внешним, сводимым к атрибутике, клише, воспроизводимым, но не переживаемым стереотипам».¹ Конечно, по

---

¹ Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 201.

высказываниям *справедливость — это предельная честность по отношению друг к другу, искренность в оценках ситуации либо справедливость — это понятие, включающее в себя следующие составляющие: 1) честность, 2) порядочность, которые тесно связаны между собой невозможно определить, что считается у наших респондентов честностью и порядочностью и каким образом концептуализирована в их сознании искренность. Получить ответы на естественно возникающие вопросы — дело будущего. Дополнительные исследования необходимы хотя бы потому, что семинарские занятия, периодически актуализировавшие тему честности, продемонстрировали прочную стыковку концептов *честность* и *правдивость* в умах представителей студенческой молодежи. Честно, с их точки зрения, означает правдиво, по правде, исключая всякую ложь. Но стоило только завести речь не об откровенной банальной лжи, а о ее ближайших родственниках — обмане и неправде (понятиях, четко различаемых в психологии) — тут же безоговорочно единству оценок «честно/нечестно» приходил конец, и мнения молодых людей начинали испытывать серьезные колебания в зависимости от конкретной обсуждаемой ситуации. Однако, оставляя на потом смысловые изыскания в поле морали, вдохновимся обилием моральных категорий, используемых респондентами для разъяснения их собственного понимания справедливости: пока слова в активном употреблении, они живы и им не грозит помета «устарелое» в толковых словарях.*

Вполне ожидаемый, с позиции культурных традиций, перевес морали над законностью¹ в собранных нами концептуализациях процедурной справедливости, как явствует из таблицы результатов, в наши дни идет рука об руку с аналогичным перевесом моральных трактовок справедливости над распределительной их долей. Наблюдаемое ранее и казавшееся столь устойчивым превалирующее положение дистрибутивной версии справедливости среди прочих разновидностей ее толкований, похоже, пошатнулось. Происходит это на фоне неизменного господства распределительного подхода

---

¹ Означенный перевес укоренен также в православии, ибо с православной точки зрения, мораль выше закона. Обоснований тому множество: закон не освобождает человека от диктатуры греха, а мораль освобождает; закон исполняют из страха наказания, а заповедям Божьим подчиняются из желания сделаться праведным; если закону подчиняются из страха, то ему следуют рабски, а не свободно, а внутренний нравственный закон — свободный выбор человека; закон есть лишь первая граница, отделяющая человечество от варварства, далее закон должен уступить свое место заповедям Божьим, т. е. морали. (См. Оболонский А.В. Мораль и право в политике и управлении // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 67).

к определению термина *справедливость* в научных изданиях: специализированных словарях, привычно отождествляющих ее с распределением по вкладу, и социологических публикациях, где, по оценке авторов Большого толкового социологического словаря, внимание исследователей концентрируется, главным образом, на распределении доходов, нежели просто на формальных или процедурных принципах справедливости.¹ Возвращаясь к исходному тезису о влиянии методики на итоги научного изыскания, полезно сопоставить наши числовые показатели с результатами уже представленного ранее исследования Е.О. Голыничик и О.А. Гулевич, выполненного на базе анализа ассоциаций на стимульное слово *справедливость* и свободных описаний событий, квалифицируемых респондентами справедливыми и несправедливыми. Лидирующие по частоте встречаемости в ряду ассоциаций «честность» (48%) и «правда (истина)» (около 30%),² несомненно, доказывают встроенность концепта «справедливость» в семантическое поле морали. Переход к иному методу сбора эмпирических данных, предполагавшему описание респондентами частных ситуаций с указанием действовавших в них субъектов и их конкретных действий, изменил саму парадигму раскрытия смыслового содержания концепта «справедливость». Абстрактность ассоциативного соотнесения тут же уступила место конкретности частных случаев; как следствие вывод: большинство свободных описаний затрагивает дистрибутивную версию справедливости и несправедливости.³ В нашем случае метод не менялся. Однако известно, что понимание справедливости зависит от индивидуальных характеристик человека: особенностей его когнитивной и мотивационной сферы. Имеются эмпирические свидетельства, говорящие в пользу того, что на предпочтение субъектом тех или иных норм распределительной справедливости оказывают влияние исповедуемые им ценности.⁴

¹ Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 2001. С. 279.

² Голыничик Е. О., Гулевич О. А. Обыденные представления о справедливости // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Так, доказано, что люди, ценящие самовозвышение, при оценке справедливости распределения вознаграждения в организации, обращают большее внимание на соблюдение норм беспристрастности, т. е. распределения вознаграждения по сделанной работе, чем те, кто отдает предпочтение самотрансцендентности. (См. Гулевич О.А., Прихидько А.И. Влияние справедливости выборов на отношение к сторонникам политических партий // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 34-43).

Более глубокое проникновение в проблематику смыслообразования и смыслоупотреблений заставляет вспомнить о смысле, приписываемом респондентом концепту *справедливость* как о симбиозе трех сосуществующих аспектов (граней) этого смысла: онтологическом, феноменологическом и деятельностном. Актуализированный во время выполнения предложенного задания смысл невидимо предстает перед участником эксперимента как триединство, «связывающее объективные жизненные отношения субъекта, предметное содержание сознания и предмет и строение его деятельности».¹ Что же отражается на самом деле в вербальной реакции респондента: его понимание справедливости как социального феномена, входящего в его жизненный мир и имеющего для него жизненный смысл, форма познания индивидом данного жизненного смысла или подчиненная смысловым структурам логика жизнедеятельности субъекта? Дальнейшее погружение в психологию смысла выводит на индивидуальные особенности смысловой регуляции и те характеристики индивида, от которых они зависят, а именно: общий уровень осмысленности жизни, соотношение ценностной и потребностной регуляции, структурную организацию смысловых систем, степень осознанности смысловой регуляции.² Высказывания молодых людей о справедливости несут на себе отпечаток всех перечисленных выше психологических факторов, и собранный эмпирический материал — продукт их комплексного взаимодействия, но мы лишены возможности судить о том, что сыграло решающую роль в выборе каждым респондентом своего подхода (или нескольких подходов кряду) к определению концепта *справедливость*. Здесь нужны психологические изыскания и другие аналитические методы. Перед нами же стоит задача проверки выявленных количественных соотношений на устойчивость во времени, чтобы, в конечном счете, сделать обоснованный вывод относительно действительного изменения тенденций семантизации концепта *справедливость* студенческой молодежью или отсутствия подобного изменения.

---

¹ Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. — М.: Смысл, 2007. С. 113.

² Там же. С. 293-301.

Историческая память малоимущих групп населения России и Беларуси Отношение к прошлому и настоящему

Целостное восприятие исторического процесса возможно только в неразделимости таких понятий как прошлое, настоящее и будущее. Такая категориальная связка позволяет проследить преемственность событий, фактов, выявить степень влияния тех или иных событий и процессов друг на друга во времени и пространстве. Прошлое объективно существует в настоящем и через «историческую память» людей опосредуется в их повседневной деятельности, во многом определяет их отношение к их сегодняшней жизни и, следовательно, формирует представления о будущем.¹

Концептуальные подходы в исследовании исторической и социальной памяти.

О зависимости социально-экономических изменений, и, прежде всего, социальных институтов от исторически пройденного пути для будущего развития народов и государств пишет В.А.Ядов, когда анализирует национальные особенности модернизации российского общества. Для аргументации своих мыслей он обращается к идее К. Маркса о том, что история «делается» людьми в обстоятельствах данных им из прошлого и концепции К. Поланьи, который подчеркивал, что изменения социальных и, в первую очередь, экономических институтов сопровождаются историко-культурной инерцией. Этой тема не является новой для отечественной литературы и исследуется рядом известных экономистов и социологов.²

Историческая память как одно из важнейших качеств человека, характеризует его способность осмысленного отношения к собственному прошлому самосознанию, самоопределению, лично пережитому и прочувственному жизненному опыту. Поэтому воспоминания о прошлом всегда пропущены через призму настоящего. Историческая память это не только способность индивидуального сознания. Сохранение и осмысление исто-

¹ Жовтун Д.Т. Методологическое значение категорий «прошлое», «настоящее», «будущее». // Социология власти. 2008., №2. С.

² В.А.Ядов К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества.// Мир России.2010.№3.С.46

рического опыта общества становится коллективным массовым сознанием.¹

Историческая память тесно связана с социальной памятью, которая в ее овеществленной (материальной) и неовеществленной (духовной) форме также становится объектом истории. Смыслы прошлого это по сути дела и есть социальная память, обработанная и осмысленная научными методами.

Но история и историческая память различаются возможностями интерпретации познания отделяющегося от нас времени. По мере того как прошлые события утрачивают свою актуальность, историк стремится дать им более объективное описание, изложить причины возникновения, закономерности, результаты и последствия. Историческая память по мере ухода современников событий меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более «насыщенной» реалиями сегодняшнего дня. В отличие от научного знания о прошлом историческая память как бы со временем еще больше политически и идеологически актуализируется.²

При соотношении понятий «коллективная память» и «историческая память» выявляется то, что первая чаще трактуется как «общий опыт, пережитый людьми совместно» (речь идет о памяти поколений), или как групповая память. Вторая понимается как коллективная (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере как она вписывается в историческое сознание общества), или в целом — как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом.³

Высокая востребованность обращений к исторической памяти в последние годы во многом объясняется не только его «нестрогостью» и наличием множества дефиниций, но и текучестью явления, концептуализированного в исходном понятии память. Вся терминология памяти характеризуется многозначностью, начиная от выражения спонтанного ощущения и заканчивая формализованной публичной церемонией.

---

¹ Жовтун Д.Т там же С.

² Соколов А.В. Структура социальной памяти. // Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В. А. , 2002 г. — 461 <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/23490/23523/> доступно 10.11.2010

³ Репнина Л.П. Историческая память и современная историография . // Новая и Новейшая история. 2004.№5. С.23-24, 42- 47. Сноска взята из книги Соколовой М.В.

Историческая память это не просто канал передачи сведений о прошлом. Это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем.¹

Социо-культурные изменения повседневной жизни как травматические симптомы периода трансформации.

Изучение социо-культурных изменений в повседневной жизни нашего населения в период трансформации постоянно сталкивается с проблемой «исторической памяти» советского периода жизни страны. Это определяет отношение представителей различных социальных слоев и возрастных категорий на происходящие процессы настоящего времени. Эти обращения к прошлому и сравнения с нынешним особенно распространены в группе малообеспеченных и более старшего возраста. Это обусловлено тем, что многие представители старшего поколения, активно участвовавшие в подготовке и осуществлении перехода к рыночной экономике, оказались выключенными из процесса реформирования, разочарованными его результатами и более того, составили группы тех, кто пострадал в результате реформирования. Одной из причин этого разочарования, становится осознание того, что они не поняли сущности и неотвратимости реформ, а недовольство большинства населения уровнем и качеством жизни приняли за готовность к коренным переменам.²

Именно представители квалифицированных работников, с высшим образованием научно-технических профессий оказались в числе тех, кого позднее стали называть «проигравшими» в процессе трансформации, поскольку они оказались наиболее неготовыми к рыночной экономике и поэтому оказались в группе наиболее уязвимых.³ По мнению московских экономистов, в результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения. Группы со средними доходами не только не

---

¹ Соколова М.В. Что такое историческая память.<http://pish.ru/articles/articles2008/142/comment-page-1> доступно 23.10.2010 .

² Шкаратан О.И. из выступления на круглом столе Государство и общество в период модернизации: межстрановой анализ (материалы круглого стола) // Мир России.2006.№4.С.83

³ Быстрова А.С., Еремичева Г.В. Динамика формирования новой социальной структуры в условиях экономических и социальных реформ. (по материалам исследований 1990-2005гг.)//Экономика северо-запада: проблемы и перспективы развития.2007.№1 (31). С.12-19

разбогатели, но и даже не восстановили уровень благосостояния, который был у них в 90-хх. А группы населения с самыми низкими доходами оказались за чертой абсолютной бедности. В стране сложилась довольно абсурдная ситуация, когда деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, а по мере экономического роста не происходит снижения бедности. Это происходит и из-за того, что рост неравенства, не сдерживаемый прогрессивными налогами и другими способами перераспределения доходов, приводит к существенному увеличению доходов только богатых и обнищанию практически всего остального населения.¹

За прошедшие два десятилетия от начала реформистских преобразований в нашей стране люди пережили не только экономические невзгоды, потерю социального и профессионального статуса, но и разрушение советской идеологии, что привело к потере коллективной идентичности народа как советской общности.² Это выразилось в дезориентации людей и снижению ощущения безопасности в быстроменяющихся условиях жизни, которая по своей сути превратилась в неопределенную, неустойчивую, полную постоянных рисков.

Социо-психологическое состояние общества в методологии «социальной травмы».

Культурная ситуация социо-психологического состояния общества как следствие радикальных экономических и социальных реформ может быть интерпретирована как феномен «социальная травма». Парадигма социокультурной травмы была подробно разработана польским исследователем Петром Штомпкой, опираясь на исследования американских социологов Д.Александера и Н.Смелзера. В рамках этого подхода травма трактуется как «социальный факт», а точнее как коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом, в результате разрушительных событий, характеризующихся как культурно-травматических. Травма распространяется среди членов определенной группы или общества, переживающих эти события, воспринимается группой как нечто, приносящее и налагающее обязательства на их действия.³

---

¹ Шевяков Ю.А. Экономическое неравенство: тормоз демографического роста. // Экономика и социология XXI века. У Петербургская встреча лауреатов Нобелевской премии. Тезисы докладов. Санкт-Петербург. 2010. С.291

² Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение. // Социология власти. 2009. №5. С.57-90

³ Штомпка П. Социальные измерения как травма. // Социс. №1. С.6-16;

Как отмечает П.Штомпка, сфера культурных изменений в отличие от социальной, считается более травмогенной, поскольку изменения в этой сфере наиболее инерционны. Они идут медленно и долго сохраняют прежние условия, даже после того как изменение произошло. Травмирующая ситуация разрушает «культурную ткань общества» и как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда сохраняясь в коллективной памяти нескольких поколений или коллективном подсознании, время от времени проявляя себя при благоприятных условиях. Восприятие исторической и культурной травмы основано на социальной памяти, которая дает материал для сопоставления прошлых ситуаций и измененных состояний жизни группы или общества в целом. Если люди интерпретируют события как опасные для сохранения традиционных привычных социальных практик, то такие события воспринимаются как травмирующие. Социально-культурная ткань общественной жизни теряет свою плотность, однородность, так как в это время происходят разрывы в потоках социальной памяти: образцы нормативного поведения сталкиваются с невозможностью их воспроизведения в новых условиях. Как было сказано выше, социальная память — это особенное восприятие исторического прошлого. Она окрашивает его чувствами, мифологизирует, трансформирует с помощью ошибок и несовершенств человеческой памяти.

Изучение социальных изменений, которые происходят достаточно внезапно, быстро и имеют радикальные последствия, с позиции социальной и культурной травмы очень важно, поскольку следствия предыдущих изменений оказывают продолжительное влияние на культурную среду агентов (агентство — носителей признаков, функций определенного института), а от этих влияний зависит способность агентов к дальнейшей созидательной деятельности.

Придавая медицинскому термину «травма» — социологическое содержание, Штомпка патологическое состояние общества рассматривает через определенные структурные и культурные обстоятельства («благоприятный контекст»). Оно вызвано специфическими формами прошлого социального изменения («травмирующие события»). Явление, обозначенное как травма, вызывает ответные реакции («совладание с травмой»), основанные на способности агентства к дальнейшему социальному измерению. Таким образом, травма рассматривается как динамично развивающийся процесс и называет его «травматической последовательностью».

В анализе этой последовательности П.Штомпка выделяет шесть стадий¹, в которые мы можем органически вписать события и процессы, которые произошли за прошедшие годы трансформации в нашей стране.

1. СТРУКТУРНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОШЛОЕ — СРЕДА БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩАЯ ВОЗНИКНОВЕНИЮ ТРАВМЫ — в нашей стране это этап социалистического режима, сопровождающийся двоемыслием и застоём, дезорганизацией общества, несогласованностью в социальной структуре, рассогласованностью и нестабильностью действия социальных институтов.

2. ТРАВМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ИЛИ СИТУАЦИЯ — социо-культурная трансформация, резкий переход к рыночной экономике, эксперимент «шоковой терапии», радикальная поляризация общества на бедное большинство и богатейшее меньшинство. Как следствие этих катаклизмов, социальная и культурная травма, характеризующаяся изменением нравственных и моральных принципов жизни, утратой привычных ценностей.

3. ОСОБЫЕ СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ВЫРАЖЕНИЯ ИЛИ ТОЛКОВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ — в обыденной речи люди используют доступный им фонд культурных ресурсов для интерпретации тех событий и ситуаций, которые с ними происходят. Они высказывают свое отношение к происходящим событиям, так как понимают и воспринимают их, что при ощущают. Возможность проанализировать то, что люди говорят о своей жизни и событиях их повседневной жизни предоставляют тексты фокус-групп, интервью, другие источники информации.

4. ТРАВМАТИЧЕСКИЕ СИМПТОМЫ, ТО ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ СХЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ — проявляются как нарушение в условиях дезорганизации упорядоченного в прошлом мира, само собой разумеющегося порядка. Это обуславливает изменения привычного образа жизни, образцов поведения, разделяемых ранее большинством, и общепринятого мнения. Влияние травмы на коллектив зависит от масштабов раскола с предшествующим порядком или ожиданиями его сохранения. Травматические симптомы — это конфликт между фактами настоящего или прошлого, интерпретированные как несоответствующие базовым основам культуры данного общества и признаваемых ранее большей частью населения.

5. ПОСТТРАВМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ — разные группы по-разному реагируют на социальную и культурную травмы. Решающим становится на-

---

¹ Культурная травма в посткоммунистическом обществе. // Социс. №2.С.3-23; В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. // Социс.2009. №8. С.3-12

личие ресурсов, социального и культурного капитала, которым обладает индивид, группа или общность. В период российской трансформации, как и в других странах постсоветского пространства, наиболее сильно пострадали люди или группы, обладающие ограниченными ресурсами — будь то материальные, образовательные и другие виды ресурсов или капиталов. Особое значение в этом случае приобретает уровень образования, хотя его роль неоднозначна. С одной стороны, уровень образования делает людей восприимчивей и чувствительней к травме. А с другой стороны, они обладают большим набором навыков и способов для активного преодоления культурных травм.

6. ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАВМЫ — завершающая фаза или начало нового цикла травматической последовательности. Люди или группы, затронутые травмой, обладающие более разнообразными капиталами и ресурсами для ее активного преодоления, смогут более успешно вписаться в новые условия жизни. Они разрабатывают различные стратегии совладания с травмой, модели активной адаптации к ней, многоальтернативный репертуар противодействий. Примеры стратегий и практик, которые разрабатывали и реализовали представители разных социальных групп для выхода из трудных житейских ситуаций в период перехода к рыночной экономике, нами и другими исследователями неоднократно описаны в отечественной литературе.¹

Анализ текстов фокус-групп в методологии «культурной травмы» в России и Беларуси.

Адекватность методологии «культурной травмы» для интерпретации тех событий и ощущений, которые в полной мере артикулировались респондентами в ходе фокус-групп, проведенных в рамках международного проекта «Социальное неравенство и социо-структурная трансформация российского общества в контексте глобализирующегося посткоммунистического пространства»² была вполне очевидной.

---

¹ Быстрова А. Стратегия поведения семей в условиях проведения рыночных реформ (Санкт-Петербург, 1993-1996) // Повседневность середины 90-х глазами петербуржцев. 1999. Санкт-Петербург. Европейский Дом. С.27-50. Еремичева Г., Симпура Ю. Социальные проблемы повседневной жизни и их восприятия петербуржцами. // там же С. 224-248; Еремичева Г. Неформальная экономика и особенности формирования стратегий выживания и социальных практик в семьях петербуржцев в период реформ. // Новые потребности и новые риски. Реальность 90-х гг. 2001. Санкт-Петербург. Норма. С.43-72

² Грант Комиссии европейских сообществ (EU) «Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens:

В проекте участвовало 11 научных коллективов из Центральной и Восточной Европы, обследования охватило 13 стран, в том числе — Россия, Беларусь, страны Балтии, Украина, Молдова, Болгария, Чехия, Румыния, Словакия, Венгрия, Польша, представляющие страны пост-коммунистического пространства. Это обеспечило возможность сравнительного анализа данных по этим странам. В ходе проекта были проведены по 4 фокус-группы и массовый опрос по репрезентативной выборке в каждой стране (выборка составила по 2000 человек).

В предлагаемой статье для сравнительного анализа были взяты Россия и Беларусь. Этот выбор обусловлен тем, что после распада СССР темпы и масштабы проведения реформирования экономики и переход к рынку в двух странах заметно отличались. Так, если Россия на момент опроса — 2007г. приближалась к режиму олигархического капитализма, с коммерциализацией почти всех сфер жизни населения, то в Беларуси этот процесс всячески сдерживался. Белорусская модель государственного капитализма («рыночный социализм») реализовывалась через почти полностью контролируруемую государственную экономику, допускающую частную собственность и предпринимательство на мелком и среднем уровне. Разные модели реформирования, реализуемые в обеих странах, обусловили существенные различия в их социально-политической ситуации, в структуре и динамике основных показателей уровня жизни.

По данным государственной статистики уровень социального неравенства к моменту проведения исследования в России был самым высоким среди стран бывшего социалистического лагеря, а в Беларуси самый низкий. К примеру, Коэффициент Джини, характеризующий уровень социального неравенства в России был 0,423, что свидетельствует о том, что он характеризуется как избыточный, то в Беларуси он составил 0,274.¹ И, следовательно, уровень социального расслоения может оцениваться как

Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective». 2006-2008, Contract №028920 и финансовой поддержке гранта РГНФ «Факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений в трансформирующихся обществах», № 07-03-000538а, 2007-2009 гг.

¹ Для европейских стран граница между нормальным и избыточным неравенством пролегает между значениями коэффициента Джини от 0,2 до 0,3, а децильного коэффициента — от 7 до 10. Эти пределы могут служить ориентирами и для определения уровня СН в России как избыточного, где показатели неравенства сейчас значительно выше. «Социальное неравенство и социальная политика». Заключительный доклад по проекту «Социальное неравенство и социальная политика». Раздел II./Неравенство доходов. /Горбачев-Фонд.

вполне допустимый. Кроме того, в Беларуси в отличие от России, реформирование проводилось медленнее и без применения, так называемой «шоковой терапии».

Несмотря на то, что в обеих странах реализовывались различные модели реформирования, в российских и белорусских группах восприятие социального неравенства и отношение к происходящим событиям было во многом сходным. На наш взгляд, это сходство объясняется, в первую очередь, общим советским прошлым, как будет проиллюстрировано ниже, с сохраняющимися до сих пор элементами советской идеологии.

Социальное расслоение в Беларуси не было таким радикальным как в России, но белорусский исследователь и наш партнер по международному проекту Г.Н. Соколова независимо от автора представленной статьи, также использовала методологию П.Штомпки для интерпретации социально-экономической ситуации в своей стране с позиции «культурной травмы». Социально-психологическую ситуацию в сфере культуры Беларуси, сложившуюся после распада СССР, она охарактеризовала как травматическое состояние и выделила четыре этапа перехода населения к рыночным отношениям. В каждом этапе, начиная с 1991 по 2006 год, ею были выявлены различные травматические симптомы, вызванные экономическими, социо-культурными и политическими изменениями в стране, которые и привели к той степени социального и экономического напряжения, что позволило охарактеризовать ситуацию как травматическую. Поскольку она сопровождалась нарушением привычного образа мысли и действия жителей страны, изменившие их жизненный мир, их модели поведения и мышления.¹

В России и Беларуси были проведены 4 фокус групп с жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области (с. Кикерино) и 4 фокус группы в г. Минске и селе (Большая Ухолода) Минской области в Беларуси. Участниками фокус-групп стали жители с средним уровнем дохода (10-15 тыс.рублей — средний и до 5 тысяч рублей —низкий²). Каждая группа состояла из

// URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=25554&rubr_id=632&page=1 (доступно 12.10.2010)

¹ Соколова Г.Н. Социально-экономическая ситуация в Беларуси с позиции «культурной травмы». // Социс. 2010. №4. С.33-41 Эмпирической базой исследования, приведенного в статье, были материалы республиканского социологического мониторинга (2002-2008 гг.)

² Постановление №894 от 24 июля 2006 г «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Петербурге.». ПМ на душу населения составлял 3

12 человек в сессию, мужчины и женщины в каждой возрастной категории от 18-30; 31-45; и 46-65 лет. Таким образом, группы были сбалансированы по уровню образования и представляли в основном работающих информантов.

Несмотря на то, что уровень дохода был взят как основной дифференцирующий показатель, он не оказал существенного влияния на восприятие информантами проявлений социального неравенства. Единственное, что отличало группы со средним и низким уровнем дохода это то, что высказывания последних отличались большей эмоциональностью, а претензии к государству и иждивенческие настроения выражались гораздо резче.

Для того чтобы выяснить отношение респондентов к прошлому, в сценарий фокус-групп был включен специальный раздел о том, какие изменения произошли за последние годы в жизни респондентов. Учитывая, что обследование проходило в 2007 году сравнительно благополучному по официальным статистическим данным, и как мы теперь знаем предкризисным, то предполагалось, что речь пойдет и о том, что изменилось в жизни респондентов после «перестройки». Однако, отсылки к жизни до распада Союза сопровождали почти все сюжеты связанные с социальным неравенством, которое, по мнению, респондентов проявляется «во всех сферах их жизни». А отношение к будущему определялось через возможность реализовать новые жизненные шансы в рыночной экономике и улучшить свое материальное благосостояние.

Как и следовало ожидать, информанты группы 46-65лет демонстрировали гораздо большую востребованность в обращении к исторической памяти о событиях советской страны, периода их молодости и социальной активности. Они более заинтересованно обсуждали социальные проблемы неравенства и часто сравнивали современную жизнь с той, которая имела место в их прошлом «доперестроечном» времени. Они в большей степени были объединены жизненным опытом и более солидарны в своих высказываниях, проявили взаимопонимание и поддержку. Их высказывания были более эмоционально окрашены и подкреплены конкретными жизненными примерами.

Почти все они оказались людьми с активной жизненной позицией, равнодушные к событиям сегодняшнего дня. Их оценки социальных ситу-

---

тысячи 463 рубля; для трудоспособного населения — 3 тысячи 949 рублей 70 копеек; для пенсионеров — 2 тысячи 554 рубля 20 копеек; для детей — 3 тысячи 36 рублей 10 копеек.

аций были более взвешенными и аргументированными. Они были более информированы о текущих политических событиях и политике в целом, чем молодые респонденты. Несмотря на то, что все участники на момент опроса имели работу и относительно стабильный заработок, в их высказываниях ощущалась острая неудовлетворенность достигнутым социальным положением как собственным, так и своих близких. Большая часть старших респондентов вынуждены были сменить основную профессию на менее квалифицированную и ниже оплачиваемую.

Достаточно красноречиво социально-психологическую ситуацию и настроение петербуржцев характеризовал спектр социальных проблем, которые наиболее сильно их волновали в тот период и воспринимались как наиболее травмирующие симптомы повседневной жизни.

А.: ... Безработица, наркомания, беспризорность, плохое ЖКХ. (м, 20)1

Л.: Падение нравов. (м, 23)

Т.: Самое страшное в нашей стране сейчас — заболеть и попасть к медикам. (ж, 56) В.: Если еще к медикам попадешь! (ж, 53)

Л.: Плохое финансирование научных проектов. (м, 23)

Е.: Маленькая пенсия. (ж, 18)

Д.: Демографический кризис. (м, 24)

М.: Мы замечаем деградацию населения. Это самое серьезное, что есть. Потому что вместе с этим не нужно будет ни здоровье, ни пенсия. (ж, 53)

В.: Жалкое существование наших пенсионеров. Поэтому страшно заглядывать в будущее. Потому что всех нас это ожидает. (ж, 45)

Л.: Нет, это если еще те, кто пенсию заработал! А что заработает молодежь? Зарплата в конвертах, без оформления! (ж, 55)

В.: Конечно. Многие на самом деле работают без оформления. Лично я работаю 10 лет без оформления. На это все закрывают глаза. И в итоге пенсии не будет. (..) (ж, 45)

А.: Не будет. Говорится одно, а платится другое. (ж, 53, средний доход, С-Петербург)

Резкие и неожиданные проявления социального неравенства воспринимались как социальная и культурная травма, характеризующаяся изменением нравственных и моральных принципов жизни, утратой привычных ценностей.

---

¹ Атрибуция отсылок к тексту фокус-групп дается в таком порядке в конце дискуссии — пол респондента, возраст, доход, по которому формировалась группа, поселение.

М.: В чем проявляется социальное неравенство?

Л.: В репрессивных мерах и агрессивных действиях. (м, 23)

Д.: Вот еще один важный момент можно отметить. Бытовое хамство, озлобленность, агрессия вот в магазине или в транспорте. (м, 24)

Л.: Люди деструктивно себя ведут. (м, 23),

Т.: Это то, о чем я говорила: деградация личности (...)

Да, я четко знаю: в любом государстве есть три составляющих. Это политика, экономика и нравственность. В любое смутное время нравственность всегда уходит. Это стержень любого государства. Нет нравственности — мы не можем это назвать государством. Это уже территория и население. Вот мы сейчас территория и население. И сказать о том, что я согласна с теми, кто говорит, что мы виноваты сами... Безнравственность везде — от самой верхушки. Вот поставьте нас в то же положение — и я даю стопроцентную гарантию, что вы тоже украдете. (ж, 53, средний доход, С-Петербург)

Достаточно близкой по настроению оказалась и дискуссия о социальных проблемах в аналогичной группе жителей Минска. Знакомая лексика, эмоции были во многом сходны с российскими. Так же как и в России, переход к рынку во всех сферах жизни, и, прежде всего, на рынке труда привел к серьезным разрушениям отношений работника и работодателя. К изменению привычных условий работы и форм оплаты труда. Высокой конкуренции и полному бесправию работников, к откровенной их дискриминации. Это серьезно отразилось на привычном образе мысли и поведении людей. Все это оказалось неожиданным и непредсказуемым, вызывающим ощущение тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Белорусы, как и россияне, часто апеллировали к советскому прошлому.

А.: Я работаю в частной организации — и там не всегда нормы трудового права соблюдаются. Зарплата выдается все время в конвертах. Начальство не желает ее повышать. Вот такие проблемы. Причем говорят, что и в налоговой знают об этом. Но у них там знакомые. (м, 23)

Р.: Меня волнует пенсия. Вот это, в основном. (..) (ж, 58)

Е.: ... Я нахожусь в декретном отпуске — и у меня низкое пособие на ребенка. Хотя у нас доход не выходит за черту бедности, но, тем не менее, мы испытываем некоторые финансовые трудности. Второй ребенок — это очень большое испытание для семьи — в смысле тех затрат, которые необходимы для этого. (...) (ж, 31)

В.: Зарплата — актуальный вопрос для всех. (м, 50)

М.: Меня не устраивает существующая контрактная система, где у нас почти не существует прав, одни обязанности. Вроде крепостного. Хочет начальник — отпустит, а не хочет — никуда не уйдешь. Это несерьезно. (м, 33)

Е.: А студентам вообще очень трудно устроиться на работу, потому что без опыта работы никто не хочет брать или берут на очень низкую зарплату. И требуют столько, что мало не покажется. И на контракт не особо берут. А если берут, то потом не отпускают. И когда после диплома устраиваешься на работу, то спрашивают, замужем или не замужем, хочешь детей или нет. Если хочешь, то особо не хотят брать, потому что в декрет уйдешь. Или зарплату платят небольшую. (ж, 22)

И.: Вот я не работаю не по своей вине, а потому, что закрыли комбинат межшкольный. Вот так сложилось. Очень трудно в этом возрасте. И с метлой тоже не хочется ходить. Я не считаю, что прожила столько лет, чтобы пойти на такую работу. Вот это больше всего меня волнует. И состояние у нас с молодежью. Что не устраивают на работу. И что почти в каждой четвертой семье есть наркоман. Вот я работала с молодежью — это действительно так. Отсюда и проблемы вырастают. (ж, 52, средний доход, Минск)

О том, что после начала реформ и переходу к рынку социальное неравенство само стало социальной проблемой, а резкое расслоение населения проявляется не только на материальном, но и моральном уровне, говорили и минчане. Для многих из них, как и для россиян, снижение социального статуса обернулось не только резким ухудшением благополучия, но и разрывом социальных связей.

Е.: Я хочу сказать, что у меня старшему ребенку 10 лет. И проблема денег в обществе и детской среде очень актуальна. Если в нашем детстве были важны другие категории, то есть дружба или еще что-то, то сейчас на первый план встают деньги. Ты должен соответствовать папе той девочки, маме того мальчика. Они чувствуют это неравенство, ориентируются на более высокий доход — и этого требуют от родителей. И это ставится во главу угла. То есть не ценятся нравственные качества родителей, а ценится материальный достаток. (ж, 31)

Т.: В образовательной сфере очень проявляется неравенство. Очень много сейчас талантливых детей, которые не могут получить высшее образование, потому что родители не могут его оплатить. В то время как дети со средними способностями заканчивают вуз, потому что родители имеют средства. И тут вообще рисуется страшная картина. (ж, 37)

Е.: Да, сейчас даже средней заработной платы не хватит, чтобы выучить своего ребенка. То есть мои родители уже откладывают деньги вперед, чтобы оплатить за семестр 800-1000 долларов. Это много. (ж, 22)

А.: Я считаю, что эта проблема касается отношений между людьми. Ценятся не нравственные качества, а именно материальный успех, сколько ты зарабатываешь. Если человек имеет низкий заработок, то даже в общении с людьми, даже родственниками он чувствует себя уязвимым. То есть это затрагивает все сферы жизни. (ж, 24, средний доход, Минск)

Резкая поляризация населения на бедных и богатых, затрагивающая основы жизни и деформирующая ключевые компоненты культуры — ценности, верования, нормы общества, явилась наиболее травмирующим фактором жизни в рыночной экономике. Коммерциализация всех сфер жизни делает практически недоступным образование, лечение, улучшение жилищных условий почти для большей части населения, особенно для молодых семей. Отсутствие начального капитала и коррумпированные органы власти становятся серьезным барьером для развития мелкого и среднего бизнеса.

А.: Растет разница между богатыми и бедными. Раньше такой пропасти не ощущалось, был шанс накопить и построить квартиру. А сейчас этот шанс близок к нулю: да, дают кредиты, но это надо тогда на хлебе и молоке сидеть несколько лет. Ничего, не покупая для себя из вещей. Пропасть растет постоянно. (м, 33)

Е.: Для молодой семьи, кроме как за счет родителей, жилищную проблему просто не решить. Вот мы тут говорим, что оплата образования внесла неравенство, что кто-то может заплатить, кто-то не может. Раньше, когда образование было бесплатное, его было гораздо легче получить, чем сейчас. (ж, 31)

А.: У меня знакомые несколько лет работали, насобирали денег, решили открыть малый бизнес. Но у нас в стране это очень сложно. Они уже несколько лет ходят по кабинетам — и ничего не получается. Но еще у меня есть товарищ, у которого отец — депутат. И он буквально за полгода решил эту проблему. И сейчас уже начинает работать. А те были обычные ребята. (м, 25, средний доход, Минск)

По мнению и россиян, и белорусов, современная жизнь серьезно изменилась как со времени распада страны, так и за последние десять лет. Несмотря на то, что и советские времена отличались двоемыслием и двойными стандартами, прошлое сейчас во многом мифологизируется, воспринимается как более благополучное и успешное. Жизнь в советское время

оценивают как более справедливую, обеспеченную гарантиями и правами. Так, например, многие говорили о том, что в советское время можно было поработать на производстве несколько лет и получить квартиру, забывая о том, что и в советские времена это было связано с большими очередями.

В приведенной ниже дискуссии видно, насколько противоречивы мнения респондентов разного возраста. Если люди более молодого возраста более терпимо воспринимают социальное неравенство, жесткую конкуренцию на рынке труда, востребованность профессии и отсутствие гарантий, декларируемых Конституцией страны на труд, здравоохранение, образование, отдых, то у людей старшего поколения невыполнение государством этих обязательств становится социальной травмой. В их лексиконе часто встречаются такие слова как сердце и совесть, достоинство, патриотизм, вера и т. п., и употребляются они с явно настольгическим оттенком. Настроения невостребованности, неуважения как со стороны молодежи, так и со стороны государства ощущаются и высказываются ими достаточно резко.

М: Как вы считаете, со времен падения СССР социальное неравенство сократилось или увеличилось, за последние 10 лет?

Л.: Сократилось. (м, 23)

М.: Увеличилось! Где оно сократилось? (м, 32)

В: Где оно сократилось? Увеличилось! (ж, 45)

Л: Но в 90-е вообще хаос был! Сейчас еще более-менее. (м, 23)

Т.: Нет, если сравнивать с Советским Союзом! Если сравнивать с 90-ми годами, то, конечно, уменьшилось. Стабильность появилась. А если сравнивать с советским временем, то катастрофически увеличилось расслоение! (ж, 53)

Л.: Если с советским доперестроечным, то увеличилось. (м, 23): (...)

Е.: Мне кажется, что оно всегда существовало. Все равно были богатые и бедные. (...) Все равно богатые по любому были. Никто не знал, сколько они получают, кто эти люди. Но все равно социальное неравенство всегда существовало. (ж, 18)

Т.: Откуда вы это знаете? Вы такая молодая! (ж, 53)

В.: А что, вы сейчас знаете? Сколько наши депутаты получают? Вы же не знаете. (ж, 53)

Л.: Мы были защищенные, наши дети — тоже. (ж, 55)

М.: Все наши богачи, допустим, ездили на метро. А сейчас появились люди, которые считают, что это низко. (м, 32)

Е.: Власть ездил на метро? (ж, 18)

В.: Они боялись просто! (ж, 53)

В.: Я считаю, что увеличилось. Если взять пенсионеров, то по ним видно. В советское время они жили достойно на свою пенсию. (ж, 45)

Т.: Сейчас незащищенные слои населения — дети и пенсионеры. (ж, 53)

В.: Да. Как говорят, гуманное общество определяется по отношению к пенсионерам и детям. И у нас самое ужасное отношение! (ж, 45)

Т.: Да, по этим категориям очень видно! Резко! (ж, 53)

Т.: Просто все стало нагляднее. Вот простой пример советского времени: мы все работали по штатному расписанию. И все четко знали, какое у кого образование. И не мог техник получить больше меня, имеющей высшее образование. Никак! Если у меня 120 рублей, то у нее было 90. Это всегда было. А сейчас все стало доступно, они рассказывают о своих доходах. (...) В связи с гласностью, наверное. Разрешили все говорить. И они не стесняются ничего. (ж, 56)

М.: Сейчас техник может получить больше?

Т.: Да, да. Сейчас все инженеры стоят за прилавками, потому что для них нет работы. Не все, конечно. (ж, 56)

Т.: Но сейчас идет востребованность! (ж, 53)

Т.: Не по всем направлениям. Кому сейчас нужна металлургия, если закрыты все заводы? Машиностроение? Сейчас нужны строители и экономисты. (ж, 56, средний доход, Санкт-Петербург)

В Минске дискуссия о динамике и характере социального неравенства за период трансформации звучала примерно так же, как и в Санкт-Петербурге.

М.: Как вы считаете, с момента развала СССР социальное неравенство уменьшилась или увеличилась?

В.: Оно просто стало явным. (м, 65)

Р.: Вот именно. (ж, 58)

И.: Оно и было всегда. (ж, 52)

А.: Еще больше стало. (м, 33)

И.: Явно стало выражено. Тогда были немножко другие критерии. (ж, 52)

Р.: Да, тогда где-то с черного хода ходили в магазин. (ж, 58)

В.: Раньше это не афишировалось. (м, 65)

И.: Кто-то имел, но все это было тихо. (м, 65)

М.: А почему изменилось социальное неравенство?

И.: Потому что изменилась социальная направленность нашего государства. Какое у нас общество сейчас? Социалистическое? Какое оно? (ж, 52)

Е.: Развивающееся. (ж, 31)

А.: Пока данной конкретной оценки нет. (м, 20)

М.: Почему сейчас стало более явно социальное неравенство?

А.: Потому что, то, о чем говорили: связи и деньги — они прогрессируют. У кого-то прогрессируют, а у кого-то регрессируют. Поэтому оно становится более явным. Кто-то через те же знакомства и наворованные заводы обогатился, а сейчас пошел во власть. Они там все свои. За счет этого оно и проявляется больше. (м, 33, средний доход)

Еще более наглядно различия в реакции старших и более молодых участников дискуссии о травмирующих симптомах реальной жизни в Санкт-Петербурге проявились в обсуждении стартовых возможностей для успешной деятельности в условиях рынка. Готовность к преодолению социальной и культурной травмы у них была разной. Возраст оказался очень важным ресурсом для более успешной адаптации в новых экономических условиях. Формированию более оптимистического взгляда на будущее.

М.: ...стартовые возможности у людей изменились?

М.: Конечно, изменились. (м, 32)

Л.: К лучшему очень сильно изменились. (м, 23)

Т.: Смотря у кого. (ж, 56)

М.: А чем это выражается?

Л.: В поле. Раньше оно было узкое, а сейчас оно широкое, неограниченное практически. Можно прыгнуть куда угодно. (м, 23)

М.: Я считаю, что стартовые возможности стали меньше. Раньше любой мог поступить в институт. И еще платили стипендию — 40 рублей. Это можно было в столовой студенческой питаться. А сейчас, наоборот, надо самому платить деньги. (м, 32)

Л.: Нет, шансы увеличились. Сейчас можно за границу поехать. (м, 23)

Т.: Сами условия стали шире, они изменились. (ж, 53)

И.: Я считаю, что уменьшились.(..) Раньше были какие-то базовые вещи, которые мог получить каждый. Например, детский сад, в который сейчас поступить очень сложно, не дав начальный взнос. Школу закончить, если образование будет платное, как говорят, после четырех классов, тоже сможет не каждый. В институт поступить — да, сейчас больше возможностей в том плане, что выбирай любой, иди, плати и учись. Раньше надо было поступить. (ж, 37)

Л.: Раньше не было таких отделений, факультетов. Вот эстрадно-джазовое. (м, 23)

Т. А закончила институт? (ж, 53)

И.: Раньше было распределение, ты знал, что ты будешь работать, получишь пенсию. (ж, 37):

Л.: А вот на квартирку, когда вы теперь соберете без мамы и папы, когда пойдете работать? (ж, 55):

И.: Но это и раньше было. (ж, 37)

Л.: Раньше книг не было, нечего было читать. А сейчас есть все переводы, сейчас все можно достать. (м, 23, группа среднего дохода, Санкт-Петербург)

Несколько более пессимистичной была дискуссия о стартовых возможностях у минчан, которая непосредственно затрагивала и отношение к будущему. В условиях авторитарного государства, какой является Беларусь, непредсказуемость и риски значительно увеличиваются, в сравнении даже с Россией, где декларируется «суверенная демократия», а возможности свободной деловой активности пока еще достаточно ограничены. Ресурс возраста для них оказывается менее существенным для успеха, например, в предпринимательской деятельности, а травмирующий эффект изменений более очевиден.

М: А по сравнению с тем, что было 10 лет назад?

Е.: Не очень. (ж, 31)

А.: Я не знаю, как было 10 лет назад. Но от людей постарше я слышал, что 10 лет назад свое предприятие было открыть легче. И с налогами было попроще. Больше были ориентированы на Запад, смотрели в ту сторону. А теперь из моих знакомых — максимум, если кто-то открыл какие-то лотки на Ждановичах. Зачасти для машины какие-то. И то — это стоит огромных денег! 3500 стоит разрешение, чтобы открыть лоток по продаже автозапчастей. А чтобы открыть магазинчик маленький — у людей есть деньги, они готовы открыть, но это надо с министром за руку здороваться, чтобы его открыть. Даже не в центре Минска, а хотя бы на периферии. Это нереально. Вот поэтому, не знаю, что изменится, но пока ничего не видно. (м, 20)

Т.: А чем я сейчас и занимаюсь? У меня единственный выход — одна работа и сто подработок. Легальных и нелегальных. Таким образом, я и выживаю. А что касается вопроса, можем ли мы конкретно изменить что-то, то при нашей авторитарной власти — вряд ли. (ж, 37) (...)

В.: Вот как пошла эта перестройка, то большинство, кто был у власти, так там и остались. Кто имел доступ к материальным ресурсам, тот стал богатым. А простые работники, так и остались простыми работниками. Расслоение общества получилось такое, что кто был богатый, тот стал еще богаче. И все богатеет и богатеет. Кто не мог купить квартиру, тот и не купил. А кто мог — тот купил и две, и три. Сейчас цена поднялась, он стал еще богаче. Тут произошел нетрудовой доход, очень сильное расслоение. Поэтому идет и какая-то озлобленность. (м, 44, средний доход,, Минск)

Период переживания социальной и культурной травмы предполагает этап преодоления травмы или начало нового цикла травматической последовательности, когда одна травма может смениться травмой нового вида, если будут созданы для этого благоприятные структурные и культурные условия. Смогут ли наши респонденты или в более широком контексте россияне и белорусы использовать различные стратегии совладания с травмой, адаптироваться к ней и противодействовать новым травматическим факторам, сейчас еще очень трудно прогнозировать. Уж слишком пессимистически прозвучали их высказывания о своей жизни в настоящее время, и слишком не уверенно говорили они о будущем своем и своей семьи.

Л.: 10 лет тому назад я знала, что у меня есть двое детей, я отчисляла на сберкнижку, я знала, что нужно их женить, учить, помочь купить жилье. А сейчас я об этом только вспоминаю, что была такая возможность. Я теперь ничего не могу. Я теперь жду, что они, может, мне помогут. (ж, 55)

Т.: Вот такой момент нашей жизни: когда мы были молодые, мы рожали детей, не задумываясь, по любви. А сейчас мои дети детей рожать не хотят. И объясняется это тем, что вот моя старшая дочь говорит: я не могу сесть на три года дома. Он (муж) нас троих не прокормит. Я получаю больше его. Вот и все. (ж, 56)

Е.: Мне кажется, что это не везде так. (ж, 18) (...)

В.: У меня тоже были стремления. Как Любовь говорила. Вот когда училась. Когда я была молодая, то как-то было легче учиться, не задумывалась ни о чем, все легко давалось. И я знала, что меня ждет завтра, послезавтра. И даже через год, через два. А сейчас мой ребенок закончил образование, и она не хочет работать (по специальности). И не будет, как я поняла. И многие — так же. И ей даже навязывать это нельзя. Раньше я была студентка — и мне работу по распределению предоставляли. И го-

род помогал приобрести жилье. А сейчас, как я понимаю, настолько все это (трудно)! Я поняла, что груз — это мои дети. Они могут рассчитывать только на мою жилплощадь. У них настолько мизерная зарплата, у молодежи, что им не купить жилплощадь. Я вот получила образование так — а они так. Я жилье так получила. В завтрашнем дне я была уверена. А мой ребенок про завтрашний день ничего не может сказать. Студенткой я и работала, и училась, и в театры ходила, в музеи. А теперь я и забыла, когда я ходила, а про детей я уж и молчу. Жизнь поменялась за эти 10 лет. (ж, 53)

М.: Я тоже хотел поддержать Валентину. У меня тоже такой пример — вот близкий приятель давно приехал из деревни. У него отец отработал в автопарке лет семь — и получил квартиру. А сейчас хоть сто лет отработай в автопарке — и ничего не получишь, и не заработаешь. (м, 32, средний доход, Санкт-Петербург)

Несколько иной характер носила дискуссия в Беларуси. Там иждивенческие настроения звучали заметно меньше. Но, несмотря на то, что воспоминания о прошлом звучали более критично, понятно, что советское прошлое с его идеологией, отношением к труду и жизни в целом очень глубоко укоренились в исторической памяти и, прежде всего, малоимущих групп населения. В отличие от россиян, белорусы более привязаны к сельскому хозяйству, почти все они имеют родственников в деревни и продолжают поддерживать с ними тесные связи. С успехами именно в этой отрасли хозяйства связывают свои ожидания более благополучного будущего.

А.: И вот это потерянное поколение, когда старую идеологию поломали в перестройку, а новой так и нет. В Российской империи это была религия. В СССР это был коммунизм. Все строили коммунизм. А во время перестройки все насмотрелись фильмов, молодежь сидела и ждала, когда у них случится, как в американском фильме, что на них свалится мешок денег, а они будут ходить и тратить его. И они ждут до сих пор. Я приезжаю в деревню к родителям, мы идем в семь утра работать на поле, а они уже пьяные. И когда успели? День поработали, старушки помогли — а самогон там все гонят. (...)

Отсутствие идеологии. И родители тоже особо не занимались. Во время перестройки люди пытались прокормить себя и семью. Кто остался в деревне, там ноль возможностей. Люди там в сентябре получают зарплату за май, какие-то копейки. На комбайне по 16 часов в сутки работали, а в итоге получили на двоих 400 000 за весь сезон. Это несерьезно. (м, 33)

В.: (м, 44): Вообще если говорить о деревне, то упадок деревни был еще после коллективизации. Еще до перестройки. Как все помнят, людей туда посылали на посевную, на уборочную. Я сам ездил (...) А сейчас в деревне делать нечего, заработка нет. Ходить и пить? И молодежь вся едет в город. В Минске было миллион, а сейчас уже два. И через десять лет будет четыре. Вся Белоруссия будет в Минске. Может, это и неплохо, на Западе так примерно и есть: сельское население составляет там 20 процентов. И там работают не так, как у нас в колхозе. Там небольшое фермерское хозяйство, которое нанимает сезонных рабочих. И сами работают с утра до ночи. И прибыль там большая. И без государственной помощи ни одно западное фермерское хозяйство не идет.

В.: Я изложу свою точку зрения. Мне кажется, что очень большая вина в том, что наше поколение прошло школу коммунизма. Это очень отрицательно сказалось. Когда встал вопрос о моем продвижении по службе, мне сказали, что если я не вступлю в партию, то никакого продвижения быть не может. Я вступил в партию. Потом я закончил свою работу на этой должности, пошел в райком положил на стол партбилет инструктору. Она спрашивает: а почему вы раньше вступали, а теперь кладете? — Потому что я никогда этой партии не верил, это тунеядцы и взяточники. И они у меня приняли партбилет. И вот эти отражения до сих пор передаются от нашего поколения молодому поколению (...) (м, 65)

В.: Я тоже поддерживаю своего тезку. Я тоже был секретарем комсомольской организации. И один раз я попал на слет Юность. И я такого разврата никогда не видел! Вот там была торжественная часть, а вечером процентов 70 участвовали в этом во всем. Это началось еще до перестройки — вот это загнивание. И оно передалось сюда. (...)

Нам нечего терять, кроме своих цепей. (м, 44 средний доход, Минск)¹

Заключение.

В заключении следует еще раз констатировать, что, несмотря на разные модели реформирования в странах бывшего социалистического лагеря и многовековых территориальных соседей, обращения к исторической памяти россиян и белорусов имеют много общего. Развал СССР и переход

---

¹ К сожалению, объем статьи не позволил включить соответственные отрывки из текстов других фокус-групп, а сокращение приведенных выше, серьезно сказалось бы на их качестве как иллюстративного материала. Однако, хочется отметить, что дискуссии и в других группах по обсуждаемым вопросам были также эмоциональны и красноречивы. Исследования в этом направлении будут безусловно продолжены.

к рынку для обоих народов сопровождался социальной и культурной травмой, а реформы и их последствия характеризовались как травмирующие факторы. Однако процесс адаптации и темпы преодоления этой травмы могут быть разными. От того, какими будут масштабы и темпы процесса адаптации к новым экономическим и социальным условиям, насколько преодоление этой травмы будет органичным для различных групп населения, а экономическая и социальная политика, которую осуществляют государства, будет способствовать снижению напряженности и устранению травматических симптомов, во многом будут зависеть перспективы дальнейшего развития этих стран.

Социально-групповое измерение уровня жизни в посткоммунистических странах Европы

В статье анализируются данные анкетного опроса по международному проекту EUREQUAL¹, который сфокусирован на различных измерениях и проявлениях социального неравенства в 13 европейских странах, объединенных общим коммунистическим прошлым в составе СССР или «социалистического лагеря». При этом статья построена на анализе одного конкретного ракурса неравенства — *в уровне жизни* социальных групп, выделяемых по типу/характеру труда респондентов. И анализируются данные, полученные с помощью лишь четырех вопросов обширной анкеты. Тем не менее, картина неравенства получается весьма многовариантной и сложной: 13 стран, 7 социальных групп в каждой и 5 различных уровней жизни респондентов/домохозяйств, универсально определенных во всех странах.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП. Респондент, заполняя анкету, относит себя к одной из шести следующих групп: 1) работники физического труда; 2) предприниматели; 3) управляющие/администраторы; 4) интеллигенция (врачи, юристы, специалисты); 5) служащие (работники офисов); 6) крестьяне (фермеры). Те, кто не отнес себя ни к одной из этих групп, учтены в анкете как «другие». В эту сводную группу, как мы выяснили, попадают студенты, безработные/неработающие, домохозяйки, часть пенсионеров и военнослужащие.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ. Следуя анкете, респондент производит оценку уровня жизни своей семьи по 5-балльной шкале, соотнесенной с 5 уровнями возможностей потребления от «не хватает на еду» до «можем позволить себе практически всё»². Этот подход является общепризнанным для сравнительных исследований и позволяет обходить проблему локаль-

---

¹ <http://eurequal.politics.ox.ac.uk>

² Использованные в анкете формулировки (вопрос L7c) полностью приведены в примечании к табл.1.

ных различий в доходах населения и в стоимости жизни. Уровень жизни социальных групп с помощью указанной шкалы измерен на момент проведения опроса (июль 2007 года) и служит мерой их сходства/различия (или равенства/неравенства).

Помимо выяснения оценки уровня жизни респондента на момент опроса (измерения фактического состояния), его просили оценить *изменение уровня жизни* за последние 5 лет в каждой из выделенных социальных групп. Для ответа предлагалось использовать шкалу оценок с 5 уровнями (от «существенно упал» до «значительно поднялся»). В итоге каждая из групп оценила и себя, и других — за исключением сводной группы, которая лишь оценивала других. Здесь межгрупповое неравенство по уровню жизни обрело новый смысл — *неравенства динамического*, неравенства результатов развития, когда, например, у одних жизнь улучшилась на фоне снижения уровня жизни других. Это и источник относительной депривации социальных групп, и ее проявитель-измерение.

Третий подход к анализу социально-группового уровня жизни, использованный в этом исследовании, основан на сравнении уровня жизни семьи респондента (с известной групповой самоидентификацией) *со средним уровнем жизни в стране* в целом. Результат такого соотнесения отражает общее самочувствие групп — с преобладанием позитивных или негативных оценок, исходя из представлений о справедливости/несправедливости позиций своей группы в обществе, а также о качестве жизни в целом. Это еще одно *измерение относительной депривации* социальных групп.

Ранжирование стран по уровню жизни. Изначально мы предположили, что уровень жизни населения страны в целом как-то связан с межгрупповым неравенством. Поэтому первым шагом нашего анализа (и проверки исходного предположения) стало измерение уровня жизни стран в целом и их ранжирование по этому показателю (табл. 1). Мы уже не раз представляли данные о распределении населения 13 стран проекта EUREQUAL по 5 уровням жизни¹. Но, глядя на диаграмму с пятью составляющими состояния населения страны, трудно оценить, где *в целом* живут лучше, где — хуже, с расстановкой стран по рангам. В табл. 1 уро-

---

¹ <http://si.ras.ru/doc/kornev-1712.doc>; Еремичева Г.В., Евдокимова Е.П., Корнев Н.Р., Игнатова С.Н., Порецкина Е.М. Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси). В сб.: Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 165.

вень жизни населения стран охарактеризован средним баллом оценок по 5-балльной шкале, и страны ранжированы в порядке его убывания. Самый высокий уровень жизни населения в целом — в Чехии, затем в Словакии, Эстонии, и далее вниз по упорядоченному так списку, который замыкают Украина, Болгария, Молдова. Вторая мера оценки уровня жизни стран, использованная нами, — индекс Is субъективного материального благосостояния, рассчитанный по методике Е. В. Балацкого¹, за описанием которого отошлем к указанной работе. Здесь важно, что оба подхода дали совпадающий ранговый порядок стран, и субъективная средняя оценка уровня жизни сильно связана ($R=0,94$) с таким объективным статистическим показателем уровня благосостояния населения как PPP (Purchasing Power Parity)².

РАНЖИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПО УРОВНЮ ЖИЗНИ. Следующим шагом к сравнению между собой по уровню жизни уже социальных групп стало определение для них среднего по всей суммарной выборке ($n=15648$ респондентов). Это дало нам их первую диспозицию в иерархии на обобщенном посткоммунистическом социальном пространстве, при том, что между странами ожидаемы вариации групповых иерархий.

На всей совокупности респондентов 13 стран получены следующие значения среднего уровня жизни в группах: максимален он у предпринимателей — 3,52 балла, что можно интерпретировать как преобладание в этой группе 4-го и 3-го уровней. Затем следуют управляющие/администраторы (3,44); интеллигенция (3,13) и служащие (3,06); работники физического труда (далее для краткости — рабочие, 2,79); сводная группа «другие» (2,68) и самый низкий, в среднем, уровень жизни у крестьян (2,35). Далее при рассмотрении распределений для социальных групп по 5 уровням жизни — и в таблицах, и в виде диаграмм — будем располагать группы в определенном выше порядке, как и для стран — по убыванию.

В табл. 2 представлены показатели уровня жизни во всех 13 странах проекта, усредненные уже по социальным группам. Можно заметить, что лишь в двух странах (Чехии и Украине) иерархия социальных групп по среднему уровню жизни полностью совпала с установленной на объединенных данных обо всех странах. В прибалтийских странах — Эстонии, Латвии, Литве, в отличие от остальных, самый низкий показатель уровня

¹ Балацкий Е.В., Саакянц К.М. Индексы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения, №2, 2006. С. 122-128.

² <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ>

Т а б л и ц а 1. Распределение населения 13 стран Европы по 5 группам с разным уровнем жизни.

СТРАНЫ	Доля населения (%) с определенным уровнем жизни					Средний уровень жизни В (в балл.)	Индекс уровня жизни Is	PPP усл.\$ (WB'07)
	1-й у/ж	2-й у/ж	3-й у/ж	4-й у/ж	5-й у/ж			
Чехия	1,4	9,9	39,1	44,0	4,7	3,41	60,3	22290
Словакия	3,7	12,9	39,3	37,8	4,2	3,26	56,6	19400
Эстония	2,5	19,3	32,6	36,6	4,0	3,21	55,3	19240
Польша	2,3	15,4	48,1	29,5	2,1	3,14	53,5	15690
Венгрия	1,4	18,9	53,7	20,4	2,7	3,04	51,1	17480
Латвия	4,6	25,3	36,8	29,0	3,0	3,01	50,2	15050
Литва	1,7	23,6	48,9	20,9	1,7	2,97	49,4	15760
Румыния	11,0	30,4	29,2	23,7	3,0	2,77	44,3	11500
Беларусь	3,3	32,6	45,9	14,8	0,6	2,76	44,0	10800
Россия	6,3	34,2	40,4	16,6	0,7	2,71	42,7	14390
Украина	7,9	35,5	42,8	12,7	0,7	2,63	40,7	6840
Болгария	18,0	37,6	28,2	14,6	0,9	2,42	35,7	10090
Молдова	21,8	43,4	25,8	8,0	0,6	2,22	30,5	2970

Определения уровня жизни в анкете: 1 — денег не хватает даже на продукты; 2 — на продукты денег хватает, но покупка одежды/обуви вызывает финансовые затруднения; 3 — денег хватает на продукты и одежду, есть некоторые сбережения, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является проблемой; 4 — можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако не можем позволить себе все, что хотим; 5 — можем позволить себе все или почти все.

жизни не у крестьян, а в сводной группе «других». Возможно, за этим — экономия государства на социальной поддержке неработающих и других, не соотносимых с шестью основными трудовыми группами. Иная ситуация — в Польше, Румынии и Молдавии, где уровень жизни группы «других» даже выше, чем у рабочих. Можно также видеть, что самый высокий уровень жизни, в среднем, в восьми странах — у предпринимателей, в пяти — в группе управляющих/администраторов. Отметим, что в числе пяти — Россия и Беларусь, и это, возможно, отражает доминирующую роль в них государства и бюрократии. Лишь в этих двух странах показатель уровня жизни служащих выше, чем у интеллигенции, обычно занимающей в социально-групповой иерархии 3-ю позицию.

Данные табл. 2 позволяют произвести для стран первую оценку имеющегося в них уровня межгруппового неравенства. Его мерой может быть разность D (в баллах шкалы уровня жизни) между максимальным и минимальным значением показателя уровня жизни социальных групп (табл. 2). Значение D минимально в Литве (0,65) и Венгрии (0,83), где по этой оценке уровень межгруппового неравенства невысок. Максимальное значение D — в Румынии (1,59) и Болгарии (1,51), где межгрупповое неравенство велико. При этом в Болгарии полярные по уровню жизни группы — предприниматели и крестьяне, а в Румынии — управляющие и крестьяне.

Однако намного больше информации о благосостоянии и неравенстве групп дает рассмотрение диаграмм (рис. 1), на которых — для каждой из 7 групп — представлено распределение по пяти определенным в анкете уровням жизни. По данным рис. 1 можно оценивать и сходство/различие потребительских ситуаций групп в каждой стране, и сравнивать группы в разных странах, и оценивать степень неоднородности групп. Неравенство становится более различимым и многомерным по объектам сравнения. Не ставя перед собой задачу максимально полного анализа рис. 1, покажем лишь некоторые его возможности.

Так, например, у Словакии видно сходство диаграмм следующих пар групп (и их внутренней структуры по возможностям потребительского поведения): предпринимателей и управляющих/администраторов; интеллигенции и служащих; рабочих и «других». Крестьяне, с их диаграммой, близки к последним двум, образуя с ними нижний уровень трехступенчатой социальной иерархии. Эти же три уровня хорошо видны и в диаграммах Чехии и Беларуси, Латвии и Румынии.

Диаграммы Словакии, Эстонии, Латвии и Румынии ясно проявляют более высокую внутреннюю однородность групп «верхнего слоя» социальной иерархии в сравнении с «нижними». Эта закономерность в той или иной мере видна и на диаграммах других стран. Максимальную внутрigrупповую однородность по уровню жизни обнаруживают предприниматели Эстонии и Польши. Высоко неоднородны все социальные группы в Молдове и Болгарии — в странах с самым низким средним показателем уровня жизни. При этом в Болгарии в двух группах высокого статуса (предприниматели, управляющие) самый частый уровень потребления — 4-й, на фоне высокой доли в трех нижних группах иерархии тех, кому не хватает средств даже на питание. Очевидно, это проявление крайне высокого уровня неравенства в стране. Еще выше контраст между уровнями жизни на верхнем и нижнем уровнях групповой иерархии в Румынии. Противо-

Т а б л и ц а 2. Усредненные по социальным группам показатели уровня жизни 13 стран Европы.

СТРАНЫ	Средняя оценка у/ж (по 5-балл. шкале) в 7 социальных группах:							Максим. различие у/ж соц. групп D	Средний у/ж в стране
	П	У	И	С	Р	Д	К		
Чехия	3,85	3,81	3,71	3,67	3,18	3,16	2,81	1,04	3,41
Словакия	3,85	3,89	3,48	3,46	3,16	3,04	2,89	1,00	3,26
Эстония	3,90	3,62	3,40	3,34	3,14	2,89	3,23	1,01	3,22
Польша	3,73	3,79	3,50	3,24	2,99	3,10	2,92	0,87	3,14
Венгрия	3,58	3,25	3,47	3,18	2,92	2,84	2,75	0,83	3,04
Латвия	3,88	3,56	3,29	3,24	2,89	2,73	2,81	1,15	3,01
Литва	3,41	3,25	3,18	3,16	2,93	2,76	3,00	0,65	2,97
Румыния	3,41	3,61	3,25	3,23	2,63	2,74	2,02	1,59	2,77
Беларусь	3,34	3,48	2,92	2,94	2,68	2,57	2,51	0,97	2,76
Россия	3,20	3,25	2,88	2,90	2,59	2,51	2,34	0,89	2,71
Украина	3,23	3,08	2,83	2,73	2,56	2,48	2,26	0,97	2,63
Болгария	3,43	3,23	2,88	2,56	2,42	2,13	1,92	1,51	2,43
Молдова	2,68	2,55	2,40	2,26	2,23	2,27	1,83	0,85	2,22

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

положностью этим странам с высокой поляризацией является Венгрия, где во всех социальных группах преобладает один уровень потребления — 3-й (денег хватает на питание и одежду/обувь, но мало для покупки товаров длительного пользования), и самая малая доля населения (наряду с Чехией), испытывающего нужду в питании.

Можно заметить, что в ряде стран (Эстония, Россия, Украина, Болгария), по мере продвижения по социальной пирамиде сверху вниз, закономерно снижается доля 4-й группы по уровню жизни (способных покупать вещи длительного пользования).

Отметим и высокое сходство диаграмм крестьян в Чехии и Польше; Словакии и Латвии; Румынии, Болгарии и Молдове — также как пример возможности сравнительного анализа социальных групп и стран.

Анализ уровней благосостояния и неравенства, по-видимому, требует знания и учета доли каждой социальной группы в численности населения каждой страны. Эти данные, как и о размере выборки анкетного опроса в каждой из 13 стран, представлены в табл. 3. Самая многочисленная груп-

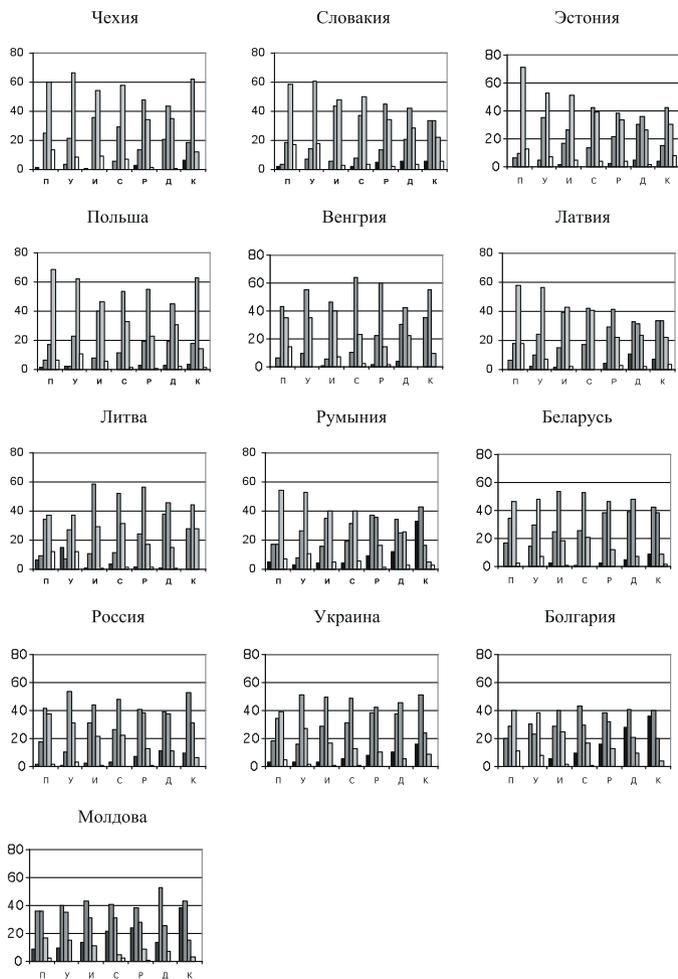

Рис. 1. 13 стран Европы: распределения (в %) по 5 уровням жизни в 7 социальных группах.

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

Порядок следования уровней жизни на диаграммах групп: 1-й (низший; не хватает на продукты), 2-й, 3-й, 4-й, 5-й (высший; могут позволить себе купить все или почти все). См. также примечание к табл. 1.

па во всех странах (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ выборки) — работники физического труда, рабочие (исключение — Беларусь). Второй по численности в большинстве стран оказывается сводная группа «других», затем — интеллигенция и служащие. Управляющие (администраторы) и предприниматели даже суммарно почти везде составляют менее 10% выборки (в Чехии и Эстонии — чуть больше 10%). Это необходимо иметь в виду, составляя представление об уровне благосостояния/неравенства населения рассматриваемых стран по диаграммам с показателями социальных групп.

Динамика уровня жизни социальных групп и их неравенства. Важной составляющей изучения социальной ситуации в посткоммунистических странах является оценка идущих в них *изменений* в уровне жизни населения (он растет или снижается?) — с определением результатов развития для всех составляющих общество социальных групп. Видят ли себя проигравшими какие-то из них, в сравнении с другими, выигравшими? Происходит ли развитие с увеличением неравенства? Анкетное исследование EUREQUAL позволяет получить ответы на эти и другие вопросы, связанные с различиями динамики уровня жизни выделенных социальных групп.

Как уже сообщалось в начале статьи, участникам опроса предлагалось оценить изменение уровня жизни за 5 лет у людей, относящихся к 6 определенным социальным группам. Необходимо отметить, что после вопроса о самоидентификации респондента в предложенном ему групповом пространстве, следующий вопрос анкеты требовал от него как представителя определенной социальной группы определить свое сходство/различие «во взглядах и образе жизни» со всеми другими социальными группами, по отдельности. Это задание приводило к мысленному наполнению респондентами сконструированных групп какими-то типами, образами, примерами, с помещением их в координаты «похожий-другой», «свой-чужой». Участники опроса психологически готовились к оценке изменения уровня жизни за 5 лет не только в своей социальной группе, но и в других, что рядовому человеку сделать обоснованно невозможно в принципе. И, вероятно, эти оценки оказались основанными на отношении к каждой группе как похожей или не похожей на свою, на распространенных представлениях о доле каждой из групп в распределяемых в стране благах и ресурсах, с наложением мнения о степени справедливости этого распределения. Можно предположить, что в оценках изменения уровня жизни социальных групп мы имеем дело с представлением сложной социально-психологической природы, отчасти фантомным, мифическим. Мысли такого рода возникают уже при первом знакомстве с полученными данными.

Т а б л и ц а 3. Социально-групповой состав населения 13 стран (в %).

СТРАНЫ	Объем выборки N (чел.)	Социальные группы (%)						
		П	У	И	С	Р	Д	К
Чехия	994	8,8	5,9	13,3	14,3	42,6	13,4	1,6
Словакия	1032	5,1	2,8	12,4	15,4	33,4	29,1	1,7
Эстония	1057	6,3	4,2	16,0	9,8	39,0	22,2	2,5
Польша	1498	5,5	3,8	8,0	10,6	41,4	19,1	11,5
Венгрия	1030	6,3	2,0	11,3	11,9	51,0	15,5	2,0
Латвия	1001	3,4	4,2	14,6	7,1	47,8	17,5	5,5
Литва	1002	3,4	4,2	14,9	6,3	36,0	28,8	6,3
Румыния	1492	4,2	2,7	11,6	11,9	45,1	11,6	12,8
Беларусь	1000	4,3	3,0	17,0	13,3	26,5	27,7	8,2
Россия	2000	3,8	4,3	13,6	17,5	32,6	25,0	3,3
Украина	1500	4,3	4,2	14,5	12,9	35,8	16,7	11,7
Болгария	1000	3,5	1,3	13,4	18,2	29,0	23,6	11,0
Молдова	1042	4,5	1,9	12,7	4,0	34,5	24,2	18,2

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

В табл. 4 представлены средние для социальных групп и стран оценки изменений уровня жизни за 5 лет, предшествовавших опросу. Они получены при обработке двух вопросов анкеты, по разному подходящих к получению этой информации, хотя и с одной 5-балльной шкалой оценок (отрицательные значения соответствуют снижению уровня жизни, а положительные — повышению).¹ Однако в одном случае респондент оценивает изменение уровня жизни *своей семьи*, безотносительно к социальным группам. В другом, отвечая на шесть однотипных вопросов, респондент оценивает изменения уровня жизни *социальных групп* после определения своей принадлежности к одной из них.² В двух нижних строках таблицы даны результаты этих двух подходов, усредненные по всей совокупной выборке 13 стран. Результат интересен. Оценки, сделанные участниками опроса для групп, сильно отличаются по абсолютной величине от получен-

¹ Позиции шкалы оценок (уровня жизни): снизился значительно (-2), немного (-1), не изменился (0) и симметрично — при повышении (+1, +2).

² Вопросы L6f и блок вопросов G4 (a, b, c, d, e, f).

ных группировкой оценок для семей — при полном совпадении соотношений результатов для групп в обоих подходах. Итог пяти лет оказался в среднем позитивным для четырех социальных групп (предприниматели, управляющие, интеллигенция, служащие) и негативным — для двух (рабочие, крестьяне). При этом уровень жизни максимально вырос у управляющих, хотя на момент опроса самым высоким он был у предпринимателей (табл. 2). Как видим, динамика уровня жизни свидетельствует об усилении позиций управляющих/администраторов в 13 посткоммунистических странах как целом. Этот вывод справедлив и для каждой из 13 стран при использовании оценок, сделанных для групп. Для показателей групп, полученных объединением оценок изменения уровня жизни семей, этот вывод также справедлив в большинстве стран, кроме Словакии и Украины, где за 5 лет наиболее выиграли семьи предпринимателей.

Можно посчитать среднюю оценку результата 5 лет для каждой страны в целом — эти данные приведены в последнем столбце табл. 4. Наиболее успешно развивались три прибалтийские республики: Эстония (со средней оценкой по стране 0,52 балла), Литва (0,41) и Латвия (0,27). В этих странах позитивные оценки преобладают во всех социальных группах. Самый негативный итог 5 лет — в Болгарии (-0,92) и в Венгрии (-0,78). При этом в Болгарии «в минусе» оказались 5 из 7 социальных групп по самооценкам семей («в плюсе» — управляющие и предприниматели), и лишь 2 группы из 6 при оценивании итогов групп. В чем может быть причина такого сдвига, расхождения? Вероятно, это и есть эффект тех социально-психологических механизмов оценивания групп в ситуации неопределенности, существование которых мы предположили, и полагаем, что ближе к реальности оценки итогов развития для семей.

Разница, которая возникает при двух подходах к оценке изменения уровня жизни за 5 лет, варьирует от страны к стране. В табл. 4 она приведена в 3-й строке данных каждой страны. Отметим, что различия двух подходов оценок наиболее велики в Чехии, Болгарии, Украине, России, а минимальны в Словакии, Эстонии, Литве. Однако от анализа средних показателей социальных групп, в поисках ответов на растущее число вопросов, обратимся к более детальному рассмотрению межгрупповых оценок изменения уровня жизни за пять лет.

Матрицы групповых оценок изменения уровня жизни. В табл. 5 данные о перекрестных оценках членами социальных групп изменений в уровне жизни своей и других групп представлены в виде матрицы (на примере России), при этом 5-позиционная шкала для упрощения расчетов

Т а б л и ц а 4. Матричная форма социально-групповой оценки изменений уровня жизни (у/ж) в России за 5 лет (до 2007 г.).

Социальные группы (СГ)		Вес СГ, в %	Оцениваемые (баланс +/- оценок, в %)						Макс. дистанция D _{сг} между СГ
			П	У	И	С	Р	К	
Оценивающие	П	3,8	34,2	42,1	26,3	43,4	2,6	-17,1	60,5
	У	4,3	57,0	47,7	48,8	41,9	17,4	3,5	53,5
	И	13,6	63,2	66,9	23,5	38,6	2,2	-20,9	87,8
	С	17,5	62,6	66,0	42,3	32,2	2,6	-18,9	78,9
	Р	32,6	66,8	71,4	50,8	52,4	-12,9	-30,1	101,5
	К	3,3	50,8	53,8	58,4	52,3	-7,7	-35,3	93,7
	Д	25,0	51,0	54,2	30,6	34,6	-8,6	-25,8	80,0
Внеш. (out) оценка у/ж			60,5	63,6	42,4	43,8	-1,2	-23,7	87,3
Дистанция между оценками у/ж (out — in)			26,3	15,9	18,9	11,6	11,7	11,6	

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

сведена к 3-позиционной.¹ В строке — данные об ответах *оценивающих*, в столбце — данные об *оцениваемых*, оценки их уровня жизни разными оценивающими. В ячейке — сумма оценок уровня жизни, сведенных к 3 вариантам: уровень жизни вырос (+1), не изменился (0), снизился (-1). Так при оценке управляющими изменений у рабочих, тех, кто полагал, что уровень жизни рабочих за 5 лет вырос, а не снизился, оказалось на 17,4% больше. Среди рабочих же, наоборот, на 12,9% оказалось больше считающих, что уровень жизни в их группе *снизился*. При оценке изменения уровня жизни предпринимателей во всех группах заметно больше считающих, что он повысился. Со стороны рабочих — на 66,8% (чем ответов «снизился»). Оценки своей группы предпринимателями тоже оказались «в плюсе», но на 34,2% — меньше, чем при их оценке представителями всех других групп. Диагональ матрицы — оценки группами самих себя (внутренние оценки или оценки-in). Они обычно ниже оценок другими (внешних,

¹ Вопросы анкеты G4 (a, b, c, d, e, f); упрощение шкалы: уровень жизни повысился/понижился/не изменился (+1/-1/0).

оценок-out). С учетом веса групп в выборке можно посчитать для каждой (кроме «других») суммарную/среднюю внешнюю оценку — она приведена в табл. 5. Можно ожидать, что разница между «внутренними» и «внешними» оценками групп способна служить характеристикой ситуации в стране. И этот показатель окажется относительно большим в странах с высоким уровнем социального неравенства. Связь с уровнем неравенства в стране видна также в значении максимальной дистанции между оценками в каждой строке Dcg. И при оценке итогов 5 лет рабочими неравенство между социальными группами выше ($Dcg = 101,5$), чем с оценками управляющих ($Dcg = 53,5$).

Анализ аналогичных матриц всех 13 стран позволил увидеть общие закономерности. Как правило, самые высокие/оптимистичные оценки изменений уровня жизни рабочих, как и в России, дают в группе управляющих (в 9 из 13 стран). Очевидно, это упрощает доминирующей группе извлечение из развития максимума выгоды для себя, поскольку рабочие — самая массовая группа низа социальной иерархии. Другое наблюдение: три группы низа социальной иерархии — рабочие, крестьяне и «другие» — самые близкие к внутренним оценкам внешние оценки получают друг от друга. Скорее всего, помимо отражения объективного положения, в этом проявляется еще и их солидарность.

Матрицу групповых оценок можно сжать до краткой, но информативной сводки, позволяющей увидеть главные динамические показатели всех 13 стран проекта (табл. 6). Если в табл. 4 были представлены лишь средние значения для групп, то в табл. 6 — данные о различии внутренних и внешних оценок динамики уровня жизни групп за 5 лет, которые иначе и полнее отражают межгрупповое неравенство. Табл. 6 содержит 260 показателей, отражающих влияние на изменение уровня жизни трех факторов (страна, соц. группа, позиция оценивающих относительно групп), которые в цифровой/табличной форме и обозреть в целом, и сравнить по разным основаниям оказывается уже крайне сложной задачей. Поэтому одновременно эти же данные представлены в виде диаграммы (рис. 2) — для привлечения возможностей визуального восприятия и оценки столь сложного объекта.

В результате нетрудно увидеть, что, во-первых, среди 13 стран в четырех итогом 5 лет стало *повышение уровня жизни* всех 6 определенных социальных групп (Эстония, Литва, Латвия и очень близкая к ним в этом отношении Беларусь), причем по оценкам как внутренним так и внешним. При этом наиболее высокий рост во все группах показала Эстония, а в Лит-

Т а б л и ц а 5. Изменения уровня жизни за 5 лет (к 2007 году) при выполнении оценок в семьях и в социальных группах: средние показатели групп (в баллах).

СТРАНЫ	Объект оценки у/ж	Социальные группы							Среднее изменение у/ж в стране
		П	У	И	С	Р	К	Д	
Чехия	Δf_{am} в семьях	0,24	0,48	0,41	0,21	-0,17	-0,63	-0,21	0,02
	Δg в соц. группах	1,13	1,52	1,18	0,84	-0,12	-0,59		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,89	1,04	0,77	0,63	0,05	0,04		
Словакия	Δf_{am} в семьях	0,68	0,43	0,29	0,20	0,01	-0,11	-0,14	0,08
	Δg в соц. группах	0,64	0,70	0,63	0,41	-0,16	-0,29		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	-0,04	0,27	0,34	0,21	-0,17	-0,18		
Эстония	Δf_{am} в семьях	0,86	0,98	0,72	0,58	0,46	0,28	0,29	0,52
	Δg в соц. группах	1,26	1,43	1,14	0,81	0,53	0,24		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,40	0,45	0,42	0,23	0,07	-0,04		
Польша	Δf_{am} в семьях	0,26	0,49	0,17	-0,05	-0,06	-0,22	-0,16	-0,04
	Δg в соц. группах	0,93	1,13	0,83	0,47	-0,19	0,05		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,67	0,64	0,66	0,52	-0,13	0,27		
Венгрия	Δf_{am} в семьях	-0,67	-0,10	-0,31	-0,64	-0,95	-0,95	-0,79	-0,78
	Δg в соц. группах	-0,40	0,50	0,19	-0,25	-1,30	-1,15		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,27	0,60	0,50	0,39	-0,35	-0,20		
Латвия	Δf_{am} в семьях	0,73	0,90	0,46	0,39	0,20	0,06	0,09	0,27
	Δg в соц. группах	1,02	1,06	0,90	0,84	0,42	-0,06		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,29	0,16	0,44	0,45	0,22	-0,12		

Литва	Δf_{am} в семьях	0,56	0,71	0,60	0,59	0,43	0,41	0,18	0,41
	Δg в соц. группах	1,06	1,17	0,95	0,82	0,48	0,41		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,50	0,46	0,35	0,23	0,05	0,00		
Румыния	Δf_{am} в семьях	0,51	0,95	0,46	0,45	-0,05	-0,53	-0,09	0,05
	Δg в соц. группах	0,69	1,12	0,44	0,49	-0,45	-0,87		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,18	0,17	-0,02	-0,04	-0,40	-0,34		
Беларусь	Δf_{am} в семьях	0,20	0,33	0,08	0,37	0,01	-0,14	-0,24	0,01
	Δg в соц. группах	0,52	0,88	0,58	0,59	0,06	-0,05		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,32	0,55	0,50	0,22	0,05	0,09		
Россия	Δf_{am} в семьях	0,28	0,45	0,20	0,25	-0,17	-0,40	-0,25	-0,02
	Δg в соц. группах	1,05	1,08	0,55	0,60	-0,19	-0,48		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,77	0,63	0,35	0,35	-0,02	-0,08		
Украина	Δf_{am} в семьях	0,30	0,21	0,01	0,07	-0,12	-0,40	-0,28	-0,11
	Δg в соц. группах	0,91	0,96	0,59	0,60	-0,32	-0,71		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,61	0,75	0,60	0,53	-0,20	-0,31		
Болгария	Δf_{am} в семьях	0,26	0,38	-0,33	-0,47	-0,62	-0,69	-0,92	-0,58
	Δg в соц. группах	0,95	1,12	0,50	0,19	-0,73	-1,03		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,69	0,74	0,88	0,66	-0,11	-0,54		
Молдова	Δf_{am} в семьях	0,19	0,26	0,08	-0,38	-0,10	-0,30	-0,05	-0,09
	Δg в соц. группах	0,48	0,79	0,42	0,62	-0,54	-0,76		
	$\Delta g - \Delta f_{am}$	0,29	0,53	0,34	1,00	-0,44	-0,46		
Во всей выборке	Δf_{am} в семьях	0,31	0,53	0,23	0,12	-0,10	-0,32	-0,19	
	Δg в соц. группах	0,81	1,04	0,67	0,54	-0,21	-0,43		

ве, на фоне общего улучшения, минимальны различия между группами по результатам развития ($\Delta_{in} = 24,8$; $\Delta_{out} = 38,0$). В 9 других странах уровень жизни у части групп понизился, у части — повысился. К четверке стран-лидеров развития без явных групп-аутсайдеров наиболее близки в этом отношении Словакия и Польша, но в Польше заметно выше дистанция между внешними и внутренними оценками групп. Вероятно, это свидетельство более острого восприятия группами своего неравенства в Польше. В Чехии довольно высокий рост уровня жизни 4 социальных групп верха/середины социальной иерархии имел место на фоне его заметного снижения у крестьян, а также при сильном расхождении внутри- и внешнегрупповых оценок развития ($\Delta_{out} = 120,0$). Но лидерами роста неравенства и социально-групповой поляризации оказываются по данным анкетного опроса EUREQUAL (табл.6, рис.2): Румыния ($\Delta_{in} = 164,7$; $\Delta_{out} = 112,6$), Болгария ($\Delta_{in} = 121,5$; $\Delta_{out} = 117,3$) и Венгрия ($\Delta_{in} = 115,0$; $\Delta_{out} = 104,7$). Состояние последней можно определить как острый кризис развития, которое для большинства рассматриваемых групп обернулось снижением уровня жизни (в 5 из 6, по оценкам-in). Россия же по оценкам развития и динамике неравенства ($\Delta_{in} = 83,0$; $\Delta_{out} = 87,3$), оказывается, примерно, на 6–7 месте рядом со Словакией, Польшей, Украиной.

СРАВНЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ В СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ СО СРЕДНИМ В СТРАНЕ. Еще один подход к социально-групповому измерению уровня жизни и неравенства открывает анализ данных о сравнении уровня жизни семьи респондента «со средним уровнем жизни людей в стране в целом». Сравнение производилось с чем-то воображаемым, реальное состояние чего респондент знать не мог в принципе. Тем не менее, каждый участник опроса ответ на заданный вопрос дал, воспользовавшись шкалой сравнения с 7 позициями.¹ Эти ответы мы сравнили с реальной позицией домохозяйств относительно среднего², найденной по данным опроса в каждой из 13 стран (табл. 7). В третьем столбце этой таблицы — средние для стран показатели, которые везде оказались меньше нуля (от -0,17 в Словакии до -1,22 в Болгарии) при диапазоне возможных значений от +3 до -3. Это свидетельствует о том, что респонденты всех стран, *в целом*, дали заниженные оценки уровня жизни своей семьи и уровень занижения различен

¹ Вопрос L7е анкеты, с 7-ю позициями шкалы: существенно ниже среднего, заметно ниже среднего, немного ниже среднего, средний и симметрично — в сторону превышения. Позиция «средний» взята при анализе за 0.

² Реальное распределение домохозяйств по уровню жизни — в ответах на вопрос L7с, о чем уже сообщалось в начале статьи.

Т а б л и ц а 6. Социально-групповые оценки изменения уровня жизни за 5 лет (к 2007 году)

СТРАНЫ	Показатели изменения (Δ) у/ж СГ	Социальные группы (СГ)						Макс. ди- станция Dcg между СГ по изменению у/ж
		П	У	И	С	Р	К	
Чехия	оценка-in (Δ_{in})	58,3	60,8	45,2	46,4	-14,7	-34,0	94,8
	оценка-out (Δ_{out})	74,1	84,7	77,3	66,3	7,3	-35,3	120,0
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	15,8	23,9	32,1	19,9	22,0	-1,3	
Словакия	оценка-in (Δ_{in})	47,2	57,7	53,1	23,3	-9,6	-22,0	79,7
	оценка-out (Δ_{out})	60,4	63,7	59,6	41,2	0,6	-14,1	77,8
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	13,2	6,0	6,5	17,9	10,2	7,9	
Эстония	оценка-in (Δ_{in})	76,6	81,4	69,5	61,0	46,4	26,9	54,5
	оценка-out (Δ_{out})	70,2	76,2	76,3	58,4	47,6	20,0	56,3
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	-6,4	-5,2	6,8	-2,6	1,2	-6,9	
Польша	оценка-in (Δ_{in})	35,4	71,9	27,7	17,7	-16,4	-13,4	88,3
	оценка-out (Δ_{out})	65,6	71,3	56,7	40,3	0,6	14,1	70,7
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	30,2	-0,6	29,0	22,6	17,0	27,5	
Венгрия	оценка-in (Δ_{in})	-73,4	10,0	-11,4	-52,5	-82,9	-95,0	115,0
	оценка-out (Δ_{out})	-21,5	33,5	17,9	-11,9	-71,2	-63,2	104,7
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	51,9	23,5	29,3	40,6	11,7	-31,8	
Латвия	оценка-in (Δ_{in})	55,9	73,8	64,4	59,2	37,7	-1,8	75,6
	оценка-out (Δ_{out})	68,3	70,1	68,0	62,4	42,1	0,0	70,1
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	12,4	-3,7	3,6	3,2	4,4	1,8	
Литва	оценка-in (Δ_{in})	35,3	50,0	60,1	39,7	37,0	41,3	24,8
	оценка-out (Δ_{out})	33,3	71,3	66,5	58,4	46,3	33,4	38,0
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	-2,0	21,3	6,4	18,7	9,3	-7,9	

Румыния	оценка-in (Δ_{in})	33,3	81,6	27,7	25,9	-32,1	-83,1	164,7
	оценка-out (Δ_{out})	46,2	68,4	36,2	41,3	-25,0	-54,2	112,6
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	12,9	-13,2	8,5	15,4	7,1	28,9	
Беларусь	оценка-in (Δ_{in})	-2,3	36,7	28,2	38,3	7,9	-3,6	41,9
	оценка-out (Δ_{out})	31,4	48,3	33,7	39,0	9,4	2,8	51,1
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	33,7	11,6	5,5	0,7	1,5	6,4	
Россия	оценка-in (Δ_{in})	34,2	47,7	23,5	32,2	-12,9	-35,3	83,0
	оценка-out (Δ_{out})	60,5	63,6	42,4	43,8	-1,2	-23,7	87,3
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	26,3	15,9	18,9	11,6	11,7	11,6	
Украина	оценка-in (Δ_{in})	34,4	47,6	22,7	24,4	-9,9	-54,6	92,2
	оценка-out (Δ_{out})	58,3	60,8	45,2	46,4	-14,7	-34,0	94,8
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	23,9	13,2	22,5	22,0	-4,8	20,6	
Болгария	оценка-in (Δ_{in})	25,8	66,7	-3,8	-2,2	-54,8	-50,5	121,5
	оценка-out (Δ_{out})	52,4	62,1	37,7	17,8	-28,3	-56,2	117,3
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	26,6	-4,6	41,5	20,0	26,5	-5,7	
Молдова	оценка-in (Δ_{in})	-2,1	35,0	6,9	40,5	-34,8	-59,5	94,5
	оценка-out (Δ_{out})	38,0	51,8	36,8	42,7	-28,1	-35,9	87,7
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	40,1	16,8	29,9	2,2	6,7	23,6	

в каждой стране. Посмотрим — где больше, где меньше. Результат усреднения по стране определен соотношением числа оценок трех типов: выше, ниже и равных среднему. Последние две представлены в табл.7. Видно, что доля тех, кто определил уровень жизни своей семьи примерно равным среднему в стране, наиболее велик в Венгрии (59,2%), Польше (55,5%), Словакии (55,2%). Выше 50% он также в Чехии и Беларуси. А минимальна доля семей, относящих себя к средним, в Болгарии (28,6%) и Украине (33,1%) — странах определенно бедных и кризисных, как мы уже отмечали по разным показателям. Соответственно в этих же странах диаметрально различна и доля семей, посчитавших, что их уровень жизни ниже среднего. Таких менее всего в Чехии и Словакии, и много в Болгарии, Украине, России (свыше 50%). Доля тех, кто считает свой уровень жизни ниже среднего в стране, сильно связана на всем анализируемом множестве 13 стран

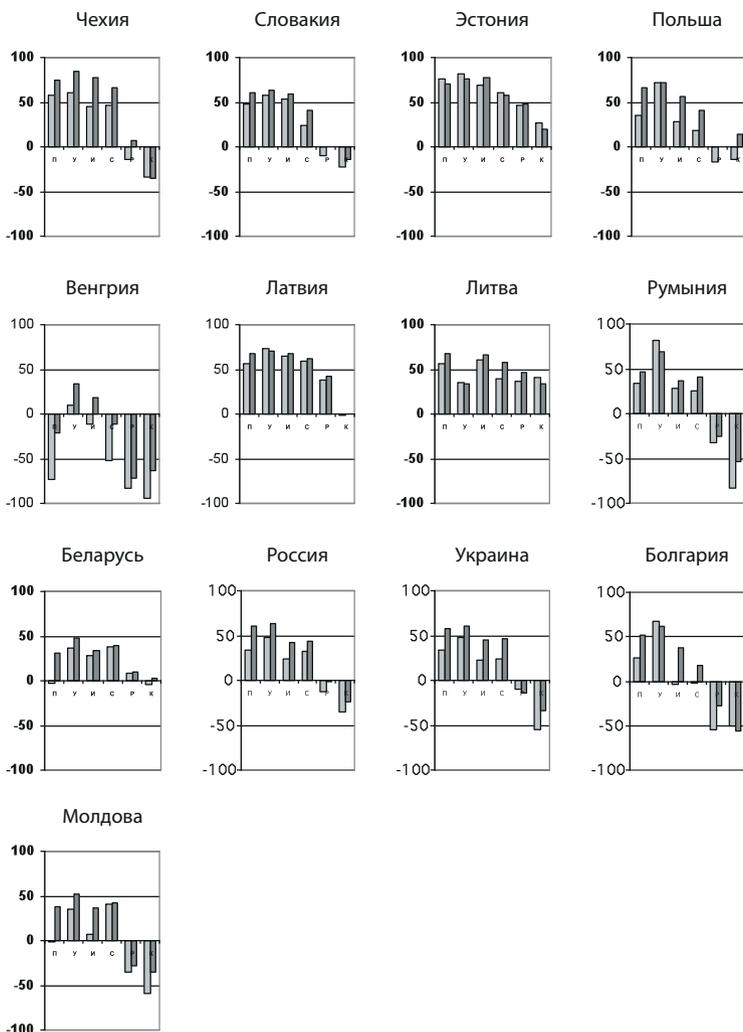

Рис. 2. Оценка изменения уровня жизни 6 социальных групп в 13 странах Европы за 5 лет

(к 2007 году) в самих группах (□, оценка-in) и внешняя (■, оценка-out).

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

с оценкой этого среднего: $R = -0,830$ ($p < 10^{-3}$). С другой стороны, во всех странах оценка уровня жизни в соотношении со средним обнаруживает более сильную связь с оценкой уровня неравенства в стране по доходам¹, чем непосредственные данные об уровне жизни (см. три последних столбца табл. 7). Это ясно свидетельствует о чувстве неравенства как имеющем природу относительной депривации.

Мера этого чувства в рассматриваемых нами в данной статье социальных группах — в каждой из 13 стран — представлена в диаграммах рис.3. В левой части каждой диаграммы — столбцы распределения средних оценок уровня жизни 7 социальных групп относительно общего среднего уровня для страны, существующего в представлении респондентов, а 7 столбцов справа — *реальное* распределение средних показателей групп (расчет по данным опроса). Диапазон значений шкалы диаграмм от -2 до +2 выбран с учетом реальных *средних* значений (хотя для индивидуальных оценок служила шкала от -3 до +3). Величина расхождения в каждой стране картины, существующей в воображении населения, и реальной может быть определена по разности значений в правой и левой части диаграмм с учетом весовой доли групп в численности населения. Рассматривая эту разность как источник депривации населения (вызываемой бедностью/неравенством), при подсчете ее показателя/уровня Δd для страны в целом учитывали лишь случаи занижения группой своего уровня (такие исключения были редкими²). Полученные значения Δd приведены на рис. 3 рядом с названиями стран, диаграммы которых размещены в порядке увеличения Δd (в отличие от рис. 1 и 2); как мы полагаем — в порядке роста относительной депривации, вызванной комплексом ощущений бедности и неравенства у части населения каждой страны.

При такой оценке наиболее благополучными оказываются Словакия ($\Delta d = 14,9$), Польша ($\Delta d = 23,7$), у которых диаграммы социальных групп довольно сходны и по итогу сравнения уровня жизни семей со «средним в стране», и по расчету данных опроса. Последними в ранжированном так ряду оказались Болгария ($\Delta d = 124,3$), Украина ($\Delta d = 103,9$) и Россия ($\Delta d = 90,8$). Примечательна высокая 5-я позиция Беларуси, оказавшейся из всех постсоветских стран самой близкой к четверке стран-лидеров. Самая богатая по PPP (Purchasing Power Parity) Чехия потеряла первое место, по-

¹ Вопрос-суждение В7 (с 5 позициями шкалы согласия/несогласия): «Согласны ли Вы со следующим утверждением: Различия доходов в нашей стране слишком велико».

² Исключения: 1 социальная группа в Словакии и по 2 в Польше и Литве.

Т а б л и ц а 7. Сравнение уровня жизни семьи со средним в стране (по мнению респондента) и оценка существующего в стране уровня неравенства по доходам.

СТРАНЫ	Средний у/ж реально (балл.)	Оценка позиции у/ж семьи относительно среднего в стране			Оценка раз-личий доходов (балл.)	Корреляция оценки различий доходов и у/ж ...	
		(балл.)	равен ср. (доля, %)	ниже ср. (доля, %)		реального	относит. среднего в стране
Чехия	3,41	-0,33	51,6	13,4	3,48	0,206	0,266
Словакия	3,26	-0,17	55,2	24,2	3,67	0,126	0,162
Эстония	3,22	-0,52	38,5	39,5	3,57	0,107	0,188
Польша	3,14	-0,22	55,5	26,3	3,54	0,093	0,120
Венгрия	3,04	-0,39	59,2	30,5	3,72	0,072	0,158
Латвия	3,01	-0,61	43,8	43,7	3,59	n/s	0,111
Литва	2,97	-0,45	44,0	37,1	3,41	0,115	0,203
Румыния	2,77	-0,73	36,9	47,1	3,48	0,122	0,138
Беларусь	2,76	-0,43	51,3	34,2	2,82	0,129	0,187
Россия	2,71	-0,91	37,6	53,0	3,56	0,104	0,172
Украина	2,63	-1,04	33,1	60,6	3,57	0,069	0,136
Болгария	2,43	-1,22	28,6	64,1	3,68	0,214	0,235
Молдова	2,22	-0,80	43,3	46,5	3,11	n/s	0,097

скольку выше среднего считают свой уровень жизни в большинстве семей предпринимателей, управляющих и интеллигенции, но в группах рабочих, служащих, крестьян и «других» больше тех, кто уровень жизни своей семьи оценил ниже среднего. В Румынии выше среднего оценили свой уровень жизни лишь управляющие, которых в выборке этой страны менее 3%. А в России, Украине, Молдавии ниже среднего по стране живет большинство во всех группах — по мнению их представителей. Очевидно, что все группы быть ниже среднего по стране реально не могут, это результат относительной депривации большинства населения. При сравнении со средним уровнем жизни в стране здесь, по-видимому, особенно заметен вклад нормативной составляющей, отражающей степень притяжения среднего, согласия с ним. Когда реальный средний уровень жизни, низкий, вызывает у многих протест, это может выражаться в завышении среднего в массовых оценках, с результатом, прочитываемым как «мы все живем ниже среднего». Этот эффект могут снижать привычка к бедности и ее глубина,

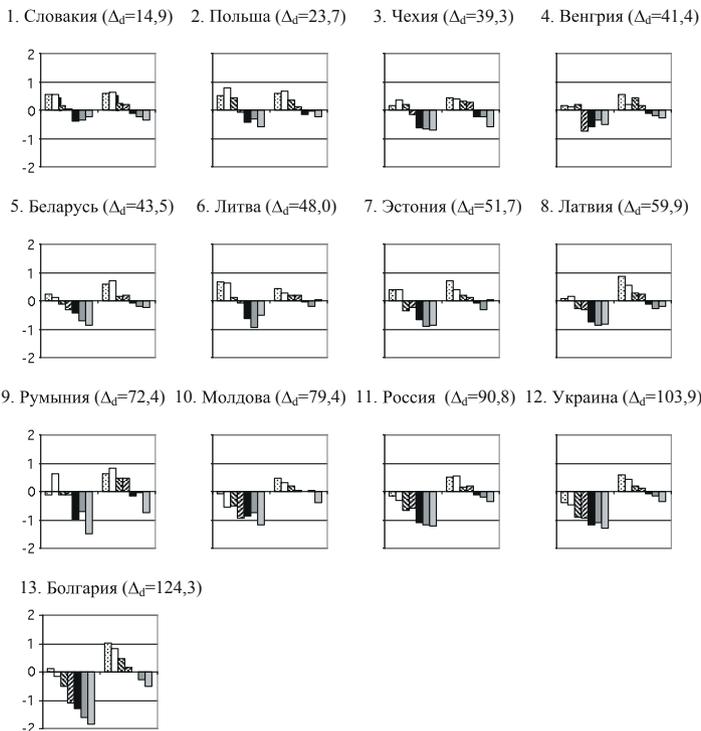

Рис. 3. Сравнение уровня жизни семьи респондента в 7 социальных группах со средним

в стране — представляемым и реальным (на диаграммах — слева и справа).

1. Словакия ($\Delta d=14,9$) 2. Польша ($\Delta d=23,7$) 3. Чехия ($\Delta d=39,3$) 4. Венгрия ($\Delta d=41,4$)

5. Беларусь ($\Delta d=43,5$) 6. Литва ($\Delta d=48,0$) 7. Эстония ($\Delta d=51,7$) 8. Латвия ($\Delta d=59,9$)

9. Румыния ($\Delta d=72,4$) 10. Молдова ($\Delta d=79,4$) 11. Россия ($\Delta d=90,8$) 12. Украина ($\Delta d=103,9$)

13. Болгария ($\Delta d=124,3$)

Порядок следования социальных групп на диаграммах:

слева направо — П, У, И, С, Р, Д, К (распределение относительно представляемого среднего); и далее снова — П, У, И, С, Р, Д, К (распределение относительно реального среднего).

Обозначения групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

что, вероятно, проявилось в показателе Δd Молдовы (10-е место на рис. 3 вместо последнего 13-го в табл. 1 и на рис. 1).

Обратим внимание, что ранжирование по показателю Δd сделало соседями на рис. 3 как раз те страны, которые близки территориально и культурно. Возможно, сложный комплекс качеств/характеристик населения стран в целом и выделенных в опросе шести социальных групп отражает меняющееся соотношение социо-культурных вкладов Запада и Востока, которое существует в географическом макространстве.

Подведем итог. Анализ данных об уровне жизни профессионально-статусных социальных групп населения стран посткоммунистической Европы показал богатые возможности спектрального и матричного подходов для выявления и измерения их сходства/различия. Социо-структурная картина получается многоаспектной и проявляет как локальные и специфические черты отношений между социальными группами, так и общее в процессе продолжающихся на посткоммунистическом пространстве изменений — усиление позиций управляющих/администраторов во всех рассмотренных странах.

«Референтные страны» в восприятии социального неравенства (На материалах российских и белорусских фокус групп)

Название доклада — «Референтные страны в восприятии социального неравенства», и хотя термина «референтные страны» не существует, но по аналогии с референтной группой он, на мой взгляд, наиболее полно описывает тот феномен, который я хотела бы описать.

Как известно, понятие референтных групп было введено в научный дискурс Гербертом Хаймоном еще в 1942 г., и оно очень часто используется в различных направлениях социологии. Наиболее подробно и полно теорию референтных групп развил в своих работах Роберт Мертон. По Мертону, референтные группы — это сообщества, представляющие интересы, установки, ценности, на которые ориентируются индивиды; такие группы, к которым индивид может принадлежать или не принадлежать, но на которые он ориентируется в формировании своих установок и конструировании поведения.

Классификация референтных групп достаточно обширна, в частности, различают нормативные (выступающие источником норм, своеобразным ориентиром) и сравнительные (являющиеся эталоном в оценках себя и окружающих) группы. Также существует такое понятие как идеальная (эталонная) референтная группа — то есть группа, на мнение которой индивид ориентируется в своем поведении, в оценках важных для него событий, но в состав которой он по каким-либо причинам не входит. Такая группа может быть как реальной, так и воображаемой, социально сконструированной.

Почему представляется возможным ввести термин «референтные страны»? В рамках проекта Евросоюза «Социальное неравенство и что оно означает для жителей Восточной и Центральной Европы» в 2006-2007 гг. были проведены восемь фокус-групп (четыре в России и четыре в Беларуси), по две в крупном городе и сельской местности.¹ В ходе проведения

---

¹ В каждой фокус группе участвовало по 12 человек, четыре группы проведены с респондентами со средним доходом, четыре — с низким доходом. Выборка

этих фокус-групп респонденты достаточно часто ссылались или по разным поводам приводили в пример различные страны, причем такие ссылки демонстрировали, что та или иная страна, точнее, сложившиеся в ней социальные нормы и практики являются для конкретного индивида своего рода эталонными, то есть представляются идеалом для сравнения. Поэтому мне показалось весьма любопытным проследить, какие именно страны упоминались, в каком контексте и с какими коннотациями.

Я употребляю термин «референтные страны», а не просто референтные группы — потому что в данном случае определяющим является не принадлежность к какой-либо социально-профессиональной группе, общности, а именно проживание в другой стране.

Как уже было сказано выше, эмпирической базой для доклада послужили российские и белорусские фокус-группы. Так как, исходя из задач проекта, все респонденты принадлежали к низко и средне обеспеченным слоям населения, то есть, как правило, к группам, живущим в относительной бедности, социальное конструирование «референтных стран» происходило достаточно часто. Как мы знаем из теории, в ходе сравнения с референтной группой оценка собственного положения в обществе и достигнутого жизненного уровня зачастую приводит к осознанию того, что группа, к которой принадлежит индивид, не соответствует идеальной. Это, в свою очередь, может порождать чувство относительной депривации — неудовлетворенности, связанной с разрывом между тем, что индивид имеет (обстоятельства, сопутствующие его принадлежности к определенной группе), и тем, что, по его мнению, он должен был бы иметь (положение, характерное для референтной группы).

В данном докладе в качестве референтных рассматриваются только зарубежные страны, хотя вполне понятно, что главной «референтной страной» для Белоруссии является нынешняя Россия, а для респондентов обеих стран — бывший СССР. Сравнению с СССР в сценарии фокус-групп был посвящен отдельный блок вопросов, и его анализ будет проведен отдельно.

Итак, в качестве «референтных» наши респонденты называли различные страны — чаще всего это был обобщенный «Запад», но, кроме этого упоминались и конкретные страны — Америка, Германия, Швеция, Франция, Голландия и другие. Всего было названо 17 различных стран.

Значительно чаще сравнения с другими странами использовали респонденты из Белоруссии. В России такие ссылки встречались намного

была выровнена по полу, возрасту и занятости.

реже. Вполне предсказуемо, что чаще сравнения давались в городских группах (всего 15 в России и 29 в Белоруссии), нежели в сельских. Кроме того, в двух сельских фокус-группах — одной российской и одной белорусской — таких сравнений вообще не делали.

Перед тем, как перейти к анализу содержательной части этих сравнений, рассмотрим те источники информации, которыми пользовались респонденты, апеллируя к другим странам. Для конструирования «референтной страны», естественно, необходимо определенное знание, которое индивид получает по ряду каналов. На первом месте среди информационных каналов идут различные масс-медийные институты — прежде всего, телевидение, затем радио, пресса и так далее. Был упомянут также и Интернет, хотя это не совсем характерно для тех социальных групп, в которых проводились фокус-группы («вот люди смотрят по телевизору», «вот, показывали, в Швейцарии...»).

Вторым по частоте каналом являлись непосредственные контакты с информантами — друзьями, знакомыми, родственниками, которые побывали или живут в других странах («у меня много друзей в Прибалтике живет», «моя знакомая поехала в Америку»). В данном случае можно сказать, что информацию о «референтных странах» наши референты получали через свои референтные группы.

И, наконец, на последнем месте идет информация, основанная на собственном опыте («вот я был в Польше», «приезжаешь в Турцию», «я работал и жил в Швеции»). Вполне понятно, что в тех социальных группах, к которым принадлежали участники фокус-групп, таких индивидов меньшинство, но и они встречались.

Еще два довольно интересных источника информации, который упомянули респонденты: первый — это специальный семинар, на котором была получена информация о жизни в Швеции, а второй — лекция о Японии лектора ЦК компартии Белоруссии, на которой респондент присутствовал еще в СССР.

С одной стороны, все сравнения (за редким исключением) носили положительный характер, то есть «референтные страны» в глазах наших респондентов имели, как правило, позитивный имидж. Но с другой стороны, на этом фоне те или иные недостатки в своих странах приобретали более значимый характер, недаром в высказываниях преобладали эмоционально негативные определения: «нищие там живут лучше, чем мы», «эта идеология — это совершенно там никому не надо!», «они умные люди, и они достигли», «там выгодно получать образование... а у нас такого пока нет».

Теперь попробуем классифицировать те темы, которые послужили поводом для сравнений. Обсуждение проблем социального неравенства было достаточно широким, и по многим затрагиваемым в дискуссии острым проблемам у респондентов находились примеры. Все темы для сравнения можно разделить на следующие три рубрики:

1. Сравнение действий властей, государства в целом.
2. Сравнение возможностей населения, индивида, в том числе сравнение заработной платы специалистов.
3. Социальный протест.

Чуть подробнее остановимся на каждой рубрике.

1. Сравнение действий властей.

Как уже было отмечено в ряде докладов и статей, основанных на данном эмпирическом материале¹ и в России и в Белоруссии обсуждение деятельности правительства и властей на всех уровнях в связи с проблемами социального неравенства носило весьма критический характер. Участники фокус-групп полагали, что в правительстве никто не заинтересован в решении проблем социального неравенства, среди чиновников высок уровень коррупции, а власти обеих стран используют свои возможности, прежде всего, для реализации своих собственных интересов.

Отличием российских и белорусских фокус-групп явилось то, что для белорусских респондентов равенство прав, равенство перед законом оказалось более значимым фактором социальной справедливости. Соблюдение законности — острая проблема в Белоруссии, поэтому о подотчетности чиновников на Западе и в Белоруссии говорил респондент из белорусского села:

Иван (м, 23): Вот почему чиновники в западных странах — не дай Бог там малейший скандал, где-то что-то украл, или что-то неправильно сказал — они сразу уходят в отставку. Потому что у них перспективы больше нет, за них не пойдут голосовать. А что у нас творится? Наши чиновники там накрали, их судили, чуть ли не посадили, а потом с одной

---

¹ См., например, ЕРЕМИЧЕВА Г.В., ЕВДОКИМОВА Е.П., КОРНЕВ Н.Р., ИГНАТОВА С.Н., ПОРЕЦКИНА Е.М. Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси). // В сб. Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 145-171. ЕРЕМИЧЕВА Г.В. Восприятие социо-культурного неравенства представителями разных поколений. // Вторые социологические чтения памяти В.Б.Голофаства. Социология: вчера, сегодня и завтра. СПб. С. 192-201

работы сняли, а на другую посадили. Еще выше поставили. (ФГ8, Белоруссия, село, средний доход)

Недовольство респондентов в обеих странах вызывали размеры пенсий и социальных пособий (в том числе пособия по безработице), поэтому сразу же проводились сравнения не в пользу России или Белоруссии.

Александр-2 (м, 33): (...) Все знают, что такое Голландия. Там уровень культуры очень большой. Если человек там получает определенную зарплату и отдает налоги, то он знает, что эти налоги уходят не куда-то там, а перечисляются на пенсии и нужды населения. Это твой гарант — твой налог. У тебя нет завтра работы, то ты получишь пособие. А у нас в стране такого нет. (ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)

Елена (ж, 62): Я была в Финляндии, в Германии. Там пенсионеры очень хорошо проводят время. Они с пенсии могут позволить себе и оплатить квартиру, и поехать во Францию, в Италию отдохнуть. Они не сидят дома, они путешествуют. А мы, пенсионеры, вынуждены где-то подрабатывать, потому что низкий прожиточный минимум, и мы почти все работаем. (ФГ2, Россия, город, низкий доход)

Татьяна-1 (ж, 56): Это не относительно моей пенсии. Пенсии — это вообще особый разговор в нашей стране! Мне по радио сказали, что моя пенсия ниже, чем содержание заключенного в Европе. Поэтому о моей пенсии сейчас речь не идет. (ФГ1, Россия, город, средний доход)

Еще один острый вопрос для респондентов Белоруссии — состояние сельского хозяйства. В отличие от России, проблемы сельского населения волнуют как сельских, так и городских жителей Белоруссии. Территориальная компактность страны, тесные родственные и дружеские связи дают больше возможностей для сравнения уровня жизни в городе и деревне. Вполне понятно, что по поводу такой насущной проблемы у респондентов также нашлись сравнения.

Владимир-2 (м, 44): (...) ...на Западе так примерно и есть: сельское население составляет там 20 процентов. И там работают не так, как у нас в колхозе. Там небольшое фермерское хозяйство, которое нанимает сезонных рабочих, плюс сами работают с утра до ночи. И прибыли там большие. И опять же, без государственной помощи ни одно западное фермерское хозяйство не идет, без дотаций. (ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)

Юрий (м, 41): У них фермерам помогают. У них основа сельского хозяйства — фермеры. Они ездят на тракторах, у них морковь — ого! А потом

в костел пошел в воскресенье. Все супер! А у нас полный хаос. (ФГ4, Белоруссия, город, низкий доход)

Еще одна из заметных социальных проблем для населения Белоруссии — государственное контролирование доходов. Ограничение размеров заработной платы, прогрессивная шкала налогообложения в том виде, в каком она существует в стране, только увеличивает разрыв в благосостоянии между простыми работниками и власть имущими, так как свои возможности представители правящего класса ограничивают мало. Конечно, сравнения с западными странами у респондентов тут напрашивались сами собой.

Александр-2 (м, 33): (...) Билл Гейтс — самый крупный миллиардер на планете. Вот скажи ему, что Билл — твоя планка миллиард в год, и больше тебе нельзя зарабатывать. Не знаю, экономика сразу же страны немного упадет, потому что он же тоже налоги платит какие-то. Если ты будешь зарабатывать миллион долларов, то у тебя и налог тоже будет соответствующий с этого. Идут специальные отчисления на науку, образование. Если я хочу заработать, то почему нет, если я способен к этому. Если я хочу зарабатывать миллион, и у меня получается, то кто мне может запретить. (ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)

Обсуждение проблем социального неравенства иногда заставляло участников задуматься о роле самого индивида и государства в целом в их преодолении, при этом опять находились поводы для сравнения с другими странами.

Татьяна-2 (ж, 53): Дело в том, что в Швеции и государство, и сам человек одинаково проявляют заинтересованность и действия для того, чтобы решить свои социальные проблемы. А у нас получается так, что всегда крайности — мы либо все на себя берем, либо все на государство. Вот вы сейчас говорите, что все на себя. А зачем тогда государство? Зачем я корю эту армию? (ФГ1, Россия, город, средний доход)

2. Сравнение возможностей населения, индивида, в том числе сравнение заработной платы специалистов.

Одним из болевых моментов для населения обеих стран являются возможности конкретного индивида в сфере получения ссуд, кредитов, развития собственного бизнеса. Тут упоминались и Швейцария, и Швеция, и Канада, и США.

Владимир-2 (м, 44): Если взять и посмотреть западные страны, то это готовая модель. Например, Швеция, Канада. (...) Идешь в банк, пишешь бумагу, там просчитываешь все. Они грамотные люди — и они дают

кредиты. Открытие фирмы — неделя. Если за неделю не открыли фирму, вот человек хотел сделать, то чиновник может лишиться своей работы. А у нас же будешь ходить год, два, три. И ничего пока ему не принесешь на лапу. То есть, есть готовая модель. (ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)

Юрий (м, 41): (...) Я говорю об упрощенном языке разговора. Я пришел просто за деньгами. Вот показывали, как там, в Швейцарии — почему у него эти коровы, пастбища? У него кредиты простые и свободные. (ФГ6, Белоруссия, город, низкий доход)

Татьяна-2 (ж, 47): За границей берут ссуду и платят за жилье, и они живут в своем доме. Они могут покупать себе мебель и все. А если человек снимает жилье, то он же не может себе мебель покупать, ничего не может купить. (ФГ4, Россия, село, низкий доход)

В ходе фокус-групп в обеих странах множество высказываний было посвящено неадекватной, несправедливо низкой оценке труда специалистов, непропорциональной вложенному труду. Именно в связи с этим респонденты приводили примеры оценки труда специалистов в других странах.

Петр (м, 30): Не дают развиваться, и получается социальное неравенство. Вот почему человек, работающий за границей, за такую же работу получает такую сумму, а я такую? (ФГ6, Белоруссия, город, низкий доход)

При этом сравнение с условиями в других странах и невостребованность в своих нередко побуждает людей менять место жительства, уезжать за границу, о чем и говорили наши респонденты.

Александр-1 (м, 20): У меня есть много знакомых, которые учатся на пятом курсе на программистов, и им уже присылают заявки из Италии, из Германии, чтобы они переезжали туда. И предлагают немалые деньги. Три тысячи евро. Причем ты приезжаешь, и тебе сразу предоставляется дом, машина. Может не самая богатая, конечно, но если ты хороший программист и зарекомендовал себя там. И он никогда здесь не останется, потому что государство не даст ему такую зарплату. Хороший программист должен зарабатывать не меньше 1000 долларов. (ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)

Алексей (м, 27): Вот почему хорошие специалисты уезжают за границу? Потому что здесь хорошие специалисты не нужны. И они уезжают то в Израиль, то в Америку. Здесь его никто не замечал, а там его заметили. (ФГ8, Белоруссия, село, средний доход)

3. Социальный протест.

Еще одно недостижимое преимущество западных стран, по мнению наших респондентов, — это социальная активность населения в отличие от социальной апатии, характерной для жителей России и Белоруссии. Теме социального протеста был посвящен целый ряд высказываний, причем способность выразить и отстоять свое политическое мнение, организовать сопротивление привлекает и россиян, и белорусов. Эти примеры приводились явно с позитивным отношением к действиям населения на Западе.

Юрий (м, 41): Вот посмотрите на Францию. Как только что-то — бабах, метро встало! И они добиваются своего. Ольга (ж, 31): У нас менталитет другой. У нас бояться все. **(ФГ6, Белоруссия, город, низкий доход)**

Владимир-1 (м, 65) (...)И мы сами очень часто виноваты в том, что плохо живем. Потому как смотрим как на Западе — люди бастуют, масса забастовок. У нас же народ вытянуть на какую-то акцию, протест практически невозможно: лучше посижу дома у телевизора, чем пойду и выскажу свою точку зрения, что я не согласен с правительством и депутатами. В депутаты пробиваются такие проходимцы. **(ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)**

Андрей (м, 41): (...) Пока мы все не поймем, что каждый сам себе президент, правительство и руководитель, в стране будет это все происходить. Я через себя все это пропустил. В других странах — вы знаете, не дай бог что-то делается, — сразу все переворачивают, все выходят на улицу. А нас каждые полгода опускает правительство, обирает нагло. **(ФГ2, Россия, город, низкий доход)**

Еще одной темой, часто поднимаемой в дискуссиях в фокус-группах, была необходимость создания среднего класса, как основы благосостояния любого государства. Содействие его становлению и поддержание среднего класса — также задача государства, не решенная, по мнению респондентов, ни в России, ни в Белоруссии. Вполне понятно, что здесь сравнение с Западом напрашивалось у респондентов само собой.

Татьяна (ж, 36): Тут как раз можно посмотреть на Европу, на Германию. Там средний класс дает 50 процентов доходов государственного бюджета. Именно средний класс, малые и средние предприятия. Там состав от трех человек и больше. Это основа государства. Если бы у нас такое было... **(ФГ6, Белоруссия, город, низкий доход)**

Юрий (м, 41): Должно быть так: если бы подняли планку до среднего уровня достатка... Вот есть же градации — средний класс и т. д. Например, у врача — 1000 долларов в месяц, например. Пенсионеры — тоже защищенные люди, у них пенсия 2000 или 1000 долларов в месяц. Он знает,

что может поехать туда и сюда. И он бы не думал ни о богатых, ни о каком неравенстве. **(ФГ6, Белоруссия, город, низкий доход)**

Даже совсем молодые люди, как, например, белорусская девушка 22 лет вступали в дискуссию. И хотя она явно не говорит о среднем классе, но по сути ее высказывание именно об этом:

*Мария (ж, 22): Прожиточный минимум — это вот то, что считается в Европе респектабельным. То есть они могут себе позволить купить дом, обустроить его. То, что у нас не может себе позволить человек, который имеет даже среднюю заработную плату. Это и называется прожиточный минимум. И еще чтобы был запас денег в банке, чтобы он мог оттуда взять и, если нужно, потратить. Вот это называется прожиточный минимум. Но у нас этого нет, это только в Европе. **(ФГ7, Белоруссия, село, низкий доход)***

Однако референтные группы и, соответственно, примеры действий и поведения населения в «референтных странах» могут носить и отрицательный характер (по аналогии с референтными группами — ин-страны и аут-страны). Таким негативным примером для наших респондентов стало понятие социального иждивенчества. Яркими примерами служило афроамериканское население в США или арабское во Франции, при этом употреблялись довольно ярко эмоционально окрашенные выражения — «дармоеды зажрались», «общество превращается в жирную массу».

*Анастасия (ж, 24): (...) И я вспомнила пример характерный для афроамериканского населения в Америке, которые хорошо живут на пособие. И они говорят — зачем мы будем работать, мы очень замечательно живем, нам пособие по безработице платят больше чем все тут работали бы вместе взятые. **(ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)***

*Иван (м, 23): Может получиться как во Франции, где эти дармоеды совсем зажрались и начали машины поджигать. **(ФГ2, Россия, город, низкий доход)***

Иногда встречались и просто негативные сравнения — отношение к какой-либо стране (как правило, к США), причем у молодых людей такие сравнения явно были следствием идеологических штампов, навязанных масс-медиа.

*Иван (м, 23): Потому что они считают нас быдлом. Как белорусов, так и россиян. Они нас вообще за людей там не считают. Они считают, что американцы — это высшая раса, как в свое время считал Гитлер. **(ФГ8, Белоруссия, село, средний доход)***

И последний аспект, о котором хотелось бы упомянуть — это свидетельства о том, что «референтные страны» часто являются «идеальными референтными странами», то есть искусственными конструктами.

Начиная с того, что еще в СССР существовала такая мифическая группа как Запад или Америка, так и сейчас во многих высказываниях респондентов явно видна мифологическая основа их суждений. Часто такие мнения явно надуманы, ошибочны, сравнения не основаны на реальных фактах, однако они могут усиливать существующую социальную уязвимость. Вот примеры таких высказываний:

Максим (м, 23): Если их будут поддерживать, то будет то же самое, что в Швеции, где люди не хотят работать. Они не работают, а получают по 2000 евро. Лежит себе дома и государство ему это платит. (ФГ2, Россия, город, низкий доход)

Леонид (м, 23): В Голландии наркоманам вообще пособие платят, это особый класс. (ФГ1, Россия, город, средний доход)

Юрий (м, 41): (...) Вот там (на Западе) врач — супермиллионер. (ФГ6, Белоруссия, город, низкий доход)

Александр-2 (м, 33): (...) Вот в Индии построили специальный город для программистов, где их держат в тепличных условиях. И доход от использования интеллекта у них примерно равен тому доходу, который получает Россия, продавая нефть. (ФГ5, Белоруссия, город, средний доход)

А некоторые респонденты даже верят в Великую Американскую мечту.

Андрей (м, 41): С одной стороны, есть люди, которые честно зарабатывают миллионы. Вот пришел, как в Америке, с одним долларом — и стал миллионером. Там это может быть. Но у нас это невозможно. (ФГ2, Россия, город, низкий доход)

В целом, можно сказать, что образы «референтных стран» складываются достаточно спонтанно, на основании разнообразной калейдоскопичной информации, которой обладает конкретный индивид. Зачастую эта информация может носить непроверенный, мифологический характер. Часто желаемое выдается за действительное — так хочется, чтобы где-то существовало идеальное общество. И если на более активных индивидов существование таких «референтных стран» может оказывать мобилизующее влияние — международная трудовая, экономическая миграция, в основном, держится на таких представлениях, то для менее энергичных, более апатичных и социально немобильных людей сравнение своей страны с «референтной» может привести лишь к ощущению еще большей со-

циальной уязвимости. И не важно, насколько достоверна информация, которой они обладают.

Советская идеология была построена на представлении развитых стран Запада в виде стран с огромным количеством социальных проблем, с социальным неравенством, угнетением и т. д., что позволяло большинству советских граждан чувствовать себя в относительно привилегированном положении. Однако после развала Союза ситуация кардинально изменилась. С одной стороны, с падением железного занавеса информации о жизни за рубежом стало значительно больше, причем часто не опосредованной, а полученной в результате личных контактов, а с другой стороны, и социальных проблем, и социального неравенства на территории бывшего СССР стало больше.

С каждым годом границы становятся все более прозрачными, все больше людей знакомятся с зарубежными странами на собственном опыте, или видят их глазами своих родных и друзей. В такой ситуации социальное конструирование «референтных стран» будет происходить еще интенсивнее, формирование установок и оценок будет идти в постоянном сравнении, изменяя внутренние стандарты, по которым живет население. Кроме возникновения чувства относительной социальной депривации этот процесс может активизировать социальную неудовлетворенность, а как следствие, и социальный протест.

В целом представленный материал не требует никаких особых выводов, в данном докладе просто представлен, так сказать, побочный продукт изучения социального неравенства — своеобразный срез проблем неравенства в России и Белоруссии в зеркале сравнения с «референтными странами». Такие страны, находящиеся в существенном удалении в физическом и социальном пространстве, тем не менее, оказывают заметное влияние на мнения и поведение людей иногда помимо их воли или желания.

Литература

- Мертон Роберт К. К теории референтно-группового поведения / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура / Под ред. С.А. Белановского. М.: Институт молодежи, 1991. с.3-105.
- Мертон Роберт К. Продолжение анализа теории референтных групп и социальной структуры / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура / Под ред. С.А. Белановского. М.: Институт молодежи, 1991. с.106-256.

СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

И. В. Соснина

Трудовая миграция в жизненных историях и биографиях

Традиционно миграционные исследования основываются на макро-анализе миграционной политики государства, миграционном законодательстве, политических и социальных структур участвующих в процессе миграции. За рамками исследований остаются сами мигранты, их судьба и жизненная история. Биографический метод в исследовании миграции обладает широким потенциалом для изучения процесса интеграции мигрантов в новом социуме, для анализа поля межкультурного взаимодействия.

Мигрант как носитель первичной информации, излагая историю своей жизни, приоткрывает завесу для исследователя, дает возможность взглянуть на процесс миграции «изнутри». Становится возможным выстраивание моделей поведения мигрантов в новой социальной среде на основе индивидуальных историй мигрантов, их соотнесения, сравнения. Аарелайд-Тарт А.¹ указывает на существующую однонаправленность в миграционных исследованиях, для которых предпочтительным является анализ политических структур, в центре внимания становится проблема интег-

---

¹ Аарелайд-Тарт А. Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социс 2003, № С.60.

рации как макро-культурного процесса. Перспективными становятся исследования на уровне личности, когда интеграция интерпретируется как переворот в жизни индивида.

Биографический метод в социологических исследованиях имеет давнюю традицию, известны труды социологов Чикагской школы, делавших акцент на анализе личных документов, переписки и биографий. У. Томас и Ф. Знанецкий, в глобальном следовании «Польский крестьянин в Европе и Америке» рассматривали группы иммигрантов с целью определить влияние традиционных норм и моральных установок на процесс адаптации к новой социальной среде¹. Важность исследования личных документов, для У. Томаса и Ф. Знанецкого, определяется тем, что такие исследования позволяют взглянуть на мир с точки зрения самого субъекта. Объясняя поведение человека необходимо знание смыслов и значений, которые вкладывают сами индивиды в свои действия. Такое знание и позволяет приобрести биографический метод.

Миграционные процессы, несмотря на глобальные масштабы, имеют своим основанием индивидуальное решение человека о миграции, миграционные потоки формируют отдельные личности, ведомые индивидуальными целями, обладающие индивидуальными стратегиями. Биографический метод в таком случае становится оптимальным инструментом построения схемы социально-культурной трансформации поведенческих моделей мигрантов, на основании личной истории отдельного мигранта. Аарелайд-Тарт А.² говорит о том, что существование каждого индивида окружено рядом житейских конструктов, которые присущи родному обществу: система родства, привычки питаться и одеваться и прочее. Можно говорить о том, что в процессе миграции, такие конструкты испытывают значительное давление новой среды, трансформируются или изменяются под воздействием нового социального окружения.

Значимость биографических исследований состоит в возможности определения и уточнения факторов, влияющих на практики адаптации мигрантов в местах переселения, анализа историй, идентификаций, культурных и экзистенциальных перспектив, жизненных шансов. В. Мукомель³

---

¹ Ганжа А.О. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» // Социс № 2007. С. 3.

² Аарелайд-Тарт А. Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социс 2003, № С.60.

³ Методология и методы изучения миграционных процессов Учебное пособие /Под ред. Ж. Зайончковской, И.Молодиковой, В.Мукомеля. М.: ФГУП «Произ-

определяет неизбежность миграционного пути развития, делает акцент на необходимости анализа аспектов успешной интеграции мигрантов в новый социум, первостепенными считая вопросы: интолерантности принимающего населения, предпосылок самоизоляции мигрантских общин, дискриминационных социальных практик. Следует согласиться с выводами исследователей, так как только успешная интеграция мигрантов в новое социокультурное окружение и подготовленность принимающего населения к неизбежным изменениям позволит избежать возможных негативных последствий миграции населения.

Биография мигранта является определяющим условием формирования стратегии адаптации в месте переселения. Мокин К.С.¹ определяет «миграционные истории», накопленный миграционный опыт семьи, включающий мотивы миграции, территорию исхода, пути перемещения, опыт адаптации, как доминирующий фактор, определяющий степень начальной включенности в местное сообщество. Рассматривая процесс трудовой миграции сквозь призму биографии отдельного переселенца, мы расширяем границы восприятия и анализа, как адаптационных стратегий мигранта, так и собственно поля межкультурного и межэтнического взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом. Биографический метод в социологическом анализе миграционных процессов позволит уточнить возможные факторы, детерминирующие среду межкультурного взаимодействия, как в плане негативного воздействия, так и упрощающие процесс адаптации мигранта в месте переселения.

Исследуя миграцию на микроуровне, в центр внимания исследователя помещается жизненный путь отдельного мигранта, его миграционная биография. Биография отдельного мигранта позволяет взглянуть на миграционные процессы сквозь призму жизненного пути человека, определить закономерности протекания процесса миграции. Исследования биографии мигранта позволяют анализировать причины, структуру и закономерности социальных изменений. Актуальность биографических исследований определяется тем, что изменения социальных и институциональных структур общества в конечном итоге есть результат действий и определенного поведения людей². В данном ракурсе исследования биогра-

---

водственно-издательский комбинат ВНИТИ» 2007. с.370

¹ Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социс №2, 2006 С.2.

² Блоссфельд Ж.-П., Хьюинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии 2006 Том IX №1(34) С.16 С.15-43.

фии мигранта позволяют определить причины миграции и характеристики миграционных стратегий.

Исследователи рассматривают жизненный путь индивида: «как результат его стремлений — в определенных заданных ситуативных условиях — реализовать оптимальный по его субъективным меркам вариант жизнеустройства, используя имеющиеся в его распоряжении ресурсы и руководствуясь индивидуальными целями и представлениями»¹. Таким образом, процесс миграции можно разложить на миграционные истории отдельных людей, определить общие характеристики и взаимосвязи, как при анализе причин миграции, так и условий протекания этого процесса.

Хьюник И.² определяет структурные характеристики жизненного пути как: самореференциального процесса, многомерного процесса, многоуровневого процесса. В данном направлении миграционные истории необходимо исследовать, ориентируясь на структурные характеристики жизненного пути. Примем эти концептуальные положения для построения теоретической программы исследования жизненных путей мигрантов.

Жизненный путь как самореференциальный процесс определяется тем, что человек действует на основе накопленных им материальных, социальных и культурных ресурсов, жизненного опыта, а предыстория всегда включена в процесс принятия решений, преформирующий «научающий» опыт, расширяет, или ограничивает спектр возможных выборов и тем самым направляет жизненный путь³. Таким образом, жизненный путь мигранта определяется не только моментом принятия решения о миграции, но и предшествующим опытом, оказывающим влияние на решение. Это и события, ставшие причиной образования (социальные, политические, природные) и опыт социального окружения. При рассмотрении биографии мигранта важным звеном анализа становится социально-политический, культурный контекст происходящих событий, формирующий условия для принятия решений индивидом.

Жизненный путь как многомерный процесс определяется сферами жизни человека. Различные сферы жизни человека взаимосвязаны, контингентность жизненного пути возникает из взаимозависимости различных

---

¹ Блосфельд Ж.-П., Хьюник И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии 2006 Том IX №1(34) С. 17.

² Там же

³ Там же С. 18

жизненных сфер¹. Таким образом, жизненный путь мигранта необходимо рассматривать во взаимозависимости сфер жизни человека: учеба, трудовая деятельность, семейная жизнь, религиозная сфера и проч. Каким образом принятие решения о миграции повлияло на трансформацию этих сфер жизни человека и каким образом характеристики жизненных сфер оказывают влияние на принятие решения о миграции и на протекание самого процесса миграции и выстраивание миграционной стратегии в месте переселения.

Жизненный путь как многоуровневый общественный процесс протекает при структурирующем влиянии: жизненных путей других людей; общественных институтов и организаций; условий жизни в социальных и региональных контекстах². Жизненный путь мигранта обрамляют жизненные пути других людей, близких родственников, друзей, оказывая влияние на выбор жизненной стратегии. Миграция позволяет человеку достигнуть своих целей, изменив контекстуальные условия, которые более соответствуют поставленным целям, отвечая потребностям индивида.

Важной единицей анализа в исследовании жизненных путей является время. Исследователи³ говорят о том, что параллелизм возраста и исторического времени позволяет соотнести жизненные пути индивидов с процессами общественных изменений. Жизненный путь мигранта сопровождается множеством событий общественной жизни: изменениями в миграционном законодательстве, объединением или распадом государств, перекраиванием границ, внутрисоюзными политическими процессами. Подобные процессы оказывают влияние, на жизненный путь индивида иногда задавая направление.

В концепции жизненного пути время выступает не только отражением исторических событий, но и воплощением контекста индивидуальной жизни. Исследователи моделируют периоды состояний в биографии, которые могут протекать параллельно, точкой отсчета принимаются важные события в различных сферах жизни человека. При анализе жизненного пути мигранта такими точками отсчета могут стать: переезд в другую страну, потеря или получение работы, новое гражданство. Эти события оказывают влияние на построение миграционной стратегии в месте переселения. Сам факт миграции в жизненном пути человека становится точкой отсчета нового направления в жизни.

---

¹ Там же

² Там же. С. 19.

³ Там же.

Биографическое исследование, как эмпирический подход в исследовании жизненных путей позволяет на основе ретроспективных интервью реконструировать социальную историю через призму рассказов отдельных людей и определить ее влияние на индивидуальное жизнеустройство¹. Становится возможным углубленный анализ миграционных стратегий, причин и характеристик формирования. Биография отдельного мигранта, рассмотренная в аспекте взаимовлияния с социальным и политическим контекстом, становится субъективной моделью миграции как процесса, отражающей причины, механизм протекания и последствия.

Переезд в другую страну является одним из самых серьезных решений для человека, в биографии которого это решение становится отправной точкой в новом направлении жизненного пути. Помимо смены географического места жительства, основным становится полное изменение социального окружения. Новым становится круг общения, трудовой коллектив, соседи, дружеские отношения. Основным вопросом для исследователей становится объяснение причин и факторов влекущих за собой столь значительные изменения в жизни человека.

В биографическом исследовании помимо самого момента принятия решения важное значение имеют причины приведшие человека к определенному выбору. Помимо объективных факторов (экономических, политических, экологических), влияющих на качество жизни человека существуют субъективные, личные факторы, которые мигрант определяет как важные факторы, повлиявшие на его решение. Так, например, для одного человека отсутствие возможности трудоустроится станет ведущим фактором, а для другого высокий уровень преступности в городе. Или на решение повлияли причины личного характера, например переезд всей семьи, или появившаяся возможность реализовать свой профессиональный потенциал. Таким образом, влияние объективных факторов не является подавляющим. Такое влияние многогранно и определяется совокупностью макро и микро факторов, и определить ведущий фактор для себя может только сам мигрант.

Выяснение основных мотивов миграции в биографическом исследовании позволяет определить ведущие факторы, влияющие на решение человека о миграции, основной задачей в данном ракурсе является определение степени влияния социальных, политических, экономических факторов на процесс принятия решения о переезде в другую страну. Био-

---

¹ Там же. С. 20.

рафическое интервью позволяет определить степень влияния социокультурных факторов для отдельного переселенца, в совокупности определить комплекс факторов детерминирующих трудовую миграцию.

Процесс трудовой миграции протекает специфично для каждого отдельного переселенца. Актуальным становится вопрос о значимости гендерных, возрастных, этнических характеристик трудового мигранта и их влияния как на процесс принятия решения о миграции так на социокультурную адаптацию в месте переселения. Необходимо определить, как изменяются практики мобильности мигранта в зависимости от гендерных, возрастных, этнических характеристик.

Важными вопросами для исследования становятся вопросы определения факторов влияющих на выбор места переезда для трудового мигранта, а задачей в данном ракурсе — очертить ведущие из них. Что повлияло на выбор территории переселения: родственники или знакомые в данном регионе, переехавшие ранее; возможность трудоустройства; благоприятная социально-экономическая ситуация в регионе; возможность реализации профессионального потенциала. В процессе переезда для трудового мигранта первостепенной становится возможность трудоустроиться на новом месте, в данном ракурсе для исследования необходимо определить, как влияют родственные связи мигранта, наличие друзей или родственников в потенциальном месте переселения и чем определен выбор города: областной центр, небольшой город.

Планируя переезд, мигрант определяет для себя новое место жительства, новое место работы. Задачей исследования становится выявление информационных каналов, по которым мигрант получает информацию о потенциальном месте переселения. Каков основной канал получения информации о потенциальном месте переселения: неформальные каналы, родственники друзья; службы занятости, миграционные службы, пресса, интернет. В зависимости от информационного канала, используемого трудовыми мигрантами, необходимо выстраивать стратегию профессиональной работы с трудовыми мигрантами, как для миграционных, так и для социальных служб, в плане привлечения мигрантов для работы и в плане социокультурной адаптации на новом месте.

В процессе миграции переселенцы сталкиваются с трудностями различного характера. Важной становится задача, определить трудности, значимые для трудовых мигрантов. В каждом отдельном случае мигранты определяют субъективно те трудности, преодоление которых было особенно сложным. Основные трудности в практиках переселения: отсутствие ин-

формации о законодательных нормах и правилах переселения; трудности экономического, социального характера; проблема культурной дистанции.

Вопросы адаптации и интеграции мигрантов в месте переселения занимают важное место в исследованиях современных авторов, так как только успешная адаптация мигрантов и подготовленность принимающего населения к изменениям позволит избежать негативных последствий межэтнического и межкультурного взаимодействия. Исследователи в данном направлении анализируют существующие модели интеграции мигрантов, проводят сравнения степени влияния той или иной модели на характер межкультурного взаимодействия. Одним из направлений исследований в данном русле, являются исследования посвященные практикам и стратегиям адаптации мигрантов в месте переселения, перспективными в этом плане могут стать исследования биографии мигранта, влияния жизненных историй мигранта на стратегии адаптации и характер взаимодействия с новой окружающей средой.

Миграционная политика, направленная на привлечение трудовых мигрантов одним из основных направлений деятельности должна принимать адаптацию и интеграцию мигрантов. Значение имеет стратегия адаптации самих мигрантов. Мукомель В.¹ рассматривает следующие стратегии адаптации мигрантов к принимающей среде: сегрегация, аккультурация, интеграция, ассимиляция; и выделяет условия способствующие формирования ориентации мигрантов на адаптацию такие как: доступность составляющих социальной среды, социокультурная дистанция между посылающим и принимающим обществами, исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде.

В данном ракурсе помимо группового, коллективного опыта выживания в инокультурной среде считаем важным условием формирования стратегии адаптации личный опыт мигранта, его жизненный путь. Это и причины побудившие мигранта к переезду, и условия его миграции, и первоначальный опыт или первое знакомство с принимающей средой, и, конечно, его планы на долгосрочное или кратковременное пребывание. Биография мигранта, его жизненный путь, мигрантский опыт, возможно в первую очередь определяют его стратегию адаптации в новой среде.

Причины миграции, как фактор влияния при выборе стратегии адаптации, определяют долгосрочность или кратковременность пребывания миг-

---

¹ Мукомель В. Миграционная политика России: постсоветские контексты М.: Диполь-Т, 2005. С.216.

ранта в стране. При временном пребывании, мигрант определяет для себя не столь важными составляющие аккультурационной или интеграционной стратегий, ориентируясь на сегрегацию. Мукомель В. отмечает, что: «если в условиях ограниченного контакта со средой пребывания мигранты реализуют свои жизненные планы, побудившие их к миграции, то процесс их адаптации на этом и заканчивается, практически не начавшись»¹. Таким образом, временные мигранты в меньшей степени заинтересованы в интеграции с местным сообществом. В данном ракурсе миграционная политика должна быть направлена на усиление заинтересованности временных мигрантов в интеграции, так как в большинстве случаев временная миграция не исключает планов на постоянное переселение. Поле социального взаимодействия формируется не независимо от долгосрочности пребывания мигранта в стране, задача миграционной политике в таком случае — обеспечить условия для успешного взаимодействия мигрантов с принимающей стороной. Как отмечает Мукомель В.², сегрегация мигрантов это и результат политики принимающего сообщества, действенности социальных, экономических, культурных институтов обеспечивающих социализацию населения, и слабо ориентированных на социализацию мигрантов.

Условия миграции и первоначальный опыт знакомства с принимающей средой определяют ориентацию мигранта к определенной стратегии адаптации. Мигранты зачастую приезжая в страну выпадают из правового поля еще на «этапе въезда». По словам Мукомеля В. «Нелегальная занятость, отсутствие законных оснований для пребывания и проживания становятся уделом подавляющего большинства таджикских мигрантов, выходцев и других стран СНГ»³. Находясь вне правового поля, на нелегальном положении мигранты самоизолируются от принимающего сообщества. Такая изоляция позволяет им находиться в стране «оставаться незаметными» для официальных служб. Мукомель В.⁴ говорит о том, что складывается теневая субкультура обслуживания потребностей мигрантов в купле-продаже разрешительных услуг, и эта субкультура, в которую попадают вновь прибывающие мигранты, ослабляет потребность в аккультурации.

Интеграция мигрантов должна включать элементы активизирующие вхождение и мигранта в экономическое поле принимающей стороны.

---

¹ Там же, . С.217.

² Там же. С. 219.

³ Там же

⁴ Там же. С. 220

Успешная экономическая деятельность позволит мигранту эффективно адаптироваться к принимающей среде. Принимающая сторона, заинтересованная в трудовых ресурсах так же легче проходит процесс адаптации к изменениям, связанным с миграцией, так как трудовой мигрант находящийся и действующий в экономическом поле является именно тем мигрантом, который необходим принимающей стороне.

Основным каналом вхождения трудового мигранта в экономическое поле принимающей стороны является нормативно-правовой канал. Обустроенность этого канала в большей степени влияет на первостепенный опыт контакта мигранта с принимающей средой. Получение разрешения на работу, регистрация определяют нахождение мигранта в правовом поле. Доступность правового поля для трудового мигранта определяется миграционным законодательством страны приема. Основной проблемой в адаптации мигранта и является недоступность правового поля и, следовательно, невозможность эффективной трудовой деятельности. Большинство трудовых мигрантов, попадая в страну, сразу же выпадают из правового поля, сегрегация является единственно возможной стратегией для дальнейшего выживания на нелегальном положении.

Социальная интеграция мигрантов это двусторонний процесс, в котором помимо самих мигрантов участвует принимающая сторона. Но для местного населения в плане интеграции нет разделения на временных и постоянных мигрантов. Такое разделение необходимо в политике интеграции мигрантов принимающего государства. Данный вопрос звучит в ракурсе современной международной конкуренции за мигрантов, как за ценный трудовой ресурс, в условиях демографической коллизий. Государство, ориентированное на решение демографических проблем, в поисках трудовых ресурсов, своей стратегической задачей должно ставить успешную и эффективную интеграцию мигранта, за не имением коей, проблема трудовых ресурсов так и останется не разрешенной.

В процессе интеграции степень лояльности субъектов участвующих в этом процессе, готовность идти на контакт имеет первостепенное значение. В интеграции мигрантов помимо стратегии самого мигранта, значение имеет степень лояльности к этому процессу принимающей стороны. Взаимодействие мигрантов с принимающим населением происходит на бытовом уровне, на этом же уровне формируются представления друг о друге у субъектов интеграции. Зачастую этому процессу мешают сложившиеся представления принимающей стороны о миграции как угрозе.

Основной задачей исследования является определение механизмов выстраивания стратегии адаптации трудовыми мигрантами в месте переселения. Необходимо определить, каковы стратегии адаптации мигрантов, какова зависимость характеристик формирования стратегий адаптации от мотивов миграции. Стратегия адаптации выстраивается в зависимости от планов трудового мигранта на долгосрочность или краткосрочность пребывания в стране. В данном ракурсе биографическое интервью позволяет определить, в какой степени мотивы миграции, миграционная политика страны приёма, социальные и культурные факторы, влияют на планы трудового мигранта на долгосрочность пребывания в стране.

Процесс социальной адаптации к новой среде протекает по-разному для разных групп трудовых мигрантов. Задачей исследования является определение особенностей в адаптационных стратегиях разных поколений мигрантов, определение зависимости стратегии адаптации мигрантов от гендерных, возрастных, профессиональных характеристик. Эмпирическое биографическое исследование позволяет выяснить, как выстраивают стратегию адаптации мигранты, прибывающие в страну по неформальным каналам родственных связей (друзья, знакомые), существуют ли отличия в выстраивании стратегии адаптационной стратегии мигрантами, переезжающими в страну самостоятельно без поддержки близких или знакомых. В данном направлении необходимо рассмотреть роль диаспоры в формировании адаптационной стратегии мигрантов, сокращения или росте культурной дистанции.

Трудовая миграция сопровождается возникновением затруднений социально-культурного характера. На преодоление подобных затруднений направлена деятельность организаций социальной сферы. Биографическое исследование позволяет определить какова роль социальных служб в практике социальной помощи мигрантам. В биографическом исследовании, на основе субъективного восприятия трудовыми мигрантами деятельности организаций социальной сферы, становится возможным дать характеристику эффективности деятельности организаций профессиональной помощи мигрантам.

В процессе трудовой миграции образуется поле социального взаимодействия, в котором участвуют как сами мигранты, так и принимающая сторона. Задачей эмпирического исследования в данном плане становится определение характеристики социально-культурного взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. Поле социального взаимодействия формируется под влиянием информационных репрезентаций. Необходимо определить, как влияет сформированный СМИ образ мигранта на

адаптационные практики мигранта и на характеристики межэтнического взаимодействия.

Стратегия адаптации мигранта определяется целым спектром условий, это и собственно миграционный опыт самого трудового мигранта и политика социализации принимающей стороны, нормативно-правовое поле страны приема. Следует отметить, что временные мигранты являют собой ценный ресурс постоянной миграции. Политика интеграции в данном ракурсе должна быть стратегически выстроена в двух направлениях: с одной стороны успешная интеграция временного мигранта позволит избежать трений в процессе социального взаимодействия мигрантов с принимающим населением; с другой стороны успешная интеграция позволит повысить заинтересованность временного мигранта в долгосрочном или даже постоянном пребывании. Такая заинтересованность может быть построена на опыте мигранта, когда история его пребывания в месте переселения не будет отталкивающим фактором в определении планов на переселение.

Политика интеграции мигрантов имеет первостепенное значение, как в миграционной, так и в социальной политике. Только успешная интеграция мигрантов в новый социум, новое социокультурное пространство позволит в какой-то степени снизить риски межкультурного взаимодействия и избежать негативные последствия миграционных процессов. Определяя процесс интеграции как двусторонний процесс, следует отметить, что подготовленность местного населения, принимающего сообщества к неизбежным изменениям является определяющей позицией в процессе интеграции мигрантов.

Успешная интеграция позволит мигранту в полной мере реализовать свой трудовой потенциал в месте переселения, благоприятное протекание процесса интеграции, определяет возможность, благоприятного течения самого процесса миграции. Отметим, что эффективной политика интеграции может быть только при условии признания исключительным приоритетом права человека, определяющие невозможность дискриминационных практик.

Определяя степень необходимости и важности процесса интеграции для временных и постоянных мигрантов, рассмотрим уровни восприятия и позиции сторон участниц данного процесса: принимающего населения и мигрантов (временных и постоянных). Для местного населения взаимодействие с мигрантами происходит в разных сферах деятельности, которые и являются определяющими факторами межэтнического взаимодействия. Как таковая характеристика долгосрочности пребывания мигранта в стране для принимающего сообщества не является определяющей характер взаимодействия. Местное население необходимо подготовить к

постоянному процессу миграции, влекущему за собой изменения. Основным критерием такой подготовки должны стать принципы признания различий и уважения к культуре и традициям приезжих. В равной степени данные принципы являются определяющими и в выстраивании стратегии адаптации и для самих мигрантов.

Принимающее сообщество, позитивно воспринимая процесс миграции, осознавая необходимость и значение миграции в современных социальных процессах, не разделяет мигрантов на временных и постоянных, а в целом готовится к приему населения и конструктивному взаимодействию. Так как определить заранее долгосрочность пребывания мигранта в стране не представляется возможным, практики интеграции со стороны принимающего сообщества минимизируют степень влияния временного фактора пребывания мигрантов на характер интеграции мигрантов.

Мигранты принимают решение о переезде под воздействием различных факторов, эти же факторы в какой-то степени определяют планы на долгосрочное или кратковременное пребывание. Постоянные и временные мигранты могут иметь различные взгляды на процесс интеграции, его необходимость, которые определяются мотивами миграции, ожиданиями мигрантов, планами на будущее. Миграционная политика, направленная на долгосрочную миграцию, должна отдавать пальму первенства интеграционным стратегиям развития, следовательно, если и делать различие между интеграционной политикой направленной на временных или постоянных мигрантов, то только рассматривая временную миграцию и соответствующую ей интеграционную стратегию как этап на пути к постоянной миграции и соответственной интеграционной стратегии.

Краткосрочность пребывания мигранта в стране не сокращает степень межкультурного взаимодействия. Временный характер миграции не в состоянии сузить круг социальных интеракций, следовательно, интеграционная стратегия необходима для успешной и эффективной деятельности мигранта даже носящей временный характер. Краткосрочность миграции не исключает долгосрочных перспектив в миграции.

Таким образом, определяя степень важности политики интеграции для временных и постоянных мигрантов, мы выделяем стороны процесса интеграции и их мотивы, определяющие стратегии интеграции. Отмечая необходимость интеграционной политики, определяем значимость интеграции для постоянных мигрантов как конечную цель, а для временных мигрантов как ступень подготовки и стратегический запас в перспективах роста в постоянную, долгосрочную миграцию.

Об историко-социологическом изучении поколения ровесников ВОВ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ. Поколения людей, понимаемые как укрупнённые возрастные когорты /УВК/, — из ряда трудных для изучения обществоведами категорий населения. Главным образом — из-за чрезвычайного разнообразия их (поколений-когорт) состава. Но есть целые пласты детских, юношеских впечатлений, воспоминаний о событиях, заметных лицах, идеологических вейниях и внушениях, которые теснейшим образом связывают одногодков — и академика, и дворника, и сотни социальных типов между этими крайними позициями. Замечено это не только в науке. Художественная литература, публицистика переполнена характеристиками разных поколений-когорт /далее — просто «поколений»/ с общей судьбой, хоть и в разных вариантах, обусловленных неодинаковым происхождением, формированием, положением в семье и в обществе.

— А когда разные по этим позициям люди одного возраста соединены внешними воздействиями крепче всего?

— «Во дни торжеств и бед народных», особенно — бед.

А также (если речь идёт не об этапе формировании поколения) когда людей близких по возрасту соединила борьба за существенные, революционные преобразования.

Сегодня, когда прежняя веха отсчёта Новейшей истории — 1917 год, для большинства сограждан сломана и теряется из виду, такой вехой в какой-то степени остаётся Вторая мировая война и её главная для нас составляющая — Великая Отечественная война Советского народа. Ещё живы представители славного поколения фронтовиков, многие и многие труженики тыла. Они входили в крупнейшую возрастную когорту людей примерно 1880-х — 1920-х годов рождения. О фронтовиках в нашей литературе сказано больше всего. Литература о Войне занимает в массовых библиотеках столько же места, сколько все остальные книги по истории страны.

Сравнительно недавно забота государства распространилась и на следующее поколение. Знак «Житель блокадного Ленинграда» носят до сего дня дети блокады. Льготной категорией стали бывшие дети-узники нацистских концлагерей.

Перестройка вывела ненадолго на передний план общественной жизни «60-ников», уроженцев примерно середины 1920-х — середины 1930-х годов, активная часть коих, поверив в «оттепель», пыталась коренным образом усовершенствовать социализм. А через 20 лет многие из них приложили руки к ликвидации и социализма, и Советского Союза. Теперь на их месте следующие возрастные когорты — 1950-х, -60-х, -70-х и даже 80-х годов рождения.

А где же уроженцы 1940-х, и в частности — ровесники Войны (далее — ПРВ), о которых сказано в заглавии? Они несколько затерялись в тени предшественников, «60-ников», отчасти — из-за того, что в полную силу жили и работали в слишком спокойные 70-е — первую половину 80-х гг. В недолгие годы перестройки, а тем более — в отчаянно трудные 90-е, лишь малая часть этого поколения сумела пробраться к власти и присвоить «свою» долю народного достояния. Большинство же боролось за физическое и социальное существование своё и своей семьи. К 2000-м годам люди ПРВ вступили в пенсионный возраст. О том, чтобы сохранить заметную роль в обществе им уже думать не приходилось (о присутствующих в сборнике не говорю; наука — особая статья).

Принадлежа к этой общности, автор статьи не претендует на раскрытие универсальной модели историко-социологического изучения поколений как укрупнённых возрастных когорт /УВК/. Хотелось лишь по мечтать о возможно более полном использовании историком поколений некоторых общих положений социологической теории и методологии. На осуществление такой мечты ушли бы годы и годы работы целого коллектива. Причём — не только историков и социологов. Многогранный портрет поколения складывается при знакомстве с результатами социальных исследований данной общности демографами, психологами и педагогами, языковедами и т. д. Но на первое место в этом ряду надо поставить специалистов в области антропологии, соц. гигиены, медицинской статистики, ибо социальность лишь накладывается на физиологическую основу, на остов генерации. Но не так плотно прирастает к естественному «скелету», чтобы можно было в один ряд выстраивать научный интерес: к телу, его образу, к социализации, оснащению, навыкам, выразительным способностям, а также — к ритуалам, обычаям, быту, орудиям, местам и способам времяпрепровождения. Объединяет всё перечисленное лишь то, что интерес ко всему этому социология заимствует у антропологии?¹ Нет места,

---

¹ Голофаст В.Б. Ветер перемен в социологии. В кн. Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб: Алетей, 2006. С. 271.

чтобы разбирать все возможные аспекты, подходы этих наук к предмету заметок.

В них не случайно ведётся речь именно о взаимопроникновении методов и теорий истории и социологии. Обе исследуют «общество и его закономерности в их конкретных проявлениях»; обе в какой-то мере — «науки наук», ибо история обогащает обществоведов принципом историзма, а социология — методами социальных исследований.¹ И друг друга они дополняют. История сильна описанием, социология — теоретическим обобщением. Разделение труда между ними условно. Ведь социологи, как правило, весьма тщательно, всесторонне, хотя и не всегда умело, изучают предысторию изучаемого объекта и проблемы.

Есть и встречные трудности. Заимствуя показатели, характеристики объекта, данные социологией, историк не всегда может судить о методике получения этих данных, их надёжности. Эта трудность преодолима посредством привлечения результатов ряда авторитетных работ. Более высоким препятствием представляется мне переусложнённая, многообразие теоретических поисков социологией XX в. методов постижения социальной действительности. Не всё в них доступно пониманию, а тем более — применению. Но без сотрудничества не обойтись. И данный текст — это отклик историка на несколько работ по социологии, опубликованных в 1990-е — 2000-е годы, в частности — на статьи В.Б. Голофаства.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПОКОЛЕНИЙ. Историография как термин взят здесь в широком смысле, ибо история отечественных поколений не написана, да и вряд ли сложится когда-нибудь из мозаики упоминаний, характеристик, субъективных оценок и пр. Далеко позади, в 1960-х — начале 1970-х годов, остались впечатляющие историко-социологические сравнения колхозной, рабочей молодёжи 1930-х и 1960-х годов (В.Е. Полетаев, В.А. Устинов, Л.Н. Коган ...). Затем всё затмилось подготовкой многотомников по истории рабочего класса и крестьянства СССР. История поколений не стала одной из основных тем ежегодника «Социальная история». Даже в трудах по «истории населения», издаваемых с 1990-х гг. Институтом российской истории РАН, нет соответствующих разделов, что вовсе необъяснимо.

И напротив, ясно, почему именно демографы (Б.Ц. Урланис и В.В. Никитенко) стали у истоков «поколениеведения».

---

¹ См. Социология /Г.В. Осипов, Ю.П. Коваленко и др./ М.: Мысль, 1990. С. 43-44.

В конце 1970-х гг. значительная часть книг Э.К. Васильевой и Г.А. Слесарева была посвящена сравнению поколений-когорт. Специально об этом писал Ф.Р.Филиппов (1989). Речь, как и в книжке 1970 года, шла о социальных перемещениях внутри поколений-когорт, о различиях между советскими поколениями дедов, отцов и детей по уровню образования, времени начала работы и т. д.

И всё же очевидно, что для всех перечисленных наук изучение поколений — не цель, а средство, часть метода решения иных задач. Так, в цитированной выше книге Г.В.Осипова и др. возрастной фактор не упоминается в разделах о социологии: религии, политики, идеологии, социальной деятельности...

Наверно, только социальная антропология может стать (и становится, на восточно-европейском материале) местом, где изучение поколений будет одной из главных, органичных составляющих.

Тематика данного сборника предполагает основное внимание уделить литературе по социологии, — насколько она способствует изучению истории поколений-когорт. На примере нескольких цитированных далее исследовательских и учебных книг 1990-х гг. видно, что социология теоретическая подводит историков к таким поворотам темы, к таким точкам зрения на предмет, а также — изнутри сего предмета, которые существенно обогащают традиционную схему описания истории общности как части народа, нации. Например, историк не может «создать» себе источник сведений об изучаемом поколении. А социолог может. Таковыми являются первичные, до обработки и истолкования, материалы эмпирических исследований. В целом же задача поиска и использования сведений о поколении весьма трудна.

Текущие архивы не сформированы, не готовы обеспечить исследователя всем набором материалов. В публикациях Росстата, в большинстве других, текстовых источников, редко средние данные сопровождаются их повозрастной группировкой. Тем более важны для историка материалы, добытые в ходе социологических исследований современных или относительно недавних явлений, общностей.

У социологов возрастной вопрос «паспортички» анализируется при доказательстве представительности выборки, но потом либо не используется, либо присутствует где-то на заднем плане. Поэтому главное, что даёт прикладная социология историку — это пример учёта возрастного состава изучаемой общности..

Необъятное поле деятельности для историка поколений — вторичное использование социологических публикаций (а в идеале, почти невероят-

ном, — и первичного материала), с выделением из массива того, что характеризует интересующую возрастную когорту. Применительно к поколению ровесников Войны /ПРВ/ это возможно, ибо его юность совпала со вторым рождением социологии в СССР.

Важнейшими источниковедческими уроками В.Б. Голофаства для автора сих заметок являются:

характеристика истолкования текста (скажем, интервью) — как нового текста, как стороны диалога исследователя с источником, как вхождения в «дискурс», и ещё дальше — в социально-культурное пространство¹. Это кажется красивой фразой, пока не познакомишься с отчётами об интервью.

Историки традиционно сильны другим — высккиванием в источнике «классового», социального заказа, тайного или явного. Так мы подходили к прочтению документов, особенно — идеологически заострённых. На другом полюсе были мнения массы, не публикуемые, но тоже необходимые историку, в частности, поколений. Достаточно сравнить официальную подачу в начале 1960-х гг. 40-дневной драмы 4-х моряков-тихоокеанцев (кстати — ровесников Войны), носимых по воле волн на неуправляемой барже, как подвига сынов Ленинского комсомола, — с частушками вроде: «Зиганшин — буги, Зиганшин — рок, // Зиганшин первым съел сапог, // Зиганшин 40 дней не ел, // Зиганшин очень похудел...». Публикации и такого рода источников теперь есть. Кажется невероятным, но факт, что можно встретить давно забытые считалки и куплетики пиратских и прибалтнённых песенок нашего, РВ, детства в замечательном сборнике «Школьный фольклор». Воистину, в истории поколения нет мелочей, презренных ветошек. — всё должно идти в дело...

Второй урок В.Б. Голофаства — строгая, даже разочаровывающая, оценка им биографий и автобиографий, многие из которых, во-первых, сильно идеологизированы, и во-вторых — написаны по правилу: «О себе — либо хорошо, либо ничего». Полезно разделение В.Б. биографических и автобиографических текстов на традиционные слои: о рутинной повседневности; о событиях далёких от жизни самого респондента; о «тайнах, загадках» судьбы². Все эти составляющие ценны для истории, наверно, больше, чем для социологии, если последняя не сосредоточена именно на изучении феноменов обыденного сознания.

---

¹ Голофаств В.Б. Ветер перемен в социологии. В кн. Голофаств В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет. Спб: Алетейа, 2006. С. 284.

² Голофаств В.Б. 3 слоя биографического повествования. Указ. кн.. С. 407-409.

3. К МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ. Перенос центра тяжести исторических изысканий с истории стран, народов, событий, явлений, процессов на историю людей, в том числе и особенно — обычных, на историю повседневности, длящийся в западной историографии уже многие десятилетия, и дошедший до нас в новых идеологических обстоятельствах — это естественная реакция либеральной, гуманистической историографии на предшествующий крен в сторону больших событий и имён. Но в конечном счёте — это путь в никуда. Ибо изучаемые объекты столь многолики и многочисленны, что никаких сил историков не хватит для освещения тысяч и тысяч индивидов, малых групп, их обыденности, в их окружении, с их опытом и кругозором, с их самосознанием. Предыдущая метода — от истории государства к истории общества, его крупнейших элементов, — пренебрегала частностями, иллюстрировала свои общенациональные наблюдения типичными биографиями, что не нравилось нам, ибо соотношение в публикациях положительного, созидającego социализм и — мешающего ему человеческого материала было задано господствующей Системой, воспринималось как несвобода обществоведения. Теперь, когда её, несвободы, нет, надо возвращаться к нормальному порядку исследования, ибо «смысл истории» раскрывается не в обыденных походах на работу и в магазин, а всё-таки в борьбе и сотрудничестве цивилизаций, народов, культур.

Ценность изучения класса, поколения, социально-демографической группы и т. д. в том, что из этих элементов соответствующие структуры общества сложены непосредственно. Историю народа не написать, описав типичные биографии всех малых групп и прослоек общества с их житейскими заботами. Она может сложиться лишь из общего очерка изменений в стране, вокруг неё и — из историй названных (и неназванных) элементов основных структур общества. В том числе — поколений как укрупнённых возрастных когорт /ПУВК/.

Официальные оценки, которые в советское время мы называли методологическими, теперь не служат маяками. Приходится самим выбирать то, что относится к методологии. В первую очередь — строить своё понимание проблемы исследования.

Для обществоведа проблематика поколения заложена в самом понятии. Даже если речь идёт об изучении одного поколения, без сравнений не обойтись. Тем более — в историческом тексте. Значит, строить историю поколения можно лишь по этапам его предыстории и истории, с упоминанием и предшественников, и потомков. Историко-социологическим такое

исследование становится благодаря правильному, с точки зрения социологии, определению особенностей Поколения как Укрупнённой Возрастной Когорты /ПУВК/.

Главная такая особенность — возрастное, т. е. формальное, измеряемое, единство людей, принадлежащих к одному ПУВК.. С производными характеристиками, применяемыми социологами: когорта людей, одновременно закончивших обучение; одновременно начавших работать и т. д. Естественно, демографы для своих целей оперируют когортами: одновременно вступившими в брак, родившими 1-го ребёнка и т. д.

Таким образом, ПУВК — это часть народа, столь же сложная по социальному составу, как и весь народ. А потому выбор информантов должен быть представительным, включать в себя людей города и деревни, разных классов и слоёв, социально-демографических групп. С упором на типичное, но не обходя вниманием редкое¹.

Пропорции, сочетания слоёв — у каждого поколения свои. На схеме горизонтальных социальных слоёв (классовых, национальных, расселенческих, гендерных и пр.) ПУВК будет всегда полосой вертикальной, пересекающих эти слои, ибо они составляют его, поколения, структуру по всем перечисленным признакам². В этом и трудность, и преимущество поколенческого подхода к истории общества как истории его поколений. Описывая историю ПУВК, мы пишем её, очищенную от «шероховатостей», вызванных наличием в народе всегда нескольких разновозрастных частей:

- сильной здоровым консерватизмом, ушибленной опытом старшей части;
- становой, несущей главную тяжесть исполнительского труда зрелой части;
- и — мятущейся, жадно хватающей всё новое и чужое молодёжи.

Характеристика каждой из них невозможна только по внешним признакам. Важно знать, что думает о себе каждая УВК, как её воспринимают другие когорты. Это может дать прежде всего социальное исследование.

И лишь после этого, более всесторонним, осмысленным, «плотным», как писал В. Б. Голофаст³, становится описание на основе теории. Последнюю же нельзя делить на полоски между науками. Она, теория смены поколений, может быть только единой, но с учётом особенностей такой сме-

---

¹ Голофаст В.Б. Ветер перемен в социологии. С. 281.

² См. Социология /Г.В. Осипов и др./ С. 52.

³ Голофаст В.Б. Ветер перемен..... С. 270.

ны в различных сферах жизни и деятельности. Базируется данная теория, несомненно, на прочной основе объективных данных об условиях труда, способах деятельности на достигнутом этапе цивилизации. И дальше, всё расширяясь, включает характеристики менее важных сторон образа жизни, а затем — и образа мышления ПУВК, мнений о нём и т. д. Итак:

Историко-социологическое изучение ПУВК есть соединение исторического, структурного (состав поколения), функционального (его деятельность) подходов. Изнутри такое исследование предусматривает рефлексию, т. е. самопознание поколения в лице его представителей из разных социальных групп, наделённых способностью выражаться научно или хотя бы публично, отражая самопонимание когорты в русле социологии «понижающей», опереживающей.

То есть; от феноменологической социологии — к понимающей, а от неё, на основе её — к эмпирическим исследованиям, по возможности коллективным, ведомым разными по возрасту, происхождению, культуре исследователями, для приглушения односторонности, для объективности портрета¹. Что же до драматического метода, то каждый исследователь принадлежит к своему возрасту, поколению и волей-неволей в рамках этого метода свою роль играет, в меру её понимания и по мере возможности, конечно.

Плодотворным, хоть и не всегда бесспорным, представляется использование сходных для истории и социологии понятий. Социологи подчас чрезмерно расширяют трактовку социокультурных изменений. Мне как историку-аграрнику непонятно, когда в названии глав работы о современном социально-экономическом положении села нет ни слова о культуре. Но вся работа названа: «Социально-культурные трансформации /читай: «преобразования»/ современной деревни». Потому-де, что все социально-экономические изменения даны в восприятии самих сельских жителей. А последнее — факт сознания. А сознание — сродни культуре. Длинновата цепочка... Рациональное её звено — напоминание о могучем влиянии культуры, в самых разных её трактовках, на восприятие людьми разных поколений современных проблем.

Совершенствуется **МЕТОДИКА** социологии (и демографии, и пограничных меж ними исследований).

---

¹ См. Капитонов Э.А. Социология XX в. История и технологии. Ростов-Дон: Феникс, 1996. С. 218-219, 233-243.

Поскольку у нас речь идёт об отчасти живущем ПУВК, доступны для историко-социологического исследования такие традиционные методы выяснения мнений поколения о себе и мнений о нём, как опрос, интервью, изучение источников личного происхождения. В идеале! Ибо не каждому доступен разбор документа: грамматический, семантический, кибернетический и цитационный, на что нацеливает учебник социологии¹. Всё важнее не только мнение, фиксация факта, но и знание причин, путей к данному явлению. Их раскрывают фокусные, углубленные интервью, биографический метод.² Одна из главных проблем, вряд ли разрешимая полностью, — искренности ответов респондентов. Ясно, что без использования данных возрастной и социальной психологи продвижение здесь маловероятно. А это значит, что историк должен ориентироваться и в проблематике, в методах исследования ещё и психологии. «Частное определение», отсюда вытекающее в адрес исторических факультетов: всё меньше собственно исторического материала следует давать студентам. Всё больше — знаний в области всех основных общественных наук. Полезным было бы и организационное объединение обществоведческих факультетов и кафедр в подразделения внутри вуза. Опыт есть, например в РГПУ им. Герцена.

4. ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ СТАТЬИ. Данный текст — часть Введения в рукопись монографии «Проблемы истории поколения российских ровесников Великой Отечественной войны». Но — не только истории. В рукописи широко использованы наблюдения коллег-обществоведов (демографов, антропологов, возрастных и социальных психологов и т. д.). Как упоминалось выше, без материала социальных исследований описывать многоликое и более чем 10-миллионное (к концу Войны) ПРВ было бы нерационально. Этим и объясняется авторское внимание к социологии.

Цель исследования ПУВК как элемента поколенческой структуры общества достижима, если сей элемент структуры становится предметом исследования. Последнее может выступать и как средство достижения иной цели, т. е. описания всей структуры. А в динамике — системы поколений-когорт.

На основании чего, каких показателей, характеристик? Не нами сказано: «По делам их узнаете их». Достаточно ли вычленил вклад поколения в победы и поражения нашего народа, социалистического строя, в причуд-

---

¹ Капитонов Э.А. Указ. соч.. С. 178.

² Голофаст В.Б. Ветер перемен .... С. 284.

ливое переплетение старого и нового в современной России? Нет. Ибо, как уже отмечено выше, гуманизация обществоведения требует внимания и к повседневному образу жизни и мышления, чувствований людей.

Возвращаясь к урокам В.Б., привожу его мнение о цели исследования личных источников: Не советы Власти, а «социальное обслуживание читающей публики разных возрастов»¹, то есть — социальное просвещение. Такова же цель изучения и ПУВК, обращенная вовне.

Личная моя цель — попытаться определить смысл существования предмета исследования — своего поколения-когорты, его роль в истории страны, народа..

Самый примитивный способ — последовательное (ибо параллельное технически невозможно) описание места и роли своего поколения-когорты в основных сферах — хозяйственной, политической, социальной и культурной, согласно перечню фундаментальных институтов общества². Вот план-метод (слишком обширный, чтобы его можно было раскрыть в одной статье) системных характеристик из книги по исторической социологии

социально-деятельных (?) структур;
механизмов функционирования общественных (под)систем;
социокультурной и бытовой специфики;
социально-группового поведения людей...

...«в различных общественно-исторических средах», продолжает автор этой конструкции³. Что наводит на мысль о сравнении всех перечисленных позиций в советской и послесоветской среде (скажем — в 1986-1996 гг.) Но ещё существеннее — возможность сравнения жизненных путей, места в своих структурах людей одного возраста, живших и живущих в основных мирах, цивилизациях второй половины XX — начала XXI вв. Эта работа мной начата. Для продолжения нужно бы сотрудничество с коллегами из нескольких стран, принадлежащими к изучаемому ПРВ и интересующимися данной темой. А пока этого нет, обратимся к отечественным особенностям Времени и Места жизни ровесников Войны.

ВРЕМЯ И МЕСТО ЖИЗНИ ПРВ.

---

¹ Голофаст В.Б. Ветер перемен .... С. 282.

² См. Яковлев И.П. Социология. Учебное пособие. СПб: ИВЭСЭП, «Знание», 2000. С. 79.

³ Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып.1. Учебн. пособие. М., МГУ, 1977. С. 11.

О МЕСТЕ жизни изучаемого поколения можно сказать коротко: РСФСР, затем нынешняя РФ. Уточняя: под российской территорией, конечно, понимается вся она в границах, существовавших, согласно советскому законодательству, во время появления на свет изучаемой общности, т. е. в 1941-45 гг. Чтобы не увязнуть в деталях, нет надобности привлекать материал о людях, рождавшихся в эти годы в Кёнигсберге или на Южном Сахалине, или в Туве... Но о детях, родившихся у гражданок РСФСР на оккупированной советской территории или в концлагерях, или во время их принудительных работ в Германии, в Прибалтике и т. д. — речь, естественно, идёт.

В расселенческом плане идеально было бы равномерно привлекать материал из всех природных и экономических регионов РСФСР. Но «в первом приближении» можно ограничиться среднероссийской статистикой, иллюстрируя детали, аспекты, обстоятельства жизни и судьбы ПРВ, в основном, опубликованными числами и фактами из документальных сборников, результатами представительных для России и крупных регионов (промышленных, аграрных и т. д.) социальных исследований, характеристиками РВ, данными в экономической, психологической и другой общественно-научной литературе. Последняя часто содержит искомые материалы не только российского, но и регионального масштаба.

Ясно также, что городской материал и сельский должен занимать равное место, тем более, что большинство РВ родилось именно в деревнях.

Сложнее с характеристикой **ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ ПРВ**, т. е. 65-70-летия (1941/45 — 2010 гг.). Ровесник (ровесница) Войны, родившийся и живший в глухой деревне, мог за свою жизнь побывать аж в 4-х «цивилизациях»! В *аграрной*, ибо механизация, особенно комплексная, пришла на фермы, на овощные поля, окончательно лишь в 1970-е годы. Я в начале 60-х (дер. Лампово Волосовского р-на ?), О.Б. Божков в начале 1970-х видели деревни под Ленинградом без электричества. В *индустриальной*, с её животноводческими комплексами и автоматизированными птицефабриками. В *послеиндустриальной, информационной*, когда Интернет, вслед за Телевидением, пришёл кое-где в деревню. *4-я, сегодняшняя, «анти-цивилизация»* названия пока не имеет. Ибо это время умирания деревни, а может быть, и не только деревни, из-за мучительного гниения остатков советского строя дел, мыслей, привычек среди ещё более отвратительных ростков-мутантов, насаждённых или допущенных нашими горе-западниками. Островки патриотизма, отеческой Веры не меняют общей картины.

Всё это было, и не раз, в нашей истории.

Вспоминается прозрение П.В. Волобуева, других ведущих историков страны, обнародованное в условиях перестройки: главной особенностью развития капитализма в России было причудливое, мучительное для большинства населения, наложение, переплетение, во-1-х, докапиталистических и капиталистических отношений, во-2-х, — стадий самого капитализма (ранней, свободной фабричной и монополистической)¹. Диалектика сыграла злую шутку со страной. Без взрывоопасной многоукладности не соединились бы и не свалили бы царский режим основные революционные потоки. Но наследие той же многоукладности не дало нормальных условий для строительства и победы нового строя. Я уже не говорю о более известных причинах: враждебном окружении, необходимости постоянно сохранять мобилизационную готовность, о потерях в Войне и репрессиях и т. д.

Не менее разрушительными оказались при жизни ПРВ стадийные, цивилизационные противоречия: стремление строить социализм на огромных пространствах Юга СССР «минуя капитализм», на костях феодально-байского миропорядка; перемещение из аграрной «цивилизации» в городскую не менее 70-ти миллионов людей при жизни всего двух поколений; болезненная, очевидная и официально скрываемая, многоукладность сельского хозяйства с его примитивным, но наиболее производительным личным сектором... Не продолжаю, ибо перечень был бы слишком длинен.

Если же не заострять сравнения предельно, то главная, деятельная часть жизни условного представителя ПРВ (от 30 до 50 лет) прошла в 1973 — 1993 гг. в условиях советского варианта индустриального общества.

Вписывая это в традиционную периодизацию: ПРВ было современником, участником, в разной мере и в разном качестве, 6-ти этапов отечественной истории (или *социально-исторических ситуаций*²) в РСФСР-РФ: позднего сталинизма, «оттепели», Застоя, Перестройки, людоедских преступных «реформ» 1990-х гг., временного преодоления их последствий и укрепления Государства в 2000-е гг. Сегодня мы на седьмом этапе отечественной истории с его новым, ещё более усложнённым сочетанием старого и нового, понимая под старым не только советское, но и недавнее. В процессе очередной модернизации роль ПРВ будет явно ничтожной. Сам термин вспоминаю только для подхода к теме современности. Ибо модернизация есть «осовременивание».

¹ См. Волобуев П.В. Выбор ...(?)

² Лашук Л.П. Указ. соч.. С. 129.

...Историкам должно быть чуждо кокетство социолога-теоретика, якобы не знающего, «где исходная точка современности, где её «фрейм (?)» (МАТЬ-ПЕРЕМАТЬ! СКОРО ВОООЩЕ РУССКИЙ ЗАБУДЕМ...). Мол, не современники ли наши и давно покойные классики...»¹ Не надо быть обществоведом, чтобы сообразить, что современность — это этап событий, явлений продолжающихся. Советский период нашей истории к таковым явно не относится. Даже 1990-е годы уже не вполне современность, а скорее переход к современности.

Зная в общем и целом историю нашей страны в 1940-е — 2000-е годы, стоит ли более подробно говорить о социально-исторических ситуациях, в коих оказалось с детства и прожило жизнь ПРВ? Очевидно, нет. За исключением времени его формирования, социализации в возрасте подростковом, юношеском, в молодости, то есть примерно с 11-ти до 22 лет. Ибо впитанные тогда представления о мире и обществе неистребимы в социальном подсознании, даже если жизнь показывала их неправильность. Для условного представителя ПРВ, родившегося в 1943 г., эти этапы пришлось на 1954 — 1965 гг. Мы не были участниками, деятелями «оттепели» или исполнителями контрреформ 1964-65 гг. Но свидетелями, и слушателями, и переживателями — были! Начиная с детских частушек: «Огурчики — помидорчики, // Сталин Кирова убил в коридорчике...», продолжая полудетским неприятием фальши пионерской активности, неверием в загнивание «капитализма» с его якобы огромными пособиями по безработице и роскошными кадиллаками, с его сурово-пряной и вкусно выпивающей литературой XX в. Мы и верили, и не верили КПСС с её честной, мужественной, казалось бы десталинизацией, но — с окриками в адрес «Тарусских страниц», со ссылкой за тунеядство И. Бродского. Мы гордились успехами в космосе, мощнейшей водородной бомбой, отпором англо-франко-израильской агрессии против Египта, приходом революции на Кубу, но понимали, что мир был на волосок от ядерной катастрофы ... Химизация народного хозяйства дала нам нейлоновые рубашки и плащи «болонья», но не вытащила на уровень стопудового урожая зерновое хозяйство.

На языке В.Б. актуализация данного этапа жизни ПРВ звучит так: интерес к интенции, замыслу, проекту...² Восстановима ли карта жизненных планов молодёжи первой половины 60-х?

¹ Козловский В.В. Современность как цивилизационный фрейм. В кн. Социологи вчера, сегодня, завтра. 4-е социологические чтения... СПб, 23-25 марта 2010 г. Запись выступления — в архиве автора статьи.

² Голофаст В.Б. Ветер перемен .... С. 274.

Да, благодаря тому, что наша социология рождалась заново на молодёжном, самом отзывчивом материале. Характеризуя свои идеалы, от половины до трёх четвертей опрошенных в 1963-64 гг. молодых людей, в значительной мере представлявших ПРВ, на вопрос: «Что прежде всего Вам нужно для того, чтобы быть счастливым?» ответили:

«Иметь интересную, любимую работу»; «Любить и быть любимым»; «Пользоваться уважением окружающих»; «Всегда иметь цель в жизни»; «Приносить пользу людям». И лишь каждый третий назвал деньги, отдельную квартиру. Но жизненные ориентации были несколько прозаичнее. В опросе 1966 г. 55 % молодых респондентов на третье место после интересной и любимой работы, завершения учёбы, поставили стремление к материальному благополучию¹.

Читая у В.Б. о социотехнике, направленной социализации, об идеальных биографиях, призванных воспитывать², пытаюсь вспомнить, с кого нам предлагали «делать жизнь». С товарища Дзержинского (Маяковский)? Но время было совсем иное. С Павки Корчагина и его автора? С Владислава Титова? Но большинство из нас не воевало, не горело в шахте, и не лежало потом в параличе, без рук... С Алексея Маресьева, Молодогвардейцев? Но задумывающиеся ровесники Войны поняли или почувствовали, что в условиях мирного строительства мира перевёрнутых понятий все положительные человеческие качества или непригодны в прямом действии, или надо быть готовым к социальному изгойству, даже юродству. А незадумывавшиеся просто стали жить вполпьяна, одним днём, под рок «на костях», решая сексуальные проблемы в загородных «турпоходах», резко отвернувшись от морально устаревшего, серого, поколения родителей (примерно, 1910-х гг. рождения).

Партия, комсомол звали нас на стройки ГЭС, на целину, но всё важнее становился вопрос о зарплате, об условиях быта, об окружении, в конце концов.

Дальше начиналась самостоятельная молодая жизнь, тоже полная противоречий, но уже более привычных, ибо закалку против них получили крепкую. Особенностью рубежа 60/70-х годов для советского общества было неустойчивое равновесие между инерцией либерализации (отчасти — под давлением Запада), сохранявшей для части населения, прежде

---

¹ См. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодёжи России. Учебн. пособие. СПб: СПб ГУП, 2000. С. 116-117.

² Голофаст В.Б. Ветер перемен.... С. 273-

всего — для молодёжи, ощущение прогрессивных перемен, и постепенным поворотом руководства к новому окостенению в теории социализма, в кадровом постоянстве, — что вызывало внутренний протест, а чаще — апатию, отчуждение молодых от попыток совершенствования производства, общественной жизни, от подъёма подлинной культуры. Всё более жадными глазами мы взирали на богатый и свободный Запад... И это отражалось в результатах социологических исследований человека на производстве, в потреблении, в отношении к общественным делам.

В итоге мы оказались, наверно, первым по счёту промежуточным советским поколением с неуверенностью в правоте и перспективности социализма. Не как идеи, но — как её воплощения в особо трудных условиях, в которых находилась наша страна в XX в. Одной из главных причин этих трудностей, одним из главных их следствий, было изменение структуры общества, причём не стихийное, вследствие изменений экономического строя, а в приказном порядке, когда КПСС видела необходимость таковых преобразований, начиная с ликвидации нэпманства и кулачества в первой пятилетке, и заканчивая разрешением в конце 80-х индивидуальной и кооперативной трудовой и спекулятивной «деятельности», разрешением со стороны вчерашних партийных бонз растаскивать в частную собственность общенародное богатство, в результате чего в обществе снова явились буржуа и пролетарии, в насмешку именуемые тоже «господами».

Какие же места занимали люди ПРВ в структуре общества, вернее — в структурах, коих столько же, сколько основных общественных подсистем?

ПРВ в структурах общества. Структура ПРВ.

О подсистемах строкой выше было сказано, наверно, напрасно. Понятие «система поколений» звучит странно. Ибо ни национальной, ни региональной, ни местной «организации» сотрудничества и смены поколений нет. Нет такой особой организации и в трудовых коллективах (если не вспоминать о движении наставничества на производстве в 70-е ? гг.), и в общественных организациях. Что-то вроде негласной «подсистемы» по возрастам и срокам демобилизации было в Вооружённых Силах, но зачастую в таких неуставных и прямо преступных формах, что это была «анти-система».

Иное дело — структурное деление общества. Поколение как укрупнённая возрастная когорта /ПУВК/ прежде всего — элемент *социально-возрастной* структуры. Но, по определению, не просто возрастной, а поколенческой, т. е. структуры укрупнённых возрастных когорт, однопорядковых с изучаемой когортой. Начальное слово тут принадлежит демографам. Впа-

дины на соответствующих «этажах» демографической пирамиды показывают численное отставание ПРВ от предыдущей и последующей 5-летних возрастных когорт. То же повторялось в дальнейшем через 25 лет как «эхо Войны». Так, уроженцы Войны имели в 1970 г. всего около 9,5 млн детей в возрасте до 4-х лет, то есть меньше, чем было их самих рождено к концу Войны.

Роль социологии в изучении демографических процессов очевидна — понять и обнародовать личностные причины, отношение людей к регулированию численности детей, к другим демографическим явлениям и процессам. Не умея предвидеть весь ужас «реформ» 1990-х гг., некоторые социологи писали накануне: «Следующее «демографическое эхо» следует ожидать в 1995-2000 гг., когда родившиеся в начале 1970-х гг. достигнут репродуктивного возраста.»¹ Отвлекаясь от этой важной, но — частности, можно сказать что при жизни ПРВ заканчивался переход от традиционной к современным моделям: воспроизводства, семьи, механического движения населения по лику страны. Но демографическая модернизация у нас опиралась отчасти на сохраняемые ценности, отчасти же — на невиданные в мире идеологические. Она не выростала, а насаждалась социальными и административными методами. То есть, была консервативной и «инструментальной»².

В советских условиях, которые для упрощения отождествляю с пиком зрелости ПРВ, т. е. с их условным 40-летием в 1983 г., определяющим положение в обществе был *доступ к действительной власти, участие во власти*. Век 40-летних управленцев заедали кремлёвские старцы и их присные, сидевшие на первых местах в министерствах и обкомах партии. С другой стороны, власть «средних начальников», особенно не депутатов и делегатов, но аппаратчиков, была вполне реальной и более предпочтительной в смысле меньшей опасности выпасть из номенклатуры. По партийной линии — это примерно должности зав. сектором, консультанта ЦК, замзав отдела обкома, крайкома (= республиканского ЦК партии)... Основная роль этого звена руководства заключалась в чёткой передаче исполнителям директив, контроле исполнения и составлении отчётов, справок...

О политике речь заходила у социологов лишь в рамках измерения общественно-политической активности. Прослеживалось деление работни-

¹ Социология. /Г.В. Осипов и др. М., 1990, с 173.

² См. подробнее: Вишневский А.Г. Незавершённая демографическая модернизация в России// SPERO, 2009, № 10. С. 55-56.

ков на три приблизительно равные части /Ю.Г. Чуланов, на материалах Ленинграда 1970-х гг. /:

передовики в труде, общественники; 2) средний слой; 3) отстающие, пассивные.

Достаточно благополучны были показатели дружелюбности или нейтральности межнациональных отношений, особенно в городах, у поколений, родившихся в 40-е и последующие годы /Ю.В. Арутюнян. Социальное и национальное. М., 1978/

О *политических взглядах* поколений, во всяком случае, в открытых исследованиях, речи не было. Господствовал со сталинских времён тезис о морально-политическом единстве народа, о передаче революционных, боевых, трудовых традиций. И конечно — об интернационализме. Для моего поколения это означало, в частности, возможность участвовать в помощи дружественным арабским режимам против израильской агрессии, социалистической Кубе, Вьетнаму — против зверств армии США и их союзников.

В *общественно-политической жизни* страны, «звёздный час» людей ПРВ пришёлся на 1990-е годы, когда им в среднем было немного за 50 лет. Во-1-х, из-за засилья старших поколений в руководстве во время советского застоя кадров. Во-2-х, из-за всплеска активности «60-ников» на этапе перестройки и в первые годы злодейских «реформ» 1990-х гг. Вот две иллюстрации:

удельный вес уроженцев 1940-х годов среди «элиты» СПб к концу 1990-х приближался к 1/3, но уже начинал уменьшаться! Всего за 1 год — с 32,5 до 31,9 %. Причём среди родившихся в 1940-е гг. люди ПРВ составляли в ряде отраслей меньше половины¹. Натиск следующих когорт был силён. К чести поколения, надо сказать, что большинство его представителей, названных в сборниках «кто есть кто», прежде всего производственники и учёные, поднимались по ступеням карьеры не вскачь, но истово осваивая каждую...

В конце 2000-х гг. «в составе элиты красные директора остаются, но их примерно в 3-4 раза меньше... Число представителей элиты с партийным коммунистическим прошлым в составе исполнительной и законодательной власти неуклонно падает, так как из её состава постепенно выбывают люди после 60 лет»².

---

¹ Васильев В.К., Кузин О.С., Угрюмов В.Б. Кто есть кто в СПб: биограф. справочник. СПб: Лениздат: вып. 4; 1999; вып. 5; 2000.

² Чирикова А.Е.: «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп, 2010, № 1. С. 11.

В структуре *рабочей силы* РВ не занимали равного места с другими 5-летними возрастными когортами из-за их, РВ, относительной малочисленности. Возможности их были выше, чем предыдущих когорт, благодаря более высокой образованности, общей и профессиональной. Но осуществление этих возможностей нередко уступало старшим когортам, унаследовавшим приверженность к труду, культ труда от досоветского крестьянского большинства населения и от потомственных пролетариев, мастеровых. Советская социология труда, начиная с новаторского исследования «Человек и его работа» — большой резерв информации о главной составляющей жизнедеятельность, в частности, изучаемого ПРВ.

В структуре населения по признаку *объёма и форм получаемого дохода*, и на этой основе — по *имущественному положению*, при жизни ПРВ происходило, как мы знаем, в официальной экономике, постоянное подтягивание низших слоёв к уровню средних. Попытки компенсировать неудовлетворенность молодой части населения ростом доходов от общественного производства без достаточного подкрепления их товарами и услугами вели к дефицитам и вызывали отложенный спрос, скрытую инфляцию. Обследования уровня потребления в провинции в 70-е — 80-е гг. (Таганрог и др.) показывали, что потребности, подхлестываемые рассказами о западном «качестве жизни» и лозунгом XXIV партсъезда о первоочередной задаче подъёма народного благосостояния, росли быстрее, чем обеспеченность семей «товарами длительного пользования». В целом доходы росли у всех групп, но чем ниже группа, тем активнее её доходы поднимали. Поскольку это не было связано с ростом производительности труда, постольку назревало банкротство советской хозяйственной системы к середине 1980-х. В поколенческом плане ситуации с личными трудовыми доходами характеризовалась постепенным увеличением начальных зарплат входившей в жизнь молодёжи. Дальнейшее увеличение происходило нескоро. Лишь к середине трудового пути масса молодых специалистов — ПРВ имела шанс подняться в середину, а то и на верх средней группы по доходам.

Тем более для людей ПРВ, не закалённых, как старшие голодом и бестоварьем Войны, было падение доходов в 1990-е годы. Большая часть их оказалась в нижней части «доходно-имущественной пирамиды», и только временное преодоление катастрофических явлений в экономике в 2000-е годы, опыт вживании в новые трудовые и имущественные отношения, помог части наиболее активных ровесников Войны подняться с колен нищеты и бедности. В целом социальные различия в «новой» России стали

более явными, чем в Советской, особенно усугубившись между дезорганизованными, боящимися защитить свои куцые права, наёмными работниками и — жирующими хозяевами производств, прибравшими к рукам куски общенародной собственности... РВ были среди тех и других.

В составе *структуры социальной* (в широком смысле слова) ПРВ занимало своё место в зависимости от своей численности, но и — от преобразований, которые происходили с численностью классов, слоёв, больших групп в 1960-е — 2000-е годы.

Как известно, главным направлением советской социологии было обоснование официального тезиса о преодолении существенных социально-классовых различий в обществе, т. е. — о стирании граней между классами (и слоем интеллигенции), между городом и деревней, работниками преимущественно физического и — умственного труда, а также — социально-территориальных существенных различий, не связанных с неустрашимой природной спецификой. «Диалектично» предсказывали ослабление своеобразия наций и народностей наряду с всесторонним подъёмом национально-республиканских образований... Все советские люди, и ПРВ в том числе, были приписаны к перечисленным категориям населения.

Мы, советские обществоведы, на всю жизнь запомнили классическое ленинское определение классов в статье «Великий почин», которое пытались, с приличествующими социализму оговорками, прилагать и к нашей строю. Есть ли в нём рациональное методологическое зерно для данного случая? Есть.

Ибо и в советском обществе развитого социализма людей разделяло неодинаковое:

Отношение к средствам производства. /Но реальный социализм показал, что на первом плане не формальные отношения собственности, ибо вся она была (партийно-)государственной, а владение и распоряжение ею. Последние функции выполняла «элита» разных рангов, о которой было сказано выше.

Роль в организации общественного труда. /Благодаря более высокой образованности люди ПРВ — специалисты имели преимущество перед практиками, руководителями из числа предшествующих поколений, особенно на производстве. И в целом удельный вес занятых «умственным» трудом среди ПРВ был выше. Иное дело, что престиж «интеллигенции массовых профессий» падал./

Место в системе общественного производства. /Оно зависело от уровня индустриализации, развития науки в стране. Оба процесса имели экс-

тенсивный характер, но в создание индустриального общества люди ПРВ успели внести немалый вклад./

Формы и размеры присваиваемой доли общественного богатства советских тружеников, в том числе различных слоёв изучаемого поколения, определял целый ряд факторов: характер и содержание труда, его производительность, занятость в определённой отрасли, нахождение в природно-экономическом регионе, в том числе — на территории не РСФСР, а одной из дотационных республик и мн. др. Камнем преткновения для теоретиков был именно этот пункт ленинской характеристики классов. С одной стороны, нельзя было не признать перераспределения властью прибавочного продукта между классами, слоями, социально-территориальными общностями. С другой — запретными были даже предположения о возможности эксплуатации посредством такого перераспределения (например — деревни городом).

Экономическое положение, интересы, формы производственной организации по-разному давали классам возможность пользоваться властью, влиять на власть, бороться за неё.

Если упоминание о ленинских работах ныне не так принято, достаточно привести определения классов других знаменитых авторов, чтобы увидеть их сходство по сути. Речь идёт о «причинном компоненте, определяющем жизненные шансы», в частности — на получение прибавочного продукта; о «внешних условиях»; о «личном опыте»; об объёме и виде власти распоряжаться товарами и квалификацией ради получения дохода...¹

Начиная с руководящих тезисов второй половины 1930-х гг., обществоведы и пропагандисты вынуждены были так и этак использовать неполную, убогую, противоречивую классовую схему с несопоставимыми элементами: рабочий класс, колхозное крестьянство, народная интеллигенция. Лет через 40 добавили сквозь зубы к последней: «и служащие-неспециалисты». Общеправность государства заставила признать «интеллигенцию» не прослойкой, а полноправным, значительным слоем. Таково было последнее слово советской схемы.

Лишь в начале 90-х гг. освобождённые от идеологического диктата социологи признали основным социально-дифференцирующим признаком степень участия в реальной власти, а следовательно — в реальном присвоении средств и результатов общественного труда. На место совет-

---

¹ М.Вебер — о классах, статусных группах и партиях/ В кн. Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия. Екатеринбург, 1998. С. 232.

ской классовой формулы пришла другая триада: 1) Советская «элита»; 2.Её обслуга (в широчайшем смысле слова, включая нас, рядовых теоретиков КПСС); 3) Остальная масса подчинённых работников. Впору было ликовать по случаю падения пелены с наших глаз.

Но в результате возврата к капитализму разве не ту же по сути триаду мы увидели? На глянце журнальных — обложек характерные названия: «Лица», «Куль личности», «Фас», «Персона», «Карьера», снова «Личность», «VIP» и т. д. Это всё — гимн новой элите. Ей тоже нужна обслуга — от имиджмейкеров до трубадуров, от наёмных убийц до учителей, врачей и т. д. На третьем месте по-прежнему мы, вся остальная ...масса. «За что же боролись?!» — напрашивался вопрос. Честный ответ, по-видимому, таков:

— Материальное и моральное падение 1990-х годов — это наказание, заслуженное советскими людьми, находившимися к концу застоя в наиболее дееспособном 25-55-летнем возрасте (к коим относилось и ПРВ) за то, что не боролись, а ждали манны небесной от Перестройки вместо того, чтобы совершать маленькие перестройки на каждом рабочем месте.

Неудачный опыт частичного преобразования социализма сильно понизил и без того невысокий престиж: КПСС, её интеллигенции, интеллектуалов в целом, особенно после того, как лозунги демократизации и освобождения хозяйственной инициативы привели к разбитому, пустому корыту начала 90-х. Но самый трудный вопрос — о миссии, роли, престиже не социально-классовых (старых и новых) общностей, а поколений-укрупнённых возрастных когорт. Он не празден. Если есть общность, значит должно быть определено её место и роль в структуре и в системе.

Критериями оценки страт социология называет, в частности, Образованность, Доход, Престиж. Последний рождается из оценки обществом роли данной страты в важнейших областях жизни — трудовой, военной, культурной, воспроизводственной, воспитательной. Поколения-страты различны и по социальному поведению (степени общественной активности), по степени осознания своей миссии среди других поколений-возрастных когорт¹. Какова же была роль ПРВ? Зачем оно родилось на свет и прожило свой век? Объективно, демографически — затем, чтобы цепь поколений не закончилась. С точки зрения экономиста — возможны подсчёты трудового вклада ПРВ в накопление общественного богатства, доли его в потреблении... В плане антропологическом, наверняка, можно дать характеристику физического состояния людей ПРВ от рождения до сего

---

¹ См. Капитонов Э. А. Указ. соч.. С. 175.

дня. Медико-демографическая социология строго и справедливо осуждает ПРВ за их «вклад» в бездумное пренебрежение здоровым образом жизни, ухудшающее с каждым поколением и без того истрёпанный «генофонд» нации. Социология, проникшая во все поры общественной системы, могла бы, если имела целью, рассказать об особенностях социального самочувствия ПРВ по десяткам позиций и поводов на всех этапах его жизни...

Но как же быть с общественным авторитетом, «престижем» поколения. Кто даст ему оценку? В обыденной жизни нас, ровесников Войны, смолоду (как и всякую молодёжь) воспитывали и критиковали старшие, поколения Отцов и Дедов. Ибо мы были менее самоотверженны, патриотичны, не столь политически заострены по отношению к врагам мира и социализма...

По мере перехода от юности к молодости, когда накопились не намерения и внутренние протесты, а дела ПРВ, мы сами, в себе и через самооценки сверстников — писателей, публицистов, молодых политиков — стали оценивать свою роль, предназначение. Не очень доверяя комплиментам с партийных трибун нашей здоровой, в основном, молодёжи... Обобщить сегодня тогдашнюю нашу самооценку трудно, тем более, что мы были такие разные. Возможно, многие из нас понимали, чувствовали или надеялись, что на долю ровесников Войны выпало, а ещё больше — выпадет не только и не столько открытие тайн природы, материального мира, социального устройства, сколько: освоение на человеческом уровне разрядки международной напряжённости; открытие для себя и передача последующим поколениям всё более широкого спектра культурных ценностей; лишённые Бога, мы не могли надеяться на нравственное самосовершенствование...

Что же касается не поколенческой, а классовой, социально-профессиональной, семейной, и прочих самооценок, то при всём определённом модном скептицизме, пожалуй, мы, ПРВ, к концу молодости вжились в свои социальные роли. Об этом думается, когда читаешь выдержки из П.Л. Бергера о социальных ролях как типичных реакциях на типичные ожидания¹.

В зрелости оценивать нас начали Дети. И теперь уже мы оказались в положении консерваторов, сдерживателей прогресса... Не сегодня-завтра и внуки скажут о нас не всегда приятное слово. Но ведь все эти оценки ситуативны, относительны, проходящи.

Подойдём иначе. Кто создал престиж поколений фронтовиков? Они сами, за исключением авторов мемуаров, немного рассказывали о своих

---

¹ См. Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия. С. 7.

военных трудах. Их авторитет сложился из официальной, всё более мощной и щедрой, начиная с 1965 г., хвалы им за Победу, и из признания народом справедливости такой оценки. Мощнейшим средством здесь было и искусство, литература, отдавшая должное живым и мёртвым.

Кто прославил «шестидесятников» — активистов и «оттепели», и диссидентства периода застоя, и деятелей Перестройки? Пожалуй, публицистика, прежде всего советская, подцензурная, хоть и не поддержанная идеологическими фанфарами. Репутация их не была всенародной. Скорее — среди образованного слоя потребителей публицистики и соответствующей художественной литературы.

Мы же, слишком юные в «оттепель» и бывшие на излёте карьер к судьбоносному рубежу 80/90-х годов не успели, не смогли, воспитанные застоем, приложить свои силы ни туда, ни сюда. Поэтому и видится роль, «миссия» поколения «Ровесников Войны» служебной, проходной, промежуточной, неопределённой.

Социологи возразят? Приведут свои доводы? Тогда и продолжим этот разговор. Тем более, что по издательским условиям в данный текст не вошли многие сюжеты, аспекты историко-социологического изучения поколения ровесников Войны и в целом — поколений как укрупнённых возрастных когорт.

Проблемы метода и методологии в анализе фильмов

Записки на полях магистерской диссертации

1. Методологические трудности одного исследования

В данном случае внимание к методологическим вопросам анализа фильмов было вызвано нестандартной задачей, вставшей перед автором в ходе написания магистерской диссертации. Планировалось выделить основные версии истории России в современных массовых художественных фильмах отечественного производства. Однако вскоре оказалось, что большинство методов и методологий, сложившихся в отечественной традиции анализа фильмов малопригодны для решения этой задачи.

Исследование фильмов в отечественной социологии достаточно недавно повернуло от исследований кинематографа, где он в большинстве случаев фигурировал лишь в качестве индикатора «уровня культуры» или в аспекте «нравственно-опасного» потребления западной кинопродукции, и контент анализа текстов масс-медиа, к социологическому прочтению кинотекстов¹. Однако такое прочтение обычно ограничено феминистской методологией и основано на альтюссеровском понимании идеологии. В этом методологическом контексте идеология понимается как темы, понятия и репрезентации, посредством которых люди живут в образной связи с их реальными условиями существования. Поэтому художественные репрезентации вносят вклад в образное определение социального порядка. Киноиндустрия же относится к государственным идеологическим аппаратам, поддерживающим идеологический порядок ненасильственными способами. Несмотря на то, что данная теоретическая концепция приемлема для анализа конструирования гендерных ролей в кинематографе, она неприменима для исследования такой важной темы как репрезентация истории в современном кинематографе. Методы, выстроенные в русле такой методологии не достаточно чувствительны для выявления плюрализма

---

¹ Романов П., Смирнова-Ярская Е. По-братски: мужественность в постсоветском кино.

«идеологий». Возможно, поэтому она так популярна в анализе фильмов тоталитарных государств и используется для выделения гендерных стереотипов, но мало подойдет для решения задач данного исследования. Поэтому для решения данных задач была выбрана методология анализа дискурса.

Слово «дискурс» произошло от латинского слова, обозначающего бег в различных направлениях. Когда мы говорим «дискурс», подразумеваем регуляцию деятельности, отраженную в форме и порядке речевых высказываний. «Дискурс — это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт; [...] анализируя дискурсы, мы видим, как разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и высвобождается совокупность дискурсивных правил, обуславливающих дискурсивную практику¹». Эту регулирующую деятельность в разных теоретических традициях называют по-разному: фреймы деятельности, дискурсивные формации, ролевой обмен высказываниями. Но в любом случае, говорение связывается со знанием, правом говорить и производить знание, а, знание, соответственно, с властью. Анализ дискурса преследует цель «понять текстовые формы политических репрезентаций».

Сам метод появился во Франции как наука оппозиционная по отношению к современной лингвистике. Лингвистика, развивавшаяся под влиянием трудов Ф. де Соссюра, изучала только язык, мало уделяя внимания речи, процессам образования смыслов. Однако анализ дискурса также является формальной наукой: он помогает выявить речевые формы, которые придают смысл сказанному и, в то же время, отнимают, привязывая к сказанному ранее. «Целью анализа дискурса ...является выработка методов понимания продуктов речевой деятельности. По этой причине речь рассматривается не как данность, а как *факт*». То есть исследуются не только различные дискурсы, имеющиеся на данный момент, но и история их происхождения, образования, преемственности и разрывов внутри дискурса. Так, основные метафоры, которые использует Мишель Фуко в анализе дискурса — это «археология знания» и «генеалогия власти». Знание у этого исследователя спаяно с властью в единый пласт анонимных механизмов и ритуалов, которые поддерживают формы высказываний и познания.

2. Предмет исследования из разных методологических перспектив

Система культурного производства изоморфна политической системе, так как она интегрирована в политическую как определяющую цели социальной системы в целом. Они несводимы друг к другу, но вместе являются

---

¹ Фуко М. Археология знания. С. 48.

частями одного целого, и в каждой, как в обломке голограммы, заключена эта целостность. Поэтому по индустрии кино и его продуктах можно судить о политической системе и социальной системе в целом. На мой взгляд, анализ дискурса является инструментом, который может с достаточной тонкостью вскрыть обе подсистемы и выявить их взаимозависимость, и что он применим для анализа фильмов как и для анализа текстов. Сам термин «дискурс» был введен для того, чтобы показать взаимопроникновение знания и власти. И кино, несомненно, одно из самых эффективных средств создания и корректировки фонового знания, на которое опирается легитимация любой власти. Поэтому кинематограф успешно использовался и используется для пропаганды. Термин «дискурс» обозначает «поле осмысленности, как область, где образуются смыслы и значения», а значит, определяющую горизонт возможных действий актора.

Важной чертой, позволяющей дискурсу быть инструментом власти, является его обратимость на читателя или зрителя. Альтюссер в своей концепции идеологии называл это свойство власти интерпелляцией. Основополагающий тезис Альтюссера в самой известной из его работ — «Идеология и идеологические государственные аппараты» (1970) — был сформулирован следующим образом: «Идеология интерпеллирует (запрашивает) индивидов как субъектов. Категория субъекта конститутивна для идеологии в той же мере, в какой всякая идеология наделена функцией «конституирования» конкретных индивидов в субъектов».¹ Описываемая далее структура идеологии сопоставима с паноптическим устройством Иеремии Бентама: ее пространство организовано вокруг идеального субъекта, «взгляд» которого гарантирует целостность индивида и определяет для него особое место в действительности. Посредством идеологии индивид конституируется как (свободный) субъект, способный свободно подчиняться приказам Субъекта, то есть, как обязующийся свободно принять свою подвластность, чтобы производить действия и жесты подчинения исключительно добровольно. Смысл интерпелляции, таким образом, состоит в том, что индивид, интерпеллируемый идеологией, «распознает» себя как «кликаемого», как того, к кому обращен призыв и, таким образом, обретает возможность самоидентификации. Так, идеология «рекрутирует» субъектов среди индивидов, превращает индивидов в субъектов посредст-

---

¹ Althusser L. «Ideology and ideological state apparatuses», in Mapping Ideology (Zizek S., ed. Verso, 1994. С. 129. цит. по Альмира Усманова «Кино и немцы»: гендерный субъект и идеологический «запрос» в фильмах военного времени \\ <http://www.gap.lt/kv>

вом операции, которая называется интерпелляция. Интерпелляция свершилась, если окликаемый признал себя тем, за кого его принимают, т. е. произошла идентификация. Существование идеологии и интерпелляция субъектов, по мнению Альтюссера, суть одно и то же явление.¹ Дискурс так же обращается к реципиенту, призывая его к действию, опираясь на определенное и ограниченное другими дискурсами смысловое поле. Паноптическая природа кино позволяет эффективно осуществлять интерпелляцию.

Отличие теорий дискурса от теории идеологии Альтюссера в том, что первые выводят систему идеологии из языковых структур, Альтюссер же делает акцент на институтах (Государственных Идеологических Аппаратах и Государственных Репрессивных Аппаратах). Институты не оставляют без внимания и теории дискурса. Так, Фуко предлагает следующие шаги для установления происхождения разнообразных высказываний:

а) Первый вопрос: кто говорит? Кто из всей совокупности всех говорящих индивидуумов хранит данный вид языка? Кто его владелец? Кто обретает в нем свою неповторимость, свой престиж и, напротив, от кого он получает, если не гарантии, то, по крайней мере, презумпцию истинности? Каков статус тех индивидуумов (и только их одних), что обладают правом,— традиционным или установленным законодательно, обоснованным юридически или приобретенным спонтанно,— отдавать предпочтение именно данному дискурсу?

б) Необходимо описать также ту *институционализированную область*, [...] в которой на законном основании находит свой источник и точки приложения своих способностей, свои специфические объекты и инструменты верификации.

в) Позиция субъекта определяется тем положением, которое он может занимать в отношении различных областей и группы объектов: вопрошающий субъект вопрошает в соответствии с определенной решеткой исследования (эксплицитной или нет) и воспринимает все согласно своей программе информации; наблюдающий субъект наблюдает в соответствии с установленным перечнем определяющих черт и воспринимает наблюдаемое в соответствии с тем или иным дискурсивным типом [...] К этим пер-

---

¹ Althusser L. «Ideology and ideological state apparatuses», in Mapping Ideology (Zizek S., ed. Verso, 1994. С. 129). цит. по Альмира Усманова «Кино и немцы»: гендерный субъект и идеологический «запрос» в фильмах военного времени \\ <http://www.gap.lt/kv>

цептивным ситуациям необходимо добавить позиции, которые субъект может занимать в информационной сетке¹.

Но такой расширенный институциональный анализ только предваряет само исследование. Эта процедура направлена на то, чтобы «приземлить» высказывания, зачастую возводящие свое происхождение к туманным понятиям и отдаленным первоначалам. Анализ дискурса, по словам Фуко, ориентирован на то, чтобы «увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями, которые могли бы быть с ним связаны, как определить механизм исключения других форм выражения²».

Сам дискурс отстраивается от точек преломления, альтернатив, из которых он предлагает выбирать. Они характеризуются как исходные точки несовместимости, представляющие альтернативу в виде формулы «либо... либо». Они также служат точками сцепления при систематизации: «при отталкивании от каждого из этих элементов — одновременно тождественных и несовместимых — были образованы устойчивые ряды объектов, форм высказываний и концептов (что, возможно, сопровождалось появлением в каждом ряду новых точек несовместимости)». Операция приведения двух альтернатив позволяет создать видимость свободы объекта, подвергающегося воздействию дискурса. Например, почти на любом патриотическом интернет ресурсе зачастую как единственно возможная альтернатива регрессу и порабощению Китаем предлагается развитие тяжелой промышленности, в частности продолжение работы Байкальского ЦБК.³ Дискурс в методологии Фуко представляет собой единую целостность, скрепленную общими правилами именования, но с иерархией формаций, в каждой из которых различается степень строгости правил.

Хотя в книгах Фуко достаточно много иллюстраций, показывающих, что дискурсивные структуры укоренены не только в текстах, но и в изображениях, последние Фуко не анализирует. Исследует влияние дискурса на изображение Ролан Барт, строя свою концепцию мифа. Для Барта миф — это, прежде всего, коммуникативная система, сообщение, которое не может быть ни идеей, ни вещью. Миф — это форма вторичной семиологической системы,

---

¹ Фуко М. Археология знания. С. 50 — 52.

² То же. С. 28.

³ Статья А. Винькова «Почти библейская история», опубликованная в журнале «Эксперт» за 28 января (http://www.expert.ru/articles/2010/01/28/pohti_bibleiskaya_istore/) является одним из наглядных примеров.

где сложившийся знак, например, изображение, фотография, становится означаемым для надстроенной семиологической системы. При этом самостоятельный текст или образ становятся только формой для передачи концепта, который является частью дискурса. Главным свойством концепта является его предназначенность для какой-либо группы; концепт, в отличие от формы (в данном случае, мифа, который подается как не историческая и вневременная реальность) конкретен и историчен. Изображение же лишается своей истории, захватываясь мифом. Так, хрестоматийным стал пример изображения африканского солдата, поднявшего руку в приветствии, и смотрящего вверх (очевидно, на французский флаг). Это изображение имеет свою историю, свой смысл и происхождение, но, будучи вписанным в концепт «французская империя», оно сводится к иллюстрации верности этого концепта. Так фотография превращается в миф — потерявшее историю, деполитизированное, т. е. созданное для воспевания, а не для воздействия слово.

Барт описывает следующие риторические формы мифа:

Прививка.

Признаются второстепенными недостатки какого-либо классового института, чтобы тем самым лучше замаскировать его основной порок. Происходит иммунизация коллективного сознания с помощью небольшой прививки официально признанного недостатка, таким образом предотвращается возникновение и широкое распространение деятельности, направленной на ниспровержение существующих порядков. В соответствии с этим принципом построены сценарии большинства американских боевиков. В отличие от европейских боевиков, многие из которых выполняют критическую функцию, показывая конфликт героя, вытесненного в маргинальные группы, с существующими институтами, в американском боевике герой, ликвидировав по завершению своего действия антисистемные или деструктивные элементы, восстанавливает существующее статус-кво. Таким образом, мораль американского боевика, репрезентированную на уровне структуры фильма, можно упрощенно выразить в следующей формуле: общество, в котором мы существуем, является лучшим из возможных, но оно не лишено недостатков в силу того, что есть силы, покушающиеся на само его существование; если вы способны противостоять им, когда соответствующие институты не справляются (из-за медлительности или коррумпированности), вы можете оказать услугу обществу, оказывая им свободное содействие, когда это требуется¹.

---

¹ Куренной В. Философия фильма: упражнения в анализе. С. 98 — 104.

Лишение истории.

«История в мифе испаряется, играя роль некоей идеальной прислуги: она все заранее приготавливает, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остается лишь наслаждаться, не спрашивая, откуда взялась вся эта красота». Об этом же говорит Ги Дебор: «Настала пора, и христианство, разделившее власть в империи, стало развенчивать как просто предрассудки то, что осталось от этого упования [милленаристской утопии]: таков смысл августиновского утверждения, прототипа всех *одобрений* современной идеологии, согласно которому утвердившаяся церковь уже давно и была тем царством, о котором говорилось»¹. Как и августиновское утверждение, доминирующий политический дискурс объявляет предшествующую историю только приготовлением, естественной и неразрывной эволюцией, закономерным и единственно верным результатом которой оказывается существующий политический режим. Такая логика понимания истории по В. Беньямину («О понятии истории») характерна для победителей, для властвующей группы.² Именно в дискурсе доминирующих групп история представляется как одномерный гомогенный континуум «прогресса», вся логика которого ведет к господству тех, кто правит сегодня.

Доминируемые группы же лишаются истории: те отрывочные воспоминания, к которым они обращаются, прямо или косвенно объявляются господствующим дискурсом бессмысленными, отколовшимися от «правильного» исторического пути. Между тем, часто такие «неправильные» воспоминания своим существованием подрывают господствующую логику представления истории, обращаясь к разрывам и лакунам в господствующем дискурсе, вскрывая его шаткость и необязательность.

Отождествление.

Другой приравнивается к знакомой роли, не угрожающей сущности «взвешивающего»: «Судят всегда только себе подобных, но СБИВШИХСЯ С ПУТИ; ведь вопрос заключается в том, какой путь человек выбирает, а не в том, какова его природа, ибо ТАК УЖ УСТРОЕН ЧЕЛОВЕК».

Тавтология

Тавтология — это оборот речи, где что-то определяется через то же самое. В статье «Миф сегодня» считает, что в ней можно видеть один из маги-

---

Дебор, Ги. Общество спектакля. С 138.

² Жижек, Славой. Возвышенный Объект Идеологии. — Издательство «Художественный журнал», 1999. С. 142.

ческих способов действия, обозначающий недоверие к языку; тавтология может опираться только на авторитарные аргументы.

Цинизм

Цинизмом Барт называет риторическую фигуру, которая заключается в том, чтобы, сопоставив две противоположности и уравнив их, отвергнуть и то и другое.

Квантификация качества

Сведение качества к количеству в мифе, что экономит умственные усилия, «и осмысление реальности обходится дешевле».

Констатация факта

Под этой фигурой Барт понимает не любую констатацию, а направленную на скрытие уже сотворенного мира, прячущую следы его творения под вневременной маской очевидности.

Однако, как бы ни была привлекательна концепция мифа у Барта, нужно помнить о ее ограничениях, и о том, что сам исследователь в более позднем творчестве пришел к более сложным описаниям текста. В данной статье Ролан Барт провозглашает существование обрывков «мертвого языка», служащих идеологии — мифов. Но косвенно он говорит и о наличии «первичной» языковой реальности, «безгрешной» и не служащей идеологии. Как почти во всем раннем творчестве Барта коннотативные значения противопоставляются денотативным, причем последние становятся «естественными». В более позднем творчестве он уже относит денотацию к «последней из коннотаций». Даже словарные значения, по словам исследователя, не могут быть абсолютно нейтральными. Выход Барт видит в выделении в тексте кодов разного происхождения и разной степени абстракции, которые также можно адаптировать и к анализу изображений. Но, сводя текст или изображение к некоторому набору кодов, мы рискуем упустить моменты случайности, спонтанности в образовании новых структур, на которых настаивает постструктурализм. К тому же эта методика очень трудоемкая. Так, анализируя только один рассказ Бальзака, Ролан Барт написал целую книгу, «S/Z».

3. Дискурсивная реальность фильма.

Но дискурс в фильме не сводится только к тексту, он создает нацеленность фильма на зрителя, обращение к нему. Чтобы обратиться к зрителю дискурс затрагивает и форму фильма. М. Ямпольский так описывает функции дискурса: «Будучи теснейшим образом связанным с авторской позицией, дискурс, работая в повествовательном режиме, обеспечивает внятность повествования, его линейность. Одна из главных его функций

— организация причинно-следственных взаимосвязей в тексте. Из этой функции и вытекает его особая роль в формировании смысла фильма»¹. Киноповествование, по словам Ю. Лотмана, прежде всего, является повествованием, а значит в нем, как и в тексте, следом за Жераром Женеттом можно выделить сюжет, фабулу, нарратив, различные игры со временем (флешбек, предвосхищение, растяжение и сжатие времени). Но только дискурс придает всем этим приемам киноповествования направленность на зрителя, а значит, делает их понятными.

Как может проявиться дискурс в киноповествовании? Прежде всего, через тексты. Но как отличить тексты, направленные на зрителя от «проходных», играющих второстепенную роль в повествовании?

Одним из главных приемов, маркирующих направленность киноповествования на зрителя, является взгляд в камеру. «Взгляд в камеру, выявляя наличие автора и зрителя, подчеркивает сам факт существования дискурса и зрительно отражает его изнутри повествования, особым образом ориентирую «на меня». Но эта обратимость «ко мне» есть фундаментальная черта всякой дискурсивности. История существует сама по себе, повествование не имеет ориентации на адресат. Такая ориентация придается ему через дискурс, исходящий от автора и направленный к человеку (читателю, зрителю)²». Можно сравнить взгляд в камеру и сопровождающие его слова и действия актанта с «узловой точкой» дискурса. По Жижеку, господствующий политический дискурс строится на «пристегжке» к узловой точке (point de capiton), которая соединяет «плавающие значения» различных означающих, привязывая их все к одному. Такая связка в случае успешного применения создает впечатление, что значения, «пристегнутые к определенному понятию, были связаны с ним всегда. Так проявляется логика трансфера, который «состоит в той иллюзии, что значение элемента не задается введением господствующего означающего, а заложено с самого начала в его форме как имманентная сущность». Политически окрашенное понятие фиксирует «дрейфующие» значения и наполняет идеологическим смыслом пустые означающие, которые сами по себе нейтральны, но могут быть вписаны в почти любую идеологическую перцептивную решетку. Той же цели служат и пояснения в виде речи рассказчика, актанта или текста, включенного в фильм. Но основными дискурсивными элементами можно

---

¹ Ямпольский М. Язык — тело — случай: Кинематограф в поисках смысла. С. 254.

² Ямпольский М. Язык — тело — случай: Кинематограф в поисках смысла. С. 259.

считать именно те тексты и речи, которые обращены непосредственно к зрителю. Все прочие же, хотя и могут играть важную роль в киноповествовании, скорее пристегиваются к таким узловым точкам, включаясь в систему эквивалентностей дискурса фильма. Так, например, кадр с вертолетами из фильма «Апокалипсис сегодня» Ф. Копполы почти полностью воспроизведенный в «9 роте» Ф. Бондарчука, является «плавающим значением», которое уже не отсылает к оригинальному киноповествованию. А речь рассказчика в конце фильма, обращенная к зрителям, становится той самой узловой точкой, к которой привязывается смысл всей истории, рассказанной в фильме. Появление невидимого рассказчика, который смотрит на рассказанную в фильме историю с высоты будущего, является достаточно распространенным приемом, позволяющим придать определенный смысл этой истории. Но он работает в том случае, если рассказчик включается в нарратив в конце фильма, символически подводя итог рассказанной истории. Включение невидимого рассказчика в начале или посреди киноповествования препятствует идентификации зрителя с героем, хотя именно для этого иногда используется в авторских фильмах, например в фильме «Мой друг Иван Лапшин».

Систему эквивалентностей, то есть, в данном случае, оценку каких-либо персонажей или их действий можно проследить через используемые ракурсы. За свою историю кинематограф выработал определенную конвенциональность в отношении используемых ракурсов. Ракурс, как и конкретное действие, персонаж или мизансцена является носителем определенного значения. Структуралистский подход исследует и техническую сторону, поэтому А. Бергером была описана система смыслов, передаваемая с помощью ракурсов.¹

Нести смысловую нагрузку в фильме может не только ракурс, но и монтаж, способ съемки. Единого языка кино, универсального для всех фильмов, не существует, поэтому каждый из этих элементов может играть важную роль в дискурсе фильма. Выделить главные из них и проследить их взаимосвязь можно только с помощью интуиции исследователя. Можно примерно выделить следующий алгоритм анализа, которым, в прочем, нельзя ограничиться в анализе дискурса фильма:

---

¹ Цит. по: Ярская-Смирнова Е.Р. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. № 2. С.100-119.

Т а б л и ц а 1. Система смыслов, передаваемая кинематографическими знаками

ОЗНАЧАЮЩЕЕ	ОЗНАЧАЕМОЕ
Крупный план	Интимность
Большая часть тела	Личные отношения
Удаленная перспектива	Публичное пространство
Тело человека полностью	Социальное отношение
Кадр сверху вниз	Слабость, ничтожность
Кадр снизу вверх	Власть, авторитет

Хронология фильма — органическая последовательность времени внутри фильма, способ сжатия или растягивания времени

Непрерывность/прерывание времени (например, прошло 12 лет)

Хронологический принцип времени

Симультанный — монтаж действий

драматургический — показываются действия различных персонажей в одно и то же время

Полиэкранный — действие в хронологической последовательности развивается на нескольких экранах

Нехронологический принцип времени

Мечты

Интроспекции

Воспоминания («флешбеки»), позволяющие интерпретировать настоящее

Ахронологический принцип времени — фильм построен на ассоциациях, его невозможно интерпретировать однозначно (например, фильм «Антракт»)

Пространство фильма

Пространство события (фабула)

Экспрессивное пространство персонажей — настроение, создаваемое и передаваемое не только персонажем, но и обстановкой вокруг него

Символическое пространство

Способы съемки:

Панорамирование — движение камеры вокруг своей оси

Тревелинг — движение камеры вдоль своей оси

Траекторная съемка — сочетание панорамирования и тревелинга

Рапид — замедленная съемка

Субъективная камера — способ съемки, создающий впечатление взгляда «из глаз» главного героя

Смена резкости камеры

Монтаж

Метрический монтаж — монтаж основанный на длине отрезка пленки, обычно из равных по длине отрезков;

Ритмический монтаж — монтаж по параллельным или контрастным мотивам

Тональный монтаж — монтаж по эмоциональному наполнению, длина и ритмика в котором не имеют значения¹

Однако, пользуясь методами, выработанными в русле структурализма, важно не наступить на «структуралистские грабли»: значение киноповествования задано вовсе не в нем самом, а в восприятии аудитории, которое, в свою очередь, определяют тексты и практики, окружающие в повседневной жизни. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, например, что тот или иной фильм является пропагандистским, но можно сказать, что он будет воспринят как таковой определенной аудиторией.

С проблемами восприятия киноповествования исследователем связано и другое тонкое место в практиках анализа фильмов. Важно, чтобы фильм был воспринят исследователем в целостности и не сводился к нескольким идеологическим штампам, которые, возможно, ищет исследователь в фильме. Целостное описание тем более важно для исследователя, что такие штампы могут быть объектом насмешки или художественного переосмысления, которые рискует не заметить исследователь. Для такого описания можно использовать достаточно распространенную в области анализа фильмов методику функционального анализа волшебной сказки, разработанной В. Проппом. Поиск архетипов сказки, а также других известных культурных сюжетов, явно или неявно повторяемых в исследуемом фильме, поможет в сохранении аналитической дистанции.

Другой способ целостного описания фильма, вполне совместимый с первым, можно найти в работе Ю. Лотмана «Семиотика кино и проблемы киноэстетики». Киноповествование, как и роман, Ю. Лотман описывает как состоящее из множества преград (пространственных, временных, классовых), логика которых делает их непреодолимыми. Но они должны быть преодолены главным героем, актантом (актантами), так как только

---

¹ Эта схема основана на материале лекций по семиотике кино, прочитанных Яном Левченко в октябре 2009 года в СПбГУ.

подобное преодоление и запустит действие киноповествования. Также важно описание диегезиса фильма, то есть того пространства-времени, в котором разворачивается действие и обитают герои фильма.

4. Индустрия и производство смыслов.

Индустрия кинопроизводства — это место, где власть государства, крупных корпораций и создание символических репрезентаций смыкаются теснейшим образом. Прежде всего, это схождение проявляется в строении разного рода цензурных механизмов, более или менее сращенных с государством. Например, цензура сталинского кинематографа часто строилась на «общественном мнении», т. е. на рецензиях критиков, отзывах коллег по цеху, что формально мало отличается от механизмов формирования мнения о фильме в демократическом обществе. В современном кинематографе она тоже существует в более или менее строгих механизмах отбора и классификации. Например, судьбу американских фильмов, поднимающих острые социальные вопросы, часто решает рейтинг классификации, который присваивается Классификационным советом. И присвоение неоднозначному фильму рейтинга NC-17 ставит крест на его прокатной судьбе. Другим примером может служить сегодняшний российский кинематограф. Притом что большинство снимаемых фильмов убыточны, государством финансируются только патриотические «национальные» фильмы. Выделяются эти гранты на безвозмездной основе, то есть решающим становится не прибыль от фильма (которую в случае удачи можно получить даже во внутреннем прокате), а его государственно — патриотическое содержание.

Механизмы киноиндустрии часто невозможно ни объяснить, ни адекватно описать без представления об их историческом развитии. В качестве примера подобного исторического наследия, а также взаимосвязи производства образов со строением индустрии можно привести киноиндустрию России. Если в 1915 году в России существовало 47 частных фирм, снимавших фильмы, то к 1923 году выпуском фильмов занималось только государство. В 20-х годах еще показывались перемонтированные частные фильмы более позднего производства, новые фильмы появлялись только в государственном секторе. Постепенно создавалась централизованная система производства и проката. ВГИК был основан в 1919 году как Госкиношкола, с 1922 года это Государственные мастерские киноискусства, с 1925 — техникум кинематографии, с 1930 — единственный институт, где готовят кадры для кинопроизводства. В 20-е годы появился Ленфильм, в 1924-м году — Мосфильм. Поэтому Нэнси Конди (Nancy Condee) называ-

ет российскую национальную киношколу имперской: производство и распределение фильмов строго регулировалось центром, и в различной степени было доступно перифериям¹. При этом в институтах кинопроизводства постоянно проявлялись недостатки плановой социалистической экономики, такие как отсутствие мобильности и скрытая безработица. Игорь Кокарев, доцент ВГИКа и исследователь институтов кинобизнеса так описывает это: «В СССР жесткая, не имеющая альтернативы система подготовки кинематографистов представляла собой абсолютно закрытый мир, вход в который осуществлялся только через угольное ушко ВГИКа [...] Ключевым моментом в жизни выпускника было распределение. Верх желаний — попасть в штат Мосфильма. Худший вариант — получать зарплату на Киргизфильме или еще дальше от столицы. При этом все, независимо от профессиональных качеств, навечно устроены в штат, на зарплату. Чтобы годами ждать своей очереди на постановку». Прокат и зарплату специалистам киноиндустрии регулировали многотомные инструкции Госкино. Снятые фильмы лежали в архивах Госкино мертвым грузом.

Все изменилось в конце 80 — начале 90-х гг. в 1987 году в структуре Госкино был создан Союз Кинематографистов, а в 1988 году в существующей структуре киностудий были созданы независимые творческие объединения. Госкино передавало им первоначальный капитал, которым они должны были пользоваться самостоятельно. Территориально они оставались внутри Ленфильма, Мосфильма, студии им. М. Горького, но должны были пользоваться их павильонами, цехами, лабораториями, транспортом уже по договоренности.²

Союз кинематографистов СССР, а затем России, оказался более приспособлен к рыночным условиям, чем Госкино. Однако, хотя существовал проект его реорганизации в совокупность гильдий и Киноакадемию по примеру Голливуда, гильдии в его составе были образованы лишь формально. Союз кинематографистов не был коренным образом реорганизован в соответствии с требованиями рынка и во многом сохранил свою прежнюю структуру. В настоящее время Союз кинематографистов не играет значительной роли в киноиндустрии и лоббировании ее интересов перед правительством.

Такая система организации давала возможность проявить себя талантливым кинематографистам, но была разрушена система проката. Студии,

---

¹ Nancy Condee Imperial Ectoplasm \ \ <http://www.kinokultura.com/articles/oct04-natcine-condee.html>

² Кокарев И. Е. Кино как бизнес и политика. С. 224.

отказавшись от сдачи своих фильмов Госкино, стали продать копии всем желающим, не регулируя этот процесс законодательно и с помощью договоров. Это вело к хаосу среди кинопрокатчиков. К тому же технически и морально устаревшая сеть кинотеатров деградировала, так как кинотеатры часто использовались не по назначению.

В конце 1980-х гг. в России началось открытие зарубежных отделений мировых суперстудий, выпускающих фильмы. Первоначально сотрудничество началось с Советско-британской творческой ассоциации, созданию которой способствовало Госкино, и в которую вошел опытный прокатчик бывший представитель «Совэкспортфильма» в Англии Евгений Бегинин. Огромным успехом содружества стал прокат американской киноклассики — картины «Унесенные ветром», собравшей в СССР 42 млн. долл. несмотря на плохое состояние сети кинотеатров. Но уже в мае 1991 г. МРАА (Американская Киноассоциация, Motion Picture Association of America) объявила России эмбарго на ввоз фильмов суперстудий из-за тотального разгула пиратства.¹ Эмбарго было постепенно снято в конце 1992 года, а к концу 1990-х суперстудии окончательно вернулись в Россию, создав альянсы с российскими прокатчиками.

В 90-х годах также был принят непродуманный закон о налогообложении фонда заработной платы предприятий, не производящих товары народного потребления, что ударило по хозрасчетной модели кинематографа. Гонорары свободных художников, из которых должен состоять независимый кинематограф были урезаны, а поэтому кинематографистам было выгоднее оставаться на бюджетных предприятиях, где стабильно выплачивают зарплату. А так как стабильных объединений, отстаивающих интересы кинематографистов, еще не существовало, закон оставался в силе. Таким образом, можно согласиться с Нэнси Конди в том, что кризис перестроечного кинематографа скорее был вызван разрушением координирующего центра империи, чем экономическими или другими причинами.

С открытием в 1996 году кинотеатров с объемным звуком началась новая история российского кинорынка. Появилась сеть современных мультимедийных кинотеатров (multiplex), зачастую находящихся в недавно построенных торговых центрах. На сегодня в России действует 655 кинотеатров с 1492 залами (в США насчитывается 39668 залов в кинотеатрах — мультимедийных). Стало возможным получать прибыль от наиболее успешных отечественных фильмов. Но современные кинотеатры подобного типа от-

---

¹ Кокарев И. А. Кино как бизнес и политика. С 69.

крылись только в 20% городов, в остальных населенных пунктах фильмы показываются еще в старых кинотеатрах.

В 2002 году государство отменило налоговые льготы на инвестиции в кинопроизводство, одновременно увеличив его финансирование. Но государственная поддержка кинематографа заключалась, в основном, в безотчетном и безвозмездном финансировании «национальных фильмов» через гранты от Федерального агентства по культуре и кинематографии. Государство в настоящее время — это главный игрок в кинобизнесе. Поэтому, если в США большинство фильмов выходят при поддержке мэйджоров — крупный корпораций, совмещающих индустрию кино и другой развлекательный бизнес, по мнению кинокритика и режиссера Михаила Брашинского, роль мэйджора в России играет главный продюсер — государство, и любой фильм без господдержки можно считать независимым. В то же время не создано системы поддержки национального кинематографа, а поэтому эффективность рыночных механизмов тормозится государственной политикой выборочного спонсирования фильмов. К тому же государство обладает самыми мощными ресурсами по информационной поддержке, поэтому близость продюсера к федеральным телеканалам может сыграть решающую роль в итоговых кассовых сборах фильма. Например, оба «Дозора», «Турецкий гамбит» и «Статский советник», окупившиеся в прокате и принесшие прибыль, выпущены Первым каналом. К слову, окупилось не больше 5% вышедших в прокат картин из более ста фильмов, снятых в России за 2006 год. В то же время существует ряд относительно независимых от государства кинокомпаний, таких как «Амедиа», «Централ Партнершип», продюсерский центр «Леан-М», кинокомпания «СТВ». Совместные проекты с ними создают западные кинокомпании.

С доминированием государства как мэйджора и продюсера связаны и содержательные проблемы российских фильмов, которые беспокоят кинокритиков и исследователей. Так, Игорь Кокарев прямо называет многие фильмы последних пяти лет «мифами о врагах России», к которым он относит фильм Владимира Хотиненко о смутном времени «1612», две новые картины об Иване Грозном Андрея Эшпая и Павла Лунгина («Царь», 2009) и недавно вышедший в прокат фильм про Александра Невского. К подобным мифам он относит документальные фильмы Михаила Леонтьева («Смутное время») и отца Тихона («Гибель империи. Византийский урок»). Два последних фильма были показаны на государственном Первом канале, и их содержание, особенно фильма о Византии, вызвало возмущение многих серьезных исследователей, в том числе изучающих

историческую политику¹, то фильм Хотиненко я бы не стала относить к мифам о внешних врагах. Если данные документальные фильмы подают исторические события, явно проводя параллели с настоящим временем и воспроизводя дискурсивные конструкции «романтического реализма», одной из версий доминирующего политического дискурса, то фильм «1612» можно достаточно невнятен и не несет явного идеологического послания, его символы непонятны и фантастичны². Это заметили и простые зрители, у которых фильм не пользовался большой популярностью. Такая же судьба постигла и другие фильмы из этого списка: фильм Алексея Карелина «Александр. Невская битва» (2008) не заметили даже на блогах о кино, а фильм Павла Лунгина «Царь» по данным портала proficinema.ru сняли с проката в большинстве кинотеатров после первой недели показа, что делают только с фильмами, не дающими кассовых сборов. Непопулярность подобных фильмов может косвенно свидетельствует о том, что в них не были найдены удачные символы, интегрирующие общество.

5. Вместо вывода.

Говоря о ремесле социолога, Пьер Бурдьё предлагал разрешать дилемму целостного, но слишком общего описания масштабного предмета и сосредоточенности на его узкой области следующим образом: сначала, как общий эскиз здания, описать черты большой системы, а затем в деталях отобразить ее интересующую часть. Так, на мой взгляд, следует поступать и с анализом дискурса в массовом кинематографе. Прежде всего, следует описать индустрию кинопроизводства, ее ставок и институтов, ответив на вопросы, поставленные Фуко. Затем, в самых популярных фильмах можно выделить актантов, пространство-время и элементы, восходящие к волшебным сказкам. И только после этого можно выявить узловые точки и точки преломления дискурса в фильме, а также цепочки эквивалентности, тянущиеся от них. После этих процедур можно сделать вывод о соответствии или несоответствии дискурсов в фильмах и политическим дискурсам.

---

¹ Миллер А. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения // www.polit.ru

² Куренной В. Философия фильма: упражнения в анализе. С 198.

Профессиональная биография в период трансформации

Социально-профессиональная структура общества является важнейшей составляющей социальной структуры. Именно социально-профессиональная структура отражает как горизонтальное разнообразие видов деятельности, связанное с существующим разделением труда, так и вертикальную иерархию, обусловленную выполнением различных функций в организации трудового процесса.

Трансформация общества находит свое отражение в изменениях социально-профессиональной структуры. Эти изменения имеют разноплановый характер, затрагивают разные параметры профессиональной деятельности.

Прежде всего, в этой связи можно говорить об изменениях удельного веса тех или иных профессиональных групп в социально-профессиональной структуре общества. В частности, наиболее глобальная тенденция — уменьшение занятых в сельском хозяйстве, а позже — и в промышленности и увеличение доли занятых в сфере услуг. Эта тенденция характеризует переход от сельскохозяйственной экономики к индустриальной и постиндустриальной, отражая макропроцессы социально-экономического развития. (Белл, 1999; Тоффлер, 1999)

Кроме того, технологическое развитие предполагает постоянное обновление профессиональной структуры — появление профессий, связанных с новыми технологиями, отмирание включенных в устаревающие технологические циклы.

Социально-экономические перемены в России и других странах постсоциалистического лагеря также вызвали появление новых профессиональных групп, связанных с обслуживанием идущих процессов — в частности, резкое расширение спектра финансово-экономических и юридических профессий. Другим количественным отражением социально-экономической трансформации стало существенное расширение торговли и сферы услуг при сокращении занятости во многих отраслях промышленности.

Перемены сказались и на относительной престижности тех или иных профессий, т. е. расположении тех или иных профессиональных групп в социальной иерархии. В результате одни социально-профессиональные

группы попадают в мейнстрим социально-экономических трансформаций, другие же — вытесняются на периферию социально-профессиональной структуры, а у представителей данных групп возрастает риск социальной эксклюзии.

Впрочем, поскольку одним из важных факторов расположения в социальной иерархии стала занятость в государственном или коммерческом секторе, расслоение затронуло не только относительное расположение различных групп, но зачастую и положение отдельных работников внутри одной профессиональной группы в зависимости от места работы, формы собственности предприятия, учреждения, организации и т. д.

Наконец, особую сложность влияния трансформационных факторов на социально-профессиональную структуру вызывают процессы изменения организации трудового процесса в сторону большей гибкости — развитие разнообразных форм занятости, разнообразных форм режима труда, сетевых форм организации труда и т. д. Временная занятость, множественная занятость, неполная занятость, дистанционные формы труда смазывают профессиональные характеристики людей, делают социально-профессиональную структуру более сложной, гибкой и подвижной.

Развитие технологий приводит к быстрой смене потребностей в тех или иных специалистах. Причем последние годы характерной чертой становится такое ускорение темпов перемен, при котором смена технологий (предъявляющих определенные запросы на конкретных специалистов) происходит в сроки, меньшие, чем занимает трудовая жизнь человека. В результате профессия не только не может передаваться из поколения в поколение, но она не может оставаться неизменной на протяжении человеческой жизни. Более того, меняется само содержание профессии, наиболее устойчивыми становятся профессии широкого профиля, быстро обесцениваются узкоспециализированные знания и навыки, ценятся те знания и навыки, которые обеспечивают своему обладателю максимальную гибкость на рынке труда.

Экономические факторы еще в большей степени усиливают эту тенденцию. Новые технологические или экономико-политические процессы всегда поначалу предполагают дефицит квалифицированных кадров. И этот дефицит приводит к высоким заработкам тех работников, которые первыми включаются в новые технологические процессы. Соответственно в сферах, вытесняемых на периферию, наблюдается переизбыток кадров, снижение зарплат и, соответственно, престижа таких видов деятельности.

Наконец, важным фактором современных изменений в профессиональной сфере оказывается процесс глобализации, оказывающий разное воздействие на разные профессиональные группы. Он проявляется в том, что представители некоторых социально-профессиональных групп включаются в глобальный рынок труда, тогда как другие работники остаются жестко привязанными к локальным рынкам. Причем отнесение видов занятости к той или иной категории зависит как от специфики видов труда (привязка труда к определенным материалам, процессам, производствам или потребителям), так и от качеств конкретного работника, узости или универсальности его навыков.

Влияние трансформационных процессов на социально-профессиональную структуру опосредуется индивидуальными характеристиками конкретных работников, их навыками и мотивами трудовой деятельности. На микроуровне повседневной жизни ход этих макропроцессов проявляется в изменении профессиональных траекторий людей.

При переходе на микроуровень анализа проблемы изменений социально-профессиональной структуры, единицей анализа становится поведение конкретных людей в сфере профессиональной занятости. При этом важнейшими параметрами оказываются, с одной стороны, их восприятие конкретной трудовой ситуации, а с другой — мотивы того или другого вида поведения.

Ключевыми оказываются мотивы выбора сферы, уровня и способа получения профессионального образования, сохранения или смены рабочего места.

Последовательность решений в профессиональной сфере отражается в профессиональной биографии индивида. Профессиональная биография, являясь специфическим видом биографии, связанным со сферой занятости, допускает использование биографического метода с его методическим арсеналом (Биографический метод..., 1994; Голофаст, 1995). Этот метод предполагает построение профессиональной траектории индивида и ее рассмотрение в широком социально-историческом контексте. Процессы социально-экономической трансформации в этом ключе трактуются как значимые события в жизни индивидов, меняющие условия их профессиональной деятельности.

Рассмотрение социально-экономической трансформации как фактора изменения условий индивидуальной профессиональной деятельности дает основание обратиться к адаптационному подходу, трактующему поведение в сфере занятости (как мобильность, так и сохранение рабочего

места) как ту или иную форму адаптационного поведения. При этом подходе средовые параметры складываются в проблемную ситуацию, и ее характеристики, а также параметры индивида рассматриваются с точки зрения ресурсов ее разрешения (Корель, 2005; Шабанова, 2001; Евдокимова, 2002). Это, с одной стороны, позволяет подключить к анализу также развивающийся в последние годы в экономической социологии ресурсный подход (см.: Тихонова, 2006; Радаев, 2002). С другой же, поскольку конкретная конфигурация ресурсов по-разному реализуется на уровне отдельного индивида или домохозяйства, анализ предполагает обращение внимания на личностные характеристики, сложившуюся у индивидов картину мира, а также мотивацию их активности в этом мире.

Операционализация всех этих понятий проходила в рамках полужформализованных интервью, посвященных изменениям в повседневной жизни представителей различных групп населения Санкт-Петербурга в результате социально-экономических и социально-политических перемен последних десятилетий в России (чему был посвящен ряд исследовательских проектов последнего времени). Значительное внимание в каждом интервью уделялось изменениям в сфере занятости как весомой части повседневной жизни большинства людей. При этом, хотя предметом исследования в каждом проекте были актуальные процессы, затрагивающие преимущественно период последних радикальных изменений, вопросы интервью также касались всей предшествующей профессиональной биографии, поскольку это позволяло оценить, с каким «багажом», с каким профессиональным опытом, подошел человек к «эпохе перемен», какими ресурсами для совладания с кризисной ситуацией он обладает. Вопросы касались как самих фактов профессиональной биографии, так и мотивов тех или иных решений, принимаемых индивидами в профессиональной сфере, их оценок складывающейся ситуации и своих действий в этой ситуации.

Проводимые исследования имели своим предметом адаптацию различных групп петербургского населения к проходящим переменам. Объектом же разных исследований были различные социальные группы, причем если одни проекты охватывали представителей конкретных профессиональных групп (ученых, работников военно-промышленного комплекса, домашних работников), то в других объектами становились более широкие социальные группы (петербургские семьи, относящиеся к разным социальным группам населения; малоимущие горожане, испытывающие проблемы с оплатой жилья; квалифицированные специалисты, объединенные признаком специального образования).

Исследование адаптации петербургских семей проводилось в рамках двух совместных российско-финских проектов «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» (1993-1996) и «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Петербурге» (1998-2000)¹. Исследование проводилось методом полуструктурированных интервью, посвященных проблемам адаптации петербургских семей к начавшимся процессам социально-экономической трансформации. В исследовании участвовали семьи, представляющие различные группы городского населения.

В рамках этого проекта были рассмотрены различные стратегии поведения людей в сфере занятости, проанализированы ситуации, в которых оказались представители разных социально-профессиональных групп в зависимости от отрасли труда, сектора экономики, а также личностных качеств адаптирующихся индивидов. В этом исследовании особое внимание обращалось на формирование новой социальной структуры — появление новых социально-профессиональных и социально-статусных групп, новые основания и ход процесса расслоения существовавших крупных групп. Основанием новой стратификации оказывалась большая или меньшая успешность адаптации к идущим переменам. При этом ход предшествующей профессиональной биографии рассматривался как источник профессионального опыта, в большей или меньшей степени востребованного в новых условиях. Ситуация же резких перемен воспринималась как специфический отрезок биографии, ставящий практически перед всеми опрошенными проблемы, требующие решений. Т. е. во многих биографиях трансформационная ситуация стала моментом разрыва прежней профессиональной траектории, добровольного (когда перед человеком открывались новые возможности) или вынужденного, связанного с потерей стабильного рабочего места, или же с изменениями условий труда, в частности резким снижением абсолютной или относительной зарплаты, что делало проблематичным сохранение рабочего места. В ходе исследования было выявлено, что важными адаптационными ресурсами выступали мотивация и умение анализировать свою профессиональную ситуацию. Кроме того, полезным для успешного поведения в новой ситуации оказывался опыт смены работы, тогда как непрерывность профессиональной

---

¹ Подробнее об исследовании см.: Повседневность..., 1999; Новые потребности..., 2001.

биографии, поощряемая в советских условиях, при изменении социально-экономической среды оказывалась скорее негативным фактором, затрудняющим адаптацию.

Таким образом, в исследовании проявились современные тенденции развитию профессиональной сферы и изменений профессиональной траектории — увеличение гибкости, разнообразия, многообразия в профессиональной сфере, большей подвижности профессиональных траекторий.

Исследование «Квалифицированные специалисты на рынке труда Санкт-Петербурга: адаптация различных групп образованного слоя к рыночным отношениям в России» проводилось в 1997-98 годах и было посвящено адаптации к новым условиям специалистов с высшим профессиональным образованием¹. Это исследование проводилось комплексным методом, в нем помимо интервью использовался количественный анализ документов (газетных объявлений, анкет соискателей и заявок работодателей рекрутерских агентств), а также опрос экспертов, непосредственно работающих на рынке труда.

Исследование показало большую вариативность адаптационных стратегий представителей этой группы, а также подтвердило представление об образовании и квалификации как о значимых адаптационных ресурсах. В то же время, результаты исследования показали, что факторами расслоения в группе высококвалифицированных специалистов (помимо сферы и сектора занятости — динамично развивающихся или стагнирующих) оказывались личностные качества и обладание универсальными навыками, обеспечивающими гибкость и комплексность выполняемых функций. Среди этих факторов немаловажной была психологическая готовность к переменам или страх перед ними, т. е. готовность/неготовность к резким зигзагам профессиональной траектории.

В этом исследовании также проявились современные тенденции развития сферы занятости — увеличение подвижности и разнообразия способов выполнения профессиональных функций под влиянием технологических, экономических, политических и культурных изменений.

Исследование «Проблемы массовой задолженности за жилье и альтернативы жилищной политики (на примере Санкт-Петербурга)» проводилось в 1998-1999 году, оно было направлено на изучение «проблемной»

---

¹ Проект проводился по программе «Российские общественные науки: новая перспектива» Московского общественного научного фонда (№ 33 социология/грант-97). Программа финансировалась за счет средств фонда Форда. Подробнее см.: Евдокимова, 2001а.

социальной группы, показателем проблемы было наличие задолженности по оплате жилья¹. Это исследование также проводилось комплексным методом, включаючи как глубинные интервью, так и массовый опрос соответствующих категорий населения, а также анализ прессы по изучаемой проблеме.

В этом исследовании профессиональная деятельность опрашиваемых, их профессиональная биография рассматривалась скорее как «фоновая» характеристика, относящаяся, с одной стороны, к обстоятельствам возникновения основной проблемы — финансовой несостоятельности, а с другой — к способам ее решения (в описываемом случае, как правило, неэффективным). Тем не менее, и в этих довольно узких рамках исследование позволяло выявить достаточно широкий спектр профессиональных параметров индивида, делающих его уязвимым в изменившихся обстоятельствах. Это могут быть и недостаточная востребованность профессии в новых технологических и экономических условиях, и недостаточная квалификация, и неудовлетворительный опыт работы (как недостаточный по количеству, так и несоответствующий новым требованиям по качеству).

В результате в группе аутсайдеров создается «замкнутый круг» бедности, когда изъяны профессиональной подготовки передаются следующим поколениям, поскольку их компенсация требует ресурсов (материальных, культурных, социальных, символических), которыми бедные семьи не обладают. Трансформационный процесс сталкивает таких людей в поле депрофессионализации и делает их дальнейшую профессиональную траекторию запутанной и прерывистой.

Представители этой группы оказываются в ситуации эксклюзии, для них тенденции гибкости и фрагментации оказываются своего рода «ловушкой», ограничивающей их возможности по улучшению своей жизненной ситуации, приводящей к потере контроля над собственной профессиональной траекторией.

Проект «Армия и город: экономическое поведение и адаптационные возможности групп населения Санкт-Петербурга, связанных с оборонным комплексом» осуществлялся в 2001-2002 году и был посвящен адаптации к новым условиям работников оборонного комплекса, как одной из доми-

---

¹ Исследование проводилось по программе Московского общественного научного фонда (МОНФ) «Социальная политика накануне XXI века» (грант № SP-99-1-12). Программа финансировалась за счет средств фонда Форда. Результаты изложены в ряде статей и брошюре: *Задолженность...*, 2000.

нирующих сфер занятости в Петербурге¹. Объектом исследования в этом проекте были профессиональные военные — кадровые офицеры, отставные военные, а также специалисты предприятий военно-промышленного комплекса.

Общей характеристикой исследуемых групп была занятость (или опыт занятости) в оборонной сфере, что, с одной стороны, обеспечивало престиж и общественную значимость выполняемой работы, а с другой — зависимость положения занятых в этой сфере, как от общего экономического положения государства, так и распределения приоритетов его политики. Исследование проводилось в период, когда экономическое положение характеризовалось как неблагоприятное, а значимость оборонной сферы снижалась по сравнению с дореформенным периодом, поэтому работники этого комплекса оказались в довольно сложной, проблемной ситуации.

Для работников этого комплекса, особенно для кадровых военных, мотив карьерного роста оказывался одним из значимых стимулов профессионального развития — можно сказать, что представители этой группы сознательно и активно выстраивали свою профессиональную траекторию в направлении восходящей мобильности. В то же время, если для работников военно-промышленного комплекса был характерен профессиональный и должностной рост при высокой стабильности рабочего места (в рамках одного предприятия), то для кадровых военных характерной чертой биографии была территориальная мобильность. Кроме того, в биографии кадровых военных присутствует этап выхода в отставку и перехода к занятости в гражданской сфере, т. е. запланированный разрыв в профессиональной траектории.

Проходящие изменения и неблагоприятная ситуация в оборонном секторе побуждали кадровых военнослужащих к более раннему выходу в отставку — исследование показало, что многие отставные офицеры обладают и специальностью и профессионально значимыми личностными качествами, весьма востребованными в гражданской жизни. Для работников ВПК необходимость смены сферы занятости в связи со снижением оборонного заказа оказалось более неожиданным, к такому повороту профессиональной траектории многие из них оказались не готовы. Тем не менее, и опыт работы в высокотехнологичной сфере ВПК предполагал до-

---

¹ Исследование проводилось в рамках программы «Социальная политика: реалии XXI века» Независимого института социальной политики (грант № SP-01-1-20). Программа финансировалась за счет средств фонда Форда. Подробнее см.: Травин и др., 2002.

статочно высокий уровень квалификации и оказался востребованным на многих вновь создаваемых предприятиях. С учетом этого многие молодые специалисты приходят на предприятия ВПК с установкой не на карьеру, а именно на временную работу с целью приобретения профессионального опыта и наработки стажа.

Кроме того, поскольку заработки в этой сфере резко снизились, многие работники использовали множественную занятость для поддержания своего жизненного уровня. Виды занятости при этом были весьма разнообразными — от выполнения неквалифицированной работы до использования своих технических знаний и менеджерских навыков. Большая гибкость также проявлялась в разнообразии форм вторичной занятости, зачастую неформальном ее характере.

Таким образом, можно сказать, что это исследование также продемонстрировало размывание и увеличение разнообразия и гибкости профессиональных траекторий в социально-профессиональных группах, до того отличавшихся жесткой организацией, строгой иерархической структурой, программирующих профессиональную биографию.

Проект «Адаптация российских ученых к изменяющимся социально-экономическим условиям» проводился в 2000 году, в этом проекте исследуемой социально-профессиональной группой были сотрудники институтов РАН¹. Специфическими чертами данной группы являлись, с одной стороны, высокая значимость культурного капитала в общем объеме ресурсов, а также его трансформация в символический капитал, а с другой — высокий потенциал профессионального роста и специфический вид мобильности, связанный не со сменой рабочего места, а с изменением исследовательской тематики.

Трансформация, с одной стороны, затруднила сложившийся процесс поступательного профессионального развития ученых, а с другой — увеличила возможности профессиональной коммуникации, что стало основой для более активного включения в международное разделение труда. Причем формы этого участия изначально были весьма гибкими, предполагающими временное сотрудничество в рамках научных коллективов, созданных под конкретные проекты.

Широкое распространение также получила множественная занятость — также в разнообразных формах. Работа по грантам, договорам, пре-

---

¹ Исследование проводилось по гранту РГНФ № 00-03-18007, подробнее см.: Евдокимова, 2001б; Евдокимова, Кугель, Олимпиева, 2001.

подавательская деятельность — все эти виды дополнительной занятости ученых делают их профессиональные траектории более насыщенными и более сложными, можно сказать, объемными. В то же время, проходящая трансформация практически не облегчила (а фактически даже затруднила) внутринаучную мобильность, связанную со сменой рабочего места, за исключением выезда за рубеж. Ограничения бюджетного финансирования науки, с одной стороны, сузили возможности выбора рабочего места (поскольку академические институты ориентированы на разработку уникальной тематики, в результате выбор конкретного института, и даже подразделения, определяется конкретным исследовательским интересом, а в условиях жесткого ограничения финансирования дублирование исследовательской тематики всячески пресекалось). С другой стороны, недостаток средств сказался на обеднении инфраструктуры институтов, что еще больше ограничило возможности территориальной мобильности ученых.

Таким образом, трансформационные процессы содействуют расслоению профессиональной группы ученых, когда одна часть этой группы оказывается активно включенной в технологический и социальный мейнстрим, а другая оттесняется на периферию профессионального сообщества, замыкается в локальных коллективах, фактически исключается из широких профессиональных сетей, что в такой сфере как наука может трактоваться как вариант депрофессионализации. И это при том, что те и другие довольно долго могут работать в одних и тех же научных учреждениях — т. е. различия между их профессиональными биографиями следует искать в качественных параметрах.

В 2003-2004 годах было проведено исследование «Профессионализация домашнего труда как способ адаптации женщин и как фактор изменения гендерного контракта», в нем объектом стала формирующаяся профессиональная группа работниц наемного домашнего труда¹. Эта группа специфична как раз своей новизной, т. е. тем, что ее члены имели опыт занятости в разных видах деятельности, а в своей новой профессии использовали навыки, приобретенные в непрофессиональной сфере. Толчком появления этой группы стало как раз идущее расслоение населения, когда одна часть трудоспособного населения оказалась невостребованной на складывающемся рынке труда, или их профессиональные навыки оценивались там слишком низко, а другая часть оказалась способной привлечь

---

¹ Исследование выполнялось при поддержке Фонда Джона Д. И Кэтрин Т. Макартуров (грант № 03-77843-000-GSS, подробнее см.: Евдокимова, 2004.

оплачиваемых помощников для выполнения повседневных домашних обязанностей.

Таким образом, приход в сферу оплачиваемого домашнего труда для работников выглядит довольно резким поворотом профессиональной траектории, разрывающим ее непрерывность (если она была). Однако анализ биографических интервью показал, что у большинства нашедших себя в этой «нише» и до этого профессиональная траектория была достаточно «рваной», с резкими сменами места работы по семейным обстоятельствам, с перерывами, вызванными рождением и воспитанием детей.

Данное исследование позволило выявить в этой группе характерные тенденции в области занятости — гибкость форм, высокую мобильность, подвижность границ профессиональной деятельности. В то же время, применительно к этой группе можно было наблюдать и процесс профессионализации, т. е. формирование норм и правил поведения в этой сфере, институционализации и формализации складывающихся практик. Важную роль в этом процессе играет и формирование групповой идентичности, включение этого вида занятости в профессиональную биографию в качестве полноценного этапа, отрезка профессиональной траектории.

Обобщая материалы проведенных исследований, можно сказать, что в разных профессиональных группах можно выделить специфические черты профессиональных биографий, хотя индивидуальная вариативность никогда не укладывается в общую схему.

В профессиональных траекториях отражается, прежде всего, профессиональная мобильность — горизонтальная (включая территориальную) и вертикальная, связанная с изменением статуса, зачастую проходящая без существенных перемещений.

Важной характеристикой профессиональных траекторий оказывается их ровность или зигзагообразность, прерывистость или непрерывность. В частности, среди опрошенных социально-профессиональных групп относительно ровные траектории наблюдались у ученых и работников предприятий ВПК — для них достаточно типичной была работа в одном учреждении в течение всей профессиональной жизни. С другой стороны, для домашних работниц типичной была «рваная» траектория, при том, что конкретные места занятости этих работниц отличались большим разнообразием. Для кадровых военных типичными чертами профессиональной траектории была, с одной стороны, высокая мобильность (территориальная и карьерная), а с другой — ограниченность военной карьеры, предполагающая на каком-то этапе выход в отставку и переход к гражданской деятельности.

Социально-экономическая трансформация вызывает изменения профессиональных биографий, модифицируя профессиональные траектории.

Прежде всего, экономические, технологические, политические и культурные изменения создают новые ниши, усиливая процесс профессиональной мобильности. Как правило, эти новые ниши оказываются достаточно привлекательными (поскольку спрос в них превышает предложение). Ресурсами же, позволяющими воспользоваться представившимися возможностями, оказываются, с одной стороны, особенности профессиональной квалификации и опыта, а с другой — личностные качества и специфика профессиональной мотивации.

Появление новых ниш, а также постоянные изменения на рынке труда, в спросе на те или иные профессиональные функции, приводит к усилению мобильности, и, соответственно, росту динамичности, зигзагообразности профессиональных траекторий.

Дополнительным фактором, усложняющим рисунок профессиональных траекторий оказывается множественная занятость. Дополнительная занятость, параллельная основной, может быть продолжением основной деятельности, ее развитием, или никаким образом не быть с ней связанной. Наконец, дополнительная занятость может быть отдельным эпизодом, не имеющим продолжения, но может перерасти в основную, став толчком к кардинальному изменению профессиональной траектории.

Выводы

Обобщая проведенные исследования различных групп населения Санкт-Петербурга, можно сформулировать следующие выводы.

Для различных профессиональных групп можно выделить типичные профессиональные траектории. В частности для ученых и работников ВПК характерными были ровные восходящие траектории, часто в рамках одного предприятия или учреждения. Для кадровых военных — восходящая карьера с территориальными перемещениями и последующей сменой деятельности на гражданскую. Профессиональные домашние работницы чаще всего рекрутировались из женщин с «рваной» профессиональной биографией, где смена мест работы диктовалась семейными обстоятельствами.

Процесс трансформации оказывает воздействие на профессиональные биографии индивидов, делая их траектории более сложными и прерывистыми.

Воздействие трансформации на различные профессиональные группы различно, поскольку одни группы оказываются в мейнстриме идущих

процессов и для них усложнение траектории связано с заполнением новых ниш, другие же вытесняются на периферию, и для них прерывание стабильной траектории чревато попаданием в «замкнутый круг» бедности и эксклюзии. В то же время, можно сказать, что ход трансформационного процесса способствует переносу ответственности за профессиональную траекторию на индивидуальный уровень, делает ее более зависимой от личностных качеств и профессиональной мотивации.

ЛИТЕРАТУРА:

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., Академия, 1999.
- Биографический метод: история, методология, практика. Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семеновы В.В.).-М.:ИС РАН,1994.
- Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований. // Социологический журнал, N1, 1995, с.71-89.
- Евдокимова Е. Женская ниша на рынке труда Санкт-Петербурга. СПб, Изд-во Политехнического ун-та, 2004.
- Евдокимова Е.П. Высокие технологии как фактор дифференциации качества жизни в современной России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Под ред. проф. С.А. Кугеля. Ежегодник. Выпуск XVIII. Материалы XVII сессии международной школы социологии науки и техники. СПб, Гидрометеоиздат, 2002. С. 202-217.
- Евдокимова Е.П. От советской интеллигенции к российскому среднему классу (формирование группы профессионалов как результат адаптации квалифицированных специалистов) // Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов (Отв. ред. И.И. Травин). СПб, «Норма», 2001а. С. 245-267.
- Евдокимова Е.П. Ресурсы адаптации ученых Санкт-Петербурга // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. (Под ред. проф. С.А. Кугеля) Выпуск XVI, том I, СПб, 2001б. С. 189-198.
- Евдокимова Е.П., Кугель С.А., Олимпиева И.Б. Наука в трансформирующемся обществе: адаптация к новым экономическим условиям // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. (Под ред. проф. С.А. Кугеля) Выпуск XVI, том I, СПб, 2001. С. 170-189.
- Задолженность населения за жилье (социологический анализ). Под ред. Н.Р. Корнева. СПб, «Норма», 2000.
- Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики / ИЭОПП СО РАН. — Новосибирск : Наука, 2005.

- Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов (Отв.ред.И.И.Травин). СПб, «Норма», 2001.
- Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев (Под ред. И.Травина, Ю.Симпура). СПб., «Европейский дом», 1999.
- Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4 С. 20–32 .
- Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования, 2006. № 9. С. 28-40.
- Тоффлер, Элвин. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
- Травин И.И., Евдокимова Е.П., Игнатова С.Н., Еремичева Г.В., Манько Ю.В. Варианты экономического поведения и социально-психологическая адаптация групп населения Санкт-Петербурга, связанные с оборонным комплексом // Телескоп, 2002, № 6. С. 9.18.
- Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. №3. С. 78 — 104.

Использование интернет-ресурсов для анализа ситуации в сельских поселениях Тверской области

Социологический анализ процессов социо-культурных и экономических трансформаций не может не учитывать возрастающее значение такого важного и сложного ресурса как Информационное пространство. Рост роли IT технологий происходит не только в сфере коммуникации между гражданами, но и при взаимодействии между официальными, правительственными структурами и населением страны. В настоящее время в сети представлены различные субъекты социальных отношений: политические, управленческие структуры, хозяйствующие субъекты, социальные и общественные организации, население. При этом встает вопрос о качестве и количестве представленной в сети информации, ее направленности и уровне взаимодействия между данными субъектами.

Многие исследователи сегодня говорят об усилении информационного неравенства в отношении доступа к получению информации посредством тех или иных информационных технологий. Появился даже международный термин «информационная бедность». Наиболее бедные в экономическом отношении регионы и территории и малообеспеченные группы населения попадают в нишу информационной бедности из-за невозможности полноценного доступа к информации. Бедность эта также воспроизводится по мере развития информационно-коммуникативных технологий — ИКТ — поскольку указанные территории или группы населения не могут возобновлять или расширять соответствующие ресурсы, или вынуждены потреблять устаревшие технологии, пришедшие к ним гораздо позднее, чем в более развитые территориальные или социальные анклавы. Положение городов, даже малых, гораздо благополучнее с точки зрения информационной включенности по сравнению с сельской местностью, которая становится социально неравной с точки зрения возможностей потребления информации.

Почти два десятилетия постсоветского развития России привели к резкому усилению различий в условиях и уровне жизни жителей не только целых регионов, но и в каждом из них — центра и периферии, крупных и ма-

лых городов, городов и сёл. Множество населенных пунктов, прежде всего небольших и удаленных от центров, оказались в положении аутсайдеров, зачастую борющихся за выживание. Разворот социальной политики к проблемам малых поселений наметился лишь в последнее время, и актуальной стала задача информационно-аналитического обеспечения действий государства. Одновременно проявилась проблема неполноты представлений о жизни населения России для социального исследователя.

Понимание серьезных пробелов при территориальном подходе к исследованиям социально-экономического положения населения, методической основы их искаженности, связанной с некорректным учетом социальной специфики поселений разного типа, возникло у нас в результате сопоставления результатов двух исследований: «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан» — EUREQUAL (2006-2009 гг.), поддержанного Комиссией Европейских Сообществ и проекта «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-Западного региона РФ)» (2004-2009 гг.), в которых участвовали авторы доклада. Попытка такого сопоставления была предпринята с целью выявить роль поселенческих особенностей в изменении уровня жизни населения и оценке социального неравенства в обществе.

Рассматривая населенные пункты выборки в первом проекте мы увидели, что она чрезвычайно перекошена в сторону представительства городов-центров и крупных сельских населенных пунктов. В частности, в выборке 2/3 сел — с населением 5 тыс. и более человек, тогда как в России такие составляют лишь 1% от числа всех сел. В результате мы неизбежно получаем искаженную картину уровня жизни населения и в городах, и в селах — в сторону завышения. Однако, в той или иной мере, исключение периферийных населенных пунктов типично и для других исследований, репрезентирующих демографическую структуру населения России. Свидетельства этого мы нашли, в частности, на сайте ВЦИОМ, где в выборку не включаются «труднодоступные или малозаселенные места, опрос в которых может быть признан нецелесообразным (и/или небезопасным)» и на сайте Центра Левады (у последнего выборка, по-видимому, одна из наиболее корректных), где в выборку не включены «лица, проживающие в малых деревнях и селах, насчитывающих менее 50 жителей». Однако всем приходится учитывать требование экономичности выборки, трудно сочетаемое с включением в нее далеких мест, куда социологам в ходе массовых опросов добираться и хлопотно, и дорого, и порой — небезопасно. Таким образом, знаменитая

«российская глубинка» выпадает во многих опросах из исследовательского поля, что особенно искажает оценки социальных процессов, происходящих в российском обществе за счет исключения миллионов жителей населенных пунктов, где бедность достигает своих глубин, и откуда проблемы выдавливают население в другие места проживания.

Решение возникшей проблемы возможно с использованием иных методологических принципов организации исследования. Например, более объективную картину социально-культурных и экономических изменений на периферии можно получить в результате целевых исследований, которые предполагают проведение опросов (с использованием качественной или количественной методологии) и наблюдений именно в малых населенных пунктах: поселках городского типа, селах, деревнях. По такому пути шло исследование во втором из вышеуказанных проектов. В рамках него было проведено сплошное интервьюирование глав администраций районов и сельских поселений (муниципальных образований), и руководителей сельскохозяйственных предприятий семи периферийных районов в четырех областях Нечерноземной полосы России (Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской). В рамках данного исследования респонденты выступали и как эксперты по вопросам развития села, и как рядовые его жители. Такой зондированный подход довольно часто встречается в российских исследованиях в последнее время, так как позволяет получить более объемную информацию по основным проблемным точкам социологических исследований. Однако он ограничен с точки зрения получения статистически достоверной информации, возможной для распространения на всю генеральную совокупность.

Но есть другие способы изучения населения и получения необходимой информации для социологических исследований. В ходе подготовки к реализации второго проекта его участники активно использовали ресурсы Интернета для получения предварительной информации об изучаемых районах, где собирались поводить исследование. К анализу привлекалась любая информация — от сайтов районных и областных администраций, публикаций в Интернете статей из периодической печати, до любительских сайтов, где появлялась информация, в том числе и визуальная, касающаяся исследуемых нами территорий. Внимательно изучались сайты районных администраций, тогда еще довольно бедные с точки зрения возможности получить знания об уровне и качестве жизни населения. В основном эти сайты содержали списки сельских поселений, с указанием их руководителей, и некоторые данные о количестве прожи-

вающих в районе. Основная часть размещаемой информации касалась проведения различных районных мероприятий и праздников. На сайтах областной администрации можно было найти исторические справки по тому или иному району области и несистематическую информацию об экономическом положении районов, взятую, как правило, из ежегодных отчетов. Никакой иной информации о жизни муниципальных образований на официальных сайтах не размещалось. Приведем два примера информации, которую мы получили о сельских поселениях Максатихинского района Тверской области в ходе подготовки к поведению экспедиционного исследования.

Будёновское сельское поселение

Муниципальное образование Будёновское сельское поселение входит в состав территории муниципального образования Тверской области «Максатихинский район».

Будёновское сельское поселение расположено в северо-восточной части района, на севере граничит с Молоковским районом, на востоке с Бежецким районом. Площадь поселения 26746 га. Протяжённость более 50 км.

В состав Будёновского сельского поселения входит 27 деревень, с численностью населения на 01.01.2009 года 636 человек.

Административный центр поселения — д. Будёновка расположена в 40 км от районного центра пгт. Максатиха.

Структура органов местного самоуправления Будёновского сельского поселения состоит:

1. Высшее должностное лицо — Глава Будёновского сельского поселения, которая одновременно возглавляет администрацию Будёновского сельского поселения — Гусарова Евгения Владимировна
2. Представительный орган — Совет депутатов Будёновского сельского поселения в составе 7 депутатов.
3. Исполнительно–распорядительный орган — Администрация Будёновского сельского поселения, структура которой состоит:
Ведущий специалист — Томилова Ангелина Арсеньевна
Специалист 1 категории — Калмыкова Светлана Михайловна
Специалист 1 категории — Корешова Людмила Николаевна
Адрес: 171904, Максатихинский район, д. Будёновка
Телефон: (48253) 3-32-57

Ведущей отраслью в экономике поселения является сельское хозяйство. На территории поселения функционируют 2 сельхозпредприятия: СПК «Маяк» д. Будёновка, СПК «Северное сияние» д. Райда, основное направление животноводство.

Муниципальное образование Кострецкое сельское поселение

Муниципальное образование Кострецкое сельское поселение Максатихинского района Тверской области расположено на юго — западе Максатихинского района. Центр поселения — д. Кострецы. В муниципальное образование входит 28 населенных пунктов, где проживает 698 человек.

Главой сельского поселения избрана Хитрова Елена Анатольевна, Заместителем главы поселения является Алексеева Татьяна Петровна, Ведущий специалист — Кольпина Наталья Геннадиевна.

Администрация сельского поселения работает: с 8.00 до 17.00, перерыв на обед с 13.00 до 14.00, выходные суббота, воскресенье.

Контактный телефон (253) 3-61-37.

Дни приема:

Понедельник, четверг с 9.00 до 13.00

глава сельского поселения Хитрова Е.А.

Вторник, пятница с 9.00 до 13.00

заместитель главы поселения Алексеева Т.П

На территории Кострецкого сельского поселения действуют объекты социальной сферы:

Кострецкий дом культуры,

Кострецкий сельский филиал (библиотека),

Остролуцкий сельский филиал,

2 фельдшерско-акушерских медицинских пункта,

Кострецкая средняя школа,

имеется несколько торговых точек, организована развозная торговля, 2 отделения связи.

Сельское хозяйство — в настоящее время работает один СПК «Тифинский», достигший в животноводстве хороших результатов по надою молока.

По территории сельского поселения протекает река Тифина, и 2 небольших речки Гнилуха, Ривица. Грибные и ягодные места. Прекрасные места для отдыха и рыбалки.

Главной достопримечательностью поселения является действующая старинная церковь — Успения Пресвятой Богородицы.

Одним из результатов такого рода аналитической работы в ходе подготовки исследовательского проекта стал интерес участников к проблемам ресурсной составляющей Интернета. Интернет заинтересовал нас с точки зрения получения необходимой достоверной информации об экономических и социальных процессах, происходящих в обществе, а также трансформации его ресурса за последнее десятилетие в плане доступности и полноты. Однако в силу ограниченности возможностей и учитывая базовую проблематику, которая интересовала нас в упомянутых проектах, мы сконцентрировались на вопросах представленности поселенческой структуры страны в Интернете с точки зрения получения информации о качестве и уровне жизни сельского населения.

При этом использование Интернета как систематического источника данных для получения оценки локального качества жизни требует проявления целого ряда важных методических вопросов — например, фиксации состояния источников на момент извлечения из них информации, разработки методов и критериев верификации помещенных в Интернете сведений и т.д. Но Интернет, как важный источник знаний, еще не нашел отражения в социологических исследованиях тех или иных социальных объектов. Одна из ведущих проблем создания информационных сетей высокого уровня это не только индивидуальная включенность в них отдельных субъектов — на таком уровне пока это все и происходит — а создание возможностей для реализации сетевого, «матричного» подхода, когда в такой сети максимально представлены все субъекты социальных отношений.

Представленный доклад носит скорее постановочный характер, поскольку обсуждаемая проблема была замечена нами в ходе реализации совсем иных задач. Поэтому в нем будут только обозначены те или иные проблемы, с которыми сталкивается исследователь, если он решил привлечь Интернет-источники для получения информации о социальном объекте, в частности о таком специфическом как жизнь сельского сообщества.

Как поле для исследования мы выбрали Тверскую область, а именно два ее периферийных района — Максатихинский и Лесной. Этот выбор определило то обстоятельство, что в течение ряда лет (с 1999 года) в Тверской области мы проводили выездные, экспедиционные исследования и имеем обширную информацию о социо-пространственной структуре ее

населения, качестве населения и уровне жизни в сельской местности, помимо доступной из Интернета. В рамках задач доклада мы сузили наше исследовательское поле до масштабов сельских поселений. С одной стороны, положение городов, даже малых, гораздо благополучнее с точки зрения информационной включенности по сравнению с сельской местностью, как уже было ранее отмечено. С другой стороны, если мы говорим о важности поселенческого подхода и в социальных исследованиях и в реализации любых социально ориентированных программ, то самой уязвимой является именно сельская местность России. На данном этапе к анализу были привлечены сайты администраций двух вышеуказанных районов Тверской области как официальные источники социально-экономической информации.

В результате такого первого опыта плотного общения с Интернет-ресурсами для реализации конкретных исследовательских задач, мы смогли обозначить несколько проблем, связанных с получением информации.

1. Проблема качества и количества социально интерпретируемой информации, которую можно получить через Интернет о сельских поселениях. Здесь можно выделить:

- социально-общественную информацию (исторические справки, события и текущая жизнь районов и поселений, новостные ленты и т. д.);
- статистическую информацию (структура поселений, численность по категориям населения, постоянное и временное население, характеристики дворов, транспортная сеть, труднодоступные населенные пункты и т. п.);
- социально-экономическую информацию (сообщения, заметки, отчеты, справки, включающие данные и анализ социального и экономического состояния того или иного поселения).

2. Проблема доступа к информации, как для представителей официальных структур, так и для простых граждан, потребителей информации, в том числе социальных исследователей.

Рассмотрим каждую проблему отдельно. Если в начале наших полевых исследований, сайты администраций исследуемых областей предоставляли минимум информации по своей территориальной структуре и зачастую не на все сайты районов можно было попасть, то сейчас ситуация резко изменилась. Областные сайты пестрят различными данными и оформлены достаточно профессионально. На рис. 1 представлена структура сайта Тверской области. Как видно даже по представленному фрагменту, такой сайт — это многоуровневая и достаточно развитая структура.

Рис. 1. Страница «Интернет-приемной» на сайте администрации Тверской области

На рис. 2 — фрагмент страницы, представляющей сайты соответствующих районов области.

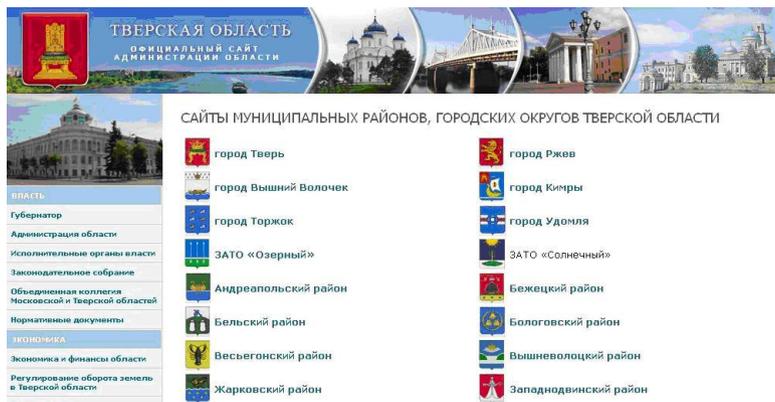

Рис 2. Фрагмент страницы «Сайты муниципальных районов Тверской области»

В настоящий момент сайты районных администраций по структуре и наполненности информацией не уступают областным. На них есть информация обо всех основных направлениях развития районов (экономика,

социальна сфера, транспорт и т.д.) и видах деятельности администрации (социальная защита, образование, здравоохранение, работа с молодежью и проч.).

На рис. 3 и 4 фрагменты главных страниц официальных сайтов Максатихинского и Лесного районов, попавших в поле нашего исследования, и здесь мы видим достаточно развитые структуры. По представленным фрагментам можно отметить, что районы оформляют свои сайты самостоятельно, создавая собственные варианты интерфейса.

Рис. 3. Фрагмент главной страницы официального сайта администрации Максатихинского района Тверской области.

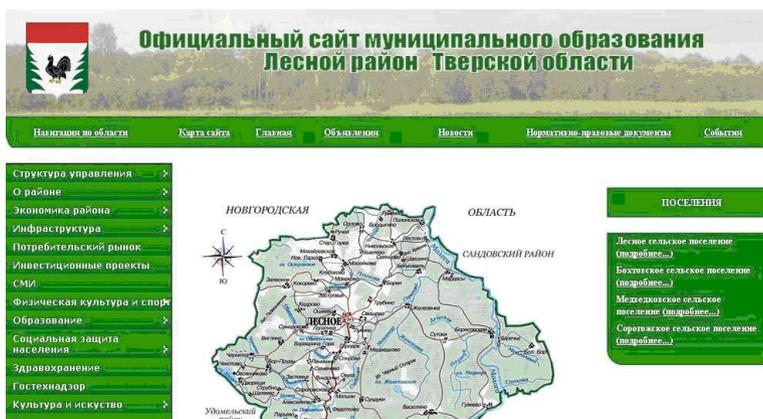

Рис. 4. Фрагмент главной страницы сайта Лесного района Тверской области

Интересным представляется тот факт, как организован информационный поток районных сайтов. Первая из выявленных здесь проблем — это их информационная наполненность. Рассмотрим каждый уровень информационной составляющей отдельно. Развернутую статистическую информацию на сайтах районов добыть не так-то просто. Зачастую она ограничивается простым упоминанием общей численности сельского и городского населения в районе, количеством населенных пунктов, данными о сельских поселениях, и спрятана во вкладках со сложными таблицами показателей развития, в разрозненных данных представленных на сайтах муниципальных образований, сельских поселений (рис. 5). Например, на сайте Максатихинского района сводной статистической информации о структуре населения обнаружить так и не удалось. Для выяснения этих показателей исследователи вынуждены были просмотреть все сайты сельских поселений и сложить полученную таким образом информацию.

Рис. 5. Фрагмент страницы сайта Буденовского сельского поселения Максатихинского района, на котором можно найти информацию о количестве населенных пунктов и численности населения

Статистическая информация на сайте Лесного района организована более системно, посетителю предлагается проделать следующий путь: сайт района — «о районе» — «общие сведения». На последней вкладке мож-

но найти ссылку на презентацию о Лесном районе, где дается довольно подробная его характеристика, в том числе состава населения (рис. 6).

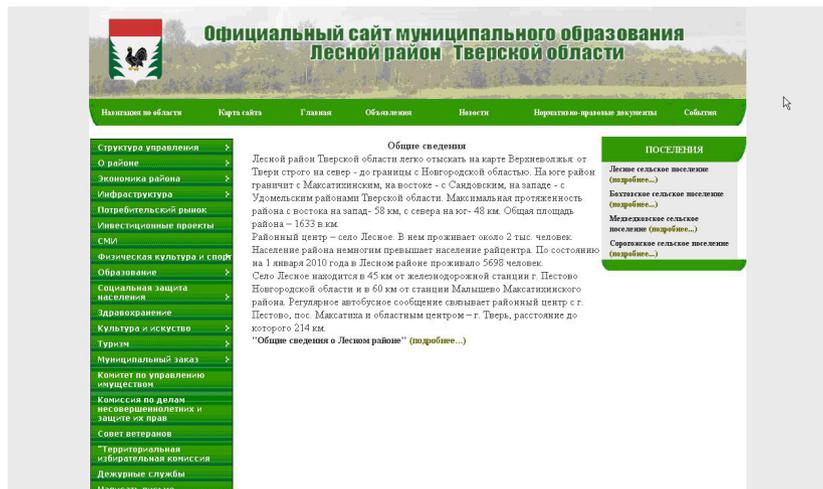

Рис. 6. Фрагмент страницы «Общие сведения» сайта Лесного района

Более сложной аналитики о населении и состоянии сельских поселений на сайтах районов нет. По представленной информации довольно сложно понять изменение состава населения в зимний и летний период, характеристику населенных пунктов, состояние транспортных путей и т. д. Большинство данных представлено в виде экономических показателей — километры дорог, газовых путей, тысячи освоенных рублей, затраченные на обслуживание человеко-часы и проч. Информация дается в обобщенном виде, в целом по району, и выделить обеспеченность того или иного городского или сельского поселения, наличие или отсутствие в поселениях объектов инженерной инфраструктуры (дороги определенного качества, котельные, объекты газового снабжения, транспортного обеспечения и т. д.) практически невозможно (рис. 7).

Немного лучше обстоит дело с информацией о социальной инфраструктуре. На сайтах районов и сельских поселений можно найти данные о наличии школ, клубов, библиотек, больниц в городских и сельских поселениях, их адреса, в том числе электронные, режимы работы и т.п. информацию (рис. 8).

Рис. 7. Фрагмент страницы «Жилищно-коммунальное хозяйство» сайта Лесного района

Рис. 8. Фрагмент страницы «Среднее образование» сайта Лесного района

Социально-экономическая информация представлена на сайтах в максимально возможном объеме. Складывается впечатление, что любая справка,

программа развития, итоговый отчет, аналитическая записка, подготовленная в районе или сельском поселении для вышестоящих инстанций, находит свое место на сайте района (рис. 9). Подчас та или иная страница районного сайта представляет собой «склад» ссылок на подобные аналитические материалы. Нагромождения обобщенных данных, сложные бухгалтерские отчеты и аналитические справки практически ничего не говорят посетителю сайта о состоянии экономики района, но видимо очень удобны для его наполнения хоть какой-нибудь значимой информацией.

Рис. 9. Фрагмент страницы «Муниципальные услуги» сайта Максатихинского района

При этом можно отметить существенный перекоп в информационном потоке сайтов именно в сторону социально-общественной и социально-экономической информации. Социально-общественная информация представлена здесь очень разнообразно — от отчетов о любых проведенных культурно-массовых, спортивных и иных мероприятий с максимальным визуальным наполнением (рис. 10), до выкладывания огромного количества программ, решений, отчетов по различным направлениям социальной, культурной, патриотической и прочей работы районной администрации (рис. 11).

Рис. 10. Фрагмент страницы «Новости и мероприятия отдела культуры» сайта Максатихинского района

Рис. 11. Фрагмент страницы «Основные программы, реализуемые отделом по делам молодежи» сайта Максатихинского района

Разбираясь в информационном устройстве районных сайтов невольно задаешься вопросом — на какого потребителя рассчитана такая информация. И это вторая выявленная при анализе проблема — направленность информационного потока. Большая ее часть, скрывающаяся за той или иной ссылкой, ориентирована скорее не на население, а на вышестоящие органы власти. Доля значимой для граждан информации — расписание работы отделов районных и поселковых администраций, расписание работы районной больницы, поликлиники, поселкового фельдшерского пункта, маршруты движения общественного транспорта, расписание движения передвижных магазинов (автолавок) и т. д. — совсем ничтожна в общем информационном потоке. И расположена эта социально значимая информация крайне неудобно — даже нам, заинтересованным исследователям с трудом удавалось ее найти. Вот два примера путей поиска необходимой информации на сайтах Максатихинского и Лесного района:

Главное меню — Социальная сфера — Здравоохранение — Прикрепленный файл в формате Word: Муниципальное учреждение здравоохранения «Максатихинская центральная районная больница». — Прикрепленный файл в формате Word: Режим работы и виды оказываемой медицинской помощи населению. <http://www.maksatiha.org/index.php/2009-05-31-20-01-01/2009-06-01-18-49-48>

Главное меню — Инфраструктура — Дорожное хозяйство и транспорт — Выделенная подчеркиванием в общем тексте на странице фраза: «Рейсы по пригородным и междугородным автобусным маршрутам (Подробнее...)» — Прикрепленный файл в формате Word: Расписание движения автобусов от Лесной автостанции. <http://www.lesnoe.info/index1/dor.html>

Трудно сказать, сможет ли сельский житель, неискушенный в работе с персональным компьютером и прочими информационными технологиями, найти необходимую информацию, если путь к ней столь запутан и изыскан.

При этом подавляющее большинство размещенных на сайте заметок носит отчетный характер, а не информирующий или разъясняющий. За той или иной ссылкой, как мы указали выше, скрываются прикрепленные файлы отчетов перед вышестоящими органами власти по разным вопросам. Подчас эти отчеты настолько сложны и специфичны, что представляют интерес только для руководящих работников или Статистических управлений области, но не для населения, поскольку информация в них

ограничена и специальна. Большой объем составляет информация об уже прошедших в районе событиях, праздниках, различных мероприятиях. Мы не встретили на сайтах ни одного объявления о планирующихся мероприятиях и где они будут проходить.

Создается впечатление, что Интернет-ресурс используется как очередная «компания» по улучшению имиджа власти и создание сайтов — это некий проект власти, а не способ общения ее с населением, и тем более не способ информирования населения. Представляется, что районные администрации максимально заинтересованы в положительной оценке своего сайта со стороны вышестоящего руководства и минимально ориентированы на потребности населения в организации информационного потока. Хотя варианты представления информации формируются снизу, от самих поселений или районов.

При этом информация по большей степени замыкается на уровне района, и лишь небольшое ее количество спускается на уровень поселения. Это сильно ограничивает представленность сельских поселений, а соответственно и населенных пунктов, в информационном потоке. Сайты сельских поселений выглядят довольно бедно (рис. 12, 13).

Рис. 12. Фрагмент единственной страницы Ривецкого сельского поселения на сайте Максатихинского района

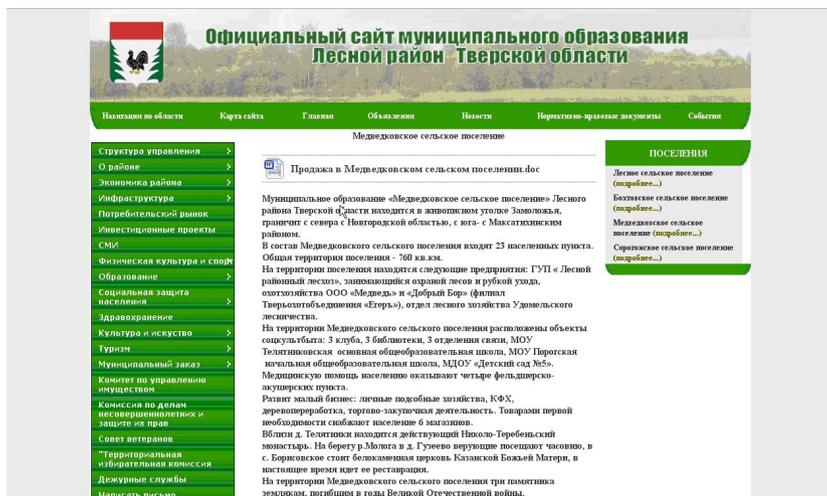

Рис. 13. Фрагмент страницы Медведковского сельского поселения на сайте Лесного района

Локальные сайты того или иного поселения или населенного пункта, создаваемые энтузиастами и увлеченными людьми, существенно картины не меняют (рис. 14 — <http://litmap.tvercult.ru/lesnoy/index.htm>; рис. 15 — <http://vmaksatihe.ru>). Они интересны для исследователей с точки зрения формирования множественности информационных потоков. Именно они являются источниками визуальной информации о среде обитания и социальной жизни того или иного населенного пункта, но не дают систематической информации. Роль их велика, но ограничена.

От обсуждения количества и качества информации, представленной на сайтах районных администраций, перейдем к проблемам доступности для сельского жителя такой информации вообще. Таким образом, следующая проблема, которая актуализировалась в результате проведенного анализа — это наличие соответствующих каналов, через которые сельские поселения и их жители включены в информационный поток.

Сейчас на селе существует три основных канала подключения к Интернет-ресурсам — почта, школа, районная или сельская администрация. Даже если сельский житель имеет персональный компьютер, в сельской местности нет соответствующей инженерной инфраструктуры, позволяющей ему самостоятельно воспользоваться этим ресурсом. Мобильная связь

на селе низкого качества, к тому же такой способ подключения к Интернету является слишком дорогим.

Рассмотрим первый канал — сельское почтовое отделение. Практически все почты сельских поселений имеют возможность подключения к Интернету. Однако, этот канал связи имеет сугубо одностороннюю направленность. С компьютера, установленного на почте, можно выйти в Интернет, послать или принять электронное письмо, но нет возможности постоянного и бесперебойного обмена информацией. Второй канал — школа — более надежен. В последние годы компьютерные технологии стали массово воплощаться не только в городских, но и в сельских школах. Большинство сельских школ имеют выход в Интернет, ученики активно осваивают этот ресурс, во многих школах налажено взаимодействие с рядовыми жителями, дающее последним возможность активного использования новых технологий. Правда, для сельских поселений этот источник также уязвим. Если в сельском поселении или населенном пункте нет школы, то он исключен из информационного обмена. Третий канал — помещение сельской администрации. Если в ходе первых экспедиций (1999-2001 годы) мы обнаружили, что компьютеры имеются практически во всех офисах муниципальных администраций, однако выход в Интернет с этих компьютеров невозможен, то к 2005 году компьютерные технологии настолько интенсивно осваивались в России, что уже большая часть офисов администраций сельских поселений имела возможность активного доступа к Интернет-ресурсам. У сельских администраций появились странички на сайте района, появилась электронная почта, ставшая важным каналом для обмена информацией с вышестоящими органами власти. Однако, данный канал самый скромный с точки зрения использования рядовыми гражданами, так как простые жители не имеют к нему прямого и постоянного доступа. К тому же офисы сельских администраций расположены только в населенных пунктах, являющихся административными центрами поселений.

Таким образом, в то время как в городах Интернет уже включен в повседневную жизнь населения, на селе этот ресурс практически полностью отсутствует. Он здесь не просто не осмыслен, он для жителей мало известен. Этот факт можно назвать повсеместной исключенностью, и элементом глобального в российских масштабах ресурсного, цифрового неравенства.

Уже упоминавшиеся сайты различных поселений или населенных пунктов, создаваемые простыми гражданами, вовсе не отражают включен-

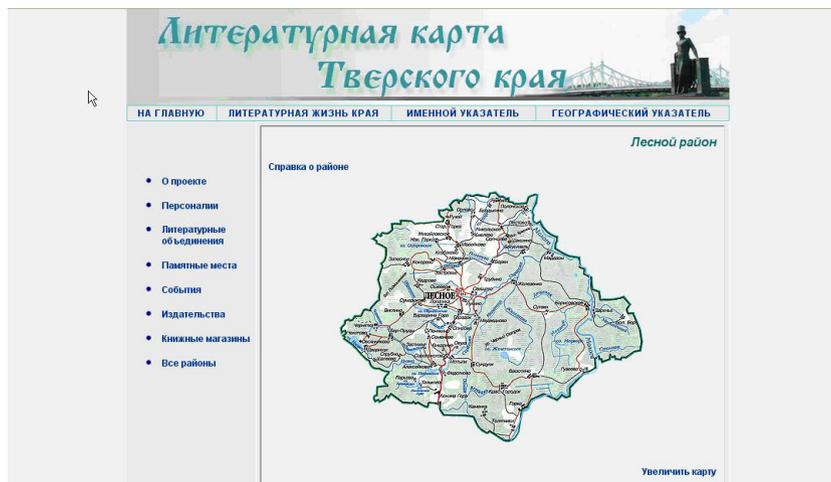

Рис. 14. Фрагмент страницы сайта «Литературная карта Тверского края», на котором имеется информация о литературной жизни Лесного района

Рис. 15. Фрагмент страницы сайта «В Максатихе: Первый блог о жизни в поселке»

ность именно сельских жителей в Интернет-пространство. Зачастую они созданы городскими жителями, для которых село является малой родиной. И создание таких сайтов направленно именно на распространение информации о глубинке России, о своих родных местах.

Следует отметить, что возможно в Интернет-пространстве существуют образцовые сайты сельских поселений, и максимально информационно направленные на потребности граждан сайты районных администраций. Нашей задачей было не найти подобные примеры, а сформулировать основные проблемы, составляющие основу существующего информационного неравенства, в условиях которого живут сельские жители. Стоит учитывать тот факт, что информационные потоки для городского населения значительно более насыщены и разнообразны, чем для сельского. Интернет мог бы стать для них существенным прорывом в такие потоки, но пока не стал.

Заявляя этот доклад, мы планировали, но не успели осуществить пробные запросы в муниципальные образования области информации, которая есть на сайтах одних образований, но отсутствует на других. Запрос планировался как пилотаж технологии исследовательской коммуникации между исследователями и представителями администраций, и мы еще стараемся это реализовать. Адресаты запросов — руководители администраций сельских муниципальных образований, отправитель — сотрудник государственного учреждения, СИ РАН, выполняющий научную разработку. Согласовав текст запроса в СИ РАН, мы надеялись получить ответ хотя бы на часть обращений. Планируя использовать Интернет не просто для поиска информации, в нем имеющейся, но и для активной коммуникации с обладателями интересующей нас информации, мы учитывали известный нам опыт деятельности такого рода организаций, занимающихся дистанционным образованием взрослых. Опыт весьма обнадеживающий, в основе успеха которого — точно найденный интерес адресата во включении в коммуникацию. Но видимо, это станет задачей следующего этапа реализации нашего исследовательского интереса.

Заключение. Использование ресурсов Интернета как основы социологического исследования неизбежно повлечет за собой новые вопросы. Как, например, более широкое и содержательное использование визуальных документов (с проблемами верификации подлинности, атрибуции, прав на перепечатку и т.д.). Или подключения через Интернет к исследованию волонтеров. Заключить можно словами, что Интернет давно ждет от социологов более активного внимания к себе, к социальной жизни в нем,

к привлечению его ресурсов для познания современного общества. Посему мы считаем, что в научном сообществе был бы востребован проект, направленный на изучение формирования информационных потоков «официального» и «неофициального» характера, их глубины и направленности, и способов и характера представления поселенческой структуры (на примере сельской местности) в информационном пространстве России.

СЕКЦИЯ 3
ЧТО СТОИТ ВЗЯТЬ В БУДУЩЕЕ
ИЗ ПРОШЛОГО?

О преемственности в отечественной социологии

Начать разговор о преемственности в отечественной социологии представляется полезным с определения самого понятия преемственности. Вот как это понятие трактуется в философском словаре под редакцией М. М. Розенталя (1972):

«ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ — объективная необходимая связь между *новым* и *старым* в процессе развития, одна из наиболее существенных черт закона *отрицания отрицания*. В отличие от метафизики материалистическая диалектика переносит центр тяжести на изучение процессов поступательного развития в природе, об-ве и мышлении. Уже генезис форм движения материи показывает, что каждая более высокая форма движения, будучи преемственно связана с низшими, не отменяет их, а включает и подчиняет себе. Диалектически понятое отрицание предполагает не ликвидацию старого, но сохранение и дальнейшее развитие того прогрессивного, рационального, что было достигнуто на предыдущих ступенях, без чего невозможно движение вперед ни в бытии, ни в познании. Правильное понимание процессов п<реемственности> имеет особое значение для анализа закономерностей развития науки, искусства, для борьбы как с некритическим отношением к достижениям прошлого, так и с нигилистическим отрицанием культурного наследия»¹.

Учтем, что это издание застойного 1972 года, тем не менее, оно вполне достойно быть взятым за основу в нашем рассуждении.

В 2002 году вышла в свет книга А. Галактионова «Русская социология XI–XX веков». Она примечательна тем, что автор отслеживает глубокие корни отечественной социологии, начиная, аж с XI века, — с богословов-книжников Иллариона и Филофея, публицистов и челобитчиков И. С. Пересветова, Ермолая Еразма и Ю. Крижанича. Такой заход вполне вписывается в традиции истории мировой науки вообще и социологии, в частности. Действительно, если взять любой основательный учебник по

---

¹ Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1972. С. 327.

истории мировой социологии, повествование начинается с эпох еще «до нашей эры». И среди первых «социологов» мы обнаружим в этих учебниках имена Конфуция, Аристотеля, Платона. А затем, после некоторого временного разрыва, — имена великих мыслителей, живших в XIII–XVIII веках: Роджера Бэкона, Фомы Аквинского, Николо Макиавелли, Френсиса Бэкона, Томаса Гоббса, Шарля Луи Монтескье и др.

Конечно, строго говоря, ни богословы-книжники, ни древние русские публицисты, ни перечисленные выше западные мыслители не были социологами. Но это были те гиганты, на плечах которых только и могло произрасти здание социологии. Без них и Конт не мог бы состояться в том качестве, в каком знает его история.

Зададимся, казалось бы, простыми вопросами. Когда возникла социология? Кого следует считать её действительным создателем? Д. Г. Подвойский, например, утверждал, что «на эти вопросы у историков данной науки нет однозначного ответа»¹. Не стану пересказывать Д. Г. Подвойского — читатель сам в состоянии обратиться к указанной статье. Лично мне эти ответы представляются убедительными и обоснованными. И тогда получается, что социология как наука возникла действительно лишь в конце первой трети XIX века, когда для этого созрели необходимые исторические предпосылки.

И если мы согласны с этим, то смело можно утверждать, что в России социология появилась практически в то же время, что и в Европе. Может быть с очень небольшим отставанием во времени. Первые российские социологи были современниками Конта.

Стоит, пожалуй, заметить, что почти все российские социологи отличались высокой гражданской активностью, а многие столь же высокой и политической (М. Бакунин, П. Ткачев, П. Кропоткин, В. Плеханов и др.). Не удивительно поэтому, что российские власти относились к социологии весьма подозрительно и осторожно.

Подтверждением того, что российская социология возникла и развивалась синхронно с западной социологией, может служить Краткий словарь по социологии (1988)². В тематическом указателе статей этого словаря выделен раздел: «Направления, концепции, школы в социологии». Во многих статьях этого раздела, наряду с западными учеными, непременно упоми-

---

¹ Д.Г. Подвойский. О предпосылках и истоках рождения социологической науки //Социологические исследования, № 7, 2005. С. 3

² Краткий словарь по социологии /Под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; Сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. — Политиздат, 1988. — 479 с.

наются и российские социологи: П. Лиленфельд, Л. И. Мечников, Н. Я Данилевский, П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, Г. В. Плеханов и многие другие, жившие во второй половине XIX — в начале XX вв.

В авторитетном учебном пособии читаем: «Зарождение научной социологии в России относится ко времени, когда на рубеже 60–70 годов XIX-го столетия здесь впервые стали появляться оригинальные труды отечественных авторов, основанные на применении принципов и понятий социологической доктрины Огюста Конта. «В эти моменты и на Западе почти не существовало социологической литературы, — отмечает Н. И. Кареев. А в некоторых государствах она «возникла даже позже, чем у нас. Таким образом, русская социология не моложе, в общем, социологии в других странах»¹.

Стоит также привести периодизацию истории российской социологии, изложенную в этом учебнике.

«Первый (начальный) этап длился с конца 60-х до конца 80-х — начала 90-х годов XIX века. Свидетельством появления в России научной социологии служит публикация работ, в которых не только используются понятия, введенные Контом, но и разделяются принципы и методы позитивистской доктрины. Среди них выделяется статья П. Л. Лаврова «Задачи позитивизма и их решение», ставшая откликом на появившуюся во Франции книгу Милля «Огюст Конт и положительная философия» (1867). Главной задачей первого периода было определение предмета социологии и обоснование её статуса как самостоятельной научной дисциплины. К этому времени относится публикация в России первых профессионально написанных трудов по социологии, складываются научные школы и направления. Развитие позитивистской социологии отличается достаточно отчетливыми формами, теоретическим и методологическим разнообразием, мировоззренческими различиями в трактовке социальных явлений»².

«Второй этап, который можно определить как зрелый, занимает время с начала 90-х годов XIX века до начала XX столетия. Содержание работы социологов в этот период определялось рядом новых моментов: 1) осознанием социологией собственных возможностей, а вместе с тем и обнаружением теоретических и методологических трудностей и заблуждений; 2) усилением критики позитивизма со стороны антипозитивистски (гума-

---

¹ Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). Под ред. Е.И. Кукушкиной. Учебное пособие. — М.: «Высшая школа»; 2004. — С. 6

² Там же. С. 16–17

нистически) ориентированных течений в философии и социологии; 3) ростом в стране влияния марксистской мысли; 4) обострением идейных разногласий между различными направлениями социологии и нарастающим противостоянием марксизма и всех остальных течений»¹.

«Рубежом XIX и XX столетий датируется **ТРЕТИЙ ЭТАП** развития русской социологии, который продлился до начала 1917 года, когда после победы Февральской революции и свержения монархии вместе с другими свободами в страну пришла свобода занятий социологией: получения социологических знаний, исследовательской деятельности, организации различных форм социологического образования. <> Третий этап отмечен рядом **важных событий в области социологического образования** (выделено мной — О. Б.). В самом начале века была основана и начало свою работу Высшая Русская школа общественных наук в Париже. А еще через несколько лет, в 1908 году, в Петербурге появляется первая в истории России кафедра социологии. Все шире начинают практиковаться различного рода негласные формы преподавания социологии — не только в высших учебных заведениях, но и в гимназиях. Эта работа пока еще не имела повсеместного характера и не опиралась на государственные планы и программы. Но сам факт её расширения свидетельствовал о растущей объективной потребности в социологических знаниях и о появлении все большего числа людей, убежденных в необходимости социологического образования и способных его организовать и обеспечить кадрами педагогов»².

«В 1917 году начинается **ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП** в истории отечественной социологии, длящийся первые полтора послереволюционных десятилетия и отличавшийся особой новизной, множеством перемен и большим разнообразием теоретической и практической деятельности. <> Значительным событием четвертого периода стало создание новых учебных заведений, кафедр, факультетов, научно-исследовательских учреждений, в которых уделялось преимущественное внимание изучению и преподаванию социологии... И, наконец, к 1920 году в Петроградском университете открывается первый в истории университетов России социологический факультет. Его организатором, деканом и ведущим лектором был П. А. Сорокин.

В 1919 году П. А. Сорокин издает свой первый учебник социологии (П. А. Сорокин *Общедоступный учебник социологии*. Ярославль, 1919). В 1920 году увидел свет двухтомный труд ученого «Система социологии».

---

¹ Там же. С. 19–20.

² Там же. С. 22–23.

В 1921 году выходит из печати, а затем ежегодно, вплоть до конца 20-х годов, большим тиражом переиздается труд Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма», служивший на протяжении десятилетия учебником по социологии для студентов всех вузов страны»¹.

Это яркое свидетельство того, что пришедшие к власти в России большевики признали (да и не могли не признать) социологию как «нужную» науку.

Но уже здесь наметился отход от принципа научной преемственности, ибо большевики в качестве научных социологических авторитетов признавали лишь К. Маркса, Ф. Энгельса и своего вождя В. Ленина. Общеизвестный факт, что именно с 1928 года в советской прессе социологию стали именовать «буржуазной лженаукой», а затем и вовсе «прислужницей международной буржуазии». А потом и слово социология и социологи перестали упоминаться. В истории российской-советской социологии начался затяжной пе-ре-рыв.

В конце 50-х — начале 60-х российская социология не ВОзродилась, а родилась вновь под именем советской марксистско-ленинской социологии.

Новоявленные социологи-«шестидесятники» (все без исключения) были самоучками и, в определенном смысле, «самозванцами». Они осваивали эту науку методом проб и ошибок и учились преимущественно по американским учебникам.

Не удивительно, что советская социология до 80-х годов развивалась преимущественно в русле американского позитивизма

Уже в 70-е годы, несмотря на сильное идеологическое противостояние, мировое социологическое сообщество признало советских социологов как полноправных коллег, профессиональных и квалифицированных.

Однако из-за прерванной преемственности было потрачено много времени, но, самое главное, начиная с 30-х годов практически было разрушено, да так толком и не налажено полноценное профессиональное воспроизводство социологов.

Важным шагом к полной легитимизации профессии социолог было добавление в 1983 году в номенклатуру ВАК двух «новых» специальностей: социология и политология. Первые кандидаты и доктора социологии появились в СССР в 1984 году. А первые просто дипломированные социологи еще только через 10 лет — в 1994-м., ибо социологические факультеты вновь появились на волне перестройки в 1989 году.

---

¹ .Там же. С. 23–24

Вроде бы худшее позади, но, похоже, что мы снова наступаем на «старые грабли» и опять заново рождаем «новейшую» российскую социологию.

Во-первых, в годы перестройки мы, как «прах со своих ног» отряхнули марксизм вкупе с ленинизмом.

Во-вторых, вместе с западными коллегами сильно разочаровались в позитивизме и с упорством, достойным лучшего применения, также усиленно «отряхиваем его со своих ног». (В частности, отсюда, по моему мнению, и «растут ноги» у пульсирующей, но никак не затухающей «перепалке» качественников и количественников).

История действительно не знает сослагательного наклонения. Что было, то было. В известном смысле разрыв преемственности в отечественной социологии был исторически обусловлен. Но ведь заново рожденная в 50-60-е годы в СССР социология нашла свой собственный путь, и накопила немалый (и вполне позитивный) опыт, и заняла достойное место в мировой социологии. Именно к полезному социологическому опыту недавнего прошлого, который нельзя ни забывать, ни «отринуть» в угоду постмодернистской моде, мне хотелось бы привлечь внимание.

Идея этой секции настоящих чтений родилась под влиянием интереса к истории российской-советской социологии, во многом стимулированно-го изысканиями Геннадия Семеновича Батыгина, лекциями по истории советской социологии Бориса Максимовича Фирсова и работами Бориса Зусмановича Докторова. Окончательно идея подобной секции оформилась в ходе разборки секторального архива, в котором оказались материалы целого ряда относительно недавних исследований и проектов, как наших собственных, так и наших коллег, причем, не только ленинградских.

В силу ряда обстоятельств и материалы некоторых из этих исследований, и их результаты в свое время не нашли дороги к читателям. Однако эти исследования имели пионерский характер, как по тематике, так и по методическим подходам.

Начну с исследования эстонских социологов начала 70-х годов, получившего название «Kodu» (руководители проекта Ю. Вооглайд, М. Лауристин). Это, пожалуй, первое в советской социологии **КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**, эмпирическим материалом которого стали сочинения людей разного возраста на тему: «Идеальный дом для меня и моей семьи». Около полутора тысяч сочинений составили эмпирическую базу этого исследования (тогда мы еще не использовали слово «проект»), по социально-демографическим параметрам репрезентирующую структуру населения

Эстонии. В этом исследовании эстонские социологи не только вплотную столкнулись со всеми проблемами и трудностями анализа качественных данных, но успешно справились с этими проблемами. Полученный тогда методический опыт и сегодня остается актуальным по сути, но, к сожалению, практически невостребованным.

Непременно в ряду этих исследований стоит назвать и «100 вопросов о Вашей жизни» (1974–1975 гг.), руководитель исследования А. Н. Алексеев. Кроме того, что это исследование ценно по своему содержанию, оно также может быть квалифицировано, как масштабный **МЕТОДИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ**. При его разработке чрезвычайно тщательно продумывались даже самые простые вопросы. В частности, впервые для повышения достоверности и точности информации, касающейся частоты тех или иных форм повседневного поведения людей использовались вопросы-«лесенки». К сожалению, в последние годы такой жанр исследования, как методический эксперимент, практически вычеркнут из арсенала современной социологии.

Результаты этого исследования, как в теоретико-методологическом, так и в методическом аспектах, также не потеряли своей актуальности. И сегодня мы постоянно обращаемся к материалам и урокам этого проекта тридцатилетней давности.

«Ваша семья» (1977–1979 гг.) — Ленинград, Рига, Даугавпилс, Душанбе. — руководитель исследования В.Б. Голофаст. Специфика этого исследовательского проекта состояла в тщательном поиске и отборе эмпирических индикаторов ключевых понятий, а также в том, что, наряду с этим, изначально предполагалось использование индексов. Материалы этого проекта ждали своей публикации более 20-ти лет¹.

Исследования супружества (конец 70-х — начало 80-х гг.) — руководитель С. И. Голод. Эти проекты отличала их методическая проработка, как на уровне собственно методик (анкет), так и на стадии проведения опросов. Наконец, в этих исследованиях впервые в отечественных исследованиях семьи были использованы нетрадиционные (как тогда, так и сейчас) методы анализа данных, в частности, программа детерминационного анализа С.В. Чеснокова.

Исследования Общественного мнения и деятельности СМИ (1975–1980 гг.) — сектор Б. М. Фирсова в ИСЭП АН СССР. Это была настоящая

---

¹ Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаст; под ред. О. Б. Божкова. — СПб.: Алетейя, 2006. — 432 с.

«ФАБРИКА» ОПЕРАТИВНЫХ ОПРОСОВ, многие из которых от заказа до отчета проводились буквально в недельный срок. Для этого требовался организаторский талант, которым вполне обладали Борис Максимович Фирсов и Борис Докторов, а также четкая исполнительская дисциплина и оперативное планирование, которыми обладали практически все сотрудники сектора. Правда, почти все эти исследования имели суровый гриф «Для служебного пользования» и пропали в недрах аппаратов обкома и горкома КПСС¹.

«Жилище-2000» (1984 г.) — руководитель В. Б. Голофаст. Исследование строилось на основе прессового анкетного опроса. Анкета была опубликована одновременно в двух газетах: в «Ленинградской правде» и в «Вечернем Ленинграде», что в конечном итоге способствовало конструированию выборки, репрезентирующей все занятое население города. Заказчиком этого исследования был городской исполнительный комитет депутатов трудящихся, а его тема — чрезвычайно актуальна для жителей города. Поэтому с самого начала перед заказчиком было поставлено условие неперенной публикации результатов этого исследования в ленинградских газетах. Это условие было выполнено, при этом отчет заказчику о результатах опроса и публикация в газетах появились практически одновременно. Таким образом, это исследование можно считать **ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ «ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ»**.

Группа «Социология и театр» (1974-1989 гг.) — руководитель В. Н. Дмитриевский, затем Б. М. Фирсов за 15 лет своего существования провела серию исследований зрительской аудитории ленинградских драматических театров; тотальный опрос актеров драматических театров; уникальное (как по содержанию, так и по методическим решениям) исследование самосознания главных режиссеров ленинградских драматических театров, а затем (по упрощенной методике) и членов художественных советов этих театров. Наконец, в течение почти десяти лет группа занималась социолого-театроведческой экспертизой премьерных спектаклей в масштабах городского театрального репертуара. Материалы исследований группы публиковались достаточно полно в изданиях Всесоюзного театрального общества (ВТО). Однако это были малотиражные ротاپринтные издания, которые в силу этого до сих пор остаются малоизвестными².

---

¹ См. Почти 40 лет спустя. Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х //Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, № 3, 2009. С. 6-15.
Более подробно о деятельности группы см. О.Божков 15 лет социологического изучения театральной жизни Ленинграда // Телескоп: журнал социоло-

«Образ Города» (1983–1984 гг.) — руководитель И. И. Травин по заказу и в рамках одного из активистских проектов В. Глазычева. Это был экспертный опрос. В качестве экспертов выступали главные архитекторы крупных городов. Особенность этого проекта состояла в использовании графических образов и схем, на базе которых и строились вопросы и задания экспертам. Похоже, что это исследование было **ПРЕДТЕЧЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ**, но так и осталось уникальным.

«Контент-анализ русскоязычной эстонской прессы» (1989–1990 гг.) — (Исполнители: А. В. Корниенко, О. Б. Божков) проводился по заказу русскоязычной правозащитной общественной организации Эстонии. В качестве объекта исследования выступали русскоязычные газеты и радиопередачи разных политических направлений. Собственно говоря, использовалась своеобразная модифицированная методика контент-анализа, в которую органично вписывался адаптированный тест догматизма Т. Адорно. Аналитическая записка была передана заказчику и доведена до сведения политического руководства Эстонии.

«Контент-анализ трех каналов Российского телевидения» по заказу Госдумы (О. Б. Божков, Г. В. Каныгин, 1994 г.) — воистину уникальный проект. В течение полутора месяцев велось сплошное — в режиме реального времени — наблюдение и кодирование телевизионных передач трех российских каналов (ОРТ, РТВ и НТВ). Фиксировались появления на экране эпизодов насилия, курения, алкоголя. Отдельным предметом внимания впервые стала реклама и её распределение в структуре эфирного времени. Госдуме был представлен отчет, а также сделаны два доклада на «узком» брифинге в «Президент-отеле» в Москве¹. Еще одна особенность этого проекта состояла в использовании реляционной базы данных для машинного представления эмпирии и её обработки. Этого требовала сама природа эмпирической информации, которая при всем желании не могла быть «вти-снута» в рамки жесткой базы данных SPSS.

Конечно, здесь названо лишь то, что оказалось в поле моего зрения. Уверен, каждый из давно работающих социологов может продолжить список исследований, содержащих крупинцы ценного, но, к сожалению, постепенно «забываемого» и, следовательно, мало востребованного опыта.

логических и маркетинговых исследований, № 6, 2008. С. 64–68

¹ См. также статью Г. В. Каныгина в настоящем сборнике «Исследование телевизионных сюжетов времен перестройки и его современное осмысление».

Хотя каждое из названных исследований содержит вовсе не устаревший ценный и содержательный, и методический опыт.

Вместо того, чтобы вести бесплодные споры о «достоинствах» и «недостатках» количественных и качественных исследований (подходов, парадигм), конечно же, стоит говорить и писать более подробно о специфике каждого из таких исследований, о содержащихся в них методических приемах и находках. Ведь это то, что было наработано российскими социологами в советское время, что не стоит сбрасывать со счетов.

И, наконец, несколько слов о еще одном «модном» направлении современной социологии — о социологическом активизме. Здесь в первую очередь стоит вспомнить о передаче Ленинградского телевидения «Общественное мнение» — (1987–1988 гг.) — В. А. Ядов, И. И. Травин, О. Б. Божков, А. А. Вейхер и др. Это пример и публичной, и гражданской, и активной социологии. История этой передачи, роль и мера участия в ней социологов еще ждут своего исследователя. Та пресса, которую имела эта передача и её спутник — передача «Спутник «Общественного мнения» — была до предела политизирована и уже в силу этого не могла уделять внимания глубокому анализу самого явления.

Другой пример социологического активизма — Рязанская (затем Тульская) школа социологии (1989–1992) — А. В. Тихонов, В. В. Костюшев, Б. И. Максимов, О. Б. Божков, А. М. Эткинд, Б. З. Докторов, Н. А. Нечаева. Эта инициатива ленинградских социологов восполняла дефицит профессионального социологического образования. Школа давала второе высшее образование. Всего было сделано два выпуска: один в Рязани и один в Туле и подготовлено около 40 социологов, способных проводить эмпирические исследования¹.

Была разработана уникальная учебная программа очно-заочного обучения, максимально использующая активные формы. Каждый месяц преподаватели и студенты в течение трех-четырёх дней «плотно» работали с утра до глубокого вечера. В первую очередь, шла проверка выполнения «домашних заданий», читались лекции, проводились активные семинары, формулировались задания на следующий месяц. В промежутках между очными встречами студенты работали не менее интенсивно. Само обучение (особенно в Рязани, где оно пришлось на время «первых демократических

---

¹ См. статью Б. И. Максимова «Социология начала эпохи перемен», а также Н. Д. Исайчевой «Что нам дала Рязанская школа социологии» в настоящем сборнике

выборов») было теснейшим образом связано с самыми актуальными тогда жизненными, гражданскими и политическими проблемами. Не только преподаватели этой школы, но и студенты принимали активнейшее участие в реальной политической, экономической и социальной жизни Рязани. А. В. Тихонов участвовал в собраниях рязанского партхозактива; Б. Максимов — сотрудничал с активистами рабочего общественного движения; В. Костюшев и А. Эткинд параллельно вели работу с курсантами высшей школы КГБ и с лидерами местных неформальных молодежных движений; Б. Докторов и О. Божков сотрудничали с местными организациями союза художников, союза театральных деятелей и других творческих союзов. Идея состояла в том, чтобы укрепить малочисленные и разрозненные местные организации, создав в Рязани Союз творческих союзов. И вся эта деятельность органично вплеталась в структуру учебного процесса.

Думаю, что этот опыт также не стоит забывать, этим можно гордиться и именно этот опыт стоит взять из прошлого в будущее.

Россия в европейском социокультурном пространстве. Десять лет спустя

На рубеже 80-х — 90-х автор сотрудничал с Международным исследовательским институтом социальных изменений (International Research Institute on Social Change, RISC)⁵ по программе изучения социокультурных трендов в Европе.⁶ Прошло десять лет, и появилась возможность вернуться к анализу результатов тех лет и попытаться понять, в какой части европейского социокультурного пространства расположена Россия в начале XXI века.

Автор благодарит профессора Ю. М. Беспалову за приглашение участвовать в настоящей конференции.

Ведение

Замечания общего характера

Избранная нами тема и в объектно-предметном, и в методическом отношениях в полной мере соотносится с центральной для конференции проблематикой — методологией изучения глобальной и региональной культуры.

Роль глобального объекта в нашем исследовании отведена Западной культуре в ее европейской модификации. В качестве «региона» предстает Россия, точнее сказать, — ее европейская часть. Безусловно, крайне важной является философско-этическая и социально-политическая проблема генезиса российской культуры, но мы оставляем эту проблему вне рамок нашего анализа. Мы исходим из того, что российская культура во многих ее базовых принципах и в современных формах ее существования является частью Западной, европейской культуры. Следовательно, при изучении российской культуры правомерно использовать теоретико-эмпирические методы изучения культуры населения Европы.

Предметом изучения являются синдромы социокультурных ориентаций населения многих стран: наборы ценностей, потребностей, устано-

вок, детерминирующих поведение людей в важнейших сферах их деятельности: профессиональной, семейной, потребительской, досуговой и так далее.

Статья состоит из двух частей. В первой — кратко описываются результаты сопоставительного теоретико-эмпирического анализа социокультурных ориентаций россиян и населения ряда Европейских стран. Это исследование, проводившееся в начале 1990-х, зафиксировало ценностные ориентации населения России в период коренной трансформации всей системы общественных отношений в стране. Советская политическая система разваливалась, новые формы экономики и политики лишь зарождались. С другой стороны, а те годы для большинства россиян все советское было понятным и близким, все новое — неизвестным. Для одних эта новизна была пугающей и снижающей их жизненный тонус, для других — открывала простор для поиска и самоутверждения.

Во второй части статьи — в опоре на результаты RISC — приводятся общие положения о современной структуре Западных ценностных ориентаций и строится предположение о специфике российской картины социокультурных ориентаций в начале XXI века.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД

Многое в долголетнем успехе RISC определяется уникальной двухстадийной технологией построения социокультурных типов. На первом этапе проводится интервью по стандартизованному опроснику, содержащему в настоящее время около сотни первичных индикаторов ценностных ориентаций населения. Второй этап включает в себя математическую процедуру многомерного шкалирования. Итогом этой изощренной техники являются многомерные социокультурные типы.

Указанная исследовательская технология успешно зарекомендовала себя при анализе поведения населения стран, в которых доминируют императивы, стереотипы Западной культуры. В начале 80-х все начиналось с Европы, но позже метод был распространен на изучение ценностей населения США и Японии.

Валидность используемой технологии выделения социокультурных типов доказывается специальными методическими приемами и проявляется в характере динамики обнаруживаемых социокультурных трендов. Прагматическая значимость технологии обнаруживается в частности в том, что к выводам и рекомендациям RISC относительно общих тенденций образа жизни населения Западных стран со всю серьезностью относят-

ся такие лидеры глобального рынка, как Levi Strauss, Mitsubishi, DuPont, Honda, Procter & Gamble и другие.

РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НАЧАЛО 90-х

Итогом многолетних типологических разработок и наблюдений за динамикой ценностных ориентаций группы Западно-европейских государств стало выделение RISC-ом в начале 1980-х годов десяти социокультурных групп. Они различаются, во-первых, отношением входящих в них людей к социальным изменениям и, во-вторых, восприятием социальных норм, регламентирующих направленность и стиль поведения людей в различных сферах их жизнедеятельности.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЫ

В процессе анализа, проводившегося нами в начале 90-х, указанные десять групп были сведены к пяти социокультурным образованиям. Кратко обозначим их.

Представители первого типа — «социальные новаторы» — характеризовались наибольшей открытостью к социальным изменениям, наилучшей способностью улавливать новое и адаптироваться к общественным трансформациям, успешно выступать в качестве лидеров социальных преобразований.

Второй тип объединил «коллективистов», т. е. людей, ориентированных на императивы общественной этики. Представителей этой группы отличала глубокая приверженность общим и групповым нормам, традициям и социальным предписаниям. Значительная часть этого социокультурного типа энергичны и социально интегрированы, ощущают свою вовлеченность в общество в целом и в ближайшее окружение, уважают порядок. Сюда же относились те, кто признавал важность наличия в обществе четких правил и структур. Их сознанием и поведением легко манипулировать.

Третий социокультурный тип был обозначен как «переходный», или «смешанный». В нем достаточно сбалансированно представлены различные, зачастую конкурирующие ценности и установки. С другой стороны, в нем нет доминирующего социокультурного атрибута.

Представителей четвертого типа отличала сконцентрированность на себе: на своем прошлом или своем движении в будущее. Одни — активно перенимали новые социальные стереотипы поведения, другие были выну-

ждены уйти в себя, в семью, в свой особый мир. Ясно, что «сфокусированность на себе» — это доминанта сознания. Но в одном случае — эта сфокусированность может выражаться в стремлении к элитному потреблению, в другом — представлять в качестве горестного одиночества беспомощной старости.

Последний тип был обозначен как «ориентированные на социальную безопасность». В частности, эти люди оторванные от общественных изменений, вынужденные искать пути для выживания.

Все перечисленные социокультурные RISC-типы имели универсальную природу и были итогом изучения социокультурных синдромов населения Запада. Но в нашей работе при поиске «имен» этих типов, естественно, учитывались научные и терминологические традиции еще советской социологии.

В Таблице 1 собраны данные о распространенности указанных социокультурных типов в структуре населения России и 12 европейских государств. В России два репрезентативных опроса населения европейской части страны (август-сентябрь 1991 г. и май-июнь 1992 г.) по RISC-методике проводились ВЦИОМ, в те годы возглавлявшемся Т.И.Заславской.

Первое, что обнаруживается при анализе Таблицы 1, это многообразие Западных (европейских) социокультурных синдромов. Даже страны, расположенные рядом, например, Франция и Германия, Франция и Англия, заметно различаются ценностными ориентациями населения.

Второе, ни одна из стран Европы не обнаруживает какого-либо «вопиющего» отклонения от модельного (нижняя строка Таблицы 1) распределения социокультурных типов в составе населения. В частности этот теоретико-эмпирический факт указывает на справедливость утверждения о существовании в целом такого не очевидного феномена как Западное (европейское) социокультурное пространство.

Третье, в начале 1990-х российский социокультурный синдром был по-своему оригинален, но не более, чем ценностно-нормативные образования, характерные для других стран. В России был обнаружен высокий уровень «коллективизма», но такой же показатель был и для Италии. Относительно небольшой была часть российского населения, «ориентированного на социальную безопасность», но аналогичная ситуация фиксировалась и в ряде других стран. И все же ценностный мир россиян заметно отличался от социокультурных ориентаций населения других стран, прежде всего — от синдрома англосаксонской и скандинавской культур.

Т а б л и ц а 1. Представленность пяти социокультурных типов в структуре населения России и стран Европы (%) (начало 1990-х)

Страны	Пять социокультурных типов				
	Социальные новаторы	Коллективисты	Переходный	Фокусированные на себе	Ориентированные на социальную безопасность
Россия-91	11	43	20	20	6
Россия-92	12	41	21	21	5
Страны Западной Европы (1990)					
Англия	6	18	21	45	10
З. Германия	5	31	21	26	17
Испания	13	29	19	28	11
Италия	17	43	16	19	5
Франция	13	30	21	30	6
Страны Восточной Европы (1992)					
Венгрия	17	40	17	19	7
Польша	11	34	20	21	14
Чехословакия	13	37	18	23	9
Страны бывшего СССР (1992)					
Латвия	13	42	20	21	4
Литва	6	35	23	26	10
Эстония	13	34	20	28	5
Украина	13	46	17	15	9
В целом для Европы	10	30	20	30	10

Россия на социокультурной карте Европы

Двухмерная социокультурная RISC–карта (Рис. 1) позволяет в прямом смысле «увидеть» место России в европейском социокультурном пространстве начала 90-х.

В целом оказывается, что расположение стран на RISC–социокультурной карте созвучно выводам политико-философского и историко-культурного рассмотрения представлений наций о себе.

Так, известный писатель и знаток европейской культуры Элиас Канетти, писал об английском индивидуализме (на Рис. 1 Англия расположена правее всех других европейских государств) и объяснял его разрозненностью индивидов, окруженных со всех сторон водой и видящих себя капита-

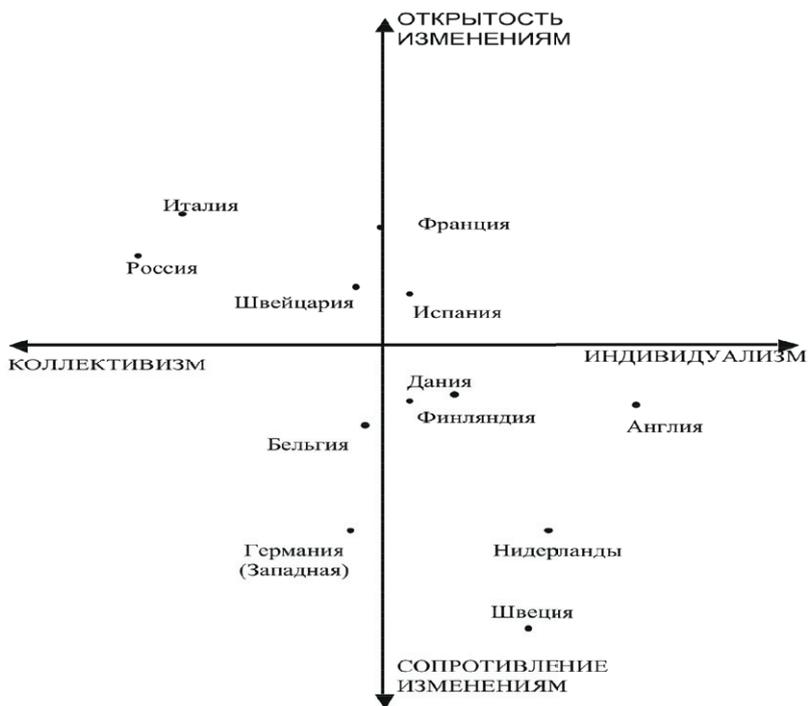

Рис. 1. Россия и страны западной европы на RISC-социокультурной карте. 1991 год.

нами. В проекции на горизонтальную ось (коллективизм-индивидуализм) ближе всех к англичанам расположены голландцы. Канетти рассматривал эти народы «чуть ли не братьями» и указывал на близость их происхождения, языков и религиозного развития. Обе нации — мореплаватели. Но если для англичан море — стихия, крепость, то для голландцев — фактор и символ непокоренной стихии, постоянной угрозы. Потому они в отличие от англичан постоянно испытывают высокую потребность в безопасности. Близкое расположение Франции к полюсу «открытость изменениям» можно квалифицировать в качестве инструментальной иллюстрации одного из традиционных символов страны — революции, т. е. глубокой установки на новое. Говоря о массовом сознании итальянцев, Канетти подчеркивал, что оно пронизано «воспоминаниями» о долатинизированном Великом

Риме. Итальянская земля заселена великими призраками прошлого, потребность в общении с которыми остро ощущается всеми новыми поколениями. По нашему мнению, это и есть форма итальянского коллективизма. Продолжая подход Канетти, можно отметить, что одна из причин российского коллективизма — это отголосок давней нереализованной мечты России о Третьем Риме и иных мессианских, в том числе большевистских — о всемирном коммунизме, устремлений нации.

Безусловно измерительная система RISC не предназначалась и не способна выявить в коллективности россиян то, что в публицистике и в историко-философских построениях обозначается «соборностью», «общинностью», стремлением быть «с миром». На языке использовавшихся социологических показателей коллективность предстает как сочетание, синтез трех свойств: «целостность», «чувство общности» и «вовлеченность в общество». Высокие значения этих показателей указывают на развитую потребность россиян в поддержании тесных отношений с членами семьи, с соседями, и с представителями всех социальных структур, к которым принадлежит человек. Одновременно, россияне испытывают глубокую потребность в существовании некоей общей идеологии, единого мировоззрения, стремятся к тому, чтобы направить личную энергию на достижение общих, коллективных интересов.

РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

В середине 90-х развитие европейской социокультурной реальности вызвало необходимость углубления методологии анализа и совершенствования логики описания ценностно-нормативных синдромов населения Европы. Это привело к появлению в измерительной системе RISC новых социальных индикаторов (увеличению числа вопросов в интервью) и к построению 3-х мерного социокультурного пространства. Появилась новая координата, а две ранее использовавшиеся социокультурные оси получили несколько иную интерпретацию (Рис. 2).

Один полюс этой новой оси обозначается термином «структура», другой — «гибкость». Индивиды, расположенные близко к первому полюсу признают, ценят, стремятся строго следовать в своих планах и в своем поведении нормативным требованиям общества, придают высокое значение социальному порядку. Наоборот, индивиды, ценностные синдромы которых близко расположены ко второму полюсу, противопоставляют себя сложившимся нормам, ищут и создают нечто новое, избирают мягкие формы

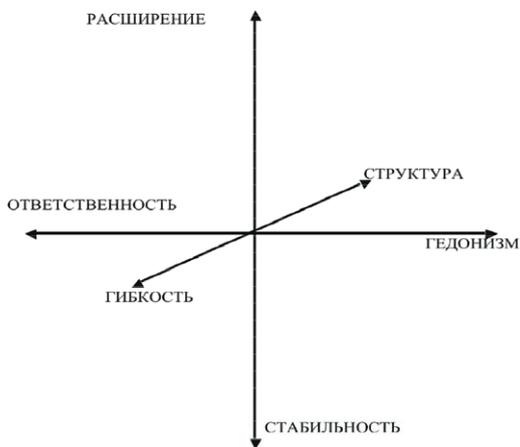

Рис. 2. Трехмерное западное социокультурное RISC-пространство

своей принадлежности к различным социальным образованиям и структурам.

Результатом анализа 3-х мерного социокультурного пространства стало выделение в структуре носителей Западной культуры десяти типологических групп. Не имея возможности для их описания, отметим два обстоятельства. Первое, в новых группах узнаются черты социокультурных образований, которые были обнаружены в 1980-х годах. Таким образом, сохраняется преемственность двух логико-математических конструкций. Второе, новые социокультурные группы дают возможность для более глубокого понимания современных тенденций глобального (население Европы, США и ряда стран других континентов) и регионального (население групп стран и отдельных государств) характера.

ЕВРОПЕЙСКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

По мнению аналитиков RISC, эволюция европейских сообществ в течение последнего десятилетия 20 века наиболее точно и универсально передается понятием конвергенция, сближение. Конвергенция наблюдается в настроении европейцев, а также в экономике и технологиях. Происходит сближение в поколениях: в большинстве европейских стран сокращается расхождение между живущими поколениями. Ценности и ожидания взро-

слых людей становятся более схожими с социокультурными представлениями молодежи. Европейские страны двигаются в сторону «общества удовлетворения». Этика значительного числа страт общества становится более прагматичной, а коллективные идеалы теряют свою фундаментальность. Семья продолжает оставаться ведущей ценностью, отчасти потому, что она более не является инструментом социального давления, но предстает как мягкая интерактивная общность. Теперь, совсем кратко об отдельных странах.

Франция в 2000 году представляла страной, преодолевшей мрачное настроение, население сдвинулось от социальной озабоченности в сторону гедонизма. Общество продолжает испытывать потребность в структуре и руководстве, но одновременно оно стало гибче и прагматичнее. Способность к потреблению стала важным фактором социальной интеграции. В быт, дома французов еще недостаточно вошли новые технологии, но население быстро осваивает Интернет и мобильную связь

Немецкая социокультурная перспектива характеризуется двумя главными процессами: снижением потребности в стабильности и высокими ожиданиями изменений, а также превалированием индивидуальных гедонистических установок над моральными и социальными обязательствами. В обществе, известном как уважающее порядок и дисциплину, «ничего не делание» более не является табу. В отличие от других европейцев, немцы более религиозны, они испытывают высокий уровень ностальгии и для них характерны высокая трудовая дисциплина и развитое экологическое сознание и поведение.

Итальянцы стремятся воспользоваться тем, что было сделано за последние годы. Общество, традиционно ориентированное на коллективность, сегодня демонстрирует культурные сдвиги в сторону гедонизма и материальных ценностей. Готовые принять технологические вызовы, итальянцы продолжают уважать себя, свою природу и историю.

ГИПОТЕЗА О МЕСТЕ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В последние годы RISC не опрашивал россиян, и потому невозможно напрямую сопоставить социокультурные образы России и других стран, носителей Западной культуры. Однако некоторые гипотезы относительно расположения России новым в 3-х мерном европейском социокультурном пространстве все же могут быть сделаны. Эмпирической основой для таких заключений являются наблюдения за динамикой общественного мнени-

ния россиян в годы ельцинских реформ и анализ более поздних опросов населения России.

Прежде всего следует сказать, что процесс общеевропейской социокультурной конвергенции, если и затронул территорию России, то не коснулся ядерных структур российской ментальности и российского ценностного синдрома. Все события, связанные с распадом СССР и образованием социально-политической и экономической системы новой России, требовали от населения выработки своих собственных — общенациональных и региональных — приемов социальной адаптации и обусловили возникновение стилей жизни, отличных от Западно-европейских. Так, если в первые постперестроечные годы в ценностном мире россиян заметно обнаруживалась установка на новое, если многими активно поддерживался поиск новой государственности, то к концу XX века в стране мощно заявили о себе чувства ностальгии и активно зазвучал общественный заказ на «наведение порядка» в сталинском или андроповском вариантах.

Сложившаяся российская экономическая система, ее законодательная база и ее реальное функционирование кардинально отличны от европейских и американской моделей. Соответственно и вытекающие из этой системы следствия порождают в стране принципиально иной, чем на Западе социально-нравственный климат. Лишь относительно небольшие группы жителей крупных городов и узкие группы специалистов, занятых в элитных сферах производства и распределения, способны позволить себе выбор и следование тем или иным по-западному гедонистическим стилям жизни. Преобладающая часть населения России, особенно в небольших городах и в еще большей степени — в сельской местности, живет так, как жили европейцы и американцы в первой половине 50-х, т. е. после решения неотложных проблем организации послевоенного быта. Речь даже идет не о вещной среде, хотя и она зачастую весьма примитивна, но о постоянном беспокойстве о завтрашнем дне. Многие россияне высказываются в пользу «структуры» и «стабильности» (если использовать язык, заданный социокультурными осями, Рис. 2). В них они — как в советские времена — преимущественно видят не подавление индивидуальности, не ограничение мобильности, не лишение права на свой путь, но определенную гарантию выживания и сохранения уже достигнутого уровня жизни.

Допускаю, что как и в начале 90-х по уровню коллективизма (в новом социокультурном пространстве — «ответственность») Россия заметно превосходит другие европейские государства. Но природа современного коллективизма иная, чем десятилетие назад. Если совсем кратко, то новый

коллективизм в большей степени, чем раньше, цементирован религиозностью, в частности — православием, ностальгией по сталинско-брежневским временам, национализмом, в том числе — антиамериканизмом и недоверием Европе. Еще одно объединяющее многих свойство — это в целом критическое, но очень многоаспектное, отношение к «новым русским» и к системе, породившей их.

Одним из результатов исследований RISC является картина долговременной, охватывающей всю вторую половину XX века, социокультурной перспективы. Графически она представляется как лестница социокультурных состояний Западного сообщества. За прошедшее время Западная цивилизация пережила пять десятилетних периодов: общество потребления, фаза поиска своей идентичности, годы гедонизма, десятилетие прагматизма и период поиска новой этики, базовой для XXI века. Очевидно, что эта типология социального времени условна и не может интерпретироваться однозначно. Но все же она задает траекторию развития Западной культуры — одного из магистральных направлений движения современной цивилизации. Дезорганизация социального организма России определяет место страны на нижних этажах указанной лестницы. Но ничто не вечно. История учит оптимизму.

Исследование телевизионных сюжетов времен перестройки и его современное осмысление

Введение

В 1995 году автор вместе с О. Б. Божковым и сотрудниками принял участие в исследовании телевизионных передач, транслируемых каналами российского телевидения. Суть задачи состояла в том, чтобы оценить параметры воздействия на аудиторию телевизионных трансляций отдельных каналов и по возможности сравнить тематические и дискурсные особенности телевидения в различных средствах массовой информации. Наш коллектив успешно справился с поставленной задачей: отчет по проведенному исследованию был успешно сдан, и его результаты нашли отражение в выступлении известного на тот момент политика.

Сегодня не было бы смысла возвращаться к тогдашнему изучению телевизионного вещания и возможностей его совершенствования, если бы методические проблемы вчерашнего дня не были бы актуальными методологическими проблемами дня сегодняшнего.

Что, где и как? в ТЕЛЕТРАНСЛЯЦИЯХ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

Суть методических проблем, прагматически решенных нами в 1995 г., станет понятна из краткого описания тогдашней задачи. Существует ряд телевизионных каналов, которые внедряют в общественное сознание те или другие образцы поведения, стиль жизни, социально-культурные традиции и т. п. Каждый из каналов проводит собственную линию такого внедрения, и встает задача оценить ее особенности: направленность тематики, приемы ее подачи, убедительность для аудитории и т. п.

При решении этой задачи мы опирались на идеи контент-анализа и должны были разрешить ряд методических трудностей, встающих при обращении к этой технике. Исходной проблемой явилось создание такой процедуры разбиения телевизионного потока на отдельные фрагменты, которая могла бы служить недвусмысленным навигатором эксперта, выполняющего функцию «инструмента фиксации» фрагмента.

В основе методики лежало представление об элементарной единице наблюдения, которая получила название *эпизод*. «Это промежуток действия, характеризующийся постоянством Действующих лиц (предметов), Места и Времени»¹. Любая телепередача рассматривалась как совокупность эпизодов.

Была проведена операционализация понятия *эпизод* путем введения трехуровневой типологии. На первом уровне эпизоды подразделялись в терминах а) *субъектов* (персонажей) действия, б) собственно *действия*, в) *обстоятельств* или условий, в которых разворачиваются действия.

Субъект классифицировался в соответствии с числом людей, занятых в эпизоде, их статусными характеристиками и т. д. *Действия* подразделялись на бытовые, военные, вербальные и т. д. Вводилось представление о характере действия — индивидуальный, сотрудничество, агрессия и т. д. О *мотивации* действия — альтруистическое, эгоистическое и т. п. О *доминирующих ценностях* действия — ради чего, вокруг чего и т. д. Вдобавок предлагалось обращать внимание на объект и обстоятельства действия.

В результате возникала громоздкая типология, слабо наполняемая при наблюдении экспертами телевизионного потока ввиду двух причин. Во-первых, указанная типология является весьма дробной, т. е. «многомерная клетка», формируемая категориями, оказывается незаполненной по результатам наблюдений видеоряда. Во-вторых, большое число категорий сочетается с абстрактностью каждой и них, что на практике означает значительные трудности соотнесения, которые должен преодолевать эксперт, классифицируя эпизоды телевизионного ряда.

Не удивительно, что практическая задача регистрации эпизодов для последующего анализа решалась нами в исследовании 1995 года на основе двух техник их поименования². Во-первых, словесной формулы, которая строилась из соображений возможности ее воспроизведения человеком с улицы, т. е. в словах естественного языка, которые понятны обывателю. Во-вторых, последующей категоризации словесных формул, т. е. их укрупненного словесного поименования, выполняемого экспертами по результатам первоначальной фиксации эпизодов. Так, формула «родитель нака-

¹ Божков О.Б., Каныгин Г.В. Возможное развитие социальных исследований телевидения, 1994 (неопубликованная рукопись)

² Чесноков С.В. «Мне интересен человек как человек...» // Социологический журнал, №2. 2001. С. 63-122., Каныгин Г.В. «Поименование как инструмент конструирования социальных фактов» // Научные проблемы гуманитарных исследований, Пятигорск, 2010 (в печати).

зывает сына» могла быть отнесена к категории «насилие», а «влюбленные страстно целуются на мосту в Париже» — к категории «эротика».

Как методологические достоинства, так и трудности «вербальных формул», т. е. поименования эпизода с помощью кратких естественно языковых аннотаций, вполне осознавалась нами в 1995 г. В числе первых — формулы понимаемы, могут быть использованы респондентами для самоидентификации, не требуют громоздкой предварительной типологизации, основаны на опыте владения экспертами естественным языком,

Однако также верно, что формулы представляют собой отчетливые упрощения, скажем, «герой войны» может менять свой смысл в зависимости от того, какая война, с кем, в каких обстоятельствах и т. п. Одни и те же события могут быть выражены разными формулами, так, то, что чуть выше послужило прообразом категории «эротика», может быть обозначено как «по-настоящему французский мост с влюбленной парочкой» и переобозначено как «зарубежная архитектура».

В числе возникших методических затруднений следует также отметить следующие. Во-первых, регистрация отдельных фрагментов без возможности повторного просмотра видеоряда предъявляет повышенные требования к концентрации внимания эксперта. Например, регистратор фиксирует начало очередной мизансцены, которую он воспринимает как нейтральную. Соответствующий видеоряд разворачивается во времени и в самом конце оказывается, что авторы преследовали цель показа сюжета, который должен быть отнесен к одной из predeterminedенных отнюдь не нейтральных категорий. В этом случае регистратор должен сначала изменить свою оценку, затем сделать соответствующую отметку в своем журнале. Но такие действия требуют времени в условиях, когда уже идет следующий сюжет.

Детализируя ситуацию с выделением фрагмента в видеопотоке, не стоит забывать, что у разных экспертов различные представления, например, о насилии. Это неминуемо означает различные результаты регистрации разными экспертами одного и того же телевизионного ряда. В этих условиях нами применялась гипотеза о «стихийном уравнивании», т. е. неявно занятая методологическая позиция, согласно которой, например, при регистрации сцен насилия расхождения во взглядах регистраторов на то, что считать насилием нивелировались статистически. Т. е. если один из экспертов пропускал сцены «мягкого насилия», а другой их регистрировал, то «в среднем» устанавливался некий «общий латентный порог», который, собственно, и определял, что такое насилие «на самом деле».

Еще одной трудностью выполненной процедуры оказалось то, что несмотря на большой объем проведенной работы как по составлению методики, так и по ее применению для целей фрагментирования и оценивания телевизионного потока, полученные результаты не могли быть использованы повторно. Разработанные схемы регистрации экранных сцен были описаны с помощью словесных разъяснений, предъявленных регистраторам с помощью текста, и не имели структурных связей между своими частями. Скажем, если для одной и той же сцены возникали две оценки, например, «эротика» и «насилие», то в результате наблюдения эксперт фиксировал две сцены. И уж, конечно, никак не отражалось авторское соподчинение сцен, т. е. явное выстраивание отдельных телевизионных сюжетов согласно общему замыслу их авторов. Например, многократное участие одного и того же персонажа в ряде сцен, подпадающих под каноны регистрации, никак не отражалось в качестве компонента определенного психологического воздействия.

Как отмечено в наших пояснениях к методике 1995 г., она имеет три основных недостатка: малая «глубина» проработки содержания телепотока, несовершенство наблюдения, разрозненность отдельных частей исследования — разработки инструментария, процесса наблюдения, накопления данных, их анализа и презентации.

Обобщая сегодня методологические особенности описанного исследования, можно предложить следующее резюме. В основе методики лежит фиксация заранее не оговариваемых сцен (ситуаций, сюжетов, случаев и т. п.), предъявляемых с помощью меняющихся изображений на экране телевизора. Затруднения восприятия реципиентами и анализа обуславливаются двумя главными причинами. Во-первых, большими объемами визуальной информации. Во-вторых, наличием в ней авторских замыслов, структурирующих визуальный поток, но не поддающихся выражению методическими средствами выполненного исследования.

Определим авторский замысел как сознательное конструирование сюжетов и связывание их, подчиненное декларируемым или подразумеваемым автором принципам. Реализация автором своего замысла означает его структурную выраженность в информационном потоке. Например, обязательное присутствие первых лиц государства на телеэкране является не отражением фактов, а их конструированием.

Замысел может быть прослежен с той или иной степенью адекватности. Причем такая степень варьируется в зависимости от автора интерпретации и различных условий ее проведения. Однако каждая такая интер-

претация представляет собой собрание большого числа сцен, имеющих взаимные связи. В этих условиях можно сказать, что в инструментарии проведенного исследования не хватало средств структурирования визуальной информации.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОТОКА ИНФОРМАЦИИ

Проблемы выделения «содержания» в телевизионных сюжетах и его последующей оценки являются типичными задачами концептуализации неструктурированной информации, возникающими в анализе качественных данных¹. Стоит отметить, что в этих задачах оказывается более важным не то, в каком формате представлены исходные данные, а то, каким понятийным аппаратом пользуется человек (аналитик, информант) при их концептуализации. Например, заядлый театрал релевантно воспроизведет значительно больше связей в театральной постановке, чем неофит театра, вне зависимости от того, показана ли постановка по телевидению или предъявлена в виде сценария. Это объясняется тем, что у театрала более мощная система воспроизведения сценического действия, чем у неофита. И в таких условиях возникает необходимость применения таких «концептуализирующих систем», которые давали бы возможность явно демонстрировать структурные различия в системах восприятия без обращения к сомнительным гипотезам о «латентных переменных» или «среднем человеке».

Именно поэтому в анализе качественных данных фактически не делается различий между разными форматами анализируемой информации, которая может быть представлена в виде графики, текста, аудиоряда и т. д. Главная проблема видится в том, как концептуализировать, т. е. перевести в структурную форму, поток сведений, который, с одной стороны, имеет одинаково понимаемый формат, с другой, — по-разному интерпретируется разными участниками социальной коммуникации. Собственно сама концептуализация является первым шагом дальнейшего анализа индивидуальных позиций, состоящим в конструктивном выражении их своеобразия.

Отметим, что отмеченная потребность в средствах концептуализации, которые могли бы конструктивно выразить разнообразные видения одних и тех единиц наблюдения, выявляемых в телевизионных передачах, вполне рефлексировалась нами в 1995 году. Однако на тот момент в нашем рас-

---

¹ Каньгин Г.В. Инструментальные средства и методологические принципы анализа качественных данных // Социология 4М. № 25. 2007. С. 77-98.

поряжении не было соответствующих методических инструментов, что во многом снижало возможности адекватной оценки телевизионного потока. Особенно это относится к выявлению замыслов авторов телевизионных передач.

Руководствуясь описанным тезисом о первостепенной важности инструментов концептуализации, адекватных сложности структур, используемых реципиентами, и второстепенности формата исходной информации, обратимся к нашим наработкам в этой области, которые расширяют методические возможности исследования 1995 года. Целью такого обращения служит предъявление конструктивных методов, которые позволяют переосмыслить саму постановку задач 1995 года.

В ряде публикаций автор предложил контекстно-ориентированные методы¹ в виде базовых принципов организации, основных структурных моделей и серии примеров концептуализации, описанных с помощью этих моделей. К настоящему времени создан пакет контекстно-ориентированной концептуализации². Используем этот пакет, для того чтобы оценить объемы и сложности структурирования информационного потока, которые остались вне должного отражения в 1995 году. И основываясь на этой оценке, попытаемся сформулировать более общие методологические выводы.

Для демонстрации новых методических возможностей попытаемся оценить сложность и структурированность информации, содержащейся в небольшом текстовом отрывке. Это поможет нам понять, какова «аналитическая сложность» телевизионного видеоряда. Воспользуемся известным текстом, представленным на сайте <http://onlineqda.hud.ac.uk/> и анализируемым нами ранее, но без использования пакета. В основе такого обращения лежат следующие параллели. «Содержание», которое выражено у информанта словами «совместное проживание с родителями», «спору с отцом», возможности родителей помочь» и т. д. предстает в телевизионной картинке в виде экранных сцен. Вместо слов перед зрителем проходят кадры, например, с домашней обстановкой и споров персонажей на ее фоне, или радостная встреча людей разных поколений и т. п.

Наличие такого «изоморфизма» позволяет не смущаться известным несоответствием форм информации — видеоряд в исследовании 1995 г.

---

¹ Каныгин Г.В. Контекстно-ориентированный подход к построению теорий. СПб, Норма., 2006; Каныгин, Г.В. Проблемы анализа качественных данных // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, N1(31). 2007. С. 118-128.

² См. сайт www.genaka.spb.ru.

и традиционный текст. Основная научная проблема, которую приходится решать в ходе выполнения задач подобных той из 1995 г., состоит в том, как для себя представить те структуры, наличие которых только и оправдывает тезис об изоморфизме. Другими словами, какими средствами концептуализации произвольного потока информации следует воспользоваться. Напомним, что в описанном исследовании это были априорная иерархическая типологизация эпизодов и описывающие их словесные формулы.

КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Дадим краткую характеристику инструментов концептуализации или кодирования, предоставляемых аналитику контекстно-ориентированным пакетом.

В процессе контекстно-ориентированной концептуализации исследователь при выражении своих взглядов работает не с текстом или кодами, а со специальными аналитическими единицами, которые назовем когнитивными идентификаторами. В составе компьютерного пакета существуют три таких идентификатора — *понятие, актер и действие*.

Понятие — обозначение (метка, знак, символ, наименование и т. п.), с помощью которого аналитик именуется любой неодушевленный феномен, образ, сюжет, мотив или другой предмет своего внимания. Для характеристики того, что обозначается как понятие, не применимо представление об ответственности, чувствах, мотивах, моральных качествах и т. п. Например, ДОМ.

Актер — это тоже обозначение, используемое аналитиком для наименования, но уже одушевленного предмета или феномена, с которым могут быть связаны представления об ответственности, мотивах, моральных качествах и т. п. Например, КОЛЛЕКТИВ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ.

Действие — это обозначение, позволяющее аналитику связывать определенного актора с последовательностью описаний, составленную из понятий, актеров и других действий. Действие всегда включает в себя указание на описание, которое выражается понятием, и явное упоминание об акторе.

Когнитивный идентификатор используется в пакете из тех же соображений и для тех же целей, что и код в традиционных техниках кодирования¹. Когнитивный идентификатор — это расширенный аналог кода в

Каньгин Г.В. Проблемы анализа качественных данных // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, N1(31). 2007. С. 118-128. ¹

пакетах АҚД, основанных на функциях кодирования и реконструирования данных¹.

Покажем, каким образом предлагаемые техники выглядят в случае их практического применения с помощью пакета.

РАЗМЕТКА КОНТЕКСТОВ

Текст, подлежащий концептуализации, показан на рис. 1. Первой операцией в контекстно-ориентированном кодировании является структурное выражение терминологических зон (областей смыслов, сфер компетенции, круга ситуаций и т. п.), в которых аналитик развивает свою концепцию в виде понятий. Используя единое обозначение для такого сорта единиц разбиения, будем применять термин контекст.

Смысл разбиения состоит в том, чтобы побудить аналитика предварительно, до начала введения массы понятий, переопределяющих мнение информанта, указать отдельные сложившиеся области представлений, в которых эти понятия осмысливаются. Это практически работающий аналог науковедческого представления о предметной области, существование которой позволяет говорить о научных терминах, а не о словах обыденного языка².

В качестве первого шага используя собственное прочтение свидетельства информанта, разделим его на зоны, которые показаны на рис. 1.

Когда ты переезжаешь в свой собственный дом, то тебе становится одиноко. Никаких людских шевелений вокруг. Я чувствую, что мне недостает кого-нибудь рядом, чтобы просто поговорить. Я включаю телевизор или музыку, для того чтобы слышать какой-нибудь звук, тишина делает меня таким одиноким. Иногда я усаживаюсь перед погасшим телевизором и думаю, что лучше было бы уйти из дома и что-нибудь сделать вместо того, чтобы смотреть эту ерунду. Я много читаю, но иногда слишком устаю, и возникает желание просто проветриться. Однако это хорошо съехать от мамы с папой, ведь не здорово во всем полагаться на них, зная, что они не вечны. Я стал самостоятельным и принимаю свои собственные решения. Это хорошо, что они по-прежнему спо-

---

¹ Kelle U. 'Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data' // *Sociological Research Online*, vol. 2, no. 2, 1997. <http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html> (дата считывания 05.04.2008)

² В программистской терминологии разметка контекстов — это разбиение текста программы на блоки, в границах которых только и могут появиться отдельные аналитические обозначения, которые у программистов называются переменными.

Когда ты переезжаешь в свой собственный дом, то тебе становится одиноко. Никаких людских шевелений вокруг. Я чувствую, что мне недостает кого-нибудь рядом, чтобы просто поговорить. Я включаю телевизор или музыку, для того чтобы слышать какой-нибудь звук, тишина делает меня таким одиноким. Иногда я усаживаюсь перед поганим телевизором и думаю, что лучше было бы уйти из дома и что-нибудь сделать вместо того, чтобы смотреть эту ерунду. Я много читаю, но иногда слишком устаю, и возникает желание просто проветриться. *

Однако это хорошо съехать от мамы с папой, ведь не здорово во всем полагаться на них, зная, что они не вечны. Я стал самостоятельным и принимаю свои собственные решения. Это хорошо, что они по-прежнему способны откликнуться, когда я нуждаюсь в них. Это хорошо быть от них на расстоянии, т.к. когда я бывал дома, я много спорил с отцом, что и подтолкнуло меня к решению разъехаться. *

Рис. 1. Отсылки к контекстам в тексте информанта

способны откликнуться, когда я нуждаюсь в них. Это хорошо быть от них на расстоянии, т. к. когда я бывал дома, я много спорил с отцом, что и подтолкнуло меня к решению разъехаться.

Отсылки к контекстам в тексте информанта

Для обозначения терминологических зон введем ряд новых терминов¹, обязанных своим появлением указанным фрагментам текста.

СОВМЕСТНОЕ С РОДИТЕЛЯМИ ПРОЖИВАНИЕ²: когда я бывал дома.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА: Когда ты переезжаешь в свой собственный дом, то тебе становится одиноко. Никаких людских шевелений вокруг. Я чувствую, что мне недостает кого-нибудь рядом, чтобы просто поговорить. Однако это хорошо съехать от мамы с папой

БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ В РЕШЕНИЯХ: Я стал самостоятельным и принимаю свои собственные решения.

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ: способны откликнуться, когда я нуждаюсь в них, они не вечны

ТИШИНА ВОКРУГ: Никаких людских шевелений вокруг; тишина делает меня

МНОГО ЧИТАЮ: Я много читаю

СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР: Я включаю телевизор или музыку, для того чтобы; я усаживаюсь перед поганим телевизором

СПОРИТЬ С ОТЦОМ: я много спорил с отцом

¹ Не будем останавливаться на технических приемах работы с терминами с помощью пакета, а сконцентрируемся на существовании этих действий.

² Здесь и далее термины, вводимые с помощью пакета, написаны большими буквами.

Введем еще один термин СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ), которым обозначим всю «сумму обстоятельств», в которых информант развивает свои размышления¹.

Выполненное выделение контекстов основывается на аналитическом прочтении текста, и в данном случае каждое из понятий было сопоставлено с его фрагментом. Но продемонстрированное соответствие не является обязательным, требование безусловного существования такой связи лишь ограничило бы возможности аналитического выражения мыслей информанта. Аналитик руководствуется текстом при выделении в нем смысловых зон, но вводит термины по своему усмотрению.

Подчеркнем это обстоятельство «концептуальной свободы» аналитика от непосредственных обозначений информанта, употребив для целей текущей концептуализации еще одно понятие — ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. За счет этого я обозначаю ту «область смыслов», на которых основывается информант, отчетливо вызывая к общечеловеческому пониманию, тем самым выходя за границы описываемого собственного опыта. Примеры такого действия информанта я усматриваю в следующих словосочетаниях: «что-нибудь сделать», «это хорошо», «просто проветриться» и т. п.

Вторым шагом разметки контекстов является установление соподчиненности между ними. При установлении этой соподчиненности аналитик руководствуется двумя не обсуждаемыми в данной статье отношениями: «часть-целое» и «равноположенность». Покажем, как практически ввести эти отношения между зонами смыслов, если аналитик использует пакет. Общая идея соответствующих действий такова: чем конкретнее рассуждение информанта, тем более структурно зависимым оно является от других его рассуждений.

У информанта можно найти три «самых простых» или конкретных ситуации, которые можно назвать единичными — это отмеченные им случаи выполнения действий, которые выше обозначены как: МНОГО ЧИТАЮ, СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР, СПОРИТЬ С ОТЦОМ и, естественно, имеют в качестве актора самого молодого человека.

Таким образом, можно сказать, что зона смыслов, которые содержатся в анализируемом тексте, и обозначена СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА

---

¹ Пакет позволяет кодировать не только «семантику» свидетельств, но и все аналитические действия, которые связаны с самой процедурой, причем в тех терминах, которые предлагает сам аналитик.

(СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ), распадается на три «подзоны», помеченные указанными понятиями.

Поясним, что наличие у термина смысла моделируется в пакете с помощью структуры контекстно-фиксированного разъяснения (КФР)¹, показанной на нижеследующих рисунках. КФР моделирует процесс смыслообразования в аналитических рассуждениях как результат действий аналитика по конструированию локальных отношений между вводимыми им терминами.

Термин обладает смыслом в том случае, если за ним стоит некоторая цепь последующих рассуждений. В рамках структуры КФР эта цепь формируется двумя способами: естественно языковым и структурным. В первом случае рассуждения выражаются с помощью естественного языка и оформляются как текстовый комментарий. Это означает, что структурно выраженная цепь прерывается на термине с «текстовым» смыслом. Наличие такого термина означает, что аналитик лишается возможности дальнейшего наращивания смысловой цепи в том направлении, которое он решил разъяснять с помощью естественного языка.

Во втором случае термин разъясняется через группу других терминов.² Каждый из терминов, введенных в качестве пояснений, сам может быть разъяснен путем создания последующих КФР, связывающих пояснения с их пояснениями. Тем самым аналитик сможет продолжить удлинение смысловой структуры своего рассуждения.

Наличие у термина смысла, т. е. существование хотя бы одного пояснения любого вида, означает, что термин введен в состав тезауруса, и он становится доступным для операций аналитика (связывание и т. п.). Т. к. связывание термина со своими пояснениями всегда осуществляется с помощью КФР, т. е. происходит в определенном контексте, то и смысл термина согласно модели существует только в определенном контексте.

Таким образом, вышеуказанное интуитивное расчленение смысла свидетельства информанта на три области имеет структурное выражение, показанное на рис. 2³.

---

¹ Автор уже не раз писал об этом способе связывания понятий. См., например, Каньгин Г.В. Проблемы анализа качественных данных // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, N1(31). 2007. С. 118-128.

² При практическом использовании в пакете эти случаи могут быть соединены в одном КФР.

³ Здесь и далее рисунки представляют собой формы пользовательского интерфейса пакета контекстно-ориентированной концептуализации.

Рис. 2. Исходное дробление смысловой зоны свидетельства на три направления рассуждений

На этом рисунке структурно выражено, что СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА (СЮЖЕТ, КОНТЕКСТ) в каждом из указанных контекстов может иметь свой смысл, который в дальнейшем не будет структурироваться, а будет передан с помощью текстового комментария. Аналитик, будучи пользователем пакета, выражает это намерение, указав термин КОММЕНТАРИЙ (ТЕКСТ, МЕМО) в качестве пояснения¹.

Далее, любое из действий, указанных на рис. 2, ранее трактовалось как «единичная ситуация», т. е. для ее осуществления необходимо выполнение ряда условий или обстоятельств. Соответственно, будучи частью этих условий «единичная ситуация» включена в «области более общих смыслов». Выразим эти естественные включения по-прежнему с помощью КФР, которые свяжут уже введенные терминологические зоны.

Начнем со СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ). В данном случае КФР наряду с обобщением контекста придает смысл самому термину в виде группы поясняющих терминов, которые являются аналитической фиксацией того, что содержится в свидетельстве информанта. Эти термины создаются в ходе концептуализации самим аналитиком с помощью средств пакета.

Обобщим теперь вторую единичную ситуацию — СПОРИТЬ С ОТЦОМ. Для ее разъяснения, судя по свидетельству информанта, он использует три других «круга смыслов», которые формализованы мною в виде терминов, показанных в качестве контекстов на рис. 4.

¹ Для пакета КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ,МЕМО) является специальным термином, называемым примитивом, с которым связан тип поля данных, что используется в алгоритмах пакета. Однако пользователь не обязан знать об этой особенности, решая задачи кодирования.

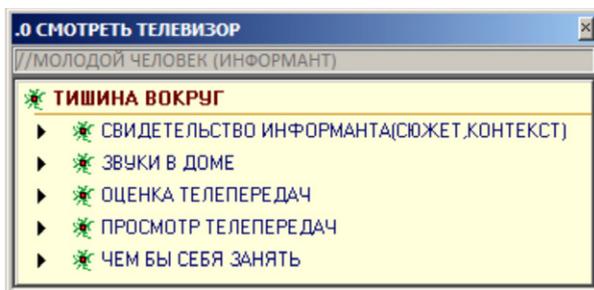

Рис. 3. КФР: обобщение контекста и структурное разъяснение смысла

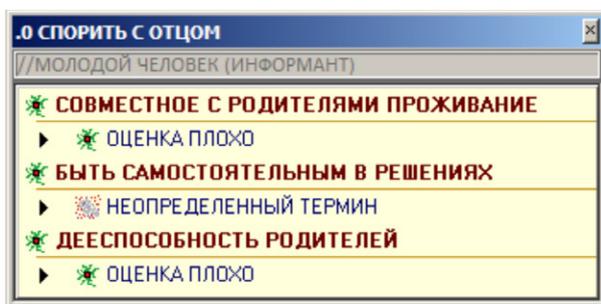

Рис. 4. Обобщение контекста единичной ситуации

Поясним, что наряду с введением отношения между контекстами два из трех КФР, представленных на рис. 4, используются с целью разъяснения, в данном случае оценивания действия СПОРИТЬ С ОТЦОМ. Т. е. первое и третье КФР означают, что СПОРИТЬ С ОТЦОМ в условиях, которые обозначены СОВМЕСТНОЕ С РОДИТЕЛЯМИ ПРОЖИВАНИЕ и ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ, с точки зрения информанта, плохо. Это «плохо» выражено термином ОЦЕНКА ПЛОХО, который для того чтобы выполнить свою структурную миссию, должен быть введен в каком-либо контексте тезауруса, который является более общим, чем СПОРИТЬ С ОТЦОМ¹.

Относительно термина МНОГО ЧИТАЮ из КФР на рис. 5 ясно, что его объемлющим контекстом служит ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, а

¹ Забегая вперед, можно сказать, что таким контекстом окажется ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

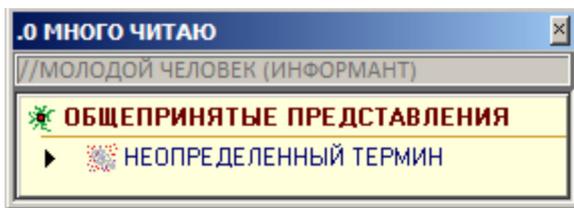

Рис. 5. Контекстное обобщение без разъяснения смысла

сам термин определен только в этом одном контексте и не имеет ни структурных, ни текстовых пояснений ни в одном из контекстов.

Наконец, введем еще ряд КФР, которые завершают установление связей между «зонами смыслов». Судя по свидетельству информанта, условия ТИШИНА ВОКРУГ возникают в обстоятельствах самостоятельного проживания информанта, что отражено на рис. 6. При этом указано, что информанта связывает состояние тишины в доме с чувством одиночества.

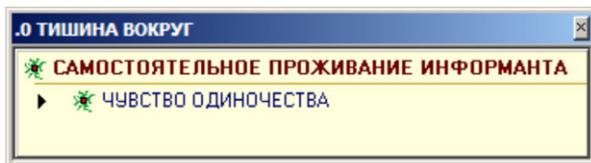

Рис. 6. Аналитическое переформулирование

Поясним еще одно обстоятельство проводимой концептуализации. Из КФР на рис. 6 не следует делать вывод, что ТИШИНА ВОКРУГ сведена к ЧУВСТВУ ОДИНОЧЕСТВА. На указанном рисунке выражено лишь то обстоятельство, что при своем толковании тишины информант в условиях самостоятельного проживания, с точки зрения аналитика, указал чувство одиночества. В ходе дальнейшего анализа может быть предложено дополнительное аналитическое истолкование в виде новых терминов или текстовых комментариев.

Для того чтобы объяснить, что информант понимает под самостоятельным проживанием, придется обратиться к двум смысловым зонам БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ В РЕШЕНИЯХ и ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, что указано на рис. 7. Причем в этих зонах термин САМОСТОЯТЕЛЬ-

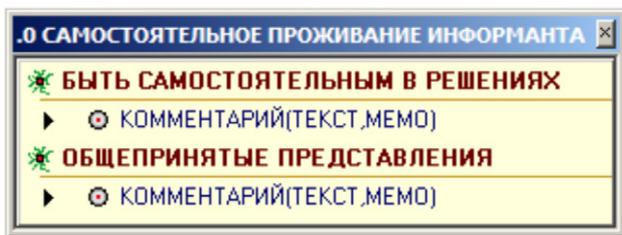

Рис. 7. Введение самых общих терминологических зон

НОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА не будет иметь структурных разъяснений, а только текстовые комментарии.

Из свидетельств информанта можно сделать заключение, что круг его размышлений о дееспособности родителей включен в более широкий терминологический дискурс о потребности молодого человека в их помощи, что показано на рис. 8.

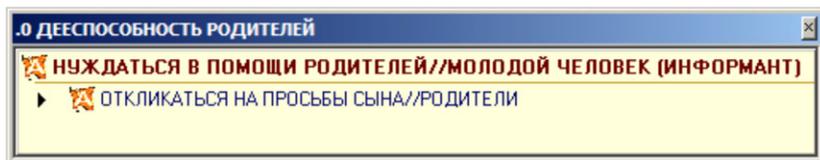

Рис. 8. Чтобы понять, что такое дееспособность родителей, нужно знать, что они способны откликнуться

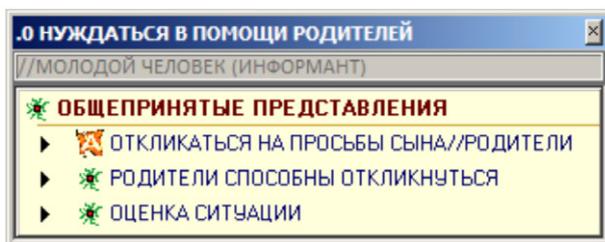

Рис. 9. Структурирование смысла термина информанта на основе общепринятых представлений

В свою очередь, для того чтобы понять, что такое, по мнению информанта, «нуждаться в помощи родителей», КФР на рис. 9 предлагает обра-

таться к структурированным разъяснениям, представленным в виде действия ОТКЛИКАТЬСЯ НА ПРОСЬБЫ СЫНА, аналитического выражения рассуждений о способности родителей откликнуться и оценке ситуации, связанной с потребностью информанта в помощи родителей.

Наконец, завершает процесс «зонной разбивки» указание на то, что каждое из введенных понятий и все установленные отношения принадлежат системе взглядов, которая образует единое целое. Эта система взглядов названа АКТУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС.

Такое указание вводится двумя КФР, показанными на рис. 10 и 11. Они обозначают тот факт, что все введенные термины имеют смысл, только будучи собранными в одной коллекции, которая называется АКТУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС.

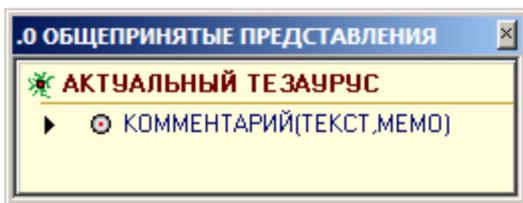

Рис. 10. Зона «верхнего уровня» существует только в составе тезауруса

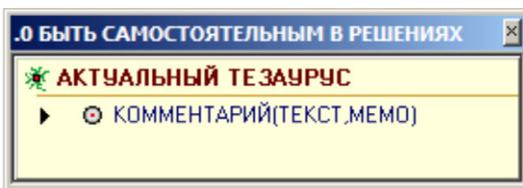
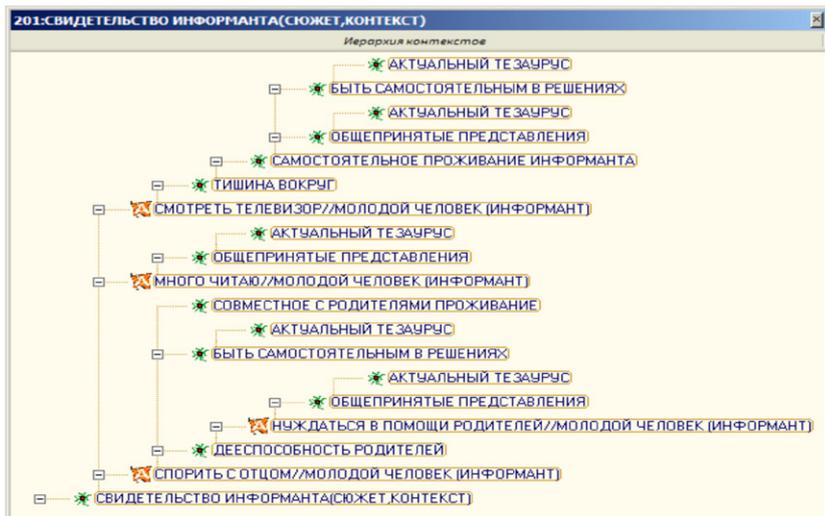

Рис. 11. Зона «верхнего уровня» существует только в составе тезаурус

Резюмируем описанные действия по разметке контекстов. Совокупность КФР, показанных на рис. 2-11, выражает мое представление о терминологических зонах, которые используются информантом для придания определенности своим высказываниям. Разметка контекстов осуществлена в виде отдельных, не связанных между собой структур, которые отражают попарные соподчинения областей устоявшихся смыслов.

Единое представление о структуре соподчиненности терминологических зон генерируется пакетом автоматически на основе проведенных разъяснений, представленных в виде КФР. Для данного случая со-

ответствующая структура, называемая иерархией контекстов, показана на рис. 12.

Рис. 12. Иерархия контекстов: зоны терминологической определенности (определения смыслов) понятий контекстно-ориентированной концептуализации

В чем смысл проделанной работы? Выполнено общеметодологическое требование по указанию контекстов, в рамках которых только и могут существовать отдельные аналитические суждения. Контексты введены явно и соподчинены друг другу, их структурная определенность делает возможным введение терминов, аналитически выражающих свидетельства информанта.

В чем роль пакета? Единая структура разметки контекстов в свидетельствах информанта формируется пакетом автоматически. Это формирование может выполняться на каждом этапе разметки, т. е. любое аналитическое действие — введение термина, его связывание, изменение порядка следования терминов при разъяснениях и т. п. — может быть проверено на связность со всеми другими действиями, выполненными с целью разбиения на терминологические зоны. Такая автоматическая генерация, выполняемая пакетом, является мощным средством контроля «аналити-

ческой состоятельности» концептуализации. Именно путем многочисленных итераций по введению и связыванию отдельных терминов в условиях постоянного аналитического контроля получена финальная картина терминологических зон, показанная на рис. 12.

ПЕРВИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ И РАЗМЕТКА КОНТЕКСТОВ

После того как проведена разметка «терминологических зон», в рамках которых осуществляется определение терминов, используемых в ходе концептуализирующих рассуждений, становится возможным осуществить известный процесс «первичного кодирования»¹. Я не буду на нем останавливаться, а скажу лишь, что целью этого процесса служит создание единого аналитического представления, структурированного средствами пакета. Такое представление названо мною тезаурусом, т. е. совокупностью терминов, связанных между собой в процессе контекстно-ориентированной концептуализации с помощью контекстно-фиксированных разъяснений. Таким образом тезаурус включает в себя как термины, использованные для обозначения контекстов, так и понятия, выражающие результаты первичного кодирования.

Аналитик может включить в тезаурус любые термины, которые он считал необходимыми для связывания его концепции в единое целое.

Инструментально процесс связывания прост и для его осуществления аналитик может пользоваться разнообразными приемами или стратегиями, например, разработанными в виде положений grounded theory². Естественно, что в основе рассуждений при любом подходе останется текст информанта. Например, в ситуациях, ранее обозначенных как САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА, молодой человек указывает, что у него возникает ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА.

Далее можно в тексте увидеть, что это чувство сопряжено с ситуациями, при которых «никаких людских шевелений вокруг». Выразим эти ситуации одним, быть может, жаргонным обозначением НЕТ ШЕВЕЛЕНИЙ. Теперь обратим внимание, что в том же контексте, обозначенном САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА, по свидетельству информанта, ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА приводит к его действиям, связанным с

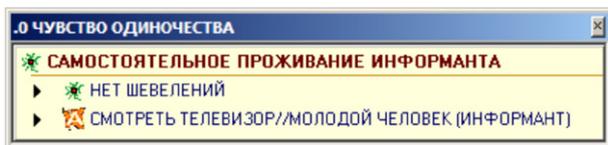
---

¹ См. Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара, «Универс-групп», 2004. С. 172 и далее.

² См. предыдущую сноску.

просмотром телевизионных передач¹. Зафиксируем наше наблюдение о просмотре информантом телепередач с помощью термина СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ).

Теперь нам остается только связать термины, использованные для обозначения свидетельств информанта, в одно КФР, показанное на рис. 13.

Рис. 13. Разъяснение термина через его связи с другими терминами в определенном контексте

Повторяя операцию КФР столько раз, сколько необходимо для выражения свидетельства информанта с учетом областей смыслов, аналитик вводит новые термины, связывает их между собой, создает общий тезаурус, выражающий свидетельство информанта в аналитическом виде. Опуская детальное описание этого трудоемкого процесса, приведем его результаты для данного случая в виде формы пользовательского доступа к тезаурусу, на которой показан ряд КФР, введенных выше (рис. 14).

Аналитические разъяснения, созданные пользователем в виде указанного тезауруса, по его команде могут быть автоматически агрегированы пакетом в единую структуру, называемую терминологическим графом (ТГ). Для данного случая эта структура показана на рис. 15.

ОБСУЖДЕНИЕ

В ТГ представлена «общая семантическая» структура свидетельства информанта, сгенерированная пакетом на основе аналитических разъяснений. Эти разъяснения выполнены аналитиком, т. е. автором данной статьи, и представляют собой описание отдельных ситуаций и смысловых областей, которые аналитик «увидел» в свидетельстве информанта.

Зачем нужен построенный терминологический граф? И какова роль пакета?

¹ В этом месте ничто не мешает сделать еще одну конструктивную отсылку, связав проблемы телепросмотра у информанта с нашим исследованием 1995 года, посвященным также «телевизионным проблемам». Однако автор не станет этого делать из-за ограниченности объема публикации.

0-ТЕСТОВЫЙ. 0	.0 СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА(СЮЖЕТ,КОНТЕКСТ)
<p>Тезаурус Понятие Идентификация</p> <p>Мнемоника</p> <p>БЫТЬ САМОСТЯТЕЛЬНЫМ В РЕШЕНИЯХ</p> <p>ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ</p> <p>ДЕЙСТВИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ТИШИНУ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>ЗВУКИ В ДОМЕ</p> <p>ЛУЧШЕ ИЗБЕГАТЬ СПОРЫ</p> <p>МНОГО ЧИТАЮ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>МНОГО ЧИТАЮ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ</p> <p>МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>НЕ С КЕМ ПОВОРОТИТЬ</p> <p>НЕТ ШЕВЕЛЕНИЙ</p> <p>НИКЧЕМО</p> <p>НУЖДАТЬСЯ В ПОМОЩИ РОДИТЕЛЕЙ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ</p> <p>ОГРАНИЧИВАТЬ САМОСТЯТЕЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЙ</p> <p>ОТДОХНУТЬ</p> <p>ОТКЛИКАТЬСЯ НА ПРОСЬБЫ СЫНА//РОДИТЕЛИ</p> <p>ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ РЯДОМ</p> <p>ОТСУТСТВИЕ "УКАЗУЮЩИХ" ВОЗДЕЙСТВИЙ</p> <p>ОЦЕНКА ПЛОХО</p> <p>ОЦЕНКА СИТУАЦИИ</p> <p>ОЦЕНКА СПОРОВ С ОТЦОМ</p> <p>ОЦЕНКА ТЕЛЕПЕРЕДАЧ</p> <p>ОЦЕНКА ХОРОШО</p> <p>ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА</p> <p>ПОДВЕРГАТЬ ОПАСНОСТИ</p> <p>ПОЛАГАТЬСЯ НА РОДИТЕЛЕЙ</p> <p>ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ АКД</p> <p>ПРИНИМАТЬ СОБСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>ПРОСМОТР ТЕЛЕПЕРЕДАЧ</p> <p>РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА</p> <p>РАЗЪЕХАТЬСЯ С РОДИТЕЛЯМИ</p> <p>РЕШЕНИЕ</p> <p>РОДИТЕЛИ</p> <p>РОДИТЕЛИ СПОСОБНЫ ОТКЛИКНУТЬСЯ</p> <p>САМОСТЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА</p> <p>СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА(СЮЖЕТ,КОНТЕКСТ)</p> <p>СЛУШАТЬ МУЗЫКУ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>СОВМЕСТНОЕ С РОДИТЕЛЯМИ ПРОЖИВАНИЕ</p> <p>СОХРАНИТЬ САМОСТЯТЕЛЬНОСТЬ</p> <p>СПОРИТЬ С ОТЦОМ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>СТАБИЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ</p> <p>СЪЕХАТЬ ОТ РОДИТЕЛЕЙ</p> <p>ТЕРЯТЬ НАВЫКИ САМОСТЯТЕЛЬНОСТИ</p> <p>ТИШИНА ВОКРУГ</p> <p>УЙТИ ИЗ ДОМА</p> <p>УСТАЛОСТЬ</p> <p>ЧЕМ БЫ СЕБЯ ЗАНЯТЬ</p> <p>ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА</p> <p>ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА: АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ</p> <p>ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА: ФРАГМЕНТ ТЕКСТА</p> <p>6 ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ</p> <p>НУЖДАТЬСЯ В ПОМОЩИ РОДИТЕЛЕЙ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>▶ ОТКЛИКАТЬСЯ НА ПРОСЬБЫ СЫНА//РОДИТЕЛИ</p>	<p>ТИШИНА ВОКРУГ</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>▶ СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>▶ МНОГО ЧИТАЮ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>▶ СПОРИТЬ С ОТЦОМ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>1 РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА</p> <p>СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА(СЮЖЕТ,КОНТЕКСТ)</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>▶ АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ</p> <p>▶ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА</p> <p>▶ УСТАЛОСТЬ</p> <p>▶ РЕШЕНИЕ</p> <p>2 СМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР</p> <p>//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>ТИШИНА ВОКРУГ</p> <p>▶ СВИДЕТЕЛЬСТВО ИНФОРМАНТА(СЮЖЕТ,КОНТЕКСТ)</p> <p>▶ ЗВУКИ В ДОМЕ</p> <p>▶ ОЦЕНКА ТЕЛЕПЕРЕДАЧ</p> <p>▶ ПРОСМОТР ТЕЛЕПЕРЕДАЧ</p> <p>▶ ЧЕМ БЫ СЕБЯ ЗАНЯТЬ</p> <p>3 УСТАЛОСТЬ</p> <p>МНОГО ЧИТАЮ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>▶ МНОГО ЧИТАЮ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ</p> <p>▶ ОТДОХНУТЬ</p> <p>4 ПЕРЕЖИВАНИЯ ИНФОРМАНТА</p> <p>САМОСТЯТЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ ИНФОРМАНТА</p> <p>▶ КОММЕНТАРИЙ(ТЕКСТ.МЕМО)</p> <p>▶ АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ</p> <p>▶ ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА</p> <p>▶ ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ РЯДОМ</p> <p>▶ НЕ С КЕМ ПОВОРОТИТЬ</p> <p>▶ СПОРИТЬ С ОТЦОМ//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>▶ ПОЛАГАТЬСЯ НА РОДИТЕЛЕЙ</p> <p>5 СПОРИТЬ С ОТЦОМ</p> <p>//МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (ИНФОРМАНТ)</p> <p>СОВМЕСТНОЕ С РОДИТЕЛЯМИ ПРОЖИВАНИЕ</p> <p>▶ ОЦЕНКА ПЛОХО</p> <p>БЫТЬ САМОСТЯТЕЛЬНЫМ В РЕШЕНИЯХ</p> <p>▶ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ТЕРМИН</p> <p>ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ</p> <p>▶ ОЦЕНКА ПЛОХО</p>

Рис. 14. Тезаурус: контекстно фиксированное кодирование свидетельств информанта

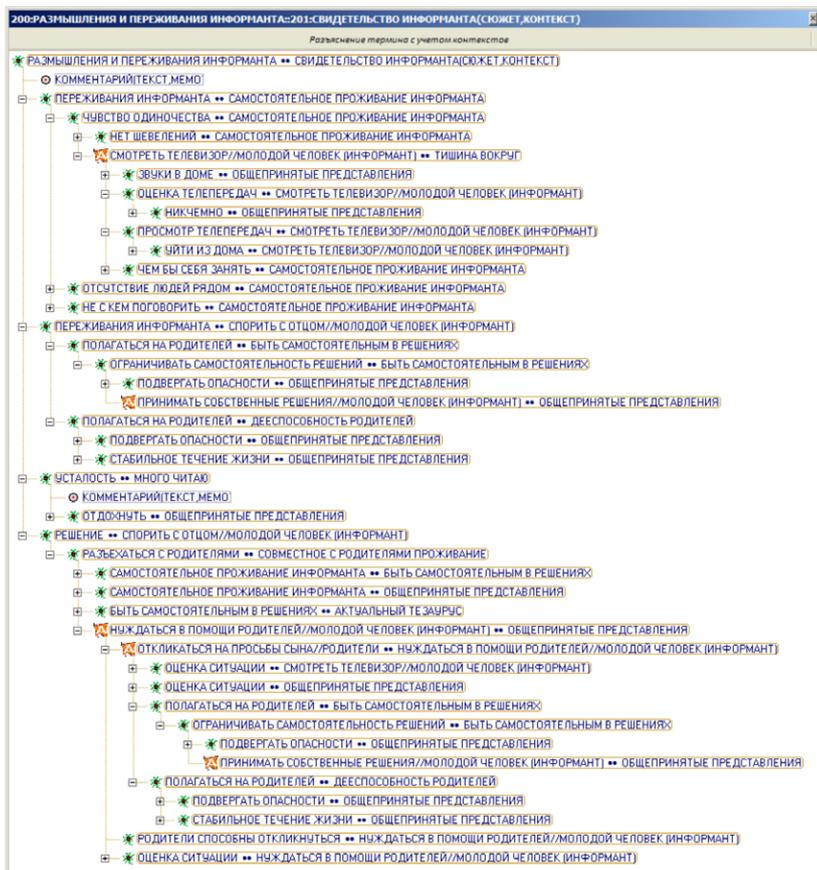

Рис. 15. Терминологический граф: инструмент и результат контекстно-ориентированной концептуализации

Граф дает единое аналитическое представление для свидетельств информанта. Он структурирует эти свидетельства контекстно зависимым способом, что дает средства решения проблем контекстной неопределенности суждений, выражаемых на естественном языке. Граф связывает не только аналитические коды, т. е. термины концептуализации, но и зоны смыслов, в которых эти термины понимаются информантом с точки зрения аналитика.

Терминологический граф всегда является только одной из возможных концептуализаций, но за счет своей структурной определенности, он позволяет проводить уточнения исходя из уже созданной структуры. При любом таком уточнении пакет позволяет проверять связность возникающей концептуализации путем автоматической генерации графа, основанной на текущей системе разъяснений, собранной в тезаурусе.

Возможность пакета агрегировать единую структуру по системе структурно не связанных между собой отношений (КФР) означает, что аналитик не хранит свои концептуальные результаты в обобщенном виде. Ему нет нужды вводить дедуктивные схемы рассуждений, которые весьма трудно использовать повторно из-за того, что повторное использование использует такую схему по частям. Не вдаваясь в анализ алгоритмических преимуществ средств концептуализации пакета, можно сказать, что с их помощью легко организуется повторное использование уже сделанных аналитических разъяснений. Другими словами, предложенные методы решают задачу повторного использования методик, нерешенность которой мы вынуждены были констатировать в 1995 г.

Приведена методология аналитического выражения авторского замысла, позволяющая оценить его структурную сложность, затрагиваемые смысловые области, включенных акторов и их действия и т. п. Проведем некоторые оценки структурной сложности аналитического представления потока информации, предположив оправданность следующих сравнений. Напрашивается «изоморфизм» между единицей наблюдения 1995 г., названной эпизодом, и тем, что теперь названо «единичной ситуацией». Другими словами, сцена, например, спора с отцом, может быть представлена для осмысления как в виде кадров фильма, так и текста на бумаге.

Одно из прочтений свидетельства может состоять в утверждении мысли о центральной роли этой сцены для всего круга размышлений информанта. При таком ракурсе все остальные суждения и умозаключения можно посчитать инспирированными переживаниями, которые были вызваны у сына спорами со своим родителем. В этом случае оказывается, что основываясь на аналитической оценке текстового свидетельства, можно строить аналогичные оценки для видеопотока.

Укажем эти оценки. Главная из них возникает как структурное выражение соподчиненности смыслов в аналитических умозаключениях. На его основе могут быть введены разнообразные индикаторы и показатели. Вот некоторые из них. Выполненная концептуализация свидетельств информанта привела к введению более 50 терминов. Терминологический граф,

т. е. аналитическое воспроизведение текста, использует 76 узлов, т. е. различных аспектов размышлений информанта. Структурирование терминологических зон осуществлено на пяти уровнях, при аналитических разьяснениях текста их глубина составила 8 уровней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье показано, за счет каких методологических ресурсов и как осуществлять концептуализацию нечисловой информации. Это означает решение проблемы, в какие структуры отображать сведения, синкретично существующие перед аналитиком в виде текста или видеоряда. Теперь возникает проблема, как применить предложенные решения к конкретному нечисловому потоку? Однако решение этой проблемы находится за рамками сюжетов статьи.

Социология начала эпохи перемен (на примере Рязанской школы социологов)

Обычно выступление на голофастовских чтениях я начинаю с привязки к Голофасту. На сей раз это сделать сложно, но возможно. Не помню точно, был ли Голофаст в числе «профессоров», которых мы привозили в Рязань на ключевые моменты (например, принятие госэкзаменов). Но то, что он сочувствовал, был душой с нами и может быть даже завидовал — это факт. Во-вторых, он жил в социологии начала эпохи перемен (как остается живым в социологии и сегодня).

В тезисах я написал, что предложение организатора и вдохновителя чтений включиться в ретроспективу завораживает. Всегда приятно вспоминать прошлое, даже если оно не было лучезарным. А тут просто приятное совпадает с лучезарным. Ибо была в нашей российской трансреформломке весна демократии, которая коснулась своими крыльями и социологии. И одно из проявлений этого — Рязанская школа.

И все же говорить буду не только о школе как таковой, но и как явлении социологии того времени, которая, в свою очередь, плыла (или барахталась?) в потоке жизни (трансформаций) романтического начала эпохи перемен.

Итак, конец 80-х, на носу радикальные 90-е. Начало преобразований в экономике, политической сфере, других отсеках общественной жизни; появляются бесчисленные общественные движения, партии, кружки, клубы и неслыханные забастовки. Главное — поднимается волна общественной (социальной) активности, которая, подобно цунами, захлестывает все и всех.

Социология — на гребне волны. В Москве Ядов становится директором головного института, в Питере изгоняют как беса Лобанова, сбрасывают социологического «мужика с дубиной». Кесельман разворачивается со своей уличной социологией. Социологи получают правительственные заказы на исследования по животрепещущим темам (например, как идет процесс приватизации). Да и без заказов целые институты ведут мониторинги перемен, составляют всеобъемлющие справки, доклады в директивные органы, предупреждают о появляющихся деструктивных последствиях. Изуча-

ющие общественные движения включаются в сами движения, в их составе институализируются в органах власти и пытаются изнутри не только вести наблюдающее участие, но и влиять на ход преобразований. Особенно меня восхищает вот это — активное вторжение в жизнь. Это стоило бы взять в будущее из прошлого. Да и в настоящее.

В такое время в Питере появляется человек из Рязани, незабвенный Арнольд Иванович Герен, электронщик по специальности, но приехавший по вопросам отнюдь не электроники, а социологии, с предложением создания в Рязани школы по подготовке профессиональных, своих, местных кадров социологов. До сих пор ума не приложу, как он вышел на этот проект, но факт был. Арнольд Иванович сообщает, что в Рязани есть кооператив из вновь созданных («Луч», директор Тарасов), согласившийся спонсировать всю эту затею. Представляете, были тогда такие кооперативы, пускавшие на «социологическую химеру», наверное, всю выручку (а сумма была приличная).

Скомплектовалась группа энтузиастов (Божков, Костюшев, Эткинд, Максимов), стихийно возглавленная А.В. Тихоновым, по всем параметрам «тянувшим» на роль директора или даже президента. И началась работа, продолжавшаяся два года; ежемесячно высаживался питерский десант, нередко на неделю; занятия велись в интенсивном темпе, по всем вопросам, этапам социологического исследования; читались лекции, проводились семинары, прорабатывалась натуральная программа исследования (Тихонов был до безумия дотошен), разрабатывались методики; потом слушатели собирали эмпирический материал по своей теме, обрабатывали, анализировали его — вообще проводили полноценное исследование, и на этом основании писали дипломы (да, да, вы не ослышались — дипломы). На их защиту, принятие госэкзаменов привозили Алексеева, по-моему, Докторова, кого-то еще. Божков добился, что выпускникам выдавали дипломы государственного образца. И это не была халтура. Весьма интересны темы дипломов; например, тогда уже звучало «насилие в семье».

Работали мы с неподдельным энтузиазмом, охватившим нас при создании школы и в последующие два года. Нам, конечно, неплохо платили, но все же главным двигателем было желание «попорхать» после длительного советского оледенения.

Отдельно надо сказать о слушателях. Набралось 26 человек разных специальностей, должностей, возраста и семейного положения. Школа продолжилась затем в Туле, где было выпущено еще 19 социологических кадров. Все собирались работать по новой, модной тогда специальности.

Параллельно с занятиями мы провели два хозрасчетных исследования с вовлечением слушателем: на молочном заводе и заводе «Холодмаш» в Касимове на тему: «Переход на аренду — ваше мнение?». Помню, как в Касимове (оттуда была одна слушательница, принимавшая меня) я переходил от одного рабочего места к другому и буквально уговаривал рабочих взять станок в аренду, потом выкупить его и строить отношения с администрацией в качестве владельца средства производства. На пару с Арнольдом Ивановичем мы обошли весь завод. К сожалению, не знаю, сколько людей восприняли наши прожекты.

Сверхзадачей работы была вообще социологизация рязанского городского руководства, склонение его к использованию социологической информации, социологических методов в управлении, внедрение социологических кадров во властные структуры, создание какого-то социологического центра, по крайней мере — ассоциации. В. Костюшев и А. Эткинд создавали какое-то общественное движение с культурно-политическим уклоном. Все в духе того времени. Рязанская земля, известная Есениным, должна была стать социологической.

Высаживаясь в Рязани, питерский десант производил шорох в городе. Мне казалось, что даже реальные десантники, знаменитое Рязанское училище которых располагалось под окнами нашей гостиницы, более бравро пели строевые песни в наше присутствие.

Вот такую позицию, такой подход к социологии я взял бы в будущее из прошлого; да что в будущее — в настоящее!

По завершении первого выпуска Арнольд Иванович свозил нас на родину Есенина, где можно было полюбоваться с высокого берега Оки захватывающими дух просторами исконной Руси и устроил прощальный банкет вместе со слушателями в ресторане (по-моему, за счет того же кооператива).

И вот тут мы роковым образом столкнулись со следующим этапом перестройки, начинавшим формироваться из энергии первого этапа, но в другом качестве. В этом же ресторане, в тот же день гуляла компания из героев уже «не нашего времени», возглавляемая здоровенным парнем по кличке Слон. Это была протогруппа организованной преступности. Вели они себя развязно, задирали посетителей, зацепили и нас, конкретно меня. Но у нас был свой слон — Тихонов, он дал сдачу туземному слону; завязалась потасовка; в ресторане нас развели, но «слоновцы» пригрозили, что подождут нас на улице. Возможно, не довелось бы мне выступать сегодня, если бы наши девушки-слушательницы не окружили нас стеной,

всячески воздействовали на местных парней — мы уцелели, унесли ноги из Рязани.

Однако Рязань осталась во власти упомянутого Слона. И это не фигуральное выражение. Слон создал настоящую ОПГ, которая несколько лет (несколько лет!) держала в страхе, во власти весь город, терроризировала население, предпринимателей, то ли подавив даже правоохранительные органы, то ли в смычке с ними. Никто пикнуть не смел. Фантастическим образом информация о злодеяниях не выходила за пределы города. С неудобными жестоко расправлялись. Излюбленным способом был такой: человека засовывали головой вниз в железную бочку, плескали туда бензина и поджигали.

А что же наши новенькие социологические кадры? Удалось ли им поработать социологами, создали ли они свое социологическое сообщество, боролись ли против разгула преступности, криминализации всей общественной жизни, отразили, по крайней мере, период ломки общественных отношений?

Я предпринял попытку обзвонить бывших слушателей. Интересно, что из тех, с кем удалось пообщаться (через двадцать лет), большинство начало работать социологами, в разных организациях, на разных должностях, от школы до городской администрации — таков был спрос на социологию. Некоторым удалось провести исследования. Но в последующий период — экономического кризиса — начались сокращения; социологов сокращали в первую очередь. Сообщество они создали было, но в кризис оно развалилось. Преступная группировка не удостоила своим вниманием социологов (что с них взять?!), а в ресторане они, наверное, просто не поняли, что такое социология. Но и сами социологи не боролись с организованной преступностью, не проанализировали это знаменательное явление новой жизни.

Можно подумать, что Рязани просто не повезло, как вначале сказочно повезло насчет социологии. Но не в таком-ли положении находились социологи и по всей стране?! Угроза жизни, как правило, не существовала, но нищенское положение, отсутствие средств на проведение исследований, главное — невостребованность (за исключением периодов политических кампаний) ставили социологию в положение физического выживания. Как и другие науки.

Помню, на встрече с Соросом в Университете один ученый благодарил благодетеля российской наук за грант, благодаря которому он мог хотя бы ездить на работу. Да и все население оказалось в ситуации, сходной с ря-

занской. Если не ОПГ, так ФПГ вошли в силу и так же держали людей на грани голода.

Но, слава Богу, лихие 90-е прошли. И я думаю, вполне настало время, когда надо посетить Рязань. Но не для воссоздания школы как учебного заведения (сейчас там готовят социологов в пединституте, в институте культуры — не наше ли отдаленное эхо?!), а привнесения бывшего в реальности духа социологии начала эпохи перемен, ленинградской социологической школы. Я верю, что дух того и другого не исчез бесследно.

Что нам дала Рязанская школа социологии

Осенью 1988 года в первой рекламной газете нашего города «Тульская панорама» появилось объявление о наборе в школу социологов, которая планировала работать в Рязани, при этом преподавателями были сотрудники Ленинградского Института социально-экономических проблем АН СССР.

Руководитель областного управления образования В. М. Петровичев, выслушав мои аргументы о том, что без социологии мы не сможем продвигаться ни на шаг по пути демократизации и гуманизации образования (так формулировалась тогда управленческая задача в системе образования), пригласил начальника экономического отдела, поставил задачу оплатить мое обучение, и я оказалась в числе слушателей школы социологов.

Обучение велось без отрыва от работы, причем, весьма интенсивно. Меня спасло только знание английского языка, которое обеспечило мне понимание терминов англоязычного происхождения. Тем не менее, интервал в 11 лет между окончанием педагогического института и началом изучения социологии давал о себе знать. Потребовался некий адаптационный период для вживания в роль студента.

Эти впечатления помогли мне в дальнейшем структурировать процесс подготовки школьных психологов, которых мы готовили на специальных факультетах МГУ, ЛГУ и в областном институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (с разрешения Минпроса РФ). А именно, организовать для всех желающих получить профессию психолога на базе педагогического образования, создать предваряющие курсы — курсы погружения в понятийный аппарат. Те, кто по окончании этих курсов не оставлял затею пройти переподготовку, направлялись на спецфакультеты, те же, кто понимал, что восстановить учебные навыки очень сложно, вовремя отказывались от непосильных намерений.

Возвращаюсь к Рязанской школе социологов и к теме сегодняшней секции «Что взять из прошлого в будущее?».

Из рязанской школы однозначно нужно взять в будущее исключительно ответственное отношение преподавателей к процессу обучения студен-

тов и к итоговой аттестации. Все, кто получил дипломы, самостоятельно выполнили исследовательские работы (интернет еще не был известен как источник рефератов, диссертаций и т. д.) и защитили их, по — настоящему сдали государственные экзамены и только после этого получили дипломы. Председателем государственной комиссии был Борис Зусманович Докторов, который не входил в число преподавателей.

Работая в системе образования и наблюдая некоторые аспекты обучения сегодняшних студентов, как на бюджетной основе, так и на коммерческой, я могу утверждать, что требования к нам были очень высоки.

Преподаватели рязанской школы социологов очень дорожили собственной репутацией, престижем своего института, социологии как науки. Это тоже заслуживает того, чтобы быть взятым в будущее.

Скрупулезное отношение к программе исследования, к использованию терминов, к разработке инструментария. С уверенностью могу сказать, что все последующие 20 лет я ориентировалась именно на то, чему научилась в рязанской школе. К сожалению, за эти годы мне неоднократно приходилось встречаться с образцами откровенной халтуры, выдаваемой за социологические исследования. Я очень благодарна своим преподавателям: Александру Васильевичу Тихонову, Олегу Борисовичу Божкову, Борису Ивановичу Максиму, Владимиру Владимировичу Костюшеву, Александру Марковичу Эткинду за то, что научили отличать проходимцев от профессионалов.

Получив диплом социолога и приложив усилия к популяризации социологии среди руководителей образовательных учреждений, я столкнулась с огромным количеством просьб «провести и у нас что-нибудь социологическое». Поняв, что оказалась в ловушке, я направила все свое красноречие на то, чтобы уговорить своих преподавателей реализовать такой же проект (как теперь говорят) в Туле.

По завершении работы тульской школы социологов в системе образования нашей области появился центр социологических исследований «Статус», материалы исследований печатались в журнале «Тульская школа». К сожалению, и центр, и журнал просуществовали всего 7 лет, но люди, обученные грамотными социологами, работают у нас по сей день.

В настоящее время основная моя работа — подготовка проектов нормативных правовых актов Тульской области, разработка концепций долгосрочных целевых программ в сфере образования. Вроде бы это не социология в чистом виде, но обоснование изменений в законодательстве, определение противоречий, имеющих негативные социальные последст-

вия, и выбор методов их устранения (сглаживания) в рамках долгосрочных целевых программ требует очень тщательной аналитической работы. Этому меня научили в школе социологов, за что я очень благодарна своим преподавателям.

В 1996–1997 годах наше исследование «Дети вне образования» завершилось включением в региональный закон «Об образовании» нормы, обязывающей органы местного самоуправления контролировать зачисление в школы всех детей, подлежащих обучению. В 1998 году на основе исследования, посвященного проблеме усыновления детей, мы дополнили региональный закон «О защите прав ребенка» нормой об установлении денежных выплат усыновителям из числа жителей Тульской области.

В 2004 году результаты исследования состояния дополнительного образования детей были использованы для установления региональным законом гарантий финансирования соответствующих учреждений из местных бюджетов.

Конечно же, не все исследования завершаются таким результатом, но даже эти результаты позволяют нам считать свои исследования самыми прикладными из всех возможных.

В целом, оценивая значимость для Тульской области контактов с ИСЭП, можно без преувеличения сказать, что эти контакты спровоцировали инновационный прорыв. Мало того, что познакомились с социологией, с помощью А. М. Эткинды мы заложили основы областной службы практической психологии, которая сейчас насчитывает более тысячи специалистов, причем весьма востребованных детьми и родителями.

Завершен ли процесс урбанизации?

Ради соблюдения этических норм я сообщаю, что я отношу свой доклад к той части нашего сегодняшнего события, которое касается будущего, выбирая из трех возможных временных пластов. Второе о чем я должен сказать — это жанр доклада. Я не претендую на строгое научно изложение какого-то текста, мой доклад скорее будет эссе. Это субъективные рефлексии. И вот меня по счастью мой старший коллега А. Н. Алексеев вооружил новым понятием достаточно широким — он, доклад скорее будет выдержан в жанре социологического фольклора. Но только не в том смысле, что там будут кейсы, байки о событиях, но в том смысле, что я не берусь строго приводить определения, ссылаться на классиков и т. д. И третье предшествующее рассуждение состоит вот в чем — полезно вообще какому-нибудь сообщению предпослать некий определяющий лозунг, который потом определит весь тренд рассуждения. В качестве такового я беру цитату. Это не мое оригинальное рассуждение, это рассуждение, которое мною было где-то выцарапано лет 20 назад. Не помню где и не помню когда, с точностью до десятилетия помню. Но знаю только, что это было интервью О. И. Шкаратана. Все это выглядело так — ему задают вопрос, который я вынес в заголовок сообщения: «Закончилась ли у нас урбанизация?» На что О. И. Шкаратан отвечает: «Да что вы, у нас индустриализация еще не закончилась». Вот по этому поводу и поговорим.

Теперь, еще одно событие, прошедшее абсолютно не отмеченным и, по-моему, играющее роль глобальную в нашем нынешнем житие. Вот вчера Ч.Сыманович задавал вопрос, откуда историю считать. У меня есть подозрение, что та дата, которую я вам сейчас приведу — она тоже не строгая — это начало новой истории не даже страны, не региона, а глобальной истории. В нулевых годах вот в этом десятилетии произошел один качественно значимый демографический сдвиг, который заключается в том, что в 2004 году, по-моему, городское население планеты превысило сельское. Как всегда статистики перепутают даты, дадут потом четыре-пять вариантов, когда это произошло. Но произошло это вот где-то здесь. Что это означает? Это означает, что мы перестали быть так называемым сельским обществом, которым мы были все предшествующие годы до XX века вплоть. Ну понятно, что это процесс достаточно длинный, сейчас

видимо можно говорить о каких-то процентах, или долях процентов. Но одновременно с этим происходит еще один важнейший процесс, который из известных мне исследователей отметил только Э.Кастельс. Вот лет пять назад в своей книге о системном городе он описал феномен, который до сих пор никакого четкого определения и не имеет, но я для удобства называю его супер-мегаполис. Это города с населением более 10 миллионов человек. Таковых по Кастельсу пять-шесть лет назад было восемнадцать в мире. Сейчас я посмотрел кое-какие справочники. Там, правда, довольно сложно выделить, потому что какие-то города даны как яблоко основное и агломерация, а какие-то в чистом виде. Но, тем не менее, таких городов уже больше двадцати. В основном они расположены в Азии, в Латинской Америке, в США. Правда в США их все два. В Европе всего три города такого масштаба — это Париж, Лондон, Москва. Для того, чтобы понять насколько значим этот класс городов, сообщая вам следующий показатель. В этих трех городах живет каждый десятый житель Европы. Это сейчас. Что будет в будущем совершенно не понятно. Но, правда, надо сказать справедливости ради, что у Европы нет шансов вырастить еще один город такого масштаба в ближайшем будущем. А вот в Азии они есть. Но наряду с этим существуют еще концентрированные пространства, которые в урбанистике называются агломерациями. Ну опять для примера сообщая, что московско-петербургская агломерация в состав, которой кроме Москвы и Петербурга входят Новгородская, Тверская и Псковская области. И сосредотачивается на этой территории, сравнительно небольшой — 700 километров от Москвы до Питера. Это не больно много даже в масштабах России. И сосредотачивается здесь около 30 миллионов населения. Это значит, что 20% населения страны и каждый пятый житель нашей с вами современной России живет в этой агломерации. Надо сказать, что вообще агломерация — это довольно типичный образец такого формирования поселенных структур. Например, в США их всего четыре — Бостон-Вашингтон, Калифорния, район Великих озер — Чикаго-Питсбург и Техас. Вот если вы берете карту США и смотрите, как это все расположено по плотности населения, то выясняется, что все остальное — это пустое пространство. Вот по четырем углам сосредоточилось основное население США и там и живет. Таким образом, мы с вами одновременно мало того, что перешли в новое качество, постепенно превращаемся в городское население, мы в принципе переходим еще и в новую качественную сторону, потому что меняются структуры. Мегаполис с многомиллионным, десятиллионным населением — это совсем не город-миллионер. И тогда, в общем, возни-

кает правомерный вопрос — а вообще кончилась ли урбанизация? Значит О. И. Шкаратан как и положено классику увязывает два процесса — это урбанизация, изменение структур населения в пользу увеличения удельной доли городского населения и одновременная индустриализация. То есть, таким образом, европейская урбанизация насчитывает две сотни лет — с конца XVIII века, индустриальный XIX век, субиндустриальный XX век. Но, города существуют столько, сколько существует цивилизация. И самое удивительно, что уже после того, как были совершены Великие географические открытия, после того как Колумб открыл Америку, после этого открыли истоки Нила, африканские озера и т. д., потом русские и американские путешественники открывали города, которые существовали до этого. И в Латинской Америке, в Азии и т. д. Значит, город в принципе конечно универсум социальный, который по сути дела сосредотачивает в себе ну все возможные формы социальной деятельности, социальных процессов, социальных отношений. Это такой же универсум как семья, только у семьи не таковы масштабы, семью проще изучать, к ней проще присматриваться, наблюдать и т. д. А попробуйте наблюдать такие гиганты, особенно если в них 30 миллионов живет, как в Мехико — это самый большой город из нынешних. И вот здесь я уже сразу, определив вот этот бэг-граунд, вот эту экспликацию, во-первых, немного попинаю современную и не только современную социологию, а в общем уже социологию на протяжении последних 30–50 лет. Она разучилась работать с двумя категориями, классическими континуальными категориями — пространством и временем. Самый большой парадокс заключается в том, что эмпирическая социология с этого начинала, потому что чикагцы, это наши прадеды, так сказать, сто лет назад работавшие, изучали пространство. Принадлежавшие к Чикагской школе Ф. Знанецкий и У. Томас изучали гиперпроцессы, глобальные процессы. Что они изучали в польском крестьянине — перемещение, глобальные межконтинентальные потоки рабочей силы, из которой потом формировался американский пролетариат частично, и американское фермерство тоже. А их коллеги Э. Берджес, Р. Парк, Л. Вирт и т. д. формировали вот то, что в принципе потом назовут социальным картографированием и социальной топографией города. Ну вот один пример социального картографирования, сделанный Я.Костюковским.

Значит, ушла эту культура. Куда ушла до сих пор понять не могу. Не занимаются социологи пространством, не умеют, не знают. Сейчас инициативу во многом перехватили социо-географы. И занимаются этим весьма и весьма плотно. И вторая ситуация, о которой я тоже хотел сказать — это

то обстоятельство, что социологи одновременно с этим упустили и время. Со времен выхода книги Гарольда Зборовского о социальном времени исследований, проектов я просто не помню. Это трудоемко, тяжело считать. А опять-таки советская эмпирическая социология начиналась с этого. Первые исследования — это первые исследования Струмилина по бюджетам. Вот куда мы это дели, совершенно не понятно. И теперь мы с вами попадаем в весьма серьезную ситуацию. Первое о чем следует сказать — это глобализирующийся мир и теперь уже не абстрактно, к чему мы высокомерно относимся — ну, подумаешь, мировая деревня, мировой город. Уже не «подумаешь», уже приходится наблюдать, уже приходится считать, делать выводы. Следующее — из двух сорокинских классических видов мобильности совершенно естественно доминирующей становится горизонтальная. Это миграционные потоки, это внутри этих чугунных огромных пространств городов горизонтальная маятниковая миграция, это всякого рода течения рабочей силы и т. д. Урбанизация этого первого цикла XIX-XX века проходила в условиях реализации принципа: человек вслед за работой. И было понятно. Вот Селиконова долина дала впервые другую модель урбанизации — работа вслед за человеком. Вот там они, выпускники Беркли и Стэнфорда в количестве 2,5 миллионов поселились возле Санта-Барбары. Там удобно, комфортно, субтропично и т. д. Там интеллектуальный климат. И вот тогда туда поехали те виды работы, которые они делают лучше всех в мире — программные продукты, чипы и т. д. Поэтому у меня вызывают легкую усмешку наши попытки сейчас сотворить эту самую Селиконовую долину. Она не творится, она формируется сама по себе. Селиконова долина американская имеет полуторасотлетнюю историю — тогда когда заложили Беркли и Стэнфорд, тогда когда пионеры пришли на побережье Тихого океана и начали осваивать Калифорнию. Значит понятно, что эта горизонтальная мобильность становится доминирующей. Конечно, интересно сидеть и микроскопически рассматривать какую-нибудь маргинальную группу, выяснять кто там преобладает — черви, лисичи или сурки, а потом смотреть как они на педальных социальных лифтах поднимаются слой над слоем. Кому-то это интересно.

В принципе вообще-то социология — наука городская. И началось это еще со времен Аристотеля. Посмотрите, сколько греческих или римских слов попадает в наш обиход с корнем урбис- или полис-. Я уже не говорю про политику или полицию, я не говорю про урбанистику. Значит, поэтому в принципе город становится средоточием обмена, торговли, власти, образования, науки, культуры, начиная с религии и кончая всем осталь-

ным. Можно числить эти институциональные структуры до изнеможения, они все будут городскими. Другой социологии, кроме городской, на мой заблуждающийся взгляд, в природе нет. Ну за исключением сельской, но она определяет свой объект, она говорит, что мы занимаемся селом. Но все остальное — социология образования, социология управления, социология власти и т. д. — это городская социология. Что происходит с ней? Она меняет не объект, она меняет характер объекта. Она из миллионника, который долгое время был основным двигателем прогресса, переходит в супергигантский миллионник. И тогда начинается. Структура занятости не индустриальная, ушла индустрия. Образ жизни — даже говорить не приходится, потому что еще надо посмотреть, по каким индикаторам он будет измеряться, изучаться. Система ценностей совершенно иная. Управление — я уж не говорю о нем. Понятно, что мы по сию пору управляемся по какому принципу — по принципу описанному Токвилем. Применительно к чему Токвиль описывал свои управленческие структуры в американской демократии — да применительно к пионерскому поселению. Вот церковь, вот школа, вот и все. И по сути дела, мы это сохраняем в нынешней ситуации до сих пор. И поэтому посмотрим, что будет происходить с управлением. Но там будут происходить весьма значимые и важные вещи. То же самое с образованием, потому что образование должно касаться не только специализации, профессии и т. д., но оно должно также касаться умения жить в этом пространстве. Оно потребует, как варифицированное умение. И понятно, что в этом смысле перемещение из индустрии куда пойдет — в первую очередь в сервисные сети. Они разрастаются совершенно чудовищно, изнеможительным образом. Кроме того, что существуют еще сети информационные. Не будет больше автосборки. В начале века в Париже сосредотачивался весь французский автопром — Пежо, Рено и Ситроен были там. Сейчас их там давно нет. И правильно. Нельзя в столице держать такую металлоемкую, сложную, многолюдную отрасль. Немцы вообще никогда не держали заводы в больших городах, они всегда расположены где-то по периферии. Значит, в этом смысле понятно, ушла индустрия. И уходит постепенно и все остальное.

И самое главное, произошла резкая и уже необратимая редукция времени. Временные циклы, начиная от суточного, недельного, годовичного меняются. Суточный цикл втягивает в себя ночное время во всех смыслах — в смысле занятости, деятельности и т. д. Недельный меняется, потому что появляется 35-ти часовая неделя, воскресенье и т. д. Появляется новая цивилизация — она, конечно, будет связана с этими супергородами — ци-

вилизация досуга. Третья в мире после античной, позднефеодальной нынешняя цивилизация. И возрастает интенсивность, значимость потоков. Не важно каких — миграционных, информационных, интеллектуальных и т. д. У меня есть подозрение, что если хорошо посчитать на каких выборах работали Томас и Знанецкий, то у меня есть подозрение, что это были выборки конгруэнтные потоку брейн-дрейна, то есть потоку мозгов. То же сотни, десятки, тысячи. Ну не было у поляков миллионов, которые переезжали. Теперь только разница в том, что это не крестьяне, не лесорубы, а в общем интеллектуалы.

Вопросы

Я просто хочу сказать относительно того, что меняется тематика, и пространство, и время, на которые настроена российская социология. Мне кажется, что дело в том, что старая тематика, струмилинская — вот бюджетом времени занимался Институт социологии московский многие годы, на этом выросли целый поколения математиков, которые обрабатывали это все. Но дело в том, что меняется представление о социальной реальности. То есть она уже не рассматривается в позитивистском смысле, а рассматривается как реальность, которая здесь и сейчас конструируется. И в представлении о социальной реальности другие методологические подходы диктуют другие темы. Применительно к времени, но мы говорим, что сегодня изучаются не столько эти бюджеты, где время как физическая такая величина, а изучаются, например, смыслы, которыми наделяется время, переживание времени. И этому посвящено много исследований. Одесский исследователь Ирина Марковна Попова, которая недавно ушла, блестящий исследователь — она занималась переживанием времени. Мы вот уже несколько лет занимаемся переживанием времени, смыслами, которыми люди наделяют время. Отсюда презентизмы, ностальгия и все остальное. Это время изучается, да. Но в каком-то другом аспекте. Важно не бюджеты, а вот это. Физический смысл времени схватывается бюджетами, но он сегодня никому не интересен. Кому-то может и интересен, но с ним ничего не сделаешь. А вот как бы приоритетность этих элементов времени, а это связано со смыслами — это интересно. Потому что в образе жизни мы видим презентизм и ностальгию. И это социальные явления, и это тоже связано со временем. То есть я хочу сказать, что не все так страшно. Меняются походы, меняются представления. И появляются применительно к старым объектам новые аспекты, новые темы.

Травин И.И.: Это опять коллизия качественного и количественного. Либо считаем и меряем, либо оцениваем, судим и т. д.

Какая разница. Это просто другой аспект.

Травин И.И.: Я совершенно согласен.

А в чем тогда граница исторического времени и психологического?

Совершенно другая вещь, отдельная тема. Есть исследования. Это отдельный разговор, разные смыслы.

Максимов Б.И.: Это очень впечатляет, твое высказывание. Запах большой социологии — масштабы, процессы и т. д. Но маленький вопросик. Что Селиконовая долина — это уникальное американское явление. И наши попытки создать что-то подобное обречены на неудачу. Но ведь Россия постоянно живет заимствованиями. Взять Петра и последующие реформы. Мы все время хватаем что-то оттуда, со скоростью, бегом бежим, догоняем. Почему в этом случае мы не можем...?

Травин И.И. Давай я тебе на петровском образце объясню как это выглядит. Где Петр учился кораблестроению? В Голландии. Поскольку он юноша был ушлый, он через несколько месяцев сообразил, что голландцы прекрасно строят, рубят, корабли у них не текут и не тонут. Но теории они не знают. И он поехал получать теорию кораблестроения в Англию. И получал там специальное образование. Вот этого мы не делаем. Мы хватаемся за опыт, находим площадь четыре квадратных километра, нанимаем бизнесмена Вексельберга и все, ребята, будем все иметь. Но вы посмотрите, с чего дело начиналось? Начиналось с университетов. И тогда вопрос простой — а на какой интеллектуальный потенциал будет рассчитана наша долина? Да на московский. Это опять все те же Физтех, Университет, Энергетический, Бауманка и т. д. Так зачем тогда не принимать концепцию мэра Москвы Лужкова — вот вам эти четыре километра на ЗИЛе. Он брошенный, на берегу реки стоит. Что вам в городе не поселиться, там ведь все есть. Вот это бездумное копирование до добра никогда никого не доводило. Петр в этом смысле был умнее наших умников.

Чистякова Н.Е. Вот в качестве реплики вспомните историю нашего университета, который Александров, поездив по Америке, переселил в Петергоф. И через много лет вернувшись из Новосибирска он сказал, какой дурак все это придумал, когда он увидел к чему это привело. Ему давали остров Голодай, и говорили — давай здесь. Тогда Голодай был пустой, и можно было все это сделать там. Но поскольку он видел, какой чудный, прекрасный американский университет, кампусы и т. д. И это можно продолжать до бесконечности. И, кроме того, опыт шарашек, вот эта идеология.

Травин И.И.: Ну почему только шарашек. А Дубна, Черноголовка и т. д., наукограды.

Чистякова Н.Е. Давайте посадим, и будем кормить, и мозговая атака. Вот эта идеология — давайте соберем, посадим, и мозговая атака. И к чему это придет. И тогда в лучшем случае украдем физиков из Германии. И в результате бобахнуло, и весь мир содрогнулся.

Штейнберг И.: Игорь Иванович, коль вы затронули тему хай-тека, он у меня такой вопрос. Я понял пафос вашего выступления в том, что некоторые процессы можно строить, а некоторые процессы можно только выращивать.

Травин И.И. Или они сами идут, независимо от нас.

Штейнберг И.: В этом смысле в хай-теке есть такой прогноз — и я хотел бы ваш комментарий — что скоро возникнет новая Селиконовая долина в Азии. То есть сейчас на этом рынке активно работает Китай и индусы. Они как бы давят. Как вы считаете, возможен такой прогноз?

Травин И.И.: Я считаю, что да, возможен. У них есть людской, интеллектуальный, культурный потенциал. Наверняка они... Но тут вопрос заключается в том, как они это будут делать. Либо они просто создадут такой квартал за колючей поволокой. Или наоборот, построят там какую-то деревню. И каждый будет приезжать в свою хижину и т. д. Вот в этом все дело, в органике. Процесс должен быть органичным. Я сейчас подумал, что это будет касаться очень многих сторон жизни в этих суперкрупных поселениях. Это органично. Либо ты органически там, либо тебе там не место.

Штейнберг И.: То есть, аналитики говорят о том, что именно как бы там, в Китае возникнет новая Селиконовая долина, а не в России.

Травин И.И.: Ни на минуту не сомневаюсь. Кстати, почему, каким образом возник этот феномен супергородов? Потому что две страны, которые составляют по населению половину человечества — каждый первый и четвертый человек китаец, каждый второй и четвертый человек индеец — закончили наконец свои счета с природой. И за счет индустриализации, за счет больших науковложений добились ситуации, когда они не зависят от очередного урожая. И тогда стоимость тонны риса, тонны кукурузы, тонны мяса, которое они едят или не едят, не знаю, стала на порядок ниже. А раз так, значит нет такой необходимости такое количество живого труда вкладывать в эту землю.

Протасенко Т.З.: У меня возникла такая параллель. А не кажется ли вам, что образование типа этого Сколково, это фактически реализация вообще советского принципа образования моногорода. Что мы имеем сейчас с моногородами?

Травин И.И.: Ну правильно. С моногородами мы имеем совершенно жуткую ситуацию. Значит у нас 400 монофункциональных городов, хотя

один другому рознь. Но, в Тольятти мы всаживаем все ресурсы страны, а КАМАЗ в них не нуждается и гонит свои грузовики, и выигрывает свои ралли, и вообще спокойно живет. Значит, видимо, дело не в организации, а в самом изделии, в самом товаре... Но кроме Пикалево, вы знаете, что сейчас буквально при смерти Сланцы. Шахта закрыта, что делать с городом никто не знает. Вот мы выяснили, что с самарскими городами все более-менее благополучно, потому что значительная часть малых самарских городов сидит на нефтепереработке в том числе. А это, по крайней мере, если не вечно, то... Вот такая ситуация. Значит, мы живем все равно в этом индустриальном мире. Никуда мы не вышли из автомобилестроения. Чем различаются кризисы? Кризис 1929-го года гигантской безработицей, потому что увольняли конвейерщиков. Сейчас их нет. Сейчас в США вся безработица 4 миллиона 700 тысяч. Не 20 миллионов, как в 30-х годах. И когда появляется 20 тысяч лишних безработных, биржу начинает вибрировать. Значит не в этом дело. А дело в бюджетных делах, в том числе кредитах и т. д. Даже кризис меняется по характеру, по форме течения.

Парадоксы управления персоналом и возможности инновационных технологий

Инновационный путь развития рассматривается в современных условиях и учеными, и политиками как основной, а может быть, и единственно возможный вариант прорыва России в круг стран, располагающих необходимым потенциалом для достижения своих социальных и экономических целей.¹ Между тем, как об этом говорится во многих отечественных и зарубежных источниках, российская промышленная база пока что не готова к этому прорыву. Она нуждается в серьезной модернизации. Без этого все усилия по развитию науки в стране, направленные на создание предпосылок инновационного прорыва, теряют свой смысл. Сегодня общепризнано, что отечественная промышленность не в состоянии в необходимом объеме обеспечить тиражирование передовых технологий и высокотехнологичных изделий, предлагаемых наукой.

Модернизация промышленного производства, в которой нуждается отечественное производство, предполагает решение, по крайней мере, трех задач. Во-первых, это задача обновления технической основы производства. Отечественные предприятия еще в 70-х годах резко снизили темпы обновления физически и морально устаревшего оборудования. В промышленных корпусах и сейчас можно встретить станки и другие агрегаты, которые были выпущены в годы первых пятилеток. Вторая задача, это задача овладения новыми современными производственными технологиями. Однако, их внедрение также требует оборудования другого поколения, другой технической основы производственного процесса. И в — третьих, должна быть решена задача существенного изменения качества труда персонала, культуры его трудового поведения. Капитальное решение каждой из этих трех задач одинаково важно для обеспечения готовности отечественной промышленности к инновационному пути развития. Тем не менее, мы сосредоточим свое внимание на обосновании путей решения последней из перечисленных задач. На повышении качества труда, на повышение культуры трудовой деятельности.

---

¹ Мау В. Экономическая политика в 2004 году: поиск модели консолидации роста // Вопросы экономики. 2005, №1, с.7

Что понимается сегодня под понятием «качество труда»? Теоретико-прикладной словарь «Социология труда», дает такое определение: «Качество труда — совокупность свойств процесса трудовой деятельности, обусловленных способностью и стремлением работника выполнить определенное задание в соответствии с установленными требованиями»¹.

Первоначальным условием обеспечения такого трудового поведения являются необходимая общеобразовательная и профессиональная подготовка. Нельзя ожидать высокого качества труда от работника, не владеющего необходимыми навыками и знаниями. Но, как показывает практика развития мирового промышленного производства, этого оказывается недостаточно. Современный работник, занятый в современном высокотехнологичном производстве должен, помимо этого, обладать современной культурой трудовой деятельности, оцениваемой в нормативном и ценностном аспектах. Он должен быть не безразличен к результатам своего труда и к работе организации, где он трудится. Он должен быть добросовестным исполнителем, признавать справедливость действующих правил организационной культуры и не нуждаться во внешнем контроле. Он должен проявлять инициативу, если есть такая возможность и необходимость. И если работники наемного труда не соответствуют в своем реальном поведении этим требованиям, появляется серьезное сомнение в способности предприятия выпускать продукцию требуемого качества.

Дефицит необходимого поведения работника в процессе труда впервые ощутили управленцы промышленных предприятий развитых стран Европы и США. Именно там впервые появилось оборудование, принципиально изменившее роль человека в производстве. Как в среде управленцев, так и в научных кругах заговорили о «человеческом факторе производства», который постепенно вышел за рамки непосредственного контроля и поставил под угрозу повышение качества продукции своей непредсказуемостью и зависимостью от многих социальных условий.

Появлением этой новой проблемы, связанной с изменением положения работника в производстве, промышленные предприятия обязаны не прекращающему свое развитие научно-техническому прогрессу (НТП). Все в большей степени используя достижения науки, процесс создания новой техники и технологий вооружал промышленное производство все более совершенными орудиями труда, многократно увеличивающими

---

¹ Фиглин Л.А. Качество труда // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. — СПб.: Наука, 2006. С.103

производительность труда, но все более отдаляющими персонал от непосредственного контакта с предметом труда, автоматизирующими все большую часть манипуляций с ним. Накапливая изменения в технике и технологии, НТП постепенно способствовал и способствует смене технического уклада производства.

Напомним, что под техническим укладом (или под типом производства) обычно подразумеваются качественно отличные уровни технической оснащенности трудового процесса и его технологической организации.¹ Технический уклад не только определяет характер производственно-технологических и не только определяет характер социальных отношений. В том числе и отношений в сфере управления персоналом. На протяжении XX века НТП не единожды способствовал преобразованию материально-го производства и изменению его технического уклада. Применительно к этому периоду обычно выделяют три таких технических уклада:

- преимущественно ручное производство, где машины и механизмы если и применяются, то лишь эпизодически, и не определяют содержания труда основной массы работающих. Такой уклад называют *доиндустриальным*;
- машинно-конвейерное производство, основанное на использовании системы неавтоматических машин и регулируемых без средств автоматики естественных (химических и биологических) процессов. Для этого уклада характерна высокая степень механизации труда. Но в то же время работник является таким же неотъемлемым элементом машинно-конвейерной системы, как и сами машины. С помощью различных технических средств он непосредственно воздействует на предмет труда. Этот уклад носит название *индустриальный* и является характерным для машинной индустрии.
- автоматизированное, научно-информационное производство, фундамент которого образует с одной стороны, система автоматических комплексов, роботов, компьютеризированных процессов, а с другой наукоемкие технологии и продукты. Работник здесь является оператором, оператором наладчиком, программистом, конструктором. Такой уклад обычно называют *постиндустриальным* или *научно-индустриальным* укладом производства.

---

¹ См.напр. «К изучению общественных проблем труда в России первой половины 90-х годов: субъекты и объекты социально-трудовых отношений»./ Под ред. Л.А.Гордона и др.- М.: ИМЭМО РАН, 1996.С.6-7

Переход от одного уклада к другому не происходит одновременно. Между ними нет непреодолимых граней ни исторически, ни организационно-технически. Эти уклады могут сосуществовать не только в границах каких-то территорий, но и в пределах одного промышленного предприятия. Это тот случай, когда можно говорить о многоукладности производства. При этом подразумевается, что технико-технологическая оснащенность и организация трудового процесса на данном предприятии (или на данной территории) соответствует двум или даже трем разным типам производств. В то же время, в каждый определенный исторический момент можно зафиксировать преобладание какого-то одного уклада.

Смена укладов не может не сказываться на социальной ситуации, как на конкретных предприятиях, так и в промышленности в целом. Именно поэтому расширение масштабов использования постиндустриального типа производства в середине XX века в промышленно развитых странах и повлекло за собой появление новых, повышенных требований к человеку — участнику производственного процесса.

Одной из наиболее весомых причин появления таких требований стала утрата возможности в условиях современного, постиндустриального производства непосредственного контроля над действиями его участников. В условиях доиндустриального производства результат труда каждого работника довольно просто мог быть подвергнут проверке. Каждая технологическая цепочка завершалась позицией технического контроля. В условиях индустриального производства в организации такого контроля возникают первые сложности. Режим работы агрегатов и другого оборудования, которое находится в зоне ответственности работника, может им произвольно изменяться. Например, с целью ускорения работы. Но нередко это снижает качество продукции. Причем такое снижение, которые невозможно выявить без разрушающего контроля. Когда же небрежность допускается в условиях постиндустриального производства, то ее последствия, как правило, могут быть обнаружены вообще только при использовании выпущенного продукта, в процессе его потребления. Причем нередко с тяжелыми последствиями и значительными экономическими потерями.

Таким образом, благополучие производственной организации в этих условиях начинает зависеть от добросовестности каждого работника, от его заинтересованности в самоконтроле и в успехе всего производства в целом. Эти требования к участнику производственного процесса, касающиеся не столько его профессионально-квалификационной подготовки, сколько его личностных, нравственных качеств, поставили перед наукой

и практикой управления достаточно сложную задачу. Потому что ни отчужденный характер наемного труда, ни ориентированная исключительно на материальное вознаграждение традиционная система управления трудом не побуждали и не побуждают человека работать добросовестно.

Сложившаяся ситуация получила в промышленно развитых странах название «кризис человеческой активности». В качестве его основы рассматривалась незаинтересованность наемного работника проявлять активное, ответственное отношение к процессу труда.¹ Безразличие персонала к результатам деятельности предприятий, на которых он трудится, к проблемам и трудностям, возникающим в процессе работы, стало реальным препятствием на пути освоения производственных технологий следующего поколения, составляющих основу постиндустриального уклада производства.

Поэтому представляется совершенно естественным, что преодоление этого безразличия, поиск средств формирования заинтересованного, ответственного отношения к своему трудовому поведению работников, как производства, так и сферы услуг стали центральными задачами научного поиска и социально-инженерных усилий в области управления персоналом.

В течение десятилетий шел пересмотр оценки роли человека в энергично развивающемся производстве. А также, поиск адекватного ответа практики управления персоналом на изменения этой оценки. О новых тенденциях в управлении людьми, хорошо сказано в работах Р.Уотермена: «Было время, когда люди были «факторами производства». Управление ими немного отличалось от управления машинами и капиталом. Этого больше нет. И если когда-то подобный метод управления людьми и позволял повышать производительность труда, то сегодня он дает обратный эффект»².

В настоящее время считается общепризнанным, что для того, чтобы участники производства (или сферы обслуживания) отвечали требованиям постиндустриального технического уклада, у каждого из них должно быть сформировано принципиально новое отношение к предприятию, на котором они работают. Они не просто должны быть удовлетворены своим местом работы, специальностью, всей социальной и физической средой, которая их окружает в процессе труда. Недостаточно для этого иметь и со-

---

¹ См. Кузьминов Я.И. и др. Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989. С. 6-10.

Уотермен Р. Фактор обновления.. М.: Наука.1988. С. 16

²

ответствующую квалификацию и опыт. В дополнение ко всему этому необходима идентификация с организацией, в которой люди трудятся. Эта идентификация предполагает глубокую заинтересованность в успешной реализации целей и задач организации, постоянную готовность сделать все необходимое для устранения возникающих помех. Этого можно ожидать в том случае, если персонал будет воспринимать цели организации значимыми для себя.

К этим выводам зарубежные исследователи и представители крупных промышленных компаний пришли после выполненных в различных регионах мира и, в первую очередь, в развитых странах капитала исследований, направленных на поиск средств формирования необходимой в современных условиях мотивации и качества труда. В качестве примеров можно назвать такие научные разработки, как Хотторнский эксперимент профессора Чикагского университета Э.Мейо и его «концепцию человеческих отношений». Можно вспомнить о прогремевших на весь мир «кружков качества» на японских предприятиях. Пионерными остаются «производственные советы» персонала на французских и германских предприятиях. Выработанные на этом этапе постижения «человеческого фактора» идеи позволили подойти к решению, казалось бы неразрешимой задачи: заинтересовать работника наемного труда в успешной деятельности предприятия, которое принадлежит предпринимателю. Эти новые качества работника были названы в европейских и американских источниках «преданностью организации» и «идентификацией с организацией»¹, а в отечественных работах с самого начала исследования этой проблемы получили наименование: «включенность в организацию»².

Таким образом, теоретические обоснования и практика формирования новых качеств наемных работников имеют долгую историю. В какой то степени они отражают два этапа в развитии потребности предприятия в высоком качестве труда. Показатель «преданность организации» характеризует степень стабильности работника на данном предприятии, но не потому что ему некуда уйти, а потому что эта организация соответствует его представлениям о «хорошей работе» и позволяет ему удовлетворять свои основные потребности. Стабильный работник не думающий об увольнении это прекрасный исполнитель в рамках индустриального производства. В свою оче-

---

¹ См.ЛютенсФ. Организационное поведение. М.: Инфра-М, 1999. С.5-9

² Лапин Н.И. и др. Теория и практика социального планирования. М.: 1975. С. 132

редь показатель «идентификация с организацией» характеризует отношение работника к целям и задачам организации, в которой он трудится. То есть это, как бы , более высокий уровень интеграции с организацией и качества труда работника. При такой идентификации с предприятием работник, будучи заинтересован в его успехах, становится лучшим контролером не только собственных результатов труда , но и труда его коллег. Судя по публикациям, развитие системы методов управления персоналом, способствующих формированию таких качеств, не прекращается.

Но создаются не только методы формирования таких качеств как «преданность» и «идентификация». Постоянно совершенствуются средства контроля над состоянием этих характеристик. В частности, существенная работа в этом направлении ведется в странах Европейского содружества. Хранители европейской экономики справедливо считают, что небрежное отношение к использованию трудовых ресурсов, пассивность в использовании прогрессивных методов повышения качества труда наносит ущерб экономической политике всему содружеству в целом. И к тем, кого уличают в этом, применяют внутриевропейские санкции.

В настоящее время в исследовательской практике Европейских стран для оценки отношения персонала к своему предприятию, наиболее широко используются две методики. Первая методика (она была создана еще на этапе позднеиндустриального производства) предназначена для оценки «преданности работника своей организации» (более точно, на наш взгляд, звучит перевод этого термина как «приверженность»). Суть ее в том, чтобы определить, какая часть работающих может характеризоваться как стабильная. Это определяется на основе двух вопросов. Первый выясняет, кто намерен продолжать работу на данном предприятии, а второй — кто готов рекомендовать своим близким и знакомым трудоустроиться на нем. По сути, речь идёт о стабильности и степени адаптации.

Вторая, более поздняя методика предназначена для выяснения доли работников, идентифицированных с целями и задачами своего предприятия, готовых участвовать в решении его проблем. С ее помощью дается оценка: информированности работника о целях и задачах организации (1); выясняется в какой степени он считает эти цели и задачи важными, значимыми для него; (2). и, наконец, его спрашивают в какой степени он готов лично способствовать решению поставленных перед организацией задач, насколько он в этом заинтересован (3).

Обе эти методики используются в настоящее время на уровне ЕЭС. International Survey Research (ISR) проводит на их основе регулярные

исследования на предприятиях стран–членов Европейского Союза и публикует результаты замеров по каждой стране. С помощью полученных данных дается оценка вклада промышленности этих стран в повышение качества труда и конкурентоспособности продукции, выпускаемой на их территории. На основе этой оценки делаются экономические выводы.¹

Поиски и обоснование подобных показателей осуществляются учеными и в других странах. И сравнительно давно. Значительная часть российских исследователей ограничивают круг показателей включенности, выделяя три признака (индикатора) включенности работников в организацию. Так, например, по мнению Д.А.Чирквиани, ими являются:

- полная убежденность работника в правильности целей организации, и его полная приверженность им;
- предрасположенность работника к осуществлению такой деятельности, которая будет полезна для организации;
- большое желание работника оставаться членом организации.²

Если исключить методическое отличие, по существу это те же характеристики, которые использованы в Евросоюзе.

Роджер Майтленд, заместитель председателя ISR (International Survey Research) пишет о практике использования в глобальных исследованиях, проводимых в странах Европы, лишь двух индикаторов преданности своей фирме. В их число входят «удержание» (когда работники намереваются скорее оставаться у своего текущего руководителя, чем искать работу еще где-нибудь) и «рекомендации» (работники не только мотивированы оставаться у своего текущего работодателя, но также ценят его настолько высоко, чтобы рекомендовать другим присоединиться к ним).³ Нетрудно заметить, что в этом подходе начисто исключена оценка отношения работника к целям организации и его готовность содействовать ее достижению. Но у автора этой методики свои задачи.

А вот стремление таких исследователей, как Дж.Мейер и Н. Аллен, представить основу оценки преданности в виде трехкомпонентной модели выглядит более основательным. Эти три компонента выглядят следующим образом:

---

¹ Майтленд Р. Преданность работников в Европе: характеристики, причины и последствия // Персонал Микс. 2003, №4. С.113

² Чирквиани Д.А. Структурные и функциональные особенности трудовых установок личности. Тбилиси: Мицниереба, 1988. С. 121

³ Майтленд Р. Преданность работников в Европе: характеристики, причины, последствия // Персонал микс, 2003. №4. С.112.

Аффективная преданность, которая включает эмоциональную привязанность к организации, самоидентификацию с организацией и вовлеченность в ее дела и проблемы.

Преданность, обусловленная стажем, которая связана с пониманием тех потерь, которые вызовет уход из организации.

Нормативная преданность, связанная обязательством работника оставаться в данной организации.¹

Все сказанное позволяет утверждать, что методики, которые разрабатываются на основе приведенных выше методологических соображений и учитывают запросы практики, могут использоваться в исследованиях для выявления соотношения «включенных — не включенных» в производственных организациях. Они позволяют оценить успехи системы управления того ли иного предприятия по отношению к своим социальным ресурсам. Безразличие персонала к судьбе своего места работы, создает неизбежно напряженную, формальную обстановку, которая отражается и на качестве трудового поведения и на самочувствии персонала. И совершенно иная обстановка в тех организациях, где «люди готовы пройти лишнюю милю за своим работодателем, когда люди беспокоятся о будущем своей компании, когда люди готовы, желают и способны прилагать максимум усилий, использовать максимум интеллектуальных возможностей и максимум креативности в своей работе на благо организации в целом».²

Для иллюстрации сказанного выше можно привести некоторые цифры, которыми располагает автор. Прежде всего, интересно представить себе как выглядит качество персонала Европейских предприятий, оцененное исследовательской организацией, о которой говорилось выше. Ниже приводятся средние данные за 2002 год по всем странам Евросоюза в целом.

Доля работников, оцененных, как «преданные»	71%
Доля работников, получивших оценку «идентифицированные с организацией»	51%

Разумеется, отдельные страны имеют отклонения от средней величины. Так, например, уровень «преданности» колеблется от 78 процентов (Германия) до 56 процентов (Польша). Но в целом наличествует высокий

¹ Meyer I.P. and Allen N.I. "A Tree-Component Conceptualization of Organizational Commitment". Human Resource Management Review. Vol.I.1991/P.61-89

² Майтленд Р. Указ.соч.С111.

уровень показателей, способствующих высокому уровню качества труда. Тому самому «Европейскому качеству», которое ценится во всем мире.

Если сопоставить этот уровень с величинами, полученными на основе аналогичных показателей в одном из регионов России (мы имеем в виду Самарский регион, где осуществлялись мониторинговые исследования), то средние показатели по обследованным предприятиям выглядят следующим образом. Ниже приводятся данные оценки за три года. Это дает возможность проследить динамику измеряемых величин. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что Самарскими социологами подсчитывался показатель «включенности». К «включенным» относились только те, кто по результатам исследования характеризовался и «преданным», и «идентифицированным» одновременно.

Соответствуют такой характеристике, как:

	преданность	идентификация	включённость
2006 г.	41,1	20,0	13,9
2007 г.	33,5	16,8	10,0
2008 г.	24,7	16,0	5,7

Сопоставляя приведенные цифры с данными по Евросоюзу, нетрудно увидеть существенную разницу в цифрах, характеризующих качество труда. Разумеется, не совсем корректно сопоставлять данные за разные годы. Но годовые изменения данных по Евросоюзу, насколько нам известно, незначительны. Зато обращает на себя внимание тревожная динамика ухудшении показателей по Самарской области. Эта динамика, с одной стороны, несет с собой дальнейшее снижение качества труда и конкурентоспособности предприятий. А с другой, угрожает созданием кадровых препятствий при освоении новых технологий и методов труда. Руководство этих предприятий ведет себя с точки зрения принципов Научного менеджмента, по меньшей мере, бездумно.

Труд наёмных работников только ради зарплаты при полном безразличии к деятельности предприятия, что имеет сегодня место на отечественных предприятиях, является результатом дремучего упорства менеджмента этих предприятий в их нежелании отказаться от применения исключительно старых методов мотивации, соответствующих раннекапиталистическому укладу производства. Выражая свою неудовлетворённость качеством персонала, руководители, как правило, сами ничего не предпринимают для изменения ситуации. Судя по всему, они и не знают,

что надо делать. Большая их часть предпочитает общаться с работающими у них людьми через окошко кассы и отдел кадров. В беседах с социологами свои проблемы низкого качества труда они склонны оправдывать дефицитом необходимой квалифицированной рабочей силы на рынке труда.

Между тем, формирование включённости в организацию позволяет в корне изменять нравственный климат в подразделениях. Ведь в настоящее время успех предприятия во все большей степени зависит от отношения работника к своему предприятию. Соответствующая управленческая политика, включающая в себя такие средства влияния на персонал как партисипация, соревновательные стимулы, демократизация управленческого процесса, должна рассматриваться, как показатель уровня управленческой культуры и грамотности руководителя. Однако сотрудничество с персоналом руководители воспринимают пока еще как ренессанс коммунистических «заморочек». Как правило, они не проводят даже общие собрания, где должны обсуждаться важные вопросы жизни предприятия, не информируют работников о ситуации на предприятии, не привлекают их к участию в обсуждении организационных и технических проблем. А всевозможных органов самоуправления, технических советов с участие работников руководители просто боятся. Сегодня, когда во всем мире человеческий фактор является, предметом особой заботы, в значительной степени определяющим успешность производства, такая позиция руководителей является «тупиковой». Неумение и нежелание сотрудничать с персоналом, используя за счет этого значительные социальные резервы повышения качества труда, стало реальным тормозом эффективного развития предприятий.

Выше уже говорилось о том, что в странах, заинтересованных в дальнейшем развитии промышленного производства, сферы обслуживания и торговли, не прекращается поиск средств повышения качества труда. Изыскивается возможности усиления стабильности персонала и его идентификации с организациями, в которых он трудится.

Наиболее действенными в современной обстановке признается использование партисипативных методов управления, т. е. методов, основанных на делегировании работникам наемного труда некоторых управленческих функций, на создании органов самоуправления, на хорошо поставленном информировании персонала о деятельности и проблемах предприятия.

Такой подход предполагает развитие сотрудничества между руководителем и персоналом, развитие демократических начал в процедурах при-

нения как значимых, на уровне организации, так и низовых управленческих решений.

В то же время исследователи обращают внимание управляющих на то, что применению партисипативных методов должно предшествовать наведение порядка во всей социально-трудоустройственной сфере и создание нормальных условий для работы людей. Использованию партисипативных методов должны предшествовать оптимизация условий, оплаты, организации труда, то есть всего комплекса производственно-экономических факторов, которые, так или иначе, оказывают влияние на поведение работника. Описывая меры по идентификации персонала на голландских предприятиях, Г.Г.Воробьев приводит следующий перечень требований, которые должны быть выполнены «до» и «во время» реализации этой процедуры.

- содержание и требования к работе должны соответствовать профессиональным характеристикам и качествам работника;
- оплата труда должна иметь тесную связь с выполняемой работой;
- необходимо обеспечить комфортность рабочего места, условий труда;
- должна быть оформлена договоренность о двусторонней ответственности работника и организации за выполняемую работу в виде индивидуального контракта или другого документа;

И лишь после этого рационально прибегать к использованию методов управления, способствующих развитию чувства хозяина, идентификации с предприятием.¹ В этом есть своя логика. Если работодатель не соблюдает элементарные требования трудового законодательства, о каком сотрудничестве с персоналом может идти речь.

И ученые, и практики развитых стран сходятся в том, что усиление сотрудничества с работающими в процессе управления организациями, принципиально изменяющее место человека в производственных системах, представляет собой в современных условиях важный фактор развития не только экономики, но и общественно-политической системы в целом. Поэтому за рубежом столь велик и научный и практический интерес к этой проблеме. Большие силы направлены на создание и внедрение социальных технологий, позволяющих изменять характер управленческого взаимодействия, чтобы добиваться более высокого уровня включенности персонала в организацию.²

---

¹ Воробьев Г.Г. Человеческие ресурсы и современная служба персонала // Социологические исследования, 1996, №11. С. 112

² См. напр. Рольф Ван Дик Преданность и идентификация в организации.-Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2006.

Значение поставленной задачи столь велико, что в ее решении принимают участие не только менеджеры всех уровней, но и государственные органы власти. Трудовые кодексы, принятые в таких странах как Франция и Германия уже давно являются правовой основой демократизации управления производством. Здесь предусмотрено избрание на каждом предприятии Производственного совета, в состав которого входят, представляющие все подразделения и категории работников предприятия рабочие, техники и инженеры. Перед Производственным советом отчитывается руководство предприятия. Здесь обсуждаются наиболее острые проблемы деятельности организации. Законодательством предусмотрены нормы и правила, которые могут устанавливаться на предприятии только с одобрения Производственного совета. Совет собирается не реже одного раза в квартал в рабочее время с сохранением заработка его членов. Наряду с советом действуют рабочие комиссии, которые готовят проекты решения Производственного совета и проверяют их выполнение.¹

Наряду со столь масштабными партисипативными технологиями в управленческой практике используются и другие, фрагментарные способы развития инициативы работников наемного труда и идентификации их с организацией. Сюда следует отнести и практику должностных перемещений, развитие рационализаторства и содействие самоутверждению на основе развития творческих конкурсов и рационализаторства и т. п.

Имеющие хождение в отечественной управленческой среде мнения о неспособности отечественного работника реагировать на что-либо кроме денежного вознаграждения, не более чем отговорки от решения серьезных проблем управления персоналом. Успешные попытки использования различных социальных технологий, нацеленных на повышение качества труда персонала российских предприятий, неоднократно осуществлялись даже в советский период. То есть существует свой, отечественный опыт организации этой работы.

В нашем распоряжении есть материалы разработки двух социальных технологий, направленных на повышение стабильности и идентификации работников крупнейшего автомобильного предприятия страны – АвтоВАЗа. Эти разработки осуществлялись еще в 70-е годы сотрудниками социологической лаборатории Самарского государственного университета под руководством автора этой статьи. Первая была связана с необхо-

---

¹ Борисов В.М. Участие работников предприятий в управлении. //Труд и мир. 1996г.№6 с.47-69.

димостью найти решение снижения потенциальной и реальной текучести персонала, а вторая — была направлена на усиление идентификации работников завода со своим низовым подразделением — бригадой и ее задачами.

Первая проблема возникла неожиданно для всех. На только что пущенном в строй автомобильном заводе в Тольятти шел третий год работы, а текучесть персонала сумела вырасти с 0,0 до 11,5 процента. Динамика этих изменений выглядела примерно так:

Уровень текучести кадров на АвтоВАЗе в 1971–1973 г.г.

1971г.	0,8%
1972г.	4,5%
1973г.	11,5%

Если представить себе не проценты, а реальную численность, которая за ними стоит, (а на заводе к тому времени уже работало около 100 тысяч человек) то станет понятным, почему кадровые службы завода были в шоке. С лучшего, новейшего, только что пущенного предприятия страны побежали люди.

Руководство завода пригласило социологов и попросило разобраться с ситуацией. Оно пообещало всяческую поддержку. Основная причина сложившейся ситуации исследователям была ясна. Они к тому времени уже были знакомы с заводом. Дополнительное исследование только подтвердило их предположения. Проблема была в несоответствии уровня квалификации рабочих мест на заводе относительно высокому образовательному уровню персонала. Большую часть персонала составляла молодежь, приехавшая из разных регионов. И у них был высокий по тем временам образовательный уровень. Практически все они имели законченное среднее образование.

Соотношение же рабочих мест квалифицированного и неквалифицированного труда составляло «один к двум»:

Квалификационная структура рабочих мест

Рабочие места высококвалифицированного и квалифицированного труда	около 30%
Рабочие места малоквалифицированного и неквалифицированного труда	около 70%

Методологической основой решения поставленной задачи стала идея мотивационного ядра из исследования «Человек и его работа». В соответствии с этой идеей удовлетворенность работой, а, следовательно, и потенциальная текучесть молодых рабочих, в первую очередь, зависят от

восприятия трех факторов: содержания труда, уровня оплаты труда и возможности профессионального продвижения. Социологам предоставлялась возможность решить — изменением какого фактора в условиях завода можно повлиять на практику текучести. Совершенно очевидно, что изменять содержание труда на тех же рабочих местах было делом нереальным. Повышение оплаты труда, для компенсации монотонного конвейерного труда — также было нереально. Уровень оплаты регулировался государственной политикой. Оставалась последняя возможность — создание перспективы профессионального продвижения.

И они предложили руководству завода для обсуждения такую систему управления персоналом, когда работники занятые неквалифицированным трудом на конвейере постепенно, через определенное время, после соответствующей переподготовки перемещаются на рабочие места более высокой квалификации.

Последовало возражение заводчан. Его суть была в том, что соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих мест, по их мнению, не позволит переместить всех желающих. Такая позиция обосновывалась тем, что численность работников малоквалифицированного труда была в два раза больше, чем мест квалифицированного труда..

Но социологи располагали данными, которые свидетельствовали о том, что перемещаться хотят далеко не все. Далеко не для всех это было актуально. Но зато те, кто хотел переместиться, почти во всех случаях как раз и входили в число тех, кто готов был покинуть предприятие. Вот данные ответа на вопрос о желании переместиться на более квалифицированное место. Причем опрашивались только работники неквалифицированного и малоквалифицированного труда.

Хотели бы вы сменить свое рабочее место на другое, с более высокой квалификацией?

Да 23,1

Нет 48,6

Затрудняюсь ответить 28,3

Таким образом, хотело продвигаться и повышать свою квалификацию менее четверти работников неквалифицированного труда. Они были неудовлетворенны своей работой и собирались покинуть предприятие. Мы считали, что, создав им условия для продвижения, можно было бы заметно снизить численность группы потенциальной текучести. Тем более, что часть из них хотели бы «передвинуться» не по вертикали, а по горизонтали (в другой цех, подразделение без повышения квалификации). Сомне-

ния отпали. И тогда была разработана подробная технология профессионального перемещения рабочих на заводе.

Основные элементы системы профессионального продвижения.

Каждый работник, желающий повысить свою квалификацию и сменить рабочее место, регистрируется в цеховом отделе кадров получает план профессионального продвижения

Каждый кандидат на профессиональное продвижение должен отработать на рабочем месте неквалифицированного труда не менее трех лет.

Начиная со второго года, кандидат на продвижение зачисляется в вечернюю (или дневную, в зависимости от графика) группу учебного центра для приобретения специальности квалифицированного труда.

В течение третьего года он проходит стажировку в выбранном им цехе.

В течение всего срока подготовки работник не должен допускать нарушений дисциплины и упущений по работе. Это является условием реализации его плана.

Контролем над соблюдением установленного порядка обучения и замещения вакантных мест квалифицированного труда занимается специальная заводская группа профессионального продвижения.

Для организации этой системы была создана специальная группа инспекторов профессионального продвижения численностью в 26 человек. Группа составила перечень и полную опись рабочих мест, на которые можно готовить кадры в заводском центре обучения. С первых же дней начал издаваться специальный еженедельный информационный бюллетень о возможности продвижения и обучения, который вывешивался во всех подразделениях. Словом, дело пошло. В первый же год (1974) текучесть кадров на заводе снизилась до 9,0% т. е. на 2,5%. Это означало, что был предотвращен уход с завода более 2 тысяч человек. К 1978 году — текучесть снизилась еще на 1,5 процента.

Динамика текучести кадров на АвтоВАЗе

1971 г.	0,8%
1972 г.	4,5%
1973 г.	11,5%
1974 г.	9,0%
1978 г.	7,4%

Тогда у Самарских социологов еще не было возможности определять число «преданных». Этой методикой они овладели позже. Но сам факт столь заметного снижения числа увольнений подтверждает возможность влияния на отношение работника к своему предприятию не только с по-

мощью материальных средств, но и используя иные интересы, лежащие в социальной области. Система профессионального продвижения действовала на заводе до 1993 года. То есть — почти 20 лет. Нам представляется, что опыт создания и внедрения подобных технологий актуален и в современных условиях. В отечественной промышленности сохраняется значительное число рабочих мест неквалифицированного и малоквалифицированного труда. Поэтому любые меры, создающие заинтересованность в стабильном качественном труде здесь актуальны.

Второй проблемой, которую довелось решать опять же не экономическим путем, а формируя иной характер трудовых отношений, т. е. социальных отношений в коллективах бригад, была проблема трудового конфликта в производственных бригадах. На новом автогиганте, в условиях, когда мастерами стали вчерашние студенты техникумов и институтов, далеко не все они справлялись с управлением бригадой. Дело у них доходило до открытых трудовых конфликтов с людьми. А в 1974 году эти конфликты начали перерастать в забастовки. В условиях страны Советов это был нонсенс. Но об этом старались никого не информировать.

Руководство завода очень боялось политических выводов. Забастовка в советские времена рассматривалась компетентными органами, как «контрреволюционное выступление». Директор лично выезжал на каждый случай, когда бригада «садилась», останавливая весь конвейер. Мастер тут же отстранялся от работы, давались обещания все исправить и учесть. Конвейер снова двигался. Но таких конфликтов становилось все больше и сил директора стало не хватать. Руководство двинуло в бригады для разъяснительной работы работников заводоуправления. Грустно вспоминать, но они панически боялись ходить к рабочим и старались ограничиться разговорами с мастерами.

И тогда социологов снова пригласили в Генеральную дирекцию и попросили подумать, как устранить причину этих забастовок. Социологи пошли в бригады и стали подробно выяснять причины, которые порождают конфликты. В конце концов, они пришли к выводу, что забастовки явились результатом крайне острых, конфликтных отношений на уровне бригады — мастер. И, прежде всего, там. Конфликты становились результатом нежелания мастеров считаться с мнением бригад, которыми они управляют. Вчерашние выпускники техникумов, ВУЗов не имели никакого опыта работы с людьми, избегали делового общения с ними, не прислушивались к их мнению, командовали. По сложившейся традиции и из-за гигантских размеров подразделений бригады были полностью изолированы от общения с кем —

либо из руководства цехом. Это была монополия мастера. Люди были полностью отчуждены от планирования и подведения итогов не только цеха, но и их собственной деятельности и не имели возможности защититься перед мастером свои интересы, если он был несправедлив. Идентификация с предприятием была на нуле. Но удалось увидеть не только это.

Знакомясь в цехах с работой мастеров в бригадах исследователи нашли немало интересных примеров по привлечению самих рабочих к решению бригадных проблем. Практически, это выглядело как создание общественного самоуправления в бригадах. Некоторые мастера создавали у себя в бригадах такие общественные органы по собственной инициативе. Это были опытные мастера, имеющие немалый стаж работы на других предприятиях. Одни называли выбранных помощников — «актив», другие — «президиум бригады». Они привлекали своих подчиненных на помощь в управлении бригадой. И хотя эти демократические органы действовали неофициально, они давали положительный эффект. В этих бригадах обращал на себя внимание хороший психологический климат.

Социологам такая инициатива показалась перспективной. Она напоминала западный опыт привлечения работников к соучастию в управлении. Использование, так называемых, «партисипативных методов управления персоналом». И они вышли с предложением ввести на заводе бригадное самоуправление, используя опыт, тех бригад, где это самоуправление в той или иной степени действовало.

Руководство завода страшно удивилось. Оно долго пыталось усмотреть в необычном для них предложении «идеологические загибы». Но, в конце концов, предложение поддержали. В течение месяца были подготовлены необходимые нормативные документы, положение, приказы о внедрении. Созданную технологию обсудили с мастерами, учли замечания и запустили в дело. Это заняло около трех месяцев.

Некоторые фрагменты положения о работе Совета бригады.

Совет бригады избирался сроком на один год. Председатель Совета избирался на общем собрании.

Были определены функции Совета в управлении бригадой, которые не лишали мастера основных прав и обязанностей, но давали возможность соучастия Совета в осуществлении некоторых его функций.

Совет бригады стал участвовать в подведении итогов работы и оценке деятельности работников бригады, в решение вопросов, связанных с отпусками, принятии мер к нарушителям дисциплины. Нередко нарушители начинали искать защиты от Совета бригады у мастера.

Председатель совета бригады получил право в рабочее время обсуждать с руководством цеха проблемы условий и оплаты труда, в случае их нарушения цехом или мастером.

Мастера быстро адаптировались к новой системе управления. Основная часть, как выяснилось, была довольна. Уже через месяц о забастовках на заводе забыли. Но самое главное заключалось в том, что такая социальная инновация как Совет бригад принесла не только снижение уровня напряженности. Было отмечено стабильное улучшение качества труда. И это было вполне объяснимо. В бригадах появился коллективный контроль, усилилась идентификация работников со своей бригадой, со своим цехом. Это радовало всех. В те годы это были первые в промышленности страны Советы бригад.

К сожалению, большинство современных российских управляющих промышленными предприятиями не знают о подобных технологиях и не верят в их возможности. Они предпочитают работать на уровне тейлоровских методов организации трудовой деятельности. Это означает отставание от современного Европейского уровня управления персоналом, по меньшей мере, на сто лет. Сами управляющие прекрасно понимают, что с таким состоянием качества труда персонала инновационный прорыв в производстве осуществить невозможно. Но в то же время ничего для изменения положения не делают. И это один из парадоксов модернизации нашей экономики.

Ленинградская школа социологии искусства

Истоки ленинградской школы социологии искусства были заложены в 1920-е годы работами искусствоведов: В. М. Фриче «Очерки социальной истории искусства» (1923) и «Социология искусства» (1930), И. Иоффе «Кризис современного искусства» (1925), Ф. Шмит «Предмет и границы социологического искусствоведения» (1928). Однако эти авторы были обвинены в вульгарном социологизме, а их работы оказались под запретом.

Возрождение статуса социологии искусства произошло в 1960-е годы. Оно было обусловлено, во-первых, началом второго этапа институционализации отечественной социологии, во-вторых, внедрением марксистской социологии в теорию исторического материализма, эстетику и искусствознание, в-третьих, развертыванием эмпирических исследований разнообразных социальных процессов, в том числе и функционирования искусства. Значительный вклад в процесс развития советской социологии искусства внесли философы, эстетики и искусствоведы Ленинграда.

Первой работой, положившей начало восстановлению советской и ленинградской школы социологии искусства, можно признать монографию выпускника ЛГУ, философа и социолога А. Г. Харчева «Место искусства в общественной жизни», опубликованной в 1956 году. В ней социологический анализ искусства был дан с позиций марксистско-ленинского учения об обществе. Социологический подход с позиций марксизма к рассмотрению художественного развития общества был применен и в первом издании 1963–1966 годов «Лекций по марксистско-ленинской эстетике» М. С. Каганом.

Начиная со второй половины 60-х годов, ленинградские социологи искусства основное внимание уделяют следующим проблемам:

- выяснению отношения к советской социологии искусства 20-х годов¹;

---

¹ Новожилова Л. И. Социология искусства в советской эстетике 20-х годов // Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Новожилова Л. И. Социология искусства: Из истории советской эстетики 20-х годов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968; Носова И. Л. Из истории конкретно-социологических исследований аудитории

- истории и критике буржуазных концепций социологии искусства¹;
- определению предмета социологии искусства²;
- разработке методологии и интерпретации результатов эмпирических социологических исследований художественной жизни общества³.

искусства (на материалах 20-х годов) //Методологические проблемы истории общественной мысли. Л.: Наука, 1971; Мосолова Л.М. Общественная психология и искусство в Советской России 20-х годов: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1973; Ушакова Н.И. Проблемы философии истории искусства в трудах Ф. Шмита //Философия. История. Современность Л.: Изд-во ЛГУ 1973; Новожилова Л.И., Носова И.Л. Театр и зритель: конкретно-социологическое исследование 20-х годов //Наука о театре: Межвузовский сборник трудов преподавателей и аспирантов. Л., 1975; Фролова Е.Л. Из опыта изучения зрителя в 20-х годах //Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 1. Л., 1975; Носова И.Л. Формирование советской социологии искусства: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1980.

- 1 Гершкович З.И. Критика буржуазной концепции массовой культуры //В тисках духовного кризиса. Л., 1966; Перов Ю.В. К истории взаимоотношений публики и художников //Философские науки. 1966. № 6; Шлезингер Е.А. Социология искусства Шарля Лало: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1973; Глотов М.Б. Об определении института художественной культуры в англо-американской социологии //На переднем крае идейной борьбы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; Ушакова Н.И. Становление философии истории искусства в буржуазной эстетике // На переднем крае идейной борьбы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; Суворова Г.Д. Художник и общество: из истории социальных форм организации художественного производства //Театр. Музыка. Кинематография. Л., 1975.
- 2 Перов Ю.В. Возможности и границы социологии искусства //Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Его же. Что такое социология искусства? Л., 1970; Сохор А.Н Музыка и общество. М., 1972; Селиванов В.В. Социальная природа искусства. Л., 1976; Рябов В.Ф. Искусство как общественная потребность. М., 1977.
- 3 Сорокина В.И. К вопросу о восприятии и оценке киноискусства зрителем: опыт социологического исследования //Философские науки. 1965. № 3; Фирсов Б.М. ТВ глазами социолога, М., 1971; Глотов М.Б. О методологии исследования художественной культуры //Философия. История. Современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973; Сикевич З.В. Общая культура студента //Человек и общество. Вып. XIII. Проблемы интеллектуального и культурного развития студента. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973; Горбачевский И.Ф. Зритель в художественном музее: некоторые итоги по материалам социологических исследований в Государственном Эрмитаже в 1973-174 годах //Научно-исследовательская работа в художественных музеях. Ч. 3. М., 1975; Лисовский В.Т. Социологические исследования культурных потребностей студентов //Проблемы этики и эстетики. Вып. 3. Проблемы потребностей в этике и эстетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976; Селиванов В.В., Дондурей Д.Б., Глотов М.Б. НТР и художественная культура

Центральной проблемой советской социологии искусства 1960–1970-х годов стала проблема определения ее предмета. Заметим, что советских социологов искусства в то время не интересовал вопрос о различии между понятиями «объект» и «предмет». Для них было важно утвердить собственное понимание предмета социологии искусства, продемонстрировать свою точку зрения. Поэтому среди советских философов, эстетиков и искусствоведов отсутствовало единство во мнении того, что же является предметом социологии искусства.

Так как советская социология искусства еще не была признанной в качестве отраслевой, то существенное значение для определения ее предмета имела позиция ученого относительно того, к какой из наук — социологии или эстетике и искусствознанию — должна принадлежать эта отрасль знания? Одним из первых попытался ответить на этот вопрос ленинградский философ Ю.В. Перов. Определяя границы предмета социологии искусства, он утверждал, что социология искусства является промежуточной областью между социологией и эстетикой, прикладной ветвью первой, опирается на ее теорию и пользуется ее методами. По его мнению, эстетика «должна базироваться на социологии искусства», а последней не следует претендовать «на роль единственной и всеохватывающей науки об искусстве»¹. В противоположность Ю.В. Перову ленинградский эстетик Л.И. Новожилова, заявляла о том, что «социология искусства вошла в эстетику»².

В определении предмета социологии искусства Ю.В. Перов исходил, прежде всего, из тех задач и проблем, которые, по его мнению, призвана решать и исследовать данная отрасль научного знания. Первоначально он главную задачу социологии искусства видел в «изучении искусства как социального явления в его исторической динамике, способах существования, доставки, потребления и его социальных функциях». В русле решения этой задачи им были определены следующие аспекты исследования: анализ эволюции искусства в его социальном окружении с уче-

---

//Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда, Л.: Изд-во ЛГУ, 1977; Селиванов В.В. Взаимосвязь искусства и публики // Искусство и общество. Л., 1978.

¹ Перов Ю.В. Возможности и границы социологии искусства //Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. с. 102, 104

² Новожилова Л.И. Социология искусства: Из истории советской эстетики 20-х годов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 11

том проникновения общественных детерминант в саму художественную ткань произведений; рассмотрение социальных функций искусства; изучение публики¹. Позже к перечисленным были добавлены: изучение многообразных связей и зависимостей между искусством и различными сторонами общественной жизни, между искусством и его аудиторией; исследование происхождения и функционирования художественных ценностей и норм².

В конце 1970-х — начале 1980-х годов вопрос о предмете социологии искусства вновь стал активно обсуждаться в работах ленинградских философов и искусствоведов А.Л. Казина, А.Я. Куклина, Ю.В. Перова, В.Ф. Рябова, А.Н. Сохора. Несмотря на то, что главной задачей социологии искусства объявлялось исследование, с одной стороны, воздействия общества на искусство, а с другой — искусства на общество, однако предпринимались попытки выявить специфику ее предмета путем введения новых категорий. В качестве таковых предлагались следующие понятия: «социальное функционирование искусства», «искусство как социальный институт», «художественные ценности», «художественная культура», «художественная жизнь». Все яснее высвечивалась идея о том, что социология искусства в отличие от эстетики и искусствоведения должна изучать не отражение жизни общества в искусстве, а жизнь искусства в обществе.

С точки зрения А.Я. Куклина, социологическая трактовка искусства предполагает видение его в форме «общезначимой ценности», которая интегрирует членов и элементы общества «в единую сохраняющуюся общность»³. При этом А.Я. Куклин предложил понятием, выражающим специфику предмета социологии искусства, признать — «художественная жизнь общества».

На первый взгляд может показаться, что А.Л. Казин стремится найти отличие социологии искусства от эстетики именно в предметах этих наук. Он так и заявляет: они отличаются «друг от друга не по своему методу, а по своему предмету». Однако в ходе дальнейших рассуждений оказывается, что эстетика — это «и есть социология искусства», что они обе «в равной мере являются науками о художественной жизни общества», что

---

¹ Перов Ю.В. Возможности и границы социологии искусства //Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. с. 100-103.

² Перов Ю.В. Что такое социология искусства? Л., 1970. С. 36-37.

³ Куклин А.Я. Введение в социологию искусства. Проблема искусства как общезначимой ценности: Учебное пособие. Л., 1978. С. 6

они — два аспекта, две стороны «целостной науки о художественной жизни общества»¹.

Ставя задачу вернуть советской социологии искусства статусную принадлежность к социологии, А.Н. Сохор отмечал, что закономерностью развития социологии искусства является уточнение и даже изменение ее предмета. Ученый продемонстрировал проявление этой закономерности на примере западных концепций социологии искусства. По его мнению, чтобы отечественной социологии искусства вернуться в лоно социологической теории, необходимо, не дублируя эстетику и искусствознание, «сузить область исследования, более четко определить свой собственный предмет»². Согласно его представлению, социология искусства — «это наука о закономерностях социальной жизни искусства, т. е. его возникновения и функционирования в обществе». Объектом социологии искусства являются «различные социальные формы и институты художественной жизни общества», процессы «художественного творчества и восприятия в социально-историческом контексте»³. Предметом же социологии искусства должно стать исследование художественной культуры общества как системы, ядро которой составляет искусство. В качестве основных элементов данной системы могут выступать:

- вся совокупность художественных ценностей, рождающихся и живущих (или сохраняемых) в обществе;
- все виды деятельности, связанной с созданием, хранением, воспроизведением, общественным распространением, изучением, оценкой, восприятием и использованием этих ценностей;
- все субъекты такого рода деятельности вместе с их знаниями, навыками и другими качествами, обеспечивающими ее осуществление;
- функционирующие в обществе художественные институты⁴.

Ставя вопрос о том, что «брать за основу социологического определения предмета искусства?», В.Ф. Рябов отвечает на него следующим образом: «всю совокупность общих закономерностей развития и функционирования искусства в обществе»⁵. Однако, по его мнению, так как

---

¹ Казин А.Л. Социология искусства и эстетика // Вопросы социологии искусства. Л., 1980. С. 99-102

² Сохор А.Н. Введение // Вопросы социологии искусства. Л., 1980. С. 8.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же, с 5-10.

⁵ Рябов В.Ф. Социальная природа искусства. К спорам о предмете искусства. Л.: Художник РСФСР, 1982. С. 190.

«в искусстве нет ничего, что могло бы быть вне общества, вне человека», то его изучением должна заниматься не социология, а «философия искусства»¹. Таким образом, В.Ф. Рябов отказывает социологии искусства в автономности научного статуса.

Заключительным аккордом дискуссии о предмете социологии искусства конца 1970-х — начала 1980-х годов можно признать позицию Ю.В. Перова, представленную в монографии «Художественная жизнь общества как объект социологии искусства» и в докторской диссертации, посвященной этой теме. Определение предмета социологии искусства Ю.В. Перов начинает с отделения ее от «социологической эстетики», объясняя несовпадения первоначально социологического (социального) и эстетического (художественного), а затем социологического и социального подходов к исследованию искусства. Развивая идеи А. Хаузера о том, что все в искусстве социально обусловлено, но не все в искусстве доступно социологическим дефинициям, и Ю.Н. Давыдова о различении понятий «искусство как социальное явление» и «искусство как социологический феномен», Ю.В. Перов доказывает социальность марксистско-ленинской эстетики и искусствознания, а также принадлежность социологии искусства области социологической теории. Последнее он объясняет включением искусства в систему общественных отношений и общественной деятельности людей, исследование которых является предметом марксистской социологии².

В качестве объекта социологии искусства Ю.В. Перов предлагает признать художественную жизнь общества, а ее главным предметом — «исследование отношений художественной жизни общества». При анализе структуры объекта социологии искусства, он выделяет в нем основные процессы (производство, распространение и усвоение художественного сознания), регулирующие их общественные отношения и социальные институты, основные субъекты художественной деятельности (художники и публика). Отстаивая свое понимание объекта и предмета социологии искусства, Ю.В. Перов не согласен с теми, кто отождествляет художественную жизнь общества с художественной культурой или трактует художественную жизнь общества как ее часть. По его мнению, понятие «художественная культура общества» в отличие от категории «художественная

---

¹ Там же. С. 194.

² Перов Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 30-36.

жизнь общества» не воплощает специфику социологического исследования¹.

В концепции Ю.В. Перова методологически важным видится утверждение того, что теоретические предпосылки для введения понятий в содержание предмета социологии искусства должны быть обнаружены в категориальном аппарате самой социологии. Введение в предмет социологии искусства социологических категорий изменяет ракурс анализа функционирования искусства в обществе и позволяет провести демаркационную линию между социологическим подходом к исследованию искусства и эстетическим, искусствоведческим.

В 1970-80-е годы одной из плодотворных идей социологии искусства явилось предложение о включении в ее категориальный аппарат понятий «художественная культура» и «художественная жизнь». Однако между социологами искусства существовало разногласие по поводу того, какую из этих категорий считать частью другой. Эта разногласованность, на наш взгляд, обусловлена отсутствием в категориальном аппарате социологии искусства понятия, способного интегрировать их в единое целое.

Ленинградскими социологами искусства, начиная с середины 1970-х годов, особое внимание уделялось определению понятий «художественная культура» и «художественная жизнь» и утверждению их в качестве основополагающих в социологии искусства. Наиболее плодотворными в этом направлении были работы В.В. Журавлева, М.С. Кагана. С. П. Кудрявцевой, Ю.В. Перова, А.Н. Сохора². Не вдаваясь в разбор предлагаемых учеными определений художественной культуры и художественной жизни, отметим, что мы солидарны с теми, кто выступал за системный подход к изучению их как сложных социальных феноменов.

Положительными моментами обсуждения понятий «художественная культура» и «художественная жизнь» следует признать то, что художественная культура общества определялась как нечто большее, чем искуст-

---

¹ Там же, с 54-60.

² Журавлев В.В. Мир художественной культуры. М.: Мысль, 1987; Каган М.С. Художественная культура как система // Вопросы социологии искусства: Сборник научных трудов. Л., 1980; Кудрявцева С.П. Художественная культура зрелого социализма. Л.: Знание, 1981; Перов Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства // Проблемы марксистско-ленинской теории культуры: Сборник научных трудов. Л., 1975; Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. М.: Советский композитор, 1975.

во, а также разнообразие предлагаемых моделей ее строения. В этой связи методологический интерес представляют те модели, которые были предложены в работах В.В. Журавлева, М.С. Кагана, С. П. Кудрявцевой и А.Н. Сохора.

В этих моделях можно обнаружить как различие методологических подходов к их построению, так и точки соприкосновения и дополнения. Однако, по замечанию Н.В. Шевченко: «в ряде случаев мы сталкиваемся с бессистемным описанием разных компонентов художественной культуры, в других случаях не обосновывается необходимость и достаточность входящих в художественную культуру элементов». Общим же недостатком предлагаемых схем строения художественной культуры она считает «то, что тот или иной элементарный состав художественной культуры постулируется, а не выводится в теоретическом исследовании»¹.

В 1974 году нами была предпринята попытка обосновать свое понимание художественной культуры как системы социальных институтов, которые обеспечивают создание и функционирование художественных ценностей, а также организуют и регулируют процессы художественной жизни общества. На основе структурно-функционального подхода, была предложена модель строения художественной культуры общества, изоморфная основным социальным функциям искусства. С нашей точки зрения, исследование художественной культуры общества предполагает, с одной стороны, рассмотрение ее как системы социальных институтов, а с другой — признание основных социальных функций искусства в качестве структурообразующего фактора ее строения².

В отечественной социологии искусства вопрос о социальных функциях искусства стал предметом специального изучения с середины 60-х годов. В 1970-80-х годах сводный перечень социальных функций, которые, по мнению исследователей, присущи искусству, насчитывал более 50 наименований. Оставляя в стороне дискуссию о правомочности наделения искусства той или иной социальной функцией и о принципах их группировки, обратим внимание на наличие трех основных подходов к выделению социальных функций искусства. Первый из них условно обозначим

---

¹ Шевченко Н.В. Проблемы взаимоотношения искусства и культуры в современной советской эстетической мысли: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1982. С. 8.

² Глотов М.Б. Художественная культура как система социальных институтов: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1974.

как эстетический, второй — как социологический, третий — как эстетико-социологический.

Представители эстетического подхода в понимании функций искусства исходили из того, что они должны отражать наличие в искусстве свойств или элементов, которые позволяют использовать его для удовлетворения общественных и личных потребностей. Среди тех, кто придерживается подобной точки зрения, отметим М.С. Кагана¹. Для сторонников социологического подхода важна не столько специфика искусства, сколько его способность удовлетворять определенные социальные потребности в конкретный исторический период развития общества. Данная позиция представлена в работах Ю. В. Перова².

Если при эстетическом подходе анализ социальных функций искусства выстраивался по линии: искусство общество, то при социологическом — в обратном: общество искусство. Если эстетический подход ограничивал количество социальных функций искусства его возможностями, то для социологического — в силу многообразия социальных потребностей такого ограничения практически не было. Если с эстетической точки зрения функционирование искусства рассматривалось в социальном пространстве между полярными процессами: художественное творчество и художественное восприятие, то с социологической — такими процессами являлись художественное производство и художественное потребление.

Уже в работах некоторых представителей эстетического подхода встречаются попытки обосновать необходимость соединения его с социологическим. Например, оригинальный путь перехода с эстетической на философско-социологическую позицию в понимании социальных функций искусства предложил М.С. Каган. Вместо ранее называемых им коммуникативной, просветительской, воспитательной и гедонистической функций искусства он выделил пять групп функций, соответственно проявляющихся в подсистемах «искусство — природа», «искусство — общество», «искусство — человек», «искусство — культура», «искусство — искусство»³. В рамках эстетико-социологического

---

¹ Каган М.С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 271-296.

² Перов Ю.В. Что такое социология искусства? Л., 1970; Перов Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.

³ Каган М.С. Социальные функции искусства. Л.: Знание, 1978. С. 15-30.

подхода точка зрения о социальных функциях искусства высказывались и нами¹.

Для выяснения того, какие социальные функции искусства определяют структуру и строение художественной культуры, то есть являются основными, по нашему мнению, следует из всей их совокупности выбрать те, которые, с одной стороны, отражают специфику искусства, а с другой — его способность удовлетворять наиболее важные социальные потребности. При определении социальной функции искусства в качестве основной необходимо учитывать ее двойственный характер, иметь в виду двунаправленные параметры: искусство и общество.

Отправной точкой определения состава основных социальных функций искусства целесообразно признать модель строения искусства, предложенную М.С. Каганом. В этой модели были выделены познавательная, оценочная, конструктивная, знаковая и моделирующая стороны. Используя принцип изоморфизма, к основным социальным функциям искусства следует отнести следующие функции: созидательную, познавательную, ценностно-ориентационную, коммуникативную и гедонистическую. Эти функции, с одной стороны, отражают главные аспекты строения искусства, а с другой — основные грани его общественного предназначения.

Особое место среди основных социальных функций искусства принадлежит гедонистической функции. Она выступает в качестве цементирующего фундамента всех других социальных функций, растворяясь в них и придавая искусству то самое значение, без которого созданное человеком произведение, обладающее даже самым большим потенциалом социальной информации, не было бы художественным. Благодаря гедонистической функции искусство эффективно осуществляет свое общественное предназначение. Именно наличие гедонистического начала позволяет образованию и науке, политике и экономике, религии и морали часто использовать произведения искусства для решения своих задач.

Определяя художественную культуру общества как систему, которая обязана обеспечить функционирование искусства и проявление его социальных функций, следует признать, что компоненты ее строения должны соответствовать структуре искусства и его основным социальным функций. Следуя этому принципу, в качестве необходимых и достаточных компонентов строения художественной культуры общества мы выделили

---

¹ Глотов М.Б. Социальные функции искусства // Вопросы философии и социологии. Вып. VI. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 198-200.

художественное производство, художественное познание, художественную критику, художественную коммуникацию и художественное потребление¹. Выделение компонентов строения художественной культуры общества позволяет, с одной стороны, зафиксировать «статическую» грань художественного мира общества, а с другой — определить основные направления динамики общественных процессов художественной жизни.

Согласно представлениям В.В. Журавлева, М.С. Кагана, С. П. Кудрявцевой и А.Н. Сохора, под художественной жизнью общества следует понимать процесс функционирования художественной культуры². Первоначально этой точки зрения придерживался и Ю.В. Перов, когда в статье «Социологический анализ художественного производства» писал, что художественная жизнь общества «есть не что иное, как исторически определенный способ воспроизводства и функционирования художественной культуры общества»³. Однако в монографии «Художественная жизнь общества как объект социологии искусства» он, объявляя понятие «художественная жизнь общества» центральной категорией социологии искусства, дает иное определение: «Художественная жизнь общества — это область общественной жизни, основу которой составляет деятельность по производству и усвоению художественного сознания, вместе с соответствующими отношениями и институтами»⁴. Из данного определения, к сожалению, выпало бывшее ранее сопряжение художественной жизни и художественной культуры общества, а понятия «искусство» и «художественная ценность» заменены понятием «художественное сознание».

С нашей точки зрения, понятие «художественная жизнь общества» отражает в исторической динамике процессы, связанные с производством и трансформацией, с сохранением и коммуникацией, с оценением и

---

¹ Готов М.Б. Художественная культура как система социальных институтов: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1974. С. 11-12.

² Журавлев В.В. Художественная культура в системе духовной жизни развитого социализма // Научный коммунизм. 1982. № 4. С. 56; Каган М.С. Художественная культура как система // Вопросы социологии искусства: Сборник научных трудов. Л., 1980. С. 95; Кудрявцева С.П. Художественная культура зрелого социализма. Л.: Знание, 1981. С. 8; Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. М.: Советский композитор, 1975. С. 12.

³ Перов Ю.В. Социологический анализ художественного производства // Вопросы социологии искусства: Сборник научных трудов. Л., 1980, с 13.

⁴ Перов Ю.В. Что такое социология искусства? Л., 1970; Перов Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 44.

потреблением художественных ценностей, то есть с функционированием искусства в различных общественных сферах. Это функционирование регулируется социальными институтами художественной культуры в соответствии с определенными историческими условиями. Так как художественная культура общества призвана организовывать и регулировать процессы художественной жизни, то их структуры и строения должны быть изоморфны. Поэтому можно считать, что структурно художественная жизнь общества обусловлена строением его художественной культуры и наоборот. Главное различие между строениями художественной культуры и художественной жизни общества состоит в том, что в качестве системных элементов первой выступают социальные институты, а второй — социальные процессы.

Для признания автономности социологии искусства имели значение не только работы теоретического характера, но и публикации, в которых рассматривались методология и методика социологического исследования художественной культуры и художественной жизни общества, а также обобщались результаты конкретно-социологических исследований разных аспектов функционирования искусства в реальной действительности. В этой связи следует отметить появившиеся в 80-х годах работы ленинградских ученых З. В. Сикевич, Б. А. Трегубова, Ю. В. Капустина, С. Т. Махлиной, Т. С. Поздняковой и О. Ф. Петровой, М. В. Потаповой, Б. А. Т. В. Шелепановой, С. Н. Иконниковой, Столярова, М. Б. Глотова¹.

---

¹ Сикевич З.В. Художественная культура студента (опыт социологического исследования): Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1980; Трегубов Б.А. Ценностные ориентации студенческой молодежи в свободное время // Образ жизни современного студента: Социологическое исследование. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981; Капустин Ю.В. Музыкант-исполнитель и публика: Социологические проблемы современной концертной жизни. Л.: Музыка, 1985; Махлина С.Т. Молодежь и искусство. Л.: Знание, 1986; Позднякова Т.С., Петрова О.Ф. Молодежь и изобразительное искусство. Л.: Знание, 1986; Потапова М.В. Опыт изучения восприятия живописи студентами ленинградских вузов // Всесоюзная конференция-семинар музейных работников «Роль художественных музеев в эстетическом воспитании молодежи в свете решений XXVII съезда КПСС». Л., 1986; Шелепанова Т.В. Роль музея в воспитании культуры художественного общения студенческой молодежи // Всесоюзная конференция-семинар музейных работников «Роль художественных музеев в эстетическом воспитании молодежи в свете решений XXVII съезда КПСС». Л., 1986; Иконникова С.Н. Диалог о культуре. Л., 1987; Столяров Б.А. Художественный музей и эстетическое воспитание молодежи. Л.: Знание, 1988; Глотов М.Б. Динамика художественного развития студентов технического вуза (социологический аспект) // Актуальные проблемы обновления высшей школы: Л., 1989.

Подводя итоги процессу развития социологии искусства в Ленинграде, можно утверждать, что к началу 1980-х годов сформировалась ленинградская школа социологии искусства. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1980–1981 годах были опубликованы три специальных сборника научных трудов ленинградских ученых, посвященных проблемам социологии искусства: «Вопросы социологии искусства» (1980), «Искусство в системе культуры: социологические аспекты» (1981), «Художник и публика» (1981).

Московское время и российские пространства

В своем ежегодном послании Федеральному собранию Российской Федерации Президент Д. Медведев среди прочего предложил «рассмотреть возможность сокращения количества часовых поясов». Целью такого секвестра он назвал более эффективное управление страной.

Прежде всего, следует согласиться с Президентом в том, что принятие той или иной системы счисления времени является формой государственного управления. Приходя к власти, та или иная группа стремится сформировать новые, фундаментальные обстоятельства жизни «подведомственного» населения в трех основных сферах: лексике (например, приняв новые формы повседневного межличностного обращения: «гражданин», «товарищ»), организации пространства (переименование населенных пунктов, построение или снос памятников, зданий, стен, дорог и иных коммуникаций) и времени (введение нового календаря (например, после французской революции)). Новые обстоятельства формируют новую реальность повседневной жизни жителей страны, в том числе, членение пространства и времени, и удерживают их от желания сменить политическую власть, поскольку это трансформировало бы обстоятельства жизни, привычные границы бытия любого гражданина страны.

Неслучайно в России принятие того или иного поясного времени по российским законом находится целиком в компетенции Правительства РФ и мнение населения, и даже органов местного самоуправления территорий, может в данном случае никак не учитываться (Постановление №1706 ВС РСФСР от 23.10.1991).

Весной 2010 года предложения Президента обрели реальность. В день перехода на летнее время в некоторых регионах страны стрелки переведены не были, что привело эти регионы в другие часовые пояса. Исчезли двенадцатый (пояс сменили Чукотка и Камчатка) и четвертый (Удмуртия и Самарская область). Учитывая тенденцию и познакомившись с картой поясного времени в регионах России, можно предположить, что будут постепенно ликвидированы четные часовые пояса, которые приняты в не-

большом числе регионов. Они исчезнут, а входящие туда регионы будут переведены в соседние пояса. Например, в четвертый часовой пояс (UTC +4) сейчас входят лишь Самарская область (3,2 млн жителей) и Удмуртия (1,6 млн), в шестой (UTC +6) — Омская (2,1 млн), Томская (1,0 млн) Новосибирская (2,7 млн) области и Алтайский (2,6 млн) край, в восьмой пояс — Иркутская область (2,4 млн), и Бурятия (0,9 млн).

Судя по всему, предложения Президента затронут население именно этих регионов. Всего в них проживает почти 17 миллионов человек. При кажущейся поверхностности и вторичности проблема исчисления времени представляет собой один из фундаментальнейших аспектов жизни, как отдельного индивида, так и общества в целом.

Так, произведенная в 1989-91 гг. попытка перевести Самарскую область в третий часовой пояс закончилась неудачей — письма возмущенных граждан, недовольных этим шагом, заполнили страницы газет и эфир радио и телевидения. Тогда пришлось отказаться от идеи, находившей у другой части населения полное одобрение. Причем идея перехода имела дополнительный стимул, так как предлагался переход не в какой-то абстрактный часовой пояс, а в тот, где находится Москва. В то время на московское время перешли почти все регионы европейской части страны. В 1997–1998 и 2008 годах идея перехода на московское время также обсуждалась, но поскольку доля неприемлющих такой переход почти за 20 лет не уменьшилась, она и не была реализована.

Тема сокращения (как и изменения вообще) числа часовых поясов затрагивает вопросы экономической и политической целесообразности перехода, в то время, как основным вопросом является то, насколько население готово к нему и считает предлагаемую систему исчисления более удобной и приемлемой для себя. Немаловажно и то, насколько целесообразным для региона, его экономики и отдельных сообществ, представляется его жителям смена часового пояса.

Мы использовали два признака отношения к изменению исчисления времени в регионе: индивидуальную приемлемость и социальную оправданность. Первый признак учитывает отношение отдельного индивида к смене пояса, второй — то, как этот индивид оценивает полезность/вредность такого перехода в целом для региона. Очевидно, что эти признаки могут существенно отличаться друг от друга: пенсионеру может быть лично безразлична смена пояса, но он может считать ее полезной для региона. А домохозяйка может считать переход вредным для себя, но не знать, как это скажется на обществе в целом.

В 2010 году треть (33%) жителей Самарской области полагали, что переход на московское время будет благоприятным для региона в целом¹. Примерно четверть (24%) жителей области считали, что этот шаг будет неоправданным для Самарской области. Остальные затруднились с ответом. Как видим, численность на одного сторонника перехода приходится примерно один противник такого шага. При этом предполагается, что в отличие от выборов, или многих иных политических решений, поясное время меняется **НАВСЕГДА**, что будет заставлять несогласные с этим группы действовать более активно, чем в любом другом случае. Наконец, в отличие от выборов, результаты которых затрагивают далеко не всех избирателей, смена время исчисления повлияет на всех без исключения жителей региона. Иначе говоря, способы реализации политических решений, принятые в современной России на электоральном уровне, не обязательно будут столь же эффективны в других сферах общественной жизни.

Основанием для таких сомнений является устойчивость отношения населения региона к смене часового пояса. В 1998 году численность сторонников московского времени составила 35%, а в 1991 году она была 35%. Как видим, доля сторонников за почти два десятка лет, т. е. при разных губернаторах и президентах, осталась почти без изменений. А вот доля противников перехода в другой пояс растет: в 1991 году она составила 19%, 1998 — 26%, сейчас — 30%.

Индивидуальная приемлемость также не отличается высокой изменчивостью. За десять лет наблюдений численность сторонников смены часового пояса колебалась между 47% и 39%, а численность сторонников — между 24% и 29%. Таким образом, при общем доминировании сторонников перехода в московский часовой пояс доля противников остается весьма существенной. А их соотношение — очень устойчивым во времени. Напомним, в прошлом веке это заставило местные власти вернуться к прежнему времени исчисления.

Тогда народная наука легко приписывала изменению режима светового дня не только повешение аварийности на дорогах, увеличение затрат электроэнергии на освещение жилых и рабочих помещений, но и падение урожайности полей, яйценоскости кур и прочие слабо проверяемые

---

¹ Опросы проводились Фондом социальных исследований (г.Самара) по репрезентирующей население Самарской области выборке. В период с 1991 по 2008 год исследования проводились по заказу различных органов региональной власти, в 2009-2010 гг. — по собственной инициативе. Объем выборки в опросах колебался от 1000 до 3000 респондентов.

гипотезы, а также и вовсе непроверяемые — учащение головных болей у конкретного жителя области, протестующего против введения нового режима времени. В этой связи власть должна быть готова «взять на себя» всю головную боль за возможную активную оппозицию предлагаемой «оптимизации» управления страной.

Важной особенностью отношения общественного мнения к переходу на московское время является сезонность этого отношения. Оно реагирует на актуальную в момент опроса длительность светового дня. Поэтому наиболее благоприятное соотношение численности одобряющих и неодобряющих переход меняется в зависимости от того, когда перед жителями региона ставится выбор. Так, доля индивидуально приемлющих переход возрастает до 43% в августе и падает до 36% в ноябре.

Предложение Президента, хотя и мотивировано технократически (упростить и удешевить управление страной), представляет собой очевидную попытку создать новую временную реальность для жизни более полутора десятков миллионов россиян в удаленных от Москвы регионах. И поэтому будет встречать существенное сопротивление со стороны недовольного меньшинства (по крайней мере, в Самарской области).¹

При этом, как показывает опыт Самарской области, основной вал недовольства принятым решением наступает не на следующий день после перехода на новый режим, а примерно через год после него. Всякое негативное происшествие общественное мнение будет связывать с новым временем исчислением, и если власть не будет готова к этому, недовольство частным решением будет переноситься на власть в целом и ее конкретных представителей.

Решение ввести московское время в Самарской области весной этого года позволило активизироваться некоторым кандидатам на выборах мэра города, которые пройдут осенью аккуратно накануне отмены летнего времени и скачкообразного уменьшения светового дня вечером. В момент острой политической дискуссии блог основного критика введения московского времени на территории региона и одного из депутатов областного законодательного собрания стал пятым в общероссийском рейтинге Интернет-ресурсов российских чиновников по версии сайта gosludi.ru. Кроме этого, получила поддержку инициатива одного из самарских Интернет-

---

¹ Согласно данным компании «Социосервис» 41% жителей Кемеровской области сочли социально оправданным переход региона из седьмого в шестой часовой пояс, 28% — нецелесообразным, 33% не имеют однозначной позиции. <http://news.frantob.ru/news/2009/01/22/106.htm>

пользователей на ресурсе girus.ru. Там под обращением к председателю правительства РФ не вводило на территории области московское время к середине апреля 2010 года (т. е. примерно два месяца после принятия решения о переходе) подписалось уже более 13 тысяч жителей области.

Непосредственно до и после перехода Самарской области на московское время жители региона выразили свое отношение к этому шагу непосредственно его инициатору — президенту РФ Дмитрию Медведеву, используя его блог. В период с 18 ноября 2009 по 8 апреля 2010 года в видеоблоге Президента РФ¹ было оставлено примерно 44 комментария от 27 жителей Самарского региона. Внимание блогеров привлекли «Послание Президента Федеральному Собранию по сокращению часовых поясов» и переход Самарской области во второй часовой пояс — на московское время.

Естественно, блог главы государства щедро модерировается и, вероятно, наиболее эмоциональные посты из него удаляются. Тем не менее, комментарии лишь 3-х из 30-ти блогеров носят позитивный характер. Какие аргументы предъявило инициатору сокращения часовых поясов активное меньшинство противников перехода Самарской области на московское время. Начнем с того, что сама идея «сокращения часовых поясов» воспринимается как «безумие», а переход самарской области во второй часовой пояс как «абсурд».

Первым среди аргументов «против» следует отметить **«ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОСТЬ»** перевода. Люди будут «лишены возможности жить по реальному солнечному времени». Сюда же можно отнести «странность» нового положения вещей, когда «наша область будет иметь одно время с регионами находящимися за тысячу километров», в то время, как «с соседями разница во времени будет составлять 2 часа».

Введение московского времени на территории самарского региона, прежде всего, означает **СМЕЩЕНИЕ СВЕТОВОЙ ЧАСТИ ДНЯ**, более **РАННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ТЕМНОТЫ** в вечернее время суток. Осознание населением того, что в связи с переходом в новый часовой пояс они будут терять «световые часы» для противников московского времени уже само по себе является аргументом против этого перехода. Так, например, *«ранее плюсы самарского времени особенно ощущались на контрасте с Татарстаном, где зимой выходили из офиса по темноте»*.

Прямым следствием «жизни в темноте» является **РОСТ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ**, а, следовательно, **И РОСТ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ**. Об

---

¹ <http://blog.kremlin.ru>

этом пишут и «беспокоятся» многие из участников блога и даже прогнозируют рост «потребления электроэнергии в Самарской области процентов на 10 минимум в летнее время». Таким образом, рост затрат на электроэнергию — еще один аргумент против введения московского времени.

Следующими факторами, определяющим неприятие московского времени, является **НЕБЕЗОПАСНОСТЬ НА УЛИЦАХ ГОРОДА** в темное время суток, обеспокоенность в этой связи «за детей идущих в школы», рост числа дорожно-транспортных происшествий.

Кроме того, жизнь в новом часовом поясе означает, что у населения **СОКРАТИТЬСЯ ВРЕМЯ** вечернего активного и комфортного **ДОСУГА**, под которым понимается выезд на природу, на дачи, прогулки в парках, посещение набережной и т. д. Отсутствие возможности иметь «полноценный досуг», с одной стороны, лишает население «естественного оздоровления», с другой стороны, «нарушает его конституционные права на полноценный отдых». «Ранний заход солнца» приведет к тому, что люди, будут вынуждены более пассивно проводить свое свободное время — «темнеть будет рано, и люди будут сразу идти домой, сидеть перед телевизором».

ИСТОРИЯ с введением **МОСКОВСКОГО ВРЕМЕНИ** на территории Самарской области в **1989-91 гг.** также стала аргументом против повторной попытки. То, что население самарского региона уже однажды «не захотело» жить по московскому времени, по мнению участников, является весомым аргументом против перехода во второй часовой пояс. Сегодня «политики» вновь «наступают на те же грабли», будоража, и нервирую народ. «Неучтенность прошлых ошибок при принятии решения о введении московского времени», да и сам факт принятие настолько «непопулярного» решения властями, в том числе вредит и им самим.

Приведенные выше возражения касались самого факта перехода. Другая группа аргументов объединяет тех, кто не согласен с процедурой и условиями перевода региона в другой часовой пояс. Так, еще одной темой комментариев данного блога стали обвинения в адрес политиков Самарской области и Губернской Думы. Они обвиняются в «**КЕЛЕЙНОСТИ**» своего решения, обвиняются блогерами в «**НАРУШЕНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ**». Также политикам вменяется в вину «**ЧИНОПОКЛОНСТВО**», стремления «угодить» и пойти самым простым путем — «изо всех тем затронутых в Вашем послании, была выбрана самая **ПРОСТАЯ В РЕШЕНИИ** — о сокращении часовых поясов».

Нарушение очевидных для участников блога принципов принятия важных решений приводит их к утверждению, что данное решение является

«**НЕПРОДУМАННЫМ**» и снижает доверие властям. Самарцы называют его «**ПОСПЕШНЫМ И НОСИЛЬНЫМ**», «**БЕЗ ОБОСНОВАНИЙ НЕОБХОДИМОСТИ ТАКОГО ПЕРЕХОДА**», «**БЕЗ ШИРОКО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ**». По мнению противников перехода, решение данного вопроса должно быть всенародным и отсутствие референдума — еще один довод против перехода на московское время. Следует отметить, что доводы сторонников московского времени противниками не считаются вескими и обоснованными.

Таким образом, при доминировании позитивного отношения к смене часового пояса населения одного из ключевых российских регионов, на протяжении почти двух десятков лет сохраняется значительная доля противников такого перехода. Причем, как показывает опыт двух попыток перехода на московское время в 1989-91 гг. и в 2010 г., это меньшинство представляет собой активную социальную группу, способную в течение долгого времени сохранять актуальной тему обсуждения в общественном мнении. При этом одним из главных аргументов противников и тогда, и сейчас стала поспешность принятого решения.

**СЕКЦИЯ 4
ПРАКТИКИ, ТРЕБУЮЩИЕ
ВНИМАНИЯ СОЦИОЛОГОВ**

Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития

Актуальность темы

Интерес к изучению имперского опыта и наследия очевиден. Тематика становления, развития, проблем трансформации империй имеет обширную литературу. Изучены особенности империй Нового времени (Британской, Французской, Испанской, Российской — включая СССР), динамика их трансформации. Нароботан некий набор характеристик империй, противопоставляющих их другим формам государственного устройства. Вместе с тем выявились и остаются слабо изученным ряд проблем, связанных с парадоксальной неоднозначностью имперского и постимперского исторического опыта.

Имперская парадоксальность

В отечественной — и не только — историософии империи связываются с колониальными захватами, экспансией (империализм), империалистическими войнами, угнетением народов... Имперская экспансия осуществляется с претензией на глобальные масштабы — в отличие от «нормальной страны» с государством — «ночным сторожем». Помимо стремления к экспансии в набор характеристик империй обычно включаются также: полиэтничность с доминированием одного этноса, силой удерживающего другие — в этом империи противопоставляется национальное государство с единым гражданством; наличие центра и периферии (провинций, колоний) — этим империи отличаются от унитарного государства, федерации; автократия в сочетании с беспорядком населения — в отличие от демократии и гражданского общества. Не оспаривая эти квалификации, тем не менее, нельзя не признать неоднозначность, если не парадоксальность исторической роли империй.

Цивилизационная роль империй

Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Можно утверждать, что прорывы и «разливы» цивилизации в истории осуществлялись именно империями. Несомненен цивилизационный вклад Римской империи, в Новое время великие культуры оставили Британская империя, империя Габсбургов. Недолгий век наполеоновской империи оставил заметный вклад: от распространения метрической системы и «кодекса Наполеона», легшего в основу ряда европейских конституций, до правостороннего движения, введенного Бонапартом в пик Британии. Даже империя Чингизидов оставила после себя не только несколько долговременных династий с определенной системой государственного управления, но и эффективную систему почтового сообщения на просторах Евразии.

Кроме того, надуманной и несостоятельной представляется дилемма «империи — национальные государства». С точки зрения идентичности, культуры все империи — включая дореволюционную Россию и СССР — уже были в той или иной степени национальными государствами со своей национальной идентичностью.

Империи и толерантность

В постимперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению, гуманитарного развития, личностной реализации. Не случайно М.Уолцер — один из крупнейших теоретиков современного либерализма, рассмотрев все исторические формы государственности, пришел к удивившему его самому выводу, что наиболее толерантными из них были империи.¹ В империях представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и прочие карьеры, которые просто немыслимы в условиях национальных государств.

Представляется, что недавно чрезвычайно модная и оказавшаяся столь плохо продуманной тема толерантности является производной от процесса глобализации и может получить новую глубину и практическое наполнение именно в контексте постимперской политической культуры.

Империи и глобализация

---

¹ См. Уолцер М. О толерантности. М., 2000.

Мало изучена (хотя и отмечена) связь империй и глобализации. Дело в том, что претензия имперской экспансии на глобальные масштабы позволяет рассматривать их как глобалистские проекты, претендующие на общечеловеческую универсальную культуру, выступают ростками («пробами пера») глобализации, создавая надэтническую и надконфессиональную политическую культуру.

Тем самым открываются новые перспективы рассмотрения самой глобализации, ее содержания — с точки зрения имперской культуры. Это тем более актуально в настоящее время, когда новые национальные государства (не только «неудачные») остро нуждаются в наднациональном патронаже для своего социального и экономического развития.

В этой связи сама глобализация приобретает несколько иной смысл и глубину: как выход к общемировому цивилизационному «фронтиру». Не интегрированные на этом уровне страны и народы оказываются на обочине мирового развития. И речь идет не столько об экономике и технологиях, сколько именно о развитии социальном, о качестве жизни.

Но и в этом плане именно особенности имперской и постимперской культуры оказываются ключом к пониманию современной ситуации.

Имперская культура как колыбель и background либерализма

В этой связи становится особенно понятно то, почему либерализм вызрел и развился именно в контексте имперских культур Британии и Франции. США взяли этот комплекс идей уже в качестве «готового продукта».

Хорошо известно, что социальной базой формирования и продвижения идей и ценностей либерализма является, прежде всего, научная среда.¹ И дело даже не в исторических реалиях, таких как связь либерализма с философией позитивизма и утилитаризма. Сами эти реалии порождены глубокой и интимной укорененностью идей свободы и ответственности в научной деятельности.

Для науки, для научного осмысления действительности, для научной картины мира, в отличие от религии, мифа, искусства, идеологии, такими ориентирами и критериями являются объективность, строгость, точность, непротиворечивость и т. д. В этом плане науку можно рассматривать как общецивилизационную и общечеловеческую школу рациональности, объективности и толерантности.

Эта роль обусловлена рядом особенностей научной деятельности:

---

¹ Тульчинский Г.Л. Наука и культура толерантности // Философская и правовая мысль. Вып.3. Саратов-СПб, 2002. С. 105-113.

культурой научной аргументации, вынуждающей оппонентов принимать некие общие принципы и критерии, такие как логичность, непротиворечивость, фактологическая доказательность, возможность математического расчета;

признанием верховенства неких общих оснований (законов природы);

практикой экспериментирования, демонстрирующей возможные следствия и, тем самым, ответственность экспериментатора.

Научная строгость предполагает, что все положения научной дисциплины должны быть обоснованы и логически согласованы. Но при этом нельзя забывать, что каждая конкретная наука может достигать целей обоснованности и логической связности своим особым способом. Поэтому научная объективность признает конкретную ограниченность справедливости каждой из возможных точек зрения. И именно благодаря этой нейтральности и толерантности наука очертила область рассуждений, в которой можно достигать взаимопонимания и сотрудничества независимо от различных интересов, идеологических и политических взглядов, религиозных убеждений и прочих мотиваций и установок. И либеральная идеология может опираться только на сознание этой относительности человеческих знаний и стремлений, влекущее обязанность уважать всех людей и свободу, предполагая разумно (рационально) выстроенный скептицизм и критицизм.

Более того, ценность науки как раз и состоит в возможности признать некие утверждения в качестве истинных или ложных независимо от авторитета и властных возможностей людей, высказывающих эти утверждения. И это великое благо для цивилизации, которое дала последней наука.

Обоснованность и строгость научного знания имеют еще и другую сторону: полноту и точность. Оно стремится выработать все более целостную картину мира, в которой мир предстает системой взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Но тогда, чем более глубокое и полное знание вырабатывается наукой, тем глубже и полнее ответственность носителей этого знания. Более того, концепции и результаты научно-технической деятельности выступают своеобразными провокаторами нравственности, ставя перед нею все новые и новые проблемы в силу все более глубокого проникновения в причинно-следственные связи. Но и с этой точки зрения наука оказывается отличной школой ответственности и толерантности, вынуждая исследователя соотносить свои цели и намерений с возможными последствиями для окружающей природы, общества, других людей.

Нетрудно заметить, что само построение мировоззрения либерализма строится в нормативно-ценностной системе, близкой имперской: главен-

ство закона, признание многообразия и терпимости к нему, в рамках этого закона.

Кроме того, не следует забывать, что и сама наука для своего развития предполагала и предполагает мощные ресурсы, которые могли дать только империи

Все это, кстати, было весьма наглядно продемонстрировано на примере правозащитного движения в СССР. Научно-техническая интеллигенция по данным авторитетных и обстоятельных социологических исследований в советское время была наиболее продвинутой («опережающей») социальной группой¹. Практически все социально-культурные нововведения (от авторской песни до оздоровительного движения и от самиздата до видео) инициировались и осуществлялись научными работниками и ИТР занятыми в непроизводственной сфере. Свободомыслие в этой среде было наиболее аргументировано, рационально², позитивистски ориентировано, в наибольшей степени тяготело к классическому либерализму, выдвинуло такие яркие фигуры общенационального масштаба как В.С.Есенин-Вольпин, А.Д.Сахаров. С. А.Ковалев. Не случайно и большое количество нынешних успешных предпринимателей являются выходцами именно из этой социальной группы. К сожалению, в интересующем нас плане, постперестроечные реалии лишили эту социальную среду ближайших перспектив — оказались подорванными сами физические условия существования этой среды, которая могла стать основой действительного возрождения страны. И дело не только и не столько в пущенном на ветер научно-техническом потенциале, сколько в потенциале интеллектуально-нравственном, имевшейся критической массе социальной базы реформ, оставшейся невостребованной «реформаторами».

Даже такой эскизный набросок выявляет далеко не однозначную историческую роль империй и имперской культуры, ее несомненный потенциал в плане модернизации и инновационного развития.

Обратимся к примерам совсем недавней истории и настоящего...

Зарубежный сравнительный опыт постимперскости: ресурс и барьер развития

---

¹ Художественная культура и развитие личности. М., 1987; Фохт-Бабушкин В.У. Художественная культура: проблемы изучения и управления. М., 1986.

² В этом плане специального внимания заслуживает роль советского логического научного сообщества и распространения логического образования, интереса к методологии науки. См. Тульчинский Г.Л. Логическая культура и свобода. // Философские науки. 2009, № 4. С. 46-61.

Нередко отмечается степень конструктивности различного имперского наследия (например, британского — в сравнении с испанским и французским). И дело оказывается именно в различных культурах¹, соответствующих «культурных барьерах»². Рассмотрим несколько наглядных и убедительных примеров значения постимперского культурного опыта.

«Загадка Эспаньолы»

Л.Харрисоном детально описан «феномен Эспаньолы». В России более известно другое название этого одного из четырех Больших Антильских островов — Гаити. На нем расположены два государства: Республика Гаити и Доминиканская Республика. Остров один и тот же, климатические условия — тоже, обе страны щедро одарены плодородными землями, сельское хозяйство долгое время базируется на одной и той же культуре — сахарном тростнике, на плантациях которого трудились рабы, завозимые из Африки. Этнический состав населения обеих стран фактически один и тот же. Независимости обе страны добились в XIX столетии практически одновременно. Гаити — бывшая французская колония, Доминикана — испанская.

В первой половине XIX века Гаити была гораздо сильнее и богаче Доминиканы, однако сегодня это самая бедная страна Западного полушария, заметно уступающая в развитии своей соседке. Упадок Гаити виден невооруженным глазом при пересечении границы по земле, но особенно — с воздуха.

Тщательный анализ показывает два решающих обстоятельства столь разительных отличий. Во-первых, доминирование в Гаити анимистической религии вуду, завезенной рабами из Африки в отличие от католической Доминиканы. И во-вторых, жестокое обращение с рабами в Гаити французских плантаторов и администрации, после ухода которых политические режимы в Гаити тоже не отличались гуманизмом — достаточно вспомнить таких многолетних диктаторов как Ж.-Б.Аристид и Ф.Дювалье. Политический режим в Доминикане был более мягкий, плантаторы не-

¹ Hofstede G. Culture's Consequences. L.: SAGE Publications, 2001; Culture Matters: How Values Shape Human Progress. / ed.by L.Harrison, S.Hantington. N.Y.: Basic Books, 2000; Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: МШПИ, 2002; Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008.

² Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2009.

редко жили в одних домах с работниками. Именно эти социально-культурные факторы, в конечном счете и привели одну страну к превращению в одного из главных мировых поставщиков тростникового сахара и туристический центр, а другую — к национальной катастрофе.

Сингапур — ШриЛанка: ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него

Этот «компаративистский кейс» дает не менее убедительные примеры. Цейлон, получивший при достижении независимости название Шри-Ланка — был любимой жемчужиной в короне британской империи. Британия сдавала этот райский уголок «под ключ».

Сингапур получил независимость в составе Малайзии, и за отделение от нее не боролся. Наоборот — получившая независимость этнически однородная (малайцы) мусульманская Малайзия с удовольствием отбросила депрессивный ошметок — Сингапур, гиблый бесперспективный порт — экологическую клоаку, жители которого представляли несколько различных этносов: конфуцианских китайцев, мусульман малайцев, индусов и небольшое количество христиан. И в течение 15-лет Сингапур под руководством Ли Куан Ю вышел к цивилизационному фронтиру.¹ А в наши дни по всем показателям этот город-государство является цивилизационным и экономическим форпостом. За счет чего? Прежде всего, за счет сознательной ставки на культурное наследие Британской империи: на британское законодательство, и в качестве государственного и административного языка был взят английский — вплоть до полного перевода на него системы образования, вплоть до действовавшего в колониальное время китайского университета. Это решение Ли объяснял тем, что если этого не сделать, мы в образовании сразу будем отставать минимум на полтора десятилетия. В страну были приглашены ведущие транснациональные корпорации, что обеспечило создание рабочих мест и освоение передовых технологий. Лучшие студенты направлялись на учебу при господдержке в вузы Британии и США. В экономической политике была сделана ставка на высокие технологии и создание в Сингапуре нового мирового финансового центра. Правительство всячески поддерживало и стимулировало приобретение и строительство гражданами собственного жилья. И, наконец, национальной идеей стала чистота. Брошенные окурки, жвачка карались штрафами

---

¹ См. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира — в первый. М.: МГИМО, 2005. Также см.: Тульчинский Г.Л. Сингапур: персонифицированный менеджмент успешного проекта нации // Управление: интеллект и субъективность. СПб: СПб ГПУ, 2002. С. 39-40.

до тысячи с лишним долларов. Если у нарушителя не было таких денег, он их отработывал на уборке города. И результат был получен — в течение полутора десятков лет из нескольких этносов была создана новая нация.

В благословленной Шри-Ланке вектор развития оказался противоположным. Введение в качестве государственного сингальского языка не только существенно затормозило подготовку квалифицированных специалистов, но и дало толчок противостоянию сингалезцев и тамилгов, приведшему к затяжной и разрушительной гражданской войне, правительственной чехарде. И в настоящее время Шри-Ланка представляет собой глубокую периферию мировой экономики.

И здесь постимперское культурное прошлое сыграло свою роль. В случае Сингапура сознательна ставка на имперское культурное наследие полностью себя оправдало. Во втором — отказ от него привел к серьезным проблемам, если не к краху.

Израиль: вынужденная имперская роль

Любому, побывавшему в современной Палестине, т. е. фактически — Израиле, бросается в глаза перемешанность культур и этносов — как в пространстве, так и во времени. Храмы греко-православные, РПЦ и зарубежной русской православной церкви, коптские... Бенедиктинские и францисканские... И все рядом, в одном городе, на одной улице. Храмовая гора с эпохой на эпохе и религией на религии. Стены из камня разных эпох. Стены храмов одной религии из камней храмов другой. Шесть христианских конфессий в храме Гроба Господня, который отпирает и закрывает мусульманин из той семьи, которой это было поручено еще Саладином 800 лет назад. Тот принял это мудрое решение, справедливо предвидя, что иначе греки, католики, копты, ассирийцы и прочие передерутся из-за прав на святыню. И это при специфике еврейства, различающемся даже не столько на ашкенази и сефардов, сколько на ортодоксов, светских и явный советско-постсоветский совок. Причем — во всех возрастах. Безоговорочная в этой ситуации роль и необходимость имперской власти — надэтнической и внеконфессиональной.

А отсюда — понимание истории и проблем израильского государства. Полубредовая, утопическая идея Герцля и Вейцмана, сионизм как таковой не были приняты ортодоксами иудаизма, и до сих пор не принимаются. Еврейская эмиграция со всего мира стремилась в США и Канаду. В Палестину заезжали считанные тысячи. Да и идея-то была: заселить Палестину бедными евреями из Восточной Европы на деньги богатых евреев Европы Западной, а потом и Америки. Идея колониалистская и реализовывшаяся

за счет романтического энтузиазма восточноевропейской еврейской бедноты, осваивавшей выкупаемые на деньги Ротшильда болота и пустоши.

Решающая роль Холокоста, когда в Европе из 7,5. млн евреев погибли 6 млн. В одной Польше — 3 млн. И послевоенные толпы евреев в лагерях перемещенных лиц, которых

отказывались принимать. Получалась одна дорога — в Палестину. И создавать свое государство. Сами собой отпали обсуждавшиеся Уганда, Австралия, Аргентина. Кроме того, Холокост создал ситуацию вины перед евреями, которую надо было как-то искупать.

Слишком очевидны были такие факты как противодействие иммиграции, отказ от бомбардировок инфраструктур лагерей уничтожения, от поддержки варшавского восстания. И — поддержка Сталина, которому в создании еврейского государства именно в Палестине привиделась контригра против Британии и США в борьбе за сферы влияния на нефтеносном Ближнем Востоке. Да еще под идеологически-пропагандистким прикрытием освободительной борьбы с британским империализмом и колониализмом. Если бы не Холокост и поддержка Сталина, решение ГА ООН 1947 года не состоялось бы никак.

Создание Израиля — одна из трех успешных попыток создания нации. Именно как проектов. Но принципиальное отличие Израиля от США и Сингапура в этничности. Там не было этничности, там она преодолевалась. Особенно явно и сознательно — в Сингапуре, где из конфуцианцев-китайцев и мусульман малайцев, а также индуистов и христиан

была создана единая нация — на основе государственного английского языка и сознательно надэтнической политикой в экономике, образовании, формировании административных органов. В Израиле во главе угла этничность. Это попытка создания имперского государства, но на этнической основе, что весьма проблематично. В Палестине эффективной м.б. только имперская власть — надэтничная и надконфессиональная. Турки и Британия справлялись. Не даром до сих пор в Израиле пользуются турецкими законами на недвижимость. И Израиль неплохо осуществляет функции имперской власти. Но беда в том, что при этом претендует на этническое государство.

Отсюда и все проблемы — как бывшие, так и будущие. А они будут. Ситуация меняется на глазах. Раньше шапкозакидательство, отсутствие единства, клановая разобщенность были присущи арабам, которые просто не верили в возможность такой несправедливости, когда при их более чем двукратном превосходстве в численности, полном контроле над городами и при полной поддержке окружающих стран, могли превзойти на земле,

которой они владели полтора тысячелетия. Потому они и проиграли три войны. Теперь все наоборот. Разброд и шатания в Израиле на фоне единства с харизматическими лидерами у мусульман. Неудача с Хезболлой очень показательна. Надежда только на последствия шока неудачи, на способность делать правильные выводы. Раньше потрясающе сvezло. Начинаются исторические будни.

И во всех рассмотренных случаях речь идет о нетривиальной роли и значения имперской и постимперской культуры в становлении и развитии современного открытого общества. Очевидно, не являлась исключением из этого ряда и культура Российской империи.

Российские непонятки: постимперские культурные барьеры модернизации

Россия — фактически первая в истории «развивающаяся» страна, в том смысле, в каком этот термин принят в настоящее время, в применении к странам, вступившим на путь модернизации вслед за странами — трендами. На этот путь Россия встала раньше Японии, Турции, Индии... В этом плане ее проблемы, т. н. «барьеры», затрудняющие ее выход к цивилизационному «фронтиру», достаточно типологичны.

Когда речь заходит о модернизации, то следует различать внешние и внутренние факторы, способствующие или затрудняющие ее реализацию. К внешним факторам относятся обстоятельства, связанные с возможностью заимствований передовых практик, развития партнерских отношений. Если эти условия не выполнены и страна оказывается в окружении врагов, как например, николаевская Россия накануне и во время Крымской войны, модернизация практически невозможна, и требуются какие-то сверхусилия вроде советской индустриализации, фактически, надрывающие экономику и общество.

Еще более важны факторы внутренние: создание социальной базы модернизации, образование и просвещение, формирование новой элиты, социальных институтов эффективных заимствований и реализации собственных наработок.

В этом плане культурные барьеры модернизации в России сохраняют устойчивость вот уже два столетия.¹ Перечислим хотя бы главные...

Собственность

В России до сих пор остается не развитой, как и право — ее гарант. Страна неспроста во уже два столетия не может пройти эффективного пер-

---

¹ Подробнее см.: Ясин Е.Г. Снеговая М.В. Тектонические сдвиги....

воначального накопления. За это же время в стране 5 раз радикально менялись собственники. Сначала не только аристократы, но и интеллигенция не признали «Лопахиных» закончилось это национализацией 1918 года. За этим последовали раздача земли крестьянам, НЭП, а потом — «великий перелом»: раскулачивание, коллективизация... И, наконец, — «прихвачивание» 1990-х. И все это в исторические мгновенные сроки. В результате — не уважается ни собственность, ни собственник («какое оно твое», «я помню, как оно было не твоим», «я хорошо помню — как оно стало твоим»).

Принципиально и то, что в России так и не сложилась реальная рыночная экономика, в которой собственность легко переходит к более эффективному владельцу. В России же вопрос о смене собственника не может быть решен без вмешательства власти. При этом сама власть выступает не столько гарантом защиты собственников, сколько в качестве главного собственника, активно делящего и переделывающего собственность других.

До сих пор роль государства в экономике понимается как мобилизация ресурсов для некоей «новой мощи», но никак не наращивание конкурентоспособности.

Отсутствует и рациональная стратегия освоения новой географии (транспорт, размещение производств, трубопроводов, развитие курортного дела, туризма), ведущего к развитию полноценной инфраструктуры. Вместо этого мы имеем амбициозные проекты зимних олимпийских игр в Сочи, неадекватные траты Газпрома (на футбольные клубы в России и за рубежом, строительство странных зданий...).

Города

Российские города возникали и развивались не столько как центры ремесел и торговли, сколько как опорные пункты власти. При этом само производство осуществлялось преимущественно казенных мануфактурах. Основные работники — крепостные, а управляющие — либо также крепостные, либо откупщики, не имевшие права покупать работников.

Социальная база модернизации

В России на протяжении всей ее истории попыток модернизации, инноваций и «догоняний-перегоняний» это не буржуазия и средний класс, а чиновники и прочие «служилые люди». Образованное сословие не включено в непосредственный процесс производства.

Идеология

Особенно остра и парадоксальна применительно к современной России тематика постимперского наследия. В советское время это имперское наследие было использовано достаточно эффективно для целей индустри-

ализации. Но этот комплекс оказался совершенно неадекватным в условиях постиндустриального, информационного и постинформационного общества. И в результате страна оказалась отброшенной далеко назад на позицию сырьевого придатка развитых, да и других развивающихся стран... Самое печальное заключается в том, страна идет по кругу, воспроизводя тот же комплекс на новом витке истории: опора на госкорпорации, неразвитость жилого фонда и рынка жилья, делающая невозможными переезды работников, привязанных к месту жительства. Одна проблема многогородов чего стоит!

С одной стороны, в политической риторике проявляются новые имперские амбиции, отказ от «нормальной истории», поиски «особого пути» («Проект Россия», евразийство и проч.). Риторика экспертов дополняется агрессивной пропагандой и политическими действиями, ведущими ко все большей изоляции страны, поисками и созданием «врагов»: Прибалтика, Грузия, Украина, на очереди Белоруссия... И это не просто «фантомные» боли. Дело идет к формированию мобилизационного общественного сознания на основе запугивания и некоего «реванша», подготовки молодежи на пушечное мясо.

Одновременно, с другой стороны, демонстрируется явная растерянность и противоречивость перед этой темой сторонников либерализма, хотя сам либерализм, как уже отмечалось, возник именно в имперском общественном сознании, порожден соответствующими культурам. Неостребованность российского либерализма, перспективы его укоренения в российском духовном опыте — тема, заслуживающая самостоятельного и обстоятельного разговора. Однако факт, что новый российский либерализм стоит перед серьезной задачей выработки отношения к имперскому наследию: сознанию и культуре.

Российские непонятки: постимперское культурное наследие как ресурс инновационного развития

Поиск конструктивного содержания постимперского наследия затруднен несообразностями в концептуальном и идейном аппарате такого поиска и осмысления. А путаница понятий ведет в тупики несостоятельности политического дизайна и его наполнения.

Например, во внутренней политике: современная Россия это переходная форма к нации-государству? Или многонациональному — чему? Неспроста федерализм оборачивается то этнофедерализмом, то декорацией унитаризма.

В этой связи показательно и поучительно сравнение имперского опыта дореволюционной России и СССР. Национальная политика в Российской

империи строилась на культивировании русской нации, включавшей в себя великороссов, украинцев и белорусов. Этот суперэтнос позиционировался в империи как доминирующий. Остальные этносы воспринимались как подлежащие «окультуриванию» и ассимиляции. Культурная автономия, традиционные институты (религия, образование на родном языке, общинная самоорганизация) допускались, но периодически ограничивались. Ярким примером может служить царская политика относительно еврейства.

Советская национальная политика строилась радикально иначе. Большевики видели в национализме конкурента по мобилизационной идеологии, строящейся надклассово с тенденцией этнизации к национальному самоопределению и государственному суверенитету. Однако по мере укрепления советской государственности эта установка видоизменялась. Партия большевиков, как известно, начинала как партия интернационалистическая, во время I Мировой войны желавшая поражения царской России. А после революции Троцкий, Пятаков прямо квалифицировали национализм как идеологического врага. Но Ленин уже допускал культурную автономию, хотя и противился Сталинскому проекту Советского Союза как союза равноправных наций. Тем не менее, именно этот проект и был реализован. Хотя все понимали, что речь идет только о формальном политическом дизайне, с помощью которого, с одной стороны, нейтрализовывался внутренний национализм: национализм нерусских народов трактовался как реакция на угнетение их царским режимом, порождающая, помимо прочего, недоверие к русскому народу.¹

С другой стороны, — развязывались руки для внешнеполитической игры на т. н. «интернационализме». ВКПб-КПСС делала во внешней политике ставку на поддержку национально-освободительных движений «угнетенных народов», одновременно связывая его с исторически преходящим характером наций. При этом допускалась возможность консолидации наций при социализме в рамках единого государства. Поэтому СССР иногда квалифицируют как «империю положительного действия».² Действитель-

---

¹ Поэтому Ленин призывал к поддержке национализма угнетенных и борьбе с великорусским шовинизмом. Это уже Сталин перешел к борьбе с национализмом на Кавказе и Средней Азии, нараставшему антисемитизму при подчеркивании ведущей роли русского народа. Показательно, что партия, начинавшая свой путь как интернационалистическая, становилась все более националистической, и заканчивает свою историю на позициях откровенного шовинизма.

² Наследие империй и будущее России. М.: НЛО, 2008.

но, СССР оказался первой в мировой истории реализацией модернизационного проекта с поощрением этнонационализма.

Это выражалось в поощрении развития национальных форм. Речь идет не только о знаменитой формуле советского искусства, как «национально-по форме и социалистического по содержанию». Это было сознательное формирование т. н. «социалистических наций». Под союзные республики отдавались целые регионы, вошедшие в состав Российской империи огромной ценой усилий многих поколений — как это было с Казахстаном, Украиной, Литвой, Туркменистаном, Чечней. Создавались национальные округа, советы, колхозы и совхозы... Они наделялись экономическими ресурсами. Строились административные центры. Тормозилась, а потом и вовсе прекратилась русская сельскохозяйственная колонизация на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. Развивались национальные культуры, языки, письменность. Формировались национальные элиты. Причем все эти действия были не вынужденными уступками, а сознательными государственными проектами и программами.

Фактически унитарное государство было структурировано в дизайне многоуровневого федерализма «суверенных наций», да еще с записанным в Конституции правом наций на самоопределение. И за десятилетия закрепились территории, административные национальные элиты. Собственно это и взорвало СССР, когда пустая форма дизайна наполнилась реальным содержанием. Развалили советскую империю именно национальные административные элиты, почувствовавшие все прелести суверенитета и дипломатического паркета.

Опыт национальной политики СССР — убедительный пример того, от какого исторического опыта и наследия надо отказываться. К сожалению, это плохо понимается обществом и политиками. Даже в Конституцию РФ попала советская формула о России как многонациональном государстве! Это бомба, подведенная под самый фундамент конституционного строя. Получается, что граждане РФ не образуют национальное единство, не являются государственной нацией, в которую входят ее народы. В результате десятилетий советской пропаганды и идеологических формул народы и этносы называются нациями, хотя даже в сталинском определении нации записана государственность. И если каждый народ РФ оказывается нацией, то он вправе образовывать свое государство, и РФ не имеет будущего. При этом единственно адекватная формула РФ как многонародной нации вызывает недоумение. Отождествление нации-государства и нации-этноса — не просто теоретическая ошибка, а большая политическая беда

Это наследство политической культуры советской империи ведет в тупик, т. к. оставляет анализ и принятие важных решений без реального понимания ситуации и перспектив.

Примером одного из ответвлений этого тупика являются разговоры о т. н. «кризисе идентичности» граждан современной России.....

Дилемма «империя — нация-государство» оказывается несостоятельной с точки зрения культуры и идентичности: все империи (включая Россию и СССР) уже были в той или иной степени государственными нациями. Собственно, такими же национальными государствами со своим государственным национализмом были и Британская, и Французская, да и любая другая империя. Исторический опыт показывает, что нация и национальная идентичность возникают только в обществе, прошедшем модернизацию, которая, в свою очередь, предполагает новый тип личности.¹

С точки зрения национальной идентичности, в принципе, не так уж и важно — какую форму имеет государство: империя, федерация или унитарная республика... Важно конкретное наполнение национальной идентичности. В нашем случае — «российскости». И это уже является делом конкретной социальной политики и технологии..

Можно сколько угодно высмеивать формулировку «новая историческая общность — советский народ», припев песни «мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз», но такая идентичность была. И именно ее утрата порождает дискомфорт в сознании носителей этой идентичности,² все еще сохраняющей свой консолидирующий потенциал, пренебрежение которым, а тем более высмеивание порождает не только дискомфорт, но и социальное напряжение. Тогда как понимание его природы и возможностей может выступить мощным ресурсом инновационного развития.

Кстати, представительные опросы показывают, что гражданам РФ свойственна именно персонология, основанная не столько на этнической или статусной идентичности, сколько на ролевой и даже проектной.³ Бо-

---

¹ Это подтверждается и российской историей конца XIX — начала XX вв., когда одновременно интенсивно шли как процессы формирования национального самосознания, так и ассимиляции.

² Социальная база этой идентичности достаточно широка. Это не только пенсионеры, бюрократы, силовики, «патриоты», но и «бюджетники» (включая ИТР, ученых), часть молодежи...

³ См. Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян. // Наследие империй и будущее России. М.: НЛЮ, 2008, сс.122-131. О новой персонологии см. подробнее Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности. // Вопросы философии. 2009, № 4. С. 41-56.

лее того, отмечается даже неприятие этничности.¹ Обусловлено это, по мнению исследователей, тем, что для российской национальной культуры характерна именно конвенциональная внеэтническая идентичность, предполагающая принятие единых правил поведения — определения «русскости» не по этничности или даже вере, а по культуре и отношению к России. Для Россиян ведущую роль играет идентичность такими общностями как семья, друзья, земляки, люди того же возраста, профессии, а особенно — людьми тех же взглядов (25-26%), «советскими людьми» (49-52%) и даже — всеми людьми планеты (59-62%).² По мнению Н.Е.Тихоновой именно это объясняет легкость ассимиляции российской эмиграции без образования диаспор и, одновременно, болезненное отношение к мигрантам, образующим обособленные диаспоры и живущим в них по своим правилам, игнорируя традиционные нормы российской культуры.³ Вот оно — эмпирическое подтверждение роли постимперского культурного наследия.

Кстати, фактически наличие такой идентичности признается в юридически активизируемой дискуссии о «постимперском синдроме», которые также являются таким же тупиковым следствием нежелания осмысления постсоветского наследства. Феномен этого «синдрома» связывается якобы с такими последствиями постсоветского развития России, как:⁴

- утрата статусного самосознания принадлежности великой державе;
- усеченность суверенитета;
- опасность утраты культурно-исторических традиций;
- опасность превращения в этническую (фольклорную) общность «у себя дома».

Говорится даже о шизофреничности постимперского синдрома, поскольку он сочетается с облегчением освобождения от ответственности за темные стороны советского империализма, гордостью за цивилизационную миссию СССР, приобщившего свою бывшую периферию к цивилизации. Получается, что «...продление империи грозит исчезновением русских, а снятие империи ставит крест на имперском качестве народа, т. е. отрицает Россию как субстанцию...».⁵

---

¹ Тихонова Н.Е. Наследие империи.... С. 128-130.

² Там же. С. 124-125.

³ Там же. С. 128.

⁴ Кустарев А.С. После понижения в должности — Британия, Франция, Россия. //Наследие империй и будущее России. М.: НЛО, 2008. С. 186-238.

⁵ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Нвсб: Сибирский хронограф, 1999. С. 120.

Между тем, отвечая на вопрос — что было самым трагическим событием в отечественной истории XX века, только ¼ опрошенных назвали распад СССР. По значимости его заметно опередили Великая Отечественная война, сталинские репрессии, война в Чечне. В одном ряду с распадом СССР для россиян — война в Афганистане, Чернобыль, и лишь немного отстали коллективизация и раскулачивание.¹ А среди самых больших достижений нашей страны в XX веке создание СССР упомянули только 28%. Гораздо значимее оказались ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, бесплатная медицина, освоение космоса.²

Более того, почти половина россиян (причем относительно более «продвинутая» и перспективная по критериям возраста и образования) не чувствует себя гражданами России, а великодержавный дискурс вообще неактуален для ¾ городского населения.³ Анализ же опросов населения показывает, что гражданам РФ свойственна апелляция не столько к имперскому прошлому, сколько к утрачиваемой имперской культуре. СССР воспринимается большинством россиян не столько через государственническую, сколько через социально-экономическую призму, как первое государство в истории страны, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь. Даже СССР брежневского времени ассоциируется у них прежде всего с социальной защищенностью, успехами в образовании, науке и технике, доверием между людьми, жизнерадостностью. Ностальгия по СССР связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, с его достижениями в экономике, социальной и гуманитарной сферах, а не с ролью сверхдержавы, противостоящей «американскому империализму».⁴ Доминирующей оказывается не политическая, а социально-гуманитарная составляющая. Причем отмеченные установки и оценки очень устойчивы: в 1995, 2001, 2004 годах они совпали с точностью до 1%.

При этом, по данным тех же опросов перспектива одинокой России вызывает у граждан чувство опасности. Они оказываются заинтересованными во вхождении России в глобализированное мировое сообщество, а не в ее изоляции.⁵ Россиян «...волнует не сама по себе утрата Россией статуса

¹ Тихонова Н.Е. Наследие империи.... С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Тихонова Н.Е. Наследие империи. С. 122-123.

⁴ Там же. С. 106-107.

⁵ Кустарев А.С. После понижения в должности....с.213-214. Показательно, что в тесте на положительные ассоциации, предложенном в 2007 году, 72% россиян

великой державы, а движение страны «не по тому пути», не позволяющее им в полной мере идентифицировать себя со своей страной... И хотя россияне действительно хотят видеть Россию великой державой, это значит для большинства из них не бряцание оружием или поиск внешних врагов России, а экономическое процветание страны, развитие образования, науки, культуры, уважения к ней со стороны мира как одной из наиболее «продвинутых» стран, возможность уважать самих себя как ее граждан и, самое главное, возвращение страны к тем целям и ценностям, которые разделяются большинством населения и которые позволили бы россиянам снова ощущать себя частью единой и могучей общности. Достичь же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире, лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной на мировой арене, а отнюдь не на путях возрождения имперских амбиций».¹

Таким образом, «имперский синдром» надуман так же, как и «кризис идентичности». За т. н. «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного уровня жизни, справедливости.

В реальности, речь идет фактически о проблеме личностной самореализации в новых цивилизационных условиях, о несоответствии российской реальности массовым ожиданиям населения, готового к самореализации на основе новой персонологии и культурной интеграции в мировое сообщество.

Социальная политика в плане развития человеческих ресурсов, человеческого капитала, повышение качества жизни, социальное и гуманитарное развитие понимается чисто затратно,² финансируется по остаточному принципу, а люди понимаются только как мобилизационный материал. Но даже и в этом случае сохраняются серьезнейшие проблемы, ограничивающие даже традиционно экстенсивную организацию экономической жизни. В СССР не было рынка жилья. В сочетании с пропиской эту существенно ограничивало миграцию рабочей силы. Она допускалась только в подконтрольной и организуемой государством форме: целина, БАМ...

ских респондентов отметили Европу (для сравнения — только 51% — Азию). См. Тихонова Н.Е. Наследие империи... С. 114-115.

¹ Тихонова Н.Е. Наследие империи..., сс.131-132.

² Факт, что Нобелевские премии по экономике последнее 15 лет присваивались именно за разработки по социальной политике, проходит мимо внимания российского правящего класса.

В дореволюционной России приезжающий в город «мигрант» попадал в многовекторную и многоуровневую систему поддержки и социализации. Землячества, этнические общества, конфессиональные, попечительские организации гарантировали ему трудоустройство, ночлег, питание, элементарное обучение...

В постсоветской России эти элементы гражданского общества начали строиться заново, но, к сожалению, преимущественно на этнической основе. Разделение рынка труда «гастарбайтеров» в российских мегаполисах сложилось именно этнически с немалым криминальным компонентом, который, очевидно, был неизбежен в силу отсутствия легальных механизмов, да и отсутствия собственно гражданского общества, институты которого вызывают органическое неприятие чиновничества. Этнизация рынка труда мигрантов, полуправильный и нелегальный характер миграции порождают этнические анклавные структуры вроде рынка в Черкизово, уже сложившихся мест компактного проживания азербайджанцев, китайцев, узбеков, таджиков... Что, в свою очередь вызывает понятные протесты населения. Да и цены на жилье делают его практически недоступным для подавляющего большинства населения. Поэтому сменить место работы, переехать в новые осваиваемые регионы практически невозможно.

Именно отсутствие вменяемой государственной политики, рынка доступного жилья, механизмов общественного саморегулирования, легализующих и упорядочивающих приток рабочей силы и специалистов и порождают проблемы, социальную напряженность. В результате возникает парадоксальная ситуация. При нехватке ряда специалистов и неквалифицированной рабочей силы создаются административные препоны миграции, формируется негативное общественное мнение («понаехали тут»). Более того, если в дореволюционную Россию стремились приехать молодые, талантливые специалисты, то теперь основной приток иммиграции составляют неквалифицированные работники, а собственные наиболее квалифицированные специалисты уезжают из России именно в силу непривлекательности и бесперспективности условий труда на Родине.

Отсутствует внятная и вменяемая политика по отношению к соотечественникам за рубежом. Проблема сохранения и развития «русского мира» декларируется, но не переводится в план технологии решения, в том числе — проблемы (им)миграции. Между тем, культура и язык выступают мощным ресурсом консолидации элит, неполитической интеграции.

Все это оборачивается издержками во внешней политике. Зарубежные партнеры не знают чего ждать от непредсказуемой и непонятной России.

Невнятность политического самосознания оборачивается неменяемостью политики, противопоставлении всему и вся, инфантильной обидчивости и столь же инфантильным действиям типа «на зло маме отморожу уши».

Также и тезис о великодержавности сталкивается с проблемой: в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее «престижем», привлекательностью для «новых людей», человеческого капитала, являющегося трендом развития общества.

В России идея великодержавности получила развитие с 1815 г. после Венского конгресса. Смысл идеи великой державы, ее престиж, в принципе, выражается в трех характеристиках такой страны: она одна может противостоять всем прочим; она признана в качестве таковой (уважается) другими; способна и берет на себя ответственность за других. И наша страна в своей истории имела такой престиж, когда была членом Священного союза, Антанты, Лиги наций, Совета безопасности ООН, лидером стран Варшавского договора. Этот статус подтверждался привлекательностью России для уроженцев других стран, стремившихся в нее для реализации бизнеса, личностной самореализации.

Существенно иная ситуация сейчас. Даже членство России в «Восьмерке» является усеченным, выглядит натужным. России как «великой державе» доверяют все меньше. И дело даже не в экономическом спаде, утрате части территории. В наши дни критерии «величия несколько изменились. На первый план вышли критерии качества жизни, социальной привлекательности страны, которые оказываются важнее ее военного потенциала или энергетических ресурсов. КНДР имеет армию, одну из крупнейших в мире, определенный ядерный потенциал... А Саудовская Аравия, Венесуэла — богатейшие запасы углеводородов... Но говорить о их великодержавности не приходится.

Содержание идеи великодержавности уместно сравнить с брендом страны, который складывается из имиджа и репутации, т. е. выражающих обещание реализации неких надежд и чаяний. Дверью в царство какой мечты является современная Россия?¹

И во всех этих случаях речь идет о ресурсе постимперской культуры для решения вопросов качества жизни и соответствующей социальной по-

---

¹ Подробнее об этом см. Tulchinsky G.L. Russia's Brand as a Problem and Dream. // Russian Journal of Communication. Vol. 1, No. 2 (Spring 2008), p. 220-222.

литики, без решения которых не возможны как внутренняя, так внешняя политика современной России.

Приходится констатировать, что в общественных дискуссиях об «империи» говорится преимущественно метафорически, на уровне идеологической мобилизации, но не решения практических вопросов.

Так от какого конструктивного наследства отказываются наши «модернизаторы»?

Урок Санкт-Петербурга: постимперская культура как потенциал открытого общества

Показательна в этом плане культура Санкт-Петербурга — демоверсии Петровских реформ и города-артефакту, символизирующего имперскую культуру. Для петербургской культуры характерны внеэтничность, наднациональность — мультикультуральность (космополитичность). Питерской культуре присуща веротерпимость, рациональность, корректность. Проблема трагедии маленького человека, противостоящего безличному Левиафану государственности — фактически, зародыш проблемы прав человека — возникла (пушкинский «Медный всадник», гоголевская «Шинель») и могла возникнуть только в Санкт-Петербурге. Более того, питерской идентичности свойственны особая рациональность, ориентация на исторический прогресс и модернизацию. Космополитичность, наднациональность, мультикультуральность и терпимость, уважение к личности, рациональность и нацеленность на развитие — все это и образует содержание специфического общественного сознания, персонологии. Не даром город имеет статус «культурной столицы России».

Чрезвычайно показательно и поучительно сравнить это содержание с содержанием идеи европейскости, представленной в докладе Совету Европы, и которую авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т. е. имперским началам, объединявшим западный мир.¹ Совпадения с питерской идеей разительно буквальные: мультикультуральность, демократия, толерантность, вера в исторический прогресс, права человека. Санкт-Петербург, действительно, был и остается носителем и представителем европейского начала в российской культуре, носителем импульса ее развития, инициатором и проводником модернизаций

---

¹ In From the Margins. Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. A Report prepared for the Council of Europe.... Strassburg (Culture Committee of CE), 1997.

российского общества в экономике, промышленности, политике, науке, образовании, искусстве.

Речь идет не об апелляции к имперскому началу, империи как таковой — претензии безосновательны и ведут в тупик, а об апелляции к конструктивному содержанию имперской культуры, не о ностальгии о безвозвратно ушедшем прошлом, а о том, что могло быть, но осталось еще нереализованным. Не апелляции к сохранению величественного прошлого, а с опорой на это прошлое — импульсе к новому развитию. Санкт-Петербург — утопический город, город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни. Помимо прочего, и в том смысле, что этот город — то место, где утопии имеют склонность к реализации. Так почему бы не говорить о новой петербургской мечте о городе, дающем новые импульсы историческому развитию России. Санкт-Петербург — город-инноватор России.

И в наши дни Санкт-Петербург продолжает выполнять роль своеобразного «Инноватора». Похоже, что только в Санкт-Петербурге возможна конструктивная трансформация постимперской культуры, вещь невозможная в других регионах. Например, в Москве, обреченной на образ собирательницы земель русских, в том числе и неоднозначными методами. Или в Калининграде, апелляция к прошлому в котором оказывается весьма причудливой: то ли к прошлому Германской империи, прусскому величию, то ли к советскому прошлому.

Санкт-Петербург как средоточие межкультурных контактов и связей, город-космополит, символ общечеловеческой Культуры, способен объединять людей вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности — еще одна замечательная особенность Санкт-Петербурга. В основании, в становлении, в революциях, героических 900-х днях гитлеровской блокады он был и остается великим Городом, испытанием России, испытанием физических и нравственных сил, синонимом культуры вообще — как истока, как процесса и как результата этого испытания.

За этой уникальной ролью Санкт-Петербурга стоит мощный импульс властной воли. Речь идет о том модернизационном импульсе, который был связан с деятельностью Петра I.

Петровская идея в российской истории и культуре

Российское общество активно (если не отчаянно) ищет в своей истории «точки опоры». Для этого предпринимаются даже специальные усилия по разработке «российской идеи», проводятся конкурсы «брендов России» и т. п. И постепенно из этого вороха слов и пены политизированных спо-

ров отстаивается в памяти общества некий «сухой остаток» событий, исторических лиц, фигур, их деяний. И бесспорной фигурой такого пантеона является Петр I, сыгравший ключевую роль в российской истории.

С особой очевидностью это предстало на прошедшем 28-29 мая в Санкт-Петербурге Конгрессе петровских городов. В этом масштабном событии (около 400 участников) принимали участие представители органов власти и ученых отечественных (124) и зарубежных городов (48), связанных с деятельностью Петра Великого: от основанных им Омска, Петрозаводска, Перми — до Лондона и Амстердама — конечных пунктов его «великих посольств». Вот где предстал воочию масштаб личности первого российского императора и его дел.

Более того, по итогам Конгресса (в представленных докладах и при их обсуждении) Петр I предстает фигурой, заполняющей зияющее пустотой «свято место» русской культуры. Дело в том, что в русской, да и во всей славянской мифологии отсутствует «культурный герой» — персонаж, аналогичный Прометею в древнегреческой мифологии, Вяйнемейнену в «Калевале», *тот, кто научил труду, конструктивной деятельности по обустройству и переустройству окружающей действительности*. И Петр — человек Дела — Первый везде и во всем, Великий в своей неумной преобразовательной активности, действительно, оказывается первым русским корабелом, мореходом, строителем, библиотекарем, музейщиком etc, etc.. — основателем целых отраслей, городов и поселков, вошедшим в местную и региональную мифологию, фольклор, несомненно, соответствует этой роли «культурного героя».

Между тем, с фигурой Петра I связаны и в ней воплощены, персонализированы такие ценности, как дерзновенное позитивное, конструктивное преобразование России; просвещение, образование и наука; открытость Российского общества, освоение передовых эффективных практик и одновременно — интеграция России в мировую цивилизацию. Все эти ценности более чем актуальны и в наши дни, делая, тем самым, Петра Великого одним из олицетворений, если не главным олицетворением, «брендом», «имиджем», «символом» современной России, вступающей в новый виток инновационного развития.

В ситуации интенсивных и радикальных политических и экономических перемен, пережитых и переживаемых страной на рубеже веков и тысячелетий, особенно важным оказывается, как сказал в своем выступлении на Конгрессе М.Б.Пиотровский, «то, что остается»: а это, прежде всего, дела Петра Великого, «память его созидательного духа», позволяющая «без

всякой фальсификации истории» почувствовать Россию, способную к созидаанию. Поэтому, в наше «странное время», в ситуации «безлюдья», «без героев» когда Ленин соседствует с Николаем II, Фрунзе с Колчаком и т. п., Петр I приобретает черты исторического героя, обладающего несомненным объединяющим нацию потенциалом.

Более того, Петр I является привлекательной и понятной фигурой для европейского сообщества, активно хранящей память о преобразователе и цивилизаторе России. Петр I мирит Россию с Европой. Там он понятен. Это видно на примере отношения к памятникам в Прибалтике, в других странах: монументы Советским солдатам, советским лидерам подвергаются критике, переносам, а то и ликвидации, тогда как памятники Петру Великому, памятные знаки, посвященные ему, сохраняются и даже создаются новые.

В этом смысле можно говорить о некоей «петровской идее», сохраняющей актуальность и для современной России, а возможно, и выходящей в наше время на первый план. «Петровская идея» это не только собственно идеи Петра I, но и его окружения, времени, выражение нашего осмысления петровского наследия. Содержание «петровской идеи (идей)» наиболее полно и в яркой образной форме на примере четырех петербургских памятников Петра Великого (Фальконе — «романтический самодержец-преобразователь», Бернштама — «царь-плотник», Растрелли — «император» и Шемякина — «трагическая личность»).

Дерзновенное преобразование («дерзновению подобно», «невозможное возможно»). Речь идет не об утопическом проекте, разрушающем среду обитания, человеческие ресурсы и личность, а о конструктивном рациональном преобразовании общества, преодолении традиционных «барьеров» развития, выходе общества к новым горизонтам и качеству жизни. Мощный «петровский импульс» стал решающим фактором развития страны во всех сферах жизни российского общества, вывел Россию на уровень «фронта» мировой цивилизации.

Просвещение (образование и наука) и труд. «Царь-плотник», «царь-труженик» личным примером показывал важность, как сказали бы сейчас — «приобщения к инновациям», освоения самого передового опыта, мастерства в любом деле, уважения к науке и образованию, успешному опыту других народов и государств. Его неутомимая активность была направлена на разумное, рациональное обустройство жизни общества в самых различных сферах, на создание новой просвещенной элиты, способной решать задачи преобразования страны. И это были не временные кампании, а кропотливая работа по созданию новых норм, социальных инсти-

тутов, структур, отбор лучших и эффективных специалистов и лидеров своего дела в России и за ее пределами, их поддержке. И, как известно, на призыв Петра I «образовываться» через 100 лет Россия ответила явлением А.С.Пушкина. Петровская «прививка» России европейской культуры оказалась болезненной, но дала мощнейший импульс развитию страны, плоды которого пожинаются до сих пор. И не дать затихнуть маятнику, раскачанному Петром I, — задача современной России.

Имперское культурное наследие как потенциал открытого общества. Петр I — создатель Российской империи, открытой миру не только своей экспансией и заботой о «приращении земель», но и цивилизатора огромных территорий Евразии, интегрирующей ее народы и культуры, открывающей эти народы и культуры миру. И ту историческую роль Российской империи умалить никак невозможно.

Личностное измерение. Речь идет не только о «трагическом одиночестве великого реформатора», но и о гражданском и личностном подвиге Петра Великого, на котором могут и должны учиться поколения и поколения российских граждан — «неразумных детей петровых». Достоин специального внимания «петровский менеджмент»: опыт управления Петром I страной, конкретными проектами, опыт организации взаимодействия различных сословий, формирования новой управленческой и интеллектуальной элиты, как, впрочем, достойны изучения и сами представители этой новой российской элиты).

Таким образом, речь идет о комплексе идей, связанных с личностью Петра I, его деятельностью, которые сохраняют свою важность и актуальность для развития современной России. И это чрезвычайно целостный в идейно-смысловом плане комплекс:

Петр Великий открыл новые горизонты и векторы развития России: «от Москвы — к морю». Он не занимался «перестройкой Москвы», а строил новую Россию, «демоверсией» которой стал Санкт-Петербург. И где оно — новое «море» современной России? Это космос? Тихий океан? Арктика? Как найти свое «море» в каждом городе и деревне?

Ergo

Таким образом, можно говорить о нескольких смыслах постимперскости и соответствующей политической культуры

(I) Прежде всего, это культурно-историческое наследие, обладающее достаточно длительной по историческим меркам инерцией, сказывающейся на развитии общества после ухода с исторической арены самой империи как формы государства.

(II) Кроме того, можно говорить о постимперской фазе мирового развития. И современная постимперскость двойственна. Это и кризис традиции, и стремление выхода к новому глобализированному фронтиру цивилизации. Нации-лидеры и слабые («несостоявшиеся») государства устремлены к новой интеграции. В условиях глобализации империи становятся невозможными политически. Однако сама культура глобализированного мирового сообщества несет отчетливые черты, свойственные именно культурам имперского типа.

И в обоих планах раскрываются нетривиальные роль и значение постимперской культуры в развитии современного общества:

Несомненный конструктивный потенциал имперской и постимперской культуры, обладающей являющейся мощным потенциалом открытого общества и являющейся в этой связи соответствующим ресурсом инновационного развития.

Дополнительная жизненная компетентность и конкурентные преимущества.

Формирование новой элиты

Толерантность

Инновационность, модернизация

Фактически, речь идет о новой политической структуре мира. Только надо отдавать отчет, что речь идет не о новых империях, а именно об интеграции пост-имперских культур, о формируемых на этой основе мировых «культурных автономиях».

Такой прогноз подтверждается хотя бы в формировании институтов мирового гражданского общества в виде над-государственных (а точнее — транс-государственных или кросс-государственных) некоммерческих общественных организаций. Это не только «Гринпис», «Красный Крест», «Врачи без границ», «Международная амнистия»... Таких организаций уже более 5000. И большинство из них довольно успешны и влиятельны, не только в решении своих специальных задач, и в выработке, принятии и реализации серьезных политических решений.

Таким образом, прослеживается ряд тенденций мирового развития, в которых существенную роль играет фактор постимперских культур:

Активно проявляется культурно-этническая идентичность. Этот процесс обычно трактуется как нарастание национализма, ведущего к дивергенции мирового сообщества. Такая трактовка представляется не только не точной, но и ведущей к серьезным политическим просчетам. Если это и национализм, то «советского типа». Современная мировая практика убе-

дительно показывает, что такой «национализм», «парад суверенитетов», совсем не ведет к реализации полномасштабного суверенитета. Мировая экономика, международный политический процесс, интенсивнейшая социальная коммуникация не оставляют такие государства наедине со своим суверенитетом. Они просто логикой событий ищут союзников, покровителей, блокируясь с ними. Причем, чаще всего, по линиям культурно-исторической интеграции.

Тем самым, реализуется другая тенденция — «нео-пост-империализм», не исключаящая, а предполагающая и дополняющая предыдущую. Более того, формирующиеся мировые постимперские культуры дают странам, и отдельным личностям, носителям этих культур, дополнительную жизненную компетентность.

Логичным продолжением этих тенденций является формирование мирового гражданского общества, когда новые «граждане мира», имеющие различные национальные гражданства и этническую принадлежность, объединяются для решения общих проблем.

И можно согласиться с А.С.Кустаревым, что для России, как и для ряда других стран, включая всех участников Евросоюза выгоднее участие в мировом сообществе напрямую, минуя субглобальные конгломераты квазифедеративного типа с постоянными взаимными претензиями участников.¹

Последствия для внутренней политической культуры эти процессы также имеют далеко неоднозначные. Как радикальная, так и умеренная (регионально-культуральная) глобализации порождают алармистскую реакцию консервативно настроенных слоев общества, в результате чего существенно перестраивается политический рынок. Некоторые авторы в этой связи вычленяют несколько возможных сценариев:

Глубокий раскол общества по линии «патриоты-космополиты»;

Патриотизм занимает обширный центр, оттесняя остальное на раздробленную периферию;

Партийные машины по инерции движутся в борьбе за звание лучших патриотов;

Политическая сфера практически отмирает, а общество живет под техническим управлением бюрократии (экспертocrатии).²

---

¹ Кустарев А.С. После понижения в должности– Британия, Франция, Россия. // Наследие империй и будущее России. М.: НЛО, 2008. С. 214.

² См.: Gifford Ch. The Rise of the Post-Imperial Populism: the case of the right-wing Euroscepticism in Britain. // European Journal of Political Research. 2006, No. 5, pp.856-857; Кустарев А.С. После понижения в должности — Британия, Фран-

В современной России очевидно наличие всех этих сценариев с тенденцией слияния (2) и (4). Но и в этом случае вряд ли возможно говорить о новом империализме. Точно квалифицировать эти процессы вряд ли возможно — как, впрочем, и всегда, когда мы имеем дело с чем-то реально новым. Очевидно, национализм, и даже нацизм, в пост-СССР — неизбежные издержки в процессе постимперской модернизации. Этакая ослабленная форма германской эволюции. Да и аналогии напрашиваются. И за этим, что тоже похоже, очевидно, следует кризис демократии, некий «нео-империализм», выражающийся в объединении государств в большие группы, аналогичные восьми «цивилизациям С.Хантингтона. Проблема состоит еще и в том, что романтизация «нашего государства» в постимперском опыте России (в отличие от Британской, даже Французской, а в чем то и Испанской империй) существенно затруднена. Несостоятельность дореволюционного российского государства, людоедство СССР, общая вторичность, «эхолаличность» развития создают серьезные проблемы такой романтизации и выработки на ее основе консенсуса национальной идентичности. Поэтому тем большую остроту и актуальность приобретает проблема качества жизни, новая социальная политика, в которой российское государство выступает гарантом справедливости и свободы.

В современных условиях выбор инновационного развития и его траектории не может определяться только личностными предпочтениями и интересами правителей, но должен опираться на ценности общества. Тогда задача в том, чтобы выразить эти ценности и интересы. А это уже предполагает общественную дискуссию, независимые СМИ. В артикуляции и продвижении (лоббировании) интересов должны участвовать не только бизнес, но и гражданское общество, организованная общественность, отдельные граждане. Иначе «инновация» превращается в манипулирование, решение узко корпоративных проблем и разрастание коррупции. Собственно, что и происходит в России последние два десятилетия.

Проведенное рассмотрение показывает, что осмысление имперского культурно-исторического наследия открывает новые перспективы и изменения современности.

Прежде всего, требуется дальнейшее исследование постимперских культур, ресурсов и барьеров развития, создаваемых ими: институтов, структур, стереотипов, общественного сознания, форм самосознания...

ция, Россия. //Наследие империй и будущее России. М.: НЛО, 2008. С. 237-238.

Что из них уходит? Что опасно, а что открывает окна возможностей развития? Какие в этой связи открываются перспективы новой персонологии и идентичности? Новой дополнительной жизненной личностной компетентности в глобальной интеграции?

И главное — выработка на этой основе соответствующей социальной политики и гуманитарного развития, качества жизни, справедливости, реализации этого социально-культурного и личностного потенциала, переход от государства-рантье к государству — оптимизатору природных и человеческих ресурсов.

Представляется, что Россия в этом контексте предстает удачным и чрезвычайно важным полигоном исследований и наработок, открывающих выход из тупика «глобализация — национальная изоляция» к полноценной интеграции в мировое сообщество, к фронтиру современной цивилизации. Выявляется и несколько иная роль государства — не рантье, а оптимизатора природных и человеческих ресурсов российского общества на основе соответствующей социальной политики.

Руководители промышленных предприятий России в условиях кризиса¹

Цель доклада — описать трудности, с которыми столкнулись руководители промышленных предприятий в условиях нынешнего экономического кризиса. Это можно сделать только на фоне тех перемен, которые шли (и идут) в стране.

Доклад базируется на нескольких источниках информации. Во-первых, это интервью с директорами промышленных предприятий, которые проводились в рамках заседаний Международного клуба директоров в 2008-2009 гг. в городах Новосибирск, Красноармейск, Нижний Новгород и Тула. Во-вторых, это анкетные опросы директоров оборонных предприятий, которые проводились в 1994-2007 гг. научным коллективом в составе: рук. д.э.н. Р.Рывкина, д.э.н. Л.Косалс, к.г.н. Ю.Симагин, Ю.Денисова и автор доклада под эгидой Лиги оборонных предприятий и Союза наукоградов России.

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ДИРЕКТОРСКОГО КОРПУСА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Руководящие кадры промышленности являются одной из главных субъектов управления промышленностью. Эта та категория работников, чья деятельность запускает и производит преобразования на предприятиях и тем самым влияет на перемены, происходящие в российской экономике и обществе в целом.

Не секрет, что роль директоров предприятий многократно усиливается в кризисные периоды. Академик А.Г.Аганбегян, характеризуя сегодняшнюю деятельность руководителя предприятия, пишет, что кризис устраивает самый сложный экзамен руководителям предприятий. Их роль удваивается и утраивается². От активности руководителей, их способности предвидеть возможное развитие ситуации, способности выработать разумные меры висит, выживут ли руководимые ими предприятия, распадутся или нет трудовые коллективы.

¹ Работа выполнена благодаря финансовой поддержке РФФИ (грант № 09-06-00187а).

² А.Аганбегян. Кризис: беда и шанс для России. — М.: АСТ: Астрель, 2009. С.191-197.

Действительно, они играют роль «передаточного звена» между той политикой, которую выстраивает государство, собственниками предприятий (включая государство) и трудовыми коллективами. Их роль двоякая: во-первых, директора решают экономические проблемы предприятий — вопросы финансовой задолженности, как сократить издержки, как наладить выпуск новой продукции, как выйти на новые рынки сбыта и др., во-вторых, от них зависит решение социальных проблем предприятий — сохранение ядра трудового коллектива, вопросы оплаты труда и др.

В ходе приватизации расширилось число субъектов, принимающих главные решения в жизнедеятельности предприятий. Ими стали российские предприниматели, иностранные инвесторы и другие негосударственные категории собственников. Но, несмотря на произошедшие перемены, директора являлись (и являются) одними из главных субъектов управления. Так, в 2007г., спустя пятнадцать лет с начала рыночных преобразований, в ходе анкетного опроса директоров оборонных предприятий мы выясняли, каков их реальный объем власти. Мы задавали директорам предприятий: «*Какую роль играют собственники вашего предприятия в его работе?*». Ответы были такими (%):

- Играют положительную роль: инвестируют капитал, обеспечивают выход на новые рынки — 30
- Играют отрицательную роль: порождают конфликты, разваливают предприятие — 7
- Никакой роли не играют, числятся формально — 63
- Итого — 100

Как видно, за годы реформ сложилась ситуация, когда реальный объем власти на большинстве предприятий сконцентрирован в руках администрации предприятий.

С 2008г. изменились условия, в которых работают российские предприятия: они оказались в зоне высокого риска. Угрозы, которым сегодня подвергаются предприятия, различны: падение спроса на промышленную продукцию, нестабильность на финансовом рынке и многое другое. Все это, в конечном счете, создает угрозу банкротства многих предприятий.

В таких неблагоприятных условиях от выбранных стратегий поведения директорского корпуса промышленности зависит, каким будет облик российской промышленности после выхода России из кризиса. Глубина и длительность кризиса (помимо прочих причин) будет зависеть от того, как быстро и какие именно преобразования руководители предприятий произведут на предприятиях сегодня.

2. РЕАКЦИЯ ДИРЕКТОРОВ: ОПОРА НА СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ ИЛИ НА ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВА?

Адаптируясь к новым условиям, руководители предприятий по-разному реагируют на изменение условий хозяйствования. На одних предприятиях замораживаются инвестиционные программы, на других – они продолжают финансироваться. Одни предприятия массово сокращают работников, другие — все делают, чтобы сохранить прежнюю численность и т. д. Чем объясняется различная реакция руководства предприятий?

Объяснение, скорее всего, нужно искать в дифференциации российских промышленных предприятий, в переходном состоянии промышленности. Что это значит? Это значит, что одновременно сосуществуют с одной стороны — небольшая доля конкурентоспособных по мировым стандартам промышленных предприятий, а с другой стороны, значительная доля предприятий, которые отстают от современного уровня производства по организационно-управленческой структуре, состоянию материально-технической базы, кадровому обеспечению. Например, доля высокотехнологичного оборудования в российском машиностроении сегодня не превышает 5%, а если говорить о техническом уровне в целом, то оборудование, используемое российскими предприятиями, соответствует середине 80-х гг. прошлого века.

Многолетние исследования показывают, что это сложившееся различие между предприятиями связано не столько с их типом собственности, сколько с качеством управленческих команд, возглавляющих предприятия.

Приведу два примера. Тульское предприятие «Сплав» успешно проводит диверсификацию военного производства, осуществляя внутреннюю конверсию: доходы, получаемые благодаря экспорту военной продукции, вкладывает в расширение выпуска гражданской продукции. Руководство предприятия ведет активный поиск путей развития по многим направлениям — от собственных разработок и их внедрения до организации совместных производств с российскими и зарубежными партнерами. Предприятие работает на многих рынках гражданской продукции — производит технику для ремонта дорог и утилизации боеприпасов, тепло- и электроустановки, оборудование для нефтяников, системы отопления и вентиляции для метрополитена, медицинские аппараты и многое другое. Свои задачи гендиректор предприятия видит так: *«нужно выйти из кризиса и занять достойное место в нише гражданской продукции, чтобы не растерять людей, которые работают на предприятии»*.

С другой стороны руководители многих промышленных предприятий продолжают работать по-советски, ориентируясь на помощь государства. Реакция руководства ряда крупных промышленных предприятий на падение спроса далеко нерыночная: в отличие от зарубежных предприятий, которые снижают цены на продукцию, они, наоборот, повышают цены, пытаясь этим компенсировать падение прибыли. Такая позиция не только не способствует смягчению последствий кризиса, их преодолению, а, наоборот, ускоряет падение производства и обостряет социальную ситуацию на предприятиях. Например, автозавод «ВАЗ» дважды повышал цены, хотя спрос на его продукцию упал вдвое. При этом руководство, а вслед за ним и трудовой коллектив, ориентируются на государство. На то, что оно выделит деньги, не допустит полного развала предприятия. Что на практике и происходит. Хотя понятно, что установки руководителей предприятий на помощь государства без собственной предпринимательской активности противоречат требованиям рынка.

Исследование 957 промышленных предприятий, проведенное научным коллективом ГУ-ВШЭ, показало, что слой предприятий с высоким уровнем управленческого персонала, использующего весь спектр современных управленческих технологий невелик — около 15%. Почти 45% фирм живут на рынке без инноваций, не делают крупных инвестиций и вяло совершенствуют управление¹.

3. Установки директоров и антикризисная политика государства

В развитых странах сложилась практика, когда в условиях кризиса государство берет на себя часть рисков, смягчает условия работы предприятий и тем самым, способствует выходу предприятий из критических ситуаций.

Российская практика показывает, что государство пока не сформулировало конкретных мер, благодаря которым российская промышленность начала бы выходить из кризиса. Не секрет, что меры по смягчению ударов в начале кризиса и меры по выходу из кризиса — это разные меры.

Посещая промышленные предприятия, мы столкнулись с тем фактом, что директора предприятий критически оценивают антикризисные меры по поддержке промышленности, которые государство реализует сегодня. Эти меры, по их мнению, не столько ослабляют, сколько усугубляют

---

¹ Российская промышленность на перепутье: факторы конкурентоспособности фирм /Под ред. К.Гончар, Б.Кузнецова. М.: Вершина, 2008.

трудности, с которыми приходится сталкиваться предприятиям в условиях кризиса. Чем они это объясняют?

Падение спроса на продукцию вынуждает директоров снижать издержки предприятий до минимума. Государство же поднимает тарифы на электроэнергию и затраты предприятий — растут. Так, например, для Тульских промышленных предприятий цены на электроэнергию в 2009г. выросли более, чем на 20%, для Нижегородских — почти на 70%.

Ожидали директора и снижения налогов (хотя бы на период кризиса) за счет резервного фонда, который был накоплен во время экономического роста и который назвали «подушкой безопасности». Так, например, для машиностроительных предприятий, где высока доля добавленной стоимости, снижение НДС помогло бы предприятиям удержаться и продолжить обновление материально-технической базы. Такое обновление началось в предшествующие сегодняшнему кризису годы экономического подъема. Но их ожидания не оправдались: существенного снижения налогов не последовало. Наоборот, государство планирует поднять уровень социального налога. И тем самым возрастут издержки предприятий на рабочую силу.

Сузились и возможности предприятий кредитоваться: процентные ставки в 20-25% — просто неподъемны для предприятий. Но кредитно-денежная политика в стране способствует сжатию финансовых ресурсов и, как следствие, их дороговизне. В то же время предприятия заинтересованы в дешевых кредитах на перевооружение производства.

В условиях нынешнего кризиса власть регулирует безработицу в стране, давая установки руководителям предприятий не допускать массовых сокращений работников в обмен на господдержку.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что большинство промышленных предприятий выживает в условиях кризиса скорее не благодаря антикризисной политике государства, а скорее вопреки. Ситуация напоминает трудные 1990-е годы, когда бывшие советские заводы должны были в ходе перехода к рынку преобразоваться в эффективные структуры и обеспечить подъем российской экономики на рыночной основе.

4. Рыночный опыт директоров российских промышленных

Сегодняшний экономический кризис — второй в практике российских предприятий. По масштабам он, несомненно, уступает трансформационному кризису, который пережили предприятия в 1991-1998гг. Рыночные реформы начала 1990-х годов предполагали переориентацию промышленных предприятий с советских принципов хозяйствования (свойственных

планово-распределительной системе) на принципы хозяйствования, адекватные рыночной, частнокапиталистической экономике.

Директора должны были стать «рыночниками». И, изменив свое сознание, преобразовать прежние советские заводы в эффективно работающие рыночные предприятия. К таким мерам, в частности, относились: предоставление предприятиям хозяйственной свободы, либерализация цен, снятие «железного занавеса» и другие меры. Не случайно, один из реформаторов, Анатолий Чубайс, первоначальную стадию формирования эффективного собственника, называл директорской¹.

Руководители предприятий должны были впитать в себя элементы рыночной экономики, такие как частная собственность и конкуренция, максимизация прибыли и минимизация издержек. На место прежних установок на выполнение плана любой ценой, победу в соцсоревновании, выбивание лимитов на расширение мощностей должны были прийти рыночные установки — успех на рынке, выигрыш в конкурентной борьбе, борьба за рынки сбыта, оптимизация необходимой рабочей силы.

За последние два десятка лет менялись установки директоров предприятий. Можно выделить три этапа, которые «просматриваются» в рамках переходного процесса. Они — отражение неудачных попыток государства реформировать российскую промышленность.

Не секрет, что реформаторы боялись директоров советских предприятий как силу, которая воспротивится переходу к капитализму, к рынку. Эти опасения были далеко не беспочвенными. В 1997 году более 3/4 опрошенных нами руководителей оборонных предприятий были не согласны с проводимым государством курсом на формирование капиталистической экономики в России.

Но опрос в 2007 году показал, что ситуация стала принципиально иной — 2/3 руководителей хотели работать не при жестком госрегулировании, а при полной экономической свободе; 78% опрошенных руководителей оборонных предприятий хотели продолжения начатых рыночных реформ, только 22% ориентировались на возврат к экономике централизованного типа (когда все решения принимает государство).

Переориентация директорского корпуса на первый взгляд парадоксальна: в 1990-е годы директора были реальными хозяевами и фактически единственными управленцами своих предприятий, но их надежды были связаны с государством, они были антирыночниками. Теперь государство

---

¹ Приватизация по-русски. Под ред. А.Чубайса. М.: Вагриус.1999. С.287-291.

Таблица

Период	Дефекты государственной политики реформирования промышленности	Этапы рыночной переориентации директоров
Конец 1980-х г-годы	Неудачная попытка «встроить» рыночные формы хозяйствования в плановую систему управления промышленностью (полный хозрасчет и самофинансирование).	Стремление к хозяйственной свободе, но опасения рынка
1990-е годы	Ставка на рынок при отсутствии промышленной политики.	Разочарование в рынке и ориентация на выживание
2000-е годы	Попытки реконструкции советского способа управления промышленностью	Усиление прорыночной ориентации при сохранении надежд на господдержку

возвращается к управлению и напоминает «кто в доме хозяин», а руководители оборонных предприятий ориентированы работать в условиях экономической свободы, они переориентировались на рыночные структуры. И в то же время, как уже говорилось, у многих руководителей предприятий сохраняются надежды на помощь государства.

При посещении промышленных предприятий, в беседах с их директорами, нам приходилось слышать, что перспективы предприятий туманны. Приходилось также слышать, что, несмотря на декларации, выступления руководителей страны о необходимости модернизации, инновационном развитии, в действительности государство не ориентировано развивать современные производства; что у России хорошая сырьевая база, зачем нужны стране какие-то производства. Более того, директора нередко говорили о том, что их усилия в нашем государстве никому не нужны. Даже руководители, казалось бы, успешных предприятий высказывали опасения остановки своих производств из-за «ненадежной политики» государства.

И.Б. Гурков по результатам обследования 735 предприятий промышленности еще до кризиса писал, что самой важной проблемой руководителей успешных промышленных предприятий является расширение временного горизонта управления, без чего предприятия не могут повышать свою конкурентоспособность¹.

¹ И.Б. Гурков. Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2003.

5. ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ОЖИДАНИЯМИ ГОСУДАРСТВА И ВОЗМОЖНОСТЯМИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ

Выявившееся противоречие между установками директоров предприятий и политикой государства в отношении промышленности показывает, что сегодняшняя модель взаимодействия государства и руководителей предприятий пока не работает эффективно. Действительно, уйдя от советской системы управления промышленностью, которая «зажимала» инициативу директоров предприятий, ограничивала их хозяйственную свободу и в итоге оказалась тупиковой, государство на протяжении всего постсоветского периода создает новую модель.

Сегодняшний кризис обнажил «изъяны» постсоветской модели управления в промышленности. Многие из «изъянов» кроются во взаимоотношениях между органами госуправления и руководящими кадрами предприятий. Вот, например, как описывает характер взаимоотношений с вышестоящим руководством руководитель государственного машиностроительного завода (1700 работающих): *«Они нас не знают, мы их не знаем. Меняются несколько раз в год. Только налаживаются контакты, когда они придут к нам на завод. Приезжаем мы в Москву — там уже другие люди. Министерства, то департаменты, то агентства. Все сидят на чемоданах, сидят как в последний день»*. Кадровая чехарда в государственном аппарате, постоянные организационно-управленческие перестройки мешают нормальной работе предприятий. Действительно, на протяжении всех лет с начала реформ идут регулярные перестройки системы управления отраслью: переподчинение предприятий то одним, то другим вышестоящим органам управления, разукрупнение предприятий или же, наоборот, их объединение и др. Все это говорит о том, что владея собственностью, государство так и не научилось эффективно распоряжаться ею.

В последние годы руководство страны выдвигает стратегическую задачу модернизации российской промышленности. Признается, что промышленные предприятия к рынку перешли, но многие из них стать эффективными рыночными структурами пока не смогли. По данным Росстата даже в период недавнего экономического роста доля убыточных промышленных предприятий составляла от 1/3 до 1/4. Экономический кризис усугубил неблагоприятную ситуацию в промышленности: по официальным данным сегодня почти 40% промышленных предприятий убыточны.

Несмотря на экономический кризис, руководители страны заявляют, что государство не будет отказываться от намеченных планов в отношении промышленности. В программных документах планируется, что рос-

сийская промышленность в дальнейшем будет развиваться по инновационному сценарию и станет заметным участником мирового рынка.

Реализация намеченных стратегических планов будет зависеть от многих причин. В числе таких причин, во-первых, характер той политики, которую будет реализовывать государство, будет ли оно учитывать интересы предприятий. Во-вторых, от социальных установок руководителей предприятий, то есть от того, принимают ли они политику государства или не принимают, ориентируются ли они на рынок или на господдержку, на развитие производства или на собственные интересы. В-третьих, от того практического опыта, который они смогли накопить за время существования российского рынка, с тех пор, как экономика России отошла от советской системы хозяйствования.

Сегодня открыты возможности для выработки общей стратегии выхода российской промышленности из кризиса. Но она невозможна без эффективного взаимодействия властей всех уровней и промышленников (не только крупного, но и среднего и малого бизнеса!) . Нет времени для ожидания улучшения мировой конъюнктуры (когда вырастет спрос на энергоносители, когда мировая финансовая система снова будет предлагать дешевые кредиты и др.) , поскольку необходимо восстанавливать отрасли промышленности — как судостроение, так и легкую промышленность, как лесопереработку, так и автомобилестроение и т. д. Главная опасность в том, что стареют фонды, кадры промышленности отстают от современного уровня и т. д. Но так как государство все-таки планирует развивать в России современное производство, то следовало бы не только продолжать рыночные реформы, но и пересмотреть социальный и экономический механизм развития промышленности в России.

Особенности стратегий поведения в сфере здравоохранения различных образовательных групп петербуржцев

Сегодня все мы являемся свидетелями постоянного реформирования и изменения системы здравоохранения в России. Складывающаяся ситуация требует от людей значительных усилий в освоении и принятии новых норм и правил поведения в сфере здравоохранения. Ежедневно потребители медицинских услуг сталкиваются с различными стрессами, связанными в первую очередь с тотальной платностью системы, и неравномерными возможностями доступа к получению высококвалифицированной помощи от профессионала-медика. Все чаще возможность получить квалифицированную медицинскую помощь зависит от самого человека, от активности его жизненной позиции и способности к адаптации в современных условиях.

Целью нашего исследования было проследить, как складываются стратегии поведения в сфере медицинских услуг в различных образовательных группах, исследуя ключевые показатели социальной стратификации в комплексе.

Эмпирическую базу исследования составляют данные глубинных интервью с небольшой подвыборкой респондентов (N=44) из числа участвовавших в массовом опросе 2006г. Если массовый опрос дает общую картину, на уровне тенденций и различий, то глубинные интервью позволили обогатить наше понимание реальности, исследовать контекст, причины и суть происходящих процессов.

Интервью проводились на протяжении 2007-2008гг, интервьюированные были случайным образом отобраны (контролировались пол и возраст) из каждой из пяти социальных страт, идентифицированных в результате массового опроса. В основу классификации групп был заложен признак образования, причем не только самого респондента, но и его родителей. Уровень образования является наиболее информативной социально-статусной характеристикой, дифференцирующей стратегии поведения индивидов в контактах с системой здравоохранения. Таким образом, мы ин-

тервьюировали представителей двух социально-стабильных групп — т. е., имеющих высшее и средне специальное образование в двух поколениях; двух групп с восходящей социальной мобильностью — высшее, и средне специальное образование в первом поколении; и группы малообразованных, т. е., имеющих образование среднее общее и ниже.

Особое внимание в этих интервью было уделено стилям жизни, связанным со здоровьем, и использованию медицинских услуг. Основной нашей целью являлось более пристальное изучение используемых петербуржцами стратегий в поддержании своего здоровья, и оценка того, в какой мере эти стратегии связаны с ценностными ориентациями, присущими того или иному социально-экономическому статусу.

В качестве методологического основания для проводимого анализа была избрана поведенческая модель Рональда Андерсена, которая с 1960-х годов и по сию пору является ключевым концептуальным подходом в изучении использования медицинских услуг и выявления основных детерминант этого использования. По Андерсену, использование услуг здравоохранения рассматривается как результат действия трех основных групп факторов. Первая группа включает в себя факторы predispositions, характеризующие самих потребителей медицинских услуг, вторая группа факторов объясняет те условия, при которых становится возможным использование этих услуг, в третьей группе факторов отражено еще одно существенное основание — выраженность потребности индивида в медицинской помощи, измеряемая с помощью профессиональной оценки здоровья и субъективного осознания индивидом своей потребности в медицинской помощи [1].

В нашем исследовании мы подробно остановились на первой группе факторов, т. е. predispositions. Ключевыми переменными анализа стали: социально-структурные параметры (образование, профессия), определяющие способность людей справляться с возникающими проблемами в здоровье, и умение людей использовать ресурсы для решения этих задач. Здесь же рассматриваются и условия профессиональной деятельности индивидов, поскольку они оказывают влияние на здоровье, и соответственно, на потребление медицинских услуг. Мы также изучили систему представлений людей о здоровье, их знания и степень информированности о возможностях медицины и собственных заболеваниях. Поведенческая модель дает нам возможность полноценно изучить характеристики индивидов, определяющих их социальную позицию, ожидания в отношении собственного здоровья и стратегии поведения в процессе взаимодействия с системой здравоохранения [2].

Говоря о высокообразованных респондентах, отметим, что это люди, имеющие стабильный доход, преимущественно занятые в сфере интеллектуального труда, занимающие руководящие должности. Они воспринимают здоровье как актив организма, возможность жить полноценной жизнью, ресурс, капитал, дающий свободу и независимость. Здоровье открывает новые возможности, предлагая полноценную жизнь в лучшем смысле слова. Респонденты говорят: *«Здоровье- это жизнь без ограничений»*, *«энергия жизненного организма»*, *«сохранение генетического здоровья, и избегание факторов риска»*, *« возможность заниматься спортом»*, *«здоровье- это когда позитивно смотришь на мир»*. Быть нездоровым — это и ощущать ограничения в ведении желаемого образа жизни, и испытывать внутренний дискомфорт: *«когда гнетет болезнь»*, *«разлад организма»*, *«дисбаланс энергии»*. Симптомы неблагополучия в здоровье и плохого самочувствия автоматически является признаком болезни, причиной обращения к врачу, поиску врача по знакомству, и даже нескольких консультаций у разных докторов. Респонденты признают свои проблемы со здоровьем, и строят траекторию выхода из кризисной ситуации, прилагая для этого максимальные усилия. Они очень активны в сфере здоровья, и в этом залог их успеха.

Субъективная оценка своего здоровья респондентами такова: большинство считают себя в целом здоровыми людьми. Респонденты делают этот вывод на основании отсутствия хронических заболеваний и положительных выводов врачей. Следующий вопрос, который их всегда интересует «насколько я здоров?» является причиной добровольного посещения специалиста медика вне болезни. Елена, 49 лет, говорит об этом так: *«...я стараюсь за своим здоровьем следить, то есть, я стараюсь проходить профилактические обследования, что-то вроде диспансеризации. Я пытаюсь, не загонять никакую проблему в угол. Мне интересно знать, какая у меня кровь, какие у меня разные показатели, какая у меня электрокардиограмма»*.

Будучи представителями интеллектуальной среды, чья работа связана с интеллектуальными задачами и зачастую руководящей позицией, представители высокообразованной группы менее подвержены заболеваниям, связанными с профессиональной вредностью, напр.: воздействие вредных химических, физических, биологических и техногенных факторов. Безусловно, в этой группе есть свои факторы риска, например, т. н. стрессы высокого статуса, связанные с принятием ответственных решений на работе, и руководящей должностью респондента. Последствиями этого

стресса являются сердечные заболевания и инфаркты, а также нервно-психические расстройства. Классическая картина хронических заболеваний для респондентов высокообразованной группы такова: большинство из них заявляют о том, что испытывают возрастные изменения в здоровье, связанные с проблемами сердца, артериальным давлением и болью в суставах. Отметим, что в связи с частыми обращениями и обширной профилактикой заболевания в этой группе выявляются чаще на ранних стадиях, что позволяет легче и эффективнее вылечиться.

Рассматривая ситуацию в полярной группе, можно отметить следующее. Осознание ценности здоровья для респондентов менее образованной группы сводится к способности выполнять функцию — работать. Респонденты так отзываются о своем отношении к здоровью: *«Здоровье- свобода от боли, прилив сил», «независимость от помощи других», «не быть другим в тягость»*. Нездоровье возведено в абсолютную степень, это не подозрение, и не начальные симптомы, а явная картина заболевания. Быть нездоровым — риск потерять работу, и стать аутсайдером: *«Нездоровый человек никому не нужен, ни на работе, да и вообще по жизни»*. Вероятно, такое представление возникает потому, что обладатели среднего образования рассматривают здоровье как инструмент функционирования в обществе, и когда этот инструмент выходит из строя, взаимодействие индивида и общества может пресечься. Респонденты также полагают, что симптомы неблагополучия в здоровье — не причина обратиться к врачу, если это ущемляет экономический интерес, и мешает работе, т. к. признание себя больным, и требующим врачебной помощи, грозит респондентам экономическими санкциями.

Что касается субъективной оценки своего здоровья большинство респондентов считают себя нездоровыми, приводя при этом различные причины: лидирующие- вредное производство и возрастные изменения. Основные хронические заболевания данной группы- заболевания ЖКТ, различные кишечные расстройства, заболевания почек и верхних дыхательных путей. Многие отмечают, что получили болезни на производстве- бронхит и язву- от испарений химикатов и газов, заболевания кишечника и желудка- от нерегулярного, некачественного питания, или, зачастую, невозможности в принципе принимать пищу на работе, болезни суставов и травмы- от падения тяжелого груза, или аварий у станка. Большинство мужчин данной группы работают на заводах, или в частных цехах, где преобладает физический, зачастую неквалифицированный труд. Женщины также заняты тяжелым физическим трудом, например, работая маляром-

штукатуром или почтальоном в бандерольном отделе. Уже имеющиеся хронические заболевания, связанные с условиями труда респондентов, сложно поддаются лечению, т. к. самый главный фактор- работа, никуда не исчезает. Жертвуя своим здоровьем, люди не решаются сменить место работы, продолжая оставаться на этом рабочем месте. Во многих случаях, как этот, мы становимся свидетелями замкнутого круга, за попытку разорвать который, человек может заплатить экономической несостоятельностью.

Охарактеризовав современного потребителя медицинских услуг, с акцентом на отличия в разных образовательных стратах, необходимо рассмотреть аспект взаимодействия респондентов с системой здравоохранения. Начнем со знаний о здоровье и источниках информации о нем. Высокообразованные респонденты очень ценят знания как таковые и знания о здоровье в частности. Первоисточник информации для них- врач, а также специализированные издания, энциклопедии и справочники. Интернету респонденты верят мало, т. к. считают, что информация там «загрязненная», и нет никакой цензуры, а вот просветительскую важность ТВ и газет признают. Говоря о наличии постоянного врача, большинство респондентов отмечают, что постоянного врача у них нет, но при возникновении проблем со здоровьем они будут искать хорошего врача по знакомым. К участковому терапевту они обращаются в случае получения больничного листа, или выписки направления на стационарное или амбулаторное обследование в больницу. Респонденты склонны доверять врачам, имеющим богатый опыт работы и репутацию, работающим в известных учреждениях. Каждому новому врачу предстоит пройти проверку в глазах респондента. Представители высокообразованной группы с удовольствием пользуются платными услугами по знакомству, вместе с тем, они отмечают, что не верят ярким вывескам, и непроверенным частным центрам. Почти все имеют постоянного платного врача, это стоматолог. Если его услуги и квалификация устраивают, то к нему обращается вся семья, его координаты передаются знакомым и родственникам.

В целом, дипломированные респонденты рады, изменениям в отечественном здравоохранении, их устраивает, что появился платный сегмент, это значительно расширило возможности заботы о себе, профилактического и эстетического ухода за здоровьем и внешностью. Позитивно реагируют они и на широкий ассортимент иностранных лекарств, новую сверхточную технику, сделанные ремонты в государственных учреждениях. Отныне больше не проблема попасть к врачу, и даже отсутствие связей

не кажется трагедией, ведь консультацию профессора можно получить за деньги, просто «приди с улицы». Самое ценное здесь — отсутствие очередей и большое внимание, которое уделяется каждому пациенту. Доверие системе здравоохранения в целом здесь на среднем уровне, это связано с тем, что каждый высокообразованный респондент старается формировать свою систему, иметь «свою» поликлинику, «своего врача», и даже «свою» больницу, а всему созданному он уже доверяет на 100%.

Анализируя эти же основания в полярной группе, отметим следующее. Наименее образованные респонденты не только не интересуются информацией о здоровье и методами его поддержания, но и считают, что это вредно, что если человек заинтересуется своим здоровьем и обратит на него больше внимания, то он еще больше заболит: *« чем меньше знаешь, тем лучше»*, *« не хочу быть мнительным»*, *« нельзя обращать внимания на маленькое недомогание, иначе заболеешь по настоящему»*- преобладающие ответы в этой группе. На вопрос «откуда вы черпаете информацию о здоровье?», большинство отмечают рекламу лекарств по ТВ и радио, видимо, этим ограничивая само понимание информации о здоровье. Лишь единицы ответили, что получают знания о здоровье от профессионала-медика.

Респонденты заявляют, что при наличии проблем со здоровьем они обратятся в районную поликлинику, постоянным врачом в данном случае выступает участковый. Людмила, 56 лет, говорит об этом процессе так: *« Все начинается с участкового. Бывает, никуда не направляет. А если куда направит, месяц запись к специалистам: невропатолог, ревматолог. Подумаешь, подумаешь, и бросишь это дело»*. Для некоторых респондентов обращение за медицинской помощью становится затруднительным, т. к. их по различным причинам не устраивает участковый терапевт, а к кому еще обратиться они не знают. Александр, 52 года комментирует это так: *« Я понял, что и поликлиника нас, и больница, и все остальное, оно просто нас не лечит... это бесполезно. Что мы туда ходим, что мы туда не ходим. Это практически нулевой результат»*. В результате, они занимаются самолечением, и доводят болезнь до пика. Многие, зная, что участковый не удлит им много времени, стараются с мелкими жалобами не ходить, грипп и простуду переносят на ногах, обращаются только в крайнем случае, когда не обратиться нельзя: *« если открытый перелом — чего уж тут дома лечиться»*.

Связи в здравоохранении в этом кругу формируются трудно. Большинство респондентов отмечают, что связей в здравоохранении у них не появилось. Представители данной группы практически никогда не исполь-

зуют связи для обычного, рядового обследования, в отличие от высоко статусной группы, где наблюдение у врача по знакомству является своего рода гарантией от неожиданных экстренных случаев. Т.о. возникающие связи у менее образованных респондентов кратковременны, и в итоге, не эффективны для здоровья. Особенностью менее образованной группы респондентов является то, что вопросы доверия врачу напрямую связаны с фактором платности, что выражается цитатой: *«доверия раньше было больше, сейчас не заплатишь- не получишь»*. Поэтому мы будем рассматривать эти показатели вкуче. Респонденты полагают, что качество услуги и внимание врача полностью зависит от их финансовых возможностей. Они отмечают, что уже не проводят границы между платной и бесплатной медициной, говоря *«сейчас вся медицина платная»*. Их очень смущает и пугает тотальная платность, когда даже районная поликлиника перестает быть доступной: запись к врачам- специалистам растягивается на 3-4 месяца, и быстрый бесплатный прием невозможен.

Подавляющее большинство респондентов отмечают, что никогда не прибегали к платной медицине, некоторые используют ее редко — для обследования детей, или экстренных анализов и УЗИ, а также неотложной стоматологической помощи. Самое главное опасение связано с тем, что платный врач назначит дорогие исследования и лекарства, без которых можно было обойтись. Для профилактических услуг платная помощь не используется. О доверии можно сказать следующее: врачам респонденты доверяют мало, но все равно к ним идут, объясняя это так: *«приходится доверять. Тут выбираешь между жизнью и смертью»*.

Доверие системе здравоохранения в целом ниже, чем в группе высшего образования« если ты слишком богатый, то будут придумывать любые заболевания, лишь бы тянуть деньги. А если ты бедный, они из тебя вытянут последнее, но в результате ты все равно умрешь». Респонденты связывают это с изменениями, произошедшими в медицине в последние пять лет. То, что в дипломированной группе является плюсом, здесь автоматически превращается в минус. Медицина стала платной, а значит, меньше возможностей позаботиться о себе, много хорошего оборудования, но исследования на нем всегда платные, много новых иностранных лекарств, но исчезают дешевые российские аналоги. Ремонт в поликлиниках уже не радует, т. к. к врачу попасть становится все труднее и т. д.

Подводя итоги нашей работы, можно сделать следующие выводы. Респонденты с высшим образованием реализуют свои стратегии в здравоохранении последовательно и логично. Они четко осознают рамки своей от-

ветственности за здоровье, и не будут ждать приглашения врача. Для них здоровье- жесткий, строгий критерий, которому они стремятся соответствовать, прикладывая для этого все возможные усилия (профилактика, диагностика на ранних сроках, современные методики лечения). Районная поликлиника является для них инструментом выдачи официальных медицинских документов по месту жительства, таких как больничный лист, справка в бассейн, или направление на стационарное лечение. Респонденты также склонны обращаться за помощью к участковому, когда проблема идентифицируется ими как незначительная. Ключом к здоровью этой группы является их активность, и высокая социальная адаптированность к «предлагаемым обстоятельствам» жизни. Это утверждение одинаково справедливо как для ситуации здоровья, так и болезни. В здоровье они активны в профилактике, в болезни- в поисках нужного врача и методах лечения. Респонденты задействуют весь спектр своих возможностей, в том числе и платные услуги. В ситуации, когда они убедились в правильности выбора метода лечения и врача, они не боятся ошибиться и заплатить, т. к. делают свой выбор осмысленно, зачастую, минимизируя дополнительные расходы.

Респонденты со средним образованием реализуют свои стратегии в здоровье так: понимая здоровье как свою функциональность, они считают себя здоровыми, пока не пресечется физическая возможность выполнять работу. Ответственными за свое здоровье они видят работодателя и государство, а значит, их собственный контроль над своим здоровьем невозможен, а даже более — бесполезен и вреден. Они не активны, а скорее пассивны, в сфере здоровья. Районная поликлиника для них- единственное лечебное учреждение, они туда обращаются со всем спектром заболеваний, зачастую мнение участкового врача для них –единственное врачебное мнение на протяжении всей истории болезни. При этом, большинство респондентов недовольны свои участковым, и поэтому избегают с ним общаться в принципе, даже в ситуации прогрессирующего заболевания. Неформальные связи в данной группе формируются тяжелее, и отличаются нестабильностью и кратковременностью. Платная медицина пугает респондентов, они опасаются заплатить, не получив результата.

Безусловно, стратегии взаимодействия с системой здравоохранения социально дифференцированы. Причины тому и ограниченность доступа к необходимым для получения высококвалифицированной помощи ресурсам, и разность культурного и бытового фона жизни респондентов, как и субъективной оценки ими своего здоровья и различного отношения к здо-

ровью в принципе. Наибольшую тревогу вызывает тот факт, что наименее адаптированные к условиям современного общества и наименее образованные граждане, берущие за основу преимущественно бесплатные государственные услуги, которые с каждым годом получить все тяжелее, имеют меньше возможностей для своевременного обращения к специалистам и быстрого решения возникающих проблем со здоровьем [3]. Их социальная незащищенность нарастает с каждым днем, и эта ситуация стремится стать кризисной.

Список использованной литературы

1. Aday, L.A., Andersen, R. A framework for the study of access to medical care. *Health Services Research*. 1974, 9(3).
2. Русинова Н.Л., Браун Дж., Панова Л.В.. Социальные дифференциации в здоровье петербуржцев в первом постсоветском десятилетии. Санкт-Петербург в зеркале социологии / Под ред. В.В. Козловского. –СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. СПб., 2003.
3. Заруцкая Е.А. *Неравенство в доступе к услугам здравоохранения / Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Рефердум. 2003.*

«Катастрофа на Енисее» Авария на Саяно-Шушенской ГЭС в российской блогосфере

Последние годы мы можем наблюдать новое, быстро растущее явление в Интернете, которое некоторые авторы даже называют революцией — блогосферу (David C. Wyld, 2007: 2). Блоги это уникальный формат, который создает равные возможности для самовыражения, любому, кто имеет доступ в Интернет. Блог (англ. blog, от «web log», «сетевой журнал или дневник событий») — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи (посты), содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны записи, отсортированные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментарии к блогзаписи или своих блогах) (Блог, 2009). Становясь широко популярными каналами коммуникации, блоги формируют новое публичное пространство — блогосферу (совокупность всех блогов Сети), в которой люди могут выражать свои мнения и обсуждать их. Блогосфера распространяется с огромной скоростью.

Первые блоги в их современной форме появились в конце 1997 — начале 1998 года. Если в 2000 году блогов было тысячи, то в январе 2008 года, их было уже около 113 млн (Fossato F., Lloyd J., Verkhovsky A., 2008: 14). Блогосферу можно определить как «виртуальную площадку для дискуссий и политического участия» (Polat R., 2005: 450) или «публичное пространство» (Cammaerts B., 2007: 138). Благодаря некоторым признакам блоги, прежде всего те, в которых обсуждаются общественные проблемы, можно отнести к альтернативным или гражданским СМИ.

Профессор Сиракузского университета, Дж. Аткинсон определяет альтернативные СМИ, как “СМИ, которые производятся некоммерческими источниками и пытаются изменить существующие социальные роли и рутины, критикуя и бросая вызов властным структурам” (Atkinson J. 2006:

252). К. Аттон, профессор Эдинбургского университета Альтернативные медиа представляют независимую платформу для групп и отдельных людей, которые маргинализированы мейнстримовскими СМИ (Atton, С., 2002). По мнению американского исследователя Д. Трэйси, альтернативные СМИ имеют возможность «превращать зрителей в активных участников, ежедневно имеющих дело события, влияющие на их жизни» (Tracy, J.F., 2007: 272). Д. Хамилтон, профессор университета Джорджии пишет, что альтернативные медиа часто видят свою роль в «образовании и мобилизации «масс» на службу дела или движения» (Hamilton J. 2000: 357-358). Другой американский исследователь, К. Родригез предлагает иное понятие «гражданские СМИ», которое включает в себя: способы производства, характеризующиеся открытым доступом и волонтерством, цели, включающие в себя социальные изменения, и ориентация не на получение прибыли (Rodriguez, С., 2001). Как пишет британский исследователь, блоги имеют возможность сообщать новости без давления цензуры или рекламы, не имеют gatekeeper, по крайней мере в том значении, в каком это есть в мейнстримовском журнализме (O Sullivan Alternative media, 1994: 10) и таким образом, имеют возможность становится независимыми платформами для различных групп и движений, которые маргинализированы мейнстримовскими СМИ. Они дают читателем возможность быть активными участниками, посредством участия в дискуссиях. Блоги не нацелены на получение прибыли. Конечно, далеко не большинство блогов выступают за радикальные социальные изменения. Можно только говорить, что выступать за такие изменения, им, безусловно, легче, чем мейнстримовским СМИ.

СМИ являются одним из основных источников наших представлений об окружающем мире. СМИ представляют собой «арены, на которых происходят символические споры между конкурирующими организаторами смысла». Р.Кокс, профессор университета Северной Каролины пишет, что центральные вопросы в этом символическом споре: кто получает представление в СМИ и какие темы появляются в СМИ, при рассмотрении вопроса (Cox, R, 2006). Как замечает известный специалист в области изучения СМИ, Т.Гитлин, СМИ далеки от автономии. Те, кто правят основными институтами, в большой мере прямо и опосредованно внушают свои определения ситуации тем, кем правят (Gitlin T, 1980: 15). Американские авторы С.Хилгатнер и Ч.Боск говорят, что СМИ являются публичными аренами, на которых происходит соревнование между различными проблемами. Авторы отмечают для СМИ важность отбора, роль «привратников»

в информации. Существуют «принципы отбора» или институциональные, политические и культурные факторы, которые влияют на возможности выживания формулировок соревнующихся проблем (Hilgatter S., Bosk C, 1988: 62). Заявления о социальных проблемах не только приковывают внимание к ситуации, они также интерпретируют проблему определенными способами. Как говорилось выше, блоги отличаются от традиционных СМИ, в это публичное пространство со своей информацией, взглядами, в том числе и радикальными идеями, имеет доступ те, кто не может, появиться в традиционных СМИ.

Если говорить о России, то мы видим, что блогосфера здесь тоже развивается стремительно. На апрель 2008 года существовало около 4 миллионов блогов на русском языке (Яндекс, Состояние блогосферы, 2008). По причинам состояния средств массовой информации в России, блогосфера рассматривается многими пользователями и наблюдателями как единственно настоящая публичная сфера. Государственный контроль над средствами массовой информации (особенно ТВ и крупнейших газет) привел к тому, что в них остается все меньше возможностей для изложения альтернативных точек зрения. Блогосферу можно было бы определить, как «альтернативное публичное пространство», в котором могут обсуждаться какие угодно проблемы, излагаться различные точки зрения. Будучи альтернативными по форме, являются ли альтернативными блоги по содержанию? В рамках исследования меня особенно интересовало, насколько блоги предоставляют возможность заявить о себе тем, кто ставит под вопрос политическую систему в стране, бросая вызов властным структурам, выражая иногда самые радикальные взгляды. И если да, то, какие взгляды мы можем обнаружить в блогосфере.

Работа посвящена тому, как российская блогосфера отреагировала на одну из крупнейших аварий в истории России — аварию на Саяно-Шушенской ГЭС. Целью исследования было выяснить, какие аспекты аварии (жертвы аварии, угрозы затопления ближайших населенных пунктов, экологические, экономические последствия аварии) поднимались блоггерами, какие версии обсуждались, кто служил объектом обвинения, рассматривали ли авторы постов причины аварии. Отдельное внимание, насколько проблема аварии «политизировалась», т.е. писали ли блоггеры о политических причинах аварии, в широком смысле (политическая, экономическая система, реформа РАО ЕЭС и т. п.). Насколько часто обвинения выдвигались против политического режима в стране. Насколько критически блоггеры воспринимали официальную информацию о случившемся.

ся (количество жертв, угрозу затопления и т. п.). Какими источниками информации пользовались блоггеры. Кроме того, блогосфера дает уникальную возможность — получить информацию из первых рук, если не непосредственных свидетелей, то людей, кого, так или иначе, затронуло обсуждаемое событие. Поэтому предметом анализа было также, присутствие блоггеров-авторов постов живущих в Абакане, или по крайней мере в Красноярском крае, который тоже могли затронуть последствия аварии.

Саяно-Шушенская гидроэлектростанция на реке Енисей является крупнейшей ГЭС России и одной из наиболее крупных ГЭС в мире. Она расположена на границе Красноярского края и Хакасии. В постоянную эксплуатацию электростанция была принята в 2000 году. До аварии 2009 года производила 15 процентов энергии, вырабатываемой на российских гидроэлектростанциях. В настоящее время «Саяно-Шушенская ГЭС имени П. С. Непорожного» является филиалом ОАО «РусГидро». Авария на Саяно-Шушенской ГЭС — индустриальная техногенная катастрофа, произошедшая 17 августа 2009 года. В результате аварии погибло 75 человек, оборудованию и помещениям станции нанесён серьёзный ущерб. Авария привела к полному или частичному разрушению девяти из десяти гидроагрегатов станции (Авария на Саяно-Шушенской ГЭС, 2009.). Последствия аварии отразились и на экологической обстановке акватории, прилегающей к ГЭС, на социальной и экономической сферах региона. Данная авария является крупнейшей в истории катастрофой на гидроэнергетическом объекте России и одной из самых значительных в истории мировой гидроэнергетики. Некоторые специалисты и организации сравнивают Саяно-Шушенскую катастрофу по её значимости и влиянию на экономические и социологические аспекты жизни России с аварией на Чернобыльской АЭС (Уроки сибирской катастрофы, 2009). Авария вызвала большой общественный резонанс, став одним из самых обсуждаемых в средствах массовой информации событий 2009 года. Та по данным журнала «Коммерсант-Власть», почти 6% материалов основных центральных СМИ в течение двух недель после катастрофы было посвящено аварии на Саяно-Шушенской ГЭС (Коммерсант-Власть, 2009)

Для анализа российской блогосферы были выбраны посты, помещенные в «Живом Журнале». «Живой Журнал» — один из 4-х крупнейших российских блогхостингов на которых находится более 75% всех русскоязычных дневников. Начиная с 2001 года России «Живой Журнал» стал одним из крупнейших дискуссионных центров российского Интернета. На ноябрь 2007 года в русскоязычном сегменте «Живого Журнала» насчиты-

валось 1245 тысяч индивидуальных блогов и 74 тысяч блогов сообществ (*Живой журнал в цифрах, 2007*). Довольно часто сообщества создаются в «Живом Журнале» с целью их использования для привлечения к той или иной острой проблеме, для мобилизации читателей для участия в акциях. Можно привести подобные сообщества, созданные в связи с появлением острых экологических проблем: сообщество «no_baikal_pipe», созданное в связи с опасностью строительства нефтяного трубопровода вблизи Байкала, сообщество «no_olympic_games», появившееся в связи с экологическими проблемами, связанными с проведением в Сочи Олимпийских игр. В целом, пользователи «Живого Журнала» имеют тенденцию к де-виртуализации: встречи пользователей «Живого Журнала» регулярно проходят в Москве и других местах. Появились общественные организации, которые родились в «Живом Журнале». Так известная в Санкт-Петербурге организация «Живой город» зародилась в результате общения блоггеров в «Живом Журнале». Для анализа были выбраны посты, помещенные в первый день аварии. Первый день был выбран потому, что меня интересовала первая реакция блоггеров, на которую еще не могли повлиять интерпретация со стороны традиционных средств массовой информации, различных политиков.

Для проведения контент-анализа были сформированы следующие категории:

- Цель записи
- Аспекты аварии
- Версии аварии
- Причины аварии
- Объект обвинения
- Claim-makers
- Источники информации

Были проанализированы 443 поста 352 авторов за 17 августа 2009 года. Если говорить о местожительстве блоггеров, то всего 3% постов было написано авторами, проживавшими в Абакане и 17% в Красноярске и Красноярском крае (из тех, кто обозначил свое местожительство). Анализ показал, что в большинстве постов авторы выражали свое отношение к катастрофе. В то же время, неожиданным оказалось, что довольно много, почти 40% постов представляли собой просто информационные сообщения, часто дублируя сообщения агентств.

Если говорить о том, какие вопросы затрагивались в сообщениях, то мы видим, что, безусловно, на первом месте находился, что не удивитель-

но, вопрос человеческих жертв в результате аварии, а на втором месте угроза затопления, т. е. потенциальная угроза для жителей, прилегающих к станции населенных пунктов.

Т а б л и ц а 1. *Вопросы, обсуждаемые в связи с аварией на ГЭС*

Вопросы	Доля постов
Человеческие жертвы	52
Затопление	27
Экономические последствия	20
Паника	20
«Мистика» (август)	13
Восстановление ГЭС	8
Экологические последствия	7
О других ГЭС	4
Сравнение с безопасностью других источников энергии	0,2
Другое	4

Если говорить о погибших, то всего в около 10% постах (от тех, в которых авторы писали о жертвах аварии) выражалось сомнения в официально озвученных цифрах. Например, мы можем прочитать такие сообщения, как:

«По неподтвержденной пока информации погибли все, кто работал ниже машинного цеха»;

«Погибли люди, сколько — пока точно не известно, но это десятки людей, а не семь-восемь!»;

«Говорят, что погибло 8 человек, но по нашим данным погибших около сотни»;

«Мне отец засекреченную информацию сказал у них контора по таким происшествиям... короче погибло не шесть человек, а гораздо больше и больше ста раненых».

Кроме того в двух постах появляется информация, которая позже привела к скандалу и возбуждению уголовного дела против местного журналиста Михаила Афанасьева: информация о том, что по слухам, оставшиеся в живых работники станции зовут на помощь, «стуча по трубам».

При этом почти в 33% постах (от тех, где затрагивалась тема угрозы затопления в результате катастрофы) говорится об опасности затопления, несмотря на то, что МЧС уверяла, что угрозы затопления нет. Мы можем увидеть в постах такие сообщения, как:

«Позвонила моя лучшая половина (она сейчас в Абакане) — сказала, что на Саяно-Шушенской ГЭС — трещина, что угроза прорыва»;

«Местный народ с кем бы я ни говорил, официальной информации, в том числе и СМИ не верит абсолютно. Звонят родственникам в Хакасию, а там часть селений уже эвакуировали»;

«Саяно-шушенскую ГЭС скоро прорвет»;

«Я слышал, что затопило Майму и Черемушки, а Саяногорск эвакуировали»;

«Жители Саяногорска сидят на чемоданах. поселок Черемушки затоплен».

При этом иногда в этих сообщениях дается противоречивая информация, с одной стороны автор пишет, что «угрозы подтопления нет, как и нет поводов для паники», ссылаясь на пресс-службу МЧС Саяногорска, и в этом же посту автор сообщает, что «поселку Черемушки грозит подтопление».

Если говорить о панике, то о ней блоггеры пишут реже. Только в 20% постах авторы затрагивают этот вопрос. Например, мы можем обнаружить такие сообщения:

«Наши торгпреды звонили из Абакана и Саяногорска — капец там паника! Все таряется бензином, продуктами и валят в горы. Дороги перекрыты, пробки...»;

«Первый признак паники — очереди на автозаправках. Люди заливают полные баки, канистры, хотя куда тут ехать непонятно, если зальет, то дороги в том числе, никто уехать не успеет»;

«Народ запаниковал. Возле заправок очереди. Эвакуацию не объявляли, около 11-ти дня всех распустили с работы. Народ пошел собирать теплые вещи»;

«У подъездов люди с сумками пихают вещи в машины, все возвышенности вокруг Абакана, Минусинска, других городов, прилегающих к руслам рек Енисей и Абакан и их притокам, заполнены людьми. Ментов в городе почти нет. Многие магазины закрыты, рынки пустуют. На выездах из города пробки, бензоколонки атакуются, дикие очереди. Практически невозможно дозвониться по мобильным».

Говоря об экономических последствиях аварии, кроме официальной информации об отключении или снижении нагрузки электроснабжения заводов блоггеры писали, в том числе о грядущем «социальном коллапсе Саяногорска», об том, что под угрозой находится экономика Сибирского региона, о том, что возможно придется перенастраивать всю региональную экономику — что удорожит электроэнергию, себестоимость металлов и др.

Отдельный интерес представлял насколько в первый день аварии блоггеры, участвовавшие в дискуссиях, были озабочены экологическими последствиями катастрофы. Таковых было совсем немного. Только в 7% постов говорилось об экологии. Почти все они связаны с трансформаторным маслом, попавшим в реку, в результате аварии. Мы встречаем такие высказывания блоггеров, как *«хуже, что, говорят, пятно нефтяное по Енисею спускается. Чуть ли не пять км в длину и ширину. Всю экологию добьет окончательно»*. Один из блоггеров выражал опасения, что в составе трансформаторного масла, которое попало в реку, присутствуют полихлорбифенил (*«та штука, которой по официальной версии травили Ющенко»*). Кроме того, некоторые из блоггеров пишут, что рядом с водохранилищем находится биосферный заповедник, о форелевом хозяйстве рядом с ГЭС. Один из блоггеров пишет, что *«сегодняшняя авария заставляет усомниться в безопасности как существующих, так и планируемых ГЭС. Экологи пытаются предотвратить грядущие аварии и жертвы, громадный урон населению и природе, но вместо конструктивного диалога РусГидро обвиняет своих оппонентов в экстремизме»*, что Гринпис *«требует от Правительства пересмотреть Генеральную схему размещения объектов энергетики до 2020 года»*.

Любопытно, что почти в два раза чаще, чем экологические последствия затрагивался вопрос, который условно было бы отнести к «мистике», «Черному» для России месяцу августу. Объяснение этому можно найти в том, что в этот же день произошла катастрофа с самолетами и теракт в Назрани.

В первый день официально выдвигались две версии случившегося. МЧС говорило о гидростатистическом ударе, СКП о взрыве масляного трансформатора. Версии обсуждают в постах не так часто, всего 16% постов уделяют этому внимание. В более чем 30% из них авторы ставят под сомнение официальную версию. В 13% из таких постов, авторы писали о версиях происшедшего, выдвигались версии теракта. В некоторых из постов эта версия выдвигалась под вопросом, не был ли это теракт? Причины произошедшего обсуждается тоже в немногих постах, всего в 17%. Причем в подавляющем числе из них речь идет о политических причинах. И в большинство из них блоггеры видят причину в рыночных реформах, разрушивших советскую экономику, разрушении советской инфраструктуры. При этом любопытно, что они не всегда разграничивают эпоху Ельцина с эпохой Путина. Например, мы можем прочесть такие заявления:

«Саяно-Шушенская ГЭС — краш-тест ельцепутиномедвежьих промышленности и управления», «это — свидетельство хищнической, полного обветшания, эксплуатации остатков России при Ельцине-Путине-Медведеве»;

«Сдается мне, что Эрефия просто агонизирует, это странное государственное образование на пороге краха»;

«Либералы же без войны и разрухи сумели превратить остатки СССР в страну третьего мира, низведя ее до уровня Нигерии, думаю, в иностранных учебниках о Путине будут писать как о человеке, который принял страну с атомной бомбой, а оставил с сохой»;

«Последние профессионалы гибнут прямо на глазах. СССР теряет атмосферу. Далее — безжизненные осколки, далее — беспредел, далее — бессмысленное и беспощадное стадо животных, которые будут бороться за последний глоток воды и воздуха».

В том числе встречаются и такие радикальные суждения, как: *«России нужен новый Сталин, новый ГУЛАГ и новые расстрелы — чтобы установить в стране климат порядка, дисциплины и повиновения».* Правда, некоторые блоггеры видят причину именно в путинском режиме. Приведем примеры такого высказывания:

«В нашем «суверенно-демократическом» королевстве что-то очень сильно прогнило. Настолько, что от него скоро уже мало что останется. Ведь пока наш сиятельный нацлидер со своей свитой бряцает на весь мир «булавами» и проржавевшими дедовскими доспехами, государство под названием Россия стремительно несется под откос»;

«10 жирных путинских лет плавает «островок стабильности» в дерьме псевдоблагополучия, набирая «критическую» массу. Ну и дальше? Процесс пошел! Эффективные менеджеры, доев остатки российской казны, улетели на запад. В руках умирающего народа оставив изношенную инфраструктуру и заемные долги с тандемно-коррупцированной насквозь властью в придачу».

Достаточно часто блоггеры видят причину в реформе РАО ЕЭС, проведенной А. Чубайсом. О политических причинах происшедшего мы можем прочитать и в комментариях читателей постов. В том, числе присутствуют такие комментарии:

«Наивные граждане — избиратели путинных-медведевых — успокаивают себя тем, что пока есть Петросян на ТВ, и дешевая водка, кризис как-нибудь переживется, а некоторые более умные просто не хотят «думать о том, пока «Титаник» плывет». Но он уже даже не плывет»;

«Страна вернулась по времени в 1986 год. Только без гласности. Все мощности властей брошены на враньё. А не на спасение людей. Россия самоуничтожается. Она неремонтабельна. Точка невозврата пройдена»;

«При уходе Ельцина мы все так надеялись на ВВП. Значит, должен признать и уйти, есть другие».

В то же время в комментариях мы можем увидеть настоящую полемику, по вопросу, кто виновен в катастрофе, нынешний режим или прежняя советская система. В поддержку последнего тезиса в этой полемике, мы можем прочитать, например такие суждения:

«известно как строили эти коммунисты, руками зеков, когда зеков не хватало, спускали план на посадки, мусора за ордена этот план перевыполняли, получали очередные звания и награды, а поганый коммунистский режим, получал бесплатных рабочих»;

«Ну, назвать «эффективным» общество, строящее электростанцию 22 года, как-то даже неловко. При планировании всего и вся. Пожалуй, только соборы в средневековой Европе возводили дольше».

Всего обвинения выдвигаются почти в 28% постах. Кого блоггеры видят виновником произошедшего?

Т а б л и ц а 2. Объект обвинения

Объект обвинения	Доля постов
Руководство ГЭС	3
Руководство компании	2
Органы власти, власть	9
Политическая, экономическая система	8
Журналисты	7
Другие	7

Как видно, довольно редко блоггеры видят в качестве таковых сотрудников ГЭС. Гораздо чаще блоггеры обвиняют органы власти (власть) и политическую и экономическую системы. Довольно часто обвинения выдвигаются против журналистов.

Если говорить о власти, то основные обвинения выдвигаются против власти (подразумеваемая центральную власть) и против Путина. Если говорить о других объектах обвинения, то среди них наиболее часто объектом обвинения становился Чубайс. Как видно, довольно часто обвинения в постах выдвигались против других блоггеров, а также против «либералов».

Кто являлись claim-makers в публичном пространстве блогосферы при обсуждении катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС? Ричард Купманс определяет claim как «единицу стратегического действия в публичной сфере,

Т а б л и ц а 3 . Обвинения против власти

Объект обвинения	Доля постов, в которых обвинения выдвигаются против власти
Администрация города, глава города	5
Власти Хакассии	5
Местная власть	5
Власть	41
Путин	29
Федеральное агентство водных ресурсов	2
Медведев	2
Спецслужбы	5
МЧС	2
МВД	2
Прокуратура	2

Т а б л и ц а 4 . Обвинения против других объектов

Объект обвинения	Доля постов, в которых обвинения выдвигаются против других объектов
Чубайс	31
Блоггеры	25
Либералы	13
Дерипасска	9

которое состоит в выражении мнения в форме физического или вербального действия, несмотря на форму выражения (заявление, принятие решения) и, несмотря на природу актора (правительство, общественное движение, отдельный человек)».

Анализ показал, что наиболее часто из *claime-makers* мы видим представителей власти (естественно среди представителей власти чаще всего в постах блоггеров мы видим МЧС). Намного реже в постах говорится о действиях властей Хакассии, местных властей и премьер-министра. Довольно в качестве *claime-makers* в постах действуют местные жители. Только затем идут представители компании. Неожиданным довольно редко на страницах постов мы видим представителей самой ГЭС.

Какими источниками информации пользовались авторы постов. Были выделены 4 категории: традиционные СМИ (пресса, радио, ТВ, агентства), интернет-сайты (в.т. числе интернет-СМИ), блоги и форумы. Анализ пока-

Т а б л и ц а 5. *Claime-makers в постах*

Claime-makers	Доля постов
Власть	26
Свидетели, жители города	16
Компания	13
Специалисты	6
Блоггеры	5
Сотрудники ГЭС	3
Журналисты	1
НПО	0,4
Другие	2

зал, что доля ссылок на интернет сайты и блоги несколько больше, чем ссылок на традиционные СМИ.

Т а б л и ц а 6. *Источники информации*

Источники информации	Доля ссылок
Традиционные СМИ	24
Интернет сайты	34
Блоги	34
Форумы	8

Среди последних, как и следовало ожидать, преобладают ссылки на агентства (РИА «Новости», Интерфакс). Среди других традиционных СМИ чаще встречаются ссылки радиостанцию «Эхо Москвы», газету «Ведомости», «Комсомольскую правду» (в том числе на красноярский выпуск). В то же время анализ показал редкое использование авторами постов местных СМИ.

Среди интернет сайтов мы видим почти ту же картину. Ссылки на сайт Саяногорска составляют всего 3% от всех ссылок на интернет сайты, ссылки на Саяно-Шушенскую ГЭС составляют всего 2%. Возможно это было связано с проблемой работы интернета в городе в связи с катастрофой. Но анализ не выявил, ни одну ссылку на какие-либо сайты Хакассии или Абакана. Нет ни одной ссылки на основные интернет — СМИ Хакассии, как то: «Агентство информационных новостей», «САН — Хакасия», региональный информационно-развлекательный портал «Абакан», агентство новостей «Хакасия информ», журнал «hakasia.ru» и другие. Можно лишь предположить, что информация на этих сайтах ничем не

Т а б л и ц а 7. Ссылки на традиционные СМИ

Источники информации	Доля ссылок от всех ссылок на традиционные СМИ
РИА «Новости»	20
«Эхо Москвы»	11
«Интерфакс»	10
«Ведомости»	7
РБК	6
«Комсомольская правда»	6
ИТАР -ТАСС	6
Сибирское Агентство новостей	4
«Абаканская газета»	3
«Коммерсант»	3
«Газета»	3

отличалась от федеральных и поэтому не могла вызывать интерес у авторов постов. Жители Саяногорска и Абакана обсуждали, судя по ссылкам, происшедшее в основном на двух форумах: Forums.drom.ru и Nakaba.ru/forum.

Для того, что бы сравнить, как в традиционных СМИ освещалась трагедия по сравнению с блогосферой, были проанализированы 4-е газеты за 18 августа 2008 года. Из-за небольшого количества статей в этом случае не был использован метод контент-анализа. Были взяты две качественные газеты: «Коммерсант» и «Независимая газета» и два таблоида: «Комсомольская правда» и «Твой день». Всего было найдено 6 статей, посвященных катастрофе на Саяно-Шушенской ГЭС.

Как видно в газетах в основном присутствует официальная информация о происшедшей аварии. В отличие от блогосферы, газеты не высказывали сомнений в количестве жертв, анализ показал, что только «Твой день» прямо говорит об угрозе затопления, ссылаясь на неназванных специалистов, некоторое беспокойство выражается и в одной из статей «Коммерсанта». Единственная газета, которая сообщает о массовой панике, говоря, что люди не верят официальной информации, это газета «Твой день», при этом том газета ссылается на местных жителей. Другие газеты, говоря о панике, пишут, что она была только в первой половине дня, ссылаясь на официальные источники. Кроме того на страницах газеты «Твой день», так же как и на страницах «Комсомольской правды» в отличие от качественной прессы в качестве *claime-makers* присутству-

Т а б л и ц а 8. Катастрофа Саяно-Шушенской ГЭС в российской прессе

Вопросы		Статьи					
		1	2	3	4	5	6
Газета		Комм.4	Комм.	Комм.	Независим. газета	Комсом. правда	Твой день
Тема	Жертвы	оф. инф	оф. инф	-	оф. инф	оф. инф	оф. инф
	Затопление	Сомнение в оф. инф.	оф. инф	-	оф. инф	оф. инф	угроза затоп..
	Экология	оф. инф	оф. ин	-	оф. инф	-	-
	Экономика	оф. инф	оф. инф	Анализ по-следств	оф. инф	-	-
	Паника	Предполож. о панике	оф. инф	-	оф. инф	оф. инф	Масс. паник
	«Август»	-	-	-	-	+	-
Версия		оф. инф	оф. инф	-	оф. инф	оф. инф	оф. инф
Причина		-	Констр. ГЭС	-	-	Ремонт. работ	-
Обвинение		-	ГЭС	-	-	-	-
Claimemakers	Власть	+	+	-	+	+	+
	жители	-	-	-	-	+	+
	компания	+	+	+	+	+	-
	специалисты	+	+	-	+	-	+
	Сотрудники ГЭС	+	-	-	-	+	-
	Блоггеры	-	-	-	-	-	-

ют местные жители. Мы видим, что газеты не используют блоги местных жителей как источник информации. Газеты излагают только официальную версию, ничего не говоря об альтернативных версиях произошед-

шего. Ни одна из газет также не рассматривает политико-экономические причины аварии. «Коммерсант», ссылаясь на одного из специалистов, говорит о возможной причине в самой конструкции станции, а «Комсомольская правда» пишет, что возможно аварию вызвали ремонтные работы, проводившиеся на станции.

Таким образом, анализ показал, что хотя катастрофа на Саяно-Шушенской активно обсуждалась в российской блогосфере, мы видим, что большинство авторов постов не сомневается в официальной информации о количестве жертв и об угрозе затопления (хотя здесь доля сомневающих несколько больше). Анализ показал, что в некоторых постах (более чем в 30% от всех постов, где авторы говорили о версиях произошедшего) выражалось сомнение в официальных версиях произошедшего (выдвигались версии теракта, даже землетрясения). В то же время авторы газетных публикаций не выражают никаких сомнений в официальных версиях. Блогосфера дает возможность «услышать» голоса местных жителей, которые могут рассказать сами, что видели или слышали, или голоса блогеров, имеющих знакомых, родственников в этих местах. На страницах газет этих голосов не слышно, за исключением, так называемой «желтой прессы». Хотя и в меньшинстве постов авторы пытаются объяснить происшедшее, часто обращаясь к политическим причинам и выдвигая обвинения против существующей политической системы. При этом часто в постах противопоставляется советская экономика, сумевшая построить такие объекты как Саяно-Шушенская ГЭС и современная система, при которой ничего не строится, а советская инфраструктура разрушается. Ничего подобного нет на страницах проанализированных газет, как нет и обвинений в адрес власти. В блогосфере же именно власть в первую очередь, а не работники ГЭС или компания «Русгидро» становится объектом обвинения. При этом блогосфера дает читателям немедленно вступать в дискуссию с авторами постов, подтверждая или опровергая те или иные факты, предлагая свои аргументы, чего, конечно, не может быть в традиционных СМИ. Итак, мы видим, что блогосфера является «альтернативным» публичным пространством, в котором могут выдвигаться различные мнения, вплоть до самых радикальных, обсуждаться официальная информация, и более чем в традиционных СМИ обсуждаться политические причины произошедшего, выдвигаться самые радикальные обвинения, против первых лиц в государстве.

Литература

1. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС: парламентарии установят причины // <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=100903>, 2009
2. Блог // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Блог>, 2009
3. Живой журнал в цифрах. Отчет отдела исследований компании «Суп» // www.sup.com/stat_autumn07.pdf, 2007
4. Коммерсант –Власть, №50, 2009
5. Уроки сибирской катастрофы // <http://www.inosmi.ru/russia/20090819/251708.html>, 2009
6. Яндекс, Состояние блогосферы российского Интернета, Весна 2008 // www.download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2008.pdf
7. Atkinson J. Analyzing resistane narratives at the North American Anarchist Gathering // *Journal of Communication Inquiry*, 30 (3), 2006
8. Atton. C. *Alternative media*. London: Sage, 2002
9. Cammaerts Bart *Blogs, Online Forums, Public Spaces and the Extreme Right in North Belgium* // *Media Technologies and Democracy in an Enlarged Europe* / Ed. By Nico Carpentier. Tartu: Tartu University Press, 2007
10. Cox, R. *Environmental Communication and the Public Sphere*. Thousand Oaks: Sage, 2006
11. Fossato Floriana, Lloyd John, Verkhovsky Alexander. *The Web that Failed. How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia*. Oxford, 2008
12. Gitlin T. *The Whole World is Watching: Mass Media in the Making and Unmaking of the New Left*. Berkley etc.: Univ. of California press cop., 1980
13. Hamilton J. *Alternative media: Conceptual difficulties, critical possibilities*. // *Journal of Communication Inquiry*, 24 (4), 2000
14. Hilgatner S., Bosk C. *The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model* // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol.94 №1.
15. Koopmans R. *Codebook for the Analysis of Political Mobilization and Communication in European Public Spheres* // [www.europub.wz — berlin.de](http://www.europub.wz-berlin.de)
16. Polat Rabia Karakaya. *The Internet and Political Participation. Exploring the Explanatory Links* // *European Journal of Communication*, 2005, Vol. 20, №4
17. Rodriguez. C. *Fissures in the Mediascape: An International Study of Citizens Media*. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2001

18. O Sullivan Alternative media // Key Concepts in Communication and Cultural Studies / O Sullivan, T., Hartley, J., Saunders, D., Montgomery, M., Fiske, M., London: Routledge, 1994
19. Tracy, J.F. A historical case study of alternative news media and labor activism: The Dubuque Leader 1935-1938 // Journalism @ Communication Monographs, 8 (4), Winter, 2007
20. Wyld David C. The Blogging Revolution: Government in the Age of Web 2.0 // www.businessofgovernment.org/pdfs/WyldReportBlog.pdf , 2007

Православное село — прерванная традиция

В последнее десятилетие среди российских социологов возрос интерес к исследованиям такого важного социального института общества как религия. Появились работы, которые можно рассматривать как эталонные в методологическом и эмпирическом плане. Наиболее значимым вопросом для социологов является вопрос о том, кого же можно назвать в современной России «верующим», какую долю населения они охватывают, какие практики реализуют в своей повседневной жизни, и какое влияние институт религии оказывает на жизнь современного человека. Такие исследования проводятся в разных уголках России, используются количественные и качественные подходы. Можно отметить их некоторую фрагментарность — объектом становятся школьники, студенты, молодежь или, например, женщины определенных религиозных общин. Однако узость таких исследований вполне объяснима — на примере небольших социальных групп апробируются исследовательские подходы, которые впоследствии можно распространить на общенациональном уровне. Есть примеры исследований особенностей функционирования института религии на региональном уровне — в Татарстане, в Поволжье, в Алтайском крае и т. д.

Когда мы в нашем исследовательском коллективе взялись за эту проблематику, мы понимали, что она не будет ведущей, а будет иметь скорее подчиненное положение. Базовый проект был посвящен анализу влияния социо-культурных факторов на процессы трансформации российской деревни. Исследование проходило в 2004-2009 годах в 7-ми периферийных районах 4-х областей Нечерноземной полосы России (Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской). Районы выбирались по преимуществу сельскохозяйственные и максимально удаленные от областных центров. Респондентами являлись руководители низового звена — главы сельских администраций и сельскохозяйственных предприятий. Опрос проводился методом глубинного интервью с использованием сплошной выборки. Почему была выбрана именно эта группа? С одной стороны,

наши респонденты являются типичными носителями ценностей сельского сообщества, а следовательно ощущают на себе все происходящие на селе трансформационные процессы. С другой стороны, обладая властным ресурсом, они имеют возможность влиять на эти процессы и оценивать их в силу своего статуса.

Исследуя социо-культурные факторы развития сельской местности, мы никак не могли обойти вниманием такой фактор как религиозная составляющая жизни сельского жителя. Мы понимали, что здесь картина религиозной жизни может быть совсем иной, чем она представляется в массовых опросах. Поэтому и в биографическую и в экспертную части интервью были включены блоки вопросов, касающихся как личной веры наших респондентов, так и оценок роли и влияния церкви на современную российскую деревню. Поскольку исследование проводилось с использованием качественных методов, то и обсуждение этого вопроса исключало высокую степень формализации. В результате мы обладаем набором нарративов разного уровня наполнения, объема и качества сообщенной информации в зависимости от степени важности этой проблематики для самого респондента и его желания обсуждать данную тему. При этом в задачу интервьюеров входило выяснение личной позиции респондента в его терминах и понятиях.

Всего было получено 177 глубинных интервью, где вопросы, касающиеся роли религии и церкви анализировались как отдельные смысловые блоки, так и в общем контексте изучения природы и механизмов социально-культурных изменений современного российского села. Если оценить данный массив по поло-возрастному составу, то 43,5% опрошенных — мужчины; 56,5% — женщины. Приблизительно в таком же процентном соотношении в массиве выделены руководители с/х предприятий и главы местных администраций. В силу статусной специфики изучаемой группы среди респондентов наблюдается существенный возрастной сдвиг в сторону более старших возрастных групп: 63% респондентов люди от 41 до 55 лет; 19% — от 56 лет и старше

и только 18% опрошенных — это люди младше 40 лет. Однако, надо отметить, что структура сельского населения незначительно отличается от нашей выборки, люди старших возрастных групп в ней тоже преобладают. По уровню образования наши респонденты занимают более высокие пози-

ции, чем сельское население в целом — 45,2% имеют средне-специальное образование, а 45,3% неполное высшее и высшее.

Так как подавляющее большинство наших респондентов относится к православной традиции, за исключением нескольких мусульман, что не оказало никакого влияния на результаты исследования, то в название доклада вынесен термин «православное село».

Для анализа степени и форм религиозности сельских жителей и более глубокого анализа религиозных практик на селе мы использовали концепцию пяти эмпирических индикаторов религиозности Ч.Глока и Р.Старка, которые выделяют следующие пять индикаторов ее измерения: религиозный опыт; религиозная вера; культ; знание религии; влияние религиозных мотивов на поведение индивида. Рассмотрим каждый из этих индикаторов применительно к полученным нами данным.

1. РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА

Для классификации респондентов мы взяли широко используемый метод — метод самоназванности. Конечно, подавляющая масса респондентов идентифицирует себя в качестве адепта той или иной религии по большей части в культурно-традиционном аспекте, поскольку разделяет ценности, традиции, обычаи, стереотипы социального поведения, обусловленные исторической ролью конфессии в этической культуре, включая и конфессиональную лексику, и речевые клише. Но когда ситуация достаточно размытая и хочется исследовать ее более глубоко, чем просто составить классификацию населения по степени веры, то лучше использовать такой подход, чем более жесткий. Поэтому мы отказались от очень симпатичного нам подхода В.Ф.Чесноковой к выделению групп верующих по степени и интенсивности воцерковленности и соблюдения основных религиозных практик — посещение храма, исповедь, причастие, чтение Евангелия, молитвы и посты¹. Взяв для анализа достаточно жесткую модель, мы не смогли бы оценить процессы, происходящие в современном российском селе. В ходе анализа нарративов респондентов выделили четыре самостоятельные группы, исключив традиционную для социологических исследований группу «другие конфессии»:

верующие

---

¹ Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. — М.: Академический Проект, 2005. — 304 с.

неопределенно-верующие («колеблющиеся») — люди, не определившиеся относительно своей веры в Бога

неверующие, или люди безразличные к вопросам веры, не имеющие определенной позиции по отношению к ней

убежденные атеисты.

Среди наших респондентов верующими себя назвали 50%, выделены как «колеблющиеся» 30%, назвали себя неверующими — 16%, и назвали себя атеистами — 4%.

Группа **«ВЕРУЮЩИХ»** довольно неоднородна, поэтому мы выделили в ней несколько подгрупп, сильно отличающихся друг от друга и по степени религиозного опыта и по повседневным практикам:

1) респонденты, имеющие устойчивые религиозные традиции в семье, воспроизводимые ими в настоящее время;

2) респонденты, пришедшие к вопросам веры в результате серьезных личных переживаний (потеря близких, болезни и т. п.);

3) респонденты, которые почувствовали потребность в моральной помощи, душевном успокоении, и таким образом постепенно пришел к вере и необходимости посещения церкви.

Из тех, кто назвал себя «верующим» лишь несколько человек состоят в местных церковных общинах или поддерживают с ними тесный контакт.

«КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ» — люди, которые не спешат давать себе четкую характеристику. Они требовательны к вопросам веры, и осозная недостаточную последовательность в выполнении религиозных обрядов или будучи равнодушными к таковым, считают, что называть себя верующими не вправе. (У В.Ф.Чесноковой к этой группе относятся те, кто не до конца определился в вопросах веры и не знает к какой конфессии себя отнести)

Следующая группа — те, кто назвал себя **«НЕВЕРУЮЩИМИ»**. В эту группу мы выделили тех, кто таким образом охарактеризовал свое отношение к вере, однако большая часть респондентов из данной группы вполне допускает существование веры в обществе: «если человек хочет — пусть верит».

В отдельную группу были выделены те, кто твердо назвали себя **АТЕИСТАМИ**. Этот факт мы не смогли игнорировать и объединить их с группой неверующих, так как термин «атеист» является более определенным и сообщает о принципиальной позиции говорящего.

При учёте собственно конфессиональной составляющей религиозной идентичности имеет смысл говорить об уровнях этой идентичности. В основу их выделения можно положить типологию православной идентич-

ности, предложенную С.В. Рыжовой¹ и представить таковые в следующем виде:

1. Внеинституциональная религиозная идентичность — индивид не интегрирован с определённой конфессиональной группой.
2. Групповая религиозная идентичность — результат социализации в конфессиональной группе через приобщение к нормам вероисповедания, жизни, поведения.
3. Индивидуально-личностная религиозная идентичность — «захваченность» личным религиозным опытом.
4. Социально-личностная религиозная идентичность — открытость к любому социальному взаимодействию через призму личного религиозного опыта.

Подавляющее большинство верующих включается в первую группу.

2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

Как религиозный опыт мы рассматривали религиозные традиции, сохранившиеся в семье наших респондентов или в сельском сообществе, в той местности, где они проживают. Рассматривать процесс эволюции религиозного сознания на селе через модель «маятника», — от тоталитарного господства православия до полной победы атеизма и обратного хода в 90-е гг. XX века — предложенную Д.Е.Фурманом и С.Б.Филатовым² нам кажется не совсем корректно. Вызывает сомнение и всеобщность православия в дореволюционной России, что подтверждается многочисленными исследованиями историков и религиоведов, и всеобщность атеистического сознания в период Советского государства³. Итак, какой религиозный опыт могли почерпнуть наши респонденты на протяжении своей жизни.

2.1. СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ. Значимый религиозный опыт имела только часть респондентов из тех, кто отнес себя к категории «верующих». Это люди, которые сохранили религиозные традиции своей родительской семьи. Респонденты не всегда поддерживали их в годы Советской власти, что связывалось ими с идеологическими проблемами или с периодом ста-

---

¹ Рыжова С.В. Русское самосознание и православная идентичность: между миролюбием и экстремизмом. В сб. Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004. — М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 318-344.

² Филатов С., Фурман Д. Религия и политика в массовом сознании. Социологические исследования. 1992, № 7. С. 3-12 и другие работы.

³ См. например Лучшев Е.М. Русский Бог. У истоков советского атеизма. — СПб., ГМИР, «Акционер и К», 2003. — 120 с.

новления личности в молодости, когда к вопросам веры относятся более радикально. Но со временем, а также в связи с изменением государственной политики в отношении церкви, появлением большей свободы в вопросах вероисповедания, снова обратились к вере. Религиозными могли быть не только бабушки или дедушки наших респондентов, но и родители. В годы СССР религиозное поведение женской части семьи встречало меньше нареканий со стороны властей, а мужчины в основном занимали нейтральную позицию, позволяя или не возражая против крещения детей, хождения с детьми в церковь, соблюдения иных обрядов. Сейчас такие респонденты довольно активно, по сравнению с другими, участвуют в жизни церкви или местной церковной общины, более-менее регулярно посещают службы, даже знают некоторое количество молитв, могут петь в церковном хоре и т. д. Такое регулярное посещение церкви является важным и необходимым элементом их повседневной жизни.

Но в целом, отсутствие традиции в вопросах веры является одной из наиболее часто упоминаемых причин маловерия как в личном плане у самих респондентов, так, по их оценкам, у сельских жителей в целом.

«С детства нас к религии не приучили, поэтому сейчас так слушаем, смотрим. Ну, знаний у нас так нет по религии...» (ж., 63 г.)

Крещение — это, пожалуй, единственная религиозная традиция, которой придерживается большинство респондентов и сельских жителей вообще; ее можно отнести к практически непрерываемым религиозным традициям в российском обществе. Этот обряд старались сохранить даже в самые неблагоприятные для церкви времена. Вероятно, это удалось в силу того, что сельские жители смогли ограничить публичность данного таинства — значительное число респондентов среднего и старшего возраста отмечало, что были крещены в годы Советской власти бабушками или взрослыми женщинами тайно, «на печи». И хотя церковь не признает такой способ проведения обряда легитимным, для сельских жителей в период «гонений на церковь» он был наиболее возможным при негласной поддержке той же Православной церкви.

«Так а раньше же крестили нас тайно, наверное, я крещеная, меня бабушка. В церкви нельзя было, крестили на дому.» (ж., 50 л.)

Еще одним способом избежать публичности при крещении ребенка была возможность увезти его в другой населенный пункт. Некоторые респонденты в детстве были крещены, когда ездили с родителями на отдых или в гости к родственникам в крупные города, где их никто не знал. В то же время многие православные обычаи укоренились в культуре настоль-

ко, что стали обыденными, повседневными (празднование Пасхи, Троицы и т. д.). Они как бы превратились в культурные традиции и признаются всеми — и верующими, и неверующими, а зачастую так и выполняются. Годы «атеизма» не смогли уничтожить эти элементы культурно-христианской традиции, они стали ниточками, соединяющими публичную, разрешенную сферу религиозности российского народа и ее скрытую, «подпольную» часть. В то же время, признание существования такой традиции со стороны властей давало им возможность контролировать религиозное поведение населения.

2.2. Традиции сельского сообщества. Сельские сообщества также старались сохранять какие-либо религиозные традиции, помогающие ему, этому сообществу в сохранении целостности, самоидентификации, преемственности образа жизни. Респонденты рассказывали о почитаемых в народе родниках, святых источниках, святых местах, которые сохранились на территории их округа. За ними ухаживали в самые тяжелые времена, а наличие таких мест поклонения было трудно отследить. Сейчас они в основном обозначены часовнями или иными постройками религиозного характера.

«Ключик — это был всегда. Мы сюда приехали, а раньше это было вообще столпотворение. Людей приезжало очень много.» (ж., 50 л.)

Религиозные традиции в сельском сообществе помогала сохранять и сама церковь. В некоторых муниципальных округах есть действующие церкви, которые не закрывались даже в самые тяжелые времена. Именно в таких населенных пунктах можно отметить большую вовлеченность жителей в жизнь православной церкви. Здесь традиционно отмечаются местные религиозные праздники, помимо местных жителей церковь посещают многочисленные паломники или интересующиеся вопросами веры из других населенных пунктов, и даже крупных городов.

«И 19 августа у нас Яблочный Спас — это наш праздник. Тоже очень много народа приезжает, и из Твери стараются, Бежецка. Ну, кто где живет старается выбраться. А в остальные — служба же идет каждое воскресенье, и там еще в праздники. Но там немного. Только вот местные, иногда приезжают кто поближе с поселка. А так приезжают и из Финляндии на службу, из Сергиева Посада приезжают на автобусе.» (ж., 49 л.)

С одной стороны, отнюдь не все церкви были закрыты в годы Советской власти, с другой стороны, были случаи, когда сельское население активно отстаивало свой храм при попытках его закрытия.

2.3. ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВА. Респонденты отмечают, что в годы Советской власти государство в значительной степени ограничивало роль церкви на селе. Так называемые «гонения» на церковь проходили волнами:

1) первая волна 20-30-х годов, когда была разрушена значительная часть церковных зданий;

2) вторая волна пришла на конец 50-х годов, когда многие церкви, и действующие и недействующие разбирали на кирпичи, которые использовали для строительства коровников и других хозяйственных построек;

3) следующая волна пришла на конец 70-х — начало 80-х годов, когда партийное руководство обязало сельских администраторов и партийных руководителей ограничивать влияние церкви, присматривать за ее работой.

«Одно время у нас, помните когда была, где-то в 80-е годы, мы смотрели за работой церкви, следили там. А сейчас нет.» (ж., 50 л.)

Зачастую недостаток знаний в области религии, веры, малое соблюдение обрядовой стороны респонденты объясняют своим советским прошлым, когда идеологическая работа по отношению к церкви и верующим людям привела к тому, что значительная часть населения вроде бы стала атеистами.

«Мы же атеисты. Нас же растили коммунистами, наверное. (...) тогда был, комсомол, пионеры. Как-то Бога не было.» (ж., 50 л.)

«Нас не так воспитали.» (м., 50 л.)

Однако со временем отношение государства к церкви, в том числе Православной, резко изменилось.

«Ну да, я сам вот против этой церкви. Я столько лет работаю, и воспитан был в духе таком. И при ЦК КПСС политика такая была, и сейчас я к этому склонен тоже. Но многие ходят, есть даже из таких рядов ходят, из органов представительных. Руководящий состав даже ходит. Раньше такого не было. Вот я работал в райкоме партии, не замечал. А сейчас стало, да, ходят много. Прибавляет церковь.» (м., 60 л.)

В основном наши респонденты положительно оценивают такое изменение идеологической ситуации, они не видят в этом большого противоречия. Негативные оценки в отношении повышения роли церкви в обществе высказало всего несколько человек. Даже неверующие респонденты отмечали положительные моменты в изменении государственного курса по отношению к религии.

3. ЗНАНИЕ РЕЛИГИИ

Отсутствие устойчивых, передаваемых из поколения в поколение традиций, уничтожение любых форм церковного образования на селе в годы Советской власти привели к тому, что любые формы религиозного знания, даже самые примитивные и ограниченные, которыми отличалось сельское население России, перестали существовать. К устойчиво передаваемым знаниям можно отнести лишь молитвы и то только в семьях, поддерживающих религиозные традиции. Таких, однако, очень мало. В силу малой грамотности сельского населения более глубокие познания в Евангелии и иной духовной литературе практически отсутствовали. Носителями религиозного знания в основном являлись батюшки местных церквей.

В то же время незнание догматов православной церкви не делает человека менее православным. На это указывают многие социологи, исследователи религиозного феномена¹. Такое незнание отличает многих современных верующих, даже тех, кто регулярно посещает церковь, активно молится и т. д. Лишь небольшая часть воцерковленных может более-менее адекватно воспроизвести догматы церкви и объяснить их. К тому же незнание или поверхностное знание было характерно и для дореволюционной России. Невежественны были не только простые верующие, но зачатую и служители церкви.

4. Культ

Собственно сейчас мы перейдем к характеристике соблюдения основных религиозных практик сельскими жителями — посещение храма, исповедь, причастие, чтение религиозной литературы, молитвы, посты и т. д.

Основная часть респондентов всех выделенных нами четырех категорий, вплоть до атеистов, бывают в церкви по крупным праздникам, в связи с посещением кладбища, на котором похоронены близкие родственники, или когда приезжают по каким-либо делам в районный центр, в котором обязательно имеется действующий храм. И среди тех, кто обозначил себя как «верующие», и среди «колеблющихся», и даже среди «неверующих» есть респонденты, которые стараются ходить на службу по выходным дням, если это возможно, или в связи с возникающей внутренней потребностью. Однако, респонденты отмечают, что посещения эти все-таки бывают нечастыми. По их мнению, низкая частота посещения храма среди сельских жителей зависит от нескольких факторов:

- отсутствия соответствующей традиции;

---

¹ См, например, Чеснокову В.Ф. Указ. соч.

- незнания церковных обрядов и трудности их выполнения для малознающего человека;
- нехватки времени, так как сельскохозяйственный труд отнимает слишком много времени;
- невозможности добраться до церкви из-за ее удаленности.

Чеснокова В.Ф. в своих исследованиях также отмечает, что человек может быть отягощен своими привычками, обычаями, устоями, повседневным укладом и найти место для религиозных форм поведения ему довольно сложно. Именно так происходит и с нашими респондентами. Сельский образ жизни предполагает большую физическую нагрузку, большинство респондентов помимо основной работы ведут личное подсобное хозяйство, и практически не имеют возможности отдохнуть или заняться другими делами. В такой ситуации найти время для религиозных практик не так просто. А посещение церкви зачастую и вовсе становится труднодостижимым из-за удаленности учреждений культа, отсутствия общественного транспорта и хороших дорог на селе. В сельской местности действующих церквей сохранилось крайне мало, они значительно удалены от большинства населенных пунктов (иногда расстояние до ближайшей церкви достигает почти 100 километров). Даже посещение районного центра подчас является проблемой для сельского жителя.

Как «верующие», так и «колеблющиеся» отмечают недостаток знаний и по вопросам религии в целом, и по обрядовой области жизни верующего человека. Этот факт сильно затрудняет их путь в церковь. Некоторые респонденты отметили, что в силу малой образованности в вопросах веры стараются реже ходить в церковь, так как чувствуют там себя неудобно.

«С детства нас к религии не приучили, поэтому сейчас так слушаем, смотрим. Ну, знаний у нас так нет по религии... Так что особо про религию ничего не могу сказать. Сейчас вот стали ее поднимать. А до этого никто ничего не знали. В церковь зайдешь, там ничего не знаешь. Постойшь, да и пойдешь.» (ж., 63 г.)

Однако, подавляющее большинство наших респондентов прошло обряд крещения, в основном в детстве, некоторая часть уже будучи взрослыми, иногда совместно с собственными детьми или внуками. И только один респондент отметил, что крестился взрослым, что являлось данью возникшей тогда моде.

Иные религиозные практики, в частности, чтение литературы, молитвы, соблюдение постов практически полностью отсутствуют в повседнев-

ной жизни наших респондентов, за исключением некоторого количества членов церковных общин.

5. ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ НА ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДА.

Этот индикатор мы рассматривали как на уровне личного религиозного поведения наших респондентов, как типичных представителей сельского сообщества, так и на уровне их оценок поведения односельчан и роли религиозного фактора для жизни села. Картина отношения к вере и церкви получилась крайне мозаичной, где внешние факторы часто перевешивают роль и значение личностных, внутренних. Многие практики зависят от наличия в данном или ближайшем населенном пункте храма, степени его доступности при большом удалении. А также от того насколько муниципальная администрация тесно взаимодействует с местными церковными деятелями.

Следует указать на тот факт, что степень тесноты взаимодействия сельского сообщества гораздо выше, чем в городской среде, поэтому люди, проявляющие себя как верующие или каким-то образом участвующие в жизни церкви, открыты всему сельскому сообществу, более заметны. Степень одобрения или осуждения такого поведения также гораздо выше. При общем положительном настрое, фоне по отношению к деятельности церкви (православной) конкретные стили поведения могут осуждаться или одобряться односельчанами.

По нашему мнению на эти процессы в значительной степени оказывают влияние сложности в сохранении религиозной традиции в замкнутом публичном пространстве сельского сообщества в период Советской власти, когда верующие люди подвергались двойному давлению, как со стороны властей, так и со стороны односельчан, поддерживающих идеологическую политику, направленную на максимальное сокращение влияния церкви. Также важным фактором является малое количество сохранившихся, действующих храмов на селе и огромные расстояния, которые не позволяют людям соблюдать религиозные обряды. Именно поэтому выделение групп верующих, основанное исключительно на степени соблюдения обрядов, нам кажется не вполне уместным по отношению к сельским жителям.

Большинство глав сельских администраций признает все более возрастающее значение религии среди сельских жителей. Не последнюю роль играют в этом и взаимоотношения районной и местной администрации с религиозными институтами на сельской территории.

В ходе анализа мы выделили несколько стратегий таких взаимоотношений:

1. Полное игнорирование. В основном такой способ взаимодействия характерен для руководителей сельских администраций, которые определили себя как «неверующие» или «атеисты», или даже для «колеблющихся», не проявляющих никакой инициативы со своей стороны.

2. Периодические контакты, в основном по просьбе жителей. Они могут ограничиваться проведением служб, если на территории сельского муниципального округа нет действующей церкви. Помещения выделяются местной администрацией, и именно она ведет переговоры со священником. В таких помещениях могут и крестить, и отпевать людей, проводить праздничную службу и т. д. По просьбе жителей администрация может инициировать строительство часовни или храма на средства жертвователей.

3. Тесное сотрудничество. Такая практика может осуществляться и теми администраторами, кто назвал себя верующим человеком, и действительно участвует в жизни местной церковной общины, а также и колеблющимися, и неверующими в том числе. Это скорее проявление гражданской позиции наших респондентов и уверенность в существенной роли церкви для самочувствия и благополучия сельских жителей. Конечно, данная практика более характерна для тех сельских округов, в которых сохранилась действующая церковь и постоянный, заинтересованный в активной работе с населением, священник. Зачастую работа такого рода проводится при взаимодействии с местной школой. При поддержке администрации проводятся церковные праздники в населенных пунктах, убираются кладбища и т. д.

Предельной степенью взаимодействия между светской и церковной властью на селе является формальное и официальное сотрудничество — награждение священника почетными грамотами округа за работу с населением, участие его в заседаниях совета местных депутатов, финансирование районной администрацией строительства храмов, присутствие официальных лиц на различных церковных праздниках. Основой для такого взаимодействия является по большей части «социально-утилитарное» понимание администраторами роли церкви, где ее основной функцией видится социальная функция, например:

- сохранение традиции;
- создание для праздников атмосферы большей духовности: «не то, что сел за стол, выпил и все»;

- воспитание молодежи: например, священники ведут факультативы по истории религии, открывают «вечернюю школу», активно участвуют в работе летнего молодежного лагеря и т. д.

Церковь становится субъектом морально-нравственного воспитания человека, в том числе и подрастающего поколения. Отсюда тесное взаимодействие школ и церковных учреждений в тех поселениях, где сохранились действующие церкви. Администраторы обращаются к церкви скорее как к социальному спасителю, это попытка привить молодому поколению хоть какие-то духовно-нравственные ценности, так как светская жизнь их почти не демонстрирует. Трудно объяснить ребенку, живущему на селе, основы нравственности и морали, когда значительная часть сельских жителей не имеет работы, постоянно выпивает, или за тяжелый труд получает самую низкую заработную плату в стране, когда десятилетиями на улучшаются социально-бытовые условия жизни — не строятся дороги, отсутствует водопровод и газопровод, нет телефонной связи, и негде провести свободное время с друзьями. К церкви скорее обращаются как к последней надежде, попытке вложить в души молодежи крупицу чего-то более высокого, нравственного.

В сельской местности, так же как и в городе, можно наблюдать «гروتескный», напускной характер публичных проявлений религиозного поведения — освещение клуба, освещения коровника, выделение жителям автобуса администрации или сельскохозяйственного предприятия для посещения крупного богослужения. Но на селе подобные действия всеми жителями воспринимаются вполне органично. В таких случаях церковь становится необходимым атрибутом повседневной или праздничной жизни сельского сообщества. И лишь в редких случаях священник — это действующий наставник, проживающий духовную жизнь со своей паствой.

При оценке степени религиозности местных жителей, частоты посещения храма, соблюдения обрядов респонденты высказывали совершенно противоположные мнения — от «ходят, но мало», «особо верующих мало» до «ходят много. Прибавляет церковь». Трудно однозначно объяснить такой разброс мнений. Вероятно есть несколько причин, по которым отношение жителей того или иного муниципального образования к церкви значительно отличается. Конечно, это в первую очередь связано с наличием действующего храма и его близостью к тому или иному населенному пункту. В тоже время оно связано и с личностью священника, его заинтересованностью в расширении общины, в привлечении людей разных возрастов в храм. Также религиозное поведение сельских жителей зависит и

от наличия устойчивых религиозных традиций в тех или иных населенных пунктах, а также степени и направленности взаимодействия муниципальной власти с представителями церкви. Наиболее сильны такие традиции в населенных пунктах с однородным населением, где низка доля миграции, и на территориях, где сохранились действующие храмы, не закрывавшиеся даже в самые сложные времена.

Такой же разброс мнений можно отметить и по поводу оценки возраста людей, которые в той или иной степени интересуются проблемами веры. Несомненно, в большинстве своем это люди пожилого возраста. Однако было бы странно услышать иной ответ по отношению к сельским жителям, поскольку половина из них, а иногда и больше, составляют именно пожилые люди. Но в тех муниципальных округах, где сохранились устойчивые религиозные традиции или они возрождаются за счет совместных усилий священников и местных властей, доля молодых людей и людей среднего возраста, посещающих храм, растет — «ходят, и молодые даже, как бы, посещают церковь».

Анализ полученных материалов показал, что наиболее активна в сельской местности именно Православная церковь, что в целом соответствует сложившейся исторической традиции. Хотя на селе встречаются представители и иных религиозных культов (баптисты, Свидетели Иеговы и т. д.), роль их среди сельских жителей ничтожна — это малочисленные общины, живущие своими проблемами, и не сумевшие привлечь на свою сторону односельчан.

В целом можно сделать вывод о том, что временной разрыв религиозных традиций на селе или смещение их в «скрытые», непубличные формы проявления привел к значительной потере преемственности православных норм от книжных до поведенческих. Для современных сельских жителей в большей степени характерно неверие, безразличие к вере, или сочувствие, желание приобщиться к религиозным практикам, но полная утрата знания о таких практиках.

Особенности религиозной идентичности иногородних студентов вузов Санкт-Петербурга¹

Российское общество в настоящий период характеризуется множеством трансформационных процессов, что приводит к новым условиям материальной и духовной жизнедеятельности. Одной из сфер общественной жизни, претерпевающей изменения, является религия. Внимание к религии как социальному институту возрастает во многом благодаря дискурсу, не столько научному (социологов, политологов, философов), сколько массовому — СМИ довольно активно в последнее время популяризируют эту тему в различных аспектах. Таким образом, меняется не только статус религии, но и её восприятие, религиозность общества. При этом различные социальные группы становятся носителями разных форм религиозности.

В нашем случае интерес направлен в сторону молодого поколения, так как молодёжь способна рефлексировать практически на все изменения и процессы, происходящие в обществе. Особое место занимает студенчество, которое может рассматриваться в качестве своеобразного «зеркала» общественной жизни: во-первых, в эту группу включаются представители различных этносов, наций, культур; во-вторых, студенты характеризуются высокой мобильностью и степенью адаптации к различным условиям. Наиболее интересной в этом отношении является группа иногородних студентов, так как трансформация религиозности происходит в особых условиях: во-первых, меняется статус религии в целом; во-вторых, студенты из разных городов имеют различную социо-культурную и духовную основу; в-третьих, новые условия жизни влияют на отношение к религии в том числе. В то же время, по нашему предположению, жители небольших городов более склонны сохранять религиозную принадлежность, так как ис-

---

¹ В статье использованы материалы опроса студентов и фокус-групп, проведенных в рамках проекта «Трансформации религиозного сознания постсоветского верующего в городской и сельской среде (украинский и российский контекст)». Грант РГНФ-НАН Украины. 2008-2009 гг. №08-03-91307а

пытаются меньшее влияние глобальных процессов и имеют устойчивую связь с семейными традициями.

В опросе в рамках исследования трансформаций религиозного сознания приняли участие 440 студентов, более 30 вузов Петербурга, с 1 по 5 курс. Больше половины опрошенных (228 человек) оказались теми, кто приехал на учёбу (177) или переехал с родителями (51) из других городов. Кроме того, было проведено две фокус-группы (по 12 человек), в которых подавляющее большинство участников также были иногородними. Обратил на себя внимание следующий факт. По результатам опроса доля верующих (по самоопределению) среди коренных жителей составляет 65%, тогда как среди иногородних студентов, приехавших получать образование, — 70% и переехавших с семьёй — 77%. Можно предположить, что религиозное самоопределение иногородних студентов зависит от особенностей религиозной идентичности студентов.

Считается, что идентичность развивается на основе чувства принадлежности к чему-либо и одновременно отличия от других индивидов, групп. На основе принадлежности выявляются значимые ценности, нормы поведения индивидов и групп. В условиях многообразия социальных ролей личность оказывается в разных социальных ситуациях и формирует различные идентичности. Факторами, воздействующими на состояние идентичности, являются религиозные и политические движения, изменения в законодательствах стран и регионов, междоусобные и национальные войны, глобализацию и другие мировые процессы;¹ иными словами, всё то, что может оказывать влияние на состояние индивидуальной целостности и группового единства. Кроме того, идентичность может являться одной из причин различных конфликтов: в некоторых ситуациях актуализуется желаемая, а не реальная роль в группе или обществе. Возникает та идентичность, с которой индивиду или группе «удобно» существовать в современных условиях.

Идентичность представляется одним из тех универсальных феноменов, с помощью которого можно объяснить и описать многие социальные процессы. С одной стороны, это что-то объединяющее людей, внутреннее, часто неосознаваемое, то, что появляется в результате социализации и проявляется тогда, когда индивид сталкивается с чуждыми ему. Сюда можно включить и язык, и особые знания, и манеры поведения, и стиль жизни. С другой стороны, в описании её имеет место отделение, дистанцирование

---

¹ См., например: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

себя индивидом или группой от «других». Религиозная идентичность иногородних студентов редко выступает объединяющим или разделяющим фактором, она скорее выполняет другие функции. В вопросе об общем восприятии религии половина опрошенных считает религию интимным процессом (52%),¹ меньше половины (43%) — частью мировой культуры. Больше склонны согласиться с утверждением о религии как — 42% респондентов, и религии как объединении народа — 39%, не согласны с точкой зрения на религию как разделении конфессий 38% опрошенных. Несмотря на подобное отношение к религии, религиозная идентичность формируется особым образом. При этом необходимо иметь в виду сложности, возникающие при определении идентичности вообще.

В последнее время понятие «идентичность» используется не только в научных текстах, но и в повседневной жизни, и более того, становится политическим инструментом. Не успев стать однозначной категорией анализа, оно становится категорией практики, то есть используется на уровне само собой разумеющегося смысла. Под категориями практики, понимается нечто подобное тому, что называют «местными», «фольклорными» или «общеупотребительными» категориями. Это категории каждодневного социального существования, используемые социальными акторами, которые совершенно не сходны с категориями социального анализа, дистанцированными от опыта.²

Как категория практики, идентичность используется при определенных обстоятельствах для извлечения смысла из существования и деятельности индивидов, выявляя то, в чем они совпадают и чем отличаются от других. По мнению Брубейкера и Купера, идентичность «используется предпринимателями от политики, которые убеждают общество достичь самопонимания, осознания собственных интересов и их обусловленности и пытаются привить индивидуумам понимание того, что они «идентичны» друг с другом (в свете определенных целей) и, в то же время, отличаются от других».³ Происходит это потому, что появляется необходимость «организовать и оправдать коллективные действия в определенном направлении». Отсюда наряду с повседневным использованием появляется «политика идентичности», что подтверждается её наличием в официальных документах.

---

¹ Здесь и далее приводятся данные по массиву иногородних студентов

² Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичность» // *Ab Imperio*, 3/2002 // <http://identities.h15.ru/readings/nartova1.htm>

³ Там же.

Одним из самых очевидных примеров существования определённой «политики» является правовой статус. Основной документ, определяющий правовой статус идентичностей в России, — это Конституция РФ. Так, основы гражданской идентичности закреплены в статье 6, а особые статьи гарантируют широкие возможности индивидуального выбора гражданской национальной, языковой, конфессиональной, территориальной, коллективистской, имущественной, профессиональной, семейной, гендерной, политической, культурной, возрастной идентичностей каждого человека.¹ В этом смысле правильнее было бы говорить не об идентичности, а о самоопределении или даже статусе.

Сам термин «идентичность» становится популярным только во второй половине XX века, что вызывает появление не только новых теорий, подходов, но и противоречий. Просматривается стремление наделить идентичность особыми функциями, растолковать по-иному его значение, независимо от предыдущих теорий. Со временем появляется ряд классификаций видов идентичностей, начиная с выделения личной (личностной) и социальной (групповой) идентичности, и заканчивая другими её уровнями (гендерная, этническая и др.). Несмотря на подобную ситуацию, практически все исследователи сходятся во мнении, что «изучать» идентичность важно и нужно. Соответственно, нужно учитывать социальные процессы, связанные с данной группой или индивидом, так как, с одной стороны, социальная структура и условия детерминируют формирование идентичности, с другой — идентичность влияет на устойчивость социальной структуры. М. Н. Губогло выделяет два конструкта, которые имеют фундаментальное значение для понимания сущности идентичности и её роли в развитии и жизнедеятельности индивидов: сама личность с её потребностями и общество с его предписаниями, установленными ролями, нормами поведения, правилами игры.²

С развитием глобализации, влияния СМИ, сети Internet и других средств коммуникации ускоряются темпы изменения приоритетов в самоопределении индивида. «Глобализация приводит к плюрализации идентичности. Тем не менее, идентичность выступает как интегральный параметр и не сводится к социальным ролям»³, при этом функцией идентичности являет-

---

¹ Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 764 с. С. 44-45

² Там же. С.32-33

³ Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития. // Журнал социологии и социальной антропологии 2006. Том IX. №3. (36). С. 75–92. С. 85.

ся «сохранение» индивида, его определённого отношения к самому себе и миру. «Политика идентичности является ответом на специфический вызов глобализации — усугубление конфликтов между людьми, ощущающими себя в глобальном мире, и людьми локальной культуры».¹

Согласно концепции развития гражданского общества, реализующейся во многих странах, индивидам предоставляется свобода выбора. Это обуславливает изменение взглядов на социальную реальность: стираются старые границы, создаются новые, появляются новые потребности. Возникает ситуация, когда, с одной стороны, укрепляются узкие границы (например, семья), с другой — изменяется взгляд на принадлежность к большим общностям (например, религия). Безусловно, это связано с идентификационными процессами. Так, отношение к религии в течение жизни более чем у половины опрошенных не менялось (52%) в течение жизни, у 51 студента (22%) поменялось в школьные годы, у 47 респондентов — в студенческие годы. У верующих, в основном, превалирует ещё детское впечатление о религии: «Я почувствовал себя православным еще в детстве» (М, 19: СПбГТУ). В школьном возрасте происходит некоторое осознание религиозной принадлежности: «Почувствовал православным, наверное, лет в 11-12, это было что-то типа самоидентификации (М, 21: ЛЭТИ)». В студенчестве меняется взгляд не только на общую картину мира, но и на религию — в частности: «Осознание того, что я православный пришло позже, лет в 11, когда я служил в алтаре. Мне даже сейчас — осознание, что я православный... Есть осознание — русский. Но осознание, что православный как такового ... нет... (М, 18: СПбГУВК)»; «Сейчас более сознательная жизнь, очень много мнений окружающих. Много религий узнал: индуизм, буддизм — там тоже очень много верного, их тоже можно принимать как свою религию. Поэтому пока я в поиске» (М, 19: СПбГТУ).

Изначально идентичность рассматривается Эриксоном в двух аспектах: личностная идентичность (Я-идентичность, эго-идентичность), которая содержит органический и индивидуальный компоненты, и социальная идентичность, которая делится на групповую и психосоциальную. Групповая идентичность складывается в результате включённости личности в различные общности и субъективного ощущения внутреннего единства со своим социальным окружением. Психосоциальная идентичность — это то, что даёт человеку ощущение значимости своего существования в рамках (и с

¹ Там же. С. 84.

точки зрения) данного социума.¹ Также он выделял три формы идентичности по происхождению: внешне обусловленную (пол, возраст, раса, нация); приобретённую (профессиональный статус, свободно выбираемые связи, привязанности и ориентации); заимствованную (усвоенные роли, заданные каким-то внешним образцом, принимаемые под влиянием ожиданий окружающих).² Религиозная идентичность занимает позицию приобретённой. В теории Эриксона эго-идентичность характеризовалась как положительный полюс, или успешный результат, пятой стадии развития личности на этапе юности. В связи с этим, в его толковании выделяют три элемента:³

1) восприятие себя тождественным самим себе, т. е. у индивида должен сформироваться образ себя, сложившийся в прошлом и смыкающийся с будущим;

2) уверенность в том, что приобретенная целостность будет принята значимыми людьми;

3) уверенность в том, что внутренние и внешние планы целостности согласуются между собой, а их восприятие себя должно подтверждаться опытом межличностного общения посредством обратной связи.

Если это справедливо по отношению к идентичности в целом, и социальной идентичности в частности, то с религиозной идентичностью ситуация немного меняется. Речь идёт об определении индивидом себя в условиях принадлежности социальным группам. «Изучать такое самоопределение стоит постольку, поскольку это образование регулирует социальное поведение индивида».⁴

«У термина «идентичность» в системе социального анализа были и другие источники».⁵ Понятие «идентификация» (в некоторых переводах отождествление) появилось впервые в психоаналитических работах З. Фрейда, откуда он был заимствован. По Фрейду, идентификация — про-

---

¹ Ачкасов В. А., Бабаев С. А. Мобилизованная этничность: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000. 145 с. С. 40

² Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования. Монография. — М. Прометей, 2004. 336 с. С. 18

³ Смирнов П. И. Социология личности. СПб, 2001. С. 312

⁴ Ядов В. А., Данилова Е. Н. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского научно-методологического семинара / под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. С.8-14. С.6

⁵ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичность» // Ab Imperio, 3/2002 // <http://identities.h15.ru/readings/nartova1.htm>

цесс, посредством которого ребёнок начинает «ассимилировать» внешние личности и объекты. При этом, внутреннее ядро психической структуры имеет постоянную (хотя и часто противоречивую) идентичность.¹ То есть это метод, с помощью которого человек принимает черты другого и делает их элементами собственной личности. В таком случае идентификация может рассматриваться как процесс формирования идентичности.

Под идентификацией принято понимать процесс формирования идентичности, в то время как сама идентичность включает в себя набор таких характеристик как самоощущенность, целостность, определённая граница поведения и другие показатели, характеризующие взаимодействия индивидов и групп.² Идентификация зависит от потребностей. Согласно А. Турену, идентичность «это осознанное самоопределение социального субъекта»³, а её значимость определяется тремя основными составляющими: потребностью в принадлежности, потребностью в позитивной идентичности и потребностью в безопасности. Идентификация — это процесс самоощущения индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей.

Идентичность, по Бергеру, рассматривается как «социально создаваемая, социально поддерживаемая и социально трансформируемая», поскольку «люди строят свои личные идентичности из материала той культуры, в которой они живут».⁴ В формировании религиозной идентичности имеет значение особый «материал». Иногородние студенты среди причин обращения в религию более половины опрошенных указали семью (53%), по собственному желанию отметили 18%, трудная жизненная ситуация повлияла на 11% респондентов, 9 % респондентов — благодаря друзьям и

¹ Пламмер К. Идентичность // Контексты современности-1: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории/ Хрестоматия: Пер. с англ. и нем. — 2-е изд., перераб. и доп. — Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2000. — 176 с. С.122

² Deaux K., Martin D. Interpersonal Networks and Social Categories: Specifying Levels of Context in Identity Process// Social Psychology Quarterly. Albany, 2003, Vol.66, No. 2. P. 101-117. P.107

³ Ачкасов В. А., Бабаев С. А. Мобилизованная этничность: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000. 145 с. С. 40

⁴ Пламмер К. Идентичность // Контексты современности-1: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории/ Хрестоматия: Пер. с англ. и нем. — 2-е изд., перераб. и доп. — Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2000. — 176 с. С. 123

окружающей среде, СМИ отметили всего 7 человек, знакомство со служителями — 9, другие обстоятельства — 10 студентов.

Для анализа религиозной идентичности студентов необходимо обратиться к классической теории социальной идентичности Таджфела и Тёрнера. Теория Таджфела указывает на путь, с помощью которого индивиды отделяют свою группу от других, основанный на процессах категоризации и социального сравнения. Внимание сосредоточено на отношениях между двумя группами и индивидуальной оценкой её позиции по отношению к другой группе.¹ Межгрупповые и межличностные формы взаимодействия представлены как некоторый континуум, на одном полюсе которого находятся варианты социального поведения индивида, обусловленные фактом его группового членства, а на другом — формы социального взаимодействия, определяющиеся индивидуальными характеристиками членов группы. Социальная категоризация рассматривается как система ориентаций, определяющая место человека в обществе. Позже Тёрнер использовал понятие идентичности для анализа «положения» в этом континууме.

Таким образом, социальную идентичность Таджфел определял как ту часть Я-концепции индивида, которая проявляется в зависимости от его членства в социальной группе (или группах), согласно ценностям и эмоциональным значениям, принятым в ней. Представление о том, что в межгрупповом контексте индивиды видят других, а на самом деле себя, в первую очередь, как представителей социальной группы — необходимое условие теории социальной идентичности.²

Идентичность определяется взаимодействиями, которые имеют место в рамках специфической структуры. Её границы обуславливают взаимодействие в пределах групп и таким образом поддерживают развитие и существование границ. Теория идентичности фокусируется на социальной структуре, в которой формируются идентичности, но, по мнению Дью и Мартин, не принимает в расчёт ключевые характеристики отношений человека и общества: 1) изменчивость идентичности, которая выражается в

---

¹ Deaux K., Martin D. Interpersonal Networks and Social Categories: Specifying Levels of Context in Identity Process// *Social Psychology Quarterly*. Albany, 2003, Vol.66, No. 2, 101-117. P. 102-103

² Personal and Social Identity — Contextualism, Interactionism, Commitment, Culture, And The Relation Between Personal And Social Identity, Caveats, Criticism, And Extensions // <http://science.jrank.org/pages/7776/Personal-Social-Identity.html>

том, что групповые категории и социальные роли, связанные с такими категориями, препятствуют формированию статуса; 2) специфика психологических процессов, с помощью которых отражается членство в группах, и разделяемые всеми значения, которые определяют их.¹

Вклад теории самокатегоризации заключается не только в определении роли «Я» для каждого уровня социальной структуры, но и в попытке разграничить персональную (личностную) и социальную (групповую) идентичность, или уровень самокатегоризации. Хотя в теории социальной идентичности описывается межличностный контекст, переход на анализ личностной идентичности осуществляется лишь на уровне индивидуального поведения.² Соответственно, можно говорить о религиозной идентичности лишь на уровне самоопределения, так как членство в религиозных группах как таковых у студентов выражено очень слабо, а превалирует индивидуализированное отношение. Например, отвечая на вопрос «Насколько активно Вы включены в жизнь церкви, храма, мечети и т. п.?», две трети респондентов отметили, что в этом нет необходимости, лишь 12 человек ценят общение с наставником (5%) («духовный наставник... он просто священник того прихода, который я регулярно посещаю. И он достаточно хорошо знает меня... он часто оставляет для личной беседы или для проповеди» (М, 20: ПГУПС)), 10 посещают религиозные мероприятия, 9 студентов исполняют религиозные обязанности, четверо являются членами общины.

Важными для иногородних студентов в посещении религиозных учреждений являются атмосфера духовности (48%) индивидуальная молитва (37%), внутреннее убранство (27%), обретение благодати (20%), музыка и пение (18%). Выявлена слабая идентификация с другими верующими, больше ценятся внешние характеристики религиозных учреждений или удовлетворение собственных духовных потребностей («я никогда не пыталась влиться в эту именно среду, церковь я воспринимаю как что-то свое» (Ж, 20: СПбГМУ)). Общение с наставниками, совместная молитва и

¹ Deaux K., Martin D. Interpersonal Networks and Social Categories: Specifying Levels of Context in Identity Process// Social Psychology Quarterly. Albany, 2003, Vol.66, No. 2, 101-117. P. 103

² Personal and Social Identity — Contextualism, Interactionism, Commitment, Culture, And The Relation Between Personal And Social Identity, Caveats, Criticism, And Extensions // <http://science.jrank.org/pages/7776/Personal-Social-Identity.html>

общение с другими верующими важны для немногих студентов (16, 13 и 6 человек соответственно).

Возможно, для более адекватного отражения особенностей религиозной идентичности студентов следует обратиться к отечественным разработкам теории идентичности. (Хотя в наибольшей степени отечественные теоретики идентичности основываются на разработанных на Западе идеях и концепциях.)

Разные исследователи предлагают различные классификации идентичностей. О. Генисаретский среди видов идентичности выделяет следующие: национальную, или этническую, идентичность (причисление себя к какому-либо этносу); религиозную идентичность (приверженность к церкви); гендерную идентичность (отнесение себя к типу сексуальной ориентации и типу семейности); антропологическую идентичность (возможный и приемлемый образ человечности).¹ Эта классификация не кажется достаточной для анализа, так как в данном случае отношение к религии не может быть тождественно отношению к церкви по нескольким причинам.

Во-первых, в заявленном исследовании среди иногородних студентов верующими считают себя 162 человека (71%). При этом на вопрос «К какому вероисповеданию Вы себя относите?» 157 человек объявили себя православными и 36 — приверженцами другой религии. Очевидно расхождение в ответах респондентов на вопрос об идентификации и о вероисповедании, так как наблюдается существенная доля тех, кто затруднился ответить на вопрос (21 человек), либо придерживается собственной точки зрения, например «вера должна быть индивидуальна», «для каждого своя» (ответ «другое» — 14 человек). Возможно, различается интерпретация респондентами понятий «верующий» и «вероисповедание», что является причиной неопределённых ответов. Кроме того, вариант «не исповедую религию» в ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим?» отметили 35 человек, в то время как в ответе на вопрос «К какому вероисповеданию Вы себя относите?» вариант «не обращаюсь» к религии был выбран уже 41 человеком. Это позволяет высказать предположение, что студенты, различая для себя понятия «религия», «вера» и «вероисповедание», не считают необходимым причислять себя к какому-либо религиозному направлению.

---

¹ Щербакова. И. «Идентика» в российской социологии // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского научно-методологического семинара / под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. С.47

Во-вторых, установлены некоторые расхождения в отношении к религиозным учреждениям: в важности посещения церкви (мечети, храма...) убеждены 36% респондентов, в то время как 27% считают, что в этом нет необходимости. Тем не менее, только два человека посещают церковь *каждую неделю*, 25 опрошенных студентов — *несколько раз в месяц*, 91 (что составляет 40%) — *несколько раз в год*. Хотя основными причинами (или поводами) посещения религиозных учреждений *несколько раз в год* для трети опрошенных являются религиозные праздники (34%), настроение (33%), каждый пятый посещает «когда рядом» (22%), для меньшей части респондентов поводами служат экзамены (17%), церемонии (15%), проповеди (13%), исповедь (12%). *Несколько раз в месяц* посещают по настроению 18 человек (8%), «когда рядом» — 14 студентов, только 8 человек ходят на проповеди. *Раз в неделю* в церковь и другие религиозные учреждения посещают единицы: меньше десяти человек «когда рядом», «по настроению», на проповеди и «перед экзаменами». На религиозные занятия ходят лишь 4 человека *несколько раз в год*, 1 студент — *раз в неделю*. Таким образом, посещение религиозных учреждений не является строго необходимым и постоянным для соблюдения.

В-третьих, выделяются следующие причины неохотного посещения религиозных учреждений: детские воспоминания, различие церкви и религии, недовольство поведением священнослужителей или посетителей, коммерциализация деятельности церкви, территория религиозного учреждения (попрошайки и др.)

Таким образом, сведение религиозной идентичности к принадлежности к церкви в данном случае не имеет значения.

Одну из наиболее полных классификаций приводит М. Мчедлов.¹ В системе идентичностей он выделяет ситуативные (социальные, политические, международные), примордиальные (гендерные, расовые), традиционные, долговременные (этнические, религиозные), которые отличаются длительностью и механизмами их формирования. В случае ситуативных превалируют сознательные, рациональные факторы, в случае примордиальных — естественные (пол, раса), а в традиционных определённую роль играет «сила исторической инерции». Говоря о традиционных идентично-

¹ Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. редактор М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. 415 с.

стях (в частности, религиозной), необходимо учитывать действительную значимость традиций в данном обществе.

Студенты дают следующую оценку сложившейся в последнее время тенденции включения религиозных деятелей в светскую жизнь. Благотворительную деятельность поддерживают более трёх четвертей опрошенных (78%), половина респондентов одобряет участие церкви в жизни молодежи (50%) («почему нет, если это кому-то интересно» (Ж, 21: СПбГМУ)) и трансляцию по ТВ (49%) («наш президент, наш премьер-министр такие же люди, как и мы, с той же душой. Они имеют полное право принять ту или иную веру и ходить в православную церковь» (Ж, 18: ПГУПС)), меньше респондентов поддерживает сближение разных конфессий (46%). В то же время достаточно велика доля тех, кто считает вмешательством в мирскую жизнь:

преподавание религии в школах, вузах (46%) («Может быть, нужны религиозные школы, но религиозное образование в обычной школе не нужно» (Ж, 22: СПбГУ));

активизацию религиозных деятелей (37%) («...это делается, чтобы сделать популярным, то есть, чтобы и остальные люди, может быть, начали задумываться, по крайней мере... Дело в том, что у нас в стране после той же революции не стало национальной идеи. И мы все ее активно ищем, наше государство. Это, наверное, то, чего нам не хватает» (М, 20: ПГУПС));

коммерцию (33%): «Для меня было шоком, когда на отпевание собирали деньги со всех родственников, которые падали в обморок» (Ж, 23: СПбГУ); «резко отрицательное отношение к институту церкви — из-за резко коммерческой такой основы ее деятельности. Я считаю, что она должна жить на пожертвования и в идеале она должна быть настолько же бедна, как бедны ее посетители, большинство посетителей. Они должны там чувствовать себя комфортно и равные условия должны быть» (Ж, 23: СПбГУ);

участие священнослужителей в правительственных мероприятиях (33%): «ладно, когда по поводу социальных проблем или по поводу духовно-нравственных проблем... А в политику лезть?! На что у нас тогда светская власть?» (Ж, 21: СПбГМУ); «Это ужасно, когда церковь совмещена с государством, потому что в любом случае государственные деятели или церковь могут влиять на мнения и методы своей деятельности, когда они провозглашают какие-то вещи богоугодными, а какие-то не богоугодными, хотя это к этому не имеет никакого отношения» (Ж, 20: СПбГМУ).

Тем не менее, альтернативные мнения также были выявлены по материалам фокусированного интервью:

1) отрицательно по поводу участия высокопоставленных лиц в религиозных мероприятиях: «...я живу в Башкирии и я не испытываю каких-то проблем. Я даже не задумывалась об этом. Мне было все равно, когда наш президент ходил в мечеть. Но вот сейчас... мне не нравится, когда я вижу Путина в церкви» (Ж, 20: РГПУ); «Это может к чему-то нехорошему привести... Да хотя бы к тому, что Татарстан возьмет и отделится, например. За этим скрывается очень многое» (Ж, 22: СПбГУ);

2) положительно о коммерции: «Те услуги, которые мы в церкви оплачиваем — крещение, отпевание, свечи, иконы, крестики — это вполне нормально и вполне объяснимо. Это то, на чем церковь зарабатывает на свое существование» (М, 20: ПГУПС);

3) положительно по поводу политизации религии: «наша церковь и государство — это неотъемлемая часть. Оно неразделимо. И оно вместе связано каким-то образом... Вот почему говорится, что наш президент был на каких-то богослужениях и так далее? У нас религия — православие, и церковь относится к государству» (Ж, 21: СПбГУКИ); «Так как у нас православное государство, то для государства это будет в целом полезно» (М, 21: ЛЭТИ);

4) отрицательно о культурных мероприятиях: «Это превратится в балаган, молодежь должна привлекаться родителями» (Ж, 21: СПбГМУ);

5) положительно о вмешательстве в образование: «ребенок уже с детства будет знать, к какой религии он как относится. И он сможет уже сам выбирать свой дальнейший путь... он должен узнать как можно больше» (Ж, 21: СПбГМУ); «А почему бы нет? Это все-таки наша история, наши традиции, тот же туризм религиозный. Это тоже вещи достаточно серьезные и важные... абсолютно нормальные» (М, 21: ПГУПС)

6) отрицательно о трансляции по телевидению: «это чистый PR и я очень плохо к этому отношусь, хотя бы с той позиции, что мне кажется, что религия — это очень индивидуально, очень интимно. И эти учреждения не должны быть такими пышными... Это место, куда люди могли бы спокойно прийти и спокойно себя чувствовать. Тем более там не должно

быть камер никаких, съемок. Я очень резко против» (Ж, 23: СПбГУ); «это просто форма влияния на определенную целевую аудиторию в виде православных людей, так как это доминирующее большинство» (Ж, 22: СПбГУ);

7) положительно об активизации религиозных деятелей: «Когда представители православной церкви появляются на экранах —... где им еще найти аудиторию? А когда представители власти появляются, есть большие сомнения по поводу их истинных порывов» (М, 20: ПГУПС).

В. Ядов в исследовании 1993 г. обобщает теоретические представления об идентичности и предлагает следующие общесоциологические основания становления социальной идентичности: общественное разделение труда; отношения собственности и власти, различия статусов и ролей, связанных с ними; несходство и различия культур, исторических судеб народов и этносов, борьба за ресурсы; формирование многообразных общностей на основе общности условий их жизнедеятельности, то есть интересов, отличных от интересов других общностей.¹ Он объясняет это тем, что изначально социальная природа индивида такова, что он стремится к включению в социум и вместе с тем — к выделению из социума в качестве индивидуальности. «Социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям — таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом».²

Объектами социальной идентичности являются многообразные социальные группы, которые можно классифицировать по различным основаниям: 1) первичные и вторичные; 2) непосредственного контактного общения и символического общения; 3) традиционные сообщества и референтные группы. Итак, «социальная идентичность отражает то, как индивид воспринимает, характеризует, оценивает и переживает самого себя в качестве своеобразного объекта — агента, т. е. деятеля, носителя общественных отношений».³ Религиозная идентичность в этом контексте также находит своё место. Носителями религиозных традиций в семьях иногородних студентов являются бабушки/дедушки у половины иногородних (51%), отец/мать — почти у трети респондентов (30%), при этом

---

¹ Социальная идентичность личности, под ред. Ядова В.А.; М, 1993. С. 11.

² Там же. С. 12-13

³ Качанов Ю. Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Социальная идентичность личности, под ред. Ядова В.А.; М, 1993. С.24

у 56% студентов оба родителя являются верующими, у 22% религиозным приверженцем является мать. При этом значимой оказалась ситуация, при которой молодые люди, покинув малую Родину и приехав в мегаполис, стали менее «качественно» соблюдать надлежащий для данной религии образ жизни: «Я выполняю практически все обряды, все предписания, но в последнее время, как я уехал из дома, поступил в институт в Петербурге, у меня с постами не получается, я живу в общежитии» (М, 20: ПГУПС); «Я тоже хожу в церковь, причащаюсь. Также, когда переехал сюда учиться, — реже» (М, 21: ПГУПС); «Посещение церкви стало реже, гораздо меньше. Будучи дома, это все было» (М, 20: ПГУПС); «Когда я уехала из дома, начала довольно атеистично относиться к этому понятию [религия]» (Ж, 21: СПбГУКИ); «...когда в Питер переехал, реже стал. Ну, а так вообще, посещаю. Не так может быть часто, как бы хотелось. Но посещаю. И стараюсь жить по правилам» (М, 19: СПбГТУ). Таким образом, при смене социального окружения, ценностных предпочтений, групповой значимости и принадлежности меняется и «содержание» идентичности, «качество» религиозности.

Среди отечественных теоретиков достаточно распространена схема, в соответствии с которой характеристика любой идентичности предполагает наличие следующих трёх факторов: 1) нужно, чтобы человек сам считал себя частью этого сообщества, демонстрируя это «Я»-фактор; 2) чтобы общество было с этим согласно, и показывало это согласие — «Мы»-фактор; 3) чтобы это признавали «третьи лица» — «Они»-фактор.¹ Формально это складывается в формулу «самоопределение — групповая солидарность — категоризация». В нашем исследовании сложно проследить все три элемента. Скорее, можно говорить о религиозной идентичности как особом процессе, не всегда поддающемся сведению к общей социальной идентичности.

Одним из примеров теоретических разработок религиозной идентичности служит типология православной идентичности С. Рыжовой, включающая:

1) внеинституциональную религиозную идентичность (индивид не интегрирован в жизнь определённой религиозной группы);

¹ Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. Редактор М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. 415 с. С. 49

2) групповую религиозную идентичность (результат социализации в религиозной группе проявляется через приобщение к нормам вероисповедания, жизни, поведения);

3) индивидуально-личностную религиозную идентичность («захваченность» личным религиозным опытом, которая может привести к асоциальности в разных формах;

4) социально-личностная религиозная идентичность (открытость к любому социальному взаимодействию через призму личного религиозного опыта).¹

В сообществе петербургской молодёжи преобладают первые два типа религиозной идентичности: внеинституциональная и групповая. Большинство опрошенных прошло обряд крещения в детстве (69%), и только пятая часть опрошенных (19%) в сознательном возрасте.

«Модальная» ситуация выглядит следующим образом: в своих родных городах актуализируется преимущественно групповая идентичность, а при переезде в Санкт-Петербург — внеинституциональная.

В дополнение можно упомянуть о содержании религиозности респондентов и их семей. На вопрос «Выполняют ли члены вашей родительской семьи следующие религиозные предписания?» преобладают отмечание религиозных праздников (72%), наличие религиозной литературы (40%), чтение молитв (39%), посещение религиозных учреждений (26%), соблюдение норм поведения и соблюдение поста (по 24%). В то же время студенты считают необходимым для себя выполнять следующие религиозные предписания: отмечать праздники (55%), читать молитвы (31%), выполнять обряды (30%), соблюдать религиозно-нравственных нормы (28%). Религиозные взгляды также влияют на человеческие отношения: каждому третьему *хотелось бы*, чтобы его/её избранница/избранник исповедовали одну веру, и *очень важно* это лишь для 7% опрошенных. Довольно высокие показатели при определении важности участия обрядов: 48% респондентов отметили при *заключении брака*, 62% — при *рождении ребёнка*, 59% опрошенных — при *похоронах*.

Подводя итоги, можно отметить, что религиозная идентичность связана не только с индивидуальными процессами, но и проявляется на разных уровнях взаимодействий. Религиозная идентичность может быть выраже-

---

¹ Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. С. 145-147

на как объективным статусом религиозных объединений и сообществ, так и субъективным переживанием индивидов; реализована и на личном, и на групповом уровне. Личностная религиозная идентичность включает в себя субъективное переживание индивидом своей принадлежности к религиозному сообществу, рефлексию этого сообщества на него. Оно может выражаться в вере, символических культовых практиках, в формальной принадлежности к группе, идеологических убеждениях, традициях, ценностях. В зависимости от изначального статуса религии в данном обществе, она обретает собственный необходимый минимум критериев и проявлений. Относительно российского общества В.И. Гараджа отмечает, что религиозная идентификация, как таковая, может замещать другие идентичности, то есть потребности в них, или смешиваться с ними.¹ Религия становится частью национального характера, либо внешнего стереотипа, либо неотъемлемой духовной составляющей российского общества. Однако функции её меняются с течением времени и с изменением условий: религиозность как субъективный процесс, а не объективные практические действия, служат для большинства основой идентификации себя как верующих.

Иногородние студенты в силу различных обстоятельств, оказываясь в условиях городской культуры, выбирают новые способы самореализации. Среди причин изменения общего состояния идентичности могут быть отмечены искусство как новая альтернатива культурных изменений; следование нормам, принятым в новой группе; новые условия жизни, темп; адаптация, интеграция в другие группы; потеря основной духовной поддержки.

В целом, меняется их образ жизни, меньше времени остаётся на выполнение религиозных предписаний, что приводит к смене «фокуса» религиозной идентичности: студенты продолжают воспринимать себя приверженцами религии, но в действительности перестают ощущать необходимость в соблюдении обрядов и поддержке традиций, либо выполняют только основные предписания. Таким образом, среди мигрирующей из периферийных городов студенческой молодёжи выявлена тенденция «качественного» изменения религиозной идентичности. Здесь проявляется «удобство» выбора «содержания» религиозной идентичности.

---

¹ Гараджа В.И. Социология религии. Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М.: Наука, 1995. 235 с. С. 107

Государство и религия. Взаимозависимости и взаимовлияния

Ни для кого не секрет, что православие в России всегда имело колоссальное идеологическое значение. Почти 8 веков, с момента принятия на Руси в качестве государственной религии, православное христианство было центром духовной жизни общества, аппаратом формирования идеологии, выполняла образовательные функции. При этом глубокая религиозность массового сознания способствовала тому, что, если церковные интересы и не ставились выше государственных, то, как минимум жизнь государства, как и русского народа, не представлялась без церкви, соблюдения религиозных канонов, постов и т. д.

После 1721 года, по указу Петра I церковь в России стала синодальной, т. е. с этих пор статус главы церкви был юридически закреплен за императором (следовательно, все церковные дела, все решения церкви — реформы, проведения соборов, канонизации, незначительные изменения устава — утверждались императором). Не смотря на это, православие не потеряло своего национального значения (взять хотя бы девиз Русской армии до 1917 года «За веру, за царя, за отчизну!»). Как известно, церковь оставалась синодальной без малого три столетия, вплоть гибели Российской Империи в 1917 году.

В советское время религия оставалась не менее значимой частью государственной идеологии (просто это значение стало отрицательным).

При этом, как свидетельствует история остального человечества, переломные, кризисные периоды его развития характеризуются широким распространением эсхатологического мироощущения, мистических настроений, ростом интереса к религиозной проблематике. А также активным поиском и разработкой новых принципов организации личной и социальной жизни, основанных на вере (в Бога, рациональность, коммунизм, национал-социализм и т. п.).

«В России в конце второго и начале третьего тысячелетия этот процесс очевиден: практически все исследования фиксируют резкий рост религиозности в постсоветское время; сегодня верующими себя считают около 60% взрослых россиян. По данным ВЦИОМ, эта цифра почти вдвое больше,

чем в 1989 г. Доля людей неверующих и равнодушных к вере колеблется в зависимости от региона и типа выборки, в среднем составляя около 20 %. Последняя цифра крайне мала для страны, в которой атеизм семь десятилетий был активно и принудительным образом насаждаемой религией»¹.

После 1991 г. РПЦ оказалась в крайне сложной ситуации. Наступила эпоха религиозной свободы, которую церковь могла только приветствовать. В то же время политически РПЦ не была оппозиционна «старому режиму». Более того, с самого начала «перестройки» она получала со стороны власти значительные преференции и активно их использовала, но только в рамках тех правил игры, которые установились ранее. Иначе говоря, доминировал прагматический подход: взять от власти максимум льгот и прав, не вступая с ней в конфронтацию. Но 1991 г. и последовавшая за ним эйфория «свободы и демократии», резкая переоценка ценностей в обществе и стремительная инфильтрация «новых», западных по происхождению, идей и стандартов поставили РПЦ перед необходимостью самоопределения по ключевым вопросам политической, общественной, культурной и религиозной жизни. Инерционное развитие стало невозможным.

«В самом обществе, которое находилось в транзитном состоянии, зрели смутные ожидания, обращенные к РПЦ. Что же могло ожидать общество? Прежде всего, оно ожидало от церкви появления и проявления в общественном пространстве. После долгих десятилетий жизни в «гетто», где она, прямо гонимая или предельно стесненная, тем не менее, как представлялось, сохраняла и сохранила какое-то духовное сокровище, от церкви ждали, что она предъявит обществу это сокровище как культурно, социально и собственно религиозно значимое для “мира”»².

Требование это в то время оказалось непомерно высоким, практически неподъемным для РПЦ, потому что церковь (как, впрочем, и значительная часть общества) очень медленно приходила в себя после длительного культурного обморока. Этот процесс показал, что для церкви опыт выпадения из истории был гораздо более тяжелым по своим последствиям, чем для «страны». Лишь спустя десятилетие РПЦ опубликовала развернутую официальную позицию по общественно значимым вопросам — «Основы социальной концепции».

---

¹ А. А. Возьмитель, Социология религии в России: Проблемы и перспективы. М.: Социологические исследования, № 2, Февраль 2007, С. 110-117.

² А. Кырлежев: Русская православная церковь перед проблемой модернизации. Из журнала «Русский Архипелаг»

В XXI веке Россия возрождается как многоконфессиональная страна, но прежде всего как христианская цивилизация, особая роль в развитии которой принадлежит Русской Православной Церкви (РПЦ), оказавшей огромное влияние на становление российской государственности, культуры и специфически российского, во многом альтернативного западному, образа жизни.

В последние годы отношения государства с Русской Православной Церковью выходят на новый уровень. Так как эти отношения, по сути, еще не сформированы и не имеют под собой ни законодательных, ни фактических оснований, представляется весьма интересным и актуальным изучение данного аспекта, что и является целью данной работы.

Основной задачей исследования является анализ взаимоотношений основных мировых религий с государствами (наиболее яркими представителями этих религий), с целью выявления общих механизмов их взаимодействия, а также современных позитивных примеров «симфонии власти и религии». Исследование проводится по трем основным аспектам:

Роль государства в мировоззрении религии (из религиозных постулатов);

Место религии в государстве (из государственных конституций);

Объектом изучения являются пары *Государство-Религия*:

Христианство:

Православие — Россия;

Католичество — Польша;

Протестантство — Германия

Буддизм:

Чань-буддизм — Китай

Синтоизм — Япония

Ламаизм — Непал

Ислам — Иран

ПРАВОСЛАВИЕ.

Ниже будут представлены промежуточные, так сказать «черновые» данные по взаимоотношениям Российской Федерации и Православного христианства.

МЕСТО ГОСУДАРСТВА В ПРАВОСЛАВНОЙ «КАРТИНЕ МИРА».

Во-первых, ни одна священная книга ни одной религии мира не является настолько политизированной. При этом именно в словах Христа о подати кесарю, а главное — в обстоятельствах их произнесения, нагляднее всего проглядывает «политичность» христианства.

Вспомним, как выглядела соответствующая сцена в Евангелии на самом деле:

«И, наблюдая за Ним, подслали лукавых людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове, чтобы предать Его начальству и власти правителя. И они спросили Его: Учитель! мы знаем, что Ты правдиво говоришь и учишь и не смотришь на лице, но истинно пути Божию учишь; позволительно ли нам давать подать кесарю, или нет? Он же, уразумев лукавство их, сказал им: что вы Меня искушаете? Покажите Мне динарий: чье на нем изображение и надпись? Они отвечали: кесаревы. Он сказал им: так, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И не могли уловить Его в слове перед народом, и, удивившись ответу Его, замолчали» (Лк. 20, 20–26).

«И в случае с динарием Христу задан коварный политический вопрос об отношении иудеев к власти римлян: платить подати или не платить, восставать или подчиняться. И Христос дает на этот вопрос вполне четкий, политический, насквозь политический ответ — платить, подчиняться власти римлян в вопросах мирских, в том законе, который исходит от кесаря, а вот в том законе, который исходит от Бога — Законе Моисеевом и устанавливаемом самим Христом Новом Законе, подчиняться только Богу. Устанавливая духовную необходимость строгого следования Закону Божию, Христос делает политический выбор в пользу власти кесаря, отвергая мечту о Мессии. На этой формуле, устанавливающей взаимоотношения царства кесаря и Царства Божия, и будет основана впоследствии знаменитая доктрина «симфонии» Церкви и государства. Все сказанное впоследствии апостолами и святыми о Церкви и государстве представляло собой только развитие того политического решения, которое было провозглашено Христом»¹.

Вопрос о том, как Христианская церковь должна относиться к государству, возникает в тот момент, когда Христос провозглашает, что *«Царство мое не от мира сего»* (Ин. 18, 36), Церковь как «Тело Христово» говорит, что она не принадлежит этому миру, что она больше, чем этот мир, поскольку

---

¹ Е. Холмогоров: В поисках политического смысла. Из журнала «Русский Архипелаг»

она соединена с Богом. Тогда и встает вопрос о том, как Церковь должна относиться к тому, что «от мира» и к властвующему в этом мире государству.

Другими словами, вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства встал не только потому, что возникла Церковь, но и потому, что появился определенный тип государства, с которым Церковь могла построить осмысленные отношения, государство, которому можно было отдать «кесарево», оставив Богу Божие.

«Государство, о взаимоотношениях с которым идет речь в церковном учении, — это власть, принимающая на себя функции охранения и вооруженной защиты естественной справедливости, выступающая блюстительницей нравственного начала в том, что касается «посюсторонней» человеческой жизни.

Тем самым, кстати, опровергается расхожий тезис о том, что «полезность» Церкви для государства определяется тем, что Церковь — хранительница нравственности в обществе и именно на нее должна быть возложена функция поддержания морального здоровья общества. Государство, пытающееся переложить на Церковь свои прямые обязанности по формированию общественной этики, понятий о справедливости, хорошем и дурном, фактически расписывается в своей «профнепригодности», в неспособности выполнить те условия, которые сама же Церковь предъявляет для того, чтобы государство считалось государством, а власть — властью. Государство может быть христианским, т. е. опираться на христианские ценности, ориентироваться на них в своей деятельности, считать благочестивого христианина эталоном гражданина, но формулирование «посюсторонней» гражданской этики — дело кесарево, а не Божие. Церковь и государство по-настоящему «встречаются» не по сю, а по ту сторону мира, там, где определяются предельные цели их существования»¹.

Итак, для Церкви залогом прочных взаимоотношений с государством является существование власти «римского образца», т. е. власти, ставящей своим принципом защиту добра и справедливости и вооруженную защиту от зла. Однако цель существования такой «римской власти» как в переносном, так и в прямом смысле не ограничивается прагматикой обеспечения «общественного блага» и, в частности, удобства для существования самой Церкви. Центральный смысл существования такого государства — смысл метафизический и исторический. Царство кесаря оказывается той преградой, которая

---

¹ Е. Холмогоров: В поисках политического смысла. Из журнала «Русский Архипелаг»

сдерживает наступление на мир радикального зла, приход которого будет означать кончину этого, видимого мира. Главной темой, вокруг которой выстраиваются в церковном учении церковно-государственные отношения, является не этика, а эсхатология, т. е. учение о судьбах и конце мира.

«Наиболее точное и афористическое определение сущности этой цивилизации дал православный мыслитель архимандрит Константин (Зайцев) — «аппаратура спасения». Признавшее эсхатологические, неотмирные цели Церкви также и высшими целями человека, а значит, и высшими целями своего существования, государство прикладывает усилия для того, чтобы обеспечить максимальное удобство в достижении этих целей для своих граждан, содействует созданию сложной и дорогостоящей культурной техники, которая должна помочь Церкви доставлять спасение души желающим этого людям. Для человека, родившегося на территории Византии или на Руси в эпоху расцвета христианской государственности, существовали все «объективные» условия для того, чтобы спастись, если он сам этого хотел: он был крещен и воспитан по-христиански, он в каждом городе и в каждом селении империи мог присутствовать на церковной службе, он мог приобщиться к святости у заботливо сберегавшихся бесчисленных святынь, в рассеянных по всей империи монастырях он мог посвятить себя монашеской жизни как наиболее располагающей к неустанной работе над своим спасением, причем монашеские уставы разных обителей соответствовали разным темпераментам и жизненным наклонностям разных людей, он мог найти себе опытного духовного наставника и прочесть бесчисленные книги, которые могли этого наставника заменить. Все это богатство возможностей спасения было ограждено от разрушительных и смертоносных вражеских вторжений вооруженной силой христианского царя и защищено изнутри от распространения вредных ересей (которые также создавали угрозу спасению) царским попечением о неповрежденном хранении православной веры»¹.

В идеале империя предполагала сведение к минимуму всевозможных случайностей, которые могли бы помешать человеку спастись, сделав спасение или гибель души плодом исключительно доброй воли самого человека и заботы о нем Провидения. Империя удерживала зло от внешнего вмешательства в судьбу человека и старалась своими нравственными законами ограничить внутреннее воздействие этого зла, ограничить хотя бы страхом наказания и понятием долга. Если на минуту все же перейти

---

¹ Там же.

на «утилитарный» язык, то и тогда нельзя не признать, что, предоставляя Церкви бесчисленные привилегии и материальные ценности, государство было со своей точки зрения весьма последовательно. Как инструмент обеспечения «общественного блага» оно желало для своих граждан и приобретения высшего, «надобщественного» блага — душевного спасения и сотрудничало с Церковью как с тем институтом, который способен обеспечить приобретение этого блага всеми желающими. Поэтому когда защитники церковных имуществ говорили, что Церковь не владеет, а только распоряжается богатствами для пользы своих чад, то они не лукавили: все внешние богатства Церкви, материальные и культурные, были, с некоторой точки зрения, «орудиями производства», арендованными у представленного государством общества для выполнения конкретной задачи. Даже самые примитивные формы средневековых вложений в церковные богатства, например завещание земельных угодий, деревень с крепостными и т. д., делались в той же логике, служили материальным обеспечением молитвенной заботы Церкви о спасении души завещателя.

При этом необходимо отметить, что «в православной традиции при осмыслении *социального бытия* на общественную структуру проецируется универсальное строение духовного космоса» — по принципу «один Бог — один Царь» (Евсевий Кесарийский, IV в.). В результате «формой социального бытия, т. е. проявлением совершенства в социальном мире, является государство. Народ же в этой картине является социальной материей, еще не оформленной массой».

«Подобная социальная метафизика до сих пор дает о себе знать в церковном сознании. Но она (как справедливо отмечает К. Костюк) никоим образом не является «единственно верной» для православия, догматизированной. Не отказавшись от такого подхода, церковь не сможет конструктивно «работать» с современным социумом и государством — она будет обречена на перманентное противостояние с ними (если не на актуальном, то на «эссенциальном» уровне)»¹.

Положение религии в государстве.

1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

---

¹ Там же.

Один неформальный штрих внес в эти отношения Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997), в преамбуле которого, с одной стороны, подтверждается, что РФ является государством светским, но, с другой стороны, признается «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры». На пространстве между формальной границей действующего конституционного закона и не очень ясной «особой ролью православия» к настоящему времени сложилась ситуация, конкретизирующаяся как эксклюзивное отношение государственной власти к одной православной организации — Русской православной церкви (она же — Московская патриархия).

При этом следует обратить внимание на позитивные примеры социализации религиозных сообществ. Это не только деятельность Межрелигиозного совета России, но также и региональных межрелигиозных советов разного типа, созданных при органах власти субъектов Российской Федерации. Подобные формы межконфессионального взаимодействия как раз и позволяют осуществлять обратную связь государства с религиозными объединениями и разрешать порой сложные, проблемные ситуации, но не через конфронтацию, а в процессе диалога и конструктивного сотрудничества.

Одним из главных фактических достижений последних лет — создание правовых условий для деятельности религиозных объединений и получение ими статуса юридического лица. Обновляются уголовные и гражданские кодексы. Отменены статьи, которые ограничивали права верующих, религиозных организаций. Совершенствуется механизм судебных решений по жалобам верующих и религиозных организаций на неправомерные действия государственных органов и должностных лиц.

Кроме того, существует проект развития государственной вероисповедной политики, разработанный кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при президенте РФ¹.

Необходимость в подобном проекте урегулирования отношений государства и религии назревала еще с начала 90-х годов двадцатого века. Естественно, что появившись, этот проект вызвал большой интерес, если не сказать резонанс, в печати и общественнонаучной сфере. В частности, он был подробно проанализирован Александром Залужным в работе «По-

---

¹ Концепция Государственной религиозной политики РФ. Проект кафедры религиоведения РАГС при президенте РФ, ноябрь 2003 г. Авторский коллектив: Васильева, Журавский, Кырлежев.

литика государства и вера». Заметим, что А. Залужный рассматривает публикацию этого проекта, «как важный опыт концептуального подхода к формулированию основ государственной вероисповедной политики»¹.

Представляется уместным рассмотреть данный проект более подробно.

Первый раздел представленного кафедрой религиоведения РАГС проекта «Цель, принципы и методы осуществления вероисповедной политики» в полном соответствии с действующим законодательством формулирует методологические основы политики государства в сфере свободы совести с учетом принципиального изменения характера общественно-политических отношений в современной России.

Второй раздел работы, названный авторским коллективом «Основные понятия», посвящен формированию понятийного аппарата, уже используемого или предлагаемого для официального применения в отношениях государства и религиозных объединений.

Особенностью данного раздела является, во-первых, то, что авторы проекта сформулировали в их широком смысле именно те понятия, без осмысления которых невозможно формирование представлений о государственно-конфессиональных отношениях в целом; во-вторых, в рамках действующего законодательства о свободе совести предпринята попытка определить сущность вероисповедной политики государства, при этом справедливо ограничив сферу ее действия отношениями, находящимися за рамками конфессиональных вопросов, регулируемых внутренними установлениями религиозных организаций.

Третий раздел проекта «Современные процессы в религиозной сфере жизни российского общества» посвящен характеристике коренных изменений в отношениях государства с религиозными объединениями с конца 80-х годов до настоящего времени и анализу основных тенденций развития государственно-конфессиональных, межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений на ближайшую и долгосрочную перспективу.

В связи с этим не только констатируется бесспорный факт значительного роста граждан, относящих себя к верующим, и соответственно многократное увеличение в 90-х годах количества зарегистрированных в

---

¹ Александр Залужный: Политика государства и вера. Только федеральный орган по делам религиозных объединений может консолидировать политику власти в сфере свободы совести и вероисповедания. НГ Религии, N 17 (88), 12.09.2001

качестве юридических лиц религиозных организаций, но также названы причины быстрого формирования их конфессионального многообразия.

Данный феномен авторы проекта в первую очередь связывают с приобретением легального статуса ранее находившимися в подполье или временно прекратившими свою деятельность на территории России религиозными объединениями, многочисленными расколами и дезинтеграционными процессами в традиционных для России конфессиях, совершенно немыслимой в прошлом активизацией иностранных миссионеров, проповедующих в основном различные направления протестантизма, а также возникновением в самой Российской Федерации и проникновением из-за рубежа новых религиозных движений, сумевших в жесткой конкурентной борьбе обрести своих последователей.

Из проекта следует, что именно не ограниченная законом деятельность религиозных новообразований в основном иностранного происхождения привела в 90-е годы к положению, когда начали стремительно нарастать дезинтеграционные тенденции, подчас прямо нацеленные на подрыв духовного единства общества; когда при полной инертности государства за не имевшей ничего общего с религией риторикой скрывалась не только откровенно коммерческая, но часто и противоправная деятельность многочисленных организаций, называвших себя религиозными.

Несмотря на то что вступивший в силу 1 октября 1997 года Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» отражал действительное состояние общества и стал реальной преградой на пути государственной регистрации организаций, только именующих себя религиозными, а на самом деле таковыми не являющимися, наступившее равновесие не устроило ни одну из сторон. Сегодня межконфессиональное противостояние, в том числе и по причине отсутствия единой концепции государственно-конфессиональных отношений, фактически переместилось в сферу политического противоборства, в котором самое активное участие принимают представители различных религиозных организаций.

С одной стороны, этот процесс выражается в продолжающемся неприкрытом давлении международных организаций и стоящих за ними сил, которые, обладая необходимыми материальными возможностями и на словах декларируя основные принципы свободы совести, на деле стремятся к расширению зон своего влияния в Российской Федерации с последующим размыванием векового фундамента, на котором базируется отношение народа к исполнению своих основных гражданских обязанностей.

С другой стороны — попытки религиозных организаций влиять на развитие политической ситуации в стране привели к появлению опасных клерикальных тенденций, способных в силу содержащихся в них элементов политического экстремизма при определенных обстоятельствах разрушить гражданский мир в обществе, дополнив религиозный сепаратизм национальным, а также включив в орбиту противоборства противников всякой религии.

Выход, как представляется, не в самоустранении государства от решения давно назревших проблем и не в лоббировании светскими учреждениями интересов тех или иных конфессий, а в скорейшем принятии соответствующей требованиям Конституции Российской Федерации, совершенствующемуся законодательству о свободе совести, международным обязательствам Российской Федерации и призванной определить основные приоритеты ее вероисповедной политики концепции государственно-конфессиональных отношений, что, несомненно, скоординирует относящуюся к вопросам религии деятельность государственных органов в центре и на местах, внесет ясность во многие дискутируемые в обществе вопросы, наконец, будет способствовать оздоровлению самих межконфессиональных отношений.

Четвертый раздел проекта «Основные области взаимоотношений государства с религиозными объединениями и их правовое регулирование» последовательно отстаивает представляющийся бесспорным конституционный принцип светскости Российского государства и соответственно светскую модель его вероисповедной политики как наиболее оптимальную и приемлемую в поликонфессиональном и полиэтническом государстве. При этом религиозные объединения рассматриваются в качестве особой формы реализации конституционного права граждан на объединение, предполагающей совместное исповедание и распространение веры.

В данном разделе авторами проекта также затронут достаточно сложный вопрос, связанный с упрощением процесса приобретения религиозными организациями статуса юридического лица. Это очень важно с точки зрения соблюдения уже упоминавшегося конституционного права граждан на объединение.

В то же время в соответствии с п. 8 ст. 11 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в случае возникновения у регистрирующего органа необходимости проведения дополнительного исследования на предмет признания организации в качестве религиозной и проверки достоверности сведений относительно основ ее вероучения и

соответствующей ему практики такой статус может быть приобретен только после проведения государственной религиоведческой экспертизы, что автоматически продлевает срок регистрации религиозной организации до шести месяцев.

И это оправдано, ибо в качестве примера достаточно отметить, что самый большой скачок в процентном отношении к 1997 году совершили религиозные организации, представляющие различные языческие верования. Их количество возросло в четыре раза. Хотя в абсолютных показателях численность таких организаций еще невелика, этот факт заслуживает самого серьезного анализа. Повсеместно и не только в традиционных для них районах возникающие религиозные группы языческого толка в силу своей «нетрадиционности» с позиций сегодняшнего дня выдвигают перед юристами, религиоведами, социологами, психологами, другими специалистами много сложных проблем, порой даже ставя последних в весьма затруднительное положение.

Иными словами, возвращаясь к предложению авторов проекта установить порядок, гарантирующий легкую доступность приобретения религиозными организациями статуса юридического лица, следует обратить внимание на возможный механизм реализации такой идеи, который состоит во введении единого порядка государственной регистрации всех некоммерческих организаций с последующим приобретением частью из них религиозного статуса, дающего всем без исключения равные права. Это несколько расходится с заложенными в проект намерениями признать отдельные конфессии традиционными с предоставлением им дополнительных льгот, однако, с другой стороны, не нарушает принцип их равенства перед законом».

Весьма перспективной представляется заложенная в проекте идея о заинтересованности государства в деятельности религиозных организаций на основе самофинансирования с одновременным контролем за тем, чтобы религиозный статус не становился простым прикрытием для достижения коммерческих целей. Во вводимой в действие с 1 января 2002 года главе 25-й Налогового кодекса Российской Федерации «Налог на прибыль организаций» предусмотрен комплекс мер по реорганизации системы налогообложения прибыли организаций, направленных на создание равных условий деятельности налогоплательщиков, обеспечение нейтральности налога по отношению к инфляционным процессам, сокращение многочисленных и бессистемных налоговых льгот, искажающих побудительные мотивы экономической деятельности. Данные меры призваны способство-

вать выполнению требований Налогового кодекса о том, что налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер, различно применяться исходя в том числе из религиозных критериев.

Также утверждено правительством Российской Федерации Положение о передаче религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, то есть недвижимого имущества (здания и сооружения с относящимися к ним земельными участками, в том числе монастырские и иные культовые комплексы, построенные для совершения и обеспечения богослужений, молитвенных и религиозных собраний, других религиозных обрядов и церемоний, а также профессионального религиозного образования) и движимого имущества религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений или предметы, предназначенные для богослужебных и иных религиозных целей). Указанное имущество передается государством религиозным организациям безвозмездно для использования его в функциональных целях.

В этой связи необходимо выделить выраженную в рассматриваемом проекте заботу о необходимости сохранения имущества культового назначения, относящегося к памятникам истории и культуры. Передача религиозным организациям такого имущества осуществляется Министерством имущественных отношений по согласованию с Минкультуры или госорганами охраны памятников истории и культуры субъектов Российской Федерации, а музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части музейного фонда и архивные документы, входящие в состав государственной части архивного фонда, могут быть переданы религиозной организации только в пользование на определенный срок или на период существования этой организации.

В проекте, как нам кажется, затронут очень важный (так как в силу конституционного права военная служба может быть заменена альтернативной гражданской), но в такой же мере болезненный вопрос о взаимодействии Вооруженных сил и религиозных организаций.

Здесь правомернее было бы говорить не о взаимодействии, а о взаимоотношениях, основанных на положениях Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», предполагающих, что командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях. А военнослужащие в свою очередь, согласно Федеральному закону «О статусе военнослужащих», вправе в свободное от

военной службы время участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица; но в то же время они не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии.

Это правило должно выдерживаться повсеместно, ибо толерантность в межконфессиональных отношениях еще далека от того уровня, когда активная деятельность в воинских коллективах носителей различных по содержанию религиозных идей не будет препятствовать выполнению военными служащими своего долга. Попытки некоторых командиров частей отдать предпочтение одной из конфессий в противовес другим не способствуют сплочению воинских коллективов, ибо порождают конкуренцию среди религиозных организаций в борьбе за увеличение своих последователей из числа военнослужащих, а также конфликты среди верующих военнослужащих, представляющих разные конфессии.

Проектом предложены соответствующие действующему законодательству основные направления государственно-конфессиональных отношений в сфере образования и культуры, первым из которых названо обеспечение государством светского характера образования в государственных и муниципальных учреждениях.

Актуальность проблемы, в частности, связана с непрекращающимися попытками Министерства образования Российской Федерации навязать обществу подготовленный отделением теологии Учебно-методического объединения университетов России проект государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Теология».

Ни для кого не является секретом, что теология — это систематизированное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необходимость для человека. Являясь синонимом богословия, теология включает догматику, экзегетику, апологетику, гомилетику и т. д., а вовсе не то, о чем не устают повторять разработчики программы. И самое удивительное заключается в категоричном нежелании Минобрнауки привести указанный проект образовательного стандарта в соответствие с действующим законодательством Российской Федерации и отказаться от намере-

ния: опыт концептуального подхода» можно рассматривать как наиболее отвечающий требованиям сегодняшнего дня вариант концепции государственной вероисповедной политики, который в совокупности с другими предложениями может стать добротной основой для разработки окончательного варианта концепции государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подводя промежуточный итог в работе по изучению взаимоотношений государства и религии в паре Российская Федерация — Православие, можно констатировать тот факт, что отработанных, а самое главное «полезных» механизмов их взаимодействий на сегодняшний день не существует. Более того, возникает своего рода путаница: с одной стороны, Российская федерация государство светское и межконфессиональное, а с другой, православное христианство, как «старый друг и соратник», пользуется определенными преференциями и «льготами». При этом, позитивным опытом может стать принятие проекта разработанного кафедрой религиоведения Российской Академии Государственной Службы при президенте РФ — «Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания: опыт концептуального подхода» в качестве официальной религиозной политики государства.

Так же полезным, как нам представляется, может стать и применение зарубежных опытов взаимодействий государства и религии, изучению которых будут посвящены последующие этапы данной работы.

---

¹ Александр Залужный: Политика государства и вера. Только федеральный орган по делам религиозных объединений может консолидировать политику власти в сфере свободы совести и вероисповедания. НГ Религии, N 17 (88), 12.09.2001

Роль рекламной коммуникации в современном обществе: альтернативные ПОДХОДЫ

Поскольку средства массовой информации стали занимать значительное место в жизни людей, все более обширное пространство в сфере научной деятельности стало занимать их изучение, в частности, изучение рекламной деятельности. С переходом к массовому производству проблема обеспечения людей необходимыми товарами уже не является проблемой: производится столько, что достаточно всем. На передний план выдвигается другая проблема — проблема сбыта произведенных товаров. На перенасыщенном товарами рынке человек превращается в консьюмера. С приходом общества потребления роль рекламной коммуникации растет, потому как она, в первую очередь, берет на себя функцию проводника в мир товаров и услуг.

В социологии XX века феномену усиления роли рекламы и, шире, массовой коммуникации в обществе дается разная оценка, несмотря на сходство базовых предпосылок исследователей по отношению к структуре, форме существования и воздействия рекламного послания на человека. Используемые социологами исследовательские программы, как правило, являются альтернативными, что в очередной раз конституирует статус социологии как мультипарадигмальной дисциплины (Ритцер). Останавливает ли это поиск единства фундаментальных основ науки? Рассмотрим этот вопрос на основании сравнения двух концептуальных подходов: теории коммуникации Жана Бодрийяра и теории социальных систем Никласа Лумана.

Общим для двух исследовательских программ является представление о том, что реклама не только стимулирует человека на потребление това-

ний готовить богословов за счет налогоплательщиков в условиях, когда государственные структуры испытывают острейший дефицит в специализациях по государственно-конфессиональным отношениям в целом и теории религии, в частности.

Нужно заметить, что правильной представляется позиция авторов в вопросе о деятельности государственных средств массовой информации в части ее соответствия целям и принципам вероисповедной политики государства. Данная проблема должна стать предметом обсуждения на заседании Общественно-методического совета при Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, а выработанные рекомендации использованы средствами массовой информации в процессе формирования жанра религиозной журналистики.

Заключительный пятый раздел проекта «Механизм реализации государственной вероисповедной политики» констатирует существующую в настоящее время структурную раздробленность и межведомственную разобщенность подразделений, призванных представлять интересы государства в его отношениях с религиозными организациями и содержит предложение о создании федерального государственного органа по делам религиозных объединений.

Отсутствие указанного федерального органа и входящих в него структур в субъектах Российской Федерации не только размывает базовые элементы вероисповедной политики государства, но также во многом провоцирует принятие субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов по вопросам свободы совести и деятельности религиозных объединений, противоречащих Конституции и Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», что впоследствии предполагает не менее болезненный процесс приведения их в соответствие с требованиями федерального законодательства.

Поэтому создание федерального государственного органа по делам религиозных объединений и есть тот путь, следуя которым можно решить проблему консолидации сил, призванных осуществлять политику государства в сфере свободы совести и вероисповедания, укрепляя при этом вертикаль власти и обеспечивая выполнение требований федеральных правовых актов о свободе совести и о религиозных объединениях в масштабе Российской Федерации.

«Разработанный кафедрой религиоведения РАГС проект «Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповеда-

ра или услуги, но также оказывает латентное воздействие на него, сутью которого является формирование мнений, взглядов и ценностей, которые учитываются индивидом в его последующем социальном поведении. Таким образом, реклама может быть рассмотрена не только как средство продвижения идей товаров и услуг, но и как малоструктурированная система социальной коммуникации с обратной связью, где в роли обратной связи выступает потребительское (покупка товара/услуги) или социальное (принятие транслируемого образа жизни, ценностей) поведение людей.

Согласно Н. Луману, латентная функция рекламы заключается в «формировании вкуса»¹. Это означает, что на основании транслируемых рекламными сообщениями образов люди создают в своем сознании классификационные решетки, в которые они помещают объекты окружающей их действительности. Эта процедура помогает человеку ориентироваться в мире, определить, «что такое хорошо и что такое плохо», что прекрасно, а что безобразно, что стильно, а что безвкусно. Функцией «собаки-поводыря» в мире вещей и сообщений наделяет рекламу и Ж. Бодрийяр. В обществе потребления люди окружены, с одной стороны, чехардой предметов, и, с другой стороны, калейдоскопом разного рода посланий. Само собой разумеется, в таком информационном хаосе они чувствовали бы себя «не в своей тарелке», т. к. не понимали бы, как ориентироваться в условиях тотального изобилия. Однако для того чтобы избежать подобного дискомфорта СМИ (в том числе и реклама) формируют коллекции — серии сообщений/предметов, отсылающих одна к другой. Таким образом, потребитель может легко ориентироваться в информационном потоке².

Более того, такая нежная забота о потребителе предоставляется совершенно бесплатно, т. е. даруется. Метафора «дара», использованная Бодрийяром, уже перестает быть метафорой, приобретает предметную форму настоящего подарка, как в архаических обществах (Мосс). Логика изобилия в сочетании с сознанием того, что все это изобилие создано для них и даруется им, должна приводить коньюмеров в состояние полной потребительской эйфории, потому что реклама в данном случае через механизм прививания вкуса служит критерием правильности их выбора³.

---

¹ См. Луман Н. Реклама // Реальность массмедиа. — М.: Праксис, 2005.

² См. Бодрийяр Ж. Торжество предметных форм // Общество потребления. — М.: Культурная революция; Республика, 2006. — сс. 6-8.

³ См. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Издательство «Рудомино», 2001. — сс. 180-194.; Луман Н. Реклама // Реальность массмедиа. — М.: Праксис, 2005. —

Реклама представляет собой самореферентный и операционально замкнутый комплекс. В случае Н. Лумана это очевидно, поскольку реклама трактуется им как социальная система, а любая социальная система, по Луману, состоит из порождающих самих себя операций, и, следовательно, она сама себя описывает¹. Этот же тезис оказывается справедливым и для Ж. Бодрийяра и отражен в его концепции симуляции реальности. В XX веке люди в обществе массового потребления начинают производить знаки, никак не связанные с реальностью и замкнутые друг на друга, копии без оригиналов, или симулякры². Сфера знаков является замкнутой системой, где знаки не отсылают к действительности.

Из замкнутости социальной системы рекламы следует, что она не транслирует информацию, потому что информация не входит в круг ее операций, ее задача — не доказать, а убедить. Реклама не обманывает, реклама не говорит правды — она вообще не касается рекламируемого продукта, она отсылает к «вращающейся очевидности» (Бодрийяр). Н. Луман под информацией понимает коммуникацию, приводящую систему к точке бифуркации, в которой появляется возможность дальнейшей коммуникации или ее отсутствия³. Реклама же самодостаточна, она не ставит никаких вопросов и поэтому не нуждается в продолжении коммуникации.

Однако замкнутость системы рекламы является также источником «невероятности коммуникации» (Луман), иными словами, низкой эффективности рекламного воздействия. Чтобы цепочка коммуникаций не была прервана (что неизбежно приведет к исчезновению социальной системы), реклама, которая не задает вопросов, все же должна получить ответ в форме продолжения коммуникации: «... успехом рекламы является уже то, что вообще ставится вопрос «или-или» (надо или не надо покупать новый кухонный гарнитур); ведь скорее всего вероятнее было то, что разум озадачен не кухней, а чем-нибудь другим»⁴. Ж. Бодрийяр также говорит о том,

---

сс. 77-78.

¹ См. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. — СПб.: «Наука», 2007.

² См. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. — сс. 84-87.

³ См. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. — сс. 32-33.

⁴ Луман Н. Реальность массмедиа. — М.: Практикс, 2005. — с. 76.

что реклама во многих случаях неубедительна, т. е. не всегда выполняет свою эксплицитную функцию («рекламный императив»)¹.

Впрочем, реклама легко преодолевает эту невероятность, потому как отказывается от воздействия на рациональные мотивы, она предпочитает использовать специализированные технологии привлечения (например, BTL², латеральный маркетинг³ и др.). Одной из таких технологий является быстрая смена образов. У людей больше нет времени на критические размышления: они обязаны следовать за быстрым ритмом смены культурных стандартов. Данная позиция также разделяется обоими социологами⁴.

Итак, нами были обозначены базовые предпосылки, на которые опираются исследовательские программы двух концептуальных подходов социологии XX века в лице Ж. Бодрийяра и Н. Лумана. Как видно из вышеприведенного сопоставления, их объединяет большое число принципиальных позиций в отношении сущности и формы рекламного воздействия. В первую очередь, оба социолога рассматривают рекламу как социальную коммуникацию, тем самым наделяя ее соответствующими атрибутами: наличие передачи или обмена информацией (не обязательно в смысле Лумана), поддержание целостности общества (интегративная функция). Явной функцией рекламы является продвижения идей товаров и услуг различным целевым аудиториям с целью их сбыта и получения прибыли. Эта функция реализуется через воздействие рекламы на образ/стиль жизни, ценности потребителя — латентную функцию рекламы. Более того, соотношение явного (информация о качестве и цене рекламируемого товара/услуги) и скрытого (трансляция образа/стиля жизни, ценностей) содержания рекламного сообщения не является равнозначным (1:1), латентный компонент довлеет над явным. Это объясняется более глубоким воздейст-

---

¹ См. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Издательство «Рудомино», 2001. — сс. 179-180.

² BTL — это все мероприятия по продвижению продукта, кроме прямой рекламы.

³ «Латеральный маркетинг — это рабочий процесс, который при приложении к существующим товарам или услугам дает в результате инновационные товары и услуги, охватывающие потребности, целевых потребителей или ситуации, не охваченные в настоящее время, и, таким образом, является процессом, которые предполагает высокие шансы для создания новых категорий или рынков». См. Котлер Ф. Новые маркетинговые технологии. Методики создания гениальных идей. — СПб.: Нева, 2004.

⁴ См. Бодрийяр Ж. СМИ, секс и досуг // Общество потребления. — М.: Культурная революция; Республика, 2006. — сс. 133-136.; Луман Н. Реклама // Реальность массмедиа. — М.: Праксис, 2005. — сс. 75-76.

вием на человека косвенных стимулов (например, идентификация с героем рекламного послания).

Посредством воздействия на аксиосферу потребителей реклама, наряду с другими источниками продуцирования практик культурного потребления, помогает создавать схемы классификации, с помощью которых люди упорядочивают окружающий их мир. Степень ее влияния достаточно высока, т. к. она предстает в форме «дара», отношения, требующего реципрокальности¹. В то же время реклама является замкнутым комплексом, где образы сплетены друг с другом в сети рекурсивных отношений. Образы, которыми оперирует рекламная коммуникация, неинформативны, что может служить препятствием для выполнения рекламой своей явной функции, потому что способствует формированию у людей отрицательного или недоверчивого отношения к самому факту рекламирования.

Пока ничего не дает нам повода назвать подходы Н. Лумана и Ж. Бодрийяра альтернативными, однако различия этих исследовательских программ носят фундаментальный характер. С точки зрения Н. Лумана, реклама это одна из социальных подсистем, которая, с одной стороны, является результатом усиливающейся дифференциации общества, или увеличения сложности социальной системы, а с другой стороны, выполняет функцию интеграции людей в существующий социальный порядок, обеспечивает структурную связанность между системами разного рода, что приводит к редукции сложности социальной системы. Согласно Ж. Бодрийяру, реклама, как и все средства массовой информации, представляет собой новый способ убеждения властью членов общества потребления в незыблемости и обоснованности существующего социального порядка, что тем самым закрепляет латентные формы эксплуатации человека. Рассмотрим это различие подробнее.

Реклама является частным случаем теории массовой коммуникации Ж. Бодрийяра, а поэтому рассмотрим рекламную коммуникацию в более широком контексте. Бодрийяр говорит о том, что массовая коммуникация формирует поле «не-коммуникации» (non-communication)². На

---

¹ См. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М, 1996. // Официальный сайт Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Сетевой адрес: http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/mauss/r_mauss.html

² Бодрийяр Ж. Реквием по медиа // К критике политической экономики знака. — М, 2007.— с. 238.

первый взгляд это утверждение кажется парадоксальным, однако если разобраться, что Бодрийяр понимает под коммуникацией и как он оценивает СМИ, смысл этой метафоры оказывается понятен. Диаметральная противоположность массовой *коммуникации* и других форм *общения* возникает вследствие уничтожения средствами массовой информации и коммуникации символического в сфере отношений людей. Символический обмен, который является неотъемлемой частью общения личностей, заменяется, следуя новой логике медиа, односторонним принятием сообщений, исходящих от средств массовой коммуникации. Такое безответное информационное давление со стороны медиа назвать человеческим общением уже никак нельзя. Поэтому, если отождествлять понятия «коммуникация» и «общение», массовая «коммуникация» может быть названа только «не-коммуникацией». В отсутствие настоящих символических отношений между людьми общество с помощью той же логики СМИ формирует видимость символического обмена, «симулякр символического» — массовую коммуникацию, которая оставляет впечатление общения, но при этом общением не является. «В прошлом люди не нуждались в коммуникации — они просто общались. Однако общество, сталкивающееся с отсутствием символических отношений, вынуждено имитировать их существование для того, чтобы как-то объединить изолированных индивидов»¹.

Как уже отмечалось, главными изменениями XX века явились модернизация производства, превращение его в массовый феномен, и появление средств массовой информации и коммуникации. СМК изменили традиционную модель коммуникации, посягнув на сам ее статус. Коммуникация — это не просто процесс передачи или приема информации, независимо от того, присутствует обратная связь или нет. Коммуникация есть символический обмен между личностями, создание уникального отношения, непрерывная цепочка «даров». Настоящая коммуникация-общение всегда предполагает ответ. Масс-медиа ломает этот взгляд на коммуникацию: «они суть то, что всегда запрещает ответ, что делает невозможным любой процесс обмена»². Коммуникация превращается в информационный «прессинг» со стороны СМИ.

---

¹ Меррин У. Телевидение убивает искусство символического обмена: теория коммуникации Жана Бодрийяра // Контексты современности — II. — Казань, 2001. — с. 81.

² Бодрийяр Ж. Реквием по медиа // К критике политической экономии знака. — М, 2007.— с. 238.

Механизм «симуляции ответа» необходим СМИ, для того чтобы поддерживать целостность распадающейся без символических отношений социальности. Множество разъединенных, гипериндивидуализированных субъектов застыли перед экранами телевизоров; они больше не общаются друг с другом, они участвуют в массовой коммуникации, снова и снова воспроизводя существующую систему власти. «Для современных людей характерно одностороннее потребление знаков в целях удовлетворения собственных нужд»¹.

Таким образом, для Ж. Бодрийера средства массовой информации и реклама в частности являются новой формой контроля и манипуляции людьми со стороны властных структур. У Н. Лумана совершенно иное представление о роли рекламной коммуникации в современном обществе. Оно вытекает из его понимания социальных систем и процессов, происходящих в них. Обществу как всеобъемлющей социальной системе присуща дифференциация, или «образование систем в системах»². Реклама возникает как подсистема такой подсистемы общества, как медиа. Следовательно, медиа является для рекламы окружающей средой, равно как общество является окружающей средой для медиа. Эта «фрактализация» приводит к увеличению доли комплексности системы. Но чем выше комплексность, тем сложнее системе осуществлять свои операции, поэтому все высокодифференцированные системы (такие как общество) стремятся к редукции комплексности. Это общее представление Н. Лумана о системах.

Реклама представляет собой социальную коммуникацию, а коммуникация, по Луману, включает в себя три взаимосвязанных компонента: это информация, форма сообщения и понимание. Только в случае согласованного действия всех элементов коммуникация может быть успешной³. Однако, как уже было отмечено, рекламная коммуникация не имеет дела с информацией и не всегда приводит к пониманию, что позволяет нам провести параллель между «не-коммуникацией» Ж. Бодрийера и «неверо-

---

¹ Меррин У. Телевидение убивает искусство символического обмена: теория коммуникации Жана Бодрийера // Контексты современности — II. — Казань, 2001. — с. 80.

² Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. — СПб.: «Наука», 2007. — с. 44.

³ См. Луман Н. Невероятность коммуникации // Официальный сайт факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Сетевой адрес: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_c.html

ятностью коммуникации» Н. Лумана. В чем же заключается различие их подходов?

Обратимся к латентной функции рекламы, которая заключается в корректировке образа/стиля жизни индивида, его системы ценностей. Н. Луман утверждает, что реклама прививает вкус тому, у кого его нет. Это означает, что реклама помогает в формировании критериев, обеспечивающих обоснованный выбор индивида в тех областях социальной жизни, где он по каким-то причинам оказался некомпетентен. Как показал еще А. Шюц, знание социально распределено¹, иными словами, человек не может знать все, не способен быть одновременно гениальным физиком и социологом (может быть, за редким исключением). Следовательно, реклама оказывается социально полезной, потому что снижает меру комплексности системы (общества) посредством восполнения пробелов в людском знании, необходимом для совершения выбора. Образы, предоставляемые рекламной коммуникацией, в данном случае являются тем количеством информации, которое снижает долю энтропии в системе и тем самым способствует ее самовоспроизводству. Таким образом, согласно Н. Луману, рекламная коммуникация представляет собой один из структурных компонентов быстро дифференцирующегося общества, выполняющий социально значимые функции.

Итак, мы выяснили, в чем сходство и различие двух концептуальных подходов XX века, остановивших свой исследовательский интерес на одном предмете, а именно рекламе. Что мы можем извлечь из этого сопоставления? Несмотря на глубокие различия исследовательских программ Ж. Бодрийера и Н. Лумана, которые можно отнести к разным парадигмам в социологии (общая теория систем и французская постструктуралистская традиция), они находят много общего в рассмотрении феномена рекламы. Расхождения начинаются только на этапе *интерпретации* этого явления. Из чего можно выдвинуть гипотезу о том, что ситуация мультипарадигмальности в социологии отнюдь не посягает на единство фундаментальных основ науки, а проистекает из разности авторских позиций, видения, способа проблематизации. Возможно ли из этого заключить, что парадигмальные различия в социологии являются мнимыми? Этот вопрос пока остается вне нашего рассмотрения.

---

¹ См. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. №2. 1988. — сс. 129-137.

Реклама как форма социального контроля

В настоящее время в России происходят разнообразные метаморфозы. Во многом это связано с развитием рыночной системы в государстве и с переходом от одних механизмов развития к другим. Это касается всех сфер жизни общества: начиная от особенностей политического управления и производства и заканчивая бытовыми сферами. Вместе с этими изменениями, происходит трансформация наркотизации и алкоголизма как социальной проблемы — она приобретает новые характеристики. Наркотическая культура выходит за пределы устоявшихся возрастных границ: со временем возраст инициированных начинает снижаться; но, кроме молодежи, наркотические вещества начинают употреблять и более зрелые люди; происходит феминизация наркотизма, наркотические вещества становятся необходимым атрибутом, который демонстрирует переход индивида из одного возрастного периода в другой.

Перманентный кризис, неожиданно резкая социальная дифференциация социальной структуры, идеологическая и социальная дезориентация, потеря идеологических ориентиров, разрыв между реальными и пропагандируемыми моделями поведения привели к состоянию ценностной аномии, когда население встало в тупик от разнообразия ценностей, присущим разным социальным группам или неодобряемым этими группами.

Социальная реклама и реклама в целом, также претерпела значительные изменения за последние годы. В 1980е годы произошел значительный поворот политического курса страны, с чем связано полная переориентация социальной рекламы на распространение новых политических идей. Но масштабы этой рекламы — многотысячные тиражи.

Какого-либо специального органа по контролю и координированию деятельности в области социальной рекламы в России создано не было, а проводимые акции носят эпизодический характер. Как уже было сказано, начиная с 1980-1990х гг. социальная реклама ассоциировалась с политической агитацией и предвыборной борьбой, но в контексте политических лозунгов поднимались актуальные на тот момент проблемы безработцы, невыплаты зарплат, болезни и голод. В 1993 году был создан Рекламный совет,

куда на добровольной основе вошли редакции газет, некоторые телекомпании, радиостанции и общественные организации. Цель данного совета — создавать единые рекламные продукты по социальной проблематике, не ставя на них марки какой-либо продукции. Гуманитарная организация «Врачи без границ» и фонд «Фокус» дали дополнительную возможность для бизнеса, обеспечив прав компаниям присоединиться к единому информационному пространству: использовать некоторые идеи взамен на спонсорство. 2000г стал знаковым для истории развития социальной рекламы в России: Министерство печати и массовых коммуникаций сделало серьезный заказ на социальную рекламу; и, в тот же год, при поддержке губернатора Комитету по печати и связям с общественностью Санкт-Петербурга удалось добиться от парламента выделения большой суммы на создание социальной рекламы, что стало ежегодной традицией. В 2001г Законодательным собранием Санкт-Петербурга был принят и подписан губернатором Санкт-Петербурга Закон о грантах, в котором был законодательно закреплён порядок распределения бюджетных средств, предназначенных для социальной рекламы. В 2003 году был создан союз создателей социальной рекламы, чья задача заключается в пропаганде необходимости государственных коммуникаций как инструмента формирования социального согласия в российском обществе.

Анализ современных тенденций развития общественных коммуникаций показывает, что социальная реклама — дело не только государственного заказа. Производители и специалисты рекламной сферы все чаще обращаются к такому инструменту, как социальная реклама, так как это перспективно, интересно, выгодно и востребовано, так как социальная реклама не только отражает события и общественные взгляды, но и значительно их формирует.

Более того, оптимизация процесса производства и трансляции социальной рекламы и рекламы в целом в рамках социологии — наиболее эффективно, поскольку социология обладает необходимыми методами для ее изучения.

Социально-эмоциональный вакуум заставил многих искать выход в приобщении к наркопотреблению, тем самым формируя собственную реальность, не имеющую ничего общего с действительностью и удовлетворяющую психо-эмоциональным требованиям индивида, приводящую к удовлетворению.

Разумеется, обществу необходимо защитить себя от этого натиска, противодействовать силами своих социальных институтов, контролировать

и минимизировать количество активных и потенциальных потребителей наркотических веществ.

Возможно, воздействие социальной рекламы в данной области могло бы показать новые интересные результаты, тем более, что опыт зарубежных стран работы с социальной рекламой — положителен. Эффективность воздействия социальной рекламы на население доказали зарубежные лидеры по её производству и внедрению, преуспевшие в разработке идей и проектов по социальной рекламе: США и Великобритания. Наиболее активной социальной рекламой становилась в кризисные ситуации. Она рассматривалась как коммуникационный инструмент, который помогал бы решать сложные общественные проблемы (например, во время Гражданской войны в США социальная реклама содействовала рекрутированию). В 1942 году был создан Рекламный совет — некоммерческая организация, координирующая производство социальной рекламы. После Второй мировой войны деятельность Рекламного совета распространилась на многие сферы общественной жизни и задействовала потенциал различных правительственных агентств и благотворительных организаций. К 1980м гг. у Рекламного совета появились конкуренты, поэтому с 1987 года в США проводились активные и высокобюджетные социальные кампании. В 1990х годах проводились кампании против наркотиков и СПИДа, после окончания которых был замечен постепенный рост этих негативных общественных явлений. Постепенно распространилось и значительной частью современного рекламного пространства стала платная социальная реклама, заказываемая и финансируемая, как правило, государством. Из данных примеров видно, что США старается использовать социальную рекламу для выстраивания коммуникативного пространства во избежание конфликтных ситуаций и для помощи и поддержки населения в трудное для государства время.

В свою очередь в Великобритании вкладываются значительные средства для развития идей, средств и технологий создания и распространения социальной рекламы. Координирующим органом здесь является ЦОИК — Центральный офис информации и коммуникации, который координирует деятельность правительственных структур в области социальных коммуникаций. Благодаря этой организации Великобритания стала одним из

крупнейших рекламодателей, тратящим ежегодно около 195 млн. фунтов стерлингов.

Трансформация российского общества последних десятилетий, постоянно увеличивающиеся темпы роста процесса коммерциализации и криминализации подталкивает население к потере социальной идентичности, смысловых и ценностных ориентиров. Стремление к успеху как к самоцели приводит к расхождению средств достижения его с координированными институциональными значениями этих средств. Если цели культуры и институционализированные средства их достижения полностью усваиваются индивидом и получают с его стороны положительную оценку, но являются недоступными, то возникает психологический конфликт, поскольку моральное обязательство встает в противоречие с давлением, вынуждающим прибегнуть к незаконным средствам. При этом, если применение незаконных средств тоже является невозможным, то индивид, неспособный справиться с этим порядком, выпадает из него. Это приводит к росту количества преступлений, девиантного поведения, к увеличению числа больных алкоголизмом и наркозависимых и появлению идентичных социальных проблем.

Придерживаясь позиции, что отклоняющиеся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения¹, возможно предположить, что общество само должно создавать условия, при которых подобные кризисные ситуации не могли бы иметь места.

Чем же можно объяснить то, что большинство потребляющих либо зависимых людей, — это молодежь? Является ли ранний биологический возраст причиной дополнительного фактора риска? На этот вопрос ответить сложно, однако, девиантность индивида напрямую зависит от его социальной состоятельности: насколько данный индивид социализирован и включен в общественные отношения. К тому же, природные характеристики человека полностью опосредованы обществом и социальными предпосылками. Суть социализации состоит в том, чтобы предоставить членам общества набор социальных позиций в социальной структуре; в формировании свойств, необходимых для перемещения по этим позициям; и определении механизмов перераспределения индиви-

---

¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Издательство «Прогресс».

дов по различным социальным позициям. Неравенство социально-экономических возможностей, неготовность молодежи конкурировать в социальном и финансовом плане с другими членами общества, заставляет достаточно болезненно их реагировать на происходящие вокруг события. Страдая от неравенства по возрастному признаку, подростки не способны в полной мере защитить свои интересы. Возможно, поэтому в качестве протеста общественности, они отличаются повышенной девиацией. В дополнение, постоянно растущие потребности и несоотнесимые по эффективности возможности удовлетворения этих потребностей обретают особенно острый характер. Активно развивающиеся интеллектуально и физически подростки, жаждущие утвердиться в обществе, не всегда выбирают верные, одобряемые социумом каналы вымещения их природной энергии. Эта хроническая неудовлетворенность в области самоутверждения приводит к реализации подростка не только в позитивном ключе, но и провоцирует на самореализацию в негативных формах. Это коренное противоречие между потребностями и несоотнесимыми возможностями их удовлетворения можно охарактеризовать следующими понятиями¹:

Существует противоречие между теми целями, которые объявляются в обществе одобряемыми и основными и которые прививаются, и между путями их достижения

Члены общества хотят стремиться к богатству, так как именно финансовая состоятельность объявлена ценностью, но легальных методов удовлетворения данной потребности мало

Противоречие между тем, что молодое поколение нуждается в дополнительной социальной защите, но государство не всегда обладает возможностью эту защиту обеспечить

Таким образом, молодежь, попадая в рамки противоречий, не всегда выбирает легальный путь удовлетворения своих потребностей, часто образуют субкультурные группы со своими ценностями, нормами, внутренними законами и демонстрационными признаками. Поскольку субкультурная группа состоит из людей, объединенных по взглядам и интересам, противостоящим основному общественному мнению, субкультура отвергается обществом. И чем сильнее сплочена группа, чем больше она интегрирована, тем более она отвергаема и отлична общественно одобря-

---

¹ Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. С. 77

емого образца. «Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания алкоголиков, но меньше, чем криминальная или тюремная субкультуры»¹.

На уровне индивидуального девиантного поведения, девиацию можно объяснить как результат противостояния между наличными потребностями и отсутствием одобряемых путей удовлетворения этих потребностей. Социальная неудовлетворенность индивида, его неустрашенность постепенно приводит индивида к выводу, что это состояние надо преодолевать. Методы преодоления этого состояния разные: от сугубо позитивной деятельности до негативной, неодобряемой обществом. Однако, в силу разных обстоятельств, индивид не может употребить ни один из вышеобозначенных путей развития, тогда возникает желание уйти от реальности и найти альтернативу социальной жизни как таковой. Ретретизм является основной целью при принятии наркотиков, как правило. Однако, многие исследователи (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.) видели в явлении наркомании уход не только от суровых условий жизни, но, в большинстве своем, симптом отгораживания от всеобщего навязывания стандартных правил, попытку преодолеть стресс как реакцию на давление системы. Индивид вступает в субкультурную группу для обретения ощущения одобрения и эмоциональной поддержки.

Говоря о статистических данных по проблемам наркотизма в России, трудно говорить о полном объеме информации, так как латентность наркотизма слишком велика. Согласно официальным данным в России количество граждан, употребляющих наркотические вещества, за последние десять лет увеличилось в 9 раз. Кроме того, лавинообразный рост наркомании провоцирует выход проблемы СПИДА на передний план и возникновение практически не контролируемой вспышки заболеваний среди молодежи (почти 90% выявленных в 1997-1998 гг. случаев заражения ВИЧ-инфекцией являлись следствием внутривенного употребления наркотиков, и причиной заражения явилось использование общих шприцев). Сегодня в России насчитывается 5,99 млн человек, употребляющих наркотические вещества. 500 тыс., наркоманов, приводимые по официальной статистике, это люди, добровольно вставшие на медицинский учет.

---

¹ Гишинский Я. Девиантология.- СПб, 2007. С. 180

От общего числа наркоманов в России по статистике¹ 20% — это школьники. 60% — молодежь в возрасте 16–30 лет. 20% — люди более старшего возраст. Средний возраст приобщения к субкультурной группе наркоманов в России по статистике составляет 15–17 лет. Также увеличивается процент потребления наркотических веществ 9-13 летними детьми. По данным МВД порядка 90% преступлений совершается на почве наркомании.

По результатам региональных исследований, в современной России основными потребителями наркотических веществ являются учащиеся и другие лица, не имеющие постоянного дохода.

В настоящее время в цивилизованном мире происходит переход от категорического отрицания наркотиков и наркоманов к политике меньшего вреда. Нидерланды, Великобритания, Австралия — страны, наиболее соответствующие данному лозунгу. Политика России отклоняется от этого курса. В последнее время происходит только ужесточение и усиление репрессий по отношению к наркозависимым людям, а практика антинаркотических программ, пропаганды и профилактических работ, постепенно сходит на нет из-за недооцененности подобной тактики и недофинансирования, из-за распространения негативного отношения к зависимым и клеймления их в качестве преступников. Но, как показывает опыт, силовые действия могут лишь негативно воздействовать на ситуацию: привести к укоренению криминализации и наркозависимости среди начинающих и росту цен на наркотические вещества на черном рынке.

Разработка и реализация программ не может быть выполнена каким-то одним органом, необходимо консолидированная деятельность по всем этим направлениям. Только совместная активность может принести результаты в борьбе против девиантных проявлений в общем, и проблемы наркотизма в частности. Важным условием эффективной борьбы с наркотизмом и профилактики наркомании в молодежной среде является социальное регулирование, имеющее под собой основу создания целостной системы, способной не только изменить отношение к самому феномену употребления наркотиков, но обеспечить для молодежи «легальные» пути для личностного самовыражения и роста.

Социальная реклама может рассматриваться как средство воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения с целью

<http://netnarkoticov.ru/narkomanija-statistika.html>

1

их минимизации, то есть как средство социального контроля. Эта позитивная санкция контроля девиантного поведения относится к первичному уровню превенции (“primary prevention”), то есть представляет собой совокупность мер, улучшающих социальную обстановку, например, за счет формирования интернализированного морального долга и уважения к требованиям группы или общества. «Чем сплоченнее общество, чем выше степень социальной интеграции индивидов, тем меньше отклонений (девиаций)»¹. Со временем, формируя ценностные ориентации и идеологию населения, отношение его к определенным проблемам и проявлениям девиантного поведения, происходит интернализация, и начинает действовать внутренний механизм социального контроля, что более эффективно, чем внешние его проявления.

По результатам исследований², центральными проблемами российского общества, которым стоит посвятить акции по социальной рекламе, являются наркомания, алкоголизм и СПИД. Однако в последнее время антинаркотическая реклама, имевшая место, перестала выходить на первый план; и большинство сюжетов социальной рекламы стало разрабатываться на тему СПИДа и алкоголизма, хотя необходимость развития системы антинаркотического информационного воздействия только повышается.

Социальная реклама как часть института массовой коммуникации, может помочь индивиду самоутвердиться, социализироваться и гармонично сосуществовать с другими членами социальной группы, из солидарности подчиняться разделению по социальным ролям (что навязано и актуализировано СМК) и, соответственно, органично вписываться в различные социальные группы и институты, разделяя и следуя одобряемым обществом стереотипам и моделям поведения.

Более того, социальная реклама «социологична» по своей природе, потому как является:

самостоятельным социальным институтом по удовлетворению потребностей людей в социальной информации;

организованной структурой взаимодействующих социальных субъектов аналогичной функциональной ориентации;

---

¹ Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2007.

² Белянин А.Б. Эксперты о социальной рекламе в современной России// Социологий власти. 2007. №4.

системой специфических социальных коммуникаций информационно-побудительного характера.

Наряду с растущим количеством бытовых и социальных проблем, существует проблема адаптации индивида к напряженности из-за постоянно вводимых новшеств, активного информационного потока, культурной интервенции в связи с глобализацией, из-за политических дрязг. Степень уязвимости в таком положении резко повышается, индивид старается следить за ожиданиями окружающих и быть чувствительным к веяниям общественных стандартов. Формируется личность, которую Д. Рискман назвал «человеком-локатором¹», который старается соответствовать ожиданиям и быть полноценным членом, вливаться в группу или общество. Подобная индивидуальная ориентация создает острую необходимость в векторах и в официально одобренных моделях поведения. Обостряется заинтересованность в информационных подсказках. Механизм действия этого принципа основан на том, что, если интересы индивида совпадают с интересами общества, то он боится утратить идентичность с этим обществом, и угроза социальной изоляции становится важнее собственной свободы выбора и мнения.

Для современного человека характерны многочисленные процессы и акты коммуникации в массовом обществе. Если рассмотреть содержание этих процессов, то можно обнаружить, что существует несколько уровней информации, которые поглощает индивид на протяжении всей жизни и из которых формируются его взгляды. Ю. Левада разделяет информацию, получаемую в разные периоды времени и различную по глубине своей, на структурную, фундаментальную и оперативную. Структурная информация входит в личное пространство индивида на ранней стадии социализации с помощью традиционных типов общения (межличностное общение в малой группе) и составляет ядро структуры личности (формирует установки, ценностные ориентации и т. д.). Далее устойчивые ориентации индивида выстраивает фундаментальная информация, что является более поздним этапом вхождения человека в общество. Такая информация поступает по специализированным каналам: формируются знания и интересы. Третий вид, оперативная информация, делает актуальными идеологические, этические и другие нормы общества на текущее время. Самый распространенный и эффективный канал для такой информации — это массовые коммуникации. Роль и доля этой информации, если прос-

---

¹ Федотова Л.Н. Социология рекламы. — М.: Добросвет, 1999

мотреть процесс осваивания всех трех типов информации, заметно возрастает в сознании человека массового общества. Соответственно, именно оперативная информация служит надстройкой над базисом структурной и фундаментальной видов и содержание оперативной информации является интегрирующим фактором, разбивающим преграды между различными группами. Если отталкиваться от данного постулата, то из этого следует, что общество способно формировать ориентиры индивида с помощью отдельных институтов и групп.

При рассмотрении изменения во временном промежутке глубины поглощаемой индивидом информации, предложенная Лассвелом классификация (воздействует ли информация на разум, чувство или действия аудитории), становится не необходимо-достаточной. Поэтому исходя из разделения информации на структурную, фундаментальную и оперативную, в 1960 году социологи Райты развили типологию Лассвела и дополнили её. Д. Маккуэл, Дж. Бламлер и Дж. Браун оперировали следующими понятиями при анализе функций СМК:

- отвлечение внимания от повседневности и проблем, обеспечение эмоциональной разрядки;

- замещение межличностного общения социальной деятельностью;

- осознание индивидом себя как личности, помощь в определении его самооценки, в познании действительности и убежденности в собственной ценности;

- социальный надзор.

Также одной из характеристик СМК является взаимодействие с социальной структурой на уровне личности, социальной группы и социальных институтов.

В данном случае было бы интересно ввести еще одно дополнительное понятие — стереотип. «В концепции Липпмана стереотип по своей форме — это «картинка в голове», яркое эмоциональное представление о явлении или предмете, которое как бы закладывается в сознание (микросистему) в процессе социализации»¹. Стереотип присутствует везде, во всех областях человеческих знаний; его центральная функция — классифицировать и опосредовать поступающую информацию, быть ориентиром в поведении (отсюда существует необходимость осмысленного стереотипизирования, без которого целенаправленное формирование моделей поведения было бы невозможно). Липпман объяснил устойчивость, эмоциональный заряд

---

¹ Федотова Л.Н. Социология рекламы. — М.: Добросвет, 1999

и фиксированность стереотипа с точки зрения его социальной функции. С помощью этого термина автор объяснил каким образом выражается отношение избранной социальной группы к представляющему для группы большую ценность объекту и формулируется представление группы о своем положении относительно других групп. Это стандарт, структурирующий систему взглядов и организующий единнообразное отношение группы к действительности. Стереотип выступает в качестве связующего звена между членами группы в силу различия их индивидуальных сознаний. Он необходим для выстраивания моделей поведения как для индивида, так и для всей группы. Липпман предлагает забыть о негативной трактовке стереотипа и сконцентрироваться на нем как на механизме коммуникации. По мнению автора концепции, стереотип, как переменное явление, организующее направленное на внешний мир действие, принимает активное участие в процессах и выполняет функции психологической защиты, хотя иногда, возможно, не совсем верно трактует действительность. Поскольку приведение в порядок, структурирование систему идей и ценностей, ощущений и впечатлений, построение причинно-следственные связей для индивида вполне типично, то стереотип может играть основополагающую роль: он действует и как средство принятия или отклонения конкретного деяния либо как средство его блокирования или избирательного восприятия. По «гомеостатической модели коммуникации» Дж. Клаппера, эффективность коммуникации зависит от степени устойчивости взглядов аудитории.

Явление стереотипизации разрабатывалось и изучалось Б. Грушиным. Согласно его определению, стереотип — это статичное представление об объекте, направляющее в дальнейшем восприятие и маркирующее действительность как знакомую и незнакомую. Кроме того, у стереотипа есть функция отражать действительность, которая осуществляется таким образом: свойства всей системы воспринимаются, как свойства одной из составляющих этой системы.

Таким образом в реальной жизни индивида стереотип проявляется как:

- функция адаптации индивида к той или иной культуре (к её нормам, чтобы чувствовать себя её носителем без органического вхождения внутрь культуры);

- функция защиты от потоков новой, зачастую не имеющей первостепенного значения информации, посредством неосознанно проявляющейся самоцензуры;

- функция передачи субкультурных элементов.

Ряд социопсихологов (Д. Катц, М. Смит, Дж. Брунер, Р. Уайт, И. Сагнофф, Д. Узнадзе) для описания аналогичных процессов замещают этот термин понятием «установки» — особенность индивида, выражающаяся в предрасположенности давать ту или иную оценку рассматриваемому объекту. Установки выполняют функции приспособления, защиты от собственного «Я» индивида, отображают ценности и являются знанием.

Однако, по сравнению со стереотипом, установки не объясняют сложности взаимодействия индивида с другими элементами структуры общества. Как один из основных каналов распространения и внушения мнений, отношений, оценок и стереотипов, СМК выступает как надежное средство регуляции поведения и адаптации индивида.

СМК также выступает в качестве «четвёртой власти», так как выполняет 2 роли: является институтом, участвующим в процессе формирования целей развития общества; и механизмом актуализации этих целей. Как и остальные институты (религия, искусство и др), СМК могут быть рассмотрены в качестве механизмов, обеспечивающих стабильность существования социума и в то же время возможность его развития. Однако функциональное размежевание институтов имеет место. Сочетания регулируемых правил исторически поддерживали устойчивость социального организма. Традиционные механизмы поддерживали стабильность общества, пока его не захлестнуло разнообразие моделей поведения, мышления и мнения. СМК особенны тем, что в постоянно модернизирующихся социальных системах они, наряду с другими социальными институтами, репрезентируют реципиентам альтернативы социально-экономического развития.

В связи с усложнением общественной структуры, со сложностью перехода от одной позиции к другой в этой структуре; по причине ценностной аномии и дезориентированности, социальной фрустрации населения, социальная реклама, как уже было сказано, во второй половине 1990х годов все активнее стала использоваться не только как агент в борьбе за политическую власть, но и, как средство привлечения людей к участию в решении важной социальной проблемы, в качестве апогея своих возможностей.

Суммируя эту информацию, можно сделать вывод, что социальная реклама как часть института рекламы и СМК, способна адаптировать индивида к ожиданиям общества, обеспечить помощь в выборе среди многочисленных ценностных ориентиров различных групп; увести от аномии, которая может преследовать индивида как жертвы давления разных институтов и групп; указать на актуальные в текущее время требования

общества; продемонстрировать официально одобренные модели поведения, чтобы облегчить жизни индивида в массовом обществе и выработать автоматическую реакцию при решении некоторых социальных вопросов и проблем. Социальная реклама как часть СМК, не может выполнять все функции, наложенные на средства массовой коммуникации, но часть из них (социальный контроль и помощь в познании и оценке действительности) — это центральная функция социальной рекламы. И множество аргументированных концепций и подходов к изучению СМК доказали, что социальная реклама как элемент, включенный в структуру СМК, может быть чрезвычайно эффективной в направлении образа мыслей индивида.

Социальную рекламу можно рассматривать как часть социальной технологии, на что указывает наличие образа общественно значимой цели. А основными функциями и сущностями социальных технологий являются совокупность процедур и операций, которые в результате приводят к оптимизации социального результата; также является методом управления социальными процессами, приводящими к воспроизводству их качественных параметров.

С точки зрения культурвиталистской модели неовиталистской социологии, социальная реклама, как элемент социальной технологии, направлена на сбалансирование социального пространства и социальных отношений. Её непосредственная задача — обнародовать наличие социальной проблемы, актуализировать значение и определить важность решения указанной проблемы; ее основная задача — убедить в необходимости и разъяснить методы решения социальной проблемы; формирует новые социальные ценности и одобряемые модели поведения. Иными словами, выступая инструментом государственной и информационной политики, социальная реклама призвана регулировать и оптимизировать жизнь общества.

Социальная реклама различается по видам в силу различия заказчиков (государство, общественные организации или участники крупного бизнеса). В зависимости от заказчика, реклама делится по своим функциональным направленностям и возможностям. Обычно информационная функция рекламы заключается в информировании населения о наличии социальной проблемы и методах ее решения, о видах профилактики, о деятельности некоммерческих организаций или государственных структур и т. д. Кроме того, идеологическая функция социальной рекламы способствует изменению общественного мнения об имидже некоторых государственных структур или целого государства. Объединение всех элементов

социальной структуры общества, инициация их полноценной взаимосвязи и формирование нового образа государства является особенностью интегративной функции социальной рекламы. Процесс социализации индивида происходит за счет правильного формирования характеристик социальной рекламы, выполняющих воспитательную функции. Последняя, воспитательная функция рекламы, очень важна при освещении темы влияния социальной рекламы на девиантного поведения в целом и проблемы распространения наркотизма как частности.

Различные теоретики и практики признают, с одной стороны, что акцептами социальной рекламы должны служить широкие массы (такой рекламы, которая ориентирует на общие ценности и формирует общегражданские принципы: отношение к терроризму, насилию, здоровью детей и т. д.). Но, с другой стороны, для таких проблем как распространение СПИДа, наркомании, безопасный секс, аудитория должна быть четко определена, поскольку есть наиболее подверженные риску группы.

Исходя из теоретического материала, Социальная реклама — эффективный метод коммуникации и воздействия государственных структур на мнения, стереотипы, модели поведения и восприятие реальности населением. Но метод этот эффективен при правильном подходе к производству и демонстрации.

Одной из главных проблем производства качественной социальной рекламы, является недофинансирование проектов социальной рекламы. Возможно, из-за недооценивания роли рекламы в установлении новых ценностей и влияния ее на общественное мнение, на возможность социализации индивида от инициативы социальных институтов. Несмотря на то, что зарубежные страны уже давно доказали обратное, российская действительность отказывается от подобной практики и более предпочитает репрессивные меры постфактум, когда одна социальная проблема и девиантное поведение порождает другую социальную проблему и делинквентное поведение (преступление закона наркоманом). Во-первых, любая социальная реклама и процесс изменения отношения к проблеме и стереотипов, формирование новых ценностей должно подкрепляться другими профилактическими мероприятиями. Если проводится социальная реклама «против наркотиков», то необходимо параллельно проводить акции по поддержке наркоманов либо бывших наркоманов; проводить конференции и презентации с участием жертв наркопотребления и подростков; поскольку молодежь — основная группа риска, необходимо создавать условия для развития разных сторон личности, помогать подросткам форми-

ровать свой досуг и делать так, чтобы здоровый образ жизни был доступен для всех слоев населения.

В Европе и США многие крупные коммерческие организации осознали необходимость и выгодность благотворительности и помощи в поддержании социального порядка. Только крупные и успешные компании могут позволить проводить различного рода социальные акции, поэтому этот факт ставит компанию на ступень определенного статуса, провоцирует многих на доверие этой компании и качеству производимого ими товара, заставляет уважать ее деятельность. В России такая система взглядов совсем не развита и социальные программы проводят, в основном, компании международного уровня (Газпром, Макдоналдс).

Уровень развития рекламы в целом в России также не достигает мировой планки качества, поэтому нашим агентствам трудно конкурировать в этом плане с иностранными агентствами по рекламе. За границей рекламные агентства понимают производство социальной рекламы как вызов их профессионализму. Соответственно, на производство социальной рекламы, кроме достаточно значительного финансирования государства, употребляется множество сил уверенных профессионалов мирового класса. При этом социальная реклама воспринимается не как второсортный продукт, а как показатель мастерства специалиста. В России коммерческая выгода рекламного агентства часто показательнее в общей системе оценок мастерства. Поэтому сложно агентствам навязать создание социальной рекламы при низком финансировании, когда производство социальной рекламы не придает никакого статуса.

Количество транслируемой социальной рекламы оставляет желать лучшего. Разумеется, для телевизионных каналов гораздо выгоднее продавать самое популярное время эфира большим компаниям под коммерческую рекламу, а для ротации социальной рекламы выделить самое непопулярное время. Хотя, согласно исследованиям, на телевидении существует таблица популярности времени для каждой определенной возрастной или социальной группы. Так, например, время раннего вечера, популярное среди подростков, было бы необходимо для трансляции рекламы против наркотиков или за безопасный секс.

В дополнение поднимается проблема доверия социальной рекламе. Институт рекламы в данный момент, возможно, претерпевает некоторый микро-кризис, поскольку сознательно на нее реагируют только дети младшего школьного возраста и ниже. Подроски же, в большинстве своем, уверены в манипулятивных возможностях рекламы и обладают некоторыми

поверхностными знаниями для оценки степени манипуляций. Подростки имеют возможность сравнить качество продукции с теми качествами «виртуального» продукта, которые декламируются в рекламном ролике. Они понимают, что нередко реклама использует и просто навязывает человеку какое-то синтезированное мнение. Соответственно, социальная реклама, как часть института рекламы, сталкивается с теми же проблемами. Особенно, если учесть, что еще недавно социальная реклама использовалась как подспорье политической власти. Как выход, возможно, требуется третье лицо — организация, которая не будет ассоциироваться с изначально с государственной политикой, дизорганизацией, «совком», коррупцией, ворством и лицемерием, что часто общественным приписывается различным институтам и государственным учреждениям. Но, при этом, практика работы распространения профилактических мер этого учреждения должна быть известна всем и одобряться большинством.

Важной ошибкой рекламной политики является копирование тактики коммерческой рекламы: любой рекламируемый продукт в ролике является частью альтернативной реальности, которую индивид хотел бы разделять. Возникает чувство неудовлетворенности собой, чувство зависти и ощущение того, что приобретение этого продукта приведет индивида к заветной цели, повысит его статус, улучшит его положение и т. д. Подобную практику осуществляют создатели социальной рекламы, полагая, что индивид, видя перед собой пример, будут тянуться к лучшему образу жизни и подражать кумирам. Например, в США акция «против курения» проходит под лозунгом «не начинай курить», а в России «бросай курить». С одной стороны, действие этой рекламы, очевидно, заранее направлено на определенную целевую аудиторию: на тех, кто уже начал курить. Но что было бы более эффективно: говорить с тем, кто уже имеет эмоционально-физическую зависимость или поговорить на эту тему с теми, кто пока волен выбирать? Ответ прозрачен. Таким образом, данная реклама уже указывает индивиду на его неполноценность в весьма назойливой форме, не давая никаких объяснений. Если эта реклама направлена на молодое поколение, на подростков, которые достаточно тяжело реагируют на ультимативную форму общения, то какой эффект может возыметь данный ролик?

К сожалению, в большинстве своем социальная реклама является ультимативной и не несет в себе никакой информации о выборе и компромиссе — так предпочитают представители государственных институтов направлять молодое поколение, не спрашивая их мнения и не разбираясь в причинах отклоняющегося поведения. Конечно же это приводит к еще

большому противостоянию подростка общественному мнению и желанию, наоборот, попробовать себя даже в негативном и запретном. И, вместо, разрядки напряжения в рамках проблемы, заказчики социальной рекламы обретают еще более недовольного собой зрителя, который наблюдает на экране популярного спортсмена, чей образ уже заранее обречен на успех. А сам индивид еще более удостоверится в том, что его модель мировосприятия не вписывается во всеобщие стандарты, что делает его более напряженным и заставляет избавляться от неприятного ощущения себя социальным инвалидом любыми средствами, например вхождения в группу, где его мировосприятие будет более типично (вхождение в разного рода субкультурные группы).

Таким образом социальная реклама в данный момент несет в себе часто негативный посыл и недостаточно задействована в сфере социального контроля, однако ее потенциал, как средство социального контроля, вполне очевиден и нуждается в развитии и разработке.

Автомобиль как индикатор социальной дифференциации в современной России

«Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения» — уверял Остап Бендер, но по прошествии без малого 100 лет с выхода в свет романа Ильфа и Петрова, данный тезис является всё более спорным и не однозначным. С утилитарной точки зрения, автомобиль — это средство передвижения и перевозки грузов, но на протяжении всей своей истории автомашина не-сла определенную информацию о владельце и его положении в обществе.

Изобретение двигателя внутреннего сгорания, а впоследствии и автомобиля разделило общество на две группы — водители и пешеходы. Процесс массовой автомобилизации характеризовался количественным ростом автовладельцев, следовательно, и водителей. (В начале XXI века на 10 человек, живущих на Земле, приходится 1 автомобиль¹. По данным аналитического агентства «Автостат», на 1 января 2009 года на каждую тысячу граждан России приходилось 255 легковых авто.). Таким образом, современное общество разделяется на две группы граждан, каждая из которых имеет определенный набор прав и обязанностей перед государством, другими представителями своей группы и противоположного класса. Ограничение, или игнорирование прав одной группы в пользу другой ведёт к развитию разного типа социальных конфликтов. Переход из класса водителей в класс пешеходов осуществляется регулярно, но для того чтобы стать водителем необходимо не только приобрести автомобиль, но также сдать определенные экзамены и пройти необходимые медицинские комиссии. Таким образом, переходя в класс автовладельцев, человек осуществляет социальную мобильность, которая является вертикальной.

Если обратиться к истории развития автомобиля в России, можно заметить, что отношение к водителю и его автомобилю изменялось с течением времени. На рубеже 19-20 веков, первые — экспериментальные автомобили, зарубежного и российского производства воспринимались, как символ

---

¹ Cars and Vehicles (Statistical Information and Demographics)

технического прогресса и достижений человечества. Закономерно, что управлять и иметь доступ к данным техническим средствам могли лишь представители высших слоев общества Российской Империи.

В постреволюционный период развития, автомашина перешла на службу государства, основную массу транспортных средств составляли автомобили скорой помощи, милиции и пожарной службы. Личные автомобили выделялись на нужды партийной и промышленной элиты. Вторая Мировая Война поставила промышленность на военные рельсы, что не могло не сказаться и на автомобильной промышленности, появились автомашины для армии — технические средства повышенной мощности, проходимости и вместительности. В тоже время в ходе войны Советский Союз получил большое количество зарубежных авто по Лэнд-Лизу и в качестве немецких «трофеев». Именно тогда стал очевиден разрыв технических характеристик отечественного и зарубежного автомобиля. Победа советского народа в Великой Отечественной войне вернула страну к мирному труду. Опыт, накопленный конструкторскими коллективами автомобильной промышленности по созданию новых образцов автомобилей и боевой техники, информация, собранная при эксплуатации немецких, американских, английских автомобилей, позволили по-новому подойти к проектированию послевоенных моделей. Уже в 1944-1945 гг. были продолжены начатые до войны работы над перспективными машинами ГАЗ, ЗИС, ЯАЗ. Несмотря на то, что целый ряд автомобильных, моторных и кузовных заводов («Ауди», БМВ, «Вандерер», «Глезер», ДКВ, «Опель», «Фрамо», «Феномен», «Хорьх» и др.) находился на территории Германии, занятой Красной Армией, конструкторский задел и научные разработки их специалистов не были использованы при создании новых отечественных моделей. В то же время немалая часть демонтированного оборудования и оснастки пополнила станочный парк советской автомобильной промышленности и тем самым способствовала укреплению ее материальной базы.¹ Послевоенные частные автомобили оставались недоступными для простых граждан, но увеличивалось количество выпускаемых автомашин, что позволяло оснащать техническими средствами всё большие организации. Лишь в начале 60-х годов с появлением автомобилей «Газ-21», «Газ-24», «ЗАЗ-965», «ЗАЗ-966», Москвичей «410» «407», «403», «408» и «412» моделей, а позднее с запуском конвейеров ВАЗа советский человек получил доступ к частному автомобилю, но не секрет, что стать обладателем новой автомашины

---

¹ <http://auto-history.narod.ru/Information/1-175.htm>

мог не любой советский гражданин, для этого необходимо было дожждаться очереди, попасть в которую была возможность лишь по направлению с рабочего места, или по партийной линии, зачастую человек получал автомобиль с конвейера через несколько лет ожидания. Данный социальный факт свидетельствует о том, что спрос превышал предложения на данный продукт советской промышленности в разы. Если перейти к вторичному рынку автомобилей в СССР, следует отметить, что он не был налажен, имели место, лишь отдельные случаи передачи прав пользования транспортным средством. Приобрести автомобиль зарубежной сборки была возможность у советской политической и творческой элиты, а также у некоторых представителей «выездных» профессий. Таким образом, к «Перестройке» советские граждане подошли с чётко сформированным стереотипом, о том, что автомобиль — показатель экономической и карьерной успешности.

В начале 90-х годов, в связи с политическими и экономическими изменениями автомобильный парк России изменился структурно. Свободный импорт товаров, в том числе и автомашин, резко увеличил количество автомобилей, а следовательно и активных участников дорожного движения (водителей). Более того, в процессе приведенных выше изменений пропала очередность в приобретении автомашины, при наличии средств, любой гражданин приобретал желаемое транспортное средство. Всеобъемлющий процесс автомобилизации в 21 веке продолжает набирать обороты. С увеличение количества автомобилей и отношение к нему в обществе изменилось.

В сельской местности, на сегодняшний день, автомобиль остается не просто символом экономической успешности владельца, но и говорит о его значимости в отдельно взятом населенном пункте. При отсутствии транспортного сообщения, автовладелец является своеобразным связующим звеном села с городом. Следовательно, весь объем жизненно необходимых продуктов (лекарств, книг и т. д.) доставляется тем самым водителем. Более того, автомобиль позволяет жителю села трудоустроиться в городе. Структуру автопарка Российской деревни крайне сложно проанализировать с помощью официальной статистики, так как большинство частных автомобилей являются «не выездными», то есть машина передвигается только по территории населенного пункта, или попросту является неисправной (разобранной). По данным ВЦИОМ 67% процентов подержанных отечественных автомобилей «прописываются» в сельской местности. Если говорить о технических характеристиках «сельского» автомобиля, в первую очередь оценивается проходимость и вместительность

машины, в то время как, мощность двигателя, комфорт и техническая оснащённость уходят на второй план.

В малом и среднем городе наличие автомобиля является менее статусным, чем в сельской местности. В связи с более развитой системой общественного транспорта автомобиль не столько необходим, сколько предоставляет большие возможности владельцу. Структура частного автопарка малых и средних городов крайне разнообразна. По данным ВЦИОМ жители данных населённых пунктов составляют основную массу покупателей новых отечественных автомобилей, также там высок процент подержанных продуктов отечественного автомобилестроения, но и иностранные автомобили, как новые, так и старые, пользуются популярностью у жителей городов. Таким образом, на данном типе населённого пункта можно увидеть социальное разделение между водителями. Статусные характеристики автомобиля становятся, не менее значимы, чем технические показатели.

В рамках крупного города, а в особенности мегаполиса, дифференцирующие моменты являются более сложными и не однозначными, по сравнению с меньшими населёнными пунктами. Большая часть семей имеют личный автомобиль, следовательно, наличие машины не ставит владельца в более привилегированное положение. В условиях Москвы и Санкт-Петербурга, автомобиль не является самым быстрым способом передвижения по городу, причиной тому являются пробки, более того автовладелец вынужден ежедневно тратить время в поисках парковочного места. В тоже время, современное общество ставит перед человеком набор определенных требований, и наличие личного автомобиля является одним из них, подтверждает приведённый выше факт требование работодателей к соискателю при приеме на руководящую должность: наличие личного автомобиля. Таким образом, социальное разделение водитель-пешеход в рамках крупного города становится менее важным, и на первый план выходит разделение водитель-водитель, в рамках данной дифференциации становятся значимы статусные характеристики автомобиля во время дорожно-го движения.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АВТОВЛАДЕЛЬЦЕВ «НА ДОРОГЕ».

Существует психологическая аксиома: «Благодаря хорошей визуализации личный автомобиль, в зависимости от размеров и престижности бренда, стал показателем общественного положения владельца, символом успеха». Иными словами, автомобиль — это лицо его владельца. Более того, крупные бизнес корпорации следуют правилу: «Наша парковка —

наше лицо», что обязывает сотрудников управлять статусными автомобилями, дабы поддерживать имидж компании.

В процессе дорожного движения основным регулирующим поведение водителей фактором являются Правила Дорожного Движения, но в случаях, не прописанных в законе, на первое место выходит психологический фактор — статус автомобиля. Приблизительно 20% дорожных ситуаций можно классифицировать, как не прописанные: поиск парковочного места, равнозначный перекресток, проезд по придворовой территории и так далее, все эти ситуации и заставляют обращать внимание на статус автомобиля. Кроме того, во время движения в общем потоке, водитель более статусного автомобиля имеет психологическое преимущество при перестроении. Элитарность автомобиля не редко приводит к девиантному поведению на дороге. На психологическом уровне водитель чувствует своё превосходство над другими участниками дорожного движения и позволяя себе нарушать ПДД, создавая аварийные ситуации.

Максимальная мощность и размер технического средства, на первый взгляд, должны говорить о статусе автомобиля и его владельца, но в рамках общества потребления, бренд становится не менее значимым показателем привилегированности. В процессе включенного наблюдения статусной дифференциации дорожного движения был выведен следующий классификатор автомобилей (стоит отметить, что каждое авто следует рассматривать с помощью нескольких показателей):

- эксклюзивность автомобиля;
- класс автомобиля;
- возраст (износ) автомобиля;
- марка автомобиля;
- дизайнерские особенности автомобиля;
- административный ресурс.

1) **Эксклюзивный автомобиль.** К данной группе следует относить автомобили не имеющие аналогов. В первую очередь, это автомашина ручной и единичной сборки. Услуги по созданию подобных автомобилей предоставляют специализированные предприятия по сборке эксклюзивных авто (Майбах, Роллс Ройс и т. д.). Так же к представителям данного класса автомобилей можно отнести инновационные и выставочные модели известных мировых автогигантов. Ретро-автомобили также принято считать эксклюзивными (ретро автомобиль отличается от старого тем, что он признан классическим и находится в идеальном техническом состоянии).

Автомобили данной группы являются самыми уважаемыми на дороге, так как, не смотря на то, что они могут уступать в мощности двигателя другим авто, на психологическом уровне они вызывают удивление и интерес, более того цена на эксклюзивный автомобиль в разы превышает цену на заводские аналоги (страховая цена «Майбах-57» составляет 23 миллион на 578 тысяч рублей).

2) **КЛАСС АВТОМОБИЛЯ.** Данная градация является основной в статусном разделении автомобилей на дороге. В неё включены следующие характеристики: цена, вид, набор опций, мощность и вес автомобиля.

Разделение автомобилей на классы принято во всем мире и внутри каждого государства имеются свои особенности структурирования автомобильного парка. В рамках российской традиции, принятой в 1966 году, действует единая Отраслевая Нормаль, устанавливающая деление автомобилей на классы в зависимости от объема двигателя и сухой массы автомобиля. Но данное деление не отражает цен и инновационных характеристик автомобиля. В рамках выстраивания статусной пирамиды на Российской дороге наиболее показательной является классификация Европейской экономической комиссии. Данная классификация ориентирована скорее на сегментацию целевого рынка, нежели описание каких-либо конкретных характеристик автомобилей; рамки между сегментами размыты и не ограничиваются такими параметрами, как габариты или масса. Факторы сегментации включают такие параметры как: цену, вид, набор опций и так далее. Данное разделение используется производителями для того, чтобы определить место автомобиля на рынке, при этом конкретные концепции автомобилей внутри одного сегмента могут обладать совершенно разными характеристиками, использовать разные технологии и набор опций в зависимости от производителя.

В целом, рынок пассажирских автомобилей делится на следующие сегменты:

A: Mini cars. (Chevrolet Spark, Citroen C1, Daewoo Matiz, Fiat Panda, Toyota Aygo, Volkswagen Lupo, Ока). Автомобили данной категории являются наименее статусными, это маленький, слабый автомобиль для движения по городу. В России их принято считать женскими автомобилями, или «автомобилями домохозяек». Самый дешевый вид автомобилей.

B: Small cars. (Audi A2, Ford Fiesta, Hyundai Getz, Nissan Note, koda Fabia, Toyota Yaris, Лада Калина). Автомобили данной категории являются самыми массовыми, это не большой, экономичный автомобиль для движения по городу. В России данные автомобили считаются «Народными автомобилями».

C: Medium cars. (Ford Focus, Audi A3, Volvo C30, Fiat Albea, Mazda 3, Nissan Tiida, Лада Приора). Автомобили данной категории маркируются в Европе как: «низший средний класс», «первый средний класс». В России данные автомобили считаются транспортом на каждый день.

M: Multi purpose cars. (koda Roomster, Opel Meriva, Mazda5, Ford Galaxy, Renault Scenic). Автомобили данной категории маркируются в Европе и в России как: «Микровэн», «Компактвэн», «Минивэн». Это автомобиль повышенной пассажиро- и грузо- вместимости.

J1: Mini SUV, Compact SUV. (Mitsubishi Pajero iO, Honda CR-V, BMW X3, Ford Explorer, Toyota RAV4, Nissan Qashqai). Автомобили данной категории принято в России называть «паркетниками». Полноприводный городской автомобиль.

D: Larger cars. (Audi A4, BMW 3-й серии, Mazda 6, Nissan Primera, Volkswagen Passat, Toyota Avensis). Автомобили данной категории маркируются в Европе как: «средний класс», «второй средний класс». В России данные автомобили считаются представительским транспортом широкой доступности.

E: Executive cars. (Audi A6, BMW 5-й серии, Jaguar S-Type, Skoda Superb, Ford Mondeo, Volvo S80). Автомобили данной категории маркируются в Европе как: «высший средний класс». В России данные автомобили считаются представительским транспортом.

J2: Mid-size SUV. (BMW X5, Jeep Grand Cherokee, VW Touareg) Автомобили данной категории принято в России считать внедорожниками повышенной комфортности.

J3: Coupe SUV. (Isuzu VehiCROSS, SsangYong Actyon, BMW X6). Автомобили данной категории принято в России считать «паркетниками» представительского класса.

F: Luxury cars. (Audi A8, Lexus LS, Volkswagen Phaeton, Maserati Quattroporte, Bentley Continental Flying Spur). Автомобили данной категории маркируются в Европе как: «представительский класс». В России данные автомобили считаются транспортом экстра-класса.

J4: Full-size SUV (Cadillac Escalade, Chevrolet Suburban, Range Rover, Toyota Land Cruiser). Автомобили данной категории принято в России считать внедорожниками экстра-класса.

S1: Roadster. (Audi TT, BMW Z4, Porsche Boxster). Имиджевый двухместный спортивный автомобиль повышенной мощности.

S2: Sports car. (Chevrolet Corvette, Porsche 997). Элитный спортивный автомобиль повышенной мощности.

S3: Convertible. (Mercedes-Benz CLK-Class, Volvo C70, Volkswagen Eos). Автомобиль с откидной крышей, повышенной мощности.

S4: Grand tourer. (Jaguar XK, Maserati GranTurismo). Класс скоростных автомобилей, предназначенных для дальних поездок.

S5: Supercar. (Bugatti Veyron, Ferrari Enzo, Porsche 980 Carrera GT). Класс мощных автомобилей повышенной комфортности. Является самым статусным из серийных авто.

Приведенная выше дифференциация автомобилей полностью соответствует статусной пирамиде на Российских дорогах. Около 80% частных автомашин в городах России представители В, С и J1 — классов, рамки между которыми крайне условны. Следовательно, социальные контакты и не прописанные Правилами Дорожного Движения ситуации случаются между водителями данных автомобилей регулярно. Для этого необходимо проанализировать и менее значимые — «внутриклассовые» уровни статусного разделения.

3) Возраст (износ) автомобиля. Первым «внутриклассовым» уровнем статусного разделения на дороге является новизна и степень износа автомобиля. Регулярное обновление модельных рядов ведущих автопроизводителей ведет к модернизации и техническому усовершенствованию инновационных моделей. Таким образом, новый автомобиль является показателем социального и финансового положения владельца в обществе.

Степень новизны автомобиля определяется следующими рамками: транспортное средство, выпущенное с конвейера менее 3 лет назад, принято считать новым, данные рамки устанавливаются производителем, так как гарантийный договор на автомашину действует в среднем около 3 лет. Автомобиль старше 3 лет, но младше 10 лет считается подержанным, так как данный срок — это средний период эксплуатации серийного авто. Машины старше 10 лет принято считать старыми, так как они выработали свой потенциал и, более того, степень технического развития уходит далеко вперед за время использования данного автомобиля.

Какими машинами располагают российские семьи, показывает исследование ВЦИОМ, собранный эмпирический материал говорит следующее: в 59% случаев водитель управляет подержанным отечественным автомобилем, подержанных «иномарок» — 19%, новых отечественных автомобилей — 16% и 8% — новых «иномарок». В течение ближайших трех лет приобрести новое авто планируют 13% респондентов.¹ При анализе раз-

---

¹ <http://www.autoindex.ru/reviews/skolko-avtomobilistov-v-rossii>

деления автомобилей в крупном городе необходимо учитывать, что удельный вес иностранных и новых автомобилей в нем значительно выше, чем в целом по стране.

Тренды российского общества показывают, что среднестатистический автовладелец старается менять автомобиль, в среднем каждые 3 года. Не смотря на то, что мировой финансовый кризис (2008-2009) существенно уменьшил роль автомобиля как статусного объекта и замедлил процесс смены автомобилей частными владельцами, начало 2010 года показывает, что процесс приобретения новых автомобилей набирает обороты и по прогнозам маркетологов к 2012 году он превзойдет показатели докризисных годов. Государственная программа утилизации старых автомобилей, с предоставлением скидки на приобретение нового транспортного средства, также способствует всплеску покупательской активности россиян.

4) МАРКА АВТОМОБИЛЯ. В рамках данного классификатора уместно использовать термин бренд, или имидж торгового знака. Крупнейшие мировые авто концерны, производят технику всех классов, от А до S. Таким образом, внутри каждого класса представлены различные марки автомобилей. В связи с этим значимым «внутриклассовым» уровнем статусного разделения является имидж торгового знака.

Российский опыт классификации марок автомашин на дороге, первично можно охарактеризовать следующим образом: автомобиль отечественного и зарубежного бренда. Данное разделение имеет закономерные исторические корни, в связи с отсталостью технологии отечественной автомобильной промышленности. Четко прослеживался приведенный выше социальный факт на протяжении всего двадцатого века, но воочию сравнить «иномарку» и отечественный автомобиль обывателю представилась возможность в конце 80-х, начале 90-х годов прошлого века. Так как на тот период развития, иностранный автомобиль вне зависимости от страны и компании изготовителя, был показателем статуса владельца, данная тенденция сохранилась до сегодняшнего дня. Отсюда следует, что на российских дорогах представители марок Лада, Москвич, Ока, Волга и УАЗ являются наименее статусными автомобилями внутри своего класса.

Иностранные марки автомобилей отечественной сборки (Ford, Nissan, Toyota и т. д.) плотно занимают свой сегмент рынка в современном российском обществе. Недоверие к отечественной автомобильной промышленности распространяются и на данный вид транспортных средств. В обществе существует устойчивое мнение, свидетельствующее о том, что автомобили отечественной сборки, уступают зарубежным аналогам. Дан-

ный социальный факт доказывает, что при сравнении идентичных моделей зарубежного бренда, автомобиль, собранный в России, в статусном плане уступает, «чистокровной иномарке».

Среди российских автовладельцев, марка транспортного средства зачастую ассоциируется с национальной традицией автомобилестроения. В обществе существуют определенные клише, такие как: «Немецкий автомобиль — залог качества и эстетского минимализма», «Французский автомобиль — привередливое транспортное средство», «Шведский автомобиль — надежная машина повышенной безопасности», «Японский автомобиль — инновационное транспортное средство», «Американский автомобиль — надежная машина повышенной вместимости», «Корейский автомобиль — не дорогая машина, малых потребностей» и т. д.

В условиях глобализации, национальная традиция уступает место статусу отдельного торгового знака, то есть, первичным становится известность и образ отдельной марки. Каждый производитель автомобилей в рамках определенного класса транспортных средств имеет свою целевую аудиторию. Крайне показателен пример немецких автогигантов, таких как Audi, Mercedes, BMW, Volkswagen, Opel, при производстве схожих моделей, обладающих идентичными характеристиками, каждое из предприятий делает ставку на образ и статусность марки.

5) ДИЗАЙНЕРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОМОБИЛЯ. Данный «внутриклассовый», а точнее «внутримарочный», классификатор отражает визуальные изменения серийного автомобиля, которые осуществляются автовладельцем. Контент-анализ рекламной информации в СМИ, показывает, что в рамках крупного города существует большое количество мастерских предоставляющих свои услуги такие как: тюнинг и аэрография. Стоит отметить, что подобные изменения чаще всего применяются к подержанным автомобилям, так как тюнинг нового автомобиля с заводской гарантией приводит к аннулированию гарантийного соглашения.

Автомобиль, измененный с применением подобных технологий, не следует считать эксклюзивным, так как марка и тип автомобиля несут первичную информацию, при определении его статусного положения. В связи с тем, что автомобиль является лицом владельца, на данном уровне срабатывают психологические мотивы, в частности, желание выделиться в общем потоке.

Изменение серийного строения автомобиля, является традиционным действием среди российских автолюбителей. В советское время, когда наличие автомобиля являлось показателем статуса, водители так или

иначе старались «облагородить» свой автомобиль, например, заливали тормозную жидкость во внутреннюю поверхность фары ближнего света, что изменяет цвет осветительного прибора. Аэрография является более инновационным изменением автомобиля в России, не смотря на то, что изначально данный вид рисунка являлся строго утилитарным (минимизация вероятности угона), со временем украшение автомобиля переросло в жанр искусства, что в статусном плане делает автомобиль предпочтительнее «одноклассовых» технических средств.

6. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС. В условиях современного Российского общества, административный ресурс является самым сложным фактором, с точки зрения социальной дифференциации. Автомобили государственных структур со специальной маркировкой и необходимыми опознавательными знаками не являются личным (коммерческим) автомобилем, следовательно, не имеет смысла помещать их в статусную таблицу на дорогах. В то же время, очевидна тенденция появления специализированных номерных знаков на частных автомобилях.

Контент-анализ статей и рекламных предложений в интернет сети показывает, что существует не легальный рынок «красивых» номерных знаков с повторяющимся, или оригинальным набором цифр и букв. Управление автомобилем, с данным номерным знаком, позволяет водителю лишь выделиться на дороге с точки зрения, своего рода, тюнинга, то есть, украшения автомобиля. Статусным, в условия города, является управление автомашиной с номером, демонстрирующим принадлежность к государственным структурам, таким как: ФСО, ФСБ, милиция, администрация города и другим, так как согласно Правилам Дорожного Движения, при необходимости, водитель данного транспортного средства, имеет право передвигаться по городу, не соблюдая некоторые пункты данного закона, например скоростной режим.

Опрос молодых водителей с опытом вождения не более 3 лет показал, что 75% респондентов из них умеют «читать» номера и определять их принадлежность к тем, или иным структурам. Узнали они о подобном социальном разделении на дороге в процессе обучения в автошколе. Также, 75% опрошенных, показали, что они уступили бы дорогу более статусному автомобилю, чем их транспортное средство.

Государственная программа направленная на ограничение использования привилегированных номерных знаков, началась в 2009 году, таким образом, данный статусный показатель будет минимизирован в ближайшем будущем.

Так как статусное разделение водителей на дороге, следует рассматривать, как один из показателей дифференцированности общества в целом, степень иерархизированности автопарка показывает глубину и сложность социальной структуры современной России. Автомобиль является не просто лицом автовладельца. Наличие транспортного средства определенного класса служит своеобразным дресс-кодом представителя той или иной страты.

Формирование толерантности в Санкт-Петербурге Программа и реализация конкретных мер в системе образования

Формирование толерантности в Санкт-Петербурге процесс регулируемый. В 2006ом году сроком на пять лет вступила в силу принятая правительством города программа “ТОЛЕРАНТНОСТЬ”:

программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге. Сам факт издания такой программы и ее реализация — в этом сущность формирования терпимости в нашем городе. Анализ такой программы предоставит сведения о том, как этот процесс проходит.

С другой стороны, применение правительством мер для формирования толерантности в городе, коими является принятие программы, свидетельствует об интолерантной обстановке в Петербурге и о том, что для городской культуры это ненормально. То есть толерантность — это часть истинной культуры Петербурга, вхождение в которую во многом обеспечивает агент первичной социализации¹ — школа. Поэтому во второй части доклада акцент делается именно на том, что и насколько успешно предпринимают в школах города для формирования толерантности учащихся.

Что такое толерантность?

Понятие “толерантность” происходит от латинского *tolerantia* — терпимость. При этом перевод и трактовка этого понятия различны от языка к языку:

в английском языке оно имеет 3 значения: *устойчивость, выносливость; терпимость; допуск, допустимое отклонение*

во французском толерантность — *это уважение свободы другого, его образа мыслей, поведения, политических и религиозных взглядов*

---

¹ Социализация — процесс, благодаря которому отдельный человек приобщается к образу жизни своей группы и более широкого сообщества посредством обучения тем правилам и изучения тех идей, которые содержатся в данной культуре. (Штомпка П. Социология: учебник. — М.: Логос, 2008. — с.435)

в китайском языке быть толерантным означает *позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других*

в арабском толерантность определяется как *снисхождение, мягкость, сострадание, терпение, расположенность к другим*.

Если различные трактовки понятия “толерантность” разными языками, а значит, и культурами, легко предположить, что оно и определяться может по-разному. Причем, дефиниции можно расположить по некоей шкале теплоты, возникающей между людьми, чьё общение основывается на принципе толерантности. Так, воспользовавшись английским холодным переводом, можно подойти к рассмотрению толерантности как **ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮДЬМИ ТЕРПИМОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУГИМ**. Расширенная и включающая в себя такое человеческое отношение, как уважение, французская трактовка позволяет сформулировать следующее определение: толерантность — **ЭТО ЛОЯЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ГОТОВНОСТЬ ПРИНИМАТЬ ЧУЖОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, ПОВЕДЕНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ**. Делая акцент на эмоциональной стороне толерантности ее видение и китайской, и арабской культурами отсылают к пониманию ее как **ДОБРОДЕТЕЛИ, ПОМОГАЮЩЕЙ ЖИТЬ В МИРЕ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ И УЧАСТВОВАТЬ В ИХ ЖИЗНИ**.

Самым общим и распространенным определением толерантности является приравнение ее значения к **ТЕРПИМОСТИ**. Интолерантность, в свою очередь, — это нетерпимость. Выделяют: религиозную, межэтническую, политическую, расовую толерантность, толерантность к людям иного мировоззрения или сексуальных предпочтений.

Схема исследования “Формирование толерантности в Санкт-Петербурге: программа и реализация конкретных мер в системе образования”.

Ход работы в рамках данного исследования таков. Было установлено, что интолерантность в Санкт-Петербурге есть, это актуальная проблема. В 2009ом году в нашем городе вследствие преступлений, совершенных на почве национальной неприязни, погибло 8 человек, еще 36 были ранены. Несмотря на то, что по сравнению с предыдущим годом эти показатели снизились (в 2008 году — 15 и 39 человек соответственно), уровень расистски и неонацистски мотивированного насилия остается ужасающе высоким¹. Общество рефлексирует, ведя с интолерантностью борьбу с

---

¹ Кожевникова Г. Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 году// информационно-анали-

помощью создания и претворения в жизнь программы “Толерантность”. Объективно существующий факт воспринимается и рассматривается петербургским обществом как проблема. Программа указывает на работу школы в направлении формирования толерантности, к тому же, эта работа — задача школы, как важнейшего агента первичной социализации, вводящего юного петербуржца в толерантную культуру своего города. Таким образом обосновано то, что школы Петербурга не могут не заниматься формированием терпимости учащихся.

О содержании такого воспитания мы узнали у завучей школ, ответственных за него, блестяще разбирающихся в нем, выступивших в исследовании настоящими экспертами. Проверить действенность описанных мер, то есть выявить уровень толерантности школьников, было решено с помощью виртуальных социологических методов. Поскольку каждая школа требует особого глубокого рассмотрения и анализа, мы обратились к качественным методам, в основном к наблюдению, а его проведение очно не представляется возможным. Были выведены и успешно пилотированы Интернет-методы качественной социологии. Изучение толерантности обстановки в каждой школе требовало особого подхода, информация дополнялась данными онлайн интервью. Мы обратились к старшеклассникам, являющимся олицетворением всей проведенной работы (по официальному общегородскому регламенту она ведется с 2006ого года), и даже если в выпускном классе их силы администрация школы старается беречь для успешной сдачи экзаменов и поступления в ВУЗ, что определенным образом сказывается на их участии в школьных мероприятиях, ранее пройденное должно было воспитать их толерантными или нет.

Анализ правительственной программы “Толерантность”.

Появление и реализация в городе программы, направленной на формирование в нем толерантной среды, говорит о многом. Во-первых, о том, что толерантной среды в нем нет. Во-вторых, о том, что это воспринимается как проблема и ведется работа по ее ликвидации. В-третьих, о разработанной системе целей, задач, методов, затрагиваемых сфер общественной жизни, ожидаемых результатов и т. д. в деле формирования толерантности в данном обществе. Только проанализировав конкретную программу-систему, можно убедиться в том, что одним из ее элементов является человек, социализация которого в разное время и с помощью разных агентов включает в себя воспитание в нем терпимости. Изучив текст программы,

можно узнать, прописано ли в нем конкретно участие школы в этом процессе и какое место оно в нем занимает.

Программа “Толерантность” – программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге — была разработана комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга и принята правительством города на 2006-2010 годы. Согласно официальным сообщениям, на реализацию этой программы в 2007 году властями города было затрачено 54 млн. рублей, а в 2008 году — 78 млн. рублей, в 2009 — 100 млн..¹

Программа представляет собой письменный документ, по статусу официальный, по критерию авторства коллективный, по опосредованности вторичный, по спонтанности появления заданный. Имеющая объем 1 печатный лист, программа разделена на 7 частей: разработчики и исполнители; общие положения; исторические и мировоззренческие основы; цели и задачи; методы достижения целей и решения задач; сроки и этапы реализации; система программных мероприятий — основные условия и направления реализации программы.

Общие положения программы — это²:

ссылка на законодательную основу (правовые документы, содержащие нормы, которые призвана осуществить программа): Конституцию Российской Федерации, положения Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909, Закон Российской Федерации от 17.06.1996 № 74-ФЗ “О национально-культурной автономии”, Закона Санкт-Петербурга, от 06.10.2004 № 452-67 “О межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге”, а также на принятую ЮНЕСКО Декларацию принципов толерантности и Декларацию о культуре мира Организации объединенных наций;

направленность: укрепление толерантной среды в городе, поддержка ценностей его мультикультурного пространства, соблюдение прав и свобод человека;

исполнители.

В целом, перед программой “Толерантность” стоит цель, для осуществления которой необходимо решить определенные задачи. Это происходит в соответствии с разработанными методиками, описывающими, что и как

---

¹ Официальный портал администрации Санкт-Петербурга www.gov.spb.ru
Текст программы опубликован на сайте www.spbtolerance.ru

²

надо делать. По такой стандартной и правомерной схеме строится программа, раскрывая свое содержание от общего к более конкретному.

Чтобы достичь в Санкт-Петербурге укрепления толерантной среды на основе ценностей российского общества, гражданской идентичности, соблюдении прав и свобод человека (а именно в этом заключается цель программы), необходимо преодолеть нетерпимость в многонациональном обществе, утвердить основы гражданской идентичности, повысить уровень правовой культуры граждан, воспитать культуру толерантности и сформировать атмосферу взаимоуважения. Для этого надо так или иначе совершенствовать (качественно и количественно) отношения в молодежной среде, честность, некоррупционность в трудовой и миграционной политике, корректность в СМИ, воспитательные программы на всех уровнях образования, полиэтнические мероприятия в культурно-досуговой и просветительской сфере, проекты интеграции в социальной сфере. На этом раскрытие содержания программы “Толерантность” от общего к более конкретному завершается.

Цели и задачи рассматриваемой программы, таким образом, направлены именно на социализацию. Формирование толерантности в молодежной среде, посредством системы образования особо оговорено, но четкой системы интересующих нас школьных мероприятий не указано. Впрочем, ознакомление с программой ясно дает понять, что конкретикой действий она должна быть дополнена, видимо, уже на местах.

Дальше, по заданной схеме, определяется способ — как достичь подобного совершенствования, что именно надо сделать, чтобы получить ожидаемый результат. Комплекс мер по реализации для совершенствования в каждой сфере в программе указан, но встречающиеся там формулировки, в подавляющем большинстве случаев, не более конкретны, чем формулировки направлений деятельности или даже поставленных задач. “Выработка и реализация мер раннего предупреждения межэтнической напряженности, проявлений национального высокомерия, нетерпимости и насилия, профилактики экстремизма”, — к сожалению, такого рода мера не дает четкого указания на то, как предупредить межэтническую напряженность, в то время как экстремизм — страшнейшее проявление интолерантности, и профилактика его — едва ли не самая главная причина для создания атмосферы терпимости и издания данной программы. Другой пример: “разработка и реализация социальных проектов, содействующих интеграции мигрантов в петербургское сообщество и обеспечивающих удовлетворение этнокультурных и религиозных потребностей граждан”.

Социальные проекты, содействующие интеграции мигрантов в петербургское сообщество, — это преподавание и требование от них знания языка, обязательное посещение их детьми школ совместно с титульным населением, запрет на формирование национальных поселений и т. д.; или же это проекты, направленные на улучшение условий жизни как раз местного населения и уравнение его представителей и мигрантов в условиях приема на работу, чтобы у принимающей стороны было как можно меньше поводов “злиться” на приезжих; или имеются в виду и те, и другие проекты?

Программа “Толерантность” — программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге — не представляет собой перечня действий, которые следует предпринять, в частности, в школе для того, чтобы в городе воцарилась атмосфера равноправия и терпимости. Поэтому в ходе исследования мы обратимся за ним к экспертам — заместителям директоров по воспитательной работе школ Санкт-Петербурга.

Азы толерантности, потенциально заложенные в школе, согласно программе должны поддерживаться и(ли) развиваться за счет дальнейшего социализирующего воздействия на человека со стороны культурно-досуговых акций, в том числе просветительских, СМИ. Умелая национальная и миграционная политика укрепит этот процесс проектами, действиями, условиями, способствующими адаптации приезжих в петербургском обществе и, в целом, его интеграции. То есть, если программа реализуется, то успешно пройденная первичная социализация не окажется перечеркнутой последующими влияниями на человека.

Однако существуют внешние по отношению к человеку факторы, способные вызвать в нем интолерантные настроения. В первую очередь, к ним можно причислить негативные жизненные условия, заставляющие искать виновного в них. Таким виновным часто становится кто-либо “не такой” — инородец, иноверец, женщина, молодежь, “бабка”, которой давно пора на пенсию, и т. д..

Поэтому программа, созданная и одобренная на политическом уровне для внедрения в общество толерантности, может осуществляться только в совокупности с мерами, рассчитанными на устранение этих факторов, экономических, социальных. Подобная целостность политики терпимости прочитывается либо в самой программе, либо в совокупности утвержденных, претворяемых в реальность правовых актов, посвященных различным сферам жизнедеятельности граждан. Таким образом, знание о мерах

по устранению факторов, влияющих на формирование нетерпимости, полученное в ходе изучения только текста “Толерантности”, может быть неполным. (Конкретика, например, экономических мер, таких, как повышение уровня зарплат, может не раскрываться в документе, изданном для повышения уровня толерантности). С другой стороны, встречаемость и повторяемость самих факторов указывает на то, что они учтены и представлены к устранению.

Таким образом, **КАТЕГОРИЯМИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА** текста программы “Толерантность” являются как факторы, так и применяемые к ним меры: бедность, несправедливость, низкий уровень образования, кризис, безработица, бесперспективность, безграмотность, культурная изоляция, экономические проблемы, факторы, влияющие на поведение, устранение экономических трудностей, выход из социально-культурного кризиса и тому подобное.

ГИПОТЕЗА 1: факторы, влияющие на формирование нетерпимости, выраженные в категориях выше, встречаются в следующих разделах программы: исторические и мировоззренческие основы программы; цели и задачи программы; система программных мероприятий; основные условия и направления реализации программы.

ГИПОТЕЗА 2: меры по устранению этих факторов совпадают с некоторыми мероприятиями, указанными в программе.

В ходе проведения контент-анализа текста программы “Толерантность” искомые категории обнаружили себя 5 раз:

1. факторы, влияющие на поведение (с.6)
2. комплекс социальных обид (с.10)
3. уязвимой с экономической и социальной точек зрения (с.10)
4. угроза материальному благополучию (с.10)
5. выделение наиболее значимых социальных, экономических, политических и культурных факторов, влияющих на формирование толерантного/интолерантного сознания и поведения (с.6)

Вторая, третья и четвертая фразы заимствованы из обоснования необходимости совершенствовать отношения в молодежной среде. Они используются только для того, чтобы объяснить, почему молодежь может быть негативно настроена к мигрантам и, соответственно, почему в этой сфере надо работать. Но надо работать именно над толерантно-

стью молодых посредством формирования у них позитивных установок, уважения, интереса к другим культурам. Контекст, из которого вырваны словосочетания, полностью подчиняет себе их значение, ни слова не говорится о том, что экономическое благополучие и предупреждение возникновения комплекса социальных обид тоже положительно скажется на уровне их терпимости.

Первая фраза является частью пятой. Не раскрытый, не детализированный, не связанный с другими пунктами программы метод достижения толерантности в Санкт-Петербурге, звучащий как *“выделение наиболее значимых социальных, экономических, политических и культурных факторов, влияющих на формирование толерантного/интолерантного сознания и поведения”* в программе есть. Это лишний раз доказывает, что условия жизни сказываются на уровне терпимости. Однако он предусматривает только выделение факторов, но не решение проблем, которые при этом могут выявиться.

Таким образом, можно считать, гипотезы не подтвердились.

В целом, программа “Толерантность” обладает системностью содержащихся в ней элементов, но не дает четкой концепции действий и не является частью целостной политики формирования и укоренения терпимости в сегодняшнем обществе Санкт-Петербурга. Ее наличие и содержание обосновывают актуальность рассмотрения уровня и формирования толерантности как проблемы и демонстрируют возможность такого формирования, хотя и не гарантируют этого.

Анализ воспитательной работы школ Санкт-Петербурга в направлении формирования толерантности учащихся.

Школы Санкт-Петербурга ведут активную борьбу с актуальной в городе проблемой интолерантного поведения.

В ходе данного исследования была проанализирована работа восьми школ — восемь моделей и примеров формирования толерантности и степень их действенности. Следующая таблица содержит три общих для всех учебных заведений критерия анализа¹:

№ школы	379	386	283	501	223	381	384	250
инициативность	+	+	+	–	–	+	–	+

¹ Содержание таблицы — выводы, сделанные на основании экспертных интервью заместителей директоров указанных школ по воспитательной работе

инциденты	+	+	-	-	-	+	-	+
мероприятия	+	+	+	+	+	+	+	+

Инициативность школы в воспитании терпимого отношения учащихся к окружающим способствует эффективности этого процесса. Она складывается из многих факторов:

давность — сколько времени школа этим занимается, началась ли подобная работа только после того, как правительство Санкт-Петербурга внесло ее в общегородскую программу “Толерантность”, то есть она стала обязательной;

систематизированность — предпринимаются ли меры по формированию толерантности учащихся с конкретной периодичностью, традиционно, с четкой постановкой цели и ожиданием определенных результатов, на языке документов — создана ли в школе специальная программа или план формирования толерантности, если нет, значит, в школе не хотят всерьез этим заниматься;

наличие своего понимания термина — многогранное содержание термина толерантность может быть трактовано множеством вариантов, соответственно, каждая школа учит ребят конкретной интерпретации этого понятия, иначе это будет поверхностная и безрезультатная работа, основанная лишь на желании успешно сдать отчет о проделанной работе в РОНО и в Прокуратуру;

работа по схожим направлениям — традиционно проводимая воспитательная работа по таким направлениям, как патриотизм и гражданственность, свидетельствует о том, что тема толерантности затрагивается давно;

понимание значимости проблемы — если интервьюируемый завуч школы подчеркивает наличие интолерантности в городе, а также говорит о том, что противостоять ей — одна из задач школы, то он, тем самым, демонстрирует внутришкольное, ненавязываемое желание воспитать своих учеников толерантными.

Инциденты, случаи нетерпимого поведения в школьной среде показывают одновременно и необходимость формирования толерантной обстановки в ней (без оглядки на внешкольную жизнь учащихся), и успешность прохождения этого процесса. Инициативность обуславливается не только инцидентами.

Мероприятия по воспитанию терпимости, а точнее их проведение, должны быть не номинальными, обозначенными в плане, они должны реально проводиться.

Согласно этим двум критериям эффективности и критерию выполнения определенной воспитательной работы, наиболее толерантными вырастут ученики школы, мероприятия в которой инициированы самим учебным заведением, а инцидентов нетерпимости не происходит. Такая школа из рассмотренных только одна — № 238. Школы № 379, 386, 381 и 250 можно отнести к группе школ, в которых работа ведется не по указке, к тому же стимулируется внутренними обстоятельствами. Здесь вопрос об эффективности мероприятий встает автоматически. Третья группа школ — № 501, 223 и лицей № 384 действительно предпринимают меры по формированию терпимости, однако делают это с побочными целями, в том числе ориентируясь на то, что в них интолерантности нет. Помимо вопроса об эффективности таких мер, тут появляется уже гипотеза о том, что ученики проявляют нетерпимость за пределами школ.

В любом случае, делать выводы о действенности работы в интересующем нас направлении любой школы можно только после измерения уровня толерантности ее учеников. При обращении к учащимся каждая школа представляла как отдельная модель, совокупность методов для анализа в которой определялась по ходу изучения. Объединила все задействованные в этой части исследования методы опосредованная форма их применения. Контакт с респондентами-учениками был установлен виртуально, были применены Интернет-аналоги качественных социологических методов.

И наблюдение, и интервьюирование учеников проводилось в вэб-пространстве на социальном сайте «ВКонтакте.ру» (внешнее наблюдение за страницами, участвующее в группах) и с помощью телефонии skype, соответственно.

Полноценность использования виртуальных методов и верность получаемых при этом данных были подтверждены в результате пилотажа. Тем не менее, некоторые методологические проблемы в ходе данного исследования возникли. Слишком мало учащихся школы № 379 оказались зарегистрированы в Контакте, поэтому онлайн изучение в этом случае не состоялось. Не все школьники вступили в группы, посвященные ситуациям участвующего наблюдения. Возможно, кто-то из невступивших не появлялся в течение проведения исследования в Сети. С другой стороны, наблюдение за таким количеством респондентов-школьников (всего виртуально было задействовано 319 учащихся) было бы невозможным жи-

вую. К тому же, неоспоримым достоинством виртуального исследования является то, что оно проводится в самой неформальной обстановке общения только тех людей, которые идут на это добровольно и искренне.

В качестве итога методологической части проекта “Формирование толерантности в Санкт-Петербурге: программа и реализация конкретных мер в системе образования” можно представить схему работы с каждой школой:

379: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 3) + анкетирование (школьники, 61);

386: экспертное интервью (завуч ВР) + фокусированное интервью (глава дополнительного образования — социальный педагог) + внешнее наблюдение (школьники, 4) + участвующее наблюдение (школьники, 36) + глубокое интервью (школьники, 1);

283: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 3) + участвующее наблюдение (школьники, 30);

501: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 27) + участвующее наблюдение (школьники, 80);

223: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 7) + участвующее наблюдение (школьники, 48);

381: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 12) + участвующее наблюдение (школьники, 42) + анализ текстовых работ пятиклассников;

384: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 7) + участвующее наблюдение (школьники, 29);

250: экспертное интервью (завуч ВР) + внешнее наблюдение (школьники, 9) + участвующее наблюдение (школьники, 54) + фокусированное интервью (школьники, 1).

379, 223, 384, 250: анализ программ, планов, отчетов “Толерантность”;

программа “Толерантность”: контент-анализ.

Возвращаясь к содержательной части исследования, стоит напомнить, что по данным таблицы общих критериев работы школы в направлении формирования толерантности и эффективности этой работы, изучаемые учебные заведения были разделены на три группы. Обобщения в данном случае делаются не для количественных выводов и предоставления репрезентативных данных, а для простоты фиксирования и восприятия полученной информации, хотя школы здесь уже рассматриваются не как модели, а как примеры формирования толерантности в период первичной

социализации. Обоснованием возможности обобщения воспитательных работ и их эффективности школ также служит некоторая общность составляющих работы мероприятий: классные часы, работа с этнокалендарем, традиции празднования тех или иных событий в разных странах, встречи с ветеранами, государственные праздники по теме (День Победы, День защитника Отечества, 8ое марта) проводятся во всех школах. К тому же, все они участвуют в районных мероприятиях.

ГОУ СОШ № 283 — школа, мероприятия в которой инициированы самим учебным заведением, а инцидентов нетерпимости не происходит. Наблюдение с участием учеников этой школы дало подтверждающие результаты — уровень их толерантности высок. Поведение двух человек составило исключение, но только в одной ситуации из двух предложенных.

Самая многочисленная группа школ № 379, 386, 381 и 250, в которых работа ведется искренне, не потому что она обязательна, к тому же стимулируется внутренними обстоятельствами. Изучение уровня толерантности учеников этих школ показал, что он высок во всех четырех, но во всех четырех с оговорками. В 379ой, например, некоторые учащиеся категорически и демонстративно отказываются учиться в классе с одними инородцами и т. д.. В 386ой ученик выступает за насилие. Мой знакомый выпускник 381ой проявляет агрессивную нетерпимость к “горцам”, считает их дикарями молодой человек из 250ой. Это не все свидетельства наличия интолерантности в перечисленных школах, но всего их немного. К тому же, все 4 плана мероприятий представляются очень достойными: план 386ой школы ставит самые важные и адекватные задачи (вырастить петербуржцев, воспитать настолько целостных людей, чтобы они могли постоять не только за себя, но и за другого человека “не той” национальности, веры, пола...), план 381ой самый логичный и цельный, деятельность 379ой и 250ой школ самая разносторонняя, а мероприятия тщательней всего подготавливаются. Поэтому можно сделать вывод, что последующие поколения выпускников всех четырех школ будут все более толерантны.

Последняя группа, состоящая из 501ой, 223ей школ и 384ого лицея работают в направлении формирования толерантности не по своей инициативе. В первой считают, что поднятие темы толерантности лишь сообщит детям, что можно вести себя по-другому, во второй поднятие этой темы кажется ненужным из-за монохромного национального состава учащихся, в третьей дисциплина превыше всего, и пока детям надо быть толерантными в школе, так и будет. Результаты наблюдения за ученика-

ми этих учебных заведений не намного хуже, чем за учащимися предыдущей группы школ. Но в ответах этих ребят чувствуется некая поверхностность, складывается ощущение латентной интолерантности. И она вполне возможна, когда дети, не зная теории (самого понятия и того, что с ним связано), не отдают себя отчета в практике (своим поведением), когда они выходят в большой мир, где монохромности не может быть ни в чем, когда вне школы ее дисциплина бессильна.

Пример анализа воспитательной работы в направлении формирования толерантности учащихся школы № 283.

Толерантность в этом учебном заведении так же воспринимается как дружба, взаимовыручка, взаимопонимание — в целом, как основа школьной деятельности, — формирование которых всегда велось. Но Ирина Игоревна, заместитель директора по воспитательной работе, замечает, что в наше время к перечисленным категориям добавляется некий национальный аспект. Поэтому и вводится новый термин толерантность, указывающий не только на хорошее отношение к другим людям, но и на терпимость к их специфическим признакам.

В данной школе таким признаком не может не служить именно национальность, потому что, как показывают социальные паспорта классов, состав школы насчитывает 14 национальностей. Один из классов, параллель бых, более чем на 30% состоит из нерусскоговорящих детей. Ирина Игоревна объясняет такую концентрацию билингвов в одном классе тем, что их семьи стараются держаться вместе, вот и записались в один класс. В любом случае, специальной резервации для инородцев в школе никто не устраивал.

В 283ей школе, по словам завуча, не было случаев интолерантного поведения. Однако в связи с многонациональным составом школы возникают две проблемы: с родителями и с успеваемостью.

“Конфликтов на национальной почве не было ни разу за эти годы. Сложнее, может быть, находить иногда общий язык с родителями, с папами причем. Потому что не всегда для них женщина — это авторитет”. А женский педагогический коллектив школы возглавляет директор-женщина. К тому же, некоторые мамы совсем не говорят по-русски, и переводчиком при их общении с учителями или администрацией выступает ребенок, чей перевод невозможно проконтролировать. Однако прививать взрослым людям азы чужой культуры школа не берется и беседы на родительских собраниях посвящаются целиком детям, нацеливая на совместное семейно-школьное воспитание в них человеческих ценностей. Родители вовлекаются в школьную жизнь: при-

нимают активное участие в мероприятиях, внутриклассовых праздниках, готовят национальные блюда и угощают ими детей, даже пекут русские блины, независимо от своей нац.принадлежности, на Масленицу.

Неуспеваемость является объективной проблемой в многонациональном классе не только из-за языкового барьера. Дело в том, что нерусскоговорящими иностранные ученики названы условно. Их семьи приезжают из бывших союзных республик, поэтому хоть один человек говорит по-русски и обучает этому ребенка. Более того, есть дети из семей-мигрантов, родившиеся уже в Петербурге. Ирина Игоревна объяснила основную причину неуспеваемости разницей темпераментов. Она может быть настолько значимой, что образуется пропасть между успевающими и неуспевающими, что вызовет необходимость повторения материала и, как следствие, отставание всего класса. Плюс ко всему, взрывной темперамент порождает дисциплинарные трудности на уроках. Работой с анафонами в России заинтересовались австрийцы и финны, с которыми в этом году начала сотрудничать ГОУ СОШ № 283 в рамках проекта “Многообразие как возможность”. Как повысить успеваемость билингвов — небольшой проект пока разрабатывается внутри него русской школой.

Общешкольным мероприятием, задействовавшим все параллели, стал традиционно проводимый фестиваль “Дружба”, состоящий из презентации того или иного народа или его художественного произведения, инсценировки сказки, в которой дружба выручает героев, и командных игр. Еще один фестиваль “Другой, другие, о других”, рассчитанный на среднюю школу, обозначили как праздник толерантности. Для участия в нем необходимо было сходить в этнографический музей (школой была организована экскурсия) и на основании полученной там информации представить творческий отчет в любой форме о той народности России, которая выпала каждому классу по жребию. На дне творчества — так же ежегодном событии — классы покажут промыслы и получающиеся изделия, традиционные для их народов. Такого рода мероприятия позволяют учащимся почувствовать симпатию и уважение к другим национальностям, непосредственно соприкоснувшись с их жизнью, возможно, преодолеть страх перед ними и даже ощутить идентификацию с ними. Этот опыт общения с другой культурой облегчит последующие подобные практики. Также немаловажным является то, что работают над такими мероприятиями дети вместе, что делает каждого из них в принципе более коммуникабельным.

Подчеркнуть равенство представителей различных национальностей в школе и за ее пределами помог День родного языка, когда вся стена при

входе в здание была увешана одним лишь словом “здравствуйте”, продублированным на всех школьных наречиях и некоторых других. Своеобразной проверкой уважительного отношения к этим языкам и национальностям будет задание собрать пазлы с эквивалентами русского приветствия на том же дне творчества.

До получения результатов нашей же проверки уважительного отношения к национальностям, да и общего уровня толерантности в школе № 283, вывод о нем выходит как об очень высоком. Одна из самых многонациональных школ района имеет самую заполненную часть таблицы мероприятий, адекватно рефлексировать обо всех возможных проблемах, выходит на международный уровень, сама, как респондент, как объект изучения оставаясь толерантной ко всем своим ученикам и их родителям.

Внешнее наблюдение за виртуальными страницами выпускников школы дало очень небольшой, но положительный результат. Дело в том, что открыты к просмотру всем пользователям страницы только троих учащихся (всего зарегистрированы 33 старшеклассника), однако, никакого намека на нетерпимое отношение к кому-либо на них нет.

Участвующее наблюдение предоставило более развернутые данные. 28 школьников из 31 (31 русский ученик был приглашен в группу) вступили в группу, посвященную нуждающемуся в операции Хадже и спонсору, предоставляющему ему необходимую на нее сумму только с согласия его русских ровесников, тем самым уже проявив некоторое участие к его судьбе. В основном, это участие оказалось положительным, так как только двое — юноша и девушка — “пожалели” денег инородцу. При этом у респондентки плохое зрение, а поправить его не хватает средств, то есть она сама находится в той же ситуации, что и Хаджа. Респондент сначала прореагировал нейтрально, не комментируя происходящего: “Отдаю свой голос за то, чтобы парня прооперировали”, однако, когда вымышленный спонсор выдвинул вымышленный аргумент, гласивший: “Как вы можете отдавать деньги неизвестному “хачику”, если ваша одноклассница может на них вылечить аналогичную болезнь?”, — юноша согласился с ним, сказав, что Хаджа может найти спонсора из “своих”. Большинство информантов никак не отреагировало на этот аргумент, трое (две девушки и один юноша) посчитали, что раз есть человек, пусть с условиями, но захотевший помочь приезжему из Средней Азии, то он должен это сделать, так как очень мало кто еще этого захочет.

Эти же три человека в ситуации суда проявили толерантность, не став ни обвинять, ни защищать подсудимого милиционера, застрелившего мо-

лодого человека, зверски убившего бомжа. При этом объяснила свой нейтралитет только одна девушка: “Следователь — такой же убийца, как и его жертва.” Другие же ребята в основном поддержали подсудимого, тем самым выразив свое терпимое отношение к тем, кто беднее их. Только двое (а всего в этой ситуации участвующего наблюдения было задействовано 30 старшеклассников из 283ей школы) учащихся посочувствовали убитому молодому человеку, объяснив свою жалость к нему тем, что он, скорее всего, был психически неполноценным и не отдавал себе отчета в своих действиях. Они поступили толерантно, попытавшись понять ужасный поступок молодого человека.

В целом, уровень толерантности учеников 11ых классов ГОУ СОШ № 283 оказался высоким. Проявления нетерпимости встретились дважды во время наблюдения за 33 информантами. Работу школы, в которой учатся представители 14 национальностей, а в одном из классов более 30% “не-русскоговорящих”, можно считать эффективной.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

А. Темкина

Что делает секс «опасным»? Репродуктивные практики современной российской молодежи¹

И. Что для тебя значит безопасный секс?

Р. Для меня безопасный секс?!...Наверное, презервативы уж все-таки. Да, в первую очередь презервативы — вот тебе безопасный секс.. и болезни, и нежелательная беременность — все он предотвращает. (252)

И.: Что для тебя значит безопасный секс?

Р.: Безопасный секс для меня — это когда ты выбираешь партнеров... ты в нем уверен «от и до». Безопасный секс — это не презервативы, это не таблетки, это нормальный секс между мужчиной и женщиной, только более сдержанный. Я никак не воспринимаю презервативы. (28)

Контекст современных сексуальных и репродуктивных практик городской молодежи определяется усилением ориентации на стратегию безопасного секса, понимаемого как совокупность практик, объединенными двумя целями: планирования семьи³ и предохранения от инфекций, пере-

---

¹ Я благодарна Елена Здравомысловой и всем участникам семинаров гендерной программы ЕУСПб за комментарии

² В скобках указывается возраст женщины в 2009 году

³ Согласно Докладу Международной конференции по народонаселению и развитию ООН. Каир, 5-13 сентября 1994 г., п. 7.12. *планирование семьи* позволяет

даваемых половым путем (ИППП). Такая модель в 2000-е годы становится относительно устойчивой (Захаров и Сакевич 2007). Однако сохраняются практики систематического рискованного поведения, отмечаемые многими исследователями, Около 25% женщин репродуктивного возраста не пользуются контрацепцией и около 20 % используют малоэффективные средства (Perelman and McKee. 2009, Regushevskaya et al 2009; Gerber and Berman 2008, пр.). Среди причин отмечаются следующие: инерционность советской модели контрацептивного поведения, запаздывающее появление контрацептивных средств в России, отсутствие систематического сексуального образования, влияние религиозной морали, особенности коммуникации в сфере сексуальных отношений (Кон 2010, Вишнеvский 2006, Сакевич 2009, 2010, Мейлахс 2009, Gerber and Berman 2008, пр.)

Опираясь на материалы биографических интервью и интервью с врачами и пациентками женских консультаций, проведенных в 2009 году в трех регионах России, а также на наши предшествующие исследования, мы хотим проанализировать не только «инерционные» причины «опасного» секса, но и те причины, которые порождены современными дискурсами и институтами. В данной статье мы описываем интерпретации безопасного секса молодыми женщинами, затем фокусируемся на модели поведения, которая не предполагает систематического использования современной контрацепции. Мы рассматриваем причины таких практик и соответствующих им смысловые контексты, в которых идет обсуждение данных проблем: гедонистический, медицинский и пронаталистский, а также контекст доверительных отношений. Мы здесь сосредоточимся преимущественно на первых трех.

ДАННЫЕ

В данной статье используются данные проекта гендерной программы ЕУСПБ «Гендерное устройство частной жизни в российских регионах», поддержанного Фондом Форда (рук. Здравомыслова Е, Темкина А)¹

«супружеским парам и отдельным лицам свободно и с чувством ответственности решать вопрос о количестве и времени рождения своих детей и иметь в своем распоряжении информацию и средства, позволяющие им сделать это и обеспечить осознанный выбор, а также дать им возможность использовать весь диапазон безопасных и эффективных методов». По сути, планирование семьи значит «ответственное родительство». Планирование семьи осуществляется посредством применения методов контрацепции (или же, наоборот, посредством преодоления бесплодия). (Цит по Сакевич 2010)

¹ N гранта 080-1405. Исследование проводилось в Архангельске, Казани, Самаре, 2009-2010. Координатор полевой работы в регионах — Ткач О, руководители поля О.Запорожец (Самара, Л.Сагитова (Казань), О.Поспелова

Сексуальные биографии женщин среднего класса (интервью, 32 женщины, 17-28 лет, 10 Архангельск, 12 Казань, 12 Самара),

Интервью по репродуктивному здоровью 9 пациенток, 23-32 года, 6 гинекологов и акушерок женской консультации, дневник включенного наблюдения на приеме в ЖК, (15 дней, 24 апреля 2009 — 23 июля 2009. Самара)

Интервью с сексологами — 8 (Москва, Петербург, Самара, Архангельск, Казань)

Мы исходим здесь из перспективы молодых женщины, преимущественно с высшим образованием, а также выделяем опыт непрофессионалов (женщин) и врачей-профессионалов (гинекологов и сексологов). Мы делаем далее определенные допущения, в основном не рассматривая различия использования контрацепции женщинами и мужчинами, не делаем акцента на различия видов контрацепции и отношений.

1. «(Без)опасный секс»: неопределенность границ

Для биографий городских образованных женщин (мы не рассматриваем здесь особые случаи обращенных мусульманок, имеющиеся в нашем массиве) характерно наличие знаний о рисках сексуальной жизни и стремление их избежать. Информантки охотно используют спровоцированную вопросом путеводителя лексему «безопасный секс», которая означает для них в первую очередь отсутствие угроз для здоровья, связанных с ИППП и нежелательными беременностями. Это, по словам информанток, *«прежде всего защита от беременности, во-первых, во-вторых, защита от каких-то, там, инфекций»* (22). *«Ну, безопасный секс — это, чтобы ты осталась здоровой, когда им занимаешься»* (21). Основная стратегия защиты выражается повторяемым лейтмотивом *«(нужно) доверять, но доверяй, но как бы подстраховывайся и проверяй»* (24) и соответствующими нормами и практиками безопасного секса. *«Поэтому я считаю, что для предотвращения многих там болезней, лучше пользоваться презервативом».* (24) *«Да, и практически, со всеми я занималась сексом с презервативом»* (23).

В своей интимной жизни женщины рефлексивно относятся к двум угрозам. Во-первых, они считают, что необходимо, предохраняться от ИППП и СПИДа. Во-вторых, необходимо предотвращать нежелательную беременность. Рождение ребенка должно планироваться, ему должны предшест-

---

(Архангельск). Подпроект «Исследование репродуктивного здоровья» поддерживался также корпорацией Новартис. (Дополнительные интервью были взяты со специалистами в Петербурге и Москве).

вовать профилактические меры по улучшению здоровья. Такую позицию разделяют и современные врачи-гинекологи, которые настаивают на том, что рождение ребенка должно планироваться. Молодые женщины также считают важным наличие условий, позволяющих воспитывать ребенка — жилье, материальное благополучие, отец, который заинтересован в рождении и воспитании ребенка. Современные молодые женщины ориентированы на ответственное принятие репродуктивного решения и на контроль своей жизненной ситуации. Мы, однако, далее сосредоточимся не на анализе данного нового тренда, а на практиках «безответственного» сексуального поведения, которые показывают барьеры для эффективного контроля здоровья.

Для сексуальной биографии многих молодых женщин, начинающих свою сексуальную жизнь в 16-18 лет, характерна цепочка отношений с партнерами, которые не сводимы к дихотомии «случайных» (в которых, в соответствии с логикой безопасного секса, нужно предохраняться от ИППП) и «стабильных» (в которых главная проблема — предохранение от нежелательной беременности — см. Мейлахс 2009). Граница между разными типами отношений размыта, в возрасте 18-25 лет многие женщины вступают в отношения различной продолжительности и вовлеченности, включая относительно устойчивое сожитительство и брак. Сами информантки часто затрудняются в точном определении типа отношений и рисков сопряженных с ними. Средства предохранения варьируют как при смене партнеров, так и в цикле отношений с одним партнером.

Рассказывает Алла (23 года, состоит в стабильных отношениях 2,5 лет, имеет ребенка) *«Потом был Сережа, с которым мы спали с презервативом. Потом были какие-то случайные да люди, ну, не случайные, такие краткосрочные, с которыми мы тоже предохранялись презервативами. Потом появился Витя, с которым мы сначала предохранялись презервативами, но потом перестали.... я ходила к доктору, хотела ставить спираль,... [доктор посоветовал] лучше принимайте кольцо, знаете там новое кольцо. Но я посоветовалась с Витей, и мы подумали, что оно тоже гормональное (смеётся). И что-то как-то вот [перестали]»*

В отношениях с постоянным партнером предполагается снижение рисков заражения, поэтому часто происходит отказ от использования презервативов, освоение других средств контрацепции (в том числе тех, которые считаются традиционными) или отказ от предохранения (см. также Мейлахс 2009). Вариантом интерпретации безопасного секса (см. эпиг-

раф) становится осознание доверия к партнеру, его надежности, верности и стабильности отношений.

Такая мотивация была широко распространена в советских поколениях. В ряде случаев женщины говорят о том, что не видят для себя никаких опасностей, поскольку находятся в стабильных (моногамных) отношениях, и уверены, что партнер занимает такую же позицию. Доверие выступает базовым условием безопасности, поскольку риски невидимы, а ненадежный партнер может их скрыть. *Для меня (безопасный секс) — это секс с любимым человеком. Не так с кем попало, в первый день знакомства. Даже не в первый день... У него же на лбу не написано, чем он боится... (22).* Доверие возлагает ответственность на партнера за здоровье и следование совместно принятому репродуктивному решению. Однако ответственность сторон остается уязвимой, обязательства могут не выполняться, как целенаправленно, так и ситуационно, часто предполагаясь лишь по умолчанию.

Несмотря на знания о безопасном сексе и практиках, вызывающие риски, многие информанты говорят либо об отсутствии предохранения, либо о его низкой эффективности. При этом ответ на вопрос о причинах таких действий часто вызывает затруднения, *Наверное, я вообще без мозгов. Мы даже не пользовались презервативами. И таблетки я не пила... Это было как раз время, когда прям писк СПИДа, вот этого всего. (21).* Иногда женщины испытывают неловкость, объясняя свое «безответственное» сексуальное поведение. Вопрос о контрацепции становится сензитивным вопросом сексуальной биографии, обозначая противоречие между признаваемой нормой безопасного секса и реальными практиками, от нее отклоняющимися

Среди частых интерпретаций таких практик — признание неэффективности контрацепции. Распространено мнение о том, что никакие средства не дают полных гарантий защиты.

«Нет способов, которые гарантировали бы надежность на сто процентов. То есть, даже презервативы, насколько мне известно, не полностью защищают от вирусов... не говоря уже о том, что и сперматозоиды просачиваются, известны случаи. Они также не всегда защищают от венерических заболеваний и СПИДа, поскольку а... диаметр микроорганизма может меньше, чем диаметр поры латекса». (22)

Недоверие к средствам предохранения (Мейлахс 2009) — одна из причин размывания различий между «опасным» и «безопасным» сексом (любой секс становится опасным в том или ином смысле), частого перехода

от предохранения к отказу от него, от современных к традиционным средствам¹ (и наоборот). Граница между предохранением и его отсутствием в повседневных практиках (в отличие от медицинских определений) является достаточно неопределенной.

Ну мы, во-первых, так скажем мы не предохраняемся, ну, в смысле, предохраняемся прерванным половым актом (23).

О, вопрос контрацепции решается просто, ужасно просто

В: каким образом?

О: (со смехом) презервативами он решается. Ну или никак не решается. Да. (27)

Итак, обозначим часто упоминаемые причины, по которым женщины отказываются от использования современной контрацепции. На основании анализа материалов интервью мы выделили следующие: снижение удовольствия при использовании презервативов, угрозы для нормативной телесности (современных канонов красоты) при употреблении гормональных средств, риски для здоровья в целом и для репродуктивного, в частности (угрозы бесплодия) при использовании ВМС и гормонов.

Отказ от использования презервативов связывается преимущественно с тем, что они мешают получения удовольствия одного из партнеров (чаще мужчины) или обоих. Указывается также, что презервативы могут быть не доступны в определенных ситуациях, они ненадежны и вредны для здоровья

«Ну, он мне всегда говорил, что «Давай, без презервативов, так лучше, там, ощущения», (22)

«Мне стало неприятно в презервативе» (23).

Отказ от использования гормональной контрацепции (в первую очередь оральной) связывается с негативным влиянием на внешность (вес, состояние кожи и волос) и на здоровье женщины.

Они... вредны для печени, прежде всего, как любые лекарства, которые принимаешь (22)

---

¹ К современным методам контрацепции относятся: женская и мужская стерилизация, гормональные таблетки, внутриматочные средства (ВМС), презервативы, инъекции, импланты, вагинальные барьерные методы (диафрагма, спермициды и др.). К традиционным методам контрацепции относятся: периодическое воздержание (метод ритма или календарный), прерванный половой акт, воздержание, спринцевание, послеродовая аменорея и разные народные методы. (World Population Monitoring 2002: Reproductive Rights and Reproductive Health. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York, 2004, p. 73 — Цит по Сакевич 2010 : 123).

Если говорить о таблетках, мне кажется от них толстеют (смеётся). Ну это такое, ну потому что они гормональные. (23)

Внутриматочные спирали (как и гормональная контрацепция), рассматриваются через призму рисков для последующих беременностей

О: Вот, во-первых, в дальнейшем я чувствовала дискомфорт (при использовании спирали). А во-вторых, я связываю, что у меня появилась эрозия из-за нее и то, что я не смогла забеременеть, долго не могла забеременеть ребенком (31 год, замужем, двое детей, 9 лет и 2 года).

Гормональные средства считаются причиной возможного бесплодия, и в ряде случаев — плохо совместимыми с особенностями стиля жизни (указывается на сложности регулярного приема таблеток, несовместимость с алкоголем). Другие виды контрацепции оцениваются с точки зрения неудобства, как препятствие для достижения удовольствия или вреда для здоровья. Информантки указывают также на то, что необходимы материальные затраты, которые могут оказаться непосильными для определенных социальных групп (например, для подростков)

Нас далее интересует те смысловые контексты, в которых обсуждается неиспользование контрацепции, и которые связываются в повседневности с препятствиями для безопасного секса:

Гедонистические дискурсы и практики удовольствия

Дискурсы и практики здоровья

Репродуктивный дискурс и практики деторождения.

Каждый из этих контекстов с точки зрения влияния на практики безопасного секса на первый взгляд парадоксален. Мы далее попытаемся объяснить эти парадоксы, учитывая их дискурсивное, институциональное и практическое измерение.

2. Гедонизм и (или) презерватив: максимизация удовольствий

Первый парадокс: можно ожидать, что гедонистические установки повышают требования к безопасности секса. Однако наше исследование показывает, что они имеют и прямо противоположный эффект.

Значимым контекстом «без/опасного» секса является гедонистический, направленный на максимизацию сексуального удовольствия. Гедонистический сценарий получает широкое распространение с 1990-х годов (Темкина 2008), продвигается масс-медиа и секс-индустрией, находит выражение в сексуализации публичного пространства. Ценность сексуального удовольствия, практики потребления продукции секс-индустрии (порнофильмы, секс-игрушки) описываются в сексуальных биографиях

молодыми образованными женщинами. Утверждается, что секс, в том числе монограммный, должен быть технически «разнообразным». Достижение сексуального удовольствия является центральной проблемой обращений к врачам-сексологам мужчин и женщин, как показало наше исследование практик сексологии (Temkina, Rotkirch, Naavio-Mannila 2010). При этом практики удовольствия для одних информанток включают надежное предохранение, в то время как для других они связаны с отказом от использования современных средств предохранения, в первую очередь — от презервативов.

В рассказах о сексуальной жизни многие информантки младшего поколения не только свободно обсуждают свою интимную жизнь, наличие или отсутствие оргазма, но и подчеркивают значимость и приоритетность удовольствия, разнообразия и экспериментирования в моногамных сексуальных отношениях, И женщина, и мужчина могут выступать инициаторами «экспериментов».

«Ну, мне еще не нравится, когда вот одно и то же каждый раз. Даже если разные позы, когда сначала это, потом то, потом это и так каждый раз, то это надоедает. Всегда должно быть разнообразие». (21)

«я, по максимуму, считаю, что разнообразить свою как бы сексуальную жизнь, кто какими способами, все по-разному. Вот. Поэтому как бы, ну, не знаю, насколько муж, но я всегда стремилась, наоборот, чтобы какое-то развитие у нас получилось» (23),

«Он такой даже такой м-м в принципе такой экспериментирующий мужчина, мне это очень нравится в нем.... В принципе и секс такой яркий, мне нравится... сам процесс очень насыщенный.... есть как-то там разнообразие» (27)

Об освоении потребления продукции секс-индустрии рассказывает Алена (24. замужем, имеет ребенка,) *«(Пошли). в магазине эротических каких-то вещей, да, там кое-что себе приобрели (смех). Тоже, ну предварительно я почитала в Интернете, что пишут, что да как. Ну и не пожалели, интересно... (приобрели) вибратор.... годовщина наша пятая наверно, да, свадьбы, и я говорю: «давай чо-нибудь такое, интересное купим» — «давай».*

Гедонистический дискурс оказывается влиятельным в повседневности поставляя средства для сексуальной идентификации. Сексуальная революция приводит к сокращению гендерного двойного стандарта, он вытесняется из некоторых сфер взаимодействия партнеров, сохраняясь в других. Вопрос о праве женщины на сексуальное удовольствие «решен положи-

тельно». Женщина ориентирована на гедонистический секс, а не просто на удовлетворение потребности партнера. Партнеры, как правило, также считает ее сексуальный гедонизм легитимным. При этом оба исходят из разделенного знания о различиях мужской и женской сексуальности. Однако при сохранении двойного гендерного стандарта предпочтение отдается не безопасности, а удовольствию мужчины, если он отказывается от использования презерватива. Женщина может принимать такие условия, в том числе из-за желания сохранить отношения, приоритетные по сравнению с рисками.

Гедонистический дискурс поставляет и средства для сексуального просвещения. Многие информанты указывают на эротические и порнографические фильмы, книги и медийную продукцию как источники первичной информации о сексуальности в подростковом возрасте. В этом случае знания о сексуальности становятся эксклюзивно или преимущественно знаниями об удовольствии.

При этом гедонистический дискурс не сензитивен к вопросам безопасного секса, контрацепция, в первую очередь презервативы рассматриваются многими информантками как препятствующие достижению удовольствия. С точки зрения многих мужчин и женщин они снижают чувствительность. Неудобство и снижение остроты ощущений при использовании презервативов отмечалось и в исследовании сексуальных практик предыдущих поколений (Здравомыслова 2009: 123), многие молодые информантки описывают гедонистические ориентации в сексуальных отношениях как приоритетные по отношению к безопасности. Исходя из перспективы гедонистического дискурса понятие «безопасного секса» и предохранения оказываются на периферии, в частности информация, полученная из порно-фильмов, не предоставляет знаний о контрацепции. И профессионалы, и не-профессионалы подчеркивают стремление к максимизации удовольствий и разнообразию в сексуальной жизни. Сексологи, восстанавливая эрекцию и оргазм, редко затрагивают проблему предохранения.

В данном контексте идентичность женщины определяется через удовольствие и сексуальную привлекательность. Препятствием для безопасного секса являются и практики поддержания сексуальной привлекательности и канонов телесной красоты, диктуемые обществом потребления. Тело — как самый «драгоценный» объект потребления (Бодрийяр 2006) — воплощает культ молодости, элегантности, худощавости. Панический страх *прибавки веса*, негативного влияния гормональной контрацепции

на кожу и волосы препятствует достижению удовольствия и поддержанию канонов «красивого тела».

Гедонистические практики и ценности оборачивается отказом от эффективных средств защиты.

3. Здоровье и (или) предохранение: (де)медикализация (без)опасного секса

Второй парадокс: можно ожидать, что рост внимания к здоровью, характерный для современной молодежи, повышает значимость безопасного секса. Однако это не всегда так.

Еще один контекст, в котором происходит осмысление использования контрацепции, связан с медицинским дискурсом и профессиональным сегментом обслуживающим репродуктивное здоровье (акушерско-гинекологическая помощь). Для анализа данного контекста для нас важны сходства и различия точек зрения профессионалов-врачей и не-профессионалов, учитываемое в классических работах по социологии медицины (Freidson 1970).

На использование контрацепции влияет, с одной стороны, медикализация повседневности и усиление профессиональной интервенции в практики предохранения, а с другой — уклонение женщин от медицинского вмешательства.

Молодые женщины рассказывают о том, что регулярное посещение гинеколога после начала половой жизни стало для них рутинной практикой. *«Ну, наверное, раз в полгода хожу. Наблюдаюсь в обычной муниципальной клинике от института» (21), « Ну, регулярно. Раз в 3 месяца точно». (26) «,я регулярно хожу к врачу... То есть я, просто это как-то делаешь, не знаю почему, на автомате просто. Ну, там, как б раз в полгода, может быть, ... всегда платно» (24)*

Профилактические проверки здоровья осуществляются в целях тестирования по поводу гинекологических заболеваний, получения рекомендаций по использованию контрацепции, подготовки беременности, проверки наступления беременности, тестирования по поводу ИППП и пр. Многие информантки стремятся оценить контрацепцию с точки зрения влияния на свое здоровье, и обращаются за медицинской консультацией по поводу предохранения от нежелательной беременности.

Как показывает наше и другие исследования (Лариваара 2009), врачи признают право пациентки выбирать и принимать решение о предохранении. Отношение врачей — активных сторонников использования современной контрацепции -изменилось по сравнению с советским поколе-

нием. Об этих изменениях рассказывает акушерка 74 лет: «Я даже сама помню, что мы все панически боялись гормона. Настолько мы темные были, что темные были .... Не было у нас спиралек. У нас потом стали выпускать вскоре вот такую вот».

Врачи признают (и в этом их мнение отчасти сходно с мнением женщин) вред для здоровья, который может быть нанесен контрацепцией при условии, если она используется без медицинского контроля. Гинекологи утверждают, что необходима профессиональная диагностика, оценка индивидуальной ситуации, определение состояния здоровья, возраста, частоты сексуальных контактов, репродуктивных планов, а также социального и экономического положения пациентки. На основе проведенных тестов, и — если требуется лечения, — происходит определение вида контрацепции, и осуществляется последующий контроль. Врач-гинеколог с большим стажем работы в женской консультации подробно рассказывает об этом.

«...обязательно на приеме каждый раз уточняется момент контрацепции. То есть, если, значит, женщина говорит, что она не предохраняется, выясняется, почему, каким способом, как чего. Почему? Чтобы подсказать как можно более удобный, приемлемый метод контрацепции, почему? Если она не планирует беременность.... Вот. про контрацепцию, конечно, говорится подробно, потому что методов контрацепции много. И для каждой д'ивчины подбирается индивидуально, потому что это не сказки, говорят, что индивидуально подобрать невозможно. Возможно. Это учитывается количество, значит, отношений в неделю, в месяц, от возраста пациентки это зависит. Это зависит от ее характера образа жизни, зависит, допустим, рожавшая — не рожавшая женщина, это тоже имеет большое значение, какой возраст. И по осмотру: если есть противопоказания, нет противопоказаний. И даже иногда проводятся какие-то специализированные обследования в плане свертываемости, тромбоцитов...Но если у нее есть противопоказания, а такое бывает, что женщина одно хочет, совершенно, допустим, спираль, в частности. Приходит рожавшая женщина и говорит ... я в ближайшие пять лет беременность не планирую, я хочу вставить спираль. При осмотре выясняется, что у нее эрозия, что у нее миома, еще что-нибудь, не дай Бог. Значит, ей, к сожалению, спираль не показана, то есть ей нельзя вставлять: она может усугубить какие-то проблемы. Либо, значит, женщине объясняется, что надо пролечить эти все проблемы и потом уже решать. Либо, значит, мы подбираем, лечение в любом случае должно быть, а, значит, контрацепцию подбираем та, ко-

торая более приемлема на этот момент. Вот. и объясняются все нюансы» (врач, 49)

С точки зрения медиков, в настоящее время существуют широкие возможности эффективного предохранения, и врачи настаивают на его осуществлении. Однако некоторые женщины ведут себя безответственно. Врач продолжает

«То есть настолько большой хороший выбор, выбор контрацептивов, что просто даже обидно, что у нас до сих пор присутствует население, которое не совсем относится к этим вопросам серьезно. И, как бы (выделила голосом) допускает, допускает непланированную беременность» (49).

И если врачи в целом относятся толерантно к либеральным практикам сексуальности, то проблемы отсутствия эффективного предохранения вызывают у них однозначное осуждение. Такие женщины, как и женщины, пренебрегающие визитами к гинекологу, стигматизируются с медицинской точки зрения. Приведем пример из дневника включенного наблюдения социолога на приеме у Н.А, показывающий негативное отношение врача к предохранению календарным методом, к абортам и к отсутствию надлежащего контроля за своим здоровьем в целом. Гинеколог осуждает женщину, определяя ее позицию и статус как безответственной пациентки. И — вероятно в целях повышения эффективности воздействия — врач высказывает отношение в гораздо более резкой форме по сравнению с эмоционально-нейтральным описанием своих действий в интервью.

«12:20 на прием вошла молодая женщина, лет сорока, в синтетическом свитере, непрокрашенные корни волос. Говорит тихо, отвечает на вопросы почему-то бахилы держит в руках, смущается, не знает, куда ступить можно, теревит руками потрепанный полис... Н.А «В 2004 году были последний раз. Не страшно? Надо ходить! Хотя бы раз в год появляться! ... по циклу предохраняетесь? Это как??? Медицинскую литературу не читаем, да? мы давно уже не живем по циклу, с перестройки уже! Вляпаетесь ведь, голуба! А ведь аборт бесследно не проходят! ... тем более миому тебе уже ставили. А че, правильно. Вот умирать будешь, может, спасут, а может, и нет!...

(после ухода пациентки)

Я: какая вы строгая, Н.А..

Н.А: а у меня к таким людям ни жалости, ни уважения! 5 лет на приеме не появляться! Это же как себя не любить надо!»

(Из дневника включенного наблюдения, на приеме у врача в ЖК, 24 04 2009)

В условиях негативных санкций, исходящих от профессионалов, женщины выстраивают свои стратегии. Интерпретация рисков для здоровья у не-профессионалов имеет сходство с медицинской, однако происходит его переосмысление с учетом обстоятельств, практического опыта, здравого смысла и «дилетантского» подхода. Как было указано выше, многие молодые женщины считают гормональные средства вредными для здоровья, а внутриматочные спирали — чреватыми последующим бесплодием. Вред, который наносит контрацепция организму, обсуждается в медицинских терминах. Говорят молодые женщины:

«Уровень гормонов, которые содержатся в таблетках, добавляются плюс к твоим собственным гормонам, что также в целом не вполне хорошо для организма». (22)

«Я не очень хочу какие-то пить гормональные препараты, может это как бы достаточно темно с моей стороны, потому что в принципе я их пила, да. В свое время. Но-о мне не нравится это какое-то ощущение, я даже не знаю, чем, я не очень люблю пить таблетки в принципе. Я против них как-то предубеждена. Я думаю, что все это влияет плохо на печень, пищеварительный тракт (смеется) опять же, вообще искусственное изменение гормонов в организме это плохо ... возможно это дилетантские какие-то понятия, но они во мне достаточно плотно сидят». (27)

В условиях признания потенциального вреда средств предохранения и отсутствия доверия к врачам и медицине в целом (Здравомыслова, Темкина 2009), в повседневных практиках женщины опираются не столько и не только на советы профессионалов, сколько на личный опыт и его сопоставление с опытом близких и «дистанцированных» других (на форумах, в он-лайн консультациях). Повседневное знание соотносится с медицинскими предписаниями и может оспаривать их (см. также Бороздина 2010). Признается важным личный практический опыт *«Я больше, в от об этом, мы больше советуемся с подругами, кстати говоря. Я вот от них узнаю какие-то новые веянья (смеется), что-то ещё. И как-то это пробую». (23)*

В отношениях с медициной значимой является определение границы приватной и публичной сфер. Для современной медицины предохранение от нежелательной беременности — это нормальная практика, обсуждаемая и осуществляемая под медицинским контролем, в то время как для многих женщин и мужчин контрацепция — это приватная закрытая «практика без слов» (Мейлахс 2009), которую не обсуждают с гинекологом, а иногда — и с партнером. В сочетании с недоверием к врачам (включая гинекологов) это приводит к избеганию медицинского вмешательства. Та-

ким образом, женщины избегают стигматизации себя как «безответственных», «некультурных», «не заботящихся о себе» и стараются оградить себя от негативных санкций со стороны врача.

Не-профессионалы переопределяют риски и безопасность, опираясь на практический опыт. Они, во-первых, осуществляют практики избегания стигматизации и обсуждения с врачом использования неэффективной контрацепции. Во-вторых, они применяют экстренную контрацепцию для избегания нежелательной беременности и осуществляют систематические проверки на ИППП. Предпочтения отдаются стратегиям экстренной контрацепции, а не профилактической. Наличие такой контрацепции и возможностей тестирования позволяет женщинам пренебрегать рисками

Потенциальная возможность непланируемой беременности вызывает тревогу, опасения и стремление получить гарантии от врача.

«Меня очень беспокоило то, что может случиться нежелательная беременность, и мне нужно было, как бы, чтобы у меня было больше уверенности в том, что все нормально. Поэтому .. я пошла к врачу. Однажды, когда я пошла к врачу, вернее несколько раз туда ходила, потому что я думала, что я задела. Это были бзики. Ээ на самом деле ничего такого не было.». (22)

О медикализированном способе предупреждения нежелательной беременности при помощи экстренной контрацепции рассказывает молодая женщина:

О: первые ,вот наверное, года два, мы предохранялись только презервативами. Потом, начала пить «Постинор». После каждого полового акта. Потом у меня после «Постинора» нарушились циклы, я начала, с гинекологом посоветовалась, гинеколог сказала, что «Постинор» — это не выход, это только в крайних случаях.

В: а тебе кто посоветовал «Постинор» пить?

О: никто. Сама (смеется) услышала такое. Вот. я еще думала, что я еще на фоне «Постинора» наберу килограмм, у меня вырастет грудь, потому что гормональный очень. Но мне это роли никакой не сыграло (усмехнулась). (22)

Фармакологические средства само-назначаются и используются в соответствии с «народными» (включая интернет) представлениями об их свойствах. Парадоксальным образом экстренные гормональные средства, применяемые, тогда, когда риск уже возник, не рассматриваются в терминах вреда для здоровья (в отличие от профилактических средств, которые часто оцениваются как «вредные для организма»).

Что касается предохранения от ИППП, то некоторые женщины также систематически используют способ «защиты после действия», стремясь при помощи регулярного (бессимптомного) тестирования совладать с последствиями небезопасного секса. Происходит это при помощи обращения за профессиональной помощью к врачам.

«уже мой бедный гинеколог, я хожу к участковому врачу Она уже на меня смотрит (смеется): че пришла?» (27)

«Хотя я до сих пор не понимаю почему, вот но как-то это обошло меня стороной. И сколько раз я сдавала кровь и как бы проверялась. Ну, там, грубо говоря, к гинекологу ходила. Вот. У меня не было никаких болезней, ни разу. Вот. Слава Богу, тьфу-тьфу-тьфу». (Смеётся) (24)

Практика систематических «проверок на инфекции» сопряжена с барьерами, характерными для взаимодействия с медициной в целом, и с ее репродуктивный сектором, в частности. Практики врача не являются ценностно-нейтральными по отношению к «низким болезням» (Lupton 1994), вина за которые возлагается на пациента. ИППП и их потенциальный носитель опасается стигматизации и оценки в моральных терминах «промискуитета». И врач, и пациенты не всегда бывают в состоянии дистанцироваться от морализации сексуального поведения в случае его негативных последствий. Однако, как показывают данные нашего исследования (которые нуждаются в дальнейшем осмыслении), гинекологи относятся достаточно толерантно к до- и внебрачным сексуальным практикам женщин. Их моральные суждения касаются в первую очередь необходимости систематически посещать врача, эффективно предохраняться, избегать аборт и планировать беременность. Современная женщина — это женщина, заботящаяся о своем репродуктивном здоровье при помощи профессионалов, и центральная цель данной заботы — осуществление беременности и материнства.

3. Незапланированная беременность, «абortoфобия» и деторождение

Следующий контекст, который оказывается значимым для обеспечения практик безопасного секса (в данном случае — предохранения от нежелательной беременности) — это фамилистский или пронаталистский. Он воплощен в демографической и социальной политике середины 2000-х годов, идеологии, религии, медийных репрезентациях. Концепция традиционной семьи и материнства как природного предназначения женщины поддерживается в повседневных и профессиональных дискурсах. В радикальных вариантах практики планирования семьи (включая эффективное

предохранение) рассматриваются как приводящие к демографическому кризису, «вымиранию нации» и угрожающие национальной безопасности (Rivkin-Fish 2010).

Далее нас интересует, как принимается решение о деторождении или аборте в случае незапланированной беременности, связанной с неэффективным предохранением

Третий парадокс: можно ожидать, что неэффективное предохранение влечет за собой толерантное отношение к абортam, характерное для советского времени, а негативное отношение к абортam, напротив, — повышает эффективность планирования беременности. Однако это происходит не всегда.

Для контроля репродуктивного поведения становится характерной ситуационная комбинация современных и традиционных средств предохранения, использование профессиональных медицинских и практических знаний. Женщины в основном ориентируются на планирование беременности (и в этом они солидарны с врачами), они стремятся определить время и ситуацию, удобную для рождения, позаботиться заранее о своем здоровье, здоровье партнера и здоровье будущего ребенка. Однако отказ от предохранения как либо препятствующего удовольствию и отношениям с партнером, либо вредного для здоровья приводит к сохранению риска нежелательных беременностей, не согласованных с планами женщины, которые предпочитали бы отложить деторождение.

(Узнать о беременности это) Да, шок. Шок. Очень неприятные ощущения. Рада я точно не была. Это было очень, очень неприятно. Это настолько шло вразрез с тем, что я планировала, и э... с тем, что мне хотелось самой... (27)

Средством разрешения ситуации становится либо аборт, либо незапланированное рождение ребенка. Статистические исследования показывают, что в современном российском обществе количество абортov снизилось существенным образом, однако осталось относительно высоким (около половины беременностей прерываются абортom Сакевич 2010: 119). Такие истории рассказывают некоторые информантки:

(были) беременности..и не одна, и не две, и не три. То есть, ну, не хочу говорить точное число, то есть как бы их было достаточно. Вот и, то есть все они заканчивались, конечно, вот...абортom. (23)

Большинство женщин высказывают крайне негативное отношение к абортam, даже если они имеют собственный опыт медицинского прерывания беременности. В основном они не оспаривают законодательное пра-

во на прерывание беременности, некоторые информатки указывают на аборт как на право индивидуального выбора женщин совместно с партнером и называют свое отношение «лояльным».

В: Как ты вообще относишься к абортам?

О: Ну, я считаю, что это, конечно, выбор... ну, индивидуальный, девушки с молодым человеком. (25)

Некоторые информатки признают, что определенные ситуации вынуждают женщину прибегать к искусственному прерыванию беременности (состояние здоровье, наличие детей, отсутствие материальных и жилищных условий, нежелание партнера иметь детей и пр.). Таковы их оценки и собственные мотивы при осуществлении аборта.

«я решила, что мне сейчас этот ребенок не нужен, я его обреку на нищенское существование, с возможно, отцом, который, не любит его мать, и мать, которая, возможно, не любит ее отца». (26)

«К абортам? К этой ситуации нужно подходить объективно. Если есть возможность оставить ребенка, естественно, нужно рожать. Если получается так, что ребенок будет мучиться, ты будешь мучиться, да и все вокруг это будет в тягость, то лучше сделать аборт. Просто я знаю, что я с двумя детьми бы тоже не справилась: у меня нет крова над головой, да вообще у меня ничего нет». (28)

«на тот момент... я была совсем не уверена, что я хочу ребенка. Даже я... ну не то что даже «не уверена», я не хотела ребенка в тот момент. И... партнер настаивал на аборте». (27)

Однако в большинстве женщины считают данную практику неприемлемой в целом и для себя, поэтому, если они делали аборт, то высказывают сожаление по этому поводу. Указываются следующие причины негативно-го отношения

Опасность аборта для возникновения последующего бесплодия, потому особо опасным считается прерывание первой беременности.

Аборт считается опасным для физического и эмоционального здоровья женщины, он травмирует ее тело и психику,

Аборт морализируется, называется убийством и грехом. Зародыш определяется не как эмбрион, а как человек. Именно по этому поводу информатки упоминают свои религиозные убеждения, которые в иных вопросах сексуального опыта не были проявлены. *«Это очень такой серьезный шок, серьезный такой удар, по моим опять таки ценностям каким-то. Вот. Ну что, молюсь, читаю молитвы. Переживаю до сих пор». (23)*

Аборт — это показатель личностной незрелости («я маленькая была. Не понимала что делала» (23), а его избегание, напротив, — признак ответственного поведения взрослого, социально и морально зрелого человека.

Предмет обсуждения в данном случае оказывается сильно эмоционально окрашенным. Приведем несколько цитат

«Что касается абортов, то это вообще фобия всей моей жизни». (24)

«Я против того, чтобы женщины делали аборты, или что-то в этом роде. Если ей действительно приходится, и никуда от этого не деться — нужно воспитывать ребенка одной» (22)

«А.: А как ты относишься к абортам?

Л.: Иногда плохо... даже очень плохо»(22)

«И: у тебя были случаи, например, что ты забеременела, и потом сделала аборт?

Р: Нет, нет, такого не было. Слава богу! Я поняла, что если бы я забеременела, я ни за что в жизни не сделала бы аборт какая бы у меня жизненная ситуация не была, сколько бы денег у меня не было, была ли я замужем, не была, я никогда не сделаю аборт. Нельзя, конечно же, опять-таки зарекааться. Но вот пока я не рожу первого ребенка, точно я не сделаю аборт. Это я уже знаю однозначно» (22).

«И.: Как ты вообще относишься к абортам?

Р.: Я как-то сказала себе, что если у меня будет ребенок, то он должен родиться. Это что-то божественное». (28)

«Я очень плохо отношусь к абортам и считаю вообще это грехом я вот так вот. Я тогда вообще не думала, я когда вот забеременела, я помню я даже вот раньше я как-то подружкам говорила, что я даже если меня изнасилуют, я забеременею, я аборта не сделаю, что я не сделаю аборта и все, никогда в жизни» (28)

«О: Иногда жалею... но в каком плане? В том плане, что боюсь, вдруг повлияло это как-то на репродуктивные способности». (27)

Сравним эти высказывания с позицией врачей-гинекологов, которые «уговаривает женщин рожать» (см. также Ларивара 2009). В первом случае врач утверждает, что аборт приводит к бесплодию, которого нужно обязательно избегать:

«Ну, конечно, мы за сохранение беременности, в общем-то, чем, потому что каждый аборт он приводит к воспалительным процессам, даже если он очень хорошо проведен, стерильно, то все равно он приводит к дисфункции яичника, и потом уже в будущем к невынашиванию беременности. Все-таки мы стараемся уговорить женщин, если у них нет каких-то

противопоказаний к этому, мы все-таки сторонники того, чтоб женщина рожала». (врач ЖК, 41)

Для другого врача при переубеждении пациенток важным аргументом является мораль, осмысленная через призму своего собственного опыта материнства. Она говорит «Если это молодая женщина, я всегда предлагаю первое, что это оставить... В. А бывает (исправляется) были ли такие случаи, когда вы переубеждали женщину?...

О. Да. И не раз были.

В. Угу. То есть вы им объясняли последствия да?

О. Не про последствия, я просто всегда говорю, что если Бог дал зайку, даст и лужайку, что просто так в этом мире ничего не бывает. Я сама вообще противница, я вот аборт сама не делаю, ну раньше когда начинала там работать, делала, щас, когда сама стала мамой, я пересмотрела свое отношение к аборту и стараюсь, что лучше предотвратить беременность нежелательную, чем вот потом убить..... «Ну, пойду на аборт». Я говорю: «Ну, вот износишься же, организм то».

Аборт оценивается в рамках двух основных дискурсов — медицинского (вреда для здоровья и потенциальных рисков бесплодия) и морально-религиозного (греха, инфантицида). В оценке рисков солидарны и непрофессионалы, и врачи, для которых незапланированная беременность менее предпочтительна, чем запланированная и подготовленная под медицинским контролем, но она более желательна, чем аборт, особенно в случае первой беременности¹. Аборт также обсуждается в социальном дискурсе — о социальном статусе, препятствующем родительству. И врачи, и непро-

---

¹ Медицинский дискурс об аборте и институциональные условия претерпели изменения за 50 лет, однако основной его посыл сохранился: «Особенно неблагоприятно аборт может отразиться на здоровье молодых женщин и, впервые забеременевших. Первая беременность способствует развитию всех физических и духовных сил женщины. ..Особенно большую опасность представляют аборт, сделанные не в больничных учреждениях» Книга о здоровье М Медгиз Общ ред Д.Жданов 1959 с 331 «Особенно неблагоприятно прерывание первой беременности... Из 4 женщин, прервавших первую беременность, практически здоровой остается лишь 1, у половины были выявлены нарушения репродуктивной функции (бесплодие у 35%, невынашивание у 15,0%)» Ю.Лисицын. Общественное здоровье и здравоохранение МГЭОТАР –Медиа. 2010 с.251. В 1959 году в научно-популярной книге первая беременности оценивалась холистически, в свете развития женщины как личности в целом, а опасности связывались с внебольничными абортами, в 2010 в медицинском дискурсе происходит конкретизация вреда для здоровья и угрозы для последующего осуществления материнства.

фессионалы признают такую возможность, хотя и оценивают ее как крайне нежелательную.

В отличие от представительниц советских поколений, современные молодые женщины не воспринимают процедуру аборта как дисциплинирующее тело наказание (Здравомыслова 2009: 121), изменились условия его осуществления (доступны платные услуги и пр.). Отношение к аборту переходит на уровень само-дисциплинирования, когда современная «культурная» молодая женщина — по моральным, психологическим и физиологическим основаниям — сама не должна допускать ситуации искусственного прерывания беременности. Аборт стигматизирует женщину в глазах врачей, окружающим и своих собственных, поскольку подрывает потенциальную (риски бесплодия) или реальную (отказ вносить и родить ребенка) основу женской материнской идентичности.

Информантки, в частности, указывают на то, что существует широкий выбор доступной контрацепции, с помощью которой должны осуществляться превентивные меры. Однако напомним, что многие женщины не используют регулярно контрацепцию, негативно оценивая ее с точки зрения достижения удовольствия и вреда для здоровья. Как же может быть разрешена данная ситуация?

Как показывают данные интервью, компромисс гедонистического, меликализованного и морального дискурса достигается через признание приоритета материнской идентичности женщин.

«Сейчас конечно, если вдруг забеременею, то вообще вопрос возникнуть не может: я буду рожать в любом случае. Где бы я не жила, там, в общаге — не в общаге, в съемной квартире — не съемной, там, учусь я или работаю, мне не важно. Я в любом случае рожу». (22)

«Раз уж случилось и раз уж нормально, т. е. нет медицинский показаний в развитии плода, чтобы делать аборт, то смысла я в этом не вижу. И независимо от того, что думает по этому поводу партнер, хочет он или не хочет» (26).

«Если человек забеременел, ну, женщина, то несмотря, ну,.... Я считаю, что она обязана будет родить. Потому что если бог дал такое, то она должна родить. Потому что в следующий раз может не получиться или еще что-нибудь» (21).

«Ну, ни то чтобы специально, но если получится — хорошо, не получается — то потом получится, значит. Как бы не особо на эту тему грузились» (26).

Деторождение, с точки зрения информанток, в идеале должно планироваться и подготавливаться. Однако, если оно откладывалось, но наступила незапланированная беременность, она может быть сохранена. Напомним, что на этом настаивают и врачи, особенно в случае первой беременности. Главная угроза, которая разделяется и женщинами, и врачами, такова: после искусственного прерывания беременности, женщина рискует никогда не стать матерью.

Деторождение поэтому не обязательно связывается с финансовым и жилищным благополучием, с карьерными устремлениями и планами женщины или обоих партнеров. Оно также может не зависеть от воли и желания партнера. Многие информантки готовы осуществлять практики одинокого (в т. ч. внебрачного) материнства, особенно если это решение принято сознательно, с учетом ресурсов женщин и ее окружения.

«А есть также женщины, которые только для себя рожают детей. Таких, в принципе, я уважаю... в том плане, что они берут такую ответственность на себя.» (21)

На мой взгляд, лучше родить, чем не родить. Пусть одной, но родить. (24)

Одинокое материнство воспринимается как сопряженное со значительным числом организационных и материальных трудностей, трудностей воспитания, однако оно не стигматизируется, в отличие от бездетности. Материнство, ориентация на которое в рассматриваемом случае формируется на этапе отказа от аборта (которому предшествует неэффективное предохранение), признается безусловной ценностью и необходимой практикой зрелой женщины в русле современной фамилистской идеологии, продвигающей материнское предназначение как основную роль женщины. Современная российская женщины — это мать (по крайней мере одного ребенка) (см также Роткирх и Кессели, 2009)

Выводы

Модель ответственного сексуального поведения молодых мужчин и женщин в России включает следующие нормы и практики:

Безопасный секс рассматривается как снижающий риски и способствующий удовольствию

Гинекологи выступают агентами продвижения современной контрацепции, непрофессионалы в повседневности разделяют медицинский подход отношения к репродуктивному и сексуальному здоровью, сохранение которого должно быть обеспечено эффективной контрацепцией

Женщины избегают аборт, планируют беременность и готовятся к ней, такие практики одобряются и контролируются врачами.

В центре нашего внимания находилась модель «рискованного» «опасного» сексуального поведения, для которой характерно следующее:

Гедонистические ценности и практики современного общества потребления в России оказываются не вполне совместимыми с контрацепцией. Секс-индустрия, порно-продукция и сексология не сензитивны к вопросам предохранения: если контрацепция мешает удовольствию, отказываются от контрацепции.

В области предохранения от нежелательной беременности и ИППП возрастает внимание молодых женщин к проблемам здоровья. Одновременно происходит экспансия медицины (гинекологии), которая выступает одним из немногих агентов, продвигающих идеи и практики безопасного секса и планирования семьи в России. В условиях возрастания медицинского контроля и требованиям к здоровью стигматизируются несовременные методы предохранения. В свою очередь, женщины, используя «тактики слабых», избегают посещения врача или обсуждения с ним контрацепции. В вопросах предохранения они опираются на практический опыт, осмысляя его в медицинских терминах. Если контрацепция оценивается как опасная для здоровья, ее не используют. Недоверие к медицине, авторитаризм врача как агента «цивилизованного» предохранения препятствует ответственному контрацептивному поведению молодых женщин. Часто преимущество отдается не превентивной профилактической контрацепции, а посткоитальной экстренной, риски которой в этом случае игнорируются.

Ситуации недостаточно эффективного предохранения приводят к выбору между аборт и незапланированной беременностью и деторождением. Аборты стигматизируют женщину как несостоявшуюся мать (или как рискующую своим материнством в будущем из-за нанесенного вреда здоровью). Женщины, осуществляя практики искусственного прерывания беременности, оценивают их негативно, как крайне вынужденные. Такую же перспективу разделяют и врачи. Если наступает незапланированная беременность, и приходится делать аборт, то это не означает толерантного к нему отношения. И хотя планируемая беременность оценивается и врачами, и непрофессионалами как предпочтительная, непланируемое деторождение (в т. ч. в случае одинокого материнства) более желательно, чем аборт.

Мы пришли, таким образом, к довольно парадоксальному выводу. Конфигурация репродуктивных практик и ценностей современных молодых

женщин значительно отличается от их советских предшественниц — в отношении к удовольствию, здоровью, контрацепции, абортам и планированию беременности. Однако базовой идентичностью остается идентичность матери, и относительно материнства (реального и потенциального) оцениваются риски опасного и безопасного секса.

Литература

1. Бодриар Ж 2006 Общество потребления Республика
2. Бороздина Е. 2009 «Правильная беременность»; рекомендации медиков и советы обывателей // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: Сборник статей / под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 18). С. 254-278
3. Вишневский А. ред. 2006. Демографическая модернизация России 1990-2000 М.: Новое издательство
4. Захаров С и Сакевич В..2008 *Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт?* // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малеевой, О.В. Синявской; Вып 1 Независимый институт социальной политики. — М.: НИСЦ, 2009. с. 127-171
5. Здравомыслова Е 2009. Гендерное гражданство и абортная культура// Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: Сборник статей / под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 18). С.108-135
6. Здравомыслова Е, Темкина А. 2009.«Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: Сборник статей / под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 18). С.179-210
7. Кон И. 2010. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России М.: Время
8. Лариваара М.2009. Моральная ответственность женщин и авторитет врачей: взаимодействия гинекологов и пациенток // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности Под ред. Е.Здравомысловой, А.Роткирх, А.Темкиной СПб Изд-во ЕУСПб. Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17. 313-345

9. Мейлахс Н. 2009. Неслышные переговоры: выбор способа предохранения и отношения между партнерами // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности Под ред. Е.Здравомысловой, А.Роткирх, А.Темкиной СПб Изд-во ЕУСПб. Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17. 346-372
10. Роткирх А. и Кессели К. 2009. Деторождение и его место в эизненном цикле петербургских женщин // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности Под ред. Е.Здравомысловой, А.Роткирх, А.Темкиной СПб Изд-во ЕУСПб. Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17. 426-455.
11. Сакевич В.И. 2009. Особенности внутрисемейного контроля рождаемости в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малеевой, О.В. Синявской; Вып 2 Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2009. 119-139
12. Сакевич В. 2010. Планирование семьи в России <http://www.polit.ru/research/2010/03/14/demoscope409.html> доступ 19 03 2010
13. Темкина А. 2008 Сексуальная жизнь женщины: между свободой и подчинением. СПб: Изд-во ЕУСПб.
14. Gerber T. and D. Berman/ 2008. Heterogeneous Condom Use in Contemporary Russia Studies in Family Planning Volume 39 Number 1 March Freidson E. Profession of Medicine. A Study of the Sociology of Applied Knowledge Chicago and London: Univ of Chicago press 1970 (1988)
15. Lupton D Medicine as Culture. Illness, Disease and the Body in Western Societies L Sage 1994
16. Temkina A, Rotkirch A. & Haavio-Mannila E. 2010. Sexological Encounters in Russia. Pleasure and Gender in a Newly Formed Professional Field. In *The Cultural Context of Sexual Pleasure and Problems: Psychotherapy with diverse clients*, eds Kathryn Hall & Cynthia Graham In print.
17. Regushevskaya, E., T. Dubikaytis, M.Nikula, O. Kuznetsova and E. Hemminki. 2009. Contraceptive Use and Abortion Among Women Of Reproductive Age in St. Petersburg, Russia *Perspectives on Sexual and Reproductive Health* 41: 1, 51-58.
18. Perelman, F and M McKee. 2009.Trends in Family Planning in Russia, 1994-2003. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health* 41: 1, 40-50.
19. Zakharov S. 2008. Russian Federation: From the First to Second Demographical Transition *Demographic Research* v 19 art 24:907-972
20. Rivkin-Fish M 2010 Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of “Maternity Capital” *Slavic Review* 69, no. 3

Организация услуг по уходу за детьми в условиях дефицита институциональной заботы в России (на примере Бурятии)

Данная статья посвящена проблеме дефицита институциональной заботы о детях дошкольного возраста в России и рассматривает появление и расширение рынка услуг нянь как главное следствие указанной проблемы.

Проблема дефицита институциональной заботы о детях дошкольного возраста актуализировалась в России последние пять лет. Как известно, в России институциональная забота о детях до сих пор базируется на системе дошкольных учреждений, созданной в советский период истории. За последние двадцать лет число мест в детских садах и яслях заметно сократилось в связи с падением рождаемости в 1990-е. Сегодня наблюдается обратный процесс — рост рождаемости, который был стимулирован во многом государством. Однако, рост мест в детских образовательных учреждениях (ДОО) не успевает за темпами прироста населения. Так на 2008г. на очереди в сад стояли 1,7 млн. детей (Дети в России 2009. С. 57).

Свою очередь в ясли и детский сад родители могут ждать от одного месяца и до двух лет. Женщина, которая традиционно является ответственной за заботу о членах семьи, должна либо брать отпуск по уходу за ребенком за свой счет, либо нанимать няню и выходить на работу. Оплачиваемые услуги няни становятся единственным выходом и для тех женщин, которые по разным причинам возвращаются к работе до окончания декретного отпуска. Агентства предложили свои услуги по организации ухода за детьми — подбор няни. Индивидуальные предложения со стороны женщин, нуждающихся в заработке, появились на неформальном рынке. По данным О.В. Синявской и Е.В. Гладникова 1.1% российских домохозяйств с детьми до 14 лет обращаются к услугам профессиональной няни (Синявская О.В., Гладникова Е.В. 2007; с.355).

Таким образом, рынок услуг по уходу за детьми сегодня состоит из двух неравнозначных секторов: услуги ДОО, предоставляемые государством, и услуги няни, предоставляемые частными лицами и агентствами по подбору персонала. Однако если качество услуг первого сектора полностью

контролируются государством, в то время как качество услуг второго сектора не контролируется никем, кроме потребителей. В отличие от США и Великобритании, например, в России не введено лицензирование работников, оказывающих услуги по уходу за детьми у себя на дому или на дому у родителей. В указанных странах лицензию работник получает после годичного курса в колледже и результатов определенных психологических тестов [Tuominen 2008, Mooney 2009]. Дело в том, что сама модель социальной политики этих стран отличается от российской. В США и Великобритании государство проводит так называемую либеральную социальную политику, которая предполагает минимальное вмешательство государства в частную сферу граждан. Россия продолжает традицию советской системы ДОУ, и «не замечает» появившийся сегмент.

Российские семьи, в свою очередь, несмотря на появление альтернативного способа организации ухода за детьми российские семьи предпочитают услуги государственных учреждений. В связи с этим меня интересует, во-первых, почему родители предпочитают детские сады? Во-вторых, если семьи все-таки обращаются к услугам няни, то какие стратегии вырабатывают потребители на рынке услуг нянь, чтобы выбрать качественные услуги? Чтобы ответить на поставленные вопросы, нам необходимо рассмотреть организацию услуг ДОУ, а потом проанализировать то, как родители выбирают нянь для своих детей.

Статья основывается на интервью с женщинами, оказывающими услуги нянь в г. Улан-Удэ (столице республики Бурятия)¹. В отличие от Санкт-Петербурга и Москвы, где к услугам нянь обращались, хотя и ограниченно, и в советский период, в Улан-Удэ рынок услуг наемных нянь появился сравнительно недавно — в начале 1990-х. До 1990-х гг. даже среди высокопоставленных и высокооплачиваемых слоев (например, у работников номенклатуры) не существовало традиции нанимать за оплату няню. Родители пользовались либо помощью расширенной семьи, либо услугами государственных детских садов. (Беседы с Басаевой К.Д., исследователем бурятских семей, Дневник исследования от 20.01.2010) Изменение соци-

---

¹ Республика Бурятия находится в Юго-Восточной Сибири, входит в состав Сибирского федерального округа. Численность постоянного населения республики на 1 января 2007г. — 960 тыс. чел. Основные этнические группы, проживающие на территории республики — русские — 67,8% и буряты — 27,8%. Буряты — коренное население Бурятии, относятся к алтайской языковой семье, к монгольской группе. В Улан-Удэ проживает 390 тыс. жителей. (Бурятия в цифрах 2007. С. 9)

альной политики в отношении дошкольного образования после 1990-х гг. привело к сокращению детских садов и появлению спроса на услуги наемных нянь. В настоящее время семьи активно обращаются к услугам агентств и к индивидуальным работникам. В газетах бесплатных объявлений в разделе «Ищу работу» в 2006г. появился подраздел «Воспитатели и няни», например, в газете бесплатных объявлений «Из рук в руки, Улан-Удэ», которая выходит большим тиражом в 500 тыс. экземпляров в неделю (анализировались номера за 2006-2009г)¹. В январе 2009г. в Улан-Удэ автором было собрано 10 глубинных интервью: пять с нянями, четыре с родителями (с главой частного предприятия, главой кредитного отдела коммерческого банка, главным казначеем в казначействе РБ, бухгалтером, менеджером) и одно с директором агентства². В городе зарегистрировано четыре специализированных агентства по подбору нянь. После кризиса 2008г. реально действует только два: «Умница» и «Пятачок»³. С директором одного из них и была проведена беседа. Информанты были найдены в основном через номера телефонов, которые няни и работодатели оставляли в газете бесплатных объявлений «Из рук в руки, Улан-Удэ». В интервью с нянями я просила их рассказать свою непрофессиональную биографию, историю первого найма, потом последовательно историю всех последующих наймов, об условиях труда и оплаты, об обязанностях, об отношениях с работодателями и детьми. В интервью с работодателями основными темами были следующие: краткая биография, детство информанта, кто осуществлял уход за информантом в детстве, историю наймов нянь, типичный портрет няни, образ идеальной няни. С агентом мы разговаривали об истории создания агентства, о критериях отбора кандидатов в агентстве, о требованиях родителей, о конфликтах родителей и нянь. Дневник исследования создавался на основе личных воспоминаний автора и бесед с исследователем бурятских семей Басаевой К.Д. На основе собранных интервью (см. приложение) будет строиться дальнейший анализ выделенных режимов взаимодействия.

---

¹ Автору не удалось найти официальную статистику в ежегодных статистических сборниках, посвященных социально-экономическому развитию республики и города, о состоянии рынка услуг нянь в г. Улан-Удэ.

² Далее информанты будут указываться под вымышленными именами

³ Агентство «Умница» существует с 2002г., оказывает услуги по подбору няни и проводит подготовительные занятия для дошкольников. Агентство «Пятачок» было организовано в 2006г. Агентства дают рекламу о своих услугах по телевидению и размещают объявления в газете.

Сначала мы обратимся к самой стандартизированной услуге по уходу за детьми, которую предоставляют государственные детские сады и ясли.

ДЕТСКИЙ САД: СТАНДАРТИЗОВАННАЯ УСЛУГА ПО ПРИЕМЛЕМОЙ ЦЕНЕ.

Обратимся к детским дошкольным образовательным учреждениям (ДОУ). Родители прямо говорят о том, что стандарты ухода за детьми в ДОУ им кажутся приемлемыми. Аббревиатура ДОУ распространяется на детские сады, которые принимают детей с 3-х лет, и ясли, которые принимают с 1,5 лет. Однако в Улан-Удэ детский сад и ясли объединены в одну организацию — детский сад. Поэтому далее в тексте слова ясли и детский сад будут употребляться как синонимы.

Детские сады пользуются большим доверием среди родителей. Многие информанты вне зависимости национальности стремятся отдать детей в детский сад. Рассмотрим основные причины позитивного отношения к услугам ДОУ.

Во-первых, услуги детских садов доступны широким слоям населения, в отличие от услуг няни. Так за услуги сада жители города Улан-Удэ отдают в среднем 1000-1500 рублей в месяц, а за услуги няни необходимо платить от 6000 до 15000 рублей в месяц: *«Банально дешевле. В месяц я плачу за Тему около 1000 рублей. Это и за питание и за хознужды(фиксируются как «добровольная помощь» родителей садику)»* (жен. 27 лет, двое детей).

Во-вторых, услуги детского сада носят коллективный характер, а не индивидуальный, как в случае услуг няни. Среди информантов распространено мнение, что ребенок, оказавшись в коллективе сверстников, быстрее становится самостоятельным, так как вынужден выстраивать отношения с окружающими его людьми без поддержки со стороны родителей или няни: *«Няня-то понятно, она одна с ним здесь поиграет, там, что-то ему расскажет, книжку почитает, но все равно такого вот, как в детском садике, мне кажется, ... просто уже смотрит на других детей, и развивается, и общается, разговаривает. Ну, детский сад, есть детский сад. Это совсем другое. Надо же привыкать детям к обществу».* (жен. 25 лет, сын)

Во-третьих в отношении детских садов существует целый ряд государственных предписаний, которые регулируют деятельность учреждения и определяют формы контроля над ним: санэпидемстанция, медицинские комиссии, аттестационные комиссии министерства образования и т. п. Например, по постановлению правительства «Об утверждении типового положения о дошкольном образовательном учреждении» от 12 сентября 2008г. №666 к педагогической деятельности в дошкольном образовательном учреждении допускаются лица, имеющие среднее профессиональ-

ное или высшее профессиональное образование. Образовательный ценз указанных лиц подтверждается документами государственного образца о соответствующем уровне образования и (или) квалификации. Педагог обязан охранять жизнь и здоровье детей; защищать ребенка от всех форм физического и психического насилия; сотрудничать с семьей по вопросам воспитания и обучения ребенка; обладать профессиональными умениями, постоянно их совершенствовать. Работник несет ответственность за эмоциональное и физическое развитие ребенка, стандарты которого определяются соответствующими государственными стандартами. Кроме того, требования к персоналу закреплены в таких нормативных документах как Приказ Министерства образования РФ и Госкомитета РФ по высшему образованию от 14 декабря 1995 г. № 622/1646, Приложение 1 к приказу Минобразования России и Госкомвуза России от 31 августа 1995 г. № 463/1268. Кроме этого каждое ДОО (дошкольное образовательное учреждение) разрабатывает свой устав на основе предоставленного Минобразованием образца, в котором конкретизируются требования к работе воспитателя и младшего воспитателя [Список нормативной документации, регламентирующей деятельность ДОО//сайт московского ДОО № 908 www.dou908.hotbox.ru/normlist.html].

Поэтому родители уверены, что обращаются к стандартизированной услуге, исполнители которой постоянно контролируются: *«Если ребенок с няней, то кто ее знает? Все-таки отсутствие постоянного контроля расслабляет. Она может и не выполнять полностью своих обязанностей. А в садике — это работа, которую проверяют и где много глаз и ушей. Если что-то происходит не то, рано или поздно об этом все узнают».* (жен. 26 лет, двое детей)

В-четвертых, детский сад как образовательное учреждение постоянно реализует разные культурные и образовательные программы. Таким образом, родители продолжают воспроизводить представления о пользе внесемейного коллективного воспитания в младшем возрасте. Доверие к услугам садов обусловлено тем, что родители всегда могут обратиться за помощью к государственной системе контроля. Наши данные показывают, что эти формы контроля родители пытаются перенести и на услуги няни.

ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ: СТРАТЕГИЯ ПОИСКА И ВЫБОРА УСЛУГ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЯНИ

Хотя предложений на рынке услуг много, информанты отмечают, что найти хорошую няню сложно. Родители ищут человека, которому они могли бы доверить своего ребенка. Страшные истории о нянях, которые бьют

детей, воруют деньги, распространяются через СМИ и между знакомыми молодыми мамами. Родители постоянно говорят о недостатке контроля над деятельностью няни: *«Ты же его не контролируешь. Он неделю ходит, а потом возьмет и денется куда-нибудь. Мелочь, допустим, ну, косметика, там, не знаю, шампунь ...э ну, не совсем приятно».* (муж. 36 лет, двое детей)

Одним из способов решения проблемы доверия родители называют **ПОИСК НЯНИ СРЕДИ ЗНАКОМЫХ И РОДСТВЕННИКОВ**. Таким образом «снимается» вопрос о доверии и ряд проблем связанных с приспособлением к домашнему обиходу семьи (Например, не возникает вопросов о том, как будет питаться няня): *«Мы тогда приезжали тоже, искали ..э думали найти какую-нибудь девочку, например, деревенскую, чтобы она рядом с нами жила, ну и была на виду, и с ребенком сидела... Потому, что у Сашиной сестры ...э она тогда нашла тоже девочку, сколько её лет было тогда? Лет 18 девочке, соседку по ..э еще в Бичуре. И она воспитывала, то есть Сашина сестра, когда ребенку было 7 месяцев, она вышла на работу, а та сидела с ребенком... Но для этого нужны условия».* (жен. 26 лет, двое детей)

Чтобы интерпретировать эту цитату, необходимо сделать ряд пояснений. Во-первых, Бичура является так называемым «семейским» селом. Это означает, что в данном селе сохраняются традиции расширенной заботы, характерные для семейских. (см. параграф 2.1) Во-вторых, у Саши в Бичуре проживают родственники, с которыми Саша и его жена поддерживают отношения. Поэтому данную цитату можно рассматривать как подтверждение предположения, что «семейские» семьи сохраняют практики использования родовых сетей для организации заботы о детях. Важно в данном случае и то, что возраст няни указывается достаточно молодой — 18 лет. Родители, таким образом, пытаются избежать контроля со стороны старшего поколения над своим бытом: *«Нам хотелось именно молодую девочку, чтобы она была неопытна, чтобы её научить, чтобы не было потом таких. То, что, например, если женщина пожилая и с опытом, будет, наоборот, свой продавливать».* (жен. 26 лет, двое детей)

Однако ряд информантов проблематизирует использование ресурса родственных связей, указывая, что коммерциализация потенциально может отрицательно повлиять на семейные отношения. Так, одна информантка вспоминает: *«Нам предлагали и услуги родственников, и всех, но ...мы отказались. Ха-ха-ха... Во-первых, не хочется портить отношения, если какие-то конфликтные ситуации. Действительно, если какие-то могут возникнуть. Потом испортятся отношения, зачем?»* (жен. 31г., двое де-

тей) Отказаться от услуги родственника, с которым связывают долговременные личные отношения (патриархальный мир), намного сложнее, чем от услуги работника, которого нанимают на строго определенное время (рыночный мир). Анализируя последнее интервью с уверенностью можно утверждать то, что данная семья не ориентирована на воспроизводство традиционных моделей организации заботы о детях в расширенной родовой семье.

Еще одним способом, помогающим выстраивать доверительные отношения, является предоставление **ПИСЬМЕННЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ОТ СЕМЕЙ**, в которых няни работали прежде. Однако, письменные рекомендации среди информантов не вызывают доверия, так как легко фальсифицируются.

Алла рассказывает о том, как няня с рекомендациями не смогла подтвердить на практике заявленный профессиональный уровень: *«Она пришла к нам с рекомендациями с письмами какими-то, ну толку-то от них. Это, вот, знаете, которая, вот, которую ребенок мой не принял. Вот, она была с рекомендательным письмом. Я, знаете, смысла в них не вижу, я сама могу их написать себе сколько угодно, правильно. Чем подтвердить-то можно?»*. (жен. 31г., двое детей)

ДИПЛОМ ОБ ОБРАЗОВАНИИ фальсифицировать сложно, поэтому некоторые родители рассматривают предложения только от нянь, обладающих педагогическим образованием. Наличие диплома о педагогическом образовании свидетельствует, что кандидат на вакансию выбрал своим основным занятием работу с маленькими детьми, что он знает и умеет применять на практике методики по развитию ребенка:

*«Она же должна чему-то обучать ребенка, так или иначе. У неё было высшее образование, причем педагогическое образование, она работала в детском саду ...э нянечкой, воспитательницей... **образование в этой области, это тоже немаловажно потому, что все-таки что-то оно дает, хотя бы какую-то систему общения с детьми**»*. (жен. 34г., дочь)

Няни, обладающие педагогическим образованием, также считают, что работодатели склонны доверять образованным работникам. Одна информантка получила педагогическое образование по специальности «начальные классы», однако, всю жизнь проработала бухгалтером. После выхода на пенсию, Татьяна Александровна поняла, что прожить на неё не сможет, поэтому пошла на биржу труда. На бирже труда нашла объявление, что требуется няня, и решила обратиться по нему:

«В.:А вот расскажите про первый случай, когда вы первый раз работали?»

О.: Ну, первый раз — бурятская семья, двое детей, полтора года и четыре года ребенку было.

В.: А они как вас взяли, без опыта работы?

О.: Ну, да. Но у меня **педобразование, поэтому, наверное, поверили, что я могу справляться**». (Татьяна Александровна, 69 лет, стаж больше 5 лет)

Сама няня подтверждает, что диплом о педагогическом образовании убедил работодателей, что она сможет обеспечить нормальный уровень ухода за детьми. Отсутствие этого знака качества значительно снижает конкурентоспособность кандидата:

«Я звонила тоже по нескольким объявлениям. Сейчас берут в основном с педагогическим образованием. А у меня этого нет образования-то. Я как бы самоучка, получается. Вот так вот. ... Я же в частных вот этих вот организациях, вот в этих... семьях-то работала». (Ольга, 34г., стаж 3 года)

В поисках эффективной формы контроля над качеством услуг, работодатели так же предпочитают обращаться к третьей стороне — государству. Многие родители при приеме на работу требуют, чтобы кандидат **БЫЛ ПРОПИСАН ПО ГОРОДСКОМУ АДРЕСУ**, и снимают **КОПИЮ С ПАСПОРТА**. Из интервью с работодателем: *«Да, когда брали на работу, то брали паспорт и ксерили, обязательно»* (жен. 32г., двое детей). Другие работодатели так прокомментировали эту практику: *«Так подумать, тоже ведь одна из тем, что, во-первых, оставляешь одного ребенка с ..э чужому человеку. Куда он с ним попрется? Что у него в голове стрельнет, там?...Ты его видишь, ну, первые три дня, например. Чо у него там в голове? Ну, как всегда ...э, значит это, начинается ...э бережного бог бережет иной раз».* (муж. 36 л., двое детей)

Няни также подтверждают существование такой практики: *«Показала паспорт — все это. Все было нормально, чтобы как-то в чем-то... они ни в чем не сомневались. Показала адрес, где я живу, все. Они приезжали ко мне и в гости даже сейчас приезжают».* (Светлана Сергеевна, 61г., стаж 5 лет) Работодатели не просто копировали документы, но и удостоверились лично в том, где проживает няня, и какая у неё семья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Таким образом, российские семьи сегодня предпочитают услуги ДОУ. Во-первых, многие родители продолжают воспроизводить идеалы коллективного воспитания. Во-вторых, услуги детских садов пользуются большим доверием среди мам, так как, в отличие от услуг няни, контролируются третьей стороной — государством.

Однако, расширение системы ДОУ сегодня запаздывает от демографических процессов: количество мест не соответствует спросу. Такую ситуацию мы назвали дефицитом институциональной заботы. В данных условиях обращение к няням для многих становится вынужденным шагом.

На рынке услуг нянь государство не выполняет такую же контролируемую роль, как в системе ДОУ. К примеру, чтобы открыть частный детский сад, необходимо, чтобы помещение соответствовало всем техническим предписаниям, кадровый состав также должен соответствовать стандартам, заданным государством, в общей сложности необходимо пройти до 11 комиссий. Чтобы открыть агентство по подбору персонала, таких требований выполнять не надо. Сделка, которая осуществляется между агентством, няней и родителями носит в большей степени частный характер, поэтому потребители вынуждены искать сами формы контроля качества услуги. Как мы видели, большинство механизмов заимствуется из системы ДОУ, так как именно эта система пользуется доверием граждан.

Список использованной литературы

- Бурятия в цифрах. 2007, УУ.
- Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.4.1.1249-03// Образовательный портал www.ucheba.com (посещен 28.05.2009)
- Синявская О.В., Гладникова Е.В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами in *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*, Малева Т.М., Синявская О.В., Editor. 2007; М.:НИСП. С. 355
- Типовое положение о дошкольном образовательном учреждении от 12 сентября 2008, № 666 // сайт «Дошкольное образование. Институт стратегических исследований в образовании РАН» www.do.isiorao.ru (посещен 01.06.2009)
- Mooney A. Coram T. (2003). What it Means to be a Childminder: Work or Love? in *Family Day Care: International Perspectives on Policy, Practice and Quality*. Mooney A. Statham J. London: 111-129.
- Tuominen Mary C. (2003). *We are not babysitters: family child care providers redefine work and care*. Rutgers University Press.

Интернет и гей-клубы как пространства для поиска интимных партнеров»

Мой доклад посвящен анализу практик женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией, направленных на знакомства и поиск сексуальных партнеров в крупных российских городах. В ходе реконструкции основных сценариев поиска партнеров были выявлены два значимых пространства — это интернет и гей-клубы. Помимо этого до сих пор актуальными местами для знакомств остаются так называемые *плешки* (публичные места, в которых собираются люди с нетрадиционно сексуальной ориентацией).

В докладе планируется рассмотреть то, как особенности этих площадок способствуют преодолению гендерного социального исключения и расшатыванию гетеросексуальной матрицы в современной России. Эмпирическим материалом исследования служат 19 интервью с девушками нетрадиционной сексуальной ориентации и материалы интернет-форумов. Интервью были взяты в трех российских городах — Санкт-Петербурге, Новосибирске и Красноярске.

Объектом моего исследования являются девушки с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Однако, в своем исследовании я намерено избегаю таких распространенных категорий, как «бисексуалка» или «лесбиянка». Вместо этого центральной категорией служит термин **ЖСЖ** (женщины, имеющие секс с женщинами). Я включила эту новую категорию в свой доклад, поскольку она представляется отправной точкой и значимой аналитической категорией для современных квир-исследований. Впервые эта категория в российском социологическом контексте была введена исследователем Татьяной Барчуновой в докладе на конференции, посвященной изменению гендерных отношений в северных сообществах России¹. В дальнейшем она получила распространение в нашей совместной статье, посвященной интимному поведению молодых сибирячек. На мой взгляд,

¹ Доклад был сделан на семинаре, организованном Центром Сибирских исследований Ин-та социальной антропологии им. Макса Планка (Халле): «Изменения гендерных отношений в северных сообществах России» (Цесвайне, Латвия, май 2008 г.).

данная категория имеет весомые преимущества и заслуживает научного внимания социальных исследователей. В качестве аргументов я выделяю следующие параметры категории ЖСЖ: во-первых, она содержит в себе главную характеристику объекта моего исследования — это женщины, которые имеют устойчивый опыт интимных отношений с другими женщинами. При этом группа может не обязательно быть строго гетерогенной (женщины могут быть как бисексуалками так и лесбиянками) и это приводит к тому, что у меня, как у исследователя не возникает необходимости при использовании категории ЖСЖ решать проблемы с интерпретацией идентичности моих собеседниц. При этом, главным для данной категории является то, что все мои собеседницы не отрицают устойчивой интимной связи с представителями своего пола и готовы рассказать об этом.

Итак, мой главный вопрос заключается в том, какое коммуникативное пространство является наиболее комфортным для ЖСЖ при поиске интимного партнера? **Основной блок** эмпирических данных составляют 19 биографических интервью. Основная единица эмпирического анализа — биографическое интервью с ЖСЖ. Тип интервью: полуструктурированное глубинное с элементами нарративов. **Предмет исследования** — поиск интимных партнеров в практиках ЖСЖ. Интервью проводились в трех российских городах в период с 19.06.2007 по 22.01.2009г: Красноярске (8 интервью), Новосибирске (4 интервью) и Санкт-Петербурге (7 интервью). Два из девятнадцати интервью (в Новосибирске) были взяты он-лайн по ICQ. Ограничений для выборки не было, за исключением такого параметра, как наличие детей. Все мои собеседницы не имеют детей. Это ограничение вызвано тем, что наличие детей подразумевает усложнение сети отношений информантов в близком окружении. Возраст моих информанток от 20 до 28 лет, все, кроме одной имеют высшее образование. Их профессии в большинстве случаев имеют интеллектуальный или творческий характер (юрист, дизайнер, редактор сайта и т. п.) и условно всех девушек можно отнести к среднему или низшему среднему классу, если брать в расчет примерный уровень дохода, образование и род занятости.

Помимо этого были использованы материалы интернет-сайтов знакомств для людей с «нетрадиционной ориентацией».

Контекст исследования

Для начала важно несколько слов сказать о контексте, в котором развивается мое исследование.

Политика в отношении сексуальных меньшинств в современной России характеризуется разнонаправленными тенденциями. Эти тенденции

обусловлены позднесоветскими трансформациями этакратического гендерного порядка, для которого была характерна высокая степень зависимости индивида от государственной политики и идеологии. (Здравомыслова Е, Темкина А. 2007 б). В период перестройки, с одной стороны, получают распространение либеральные практики сексуальности: в том числе происходит декриминализация гомосексуальности и озвучивание гомосексуальных практик в публичном дискурсе. С другой стороны, в российском обществе усиливаются гомофобные настроения.

Исходной точкой либерализации политики в отношении сексуальных меньшинств стала отмена в 1993 г. 121 статьи Уголовного кодекса, предусматривавшая уголовное наказание за «мужеложство». Игорь Кон отмечает, что в советский период по этой статье ежегодно в места лишения свободы отправлялись около 1000 мужчин (Кон 1998). Женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией не подвергали уголовным преследованиям, но в случае обнаружения «поломок» отправляли на лечение в психиатрическую клинику. Советские психиатры предпочитали не диагностировать эту «особую болезнь», приписывая своим пациенткам диагноз «вялотекущая шизофрения» (Essig 1999a). Пациенток изолировали от общества и лечили от «шизофрении».

В процессе перестройки и с отменой 121 статьи постепенно происходит декриминализация гомосексуальности и либерализация политики в отношении сексуальных меньшинств. В результате стремительного распространения культуры западного гей-движения в России формируются соответствующие терминология и атрибутика. В девяностые годы возможность развития гей-культуры подкрепляется созданием в больших городах площадок в виде клубов и дискотек для проведения «гей-пати». (Essig, 1999b). Российское ЛГБТ¹-сообщество всерьез заявило о себе в 2000-х годах: в 2006 году была создана межрегиональная ЛГБТ-сеть. Этому предшествовали полуправовые и неформальные гей и лесби-объединения, которые периодически возникали и распадались в 1990-е годы. У ЛГБТ-сообщества появляются свои организации, клубы, издания, интернет-площадки (например, журнал для геев «Квир», интернет-порталы gay.ru, lesbiru.com и другие, гей-клубы в большинстве крупных городов.). Гей-дискурс получает широкое распространение в отдельных сегментах шоу-бизнеса, пусть и на фоне доминирующей гетеросексуальности. (Здравомыслова, Темкина 2007а: 225-226).

---

¹ ЛГБТ — международная аббревиатура (LGBT), означает объединение геев, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров

В то же время в российском обществе наблюдается высокий уровень гомофобии. Ответной реакцией на активизацию ЛГБТ-сообщества в публичном пространстве стала мобилизация гомофобно-настроенных групп. Например, на гей-параде против группы гомосексуалов выходит группа гомофобов со своими плакатами и лозунгами, или представители РПЦ, озвучивая свою официальную позицию, публично заявляют, что они против гей-парада. (Русская Православная..2007). Нередки случаи избиения гомосексуалов во время гей-парадов, у гей-клубов, на гей-дискотеках. (Die Tageszeitung, www.xeno.sova-center.ru). Рост гомофобии подтверждается результатами недавнего исследования дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в России, опубликованное в апреле 2009 года (Доклад 2009). По итогам исследования были сделаны выводы о необходимости разработки и реализации программ профилактики преступлений на почве гомофобии. (Кочетков, Кириченко 2009).

Говоря о причинах всплеска гомофобии, я соглашусь с Игорем Коном, который объясняет это явление последствиями эффекта «сексуального освобождения». «Крушение советского режима принесло людям желанное сексуальное освобождение. Но так же, как и в политике, в экономике, сексуальная свобода обернулась беспределом и анархией, что, в свою очередь, способствовало оживлению прежних страхов и фобий. Как только в стране наступила относительная стабилизация, в официальной идеологии возобладали консервативно-охранительные силы». (Кон 1997: 580). Эти консервативно-охранительные силы, на мой взгляд, также призваны поддерживать этакратический гендерный порядок в его неотрадиционалистской версии.

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие противоположные тенденции в российском контексте гомосексуальных отношений. С одной стороны, постсоветская либерализация в сфере сексуальности влечет за собой декриминализацию мужского гомосексуализма и демедиализацию лесбиянства и, как следствие, либерализацию политики в отношении сексуальных меньшинств. Получает распространение западная ЛГБТ-терминология и новые типы идентичностей. С другой стороны, ответом на публичность ЛГБТ становится мобилизация гомофобии.

Тем не менее, несмотря на сохраняющуюся гегемонию нормативной гетеросексуальности и высокий уровень гомофобии, либерализация сексуальной сферы в современной России предоставляет представителям ЛГБТ возможность для более активной коммуникации и поиска партнеров.

ИНТЕРНЕТ И ГЕЙ-КЛУБЫ: В ЧЕМ РАЗНИЦА?

Практически в каждом интервью возникает тема «своей» территории, когда речь заходит о том, где мои информантки предпочитают знакомиться и общаться. Из разнообразных публичных пространств, таких как клубы, дискотеки и интернет, ЖСЖ предпочитают «свои» территории.

О: А еще так интересно, что знакомства обычно происходят либо в интернет, либо уже в какой-то компании общей со знакомыми знакомых. Потому что вот так как бы я на улице к кому-то или даже просто в клубе вот так за стол подсесть не могу.

(девушка, 22 года. Санкт-Петербург, интервью 13)

Этот отрывок сообщает нам о том, что у девушек существует своя площадка для знакомств. Это интернет. Знакомится там проще и безопасней, чем просто на улице. Точно так же свое пространство существует у них и для проведения досуга. Это «тематические» («темные») клубы для геев и лесбиянок. Наиболее важной характеристикой этих площадок является то, что они способствуют преодолению социального исключения — то есть человек, приходя туда, не подвергается никакой дискриминации по признаку своей сексуальной ориентации. Кроме того, гетеросексуальность не является нормой в гей-клубах и на сайтах знакомств. А это, в свою очередь, сигнализирует нам о том, что нормативная гетеросексуальность претерпевает определенные изменения — практически в каждом крупном городе есть возможность посещать площадку, которая подразумевает «нетрадиционную» сексуальную ориентацию.

В пространстве безопасного знакомства и отдыха девушки по умолчанию совершают *каминаут*¹ — т.е. открыто признают свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Связано это с тем, что они изначально знакомятся для интимных отношений с девушкой в интернете и в гей-клубе и им не приходится скрывать свою ориентацию. Мы с Татьяной Барчуновой предлагаем понятие «мягкий каминаут» (Барчунова Т., Парфенова О, в публикации), поскольку специфика интернет-общения и клубного подразумевает возможность иметь гибкую идентичность. То есть, с одной стороны, мои информантки изначально знакомятся для интимных отношений с девушкой в интернете или в гей-клубе и тем самым автоматически причи-

---

¹ Термин *каминаут* является сокращением выражения «coming out of the closet» и в буквальном переводе означает «выход из чулана», «выход из подполья» (Сэджвик, 2002). Совершить «выход из чулана» означает открыто признать свою идентичность как представителя ЛГБТ — сексуальных меньшинств лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

сляют себя к нашей категории ЖСЖ, но при этом они имеют возможность избегать жесткой категоризации внутри своего сообщества и однозначно называть себя «лесбиянкой» или «натуралкой» или как-то еще. То есть появляется возможность манипулировать собственным статусом. «В интернете я лесбиянка» — говорит одна из моих информанток. Но это в данном случае условная метка, нужная для установления контактов с другими ЖСЖ. На практике же такая девушка вполне может демонстрировать, например, бисексуальный сценарий, что позволяет манипулировать своим статусом.

Таким образом, к клубам и интернету девушки в принципе должны относиться одинаково — они считают их удобными площадками: интернет — для знакомства, клуб — для знакомств и отдыха среди «своих». Однако, и в случае с интернетом, и в случае с гей-клубами существуют свои особенности. Рассмотрим их подробнее.

Сфера развлекательных учреждений весьма динамична. Клубы открываются и закрываются, меняют свои названия, переезжают. Но при этом, гей-клубы или, как минимум гей-вечеринки в обычных клубах существуют сегодня практически в каждом крупном городе России. Некоторые заведения имеют плохую репутацию.

И, конечно же, подавляющее большинство развлекательных заведений коммерчески ориентированы. Более ориентированными на конкретные гендерные категории являются клубы для мужчин и женщин альтернативной сексуальности (например, клубы «Точка» и «Наша Зона» в Новосибирске, бывший клуб «Неон» в Красноярске, клуб «Триэль» в Санкт-Петербурге).

Отношение моих информанток к ЛГБТ-клубам колеблется от одобрительного — тогда они считаются пространством, свободным от контроля и подозрений, до негативного — тогда они считаются источником насилия и агрессии. Некоторые из моих собеседниц предпочитают клубы открытым заведениям. Моя собеседница (интервью 6) чувствует себя комфортно в «темном» клубе.

«А в клубах... мне нравится. Такая тусовка. Мне там нравится только потому, что там можно не стесняясь, не оглядываясь на каких-то бабок на лавочке и так далее, просто можно обнять кого-то, поцеловать, там, потанцевать как-то непристойно и так далее. То есть туда пришел, окунулся в эту среду, вышел опять — все, ты уже в обществе совершенно других людей, чем ты, это надо учитывать».

Подобную точку зрения выражена и в другом интервью (интервью 2):

«Привлекает [в «тематических» клубах], наверное, то, что не надо скрываться, никто там не будет приставать: «ой! Мы вам дадим сто рублей, можно с вами сфотографироваться?»

С другой стороны, моя информантка воспринимает ЛГБТ-клубы и другие публичные места, где встречаются представители ЛГБТ, (плешки) как места концентрации сплетен, где все знают друг друга, порой очень близко («все переспали друг с другом») и, следовательно, каждый шаг наблюдается и интерпретируется, то есть фактически контролируется. Таким образом, некоторые из проинтервьюированных мною молодых женщин не чувствуют себя в ЛГБТ-клубах или на плешках комфортно:

Из Интервью 10:

«Туда мы зашли... так это ужасно было все. ...Такая тяжелая давящая обстановка — смотришь — и они вот так все из углов на тебя волком смотрят.. Вот у всех такой злобный взгляд. ...Потом были еще в одном месте, в «Измаиле» [прим. клуб в Красноярске] были... Там более-менее понравилось, но из-за драк я там вообще этого не люблю... Обычно геи начинают скандалить с официантами и администраторами, а лесби — друг другу морды бить» (девушка, 26 лет, Красноярск).

Одна из моих информанток- ЖСЖ воспринимает «темные» клубы и плешки как места для поиска партнеров на одну ночь или как форму искусственного общения.

Из интервью 7:

«В клуб я не хожу. Вообще, в принципе не хожу. То есть... ну, не хожу как-то. Не знаю, мне не хочется туда идти. Потому что... когда я была еще маленькая, да, в этом, я как-то сильно особо не понимала, что вообще происходит, а так просто как-то там... там разврат просто! И все. Ну, там все напиваются, потом там начинают что-то там, какие-то приставания, или что-то там, я не знаю, кто-то кого-то клеит, потом кто-то у кого-то утром просыпается. Ну, и как-то это... грязно что ли. Поэтому я не люблю».

Таким образом, гей — клубы хоть и обладают весомыми преимуществами в глазах моих информанток (там они могут не скрывать свою сексуальную ориентацию, знакомиться, открыто выражать свои чувства к партнерше и т. п.), но при этом у них есть и свои недостатки. Многих девушек не устраивает сама атмосфера гей-клубов и особенности клубной коммуникации («сплетни», «партнер на одну ночь», «приставания» и т. п.).

Что касается интернета, то и здесь есть свои особенности. Казалось бы — это оптимальный вариант при поиске партнера. Но вот как комменти-

рует по моей просьбе одна из информанток современный этап развития интернет-сайтов знакомств:

«Чем больше ты о себе напишешь, тем лучше — к тебе больше доверия. Особенно в гомосексуальной среде. В итоге знакомство даже через интернет, это далеко не полная анонимность. Потому что фотка. И потому, что ты никогда не знаешь, с кем ты говоришь, даже если у него есть фото и прочее, а вы почти сразу начинаете говорить на личные темы. А кто этот человек? Он может быть, кем угодно. Когда мы в среде, мы так или иначе ручаемся друг за друга, даже если мы не знакомы. А кто этот человек «с улицы»? Не выдумал ли он все о себе, чтобы получить какую-то о тебе информацию и завтра передать ее тоже, неизвестно кому?» (девушка, 28 лет, Новосибирск).

Таким образом, интернет-знакомство может таить в себе неопределенные и даже опасные перспективы. Информантка сравнивает это знакомство со «средой», то есть с ЛГБТ-сообществом, члены которого знакомы в реальности — там почти все друг друга знают и могут поручиться. А в интернете знакомство может оказаться «липой» или даже ловушкой. Однако, при этом интернет дарит возможность ознакомиться с кем-то «новеньким», тем, кто не посещает местную ЛГБТ-тусовку или вообще живет в другом городе. Из общения на лесби-форуме (тема: «Где нынче знакомятся?» Дата: 25.01.2010):

Участница 1: *«По поводу знакомств, мне кажется, что в основном знакомятся по интернету, потому что в тусовках все давно друг друга знают, или многие вообще ни на какие тусовки не ходят».*

Участница 2: *«Верно подметили. В тусовках одни и те же лица и если появляется новая девушка, бедненькая не знает как отбиться от повышенного внимания. Это те, кто по раскованней, а стеснительные дома сидят, так что остаётся только интернет».*

И, наконец, приведу еще одну цитату с этого же форума, в которой сформулировано главное отличие интернета от гей-клуба:

Участница 3: *«В инете очень удобно, огромный выбор!!!*

В клубах меньше людей, но как говорится «товар на лицо»».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Как показало мое исследование, наиболее распространенными и безопасными площадками для поиска партнера мои информантки считают интернет-сайты и гей-клубы. Стоит отметить, что большинство информантов для интервью было найдено как раз на таких тематических интернет-сайтах знакомств. Для моих собеседниц знакомится там проще и

безопасней, чем просто на улице. Точно так же свое пространство существует у них одновременно и для знакомства и для проведения досуга. Это «тематические» клубы для геев и лесбиянок. Благодаря этим сравнительно новым коммуникативным площадкам у представителей ЛГБТ появилась возможность знакомиться и общаться на «своей» территории. Они уже не подвергаются социальному исключению, приходя в «свой» клуб, в котором гетеросексуальность не является доминирующей нормой. Это, в свою очередь, приводит к трансформации норм сексуальной ориентации и поведения.

К клубам и интернету мои информатки в принципе относятся одинаково — они считают их удобными площадками: интернет — для знакомства, клуб — для знакомств и отдыха среди «своих». Большинство интервью содержат сценарии поиска партнеров именно в этих двух пространствах. При этом каждая из этих двух площадок имеет свои особенности. Гей-клубы позволяют увидеть «товар лицом». Но при этом сама атмосфера клуба, в котором многие друг друга знают, потому что являются завсегдатаями, а на новичка «набрасываются», может не нравиться многим ЖСЖ. Что касается интернета, то и здесь все не так однозначно. С одной стороны интернет-знакомства позволяют «раздвинуть границы» — познакомиться с человеком из другого города или даже страны или расширить «выборку», включив туда тех, кто не посещает местные гей-клубы. С другой стороны, интернет-коммуникации несут дополнительные риски, поскольку на стадии знакомства никогда нельзя знать наверняка, кто скрывается за анкетой.

Библиография

- Барчунова Т., Парфенова О. Shift-F2: Интернет-фактор, масс-медиа и интимное поведение молодых сибирячек (в публикации, журнал социальных исследований *Laboratorium*)
- Доклад (2009). Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации, Кочетков И., Кириченко К., Московская Хельсинкская группа.
- Здравомыслова Е, Темкина А. (2007а). От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография, СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, стр. 213-227.
- Здравомыслова Е, Темкина А. (2007 б). Советский этакратический гендерный порядок. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллектив-

ная монография, СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, стр. 96-138.

- Кон И.С. (1997). Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.
- Кон И.С. (1998). Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М.
- Laurie Essig (1999a). *Queer in Russia, A Story of Sex, Self, and the Other*, Duke University Press,
- Laurie Essig (1999b). *Publisly Queer: Representations of Queer Subjects and Subjectivities in the Absence of Identity/Consuming Russia Popular Culture, sex and society since Gorbachev*, Duke University Press.
- **СМИ и другие источники:**
- Русская Православная церковь выступила против гей-парада в Москве (источник: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=12533>). Опубликовано: 20.03.2007 14:38 . Время доступа: 15.04.2010
- Die Tageszeitung: в России нетерпимость стала государственной доктриной (Опубликовано: 29 мая 2006 г.,15:06 <http://www.newsru.com/russia/29may2006/taz.html>). Время доступа: 17.04.2010
- www.girlzzz.info/forum (Лесби сайт, рассказы лесбиянок, лесби фильмы, лесби форум, знакомства)

Особенности организации заботы о беременных в российских женских консультациях

Монополизация определенной области универсального знания, высокий уровень стандартизации всех процедур, предпочтение рационального решения эмоциональным суждениям — эти черты являются знаковыми для определения какого-либо вида деятельности в качестве профессии. Однако в современном обществе существует ряд сфер, где от профессионала ожидается не только особая компетентность, но и проявление сочувствия к клиенту, заботливое отношение к нему/к ней. Одной из областей, где забота воспринимается в качестве составляющей профессионализма, выступает медицина.

Настоящая статья направлена на рассмотрение одной из самых чувствительных (а следовательно, и в большей степени требующей заботливого отношения) сфер оказания медицинской помощи — амбулаторного наблюдения беременных. При этом нас будут интересовать ответы на следующие вопросы. Что говорится о врачебной заботе в отечественной литературе по медицинской деонтологии и медицинской этике? Что представляет собой врачебная забота с точки зрения самих докторов и их пациенток? Каковы возможности для практической реализации заботы со стороны врачей в условиях российской системы репродуктивной медицины?

Эмпирическую основу данной работы составляют фокусированные интервью с шестью врачами акушерами-гинекологами и тридцатью беременными/ недавно родившими женщинами¹. Беседы с ними проходили в г. Волгограде в январе 2008 г. и в мае-августе 2009 г. Выбор информанток определялся доступом в одну из женских консультаций Волгограда (6 интервью с врачами и 17 интервью с пациентками), а также осуществлялся по социальным сетям автора исследования (13 интервью с пациентками).

¹ К участию в исследовании были привлечены те женщины, которые пережили опыт беременности после декабря 2006 года, т. е. после начала реформ в сфере отечественного репродуктивного здравоохранения и после введения родовых сертификатов.

Теоретическая рамка статьи задана социологическими и политико-философскими текстами феминистской направленности, посвященными изучению отношений заботы, и в частности, работами Хилари Грэхэм (Graham, 1991; 1993), Джоан Тронто (Tronto, 1993) и Вирджинии Хэлд (Held, 2006).

Статья состоит из трех разделов. В первом разделе раскрываются общие теоретические положения, описывающие суть феминистского взгляда на феномен заботы. Во втором разделе рассматривается то, как данное понимание заботы соотносится с требованиями, предъявляемыми к врачам в рамках медицинской деонтологии. Третий раздел включает в себе попытку проанализировать возможность практической реализации врачебной заботы в условиях российской женской консультации.

ОПРЕДЕЛЯ ЗАБОТУ: ЭТИКА ЗАБОТЫ В ФЕМИНИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.

Несмотря на ту большую роль, которую отношения заботы играют в жизни людей, этот феномен стал предметом научного изучения сравнительно недавно — в конце 70-х — начале 80-х г.г. прошлого века. Внимание к заботе как социальному явлению было связано, прежде всего, с развитием феминистских исследований, сфокусированных на анализе приватной жизни и тех (женских) опытов, которые до сих пор не были отражены в рамках *male-stream* социологии. При этом феминистскими авторами были разработаны несколько различных подходов к пониманию того, что представляет собой забота.

Первые попытки определения заботы, предложенные английскими социологами феминистской ориентации (Finch and Groves, 1980; Ungerson, 1987; Graham, 1991), соотносили это явление с неоплачиваемым женским трудом, который реализуется в приватной сфере и является одним из залогов угнетения «второго» пола. Понятие заботы раскрывалось данными авторами через следующий набор отличительных черт. Во-первых, забота — это деятельность, осуществляемая в пределах дома (специфического пространства заботы). Во-вторых, забота связана с определенным типом социальных отношений, а именно, с эмоционально вовлеченными отношениями родства (возможно, дружбы) между лицом, реализующим заботу, и ее/его подопечными. В-третьих, забота — это гендерно специфичная деятельность, исполняемая практически исключительно женщинами. Она соотносится с нормативными гендерными ролями матери и жены и отражает структуру разделения труда в обществе в целом, когда мужчине отводится сфера производства, а женщине — воспроизводства (в данном случае воспроизводства семейных отношений).

Другой подход к пониманию заботы, на который мы и будем в основном ориентироваться в настоящей статье, связан с более «позитивным» представлением о данном феномене. Учеными, пишущими в рамках этой традиции, забота интерпретировалась не в категориях работы и нагрузки, но, прежде всего, как особая этика и форма проявления справедливости. В качестве отправной точки для данного направления исследований можно назвать работы феминистски ориентированных психологов Нэнси Ходоров (Ходоров, 2000) и Кэрол Гиллиган (Гиллиган, 1992). Каждая из них по-своему стремилась переосмыслить бытовавшие представления о становлении женской психики и показать, что ее отличия от мужского образца подразумевают не ущербность, но иной путь морального развития. Внимание к другому, доверие, привязанность, акцент на сотрудничестве — вот те черты, которые, согласно данным авторам, соответствуют женскому взгляду на мир и которые, по мнению их последователей, могут быть объединены под названием этики заботы.

Особенность данной этики заключается в том, что она основывается не на абстрактных моральных принципах, адресованных унифицированному субъекту, а на внимании к конкретным другим и специфике их жизненных ситуаций. В рамках этого подхода мужскому идеалу автономии и соревновательности противопоставляется идеал заботы как чего-то, что связывает людей в единую сеть взаимозависимости и позволяет обществу существовать. Сам феномен заботы при этом понимается через обращение к следующей совокупности характеристик:

восприятие другого в качестве уникальной и значимой личности, взятой во всей ее целостности;

неусыпное внимание к нуждам и потребностям этой личности, готовность нести ответственность за ее благополучие;

акцент на конкретных других и локальных контекстах, в которых разворачиваются отношения с ними; уход от универсальных правил и абстрактных моральных суждений;

эмоции (симпатия, сочувствие и т. п.) как важная составляющая заботы (Held, 2006: 10-11).

В рамках данного подхода, в отличие от предыдущего, сфера реализации заботы не ограничивается приватным пространством дома и семьи. Напротив, авторы, работающие в традиции этики заботы, полагают, что забота *всегда уже* включена в публичное пространство, а само выделение приватной сферы как особой области реализации отношений заботы условно и представляет собой продукт патриархатного взгляда на

мир (Held, 2006:14). В результате одно из ключевых направлений исследования заботы оказывается связано с изучением того, как она проявляется в публичной сфере, например, в ходе принятия судебных решений (Sevenhuijsen, 1998) или, как в интересующем нас случае, в профессиональной деятельности врачей.

В следующем разделе мы постараемся рассмотреть то, как феминистское понимание заботы соотносится с положениями отечественной медицинской деонтологии, а также с представлениями акушеров-гинекологов и их пациенток о врачебной практике.

ЗАБОТА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА: ТРЕБОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕОНТОЛОГИИ И ПРАКТИКА РАБОТЫ АКУШЕРОВ-ГИНЕКОЛОГОВ.

Начиная разговор о заботе как составляющей медицинской этики, следует отметить, что в отечественной традиции вплоть до 90-х годов прошлого века более распространенным термином для описания моральных обязанностей и правил поведения медработников являлось понятие медицинской деонтологии. В широком смысле под ней подразумевалось учение о врачебном долге, долге перед больными, перед коллегами, перед страной и человечеством (Эльгаров, 1985: 3).

Не смотря на то, что в ряде текстов понятие «медицинская деонтология» используется как синонимичное понятию «медицинская этика», между этими категориями существует ряд различий весьма значимых для настоящего исследования. Прежде всего, следует отметить, что термин «медицинская деонтология» был введен в научный оборот в первые десятилетия существования Советского Союза в качестве альтернативы «буржуазной» медицинской этике. Таким образом, медицинская деонтология была призвана стать учением о морали советского врача как отличающейся от морали западных специалистов, ориентированной в первую очередь на защиту сословных и личных интересов самих докторов (Петров, 1956: 12; Яровинский, 1999: 23).

Помимо этого идеологического отличия между медицинской этикой и медицинской деонтологией может быть выделена и другая, существенная разница: если первая отсылает нас к совокупности принципов поведения медработника, закрепленных в профессиональных кодексах (Яровинский, 1999: 29; Zussman, 1994:11), то вторая апеллирует, прежде всего, к личности эксперта, к тому, какими качествами врач должен обладать, чтобы принимать верные решения в разнообразных и уникальных ситуациях.

Обращаясь к отечественным руководствам по медицинской деонтологии, мы можем увидеть, что в них подчеркивается невозможность созда-

ния унифицированного свода моральных правил, которым подчинялась бы профессиональная деятельность докторов. Авторы пособий (в большинстве своем сами практикующие медики) отмечают, что в условиях специфичности каждого случая, каждого больного, верная линия поведения должна быть выбрана врачом на основании пристального внимания к ситуации здесь и сейчас.

Врач не может осуществлять свои функции, подобно работнику прилавка, руководствуясь только принципами: не обмани, не укради, будь вежлив с покупателями. Его общение с пациентами крайне сложно и многообразно, ему приходится в каждом случае индивидуализировать и принимать ответственные решения, так как он сталкивается с судьбами людей, к которым не имеет права оставаться равнодушным (Кассирский, 1995: 24).

В этом смысле, отечественная медицинская деонтология требует от специалиста обретения глубокого и разнообразного контекстуального знания о каждом из ее/его пациентов (знания не только об особенностях их здоровья, но едва ли не обо всех сторонах жизни). Следование же стандартным схемам и универсальным нормам морально не одобряется, воспринимается как признак «плохого» врача. Как писал по этому поводу академик АМН СССР Иосиф Кассирский: «Схемы нужны только плохим врачам» (Кассирский, 1995: 108).

В подобной ситуации требования, предъявляемые к медицинскому работнику, оказываются связаны не со следованием определенному набору базовых принципов (которые могут не соответствовать контексту конкретной ситуации), а с выработкой у себя определенных качеств, которые позволяли бы врачу принимать верное решение в каждом из уникальных случаев. Можно сказать, что советская медицинская деонтология представляет собой, скорее, мораль добродетели, чем мораль закона. Она не предполагает набора основных правил, не утверждает то, какой способ действий будет верным в ситуации определенного типа. Вместо этого ее положения говорят о том, каким должен быть сам врач, чтобы правильно поступать в тех или иных специфических обстоятельствах.

В первую очередь к числу таких требуемых от врача качеств относится его/ее эмоциональная вовлеченность в ситуацию соприсутствия с пациентом, безразличное отношение к человеку, пришедшему на прием. Ожидается, что специалист помогает больному не только исходя из профессионального долга, но и из своего личного желания помочь конкретному другому. Профессиональная консультация врача рассматривается здесь не

просто в качестве оказания определенной услуги, но в качестве проявления заботы о пациенте как об уникальной и значимой личности.

Прежде всего больному необходимо видеть постоянное и искреннее желание врача оказать необходимую помощь. Он высоко ценит время, отданное ему врачом. Чуткое отношение персонала, дружелюбную атмосферу в лечебном учреждении (Ахтамов, Саакова, 1984: 5).

...важно, чтобы хирурги становились полноценными врачами, т. е. брали на себя все заботы по лечению не только тела, но и психики своих пациентов, посвящали бы им не только всю полноту своих знаний, но и свои лучшие душевные движения и свои доброжелательные заботы (Петров, 1956: 6)

Еще одним важным качеством врача в руководствах по медицинской деонтологии называется чуткость, связанная с доброжелательным вниманием к индивидуальному случаю каждого пациента, с умением отслеживать ситуацию и вырабатывать опытное знание об особенностях данного заболевания у данного человека. Подобная чуткость становится основанием для врачебной интуиции, понимаемой как «*умение всматриваться, непосредственное знание, чутье, пронизательность, основанные на индуктивном опыте*» (Кассирский, 1995: 107).

Таким образом, «хороший врач» воспринимается как человек, реализующий свою профессиональную деятельность не столько исходя из формальных предписаний и имеющихся у него/у нее универсальных научных знаний, сколько через ориентацию на особенности конкретного больного, на выработку опытного знания о данном специфическом случае, а также через личную заинтересованность в выздоровлении пациента.

В связи с таким акцентом на ситуации соприсутствия врача и пациента особое место в отечественных текстах по медицинской деонтологии уделяется вопросу о коммуникативных навыках докторов. Врач как тот, кто лечит словом — этот мотив является повторяющимся для работ о врачебном долге. Умение успокоить больного, создать доброжелательную атмосферу общения — все это рассматривается в качестве залога формирования доверительных отношений между медицинским работником и пациентом. Об этом читаем в одном из руководств по медицинской деонтологии:

Врач должен уметь держаться просто, говорить ясно, спокойно, сдержанно и без видимых усилий расположить к себе больных — во всем быть естественным и красивым (Сук, 1984: 47).

Начиная с 90-х годов прошлого века по мере ухода от советского наследия и интеграции страны в международное сообщество, риторика

медицинской деонтологии в руководствах для медицинского персонала стала сменяться риторикой медицинской этики или биоэтики (Яровинский, 1999: 29). Однако, если обратиться к высказываниям информанток, принимавших участие в нашем исследовании, мы можем заметить, что их представления о «хорошем» и «плохом» врачи соответствуют идеям, изложенным в советских книгах по медицинской деонтологии.

Так, врач акушер-гинеколог с сорокалетним стажем, рассказывая об особенностях своего профессионального труда, делает акцент на ситуации соприсутствия с пациенткой и на значении коммуникативных навыков для успешного взаимодействия с женщиной. Ключевую роль при этом играет категория «внимание». Она интерпретируется как эмоциональная вовлеченность врача в беседу с беременной, умение прислушиваться к потребностям конкретной пациентки, понимать ее и создавать комфортную атмосферу общения. Тесно связанной с категорией «внимание» видится категория «врачебный опыт». Под ним подразумевается субъективное практическое знание, накопленное специалистом за годы работы в женской консультации. Именно этот опыт должен, по мнению гинеколога, подсказать, как именно следует строить интеракцию с данной беременной.

«Ну, надо быть хорошим врачом, чтобы просто нравиться. Ну, чисто человеческий фактор, да. Это всё-таки присутствие (неразб.) больной, которая перешла через порог, вот я, например, так считаю. Если вот будешь относиться с симпатией к больной, больная любая, даже с твердой кожей, да, она всё-таки это почувствует. Когда к ней с заботой, с вниманием, не обязательно сюсюканье, я хочу сказать, но просто нормальное, доброе, хорошее лицо, внимание... вот... эээ... Ну, вот внимание, наверное, внимание, на самом деле, дорогого стоит. Вот ничего не упустили, на всё обратили внимание. Больному это нравится. Сделали какие-то шаги по поводу ее жалоб, ей стало лучше. Закрепляется положительный эффект доверия, правда же? [...] внимание им нравится. Когда слушаешь, а не пишешь, когда говоришь добрыми хорошими словами. Ну, некоторые любят, которые называешь: «Зайчик, как ты себя чувствуешь?» Некоторым фамильярность не нравится, да. Поэтому... а у тебя врачебный вот как бы опыт должен подсказывать, вот что ей нравится» (Елизавета Петровна, 63 года).

Пациентки, описывая «хорошего» врача, также делают акцент на комфортной межличностной коммуникации с профессионалом. При этом, особое значение для женщины имеет готовность специалиста прийти ей на помощь в любую минуту. Таким образом «хорошим» доктором оказыва-

ется тот, кто постоянно прислушивается к беременной и готов незамедлительно отреагировать (как на уровне медицинских рекомендаций, так и на уровне эмоциональной поддержки) на любое изменение в ее состоянии.

«Но они [врачи] молодцы, мне нравится. Очень хороший персонал, что не покидают в трудную минуту, всегда поддерживают, в любой стрессовой ситуации. Всегда можно в любой момент зайти, если вдруг что-то не так, спросить — они всегда поддержат. Всегда и словом... даже не делом иногда. А просто иногда так важно, когда тебе просто, ну, словом подбадривают и говорят приятные вещи для тебя, и ты уже их на малыша так откладываешь. Прекрасно» (Эльвира, 25 лет).

В то же время, обратившись к рассказам пациенток о «плохих» врачах (эмный термин), мы в первую очередь столкнемся именно со случаями, когда гинеколог, взаимодействуя с беременной, учитывал не специфику ее индивидуального состояния, но некие общие нормы. Беременная рассчитывает, что рекомендации врача будут даваться лично ей, а не всем пациенткам вообще. В случае же, если специалист следует, скорее, стандартным схемам, пациентка теряет доверие к доктору и перестает следовать его/ее рекомендациям.

«У меня только по поводу лекарств было. Потому что они выписывали очень много лекарств, они не делали специальных анализов, что там мне недостает железа или еще магний. Они выписывали всем одно и то же. И поэтому выходило даже, что в день надо было выпивать... Два-три раза в день выпивать до семи-десяти таблеток. Они ничего не отменяли, а назначали, и назначали. Поэтому я уже стала отказываться сама, уже по ситуации смотрела — либо одно пила, либо другое пила» (Екатерина, 24 года).

Таким образом, мы можем заметить, что как медицинская деонтология, долгие годы определявшая моральные требования к врачу, так и рассказы наших информанток, по сути ориентированные на это учение, во многом соотносятся с феминистскими идеями об этике заботы, изложенными в первом разделе настоящей статьи. Требования к медицинскому профессионалу, представленные в руководствах по медицинской деонтологии и разделяемые как самими специалистами, так и их пациентками, позволяют нам сформулировать следующие составляющие заботы как части профессиональной деятельности врача акушера-гинеколога:

восприятие женщины, пришедшей на прием как конкретной личности, которая не может быть сведена лишь к беременному телу;

стремление врача наладить с этой женщиной эмоционально окрашенную коммуникацию, создать доброжелательную атмосферу в ходе приема;

внимание к словам пациентки как основной метод понимания ее потребностей и способ установления успешной интеракции; ориентация на диалог, производство профессионального суждения с учетом практических знаний пациентки о своем организме и, в целом, об особенностях своей жизненной ситуации;

акцент на контекстуальности, специфике данного случая.

При этом следует отметить возникновение определенного парадокса: ведь если на уровне моральных требований к врачу господствует этика заботы, то на уровне институциональной организации профессиональной деятельности медработников приоритет отдается универсальным правилам, кодексам и нормативам. В следующем разделе настоящей статьи мы постараемся рассмотреть, как на практике в рамках работы отечественной женской консультации возможно совмещение этих двух порядков.

ЗАБОТА О БЕРЕМЕННЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ.

Основными медицинскими учреждениями, где российская беременная может получить амбулаторную акушерско-гинекологическую помощь, являются государственные женские консультации. Структурно они относятся либо к районной поликлинике, либо составляют единый комплекс с родильным домом. Оказание врачебной помощи в таких консультациях организовано по территориальному принципу. Это подразумевает, что женщина, проживающая по определенному адресу, прикрепляется к конкретному участку в рамках женской консультации. Прием на этом участке ведут врач-гинеколог и акушерка. Обязанности врача заключаются в осмотре пациентки, постановке диагноза, назначении лечения, а также в контроле его успешности. Акушерка же выступает в качестве помощника доктора: она готовит инструменты, медицинскую документацию, измеряет артериальное давление беременным и т. п. В идеале, на протяжении всей беременности и в послеродовом периоде наблюдение женщины осуществляет один и тот же участковый врач.

Подобный принцип организации консультаций представляется весьма важным для интересующего нас вопроса о месте заботы в профессиональной деятельности специалиста-медика. Так, в западной феминистской критике одним из наиболее проблематизируемых пунктов выступает «конвейерный» принцип работы врача, при котором пациентка посещает не одного и того же доктора на протяжении всей беременности, но каждый раз взаимодействует с новым специалистом. Авторы подчеркивают, что подобные эпизодические столкновения не дают возможности сформироваться межличностным отношениям между врачом и пациенткой. Для

гинеколога, который видит женщину первый и последний раз, всё многообразие ее специфического опыта сводится к изложенному в научных терминах диагнозу.

В отечественном репродуктивном здравоохранении, как мы видим, в этом смысле сложилась более благоприятная ситуация. Нормальным считается, если женщина посещает одного специалиста на протяжении всех девяти месяцев. Более того, в значительной части случаев участковый гинеколог оказывается знаком ей и до беременности, т. к. этот врач также отвечает за лечение гинекологических больных и проф. осмотры женщин, живущих на подведомственной ему территории. Таким образом, некоторые пациентки, забеременев, приходят к врачу, который уже многое знает о них.

В качестве примера позитивного восприятия пациентками такой организации труда гинеколога, а также формирования доверия к участковому врачу, можно привести историю одной из наших информанток, Эльвиры (25 лет). У нее с детства было серьезное искривление позвоночника, которое впоследствии стало фактором, сильно осложняющим течение беременности и приведшим к семи вынужденным абортam. Все их Эльвира пережила вместе с одним и тем же участковым врачом. В результате, как отмечает сама женщина, за годы знакомства у нее сложился эмоциональный контакт с гинекологом, которая небезразлично относится к судьбе своей пациентки.

Также Эльвира особо подчеркнула, что продолжительный опыт взаимодействия позволил специалисту накопить практическое знание о специфике именно ее состояния. В свете этого, информантка не испытывает желания обращаться к другим врачам, которых ей рекомендуют в качестве «хороших», ведь новый доктор не будет в курсе особенностей ее конкретной ситуации. Вот как Эльвира высказывается по этому поводу:

«Я, может быть, с детства привыкла, что я в одной поликлинике. То есть это врачи, с которыми я уже на протяжении определенного времени уже сложила какой-то, да, портрет о себе и о них. Потому что по месту жительства я считаю, что мне окажут, ну, на мой взгляд, мне окажут большую помощь, чем если я поеду куда-то там, отдам какие-то деньги, либо по договоренности, сами знаете, как сейчас. [...] А когда врач знает меня действительно с детства, да, знает мои болячки, ему легче, как сказать, в трудную минуту сразу быстро среагировать, что нужно делать» (Эльвира, 25 лет).

Однако вполне ясно, что наличие подобной системы далеко не всегда гарантирует формирование отношений заботы между врачом и пациен-

ткой. Во-первых, могут возникать случаи, когда врачи на одном участке часто меняются и не успевают хорошо познакомиться с пациенткой, вникнуть в ее ситуацию. Во-вторых, очевидно, что появление межличностного контакта с врачом не может быть гарантировано даже длительным сроком регулярного посещения гинеколога.

Тот факт, что женщину по различным причинам может не устраивать ее участковый гинеколог, был учтен на законодательном уровне. В 2006 году после вступления в силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ N 701 от 28 ноября 2005 г. «О родовом сертификате» беременные получили право выбирать женскую консультацию и врача. Что касается женских консультаций, то они стали получать от государства оплату за каждую, состоящую у них на учете, беременную.

Если продолжать тему значения темпорального фактора для формирования отношений заботы между врачом и пациенткой, то стоит обратиться и к другому ее измерению — принять в расчет не только весь срок взаимодействия с гинекологом, но и длительность каждого конкретного визита. И здесь, надо заметить, мы сталкиваемся с проблемой, о которой говорят и доктора, и наблюдаемые ими женщины.

Во-первых, время, отводимое на прием одной пациентки, в принципе, невелико и составляет, в среднем, 12-15 минут (предполагается, что в течение рабочего дня врач должен принять 30 посетительниц). Во-вторых, кроме непосредственного взаимодействия с пациенткой доктору приходится тратить массу времени на заполнение медицинских карточек и ведение журналов учета. В результате одним из повторяющихся мотивов в интервью участковых гинекологов, является жалоба относительно нехватки времени на полноценный, качественный прием каждой пациентки. В частности, об этом нам говорит Ольга Игоревна (33 года), акушер-гинеколог с шестилетним стажем работы в женской консультации:

«А времени, на самом деле, катастрофически не хватает. Потому что существуют определенные здесь правила внутренние, да, то есть вот поликлиника дает внутренний какой-то устав, указ. И в результате страдаем и мы, и женщины, которые стоят в коридоре. То есть, допустим, у нас прием по записи, и на каждого человека выделяется пятнадцать минут. Это тяжело. [...] Ну, не хватает, конечно. Очень много журналов, в которых нужно... после одно человека нужно занести в три, в четыре журнала. Очень большие анализы, бывает в разные лаборатории. То есть нужно объяснить, что это так, это так. Но действительно мы все это

объясняем. И очень много писанины, нежели работы с пациентами» (Ольга Игоревна, 33 года).

Как отметила в интервью гинеколог Екатерина Алексеевна (45 лет), на прием одной беременной у нее уходит минимум полчаса. Очевидным следствием подобного несоответствия нормативных постановлений реальному положению дел становится возникновение очереди к врачу. Самим же докторам из-за этого приходится регулярно задерживаться после официального окончания своего рабочего дня, продлевая прием на час или полтора.

Еще одним фактором, усугубляющим ситуацию с недостатком времени, является то, что не все врачи ведут прием совместно с акушеркой. Большинство докторов, с которыми были проведены беседы, отмечают острую нехватку в консультации младшего мед.персонала. Таким образом, если гинеколог ведет прием одна, на ее плечи также ложится нагрузка по заполнению всей документации, подготовке инструмента, оформлению направлений на анализы и многому другому. В результате, длительность приема в 12-15 минут становится уже вовсе недостижимым идеалом.

Единственная возможность уложиться в жесткие временные рамки связана для врача с максимальной стандартизацией всех действий, а также (как это ни печально) со стандартизацией самой коммуникации с пациентами. Обратив внимание на то, как информантки описывают типичный прием у гинеколога, мы увидим на редкость схожую картину: одинаковая последовательность измерительных процедур, плюс возможные назначения. Беседа же между женщиной и врачом в ситуации физиологического протекания беременности сводится к обмену универсальными фразами: «Как Вы себя чувствуете?» — «Отлично я себя чувствую». В качестве примера подобного подхода мы можем взять рассказ о визите к акушеру-гинекологу, предложенный одной из наших информанток, Зоей (36 лет).

«Ну, как взвешивают, меряют давление, анализы смотрит врач. И собственно говоря, всё. Десять — пятнадцать минут. Ну, у меня, слава Богу, всё в порядке — никаких ни патологий, ни отклонений нет. Поэтому всё очень быстро происходит» (Зоя, 36 лет).

Таким образом, принцип организации работы отечественных женских консультаций, скорее, препятствует, чем способствует формированию столь важных для эффективного лечения отношений заботы. Ключевыми составляющими последней являются эмоционально окрашенный личностный контакт пациента с врачом, а также наличие у специалиста опытного знания о специфике случая конкретной беременной. Формирование двух

этих элементов крайне затруднительно в условиях, когда время, отводимое на прием одной женщины, ограничено так, что доктор даже при желании не может себе позволить тратить его на продолжительную коммуникацию с беременной.

Законодательно закрепленные принципы преемственности в ведении беременности и право женщины на выбор врача, по идее, должны были способствовать развитию составляющей заботы в профессиональной деятельности гинеколога. Однако это происходит далеко не во всех случаях. Нереалистичный план приема больных, большое количество «бумажной работы», нехватка младшего медперсонала, а так же общая перегруженность врачей практически не оставляют возможности для общения с пациентками, для предоставления каждой из них достаточного внимания со стороны специалиста.

Литература

- Ахтамов М.А., Саакова С.С. (1984) Врачебная этика и медицинская деонтология. Ташкент: Издательство «Медицина».
- Гиллиган К. (1992) Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин. М.: Республика.
- Кассирский И.А. (1995) О врачевании. М.: «Аслан».
- Петров Н.Н. (1956) Вопросы хирургической деонтологии. Л.: Медгиз.
- Сук И.С. (1984) Врач как личность. М.: Медицина.
- Ходоров Н. (2000) Психодинамика семьи, в: Е. Здравомыслова и А. Темкина (ред.) // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: Дмитрий Буланин, 140-166
- Эльгаров А.А. (1985) Медицинская этика и деонтология. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет.
- Яровинский М.Я. (1999) Лекции по курсу «Медицинская этика». М.: «Медицина».
- Finch, J., Groves, D. (1980) Community Care and the Family: a Case for Equal Opportunities ? Journal of Social Policy 9 (4): 487–514.
- Graham H. (1991) The Concept of Caring n Feminist Research: the Case of Domestic Service. Sociology 25 (1): 61-78.
- Held V. (2006) The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. New York: Oxford University Press.
- Sevenhuijsen S. (1998) Citizenship and the Ethics of Care: Feminist Considerations about Justice, Morality and Politics. London: Routledge.

- Tronto J.C. (1993) *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge.
- Ungerson C. (1987) *Policy is Personal: Sex, Gender and Informal Care*. London: Tavistock.
- Zussman R. (1994) *Intensive Care: Medical Ethics and the Medical Profession*. Chicago: University of Chicago Press.

Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения: «Что такое гражданский брак?»

Западные и российские исследователи обращают внимание на то, что распространение практики сожительства (то есть совместного проживания, ведения общего хозяйства мужчиной и женщиной без регистрации брака) является свидетельством фундаментальных сдвигов в организации приватной сферы, подразумевающих изменение ролей мужчин и женщин не только в организации интимности и приватности, но и в публичной жизни. Союзы такого типа могут рассматриваться индикаторами трансформации гендерного порядка как такового. Если в России еще 15-20 лет назад гражданские браки были достаточно маргинальным явлением, то в 2000-х практика сожительства стала вполне конвенциональной для представителей городского среднего класса. Данная статья имеет целью проанализировать представления повседневных деятелей о том, что такое «гражданский брак», описать феноменологию «гражданского брака», выделив те смыслы, которые приписываются этому явлению, а также исходя из этого объяснить изменения в организации интимности, характерные для современного российского общества.

Научная терминология предлагает целый спектр понятий для обозначения незарегистрированных интимных союзов. Исследователи спорят о том, какие критерии использовать для выделения брака и альтернативных союзов. Как показывает Сергей Захаров, западные специалисты, избегают использования словосочетания «незарегистрированный брак», поскольку брак однозначно трактуется как зарегистрированный (Захаров, 2007: 89). Они сходятся на том, что сегодня релевантность для выделения интимных союзов утратил не только критерий официальной регистрации, но даже критерий совместного проживания и наличия общего хозяйства. Значимость имеют только сексуальная основа союза (как правило, но необязательно, подразумевающая сексуальные отно-

шения с одним партнером) и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого — ощущение себя «парой». В англоязычной литературе для обозначения альтернативных интимных союзов используются такие термины, как «intimate relationships» (интимные отношения), «partnership» (партнерство), «couple» (пара), «cohabitation» (сожительство), «consensual union» (союз по согласию). Эти термины часто используются как синонимы, они подразумевают то, что сожительство представляет собой континуум отношений. В этот континуум попадают как пары, ведущие общие хозяйство, имеющие интимные отношения и общих детей (и фактически ни чем не отличающиеся от традиционного зарегистрированного брака), так и такие формы отношений, как гостевой брак (“living apart together” — LAT, отношения, в которых партнеры проводят совместно время, но не ведут общего хозяйства), шпагатный брак (отношения при которых партнеры живут в разных странах/регионах, встречаясь время от времени, часто на «нейтральной территории») и те союзы, которые состоящими в них рассматриваются не как более ли менее тождественные браку, а как прямая альтернатива браку, называть которые «гражданским браком» становится некорректно (Seltzer, 2000; Вовк, 2005; Захаров, 2006; Клецин, 1994). При этом исследователи подразумевают, что интимные союзы не являются стабильными, раз и навсегда заданными, они могут изменяться с течением времени. Например, гостевой брак может постепенно перерасти в сожительство, а затем при определенных условиях, стать официально зарегистрированным браком (Seltzer, 2000).

Применительно к российскому контексту социолог Елена Вовк, отмечает, что в русском языке слова «сожительство», «партнер», «интимные отношения» имеют привкус непристойности или протокола, и предлагает использовать такие термины, как «близкие интимные отношения», «интимный союз», «пара» (Вовк, 2005). Демограф Сергей Захаров вводит термин «партнерство», как наиболее уместный в данном случае и объединяющий континуум отношений добровольных союзов (кроме брака) (Захаров, 2006). В исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (НИСП, 2004) также использовалась категория партнерства. При этом под партнером подразумевался человек, с которым связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие наличие сексуальной близости (Захаров, 2007: 90). Вслед за российскими демографами, мы будем предпочтительно использовать термин «партнерство» для обозначения незарегистрированных союзов, принимая во внимание терминологию

гическое разнообразие сложившееся в связи с данной исследовательской проблематикой¹.

«ГРАЖДАНСКИЙ БРАК»: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Большинство исследователей указывают на существенные изменения в сфере организации близких личных отношений, сексуальности и деторождения, произошедшие в последние десятилетия в России и на Западе (Вовк, 2005; Захаров, 2006; Голод, 2008; Данилова, 2009; Кузьмина, 2008; Гидденс, 2004; Matysiak, 2009; Seltzer, 2000; Teachman, 2003 и др.). Свидетельствами этих изменения является распространение практики сожительства, гостевых браков (living together apart), отставленного родительства, рост числа разводов, увеличение числа людей, сознательно выбирающих бездетность и/или одиночество (single). Российский демограф Сергей Захаров обозначил данный процесс как «тихую революцию» сере-

¹ Статья написана на материалах интервью собранных в рамках проекта Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения: «Что такое гражданский брак», Фонд Белля, 2009. Всего в рамках проекта было собрано 21 интервью, которые были посвящены организации повседневной жизни, досуга, способам разделения домашнего труда, взаимоотношениям в паре. Респондентами выступали молодые люди, представители среднего класса, жители Санкт-Петербурга, проживающие в гетеросексуальном незарегистрированном союзе. Методика исследования предполагала интервьюирование обоих партнеров в паре. При этом каждый партнер был проинтервьюирован отдельно. Таким образом, всего было опрошено 10 гетеросексуальных пар, ведущих общее хозяйство и имеющих близкие интимные отношения. Основными критериями выборки информантов служили следующие параметры: возраст (от 20 до 30 лет), образование (незаконченное высшее, высшее), стаж совместного проживания (от 6 мес, верхняя граница периода совместного проживания не была жестко ограничена). Поскольку исследование было направлено на выявление разных типов совместной жизни вне официально зарегистрированных браков, были использованы дополнительные критерии, связанные с социально-демографическими характеристиками партнеров (разные возраста, приезжие/родившиеся в Ленинграде), а также типами совместного проживания (проживающие с родителями, родственниками/проживающие раздельно, имеющие собственное жилье, или снимающие его, планирующие заключить брак в ближайшем будущем/планирующие заключить брак в неопределенном будущем/не планирующие заключение брака, имеющие совместных детей/бездетные пары). Дополнительно в массив данных было включено интервью с респонденткой более старшей возрастной когорты (40 лет), проживающей 11 лет в гражданском браке и имеющей с партнером двух совместных детей (м, 11 лет; д. 2 года). Последнее интервью было использовано в исследовании для того, чтобы попытаться понять различия в организации приватной сферы молодых респондентов и представителей более старшего возраста.

дины 1990-х годов, подразумевая под этим термином целый ряд явлений в области репродукции от повышения возраста вступления в брак и сокращения числа ранних браков до почти полного исчезновения незапланированных беременностей. (Захаров 2007; 82-87). Таким образом, демографы называют значимыми признаками второго демографического перехода распространение совместного проживания без регистрации отношений, а также увеличение доли рожденных детей вне зарегистрированного брака. Высказывается предположение о том, что в середине 1990-х годов заканчивается «золотой век» традиционного брака в России (Захаров, 2007).

В российском контексте обсуждение данной тенденции не является ценностно-нейтральным. Если одни исследователи явно или косвенно оценивают эти изменения негативно и связывают их с разложением института семьи, влекущим за собой разного рода социальные проблемы от неудовлетворенности браком и низкой успеваемости детей до снижения рождаемости, ведущей к депопуляции и вырождению нации, то другие исследователи полагают, что данные сдвиги в репродуктивном и брачном поведении являются свидетельством существенных социальных изменений в направлении индивидуализации, рефлексивности и демократизации интимности. Согласно этому последнему взгляду, институт семьи не исчезает, а трансформируется, приобретая такие формы, которые отвечают потребностям современного индивида.

Перечисленные выше тренды являются общими для всех обществ западного типа. Например, в США пропорция браков, которым предшествовало совместное проживание партнеров без регистрации увеличилась с 10% для тех, кто вступил в брак в период с 1965 по 1974 гг., до 50% для вступивших в брак между 1990 и 1994 гг. При этом в 2000 году число проживающих совместно без регистрации брака пар составило около 9% от всех союзов (Dush, Cohan, Amato, 2003). Для сопоставления отметим, что в Польше количество незарегистрированных гетеросексуальных союзов выросло с 1,3% в 1988 году до 4,5% в 2006 (Matysiak, 2009). В России, по данным переписи населения, проведенной в 2002 году 11% от общего числа заявленных брачных союзов составили незарегистрированные браки. При этом среди молодых граждан в возрасте до шестнадцати лет, назвавших себя состоящими в браке, более половины официально не зарегистрировали свой союз (Вовк, 2005).

В России данный феномен, по результатам исследований (Вовк, 2005; Захаров 2007 и пр.) получает в настоящее время все большее распространение и признание. Однако сам термин «гражданский брак» является про-

блематичным. В России это понятие предположительно начинает использоваться в 19 веке для обозначения супружеского союза, заключенного без участия церкви, но зарегистрированного соответствующими органами государственной власти (Победоносцев, 2003). Большевицкая политика секуляризации брачных отношений в послереволюционный период придала этому понятию прогрессивное значение, сделав «гражданский брак» легитимной и широко распространенной формой супружества. Данное понятие означало прежде всего брак, зарегистрированный советским государством в отделах загс, при этом второе его значение как «свободного союза» или «сожительства», очевидно по прежнему оставалось легитимным. В период с 1926 по 1944 годы незарегистрированные союзы были законодательно уравнены в правах с союзами, зарегистрированными в отделах ЗАГС. Однако в послевоенный период, в связи с изменением гендерной политики и ужесточением семейного законодательства, отношение к ним изменилось. Штамп в паспорте стал важен для социальной успешности, он был необходим для партийной и служебной карьеры, давал возможность выезда за рубеж. Незарегистрированные союзы оказались либо «несуществующими» (непризнаваемыми и невидимыми для общества), либо осуждаемыми с точки зрения официального дискурса. Такие союзы были распространены, главным образом, среди маргинальных слоев общества. Семейная нестабильность, незарегистрированные союзы, частая смена партнеров, промискуитет, сексуальное насилие были характерны для «париев», лиц находящихся на дне общества, по разным причинам оказавшимися нелегалами, алкоголиками, преступниками (Чуйкина, 2002). Нормализация и брачная стабилизация личной жизни, прослеживаемая на уровне биографий, выступала одним из признаков повышения социального статуса таких маргиналов (Rotkirch, 2000). Пренебрежение официальными нормами брачного и сексуального поведения являлось отличительной практикой и для молодежи — выходцев из среды советской номенклатурной и культурной элит в позднесоветском обществе (Козлова, 2005).

В постсоветское время практика совместного проживания без регистрации брака становится не просто распространенной, но воспринимаемой многими как нормальная; она не ассоциируется больше с маргинальными слоями общества. Показателем определенной степени общественного признания «гражданского брака» может считаться включение в анкету переписи населения, проведенной в 2002 году вопроса о легальном статусе брачного союза граждан («является ли Ваш брак зарегистри-

стрированным?»). Перепись показала, что на момент ее проведения 11% всех заявленных брачных союзов были незарегистрированными (всего в браке состояло 57% россиян). По данным опроса ФОМ (2004), опыт сожительства когда-либо имели 22% россиян. При этом, незарегистрированные союзы оказались в большей степени распространены в молодежной среде (18-20 лет); среди респондентов в возрасте 21 — 24 года доля незарегистрированных браков в общем числе союзов составила четверть, среди респондентов в возрасте 25 — 29 лет — пятую долю. Регистрация брака утрачивает значение стартовой позиции для совместного проживания молодых людей. По данным исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенном Независимым Институтом Социальной Политики, в 2004 году в возрасте до 25 лет половина россиян состояла в неформальных союзах. Данное исследование показало большую распространенность таких союзов по сравнению с переписью 2002 года. Распространение неформальных союзов в поколении, родившемся после 1960 года, приобрело взрывной характер (Захаров, 2007: 87, 98, 102).

Показателем распространенности сожительства и степени терпимости к ним может считаться количество детей, рожденных в союзах такого типа. По данным Всероссийской переписи (2002), в период 1989-2002 гг. доля рождений вне брака составила 30% от общего числа ежегодных рождений, и почти половина из них были зарегистрированы по совместному заявлению родителей. Таким образом, сожительство в России становится устойчивой молодежной практикой, и часто предшествующей браку, однако рождение ребенка в таком браке также не является редкостью (Вовк, 2005).

Незарегистрированные союзы становятся приемлемыми и благодаря гражданскому, семейному и финансовому законодательству постсоветского периода. Упрощенная процедура установления отцовства для детей, рожденных вне брака, возможность получения матерями социальных льгот и выплат вне зависимости от своего maritalного статуса, возможность оформления имущества в совместную собственность (например, долевая собственность на недвижимость) и даже возможность заключения договора между партнерами о совместном проживании — все это дает возможность партнерам не только регулировать имущественные отношения между собой, но и претендовать в определенных случаях на некоторые социальные льготы и гарантии.

Во второй половине 2000-х проблема незарегистрированных союзов вновь приобретает политическую окраску, и дебатруется в СМИ прежде

всего, в связи с дискурсом укрепления семьи, решения демографической проблемы и повышения рождаемости. «Из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к укреплению и возрождению семейных ценностей сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространение «незаконных сожительства» (Захаров, 2007: 126). Гражданские союзы определяются как «ненастоящие» или «неполноценные» браки; их обвиняют в снижении рождаемости, разрушении семейных ценностей и самого института семьи. Нормативной моделью супружеских отношений становится официально зарегистрированный брак (а в идеале — осуществленный и по религиозному обряду). Принятая в 2007 году «Концепция государственной политики в отношении молодой семьи» вводит понятие «благополучной семьи», основным критерием которой является наличие зарегистрированных брачных отношений между родителями, а также детей, количество которых равно двум, трем и более для обеспечения «расширенного воспроизводства населения по данному региону» (Концепция государственной политики... 2007). Благополучная семья определяется как нормативная модель, реализации которой должна способствовать государственная семейная и социальная политика.

«ГРАЖДАНСКИЙ БРАК»: ПРОБЛЕМА НАЗЫВАНИЯ

Повседневный русский язык испытывает существенные трудности в описании конфигурации интимных отношений, которая выше была обозначена нами как партнерство. Респонденты использовали такие слова, как «гражданский брак» и «сожительство» для определения и называния своих отношений, однако как правило, эти термины являлись «вброшенными» интервьюером в ход беседы. Их использование представляло собой определенную негласную конвенцию между исследователем и респондентом, благодаря которой оба участника беседы понимали, о чем идет речь. Однако, сами информанты пытались найти альтернативные названия и способы говорения о своем собственном опыте совместного проживания. Рассказывая о своих отношениях они, как правило, подчеркивали, что их союз не является ни «гражданским браком», ни «сожительством», т. к. эти понятия вызывают у них негативные ассоциации. Одни участники исследования находили следующие слова, которые, с их точки зрения наиболее подходят для описания их отношений: «семья», «совместная семейная жизнь», «я бы сказала, что мы любим друг дружку и живём вместе, просто...», «любимые, любящие мужчина и женщина, то есть, как де-

вушка и молодой человек». Другие совсем не смогли подобрать названия для своих отношений: «никак не называем». Третьи пытались соотнести самоопределение с юридическими и бюрократическими нормами, однако в повседневности такой словарь порождает достаточно ироническое отношение.

«(...) я по этому поводу его даже подкалываю. Я насколько знаю, по кодексу уголовному, если что-то вдруг, то подобные вещи называются вообще-то сожитель. А, еще была такая вещь, что я хотела его, прописать (...) И вот когда я, стала писать, я написала «муж», мне говорят, что тогда надо свидетельство о браке. Я говорю: «Ну, мы просто живем вместе». Они мне тогда говорят: «Ну, тогда напишите — «знакомый»». То есть, периодически я ему заявляю, что он мой знакомый» (Алена, 22 года, стаж совместного проживания с партнером 3 года)

Однако, если выработка словаря для называния отношений «для самих себя» не является насущной проблемой повседневных деятелей, то определение статуса своего партнера «для других» (коллег, друзей, родителей) часто вызывает сложности в повседневной коммуникации. Иначе говоря, респонденты не находят однозначного емкого слова, которое позволило бы им определить свой семейный статус для окружающих (например, когда нужно представить своего партнера друзьям и коллегам по работе). Информанты часто предпочитают действовать ситуативно, стремясь использовать лексикон, принятый в данной среде или наиболее уместный в данном контексте, либо и вовсе уклоняются от называния и определенности. В следующем отрывке Дина, 23 года рассказывает о тех способах называния партнера, которыми она пользуется в разных ситуациях:

«Я стараюсь оперировать такими словами, которые приняты в каком-то обществе, кому-то я говорю «мой мужчина», потому, что я знаю, что люди употребляют такое слово: «мой мужчина». Кому-то я говорю, что придёт мой м/ч, мой молодой человек, потому, что среди моих подружек, это так принято. Кто-то употребляет слово бойфренд, поэтому я говорю бойфренд. Лично для меня это тоже вопрос: как же его называть? Поэтому, я своего мнения по этому поводу не имею, поэтому я говорю в зависимости от ситуации, но обычно я стараюсь избежать того, чтобы прямо называть вещи своими именами, чтобы люди сами так понимали, что это человек, с которым я живу» (Дина, 23 года, стаж совместного проживания 4 года)

Если в среде близких называние партнера индивидуализировано (например, просто используется имя или статус партнера опознается «без

слов»), то в более дальнем окружении используется более абстрагированные от индивидуума статусы «мужа» и «жены», предполагающие однозначную трактовку. Так, Игорь, 30 лет, в общении с «незнакомыми людьми» предпочитает обращаться к конвенциональным статусам, называя свою партнершу «женой», что позволяет, с его точки зрения, сделать коммуникацию более эффективной.

«Слушай, очень сложно [подобрать название для определения статуса партнерши]. Иногда говорю «девушка», иногда, допустим, когда с какими-то незнакомыми людьми, предпочитаю говорить вообще «жена». То есть, или по телефону с кем-то разговариваю: «Вот подойдет к Вам, Светлана — это моя жена». Мне проще так сказать: «супруга», «жена» и так далее. Мне это проще, чем объяснять, там девушка и так далее, мне проще так сказать» (Игорь, 30 лет, стаж совместного проживания 3 года)

Молодые женщины иногда пытаются «жонглировать» maritalными статусами (замужней/незамужней женщины) для того, чтобы позиционировать себя или определить ситуацию наиболее удобным для себя образом.

«Это зависит от того, кому я представляю, если это мужчина, который имеет ко мне интерес, я всегда называю его [партнера] своим мужем, чтобы сразу этот интерес отсечь, не нужный для меня, а если это девушка, и в принципе ей по балде, я говорю «мой любимый человек», «мой любимый мужчина». (Ирина, 26 лет, стаж совместного проживания 6 месяцев)

Респонденты, подавшие документы в ЗАГС на регистрацию брака или планирующие в скором времени заключить брак, а также имеющие совместных детей, склонны называть свои отношения семьей, а друг друга — мужем и женой. Те, кто не планирует свадьбы скорее будут говорить о партнере/партнерше как о «бойфренде», «молодом человеке», «девушке», «подруге» и т. п. или просто называет его/ее по имени.

На первый взгляд кажется, что в данном случае повседневный язык не развит, не разработан, не способен ухватить изменения в конфигурациях интимных отношений. Однако, если внимательно вчитаться в ответы респондентов и поместить их в контекст всего рассказа, то окажется, что отсутствие четких формулировок, наоборот, облегчает повседневную коммуникацию как между партнерами, так и с внешним миром, делает ее более гибкой и приспособленной к потребностям и ситуациям. Мужчины и женщины выступают как своего рода этнометодологи с высоким уровнем социальной компетенции, определяя ситуацию и взаимодействующих лиц, которым соответствует способ представления себя и партнера.

С одной стороны, отсутствие четкости раскрывает многообразие смыслов, которые акторы придают подобного рода союзам. С другой, позволяет бесконфликтно существовать паре, участники которой имеют разные намерения и представления относительно статуса союза и его будущего. Например, Ирина (26 лет) хотела бы выйти замуж за своего партнера (Павла) как можно скорее, она называет его в некоторых ситуациях «муж». В то время, как Павел (23 года) хотел бы отложить свадьбу, он называет Ирину «моя девушка и никак по-другому». Тем не менее, партнеры находят компромиссы определяя статус своего союза, видя в нем открытый проект, который позволяет сосуществовать разным смыслам, предполагает возможность переопределения ролей и достижения согласия. Таким образом, отсутствие устоявшихся жестких норм языка и вариативность значений позволяют большую степень свободы для участников таких союзов, часто позволяя примирить разные мотивы, включить многообразные модели поведения, типы отношений и планов на будущее. Эта понятийная размытость также определена мобильностью и относительно простой трансформируемостью партнерских союзов (например, от временного проживания к браку или наоборот, к расторжению отношений после определенного периода совместной жизни).

«ОТНОШЕНИЯ» ИЛИ ЗАЧЕМ НУЖНЫ «ГРАЖДАНСКИЕ БРАКИ»?

Ключевым понятием, которое характеризует партнерства может быть названо понятие «отношения». Рассказы об «отношениях» в первую очередь проблематизируют значимость свободы для партнеров.

Говоря о восприятии брака и позиционируя свой союз в контексте нормативных семейных моделей, респонденты вводят понятие «отношения». «Отношения» — это то, что характеризует интимный союз и его качество (хорошие/плохие отношения). «Отношения» не сводимы и часто противоположны обязательствам и ролям, которые предстают как внешние институциональные требования, и которым индивиды вынуждены подчиняться. Столь ценимые в паре «отношения» представлены информантами как результат постоянных переговоров и соглашений, сознательно выбранных ограничений на основе взаимной привязанности и любви. «Отношения» возникают в результате целенаправленной эмоциональной работы партнеров, работой по самоконтролю и самоограничению. Гражданский брак в глазах партнеров — это неписанный договор, который заключают партнеры, беря на себя обязательства по поддержанию «теплых взаимных отношений»; это соглашение, которое может быть расторгнуто в одностороннем порядке в случае не выполнения обя-

зательств другой стороной. При этом потери при расторжении этого неписанного контракта воспринимаются как значимо меньшие, чем при расторжении официального брака. В этом контексте гражданский брак, подразумевающий возможность свободного расторжения, дает не только свободу выбора наиболее оптимального партнера, но и служит гарантом качества отношений. Другими словами, «возможность встать и уйти», расторгнуть договор в случае неудовлетворенности рассматривается в качестве стимула постоянной обоюдной работы, направленной на выработку компромиссов, самоограничения, за счет чего достигается необходимое качество отношений.

«Мне кажется, что даёт сожителство, такие отношения, такой гражданский брак, главное что он даёт понимание, что каждый человек свободен. И я понимаю, что Никита свободен встать и уйти в любой момент, и поэтому я сдержу себя и не скажу много чего, что я могла бы себе позволить, если бы я была замужем. Просто потому, что психология моя поменяется, просто я знаю, что если я выйду замуж, я буду думать где то на подкорке, что просто так он не уйдёт, и значит я могу он него требовать больше, сказать больше, того, что не нужно говорить» (Ангелина, 23 года, стаж совместного проживания 2 года).

Отношения создаются в процессе переговоров. Партнеры договариваются друг с другом об организации самых разных сторон совместной жизни от сексуальных практик и репродуктивных планов до порядка использования общих вещей и организации ведения домашнего хозяйства. При этом договорной характер отношений предполагает не только эмоциональную работу, но и высокую степень рациональности, расчета. Совместные вещи и способы проведения досуга являются наиболее распространенными предметами договора в паре. Например, порядок использования машины и потребления алкоголя на вечеринках предполагает постоянную калькуляцию, в результате чего права обоих партнеров оказываются соблюдены в равной степени. При этом соблюдается гендерная симметрия в распределении обязанностей.

«Мы ввели такую систему: [один] рулит [имеется ввиду — ведет машину], а другой соответственно пьет, через один. В принципе, в пределах двух пойнт ты можешь копить, то есть, попросить человека, если какое-то значимое событие и тебе надо реально пить, а тут твоя очередь рулить. В пределах двух, ты можешь занять, а так соблюдается очередность через один. Если ты просишь, то человек, соответственно, получает право в какой-то момент попросить тебя порулить. На самом деле,

работает, очень удобно». (Света, 27 лет, стаж совместного проживания 3 года)

Можно сказать, что договор, переговоры, поиск решения в проблемной ситуации выступают оборотной стороной свободы. Свобода достигается через договорные отношения, которые предполагают большую степень равенства. Практики переговоров и обсуждений различных аспектов повседневной жизни сильно отличаются от практик умолчания, характерных для более закрытых старших поколений (Роткирх, 2002).

ТИПОЛОГИЯ «ГРАЖДАНСКИХ БРАКОВ» РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Феноменологический подход позволяет выделить различные рамки понимания сожителства. Не смотря на наличие общих ценностей, характерных для партнерств, эти союзы не гомогенны и представляют собой континуум отношений. Рассказы внутри пары имеют достаточно высокую степень интересубъективности, то есть партнеры часто были сходны во мнении о том, что представляет собой их союз, рассказывали сходные истории своих отношений. Попытаемся выделить основные типы сожителств в среде городского среднего класса на основе тех смыслов «гражданских браков», которые можно реконструировать исходя из интервью обоих партнеров.

Партнерство — альтернатива официально зарегистрированному браку

В первом случае партнерский союз может рассматриваться до некоторой степени как альтернатива браку зарегистрированному. Этот тип союзов в большей степени характерен для самых молодых респондентов в нашей выборке (21-25 лет) и пар, имеющих стаж совместного проживания до двух лет. Молодые люди начинают самостоятельную жизнь, они заканчивают учебу, начинают работать, у них появляются первые самостоятельные ресурсы. Существенным фактором здесь выступает возможность отделиться от родителей и начать самостоятельную жизнь. Ключевым моментом для возникновения такого союза является наличие отдельного жилья. Достаточно показательным является случай Павла (23 года) и Ирины (25 лет). С точки зрения Павла, совместное проживание стало возможно только после того, как в распоряжении пары появилась собственная квартира.

«Хотелось вместе ночевать, вместе проводить больше и больше времени. И соответственно, когда появилась возможность жить вместе, соответственно переехали (...) Мои родители купили квартиру, доделался там ремонт, я доделал его, и можно было в ней было жить» (Павел, 23 года, стаж совместного проживания 6 месяцев)

В процессе совместного проживания пары этого типа создают свое автономное пространство, оформляют его, делают ремонт, приобретают первые предметы мебели интерьера, конструируя таким образом чувство общности «мы» и свою независимость.

Граница с официально зарегистрированным браком в этом случае четко определена. Партнеры отказываются называть свой союз браком, подчеркивая что основным для них выступает качество отношений. При этом возможность прекратить отношения в случае неудовлетворенности ими, потерпев при этом незначительные моральные и материальные издержки, «не попасть в такую ситуацию, из которой потом будет трудно вырваться», является привлекательным свойством сожительства. Партнеры опасаются, а иногда активно выступают против заключения брака, полагая что формальное закрепление статусов и ролей приведет к изменению качества отношений. Ангелина (23 года) и Никита (21 год) живут вместе около двух лет. В своих интервью они решительно выступают против регистрации, полагая, что брак кардинально изменит их отношения и, таким образом, противопоставляют зарегистрированные и незарегистрированные союзы. Ангелина объясняет нежелание вступать в брак, подчеркивая важность «отношений» в качестве интересубъективной субстанции, не подлежащей формальному признанию или регистрации:

«Я, честно говоря, не вижу, зачем это нужно [заключать брак]. То есть я реально боюсь даже регистрировать отношения, вступать в брак, потому что я боюсь, что это разрушит наши отношения, которые сейчас есть. Я ими дорожу, я не хочу, чтобы они испортились» (Ангелина, 23 года, стаж совместного проживания 2 года)

Никита соглашается с Аленой, видя в зарегистрированном браке приращение, которое «разрушает отношения»:

«У меня плохое отношение к институту брака, мне кажется, что на психологическом уровне, на уровне психики точнее, понимание того, что ты скреплён с человеком какими-то клятвами, печатями и всякой этой фигнёй разрушает отношения. Потому, что изначально отношения строятся на доверии и уважении друг к другу, а когда тебя защищает закон и клятвы какие-то, то уважение уже не нужно, то есть, как бы ты уже не можешь потерять человека, потому, что он уже закреплён, грубо говоря, за тобой. Это может быть на уровне психики рождает какие-то сложности. Потому что я знаю много примеров, когда мои друзья, скажем, какие-то далёкие, но всё равно, они играли свадьбу, а потом отношения становились хуже». (Никита, 21 год, стаж совместного проживания 2 года)

Такой союз рассматривается респондентами в ограниченной временной перспективе, прежде всего в связи с тем, что сожительство осознается как неподходящая среда для рождения и воспитания детей. Партнеры не исключают в дальнейшем возможности регистрации брака, например, в случае беременности партнерши, давления со стороны родителей, наступления возраста, когда вступление в брак является необходимым с точки зрения социальных норм.

Партнерство — подготовка к браку

В этом случае молодые люди рассматривают партнерство как этап подготовки к зарегистрированному браку. В процессе совместного проживания тестируются отношения, определяются возможные роли, их границы, потенциальные конфликты и способы их решений. Успешная взаимная адаптация заканчивается принятием решения о браке. Партнеры (и в этом единодушны, и мужчины, и женщины) используют совместное проживание для того, чтобы понять «сможем мы быть вместе или нет». Следующие фрагменты из интервью представляют именно такое восприятие гражданского брака. Дмитрий и Наташа решили пожениться, поняв после периода совместного проживания, что они являются «подходящими» партнерами для более длительных и серьезных отношений, характерных, в их представлении, для брака.

«Я почувствовал, что это мой человек. Именно почувствовал. Здесь не следует прибегать к каким-то логическим суждениям, к какому-то разумному началу. Я почувствовал, это мой человек. И тем более, что мы с ней практически не ругаемся, практически во всем всегда друг с другом соглашаемся. Вот, поэтому мы приняли решение пожениться, потому что поняли, что нам никого больше искать не надо» (Дмитрий, 30 лет, стаж совместного проживания, 3 года)

«Мы пожили вместе, мы... скажем так, прожив вместе, я поняла, что до того, как вступить в законный брак, и начать жить вместе, хорошо, не смотря на то, что многие в обществе ругают гражданский брак, он нужен, потому что бытовые моменты какие-то... В общем, надо понять, сможем быть или нет, чтобы потом семья не распалась». (Наташа, 27 лет, стаж совместного проживания 3 года)

Сожительство как пробный брак характерно для респондентов более старшей возрастной когорты (26-32 года), имеющих стаж совместного проживания более двух лет. Партнеры задумываются о том, чтобы создать семью и начинают оценивать друг друга с точки зрения возможности стать супругами. При этом граница между браком и сожительством становится

менее отчетливой. В тех случаях, когда сожительство рассматривается в качестве переходной фазы к зарегистрированному браку, партнеры говорят о том, что их отношения не отличаются от отношений супругов в зарегистрированном браке, полагая что никаких изменений не произойдет и после регистрации.

«Допустим, опять же, если бы Юра бы свободен, а после брака стал ограничен в чём-то, наверно это можно было бы назвать, некоторым изменением, а поскольку этого изменения не предполагается. Ну, и ничего? Не знаю, по-моему, никак абсолютно [отношения не изменятся после регистрации брака], просто некоторая фишка, которую там требуется сделать» (Катя, 29 лет, стаж совместного проживания 8 лет)

Автономизация от старшего поколения в этом случае не является актуальной стратегией; на первый план выступает идея поиска и «тестирования» потенциального партнера, с которым можно впоследствии заключить брак, родить ребенка. В случае стесненных жилищных условий пара соглашается на проживание с родителями или другими родственниками; когда же доходы и возможности позволяют, партнеры снимают (или приобретают) собственное жилье. Граница между браком законным и браком гражданским связана в данном случае с принятием решения о деторождении. Гражданский брак, как и в предыдущем случае, не рассматривается подходящей формой отношений для рождения и воспитания детей, а стремление обзавестись ребенком выступает одним из основных мотивов для регистрации. Катя (29 лет) объясняет намерение вступить в брак в связи с желанием родить ребенка:

«Собственно говоря, один из аспектов того, что мы решили пожениться, что надо бы подумать про детей. Это сыграло, скажем так, 50% наверно, вообще того, что мы приняли решение пожениться. Что надо бы подумать об этом, потому что я не молода, Юра ещё менее молод. Поэтому мы, не могу сказать, что мы прямо тут же собираемся заводить детей, но скорее уже в ближайшем будущем, чем в каком-то неопределённом времени» (Катя, 29 лет, стаж совместного проживания 8 лет).

Этот тип интимных союзов может и часто выступает переходной фазой к браку для других типов отношений, как для сожительства — как стратегии автономизации, так и союзов LAT или шпагатных браков. В нашей выборке Катя и Юрий решили пожениться после периода совместного проживания, которому предшествовали отношения LAT и даже отношения шпагатного брака (когда партнерша уезжала в другой город для работы и продвижения карьеры).

Партнерство — аналог брака

Данный тип союзов характеризуется тем, что он практически не отличается по содержанию отношений и ролей от официально зарегистрированного брака. В этом случае респонденты склонны и практически без колебаний называют себя семьей, а друг друга мужем и женой. К таким союзам в первую очередь относятся пары, имеющие детей. В нашей выборке таких пар было две: Олег (31 год) и Юля (27 лет), а также Софья (40 лет) и ее партнер (41 год)¹. И в том и в другом случае ведение совместного хозяйства и совместное проживание началось с рождением ребенка. Совместные хлопоты по уходу и воспитанию младенца не оставляли времени и сил для регистрации брака. Одновременно партнеры осознавали, что фактически регистрация брака не предоставит им никаких преимуществ, и существенно не изменит их статус. Респондентки-матери подчеркивали, что они не имели никаких сложностей при установлении родительского статуса отца, получали те же самые пособия и льготы, которые полагаются матерям, состоящим в зарегистрированном браке. Софья (41 год) и Юля (27 лет) делают упор на «нормальности» своего союза в связи с получением официальных признаний его статуса, альтернативных регистрации брака.

«В нашем случае, дети с фамилией отца, и у папы они тоже вписаны в паспорт. То есть мы ничем от обычной семьи не отличаемся» (Софья, 41 год, стаж совместного проживания 11 лет, дочь 2 года, сын 11 лет)

«Я одиночкой не считаюсь. Я считаюсь обыкновенной полноценной семьей (...) [получали аналогичные выплаты] как те же, кто которые зарегистрированы, рожали ребенка в браке (...) Абсолютно никакой разницы» (Юля, 27 лет, стаж совместного проживания 3 года, дочь 3 года)

Рождение ребенка приводит к поляризации ролей по половому признаку. Если в двух представленных выше типах союзов респонденты подробно обсуждали совместное проведение свободного времени, общение, поездки, хобби, потребление, при этом рассказы о ведении домашнего хозяйства и разделении ролей не проблематизировались. В данном типе союзов, респонденты были более склонны обсуждать вопросы разделения ролей и организации быта в связи с необходимостью ухода за ребенком, сетуя при этом на отсутствие свободного времени. В партнерских союзах типа «альтернатива браку» и «подготовка к браку» отношения в паре были

---

¹ Партнер Софьи отказался принять участие в исследовании. Софья объяснила отказ занятостью партнера, а также конфликтом возникшим в паре накануне предполагаемого интервью.

представлены, как эгалитарные, договорные и малоконфликтные. В парах с детьми роли являются поляризованными заданными правилами разделения домашнего труда между отцом и матерью, и потенциально конфликтные. Софья пытается выделить в повседневности моменты свободного времени. При этом, сводное время понимается ею, как время выделенное для себя лично, что подразумевает чтение, просмотр фильмов, шоппинг, встречи с подругами. Не только заботы по уходу и воспитанию детей не кажутся ей свободой и отдыхом, но совместный досуг с партнером.

«В последние два года его [свободного времени] меньше стало в связи с рождением второго ребёнка. А так, конечно, бывает свободное время. Сейчас я постараюсь вспомнить. Когда сейчас вот [есть] свободное время, то я пытаюсь смотреть фильмы, которые не успеваю смотреть, книжку какую-то читаю или в интернет лезу, потому, что, по своим каким-то вопросам, не по рабочим, потому, что иногда бывает по работе. Ну или общаюсь, потому, что там, ну максимально, там пытаюсь, в магазин сходить с подружками или просто прогуляться» (Софья, 41 год, стаж совместного проживания 11 лет, дочь 2 года, сын 11 лет).

Различные исследователи производят попытки типологизации партнерств, подчеркивая, как уже было сказано выше, что сожительство представляет собой континуум разных типов социальных отношений (Seltzer, 2000). Американские демографы предлагают рассматривать сожительства с трех точек зрения: 1) сожительство как альтернатива браку; 2) сожительство как альтернатива одиночеству (single); 3) сожительство — фаза отношений, предшествующая браку (Xie, Raymo, Goyette, Thornton, 2003: 353). Матисиак прослеживает эволюцию гражданских браков от союзов альтернативных браку к союзам, предшествующим браку и до союзов полностью не отличимых от брака (Matysiak, 2009: 217-218). Вовк указывает на то, что сожительства различаются в зависимости от четкости и определенности смысловой границы этого типа союзов по отношению к зарегистрированному браку. В первом случае сожительство выглядит как тот же брак, только «приватизированный» и потому не предполагающий официальных свидетельств и брачных церемоний; при этом граница между браком и сожительством оказывается подвижной и «прозрачной». Во втором случае сожительство выглядит как самоценный, альтернативный браку институт (в ряде случаев «трансформирующийся» в брак, в ряде случаев — нет), а граница между браком и сожительством является четко прочерченной и довольно «закрытой» (Вовк, 2005). Таким образом, в российском контексте партнерские союзы могут быть разделены с точки зрения позициони-

рования их участников отношении официального брака. При этом, большую роль в самоопределении союза в отношении брака играет возраст партнеров, продолжительность совместного проживания и наличие детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы поместить результаты проведенного исследования в контекст текущих дискуссий о направлениях трансформаций гендерных отношений, которые переживают современные общества западного типа. Современные социальные теоретики (Luhmann, 1986; Бауман, 2008; Бек, 2000; Риттер, 2008) отмечают изменения экономического порядка¹, ставшие причиной нестабильности, неопределенности и ненадежности социальных структур. Эти изменения привели к коренным трансформациям сферы интимных отношений в свете индивидуализации, распада человеческих связей, партнерских отношений. С одной стороны, индивиды все менее склонны вступать в долгосрочные отношения и обязательства «пока смерть не разлучит нас», предпочитая их временным, преходящим и соответствующим актуальным потребностям отношениям «пока сохраняется удовлетворенность» (Бауман, 2008: 176). С другой стороны, современные индивиды склонны медлить, оттягивать момент наступления некоторых значимых событий в своей жизни, которые могут угрожать их мобильному и текучему положению. Наши респонденты, будучи профессионалами, занятыми в экономике крупного мегаполиса оказываются подобны «странникам», которые склонны выбирать наиболее приемлемые для себя условия работы, организации повседневной жизни, интимных отношений. При этом брачное и семейное поведение является частью единого жизненного рефлексивного проекта. Например, вопрос деторождения и распределения ответственности за детей связан с выборами профессиональной карьеры партнеров, места жительства, материальными условиями пары.

Эти тенденции индивидуализации и рационализации входят в противоречие с внешними институциональными требованиями, которые с одной стороны задаются жесткими репродуктивными нормами (необходимость деторождения, возраст), которые респонденты разделяют, а с другой

---

¹ Зигмунд Бауман относит к таким наиболее значимым изменениям экономического порядка глобализацию экономики, гибкость и быструю изменчивость различных секторов экономики, высокую мобильность рабочей силы, исчезновение долгосрочных трудовых контрактов, изменения принципов оплаты труда от квалификации и стажа к способности приносить прибыль в данных экономических условиях.

с официальными дискурсами нормативной модели зарегистрированного брака и связанного с ним родительства. Традиционный брак не исчезает и не подвергается коренной трансформации, оставаясь привлекательной ролевой моделью, но приобретает новые смыслы в контексте рефлексивного биографического проекта молодых горожан.

Литература

- Бауман З. (2008). Текущая современность. СПб: Питер.
- Вовк Г. (2005). Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. №1 http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103
- Гидденс Э. (2004). Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М., Спб: Питер.
- Голод С.И. (2008). Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. №1.
- Данилова С.С. (2009). Одинокое материнство в общественном мнении // Социологические исследования. № 5. С. 138-141.
- Захаров С. (2006). Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php>
- Захаров С. (2007). Трансформация брачно-парнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе По материалам одного исследования Сб. аналитический статей вып 1. Под ред Т. Малеевой, О. Синявской М.: НИСП 75-126.
- Клецин А.А. (1994). Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // Рубеж (альманах социальных исследований). № 5. С. 166-179.
- Козлова Н. (2005). Реконверсия // Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа». С. 435-470.
- Концепция государственной политики в отношении молодой семьи, МинОбраз РФ, 2007.
- Победоносцев К.П. (2003). Курс гражданского права. Часть 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М.: «Статут».
- Риттер М. Гендер и социальная структура: значение приватной сферы в исследованиях социального неравенства // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре. Европейская перспектива. СПб.: Алетейя. С. 123-136.

- Роткирх А. (2002). Советские культуры сексуальности // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 128-171.
- Чуйкина С. (2002). «Быт не отделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930-1980-х годов // В поисках сексуальности: Сб. Статей / Под ред. Е.Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 99-127.
- Dush C.M., Cohan C.L., Amato P.R. (2003). The Relationship between Cohabitation and Marital Quality and Stability: Change across Cohorts? // Journal of marriage and family. Vol. 65. No.3. P. 539-549.
- Luhmann N. (1986). Love as passion: The codification of intimacy. London: Polity Press.
- Matysiak A. (2009). Is Poland really 'immune' to spread of cohabitation? // Demographic research. Vol.21. Article 8. P. 215-234.
- Rotkirch A. (2000). The Man Question. Loves and lives in late 20th century Russia. Helsinki: University of Helsinki — Department of Social Policy research. No.1.
- Seltzer A. J. (2000). Families formed outside of marriage // Journal of marriage and family. Vol.62, No.4. P. 1247-1268.
- Teachman J. (2003). Premarital sex, premarital cohabitation, and the risk of subsequent marital dissolution among women // Journal of marriage and family. Vol.65. No.2. P. 444-455.
- Xie Y., Raymo J.M., Goyette K., Thornton A. (2003). Economic potential and entry into marriage and cohabitation // Demography. Vol.40. No.2. P. 351-367.

«Профилактические» стратегии учреждений муниципального уровня в решении проблемы подростковой проституции и «защитные» тактики подростков (на примере одного из районов Ленинградской области)

Статья представляет собой один из результатов пилотного исследования проблемы подростковой проституции в сельской местности¹ (на примере одного из районов Ленинградской области). В первой части работы представлены стратегии межведомственного контроля подростковой проституции различными учреждениями системы социальной защиты детей (Комиссией по делам несовершеннолетних, милицией, органов социальной защиты и школы). Во второй части рассматриваются «оборонительные» и «защитные» тактики подростков, их взгляд на проблему и профилактические усилия муниципальных учреждений.

Дизайн исследования

Подростковая проституция — не новое для России явление. Например, в 1930-х гг. детская проституция, беспризорность и сиротство были объявлены острейшими проблемами тех лет. Государством была организована широкая сеть социальных институтов, деятельность которых была направлена на ликвидацию проблемы. Последующие 50 лет существование детской проституции не афишировалось. В период социально-экономических и политических преобразования в начале 1990-х проблема обострилась вновь. В СМИ появилась информация о продаже детей, участие детей в порнографических съемках, подростковой проституции. Государство признало остроту проблемы, и необходимость принятия мер по ее разрешению.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Административный контроль над детской проституцией в селе». Грант Progemі stipends Стейн Рокаан Центра (Stein Rokkan Centre for Social Studies), поддержанного Norwegian Research Council under the FRISAM programme (for social science research).

В середине 1990-х годов несовершеннолетних, вовлеченных в проституцию, наряду с детьми-сиротами, детьми-инвалидами и др., стали определять как «оказавшихся в трудной жизненной ситуации»¹. Для этой категории детей и подростков в период коренного изменения социальной политики в целом и политики в отношении несовершеннолетних в частности были разработаны принципы адресной социальной политики², и созданы новые типы учреждений социальной защиты (социальные приюты, реабилитационные центры, комплексные центры социального обслуживания населения и др.).

Данная статья основана на результатах исследования системы социальной защиты несовершеннолетних в сельской местности. В своих рассуждения я отталкиваюсь от того, что село представляет собой особое (отличное от городского) сообщество, основными чертами которого являются персонализированные отношения, контроль со стороны соседей, отсутствие анонимности. Гипотетически я предполагаю, что в этих условиях проституция приобретает особые черты. Подростки, вовлеченные в проституцию, используют тактики «ускользания».

Целью данной работы является изучение стратегий сотрудников различных учреждений, чья деятельность ориентирована на работу с несовершеннолетними, оказавшихся в трудной жизненной ситуации³, и тактик тех подростков, которых специалисты указанных учреждений считают вовлеченными в проституцию.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили 10 интервью с работниками социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних — тремя воспитателями и социальным педагогом, а также с бывшим директором и бывшим старшим воспитателем Центра; ответственным секретарем Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; инспектором Отдела по делам несовершеннолетних (в структуре внутренних дел); социальным педагогом отделения профилактики безнадзорности Комитета социальной защиты населения района; социальным педагогом средней

---

¹ Федеральный закон №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г.

² Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 15

³ К их числу относятся: Комиссия по делам несовершеннолетних, милиция, органы социальной защиты и школа

общеобразовательной школы, а также с двумя девочками, на которых информанты указывали как на вовлеченных в проституцию.

Отбор респондентов производился в соответствии со стратифицированной выборкой, цель которой зафиксировать основные различия специалистов, имеющих отношение к проблеме подростковой проституции¹. Поиск респондентов велся методом «снежного кома». Одни информанты давали мне координаты других, помогая расширить количество и вариативность респондентов.

Основным методом сбора эмпирического материала было полуструктурированное интервью. Интервью были направлены на получение разнообразной информации — о том, какие несовершеннолетние (пол, возраст, из какой семьи), по мнению специалистов, вовлечены в проституцию, что толкает их заниматься проституцией, основные места работы, как она организована, кто является клиентом, а также ресурсы учреждений муниципального уровня.

Теоретическая рамка исследования

В данной работе категории «стратегии» и «тактики» рассматриваются в рамках теоретического подхода М. де Серто. Вслед за ним, под стратегиями понимаются способы действия, которые присущи властным структурам. Тактики — это практики сопротивления власти. Акторы используют тактики для «подрыва» порядка, установленного институтами власти. Следуя этой логике, я предполагаю, что учреждения системы социальной защиты несовершеннолетних, руководствуясь нормативно-правовыми документами, в рамках своей компетенции, призваны контролировать положение детей и подростков и оказывать им и их семьям содействие в разрешении трудной жизненной ситуации. Однако подростки, зная об административном контроле со стороны специалистов, стремятся быть невидимыми.

«Профилактические» стратегии учреждений системы социальной защиты несовершеннолетних

Согласно федеральному закону «Об основах системы профилактики...»² основными задачами системы социальной защиты несовершеннолетних является: 1) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, а также

---

¹ Ковалев Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос. 1999. С. 86-87

² Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»

выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; 2) обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. То есть, учреждения системы призваны контролировать положение и поведение детей и подростков и способствовать разрешению трудной жизненной ситуации, сложившейся в их семье.

Мероприятия контроля и помощи призваны проводить различные учреждения, к которым относятся органы социальной защиты населения (в том числе и социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних), органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы здравоохранения, органы службы занятости, органы внутренних дел, органы по делам молодежи, общественные и религиозные объединения.

Указанные учреждения представляют собой систему, функционирование которой базируется на принципе межведомственного взаимодействия. Однако механизм взаимодействия и координации ведомств представлен в законе достаточно размыто. Поэтому эффективность работы системы зависит от усилий муниципальных учреждений.

В изучаемом районе организация работы системы профилактики безнадзорности строится в рамках ежегодной комплексной операции «Подросток».

Операция «Подросток» проводится на всей территории Ленинградской области ежегодно с 1 марта по 20 декабря. Основным документом, регламентирующим формат проведения операции, является «Положение о проведении в Ленинградской области ежегодной комплексной профилактической операции «Подросток». В соответствии с данным документом цель операции заключается в контроле над реализацией мероприятий, обеспечивающих охрану здоровья, личных, имущественных и жилищных прав детей и подростков, а также выявления и устранения причин и условий, способствующих правонарушениям несовершеннолетних.

Координацию и контроль проведения операции «Подросток» на местах осуществляет Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. По словам секретаря КДН операция помогает *«всю работу привести в систему»*. Прежде всего, это связано с тем, что прописаны основные этапы и виды работы. На протяжении всего года идет работы с ранее судимыми несовершеннолетними, семьями с детьми, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, наркоманами, решается вопрос занятости подростков и т. д.

Операция «Подросток» проводится в шесть этапов — «Контингент», «Семья», «Лето», «Всеобуч», «Досуг», «Допинг». Декларируемые в официаль-

ных документах мероприятия операции направлены на профилактику беспризорности, наркомании и правонарушений среди несовершеннолетних. Основными направлениями работы являются 1) контроль посещаемости в школе, занятости и досуга подростков, а также 2) организация занятости (а в некоторых случаях жизнеустройства) тем детям, которые «выпали» из образовательной системы и не трудоустроены, 3) работа с семьей.

Организация и проведение операции на протяжении года проводится в соответствии с заранее составленным графиком мероприятий и рейдов. Рейды позволяют сотрудникам различных учреждений социальной защиты несовершеннолетних выяснить места локализации различных подростковых тусовок, в том числе выделить места, где подростки могут оказывать сексуальные услуги. Исследование показало, что специалистам доступен только один вид проституции — придорожная. *«Девки наши, конечно, ... что там говорить, стоят на трассах, снимают»*, — говорит секретарь КДН.

Специалисты определяют подростковую проституцию как один из видов трудовой деятельности особого рода: *«Что такое проституция? Это добывание денег вот таким путем — половым, понимаешь? Вот это проституция»* (КДН). Занимаются такой деятельностью, по словам информантов, девушки 13-16 лет. *«Как правило, все это неблагополучные семьи, как правило, где маленький материальный доход»* (КДН). Приведем в качестве иллюстрации историю девочки Марины. Ее семья с очень низким капиталом. Мать Марины работает на сезонных работах, как правило, летом собирает и продает ягоды. Все заработанные деньги тратит на алкоголь. Дети, которых у нее трое, предоставлены сами себе. Они часто пропускают школу, плохо учатся, постоянно болтаются по улице. Марине еще нет 18, она закончила 9 классов. Заниматься проституцией девочка стала еще, когда училась в школе. Ей нужны были деньги на еду и одежду. По мнению информантов, примером проблемного поведения девочки стало поведение ее матери. Секретарь КДН говорит, что она *«...тоже же такая тетка: все время жизнь свою личную устраивала, мужиков таскала. И девки это воспринимают как нужное, как должное»*. Сейчас Марина вместе со своей старшей сестрой в Санкт-Петербурге. Она уехала из поселка сразу после окончания 9 класса. По разным сведениям она продолжает заниматься проституцией, стала таксикоманкой или принимает инъекционные наркотики.

По мнению информантов, на дорогах встречаются подростки и из благополучных семей: *«Мне кажется, они могут быть из разных семей, бывает, что общество считает, что семья благополучная, папа работает на*

хорошей должности, мама — на хорошей должности, то есть занимают не просто такое положение среднего класса, а занимают ответственную должность оба родителя, но не хватает времени, не то, что контроля одного, одного контроля не достаточно, тут же должно быть забота, любовь, внимание, теплота душевная, естественно доверие, обоюдное доверие между родителями и ребенком, тогда я думаю не должно быть таких выходов». (Социальный педагог СПб)

В этом случае дефицит родительского внимания оценивается экспертами как основная причина проблемного поведения детей. В качестве примера такой семьи можно привести семью Вики.

Инспектор ПДН говорит о Вике и отношениях в ее семье следующее: «Она то учится, то не учится. В центр ее определяли, но оттуда она ушла, не захотела. Все идет от семьи, что семья оказывает влияние большое на ребенка. Если за ней не смотрели какой-то период, да, упустили, то она уже из дома уходила, привыкла к самостоятельности или там, что воля — ей дозволено все. Отсюда все идет — бесконтрольность». (ПДН)

Итак, информанты выделяют две причины, по которым девочки начинают заниматься проституцией. Первая связана с материальными проблемами в семье, вторая — с дефицитом родительского внимания.

Основным местом работы девочек информанты называют автотрассу на Санкт-Петербург. Это не организованный бизнес, а самозанятые несовершеннолетние.

Эксперты называют несколько маркеров, которые позволяют им выделить девочек, занимающихся проституцией. Прежде всего, это внешний вид — одежда, макияж, атрибуты. Приведу в качестве подтверждения тезиса несколько цитат из интервью с социальным педагогом социально-реабилитационного центра: «Частенько бывает такое, я в командировки езжу. Частенько такое, что водители озвучивали, что стоит девушка, по виду ей не дашь 14 лет, лица уже потрепанные..., юбки короткие»; «...примелькались такие девушки. Зимой не особо видно лица, а когда весна, весенне-осенний период, весна, лето, осень, когда еще светло, световой день большой и вечером возвращаешься и видишь, что они стоят, и раз стоят, и два стоят, и туда едешь они стоят, обратно — они снова стоят. Можно понять, почему девушка стоит, для какого она просто стоит на обочине с сумочкой, туда-сюда дефилирует...» (Социальный педагог социально-реабилитационного центра)

Сотрудники системы профилактики безнадзорности называют несколько мест, где работают несовершеннолетние. Эти места сосредоточены в районе крупных населенных пунктов, у автозаправочных станций.

«...[точка — прим. А.М.] есть рядом с заправкой, есть, даже видела, недалеко мимо проезжаешь от ДПСников, ... , и за ДПС заехать, примерно километр, полтора и они стоят там. Ни машин, ни чего нет, дорога идет, лес и она стоит там. Одна, две, бывает три и ручку поднимает... Перед [название населенного пункта — прим. А.М.] есть заправка, если ехать от сюда, с правой стороны заправка, с левой девочки стоят». (социальный педагог социально-реабилитационного центра)

Клиентами девочек, вовлеченных в уличную проституцию, по мнению информантов-экспертов, являются мужчины, проживающие в изучаемом районе, дальнбойщики — водители грузовиков и приезжие.

Не смотря на то, что сотрудники перечисляют маркеры и места локализации подростковой проституции, интимная жизнь несовершеннолетних для сотрудников системы защиты несовершеннолетних является недоступной сферой. Одной из ключевых составляющих интервью становятся предположения и домыслы: *«Ну как... мы может быть предполагаем, но не можем конкретно сказать, что да [подросток вовлечен в проституцию — прим. А.М.]. Их за руку никак не поймать. Это же вот именно, что надо, что бы ребенок сказал: «Да я стою и занимаюсь проституцией». Этого он так не скажет». (ПДН)*

Другими словами, специалисты испытывают затруднения при идентификации рискованного поведения подростков, а, следовательно, не имеют достаточных знаний, навыков и ресурсов, позволяющих решать проблему.

Одной из причин «невнимательности» к проблеме сотрудники системы профилактики видят в кадровом дефиците: *«чтобы вот их как-то, это нужно специально люди, а у нас такого количества нет людей сегодня. Даже то отделение профилактики, какое у нас существует, оно ведь не может весь район до такой степени охватить, потому что практически их нужно вести каждый день — и семьи, и детей», —* говорит секретарь КДН.

Вторая причина связана с межведомственным рассогласованием. Формальные правила не определяют границы полномочий между ведомствами. На практике это приводит к функциональной неопределенности, которая порождает неэффективность работы системы профилактики. Данный тезис подтверждает следующая цитата:

«Хотя отделение профилактики должно работать не только на район, должно работать на район и на центр. Дети у нас с района, [все учреждения системы профилактики — прим. А.М.] должны работать совместно. Но как получается...» (социальный педагог социально-реабилитационного центра).

Единственной реальной практикой является профилактические беседы: «...допустим в тех же беседах, в школах мы проводим беседы. Наша задача — профилактика. То есть как, мы можем бороться, только.. профилактика, беседы проводить, допустим, объяснять девочкам так и так, что из этого может получиться: нежелательные беременности, болезни, то-то, то-то. А когда дни профилактики проводятся в школах выезжают врачи, дерматолог, допустим. Она со своей стороны им разъясняет, что может быть. Или врач-гинеколог ездит, она объясняет, что может еще быть. Вот так. Пока мы так боремся». (ПДН)

Итак, исследование показало, что специалисты системы социальной защиты несовершеннолетних признают существование проблемы подростковой проституции в своем районе. Однако они не стремятся объединять усилия для решения этой проблемы, предпочитая использовать «профилактические» стратегии, которые не позволяют снизить число подростков, вовлеченных в проституцию.

«Защитные» тактики подростков

Интервью с подростками, дали возможность посмотреть на проблему глубже, со стороны, недоступной для специалистов.

Например, исследование показало, что подростки, которых видят у дороги, не всегда вовлечены в проституцию. Девочка-информантка, которая, по мнению специалистов, вовлечена в проституцию, говорит, что разговоры, о том, что она оказывает сексуальные услуги — слухи: «Ну, бывает, что мы ездим на попутках, вот к друзьям. Они постоянно: «Вот, вы на дороге стоите. Намулевались как шлюхи и стоят попутку ловят!». У нас постоянно ругаются. Ну а мы постоянно ездим к друзьям, вот к мальчикам. Накрашенные же. Ну, мальчики же нас встречают. Или вот договариваемся где-то встретиться. Вот пошли наверно еще и из-за этого слухи. То, что вот вечером идем гулять, где-то часов в 6, и возвращаемся где-нибудь часов в 11. вот и получается такая вся фишка». (Девочка Вика, 15 лет)

Она часто ездит в другие поселки, в районный центр или Санкт-Петербург. Потому что, по ее словам, в поселке делать нечего. Средством транспорта, как правило, становится попутная машина, так как автобусы по району ходят редко. Поэтому, когда ее видят у дороги, делают вывод, что она вовлечена в проституцию.

Девочка имеет проблемы в школе. Ей не нравится школа потому, что в этом учебном году класс, в котором она училась, расформировали: «Там у нас класс как бы очень большой, нас совместили» (девочка Вика, 15 лет).

Поменялась программа обучения. Это привело к тому, что класс разделился на две группы — сильных и слабых учеников, между которыми возникли конфликтные отношения. Девочка предпочла бросить школу. Учителя ей предложили экстернат — каждую неделю сдавать зачеты по всем предметам. Но это не решило проблему.

Вовлеченная в уличную жизнь девочка рассказала, что нередко подростков в проституцию вовлекают знакомые, как правило, старшие и уже опытные проститутки. Вика поделилась историей, как Марина предлагала ей попробовать заработать денег: *«Я сначала вообще с ней общалась, как бы ничего не знала. А потом мне Машка говорит: «Меня Лиза с мужиком хотела познакомить». Я говорю: «Чего?». Она: «Ну, познакомить в интимном плане». Я говорю: «Ты что, дура?». И вот с тех пор мы больше с ней не общаемся».* (Девочка Вика, 15 лет)

Как правило, клиенты-мужчины приезжают на машинах, предварительно созвонившись с кем-либо из девочек. Приведу цитату из интервью с Викторией: *«И вот так вот она [Марина — прим. А.М.] часто, бывает, уходит, а бывает, что уйдет и ничего не скажет. И причем ей сначала на телефон кто-то звонит. И где-то через час-два она приходит, бывает, что через полчаса. Вот так вот она пропадает. Видимо, у нее там уже знакомых много, которые называют ей, чтобы встретиться».* (девочка Вика, 15 лет)

То есть, подростки прибегают к «защитным тактикам» — используют для общения с клиентами мобильный телефон, поэтому оказываются незаметными для специалистов системы защиты несовершеннолетних. Однако подростки знают о контроле. Основные их опасения от столкновения со специалистами различных учреждений системы защиты несовершеннолетних связаны с тем, что в поле зрения этих служб попадут их семьи, что родители будут приглашены на Комиссию по делам несовершеннолетних, а сами дети направлены в социально-реабилитационный центр. На практике такой сценарий может быть при условии, если семья будет поставлена на учет как «находящаяся в трудной жизненной ситуации». Причиной постановки на учет является целый комплекс проблем, с которыми столкнулась семья. В этом случае работа с несовершеннолетними и их семьями нацелена на преодоление трудной ситуации в целом, а не решение проблемы проституции.

Вывод

Итак, исследование подростковой проституции в сельской местности показало, что проблема существует. О ней говорят как специалисты систе-

мы защиты несовершеннолетних, так и подростки. Речь во всех интервью идет о придорожной проституции, в которую вовлечены девочки 13-16 лет. Несмотря на то, что сотрудники выделяют различные маркеры и места локализации подростковой проституции, приватная жизнь подростков оказывается для них недоступной сферой. Дефицит информированности о жизни подростков, знаний о проблеме и опыта ее решения приводит к тому, что специалисты принимают за проституток девушек, «стоящих у дороги», но выделить среди них подростков, а тем более доказать, что они вовлечены в проституцию, они не могут. В результате стратегии сотрудников учреждений носят профилактический характер.

В то же время подростки опасаются контроля. Они опасаются, что их семья попадет в поле зрения муниципальных служб, что может привести к различным санкциям, в том числе и к разлучению несовершеннолетних с родителями. Подростки прибегают к «защитным» тактикам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что минимальные мероприятия по снижению рисков вовлечения подростков в проституцию и латентные практики подростков, позволяют проблеме оставаться невидимой и соответственно неразрешенной.

Список литературы

- Федеральный закон №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г.
- Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 9 июня 1999 г.
- Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.
- Ковалев Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос. 1999.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

К вопросу об эволюции социальной коммуникации¹

Сегодня имеет смысл различать три основных вида социальной коммуникации: массовую, институциональную и межличностную. Каждый из видов имеет долгую историю, их взаимодействие, распространенность и социальные функции определяются общими особенностями того или иного типа социальной организации и технологическими условиями коммуникации.

Институциональная и межличностная коммуникация являются древнейшими видами социального общения. Уже в эпоху античности технический базис коммуникации был весьма развит: мы встречаем здесь наряду с личной и институциональной перепиской военные, торговые, религиозные, государственные информационные потоки, театр, празд-

---

¹ Настоящая статья В. Б. Голофаста является слегка откорректированным им текстом его статьи «Эволюция социальной коммуникации», представленной в сборник «Процессы массовой коммуникации в социалистическом обществе (теория и методы современного изучения массовой коммуникации и общественного мнения)». В этот сборник предполагалось включить сообщения, обсуждавшиеся на V советской-венгерской конференции по массовой коммуникации, состоявшейся в Ленинграде 11 мая 1984 года.

Основанием для данного заключения является хранящаяся в моем архиве Докладная записка профессора Б. Д. Парыгина, руководившего в то время одним из секторов Института социально-экономических проблем АН СССР.

Резко критикуя содержание и дух статьи Голофаста, Парыгин обильно цитировал те ее положения, которые, по его мнению, свидетельствовали об отходе Голофаста от марксизма и его увлечении рядом новых по тому времени концепций развития массовой коммуникации в мире. Сегодня сравнение отдельных фрагментов текста Голофаста в «записке» Парыгина с текстом публикуемой статьи позволяет однозначно идентифицировать ее как материал, входивший в названный сборник.

Столь нестандартный путь идентификации настоящего текста Голофаста обусловлен тем, что в соответствии с выводами Парыгина Дирекция ИСЭП АН СССР запретила публикацию сборника, а в силу стечения многих обстоятельств рукопись сборника была утеряна.

Описанная здесь история подробнее изложена в моей заметке: «Как это было — 2. Анатомия закрытия» (Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №6. С. 14–16.) Борис Докторов.

ничные массовые действия и развитые институты образования. В эти времена рукописные книги становятся первым массовым; средством коммуникации, — одновременно как анонимный компендиум общепользовательных сведений и как выражение профессионального или творческого потенциала автора. Как и любая другая предшествующая авторская форма культуры — сказание, скульптура, живопись или храм — книга предназначена для восприятия неопределенному кругу современников или будущих поколений. Ее революционное отличие — в информационной емкости, в технической основе трансляции содержания; в свободе его последующего преобразования и применения для социальных целей. С этих пор массовая коммуникация начинает участвовать в общей механизме трансляции культуры и выполнять оперативные социальные функции, хотя еще должно пройти много веков, пока массовая коммуникация займет положение особого вида социальной коммуникации. Общими функциями текстовых форм коммуникации становятся интеграция элитарных, а в последующем и любых прочих ценных элементов культуры, их создание, распространение и трансляция, сохранение во времени.

Наряду с предметами труда и быта, зданиями и памятниками, танцами и обычаями, фольклором и археологическими остатками цивилизации, формы социальной коммуникации — институциональной, межличностной и массовой — отныне формируют социо-культурное развитие и видоизменяются под влиянием социально-экономических, политических и т. п. факторов.

В децентрализованных институциональных структурах прошлого основные потоки сообщений принимают формы беспорядочной диффузии и упорядоченной локальной традиции (диффузии во времени, трансляции). Слабость технической основы обуславливает огромные потери инноваций, их многократное переоткрытие, высокую избирательность и одновременно крайнюю избыточность сообщений, мифологический тип интеграции всей культуры. С возникновением централизованных общественных структур усиливается регулирование диффузии между полюсами «центр — периферия» и «центр — центр». Потребности повышения эффективности диффузии стимулируют развитие технической основы коммуникации. Развитие разделения и кооперации труда, дифференциации и интеграции общественных функций и институтов приводит к отделению технической коммуникации от социальной, ставит процессы сохранения, создания и распространения культурных ценностей, а тем более всех сообщений, во всю большую зависимость от интересов центров власти.

Особенно усиливается этот процесс с установлением национальной государственности, которая кладет границу неупорядоченной диффузии и определяет масштаб интегративных процессов в институциональных структурах. С изобретением быстрых и экономичных способов размножения и транспортировки сообщений (книгопечатания, описания, а затем и проектирования стандартных предметов культуры, газеты, телефона, радио и т. д. и т. п.) функционирование любой институциональной структуры, любого общества становится невозможным без развитой информационной инфраструктуры. Это находит отражение в выделении в современной системе занятости первичной (средства производства), вторичной (потребления), третичной (услуги) и четвертичной (информация) сфер.

Последняя обслуживает социально-культурный процесс в целом. В той мере, в какой информационная инфраструктура в виде средств массовой коммуникации интегрирует институциональные и межличностные коммуникации, она является публичной, общедоступной, особым институтом общества, называемым в СССР системой массовой информации и пропаганды.

Подобно тому, как в связи с эволюцией институциональной структуры общества в целом принципиальны проблемы разделения труда, социальной организации (власти, неравенства), их социально-экономической основы (классовой борьбы и доминирования) и механизма развития (эволюции и революции), необходимо выявить и принципы теории социальной коммуникации¹. Направленная на выделение и удержание ценных элементов культуры, социальная коммуникация в классовом обществе становится инструментом регулирования отношений власти. В силу этих особенностей постепенно меняется соотношение между сохранением, трансляцией и размножением, диффузией и инновацией в социально-культурном механизме.

В типологической модели традиционного общества обычай, традиция, институт, сохраняя, транслируя и размножая культурные элементы диффузируют и изменяются эволюционно и анонимно под давлением новых социальных потребностей и возможностей. Последние процессы протекают медленно, малозаметно для чередующихся поколений. Новые социальные потребности блокируются подчас консервативными механизмами трансляции и интеграции культуры. Институциональная коммуникация

---

¹ Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Т.Ш, Л.-Будапешт, 1981. С. 12-14, 15-18 и др.

является основной формой, а межличностной достаются лишь функция облегчения вхождения в культуру и адаптация к господствующему традиционализму.

Чем быстрее институциональные, а затем и массовые средства превращаются в оперативные инструменты органов общественного управления, тем активнее становятся процессы диффузия, размножения и инновации в механизме эволюции культуры, тем чаще инновации теряют анонимность, приобретают авторство и локализацию, тем быстрее межличностная коммуникация подключается к творческой лаборатории культуры, тем резче проводится граница между ценными элементами культуры и продуктами цивилизации, теряющими или утратившими позитивное значение, выпадающими из процесса трансляции.

С другой стороны, чем выше техническое совершенство средств коммуникации, тем проще они могут использоваться на пользу или во вред различным социальным силам, тем более вероятно отчуждение микрокосма межличностной коммуникации от макрокосма социальной коммуникации в целом или подчинение его давлению прочих форм коммуникации.

Так в эволюции социальной коммуникации устанавливаются основные тенденции, механизмы и движущие силы. Развитие отношений власти преобразует институциональную структуру, подчиняясь логике изменения производительных сил и производственных отношений, расстановке классовых сил и политико-идеологической борьбе. Интересы классовых сил преобразуют соотношение трансляции и инновации в культуре, консервативного сохранения одних элементов и прогрессивного продвижения других. Сравнительно непрерывное техническое развитие средств коммуникации характеризуется все более частыми техническими революциями, распространением, укреплением или ослаблением всего многообразия технической основы коммуникации. Социально-экономические условия и политическая атмосфера стимулируют или тормозят, блокируют технические возможности коммуникации.

В до классовом обществе интеграция социальной коммуникации осуществляется стихийно на институциональной основе, а массовая коммуникация имеет подчиненное служебное значение. С развитием отношений власти и поляризацией классовых сил намечается разрыв в институциональной структуре и новые функции межличностной коммуникации. Меняется способ интеграции социальной коммуникации в целом. Все более частое использование средств массовой коммуникации есть проявление активности субъективного фактора как со стороны органов управления,

так и со стороны населения, межличностной коммуникации как концентрированного выражения господствующих социальных сил, так и со стороны населения, межличностной коммуникации, как элементарного уровня проявления субъективного фактора в обществе. Массовая коммуникация становится посредником в интеграции изменившейся институциональной коммуникации и все более общественно ориентированной межличностной коммуникации. Разумеется, эти процессы в решающей степени зависят от типа классового устройства и общего технологического уровня средств коммуникации.

По мере дифференциации институциональной стриктуры обостряется проблема централизации и децентрализации управления и разделения его функций. Новые способы отправления власти ставят ее во все большую зависимость от информации и от ее способности информационно влиять на управляемые системы.

Технические революции и блокировки (кризисы) в системе социальной коммуникации наблюдались неоднократно. Опять-таки: книгопечатание, почта, телефон, газета, фото, кино, радио, пластинка, телевидение, библиотека, кассета, видеодиск, спутник, компьютер, информационный банк — как примеры революций; бюрократизация социальных институтов, массовая неграмотность, высокая стоимость новых технических средств, мировое коммуникационное неравенство или политические препятствия — вот примеры блокировок. Революции и блокировки создают новые или консервируют старые условия и формы коммуникации. Однако в целом до сих пор судьба технических средств решается в социально-экономических и политико-идеологических сферах. Это касается как социального статуса коммуникатора и реципиента, так и решающих особенностей содержания сообщений¹.

Межличностная коммуникация — необходимое звено в любой системе социальной коммуникации, она естественно существует внутри, вне и помимо институциональных структур. Ее фундаментальная особенность состоит в том, что коммуникативные роли участников легко становятся симметричными и единственными основаниями социального взаимодействия. Эта ситуация не типична для институциональной коммуникации, где отношения подчинены внешним ролевым соображениям и иерархичны, несимметричны по структуре. В массовой коммуникации несимме-

---

¹ Golofaat V.B., Tolokontsev N.A. Way of life model in communication theory // Social role of mass communication. Tampere, 1982, pp. 9–25.

тричность ролей коммуникатора и реципиента является практически абсолютной. Таковы, например, различия отношений родитель — ребенок (межличностная коммуникация), учитель — ученик (институциональная), телевидение — школьник (массовая).

Одно из важнейших социальных качеств личности — ее внутренний жизненный мир — может создаваться, воспроизводиться, развиваться только в форме межличностной коммуникации (и лишь в зрелой форме также и в виде самокоммуникации и продуктивной и творческой деятельности).

Социальной формой межличностной коммуникации являются первичные группы и отношения, которые со времени появления личности становятся местом раскрытия и формирования ее жизненного мира. В институциональной среде первичные отношения распространяются только по горизонтали, в силу асимметричности любых вертикальных отношений по определению. Между тем растущая самостоятельность социальной ориентации личности требует информационного выхода как в институциональную, так и в массовую коммуникацию (обратный поток сообщений).

Отсюда механизмы двухступенчатой коммуникации, противопоставленности формальных и неформальных структур, конфликта личной и институциональной лояльности в отношениях, стереотипности социального восприятия ролей коммуникатора и реципиента за пределами личных отношений. Отсюда фундаментальное значение дружбы, семьи, товарищества, коллегиальных отношений как социальных катализаторов эффективности коммуникации. Первичные отношения являются экраном, барьером, селектором, усилителем любых форм массовой и институциональной коммуникации. Наряду с этим межличностная коммуникация сохраняет эффективность, недостижимую в любых других формах коммуникации.

Межличностные связи иногда называют «слабыми» связями в сопоставлении с другими формами социальной связи¹. Но их устойчивость, сопротивляемость помехам поразительна. Сила слабых связей есть сила общественной интеграции. Не случайно их разрушение Э. Дюркгейм считал одной из ведущих предпосылок самоубийства, физического разрушения личности, дезинтеграции общества.

---

¹ Granovetter M. The strength of Weak Ties. — Amer. Jour. of Sociol., 1973, vol.78, pp.1360–1380.

Соотношение институциональной и массовой коммуникации вполне ясно в рамках классовой теории (кто и в каких интересах контролирует использование массовых и институциональных средств коммуникации).

Соотношение межличностной и прочих форм коммуникации является ключом к проблеме эффективности системы социальной коммуникации в целом.

На протяжении практически всей истории институциональные коммуникации доминировали в системе социальной коммуникации (церковь, государство, система образования, политические партии ж т.д.). С развитием личности, индивидуализацией образа жизни и социальных ролей, с изобретением новых технических средств структура коммуникации стала более сложной, а интеграция всех информационных потоков превратилась в новую социальную проблему. Уже в институциональной коммуникации, где основной поток сообщений двигался сверху вниз, обратная связь была нелегкой проблемой, и требовался переход от межличностной коммуникации к массовым социальным движениям, чтобы обнаружилось ее значение в интеграции общества и в его развитии. Когда массовая коммуникация развилась наряду с институциональной, эффект сообщения или потока стал еще более неопределенным. Активность личности и своеобразие коммуникации на уровне первичных отношений — «другой ряд факторов» который структурно предопределяет неожиданные эффекты коммуникации, не соответствующие ни замыслам, ни теориям коммуникатора о поведении реципиента в аудиторий. Бумеранговый эффект игнорирование многократно повторяемых сообщений, паника и слухи, снижение доверия к массовым сообщениям, перепроверка, сопоставление каналов и выявление различий и т. п. не могут быть нейтрализованы никакими ухищрениями информационной или пропагандистской техники. Разумеется, основа сопротивляемости унифицирующему влиянию — устойчивые формы социальной и институциональной дифференциации, различие групповых и индивидуальных интересов. Итак, несмотря на техническое развитие средств, подсистемы социальной коммуникации сохраняют свою автономию.

Чтобы убедиться в эффективности своей деятельности, прогнозировать и управлять коммуникационным процессом, нет другого пути, кроме прямого зондажа межличностной коммуникации, жизненного мира людей. Так возникают структурные предпосылки формирования четвертой подсистемы в механизме социальной коммуникации — подсистемы общественного мнения, его исследования и выражения. Не совпадая ни с

массовой, ни с межличностной или институциональной коммуникацией, она открывает окно для наблюдения общего состояния коммуникативного процесса, как результата взаимовлияния между этими силами, и становится составной частью вначале механизма управления, а затем и эволюции коммуникативного механизма общества в целом. Возникнув в сфере рынка и политики (в непосредственной близости от основных детерминант социальной коммуникации), исследования общественного мнения имеют тенденцию к универсализации содержания. И в этом они повторяют историю развития прочих видов социальной коммуникации.

При капитализме система общественного мнения остается в своем служебном положении к политическим и экономическим институтам. Техническое развитие коммуникации подчиняет его динамику и структуру интересам господствующих классовых сил. Особым препятствием эффективности общественного мнения при капитализме является всепроникающий характер рыночных отношений, в том числе и коммерциализация массовой коммуникации, растущая роль межнациональных корпораций в развитии ее средств, в контроле содержания сообщений и в деформации ее социальных функций.

Социализм дает простор формированию, выражение, возрастающей роли общественного мнения на всех уровнях общественного управления и во всех звеньях социально-культурного процесса.

Развитость общественного мнения (выражение, гласность, роль в общественном развитии) и уровень исследований (количественная оценка, дифференцированность по содержанию, систематичность, долговременность) становятся показателями развития социальной коммуникации и структуры общества как целого. Общественное сознание приобретает особый уровень и качество — дальнейшее развитие общественного самосознания.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андропова Елена Михайловна, Тула

Арзамасцева Анна,

Беспалова Юлия Михайловна, д.с.н., Тюмень

Божков Олег Борисович, Старший научный сотрудник, руководитель группы Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Социально-культурные изменения, история социологии, методология и методика исследований, биографические методы

Бороздина Екатерина ЕУ в СПб. Сфера научных интересов: гендерные исследования, репродуктивное поведение, учреждения здравоохранения.

Бурмыкина Ольга Николаевна Кандидат социологии, старший научный сотрудник Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Проблемы семьи, молодежь, Гендерные проблемы

Винер Борис Ефимович К.и.н. СИ РАН. Сфера научных интересов:

Галиндабаева Вера, ЕУ в СПб, Сфера научных интересов: социальная защита, социология детства, гендерные исследования

Гегер Алексей Эдуардович Аспирант СИ РАН. Сфера научных интересов: Молодежь, ценности

Гегер Светлана Александровна М.н.с. СИ РАН. Сфера научных интересов: Экология

Глотов Михаил Борисович д.ф.н., преподаватель. Сфера научных интересов: История социологии, социология культуры

Гольбрайх Владимир Бениаминович Младший научный сотрудник Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Экология, экологические движения.

Горюнов Павел студент СПб ГУКИ. Сфера научных интересов:

Готлиб Анна Семеновна доктор социологии, профессор Самарский государственный университет. Сфера научных интересов: Качественные методы

Дивисенко Константин Сергеевич Младший научный сотрудник сектора группы социально-культурных изменений и биографического фонда Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Ценности и ценностные ориентации и, биографические методы

Докторов Борис Зусманович Доктор философских наук, независимый исследователь — социолог США. Сфера научных интересов: История российской и американской социологии, биографические методы, общественное мнение.

Евдокимова Елена Петровна Научный сотрудник СИ РАН. Сфера научных интересов: Образ жизни, повседневность, социальное неравенство

Елисеева Ирина Ильинична чл.-корр РАН, д.э.н., профессор, директор Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Проблемы семьи, детство, прародительство, демография

Еремичева Галина Васильевна Кандидат философских наук, зав. сектором Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов:

Ерофеева М.А. студент СПб ГУ. Сфера научных интересов:

Загребина Анна Валерьевна кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы. Сфера научных интересов:

Звоновский В.Б. К.с.н. Самара. Сфера научных интересов:

Земнухова Л.В. Аспирант СИ РАН. Сфера научных интересов:

Иванов Дмитрий Вячеславович Д.с.н. СПб ГУ. Сфера научных интересов:

Ильин Владимир Иванович Д.с.н., СПб ГУ Санкт-Петербург СПб ГУ. Сфера научных интересов:

Игнатова Светлана Николаевна Научный сотрудник СИ РАН. Сфера научных интересов: Повседневность, социальное неравенство, социология села. Качественные методы

Исайчева Нина Дмитриевна Тула

Исакова Карина Аспирант СИ РАН. Сфера научных интересов:

Козлова Лариса Алексеевна Кандидат социологии, зав. сектором социологии знания Институт Социологии РАН, Москва. Сфера научных интересов: Социология знания, история российской социологии

Коленникова Ольга Александровна кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, Москва. Сфера научных интересов: экономическое поведение, трудовая мобильность и карьера, социальные проблемы на промышленных предприятиях, социальная безопасность населения.

Корнев Николай Ростиславович кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Жилищные проблемы, социальное неравенство

Корниенко Алла Владимировна М.н.с. СИ РАН. Сфера научных интересов:

Коростышевская П. Р. студент СПб ГУКИ. Сфера научных интересов:

Кудряков Илья студент СПб ГУКИ. Сфера научных интересов:

Лолло Анастасия Аспирант СИ РАН. Сфера научных интересов:

Мазалова Наталья Евгеньевна К.и.н., ст. научный сотрудник МАЭ РАН.

Сфера научных интересов: Этнография

Максимов Борис Иванович к.ф.н, ведущий научный сотрудник Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Социология труда, инновационные процессы

Милая Анастасия СПб ГУ ВШЭ. Сфера научных интересов: гендерные исследования, учреждения здравоохранения.

Мищенко Александр Сергеевич ст.н.с. Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Социология науки, процессы инноватики

Нечаева Наталья Александровна Научный сотрудник Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Семья, молодежь, ценностные ориентации.

Озерова Ольга Владимировна м.н.с. сектора социологии здоровья Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Социальные проблемы здоровья

Парфенова Оксана Студент ЕУ в СПб. Сфера научных интересов: меньшинства, социология культуры, гендерные исследования.

Порецкина Евгения Моисеевна Научный сотрудник СИ РАН. Сфера научных интересов: Повседневность, социальное неравенство

Протасенко Татьяна Захаровна Старший научный сотрудник группы социально-культурных изменений и биографического фонда Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Динамика благосостояния, кризисные ситуации, биографии, мониторинг благосостояния

Рапопорт Сергей Самуилович Социолог, научный сотрудник Институт философии и социологии Литовской академии наук, Вильнюс. Сфера научных интересов: Интеллигенция, социальная структура

Сергеев Владимир Научный сотрудник СПб, СНИЦ. Сфера научных интересов: Теория и методология

Сымонович Чеслав Эрастович К.и.н. СПб, Союз ученых. Сфера научных интересов: История и социология поколений

Темкина Анна Адриановна Д.с.н. ЕУ в СПб. Сфера научных интересов: Гендерные исследования

Травин Игорь Иванович К.ф.н, ведущий научный сотрудник СИ РАН. Сфера научных интересов: Городской образ жизни, повседневность, технологические факторы социального развития

Тукумцев Будимир Гвидонович к.ф.н., ведущий научный сотрудник Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Социология труда, инновационные процессы

Тулчинский Григорий Львович Д.ф.н., профессор СПб Ф ГУ ВШЭ. Сфера научных интересов:

Туровец Мария Валерьевна Студентка магистратуры Факультет социологии СПб ГУ. Сфера научных интересов:

Цветаева Нина Николаевна Научный сотрудник группы социально-культурных изменений и биографического фонда Социологический институт (СИ) РАН. Сфера научных интересов: Качественные методы, социально-культурные изменения, повседневность

Цепилова Ольга Дмитриевна К.с.н., с.н.с., руководитель группы СИ РАН. Сфера научных интересов: Социальные проблемы экологии

Шпаковская Лариса ЕУСПб, ГУ-ВШЭ (СПб) . Сфера научных интересов: гендерные исследования, молодежь.

Штейнберг Илья Ефимович к.ф.н., директор СарРОО «Социум», Москва. Сфера научных интересов: методология и методика качественных методов исследования, социальные сети поддержки, социология села, социология латентных групп

Щелкин Александр Георгиевич Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Социологический институт (СИ РАН) . Сфера научных интересов: История социологии, методология исследований